ДЕЛО СОВЕСТИ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ДЖЕЙМС БЛИШ

Дело совести

Джеймс Бенджамен Блиш

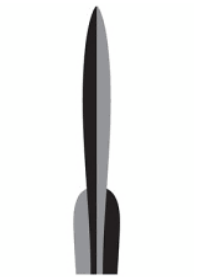
Аннотация
Джеймс Блиш. Дело совести
  ДЕЛО. СОВЕСТИ
    Предисловие ко второму изданию
    Книга первая
    Книга вторая
    Приложение. О планете лития
  ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ
    Программа «Семя»
    Книга законов
    ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ
      Пролог
      Этап первый
      Этап второй
    Водораздел
  КОЗЫРНОЙ. ВАЛЕТ
    Глава 1. Шепот из-под земли
    Глава 2. Увольнение
    Глава 3. Здравствуйте, доктор Фрейд
    Глава 4. Туман в хрустальном шаре
    Глава 5. Медиум
    Глава 6. Обучение неофита

Глава 7. Звонки и ответы на них
Глава 8. Эксперимент
Глава 9. На пределе сил
Глава 10. ПАСТОРАЛЬ
Глава 11. Эксперты
Глава 12. Удар молнии
Глава 13. Козырной король
Глава 14. Козырной туз
Глава 15. Шесть дней в будущем
Глава 16. Тодд
Глава 17. Марла
ЧЕРНАЯ ПАСХА
Предисловие автора
Приготовление
Первый заказ
Три сна
Последнее колдовство
День после Светопреставления
В Средний Ад
Сокрушение Небес
Занавес. Послесловие автора
ПРОИЗВЕДЕНИЕ. ИСКУССТВА
Ни железная решетка…
Произведение искусства
Расплата
Сигнал

ВОСПАЛЕНИЕ СОВЕСТИ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ПОЛЮСОВ

Аннотация

1959 — премия Хьюго в номинации «Лучший роман» («Дело совести», англ. A Case of Conscience).



Джеймс Блиш (1921–1975) — классик «золотого века» американской фантастики, оказавший огромное влияние на развитие жанра и навсегда оставшийся одной из ярчайших фигур этого жанра.

В данную книгу вошло «лучшее из лучшего» в творческом наследии Блиша: удостоенный премии «Хьюго-59» роман «Дело совести» — одна из первых научно-фантастических книг, исследующих религиозные пробле-

мы, — «пантропический» цикл «Сеятели для звезд», из которого российскому читателю знакома лишь повесть «Поверхностное натяжение», а также романы «Козырной валет» и «Черная Пасха».

Джеймс Блиш
Дело совести

JAMES
BLISH

ДЕЛО СОВЕСТИ

Посвящается Ларри Шоу

Поведаю я диспозицию уличную Рима со дня основания города сего… а во второй части поведаю вам я о святости места сего наихристианнейшего. Лишь то запечатлит перо мое, что в хрониках нахожу или что собственными зрил очами.

Джон Кэпгрейв. «Услада паломникам» [1]

Человек задумается, единственно если вое препятствовать ему действовать.

Жан Жак Руссо

---

[1] Примечания: 1

Эпиграф из Кэпгрейва и посвящение фигурируют только в первом издании романа; соответственно, эпиграфы из Руссо и Хэрда (см. ниже) — во втором и последующих изданиях. Джон Кэпгрейв (1393–1464) — английский историк, теолог, агиограф и комментатор Библии; наиболее известен как автор «Хроники Англии» — важного источника по истории царствования Генриха IV (1366–1413). «Услада паломникам» — путеводитель по Риму (для паломников). *(Здесь и далее, кроме приложения — прим. пер.)*

Человек созидает, единственно если свершение действия прибавляет к его загадке.

Джеральд Хэрд

Предисловие ко второму изданию

Роман этот не о католицизме, но поскольку главный герой его — католический теолог, то книга неизбежно содержит ряд моментов, довольно болезненных для приверженцев католического и (в меньшей степени) англиканского вероисповедания. Читатели же, лишенные доктринальных предубеждений, вряд ли вообще обратят на эти моменты особенное внимание — не говоря уж о том, чтобы вознегодовать.

При написании романа я предполагал, что как обряды, так и вероучение римской католической церкви в течение века претерпят определенные метаморфозы, существенные и не очень. Публикация книги в Америке показала, что католики не имели бы ничего против моего Басрского Собора, против того, как я воспроизвел всю небезызвестную изящнейшую дискуссию, с пупков начиная и геолого-палеонтологическими данными заканчивая, и как разделался с тонзурой; но по двум позициям они не позволили бы мне хоть на шаг отступить от того, что можно найти в «Католической энциклопедии» 1945 года издания. (Ни один ученый до сих пор почему-то не возмутился тем, как я разделался к 2045 году с частной теорией относительности.) И вот о каких позициях речь.

Первое. Я предположил, что к 2050 году об-

ряд экзорцизма станет анахронизмом далекого средневековья, и даже в духовных семинариях обучать ему будут лишь формально — настолько, что изгонять беса не придет в голову даже иезуиту; особенно в ситуации, когда экзорцизм приходит на ум в последнюю очередь, да и вообще едва ли уместен. Но даже в наше время не-католики, как правило, не верят, что церковь до сих пор практикует экзорцизм; он кажется примитивней и утрированнее даже рясы и тонзуры, чья родословная также восходит к XIII веку. Тогда же, например, было принято звонить в специальным образом освященные колокола, дабы разогнать грозовые тучи; это больше не практикуется, а потому, на мой взгляд, более чем допустимо предположить, что к 2050 году экзорцизм станет обрядом столь же рудиментарным.

Второе. Я предположил, что к 2050 году достаточно осведомленный мирянин будет вправе соборовать — как, например, в наше время крестить. Разумеется, сегодня это еще не так — и, надеюсь, мое раздражение критиками, полагающими, якобы по лености своей я считаю, будто все уже обстоит именно так, простительно. Эти любители от теологии забывают, что поначалу ни одно из таинств не могло отправляться

иначе как священнослужителем; и тот факт, что соборование поныне пребывает в той же категории, — отнюдь не данность, а результат упорной борьбы, что ведется церковью вот уже немало веков. Аналогичная борьба, только по поводу крещения, была незамедлительно проиграна, и поражение это было неизбежно во времена, когда численность населения мала, смертность высока, а эпидемии часты — так что приходится признать драгоценность каждой души с момента появления на свет. Сегодня и (к моему величайшему опасению) завтра нашему перенаселенному неомальтузианскому миру с нашим коллективным ангелом смерти — бескрылым, безликим и с очень длинными руками — грозят жертвы столь массовые, что никакой популяции священнослужителей не отпеть всех безвременно усопших; а поскольку я все же считаю церковь учреждением, в основе своей скорее милосердным (хотя зачастую может показаться и наоборот), то предположил, что к 2050 году в вопросе о соборовании та пойдет на уступки.

Разумеется, любой вправе не согласиться с моей логикой; надеюсь только, мне не будут приводить в пример доктрину 1945 года как самодостаточную вплоть до 2050-го.

Многие из писавших мне считают, что заключению главного героя о природе Литии вовсе не обязательно полагалось быть именно таким; но мне было лестно получить несколько писем от теологов, осведомленных — очевидно, в отличие от большинства моих корреспондентов — о нынешней позиции католической церкви в вопросе о множественности миров. (Как обычно, церковь как институт куда дальновидней большинства своих отдельно взятых приверженцев.) Вместо того, чтобы оправдывать прорыв в моем герое манихейства — причем словами в основном его же собственными, — я позволю себе сослаться на мнение мистера Джеральда Хэрда, лучше всех подытожившего ситуацию (чего и следовало ожидать от писателя столь талантливого, да еще теологически образованного).

Если — как предполагает ныне большинство астрономов, и среди них иезуиты — существует множество планет, на которых есть разумная жизнь, «любая из таких планет (в Солнечной системе или за ее пределами) должна относиться к одной из трех категорий:

а) Планета населена существами разумными, но душой не наделенными; следовательно, обращению в истинную веру те не подлежат, но

отношение к ним сочувственное.

б) Планета населена существами разумными, наделенными душой и падшими вследствие греха первородного, но не всенепременно родового; следовательно, те подлежат обращению в истинную веру, причем с чрезвычайным миссионерским милосердием.

в) Планета населена существами разумными и наделенными душой, но не ведавшими грехопадения; следовательно, те:

1) населяют безгрешный мир-рай;

2) значит, входить в контакт с ними должно не с целью пропаганды, а дабы вызнать (о чем мы можем только догадываться), как живут существа, не лишавшиеся благодати, в абсолюте наделенные всеми достоинствами, бессмертные и совершенно счастливые, ибо непрерывно сознают Божественное присутствие и сопричастность».

По-моему, нельзя не заметить (вслед за Руис-Санчесом), что Лития не относится ни к одной их этих трех категорий; отсюда и все нижеследующее.

Автор же, хотелось бы добавить, вообще агностик и какой-то определенной позиции в данном вопросе не придерживается. Замысел его заклю-

чался в том, чтобы написать о человеке, а не о вероучении.

Джеймс Блиш, «Эрроухэд».

Милфорд, Пенсильвания, 1958 г.

Книга первая

I

Каменная дверь оглушительно хлопнула. Это мог быть только Кливер; не нашлось еще двери столь тяжелой или хитроумно запирающейся, чтоб он не сумел хлопнуть ею с грохотом, предвещающим Судный день. И ни на одной планете во всей Вселенной не было атмосферы столь плотной и влажной, чтобы грохот этот приглушить — даже на Литии.

Отец Рамон Руис-Санчес, уроженец Перу, строго блюдущий четыре полагающихся иезуитскому монашеству обета, продолжал чтение. Сколько еще пройдет, пока нетерпеливые пальцы Пола Кливера управятся со всеми застежками лесного комбинезона… а проблема-то тем временем остается. Проблеме уже больше века от роду — впервые сформулирована в 1939 году, но церкви до сих пор как-то не по зубам. И дьявольски

сложна (наречие из официального лексикона, подобранное буквалистски точно и понимания требующее буквального). Даже роман, в котором она выдвигается, внесен в «индекс экспургаториус»[2] и доступен духовным изысканиям Руис-Санчеса только благодаря принадлежности к ордену.

Он перелистнул страницу, краем уха слыша топот и бормотание в тамбуре. Текст тянулся и тянулся, становясь чем дальше, тем запутаннее, зловещее, неразрешимее.

> «…Маграви́й угрожает Аните домогательствами Суллы — дикаря-ортодокса (и главаря дюжины наемников, сулливани), желающего свести Фелицию с Григорием, Лео Вителлием и Макдугаллием, четырьмя землекопами, — если Анита не уступит ему, Маграви́ю, и не усыпит в то же время подозрений Онуфрия тем, что станет исполнять с ним супружеский долг, когда последний того пожелает. Анита, заявляющая, будто обнаружила кровосмесительные посягательства Евге-

[2] Примечания: 2

Index Expurgatorius (лат.) — «очистительный список» (список литературы, запрещенной католической церковью).

ния с Иеремией…»

Тут он опять потерял нить. Евгений с Иеремией… А, да — в самом начале они упоминались как «филадельфийцы», адепты братской любви (и тут очередное преступление кроется, двух мнений быть не может), состоявшие в близком родстве и с Фелицией, и с Онуфрием; последний — муж Аниты и, очевидно, главный местный злодей. К Онуфрию же, кажется, вожделел Маграви, подстрекаемый домогаться Аниты рабом Маурицием — похоже, с потакания самого Онуфрия. Правда, Анита прослышала об этом от своей камеристки, Фортиссы, что сожительствовала (по крайней мере когда-то) с Маурицием и имела от него детей — так что подходить к изложенной истории следовало с особой осторожностью. Да и вообще, признание Онуфрия, с которого все началось, было исторгнуто под пыткой — которой он, правда, согласился подвергнуться добровольно; но все же под пыткой. Что до связи Фортисса — Маурициий, та представлялась еще гипотетичней; собственно, это не более чем предположение комментатора, отца Уэйра…

— Рамон, помоги, пожалуйста, — позвал вдруг Кливер. — Мне тут не распутаться и… нехорошо.

Биолог-иезуит отложил роман и, встревоженный, встал: от Кливера подобных признаний слышать еще не доводилось.

Физик сидел на плетеном тростниковом пуфе, набитом мхом наподобие земного сфагнума, и пуф трещал под его весом. Из комбинезона Кливер выбрался только наполовину, а бледное лицо сплошь покрывали бисеринки пота, хотя шлем уже валялся в стороне. Короткие, мясистые пальцы неуверенно теребили молнию, застрявшую между слоями стекловолокна.

— Пол! Ну что ж ты сразу не сказал, что заболел? Отпусти молнию, так еще больше клинит. В чем дело?

— Сам не знаю, — тяжело выдохнул Кливер, но молнию выпустил. Руис-Санчес присел рядом на корточки и принялся вправлять бегунок на место, зубчик за зубчиком. — Забрел в самую гущу джунглей, искал там новые выходы пегматита. Была у меня одна давняя мысль, насчет лоцман-травы… ну, которая растет там, где много трития… в промышленных масштабах.

— Не дай-то Бог, — пробормотал под нос Руис-Санчес.

— Чего? В любом случае, все без толку… ящерицы одни, попрыгунчики там, всякая обычная

нечисть. А потом напоролся… на ананас, что ли… и один шил проткнул комбинезон… и оцарапал. Я было подумал, ничего серьезного, но…

— Зря, что ли, мы паримся в этой стеклодряни? Ну-ка, посмотрим, что там у тебя такое. Давай, подними ноги, снимем сапоги… Ого, где это тебя так…? Да, смотрится, надо сказать, впечатляюще. На что еще жалуемся?

— Саднит во рту.

— Открой, — скомандовал иезуит.

Когда Кливер подчинился, стало ясно, что жалобу его смело можно считать преуменьшением года: всю слизистую обсыпали пренеприятные на вид и наверняка весьма болезненные язвочки с четко очерченными — будто крошечными формочками для печенья — краями.

От комментариев биолог воздержался и постарался придать лицу выражение, вербально формулируемое словами вроде: «Можете идти». Если физику непременно нужно преуменьшать серьезность недомогания, Руис-Санчес ничего не имеет против. Не стоит на чужой планете лишать человека привычных защитных механизмов.

— Пошли в лабораторию, — сказал Руис-Санчес. — У тебя там какое-то воспаление.

Кливер поднялся и, не слишком твердо ступая,

проследовал за иезуитом. В лаборатории Руис-Санчес снял с нескольких язвочек мазки, растер по предметным стеклам и погрузил в краситель. Пока шло окрашивание по Грамму, он убивал время, отправляя старый ритуал: фокусировал зеркальце микроскопа на блестящем белом облаке за окном. Когда прозвенел таймер, Руис-Санчес взял первое стекло, промыл, прокалил, высушил и вставил в держатель.

Как он и опасался, бацилл и спирохет, характерных для обычной язвенно-некротической ангины Венсана — на которую указывала вся клиническая картина и которая прошла бы за ночь после таблетки спектросигмина, — биолог увидел в окуляр всего ничего. Микрофлора рта у Кливера была в порядке, разве что несколько активизировалась из-за воспаления.

— Сделаю-ка я тебе укол, — мягко произнес Руис-Санчес — А потом давай-ка сразу на боковую.

— Вот уж дудки, — отозвался Кливер. — У меня и так дел, наверно, раз в десять больше, чем можно разгрести, и то если ни на что не отвлекаться.

— Болезнь всегда не вовремя, — согласился Руис-Санчес. — Но если с работой и так завал, один-два дня погоды не сделают.

— А что у меня? — спросил с подозрением

Кливер.

— Ничего, — едва ли не с сожалением отозвался Руис-Санчес — В смысле, ничего инфекционного. Но «ананас» крепко тебе удружил. На Литии почти у всех растений этого семейства листья или шипы покрыты ядовитыми для нас полисахаридами. Гликозид, который сегодня тебя подкосил, судя по всему, ближайший родственник того, который встречается в нашем морском луке. Короче, по симптомам оно у тебя сильно напоминает язвенно-некротическую ангину, только протекает гораздо тяжелее.

— И надолго это? — поинтересовался Кливер. По привычке он артачился, но явно уже намеревался пойти на попятную.

— На несколько дней — пока не выработается иммунитет. От гликозидного отравления я тебе вколю специальный гамма-глобулин; на какое-то время полегчает, а там и свои антитела вырабатываться начнут. Но пока суд да дело, Пол, лихорадить будет сильно; и мне придется держать тебя на антипиретиках — в здешнем климате лихорадка смертельно опасна… в буквальном смысле.

— Знаю, знаю, — проговорил Кливер уже спокойно. — И вообще, чем больше узнаю об этой

планете, тем менее склонен голосовать «за», когда дело дойдет до голосования. Ну, где там твой укол — и аспирин? Наверно, мне надо бы радоваться, что это не бактериальная инфекция — а то змеи тут же напичкали бы меня своими антибиотиками под завязку.

— Вряд ли, — отозвался Руис-Санчес — Не сомневаюсь, у литиан найдется более чем достаточно лекарств, которые нам, в конечном итоге, сгодятся — но разве что в конечном итоге; а пока можешь расслабиться — их фармакологию нам еще предстоит изучать с азов. Ладно, Пол, шагом марш в гамак. Минут через десять ты пожалеешь, что не умер прямо на месте, это я тебе обещаю.

Кливер криво усмехнулся. Покрытое бисеринками пота лицо под грязно-светлой шапкой густых волос даже сейчас казалось высеченным из камня. Он поднялся и сам, демонстративно, закатал рукав.

— А уж как проголосуешь ты, можно не сомневаться, — заметил он. — Тебе ведь нравится, эта планета, да? Настоящий рай для биолога, как я погляжу.

— Нравится, — подтвердил священник, улыбаясь в ответ.

Кливер направился в комнатушку, служившую

общей спальней, и Руис-Санчес последовал за ним. Если не считать окна, комнатушка сильно смахивала на внутренность кувшина. Плавно изогнутые, без единого стыка стены были из какого-то керамического материала, который никогда не запотевал и не казался на ощупь влажным; но и совсем сухим, впрочем, тоже. Гамаки подвешивались к крюкам, врастающим прямо в стены, словно весь домик, с крюками вместе, был целиком вылеплен и обожжен из единого куска глины.

— Тут явно не хватает доктора Мейд, — произнес Руис-Санчес. — Она была бы в полном восторге.

— Терпеть не могу, когда женщины лезут в науку, — невпопад отозвался Кливер со внезапным раздражением. — Никогда не поймешь, где у них кончаются гипотезы и начинаются эмоции. Да и вообще, что это за фамилия — Мейд?

— Японская, — ответил Руис-Санчес. — А зовут ее Лью. Семья следует западной традиции и ставит фамилию после имени.

— А… — так же внезапно Кливер потерял к вопросу всякий интерес — Собственно, мы говорили о Литии.

— Ну, не забывай, до Литии я вообще никуда не

летал, — проговорил Руис-Санчес — Подозреваю, я был бы в восторге от любой обитаемой планеты. Бесконечная изменчивость форм жизни, вездесущая изощренность… Удивительно… Полный восторг.

— И чем тебе мало… изменчивости с изощренностью? — поинтересовался Кливер. — Зачем еще Бога примешивать? Смысла, по-моему, никакого.

— Наоборот, только это и придает смысл всему прочему. Вера и наука отнюдь не исключают друг друга — совсем наоборот. Но если во главу угла поставить научный подход, а веру исключить вовсе, если встречать в штыки все, что строго не доказуемо, то не останется ничего, кроме череды пустых телодвижений. Для меня заниматься биологией — это… все равно, что свершать религиозный обряд, ибо я знаю, что все сущее сотворено Богом, и каждая новая планета, со всем, что на ней, это очередное подтверждение Его всемогущества.

— Человек убежденный, одно слово, — пробормотал Кливер. — Как и я, впрочем. К вящей славе человека, вот как я сказал бы.

Он грузно растянулся в гамаке. Выдержав для приличия паузу, Руис-Санчес взял на себя смелость уложить на сетку свесившуюся наружу — вероятно, по забывчивости — ногу. Кливер

ничего не заметил. Начинал действовать укол.

— Абсолютно согласен, — сказал Руис-Санчес. — Но это лишь полцитаты. Кончается же так: «…и к вящей славе Божией»[3].

— Только проповедей не надо, святой отец, — встрепенулся Кливер и добавил тоном ниже: — Прости, я не хотел… Но для физика это не планета, а сущий ад. Принеси все-таки аспирин. Меня знобит.

— Конечно.

Руис-Санчес поспешно вернулся в лабораторию, смешал в изумительной литианской ступке салицилово-барбитуратную пасту и сформовал таблетки. (В здешней влажной атмосфере хранить таблетки невозможно; слишком они гигроскопичны.) Жалко, не поставить на каждую клейма «Байер» (если панацеей для Кливера является аспирин, пусть лучше думает, будто его и принимает) — где же тут возьмешь трафарет? Священник отправился в спальню, неся на подносе две таблетки, кружку и графин воды, очищенной фильтром Бекерфельда.

Кливер уже спал — Руис-Санчесу с трудом уда-

---

[3] Примечания: 3

Ad majorem dei gloriam (лат.) — к вящей славе Божией (девиз ордена иезуитов). Наиболее распространенная парафраза — ad majorem hominis gloriam (к вящей славе человеческой).

лось его растолкать. Неудобно, конечно, однако — что поделаешь; зато проснется на несколько часов позже — и ближе к выздоровлению. Как бы то ни было, Кливер едва ли осознал, что глотает таблетки, и вскоре опять задышал тяжело и неровно.

Руис-Санчес вернулся в тамбур и принялся исследовать лесной комбинезон. Найти прореху от давешнего шипа оказалось несложно залатать ее вообще будет раз плюнуть. По крайней мере, гораздо легче, чем убедить Кливера, что от выработанного на Земле иммунитета здесь проку ни малейшего, а посему не стоит почем зря напарываться на всякие там шипы. «Интересно, — думал Руис-Санчес, — как там наши коллеги-комиссионеры? Их тоже еще надо убеждать?»

Растение, что так его подкосило, Кливер назвал «ананасом». Любой биолог мог бы сказать Кливеру, что даже земной ананас — штука небезопасная и съедобная только в силу непонятного, но крайне удачного каприза природы. А на Гавайях, насколько помнилось Руис-Санчесу, тропический лес непроходим без плотных штанов и тяжелых сапог. Даже на «доуловских» планта-

циях[4] густые заросли неукротимых ананасов могут в кровь изодрать незащищенные ноги.

Иезуит перевернул комбинезон. Заклинившая молния была из пластика, в молекулу которого вводились свободные радикалы всевозможных земных противогрибковых соединений, в основном тиолутина. К препарату этому литианские грибки относились с должным почтением, но сама молекула пластика при местной влажности и жаре нередко спонтанно полимеризовалась, что и произошло на сей раз: один из зубцов напоминал теперь зернышко воздушной кукурузы.

Пока Руис-Санчес трудился над молнией, успело стемнеть. Раздалось приглушенное фырканье, и во всех углах вспыхнули теплые желтые огоньки. Горел природный газ, запасы которого на Литии были поистине неистощимы. Специально зажигать горелки не требовалось: начав поступать, газ адсорбировался катализатором, и вспыхивало пламя. Если требовался свет поярче, в пламя вдвигалась известковая калильная сетка на поставце из огнеупорного стекла; однако священник больше любил тускловато-желтое освещение, которое предпочитали сами литиане,

---

[4] Примечания: 4

«Доул» — крупная фирма-экспортер тропических фруктов.

и ярким светом пользовался только в лаборатории.

Разумеется, совсем без электричества земляне обходиться не могли и вынуждены были время от времени задействовать свои генераторы. Об электродинамике литиане знали сравнительно мало — зато их электростатика значительно опережала земную. Природных магнитов на планете не было, и магнетизм литиане открыли буквально за несколько лет до прилета комиссии. Явление наблюдали не в железе (его на планете практически не встречалось), а в жидком кислороде, из которого не так-то легко изготовить сердечник генератора.

По земным меркам достижения литианской цивилизации выглядели откровенно странно. Двенадцатифутовые разумные рептилии соорудили несколько больших электростатических генераторов и превеликое множество маломощных, но не имели ничего даже отдаленно напоминающего телефон. Практические познания их об электролизе превосходили земные, но передача тока, например, на милю считалась выдающимся техническим достижением. Электромоторов в земном понимании у них не было, зато вовсю летали межконтинентальные

реактивные транспорты, движимые статическим (!) электричеством. Кливер говорил, будто бы понимает, в чем дело; Руис-Санчесу же не было понятно ничего (а когда Кливер начинал распространяться про электрон-ионную плазму и разогрев индукцией на радиочастотах — и того меньше).

Литиане развернули совершенно изумительную радиосеть, узлы которой, в числе прочего, служили навигационными маяками, отслеживая всю динамику в реальном времени и привязываясь (вот живое воплощение парадоксального литианского гения!) к дереву. При всем том с электронно-лучевыми трубками до сих пор разве что в лабораториях возились, а теория атомизма была не сложнее демокритовской.

Частично парадоксы эти можно было, разумеется, объяснить тем, чего на Литии не хватало. Подобно любой крупной вращающейся массе, Лития обладала магнитным полем — но как тут откроешь магнетизм, если на планете фактически нет железа. С явлением радиоактивности литиане не сталкивались — по крайней мере, до прибытия землян, — что объясняло смутную атомную теорию. Подобно древним грекам, литиане обнаружили, что трение шелка о стекло

порождает один вид энергии или заряда, а шелка об янтарь — другой; от этого они пришли к генераторам ван де Граафа, электрохимии и реактивным самолетам на статическом электричестве — но, в отсутствие подходящих металлов, до мощных аккумуляторов дело не дошло, а электродинамика как наука только-только зарождалась.

Но в тех областях, где стартовые условия оказались благоприятней, литиане добились впечатляющих успехов. Несмотря на плотную облачность и постоянно висящую в воздухе мелкую морось, наблюдательная астрономия была развита превосходно — за что благодарить следовало местную луну, рано обратившую внимание литиан вовне. Это, в свою очередь, объясняло хороший задел в оптике — и сногсшибательные, иначе не скажешь, успехи в обработке стекла. Химия их взяла все, что могла, как из морей, так и джунглей. Океан давал агар-агар, йод, соль, рассеянные в воде металлы — не говоря уж о пищевых продуктах. А джунгли обеспечивали почти всем остальным: резиной, древесиной любой твердости, пищевыми и эфирными маслами, натуральными волокнами, фруктами и орехами, танином, красками, лекарствами, пробкой, бума-

гой. Почему-то — и никак было не взять в толк, почему — охота не практиковалась. У иезуита сложилось впечатление, будто дело в некоем религиозном запрете, — однако религии у литиан не было и в помине; да и многих морских животных они ели без малейших угрызений совести.

Он со вздохом уронил комбинезон на колени, хотя деформированный зубец еще требовал долгой шлифовки. Снаружи, в обволакивающей дом влажной темноте, Лития давала концерт по полной программе. Монотонное гудение, перекрывавшее почти весь доступный человеческому уху диапазон частот, звучало как-то по-новому. Гудели неисчислимые скопища насекомых: вдобавок к привычным шуршанию, стрекоту и жужжанию, многие издавали пронзительные, едва ли не птичьи трели. В некотором смысле, это было удачно, поскольку птиц на Литии не водилось.

«Не так ли, — думал Руис-Санчес, — звучал Эдем до того, как в мир пришло зло?» По крайней мере, слышать такие песни в родном Перу ему не доводилось.

Угрызения совести — вот с чем, собственно, ему следует разбираться, а не с лабиринтами таксоно-

мии[5], которые непроходимо перепутались еще на Земле, задолго до эры космических полетов, до того, как каждая новая планета стала добавлять к лабиринту по витку, а каждая звезда — по новому измерению. То, что литиане двуноги, происходят от рептилий, отдаленно родственны сумчатым и имеют систему кровообращения, как у земных пернатых, — все это не более чем интересно из общих соображений. А вот то, что их могут мучить угрызения совести — если, конечно, могут, — вот это жизненно важно.

Взгляд его упал на стенной календарь — иллюстрированный, извлеченный Кливером из багажа еще по прибытии; девица на картинке смотрелась непредвиденно скромно — из-за больших блестящих пятен оранжевой плесени. Сегодня было 19 апреля 2049 года. Почти Пасха; самое наглядное напоминание, что для внутренней жизни тело — лишь покров. Тем не менее лично для Руис-Санчеса год значил ничуть не меньше, чем дата, поскольку следующий, 2050-й, будет Святым годом.

---

[5] Примечания: 5

Таксономия — теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих обычно иерархическое строение (органический мир, объекты географии, геологии, языкознания, этнографии и т. д.).

Церковь вернулась ко древнему обычаю, впервые официально признанному Бонифацием VIII в 1300 году, — объявлять великое всепрощение только раз в полвека. Если Руис-Санчеса в следующем году не будет в Риме, когда отворится святая дверь, — больше на его веку такого не повторится.

«Торопись! Торопись!» — нашептывал некий внутренний демон. Или то был голос совести? Что, если грехи его уже настолько обременительны (а сам он об этом и не подозревает), что паломничество необходимо, причем жизненно. Или это он, в свою очередь, поддался греху гордыни?

Как бы то ни было, работа должна идти своим чередом. Их четверых послали на Литию — определить, годится ли планета для установки пересадочной станции, и не сопряжено ли строительство с риском для литиан или землян. Как и Руис-Санчес, остальные трое членов планетографической комиссии были, в первую очередь, учеными; но он-то знал, что его рекомендация будет, в конечном итоге, опираться на совесть, а не на таксономию.

А совесть, как и сотворение мира, негоже торопить. Ее даже не подчинишь расписанию.

Озабоченно скривившись, он буравил невидящим взглядом недочиненный комбинезон, пока из спальни не донесся стон Кливера. Тогда Руис-Санчес поднялся и вышел, оставив тамбур негромкому шипению газовых огней.

II

Сквозь овальное окно дома, отведенного Кливеру и Руис-Санчесу, открывался вид на коварно пологий склон, уходящий к едва различимой южной оконечности Нижней бухты, что составляла часть Сфатского залива. Весь берег представлял собой соленую топь — как и почти любое литианское побережье. В прилив море растекалось на добрую половину прилегающей равнины, затопляя даже самые возвышенные места, по меньшей мере, на ярд. В отлив — как, например, сейчас — на симфонию джунглей накладывался отчаянный лай земноводных рыб, зачастую доброго десятка сразу. Когда облака не застилали маленького диска луны, и город представал в необычно ярком освещении, можно было углядеть растянувшийся в прыжке силуэт какой-нибудь амфибии или сигмой змеящийся в иле след литианского крокодила, что преследовал добычу чересчур резвую, но которую все

равно когда-нибудь обязательно нагонит — за ничтожно малое по геологическим меркам время.

Еще дальше — обычно невидимый даже днем из-за вечного тумана — лежал противоположный берег Нижней бухты, такой же равнинный и полузатопленный, плавно переходящий в джунгли, что тянулись уже без перерыва на сотни миль к северу, до самого экваториального моря.

А из окон спальни открывался вид на город, Коредещ-Сфат, столицу гигантского южного континента. Как и у всех литианских городов, самой примечательной его характеристикой, с точки зрения землянина, была полная неприметность. Низкие домики, сформованные из набранной тут же глинистой почвы, сливались с землей, ничем не выдавая себя даже наметанному глазу опытного наблюдателя.

Большинство старых зданий были прямоугольными и без известкового раствора складывались из блоков прессованной земли. С течением десятилетий блоки утрамбовывались все плотнее и плотнее, и, в конце концов, если здание становилось ненужным, оказывалось проще оставить его без толку стоять, чем сносить. Впервые земляне почувствовали себя на Литии несколько неуютно, когда Агронски пришла в голову злополучная

мысль: вызваться снести одно из таких сооружений с помощью ТДХ, неизвестной литианам взрывчатки-гравиполяризатора, взрывная волна от которой, распространяясь в заданной плоскости, как масло резала даже стальные балки. Огромный толстостенный пакгауз, о котором шла речь, стоял вот уже три литианских века — 312 земных лет. Взрыв произвел чудовищный грохот и учинил массовый переполох; но, когда пыль рассеялась, пакгауз стоял, даже не покосившись.

Новые строения бросались в глаза при ярком солнце; дело в том, что примерно полвека назад литиане начали применять в строительстве свои широчайшие познания в керамике. Такие дома могли принимать совершенно произвольные квазибиологические формы — не то чтобы совсем аморфные, но и ни на что конкретное не похожие; больше всего они напоминали загадочные конструкции из вареных бобов, некогда грезившиеся земному художнику Сальвадору Дали. Будучи сооружен по вкусу владельца, ни один дом не напоминал соседних, — но при этом ухитрялся отражать характер литианского общества в целом и той земли, от которой произошел. Впрочем, и новые дома ничем не выделялись бы на фоне джунглей, не будь они покрыты глазу-

рью, которая ослепительно блестела — в редкие солнечные дни и если смотреть под правильным углом. При первых наблюдениях с воздуха именно этот переменчивый блеск подсказал землянам, где в бесконечных литианских джунглях кроется разумная жизнь. А что разумная жизнь на Литии есть, никто и не сомневался: планета испускала мощнейшие радиоимпульсы, которые улавливались далеко в космосе.

Направляясь к гамаку Кливера, Руис-Санчес в десятитысячный, по меньшей мере, раз бросил взгляд на город. Для священника Коредещ-Сфат был все равно что живое существо; ни разу столица не представилась ему одинаковой. Руис-Санчес находил город исключительно прекрасным. А также исключительно странным — уж насколько непохожи друг на друга земные города, но этот отличался от них от всех.

Он проверил у Кливера дыхание и пульс. Те оказались необычно учащенными — даже для Литии, где высокое парциальное давление атмосферного углекислого газа повышало у землян «пэ-аш» крови и стимулировало дыхательный рефлекс. Тем не менее священник решил, что опасности это не представляет — пока не увеличилось потребление кислорода. Пусть лучше

Кливер спит, хоть и беспокойно; нечего тревожить зря.

Конечно, если вдруг в город забредет дикий аллозавр… Но это ничуть не более вероятно, чем если бы в самый центр Нью-Дели забрел дикий слон. Возможно, спору нет, возможно — только почти никогда не случается. А других опасных животных — по крайней мере, способных вломиться в запертый дом, — на Литии просто нет. Даже крысам — точнее, весьма многочисленным яйценосным сумчатым, здешнему аналогу крыс — в керамический дом не проникнуть.

Руис-Санчес сменил воду в графине, поставленном в нишу подле изголовья кливеровского гамака, вернулся в тамбур и облачился в сапоги, плащ и непромокаемую шляпу. Стоило отворить каменную дверь, и волной нахлынули звуки ночной Литии, а порыв морского ветра вместе с клочьями пены принес характерный галогенный запах, традиционно именуемый соленым. Моросил мелкий дождь, и каждый фонарь был окружен пляшущим ореолом. Вдалеке медленно скользил по воде огонек. Возможно, колесный рейсовый каботажник направлялся на Иллит — огромный остров посреди Верхней бухты на границе Сфатского залива и экваториального

моря.

Выйдя наружу, Руис-Санчес повернул штурвальчик запора, и с трех сторон двери выдвинулось по засову. Достав из кармана плаща кусок мягкого местного мела, он вывел на специальной табличке под козырьком литианские символы, означающие «Здесь больной». Этого должно быть достаточно. Если кто захочет войти, дверь откроется простым поворотом колеса (о замках на Литии и слыхом не слыхивали), но литиане — также будучи животными прежде всего общественными[6] — правила поведения соблюдали не менее неукоснительно, чем законы природы.

Заперев дом, Руис-Санчес направился в центр города, к Почтовому дереву. Асфальт влажно блестел, отражая желтые овалы окон и яркий белый свет далеко отстоящих уличных фонарей. Иногда в полумраке мелькал похожий на кенгуру-переросток двенадцатифутовый литианин, и тогда они с Руис-Санчесом обменивались исполненными откровенного любопытства взглядами; но по большей части в это время улицы были пустынны. Вечерами литиане предпочитали сидеть дома — и Руис-Санчес не имел ни малейшего

[6] Примечания: 6

«Человек по природе — животное общественное» (правильней — «политическое»; см. Аристотель, «Политика», кн. I, 1253).

представления, чем они там занимаются. В овальных окнах, мимо которых шлепал в резиновых сапогах Руис-Санчес, то и дело мелькали силуэты — поодиночке, по двое, по трое. Иногда казалось, что за окнами идет оживленная беседа.

О чем бы это, интересно?

Прекрасный вопрос. На Литии не было ни преступности, ни газет, ни телефонной связи, ни искусств (которые можно было бы четко отделить от ремесел), ни массовых увеселений, ни наций, ни игр, ни религий, ни спорта, ни праздников. Не могут же литиане каждую минуту бодрствования обмениваться знаниями, вести беседы на философско-исторические темы, строить планы на завтрашний день!.. Или могут? Возможно, представилось вдруг Руис-Санчесу, они просто набиваются в эти свои дома-горшки, подобно маринованным огурцам, вялые и дряблые?.. Но не успела еще эта мысль внятно оформиться, как взгляд иезуита упал на очередное освещенное окно, силуэты за которым мельтешили весьма оживленно…

Порыв ветра швырнул в лицо холодные капли дождя. Руис-Санчес машинально ускорил шаг. Если ночь выдастся особенно ветреная, Почтовое дерево будет голосить напропалую. Вот уже оно

высится перед ним, похожий на секвойю исполин — близ устья реки Сфат, которая змеится, свивая громадные кольца, вглубь континента, где впадает в Глещтъэк-Сфат, то есть в Кровавое озеро, угрюмо перекатывающее могучие валы.

Над речной долиной гудели ветры, и Дерево покачивалось им в такт, вибрировало едва-едва, но этого было достаточно. Стоило Дереву только шелохнуться, как корневая система его, пролегающая подо всем городом, возбуждала колебания в кристаллическом скальном основании, на котором Коредещ-Сфат покоился с незапамятных времен — примерно с тех же, что Рим на своих семи холмах. Кристаллические скальные породы отвечали на давление мощным импульсом радиоволн — принимаемых не только повсюду на Литии, но и далеко в космосе. На корабле Комиссии импульсы эти удалось засечь, когда Альфа Овна, солнце Литии, было всего лишь яркой точкой впереди по курсу, — и четверо комиссионеров переглянулись, а в глазах у них затеплилась искорка понимания.

Вообще-то, импульсы представляли собой чистый шум. Как литиане ухитрялись его модулировать — причем, для передачи не только информационных сообщений, но и позывных

своей удивительной навигационной сети, сигналов точного времени и многого другого, — для Руис-Санчеса был сплошной темный лес, все равно что аффинная теория[7]; хоть Кливер и говорил, что на самом-то деле все проще пареной репы, стоит только раз понять. Вроде бы (по словам того же Кливера) разгадка крылась где-то в физике полупроводников и твердого тела; тут земляне литианам и в подметки не годились.

Ряд свободных ассоциаций очередной раз прихотливо вильнул, и Руис-Санчесу, к немалому его удивлению, вспомнился теперешний «дуайен» земной аффинной теории, который подписывал свои труды Х. О. Петард (притом, что настоящее имя его было Люсьен Дюбуа, граф Овернский). Впрочем, тут же осознал священник, ассоциация была не такой уж и вольной: граф олицетворял фактически полное отчуждение современной физики от повседневного, данного в ощущениях человеческого опыта. Графский титул — не более чем пустой звук в нынешние

[7] Примечания: 7

Аффинный — от латинского affinis, т. е. соседний, смежный. Аффинная геометрия — раздел математики, изучающий величины и геометрические объекты, остающиеся неизменными при аффинных преобразованиях, т. е. преобразованиях плоскости или пространства, при которых прямые переходят в прямые и сохраняется их параллельность (в частности преобразования подобия, параллельного переноса и вращения).

времена, а то и менее — передавался в семье Дюбуа как привычная приставка к фамилии, хотя политическая система, в рамках которой титул был некогда пожалован, давно отмерла, пала очередной жертвой передела Земли в рамках «катакомбной» экономики. Гордиться следовало бы скорее именем, чем титулом, ибо, углубись вдруг граф в генеалогические дебри, он мог бы отследить цепочку своих прославленных предков до XIII века включительно, когда в Англии вышло рукописное «Наставление Люсьена Уайчема в вопросах магии».

Наследие высокодуховней некуда — но Люсьен теперешний, католик-вероотступник, являл собой фигуру скорее политическую (притом, что при катакомбной-то экономике политика как таковая, можно сказать, вымерла как вид): плюс ко всему прочему он носил звание Канарского прокурора — звание, бессмысленность которого, если вдуматься, тут же становилась очевидной, но зато позволявшее уклоняться от еженедельных общественных работ. На деленной-переделенной, изрытой вдоль и поперек Земле подобные таблички встречались сплошь и рядом — как правило, в непосредственной близости от крупных состояний, лежавших нын-

че мертвым грузом, раз биржевые спекуляции отошли в прошлое, и единственное, чем отдельно взятый простой смертный мог хоть как-то повлиять на собственное благосостояние, это вложиться в инвестиционный фонд. Былым сливкам общества оставалась единственная отдушина — безудержное потребление; причем безудержное настолько, что случись поблизости сам старик Веблен[8] — и тот усомнился бы в правильности своих представлений о потреблении. Попытайся они хоть как-то влиять на экономику, их тут же подвергли бы жесточайшему остракизму — если и не сами господа вкладчики, то уж суровые блюстители подземных городов (где и блюсти-то, собственно, было уже почти нечего) всенепременнейше.

Не то чтобы граф тунеядствовал. Последнее, что о нем было слышно — он собирался неким совсем уж эзотерическим образом дорабатывать уравнения Хэртля (то самое описание пространственно-временного континуума, которое, поглотив

[8] Примечания: 8

Веблен, Торстейн (30.07.1857–03.08.1929) — американский экономист, знаменитый, в первую очередь, трудом «Теория праздного класса» (1899), в котором применил к современной экономике эволюционную теорию Дарвина. Именно в этой работе он ввел, например, такой термин, как «потребление напоказ», до сих пор активно использующийся.

преобразования Лоренца-Фитцджеральда точно так же, как некогда теория Эйнштейна поглотила Ньютонову, сделало возможным межзвездные перелеты). Изо всего этого Руис-Санчес не понимал ни единого слова; но, с усмешкой отметил он, наверно, это действительно проще пареной репы — стоит только раз понять.

В конце концов, в ту же категорию попадало практически все человеческое знание. Одно из двух: или все проще пареной репы, стоит только раз понять, или это чистой воды вымысел. Даже тут, в пятидесяти световых годах от Рима, Руис-Санчес как иезуит знал о человеческом знании нечто такое, что Люсьен Дюбуа, граф Овернский, давно забыл, а Кливер так никогда и не узнает: любое знание проходит в своем развитии через обе стадии — возвещает о своем явлении из хаоса и вновь возвращается в хаос.

В процессе — установление тончайших различий, и чем дальше, тем тоньше.

В результате — бесконечная череда катастроф теории.

В остатке — вера.

Когда Руис-Санчес ступил под теряющиеся в вышине своды полости, выжженной в основании Почтового дерева, весь зал, смахивающий на

поставленное тупым концом книзу гигантское яйцо, кишмя кишел литианами. Впрочем, сходства с земным телеграфным или телефонным узлом не было ни малейшего.

По всему периметру основания «яйца» неустанно сновали высокие фигуры литиан: заскакивали внутрь, выскальзывали наружу сквозь неисчислимые отверстия-двери, менялись местами, кружили, как переходящие с орбиты на орбиту электроны. Но переговаривались они так тихо, что на фоне множества голосов слышался шум ветра в исполинских ветвях высоко над головой.

Мельтешение фигур ограничивалось, как волнорезом, высоким черным полированным ограждением — явно вырезанным из флоэмы[9] самого Дерева. За барьером (откровенно символическим — и почему-то напомнившим священнику щель Энке в кольцах Сатурна) выстроились в довольно редкий круг несколько литиан и мерно, не сбиваясь ни на секунду, принимали и передавали сообщения; с работой они справлялись безупречно — судя по тому, как

[9] Примечания: 9

Флоэма (от греческого phloios — кора, лыко) — попросту луб, сложная ткань высших растений, служащая для проведения органических веществ к различным органам, а также выполняющая некоторые другие функции.

безостановочно мельтешили фигуры с внешней стороны барьера, — и без видимого усилия, полагаясь только на память. Иногда кто-нибудь из их числа оставлял рабочее место и отправлялся о чем-то переговорить к одному из множества столиков, расставленных по ту сторону барьера концентрическими кругами, причем чем ближе к плавно понижающемуся центру, тем разреженней, будто бы на вывернутом наизнанку колесе смеха, — а потом возвращался к черному барьеру или же садился за стол, а на пост вместо него заступал предыдущий хозяин стола. Пол понижался, столов становилось меньше и меньше, а в самом центре зала стоял один-единственный пожилой литианин — зажав ладонями ушные раковины, что находились сразу за тяжелыми челюстными суставами, опустив на глаза мигательные перепонки, являя миру только носовые впадины и ямки инфракрасных рецепторов над ними. Он молчал, и с ним никто не заговаривал, но все бурление водоворота за черным барьером являлось очевидным следствием этой абсолютной статичности.

Руис-Санчес замер, пораженный до глубины души. Видеть Почтовое дерево внутри ему не доводилось еще ни разу в жизни — до сегодняшнего

дня связью с Микелисом и Агронски, коллегами-комиссионерами, заведовал Кливер, — и теперь священник понятия не имел, что ему делать. То, что он видел, походило скорее уж на парижскую биржу, чем на центр связи в привычном понимании слова. Казалось невероятным, чтобы каждый раз, когда поднимается ветер, у стольких литиан срочно возникала надобность отправить какое-нибудь личное сообщение; столь же немыслимым представлялось, чтоб у литиан, с их стабильной экономикой всеобщего благосостояния, мог существовать сколь угодно отдаленный аналог фондовой биржи. Как бы то ни было, а выбора, похоже, не оставалось — ныряй теперь в это мельтешение, пробирайся к черному полированному барьеру и проси кого-нибудь из литиан с той стороны попробовать еще раз связаться с Агронски или Микелисом. В худшем случае, подозревал Руис-Санчес, ему просто откажут или не станут даже слушать. Он сделал глубокий вдох. В тот же миг левую руку его, от локтя до плеча, цепко облапила широкая четырехпалая ладонь. С совершенно неприличным фырканьем исторгнув из легких набранный было воздух, священник крутанулся волчком и снизу вверх изумленно уставился в участливо

склонившееся лицо литианина. Под внахлест сведенными, словно капканные скобы, челюстями выделялась совершенно индюшачья, но нежно-аквамаринового цвета бородка, которая резко контрастировала с серебристо-сапфировым рудиментарным гребнем, пронизанным розоватыми, как тычинки фуксии, венами.

— Руис-Санчес вы, — на своем языке проговорил литианин. (Из четверых землян, только имя священника литиане умудрялись произносить, не коверкая.) — Узнаю вас по вашей накидке я.

Это была чистой воды случайность. Любого землянина, вышедшего под дождь в плаще, приняли бы за Руис-Санчеса, потому что, по мнению литиан, один Руис-Санчес всегда облачался примерно одинаково, что дома, что на улице.

— Да, это я, — отозвался Руис-Санчес, на всякий случай внутренне подобравшись.

— Штекса я, металлург; консультировали меня по химии вы, по медицине, о цели вашей миссии и еще по нескольким вопросам, незначительным.

— А… Конечно, конечно. То-то мне показался знакомым ваш гребень.

— Большая честь для меня. Раньше вас здесь не видели мы. Желаете поговорить с Деревом?

— Да, — благодарно отозвался Руис-Санчес. — Действительно, прежде мне тут бывать не приходилось. Вы не могли бы объяснить, что делать?

— Мог бы, но не поможет это, — произнес Штекса, склонив голову так, что совершенно чернильные зрачки его смотрели теперь прямо в глаза Руис-Санчесу. — Ритуал соблюдать потребно некий, очень сложный, пока в привычку не войдет. Обучаемся этому с детства мы; полагаю я, не хватит координации вам, чтобы с первой попытки вышло. Если позволите, передать сообщение за вас мог бы я…

— Буду премного обязан. Я должен связаться с нашими коллегами, Агронски и Микелисом; они в Коредещ-Гтоне, на северо-востоке, градуса тридцать два на восток и тридцать два на север…

— Да, у озер Малых отметка реперная вторая; город горшечников это, хорошо его знаю я. И что хотели бы передать вы?

— Чтоб они вылетали к нам, в Коредещ-Сфат; наше время на Литии подходит к концу.

— И меня касается это, — заявил Штекса. — Но передам я.

Литианин метнулся в водоворот фигур, и его тут же бесследно засосало; а Руис-Санчес остался стоять, в очередной раз благодаря Всевышнего,

что Тот надоумил раба Своего неразумного учить безумно сложный литианский. Двое из четверых комиссионеров выказывали поистине прискорбное пренебрежение этим всепланетным языком; кливеровское: «Пускай учат английский» — успело стать классикой. Отнестись к подобному высказыванию сочувственно Руис-Санчес ну никак не мог — с учетом того, что его родным был испанский, а из пяти языков, которыми он владел свободно, больше всего нравился ему западный «хохдойч».

Агронски избрал позицию несколько более утонченную. Не в том дело, говорил он, что в литианском какое-то особенно сложное произношение (утруждать нёбо приходится явно не сильнее, чем в арабском или русском), просто по большому счету «невозможно толком разобраться, что составляет сущностную, неформализуемую основу столь чужого языка, так ведь? По крайней мере, за то время, что мы здесь?»

Микелис предпочитал отмалчиваться; он просто поставил себе задачу научиться читать по-литиански, и если таким образом он выучится заодно и говорить, ничего удивительного в том не будет, ни для него самого, ни для коллег. Ко всему на свете Микелис подходил примерно так же, ос-

новательно и без излишнего теоретизирования. Что до подхода, практиковавшегося Кливером или Агронски, то в глубине души Руис-Санчес полагал, что включать в состав комиссии людей со взглядами столь ограниченными едва ли не преступно. Чтобы понять незнакомую культуру, язык абсолютно необходим; если начинать не с языка, то, интересно, с чего же?

Что же до склонности Кливера именовать литиан «змеями», то мыслями по этому поводу Руис-Санчес мог бы поделиться в лучшем случае со своим далеким духовником.

А ввиду того, что открылось его взору в яйцевидном зале, — что теперь прикажешь думать о том, как выполнял Кливер свои обязанности связиста? Разумеется, он не мог ничего через Дерево ни принять, ни передать, что бы там по ходу дела ни говорил. Весьма вероятно, он и к Дереву-то ни разу не подходил ближе, чем Руис-Санчес сегодня. Нет, само собой разумеется, как-то Кливер должен был с Микелисом и Агронски связываться — запрятал там в багаже где-нибудь передатчик и… Да нет, какой еще передатчик. Руис-Санчес, конечно, не физик; но и ежу понятно, что для потенциальных радиолюбителей Лития сущий ад — раз эфир на всех частотах забит чудовищной

мощности импульсами, исторгаемыми Деревом из кристаллического утеса. Нет, Руис-Санчес определенно начинал чувствовать себя как-то неуютно.

Из снующих вокруг фигур выделился Штекса — не гребнем своим, который успел стать таким же величественно-пурпурным, что и у большинства присутствующих, а тем, как целеустремленно двигался прямо к землянину.

— Сообщение ваше отослал я, — сразу произнес он. — В Коредещ-Гтоне зафиксировано оно. Но других землян нет там. Несколько дней уже в городе не было их.

Невозможно! Если верить Кливеру, он говорил с Микелисом не далее чем вчера.

— Вы уверены? — осторожно поинтересовался Руис-Санчес.

— Вне всяких сомнений. Пуст стоит дом, предоставленный им. Исчезли многочисленные вещи их. — Высокая фигура развела четырехпалыми руками — вероятно, изображая сочувствие. — Дурное это, кажется, известие. Неприятно мне принести его вам. Исполнены добра были известия, что при первой встрече принесли мне вы.

— Спасибо большое. Не стоит беспокоиться, — рассеянно проговорил Руис-Санчес. — Нельзя

же спрашивать с вестника за принесенное им послание.

— Все же, кое за что отвечает вес пик; по крайней мере, таков обычай наш, — отозвался Штекса. — Взаимосвязаны поступки все. В результате обмена нашего в проигрыше вы, насколько понимаю я. Проверено уже, что великого добра исполнены были о железе вести ваши. Удовольствие доставило бы мне продемонстрировать, как применили мы знание это, особливо ввиду вестей дурных, что принес вам ответно я. Не соблаговолите ли, коли не воспрепятствует то работе вашей, посетить жилище мое, дабы вопрос сей подробнее освещен был? Возможно ли это?

Руис-Санчес сурово подавил всколыхнувшееся было возбуждение. Наконец-то, впервые появился шанс хоть что-то разузнать о личной жизни литиан — и через это, возможно, даже получить некоторое представление об их морали; о роли, что уготована им Господом в вечной драме борьбы добра со злом. А пока представления такого не получено, откуда Руис-Санчесу знать — вдруг литиане только притворяются добродетельными в этом своем Эдеме; чистый интеллект, мыслящие машины из органики, УЛЬТИМАК и хвостатые — и бездушные притом.

Но: дома у него оставался больной человек. Вряд ли, конечно, Кливер до утра проснется. Успокоительного ему закачано из расчета чуть ли не по 15 миллиграммов на килограмм веса. Правда, больные — все равно что дети малые, и закон им не писан, причем с упорством, достойным лучшего применения. Если могучий организм Кливера как-то переборет эту дозу — или если случится анафилактический шок, что вполне вероятно на ранних стадиях заболевания, — тогда надо быть с физиком рядом. По крайней мере, звук человеческого голоса Кливеру будет необходим — на планете, которую тот терпеть не мог и которая (мимоходом, едва ли заметив, что там вообще кто-то был) свалила его с ног.

Впрочем, никакой серьезной опасности Кливеру все равно не грозит. А уж в сиделке он точно не нуждается — как сам при случае не преминул бы заметить.

Кроме того, существовала еще такая вещь, как чрезмерное рвение; каковое — что Церковь издавна (и, по большей части, с превеликим трудом) втолковывала чересчур благочестивым — есть форма гордыни. В худшем случае, рвение это приводило к появлению госпитальных святых — чье пристрастие ко всему болезненному

странным образом напоминало поклонение паразитам у некоторых индуистских сект — или столпников наподобие Святого Симеона, отвергать которых Господь, конечно, не отвергал, но популярности образа церкви в массах они ну никак не способствовали. Да и заслуживал ли Кливер, чтобы за ним ухаживали с подобным рвением как за Божьей тварью — точнее, как за тварью богобоязненной?

И притом, что на карту поставлена судьба целой планеты, целого народа — нет, бери выше, тут речь идет о величайшей теологической проблеме, о неминуемом разрешении безмерной трагической головоломки первородного греха… Преподнести такой подарок святому отцу в Юбилейный год — да это было бы грандиозней, торжественней, нежели даже объявление о восхождении на Эверест во время коронации Елизаветы II Английской!

Если, конечно, изучение Литии увенчается именно этим. А поводов опасаться, что стоит Руис-Санчесу вглядеться в окружающее чуть пристальней, и на свет Божий явится нечто иное, непередаваемо ужасное, было хоть отбавляй. Опасений этих не сумела пока разрешить даже молитва. Но следует ли жертвовать пусть да-

же только возможностью найти ответ — ради Кливера?

Нет, недаром Руис-Санчес посвятил столько лет размышлениям именно что о проблемах морали, о делах совести; недаром наиболее одаренные из его коллег по ордену всю жизнь клали на то, чтоб искать (и находить) выход из самых запутанных этических лабиринтов. Католику вообще должно быть свойственно благочестие; а иезуиту — еще и проворство.

— Большое спасибо, — нетвердым голосом отозвался он. — С удовольствием приму ваше приглашение.

III

Голос.

— Кливер? Кливер! Да проснись ты, медведь этакий. Кливер! Какого черта, куда вы запропастились?

Кливер застонал и попытался перевернуться. При первом же движении мир начал медленно, тошнотворно покачиваться. Крупным, раскаленным градом покатился лихорадочный пот. Рот, казалось, залит горящей смолой.

— Да вставай же, Кливер! Это я, Агронски! Где святой отец? Что тут у вас стряслось? Почему вы

ни разу не вышли на связь? Эй, осторожно, ты сейчас…

Предупреждение запоздало, да и все равно слов Кливер не разбирал. Он был в глубоком беспамятстве и представления не имел, где — в пространстве и во времени — находится. Пытаясь убраться подальше от надоедливого голоса, он конвульсивно дернулся и выпал из гамака. Вздыбившись, пол с грохотом ударил его в левое плечо, но удара и распространившегося следом онемения Кливер не почувствовал. Ноги, по-прежнему ощущавшиеся как нечто чужеродное, зависли где-то далеко вверху, запутавшись в сетке.

— Какого черта…

Дробно простучали шаги, словно переспелые каштаны пробарабанили по крыше, а потом что-то глухо стукнулось об пол рядом с его головой.

— Кливер, тебе нехорошо? Полежи-ка минуточку спокойно, я тебе ноги распутаю. Майк… Майк, ты не в курсе, как в этом кувшине включается газ? Чего-то тут не так…

Секундой позже с гладких стен пролился желтый газовый свет; чуть погодя зажегся ярко-белый. Подволакивая руку, Кливер прикрыл глаза и тут же утомился. Прямо над ним, пухлощекое и обеспокоенное, маячило наподобие привязного

аэростата лицо Агронски. Микелиса видно не было, и слава Богу. Откуда взялся один Агронски, уже не вдруг поймешь.

— Как… какого черта… — прохрипел Кливер, с трудом разлепив губы; в уголках рта резануло острой болью. Только сейчас он осознал, что во сне губы почему-то склеились. Он даже приблизительно не представлял, как долго провалялся в отключке.

Похоже, Агронски догадался, о чем его хотели спросить.

— Мы прилетели прямо с озер, на вертолете, — произнес он. — Нам не нравилось, что вы всё молчите, и мы решили на всякий случай прибыть своим ходом, а не заказывать места на этой их трансконтиненталке, чтоб не пронюхали раньше времени, а то вдруг у них тут рыльце в пушку…

— Хватит приставать к нему, — объявил Микелис, возникая в дверях, как чертик из табакерки. — Не видишь, что ли, он дрянь какую-то подхватил. Нехорошо, конечно, радоваться болезни, но слава Богу, что литиане ни при чем.

Химик — долговязый, с длинным подбородком — помог Агронски поднять Кливера на ноги. Осторожно, превозмогая боль, Кливер снова раскрыл рот. Раздался лишь неразборчивый хрип.

— Пасть закрой, — посоветовал Микелис; впрочем, вполне добродушно. — Давай положим его обратно в гамак. Интересно, куда делся святой отец? Без него нам с этой болячкой не справиться.

— Наверняка мертв! — взорвался вдруг Агронски; на лбу его выступил пот, глаза встревоженно заблестели. — Иначе б он был здесь. Майк, это заразно!

— Боксерские перчатки я как-то забыл захватить, — сухо отозвался Микелис. — Кливер, лежи тихо, а то стукну. Агронски, ты, кажется, опрокинул бутыль с водой; сходи лучше и набери, явно не помешает. И посмотри, не оставил ли святой отец в лаборатории какого-нибудь лекарства.

Агронски вышел, и Микелис зачем-то тоже — по крайней мере, за пределы поля зрения Кливера. Все силы бросив на то, чтобы превозмочь боль, Кливер снова разлепил губы:

— Майк…

Микелис тут же вернулся и стал промокать физику губы и подбородок ваткой с каким-то раствором.

— Спокойно, Пол. Сейчас Агронски принесет тебе попить. Еще немного, и ты сможешь говорить. Не торопись только.

Кливер немного расслабился. Микелису можно было доверять. Но чтобы за ним ухаживали, как за дитем малым неразумным, — вынести столь абсурдного унижения он просто не мог; он почувствовал, как по щекам у него катятся слезы бессильной ярости. В два проворных, неназойливых движения Микелис подтер их.

Вернулся Агронски, нерешительно выставив перед собой раскрытую ладонь.

— Вот что я нашел, — объявил он. — В лаборатории есть еще, а посреди стола — формочка. Да, и ступка с пестиком, но вымытые.

— Прекрасно, давай таблетки сюда, — произнес Микелис. — Еще что-нибудь?

— Нет. Хотя постой, в стерилизаторе кипятится шприц, если тебе это о чем-то говорит.

Микелис выругался, кратко и по существу.

— Говорит, — ответил он, — что где-то там зарыт нужный антитоксин. Но если Рамон не оставил никакой записки, черта с два мы отыщем, который — молись, не молись.

Он приподнял Кливеру голову за подбородок и положил тому на язык таблетки. За таблетками последовала вода: сперва ледяной струйкой, через мгновение — хлынула жидким огнем. Кливер поперхнулся, и в тот же момент Микелис зажал

ему ноздри. Таблетки скользнули в горло.

— Как там, никаких следов святого отца? — спросил Микелис.

— Ни малейших. Порядок безупречный, все оборудование на месте. Оба лесных комбинезона в шкафу.

— Может, отправился в гости к кому-нибудь, — задумчиво проговорил Микелис. — Наверняка у него уже немало знакомых литиан. Они ему нравятся.

— В гости, когда дома больной? Нет, Майк, на него это не похоже. Если, конечно, не всплыло чего-нибудь неотложного. Или вышел всего на несколько минут, и…

— И тролли лесные скопом накинулись на бедного путника, ибо позабыл тот перед мостом трижды топнуть.

— Смейся, смейся.

— Честное слово, я не смеюсь. Но на чужой планете как раз какой-нибудь такой маразм и может плохо кончиться. Правда, с трудом представляю себе, чтобы Рамон…

— Майк…

Микелис шагнул к гамаку и склонился над физиком. Слезящимся глазам Кливера казалось, будто голова химика парит отдельно от тела.

— Все в порядке, Пол. Говори, в чем дело. Мы слушаем.

Но было уже поздно. Двойная доза успокоительного опередила. Кливер успел только качнуть головой, и Микелис растворился в водовороте радужных струй.

Самое странное, что он не уснул. Прошлой ночью он перехватил-таки свои законные восемь часов сна, и в самом начале этого неимоверно долгого дня был, помнится, бодр и полон сил. Как сквозь вату, доносились голоса коллег-комиссионеров, и не отпускало навязчивое желание о чем-то сообщить им прежде, чем вернется Руис-Санчес, — не то, чтобы совсем уж не давая Кливеру заснуть, но определенно препятствуя погрузиться глубже легкого транса. К тому же он принял почти тридцать гран ацетилсалициловой кислоты, что увеличило потребление организмом кислорода, и довольно существенно — так что не только голова шла кругом, но и все чувства вдруг непривычно обострились. О том, что перегорает при этом белок из его собственных клеток, он не имел ни малейшего представления; а имей даже, вряд ли б это его обеспокоило.

Все так же доносились голоса, и все так же ускользал от него смысл разговора. На голоса

накладывались верткие обрывки снов, мелькая на самой грани яви, чудясь по-своему странно реальными — и по-своему странно бессмысленными и угнетающими. В редкие мгновения полубодрствования перед его мысленным взором мелькали планы, целая череда планов, все как один элементарно простые и в то же время грандиозные: захватить командование экспедицией; связаться с земными властями; предъявить секретные документы, неопровержимо доказывающие, что Литий необитаема; прорыть туннель подо всей Мексикой, до Перу; взорвать Литию, слить в одной исполинской реакции синтеза все атомы ее легких элементов в один атом кливерия, элемента, из которого изготовили моноблок, элемента с кардинальным числом алеф-ноль…

Агронски: Эй, Майк, выйди-ка сюда, ты читаешь по-литиански. Тут что-то написано, на табличке под козырьком.

(Шаги.)

Микелис: Написано: «Здесь больной». Вряд ли это рука кого-то из местных, слишком неумело нацарапано — эти их идеограммы позаковыристей китайских иероглифов будут. Наверно, Рамон.

Агронски: Жаль, мы не знаем, куда он пошел. Странно, как это мы не заметили надписи, когда

ввалились.

Микелис: Ничего странного. Было темно; откуда мы знали, что должна быть надпись?

(Шаги. Негромко затворяется дверь. Шаги. Резко, сухо скрипит набитый травой пуф.)

Агронски: Ладно, пора уже и об отчете подумать. Если я не совсем запутался с этим чертовым двадцатичасовым днем, времени у нас в обрез. Ты по-прежнему за то, чтобы планету открыть?

Микелис: Да. До сих пор мне как-то не встречалось на Литии ничего, что было бы для нас опасно. Не считая, конечно, случившегося с Кливером; но вряд ли святой отец ушел бы, будь это что-то серьезное. И чем земляне могут быть опасны для здешней цивилизации, я тоже как-то совершенно не представляю: очень уж оно тут все стабильно — в эмоциональном плане, в экономическом… да и вообще.

(«Опасность, опасность, — произнес кто-то у Кливера во сне. — Все взлетит к чертовой матери. Заговор папистов». — Тут он в очередной раз подвсплыл под перископ к яви, и страшно заболели губы.)

Агронски: Как по-твоему, почему два эти шутничка ни разу не вышли на связь после того, как мы улетели на север?

Микелис: Понятия не имею. Даже догадок не берусь строить, пока не поговорю с Районом. Или пока Пол не начнет адекватно реагировать.

Агронски: Мне это не нравится, Майк. Что-то тут нечисто. Этот город торчит, можно сказать, в самом центре их системы связи — потому мы его и выбрали, черт побери! И при всем при том: ни единого сообщения, Кливер — в лежку, святой отец где-то шляется… Да мы ни черта еще о Литии толком не знаем, если на то пошло!

Микелис: О центральной Бразилии мы тоже ни черта не знаем — не говоря уж о Марсе или Луне.

Агронски: Не в том дело, Майк. Того, что известно о бразильском побережье, вполне достаточно, чтобы представить, чего можно ожидать в глубине материка… вплоть до этих рыбок-людоедов, как их там… а, пираний. На Литии же все не так. Откуда нам знать: то, что уже известно, — это годится для экстраполяции или какое-нибудь диковинное исключение? Где-нибудь за фасадом, который открыт глазам, вполне может скрываться нечто грандиозное, чего нам ни в жизнь ни увидеть, ни понять.

Микелис: Слушай, Агронски, хватит мне тут под воскресное приложение работать. Уж у тебя-то соображения должно хватать. Ну сам посуди

— что это может быть за тайна такая, великая и ужасная? Что литиане людоеды? Что они — всего только скот для неведомых богов, которые живут где-то в джунглях? Что на самом деле они — хитроумно прячущие свою истинную личину всемогущие чудовища, так что мозг цепенеет, душа наизнанку выворачивается, сердце останавливается, кровь в жилах стынет, а поджилки трясутся? Стоит произнести какую-нибудь такую чушь вслух, и сразу сам понимаешь, насколько все это абсурдно; нет, страшилки эти могут пугать разве что так, ну в очень отвлеченном представлении. Я и спорить даже не стал бы, возможно эдакое или нет.

Агронски: Ну хорошо, хорошо. Я свое суждение пока приберегу. Если действительно тут все чисто — в смысле, со святым отцом и Кливером, — тогда я тебя поддержу. Согласен, не вижу причин голосовать против.

Микелис: Ну и слава Богу. Рамон, можно не сомневаться, за то, чтоб объявить планету открытой, следовательно, голосование должно оказаться единогласным. Не думаю, что Кливер станет возражать.

(Кливер выступал с показаниями в битком набитом зале суда в здании Генеральной Ассамблеи

ООН, драматически — но скорее скорбно, чем победно — наставив палец на Района Руис-Санчеса, иезуита. Но вот прозвучало его имя, и сон рассыпался, как карточный домик. В спальне слегка посветлело, за окном занимался рассвет; точнее, литианская пародия на рассвет — источающая влагу и серая, как мокрая шерсть. Он попытался вспомнить, с чем только что выступил в суде. Довод был просто убийственный, чертовски убедительный, вполне достойный того, чтобы пустить в ход наяву; но не вспоминалось ни слова. От слов осталось только ощущение, так сказать, вкус на языке, но ни тени смысла).

Агронски: Светает. Не пора ли, наконец, на боковую?

Микелис: Ты вертолет хорошо заякорил? Если не изменяет память, ветродуй тут покруче даже, чем у нас на севере.

Агронски: Заякорил, заякорил — и брезентом накрыл. Давай-ка раскатаем гамаки…

(Какой-то звук.)

Микелис: Тс-с. Что это?

Агронски: А?

Микелис: Прислушайся.

(Шаги. Едва слышные, но Кливер узнал их. С усилием разомкнув веки, он не увидел ничего,

кроме потолка. Равномерно окрашенный, плавно уводящий в бесконечность купол потянул взгляд его вверх, и еще выше, снова в туманы транса).

Агронски: Кто-то идет.

(Шаги.)

Агронски: Смотри, Майк, это святой отец — вон, видишь? Вроде бы с ним все нормально. Выглядит, правда, усталым; оно и не удивительно, всю ночь шлялся черт-те где.

Микелис: Встреть-ка лучше его в дверях. Нехорошо как-то будет: он входит, а тут мы как снег на голову. Он-то нас никак не ждал. А я пойду, распакую гамаки.

Агронски: Конечно, Майк, конечно.

(Шаги удаляются. Скрип камня по камню; отпирается дверь.)

Агронски: Добро пожаловать домой, святой отец. Мы прилетели только что и… Господи, в чем дело? Или ты тоже заболел? Можем мы как-то… Майк! Майк!

(Звук бегущих шагов. Кливер дал мускулам шеи команду поднять голову, но те отказались повиноваться. Наоборот, затылок только еще глубже впечатался в жесткую гамачную подушку. После непродолжительной бесконечной муки Кливер вскричал: «Майк!»)

Агронски: Майк!

(С шумом выдохнув, Кливер перестает сопротивляться. И засыпает.)

IV

Дверь дома Штексы затворилась за священником, и тот с замиранием сердца — хотя сам вряд ли сумел бы сказать, чего такого особенного ожидает, — оглядел прихожую, залитую мягким светом. На деле же представившееся его взгляду почти не отличалось от интерьера жилища, отведенного им с Кливером; собственно, ничего иного ожидать и не приходилось, вся утварь «дома» у них была литианской — за исключением разве что лабораторного оборудования и еще кое-каких характерных приспособ, без которых землянину жизнь не в радость.

— Позаимствовали из музеев несколько железных метеоритов мы, распилили и ковкой обработали, как великодушно присоветовали вы, — говорил Штекса, пока Руис-Санчес боролся с застежками плаща и стягивал сапоги. — Как и предсказывали вы, проявляют сильные магнитные свойства они. Разослан призыв всепланетный пересылать в лабораторию электрическую нашу метеориты все железо-никелевые, где

бы найдены ни были. Предсказать пытаются в обсерватории, где и когда в ближайшее время произойти падение может. К сожалению, бедна метеоритами система наша. Метеорных «ливней», о которых рассказывали вы, что часто случаются они у вас, не бывает здесь, говорят астрономы наши.

— Действительно, наверно, не бывает; я мог бы и сам догадаться, — произнес Руис-Санчес, переходя из прихожей в гостиную. Комната по литианским меркам была совершенно обычной — и абсолютно пустой.

— Догадаться? Почему?

— Потому что в нашей системе крутится своего рода гигантская мельница — кольцо из тысяч, да нет, наверно, десятков, если не сотен тысяч маленьких планеток там, где должна была быть одна большая.

— Должна? По правилу гармоническому? — спросил Штекса, усаживаясь и кивая гостю на второй такой же набитый травой пуф. — Давно интересовало нас, в самом ли деле выполняется оно.

— Нас тоже. В данном случае оно дало сбой. Все эти крошечные небесные тела постоянно сталкиваются — оттого и метеорные ливни.

— Как образоваться могла структура неустойчивая столь, не понимаю я, — проговорил Штекса. — Объяснение тому есть какое-нибудь у вас?

— Есть, но довольно посредственное, — ответил Руис-Санчес. — Некоторые считают, что много веков назад на той орбите была нормальная добропорядочная планета, которая почему-то вдруг взяла и взорвалась. Что-то похожее у нас в системе действительно случилось когда-то — со спутником одной из планет; причем из обломков вышло огромное плоское кольцо. Другие полагают, что, когда наша система формировалась, на той орбите протопланетное вещество так и не сложилось в планету. У обеих гипотез масса недостатков, но друг друга они прекрасно взаимодополняют — каждая как орешки щелкает как раз те проблемы, которые другой не по зубам; так что, наверно, и в той, и в другой есть своя доля истины.

На глазах у Штексы дрогнули мигательные перепонки; от такого «внутреннего моргания», означавшего у литиан наивысшую степень сосредоточения, Руис-Санчесу каждый раз делалось слегка не по себе.

— Похоже, что ни одной из гипотез правоту доказать невозможно однозначно, — наконец

высказался тот. — В рамках логики нашей, если доказательства не существует такого, бессмысленна постановка проблемы сама.

— У этого правила нашлось бы немало сторонников и среди землян. Мой коллега доктор Кливер, например.

Неожиданно Руис-Санчес улыбнулся. Дабы одолеть литианский, пришлось изрядно покорпеть; и то, что он сумел понять столь абстрактное высказывание, — победа куда более убедительная, чем любое пополнение словарного запаса.

— Мне кажется, сбор метеоритов будет не таким уж простым делом, — проговорил он. — Вы не думали… как-то его стимулировать?

— Думали, разумеется. Понимают все, насколько важна программа эта. И стараться помочь по мере сил будут.

Священник имел в виду немного не то. Он порылся в памяти, подыскивая какой-нибудь литианский эквивалент «вознаграждению», но ничего не нашел, кроме того слова, что уже использовал — «стимул». Он вдруг понял, что не знает, как по-литиански будет «алчность». Очевидно, что если предложить литианам за каждый найденный метеорит по сто долларов, это их несколько озадачит. Нет, надо бы как-ни-

будь иначе разговор повернуть.

— Раз метеоритов падает очень мало, вряд ли вам удастся таким образом добыть достаточно железа для полномасштабных исследований — как вы там ни объединяй усилия. К тому же найденные метеориты в большинстве своем окажутся каменными. Вам нужна другая, дополнительная программа поисков железа.

— Думали уже об этом мы, — печально проговорил Штекса. — Но не приходило ничего в голову нам.

— Если бы как-нибудь выделять железо, которое у вас на планете и без того есть… Наши-то методы добычи вам не годятся, на Литии ведь нет рудных пластов. Хм-м… Штекса, как насчет бактерий — концентраторов железа?

— Бывают такие? — спросил Штекса, недоверчиво склонив голову набок.

— Не знаю. Спросите ваших бактериологов. Если есть на Литии бактерии, принадлежащие, по земной классификации, к роду Leptothrix, какая-то их разновидность должна концентрировать железо. За миллионы лет здешней эволюции такая мутация должна была произойти, и давно.

— Но почему с мутацией такой раньше не сталкивались мы? Притом, что исследованиями

бактериологическими занимались больше мы, чем любыми другими.

— Потому что не знали, что именно искать; эти бактерии должны быть здесь такими же редкими, как само железо. На Земле, где железа предостаточно, Leptothrix Ochracea встречаются на каждом шагу — в рудных пластах тьма-тьмущая их ископаемых оболочек. Какое-то время, кстати, считалось, что именно эти бактерии и отвечают за образование рудных пластов — в чем я лично сильно сомневался. Они получают энергию окислением железа-два до железа-три, что может происходить и спонтанно — если в растворе подходящие значения «пэ-аш» и окислительно-восстановительного потенциала; а на эти величины могут влиять и обычные бактерии разложения. На нашей планете Leptothrix встречаются в рудных пластах, потому что там много железа, а не наоборот; вам же придется раскручивать всю цепочку в обратном направлении.

— Немедленно наладим программу исследования образцов почвы мы, — возбужденно проговорил Штекса. Бородка его стала светло-лиловой. — Ежемесячно центры по разработке антибиотиков наши тысячи образцов почвы исследуют в поисках микрофлоры, терапевтическое

значение иметь могущей. Если действительно есть на Литии бактерии, железо концентрирующие, непременно обнаружим их мы.

— Должны быть. У вас встречаются облигатные анаэробные бактерии — которые концентрируют серу?

— Да… да, конечно!

— Вот, — произнес иезуит, удовлетворенно откидываясь и хлопая себя по коленям. — Серы у вас предостаточно — и соответствующих бактерий тоже. Пожалуйста, сообщите мне, когда обнаружите что-нибудь вроде Leptothrix. Я приготовлю субкультуру и заберу с собой на Землю. Очень хотелось бы ткнуть туда носом кое-кого из наших ученых мужей…

Литианин замер и вытянул шею — словно бы крайне удивлен.

— Прошу прощения, — торопливо поправился Руис-Санчес. — Это я дословно перевел одну нашу довольно агрессивную идиому. На самом-то деле ни о каком реальном действии речь не шла.

— Кажется, понял я, — протянул Штекса; у Руис-Санчеса были основания усомниться в этом: обнаружить в литианском языке метафор ему до сих пор так и не удалось — ни активно употребляемых, ни отмерших; кстати, ни поэзии,

ни вообще искусств у литиан тоже не было. — Разумеется, разумеется, любыми результатами программы этой воспользоваться можете вы; честь для нас будет это. Много лет уже не может проблему разрешить наука социальная наша, как новатору должное воздать. Подумаешь когда, как изменяют жизнь нашу идеи новые, в отчаяние приходишь, что адекватно не ответить; и хорошо очень, коль у новатора самого пожелания есть, кои общество удовлетворить может.

Руис-Санчесу показалось, что он неправильно понял. Еще раз прокрутив в мозгу услышанное, он осознал, что просто не способен так вот, с ходу проникнуться подобной идеей — хотя сама по себе та и выше всяких похвал. В устах землянина то же самое прозвучало бы до тошноты напыщенно — но Штекса-то был искренен.

Может, оно и к лучшему, что комиссии вот-вот пора представлять отчет. А то Руис-Санчесу начинало казаться, что еще чуть-чуть — и от этого бесстрастного здравомыслия его начнет мутить. «А здравомыслие это, — кольнула тревожная мысль, — происходит от голого рассудка; но не от заповедей, не от веры». Бог литианам был неведом. Они поступали как должно и были добродетельны в помыслах, потому что поступать и

мыслить так было для них разумнее, естественнее, эффективней. А большего, кажется, им и не требовалось.

Неужели никогда не тревожат их мысли ночные? Да найдется ли во вселенной хоть одно высокоразумное существо, у которого хоть на мгновение не перехватывало бы дух от ужаса внезапного осознания тщеты всего сущего, слепоты любого учения, бесплодности жизни как таковой? «Лишь на прочном фундаменте неукротимого отчаяния, — писал некогда один знаменитый атеист, — допустимо возводить надежную для души обитель, отныне и вовек»[10].

Или, может быть, литиане думали и поступали именно так, потому что, не происходя от человека, а, значит, вообще говоря, так и не покинув Райского сада, не разделяли с человечеством тяжкой ноши первородного греха? Вряд ли бдительному теологу следовало игнорировать тот факт, что за всю геологическую историю на Литии не было ни одного ледникового периода, что вот уже семьсот миллионов лет климат оставался неизменным. Но если они не отягощены первородным грехом, тогда, может, и от проклятия

---

[10] Примечания: 10
Бертран Рассел, «Философские эссе» (№ 2).

Адама свободны?

А коли так — под силу ли человеку среди них жить?

— Штекса, мне хотелось бы вас кое о чем расспросить, — заговорил священник после недолгого раздумья. — Вы никоим образом передо мной не в долгу: всякое знание считается у нас общим достоянием; однако нам, четверым землянам, в ближайшее время предстоит принять непростое решение. Вы в курсе, о чем идет речь. И, мне кажется, мы еще слишком мало знаем о вашей планете, чтоб вынести решение достаточно обоснованно.

— Тогда, разумеется, вопросы задавайте, — немедленно откликнулся Штекса. — На какие смогу, отвечу я.

— Хорошо, в таком случае… Вы умираете? Слово «смерть» у вас в языке есть, но я не уверен, что оно значит то же, что и в нашем.

— Изменяться прекратить и к существованию вернуться означает оно, — произнес Штекса. — Машина тоже существует, но живой организм только — дерево например — от одного равновесия изменчивого к другому развивается. Когда заканчивается развитие это, мертв организм.

— И с вами происходит так же?

— Со всеми происходит так. Даже деревья великие — Почтовое, скажем — умирают рано или поздно. Не так на Земле разве?

— Да, у нас все так же, — ответил Руис-Санчес. — Просто мне почему-то вдруг пришло в голову — слишком долго объяснять почему, — что вам это зло неведомо.

— Не зло это, с нашей точки зрения, — высказался Штекса. — Смерти благодаря живет Лития. Газа и нефти запасами обеспечивает смерть растений нас. Чтобы жили существа одни, всегда умирать другие должны. Если о том речь идет, чтобы болезнь вылечить, бактерии умереть должны, и вирусам жить позволить нельзя. Да и сами мы умирать должны — просто чтобы другим место освободить; по крайней мере, пока не сумеем мы рождаемость понизить — что невозможно по сей день.

— Но желательно, с вашей точки зрения?

— Безусловно желательно, — сказал Штекса. — Богат мир наш, но не неистощим отнюдь. А на планетах других, как научили вы нас, другие живут народы. Так что не можем надеяться мы другие планеты заселить, когда перенаселенной окажется эта.

— Все сущее неистощимо, — резко отозвался

Руис-Санчес, хмуро уставившись в искрящийся пол. — Этой истине мы выучились за нашу тысячелетнюю историю.

— В каком смысле неистощимо? — поинтересовался Штекса. — Согласен, мелочь любую: камешек, воды каплю, почвы комок — изучать бесконечно можно. В буквальном смысле бесконечен информации объем, что извлечь из них можно. Но почва та же самая нитратами обеднеть способна. Трудно это, но возможно — если бездарно совсем возделывать ее. Или возьмем железо, о котором говорили мы. Безумием было бы допустить, чтоб развился в экономике нашей на железо спрос, все известные литианские запасы превышающий — даже с учетом железа метеоритного и того, что ввозить могли бы мы. И не в информации дело тут. А в том, может ли быть использована информация или нет. Если нет, тогда и пользы никакой нет от бесконечного ее объема.

— Да, вы вполне могли бы обойтись и тем железом, что есть, — согласился Руис-Санчес — А точности работы ваших деревянных приборов позавидовал бы любой земной инженер. Да большинство их и не помнят, наверно, что когда-то и у нас было нечто похожее. Дома у меня есть

образчик такого древнего искусства. Это своего рода механический прибор для измерения времени, «часы с кукушкой» называется; изготовлен примерно два наших века назад и без единой железной детали, не считая гирек, а точность хода — по сей день изумительная. И, кстати, еще долго после того, как металл стали вовсю применять в судостроении, корабельные корпуса обшивались древесиной.

— В большинстве случаев материал превосходный — дерево, — согласился Штекса. — В том проблема только, что свойства непостоянны дерева, с керамикой сравнительно и, видимо, с металлом. Специалистом быть потребно, дабы чем ствол один от другого отличен, определить. Ну и конечно, в формах керамических выращивать детали сложные можно; столь высокое в форме давление, что плотной исключительно деталь в результате выходит. Детали крупные вытачивать можно песчаником мягким из досок непосредственно и сланцем шлифовать. Благодарный весьма материал этот для работы, считаем мы.

Почему-то Руис-Санчес вдруг почувствовал себя немного пристыженным. Это был тот же — только многократно усиленный — стыд, что ощущал

он дома на Земле, глядя на часы с кукушкой, старый добрый «Шварцвальд». Все остальные, электрические часы на его гасиенде в пригороде Лимы могли бы, конечно, работать тихо, точно и занимать куда меньше места — да вот беда: при выпуске их принимались в расчет соображения не только технические, но и коммерческие. В результате большинство то пронзительно, астматически похрипывали, то принимались, когда вздумается, негромко, безнадежно постанывать. Очертаний все были исключительно модерновых, громоздки и страшны как смерть. Точность хода у всех поголовно, мягко говоря, оставляла желать лучшего; а те, которые выпускались с нерегулируемым электромоторчиком и простейшей «коробкой передач», по определению невозможно было подстроить — так они, бедные, и жили, на веки вечные обреченные отставать либо спешить.

А тем временем деревянные часы с кукушкой тикали себе и тикали. Каждые четверть часа распахивалась одна из деревянных створок, и выдвигался, звучно токуя, перепел; каждый час появлялся сперва перепел, а потом кукушка, и тихо звякал колокольчик — вместо традиционного «ку-ку». А полночь и полдень — это было

не просто время суток; в полночь и в полдень разыгрывались целые представления. Отставали часы эти ну максимум на минуту в месяц; а что касается завода, то достаточно было раз в день, перед сном, потянуть за три гирьки.

Мастер, изготовивший часы, умер задолго до рождения Руис-Санчеса. А за свою жизнь священник успеет купить и выбросить, по меньшей мере, дюжину дешевых электрических поделок чего производители их, собственно, и добивались; тенденция эта напрямую вела свое происхождение от «методики запланированного устаревания» — мании намеренно сокращать срок службы вещей, которая охватила американский континент во второй половине прошлого века.

— Воистину очень благодарный… — тихо проговорил Руис-Санчес. — У меня еще один вопрос, если позволите. Скорее даже, продолжение предыдущего вопроса. Я спрашивал, умираете ли вы; теперь я хотел бы спросить, как вы рождаетесь. На улице я вижу много взрослых литиан, иногда и в окнах домов тоже — хотя вы, насколько я понимаю, живете один… Но я ни разу не видел ни одного ребенка. Не объясните, в чем тут дело? Если, конечно, тема эта дозволена к обсуждению…

— Дозволена, конечно, дозволена, — отозвался Штекса. — Закрытых не может быть тем. Как, несомненно, в курсе вы, сумки брюшные у женщин есть наших, где яйца носятся. Мутация такая полезной оказалась весьма: немало хищников на Литии, гнезда разоряющих.

— Да, на Земле тоже встречаются сумчатые животные — правда, живородящие.

— Раз в год пора приходит яйца откладывать, — продолжал Штекса. — Покидают дома свои тогда женщины наши и мужчин выбирают, оплодотворить яйца дабы. Один пока что я, ибо в сезоне этом не остановил никто на мне выбор первый свой; для брака второго выберут меня, завтра произойдет это.

— Понимаю… — осторожно протянул Руис-Санчес. — А чем определяется выбор? Эмоциями или только разумом?

— Одно и то же это, в итоге конечном, — ответил Штекса. — Не оставляли потребности генетические на волю случая предки наши. Эмоции наши не противоречат более знанию евгеническому. И не могут противоречить, ибо сами изменению подверглись в процессе селекции тщательной, дабы действовать сообразно знанию этому… Наступает в конце сезона День миграции. Оп-

лодотворены уже яйца все к моменту сему и лупиться готовы. В день этот — не дождетесь вы его, опасаюсь я, раньше улетаете вы — на берег морской выходит народ весь наш. От хищников охраняют мужчины женщин, и заходят женщины в воду, где поглубже, и детей рожают.

— В море? — слабеющим голосом переспросил Руис-Санчес.

— В море, да. А потом возвращаемся все мы к делам будничным нашим, до следующего сезона брачного.

— А дети… что потом с детьми?

— Ну как же, сами о себе заботятся они, как сумеет кто. Гибнут многие, конечно, собрату прожорливому нашему рыбоящеру достаются — которого из-за этого бьем мы нещадно, можем когда. Но домой большинство возвращаются, время когда приходит.

— Возвращаются? Штекса, я ничего не понимаю! Почему они не тонут при рождении? И если возвращаются, почему мы ни одного не видели?

__ Видели, — отозвался Штекса. — Того более, слышали, и часто весьма. Неужели сами вы… Ах да, млекопитающие вы, вот сложность в чем. В гнезде остаются дети ваши; знаете их вы, и знают они родителей.

__ Да, — повторил Руис-Санчес, — мы их знаем, и они нас тоже.

— Невозможно у нас это, — сказал Штекса. — Пойдемте, покажу я.

Он поднялся и вышел в прихожую. Руис-Санчес последовал за ним; от догадок, одна другой нелепей, голова шла кругом.

Штекса отворил дверь. Ночь, с отупелым потрясением отметил священник, была уже на исходе; облака на востоке мерцали слабым-слабым жемчужным отблеском. Джунгли все так же певуче, многообразно гудели. Раздался пронзительный, с шипением свист, и над городом в сторону моря поплыла тень птеранодона. Далеко на воде крошечное бесформенное пятнышко — не иначе как литианский гидроплан — поднялось над волнами и пролетело ярдов, наверно, шестьдесят, прежде чем снова взрезать тяжелую маслянистую зыбь. Из илистых низин доносился хриплый, кашляющий лай.

— Вот, — тихо произнес Штекса. — Слышали вы?

Та же тварь на отмели — или другая такая же — снова раскатисто скрипнула, явно сетуя на грусть и одиночество.

— Конечно, трудно вначале им, — сказал Штек-

са. — Но позади худшее уже. Вышли на берег они.

— Штекса… — проговорил Руис-Санчес. — Ваши дети — это земноводные рыбы?!

— Да, — сказал Штекса, — это дети наши.

V

В конечном-то счете, именно из-за неумолчного лая земноводных рыб он и хлопнулся в обморок, когда Агронски отворил дверь. «Помогло» и то, что Руис-Санчес столько времени был на ногах; и двойная нервотрепка из-за болезни Кливера вкупе с открытием, что тот лгал, причем беззастенчиво; и чувство вины по отношению к Кливеру, возраставшее с каждым шагом дороги домой под светлеющим, слезящимся небом; и, конечно, потрясение от появления Микелиса с Агронски, прилетевших, пока он ради удовлетворения любопытства пренебрегал врачебным долгом.

Но в основном дело было в придушенно стихающем к утру гомоне детей Литии, что всю дорогу от Штексы молотил, будто стенобитные орудия, в бастионы, с превеликим тщанием возведенные Руис-Санчесом у себя в мозгу.

Обморок длился буквально несколько секунд.

Когда священник очнулся, Агронски с Микелисом уже усадили его на табурет посреди лаборатории и пытались стянуть с него плащ, да так, чтобы не дай Бог не разбудить или потревожить, — топологическая задача той же сложности, что снять жилетку, не снимая пиджака. Священник устало извлек руку из рукава плаща и поднял взгляд на Микелиса.

— Доброе утро, Майк. Прошу прощения за безобразное поведение.

— Не глупи, — бесстрастно сказал Микелис — И вообще, лучше помолчи пока. Хватит с меня того, что Кливера полночи утихомиривал. Честное слово, Рамон, с меня хватит.

— Но я — то здоров. Просто немного подустал.

— Что такое с Кливером? — вмешался Агронски. Микелис собрался было шикнуть на него, но Руис-Санчес произнес:

— Нет-нет, Майк, вопрос вполне законный. Честное слово, со мной все в порядке. А что касается Пола, то он напоролся сегодня в лесу на какой-то шип и заработал гликозидное отравление. То есть какое сегодня — вчера. И как он там при вас?

— Плохо, — ответил Микелис. — Тебя не было, и мы никак не могли решить, что ему дать. В конце

концов остановились на таблетках, которые ты наштамповал, дали две штуки.

— Да? — Руис-Санчес тяжело спустил ноги на пол и попытался встать. — Ладно, вы же действительно не знали… передозировочка, в общем, вышла. Пойду-ка взгляну на него…

— Рамон, сядь, пожалуйста, — произнес Микелис, не повышая голоса, но с безошибочно командирскими интонациями. Испытывая смутное облегчение, священник позволил усадить себя назад на табурет. Соскользнули с ног сапоги.

— Майк, кто у нас, собственно, святой отец? — устало поинтересовался он. — Впрочем, не сомневаюсь, ты сделал все как надо. Как там он, по-твоему, совсем плох?

— Серьезно болен, скажем так. Но его хватило на то, чтобы целую ночь сопротивляться всем нашим попыткам уложить его. Заснул буквально только что.

— Хорошо. Пускай поспит. Потом, пожалуй, надо будет ввести ему внутривенное. В здешней атмосфере салициловая передозировка так просто с рук не сходит. — Он вздохнул. — Я лягу спать в соседний гамак и, если какой кризис случится, буду наготове. Так. Может, с расспросами пока

хватит?

— Ну, если остальное все путем…

— Какое там путем… — вздохнул Руис-Санчес, — все наоборот.

— Так я и знал! — взвился Агронски. — Черт побери, так я и знал! Майк, что я говорил?

— Что-нибудь срочное?

— Нет, Майк, нам ничего не угрожает, в этом я уверен. По крайней мере, дело терпит; а отдохнуть всем явно не мешало бы.

__ Это точно, — согласился Микелис.

— Но почему вы ни разу не вышли на связь? — с упреком в голосе воскликнул Агронски. — Святой отец, вы нас до полусмерти перепугали. Если тут что-то неладно, надо было…

— Непосредственной опасности нет, — терпеливо повторил Руис-Санчес. — Что до того, почему мы ни разу не вышли на связь, для меня это не меньшая загадка, чем для вас. До вчерашнего вечера я был уверен, что мы с вами в постоянном контакте. За связь отвечал Пол, и я думал, все в порядке. Пока он не заболел.

— Значит, надо ждать, пока он выздоровеет, — подытожил Микелис — А теперь, ради всего святого, давайте наконец-то уляжемся. Две с половиной тысячи миль на нашей железной пташке

да сквозь сплошной туман — как-то оно довольно утомительно вышло. Эх, с каким удовольствием я сейчас… Вот только, Рамон…

— Да, Майк?

— Я хочу сказать, мне это нравится не больше, чем Агронски. Ладно, утро вечера мудренее… то есть в данном случае наоборот. Короче, чтобы вынести решение, осталось от силы дня полтора — а там уже корабль прилетит, и прости-прощай; к этому моменту мы должны знать о Литии все — и решить, что докладывать на Земле.

— Да, — произнес Руис-Санчес. — Совершенно верно, Майк: именно что ради всего святого.

Перуанец-биолог-священник проснулся первым; строго говоря, физически он устал меньше прочих. За окошком только начинало смеркаться; он выбрался из гамака и прошлепал взглянуть на Кливера.

Физик был в коме. Лицо его посерело и казалось каким-то усохшим. Самое время Руис-Санчесу заняться искуплением вчерашних прегрешений. К счастью, пульс и дыхание у Кливера были близки к норме.

Стараясь ступать как можно тише, Руис-Санчес проследовал в лабораторию и приготовил для физика раствор фруктозы. Для остальных он развел

в тигле что-то вроде суфле из яичного порошка, прикрыл крышкой и задвинул в духовку.

В спальне священник собрал стойку для внутривенного питания. Когда игла впилась в большую вену чуть выше сгиба локтя, Кливер даже не вздрогнул. Руис-Санчес закрепил капельницу, проверил, хорошо ли поступает раствор из перевернутой бутыли, и вернулся в лабораторию.

Там он сел на табурет перед микроскопом и позволил себе немного отключиться. Темнело. Усталость еще чувствовалась, но борьба со сном не требовала уже таких постоянных усилий. Судя по причмокиванью, глуховато доносящемуся из духовки, суфле начинало подниматься; а вскоре, судя по еле-еле повеявшему аромату, и подрумяниваться — или, по крайней мере, серьезно подумывать о том, что уже пора бы.

Снаружи внезапно разразился ливень. И так же внезапно прекратился. Заканчивалось короткое жаркое литианское лето; зима на этой широте будет долгой и теплой, не холоднее плюс двадцати по Цельсию. Даже на полюсах зимняя температура не опускалась ниже плюс пятнадцати.

— Рамон, это, часом, не завтрак?

— Да, Майк, уже в духовке; через пару минут будет готов.

— Прекрасно.

Микелис опять вышел. Взгляд Руис-Санчеса остановился в дальнем углу лабораторного стола, на темно-синей книге с золотым тиснением по корешку, которую ему было не лень тащить аж с Земли. Почти машинально он придвинул книгу к себе, и почти машинально та раскрылась на странице 573. Что ж, это хоть даст пищу для размышлений несколько более абстрактных.

В прошлый раз он остановился на том, что Анита «…уступила бы похотливым домогательствам Онуфрия, дабы утихомирить свирепого Суллу и двенадцать его наемников, а также (как с самого начала предполагал Гильберт) сберечь невинность Фелиции для Магравия…» — нет, секундочку, как это Фелиция может до сих пор считаться девственницей? А, «…когда Михаэль обратил ее в истинную веру после смерти Гиллии»; тогда понятно, раз с самого начала она была виновна не более, чем в супружеской неверности… «… Но она опасается, что, позволив реализоваться его супружеским правам, даст повод для предосудительного поведения Евгения с Иеремией. Михаэль, ранее соблазнивший Аниту, освобождает ее от данной Онуфрию клятвы…» — да, понятно, ведь на Евгения у Михаэля были

свои виды. «Анита обеспокоена, однако Михаэль грозит возложить завтрашнее рассмотрение ее дела на рядового Гийома, даже пойди она при аффрикатировании на обман из благочестия, что, как известно по опыту (согласно Уоддингу), приведет к объявлению брака недействительным».

Хорошо. Очень хорошо. Кажется даже, впервые за все время чтения начала складываться определенная картинка; очевидно, автор все-таки прекрасно представлял себе, что делает, каждый шаг. «Нет, — размышлял Руис-Санчес, — не хотелось бы мне лично знавать эту семейку «латинян» или исповедовать кого-нибудь из них».

Да, роман начинал смотреться довольно складно — если достаточно бесстрастно подходить к действующим лицам (которые всего лишь вымышленные персонажи, в конце концов) или к автору (который — величайший ум в английской, а может, и в мировой литературе — достоин сочувствия, как и самая ничтожная из жертв Дьявола). Видеть роман как он есть, в своего рода сером тумане чувств, где всё — даже подобные кляпу комментарии, что роман вобрал еще с 1920-х — представляется в одинаковом свете.

— Святой отец, завтрак готов?

— Судя по запаху, да. Можешь раскладывать,

Агронски.

— Спасибо. Кливера поднять?..

— Нет, он сейчас под капельницей.

— Понял.

Если только впечатление, что он сумел наконец правильно постичь суть проблемы, не окажется опять обманчивым, теперь он готов ответить на основной вопрос, столько десятилетий служивший камнем преткновения для ордена и церкви. Он внимательно перечитал вопрос. Тот гласил:

«Властен ли он приказать и должна ли она подчиниться?»

К своему удивлению, он впервые заметил, что на самом-то деле это два вопроса — несмотря на отсутствие запятой. Значит, и ответов должно быть два. Властен ли Онуфрий приказать? Да, потому что Михаэль — единственный изо всех, первоначально наделенный благодатью, — безнадежно себя скомпрометировал. Так что никто не мог, — вне зависимости от того, имели место в действительности тяжкие прегрешения Онуфрия, или это все одни слухи — лишить его положенных привилегий.

Но должна ли Анита подчиниться? Нет, не должна. Михаэль утратил право каким бы то ни было образом отправлять правосудие, да и

приостанавливать его отправление тоже; так что в конечном итоге Аните не следует руководствоваться ни указаниями викария, ни чьими-либо еще — только собственной совести; а с учетом суровых обвинений, выдвинутых против Онуфрия, ей ничего не остается, кроме как его отвергнуть. Что до раскаяния Суллы и обращения Фелиции, это не значило ровным счетом ничего, поскольку отступничество Михаэля лишило их — да и всех остальных — духовного наставника.

Так что ответ-то был очевиден все время. А именно: да — и нет.

И все зависело лишь от поставленной — или не поставленной — в нужном месте запятой. Шутка писателя. Демонстрация того, что один из величайших романистов всех времен и народов может посвятить семнадцать лет книге, центральная проблема которой — где поставить запятую; вот как подчас маскирует пустоту свою враг рода человеческого — и опустошает приверженцев своих.

Руис-Санчес с содроганием захлопнул книгу и глянул поверх лабораторного стола; перед глазами плыл тот же серый туман, что и раньше, не светлее и не темнее — но глубоко изнутри прорывалось радостное возбуждение, подавить

которое было ему не под силу. В извечной борьбе Врагу нанесено очередное поражение.

Устало, заторможенно глядел он сквозь окно в сочащуюся влагой черноту — и вдруг в усеченном прямоугольнике желтого света, отбрасываемом на стену дождя, мелькнула знакомая, будто из камня вырубленная голова. Руис-Санчес, вздрогнув, опомнился. Это был Штекса, и он уже удалялся.

Вдруг Руис-Санчес вспомнил, что никто не позаботился стереть надпись с таблички у входа. Если Штекса приходил по делу, назад он повернул совершенно зря. Священник схватил со стола пустую коробочку из-под предметных стекол и забарабанил ею по стеклу.

Штекса обернулся и сквозь струящуюся занавесь дождя глянул в окно; мигательная перепонка прикрывала глаза его от потоков воды. Руис-Санчес кивком пригласил литианина заходить, одеревенело поднялся с табурета и побрел открывать дверь.

Оставленный ему в духовке завтрак окончательно обуглился.

Заслышав стук в стекло, явились Агронски и Микелис. С природной, ненапускной серьезностью Штекса сверху вниз оглядел троих землян;

тяжелые маслянистые капли воды сбегали по призмочкам, из которых складывалась его мягкая мелкочешуйчатая кожа.

— Не знал я, что больной здесь, — произнес литианин. — Пришел я, так как утром сегодня из дома моего брат ваш Руис-Санчес без подарка ушел, который надеялся я вручить ему. Готов уйти я, если нарушил как-либо уединение ваше.

— Никоим образом, — заверил его священник. — А болезнь — это всего лишь отравление, незаразное и не очень опасное. Познакомьтесь, Штекса, это мои друзья с севера, Микелис и Агронски.

— Счастлив видеть их я. Значит, дошло сообщение?

— Какое еще сообщение? — спросил Микелис на своем чистом, но не очень уверенном литианском.

— Вечером вчера просил меня сообщение послать коллега ваш Руис-Санчес. В Коредещ-Гтоне сказали мне, что улетели уже вы.

— Так все и было, — подтвердил Микелис — Рамон, что это значит? Насколько я помню, ты говорил, что за связь отвечает Пол. И ты явно имел в виду, что не знал, как она работает, когда Пол заболел.

— Не знал. И до сих пор не знаю. Я попросил Штексу послать сообщение за меня; о чем он и говорил.

Микелис снизу вверх глянул на литианина.

— И что было в сообщении? — поинтересовался он.

— Чтоб вылетали в Коредещ-Сфат вы. И что время ваше на планете к концу подходит.

— О чем речь? — спросил Агронски. Он пытался следить за разговором, но его лингвистических способностей явно не хватало; а те несколько слов, что удалось разобрать, только подогрели его страхи. — Майк, переведи, пожалуйста.

Микелис вкратце изложил суть дела.

— Рамон, — обратился затем химик к Руис-Санчесу, — а больше ты ничего не хотел нам сообщить? Особенно после всего, что выяснилось? В конце концов, мы тоже были в курсе, что скоро пора улетать; и с календарем обращаться умеем…

— Понимаю, Майк, понимаю. Но я же понятия не имел, какие из предыдущих сообщений до вас дошли — и дошли ли хоть какие-то. Сначала я думал, может, у Кливера есть свой личный канал связи, радиоприемник там какой-нибудь… Потом мне пришло в голову, что гораздо легче было бы

передавать сообщения с трансконтинентальными рейсовиками. Кливер ведь мог передать вам, скажем, будто мы задержимся на Литии дольше намеченного; или что меня убили, а он разыскивает убийцу… да все, что угодно. Мне надо было принять все возможные меры к тому, чтобы вы прибыли сюда в любом случае, вне зависимости от того, что там сообщал вам Кливер или не сообщал… А когда я добрался до местной почты, соображать пришлось на ходу и быстро; выяснилось, что непосредственно связаться с вами я не могу — равно, как и послать подробное сообщение, потому что наверняка оно исказилось бы до неузнаваемости при переводе с английского на литианский и обратно. Все радиосообщения отправляются из Коредещ-Сфата только через Почтовое дерево — а кто не видел, что это такое, даже вообразить не может, какие трудности предстоят землянину, если надо отправить пусть даже самое простенькое сообщение.

— Это правда? — поинтересовался у Штексы Микелис.

— Правда? — переспросил Штекса. Он явно пребывал в замешательстве; всю бородку его испещрил яркий пунктирный узор. Хотя Руис-Санчес и Микелис перешли на литианский,

кое-какие слова, в литианском просто не существовавшие («убийца», скажем), им приходилось вставлять по-английски. — Правда? Не понимаю. Насколько верно это, имеете в виду вы? О том судить лучше вам.

— Но это соответствует истине?

— Насколько знаю я, — отозвался Штекса, — соответствует.

— Так вот, — продолжил Руис-Санчес, стараясь подавить раздражение в голосе, — теперь вы понимаете, почему, когда Штекса волею судеб появился в Дереве, узнал меня и предложил свои услуги, мне пришлось сократить послание до минимума. Объяснять все подробности было бы без толку, а на то, что они доберутся до вас в неискаженном виде, пройдя, как минимум, через двоих литианских посредников, явно не стоило и надеяться. Все, что я мог, это крикнуть как можно громче, чтоб вы прилетали вовремя, и надеяться, что вы услышите.

— Беда настала, — вдруг проговорил Штекса, — и болезнь пришла. Уйти должен я. Случись со мной беда, желал бы я, чтоб оставили в покое меня — и не могу рассчитывать на это я, коль присутствие навязываю свое тем, беда у кого. В другой раз принесу я подарок свой.

По-утиному втянув голову в плечи, он выскользнул в дверной проем — не попрощавшись ни словом, ни жестом, но оставив витать в воздухе тамбура едва ли не физическое ощущение безграничного милосердия. Беспомощно и как-то потерянно глядел Руис-Санчес вслед удаляющейся фигуре. Казалось, литиане всегда правильно понимают ситуацию, до самой сути; в отличие даже от самых самонадеянных землян, сомнения не посещали их вообще никогда. Равно как и ночные мысли. И угрызения совести не мучили.

А что удивительного? Ведь они ощущали поддержку (если Руис-Санчес не ошибался) второго — после первейшего — авторитета во Вселенной, причем поддержку прямую, безо всякого церковного посредничества, без расхождения в интерпретациях. Тот самый факт, что в способности сомневаться им отказано, однозначно отождествлял их с порождениями авторитета номер два. Только божьим детям дарована свободная воля — и сомнения.

И все равно Руис-Санчес постарался б оттянуть уход литианина, если бы смог. В коротком споре полезно иметь на своей стороне чистый разум — хотя если полагаться на такого союзника слишком долго, тот не преминет нанести удар, причем

прямо в сердце.

— Пошли в дом, обмозгуем, — высказался Микелис, захлопнул дверь и направился в гостиную. По инерции он сказал это по-литиански и, прежде чем перейти на английский, криво усмехнулся, покосившись на дверь. — Хорошо хоть поспать немного удалось. Но до посадки корабля времени остается всего ничего; мы рискуем не успеть подготовить официальное решение.

— Но как мы можем что-то обсуждать! — запротестовал Агронски, секундой раньше послушно проследовавший за Микелисом в гостиную вместе с Руис-Санчесом. — О каком вообще решении речь, если не заслушать Кливера? В нашей работе ценен каждый голос.

— Трудно не согласиться, — кивнул Микелис. — Мне вся эта кутерьма нравится ничуть не больше, чем тебе, я это уже говорил. Похоже, правда, выбора у нас нет. А ты, Рамон, что скажешь?

— Честно говоря, я бы предпочел подождать, — ответил Руис-Санчес. — Будем смотреть на вещи здраво: что б я ни сказал, все равно вам это будет хоть немного, да подозрительно. И, пожалуйста, не надо говорить, будто вы на сто процентов уверены в моей честности — в Кливере мы тоже были уверены. Обе уверенности, так сказать,

взаимоликвидируются.

— Рамон, у тебя отвратительная привычка говорить вслух то, о чем другие думают втихомолку, — слабо усмехнувшись, произнес Микелис. — Ну и что ты можешь предложить?

— Ничего, — признался Руис-Санчес — Как ты сам говорил, время работает против нас. Придется начинать обсуждение без Кливера.

— Ни в коем случае!!!

Голос, раздавшийся из дверей спальни, звучал слабо и болезненно-хрипло.

Все повскакали с мест. Кливер в одних шортах застыл в дверном проеме, уцепившись за притолоку. На локтевом сгибе Руис-Санчес разглядел след от содранного пластыря — там, где входила игла для внутривенного питания; под сероватой кожей уродливо вздулась синяя гематома.

VI

(Немая сцена).

— Пол, да ты вообще с ума сошел, — рассерженно выговорил наконец Микелис. — А ну, забирайся назад в гамак, пока совсем не поплохело. Ты же болен, не понимаешь, что ли?

— Не так болен, как кажется, — отозвался Кливер, жутковато скалясь. — На самом деле,

самочувствие у меня уже довольно сносное. Воспаление во рту почти прошло, да и лихорадить перестало. И разрази меня гром, если комиссия продвинется хоть на один чертов дюйм без меня. У вас нет на это права, и я опротестую любое — слышите, парни? Любое! — решение, которое вы без меня примете.

Комиссия внимала; уже включился магнитофон, и тихо сматывалась пленка на герметично опечатываемую катушку. Микелис и Агронски вопрошающе поглядели на Руис-Санчеса.

— Что скажешь, Рамон? — сдвинув брови, поинтересовался Микелис, временно отключив магнитофон. — Это не опасно?

Руис-Санчес уже изучал Кливерову ротовую полость: почти все язвочки действительно зарубцевались, а немногие оставшиеся начали затягиваться молодой тканью. Глаза у Кливера чуть слезились (значит, заражение крови еще сказывается), но в остальном от вчерашнего отравления не осталось и следа. Вот выглядел Кливер и впрямь ужасно, что да, то да — впрочем, совершенно естественно для человека, который совсем недавно валялся пластом и без оглядки пережигал белок собственных клеток. Что касается гематомы, с той управится холодный компресс.

— Ну, если уж очень хочется рисковать своей жизнью, такое право у него есть — по крайней мере, косвенно, — проговорил Руис-Санчес. — Пол, в первую очередь, ты должен куда-нибудь сесть, надеть теплый халат и укутать ноги. Потом тебе надо поесть, сейчас я что-нибудь сготовлю. На поправку ты пошел удивительно быстро, но у тебя еще имеются все шансы подхватить настоящую инфекцию.

— Согласен на компромисс, — быстро сказал Кливер. — Героя строить не собираюсь, просто хочу, чтоб меня выслушали. Кто-нибудь, помогите мне дойти вон до той кушетки. На ногах я как-то еще не слишком твердо держусь.

Суета вокруг Кливера длилась добрых полчаса, пока Руис-Санчес не соизволил высказать удовлетворение. Физику — судя по кривоватой усмешке — это, кажется, даже нравилось. В конце концов, ему вручили кружку гштъита — местного чая на травах, восхитительно вкусного, причем настолько, что в ближайшем будущем у того были все шансы стать главной статьей экспорта.

— Ну ладно, Майк, врубай шарманку, и поехали, — произнес Кливер.

— Ты уверен? — поинтересовался Микелис.

— На сто процентов. Врубай, черт побери.

Микелис повернул ключ, вытащил и положил в карман. Пошла запись.

— Хорошо, Пол, — сказал он. — Ты из кожи вон лез, лишь бы оказаться в центре внимания. Трудно не согласиться, тебе это удалось. Колись, короче: почему на связь не выходил?

— Не хотелось.

— Секундочку, секундочку, — вмешался Агронски. — Пол, не забывай, идет запись; совершенно не обязательно пускаться с места в карьер и выпаливать первое, что взбредет. Согласен, речевые центры у тебя вполне пришли в норму, но это ж еще не повод… Может, ты ни разу не подавал вестей, потому что не сумел освоить связь через… как его… Дерево?

— Нет, дело не в этом, — стоял на своем Кливер. — Спасибо, конечно, Агронски, за заботу, но нечего выдумывать за меня алиби всякие. Я сам прекрасно помню, что там у меня было не того; да и поздновато как-то уже правдоподобное алиби сочинять. Конечно, контролируй я полностью свои действия, все было бы шито-крыто. Но из-за этого ананаса чертова все пошло прахом. Я понял это ночью, когда сопротивлялся как одержимый, лишь бы переговорить с вами до возвращения святого отца; однако не выгорело.

— Сейчас ты к этому относишься уже довольно спокойно, — заметил Микелис.

— Ну, как тебе сказать… конечно, я лопухнулся. Но я реалист. К тому же, Майк, у меня были чертовски веские причины делать то, что делал. Надеюсь, вы еще согласитесь со мной, когда я все объясню.

— Ладно, — сказал Микелис — Валяй.

Кливер привалился к стенке и сложил руки на коленях. Вид у него стал немного торжественный, едва ли не библейский. Ситуация явно была ему по вкусу.

— Во-первых, как я уже сказал, на связь я не выходил, потому что не хотелось. Разобраться с Деревом можно было бы достаточно просто — так же, как сделал святой отец, например — то есть, попросить переправлять сообщения кого-нибудь из змей. Конечно, болтать по-змеиному я не умею, но можно было бы попросить помочь святого отца — а тогда пришлось бы посвящать его в мои планы. А поскольку это отпадало, оставалось разве что попробовать освоить Дерево непосредственно. Теперь-то я знаю все технические сложности, с какими пришлось бы столкнуться. И подожди, Майк, пока ты это Дерево не увидишь. По сути, это однопереходный

транзистор, где полупроводник — офигенная кристаллическая глыба под корнями; кристалл — пьезоэлектрический, и всякий раз, как корни на него давят, испускает радиоизлучение. Это что-то совершенно фантастическое; ничего похожего нет во всей Галактике, готов биться об заклад… Короче: я хотел, чтобы между вами и нами возник барьер; чтобы вы не имели ни малейшего представления, что происходит здесь, на побережье. Я хотел, чтобы вы вообразили себе худшее и — если все пройдет, как задумано — стали бы обвинять змей. А когда вы сюда, в конце концов, прилетели б — если прилетели б — я постарался бы подать все так, будто это змеи не позволяли мне выходить на связь. Я даже подготовил несколько «доказательств», чтобы вы на них сами наткнулись… ладно, теперь-то какая разница. Но, уверен, смотрелось бы все убедительно — как бы там святой отец из кожи вон ни лез, убеждая вас в обратном.

— Подумай хорошенько, может, запись все-таки выключить? — негромко поинтересовался Микелис.

— Да выбрось ты этот чертов ключ и слушай внимательно, что я говорю. Как по-моему, так стыдоба просто, что в последний момент я на-

поролся на ананас этот хренов. Тут-то у святого отца и возник шанс что-то разнюхать. Клянусь, не подкосило бы меня, он так ничего и не узнал бы до самого до вашего прилета — а там уже было бы поздно.

— Так-то оно, может, и так, — проговорил Руис-Санчес, не сводя с Кливера немигающего взгляда. — Но никакая это не случайность, что ты напоролся на свой «ананас». Не трать ты все время на выдумывание какой-то своей Литии, а изучай планету как следует — зачем тебя, собственно, и посылали — ты б уже достаточно знал, чтобы не напарываться на «ананасы» там всякие. По крайней мере, мог бы уже говорить по-литиански; хотя бы не хуже Агронски.

— Может, оно, конечно, и так, — отозвался Кливер. — Но мне-то опять же без разницы. Что до изучения планеты, то я обнаружил самый главный факт, с лихвой перекрывающий все прочие, и этого должно быть достаточно. В отличие от тебя, Рамон, когда прижмет, я не отвлекаюсь на всякие там благоглупости по мелочи; к тому же после драки кулаками не машут.

— Давайте только не будем переходить на личности, рановато еще как-то, — вступил Микелис. — Историю свою ты рассказал, и безо всяких

прикрас — значит, наверно, должна быть какая-то причина, что ты так вот взял все и выложил. Рассчитывать на прощение — или хотя бы на не слишком суровое осуждение — можешь, только если назовешь причину. Давай, колись.

— Дело вот в чем… — произнес Кливер и впервые несколько оживился. Он подался вперед (в мерцающем газовом свете резко выступили скулы, по сравнению с зияющими провалами щек) и наставил чуть подрагивающий палец на Микелиса. — Майк, ты вообще представляешь себе, на чем мы тут сидим? Для начала, хотя бы — ты в курсе, сколько тут рутила[11]?

— В курсе, конечно, — ответил Микелис. — Агронски рассказывал, сколько тут чего. С того времени я только и ломал голову, как бы обогащать руду прямо здесь. Если мы проголосуем за то, чтобы планету открыть, наши проблемы с титаном будут решены на век вперед; если не на дольше. То же самое я изложу в своем персональном отчете. Ну и что с того? Гипотеза такая была еще до посадки, чисто из дистанционных измерений планетарной массы.

---

[11] Примечания: 11

Рутил — минерал, наиболее устойчивая полиморфная модификация двуокиси титана (TiO2). Встречается в виде призматических или игольчатых кристаллов.

— А как насчет пегматита[12]? — вкрадчиво поинтересовался Кливер.

— Что значит «как»? — озадаченно переспросил Микелис — Полагаю, его тут более чем достаточно — правда, руки проверить у меня так и не доходили. Титан — да, это важно; но литий… Для ракетного топлива его уже лет пятьдесят, как не используют.

— И слава Богу, — добавил Агронски. — Эти древние двигатели Ли-Флуора взрывались, прямо как боеголовки. Малейшая утечка топлива — и ба-бах!

— Тем не менее, Майк, на Земле до сих пор литий стоит двадцать тысяч долларов за английскую тонну[13] — ровно столько же, сколько в шестидесятых годах прошлого века, ну там, с учетом изменения курса. Это тебе ни о чем не говорит?

— Гораздо больше меня интересует, что это

---

[12] Примечания: 12

Пегматит — залегающая в виде жил, линз и гнезд светлая крупнозернистая магматическая горная порода, по физическим свойствам аналогичная граниту. Используется в качествен сырья при производстве керамики. Причем тут литий — не совсем ясно: в составе пегматита встречаются E, Br, Cl, однако Li при этом как-то не упоминается.

[13] Примечания: 13

Английская, или большая тонна — 2240 фунтов (1016 кг); также применяется американская, или малая тонна (2000 фунтов, или 907,18 кг) и метрическая тонна (1000 кг).

говорит тебе, — произнес Микелис — Сколотить состояние на этой экспедиции никто из нас все равно не сколотит, будь даже планета вся из себя внутри платиновая, что маловероятно. И если дело только в цене, то, учитывая, сколько тут лития, на Земле она быстренько упадет. Да и на что он, по большому счету-то, сдался?

— Бомбы из него делают, — сказал Кливер. — Настоящие. Ядерные. Для контролируемого синтеза от лития проку мало, но для бомбочки мегатонн эдак на несколько дейтериевая соль — самое то, что надо.

На Руис-Санчеса с новой силой накатили головокружение и усталость. Именно этого он и боялся; возьмем планету, названную Литией только из-за того, что состоит, на первый взгляд, в основном, из камня[14], — и обязательно кто-нибудь в лепешку расшибется, отыскивая на ней металл литий. И не дай Бог найдет.

— Пол, — произнес он, — я передумал. Даже не напорись ты на «ананас» свой, все равно я узнал бы, в чем дело. Когда ты тогда вернулся, то обмолвился, что ищешь пегматит и что, по-твоему, здесь можно было бы развернуть производство

---

[14] Примечания: 14
Lithos (греч.) — камень.

трития в промышленных масштабах. Очевидно, ты думал, я в этом ничего не смыслю. Но ты все равно уже тогда проговорился, даже если бы не «ананас». Ты явно не слишком наблюдателен — и что касается меня, и что касается Литии.

— Сейчас-то легко, — снисходительно бросил Кливер, — говорить: мол, я всю дорогу знал.

— Легче легкого — особенно со столь неоценимой помощью, — отозвался Руис-Санчес. — Сомневаюсь только, чтобы твои виды на Литию одним этим и ограничивались — водородные бомбы клепать. Более того, вряд ли ты даже к этому, на самом-то деле, ведешь. Чего тебе больше всего на свете хочется — так это вообще убрать Литию куда-нибудь подальше. Ты терпеть эту планету не можешь. Ты хотел бы думать, будто на самом деле ее и нет вовсе. Потому и такой пафос — вопреки всему развернуть здесь военное производство; тогда-то уж точно из соображений безопасности Литию объявят закрытой. Так ведь?

— Естественно, так; только никакое это не чтение мыслей, а чистой воды шарлатанство, — презрительно скривился Кливер. — Если даже священнику под силу в этом разобраться, оно должно быть совсем уж очевидно; а поскольку

мотивы первооткрывателя нетрудно оспорить, то ну его на фиг. Баста. Но послушай, Майк: ни перед одной аналогичной комиссией не стояло еще такой важной задачи. Эта планета будто специально создана, чтобы всю ее превратить в исследовательский и производственный термоядерный центр. Запасы основного сырья тут практически неограничены. Что еще важней, ядерная физика — в состоянии практически зачаточном; по крайней мере, беспокоиться не о чем. Все расщепляющиеся материалы, радиоактивные элементы и прочее придется, конечно, ввозить; змеи о них и слыхом не слыхивали. Более того, приборы всякие — счетчики там, ускорители, прочую хренотень — не сделать без железа, которого у змей нет, а также не зная основных принципов магнетизма и квантовой механики. Дешевой рабочей силы тут — тьма-тьмущая; и, если принять соответствующие меры предосторожности, ничего секретного змеям ни в жизнь не разнюхать… Все, что надо сделать, — это отнести планету к категории 3-Е и по меньшей мере на век вперед намертво пресечь любые поползновения построить тут пересадочную станцию или базу общего назначения. А в параллельном докладе кассационному комитету ООН можно

указать открытым текстом, что есть Лития на самом деле: арсенал категории 3-А для всей Земли, для всего содружества планет под нашим контролем. Пленка защищена; официальному, административному рассмотрению подлежит только решение насчет 3-Е; проворонить такой шанс было бы преступлением!

— Против кого? — поинтересовался Руис-Санчес.

— Чего? Не понял.

— Против кого ты собираешься весь этот арсенал копить? Зачем нужно целую планету гробить только на то, чтобы водородные бомбы клепать?

— ООН бомбы очень даже пригодятся, — сухо сказал Кливер. — Не так давно даже на Земле оставалась еще пара — тройка воинственных государств, и кто гарантирует, что таковые не возникнут в ближайшем будущем? Не забывай также, что водородные бомбы, в отличие от простых атомных, нельзя хранить бесконечно долго — только несколько лет. Период полураспада у лития довольно короткий, да и тритий-шесть не больно-то долгоживущий. Вряд ли ты в этом хорошо разбираешься. Но поверь мне на слово, ООН'овская полиция будет на седьмом небе от счастья, когда узнает, что появилась возмож-

ность практически неограниченно пополнять водородный арсенал; и никаких тебе больше проблем со сроком годности!.. Кроме того — если вы вообще брали за труд об этом задуматься — очевидно же, что вся эта бесконечная консолидация миролюбивых планет не может длиться вечно. Рано или поздно… короче, что будет, если следующая обнаруженная нами планета окажется вроде Земли? Если так, то они станут драться, и драться, как одержимые; целая планета одержимых, лишь бы остаться вне нашей сферы влияния. Или… что будет, если какая-нибудь следующая планета — всего лишь аванпост целой федерации вроде нашей, если не больше? Когда такой день наступит — а он наступит, можно не сомневаться, — мы будем только рады-радешеньки, если успеем забросать противника от полюса до полюса водородными бомбами — и выпутаться из передряги с минимальными потерями.

— С нашей стороны, — уточнил Руис-Санчес.

— А что, есть какая-то другая сторона?

— Черт возьми, по-моему, звучит вполне разумно, — высказался Агронски. — Что скажешь, Майк?

— Ничего пока не скажу, — протянул Микелис — Пол, я до сих пор так и не понял, зачем тебе

было так выжучиваться — тоже мне, рыцарь плаща и кинжала нашелся. Определенные достоинства в твоем предложении есть — но ты же сам признался раньше, что хотел, если выйдет, заручиться нашей поддержкой хитростью. Зачем? Одной силе своих аргументов ты не доверял?

— Нет, — отрезал Кливер. — Мне как-то не доводилось прежде участвовать в комиссии без председателя и с четным числом членов, специально, чтобы голосованием ничего было не решить; и где голос человека, чья голова забита мелочным морализаторством и метафизикой трехтысячелетней давности, имеет тот же вес, что голос ученого.

— Не слишком ли сильно сказано, Пол? — поинтересовался Микелис.

— Да сам знаю, что слишком! Если уж на то пошло, где угодно готов засвидетельствовать: святой отец — чертовски хороший биолог. Я видел его в работе, и лучше биологов просто не бывает — кстати, очень может быть, только что он спас мне жизнь, откуда мы знаем. В этом смысле, он такой же ученый, как все мы — ну, насколько биологию можно вообще считать наукой.

— Спасибо за комплимент… — произнес Руис-Санчес — Пол, учили бы тебя хоть чуть-чуть

истории, ты был бы в курсе, что иезуиты одними из первых исследовали Китай, Парагвай и североамериканские пустыни. Может, тогда бы ты не так удивлялся, что я тут делаю.

— Очень может быть. Тем не менее, насколько я понимаю этот парадокс, речь совершенно о другом. Помнится, водили как-то раз меня в нотр-дамские лаборатории — ну, этот их знаменитый проект, «Биосфера», изолированная от микробов. Всяких чудес от физиологии они там извлекли на свет Божий просто видимо-невидимо; ни дать, ни взять — фокусник с цилиндром. Так я тогда еще все никак не мог понять — как это можно одновременно быть прекрасным ученым и добрым католиком… ну или еще церковником каким. Как это так может быть — наука, что ли, в одном отделении в мозгу хранится, а религия в другом? Так до сих пор и не понимаю.

— Нет никаких отделений, — произнес Руис-Санчес — Все едино.

— То же самое ты говорил и раньше. Это не ответ; на самом деле, это-то меня окончательно и убедило, что запланированное совершенно необходимо. Я не хотел рисковать — вдруг там между этими твоими отделениями еще перезамкнет чего-нибудь. Я совершенно серьезно намеревал-

ся устроить все так, чтобы голос святого отца при обсуждении не имел никакого веса. Вот для чего я… как ты там говорил, Майк? — косил под рыцаря плаща и кинжала. Может, смотрелось оно и глупо, не знаю; тяжело все-таки выступать агентом-провокатором без специального образования, мог бы и сам догадаться.

Руис-Санчес попытался представить, какой будет реакция Кливера через несколько минут, когда тот узнает, что мог бы добиться своего и пальцем не шевельнув. Разумеется, преданный труженик науки, корпящий единственно ради вящей славы человека, не мог морально готовиться ни к чему, кроме поражения; в том-то и заключалась погрешимость человеческая. Но будет ли Кливер после всего в состоянии понять, что испытал Руис-Санчес, когда открылась ему погрешимость Господа? Вряд ли.

— Но я не стыжусь ничего, что делал, — говорил Кливер. — Стыдно только, что не выгорело.

VII

Запись зафиксировала краткий, болезненный пробел.

— Вот, значит, как оно, — проговорил наконец Микелис.

— Да, Майк, именно так. А, вот еще. Что до голосования, то, если кто еще сомневается, я за то, чтоб объявить планету закрытой. Очередь ваша.

— Ну что, Рамон, — сказал Микелис, — выступишь? Твое законное право; я бы даже сказал, личная привилегия. Боюсь, правда, атмосфера в данный момент несколько накалена.

— Нет, Майк. Давай лучше ты.

— Я пока не готов, если большинство не настаивает. Агронски, ты как?

— Пожалуйста, — сказал Агронски. — Как геолог, а также как простой смертный, слабо разбирающийся в тонких материях, я склонен поддержать Кливера. С любой другой точки зрения, кроме кливеровской, Лития не представляет собой абсолютно ничего выдающегося. Нет, планета вполне приличная, тихая, ничем таким особенным не богатая… ну, то есть, гштъит — вещь, конечно, потрясающая, но это все-таки скорее роскошь, чем предмет первой необходимости… да и каких-то неприятностей отсюда, по-моему, вряд ли можно ожидать. Поставить тут пересадочную станцию было бы очень даже ничего — но в какой-нибудь соседней системе ничуть не хуже… А вот устроить тут арсенал — ну, в том смысле, как говорил Кливер — почему бы,

собственно, и нет? В любом другом отношении это, по-моему, не планета, а тоска зеленая — и не просто зеленая, а очень зеленая. Единственное, что тут еще есть, это титан — но титана сейчас и на Земле вовсе не так мало, как Майку кажется; а всякие самоцветы, камешки там полудрагоценные и прочее опять же можно и на Земле добывать, вовсе не обязательно за полсотни световых лет переться. Так что, я сказал бы: или ставим тут пересадочную станцию, и фиг с ним со всем остальным, или делаем, как предложил Кливер.

— Все-таки, что именно? — спросил Руис-Санчес.

— А что важнее, святой отец? Планеты, годящиеся под пересадочные станции, по-моему, и так пятачок пучок. А вот чтобы можно было термоядерную лабораторию устроить — явно несколько меньше; на моей памяти, Лития вообще первая. Так зачем использовать планету как любую другую, если она уникальна? Почему бы не применить закон логического скупердяйства — бритву Оккама? До сих пор она как-то неплохо справлялась — с научными, по крайней мере, проблемами. Готов биться об заклад, и в данной ситуации лучшего инструмента не сыщешь.

— Бритва Оккама — не закон природы, — отозвался Руис-Санчес, — а так, удобство от эвристики; короче, наука имеет много гитик. Кроме того, Агронски, работает она только когда надо найти простейшее решение проблемы, удовлетворяющее всем фактам. Что до фактов, ты их знаешь явно не все; далеко не все.

— Ну так просвети, — состроив благочестивую мину, произнес Агронски. — Я внимательно слушаю.

— Итак, ты голосуешь за то, чтобы планету закрыть? — уточнил Микелис.

— Да, конечно, я что, Майк, неясно выражался?

— Пускай на пленке четко зафиксируется, да или нет, — пояснил Микелис. — Ну что, Рамон, дело за нами. Давай, я начну. Пожалуй, теперь я готов.

— Конечно, Майк, конечно.

— В таком случае, — начал Микелис все тем же мрачновато-бесстрастным тоном, — мне хотелось бы сказать, что джентльмены эти глупцы, причем глупцы опасные, так как при всем при том считаются учеными. Пол, ухищрения твои яйца выеденного не стоят; речь не о них. Я даже не предлагаю подчистить запись, чтоб тебе не казалось, будто со мной надо как-то еще отношения

налаживать. Как ты и просил, будем обсуждать только цель, которой ты хотел добиться.

Довольная усмешка на лице у Кливера стала несколько менее лучезарной.

— Не тяни, — сказал он и поплотнее укутал ноги одеялом.

— Ни о каком арсенале и речи идти не может, — продолжил Микелис — Все твои доводы — или полуправда, или откровенная чушь. Например, дешевая рабочая сила. Чем это, интересно, ты собираешься литианам платить? Что такое деньги, они не знают, а предложить взамен нам нечего. Практически все, что им нужно, у них есть, менять свой жизненный уклад они явно не собираются, и даже тому, что мы считаем величайшими достижениями земной цивилизации, они не завидуют ни капельки. Допустим даже, они действительно непрочь начать развивать космонавтику — так в самом скором времени и без нас управятся: ионные ракетные двигатели у них уже есть, а без принципа Хэртля ближайшие лет сто как-нибудь обойдутся.

Взгляд его скользнул вкруг плавно загибающихся стенок комнаты, неярко блестящих в газовом свете.

— К тому же, — произнес он, — по-моему, пыле-

сос с сорока пятью патентованными насадками им тут явно ни к чему. Так чем ты собирался платить литианам на этом своем термоядерном производстве?

— Знаниями, — ворчливо отозвался Кливер. — Они много что были бы не прочь узнать.

— Какими знаниями, Пол? Ведь именно то, что они хотели бы узнать, ты как раз сказать им не сможешь, если собираешься использовать как рабочую силу. Что, будешь учить их квантовой механике? Нет; это было бы опасно. Преподавать им нуклеонику, гильбертов анализ, теорию Хэртля? Нет; тогда они смогут додуматься до чего-нибудь, по-твоему, опасного. Учить их, как извлекать титан из рутила, как добывать достаточно железа, чтобы начать развивать электродинамику; или как перейти из этого их, каменного — я бы сказал, глиняного — века в эру пластмасс? Разумеется, нет. Короче, предложить им в плане знаний нам нечего. Если твоя идея пройдет, все это будет засекречено, а работать на таких условиях литиане не согласятся.

— Предложи им другие условия, — отрезал Кливер. — Если понадобится, просто скажи им, что делать, нравится там это или нет. Да и ввести тут в обращение деньги — проще пареной репы.

Даешь змее бумаженцию, на которой написано, что та стоит один доллар, а за эту бумаженцию целый день вламывать надо.

— А для пущей убедительности ткнуть дулом в живот, так? — вставил Руис-Санчес.

— Зачем же тогда вообще оружие выпускается? Или чтобы целить в кого-нибудь, или уж лучше сразу на помойку выкидывать.

— То есть рабство, — подытожил Микелис. — Так, с дешевой рабочей силой вроде разобрались. Голосовать за рабство я не собираюсь. Рамон явно тоже. Агронски?

— Ну, — замялся Агронски, — нет, наверно… Это так важно?

— А то нет! Какого черта мы тут, собственно, делаем? Мы обязаны думать не только о себе, но и о литианах, иначе это не комиссия будет, а пустая трата времени и сил. Если нужна дешевая рабочая сила — пожалуйста, бери любую планету, порабощай, и вперед.

— Каким это образом? — поинтересовался Агронски. — Какую еще любую планету — никаких других планет нет; в смысле, с разумной жизнью пока больше не попадались. Не поработишь же марсианского песчаного краба!

— Что приводит нас к вопросу и о собственном

благе, — вмешался Руис-Санчес — О котором тоже забывать вроде бы не положено. Вы вообще в курсе, что рабовладение делает с рабовладельцами? Медленно убивает.

— Все работают, получают деньги и рабством это не считают, — заявил Агронски. — Я, например, никоим образом не возражаю против еженедельного чека.

— На Литии денег нет, — неколебимо произнес Микелис. — Если мы захотим ввести их в обращение, это придется делать только силой. Труд из-под палки суть рабство. Что и требовалось доказать.

Агронски молчал.

— Говори же, — потребовал Микелис — Так или нет.

— Н-наверно, так, — протянул Агронски. — Не горячись, Майк, на пустом-то месте.

— Кливер?

— «Рабство» — это просто ярлык, — мрачно отозвался тот. — И нечего тут разводить турусы на колесах.

— Повтори, что ты сказал!

— Ну ладно, ладно. Черт побери, Майк, я же не хотел. Но можно ведь придумать какую-нибудь разумную систему оплаты…

— Придумывай, придумывай — а я посмотрю, — отозвался Микелис, резко встал, прошагал к плавно загибающемуся подоконнику и снова сел, глядя в темноту, расчерченную дождевым пунктиром. Руис-Санчес никогда бы раньше не подумал, что химик способен на столь глубокие переживания. Впрочем, дивился священник не только Микелису, но и себе самому; ему и в голову не пришло бы использовать как довод денежную сторону вопроса. Микелис, сам того не подозревая, затронул старое больное место всей церковной доктрины — вопрос, официальное разрешение которого никогда не совпадало со внутренним убеждением Руис-Санчеса. Ему вспомнилось стихотворение, подводившее своего рода черту под этим древним спором, стихотворение, написанное еще в 1950-е:

На ногах не стоит,
обеззубела старая церковь,
и нешек не клеймит уж с амвона,
и посох епископский
сально лоснится…

«Нешек» — это когда дают деньги в долг под проценты (грех, некогда именовавшийся ростовщичеством, за который Данте отправлял

прямиком в ад). А теперь вот Майк, даже христианином не будучи, утверждает, что деньги сами по себе — это форма рабства. Вот уж действительно, место больное, и весьма.

— Итак, — говорил тем временем Микелис, — я продолжаю. Как ты там, Пол, сказанул… система автоматической безопасности? Думаешь, литиане ни в жизнь не расчухают всех этих твоих секретных премудростей, не смогут ничего никому рассказать, и никакой проверки на благонадежность не надо? Так вот, ничего подобного — мог бы и сам догадаться, знай ты литиан хоть чуть-чуть. Они потрясающе умны, и многие ключевые знания у них уже есть. Я кое-что рассказал им о магнетизме, так они впитали все, до последней капли, и тут же пустили в ход — с невероятной, сверхъестественной изобретательностью.

— А я, — вставил Руис-Санчес, — предложил им, пожалуй, довольно эффективный способ добычи железа. Стоило мне только намекнуть, они тут же взяли с низкого старта и уже набрали весьма приличный темп. Им достаточно самого незначительного намека…

— На месте ООН я посчитал бы и то, и другое откровенной изменой, — отрывисто произнес

Кливер. — Кстати, Майк, запись можно иногда выключать — если еще не слишком поздно. Может, змеи сами знали уже и о железе, и о магнетизме, просто обижать вас не хотели?

— Не учи ученого, — отмахнулся Микелис — Запись включена и останется включенной, как ты и требовал. Если вдруг передумаешь там что-нибудь — отметишь в персональном отчете; а сейчас нечего провоцировать меня под сукно что-то прятать. Не выйдет.

— Вот всегда так, — сказал Кливер. — Я же только помочь хотел.

— Если так, спасибо. Но у меня еще не все. По-моему, то, чего ты хотел добиться, будь это даже возможно, совершенно бесполезно. Тот факт, что тут полно лития, еще не значит, что мы наткнулись на золотое дно, сколько бы там литий на Земле ни стоил… Дело в том, что здешний литий на Землю не переправишь. Плотность у него так мала, что на корабле поместится ну максимум тонна; одна перевозка обойдется гораздо дороже, чем все, что сумеешь на продаже выручить. Странно, кстати, что ты не в курсе: на нашей родной Луне лития — хоть завались; но тащиться за ним на какие-то четверть миллиона миль — и то считается неэкономичным. Что уж говорить

о пятидесяти световых годах — в милях это триста четырнадцать миллиардов! Из такой дали невыгодно даже радий тащить… А переть оборудование на Литию вряд ли выйдет рентабельней. Для больших электромагнитов железа тут все равно не хватит. Пока ты доставишь сюда всякие ускорители, масс-хроматографы… это влетит ООН в такие деньги, что всего здешнего пегматита не хватит покрыть расходы. Что, Агронски, разве не так?

— Я, конечно, не физик… — произнес Агронски с еле заметной усмешкой. — Но выделить металл из руды, а потом хранить его обойдется черт-те во сколько… Что да, то да. В здешней атмосфере сырой литий горит, как фосфор; значит, хранить и обрабатывать придется в масле. Что уже дико дорого.

Микелис перевел взгляд на Кливера; потом — снова на Агронски.

— Именно, — проговорил он. — И это еще только начало. На самом-то деле весь план от начала до конца — чистейшая химера.

— А что, Майк, у тебя есть план получше? — еле слышно поинтересовался Кливер.

— Надеюсь, да. Мне кажется, мы можем у литиан много чему поучиться — да и они у нас

тоже. Общественная система их работает не хуже самого совершенного из наших физических механизмов, причем без какого-либо явного подавления личности. В смысле социальных гарантий здешнее общество последовательно либерально - причем безо всякого «гандизма»; никакой тотальной дезорганизации, никакой сельской архаики, никакого разбойничьего перераспределения. Это общество в равновесии — в устойчивом химическом равновесии... Что касается идеи клепать тут водородные бомбы — анахронизма безумней мне еще как-то и не встречалось; это все равно, что переоборудовать космический корабль под гребную галеру с рабами на веслах — далее по списку. Здесь, на Литии, мы близки к разгадке настоящей Тайны, с большой буквы, которая сделает все бомбы и прочий антиобщественный хлам не актуальней кандалов... И, плюс ко всему, — подожди, Пол, я еще не закончил, — плюс ко всему, в некоторых чисто технических вопросах литиане опередили нас на десятилетия — так же, как мы их в некоторых других. Ты бы посмотрел, чего они добились в смежных дисциплинах: историохимии, иммунодинамике, биофизике, тератаксономии, осмотической генетике, электролимнологии, все-

го и не счесть. Удосужился бы смотреть — не смог бы не увидеть… По-моему, мы должны сделать гораздо больше, чем просто объявить планету открытой. В конце концов, это — пассивный шаг. Мы должны понять: то, что Литию можно как-то использовать, это только начало. На самом-то деле мы остро в ней нуждаемся. Вот на чем надо сделать упор в нашей рекомендации. Микелис отделился от подоконника и встал, пристально оглядев сверху вниз коллег-комиссионеров; особенно долго взгляд его задержался на Руис-Санчесе. Священник улыбнулся химику — скорее тоскливо, нежели восхищенно — и снова уставился на носки собственных туфель.

— Ну что, Агронски, — проговорил Кливер, выплевывая слова, будто пули после операции без наркоза в Гражданскую войну. — Нравится тебе такая картинка?

— Нравится, — медленно, но решительно отозвался Агронски; эта его особенность — высказывать то, что думает, стоит только попросить — всегда казалось Руис-Санчесу в высшей степени похвальной, хотя могла и до белого каления доводить. — В том, что говорит Майк, безусловно есть смысл. Странно, если б его не было; понимаешь, о чем я? К тому же еще одно очко в его

пользу: он высказал что думает безо всяких предварительных ухищрений.

— Да не будь таким тупицей! — не выдержал Кливер. — Кто мы, ученые или бой-рэйнджеры какие-нибудь? Да любой разумный человек принял бы те же меры предосторожности против большинства слезливых доброхотов!

— Может, и так, — сказал Агронски. — Впрочем, не уверен. Что в этом глупого — быть доброхотом? Что, хотеть добра — это неправильно? По-твоему, лучше быть злохотом — что бы это, черт возьми, ни значило? И мне как-то до сих пор кажется, что все эти твои «меры предосторожности» происходят от слабости аргументации. Что до меня, то терпеть не могу, когда мною пытаются манипулировать; и когда обзывают тупицей, кстати, тоже.

— Да послушай, ради Бога…

— Нет, теперь послушай ты, — на одном дыхании выпалил Агронски. — Прежде чем успеешь еще как-то меня обозвать, довожу до твоего сведения, что, по-моему, несмотря ни на что, прав все же ты, а не Майк. Методы твои мне не нравятся, но цель кажется разумной. Согласен, главные твои доводы Майк разнес в пух и прах. Тем не менее, что касается моего мнения, можешь пока считать, что лидируешь — но не более, чем на

нос.

Он умолк, тяжело дыша и неприязненно глядя на физика.

— На нос, Пол. Не более того. Имей в виду.

Микелис пожал плечами, прошагал к своему пуфу и сел, неуклюже зажав ладони между коленей.

— Я сделал все, что мог, Рамон, — проговорил он. — Пока, похоже, ничья. Посмотрим, что получится у тебя.

Руис-Санчес набрал полную грудь воздуха. От того, что сейчас сделает, ему будет больно до конца жизни, пусть даже и время — лучший лекарь. Принятое решение уже стоило ему долгих часов раздумий и мучительных сомнений. Но он верил, что так надо.

— Я не согласен ни с кем из вас, — произнес он, — разве что отчасти с Кливером. Я тоже считаю, что в докладе Литию следует отнести к категории «Три-Е». Но не только. С расширением «Икс-один».

У Микелиса от изумления глаза чуть не вылезли из орбит. Даже Кливер явно не мог поверить собственным ушам.

— «Икс-один»… — хрипло сказал Микелис — Но это же карантин. Между прочим…

— Совершенно верно, Майк, — прервал его Руис-Санчес. — Я голосую за то, чтобы запретить всякие контакты литиан с человеческой расой. И не только на ближайшее время, не на столетие там, другое — а навечно.

VIII

Навечно.

Слово это не вызвало взрыва негодования, которого Руис-Санчес так опасался — и на который в глубине души рассчитывал. Очевидно, слишком они уже устали. Прозвучавшее заявление, похоже, оглушило их и кануло в пустоту — словно бы настолько выбивалось из привычного порядка вещей, что теряло всякий смысл вообще. Трудно сказать, кто был более ошарашен — Кливер или же Микелис. С уверенностью Руис-Санчес мог сказать одно: первым опомнился Агронски и теперь буквально прял ушами, старательно давая понять, что готов слушать, как только Руис-Санчес одумается.

— Ну, — начал Кливер, как-то по-стариковски мотнул головой и снова: — Ну…

— Пожалуйста, Рамон, объяснись, — произнес Микелис, стискивая и разжимая кулаки. Голос его был все так же бесстрастен, но Руис-Санчесу

показалось, что он различает нотки боли.

— Да, конечно. Но, предупреждаю, разговор будет долгий и… путями окольными. То, что я должен сказать, представляется мне чрезвычайно важным; я не хочу, чтоб оно было с порога отринуто как следствие моего специфического образования или предрассудков — может, и любопытное как патология, но не имеющее к нашей проблеме прямого отношения. Свидетельство тому, чем я должен с вами поделиться… подавляющее. По крайней мере, меня оно подавило, и совершенно против моей воли.

Сухой, наукообразный тон преамбулы вкупе с интригующим подтекстом сделали свое дело.

— А еще надо, чтобы мы поняли, — вставил Кливер, к которому вернулась толика его всегдашнего нетерпения, — будто свидетельство это религиозное и лопнет, как мыльный пузырь, если сразу взять и выложить.

— Да тихо ты, — сосредоточенно сказал Микелис. — Слушай.

— Спасибо, Майк. Хорошо, начнем. По-моему, этот мир — то, что в просторечии именуется подставой. Сейчас я вкратце объясню, что имею в виду — точнее, как пришел к такому выводу… Итак: Лития — сущий рай. Чем-то она походит

на другие планеты, но больше всего напоминает Землю до Адама, до первого ледникового периода. На этом сходство кончается, поскольку здесь ледниковый период так и не наступил, и жизнь продолжалась как в раю, чего на Земле дозволено не было.

— Миф, — кисло сказал Кливер.

— Я пользуюсь терминологией, с которой знаком лучше всего; пожалуйста, возьмите другую — и увидите, что ничего не меняется. Лес тут совершенно смешанный; беспрепятственно сосуществуют растения, которые развивались в самые разные ботанические периоды: цикады бок о бок с цикладелиями, хвощ гигантский — с цветковыми деревьями. В основном это относится и к животным. Не то чтобы лев лежал рядом с ягненком, но аллегорически можно выразиться и так. Паразитизм случается куда реже, чем на Земле, а крупных хищников почти нет — разве что в море. Наземные животные, ныне живущие, почти поголовно травоядные — а растительный мир так тонко, изощренно, типично по-литиански организован, что растения если и «враждуют», то скорее с животными, чем друг с другом… Это необычная экология, и самое странное в ней — рациональность; предельная, чуть

ли не маниакальная зацикленность на двусторонних отношениях. Может показаться, будто вся эта планета не сотворена, а сочинена — своего рода балет по мотивам теории множеств… И живет в здешнем раю доминирующее создание, литианин, человек Литии. Создание это рационально. Оно подчиняется — словно бы по природе своей, без принуждения или указаний свыше — высочайшим этическим нормам, какие только есть на Земле. Нормы эти не нуждаются в каком-то юридическом закреплении; получается так, будто все следуют им как чему-то совершенно естественному, хоть явно никто ничего и не формулировал. Ни преступности, ни каких бы то ни было иных отклонений от нормы нет и в помине. При этом ни в коем случае не скажешь, будто все литиане вылеплены по одному шаблону — что было бы нашим, очень скверным и только лишь частичным решением сей этической дилеммы; напротив, они высокоиндивидуальны. В жизни их нет места принуждению — но антиобщественных поступков почему-то никто не совершает. Даже слов таких в литианском нет.

Магнитофон пискнул — негромко, но пронзительно, — объявив, что вставляет новую пленку. Длиться вынужденная пауза должна была секунд

восемь, и Руис-Санчес вдруг решил этим воспользоваться. Когда магнитофон снова издал писк, священник быстро проговорил:

— Майк, останови ненадолго, я хочу тебе один вопрос задать. Какой вывод ты можешь сделать из того, что я говорил?

— Как «какой» — да тот же, что и раньше, — медленно проговорил Микелис. — Невероятно развитая социальная наука, опирается на точнейшую систему психогенетики. Я бы сказал, этого более чем достаточно.

— Замечательно. Я продолжаю. Сначала я думал так же, как ты. Потом я стал задаваться всякими… коррелятивными вопросами. Например: как получается, что у литиан не только не происходит отклонений от этических норм — представьте себе, ни единого отклонения! — но и сами эти нормы, выполняемые стол; безупречно, совпадают, пункт за пунктом, с теми, которым пытаемся следовать мы? Если это просто совпадение, то самое невероятное, какое может быть. Вдумайтесь, пожалуйста: отличия ведь неуловимы, абсолютно! А даже на Земле не было ни одного общества, где сложились бы в точности такие же заповеди, как христианские — хоть моисеевы. Да, конечно, иногда доктринальные отличия

представлялись незначительными — в прошлом веке, например, чрезвычайно популярны были всякие синтетические построения; теософия там, Голливуд-Веданта… Но ни одна этическая система у нас, если развивалась независимо от христианской, не совпадала с той пункт за пунктом. Ни митраисты, ни мусульмане, ни ессеи — даже они, которые то ли оказали основополагающее воздействие на раннее христианство, то ли, наоборот, сами подпали под его влияние, даже они соглашались с христианами не по всем этическим вопросам… А что находим мы на Литии, в пятидесяти световых годах от Земли и у расы, похожей на людей не больше, чем человек на кенгуру? Христианскую этику чистой воды, с точностью до терминологии и аксессуаров. Не знаю, что скажете вы, а по мне, так это абсолютно невозможно — математически невозможно. Если не предположить одной вещи; сейчас объясню, какой.

— Э-э, не так быстро, — угрюмо проговорил Кливер. — Не понимаю, что вообще за твердолобость — в космосе, в пятидесяти световых годах от Земли, и нести такую чушь.

— Твердолобость? — переспросил Руис-Санчес агрессивней, чем намеревался. — По-твоему, во

всех истинах земных автоматически следует усомниться, когда в космосе? Если ты еще не забыл, Пол, квантовая механика работает на Литии ничуть не хуже, чем на Земле — а, исходя из этого, ты себя твердолобым почему-то не считаешь. Если в Перу я верю, что вселенная и все сущее в ней созданы Богом и Ему подвластны, не вижу ничего твердолобого в том, чтобы верить в то же самое и на Литии. Так что, не тверже, чем у некоторых; «того хотят — там, где исполнить властны то, что хотят»[15].

Как всегда, великая фраза потрясла его до глубины души. Но, очевидно, для остальных это был пустой звук; и что же, для них не остается надежды? Нет, нет. Врата те никогда не захлопнутся перед ними, покуда живы они, что бы ни жужжали им шершни за знаменем без девиза. Надежда пребудет с ними.

— В какой-то момент мне показалось: вроде бы случайно приоткрылся пожарный выход. Штекса обмолвился, что они хотели бы уменьшить прирост населения — подразумевая, что не прочь ввести в каком-то виде контроль за рождаемостью. Но, как выяснилось, контроль

---

[15] Примечания: 15

Данте Алигьери, «Божественная комедия» («Ад», песнь третья, пер. М.Лозинского).

за рождаемостью — в том понимании, в каком строжайше запрещен церковью — на Литии просто невозможен, и Штекса, очевидно, имел в виду какой-нибудь контроль за плодовитостью, на что церковь дала свою авторитетную санкцию давным-давно. Так что даже в такой мелочи я снова вынужден был признать, что нам, с нашими высочайшими помыслами, отвесили очередной увесистый щелчок по носу: литиане — по природе своей, не напрягаясь — живут так, как, в нашем представлении, могут жить только святые… Примите притом во внимание, что, посети Литию, скажем, мусульманин, ничего подобного он не обнаружил бы; разве что, некую форму полигамии — но из тех соображений и в том виде, которые вызвали б у него лишь отвращение. То же самое было бы, скажем, с даосистом; и с зороастрийцем, если такие еще остались; да хоть с древним греком. Но что до нас четверых — да-да, Пол, включая и тебя; несмотря на все эти свои издевки и агностические штучки, в глубине души ты придерживаешься христианской этики, — мы четверо столкнулись с невероятным, чудовищным совпадением. Невероятным даже не по космическим меркам — это сравнение затерто до банальности, да и недостаточно силь-

но, — а бесконечно, абсолютно невероятным. Наверно, разве что тень старика Кантора могла бы оценить это по достоинству.

— Минуточку, минуточку, — вмешался Агронски. — Майк, в антропологии я ни уха, ни рыла и нить как-то утерял. Что там святой отец говорил о смешанном лесе, я еще более или менее понял, а вот дальше… Как оно, правда?

— По-моему, да, — медленно проговорил Микелис. — Другое дело, можно еще поспорить, что все это означает — и означает ли вообще. Продолжай, Рамон.

— Продолжаю; до конца еще далеко. Значит, мы говорили о планете — и о литианах. О, про литиан можно говорить долго. Пока что я пересказывал только самые очевидные факты. И можно упомянуть еще множество не менее очевидных. Ни наций, ни территориальных конфликтов у литиан нет и в помине; хотя, если взглянуть на карту — все эти мелкие материки и архипелаги, разнесенные на тысячи миль, — совершенно очевидно, что без конфликтов тут ну никак не могло обойтись. И эмоции, и страсти у литиан есть — но на иррациональные поступки они их никогда не толкают. Язык — один, всеобщий, и так было всегда, что опять же невозможно из географиче-

ских соображений. Все на планете — большое и малое — сосуществует с литианами в гармонии. Короче, такого просто быть не может — тем не менее есть… Майк, ты говорил, что литиане — это образец того, как людям следовало бы себя вести; я пойду дальше и скажу, что когда-то люди так себя и вели — в Раю, до грехопадения. Более того, в качестве примера литиане для нас абсолютно бесполезны, потому что до самого Второго пришествия подражать их поведению сумеет ничтожно малая доля населения Земли. Люди, в отличие от литиан, несут печать некоего врожденного несовершенства — первородного греха, если угодно — и, сколько тысячелетий уже ни лезем из кожи вон, от идеала нашего мы дальше, чем когда бы то ни было; литиане же от своего и не отклонялись… И не позволяйте себе забыть хоть на мгновение, что идеалы эти на обеих планетах совпадают. Невероятно, но факт… А вот еще один небезынтересный факт. Причем именно факт, как его ни интерпретируй. Литианин — существо логическое. В отличие от самого последнего из землян, у него нет ни богов, ни мифов, ни легенд. Он не верит в сверхъестественное — или, на нынешнем варварском жаргоне, в «паранормальное». У него нет традиций. Для него нет табу. Он ни во что не

верует — кроме безличной уверенности в том, что народ его способен к бесконечному самосовершенствованию. Он рационален, как машина. Единственное, чем литианин отличается от какого-нибудь органического компьютера, — тем, что придерживается норм морали… А это, заметьте, совершенно иррационально. Мораль всегда основывается на некоем наборе предпосылок, изначально «дарованных» аксиом — хотя в постулате о Дарителе литианин как раз и не нуждается. Штекса, например, верит в неприкосновенность индивидуума. А почему? Логическим путем к такой предпосылке никак не придешь. Это аксиома. Или: Штекса верит в право на юридическую защиту, в равенство всех перед законом. Почему? Действовать рационально можно, исходя из предпосылки, но чисто логически додуматься до самой предпосылки… Аксиомы не выводятся. Если предположить, допустим, что ответственность перед законом должна быть разной, в зависимости, там, от возраста или семейного положения, можно как-то рационально поступать, исходя из этого, — но чисто логически к самой предпосылке не прийти… Начинается-то обычно с убеждения: «Я верю, что все люди должны быть равны перед законом». Это изъявление веры, и не более того.

Но вся литианская цивилизация построена так, будто можно, основываясь на чистом разуме, дойти до основных аксиом христианства и всей нашей земной западной цивилизации — в то время, как очевидно, что это невозможно. Что для одного рационалиста аксиома, для другого сущее безумие.

— Аксиома и есть аксиома, — пробурчал Кливер. — Аксиомы не происходят от веры, аксиомы вообще ниоткуда не происходят. Они самоочевидны — это и есть определение аксиомы.

— Так было, пока физики не разнесли это определение в пух и прах, — сказал Руис-Санчес с каким-то злорадным удовлетворением. — Есть аксиома, что через точку можно провести только одну прямую, параллельную данной. Может, это и самоочевидно, но неверно — так ведь? Также самоочевидно, будто материя тверда. Давай, Пол, ты же физик; пни камень и скажи: «Сим опровергаю епископа Беркли»[16].

— Как странно, — негромко проговорил Микелис — А ведь действительно, вся культура

---

[16] Примечания: 16

Джеймс Восуэлл (1740–1795), «Жизнь Сэмюела Джонсона», т. I, запись от 06.08.1763: говоря о теории епископа Беркли (1685–1753), будто материи не существует, Босуэлл заметил, что хоть они и убеждены, что это не так, опровергнуть им нечем. На что Джонсон (1709–1784) с силой ударил ногой по большому камню и заявил: «Сим опровергаю».

литиан буквально одержима аксиомами, и они об этом даже не подозревают. Пол, мне тоже это давно не давало покоя — вот только я не давал себе труда толком сформулировать, что такое меня беспокоит. Если вдуматься, вся литианская логика строится на бесконечных допущениях, не подтверждаемых ничем — хотя, как правило, литианам свойствен куда более изощренный подход. Да взять хоть химию твердого тела. Наука эта — логичней некуда; но стоит докопаться до самых фундаментальных ее предпосылок, и обнаружится аксиома: «Материя реальна». Откуда они это знают? Как можно до такого логически дойти? Допущение-то, по-моему, весьма шаткое. А если я скажу, что атом — это дырка верхом на дырке и дыркой погоняет — как, интересно, они меня опровергнут?

— Но их система работает, — вставил Кливер.

— Наша теория твердого тела тоже работает, — произнес Микелис, — но исходя из противоположных аксиом. Да и не о том сейчас речь, работает теория или нет. Вопрос-то стоит, что именно работает. Я вот, например, не понимаю, хоть тресни, как вообще работает литианская логика — по-моему, все это циклопическое сооружение давно должно было рассыпаться, как кар-

точный домик. Оно не держится ни на чем. Если вдуматься, то предположение «материя реальна» совершенно безумно; все естественнонаучные данные указывают строго в противоположную сторону.

— Вот что я вам скажу, — проговорил Руис-Санчес. — Вы мне, конечно, не поверите, но я все равно скажу; должен сказать. Это сооружение стоит, потому что его поддерживают. Ответ очень прост, и другого ответа нет. Но прежде я хотел бы упомянуть еще один факт… У литиан — полностью внешняя физическая рекапитуляция.

— Это еще что значит? — поинтересовался Агронски.

— Вы в курсе, как развивается человеческий зародыш. Сначала это нечто одноклеточное; затем — простейшее многоклеточное, вроде пресноводной гидры или медузы. Потом зародыш развивается очень быстро — становится по очереди рыбой, амфибией, рептилией, простейшим млекопитающим и, наконец, человеком. Не знаю, как у геологов, а у биологов это называется рекапитуляцией… Термин означает, что зародыш проходит все стадии эволюции, от одноклеточного организма до человека, но всего за девять месяцев. В какой-то момент, например, у

зародыша появляются жабры, хоть они ему и ни к чему. Почти до самого рождения у него остается хвост — а в некоторых уникальных случаях и после рождения; а соответствующая рудиментарная мышца — в лоннокопчиковом поясе — есть даже у взрослых. У женщин она становится мышечным кольцом влагалища. В последние несколько месяцев перед появлением на свет система кровообращения у зародыша еще как у рептилий — и если не успеет перестроиться, то ребенок рождается с «синим» пороком: тетрадой Фалло, незаращенным артериальным протоком или еще каким сердечным заболеванием, когда венозная кровь смешивается с артериальной, что характерно для кровообращения у рептилий. И так далее.

— Понимаю… — протянул Агронски. — Идея, по крайней мере, знакома, просто термин не встречался. Да и никогда, кстати, не думал, что сходство настолько близкое.

— Э… да, так вот, литиане тоже проходят всю эту цепочку метаморфоз — только вне материнского тела. Вся Лития — это одно исполинское лоно. Литианка откладывает яйца в брюшную сумку — как у земных кенгуру; потом яйца оплодотворяются, и литианка отправляется рожать в море.

Но на свет при этом появляется вовсе не миниатюрное подобие взрослого литианина, отнюдь нет; новорожденный литианин больше всего похож на рыбешку-малька, вроде нашей миноги. Какое-то время рыбешка живет в море; потом, когда развиваются зачатки легких, переселяется на отмель. Через какое-то время грудные плавники становятся лапами, а земноводная рыба — амфибией, и отползает сквозь прибрежный ил дальше и дальше вглубь леса, осваивается с тяготами жизни на суше. Когда лапы достаточно окрепнут, юные литиане уже напоминают лягушек — видели, наверно, прыгают при луне в прибрежных холмах такие потешные твари, довольно крупные; за ними еще местные крокодилы охотятся… Многим тем не менее удается улизнуть; и прыгучесть еще не раз сослужит им хорошую службу. Они переселяются в джунгли и там претерпевают следующую метаморфозу — становятся небольшими рептилиями, вроде кенгуру, которых мы зовем «попрыгунчики». Главная метаморфоза при этом затрагивает систему кровообращения: из такой, как у рептилий, еще позволяющей некоторое смешение венозной и артериальной крови, она становится как у наших птиц, и к мозгу теперь поступает только артериальная кровь,

насыщенная кислородом. Примерно тогда же они становятся изотермичны и гомеостатичны, как млекопитающие. В конце концов, из джунглей выходят молодые литиане и смешиваются с городским населением; теперь им осталось только получить образование… Но о планете своей они и так уже знают почти все; дело лишь за тем, чтобы цивилизоваться. Инстинкты свои они полностью контролируют; постоянную и нерасторжимую связь со всей природой ощущают; переходный возраст — в физиологическом смысле — позади и от интеллектуальных штудий никоим образом не отвлекает; короче, они уже готовы занять свое место в литианском обществе.

Микелис сплел пальцы в замок — так, что костяшки побелели — и поднял взгляд на Руис-Санчеса.

— Но… да этому открытию цены нет! — прошептал он. — Рамон, ради одного этого уже стоило сюда лететь. Какая потрясающе элегантная, красивая цепочка; и какая блестящая аналитическая работа!

— О да, элегантно донельзя, — замогильным эхом отозвался Руис-Санчес. — Да и просто мило. Тот, кто всегда рад проклясть нас, такой, в сущности, миляга; вот только милостью Господней

тут и не пахнет.

— Неужели все это так серьезно? — звенящим от волнения голосом спросил Микелис. — Но, Рамон, не станет же церковь возражать! Если правильно помню, ваши теоретики давно признали и рекапитуляцию у человеческого зародыша, и геологические свидетельства в пользу эволюции. Что такого особенного во внешней рекапитуляции?

— Да, факты церковь признает, — отозвался Руис-Санчес. — Испокон веку признавала. Но, как ты сам изволил заметить не далее, чем минут десять назад, факты имеют привычку одновременно указывать в противоположные стороны. К теории эволюции — особенно, к той ее части, где объясняется происхождение человека — церковь до сих пор относится так же враждебно, как в девятнадцатом веке, и не без должных на то оснований.

— Тупицы закоснелые, — пробормотал Кливер.

— Боюсь, за теологическими хитросплетениями я следил не слишком внимательно, — признался Микелис — И какова же нынешняя позиция церкви?

— Позиций на самом деле две. Можно, например, считать, что развитие человека шло так, как

пытаются уверить нас геологические данные, а Бог вмешался где-то по пути и вдохнул душу; такую теорию церковь считает вполне приемлемой, но особенно не пропагандирует, поскольку было немало исторических прецедентов, когда таким образом оправдывалось жестокое обращение с животными, а те тоже Божьи твари. Или можно считать, что душа развивалась параллельно с телом; эту теорию церковь отвергает на корню. Впрочем, все это несущественно — для нашего разговора, по крайней мере — по сравнению с тем фактом, что церковь считает чрезвычайно сомнительными сами геологические данные.

— Почему? — спросил Микелис.

— Ну, в нескольких словах итоговый документ Басрского собора не перескажешь. Если тебя, Майк, интересует, сам прочтешь, когда на Землю вернемся. Впрочем, и это далеко не последнее слово — собор созывался в тысяча девятьсот девяносто пятом[17], если память не изменяет. Поэтому в дебри залезать не будем и ограничимся тем, что говорит Священное Писание. Давайте допустим на секундочку, что Бог создал человека; совершенно ли Его творение? Я, честно говоря,

---

[17] Примечания: 17
Смею напомнить, что роман был издан в 1958 году.

просто не понимаю, какой смысл был бы на Его месте утруждаться чем-то меньшим, нежели абсолютное совершенство. А можно ли считать совершенным человека без пупка? Тут я, конечно, не верховный авторитет — но, по-моему, нельзя. А первый человек — опять же на секундочку допустим, что это был Адам, — не будучи рожден женщиной, пупок иметь не обязан. Так был у него пупок или нет? Все великие художники изображали Адама с пупком; я сказал бы, что это одинаково грамотно как с точки зрения теологии, так и эстетики.

— И что это доказывает? — спросил Кливер.

— То, что ни геологические данные, ни рекапитуляция не могут считаться подтверждением эволюционной теории. Если исходить из аксиомы, что Бог создал человека, совершенно логично будет предположить, что Он дал Адаму пупок, предусмотрел для нашей планеты геологические пласты, а для человеческого зародыша — процесс рекапитуляции. И все это никоим образом не доказывает, что миллиарды лет эволюции в действительности имели место; просто иначе сотворенный Богом мир был бы несовершенен.

— О-го! — присвистнул Кливер. — А я то всю жизнь думал, верх замороченности — это теория

Хэртля.

— Да нет, Пол, мысль эта отнюдь не нова; и предложена она даже не Басрским собором, а неким Госсе и почти два века тому назад. На самом-то деле на некой ступени развития любая философская система становится чрезмерно замороченной. И я не понимаю, почему вера в Бога кажется вам более странной, чем предложенная Майком модель атома: дырка верхом на дырке и дыркой погоняет. По-моему, логично ожидать, что когда теоретики наши разберут, в конце концов, Вселенную по винтику, не останется просто ничего, гигантское ничто, не-пространство, каким-то образом эволюционирующее в не-времени. В день, когда это случится, со мной все так же пребудет Бог, а вы останетесь ни с чем; в остальном же — разницы никакой… Но сейчас речь не о том; сейчас все куда как проще. Перед нами — говоря открытым текстом — планета и народ, существующие только благодаря поддержке врага рода человеческого. Это гигантская ловушка, заготовленная для всех нас — как на Земле, так и в космосе. Единственное, что в наших силах — это отвергнуть соблазн, сказать: изыди, Сатана. Любой компромисс ведет прямой дорогой к вечному проклятию.

— Почему, святой отец? — негромко спросил Микелис.

— Подумай сам, Майк, — что следует из этих предпосылок? Во-первых: разум — единственная, самодостаточная опора. Во-вторых: самоочевидное всегда тождественно истинно сущему. В-третьих: добродетель есть цель в себе. В-четвертых: возможно быть праведным без веры. В-пятых: возможно быть праведным без любви. В-шестых: спокойствие духа умопостижимо. В-седьмых: возможна этика, из сферы которой исключено зло как альтернатива. В-восьмых: возможна мораль без совести. В-девятых: возможна добродетель без Бога. В-десятых… Впрочем, разве не достаточно? Все это предлагалось нам уже не раз, и мы прекрасно знаем кем.

— Один вопрос, — все тем же мучительно-спокойным голосом произнес Микелис — Говоришь, это ловушка — значит, ты признаешь за врагом рода человеческого способность творить. Рамон… разве это не ересь? Разве ты не расписываешься этими своими словами в еретическом убеждении? Или Басрский собор…

Руис-Санчес ощутил, что не может вымолвить ни слова. Вопрос поразил его в самое сердце. Микелис раскрыл всю глубину его предательства,

всколыхнул всю боль отступничества. Он-то надеялся, что слова эти прозвучат гораздо позже.

— Да, это ересь, — наконец выговорил он; слова падали твердо и мерно, словно камни в колодец. — Называется манихейство[18], и Басрский собор оправдывать ее не собирался. — Он сглотнул; в горле першило. — Но раз уж, Майк, ты спросил, разговора не избежать. Честно, Майк, ты даже представить себе не можешь, как мне сейчас тяжело, но… видали мы уже проявления этой «творческой» силы. В палеонтологии, например; помнишь доказательство, что лошадь происходит от эогиппуса, которое почему-то убедило далеко не всех? Похоже, если дьявол и обладает творческой силой, на нее наложено некое ограничение свыше, и все порождения Сатаны в той или

[18] Примечания: 18

Манихейство — если в двух словах — религия, возникшая в III веке в Персии, основанная полумифическим проповедником Мани (216–277) и быстро распространившаяся по свету — от Италии до Китая. Она представляла собой некий синтез зороастризма и христианства — из последнего была позаимствована идея мессианства (Мани считался посланником небесного мира света). Основой же веры являлся зороастрийский дуализм, признание двух субстанциональных начал бытия: противоборствующих царства света, добра, духа — и царства тьмы, зла, материи. В первом господствует Бог, во втором — Дьявол (в данном случае — с прописной буквы). Борьба двух царств должна завершиться катастрофой, в результате которой материя погибнет, а дух обретет свободу. По манихейским воззрениям мир — суть средоточие зла. Человек же, будучи существом дуалистическим (душа — порождение света, тело — порождение тьмы), может помочь силе света в борьбе против силы тьмы.

иной мере ущербны. Да взять хоть то же пресловутое открытие внутриматочной рекапитуляции, призванное раз и навсегда разрешить вопрос о происхождении человека. Ничего не вышло, так как доверенное лицо враг рода человеческого выбрал не слишком удачно; некто Гакель оказался настолько бесноватым атеистом, что пошел на фальсификацию экспериментальных данных, лишь бы доказательство звучало поубедительней. Тем не менее, что тот, что другой довод были достаточно серьезными. Но у церкви не так-то легко выбить почву из-под ног, Святой престол покоится на прочном основании… И вот новое проявление той же «творческой» силы — Лития; проявление, организованное куда как изощренней — но в то же время и куда грубее. Оно сумеет поколебать многих, кто ранее оставался неколебим, но кому теперь не хватит соображения или образования понять, что и это фальсификация. Казалось бы, нам демонстрируют эволюцию в действии — причем с таким размахом, что и возразить нечего. Имеется в виду, что давней дискуссии должен быть положен конец, раз и навсегда; места для Бога в такой картине мира не остается, а Святой престол опасно накреняется. Отныне, присно и во веки веков: Бога нет, есть

только феноменология — и, разумеется, подо всем, в той самой дырке, что на дырке верхом и дыркой же погоняет, великое ничто, которое за все время после низвержения с небес так и не выучилось никаким другим словам, кроме «нет». У великого ничто много имен, но мы-то знаем единственное, которое имеет значение. Вот какая перед нами разверзлась бездна… Пол, Майк, Агронски, я все сказал. Мы — на пороге Ада. С Божьей помощью еще не поздно повернуть назад. Мы должны повернуть назад — и, кажется мне, это наш единственный шанс.

IX

Четверо высказались и проголосовали. Комиссия сделала все, что могла; дальше вопрос о Литии будет обсуждаться на Земле в высших эшелонах, и бумажная волокита затянется на долгие годы. *«Проход запрещен; ведутся исследования».* Де-факто можно считать, что планета занесена в «Индекс экспургаториус».

На следующий день прилетел корабль. Экипаж не очень удивился, узнав, что комиссия разделилась на две фракции, общение между которыми сведено к минимуму. Такое случалось сплошь и рядом.

Четверо комиссионеров молча прибирались в доме, некогда предоставленном для них литианами в Коредещ-Сфате. Руис-Санчес поглубже упаковал темно-синюю книгу с золотым тиснением по корешку, стараясь и не смотреть на нее; как усердно ни косился он в сторону, до боли знакомое название все равно резануло по глазам: Джеймс Джойс, «Поминки по Финнегану».

Что ж, можно сказать, он с честью разрешил сие запутанное дело; дело совести. Но чувствовал себя он точнехонько, как эта книга — сброшюрованный, насквозь прошитый, зажатый обложками, сорвно в тиски, казнящийся человек-текст, который предоставит иезуитам грядущих поколений массу поводов к разночтениям.

Решение, которое должен был вынести, он вынес. Но, прекрасно понимал он, решение это далеко не окончательно — ни для него самого, ни для ООН, ни для церкви. Напротив, само решение имеет шансы предоставить иезуитам грядущих поколений достойный повод скрестить полемические копья:

Верно ли святой отец Руис-Санчес интерпретировал волю Творца, и следовало ли его решение этой интерпретации?

Разумеется, использовать его имя открытым

текстом не станут; но что проку в имени вымышленном? Несомненно одно: суть-то проблемы завуалировать эвфемизмами не удастся. А может, снова то голос гордыни… или страдания? Разве не сам Мефистофель сказал: Solamen miseris socius habiusse doloris[19]?..

— Святой отец, нам пора. Вот-вот стартуем.

— Я уже собрался, Майк.

Под посадочную площадку расчистили одну из ближайших полян. Возвышающийся посередине корабль напоминал Руис-Санчесу исполинское веретено, с минуты на минуту готовое сорваться с места, чтобы начать разматывать тщательно сотканную пряжу геодезических линий, и размотанная нить должна вывести к солнцу, что сияет над Перу. Все утро шел дождь, и похоже было, скоро снова начнет моросить; но из-за низких рваных облаков нет-нет, да и проглядывало тускловатое литианское светило.

Погрузка багажа шла своим чередом. Чинно, не торопясь, автокраны вздымали в воздух один железный контейнер за другим, и в проеме гру-

---

[19] Примечания: 19

Solamen miseris socius habiusse doloris (латин.) — Утешение для несчастных — иметь товарищей по несчастью. В «Трагической истории доктора Фауста» Кристофера Марло этой репликой Мефистофель отвечает на вопрос Фауста, зачем Люциферу нужна душа доктора.

зового люка исчезали аудио- и видеопленки, дневники наблюдений, слайд-фильмы, виварии, культуры бактерий, образцы растительности, руд, минералов и почв, литианские рукописи в криостатах с гелием…

Первым к распахнутому люку шлюза поднялся по трапу Агронски; за ним, с рюкзаком на плече, медленно вскарабкался Микелис. Кливер все еще вершил колдовские пассы над каким-то последним агрегатом (который, судя по всему, требовал чрезвычайно осторожного, если не сказать трепетного обращения), прежде чем доверить тот равнодушным крюкам и манипуляторам. Руис-Санчесу казалось, что в своем естественнонаучном фанатизме Кливер временами проявляет по отношению ко вверенной его попечению аппаратуре чувства сродни материнским. Воспользовавшись задержкой, Руис-Санчес оглядел джунгли, окружающие поляну плотным кольцом.

Штексу он увидел сразу же. С чем-то в руках, литианин стоял на тропинке, которой только что проследовали земляне.

Кливер ругнулся сквозь зубы и проделал последнюю серию пассов в обратном порядке — чтобы тут же, с незначительными модификациями,

повторить. Руис-Санчес поднял руку. Замершая у кромки джунглей фигура длинными шагами направилась к кораблю — вприпрыжку, немного комично и в то же время едва ли не величаво.

— Приятного путешествия желаю, — приблизившись, проговорил литианин. — Надеюсь, куда бы дорога ни вела ваша, к нам приведет еще она. Подарок принес я, два дня назад вручить который хотел; если сейчас уместно сие будет.

Кливер выпрямился и снизу вверх подозрительно уставился на литианина. Языка он не понимал, и придраться ему было совершенно не к чему. Так что он просто стоял и источал неприязнь.

— Спасибо, — выдавил Руис-Санчес. В присутствии этого порождения Сатаны он снова ощутил, как чудовищно низко пал, и содрогнулся, когда кольнула мысль, что он может быть и неправ. Впрочем, откуда Штексе знать…

Литианин же протягивал ему небольшую вазу с опечатанным горлышком и двумя плавно скругленными ручками. Под блестящей глазурованной поверхностью будто плясал отблеск огня гончарной печи; фарфор переливался тончайшими оттенками всех цветов радуги, по поверхности скользили причудливые тени, а

форма сосуда была совершенной настолько, что самый выдающийся горшечник древней Греции провалился бы сквозь землю от стыда за собственные неуклюжие поделки. Ваза была столь прекрасна, что вопрос об ее использовании представлялся неразрешимым. Не делать же из нее светильник; не ставить же в холодильник с остатками вчерашнего салата… Впрочем, для этого она, пожалуй, великовата.

— Вот подарок наш, — говорил Штекса. — Самый прекрасный сосуд это, из печей гончарных Коредещ-Гтона когда-либо вышедший. Материал, из которого сделан он, все включает элементы в себя, на Литии встречающиеся — железо даже; таким образом, как видите, мыслей наших и чувств оттенки тончайшие он отражает. Многое расскажет землянам о Литии сосуд этот.

— Ничего он нам не скажет, — с трудом вымолвил Руис-Санчес — Слишком он совершенен, чтоб отправлять его на химический анализ… даже распечатать рука не поднимется.

— О нет, хотим мы, чтоб распечатали вы его, — произнес Штекса. — Ибо внутри в нем другой подарок наш.

— Еще один подарок?

— Да, и важнее гораздо. Рода нашего оплодо-

творенная яйцеклетка это. С собой возьмите ее. До Земли когда долетите вы, зрелости достигнет зародыш уже, и в мире странном и дивном вашем расти и развиваться литианин маленький будет. Сосуд — от нас ото всех подарок; но ребенок в нем — от меня лично подарок, ибо мой ребенок это.

Руками, трясущимися от ужаса и отвращения, Руис-Санчес принял вазу — словно боясь, что та в любой момент может взорваться; именно этого, собственно, он и боялся. Сосуд плясал в руках у него, будто язык разноцветного пламени.

— До свидания, — сказал Штекса, развернулся спиной и направился к опушке. Кливер, козырьком приложив ладонь к глазам, проводил его долгим взглядом.

— Ну и к чему бы это? — наконец потребовал объяснений физик. — По его виду можно было подумать, он собирается преподнести тебе собственную голову па блюде. Оказывается, кувшин какой-то!

Руис-Санчес ничего не ответил. Язык во рту решительно отказывался ворочаться, в ушах стоял гулкий звон. Он отвернулся от физика и принялся осторожно карабкаться по трапу, придерживая вазу у сгиба локтя. Вовсе не с таким даром намеревался вернуться он в святой город,

вовсе не такую лепту скромно надеялся внести в дело извечного спасения рода человеческого, совсем нет; но другого дара у него не было.

Он еще карабкался к шлюзу, когда над головой промелькнула быстрая тень; Кливер закончил наконец колдовать над последним контейнером, и тот, вознесенный стрелой крана, исчез в проеме грузового люка.

В следующее мгновение Руис-Санчес был уже в шлюзе; вокруг с воем набирали обороты корабельные генераторы Нернста. Литианское солнце выбросило из-за облаков ярко-желтый луч, и на железный пол шлюза перед иезуитом упала длинная тень.

Еще через мгновение проем за спиной перекрыла широкая тень Кливера. Свет потускнел и померк.

Въезжая в пазы, оглушительно хлопнул железный люк.

Книга вторая

X

В начале, плавая в холодной и странно правильных очертаний утробе, Эгтверчи не знал ничего,

кроме собственного имени — унаследованного и отмеченного особым кодоном ДНК на одном из генов; чуть дальше на той же самой хромосоме (Икс-хромосоме) значилось, как звали его отца: Штекса. Вот, собственно, и все. В тот самый миг, когда он начал независимое существование в виде зиготы, или оплодотворенной яйцеклетки, хроматиновые буквы запечатлели: имя — Эгтверчи, раса — литианин, пол — мужской, генеалогия прослеживается вспять непрерывно вплоть до момента зарождения на Литии жизни. Задумываться об этом было ни к чему в силу очевидности.

Но слишком уж правильных очертаний была окружающая его утроба, слишком темной и холодной. Не крупнее пылинки, Эгтверчи дрейфовал в питательной жидкости от одной неестественно гладкой, плавно изгибающейся стенки к другой, ощущая (не сознанием еще, но на химическом уровне), что находится не в материнской утробе. Ни на одном из его генов имя матери не значилось, но он понимал — не сознанием, которого у него еще не было, а чувствуя некое отторжение на уровне биохимии, — чей он сын, к какой расе принадлежит, и где ему положено находиться: не здесь.

Так он рос — и дрейфовал, и пытался прилепиться к холодной стеклянистой стенке, но темная утроба неизменно отвергала его. Когда началась гаструляция, рефлекс прилепляться, отработав свое, сошел на нет. Теперь Эгтверчи снова лишь дрейфовал себе и осознавал не более, чем в самом начале: раса — литианин, пол — мужской, зовут — Эгтверчи, отец — Штекса, явление на свет — предстоит в самом ближайшем будущем; и было в мире его темно и тоскливо, как в запечатанном кувшине.

Потом образовалась хорда, а на конце ее собрались в тугой узелок нервные клетки. Теперь у Эгтверчи были передняя часть И задняя часть, а также манера поведения. Не говоря уж о мозге; теперь Эгтверчи был рыбой — точнее икринкой, даже не мальком еще — и наматывал бесконечные круги в своем холодном море, в своем анклаве.

Бесприливным и беспросветным было море его, но некое движение ощущалось, медленное перекатывание конвективных токов. Иногда поднималось нечто иное, не течение, и тогда Эгтверчи затягивало ко дну или же сносило к стенке. Названия этой силы он не знал — да и откуда знать ему, рыбе, кружащей безостано-

вочно и ненасытно, — но противостоял ей, как противостоял бы холоду или жару. В голове у него, перед жабрами, жило четкое ощущение, в какой стороне верх. Это же ощущение подсказывало ему, что в своей природной среде рыба обладает и массой, и инерцией — но не весом. Спорадически колыхавшая темную воду гравитационная рябь не являлась частью мира, ведомого его инстинктам, — и, когда ускорение сходило на нет, зачастую сбитый с толку Эгтверчи какое-то время еще плавал брюшком кверху.

Настал момент, когда маленькое море перестало приносить пищу; но время и расчеты отца были благосклонны к Эгтверчи. В точности тогда же вернулся вес, да с такой силой, какая прежде и не снилась, и Эгтверчи надолго завис в оцепенении у самого дна, медлительно, утомленно фильтруя воду через жабры.

Но и это, наконец, прошло, и вот маленькое море спазматически заплескало из стороны в сторону, вверх-вниз, вперед-назад. Эгтверчи был уже размером с личинку пресноводного угря. Под грудными ребрами начали формироваться мешочки-близнецы, не сообщаясь пока ни с одной из систем тела, но плотнее и плотнее набухая капиллярами. Внутри же мешочков не было

ничего — только немного газообразного азота, чтобы уравновесить давление. В должный срок они станут зачатками легких.

Потом стал свет.

Для начала с мира сняли верхушку. Правда, фокусироваться глаза Эгтверчи еще не умели; к тому же, как и любой продукт эволюции, он был подвержен действию неоламарковых законов, гласящих, что даже безусловно наследуемый рефлекс разовьется ущербно, если развивается в отсутствие какой-либо возможности проявиться. Как литианину с присущей этой расе обостренной чувствительностью к динамике окружающей среды долгое заточение во тьме принесло ему ущерб меньший, чем любому другому существу — например, земному; тем не менее и Эгтверчи это припомнится — в должный срок. Теперь же он чувствовал только, что где-то там, наверху (на прочном, теперь надежном верху), забрезжил свет.

Он поднялся к свету, перебирая струны теплых вод брюшными плавничками.

Святой отец Рамон Руис-Санчес (уроженец Перу, недавний комиссионер, а иезуит вовеки) глядел на кроху, что выписывала спазматические круги на мутной поверхности, и было святому

отцу странно и муторно. Что ж тут поделаешь — сострадал он тритончику сему, как и всякой живой твари; а прихотливые рывки и пируэты того, безошибочные каждый в отдельности — до полной совокупной непредсказуемости, не могли не вызвать чувства глубокого эстетического удовлетворения. Но это крошечное создание было литианином.

Времени досконально изучить разверзшуюся перед ним черную пропасть у священника было более чем достаточно. Руис-Санчес никогда не склонен был недооценивать силу, досель являемую злом, — силу, сохраненную (на предмет чего церковь даже сумела прийти внутри себя к консенсусу) после отпадения от высочайшего престола. Как иезуиту, ему приходилось уже разбирать и оспаривать довольно дел совести, чтобы не тешиться иллюзиями, будто зло исключительно прямолинейно или бессильно. Но чтобы среди способностей врага рода человеческого числилась творческая — такого Руис-Санчесу и в голову не приходило, до самой Литии. Нет уж, Богово — Богу. Помыслить, будто может быть более одного демиурга — ересь чистейшей воды, и притом очень древняя.

Но как есть, так есть — ересь там или что. Вся

Лития, и особенно доминирующий на планете вид, рациональный и достойный всяческого восхищения, суть порождение зла, призванное ввести человечество во искушение — новое, чисто интеллектуальное, явленное, словно Минерва из головы Юпитера. А явление то — противоестественное, как и созвучное ему мифическое, — призвано было, в свою очередь, породить: массовое символическое хлопание себя по лбу (всеми, кто способен хоть на мгновение помыслить, будто возможна какая-либо иная творческая сила, помимо Божественной); трескучую, до звона в черепе головную боль (у теологов); моральную мигрень; и даже космологическую контузию, ибо Минерва — верная подруга Марса, и на земле (воистину, мучительно вспомнилось Руис-Санчесу), как на небе[20].

В конце концов, на небе он был, и кому знать, как не ему.

Но все это могло и обождать — какое-то время, по крайней мере. Сейчас же главное, что крохотное существо — беззащитное, как трехдюймовый малек угря, — явно пребывало в добром здравии. Руис-Санчес взял мензурку с водой, мутной от ты-

---

[20] Примечания: 20

Евангелие от Матфея, 6:10. «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе».

сяч выращенных в питательной среде Cladocera и циклопов, и отлил примерно половину в загадочно мерцающую амфору. Священник и глазом не успел моргнуть, как крошка-литианин ушел на глубину, в погоню за микроскопическими ракообразными. «Аппетит есть, — рассудительно отметил Руис-Санчес, — значит, здоров».

— Во шустряк! — негромко прозвучало из-за плеча. Священник, улыбаясь, поднял голову. Это подошла Лью Мейд, молодая заведующая ООН'овской биолабораторией, чьему попечению маленький литианин будет вверен на долгие месяцы. Невысокая и черноволосая, с едва ли не по-детски безмятежным выражением лица, она перегнулась над плечом Руис-Санчеса и, затаив дыхание, глянула в вазу, дожидаясь, пока имаго вынырнет[21].

— Не разболеется он на наших циклопиках? — поинтересовалась доктор Мейд.

— Надеюсь, нет, — ответил Руис-Санчес. — Циклопики-то земные, но метаболизм литиан удивительно похож на наш. Даже цвет крови у них определяется чем-то вроде гемоглобина —

---

[21] Примечания: 21

Малопонятная ошибка (обычно в вопросах таксономии Блиш вполне аккуратен): имаго — слово, конечно, красивое, но означает взрослую стадию развития насекомого.

хотя, конечно, не на железе, на другом металле. И планктон их — из очень близких родственников наших циклопов и водяных блох. Нет — если уж он пережил полет, то и заботу нашу как-нибудь выдюжит; даже благие намерения.

— Полет? — с расстановкой переспросила Лью. — Как мог ему повредить полет?

— Ну, точно сказать не могу. Пришлось рисковать. Штек-са — его отец — преподнес нам его прямо в вазе, уже запечатанной. Мы представления ни малейшего не имели, что там и как он предусмотрел в плане мер безопасности. А вскрыть вазу опасались; в чем я стопроцентно был уверен, так это что Штекса не стал бы опечатывать ее просто так; в конце концов, собственную физиологию он знает явно лучше любого из нас, даже доктора Микелиса или меня.

— К чему я, собственно, и клоню, — сказала Лью.

— Понимаю; но, видишь ли, какое дело, Лью, о космическом полете Штекса ведь не знает ничего. То есть насчет обычных механических напряжений он, конечно, в курсе — летают же у них реактивные транспорты; но меня беспокоил континуум Хэртля. Помнишь наверняка все эти совершенно фантастические темпоральные эф-

факты, которые проявились у Гэррарда, в первом его успешном полете — к Центавру. Даже будь у меня время, я бы все равно не смог объяснить Штексе уравнений Хэртля. Во-первых, секретность; во-вторых, все равно он ничего не понял бы, их математика до трансфинитного анализа еще не дошла. А фактор времени чрезвычайно важен у литиан при развитии зародыша.

— Почему? — полюбопытствовала Лью. И снова покосилась на амфору с непроизвольной улыбкой.

Вопрос затронул струну весьма болезненную, причем болезненную издавна.

— Потому, Лью, — ответил Руис-Санчес, тщательно подбирая слова, — что у них внешняя физическая рекапитуляция. Вот почему сейчас в вазе рыбешка; когда он вырастет, то станет рептилией — хотя с кровеносной системой, как у птиц, плюс еще кое-что будет для рептилий нехарактерное. У литиан самки откладывают яйца в море…

— Но вода в кувшине пресная.

— Нет, морская; на Литии моря не такие соленые. Короче, из яйца образуется такая вот рыбешка; потом у нее развиваются легкие, и приливом ее выносит на берег. Слышала б ты,

как они лают в Коредещ-Сфате — ночь напролет выхаркивают из легких воду, формируют мускулатуру диафрагмы.

Ни с того ни с сего Руис-Санчеса затрясло. Воспоминание о лае подействовало на нервы куда сильнее, чем в свое время — собственно лай. Тогда ведь он не знал еще, что это такое — точнее, знал, но не догадывался, что он означает.

— В конце концов у земноводных рыб вырастают ноги, а хвост отваливается, как у головастиков; и они углубляются в джунгли — уже настоящие амфибии. Через некоторое время газообмен начинает идти только через легкие, поры кожи больше не задействованы, так что держаться у воды теперь не обязательно. В конце концов они совсем взрослеют, становятся рептилиями — весьма высокоразвитыми, сумчатыми, прямоходящими, гомеостатичными — и в высшей степени разумными. Тогда новые взрослые выходят из джунглей в город, готовые учиться.

Лью слушала, затаив дыхание.

— Чудо! — прошептала она.

— Не более, не менее, — хмуро отозвался Руис-Санчес. — С нашими детьми все почти так же, но в утробе — а потом они извергаются на свет Божий; литианские же, как сквозь строй,

прогоняются через все, что им уготовано тамошней природой. Вот почему я волновался насчет континуума Хэртля. Мы как могли экранировали вазу от полей генераторов Нернста, но когда развитие зародыша так тонко подстроено под динамику окружающей среды, замедление времени может все порушить. В случае с Гэррардом его сначала замедлило до часа в секунду, потом подхлестнуло до секунды в час, потом обратно, и так далее, строго по синусоиде. Малейший огрех в экранировании, и с сыном Штексы могло бы случиться то же самое, и кто его знает, чем бы все кончилось. Слава Богу, утечки все-таки не было; но я волновался.

Девушка погрузилась в раздумье. Чтобы не задуматься самому, — передумано об этом было уже достаточно, причем по сужающейся спирали, заведшей в абсолютный тупик, — Руис-Санчес стал наблюдать, как думает Лью. Смотреть на нее всегда было сущее душевное отдохновение, а в отдыхе Руис-Санчес нуждался как никогда. Даже успело сложиться ощущение, будто и минутки свободной у него не выдалось — с того самого момента, как хлопнулся в обморок прямо на изумленного Агронски, еще там, в Коредещ-Сфате.

Лью родилась и воспитывалась в штате Боль-

шой Нью-Йорк. Руис-Санчес всегда говорил — ив его устах это был наиболее глубоко прочувствованный комплимент, — что по ней этого никак не скажешь; будучи перуанцем, он ненавидел девятнадцатимиллионный мегалополис всеми, как говорится, фибрами души (что, как сам же с готовностью признавал, было совершенно не по-христиански). В Лью совсем не замечалось нервозности или нездорового возбуждения. Она была спокойна, нетороплива, невозмутима, вежлива, и ничто не могло поколебать ее самообладания (не безразличного причем, не ледяного, и без навязчивой зацикленности), а все попытки каких бы то ни было посягательств натыкались на стену прямодушия и бесхитростности; усомниться в ближнем своем ей и в голову не приходило — и не из наивности, а из природной уверенности, будто истинное существо ее настолько неуязвимо, что даже пытаться уязвить никто не станет.

Вот первое, что пришло Руис-Санчесу на ум при взгляде на Лью; но стоило продолжить случайную мысль, и он опечалился. Как никто не догадался бы, что Лью из Нью-Йорка (даже речь ее не выдавала какого-либо из восьми городских диалектов, один другого неразборчивей, и уж подавно никому бы в голову не пришло, что ро-

дители ее говорят на одном только бронкском наречии), так же никто не догадался бы, что она — биолог, завлаб, пол женский.

Развивать мысль дальше Руис-Санчесу было не слишком-то уютно, но игнорировать столь очевидного он тоже никак не мог. Телосложением Лью была вылитая гейша, тонкокостая и предельно женственная. Одевалась она исключительно скромно, но не сокрытия ради, а спокойствия для; явственно женское тело облекалось в такие одежды, дабы ничего не стыдиться, но и не выставляться напоказ. Под мягкими красками крылась сущая Венера Каллипига с ее медленной, сонной улыбкой — необъяснимым образом не сознающая того, что ей (не говоря уж обо всех прочих) природой и мифологией положено непрестанно восхищаться крепким, в ямочках, изгибом собственной спины. Хватит, хватит; даже слишком. И без того с угорьком[22], что гонялся

[22] Примечания: 22

Есть подозрение, что именно угорек — а не просто рыбешка — назван Блишем с умыслом. Была в середине XVIII века знаменитая естественнонаучная дискуссия по поводу опытов английского иезуита Нидгема: тот (цитируя в изложении Вольтера) *«насыпав в бутылки муку, добытую из пораженной спорыньей ржи, и хорошенько заткнув эти бутылки, в которые был также добавлен бараний соус <...>, он затем сделал вывод, что этот бараний соус и ржаная мука породили угорьков, тотчас же породивших следующее поколение, и, таким образом, порода «угрей» безразлично рождается и из бараньего сока, и из ржаного зерна»*.

по всей керамической утробе за пресноводными ракообразными, проблем хоть отбавляй; а скоро часть их ляжет на плечи Лью. Негоже осложнять ей задачу столь недостойными измышлениями, пусть и выраженными не более чем взглядом искоса. В своей способности не сойти с предписанного пути Руис-Санчес не сомневался ни на минуту; но негоже, негоже отягощать эту серьезную милую девушку подозрением, побороть которое она не может быть готова.

Он поспешно отвернулся и прошагал к широкой стеклянной западной стенке лаборатории, сквозь которую открывался вид на город с тридцать четвертого этажа — высота не ахти какая, но для Руис-Санчеса более чем достаточная. Грохочущий, затянутый жаркой дымкой девятнадцатимиллионный мегалополис, как обычно, вызвал у него отвращение (даже более, чем обычно — после долгого лицезрения тихих улочек Коредещ-Сфата). Единственное, что хоть немного утешало: четкое осознание, что остаток жизни ему провести не здесь.

В некотором смысле, Манхэттен все равно являл собой не более чем реликт — как в политическом плане, так и в физическом; исполинский многоглавый призрак, явленный с высоты пти-

чьего полета. Осыпающиеся остроконечные громады на девяносто процентов пустовали, причем круглые сутки. В любой момент времени большая часть населения (как и любого другого города-государства — из тысячи с лишним, разбросанных по всему Земному шару) пребывала под землей.

Подземные поселения существовали на полном самообеспечении. Энергию давали термоядерные электростанции; пищу — сельхозцистерны и тысячемильные светящиеся пластиковые трубопроводы, по которым обильно перетекала, неустанно разрастаясь, водорослевая суспензия; запасов пищи и медикаментов в гигантских холодильных камерах хватило бы, в случае чего, на десятилетия; вода прокручивалась по абсолютно замкнутому циклу, сберегавшему каждую каплю канализационных вод или атмосферной влаги; а воздушные фильтры были в состоянии справиться как с газами, так и с вирусами, и с радиоактивной пылью — или со всеми тремя одновременно. От какого-либо центрального правительства города-государства были равнонезависимы; каждый управлялся «администрацией потенциальной цели», функционирующей по образцу портового самоуправления прошлого

века — от которого та, понятное дело, свое происхождение и вела.

К переделу Земли привела международная «гонка убежищ» 1960–1985 годов. Гонка атомных вооружений, начавшаяся в 1945-м, через пять лет по сути уже завершилась; гонки ядерных вооружений и межконтинентальных баллистических ракет заняли каждая еще по пять лет. Гонка убежищ затянулась гораздо дольше, и не потому что для завершения ее требовался некий научный или технологический прорыв — как раз наоборот, — а лишь из-за объема строительных работ.

Хотя на первый взгляд гонка убежищ представлялась делом сугубо оборонительного толка, она приобрела все характерные черты классической гонки вооружений — поскольку любая отстающая держава напрашивалась на немедленное нападение. Но разница все же была. Гонка убежищ стартовала, когда пришло осознание: угроза ядерной войны не просто неотвратима, она абстрактна; война может разразиться в любое мгновение, но если в любой данный момент не разразилась, значит, жить под дамокловым мечом еще, по меньшей мере, век, если не все пять. Таким образом, гонка была не просто изнуряющей, но и в высшей степени долгосрочной…

И как любая гонка вооружений, эта к концу также изжила самое себя — в данном случае из-за того, что затевавшие ее слишком уж надолго загадывали. Катакомбная экономика распространилась по всему миру — но до конца гонки было еще далеко, когда появились признаки, что долго жить при такой экономике выше человеческих сил; какие там пятьсот лет — сто бы продержаться. Первым таким признаком явились Коридорные бунты 1993 года; первым — но далеко не последним.

Бунты наконец дали ООН долгожданный предлог установить действенное наднациональное правление — учредить жизнеспособное мировое государство. Бунты дали предлог, а катакомбная экономика и неоэллинистическая фрагментация политической власти — средство.

Теоретически это должно было решить все. Ядерная война между участниками такого конгломерата стала маловероятна; угроза сошла на нет… но катакомбная экономика-то никуда не делась. Экономика, на создание которой ежегодно расходовалось двадцать пять миллиардов долларов, и так двадцать пять лет. Экономика, оставившая на лице Земли неизгладимый отпечаток миллиардами тонн бетона и стали, и

на милю с лишним вглубь. Историю вспять не повернешь; Земле суждено быть мавзолеем для здравствующих, отныне, присно и вовеки веков; надгробья, надгробья, надгробья…

Мир терзал барабанные перепонки Руис-Санчеса далеким звоном. Подземный город грохотал на басовой, инфразвуковой ноте, и стекло перед священником вибрировало. В звуковую ткань вплеталось зловещее, беспокойное скрежетанье — отчетливей, чем представлялось Руис-Санчесу когда-либо раньше, — будто бы пушечное ядро бешено мотало круги по скрипучему, в щепу измолотому деревянному желобу…

— Кошмар просто, — прозвучал из-за спины голос Микелиса. Руис-Санчес удивленно оглянулся на долговязого химика — удивленный не столько тем, что не слышал, как тот вошел, сколько тем, что Майк снова с ним разговаривает.

— Кошмар, — согласился он. — А я — то уже боялся, это у меня одного чувствительность обострилась после долгой отлучки.

— Очень может быть, — сумрачно кивнул Микелис. — Я тоже отлучался.

Руис-Санчес мотнул головой.

— Нет, по-моему, действительно кошмар, — сказал он. — Заставлять людей жить в таких

невыносимых условиях… И не в том только беда, что девяносто дней из ста приходится торчать на дне колодца. В конце концов, они-то думают, будто живут на грани тотального уничтожения, и так каждый Божий день. Мы приучили думать так их родителей — иначе кто бы стал платить налоги на строительство убежищ? Ну и, разумеется, дети впитали это убеждение с молоком матери. Бесчеловечно!

— Да? — произнес Микелис. — Вообще-то, человечество всю дорогу жило на грани — до Пастера. Кстати, когда это?..

— Тысяча восемьсот шестидесятые, совсем недавно, — ответил Руис-Санчес. — Нет, сейчас все совершенно иначе. Эпидемии — штука такая… кое-кто все-таки выживал; но для термоядерных бомб несть ни эллина, ни иудея. — Он невольно поморщился. — Буквально несколько секунд назад я поймал себя на мысли, что висящая над нами тень тотального уничтожения не просто неотвратима, но абстрактна; это я делал из трагедии бурлеск; до Пастера смерть была как неотвратима, так и всеприсуща, и неминуема, и повсеместна — но никак не абстрактна. В те дни только Господь был неотвратим, вездесущ и абстрактен, все сразу, и в этом была их надежда.

Сегодня же вместо Господа мы дали им смерть.

— Прошу прощения, Рамон, — проговорил Микелис, и костистое лицо его внезапно затвердело. — Ты прекрасно знаешь, в таких вопросах я тебе не оппонент. Один раз я уже обжегся. Хватит.

Химик отвернулся. Лью, смешивавшая за длинным лабораторным столом физрастворы различных температур, рассматривала на свет градуированные пробирки и косилась на Микелиса из-под полуприкрытых век. Стоило Руис-Санчесу глянуть на нее, она тут же отвернулась. Он так и не понял, поймала она его взгляд или нет; но пробирки в опущенной на стол подставке звякнули.

— Прошу прощения, забыл представить, — произнес священник. — Лью, это доктор Микелис, коллега-комиссионер по Литии. Майк, это доктор Лью Мейд, она будет пока заботиться о сыне Штексы — ну, под моим когда более, когда менее чутким руководством. Она один из лучших в мире ксенозоологов.

— Добрый день, — сумрачно сказал Майк. — Значит, вы со святым отцом как бы in loco

parentis[23] нашему литианскому гостю. Серьезная, я бы сказал, ответственность для молодой женщины.

Иезуит ощутил совершенно нехристианское желание дать химику хорошего пинка; правда, особой язвительности в голосе Микелиса не слышалось. Девушка же только опустила взгляд, поджала губы и со свистом втянула воздух.

— Ah-so-deska[24], — еле слышно донеслось от нее.

Микелис вскинул брови, но через секунду — другую стало очевидно, что больше он не услышит от Лью ничего, по крайней мере сейчас. Негромко, с явным смущением хмыкнув, он развернулся к священнику; тот как раз старательно стирал с лица улыбку.

— Пардон, спорол, — с унылой усмешкой сказал Микелис. — Похоже, правда, до изучения правил хорошего тона ближайшее время руки так и не дойдут. Сперва надо с миллионом хвостов всяких

---

[23] Примечания: 23

In loco parentis (латин.) — вместо родителей.

[24] Примечания: 24

Приблизительно переводится с японского как «Да ну!» (более правильная английская транслитерация — «Aa sou desu ka?»). Выражение часто используется в качестве связки для поддержания диалога и может означать как согласие с собеседником, так и наоборот. *(За консультацию спасибо Г.Журавскому.)*

разделаться. Как по-твоему, Рамон, когда ты уже сможешь оставить сына Штексы на попечение доктора Мейд? Нас попросили оформить открытый вариант доклада по Литии…

— Нас?

— Да. В смысле, тебя и меня.

— А что насчет Кливера и Агронски?

— До Кливера не добраться, — сказал Микелис — Так сразу и не скажу даже, где он. А Агронски чем-то их не устраивает; наверно, ученых степеней маловато. Речь о «Журнале межзвездных исследований» — сам знаешь, какие они там снобы; нувориши чистой воды — академичней академиков, что касается престижа. Все равно, по-моему, смысл есть — хоть обнародуем побольше. Так как у тебя со временем?

— Более или менее, — задумчиво протянул Руис-Санчес — Если, конечно, успеем втиснуть между рождением сына Штексы и моим паломничеством.

Брови Микелиса опять взлетели вверх.

— Уже священный год, что ли?

— Уже, — кивнул Руис-Санчес.

— Ладно, надеюсь, успеем, — сказал Микелис — Только, Рамон… прости за любопытство, но ты как-то не производишь впечатления того,

кому необходимо грехи тяжкие замаливать. Не изменил ли ты, часом, свое мнение о Литии?

— Нет, не изменил, — негромко отозвался Руис-Санчес. — Всем нам, Майк, необходимо грехи тяжкие замаливать. Но в Рим я отправляюсь не за тем.

— За чем же?

— Наверно, меня будут судить за ересь.

XI

На илистую отмель чуть восточней Эдема, где лежал Эгтверчи, проливался свет, но день и ночь не были еще созданы — равно, как и не существовало в эту пору ветра с приливом, чтобы захлестывали Эгтверчи, пока тот с лаем выкашливал воду из саднящих легких и голосил на огненном воздухе. С надеждой сучил он новыми своими ножками, и рождалось движение; но бежать было некуда, да и не от кого. Неизменный ровный свет уютно напоминал тот, что струится с вечно затянутого облаками неба, но Некто позабыл предусмотреть регулярные промежутки тьмы и забвения, когда животное подводит итоги неудачам дня минувшего и отыскивает в глубинах сна без сновидений довольно жизнерадостности, чтобы встретить еще одно утро.

«Животные не наделены душой», — заявил Декарт и выбросил в окно кошку, в доказательство если не своих слов, то своей веры в них. Скромный гений механицизма, славно справлявшийся с кошками, но не так удачно с папами римскими, в жизни не видел настоящего механизма, а потому так и не понял, что не души у животных нет, но разума. Компьютер, способный за две с половиной секунды выдать решения уравнений Хэртля для всех мыслимых параметров, — конечно, гений интеллекта, но, по сравнению хоть с кошкой, сущий тупица в эмоциональном плане.

Как животному, думать неспособному, но вместо этого отзывающемуся на каждый сиюминутный опыт со всей полнотой немедленно постигаемых (и тут же забываемых) переживаний, необходима каждую ночь временная смерть, дабы продолжалась жизнь, — так же и новорожденное животное тело нуждается в баталиях, расписанных с точностью до дня, дабы, в конечном итоге, стать тем сонливым самонадеянным взрослым, что запечатлен в генах его с незапамятных времен; и тут Некто подвел Эгтверчи. К илу примешали мыло, как раз в таком соотношении, чтобы свободы трепыханий по клетке не стеснить, но не дать биться головой о

стенки. Голову ему это сберегло — но развитию мускулатуры конечностей, мягко говоря, не способствовало. Когда полукваканье-полукарканье отошло в прошлое, и Эгтверчи стал натуральным воздуходышащим попрыгунчиком, прыгал он довольно скверно.

В некотором смысле, так и было задумано. В этом детстве ему не от кого было в ужасе скакать опрометью — да и скакать, собственно, не было куда. Самый короткий прыжок оканчивался ударом о невидимую стенку, к которому (пусть и безболезненному) не был готов ни один из его врожденных инстинктов, и замедленным соскальзыванием; грациозно вскочить после этого на ноги не мог помочь ни один из имеющихся в распоряжении обучающих рефлексов. Да и вряд ли может считаться хоть сколько-то грациозным животное с вечно растянутыми связками хвоста.

В конце концов он вообще позабыл, как это — прыгать, и забился в угол, пока не накатила следующая трансформация, и заторможенно пялился на возникающие то справа, то слева головы, которые разглядывали его и смыкались плотным кольцом каждую минуту, что он бодрствовал. К моменту, когда до него дошло, что наблюдатели эти — живые, как и он, только гораздо крупнее,

все инстинкты были уже настолько подавлены, что подвигали только на смутное беспокойство да полное бездействие.

Новая трансформация обратила его в рахитичное долговязое прямоходящее с непомерно крупной головой и вовсе никудышным глазомером. Тогда Некто позаботился перевести его в террариум.

Тут-то дремавшие гормоны очнулись и ринулись в кровь. В каждой хромосоме его тела был запечатлен набор стандартных реакций на мир чем-то сродни этим крошечным джунглям; ни с того ни с сего он ощутил себя почти как дома. Изображая радость, рассекал он сквозь террариумную зелень на своих шатких двоих — в поисках, с кем бы подраться, что бы зажевать, чему бы выучиться и стремясь не попасться кому-либо на зуб. Но в конечном итоге даже поспать толком ему было негде, поскольку террариумному освещению ночь также была совершенно неведома.

Здесь же до него впервые дошло, что существа, глазеющие на него, — а иногда изрядно досаждающие, — не все одинаковы. Двоих — вместе или порознь — он видел почти постоянно. Они же больше всего ему и досаждали, впрочем…

впрочем, не только досаждали; иногда после всех острых иголок ему давали поесть что-то новенькое или делали еще что-нибудь не только раздражающее, но и приятное. Какое они имеют к нему отношение, Эгтверчи не понимал, и это ему не нравилось.

Вскоре он стал прятаться ото всех наблюдателей, кроме этих двоих — а зачастую и от них, так как его постоянно клонило в сон. Когда он хотел их присутствия, то звал: «Сцанчец!» (Поскольку выговорить «Лью» не мог при всем желании; уздечка под языком и «волчья пасть»[25] не были способны осилить звуки столь плавные и текучие — с этим следовало обождать до более зрелого возраста).

Но в конце концов перестал он и звать — и только и делал, что недвижно, скрюченно сидел на бережку заводи в центре миниатюрных джунглей. Пристроив последним вечером своего рептильного бытия непропорционально разбухший череп во мшистую ложбинку, где, как успел он усвоить, было темнее всего, он доподлинно знал, что наутро проснется существом не просто мыслящим, а отягощенным грузом лет, прокля-

---

[25] Примечания: 25

«Волчья пасть» — незаращение твердого нёба.

тием, преследующим тех, кто ни секунды не был молодым. Мыслящим существом он станет наутро — но усталость навалилась еще с вечера…

Так он проснулся; и так изменился мир. Затворились множественные дверцы между разумом и душой; мир внезапно обратился в абстракцию; Эгтверчи перекинул мостик от животного к механизму, из-за какового моста разгорелся весь сыр-бор к востоку от Эдема, в году 4004-м до Рождества Христова.

Он не человек — но дань за проход по этому мосту все равно заплатит. Отныне и впредь никому не дано угадать, что творится в животной душе Эгтверчи, — и, в первую очередь, ему самому.

— Но о чем он думает? — недоумевающе поинтересовалась Лью, в упор глядя на литианина — который, в свою очередь, сумрачно разглядывал их сверху вниз из-за прозрачной пирокерамической двери. Эгтверчи — он с самого начала сказал, как его зовут, — мог, разумеется, слышать ее, несмотря на стенку, делившую лабораторию пополам; но ничего не сказал. Пока что он был мягко говоря, не слишком разговорчив; читал, правда, запоем.

Руис-Санчес помедлил с ответом, хотя юный девятифутовый литианин поражал его ничуть не

меньше, чем Лью, — и по причинам куда более веским. Он покосился на Микелиса.

Химик не обращал внимания на них обоих. Что до Руис-Санчеса, тот прекрасно понимал, в чем дело; попытка написать совместную объективную статью о Литии для «Журнала межзвездных исследований» окончилась катастрофически — для их с Микелисом и без того натянутых отношений. А натянутость та, виделось Руис-Санчесу, начала уже сказываться и на Лью (хоть она себе в этом отчета еще и не отдавала); такого Руис-Санчес никак не мог допустить. Собравшись с силами для последней попытки, он попробовал хоть немного расшевелить Майка.

— Это у них период обучения, — проговорил он. — Естественно, почти все силы уходят на то, чтобы слушать. Это как в той старой легенде о мальчугане, воспитанном волками, который возвращается к людям и даже человеческой речи не понимает — ну разве что говорить литиане в детстве все равно не учатся, так что не возникает никакого психологического барьера против позднего обучения. А для этого он должен слушать предельно сосредоточенно (тот мальчуган из легенды так бы и не научился говорить), что он и делает.

— Но почему он не отвечает даже на прямые вопросы? — обеспокоенно спросила Лью; очевидно, не обращаться к Микелису стоило ей немалого труда. — Как можно выучится без практики?

— Ну, судя по всему, сказать ему пока нечего, — отозвался Руис-Санчес. — Что до наших вопросов, то, в его представлении, авторитетом задавать вопросы мы не облечены. Любому взрослому литианину он наверняка ответил бы — но мы, очевидно, не подходим. Вряд ли после столь одинокого детства он в состоянии постичь отношения типа «приемные родители — пасынок», пользуясь выражением Майка.

Микелис никак не отреагировал.

— А когда-то он звал нас, — грустно сказала Лью. — Тебя, по крайней мере.

— Это другое дело. Это отклик на удовольствие; ни к авторитетности, ни к привязанности — ни малейшего отношения. Скажем, если поместить электрод в центр удовольствия в мозгу кошки, скажем, или крысы, да так, чтобы стимулировать себя они могли сами (допустим, нажимая педаль), тогда их можно выучить фактически всему, на что они потенциально способны, и никакой награды им не требуется, кроме разряда с электрода. Точно так же кошка, крыса или собака могут

научиться отзываться на имя или производить какое-то простейшее действие — ради удовольствия. Но не следует ожидать, будто животное станет разговаривать или отвечать на вопросы — только потому, что на это способно.

— Никогда не слышала об экспериментах на мозге, — заявила Лью. — Жуть какая!

— По-моему, тоже, — согласился Руис-Санчес — Исследования эти, кстати, очень давние, но почему-то до логического конца их так и не довели. Я никогда не мог понять, почему никто из наших страдающих манией величия не предпринял чего-нибудь аналогичного на людях. Вот такой диктаторский режим вполне мог бы продержаться тысячу лет! Но от Эгтверчи-то мы хотим добиться совершенно другого. Когда он будет готов говорить, то заговорит сам. А пока… кто мы такие, чтобы заставлять его отвечать на вопросы? Для этого мы должны быть взрослыми двенадцатифутовыми литианами.

На глазах Эгтверчи дрогнула мигательная перепонка, и неожиданно он сцепил кисти.

— Вы и так уже слишком высокие, — хрипло проскрипело из динамика.

Лью с хлопком свела ладони, изображая восторг.

— Видишь, Рамон, видишь — ты ошибался! Эгтверчи, что ты имеешь в виду? Объясни.

— Лью, — пробуя голос, произнес Эгтверчи. — Лью. Лью.

— Да-да, Эгтверчи, верно. Ну скажи нам, что ты имел в виду.

— Лью, — повторил Эгтверчи; похоже, ему было довольно. Бородка его потускнела. Он снова окаменел.

Через секунду — другую от Микелиса донеслось оглушительное фырканье. Лью, вздрогнув, развернулась к нему; невольно обернулся и Руис.

Но — поздно. Высоченный уроженец Новой Англии опять поворотил к ним спину, явно досадуя на себя, словно обет молчания нарушил. Лью медленно последовала его примеру — возможно, чтобы скрыть выражение лица, ото всех, даже от Эгтверчи. Если представить отчужденность геометрически, пришло на ум Руис-Санчесу, можно сказать, что его место — в вершине тетраэдра.

— Милое поведеньице для подающего на гражданство Объединенных Наций, — с досадой произнес вдруг Микелис где-то за спиной у священника. — Подозреваю, за этим вы меня и приглашали. И где же все эти его «потрясающие успехи»? Если я правильно понял, к этому

времени он уже должен бы теоремы как орешки щелкать.

— Время, — сказал Эгтверчи, — есть функция изменения, а изменение — это характеристика сравнительной справедливости двух выражений, одно из которых содержит время «тэ», а другое «тэ-прим», и ничем более друг от друга не отличающихся, кроме как тем, что одно содержит координату «тэ», а другое- «тэ-прим».

— Прекрасно, — холодно сказал Микелис, оборачиваясь и поднимая взгляд на массивную голову Эгтверчи. — Но я в курсе, откуда это. Если ты всего-навсего попугай, на гражданство можешь не рассчитывать. Это я заявляю со всей ответственностью.

— Кто вы? — спросил Эгтверчи.

— Кто-то вроде твоего поручителя, — ответил Микелис — И мне дорого мое доброе имя. Эгтверчи, если хочешь получить гражданство, мало прикидываться Бертраном Расселом — или Шекспиром, коли уж на то пошло.

— Вряд ли он понимает, о чем ты толкуешь, — вставил Руис-Санчес. — Мы объяснили ему, что такое подача на гражданство, но не факт, что он понял. Буквально на прошлой неделе он за-

кончил читать «Principia»[26], так что ничего удивительного, если иногда будут проскальзывать цитаты оттуда; своего рода обратная связь.

— При обратной связи первого рода, то есть положительной обратной связи, — сонливо проговорил Эгтверчи, — любые малые отклонения от равновесия имеют тенденцию к нарастанию. При отрицательной обратной связи, если систему вывести из состояния равновесия, малые возмущения будут затухать, пока система не вернется в равновесие.

— Дьявольщина! — прошипел сквозь зубы Микелис. — А этого он где нахватался? Довольно, я тебя насквозь вижу!

Эгтверчи сомкнул веки и затих.

— Выкладывай, черт бы тебя побрал! — сорвался вдруг Микелис на крик.

— Следовательно, если некую часть системы изъять, могут развиться компенсаторные функции, — не открывая глаз, отозвался Эгтверчи и снова затих; уснул. До сих пор он часто ни с того, ни с сего засыпал.

— Обморок, — тихо констатировал Рамон. — Он думал, ты ему угрожаешь.

---

[26] Примечания: 26

«Principia» (латин.) — «Начала» (учебник математики Эвклида).

— Майк, — повернулась к химику Лью, — что ты там себе думаешь? — В голосе ее звучало тихое отчаяние. — Он не станет тебе отвечать, он вообще не может отвечать, особенно если говорить таким тоном! Он же еще ребенок, несмотря на рост! Очевидно же, пока он способен только механически запоминать. Иногда он воспроизводит что-нибудь в тему, но, если спрашивать конкретно, не отвечает никогда. Ну почему ты не дашь ему шанса? Он же не просил приводить сюда комитет по натурализации!

— А мне почему никто не даст шанса? — отрывисто произнес Микелис. Потом побелел как мел. Мгновением позже побледнела Лью.

Руис покосился на дремлющего литианина; хоть он и был уверен, насколько возможно, что тот спит, но на всякий случай нажал кнопку, и поверх прозрачной двери прошуршал металлический занавес. Эгтверчи вроде бы так и не шелохнулся. Теперь они могли считать себя в изоляции от литианина; Рамон с трудом представлял себе, какая, собственно, разница — но определенные основания сомневаться, так ли уж невинны реакции Эгтверчи, у него были. Да, конечно, тот до сих пор позволял себе разве что изречь что-нибудь загадочное, задать изредка

простой вопрос, процитировать из прочитанного — да вот только каждый раз, что бы он ни сказанул, все оборачивалось хуже, чем было.

— Зачем это? — спросила Лью.

— Атмосферу разрядить захотелось, — тихо ответил Руис. — Да и все равно он спит. К тому же спорить с Эгтверчи нам пока не о чем. Может, он вообще не способен с нами спорить. Но кое о чем переговорить надо — тебя, Майк, это тоже касается.

— Может, хватит, Рамон? — поинтересовался Микелис тоном, уже больше похожим на свой обычный.

— Проповедовать — мое ремесло, — произнес Руис. — Если я и предаюсь ему с усердием, чрезмерным до порочности, то отвечу за это по всей строгости, но никак не здесь. Пока же… Лью, дело тут в той ссоре, что я уже упоминал. Мы с Майком сильно разошлись в вопросе, что значит Лития для человечества — точнее, есть ли в этом какая-то философская подоплека. По-моему, это не планета, а бомба с часовым механизмом; Майк же считает, что я несу чушь. Еще он полагает, что в статье для широкой научной общественности не место сомнениям такого рода; особенно с учетом того, что вопрос поставлен официально и до сих

пор в стадии рассмотрения. Вот еще почему мы так грыземся — на пустом, казалось бы, месте.

— Такой накал страстей и из-за чего!.. — вздохнула Лью. — Нет, никогда мне не понять мужчин. Теперь-то какая разница?

— Ничего не могу сказать, — беспомощно развел руками Руис. — Не имею права вдаваться в подробности — гриф секретности как навесили, так и висит. Майку кажется, что даже вопросов общего плана, которые я хотел поднять, лучше пока не трогать.

— Но нам-то важно, что станет с Эгтверчи, — сказала Лью. — Эти ООН'овцы из комитета наверняка уже в пути. Вы тут схоластику всякую разводите, а в ближайшие полчаса, может, судьба человеческая — да, человеческая! — решается.

— Прости, конечно, Лью, — мягко произнес Руис-Санчес, — но так ли ты уверена, что Эгтверчи — именно человек, именно «хнау», душа плюс рацио? Да хоть речь его… Сама ведь жаловалась, что на вопросы он не отвечает, а если говорит, то чаще бессмыслицу какую-нибудь. Я же беседовал со взрослыми литианами, я хорошо знал отца Эгтверчи — так Эгтверчи на них совершенно не похож, не говоря уж о том, чтобы на человека. Неужели события последнего часа ни в чем тебя

не убедили?

— Ни в чем, — горячо отозвалась Лью и умоляюще простерла к иезуиту руки. — Рамон, ты же слышал, как он говорит. Мы вместе его выхаживали — ты же знаешь, что никакое он не животное! Когда хочет, он такой умница!

— Вот именно, что схоластика тут совершенно ни при чем, — развернулся к ней Микелис, и Лью вздрогнула — такая боль была в его темных глазах. — Но Району мне этого никак не втолковать. Он все больше и больше замыкается в каких-то своих высокоученых теологических разборках. Жаль, конечно, Эгтверчи продвинулся не так далеко, как я надеялся — но мне чуть ли не с самого начала казалось, что чем взрослее он будет, тем больше станет возникать проблем… К тому же информация у меня была не только от Района. Мне показывали всякие сравнительные тесты нашего друга — «ай-кью», и не только… Короче, или он настоящий феномен, или мы вообще не в состоянии объективно оценить степень его разумности — что, в конечном итоге, одно и то же. А если тесты все же не врут, что будет, когда Эгтверчи совсем вырастет? Он происходит от высокоразумной нечеловеческой культуры, его мятежный гений реет будьте-нате — а мы

держим его как в зверинце! Или, того хуже, как подопытного кролика; по крайней мере, широкой публике это представляется именно так. Литиане наверняка будут возмущены — равно, как и широкая публика, — когда секретность снимут… Вот почему я с самого начала затеял всю эту бучу с подачей на гражданство. Никакого другого выхода не вижу; мы должны предоставить ему самостоятельность.

Он умолк на секунду — другую; потом добавил, чуть ли не с прежней своей мягкостью:

— Может, звучит это и наивно. В конце концов, я даже не биолог — и не психометрист. Но я надеялся на более серьезный прогресс… короче, Рамон выигрывает в связи с неявкой противника. На собеседовании Эгтверчи предстанет таким, как сейчас, что явно не лучшим образом скажется на результате.

Руис-Санчес считал точно так же; правда, сформулировал бы, наверно, несколько иначе.

— Жаль было бы расставаться, я к нему так привыкла, — рассеянно проговорила Лью. Впрочем, очевидно было, мысли ее заняты далеко не Эгтверчи. — Нет, Майк, ты, конечно, прав; решение, в конечном итоге, может быть только одно — его надо выпустить. Он действительно умни-

ца, иначе не скажешь. Кстати, если подумать, даже это его молчание — едва ли чисто животная реакция, без опоры на некий внутренний ресурс. Святой отец, может, мы, все-таки, сумеем как-то помочь?..

Руис пожал плечами; ответить ему было нечего. Конечно, на явные обезьянничанье и невосприимчивость Эгтверчи Микелис отреагировал слишком уж, не по поводу бурно; сказывалось недовольство двусмысленным исходом литианской экспедиции. Химик предпочитал, чтобы черное было черным, а белое — белым, и маневр с предоставлением гражданства явно казался ему бихроматором всех бихроматоров. Но если бы только это; что-то, конечно, вплеталось в ниточку, которая без их ведома начинала связывать Микелиса и Лью, — обратившись же к Руис-Санчесу «святой отец», девушка неосознанно как бы превращала его из опекуна Эгтверчи в папашу невесты на выданье.

Ну и что тут еще можно сказать — кроме того, что заведомо не будет услышано? Микелис уже отмахнулся от этого как от «высокоученых теологических разборок» — личных заморочек Руис-Санчеса, никоим образом не замыкающихся на внешний мир. А для Лью то, от чего Микелис

отмахнулся, вот-вот станет совсем эфемерным — если уже не кануло в небытие. Нет, Эгтверчи уже ничем не поможешь; поздно — враг рода человеческого взял сына своего под защиту и всей древней мощью сеял раздор. Микелис даже не догадывается, насколько искушен комитет ООН по натурализации в том, чтобы усмотреть разумность в желательном кандидате даже сквозь самый высокий культурно-языковой барьер — ив кандидате практически любого возраста, лишь бы уже подверженном недугу, имя которому «речь». Микелис и помыслить не может, какой накачке от комитета подвергнется комиссия, лишь бы утрясти вопрос о Литии как fait accompli[27]. И часа не пройдет, как комиссия будет видеть Эгтверчи насквозь, а тогда…

Тогда Руис-Санчес потеряет последних союзников. Теперь ему виделась Господня воля в том, что он оставлен без ничего и прибудет ко святым вратам налегке — даже по сравнению с Иовом, отягощенным хотя бы верой.

Ибо собеседование Эгтверчи наверняка пройдет. Можно сказать, тот уже все равно что свободен — и добропорядочный гражданин, доб-

---

[27] Примечания: 27
Fait accompli (фр.) — свершившийся факт.

ропорядочней Руис-Санчеса.

XII

Выход Эгтверчи в свет отмечался в подземном особняке Люсьена Дюбуа, графа Овернского, — обстоятельство, невероятно усложнившее и без того нервозную жизнь Аристида, неизменного церемониймейстера графини. Любое другое аналогичное мероприятие вызвало бы трудности чисто технические, справляться с которыми Аристид уже привык и доводил персонал до форменного умопомешательства, что отвечало его представлению о максимально эффективной организации труда; но чем угодить десятифутовому чудищу — такой постановкой вопроса Аристиду было нанесено оскорбление поистине чудовищное, и ему лично, и всей его профессии.

Аристид — он же Мишель ди Джованни, уроженец Сицилии, извечного оплота суровой простоты и неурбанизированности, где о катакомбной экономике знали разве что понаслышке, — был настоящим драматургом своего дела и до мельчайших тонкостей представлял, что и как должно происходить у него на сцене. Нью-Йоркский особняк графа зарывался в землю на несколько этажей. Крыло, отведенное для приемов, на один

этаж выдавалось над поверхностью Манхэттена; казалось, исполинский город вознамерился очнуться от спячки — или, наоборот, еще толком не устроился в берлоге. Изначально, как выяснил Аристид, здание это было трамвайным депо — унылый краснокирпичный параллелепипед, возведенный в 1887 году, когда трамваи только появились, и на них возлагали немалые надежды. В асфальтовом полу все так же змеились рельсы и кабели, и налет ржавчины покрывал их совсем тоненький — за неполных два века сталь и проржаветь толком не успевает. В самом центре верхнего этажа стоял гигантский паровой подъемник с шахтой, затянутой проволокой; когда-то он опускал в подвальное помещение на ночной отстой целые трамвайные составы. В подвале (оказавшемся двухэтажным) обнаружился разветвленный лабиринт путей и рельсовых стрелок, сходившийся, в конечном итоге, к рельсам в полу платформы подъемника. Сказать, что Аристид был ошеломлен результатами своих раскопок, это ничего не сказать; но по назначению он применил их тут же.

Благодаря его гению, приемы у графини — по крайней мере, наиболее формальная фаза таковых — территориально сводились исключи-

тельно к наземному этажу; но Аристид пустил неспешно петлять по рельсовым путям сцепку из четырнадцати двухместных вагончиков: подбирать гостей, которым успели наскучить лишь питие да болтовня, и, погромыхивая на стыках, доставлять к платформе подъемника, опускавшейся — с оглушительным скрежетом и в облаках пара (графиня была без ума от подобного старого хлама) — в полуподвал, где, предположительно, должно было происходить нечто поинтересней.

Как истинный драматург, Аристид хорошо представлял также, на какую аудиторию рассчитывать: в том его работа и заключалась, чтобы происходящее на нижнем уровне действительно было интересней, чем наверху. А dramatis personae[28] он знал как свои пять пальцев: о постоянных гостях графини ему было известно больше, чем им о себе самих, и не имей он привычки держать язык за зубами, последствия могли оказаться самыми ужасными. Тем не менее в своем деле Аристид был истинным художником; взяток не брал и плагиата себе не позволял (разве что автоцитату — другую, если случался творческий застой). И, наконец, как художник

---

[28] Примечания: 28

Dramatis personae (латин.) — действующие лица.

он превосходно знал свою патронессу: вплоть до того, что умел рассчитывать, сколько раутов должно пройти прежде, чем можно рискнуть повторить Эффект, Сцену или Ощущение.

Но что прикажешь делать с десятифутовым пресмыкающимся кенгуру?

Со своего наблюдательного поста в неприметной галерее за колоннадой надо входом Аристид рассматривал первых гостей — те миновали вестибюль и направлялись в коктейль-холл. Церемониал коктейль-парти являлся у Аристида одним из любимейших анахронизмов — и, судя по всему, в данном случае графиня даже не возражала против регулярного, из года в год, повторения. Никакой особой техники почти не требовалось, только совершенно безумные, едва ли не смертоносные смеси, плюс костюмы еще безумней — как на гостях, так и на обслуживающем персонале. Дух высокоштильной формальности, привнесенный костюмами, забавно оттенял всеобщее отпускание тормозов под воздействием алкоголя.

Пока что заявились только самые ранние пташки. Вон сенатор Шарон помовает кустистыми бровями, иронически косится на остальных и картинно отказывается от спиртного, в твердой

уверенности, что добрый друг Аристид приготовил для нее этажом ниже пяток молодых людей атлетического сложения, ни одного из которых ей раньше видеть не доводилось. Вон тот юный господин — это принц Вильгельм Восточно-Оранский; единственный его недостаток — отсутствие пороков; впрочем, он не теряет надежды в какой-нибудь очередной визит отыскать себе порок по вкусу. С ним рядом — доктор медицины Сэмюел П.Локкоть, общительный, краснощекий и седовласый, первосвященник психонетологии, «новой науки об Ид», и самый, с точки зрения Аристида, симпатяга, поскольку проблем с доктором вообще никаких: все, что ему, в глубине души, нужно, это ущипнуть разок — другой какую-нибудь попочку поаппетитней.

Опасливо, бочком протиснулся слева на узкую галерею Фолкнер, главный дворецкий. Всем хозяйством обычно управлял именно он, причем как сущий восточный деспот, — но в присутствии Аристида переходил в подчиненное положение.

— Подавать эмбрионы в вине? — поинтересовался Фолкнер.

— Идиот вы, — отозвался Аристид, — болван и слепец. — В свое время Аристид начинал изучать английский по третьеразрядным кинофильмам,

что до сих пор окрашивало его речь интонациями определенно странноватыми; он был в курсе, и нередко пускал эту странность в ход при общении с подчиненными — которые никак не могли взять в толк, когда он говорит нейтральным тоном, а когда не на шутку рассержен. — Идите вниз, Фолкнер. Я вас позову, когда… если понадобитесь.

Фолкнер едва заметно поклонился, и его как ветром сдуло. Негодуя — впрочем, не слишком сильно, — что его отвлекли, Аристид продолжил наблюдение за первоприбывшими.

Вдобавок к постоянным гостям не следовало, конечно, забывать и о самой графине — впрочем, с ней до сих пор особенных проблем не возникало. Золотисто блестел ее безупречный (пока) макияж; прическу искусник Стефано взбил прихотливыми волнами, и в ложбинках между гребней меланхолично вращались или мигали алмазными глазками мобили. Так, а вот поручители литианского чудища, доктор Микелис и доктор Мейд. С этими проблемы возникнуть могут; на какие такие особые вкусы следует ориентироваться, что бы эдакое организовать для высокоученых поручителей этажом ниже… толком Аристиду ничего выяснить не удалось, за

исключением того, что они — главные гости вечера, ну конечно, после собственно невероятной твари. Тут-то и кроется возможность катастрофы, зарождалось и крепло у Аристида нехорошее предчувствие, поскольку невероятная тварь опаздывала уже на час с лишним, а графиня не преминула поставить в известность всех до единого приглашенных (и, конечно, Аристида), что зверюга — почетный гость; и добрая половина непременно обещавших присутствовать съезжались именно на зверюгу взглянуть.

В данный момент в зале оставались всего двое. Первый — ООН'овский чин в замысловатом головном уборе — вроде гоночного шлема, обильно оснащенного антеннами и прочими, совсем уж загадочными приспособлениями, включая пузырьковые очки — «консервы», стекла которых то и дело затуманивались, становясь миниатюрными стереоэкранами. Второй — доктор Мартин Агронски, по чьему поводу Аристид пребывал в полнейшем недоумении; тот казался ему крайне подозрителен — как и все, о чьих слабостях он не мог даже догадываться. Вечно недовольным выражением лица Агронски напоминал принца Восточно-Оранского — правда, был он гораздо старше и вряд ли явился сюда за тем же, что

принц. Плюс ко всему, он имел некое отношение к почетному гостю, что дополнительно нервировало Аристида. И вроде бы доктор Агронски был знаком с доктором Микелисом, но по непонятной причине всячески того избегал; основное внимание он уделял стойке, где подавался самый крепкий из аристидовых пуншей, и почти не отвлекался — со мрачным усердием трезвенника, твердо вознамерившегося поправить самообладание, потравив робость. Может, женщина?..

Аристид повел пальцем. Пригибаясь за стойками, плотно увитыми чем-то цветущим, к нему натренированной трусцой устремился помощник — выждав секундную паузу, дабы звук его шагов был перекрыт грохотом вагонной сцепки на стыках рельсов, — и, когда завизжали тормозные колодки, подставил ухо едва ли не к самым губам Аристида.

— Проследите за ним, — недвижными губами произнес Аристид, едва заметным качком таза указывая, кого имеет в виду. — Через полчаса он напьется вдрызг. Уведите его, пока он в ходячем состоянии, только не очень далеко — графиня еще может за ним послать. Лучше всего пристройте в отходиловке — а то еще свалится, чего доброго, под стол.

Помощник кивнул и откатился, сгибаясь в три погибели. По крайней мере, обращался к нему Аристид на нейтральном, деловом английском — что уже хороший знак.

Аристид возобновил наблюдение за гостями; тех мало-помалу прибавлялось, но в первую очередь его интересовала реакция графини на отсутствие почетного гостя. Непосредственной опасности для Аристида еще не было, однако, судя по определенным признакам, буря надвигалась. Пока что, правда, адресовались намеки скорее поручителям чудища, доктору Микелису и доктору Мейд; высокоученые поручители явно пребывали в некотором замешательстве.

Доктор Микелис, как заведенный, вежливо повторял каждый раз одно и то же (по мере истощения терпения, учтивость его становилась все более и более вымученной):

— Мадам, я не знаю, когда он появится. Не знаю даже, где он теперь живет. Прийти он обещал. Ничего удивительного, что он опаздывает; думаю, в конце концов он появится.

Графиня отвернулась, гневно качнув бедрами. Так, Аристиду можно начинать бояться. С поручителями чудища графине при всем желании ничего не поделать — да и вообще те не в курсе

местных хитросплетений. Благодаря удачному трюку наследственности, Люсьен Дюбуа, граф Овернский, прокурор Канарский, имел трезвость духа весьма мудро распорядиться своим состоянием: девяносто восемь процентов денег он отдавал жене, а с оставшимися двумя исчезал почти на весь год. Ходили даже слухи, что он занимается некими научными изысканиями — правда, все терялись в догадках, в какой именно области; уж, по крайней мере, не в психонетологии и не в уфонике, ибо эти научные дисциплины пользовались в данный момент немалой популярностью, и тогда уж графиня точно была бы в курсе. А графиня без графа — это ноль без палочки (если речь о положении в свете), пусть даже и состоятельный ноль. Если зверюга с Литии так и не появится, отыграться на его поручителях графиня бессильна; разве что не пригласит на следующий прием — так все равно ведь, наверно, не пригласила бы. С другой стороны, отыграться на Аристиде у нее возможностей хоть отбавляй. Уволить его она, конечно, не уволит — как раз на такой случай он давно завел обширнейшее досье; но вот создать всякие проблемы профессионального плана — сколько угодно.

Он подал знак первому помощнику.

— Прибудет еще человек десять гостей, и подайте сенаторше «электрические» тосты с икрой, — деловито распорядился он. — Не нравится мне все это. Соберется толпа чуть побольше, и пора запускать «веселый поезд»; Шарон, конечно, не лучший локомотив, но сойдет и она. Прислушайтесь к моему совету, Кирилл, пока не поздно.

— Так точно, маэстро, — почтительно отозвался первый помощник, звали которого вовсе не Кирилл.

Поначалу Микелис едва ли вообще обратил внимание на вагонную сцепку, разве что как на некое забавное новшество; но с течением вечера лязг и погромыхиванье лезли в уши назойливей и назойливей. Начинало казаться, что длинный вертлявый состав выписывает свои петли чуть ли не каждые пять минут. Потом Микелис разглядел, что на самом-то деле сцепок три: первая подбирала пассажиров; вторая, поднимаясь из полуподвала, вываливала возбужденную, с горящими глазами армию добровольных вербовщиков, которые тут же начинали с жаром вести агитацию среди осторожных поначалу новоприбывших; и третий состав, почти пустой в такую рань, подавал под разгрузку с самого нижнего уровня наиболее героических гуляк с

качественно остекленевшим взглядом, каковая разгрузка производилась профессионально и без суеты ливрейными лакеями графини на крытом перрончике, подальше ото входа — и от взглядов толпящихся на посадку на нижние уровни. Далее — по циклу.

Микелис тут же дал себе зарок: на сцепку — ни ногой. Дипломатическую службу он, мягко говоря, недолюбливал — особенно теперь, когда дипломатничать было как-то и вовсе ни к чему, — не говоря уж о том, что «одинокому волку», каковым он привык себя считать, не слишком-то уютно ощущалось и на мероприятиях куда более камерных, нежели нынешнее. Но в конце концов он утомился повторять одни и те же извинения по поводу отсутствия Эгтверчи; да и пустел этаж буквально на глазах, так что Лью и он удерживали графиню наверху явно против ее воли.

Когда же Лью обратила внимание, что составы не просто разъезжают по залу, а спускаются куда-то вниз, улетучился и последний предлог держаться от сцепки подальше; и вот платформа подъемника увлекла в полуподвал всех до единого поздних гостей, а в надземном этаже остались только прислуга да несколько крепко недоумевающих атташе по науке — весьма ве-

роятно, просто ошибшихся адресом. Микелис вертел головой, выглядывая Агронски, но геолог — допившийся, судя по косвенным признакам, до полного автопилота — как в воду канул.

Платформа подъемника погрузилась в кромешную тьму, исполненную запахов ржавчины и сырости; резанули по ушам восторженно-заполошные визги. Затем неожиданно взметнулся с лязгом тяжеленный воротный створ; состав вырвался на свет, описав крутой вираж, пропахал, как плугом, череду распахивающихся двойных дверок и, оглушительно проскрежетав, застыл как вкопанный во тьме еще кромешней, чем прежде.

Из черноты грянули истошные визги, истерический женский хохот, басовитая ругань.

— Держите, падаю!

— Генри, это ты?

— Отвяжись, сучка!

— Я такая пьяная-пьяная!..

— Осторожно, опять трогаемся!

— Скотина, немедленно сойдите с моей ноги!

— Эй, вы же не мой муж!

— У-гу. Ну и что, собственно?

— Послушайте, дама, это уж слишком…

Тут все до единого звуки перекрыла сирена,

столь продолжительная и оглушительная, что после того, как вой поднялся далеко в ультразвук, в ушах у Микелиса долго еще стоял звон. Ожили со стонущим рыком механизмы, затеплилось тускло-фиолетовое мерцание…

Не поддерживаемый ничем, состав вращался посреди черной пустоты. Стремительно проносились мимо многоцветные, средней яркости звезды, взлетали, описывали короткую дугу и скрывались из виду, прочерчивая тьму от «горизонта» до «горизонта» всего секунд за десять. Снова доносились крики и хохот, к ним добавилось громкое, бешеное царапанье, — а потом опять взвыла сирена, но на этот раз исподволь, начавшись с еле заметного давления на перепонки, которое перешло в пронзительный зуд будто бы внутри черепа и тошнотворно медленно съехало в инфразвук.

Лью отчаянно цеплялась за руку Микелиса; он же только и мог, что изо всех сил вжиматься в сиденье. Каждая клеточка в мозгу полыхала тревожно и ярко, но от головокружения накатили натуральный паралич и тошнота…

Свет.

Мир тут же стабилизировался. Сцепка сидела как влитая в рельсовом желобе, подпертом

массивными кронштейнами, и не двигалась с места. Со дна гигантской бочкообразной полости взъерошенные гости тыкали пальцами в ослепленных новоприкативших и немилосердно улюлюкали. «Звезды» — пятна флуоресцентной краски — переливчато мерцали в свете невидимых ультрафиолетовых ламп. А иллюзию вращения усугубила сирена, расстроив вестибулярный аппарат — «внутреннее ухо», отвечающее за опорно-двигательное равновесие.

— Все на выход! — хрипло вскричал мужской голос. Микелис с опаской глянул вниз; его продолжало слегка мутить. Кричал какой-то огненно-рыжий тип в мятом черном смокинге, разошедшемся на плече по шву. — Ваш поезд следующий. Такие правила.

Микелис решил было наотрез отказаться, но передумал. В конце концов, покрутиться в «бочке» наверняка грозит меньшим членовредительством, чем если сцепиться сейчас с двоими, уже «заработавшими» на обратный проезд в их с Лью вагончике. Правила поведения всюду свои. В борт сцепки гулко ударила выдвинутая снизу лестница; когда настала их очередь, Микелис помог Лью спуститься.

— Лучше не сопротивляйся, — вполголоса ска-

зал он ей. — Когда начнет вращаться, попробуй плавно соскальзывать; если не выйдет, перекатывайся. Пиростилос есть? Ладно, держи тогда мой — если кто вздумает приставать, ткни как следует; а о барабане не волнуйся — похоже, он качественно навощен.

Так оно и было; но к прибытию следующего поезда у Лью зуб на зуб не попадал от страха, а Микелис пребывал в убийственно мрачном расположении духа. Радовало только, что он все-таки не стал скандалить с предыдущей сменой. Вздумай кто сейчас перед ним артачиться, конец мог бы оказаться печальным.

В следующем отсеке их до нитки вымочил одеколонный ливень; нельзя сказать, чтобы тот особо способствовал подъему духа — но хоть участие в происходящем требовалось чисто пассивное. Вокруг раскинулся необъятный дивный сад из дутого стекла всевозможных оттенков с ожившими яванскими статуями, выставленными диорамой вдохновенной страсти; композиции были мелодраматичны до предела, но — не считая едва заметной дрожи дыхания — абсолютно недвижны, под стать стеклянной листве. К удивлению Микелиса — ибо намного дальше вопросов собственно научных эстетическое чутье у него

не заходило, — Лью разглядывала всю эту сладострастную статику с явным, пусть и хмуроватым одобрением.

— Редкое искусство, намекать на танец при полной неподвижности, — вдруг пробормотала она, словно уловив исходящие от Микелиса беспокойные флюиды. — В живописи — и то непросто, а уж в натуре… Кажется, я догадываюсь, чья это работа; на такое способен единственный человек.

Микелис уставился на нее, будто видел впервые; внезапная вспышка ревности застлала глаза красным, и он вдруг осознал, что любит Лью.

— Кто? — хрипло спросил он.

— Естественно, Цьен Хи. Последний классицист. Я думала, он уже умер, но это не копия…

На выезде сцепка сбавила ход, и две модели жестами, целомудренными до полного неприличия, вручили каждому по расписанному тушью вееру. Одного взгляда Микелису было достаточно, чтобы засунуть свой экземпляр поглубже в карман (просто выбросить означало бы завуалированное признание, будто он способен иметь некое отношение к чему-либо подобному); а Лью завороженно уставилась на иероглиф в углу веера, доставшегося ей, — и сложила тот едва ли не

с благоговением.

— Да, — выдохнула она, — это оригинальные эскизы. Мне и в голову прийти не могло, что когда-нибудь у меня будет свой…

Вдруг состав резко рванул вперед. Сад исчез, и они ворвались во многоцветно клубящийся хаос бессмысленных эмоций. Видеть, слышать или ощущать было нечего, но Микелиса потрясло до глубины души, и снова потрясло, и опять. Из горла у него вырвался крик; донеслись приглушенные вопли со стороны. Микелис попытался овладеть собой, но тщетно… хотя, вот оно… нет, опять мимо. Вдуматься бы на секунду…

На секунду вдуматься ему удалось, и он осознал, что, собственно, происходит. Новый отсек представлял собой длинный коридор, поделенный невидимыми воздушными течениями на полтора десятка подотсеков. В каждом клубился цветной дым, а в дыме присутствовал газ, в два счета растормаживавший гипоталамус. Некоторые газы Микелис даже узнал: простейшие галлюциногенные смеси, разработанные чуть ли не век назад, в звездный час транквилизационных фармакоизысканий. Волна за волной накатывали страх, религиозное исступление, берсеркерское неистовство, жажда власти и другие

эмоции, навскидку классификации не поддающиеся, — и Микелисов интеллект гневно возопил о столь безответственном вмешательстве в тонкую фармакопею мозга ради секундного «опыта» — каковое, впрочем, практиковалось в эпоху убежищ достаточно широко. Считалось, будто зависимости дымные препараты не вызывают (что, в общем-то, соответствовало истине), — а вот привыкание, конечно, возникало, и не известно еще, что хуже… впрочем, это отдельный разговор.

В конце коридора туманно маячила газообразная розовая завеса, состоявшая, как выяснилось, из чистого концентрированного антагониста свободного серотонина, самого что ни на есть атараксика[29] — и все до единой эмоции оставили Микелиса, кроме вселенской умиротворенности. Чему быть, тому не миновать… что ни делается, все к лучшему… покой пребудет повсеместно…

И пребывающих в столь некритичном расположении духа пассажиров сцепки прогнали через целый конвейер замысловатых до совершенной бесстыдности розыгрышей. Окончилось все трехмерной проекцией Бельзена; по воле

---

[29] Примечания: 29

От греческого «атараксия» — спокойствие духа, невозмутимость.

хитроумного сценариста, складывалось впечатление, будто состав направляется прямым ходом в газовые камеры. И стоило захлопнуться за ними воротам душегубки, дунул, продувая мозги насквозь, вихрь отрезвляющего кислорода; содрогаясь при мысли о том, чему только что собирались умиротворенно предаться, на подкашивающихся ногах «пассажиры» вывалились на «перрон», в гогочущую толпу жертв-предшественников.

Единственное, о чем сейчас Микелис думал, это как куда-нибудь скрыться — к тому же не было у него ни малейшего желания торчать на «перроне» и потешаться над следующей партией; но он едва держался на ногах и не стал углубляться дальше скамьи первого же ряда амфитеатра, причем Лью и дотуда едва сумела добрести. Пришлось какое-то время пересидеть в самой толчее, переводя дух.

Что оказалось даже удачно. Пока они разбирались с тут же поданными напитками (поначалу Микелис отнесся к теплым янтарным чашечкам с глубоким подозрением — но те, как очень кстати выяснилось, содержали всего лишь старое доброе бренди), подали под разгрузку следующий состав, и вся толпа в едином порыве с ревом взметнулась

на ноги.

Прибыл Эгтверчи. В коктейль-холле на верхнем этаже успела скопиться преизрядная толпа, но Аристид пребывал, мягко говоря, не в самом лучшем расположении духа; под горячую руку попался кое-кто из кухонной челяди, и немало голов полетело. Некое глубинное чутье всегда подсказывало Аристиду, когда вечер идет насмарку, и на этот раз сигналы тревоги мигали красным давно и заполошно. А прибытие почетного гостя — так вообще вылилось в грандиозное фиаско. Графиня была вне пределов досягаемости, поручители чудища отсутствовали, все до единого высокие гости, специально приглашенные, дабы лицезреть оного почетного гостя, отсутствовали, сам же он выставил Аристида перед всеми подчиненными в самом что ни на есть неприглядном свете.

Короче, от страха у Аристида буквально тряслись поджилки, за что ему было мучительно стыдно — как в процессе, так и задним числом; но что уж теперь. Его, конечно, предупреждали, что прибудет чудище, но чтобы такое… прямоходящая — в точности, как человек, а вовсе не как кенгуру — рептилия ростом хорошо за десять футов; огромные, искривленные в ухмылке челюсти; совершенно индюшачья бородка, то и

дело меняющая цвет; маленькие, цепкие ручки наподобие клешней, которые явно так и чешутся ощипать тебя, как цыпленка; вытянутый для равновесия длиннющий хвост сметает подносы с окружающих столов; и, плюс ко всему, не смех, а оглушительное ржанье, голос — высоченный тенор, английская же речь столь правильна и бесстрастна, что Аристид тут же снова ощутил себя тощим нескладным сицилийцем, только-только прибывшим в заокеанскую метрополию. И вот явилось чудище, а встречать некому, один Аристид…

Визжа тормозными колодками, под крытый портик отходи-ловки въехала вагонная сцепка; состав был еще на ходу, а сенатор Шарон уже кубарем выкатилась на перрон, мельтеша полосатыми, как клавиатура рояля, чулками и помавая кустистыми черными бровями.

— Гляньте-ка! — пронзительно возопила она (пятикратно-то возродившись, аки Феникс из пепла; уж на Аристидову добросовестность можно положиться). — Во мужик!

Очередной прокол. Приказ, некогда отданный графиней и отмене не подлежащий, гласил, что сенаторшу следует загрузить в ее отсек, а потом выпроводить восвояси задолго до того, как

начнется главное; иначе та, взбодрясь пятикратной дозой, весь вечер будет, как по приставной лестнице, карабкаться с плеч на плечи к политическим, литературным, научным или иным вершинам, кто бы ни купился на полчаса на ближайшей столешнице, — и плевать, что всю следующую неделю предстоит скатываться с завоеванных высот в привычное нимфоманское болото. Если проворонить благоприятный момент и должным образом — с соответствующими заверениями — сенаторшу не выпроводить, та может и судебный иск вчинить.

Пустой состав приглашающе втянулся в коктейль-холл. Обернувшись на лязг, литианское чудище заухмылялось еще шире.

— Всю жизнь мечтал стать машинистом, — заявило оно дребезжащим голосом (впрочем, больше это походило не на дребезг, а на позвякиванье), и на английском настолько правильном, какого Аристиду ввек не изобразить, хоть из кожи вон вылези. — А, вот и мажордом. Простите великодушно, уважаемый сэр, но со мной двое, трое, несколько моих гостей. А где же хозяйка дома?

Аристид беспомощно махнул рукой, указывая направление, и высоченная рептилия, удовле-

творенно покрякивая, забралась в головной вагончик. Не успел Эгтверчи устроиться в водительском кресле, как целая толпа, галдя, заполонила коктейль-холл и принялась набиваться в вагончики. Дернувшись, поезд тронул с места и погромыхал к подъемнику; с шипением выстрелили струи белого пара, и платформа принялась опускаться.

Вот, собственно, и все. Великое явление Аристид позорно провалил. Если какие-нибудь сомнения по этому поводу у него и оставались, те не замедлили развеяться как дым: меньше, чем через десять минут, возник Фолкнер и принялся задирать нос самым вопиющим образом.

«Ну вот, был истинный художник при преданной патронессе, а теперь что?..» — с отчаянием думал Аристид. Завтра же он будет в лучшем случае шеф-поваром общепитовской забегаловки в каком-нибудь районном комиссариате, досье там или не досье. И за что? За то, что не сумел угадать времени прибытия — не говоря уж о наклонностях приятелей — какой-то твари; которая и вовсе неземная к тому же.

Он зашагал прочь с поста прямиком в отходиловку, ступая угрюмо и нарочито твердо, порыкивая на прислугу, недостаточно опытную,

чтобы держаться подальше. В голову не приходило ничего, разве что пойти лично проведать, как там доктор Мартин Агронски, гость-загадка, неким таинственным образом связанный с литианином.

Впрочем, ни малейших иллюзий Аристид не питал. Завтра церемониймейстер графини Дюбуа-Овернской опять станет Мишелем ди Джованни, уроженцем малярийных сицилийских равнин; и это еще если очень повезет.

Осознав план полуподвала, Микелис немедленно пожалел, что они с Лью ввязались в этот заезд — поскольку стало очевидно, что увидеть прибытие Эгтверчи у них ни малейшего шанса. По замыслу, нижний уровень подразделялся звуконепроницаемыми стенками на зальчики, где разворачивалось веселье более камерное, нежели коктейль-парти наверху — веселье местами всего чуть-чуть пьянее и неформальней, но, в целом, охватывавшее весь спектр экзотики буйств. Пришлось объехать полный круг, прежде чем Микелис додумался, где можно без особого риска для жизни сойти; и каждый раз, стоило ему собраться с духом для решительного шага, как состав ни с того, ни с сего ускорялся самым произвольным образом, порождая ощущения сродни

катанию на американских горках в непроглядную темень.

Тем не менее главного явления они не проглядели — очередной состав миновал последнюю газовую баню, и в головном вагончике в полный рост стоял Эгтверчи; на «перрон» он сошел без посторонней помощи. В следующих пяти вагончиках находились — также стоя — десятеро крайне похожих друг на друга молодых людей в черно-зеленых мундирах, расшитых серебряным галуном; руки у них были сложены на груди, лица непреклонны, взгляд устремлен прямо по курсу.

— Мое почтение, — произнес Эгтверчи и склонился в глубоком поклоне, что выглядело при его непропорционально маленьких, как у динозавра, ручках одновременно и комично, и издевательски. — Мадам графиня, я в восхищении. Множеством зловредных запахов повелеваете вы, но я поборол их все.

Толпа зарукоплескала. Шум заглушил ответную реплику графини; но та явно выговаривала Эгтверчи за то что он, не будучи землянином, к дымам ее невосприимчив, поскольку литианин тут же отозвался, не без обиды в голосе:

— Так я и думал, что не преминете вы упомянуть это, но опечален я, что не ошибся. Для

того, чьи помыслы чисты, и нечистое чисто… приходилось ли вам видеть столь достойных невозмутимых молодых людей? — Он повел ладошкой, указывая на свой отборный десяток. — Но, конечно же, я смухлевал. Я заткнул им ноздри фильтрами — как Одиссей заткнул воском уши спутников своих, дабы миновать сирен. Свита моя согласна на все; они считают меня гением.

Жестом иллюзиониста литианин извлек серебряный свисток, утонувший в его ладони, и исторг в душный воздух короткую трель, которая совершенно не вязалась со всем предшествовавшим драматическим рукомашеством. Не промедлив и доли секунды, десятеро бравых молодых людей сложились, оплыли на пол. В передних рядах толпы, радостно ржа, принялись тыкать бесчувственные тела носками ботинок; к чему бесчувственные тела отнеслись стоически.

— Что с них возьмешь, — по-отечески неодобрительно высказался Эгтверчи, — нализались. На самом-то деле, носы я им не затыкал. Просто перекрыл доступ информации от органов обоняния к мозгу, до специальной команды. Теперь вот информация дошла, причем вся сразу; стыд и срам просто. Мадам, вы не будете так любезны приказать, чтоб их убрали, подобная разнузданность

мне претит. Придется ужесточить дисциплину.

— Аристид! — хлопнула в ладоши графиня. — Аристид?! — Она тронула кнопку миниатюрного интеркома, укрытого в прическе, но реакции, насколько мог понять Микелис, не последовало. Ребячий восторг на лице графини моментально сменился детским бешенством. — Где эту деревенщину неотесанную носит…

Микелис, внутренне кипя, принялся протискиваться в первые ряды; тогда Эгтверчи его приметил.

— Какого черта ты тут делаешь?.. — хрипло, требовательно поинтересовался у литианина химик.

— Добрый вечер, Майк. Я приглашен на прием, точно так же, как и ты. Добрый вечер, дорогая Лью. Графиня, вы знакомы с моими приемными родителями? Впрочем, наверняка знакомы.

— Разумеется, — отозвалась графиня, недвусмысленно развернула ко Лью с Микелисом оголенную спину и подняла взгляд из-под позолоченных век на перекошенные в вечной ухмылке челюсти Эгтверчи. — Почему бы нам не пройти в следующий зал — там просторней, да и тише. Хватит, насмотрелись уже на этих ездоков — после вас они все покажутся такими одинаковыми…

— Я культивирую уникальное, — произнес Эгтверчи. — Только, графиня, я предпочел бы, чтобы Майк и Лью составили нам компанию. Я — единственная во вселенной рептилия с млекопитающими родителями, и они мне дороги как память. Я держусь того мнения, что в этом может заключаться некая греховность; ну не занятно ли?

Глаза под позолоченными веками потупились. Уж и не вспомнить, когда последний раз мажордомы графини вызнавали для нее новый грех настолько интересный, чтоб утаить тот от господ гостей, пока не испытает самолично; все были в курсе. Похоже, представилось Микелису, нечто подобное она и учуяла; а поскольку излишне богатым воображением графиня явно не страдала, нетрудно догадаться, что именно. Ибо несмотря на все его рептильные повадки и внешность, нечто ярко выраженное, концентрированно мужское чувствовалось в Эгтверчи сразу.

А также ярко выраженное ребячливое. Сочетание это с лихвой перевешивало всю его рептильность, что в свое время не замедлило проявиться в резонансе, вызванном первым же его телевизионным интервью. Его резкие и однобокие комментарии по поводу земных дел

и нравов оказались эпатирующими — и весьма; наверно, в тот же день можно было предсказать, что не далее чем к концу недели интеллигенция всего мира непременно западет на новую культовую фигуру. Но чего не мог бы предсказать никто, так это что хлынет поток писем — от детей, от родителей, от одиноких женщин.

Теперь Эгтверчи был, можно сказать, профессиональным телекомментатором, причем, наверно, первым в истории, чью аудиторию в равной степени составляли как разочарованные интеллектуалы, так и восторженные подростки. По крайней мере, в текущем веке ничего подобного еще не наблюдалось; знатоки истории телевидения сравнивали его одновременно с Эдлаем И.Стивенсоном[30] и Оливером Дж. Дрэгоном.

Кроме того, у Эгтверчи успел образоваться круг

---

[30] Примечания: 30

Эдлай И.Стивенсон (05.02.1900–14.07.1965) — американский политик и дипломат; в сороковых годах активно способствовал созданию ООН; в 1961–1965 гг. возглавлял там американскую делегацию; главным образом, известен своим красноречием и острословием как кандидат в президенты от демократов в 1952 и 1956 годах (оба раза проиграл Дуайту Эйзенхауэру). Некоторые образцы его афоризмов: «Полагаю, лесть никому не вредит — если, конечно, не вдыхать» (из телевизионного выступления от 30.03.52); «Предлагаю уговор — если они [республиканцы] перестанут клеветать на демократов, мы перестанем говорить о них правду» (из предвыборной речи в кампанию 1952 г.); «Свободное общество — это общество, в котором безопасно быть непопулярным» (из речи в Детройте 07.10.52).

фанатичных до безумия поклонников, исследовать который у аналитиков от ТВ еще не дошли руки (или, по крайней мере, результаты пока не оглашались). Десятеро молодых людей, оттаскиваемых в данный момент прислугой графини проветриться, именно к этому кругу и принадлежали; Микелис то и дело оглядывался им вслед, пока вся толпа гостей во главе с Эгтверчи и графиней откочевывала из амфитеатра в смежный зал, попросторней. Мундиры — это, конечно, о чем-то говорит; вот только о чем? Может, просто маскарадные костюмы, заказанные специально для вечера у графини… Будь эти десятеро, попадавшие по свистку Эгтверчи, не так похожи друг на друга, эффект был бы куда слабее, о чем Эгтверчи наверняка знал. И это при том, что литианской психологии совершенно чуждо само понятие формы — в то время, как на Земле оно издавна обрело особый смысл; а о Земле Эгтверчи уже знал больше, чем основная масса землян.

Фанатики в форме, считающие Эгтверчи непогрешимым гением — что бы это значило?

Будь он человеком — было б очевидно, что это значит. Но Эгтверчи-то не человек, а скорее музыкант, играющий на людях, как на инструменте. И структура исполняемой композиции

прояснится далеко не сразу — если прояснится вообще; может, это и вовсе чистая импровизация — по крайней мере, поначалу. Мысль сама по себе страшноватая…

И все это произошло за какой-то месяц после предоставления Эгтверчи гражданства. То, что гражданство предоставили, явилось приятным сюрпризом. Насколько приятны были последующие сюрпризы, Микелис еще к определенному мнению не пришел; а к тем, что наверняка предстоят, заранее относился с опаской.

— Я анализировал отношение «родители — ребенок» как понятие, — говорил Эгтверчи. — Разумеется, я знаю, кто мой отец, — мы рождаемся с этим знанием, — но соответствующая концепция отцовства совершенно не похожа на ту, что сложилась у вас. Вся ваша концепция — это гигантская разветвленная сеть сплошных противоречий.

— Как это? — не слишком заинтересованно спросила графиня.

— Ну, краеугольным камнем, похоже, является чуть ли не благоговение перед молодежью, пестование, заботливое до крайности — как в физическом, так и умственном плане. И при том вы принуждаете их ютиться в подземельях безо

всякого контакта с природой и учите бояться смерти — что, конечно же, до некоторой степени сводит их с ума, поскольку смерти все равно не избежать. То же самое, что учить их бояться второго начала термодинамики только потому, что живая материя пренебрегает им очень недолго. Как они вас ненавидят!

— Сомневаюсь, что они осведомлены о моем существовании, — сухо отозвалась графиня. Детей у нее не было.

— Ну конечно, в первую-то очередь, они ненавидят собственных родителей, — продолжал Эгтверчи, — однако и на всех остальных взрослых вашей планеты ненависти остается более чем достаточно. Они мне об этом пишут. Просто раньше им было некому открыться, а во мне они видят того, кто никоим образом не связан с их мучителями, относится ко всему достаточно критически и, плюс ко всему, безобидный комик, который не выдаст.

— Ты преувеличиваешь, — неуютно поежился Микелис.

— Отнюдь, Майк, отнюдь. Несколько убийств я уже предотвратил. Помнится, у одного пятилетки был совершенно гениальный план, что-то насчет мусороуборочных комбайнов. Он планировал

разделаться с папой, мамой и четырнадцатилетним братом, а списали бы всё на компьютерный сбой. Просто удивительно, как пятилетний ребенок мог додуматься до чего-то столь изощренного — но, я уверен, вышло бы все как по-писаному; эти города ваши — такие сложные механизмы, стоит закрасться малейшей ошибке, и безо всякого злого умысла получается оружие массового уничтожения. Не веришь, Майк? Могу продемонстрировать письмо.

— Нет, — медленно произнес Микелис. — Пожалуй, верю.

Глаза Эгтверчи на секунду — другую подернулись мигательной перепонкой.

— Как-нибудь надо будет позволить одному из дел дойти до логического завершения, — сказал он. — Чисто в показательных целях. Давно пора.

Почему-то Микелис ни на секунду не усомнился — как в том, что Эгтверчи говорит совершенно серьезно, так и в обоснованности угрозы. Взрослые слишком плохо помнят свои первые годы, чтобы серьезно воспринимать детские обиды и огорчения, — а чем младше ребенок, тем слабее супер-эго, тем хуже контролируются эмоции. Весьма вероятно, — и даже более чем, — что личность вроде Эгтверчи в состоянии как-то

выпустить пар подспудно кипящей бессильной ярости, причем куда проще и эффективнее, чем любой земной психоаналитик, сколь угодно искусный и хитроумный, былой или нынешний.

Не говоря уж о том, что, если надеешься принести хоть какую-то пользу, не мешало бы знать, где именно пар выпускается. Восстанавливая клиническую картину задним ходом — от той, что характерна для взрослых, — можно успешно справиться с неврозами, но никак не с психозами; психозы поддаются лишь медикаментозному лечению: метаболизм серотонина регулируется атараксиками, которые, ведя происхождение от излюбленных графиней галлюциногеносодержащих дымов, самым тщательным образом индивидуально синтезируются в каждом конкретном случае. Это работает — но скорее как текущая профилактика, а не капитальный ремонт; вроде инсулина или сульфонил-мочевины для диабетиков. Ущерб органическим тканям уже нанесен, и безвозвратно. В мозгу, представляющемся исполинским гордиевым узлом, находятся в сложном резонансе бесчисленные нити — колебания которых можно выборочно гасить, но разъединению нити никак не подлежат; разве что хирургически, но подобное варварство лет

сто, как не практикуется.

Все это лишь подтверждало некие беспокойные соображения, неотступно мучившие Микелиса с момента возвращения на Землю. Катакомбная экономика с детства воспринималась им как должное — по крайней мере, сейчас детские годы помнились ему именно так. Может, и впрямь тогда все было немного иначе, не так мрачно; а может, это голос внутреннего цензора. Но, казалось ему, тогда люди свыкались с миром бесконечных пещер и коридоров ради своих детей — в надежде, что следующее поколение вырвется из-под власти страха и заново откроет для себя солнечный свет, дождь, шорох листвы.

С того времени запреты на пребывание на поверхности были в значительной степени сняты — в возможность ядерной войны никто уже не верил, так как гонка убежищ завела в очевидный тупик, — но почему-то атмосфера царила куда более нервозная, чем прежде. Пока Микелис отсутствовал в Солнечной системе, численность бесчинствующих в коридорах банд малолеток возросла впятеро; ООН расходовала почти сто миллионов долларов в год на программы психологической помощи и профессиональной ориентации подростков, но ООН'овские центры

пустовали, а банды множились. Последняя предпринятая мера носила откровенно карательный характер: невероятно подскочила сумма обязательной страховки на электромотороллеры — машины достаточно безобидные и тихоходные, но используемые хулиганьем сперва для простейших развлечений вроде вырывания сумочек у прохожих, а с течением времени и для более масштабных мероприятий, вроде массовых налетов на продуктовые склады, спиртоперегонные заводы и даже в промзону; а ввести конфискационный размер страховки заставили участившиеся гонки, устраиваемые по пьяни в вентиляционных шахтах.

В свете сказанного Эгтверчи банды представлялись вполне логичным образованием — и оттого ужасным вдвойне. В возможность ядерной войны никто больше не верил — но и в полное возвращение на поверхность тоже. Миллиарды тонн бетона и стали явно уже никуда не денутся. Тешиться какими бы то ни было надеждами взрослые перестали давно — не только в отношении себя, но даже детей. Пока Микелис пребывал в литианском эдеме, на Земле число немотивированных преступлений — совершенных чисто ради разнообразия, только чтобы

как-то отвлечься от нивелирующей монотонной повседневности — превзошло число всех прочих правонарушений вместе взятых. Только на прошлой неделе какой-то, наверно, вконец спятивший ООН'овский чин из комитета общественного устройства предложил добавлять в водопровод транквилизаторы. Всемирная организация здравоохранения уволила его в двадцать четыре часа (на деле, будь это предложение проведено в жизнь, число немотивированных преступлений удвоилось бы, поскольку ощущение безответственности у населения, и без того массовое, лишь усугубилось бы); однако поздно — стоило известию о подобном предложении просочиться в средства массовой информации, и атмосфера непоправимо накалилась.

Действовать столь оперативно и решительно у ВОЗ были все основания. Новейшие ВОЗ'овские демографические изыскания показывали, что в «клинические умалишенные» следует записать тридцать пять миллионов человек — негоспитализирован-ных параноиков и шизофреников, по каждому из которых давным-давно плачет стационар. Правда, пойди ВОЗ на это, катакомбной экономике был бы нанесен такой ущерб в живой силе, какого не причиняла за всю историю

ни одна война. Каждый из этих тридцати пяти миллионов представлял для окружающих, да и для дела, которым занимался, серьезнейшую опасность — но слишком сложно все переплелось в катакомбной экономике, чтобы можно было как-то без этих людей обойтись… И это не говоря уж о нигде не зафиксированных субклинических случаях, которых вероятно, едва ли не вдвое больше. Очевидно, катакомбная экономика прямым ходом двигалась ко грандиозному краху, находясь на грани тотального нервного срыва.

И Эгтверчи — в роли терапевта?

Нелепо. Но кто, если не он?..

— Какой-то вы очень мрачный, — жаловалась графиня. — Вы что, так и собираетесь развлекать только детей?

— Только детей, — тут же эхом отозвался Эгтверчи. — Ну и, конечно, себя. Собственно, я тоже еще ребенок. Подумать только: мало того, что у меня родители млекопитающие, так плюс еще я сам себе дядя — эти ведущие детских программ вечно выставляются всеобщими дядюшками. Я вижу, графиня, вы меня должным образом не цените; я ведь с каждой минутой становлюсь интересней и интересней, а вы не замечаете. Вдруг я сейчас возьму и превращусь… да хоть в вашу

мать — а вы разве что зевнете.

— Вы и так уже похожи, — вызывающе дремотным голосом проговорила графиня. — Пасть прямо как у нее, и такие же невозможно ровные зубы. И разговор… Бр-р, Господи Боже! Станьте, пожалуйста, кем-нибудь другим… Только не Люсьеном!

— Графом я бы стал с удовольствием, будь это в моих силах, — произнес Эгтверчи с (Микелис был почти уверен) совершенно искренним сожалением в голосе. — Но аффинная теория мне не по зубам. Я еще не понимаю даже уравнений Хэртля. Может, лучше завтра?

— Господи Боже! — повторила графиня. — И что это мне взбрело в голову вас пригласить? Просто скука смертная. Ну почему я до сих пор на что-то еще надеюсь? Пора было уже давно привыкнуть.

— Swef, swef, Susa… — ни с того, ни с сего принялся напевать Эгтверчи высоким, чистым кастратским тенором.

В первое мгновение Микелису показалось, будто голос звучит откуда-то со стороны; но графиня тут же развернулась к Эгтверчи, и лицо ее в точности изображало греческую маску безудержной ярости.

— Прекратите! — вырвалось у нее голосом дро-

жащим, как оголенный нерв. Под мишурной позолотой вечернего раскраса дико перекошенное лицо ее смотрелось ну совершенно несообразно.

— Уже прекратил, — умиротворяюще промолвил Эгтверчи. — Видите, все-таки я не ваша мать. С подобными обвинениями надо бы поосторожней.

— Ах ты, демон вшивый, чешуйчатый!

— Госпожа графиня, я бы попросил!.. У вас — грудь, у меня — чешуя, все как и положено. Вы просили развлечь вас; я думал, вам может прийтись по нраву эта жонглерская колыбельная.

— Где ты слышал эту песню?

— Нигде, — сказал Эгтверчи. — Я ее реконструировал. Судя по разрезу глаз, вы родом из Нормандии.

— Как это? — спросил Микелис, поневоле заинтригованный. Прежде музыкальные способности у Эгтверчи ничем не проявлялись.

— Элементарно, Майк: по генам, — ответил Эгтверчи; литианский мозг его, ориентированный на буквальное толкование, отреагировал не столько на смысл вопроса, сколько на строение фразы. — Откуда, собственно, я знаю свое имя и как зовут отца? Э, Г, Т, В, Е, Р, Ч, И — так расположены гены в одной из моих хромосом; конечно,

аллели Г, В, И унаследованы от матери; а кора головного мозга имеет прямой, чувственный выход на генетическое строение. Мы видим генеалогию всюду, куда ни поглядим — точно так же, как вы видите цвета; это один из спектров реального мира. Предки целенаправленно развили в нас это чувство; подражать предкам — не самое худшее занятие. Вообще полезно знать, что человек из себя представляет — прежде, чем он успеет рот раскрыть.

Микелис ощутил легкий, но явственный озноб. Интересно, говорил ли об этом Штекса Руис-Санчесу? Вероятно, нет; для биолога это было бы открытие воистину ошеломляющее, и вряд ли иезуит сумел бы — даже если захотел — держать язык за зубами. Так или иначе, спрашивать его уже поздно, он на пути в Рим; Кливер — и того дальше; Агронски в любом случае не в курсе.

— Скучно, скучно, скучно, — проговорила графиня, к которой успело, похоже, вернуться утраченное самообладание.

— Еще бы не скучно! — сказал Эгтверчи с вечной своей усмешкой, которая почему-то обезоруживающе действовала фактически на любого собеседника. — Впрочем, я пытался вас развлекать; вам мое представление по вкусу не

пришлось. Вы, кстати, тоже обречены развлекать меня; я тут, как-никак, гость. Например, что у нас этажом ниже? Поедем, взглянем. Где мои верные солдатики? Кто-нибудь, растолкайте их; нам предстоит экскурсия.

Тесно сгрудившиеся гости слушали навострив уши, с явным злорадством предвкушая, как графиня станет выпутываться из многочисленных силков, которыми Эгтверчи обильно уснащал свою болтовню. Когда графиня качнула высокой, в позолоте, прической и направила стопы назад, к рельсовому пути, над залом всколыхнулось неразборчивое и какое-то животное улюлюканье. Лью, отшатнувшись, прижалась к Микелису; тот крепко обнял ее за талию.

— Давай уйдем, Майк, — прошептала она. — Поехали домой. С меня хватит.

XIII

Из дневника Эгтверчи:

> «13 июня, 13-я неделя гражданства. Всю неделю сидел дома. Лифты у них на этом этаже никогда не останавливаются. Надо бы проверить почему. У них ничего не бывает просто так».

Как раз на той неделе, когда программа Эгтверчи не вышла в эфир, Агронски случайно открыл, что больше не знает, кто он такой. Хотя в свое время он этого и не осознал, первые симптомы напасти проявились еще в Коредещ-Сфате, в ту памятную четырехстороннюю дискуссию, когда он начал ощущать, что не понимает, о чем спорят Майк, святой отец и Кливер. Через некоторое время ему стало казаться, что и сами они этого не понимают; разветвленные, узорчатые логические построения, с таким пылом исторгаемые господами диспутантами во влажный литианский воздух, казалось, в воздухе и зависали, на твердую почву не опираясь, — по крайней мере, в пределах поля зрения Агронски.

Затем, по возвращении домой, он даже не разозлился — так, слегка подосадовал, — когда редакция «ЖМИ» не предложила ему участвовать в подготовке обзорной статьи по Литии. Происходившее там уже стало казаться чрезвычайно далеким, едва ли не сном вдобавок, у него было сильное ощущение, что на сей предмет с коллегами-комиссионерами им говорить не о чем и общего языка не найти.

Вот, собственно, и все; единственное, чего он никак не мог объяснить, это откуда взялось чув-

ство беспросветного отчаяния, отвращения и одиночества, охватившее его при объявлении — казалось бы, достаточно безобидном, — что сегодня вечером его любимой телепрограммы не будет. На первый взгляд, все остальное складывалось как положено. По результатам недавних публикаций о гравитационных волнах — по поводу приливных и сейсмических напряжений в земной коре — его пригласили поработать год в фордхэмовской сейсмологической лаборатории, где заправлявшие на кафедре отцы-иезуиты встретили его прибытие с уважением и энтузиазмом, смешанными в должной пропорции. Квартира его в холостяцком корпусе отнюдь не напоминала монашеской кельи — напротив, для одного человека это были, можно сказать, шикарные апартаменты; лабораторное оборудование предоставлялось едва ли не любое, о каком только может мечтать сейсмолог, учебными часами фактически не нагружали, он уже сошелся на короткой ноге кое с кем из направленных под его начало дипломников, — и все же сегодня, безучастно глядя в телеэкран, где вместо программы Эгтверчи крутили что-то совершенно дурацкое…

При взгляде назад казалось, будто каждый из шагов, приведших, в конечном итоге, в эту про-

пасть, был неизбежен — но до чего же крохотен! О возвращении на Землю он мечтал, да еще как; и не то чтобы в космосе ему страшно не хватало чего-то конкретного, скорее просто не терпелось оказаться там, где знаком каждый камень. Но когда он вернулся, камни как один делали вид, что знать такого не знают; камни его откровенно игнорировали. Наверно, дело в том, объяснял он себе, что успел привыкнуть быть сам себе хозяином (ну, почти), едва ли не уникальной личностью в сравнительно необитаемом мире; наверняка просто нужна определенная встряска, чтобы снова адаптироваться к жизни слепого крота среди миллиардов таких же.

А вот встряски-то как раз и не было. Вместо этого чем дальше, тем плотней обволакивала душная бесформенная апатия, будто все знакомое утратило способность не то что трогать, но даже отпечатываться в сознании. Тянулись дни, и апатия эта — умственная, эмоциональная, чувственная — становилась выраженной ярче и ярче, пока не стала своего рода ощущением в себе, сродни головокружению: будто он вот-вот упадет, но не видит ничего, за что можно удержаться — собственно, не видит даже, откуда собирается падать.

По ходу дела он пристрастился смотреть программу новостей, которую вел Эгтверчи; наверно, чисто из любопытства — насколько он вообще мог припомнить столь давнее ощущение. Что-то было там для него полезное; но что именно — уже не вспомнить. По крайней (самой крайней) мере, Эгтверчи иногда бывал забавен. Неким образом он напоминал Агронски, что на Литии геолог — пусть даже весьма далекий от коллег-комиссионеров, как в плане абстрактных мотивировок, так и конкретных целей — был едва ли не уникален; эта мысль утешала, хоть утешение и было откровенно слабым. А порой, когда Эгтверчи выдавал особенно гневную филиппику на предмет земных дел и нравов, Агронски испытывал крохотный всплеск самого настоящего удовлетворения, словно посредством Эгтверчи приводил в действие длинный и путаный план мести скрытым и неведомым врагам. Впрочем, как правило, и Эгтверчи не удавалось проникнуть сквозь обволокший Агронски кокон едва ли не тошнотворной бесчувственности; усаживаться в определенное время перед экраном просто вошло в привычку.

С течением времени Агронски пришло в голову, что он абсолютно не понимает, чем заняты

ближние — а в редкие моменты, когда все-таки понимал, это казалось чем-то совершенно тривиальным. И зачем только люди подчиняются этой рутине? Куда они все так спешат? Тупая сосредоточенность, с которой среднестатистический троглодит отправлялся на службу, отрабатывал положенное и возвращался в свою уютную каморку, казалась бы трагичной, не будь актеры столь полными ничтожествами; энтузиазм, самоотверженность, крючкотворство, изобретательность, трудолюбие, с которыми люди без остатка отдавали себя работе, считая, что это важно, казались бы абсурдны, заставь себя Агронски подумать хоть о чем-нибудь на белом свете, заслуживающем подобной самоотдачи, но теперь всё — абсолютно всё — на глазах делалось одинаково бесцветным. Даже бифштексы, о которых он так мечтал на Литии, стали теперь всего лишь объектом постылого упражнения — отрезать, насадить на вилку, проглотить — и только отвлекали от дремоты, которой он предавался по-кошачьи, большую часть суток.

Редкими сполохами, не дольше нескольких минут за раз, умудрялась вспыхивать зависть к ученым-иезуитам. Те все еще верили, будто геология что-то значит; для Агронски эта иллю-

зия давным-давно отошла в прошлое (наверно, уже несколько недель назад). Другой источник сильного интеллектуального возбуждения составляла для них религия — особенно в этом, святом году; насколько Агронски сумел понять из двухлетней давности разговоров с Рамоном, в структуре церкви орден иезуитов являлся чем-то наподобие мозговой коры, занимаясь разрешением наиболее запутанных моральных, теологических и организационных проблем. Особенно, помнилось Агронски, иезуитов занимали вопросы внутрицерковного устройства и выработка рекомендаций Риму; оттого-то, собственно, весь Фордхэм и гудел (буквально). Хоть Агронски так и не расшевелил себя в достаточной степени, чтобы выяснить, в чем суть дела, в общих чертах он представлял, что речь о готовящейся в этом году папской булле, которая должна раз и навсегда разрешить одну из главнейших проблем католической догматики, сравнимую разве что с проблемой догмы об успении Святой Девы, которую разрешила папская булла вековой давности; судя по доносящимся до Агронски отголоскам горячих споров (в столовой, да и где бы то ни было в свободное от работы время), рекомендация была уже вынесена, и спорить теперь приходилось

только о том, к какому решению вероятнее всего придет папа Адриан. Агронски немного удивляло, что могут еще быть какие-то сомнения, пока где-то в комиссариате он не уловил обрывок разговора, из которого следовало, что рекомендации ордена были именно рекомендациями, то есть ни в коей мере ни к чему не обязывали. Скажем, на предмет догмы об успении орден в свое время категорически возражал, хотя прекрасно было известно, что тогдашний папа — ярый ее сторонник, и буллу издал-таки соответствующую; решение было окончательным и обжалованию не подлежало: наместник престола Святого Петра непогрешим по определению.

Ничто более, сознавал Агронски с воцарением в его мире тошноты и головокружения, подобной ясностью не обладало. В итоге фордхэмовские коллеги начали казаться ему столь же далекими, как некогда на Литии Руис-Санчес. К 2050 году католическая церковь занимала среди конфессий четвертое место по числу приверженцев, уступая только исламу, буддизму и индуизму, именно в таком порядке; далее следовали всевозможные протестантские конгрегации вместе взятые — они вполне могли бы и обойти католиков, если пополнить ряды протестантов всеми, чье миро-

воззрение ни в какую теистскую систему толком не вписывалось (кстати, весьма вероятно, что агностики, атеисты и те, кому наплевать, вместе взятые могли бы составить по численности конкуренцию иудаизму, и вполне успешно). У Агронски же было смутное ощущение, что он в равной степени не принадлежит ни к одной из этих групп; он пребывал в свободном дрейфе; медленно, но верно он начинал сомневаться в самом существовании вселенной как феноменологического объекта, а раз так, то какая, собственно, разница, с каких позиций ее — не факт, что реально существующую — истолковывать, англиканства или логического позитивизма. Когда разочаровался в бифштексах, то не все ли равно, как там мясо отбивалось, жарилось, сервировалось и подавалось?

Приглашению на выход Эгтверчи в свет едва не удалось пронизать железный туман, застлавший от геолога мироздание. У Агронски возникло чувство, будто вид литианина во плоти мог бы как-то ему помочь — хотя вряд ли сам он понимал как; к тому же хотелось снова повидать Майка и святого отца — где-то в глубине теплилось воспоминание о том, как им когда-то было хорошо вместе. Но святой отец отсутствовал; Майк был все равно

что за много световых лет, поскольку успел тем временем обзавестись какой-то подружкой — а из всех бессмысленных человеческих наваждений Агронски твердо решил непременно избегнуть как раз тирании секса; что до Эгтверчи во плоти, тот оказался гротескной и тревожной карикатурой на литиан, какими они помнились Агронски. Крепко досадуя на себя, он планомерно держался ото всех подальше и по ходу дела, чисто по небрежности, вдрызг напился. Больше от вечера память не удержала ничего, кроме обрывочных воспоминаний о какой-то полночной драке с каким-то смуглокожим лакеем — в огромной темной зале со стенами из проволочной сетки, вроде шахты лифта на Эйфелевой башне… почему-то в памяти с шипением вскидывались облака пара, и рывками усугублялось вселенское тошнотворное головокружение, будто Агронски и безымянный противник его опускались прямиком в ад на конце тысячемильного гидравлического поршня.

Очнулся он в полдень на следующий день у себя в комнате с головокружением, усилившимся тысячекратно, с жутким чувством, что призван исполнить некую миссию перед неминуемой катастрофой, и с похмельем таким чудовищным, какого не было аж с грандиозной попойки на

первом курсе колледжа (в тот раз пили шерри). С похмельем он боролся дня два и наконец поборол, но остальное никуда не делось, окончательно возведя глухую стену между ним и мирозданием, каковое включало даже то, что он мог видеть и осязать в собственной квартире. Еда утратила вкус; слова на бумаге — смысл; он не мог просто так пройти от стула до туалета: на каждом шагу непременно возникало ощущение, будто комната в любой момент может ни с того, ни с сего перевернуться вверх дном или вообще исчезнуть. Все на свете лишилось объема, фактуры и веса, не говоря уж о цвете; вторичные свойства вещей, потихоньку ставшие утекать из его мира сразу по возвращении на Землю, утекли без остатка, и теперь наступал черед свойств основных.

Конец представлялся ясно и недвусмысленно. Должно было не остаться ничего, кроме скорлупы инстинктов и привычек, которая скрывала бы кроху вырождающуюся и непознаваемую, его «я». К моменту, когда одна из таких привычек усадила его перед экраном и щелкнула переключателем, спасать что-либо еще было поздно. Во всей Вселенной не оставалось никого, кроме него — никого и ничего…

Вдобавок, когда экран зажегся, а Эгтверчи так

и не появился, Агронски обнаружил, что даже у «я» нет больше имени; что его «я» — в тонкой оболочке самосознания, существующего вопреки воле, — пусто, как поставленный на попа кувшин.

XIV

Руис-Санчес отложил на колени тонкую, протершуюся на сгибах аэрограмму и уставил невидящий взгляд в окно «рапидо». Экспресс отбыл из Неаполя час назад и одолел едва ли не половину пути до Рима, а святой отец так еще почти и не видел страны, побывать в которой мечтал, наверно, всю сознательную жизнь; теперь вот, вдобавок, не отпускала головная боль. Микелисовы каракули и в лучшем-то случае были не разборчивей бетховеновских, а уж это письмо точно писалось в обстоятельствах, наименее располагающих к четкости почерка.

А после явно неблагоприятного психологического климата, придавшего каракулям особую замысловатость, вступил в дело факс, отмасштабировавший послание с уменьшением и перенесший его на тонкую аэрограммную пленку; теперь только опытный криптолог — для которого почерки все равно что клинопись для

ассириолога — мог бы что-то разобрать в этих мушиных следах.

Через секунду — другую Руис-Санчес подобрал аэрограмму и продолжил прерванное чтение:

«…почему весь дальнейший разгром я и пропустил. До сих пор, правда, сомневаюсь, полностью ли отвечал Эгтверчи за свои действия, или все же дымы графини могли возыметь какой-то эффект; не настолько уж его метаболизм отличается от нашего — впрочем, это уже скорее по твоей части. Ладно, после драки кулаками не машут. В любом случае, об учиненном на нижнем этаже я знаю не больше, чем сообщалось в газетах. Если газеты тебе не попадались, то произошло, вкратце, вот что: то ли Эгтверчи с его молодчиками показалось, что поезд тащится слишком медленно, то ли просто скучно стало, но они пошли своим путем, местами проламывая перегородки насквозь, где так было не пройти. Для литианина Эгтверчи, конечно, еще хиловат, но ростом уже вполне вышел, и что для него какие-то там перегородки?

Что было дальше, сказать сложно — смотря кому из журналистов верить. Насколько я понял из газетной разноголосицы, сам Эгтверчи никого не трогал, а если его бравые солдатики и трогали, то им тоже досталось — один из них умер. Вот

кто влип по полной, так это графиня. В числе прочего Эгтверчи вломился куда не следовало, где всякие известные личности предавались самым экзотическим сумасбродствам (фантазии церемониймейстера графини, судя по всему, можно только позавидовать). Кое до кого из гостей алчущая сенсаций пресса уже добралась (и кто-то на этом только бесплатную рекламу поимел, ну разве что несколько более скандальную, чем хотелось бы); остальные, похоже, жаждут крови рода Овернских.

Сам граф им, разумеется, не по зубам; тот даже не был в курсе, что, собственно, происходит. (Кстати, тебе не попадалась последняя его статья, из «петардовских»? Это нечто! Старик как-то хитро преобразовал уравнения Хэртля, так что можно «обходить» — буквально — обычный пространственно-временной континуум, типа за угол заглядывать. Теоретически можно даже, например, фотографировать звезду, как она сейчас, а не какой была сколько-то там световых лет назад. Бедняга Эйнштейн, от такого удара ему уже не оправиться.) Но из Канарских прокуроров графа уже разжаловали, и если он быстренько не изымет свое состояние из рук графини, то рискует остаться обычным, сравнительно уютно

устроенным троглодитом. Никто до сих пор не знает, где он, так что, если газет не читает, как-то дергаться ему уже поздно. Как бы то ни было, графиня явно стала в своем кругу персоной нон грата, причем пожизненно.

И я до сих пор недоумеваю, планировал это Эгтверчи или все вышло случайно. Сам он говорит, что ответит на нападки прессы в своей следующей программе (на этой неделе он вне досягаемости, причем без объяснений), но я с трудом представляю, что он может такого сказать, чтобы качнуть обратно маятник общественного мнения, до последних событий настроенного, в значительной степени, в его пользу. Он уже почти убежден, что земные законы — это, в лучшем случае, кодифицированные сиюминутные прихоти общественного мнения; и аудитория его больше чем наполовину детская!

Жаль, ты не из тех, кто сейчас сказал бы: «Ну, что я говорил?» Тогда я хоть мог бы грустно покивать. Впрочем, все равно уже поздно. Если найдется свободная минутка, и в голову придет какой-нибудь ценный совет, сообщай сразу. Мы тут совсем уже закопались.

Майк.

P.S. Вчера мы с Лью поженились. Планировали попозже, но какой-то внутренний голос подсказывает обоим поторопиться, будто вот-вот должно случиться что-то… непоправимое. Знать бы, что именно. Не пропадай.»

Руис невольно издал хриплый стон, и на него покосились — без особенного, впрочем, любопытства — соседи по купе: поляк в короткой дубленке, всю дорогу безмолвно управлявшийся с гигантской головкой невероятно пахучего сыра, и бородатый приверженец Голливуд-Веданты, облаченный в джутовый мешок с прорезями и в сандалиях на босу ногу; пахло от последнего отнюдь не сыром, и Руис-Санчес никак не мог взять в толк, что тому могло понадобиться в Риме в святой год.

Он закрыл глаза, чтоб их не видеть. Бедняга Майк, наутро после свадьбы — и такие мысли; неудивительно, что письмо совершенно нечитабельное.

Он осторожно разлепил веки. Солнечный свет пребольно резанул по глазам, но на мгновение Руис-Санчес разглядел оливковую рощу, проносившуюся за окном на фоне холмов цвета жженой

умбры, очерченных извилистой контурной линией под невероятной голубизны небом. Потом холмы резко принялись валиться в поле зрения косыми волнами, и поезд ворвался в туннель.

Руис-Санчес опять поднес письмо к глазам, но мушиные следы тут же сбежались в бесформенное расплывчатое пятно; левый глаз пронизала снизу вверх острая боль. Господи Боже, неужели он слепнет? Нет, чушь, чушь, это просто ипохондрия, все в порядке, немного переутомил глаза, и только. Боль в глазном яблоке — это на самом деле давление в левой гайморовой пазухе, которая, стоило уехать из Лимы на промозглый север, тут же воспалилась; а при литианской влажности воспаление не замедлило обостриться.

Все неприятности от Микелисова письма, это яснее ясного. И нечего поддаваться искушению обвинять глаза или там гайморовы пазухи, те не более чем символический эрзац пустых рук — рук, в которых нет даже амфоры, явившей миру Эгтверчи. От былого дара не осталось ничего, кроме этого вот письма.

И что он может ответить?

Ну, разумеется, лишь то же самое, о чем Микелис явно также начинал догадываться: что и популярность, и поведение Эгтверчи проистека-

ют из сильнейшего врожденного дисбаланса, как умственного, так и эмоционального. Не пройдя нормальной литианской школы жизни, он не усвоил, как важно владеть техникой выживания в среде, где доминируют хищники. Что до земных законов и убеждений, он ознакомился с теми едва ли наполовину, когда Майк сдернул его со школьной скамьи и, наделив гражданством, выпихнул во взрослую жизнь. Эгтверчи представилось более чем достаточно возможностей видеть, с каким лицемерием выполняются некоторые юридические уложения, и прямолинейное литианское мышление могло дать этому одно-единственное объяснение: законы — это, в лучшем случае, элемент некоей игры. (Кстати, и с понятием игры Эгтверчи впервые столкнулся уже здесь; литиане игр не практиковали.) При этом следовать литианскому всеобщему кодексу поведения он также не мог, поскольку родная цивилизация являла для него такое же белое пятно, как саванны, джунгли и моря Литии.

Короче, волчий приемыш.

Так же стремительно, как влетел, «рапидо» вырвался из туннеля; снова ослепительно резанул по глазам солнечный свет, и Руис-Санчесу пришлось зажмуриться. Когда же он разлепил

веки, то был вознагражден видом пологих горных террас, сплошь поросших виноградом. Основой местного хозяйства явно служило виноделие — и, судя по характерному рельефу, состав приближался к Террачине. Может, скоро, если повезет, он увидит гору Сисеро; но куда больше интересовали его виноградники.

Судя по тому, что пока удалось разглядеть, итальянские государства зарылись в землю далеко не так основательно, как прочее мировое сообщество, и местные жители большую часть жизни пребывали на поверхности. В некотором смысле виной тому бедность: Итальянская республика не обладала достаточными средствами, чтобы подключиться к гонке убежищ на раннем этапе или столь масштабно, как могли позволить себе Соединенные Штаты или даже другие европейские государства. Тем не менее в Неаполе было сооружено исполинское убежище, а сегодняшний Рим являлся четвертым по величине подземным городом планеты; копали его с привлечением средств всего западного мира, да плюс потоком хлынула добровольная помощь, когда при первых же раскопках совершенно неожиданно выявились богатейшие культурные пласты, мечта археолога.

Впрочем, определенную роль сыграло и чистое упрямство. Большинство итальянцев всю жизнь обитали только под солнцем и существовали только его плодами; загнать их под землю на сколько-либо продолжительный срок нечего было и пытаться. Изо всех «катакомбных» держав — к которым не относились разве что страны самые отсталые и самые пустынные — Италия оказалась в наименьшей степени погребенной заживо.

Если вдруг это окажется справедливым и для Рима, у Вечного города будут все основания считаться наименее обезумевшей из мировых столиц. Чего, внезапно осознал Руис-Санчес, никто не рискнул бы предсказать начинанию, затеянному волчьим выкормышем в 753 году до Рождества Христова.

Насчет Ватикана он, конечно, никогда и не сомневался, но Ватикан и Рим — не одно и то же. Это напомнило ему о предстоящей завтра udienza speciale[31] у его святейшества — причем до церемонии целования кольца, то есть не позже десяти утра, и не исключено, что едва ли не в семь, ибо его святейшество встает рано, а

---

[31] Примечания: 31

Udienza speciale (итал.) — особая аудиенция.

уж в этом-то году, так и вообще, наверно, дает всевозможные аудиенции чуть ли не сутки напролет. На подготовку у Руис-Санчеса был почти месяц — команда поступила почти сразу после приказа Верховной коллегии ордена готовиться к разбирательству, — но он не ощущал в себе ни малейшей готовности. Интересно, когда последний раз папе приходилось лично выспрашивать иезуита, впавшего в явную ересь, и что тот имел сказать на допросе; материалы наверняка хранятся в библиотеке Ватикана, запротоколированные каким-нибудь нунцием — а нунции со времен неоценимого Буркарда славятся ревностным прилежанием в том, чтобы сохранить для истории все, до мельчайших крупиц, — но времени ознакомиться с материалами у Руис-Санчеса не будет.

Тысячи мелочей воспрепятствуют ему сосредоточиться умом и сердцем. Сориентироваться на местности и то будет, мягко говоря, непросто; вдобавок надо искать, где остановиться. Ни в одном из casa religiose[32] его и на порог не пустят — слух явно уже разошелся, — а на гостиницу денег не хватит; на самый худой конец Руис при-

---

[32] Примечания: 32

Casa religiose (итал.) — гостиница для лиц духовного звания.

берег квиток о бронировании места в одном из самых дорогих отелей — может, там пустят ночку скоротать, хоть в чуланчике каком-нибудь. Единственный разумный выход — меблированные комнаты, но и это представляло архисложную проблему, ибо вариант, заранее подготовленный турагентством, отпал, когда поступила команда из Ватикана, по причине крайней удаленности от собора Святого Петра. В агентстве не смогли предложить больше ничего, кроме, разве что, места где-нибудь в подземной столице, на что Руис-Санчес твердо решил не соглашаться. «В конце концов, святой год», — агрессивно заявил ему представитель агентства, едва ли не с теми же интонациями, с какими мог бы сказать: «Вы что, не знаете, что война идет?»

Но, разумеется, тон его был совершенно верным. Война действительно идет. В данный момент Враг в пятидесяти световых годах, но все равно у ворот.

Что-то подтолкнуло его взглянуть, каким числом датировано письмо. Дата, к великому его изумлению, оказалась двухнедельной давности. При этом штемпель стоял сегодняшний; строго говоря, отправлено письмо было шесть часов назад — в аккурат, чтобы поспеть к рассветному

ракетоплану на Неаполь. Почему-то с отправкой Микелис затянул; или, может быть, писалось послание в несколько приемов — но факс-масштабирование и уставшие глаза Руис-Санчеса явно вступили в преступный сговор с целью не дать разглядеть, отличается ли где-нибудь почерк или чернила.

Через секунду — другую до Руис-Санчеса дошло, что следует из этого расхождения. Значит, на газетную критику Эгтверчи ответил уже неделю назад — а следующая передача сегодня!

По римскому времени, программа Эгтверчи передавалась в три часа ночи; похоже, Руису предстояло подняться раньше, чем даже его святейшеству. Точнее, не ложиться вообще.

Пронзительно, по-женски взвизгнув тормозами, состав застыл у перрона римской Stazione Termini[33], на пять минут опередив расписание. Нимало не напрягаясь, Руис подозвал носильщика, дал тому на чай положенные за два багажных места сто лир и указал направление. По-итальянски священник изъяснялся вполне сносно, но весьма своеобразно; стоило Руису раскрыть рот,

---

[33] Примечания: 33
Stazione termini (итал.) — конечная станция.

и facchino[34] уже расплывался в ухмылке. Язык священник изучал только по литературным текстам (частично — Данте; в основном, оперные либретто) и отсутствие разговорной практики возмещал цветистостью оборотов: простейший вопрос — например, как пройти к зеленной лавке, — звучал так, будто, не получи Руис ответа, он тут же бросится в Тибр.

— Be' 'a? — неизменно переспрашивал носильщик после каждой третьей фразы Руиса. — Che be' 'a?[35]

В любом случае, примириться с этим было куда легче, нежели с французским пижонством — когда Руис единственный раз в жизни был в Париже, пятнадцать лет назад. Он на всю жизнь запомнил одного таксиста, упорно отказывавшегося понимать, что ехать надо в отель «Континенталь», пока Руис не написал название на бумажке, после чего тот изобразил внезапное озарение и, нарочито акцентируя каждый звук, повторил: «А-а! Ле Континен-ТАЛЬ?» Подобные претензии, как выяснилось, были распространены едва ли не поголовно; французы тут же давали

---

[34] Примечания: 34
Facchino (итал.) — носильщик.

[35] Примечания: 35
Be' 'a?.. Che be' 'a?.. (итал.) — Чего?.. Чего-чего?

понять, что, не владея безупречным произношением, на понимание можно и не рассчитывать.

Итальянцы, похоже, были не столь категоричны. Носильщик поухмылялся руис-санчесовским высокоштильным экзерсисам, но вывел к газетному киоску, где священник смог купить еженедельник с достаточно высоким удельным содержанием текста, чтобы более или менее достоверно выяснить, что там в прошлый раз говорил Эгтверчи, — а потом налево от вокзала, через Пьяцца Чинквиченто, на угол Виа Виминале и Виа Диоклетиан, в точности как запрашивалось. Руис немедля удвоил чаевые; времени оставалось в обрез, и подобный проводник воистину бесценен — да и не так уж невероятно, что им еще доведется свидеться.

Расстались они у «Каса дель Пасседжеро», слывшего лучшей в Италии привокзальной гостиницей — что означало, как не замедлил выяснить Руис-Санчес, лучшей в мире, поскольку alberghi diurni[36] не имеет аналогов нигде. Здесь священник сдал в камеру хранения багаж, под кофе со свежей выпечкой пролистал журнал, постригся, до блеска начистил ботинки у

---

[36] Примечания: 36

Alberghi diurni (итал.) — дневная гостиница (без ночлега).

чистильщика в коридоре, принял ванну, пока гладили его скромный гардероб, а потом надолго сел за телефон, надеясь, в конечном итоге, вызвонить себе какое-никакое спальное место; желательно где-нибудь неподалеку, на худой конец — просто в городской черте, но лишь бы не в подземных кельях.

За чашкой кофе, в кресле у парикмахера и даже в ванне он неустанно размышлял над изложением выступления Эгтверчи.

Непосредственно текста итальянский журналист не приводил, и по причинам вполне понятным: в распечатанном виде тринадцатиминутная передача заняла бы целую журнальную страницу, тогда как обозреватель был ограничен единственной колонкой; но выдержки были приведены вполне грамотно, и даже хватило места на попытку некоторого анализа. На Руис-Санчеса это произвело должное впечатление.

Отпор свой Эгтверчи организовал следующим образом: подряд, не систематизируя, зачитывал вечерние новости, как они сходили с телетайпов, и экспромтом учинил блистательную атаку на моральные условности и претензии землян. Связующую нить, по мнению итальянского обозревателя, можно было бы выразить строчками

дантовского «Ада»: «Perche mi scerpi? / non hai tu spirito di pietate alcuno?»[37] — крик, издаваемый самоубийцами, причем лишь когда гарпии терзают их плоть, и струится кровь: «Не ломай, мне больно!»[38] Вся передача была сплошным язвящим обвинительным актом; при этом собственного поведения Эгтверчи никоим образом не оправдывал, но всячески создавал впечатление, будто ни один смертный не безгрешен настолько, чтобы швыряться камнями. Эгтверчи явно усвоил «Правила диспута» Шопенгауэра до последней запятой.

«На самом-то деле, — добавлял итальянский обозреватель, — ни для кого на Манхэттене не секрет, что дирекция «QBC» едва было не приказала прервать трансляцию, когда речь пошла о стокгольмской войне борделей. Удержало их одно: в точности в тот же момент дирекцию буквально захлестнуло шквалом звонков, телеграмм и радиограмм. На убыль шквал этот не пошел до сих пор, и общественное мнение подавляющей

---

[37] Примечания: 37

«Perche mi scerpi? / non hai tu spirito di pietate alcuno?» (итал.) — «Прекрати мученья! Ужели дух твой до того жесток?» (песнь XIII, пер. М.Лозинского).

[38] Примечания: 38

Там же.

частью своей реагирует положительно. Специальная служба, организованная по инициативе главного спонсора передачи литианина, корпорации «Всемирная кухня Бриджит Бифалько», чуть ли не ежечасно пускает в эфир статистические бюллетени, которые «подтверждают» феноменальный успех передачи. Теперь синьор Эгтверчи — самый кандидат что надо; и если прошлый опыт свидетельствует хоть о чем-то (а о чем-то он свидетельствует), отныне литианина будут только подзуживать как можно ярче проявлять на публике особенности поведения, ранее давшие почву для единодушного осуждения и чуть было не послужившие поводом прервать трансляцию на полуслове. Короче, неожиданно дело запахло большими деньгами».

Излагался материал добросовестно, без передергиваний, и в то же время чересчур эмоционально — сочетание характерно римское, — но пока Руис не ознакомится с первоисточником в полном объеме, предъявлять претензии к букве изложенного он не вправе. И определенная тенденциозность обзора, и сквозящий в каждом слове неподдельный накал страстей представлялись более чем обоснованными. Собственно, можно было бы даже сказать, что налицо некото-

рые умолчания.

По крайней мере, Руису голос Эгтверчи слышался совершенно явственно. Подобные интонации не спутаешь ни с чьими другими. И это на преимущественно детскую аудиторию! Да и существовал ли когда-либо Эгтверчи как отдельная личность? Если так, то в него словно бес вселился — во что Руис-Санчес не верил ни на йоту. Вселяться было не в кого; реальный Эгтверчи — это фикция. Весь он, без остатка, порожден воображением врага рода человеческого — и даже Штекса; и вся Лития. Но при сотворении Эгтверчи всякие тонкости он уже отринул, осмелился явить суть свою неприкрытой более чем наполовину — ворочая капиталами, распространяя ложные измышления, извращая дискурс, сея скорбь, растлевая малолетних, губя любовь, скликая армии…

…и все это — в святой год.

Руис-Санчес застыл изваянием, в наброшенном на одно плечо летнем пиджаке, уставя взгляд в потолок гардеробной. Оставалось сделать два звонка (ни тот, ни другой — не отцу-предстоятелю ордена), но он уже передумал.

Неужели все это время он был так слеп, что не мог прочесть знамения столь очевидные? — Или он вконец спятил, как обычно полагается

еретикам, и канун Dies irae, дня гнева Господня, возвещен ему в парилке душевой общего пользования? Телевизионный Армагеддон? Ад разверзся и явил комедианта детишкам на потеху?

Почем знать? Максимум, в чем можно быть уверенным, — так это что хлопоты о ночлеге следует забыть; не постель нужна ему, но камни. Елико возможно быстро Руис-Санчес покинул «Каса дель Пасседжеро», оставив там свой немногочисленный багаж, и в одиночку направил стопы к Виа дель Термини; судя по турсп-равочнику, там была ближайшая церковь — на Пьяцца делла Република, возле терм Диоклетиана.

Справочник не соврал. Церковь оказалась на месте: Санта-Мария д'Анжели. Передо входом Руис даже не замедлил шага, дабы немного остыть (начинался вечер, но солнце палило немногим милосердней, чем в полдень). Завтра может быть куда более знойно — безысходно знойно. Он ступил под церковные своды.

В зябкой тьме преклонил он колени; и с холодным ужасом вознес молитву.

Непохоже, чтоб это сильно ему помогло.

XV

Сколько хватало глаз, джунгли вокруг Микелиса недвижно застыли в зеленом буйстве, сквозь которое, подпитываясь легкой прозеленью, просачивался рассеянный серо-синий дневной свет; и где он падал на тот или иной яркий блик, там, казалось, скорее проникал вглубь, чем отражался, и длил джунгли на все восемь сторон Вселенной чередой бесконечных перестановок. Стылость плана делала иллюзию реальной вдвойне; казалось, вот-вот всколыхнется ветерок, и по бликам пройдет рябь, но стояло безветрие, и отражения эти могло поколебать разве что течение времени.

Эгтверчи, разумеется, двигался; хотя фигура его представлялась уменьшенной (будто бы находилась в отдалении), но в правильной по отношению ко джунглям пропорции, и смотрелась куда ярче, живее, полнокровней, чем окружающий его (и Микелиса) тропический лес. Широкие жесты его казались манящими и будто сулили вывести Микелиса из этой пустыни недвижности.

Только голос дисгармонировал: громкость и тон беседы были обычными, разговорными, а

значит, выламывались из пропорции, навязываемой местом в пейзаже. Голос настолько бил по ушам, что изо всего выступления Эгтверчи в голове у Микелиса — которая и без того шла кругом — почти ничего не отложилось. Только когда литианин иронически отвесил поклон и растворился в пейзаже, а голос сошел на нет, перекрылся привычным негромким насекомым гуденьем, до Микелиса с явственным щелчком дошло.

Он замер как громом пораженный. Рекламный ролик молочной смеси мадам Бифалько «Объедение» успел прокрутиться чуть ли не полминуты, прежде чем Микелис спохватился нажать большую красную кнопку. И нынешняя Бриджит Бифалько, в свою очередь, растворилась, только не в пейзаже, а в интерьере, на полуслове оборвав свою знаменитую, с сочным деревенским произносимую фразу («Ща, милок, тильки взобью трошки»). Блудные электроны вернулись на свои орбиты в атомах фосфористого соединения, откуда их прежде изгнал миниатюрный сканер де Бролье, вмонтированный в картинную раму. Атомы восстановили свое химическое тождество, молекулы остыли, и картинка стала статичной репродукцией «Февральского каприза» Пауля

Клее. Кстати, невпопад вспомнилось Микелису, принцип устройства был развит на основе первой статьи Люсьена Дюбуа, единственного «петардовского» экскурса в прикладную математику, и то когда графу было семнадцать.

— Что он хотел сказать? — еле слышно проговорила Лью. — Я его больше совсем не понимаю. Какая еще «демонстрация»? Что этим можно продемонстрировать? Ребячество какое-то!

— Именно, — отозвался Микелис.

Никакого другого ответа ему в голову не приходило — так, сходу. Нужно хоть немного прийти в себя; а срывался он последнее время чаще и чаще. Что и послужило одной из причин столь скоропалительной женитьбы: самообладание Лью могло послужить опорой, ибо его собственное улетучивалось с быстротой поистине ужасающей.

В данный момент никаким самообладанием и не пахло. Даже квартира — обычно источник приятности и душевного отдохновения — казалась капканом. Располагалась она высоко над землей, в одном из почти заброшенных многоэтажных жилых комплексов на восточной оконечности Манхэттена. Раньше Лью жила в другой, существенно меньшей квартире в том же здании, а Микелис, когда освоился в столь экзотической

для него обстановке, устроил — и даже без особых хлопот, — чтоб им предоставили теперешнее жилище. Так не было принято, это было немодно и, как их официально предупредили, опасно: на поверхности то и дело бесчинствуют банды; но, по крайней мере, теперь это было хоть вполне легально, если по средствам жить в вышине над трущобами.

Стоило внезапно образоваться дополнительному пространству, и художественный гений Лью, дотоле дремавший под личиной скромного научного работника, тихо, по-домашнему осатанел. Скрытые лампы заливали интерьер ровным зеленоватым светом, и со всех сторон Микелиса обступали своего рода джунгли в миниатюре. На низких столиках росли японские садики, рощицы карликовых кедров. Из куска фантастически изогнутого древесного плавника был сооружен восточный светильник. По всему периметру комнаты тянулись на уровне глаз длинные глубокие плетеные цветочные ящики, сплошь засаженные плющом, традесканцией бассейновой, фикусами, филодендроном и прочими нецветковыми; а стена за ящиками до самого потолка была зеркальной, и безупречность зеркальности нарушала только лаконично остроумная репродукция

Клее — она же стереовизор; за картинку, почти всю из углов и рельефных фигурок, смахивающих на математические символы — оазис строгости посреди тропического буйства, — пришлось приплатить, поскольку стандартные модели «QBC» шли с репродукциями Ван Гога или Сарджента. Поскольку электроннолучевая трубка крылась за цветочными ящиками, интерьер производил впечатление экзотичности воистину неземной и удерживаемой в узде разве что чудом.

— Знаю я, что он хотел сказать, — наконец проговорил Микелис. — Ума не приложу только, как бы сформулировать… Сейчас, соображу… Почему бы тебе пока не заняться обедом? Лучше поесть пораньше. Наверняка ведь гости заявятся.

— Гости? Но… Как скажешь, Майк.

Микелис прошагал к дальней, стеклянной стенке и уставился на солярий. Все цветковые растения были собраны там, настоящий сад, который приходилось тщательно отгораживать — помимо флористики, Лью с не меньшим любительским пылом увлекалась пчеловодством. Пчелиная семейка, не покладая крыл, соцветье за соцветьем с превеликим тщанием опыляла посадки Лью и выдавала мед уникальных, экзотических сортов. Мед был совершенно сказочный

и никогда одинаковый: то невероятно горчил и был съедобен только в минидозах, как китайская горчица, то дурманил чистым опиумом, извлеченным из капризных гибридных маков, росших сомкнутым строем вдоль ограждения солярия и слаженно качавших головками, то дико приторный и совершенно неудобоваримый, пока Лью не настаивала на нем, задействуя в процессе удивительно скромное количество стеклотары, медовуху, которая ударяла в голову, словно ветерок из садов Аллаха. Пчелы же были не пчелы, а настоящие чудища, тетраплоидные[39], размером едва ли не с колибри и отмеченные столь же скверным нравом, какой, похоже, вот-вот разовьется у Микелиса; несколько их укусов могли вызвать летальный исход. Хорошо еще, при порывах ветра, бушевавших на такой высоте, летали пчелы с большим трудом и в любом другом месте, кроме как у Лью в садике, непременно умерли бы с голоду, иначе ей никогда не дали бы лицензии на содержание пасеки в открытом солярии в самом центре города. Поначалу Микелис, мягко говоря, побаивался, но последнее время наблюдал за ними, словно завороженный: явная

---

[39] Примечания: 39

Тетраплоидные (биол.) — с учетверенным набором хромосом.

разумность поведения изумляла не меньше, чем габариты и злобность.

— Черт! — высказалась из-за спины Лью.

— Что такое?

— Опять омлеты. Второй раз за неделю не тот код набираю.

Выражаться (пусть и не слишком крепко), да и отвлекаться по пустякам было совершенно не в характере Лью. Майк ощутил болезненный укол совести, не без примеси вины. Лью менялась; никогда раньше она не была такой рассеянной. Не он ли виноват?

— Да ладно. Мне все равно. Давай поедим.

— Давай.

Ели они молча, но в спокойном взгляде Лью Микелису непрерывно чудился безмолвный вопрос. Злясь на себя самого, химик лихорадочно пытался соображать, но нужные слова никак не желали находиться. Зря он вообще втянул ее в эту историю. Нет, все равно, так и так обратились бы к Лью; кто еще мог выходить Эгтверчи в младенчестве — у любого другого вышло бы только хуже. Но наверняка ведь можно было сделать как-то так, чтоб она глубоко не привязывалась…

Нет, нельзя; она ведь женщина. А он — хочешь не хочешь, а задуматься о своей роли надо — как

раз мужчина. Без толку; он просто не знает, что и думать; передача Эгтверчи напрочь выбила его из колеи, и логически размышлять он совершенно не в силах. Похоже, все утыкалось в обычный у них с Лью дурной компромисс: не говорить ничего. Но так тоже не пойдет.

При всем при том ничего особо изощренного Эгтверчи не учинил; пользуясь словами Лью, ребячество какое-то. И без того литианина регулярно подзуживали на гротеск, бунтарство и безответственную буффонаду — что он в полной мере и продемонстрировал. Он не просто выказал неуважение ко всем традиционным земным обычаям и нравам, но призвал аудиторию всячески проявлять то же неуважение на деле. В последний момент он даже уточнил, как именно: предлагалось посылать оскорбительные анонимки спонсорам передачи.

— Хватит и открытки, — едва ли не задушевно произнес он криво ухмыляющейся пастью. — Главное, чтобы поязвительней. Если вы терпеть не можете цементную пыль, которую они зовут молочной смесью «Объедение», так и напишите. Если же смесь вы употребляете, но от рекламных роликов вас тошнит, так и пишите, причем в выражениях не стесняйтесь. Если вы меня тер-

петь не можете, так мадам Бифалько и скажите, да негодуйте погромче. В следующей передаче я зачитаю пять писем, которые, на мой взгляд, окажутся самыми ужасными. И ни в коем случае не подписывайтесь; если уж очень приспичит, ставьте мое имя. Доброй ночи.

По вкусу омлет напоминал фланель.

— Вот что я скажу, — вдруг тихо произнес Микелис. — По-моему, он скликает толпу. Помнишь тех парнишек в форме? Теперь он занят другим… а если и тем же, то не так явно; в любом случае, ему кажется, он нашел кое-что получше. Аудитория у него миллионов шестьдесят пять, и половина из них — взрослые. Из которых еще половина в той или иной степени не в своем уме — на что он, собственно, и рассчитывает. Интересно, кого это он собрался линчевать.

— Но зачем, Майк? — спросила Лью. — Ему-то что с того?

— Не знаю. Ума не приложу. Власть ему точно не нужна — мозгов у него более чем достаточно, чтобы понять: Маккарти из него никудышный. Может, у него просто тяга к разрушению? Изощренная форма мести.

— Мести!

— Я же только гадаю. Что им двигает, я пони-

маю не больше твоего. Может, даже меньше.

— Мести кому? — спокойно спросила Лью. — И за что?

— Ну… нам. За то, что мы с ним вытворили.

— Понимаю, — проговорила Лью. — Понимаю.

Умолкнув, она опустила взгляд к своей нетронутой тарелке; по щекам ее заструились слезы. Попадись в этот момент Микелису под руку Эгтверчи, тому явно не поздоровилось бы; еще очень хотелось биться головой об стенку — знать бы только, с чего начать.

Картинка Клее чинно звякнула. С угрюмой решимостью Микелис поднял голову.

— А вот и гости пожаловали, — сказал он и вдавил кнопку видеофона.

Клее померк, и на экране появился председатель комитета ООН по натурализации в своем немыслимом шлеме.

— Подъезжайте, — произнес Микелис в ответ на безмолвный вопрос в глазах председателя. — Мы вас ждали.

Председатель довольно долго бродил по квартире и рассыпал комплименты насчет интерьерного дизайна; но было очевидно, что это лишь церемонии ради. Вымолвив последнюю любезность, он отбросил все светские манеры

настолько резко, что Микелису почудилось, будто те вдребезги разлетелись на паркетолеуме. Даже пчелы учуяли нечто враждебное; председатель только покосился на солярий, а они, жужжа, уже ввинчивали в стекло лупоглазые головы. В течение всего последующего разговора прозрачная преграда то и дело звучно содрогалась, и сердито жужжали крылышки, то громче, то тише.

— За первые полчаса после передачи мы получили тысяч десять с лишним факсов и телеграмм, — мрачно сообщил ООН'овец. — Приблизительные результаты анализа уже есть. Назревают серьезные события, и промедление смерти подобно. Что-что, а просчитывать реакцию публики мы умеем, научились за столько-то десятилетий. На следующей неделе мы получим десять миллионов…

— Кто такие «мы»? — перебил Микелис, а Лью добавила:

— По-моему, не слишком большая цифра.

— «Мы» значит стереовидение. И для нас это цифра весьма серьезная, поскольку в общественном сознании мы все равно что анонимны. «Бифалько» получит таких посланий миллионов семь с половиной.

— А что в посланиях… совсем плохо? — нахму-

рилась Лью.

— Хуже не бывает — и они все сыплются и сыплются, — невыразительным голосом отозвался ООН'овец. — В жизни не видел ничего подобного — ас общественностью я уже одиннадцать лет работаю, от «QBC»; ООН'овский пост — это так… другая моя ипостась. В половине, если не в двух третях посланий — дикая, безудержная ненависть… просто патологическая. Кое-какие образцы я захватил… не самые страшные. Есть у меня одно железное правило — не показывать непрофессионалам ничего, что ужасает даже меня.

— Покажите-ка штучку, — тут же сказал Микелис.

Ооновец молча передал листок факса. Микелис пробежал его глазами. Вернул.

— Похоже, на своей работе вы загрубели даже больше, чем отдаете себе отчет, — неожиданно скрипучим голосом проговорил он. — Даже это я не рискнул бы показывать никому, кроме директора психолечебницы.

Впервые за все время ООН'овец улыбнулся, не сводя с них живого внимательного взгляда. Почему-то казалось, что он рассматривает и оценивает их не по отдельности, а именно как пару;

Микелиса кольнуло сильнейшее подозрение, будто его права как личности ущемляются в данный момент самым беззастенчивым образом, однако ни к чему конкретному в поведении ООН'овца было не придраться.

— Даже доктору Мейд? — поинтересовался тот.

— Никому, — сердито повторил Микелис.

— Резонно. И при этом, повторяю, я вовсе не намеревался специально шокировать. По сравнению со всем остальным, это так, безобидная финтифлюшка. Аудитория у змия нашего сплошь из психов, и он серьезно собирается раскрутить их как следует — понять бы только, на что. Вот почему я у вас. Нам кажется, вы могли бы хоть примерно представлять, зачем ему это все.

— Незачем — если вы хоть что-то как-то контролируете, — сказал Микелис. — Почему бы вам не снять его с эфира? После такого подстрекательства другого выбора у вас нет.

— Что одному подстрекательство, то другому «Объедение», — гладко отозвался ООН'овец. — В «Бифалько» смотрят на это совершенно иначе. У них свои аналитики, считать они умеют не хуже нас, насчет семи с половиной миллионов грязных поношений за следующую неделю они в курсе. Но они это прямо-таки предвкушают; они от

этого в диком восторге, буквально в диком. Они думают, это поднимет им продажи. Они готовы даже единолично спонсировать змию двойное эфирное время, полчаса, если прогноз насчет семи с половиной миллионов оправдается, — а он оправдается.

— Но почему вы все равно не можете снять его с эфира? — поинтересовалась Лью.

— Устав стереовидения воспрещает ущемлять свободу речи. Пока «Бифалько» выкладывает деньги, никуда программу из сетки вещания не деть. Вообще говоря, принцип, конечно, правильный; бывали в прошлом похожие ситуации, когда грозило прорваться черт-те чем, и всякий раз мы с трудом, но удерживались в рамках — и, в конце концов, аудитория просто теряла интерес. Но аудитория тогда была другая — широкая аудитория, по большей части вполне нормальная. У змия же аудитория весьма специфическая и, мягко говоря, не в своем уме. На этот раз — впервые в нашей практике — мы подумываем вмешаться. Вот почему я у вас.

— Ничем не могу помочь, — сказал Микелис.

— Можете и поможете — прошу прощения, доктор Микелис, за дурной каламбур. В данный момент я обращаюсь к вам от… обеих своих ипо-

стасей. Компания хочет снять его с эфира, — а в ООН почуяли, что дело пахнет чем-то похлеще Коридорных бунтов девяносто третьего года. Вы поручительствовали за этого змия, а жена ваша вырастила его чуть ли не из яйца — по крайней мере, чертовски к тому близко. Вы просто обязаны дать нам какое-нибудь оружие против него. Собственно, это все, что я хотел сказать. Подумайте. По закону о натурализации, ответственность на вас. Нечасто доводится прибегать к этому закону, но сейчас придется. И думать вам надо быстро, потому что снять с его эфира нужно до следующей передачи.

— А если нам будет нечего предложить? — с каменным лицом осведомился Микелис.

— Тогда, может, мы объявим его несовершеннолетним, а вас — опекунами, — ответил ооновец. — Что, с нашей точки зрения, вряд ли решит дело, а вам точно не понравится — так что, ото всей души советую придумать что-нибудь получше. Прошу прощения, что принес плохие новости, — но других нет; иногда бывает и так. Спокойной ночи — и большое спасибо.

Он вышел. На протяжении всего разговора он так и не решился расстаться ни с одной из своих ипостасей; как метафорически, так и буквально,

включая ипостась шлемоносную.

Микелис и Лью с возмущением уставились друг на друга.

— Теперь… теперь ведь поздно брать его на поруки, — прошептала Лью.

— Ну, — хрипло отозвался Микелис, — подумывали же мы завести сына…

— Не надо, Майк!

— Прости, — тут же сказал Микелис, торопливо и не слишком убедительно. — Нет, но каков сукин сын, бюрократ хренов! Сам же ведь одобрил процедуру насчет гражданства — а теперь сваливает все на нас. Видно, положение у них действительно аховое. Ну и что будем делать? У меня идей никаких.

— Майк… — секунду — другую поколебавшись, проговорила Лью, — мы слишком мало знаем, чтобы за неделю придумать что-нибудь толковое. По крайней мере, я; да и ты, наверно, тоже. Надо как-то связаться со святым отцом.

— Если получится, — медленно отозвался Микелис. — Да если и получится даже, то что проку? В ООН и слушать его не будут — его уже обошли на гандикапе.

— В смысле?

— Де-факто они приняли сторону Кливе-

ра, — сказал Микелис. — Официально об этом объявлять не будут, пока Рамона не отлучат, но решение уже принято и проводится. Я знал об этом еще до его вылета в Рим, но сказать не хватило духа. Лития закрыта; ООН устраивает там термоядерную лабораторию для изысканий по долговременному хранению — не совсем то, что изначально имел в виду Кливер, но почти.

Лью надолго замолчала; поднялась и подошла к стеклу, о которое живыми таранами бились и бились с другой стороны огромные пчелы.

— А Кливер знает? — наконец спросила она, не оборачиваясь.

— А как же, — отозвался Микелис — Он там и начальник. По графику он вчера должен был уже высадиться в Коредещ-Сфате. Когда я прослышал об этой подковерной интриге, то пытался как-то, обиняками Району намекнуть, и вот почему я так упирался рогом с этой совместной статьей для «ЖМИ», — но он никаких намеков не замечал. А сказать, что вердикт против него уже вынесен, и безо всякого слушания — на это меня не хватило.

— Противно, — медленно произнесла Лью. — Но почему они не могли объявить обо всем по-человечески и начать действовать уже после того, как Района отлучат? Какая им разница?

— Такая, что решение-то, в любом случае, с душком, — с неожиданной яростью отозвался Микелис. — Соглашаться с рамоновской теологической аргументацией или нет, но принимать сторону Кливера все равно грязное дело — и никакими доводами тут не оправдаешься, только с позиции голой силы. Черт бы их побрал, они сами прекрасно все понимают, и раньше или позже, но им придется дать широкой публике возможность заслушать противную сторону. А тогда им надо, чтобы доводы Района были заранее дискредитированы его же церковью.

— И чем именно там занимается Кливер?

— Чем именно — понятия не имею. Но в глубине южного континента, возле Глещтъэк-Сфата, уже строят большую энергостанцию на генераторах Нернста — так что, частично кливеровская мечта уже все равно что сбылась. Потом они попытаются брать энергию напрямую, без преобразования — чтобы не тратить девяносто пять процентов на тепловые потери. Понятия не имею, как Кливер к этому подступится — но, скорее всего, начнет он с пересмотра кое-каких экспериментальных положений собственно эффекта Нернста, попробует как-то обойтись без «магнитной бутылки». Опасное, вообще, это дело… — Микелис осек-

ся. — Наверно, если бы Рамон меня спросил, я б ему все рассказал. Но он и не заикнулся, вот я и промолчал. Теперь чувствую себя трусом.

При этих словах Лью резко отвернулась от окна, подошла к Микелису и присела на ручку кресла.

— Майк, ты все сделал правильно, — произнесла она. — Разве это трусость, отказаться лишить человека последней надежды?

— Может, и так, — отозвался химик, с благодарностью сжав ее ладонь. — Но сводится-то все к тому, что помочь нам Рамон никак не сможет. Из-за меня он даже не в курсе, что Кливер опять на Литии.

XVI

Когда рассвело, Руис-Санчес на негнущихся ногах двинулся через Пьяцца Сан-Пьетро к собору Святого Петра. Даже в такую рань площадь была запружена паломниками; а купол собора — в два с лишним раза выше Статуи Свободы, — казалось, зловеще хмурился в первых солнечных лучах, вздымаясь из леса колонн, словно голова Бога.

Он прошел под правой аркой колоннады, мимо швейцарских гвардейцев в их фантастически роскошных мундирах — ив бронзовую дверь. На пороге он остановился, с неожиданным рвением

бормоча обязательные в этом году молитвы за успех папских начинаний. Перед ним простирался апостольский дворец; его поражало, как столь отягощенное камнем сооружение ухитряется в то же время быть таким просторным… впрочем, пора было прекращать молитвы и поторапливаться.

У первой двери направо сидел за столом человек.

— Его святейшество назначили мне особую аудиенцию, — сообщил ему Руис-Санчес.

— Господь благословил вас. Кабинет мажордома на втором этаже, налево… Секундочку, секундочку — особая аудиенция? Будьте так любезны, покажите ваше письмо.

Руис-Санчес продемонстрировал вызов.

— Очень хорошо. Но все равно вам необходимо повидать мажордома. Особые аудиенции — в тронном зале; вам укажут, куда идти.

Тронный зал! Такого Руис-Санчес не ожидал никак. В тронном зале его святейшество принимали глав государств и членов кардинальской коллегии. И там же принимать впавшего в ересь иезуита, причем самого низкого духовного звания…

— Тронный зал, — произнес мажордом. — Пер-

вый зал в приемных апартаментах. Надеюсь, святой отец, все у вас сложится удачно. Помолитесь за меня.

Адриан VII был крупным мужчиной, родом из Норвегии; при избрании на папство седина едва-едва пробивалась в его курчавой бородке. Бородка, разумеется, успела совершенно поседеть, в остальном же он почти не изменился — даже казался моложе, чем можно было подумать по фотографиям и репортажам стереовиде-ния, склонным чересчур контрастно выделять складки и морщины на его широком, рельефном лице.

Адриан сам по себе являл фигуру столь величественную, что роскошные одеяния, приличествующие сану, Руис-Санчес углядел в последнюю очередь. Естественно, ни наружность палы, ни темперамент его ничем даже отдаленно латинянским отмечены не были. В процессе восхождения к престолу Святого Петра он составил себе репутацию католика, питающего едва ли не лютеранское пристрастие к исследованию наиболее сумрачных аспектов теологии морали; что-то было в нем от Кьеркегора, да и от Великого инквизитора. После избрания он удивил всех, проявив интерес — можно даже сказать, чуть ли не деловой интерес — к мирской политике; хотя

все слова и дела его продолжала окрашивать характерная холодность северного теологического дискурса. Имя римского императора, осознал Руис-Санчес, выбрано папой весьма удачно: хоть добрый прищур и сглаживал резкость черт, такой профиль недурно смотрелся бы на монетах имперской чеканки. Руис-Санчеса папа встретил стоя и за всю аудиенцию так ни разу и не присел; во взгляде его, на девять десятых, было искреннее любопытство.

— Изо всех тысяч паломников наших, вероятно, именно вы наиболее нуждаетесь в отпущении грехов, — заметил он по-английски. Чуть в отдалении пошла беззвучно крутиться магнитофонная пленка; дела архивные составляли еще одну, не менее пламенную страсть Адриана VII, как и неукоснительное следование букве текста. — Впрочем, невелика надежда, что удостоитесь вы отпущения. Просто невероятно, чтоб из всей нашей паствы именно иезуит впал вдруг в манихейство. При том, что как раз ваша духовная школа с особым тщанием предостерегает от ошибок этой ереси.

— Ваше святейшество, факты…

— Не будем зря терять времени, — поднял руку Адриан. — Мы уже ознакомились как с вашими

выводами, так и с логическими построениями. В хитроумии вам, святой отец, не откажешь, но налицо и серьезнейший просчет… впрочем, об этом чуть позже. Поведайте сначала нам об этом создании, Эгтвер-чи — не как о воплощении недоброго духа, но как представлялся бы он вам, будь человеком.

Руис-Санчес нахмурился; словечко это, «воплощение», затронуло в нем некую слабую жилку — словно бы что-то кому-то когда-то пообещал и забыл, а теперь поздно. Ощущение напоминало давний кошмарный сон, преследовавший его еще в духовной школе: будто непременно завалит выпускные экзамены, так как по забывчивости пропустил все до единого уроки латыни. Впрочем, теперешнее ощущение было расплывчатым донельзя.

— Ваше святейшество, о нем можно поведать по-всякому, — начал он. — В двадцатом веке литературный критик Колин Уилсон называл подобный тип личности «аутсайдером», или посторонним, и как раз наши теперешние аутсайдеры от него без ума; он проповедник без вероучения, интеллект без культуры, ищущий без цели. По-моему, совестью — в нашем понимании — он наделен; в этом отношении, как и

во многих других, он радикально отличается от остальных литиан. Похоже, он глубоко заинтересован в моральных проблемах, но ко всем традиционным системам морали относится с полным презрением — включая рационалистичную до автоматизма мораль, поголовно практикуемую на Литии.

— И у его аудитории это находит некий отклик?

— Именно так, ваше святейшество, никак иначе. Правда, еще рано говорить, насколько этот отклик широк. Вчера вечером он поставил один чрезвычайно затейливый эксперимент — похоже, как раз с целью ответить на этот вопрос; скоро станет известно, насколько мощная у него опора. Но уже, пожалуй, ясно, что аудиторию его составляют те, кто ощущает отторжение, умственное и эмоциональное, к нашему обществу и главным его культурным традициям.

— Грамотно сформулировано, — к удивлению Руис-Санчеса, отозвался Адриан. — Грядут события непредвидимые, двух мнений быть не может; все дурные знамения указывали на этот год. Инквизиции приказано на какое-то время умерить пыл; мы считаем, лишать сейчас сана было бы шагом крайне немудрым.

Руис-Санчес замер, как громом пораженный. Ни процесса… ни отлучения? Развитие событий происходило в темпе барабанного боя, воскрешая в памяти одуряюще-монотонный ливень Коредещ-Сфата.

— Почему, ваше святейшество? — еле слышно спросил он.

— Мы считаем, вам может быть уготовано Всевышним встать под знамена Святого Михаила, — взвешивая каждое слово, проговорил папа.

— Мне, ваше святейшество? Еретику?

— Ной тоже был несовершенен, если помните, — отозвался Адриан; Руис-Санчесу даже показалось, что по лицу того скользнула усмешка. — Он был всего лишь человек, которому дали еще один шанс. Гете — убеждения которого в значительной степени также были еретическими, — трансформировав легенду о Фаусте, вывел из нее ту же мораль: суть великой драмы всегда в искуплении, и всегда искуплению предшествует крестный путь. К тому же, святой отец, задумайтесь на минуточку об уникальности данного еретического проявления. Откуда вдруг возник в двадцать первом веке одинокий манихей? Что это: дикий, бессмысленный анахронизм — или недоброе знамение?

На несколько секунд он умолк, перебирая четки.

— Разумеется, — добавил он, — очиститься вам необходимо, если сможете. За тем мы вас и вызвали. Как и вы, мы полагаем, что в литианском кризисе без врага рода человеческого не обошлось; но мы не считаем, что требуется хоть в чем-то поступаться догматикой. Все упирается в вопрос о творческой силе. Скажите, святой отец: когда вы впервые убедились, что Лития — это воплощение недоброго духа, как вы поступили?

— Поступил? — заторможенно переспросил Руис-Санчес. — Никак, ваше святейшество… ну, кроме того, что отражено в отчете. Ничего больше мне и в голову не приходило.

— То есть, вы не подумали, что злой дух возможно изгнать, и что власть изгонять вверена Всевышним в ваши руки?

Руис-Санчес впал в совершеннейший ступор.

— Изгнать?.. — выдавил он. — Ваше святейшество… Может, я сглупил; чувствую себя я полным дураком. Но… насколько мне известно, церковь не практикует экзорцизма вот уже два с лишним века. В духовной школе меня учили, что «демонов воздуха» отменила метеорология, а «одержимость» — нейрофизиология. Мне бы такого и в

голову никогда не пришло.

— Не в том дело, что экзорцизм не практикуется — просто не поощряется, дабы избегать профанации, — произнес Адриан. — Как вы только что сами отметили, применять его стали крайне ограниченно, поскольку церковь желала пресечь злоупотребление данным ритуалом — в основном, невежественными сельскими священниками, которые только подрывали репутацию церкви, изгоняя демонов из больных коров, а также совершенно здоровых козлов и черных котов. Но речь, святой отец, не о ветеринарии, погоде или душевных заболеваниях.

— Тогда… не хотите же ваше святейшество сказать, что… что мне следовало подвергнуть экзорцизму целую планету?!

— Почему бы и нет? — сказал Адриан. — Разумеется, то, что вы находились на самой планете, могло как-то, на подсознательном уровне, воспрепятствовать появлению непосредственно тогда подобной мысли. Мы убеждены, что Провидение не оставило бы вас — на небесах определенно; а, может, и в делах мирских. Но это — единственное разрешение вашей дилеммы. Вот если бы экзорцизм не сработал — тогда можно было б уже и в ересь впадать. Ну не проще разве поверить

в коллективную галлюцинацию всепланетного масштаба, — мы-то знаем, что в принципе враг рода человеческого на такое способен, — чем в ересь о Сатане как Творце!

Иезуит склонил голову. Груз собственного ничтожества грозил вдавить его в пол. На Литии почти все часы досуга он убил на скрупулезный разбор книжки, которая, если разобраться, вполне могла быть надиктована тем же врагом; впрочем, ничего существенного Руис-Санчес так и не углядел на всех 628 страницах демонического, безостановочного словесного потока.

— Еще не поздно попытаться, — мягко проговорил Адриан. — Другого пути перед вами нет. — Внезапно лицо его стало суровым, окаменело. — Как мы напомнили инквизиции, сана вы лишены автоматически, с момента, как впустили мерзость эту к себе в душу. В формальном закреплении сей факт не нуждается, — а в силу некоторых соображений как политического, так и духовного толка с формальным закреплением лучше повременить. Пока же вы должны покинуть Рим, доктор Руис-Санчес, и без благословения нашего; и не будут отпущены грехи ваши. Для вас святой год — это год битвы; битвы, трофеем в которой — весь мир. Когда одержите

победу, вам будет дозволено вернуться — но не раньше. Прощайте.

Тем же вечером доктор Рамон Руис-Санчес — мирянин, отягощенный проклятием, — вылетел из Рима в Нью-Йорк. Быстрее и быстрее надвигался потоп нелепых случайностей; вот-вот придет пора строить ковчеги. Но воды вздымались, и слова «В Твою руку предаются они» безостановочно крутились в его усталом мозгу, — но думал он не о кишащих миллиардах обитателей катакомб. Думал он о Штексе; и мысль, что обряд экзорцизма может увенчаться для этого вдумчивого существа, для всей расы его и цивилизации бесследным исчезновением, возвращением в бесплодие и бессилие великого ничто, причиняла муку невыносимую.

В Твою руку… В Твою руку…

XVII

Цифры были что надо. Тех, для кого Эгтверчи сделался символом и рупором их безудержного недовольства, сосчитали — хотя личностей их было, конечно, не установить. Что такие есть, удивляться не приходилось, — криминальная и психиатрическая статистика свидетельствовали о том давным-давно и недвусмысленно, — но

цифры ошеломляли. Похоже, чуть ли не треть живущих в обществе двадцать первого века ненавидели это самое общество до глубины души.

«Интересно, — вдруг пришло в голову Руис-Санчесу, — а будь такой подсчет возможен в любую эпоху, пропорция сохранилась бы?»

— Как по-твоему, может, мне с Эгтверчи поговорить? — поинтересовался он у Микелиса, у которого остановился на какое-то время по возвращении из Рима, да все никак не мог съехать: тот категорически не желал отпускать.

— Ну, по крайней мере, от моих с ним разговоров проку не было никакого, — сказал Микелис. — А у тебя, может, что и выйдет — хотя, признаться, сомневаюсь. Спорить с ним тяжело вдвойне, потому что, похоже, сам он ото всей этой заварухи удовлетворения не получает ни малейшего.

— Аудиторию свою он знает гораздо лучше нас, — добавила Лью. — А с ростом ее численности он, похоже, лишь сильнее озлобляется. Думаю, это постоянно напоминает ему, что по-настоящему своим на Земле он никогда не будет, хоть из кожи вон вылези; что так навсегда и останется изгоем. Он думает, будто интересен только тем, кто и сами изгои, на собственной-то

планете. Конечно, это неправда, но ему кажется именно так.

— Правды в этом достаточно, чтобы разубедить его было крайне маловероятно, — мрачно согласился Руис-Санчес.

Он передвинул кресло, дабы не видеть пчел Лью, прилежно трудившихся за стеклом на залитой солнцем лоджии. В любой другой момент его было б от них клещами не оторвать, но сейчас он не мог позволить себе отвлекаться.

— И, разумеется, как он прекрасно понимает, ему никогда не узнать, что такое быть настоящим литианином, несмотря там на фенотип, генотип… — добавил Руис-Санчес. — Может, Штекса, встреться они, как-нибудь и донес до него эту мысль… или нет, им общаться — и то пришлось бы через переводчика.

— Литианский Эгтверчи изучал, — произнес Микелис. — Но говорит на нем пока очень слабенько; наверно, даже хуже меня. Читать ему нечего, кроме грамматики, которую ты составил — остальные материалы от него до сих пор засекречены; да и поговорить не с кем. Вот он и скрипит, как несмазанная телега. Впрочем, Рамон, переводчиком мог бы выступить ты.

— Да, конечно, мог бы. Только, Майк, это фи-

зически невозможно. Нам никак не успеть переправить Штексу сюда — будь то даже в нашей власти и по средствам.

— Я не о том. Я о «трансконе» — последней разработке Дюбуа, трансконтинуум-радио. Не в курсе, насколько оно уже реализовано в железе… но импульсы Почтовое дерево испускает мощнейшие — может, Дюбуа и засек бы их. Тогда почему бы не поговорить со Штексой? В любом случае, разузнать попробую.

— Рад бы попытаться, — сказал Руис-Санчес. — Впрочем, звучит не больно-то обнадеживающе…

Он осекся и погрузился в раздумье — не то чтобы рассчитывая найти новые ответы (об эту стену он уже предостаточно побился головой), скорее вопросы, какие еще необходимо задать. На мысль его навела внешность Микелиса. Поначалу он был просто шокирован, да и до сих пор не то чтобы свыкся. Химик — высокий, крупный — как-то вдруг постарел: лицо осунулось, а под глазами пролегли четко очерченные желтоватые круги. Лью выглядела не лучше — пусть и не постаревшей, но совершенно несчастной. Между ними явственно ощущалась напряженность — будто им так и не удалось отгородиться друг другом, словно прочным щитом, от напряженно-

сти, которой полон окружающий мир.

— Может, Агронски знает что-нибудь полезное, — едва слышно, проговорил он.

— Может, — отозвался Микелис. — Я видел его только раз, на том званом вечере, где Эгтверчи устроил тарарам. Вел он себя очень странно. Уверен, что он узнал нас, но все время отводил глаза; какое уж там — подойти поговорить. Собственно, даже не припомню, чтоб он вообще хоть с кем-нибудь там беседовал. Сидел себе в углу да на выпивку налегал. Совершенно на него не похоже.

— Как по-твоему, что его туда занесло?

— О, можешь не напрягаться. Он большой поклонник Эгтверчи.

— Кто, Мартин?!

— Эгтверчи сам хвастался. Он говорил, что надеется, в конечном итоге, привлечь на свою сторону всю нашу комиссию. — Микелис поморщился. — Судя по тому, как Агронски там себя вел, скоро ни Эгтверчи, ни кому-либо вообще проку от него не будет ни малейшего.

— Итак, еще одной душой больше на пути к вечному проклятию, — мрачно произнес Руис-Санчес. — Можно было догадаться. Агронски и без того не видел какого-то особенного смысла

жизни, так что Эгтверчи легче легкого было перерезать последнюю ниточку, связывавшую его с реальностью. Именно так обычно зло и делает — опустошает.

— Честно говоря, не уверен, что во всем виноват Эгтверчи, — уныло сказал Микелис. — Он, скорее, симптом. И без того Земля буквально кишит шизофрениками. Если хоть какие-то предпосылки к тому у Агронски были (а были наверняка), единственное, чего не хватало для полноты картины, это вернуться на родную почву; тут-то все буйным цветом и расцвело.

— Мне так не показалось, — возразила Лью. — Из того немногого, что я видела, и что ты мне о нем говорил, у меня сложилось впечатление, будто он до одури нормален — даже немного простоват. Не могу представить, во что бы такое он мог закопаться — и настолько глубоко, чтобы спятить. Или что могло искусить его низвергнуться в твой, Рамон, теологический вакуум.

— В данной вселенной дискурса, Лью, все мы одним мирром мазаны, — удрученно отозвался Руис-Санчес — И, судя по тому, что говорил Майк, вряд ли мы уже сможем как-то Мартину помочь. А он — только… только один отдельно взятый пример того, что творится повсюду, куда достига-

ет голос Эгтверчи.

— В любом случае, ошибочно думать о шизофрении как о душевном заболевании, — сказал Микелис. — Давным-давно, при первых клинических описаниях, англичане называли ее «болезнью водителей грузовиков». Если ж она подкашивает интеллектуала, смотрится более впечатляюще только потому, что тот способен выразить свои ощущения: Нижинский, Ван Гог, Т.Е.Лоуренс[40], Ницше, Уилсон… список длинный, но просто тьфу по сравнению с общим числом случаев, из простых смертных. Которых подкашивает, если сравнить с интеллектуалами, ну, наверно, пятьдесят к одному. Агронски — самая обычная жертва, ни больше, ни меньше.

— Что там с угрозой, о которой ты говорил? — поинтересовался Руис-Санчес. — Вчера вечером Эгтверчи опять был в эфире, и никто не дергался перевести его под вашу опеку. Что, ваш многоипостасный приятель со своим мудреным головным убором только зря сотрясал воздух?

— Похоже, что так, — с надеждой в голосе ска-

---

[40] Примечания: 40

Лоуренс Т.Е. (15.08.1888–19.05.1935), он же «Лоуренс Аравийский» — археолог, ученый, военный летчик, стратег, писатель; легендарная фигура Первой мировой войны на Ближнем Востоке, которую и описал в беллетризованных мемуарах «Семь столпов мудрости» (1926).

зал Микелис. — С тех пор они как воды в рот набрали, так что я могу только догадываться; но не исключено, что твое возвращение спутало им все карты. Они рассчитывали, что тебя публично лишат сана — и теперь все их планы, когда оглашать решение по Литии, пошли наперекосяк. Может, они ждут, что предпримешь ты.

— И я, — мрачно отозвался Руис-Санчес, — жду того же. Может, я ничего и не предприму — что, вероятно, окончательно собьет всех с толку. По-моему, Майк, у них связаны руки. Продукцию «Бифалько» он упомянул открытым текстом только тогда, первый раз — и, наверно, продажи подскочили просто сказочно, раз спонсоры не снимают Эгтверчи с эфира. А какое основание могла бы подвести комиссия ООН по средствам связи, просто ума не приложу. — Он издал смешок. — Они чуть ли не полвека из кожи вон лезли, пытались подвигнуть программы новостей смелее комментировать события; что ж, Эгтверчи — гигантский шаг в этом направлении.

— А я думал, они попытаются привесить ему подстрекательство к бунту, — сказал Микелис.

— Насколько я знаю, ни к какому бунту он не подстрекал, — ответил Руис-Санчес. — Беспорядки во Фриско, судя по всему, вспыхнули

совершенно спонтанно — кстати, среди всего, что показывали, я нигде не заметил в толпе тех его молодчиков, в форме.

— Но он издевался над полицией и восхвалял бунтарский дух, — вставила Лью. — И вообще, всячески потворствовал.

— Потворство и подстрекательство — не одно и то же, — заметил Микелис — Рамон, я, кажется, понял, о чем ты. Он достаточно ушлый, чтобы не предпринимать ничего, что могло бы подвести под статью — а если арестовать без законных оснований, это равносильно политическому самоубийству. Вот уж действительно будет подстрекательство к бунту — со стороны ООН.

— К тому же, что они станут с ним делать, если вынесут обвинительный приговор? — спросил Руис. — Гражданин-то он гражданин, но физиология ведь совершенно другая; впаяй ему тридцатидневный срок, и они уже рискуют получить на руки труп. Полагаю, его можно было бы депортировать — но персоной нон грата его не объявишь, если не признать Литию иностранной державой; а пока доклад не обнародован, Лития считается протекторатом с полным правом вступления в ООН!

— Как же, как же, — сказал Микелис. — Тогда

весь кливеров проект — псу под хвост.

И снова у Руис-Санчеса душа ухнула куда-то далеко-далеко вниз, точно так же, как когда Микелис первый раз поделился новостью.

— Как там у него дела? — поинтересовался он.

— Толком не знаю. Слышал только, что оборудования ему туда шлют тьму-тьмущую. Очередной груз — через две недели. Говорят, сразу по получении Кливер собирается ставить какой-то решающий эксперимент. Значит, довольно скоро — новые корабли летят всего месяц.

— Снова предан, — с горечью произнес Руис-Санчес.

— И что, Рамон, ты совершенно бессилен? — спросила Лью.

— Максимум, что могу, это выступить переводчиком между Штексой и Эгтверчи — если выйдет связаться.

— Да, но…

— Понимаю, о чем ты, — сказал он. — Да, есть одно решительное действие, которое мне под силу. Может, оно и сработает. Собственно, попытаться я просто обязан. — Он уставился на них, не видя. В уши настойчиво лезло пчелиное жужжание, крайне напоминая неумолчную песнь литианских джунглей. — Но, — сказал он, — вряд

ли я на это пойду.

Микелис сдвинул горы. И обычно-то он был весьма грозен, а когда его приперли в угол и оставили единственную лазейку, соперничать с ним мог бы разве что мощный бульдозер.

Люсьен Дюбуа, граф Овернский, экс-прокурор Канарский и пожизненный член научного братства, сердечно принял всю компанию в своем канадском пристанище. Даже при виде сардонически молчаливого Эгтверчи он и бровью не повел; рукопожатие их было таким, будто они старые друзья и не виделись буквально несколько недель. Графу было за пятьдесят, заметно выдавалось брюшко; с ног до головы он казался коричневым: редкие пряди каштановых волос на дочерна загорелом черепе, шоколадного цвета костюм, а в зубах — длинная сигара.

Строение, где он их принял — Руис-Санчеса, Микелиса, Лью и Эгтверчи — было чем-то средним между лабораторией и охотничьим домиком. В глаза бросались открытый камин, грубоватая мебель, стойка с ружьями, лосиная голова и невероятная мешанина проводов и аппаратуры.

— Ни в коей мере не уверен, что оно сработает, — тут же сообщил граф. — Как видите, до сих пор все на стадии доводки. Не упомню уж, сколь-

ко лет не приходилось брать в руки паяльник или вольтметр, так что где-нибудь в этой куче проводов легко может что-то закоротить… Но подпустить электронщика со стороны я просто не мог.

Кивком он пригласил их садиться, подкручивая в то же время какие-то последние верньеры. Эгтверчи остался стоять в тени у дальней стенки, совершенно неподвижно — только едва заметно вздымалась и опадала грудная клетка, да вдруг дергались веки.

— Изображения, разумеется, не будет, — рассеянно произнес граф. — Этот исполинский пьезоэлектрик, что вы описывали, явно не передает в оптическом диапазоне. Но если очень повезет, кое-какой звук, может, и поймаем… Ага.

Динамик, едва выглядывающий из лабиринта проводов, издал треск, а затем приглушенно, сериями коротких импульсов, зашипел. Не иди шипение сериями, Руис-Санчес подумал бы, что это обычные помехи, но граф тут же сказал:

— Что-то поймал в том диапазоне. Никак не ожидал так быстро. Правда, ничего не понимаю.

Руис понимал не больше, да и вообще ему понадобилось какое-то время, чтобы справиться с изумлением и снова обрести дар речи.

— Это… это Почтовое дерево… и сейчас? — все еще недоверчиво поинтересовался он.

— Надеюсь, — сухо отозвался граф. — Зря, что ли, я целый день отфильтровывал все остальное?

Уважение, которое испытывал иезуит к математику, переросло едва ли не в благоговение. Подумать только, эта мешанина — из проводов, черных радиолампочек-желудей, красных и коричневых цилиндриков наподобие хлопушек, конденсаторов переменной емкости с их перекрывающимися плоскостями яркого железа, тяжелых катушек индуктивности и перемигивающихся датчиков — прямо сейчас, в этот момент, тянулась незримым ухом в обход пятидесяти световых лет нормального пространства — времени и подслушивала импульсы, излучаемые кристаллическим утесом под Коредещ-Сфатом…

— Можете немного сдвинуться по диапазону? — наконец спросил он. — По-моему, это «маячок» — тамошние навигационные импульсы, вроде координатной радиосетки. Где-то еще тут должна идти аудиоволна…

Но, вспомнилось ему вдруг, та волна никак не могла быть аудиоволной. Никто не общался с Почтовым деревом напрямую — только с лити-

анином, который стоял в центре зала. А уж как там он преобразовывал послание в радиоволны, никому из землян не объяснялось.

Но вдруг прорезался голос.

— …от Дерева энергоотвод мощный, — четко, ясно, бесстрастно произнес голос по-литиански. — Принимает кто? Слышите меня? Направление приема не понимаю я. Кажется, изнутри Дерева, невозможно что. Понимает меня кто-нибудь?

Ни слова не говоря, граф сунул микрофон в руки Руис-Санчесу. Рамон обнаружил, что его колотит.

— Мы вас понимаем, — с дрожью в голосе ответил он по-литиански. — Мы на Земле. Как слышите?

— Удовлетворительно, — тут же отозвался голос. — Поняли мы, невозможно то, что говорите вы. Но выяснили позже мы, не всегда верно то, что говорите вы. Что нужно вам?

— Я хотел бы поговорить со Штексой, металлургом, — сказал Руис. — Это Руис-Санчес, я был в Коредещ-Сфате в прошлом году.

— Можно вызвать его, — бесстрастно произнес далекий голос; прорезались помехи и, пошипев несколько секунд, стихли. — Если пожелает говорить с вами он.

— Передайте, — сказал Руис-Санчес, — что его

сын, Эгтверчи, тоже хочет поговорить с ним.

— Не сомневаюсь тогда, — произнес голос после паузы, — что подойдет он. Но нельзя долго говорить на канале этом. Направление, откуда идет сигнал ваш, вредит рассудку моему. Можете ли модулированный сигнал принять вы, если удастся послать нам?

Микелис зашептал на ухо графу; тот энергично закивал, указывая на динамик.

— Мы вас и так принимаем через демодулятор, — сказал Руис — Как вы передаете?

— Не могу этого объяснить я, — произнес бесстрастный голос — Не могу дольше говорить с вами я, повредусь иначе. Позвали Штексу.

Голос умолк, и надолго стало тихо. Руис-Санчес тыльной стороной ладони отер пот со лба.

— Телепатия? — пробормотал за спиной Микелис. — Нет, где-то идет включение в электромагнитный спектр. Но где? Бог ты мой, да мы почти ничего о Дереве и не знаем!

Граф сумрачно кивнул. В датчики свои он вперился совершенно по-ястребиному — но, судя по выражению лица, ничего нового они ему не сообщали.

— Руис-Санчес, — произнес динамик.

Руис подскочил. Голос был Штексы, громкий и

четкий. Обернувшись, Руис махнул рукой, и из тени выступил Эгтверчи. Тот не торопился. Даже походка его казалась вызывающей.

— Штекса, это Руис-Санчес, — сказал Руис — Я говорю с Земли — один из наших ученых разработал новую экспериментальную систему связи. Мне нужна ваша помощь.

— Сделать что смогу, рад буду я, — отозвался Штекса. — Жаль, не возвратились вы с землянином другим. Ему не столь рады были мы. Выкорчевали один из прекраснейших лесов наших возле Глещтъэк-Сфата он и друзья его и построили здесь, в городе, здания некрасивые.

— Мне тоже жаль, — произнес Руис-Санчес. Слова не выражали и малой доли того, что он чувствовал, но всего Штексе не объяснишь, да и это было бы незаконно. — Я не теряю надежды когда-нибудь вернуться. Но я звал вас поговорить о вашем собственном сыне.

Повисла недолгая пауза, в течение которой динамик приглушенно и нехарактерно резко шипел, едва ли не повизгивал — смутно знакомо, но вспомнить звук никак не удавалось; видимо, некий фоновый шум — то ли из зала, то ли даже снаружи Дерева. Четкость приема была изумительной; никак не верилось, что Дерево в

пятидесяти световых годах.

— Взрослый уже Эгтверчи, — произнес голос Штексы. — Повидал много чудес мира вашего он. С вами он?

— Да, — ответил Руис-Санчес, и снова его прошиб пот. — Но он не знает вашего языка. Я попробую переводить.

— Странно это, — сказал Штекса. — Но послушаю я голос его. Когда домой собирается, спросите у него; много что есть рассказать ему.

Руис перевел вопрос.

— Нет у меня дома, — безразлично отозвался Эгтверчи.

— Эгтверчи, не могу же я так ему и передать. Скажи что-нибудь вразумительное, ради всего святого. Сам знаешь, ты ведь обязан Штексе своим существованием.

— Может, как-нибудь и надо бы навестить Литию, — произнес Эгтверчи; на глазах у него опустилась мигательная перепонка. — Но я никуда не тороплюсь. Пока у меня много дел и на Земле.

— Я слышу его, — сказал Штекса. — Тонок голос его; не так высок сын мой, как наследственностью обусловлено, если не болен он. Что ответил он?

Переводить с пояснениями попросту не было

времени. Руис-Санчес передал ответ фактически дословно.

— Значит, — произнес Штекса, — дела важные у него. Хорошо это, и щедро крайне со стороны вашей. Правильно, что не торопится он. Чем занимается, спросите у него.

— Сею раздор, — отозвался Эгтверчи, и ухмылка его стала чуть шире.

Перевести такое дословно Руис-Санчес не мог; подобного понятия в литианском не было и быть не могло. Потребовались четыре длиннейших фразы, чтобы кое-как — и то с большими неточностями — донести до Штексы смысл сказанного.

— Значит, действительно болен он, — произнес Штекса. — Сказать надо было мне, Руис-Санчес. И лучше к нам отослать его. Не вылечить как должно там его вам.

— Он не болен и никуда не полетит, — тщательно подбирая слова, проговорил Руис-Санчес. — Он земной гражданин, и никто не вправе его заставить. Вот почему я просил позвать вас. Штекса, у нас с ним неприятности. Он… делает нам плохо. Я надеялся, у вас получится его переубедить; мы тут бессильны.

Снова — только громче — прорезался тот же нехарактерный звук, визгливый металлический

рык, и стих.

— Ненормально и неестественно это, — сказал Штекса. — Не распознаёте его болезнь вы. Я — тоже, но не врач я. Отправить его нам должны вы. Ошибся, как вижу, с даром я. Передайте, что призывается домой он, по закону целого.

— Не слышал ни о каком законе целого, — заявил Эгтверчи, когда ему перевели. — Сомневаюсь, что вообще такой есть. Я сам себе закон, по мере надобности. Передайте ему, что если будет продолжать в том же духе, я в эту дыру вообще никогда не сунусь; скукотища там, должно быть, жуткая.

— Эгтверчи, чтоб тебя!.. — взорвался Микелис.

— Тихо, Майк, хватит. Эгтверчи, до настоящего момента ты соглашался с нами сотрудничать; по крайней мере, сюда явился. Ты что это — специально ради удовольствия перечить отцу и оскорблять его? Штекса гораздо умнее тебя; почему бы тебе хоть на минутку не прекратить это ребячество и не послушать его?

— Потому что не хочу, — ответил Эгтверчи. — И от ваших, приемный отец мой, речей вкрадчивых никак не захочу. Не виноват же я, что родился литианином и что вырос на Земле — но теперь я в полном праве поступать как вздумается и

никому не давать отчета, если так нравится.

— Тогда зачем ты сюда пришел?

— Не вижу, с чего вдруг я должен объясняться, но, так и быть, объяснюсь. Я пришел услышать голос отца. Вот, услышал. Не понимаю, что он там говорит, да и в вашем переводе немногим яснее выходит — вот, собственно, и все тут. Передайте от меня «прощайте», не желаю больше с ним говорить.

— Что говорит он? — спросил голос Штексы.

— Что он не признает закона целого и домой не вернется, — сказал Руис-Санчес в микрофон; тот едва не выскальзывал из потной ладони. — И он просит сказать «прощайте».

— Прощайте тогда, — сказал Штекса. — Прощайте и вы, Руис-Санчес. Вина моя, и горечь переполняет меня; но слишком поздно уже. Может, не поговорить никогда больше уж нам, даже с помощью дивного прибора вашего.

Снова прорезался странный, смутно знакомый визг, поднялся до оглушительного, звериного рыка и грохотал добрую минуту. Руис-Санчес выждал, пока тот хоть немного поутихнет.

— Почему, Штекса? — хрипло спросил он, когда, как ему казалось, голос мог пробиться сквозь шум. — Вина не только ваша, наша ничуть не

меньше. Я по-прежнему ваш друг и желаю вам добра.

— И вам друг я и добра желаю, — произнес голос Штексы. — Но, может, не поговорить уж нам. Не слышите разве лесопильных машин вы?

Так вот что это за звук!

— Да-да. Слышу.

— Вот почему, — произнес Штекса. — Спиливает Почтовое дерево друг ваш Хливьер.

В квартире Микелиса царило уныние. Близилось время очередной передачи Эгтверчи, и все очевидней становилось, что давешний прогноз оправдывается: ООН, по сути, бессильна. Открыто Эгтверчи не торжествовал, хотя в некоторых газетных интервью его всячески искушали; но он туманно намекнул на некие глобальные планы, которые, может, получат развитие во время следующего эфира. Слушать передачу у Руис-Санчеса не было ни малейшего желания — но хочешь, не хочешь, а приходилось признать, что удержаться вряд ли выйдет. Он не мог позволить себе игнорировать новых данных, которые передача наверняка выявит. До сих пор, правда, что б ему ни удавалось узнать, ни к чему хорошему это не приводило, — но упускать шанса, пусть и сколь угодно мизерного, все равно не следовало.

Тем временем надлежало как-то разобраться с Кливером и его приспешниками. Как ни крути, а все ж они человеческие души. Если каким-либо образом Руис-Санчесу придется пойти на то, что повелел Адриан VII, и у него получится, исчезнет не просто набор привлекательных галлюцинаций. Несколько сотен душ человеческих подвергнутся мгновенной смерти и — вероятно, и даже более чем — проклятию; как-то не верилось Руис-Санчесу, будто десница Господня протянется с небес во спасение тех, кто замешан в проекте вроде кливеровского. Но так же неколебимо был он убежден, что не ему осуждать на смерть кого бы то ни было, тем более на смерть без покаяния. Сам-то Руис уже осужден — но пока не за убийство. Помнится, Тангейзеру было сказано, что обрести вечное спасение у него не больше шансов, чем у паломнического посоха в его руке — зацвесть. А у Руис-Санчеса — не более, чем убийству получить священную санкцию. Тем не менее так повелел его святейшество; со словами, что это — единственная дорога назад, открытая для Руис-Санчеса и всего мира. Папа явно имел в виду, что разделяет мнение Руис-Санчеса, будто мир стоит на грани Армагеддона; и открытым текстом сказал, что отвратить сие способен один

Руис-Санчес. Разница между ними только доктринальная, а именно в вопросах доктрины папа непогрешим…

Но если возможно, что неверен догмат о творческом бесплодии Сатаны, почему бы не поставить под сомнение догмат о папской непогрешимости? В конце концов, это сравнительное нововведение; изрядно пап римских обходились и без него.

«Ересь, — подумал Руис-Санчес (в который уж раз), — никогда не приходит одна. Невозможно выдернуть лишь одну нить; стоит только потянуть, и на тебя накатывается вся масса.

Верую, о Господи; помоги мне в моем неверии. Нет, бесполезно. Такое впечатление, будто молишься — а Бог отвернулся спиной».

В дверь постучали.

— Рамон, ты идешь? — усталым голосом поинтересовался Микелис. — Через две минуты начинается.

— Иду, Майк.

Настороженно, заранее ощущая поражение, они расселись перед репродукцией Клее в ожидании… чего? Разве что объявления тотальной войны. Осталось только узнать, в какой форме.

— Добрый вечер, — тепло поприветствовал их из рамы Эгтверчи. — Сегодня новостей не будет.

Надоело излагать, займемся-ка для разнообразия чем-нибудь более творческим. Очевидно, настало время тем, кто обычно попадает в новости, — тем бедолагам, чьи скорбные потрясенные лица вы видите в газетах и передачах стереовидения вроде моей, — отбросить свою беспомощность. Сегодня я призываю всех вас проявить презрение к лицемерствующим большим шишкам — и продемонстрировать, что в полной вашей власти освободиться от них… У вас есть что им сказать. Скажите им вот что. Скажите: «Господа, мы не скот, мы — великий народ». Я буду первым. Начиная с сегодняшнего дня, я отказываюсь от гражданства Объединенных Наций и от подданства катакомбных государств. Отныне я — гражданин…

Микелис, вскочив на ноги, выкрикивал что-то нечленораздельное.

— …гражданин единственно той державы, что ограничена пределами моего «я». Понятия не имею, что это за пределы, может, и никогда не узнаю, но посвящу свою жизнь их отысканию — теми способами, какие угодны мне, и никакими иными… Вы должны сделать так же. Порвите свои регистрационные карточки. Если спросят ваш серийный номер, отвечайте, что нет и ни-

когда не было. Не заполняйте никаких бланков. Оставайтесь на поверхности после гудка сирены. Столбите участки; растите урожай; не возвращайтесь под землю. Никакого насилия; просто отказывайтесь подчиняться. Никто не вправе ни к чему вас принудить, раз вы не являетесь гражданами. Главное — это пассивность. Отрекайтесь, противьтесь, отрицайте!.. Начните прямо сейчас. Через полчаса будет поздно, вас подавят. Когда…

Резкий, настойчивый зуммер перекрыл голос Эгтверчи, и на мгновение экран заполнило черное с красным шашечное поле — ООН'овская заставка срочного вызова. Затем в своем неподражаемом головном уборе возник ООН'овец, сквозь которого едва-едва, силуэтно просматривался Эгтверчи, и проповедь его доносилась тихим фоновым шепотом.

— Доктор Микелис, — возбужденно выпалил ооновец. — Готов, голубчик наш! Перестарался. Как не-гражданин он теперь в наших руках. Давайте скорее сюда — вы нужны нам немедленно, пока передача не кончилась. И доктор Мейд тоже.

— Зачем?

—

Подписать заявление насчет nolo contendere[41]. Вы оба под арестом за незаконное содержание дикого животного — не волнуйтесь, это простая формальность. Но вы нам нужны. Мы собираемся засунуть мистера Эгтверчи в клетку до конца жизни — звуконепроницаемую клетку.

— Вы совершаете ошибку, — тихо проговорил Руис-Санчес.

ООН'овец — чье лицо являло маску триумфа — на мгновение скосил на него горящий взгляд.

— А вас никто и не спрашивал. На ваш счет приказов не поступало, но, что касается меня, вы тут уже с боку-припеку. И не стоит соваться опять, обожжетесь. Доктор Микелис, доктор Мейд? Так как, сами приедете или за вами послать?

— Сами приедем, — холодно отозвался Микелис — Конец связи. — И, не дожидаясь ответа, погасил экран.

— Что скажешь, Рамон — ехать или не ехать? — спросил он. — Если нет, остаемся здесь, и пусть катится ко всем чертям. Или, если хочешь, можешь поехать с нами.

— Нет-нет, — ответил Руис-Санчес. — Поезжайте. Станете артачиться, только хуже выйдет.

---

[41] Примечания: 41

Nolo contendere (латин.) — дословно: «не возражаю»; юридическая форма подтверждения согласия.

Сделайте мне только одно одолжение.

— С удовольствием. Какое?

— Не высовывайтесь на улицу. Доберетесь до ООН — пусть они подыщут вам местечко. Раз вы под арестом, есть же у вас право на кутузку.

Микелис и Лью изумленно уставились на него. Наконец до Микелиса дошло.

— По-твоему, это так серьезно? — спросил он.

— Да. Обещаете?

Микелис перевел взгляд на Лью; потом сумрачно кивнул. Они вышли. Начинался развал катакомбного государства.

XVIII

На три дня воцарился хаос. Руис-Санчес с самого начала наблюдал за ходом событий по микелисовскому стереовизору. Временами его тянуло еще и выглянуть с балкона на улицу, но от рева толпы, выстрелов, взрывов, полицейских свистков, сирен и прочих неопознанных шумов пчелы совершенно обезумели; так что, Руис-Санчес не рискнул бы доверить свою жизнь защитным комбинезонам Лью — даже если бы какой-нибудь на него и налез.

ООН'овский спецназ достаточно грамотно попытался перехватить Эгтверчи прямо в теле-

студии, но его там уже не было — собственно, его там не было вообще. Аудио-, видеосигнал и коды стереоразвертки передавались в студию неизвестно откуда по коаксиальному кабелю. Подсоединение произошло в последнюю минуту, когда стало ясно, что Эгтверчи не появится, а некий техник добровольно пролил свет на реальное положение дел и произвел подключение; жертва пешки при розыгрыше гамбита. Телевизионное начальство тут же известило кого положено в ООН, но следующая жертвенная пешка позаботилась, чтобы извещение отправилось путешествовать по инстанциям.

Допытаться у техника с «QBC», где подпольная студия Эгтверчи, удалось только к утру (от пешки из ООН'овского секретариата толку заведомо не было бы), — но к этому времени, разумеется, Эгтверчи там и след простыл. А весть о неудавшейся попытке ареста уже украсила первые полосы подземной периодики по всему миру.

Впрочем, даже эти новости дошли до Руис-Санчеса с некоторым опозданием, так как шум на улице поднялся немедленно после первого же объявления. Поначалу шум был нестройным и беспорядочным, будто улицы постепенно наполнялись людом, который чем-то сердит или

недоволен, но расходится во мнениях, что бы такое по этому поводу учинить, да и учинять ли что-либо. Потом внезапно звук изменился, и Руис-Санчес понял, что скопление народа превратилась в толпу. Вряд ли крики сделались громче — скорее, слились вдруг в леденящий душу единый рев, словно подавало голос некое исполинское аморфное чудовище.

При всем желании, Руис-Санчесу было бы не узнать, что послужило толчком к трансформации, да и в самой толпе вряд ли это понимали. Но теперь поднялась стрельба — редкие одиночные выстрелы; однако там, где только что никакой стрельбы не было, и один выстрел — канонада. Часть общего рева выделилась и приобрела еще более леденящее душу, какое-то гулкое звучание; только когда пол под ногами едва ощутимо завибрировал, Рамон догадался, к чему бы это.

Щупальце чудовища проникло в здание. Ничего другого, запоздало осознал Руис-Санчес, ожидать и не приходилось. Жить на поверхности не без оснований почиталось за привилегию влиятельных и обеспеченных — тех, кто имел достаточно связей в аппарате ООН, чтобы продраться через все бюрократические рогатки, и кто мог позволить себе столь экзотическую прихоть;

все равно, что в прошлом веке ездить на службу в Нью-Йорк из Мэна — вот, где живут они…

Руис-Санчес торопливо проверил запоры. Замков на двери было изрядно — реликт заключительного этапа гонки убежищ, когда гигантские наземные комплексы, оставаясь безо всякого присмотра, прямо-таки напрашивались на грабеж, — но долгие годы никто замками не пользовался. Теперь Руис воспользовался всеми сразу.

И очень вовремя. С пожарной лестницы донесся топот множества ног, затем с площадки сразу за дверью — грязная ругань. Лифтом толпа инстинктивно пренебрегла — слишком уж тот медлителен, чтобы сносить бездумную дикость, слишком тесен для беззакония, вопиюще механистичен для тех, кто передоверил мыслительный процесс мускулатуре.

Дверную ручку затрясли, потом что есть сил дернули.

— Заперто, — сказал приглушенный голос.

— Ломай на фиг. Ну-ка, подвинься…

Дверь дрогнула, но легко устояла. Последовал толчок потяжелее, будто несколько человек приложили плечо синхронно и с разбегу; Руис-Санчес четко расслышал натужное хэканье. Потом в

дверь увесисто замолотили, пять раз подряд.

— Открывай, ты, там! Открывай, стукач вонючий, а то выкурим!

Похоже, внезапная угроза изумила всех, в том числе самого крикуна. За дверью неясно зашептались.

— Ладно, — хрипло сказал кто-то, — только притащите бумаги, там, или еще чего.

Руис-Санчес сбивчиво подумал, что надо бы найти ведро и набрать воды — хотя он с трудом представлял, как тут огню заняться (рамы у двери не было, а порог примыкал вплотную, без малейшей щели), — но откуда-то из дальнего конца лестничной площадки донесся неразборчивый крик, и вся толпа, топоча, устремилась туда. Судя по незамедлительно донесшемуся грохоту, они вломились в какую-то из соседних квартир — либо нежилую и незапертую, либо жилую, но в данный момент пустующую и запертую кое-как. Да, скорее, второе: вслед за звоном бьющихся окон послышался характерный хруст — разносили в щепки мебель.

Затем, к ужасу Руис-Санчеса, голоса их стали доноситься откуда-то сзади. Он волчком развернулся, но в квартире никого, вроде, не было: крики доносились со стороны лоджии-солярия,

но там, разумеется, тоже никого не могло быть…

— Бог ты мой! Глянь только, балкон застекленный! Целый чертов сад!

— Да, блин, под землей никакого тебе чертова сада.

— А на чьи всё бабки? На наши, вот на чьи!

Они на соседнем балконе, догадался Руис-Санчес. Волной накатило облегчение — совершенно иррациональное, как сам он прекрасно понимал; что следующие крики незамедлительно и подтвердили.

— Тащи-ка сюда ту растопку. Нет, что-нибудь потяжелее. Кидать чтобы, дурень.

— А переберемся?

— Лестницу бы перекинуть…

— Высоковато будет…

Мелькнули ножки стула, и стекло брызнуло осколками. Последовала тяжелая ваза.

Из ульев хлынули пчелы. Руис-Санчес никак не думал, что их там столько. Воздух в лоджии, казалось, сгустился и почернел. Секунду — другую стояло неуверенное гудение. Так и так, бреши в стекле отыскались бы почти сразу, но с соседнего балкона — откуда ж им знать, что тут такое, — чудищам насекомого мира дали идеальную подсказку. Нечто маленькое и тяжелое — может,

обломок трубы из ванной — выбило очередное стекло и просвистело в самую гущу роя. Рыча, как древний самолетный двигатель, рой устремился в проем.

Повисла мертвая тишина — секундой позже взорвавшаяся воплем, исполненным такой муки и ужаса, что у Руис-Санчеса внутри все сжалось. Затем вопить принялись все. На мгновение одна фигура обрисовалась на фоне неба — безостановочно молотящим руками воздух, устремленным в никуда силуэтом в пестром черно-желтом ореоле. Громкий топот выбил за дверью барабанную дробь; кто-то упал. Вслед по коридору потянулось басовитое жужжание.

Добавились крики откуда-то снизу. На открытом воздухе полосатые чудища долго не протянули бы, зато разлетелись по зданию. Некоторые, может, даже доберутся до улицы, вниз по лестничным пролетам.

Через некоторое время все человеческие звуки стихли; здание наполнило насекомое гуденье. Из-за двери донесся стон, и снова стало тихо.

Руис-Санчес знал, что должен делать. Он прошел на кухню, где его стошнило, а затем втиснулся в сшитый на Лью комбинезон пасечника.

Он был уже не священник; собственно, даже не

католик. Благодати его лишили. Но соборовать в случае надобности — долг каждого, кто знает, как это делается; точно так же, как с крещением. Что далее с душой, таким образом соборованной, когда отлетит, — одному Богу ведомо, ибо человек предполагает, а Господь располагает; но Он повелел, чтоб ни одна душа не представала перед Ним, не исповедавшись.

Лежавший перед самой дверью был мертв. По привычке перекрестившись, Руис-Санчес переступил через тело, старательно отводя взгляд. Не больно-то это вдохновляющее зрелище — умерший от анафилактического шока.

Взломанную квартиру с прилежанием разнесли в пух и прах. В гостиной лежали трое — тут медицина была бессильна. Правда, кухонная дверь оказалась заперта; если у кого-то хватило ума забаррикадироваться там от основного роя, он мог бы пришлепнуть несколько пчел, что проникли-таки, и…

Словно в подтверждение, за дверью застонали. Руис-Санчес надавил плечом, но защелка была на полоборота выдвинута. Ему удалось отжать дверь дюймов на шесть и протиснуться в щель.

На полу — невероятно опухший, в черных пятнах — корчился Агронски.

Района геолог не узнал; ему было уже не до того. В стекленеющих глазах не читалось ни капли разума. Руис-Санчес неуклюже опустился на колени; комбинезон был мал и крайне стеснял движения. В уши проникло собственное бормотание — формула обряда, — но едва ли Агронски слышал его латынь, да и сам он не разбирал ни слова.

Это ни в коем случае не могло быть случайным совпадением. Он явился сюда отпускать грехи — если такому, как он, все еще дозволено отпускать грехи, — и вот перед ним самый невинный из коллег-комиссионеров, сраженный там, где Руис-Санчес не мог бы на него не наткнуться. Нет, нынче в мире явлен Бог Иова — никак не Бог Псалмопевца[42] или Христа. Лик, склоненный с небес к Руис-Санчесу, был лик Бога ревнителя и мстителя[43] — Бога, сотворившего преисподнюю прежде, чем человека, ибо ведал, что пригодится. Ужасную истину эту запечатлел Данте; и, видя у самого колена своего почерневшее лицо с выва-

[42] Примечания: 42

Псалмопевец — царь Давид.

[43] Примечания: 43

«Господь есть Бог ревнитель и мститель; мститель Господь и страшен в гневе: мстит Господь врагам Своим, и не пощадит противников Своих» (Ветхий Завет, Книга пророка Наума, 1:2).

ленным языком, Руис-Санчес осознал, что Данте был прав — как в глубине души осознает, читая «Божественную комедию», каждый католик.

В мире явлен демонопоклонник. Лишить благодати должно его, а затем призвать соборовать друга. По этому знамению пусть осознает, кто он есть такой.

Вскоре Агронски задохнулся, подавившись собственным языком.

Но это еще не всё. Теперь необходимо досконально прочесать квартиру Майка, избавиться от пчел, которые могли туда проникнуть, и позаботиться, чтобы из разлетевшегося роя никто не уцелел. Задача не ахти какая сложная. Руис-Санчес просто затянул бумагой рамы с выбитым стеклом. Питаться пчелам было негде, кроме как у Лью в солярии; через несколько часов они вернутся; не в силах проникнуть внутрь, примерно часом позже они умрут от голода. Для полета пчелы приспособлены не лучшим образом; поддерживают себя в воздухе они, постоянно расходуя энергию, — короче, грубой силой в чистом виде. Обычные пчелы в подобной ситуации продержались бы полдня; тетраплоидным чудищам Лью хватит и нескольких часов свободной жизни.

Пока Руис-Санчес управлялся с этими безотрадными делами, стереовизор продолжал себе бормотать. Ясно было одно: хаос царит отнюдь не местного значения. По сравнению с этим Коридорные бунты 1993 года представлялись не более чем упреждающим сполохом.

Четыре «потенциальные цели» — как, по старой памяти, называли подземные мегалополисы — оказались в полной блокаде. Откуда ни возьмись появились давешние молодчики в черной форме и захватили центры управления. В данный момент они держали заложниками — в качестве своего рода охранного свидетельства для Эгтверчи — двадцать пять миллионов человек, из которых миллионов, наверно, пять находились с захватчиками, можно сказать, в тайном сговоре. В прочих же местах все происходило куда хаотичней — правда, некоторые выплески вандализма явно были тщательно спланированы, судя, хотя бы, по грамотной установке взрывпакетов, — но в любом случае ни о какой «пассивности», ни о каком «ненасилии» и речи не было.

Удрученный, в тоске, да еще и проклятый, Руис-Санчес пережидал грозу в тиши микелисовских домашних джунглей — будто бы часть Литии отправилась за ним следом и, нагнав, обволокла

кругом.

По истечении трех первых дней страсти поостыли достаточно, чтобы Микелис и Лью рискнули вернуться домой на ООН'овском броневике. На них лица не было — как, подозревал Руис-Санчес, и на нем самом; похоже, недосып у них накопился чудовищный. Про Агронски он решил ничего не говорить — хоть от этого ужаса он их избавит. Правда — ничего не попишешь — пришлось объяснять, что случилось с пчелами.

Лью грустно повела плечиком; и почему-то видеть это Руис-Санчесу было куда тяжелее, чем даже Агронски — три дня назад.

— Как, нашли его уже? — хрипло поинтересовался Рамон.

— То же самое мы у тебя хотели спросить, — сказал Микелис. Краем глаза высокий химик углядел свое отражение в зеркале над цветочными ящиками и скривился. — Ничего себе щетина. В ООН все слишком деловые, рассказывать, что творится, им некогда — только на бегу и урывками. Мы-то думали, ты слышал объявление какое-нибудь.

— Нет, ничего не слышал… «QBC» передавали, что в Детройте тамошние линчеватели сдались.

— У-гу, и смоленские головорезы тоже; через

час или чуть раньше должны сообщить. Никогда бы не подумал, что эту операцию удастся успешно провернуть. В коридорах-то ООН'овский спецназ наверняка ориентируются хуже, чем даже местный. В Смоленске просто перекрыли пожарные двери и отвели кислород — те голубчики и понять не успели, что происходит. Двоих, правда, так и не откачали.

Руис-Санчес автоматически перекрестился. На стене продолжала глухо бормотать картинка Клее; стереовизор не выключался с самой передачи Эгтверчи.

— Не уверен, что меня тянет эту хреновину слушать, — мрачно сказал Микелис; громкость тем не менее увеличил.

Существенных новостей так и не было. В основном, беспорядки постепенно затихали — хотя кое-где и не думали. В должное время объявили насчет Смоленска, предельно сжато. Обнаружить Эгтверчи так до сих пор и не удалось, хотя ООН'овские чины вот-вот обещали некий прорыв.

— «Вот-вот»? Черта с два! — фыркнул Микелис. — Они в полном тупике. Думали, что сцапают его тепленьким наутро после передачи — вычислили, где он собирался отсиживаться и осуществлять общее руководство. Только его там

не оказалось — улизнул из-под самого носа и явно в большой спешке. И никто из его организации не в курсе, куда он подался — должен был быть там, и то, что его там нет, подействовало на них, как ушат холодной воды.

— Значит, в бегах, — предположил Руис-Санчес.

— Утешение еще то, — фыркнул Микелис. — Бежать-то ему куда? Что, его где-то не узнают? И, кстати, как бежать? Не будет ведь он голым по улицам мотаться, или, там, на общественном транспорте ездить. Нет, чтобы такому чудику как-то скрытно передвигаться — это хорошая организация в помощь нужна; а его-то организация озадачена не меньше ООН. — Он зло ткнул на стереовизоре кнопку «выкл.»

Лью повернулась к Руис-Санчесу; личико ее, устало осунувшееся, перекосила гримаса ужаса.

— Значит, ничто еще не кончилось? — безнадежно произнесла она.

— Далеко не кончилось, — отозвался Руис-Санчес. — Может, разве что, наиболее бурная фаза позади. Если Эгтверчи в течение нескольких дней не проявится, я готов заключить, что он мертв. Если он как-то где-то действует, то просто не может все это время оставаться незамечен-

ным. Конечно, всех наших проблем его смерть не решит — но хоть одним дамокловым мечом станет меньше.

«И даже это, — молчаливо признался он, — не более чем благие пожелания. К тому же, как убьешь галлюцинацию?»

— Надеюсь, хоть в ООН кое-чему научились, — произнес Микелис. — В одном Эгтверчи надо отдать должное: он заставил выплеснуться наружу все общественное недовольство, копившееся и копившееся под бетоном. А также за внешне монолитным фасадом. Теперь придется что-то делать — хоть даже взяться за молотки и зубила, снести к черту все эти убежища и начать по новой. Обойдется это явно не дороже, чем восстанавливать уже снесенное. В одном можно быть уверенным: задушить лозунгами бунт такого масштаба ООН не удастся. Что-то им придется делать. Картинка Клее издала трель.

— И не подумаю отвечать, — сквозь стиснутые зубы процедил Микелис. — И не подумаю. С меня хватит.

— Может, не стоит, Майк? — сказала Лью. — Вдруг… новости какие-нибудь?

— Новости! — фыркнул Микелис, и прозвучало это как ругательство.

Впрочем, уговорить себя он позволил. За пеленой усталости Руис-Санчес явно ощутил огонек живого тепла, будто бы за эти три дня друзья его достигли некой глубины чувств, ранее недостижимой. Видение перемен к лучшему — пусть и столь малых — ошеломило его. Уж не начинает ли он, подобно всем демонопоклонни-кам, тешиться мыслью о неискоренимости зла — или, по крайней мере, предвкушать неискоренимость?

Звонил ООН'овец. Лицо его под вычурным шлемом искажала диковиннейшая гримаса, а голову он держал набок, будто силясь расслышать первое слово. И внезапно Руис-Санчеса ослепила вспышка озарения; шлем представился ему в истинном свете, а именно как затейливо закамуфлированный слуховой аппарат. ООН'овец был туг на ухо и, подобно большинству глухих, стыдился этого. Нагромождение архитектурных излишеств служило для отвода глаз.

— Доктор Микелис, доктор Мейд, доктор Руис, — произнес тот. — Не знаю даже, как и начать. Впрочем, нет; в первую очередь, прощу прощения, что в прошлый раз был так груб. И таким идиотом. Мы ошиблись — Господи Боже, как мы ошиблись! Теперь ваша очередь. Если не откажете в одолжении… вы нам крайне нужны.

Впрочем, если откажете, не вправе настаивать.

— Что, даже без угроз? — явно не желая идти на мировую, презрительно поинтересовался Микелис.

— Да, без угроз. Пожалуйста, примите мои извинения. Сейчас речь исключительно об одолжении… по просьбе Совета безопасности. — Лицо его внезапно исказилось, но тут же он взял себя в руки. — Я… сам вызвался просить вашей помощи. Вы срочно нужны нам, все трое, — на Луне.

— На Луне! Зачем?

— Мы обнаружили Эгтверчи.

— Невозможно, — сказал Руис-Санчес, гораздо резче, чем намеревался. — Как бы он туда добрался? Он что, мертв?

— Нет, не мертв. И он не на Луне — я имел в виду совсем другое.

— Так где же он, ради всего святого?

— Летит домой, на Литию.

Полет на Луну — рейсовым грузовозом — выдался утомительный, бестолковый и долгий. Поскольку при вылазках в пределах лунной орбиты принцип Хэртля оказывался без дела (в противном случае было бы вовек не попасть в цель — сплошные недолеты-перелеты), ракетная техника оставалась на уровне времен фон Брауна.

Только когда их пересадили из ракеты в луноход, и тот, вздымая плицами колес фонтанчики лунной пыли, пошлепал к обсерватории графа Овернского, Руис-Санчес удосужился свести воедино разрозненные фрагменты картинки.

Эгтверчи обнаружили на борту корабля, который вез Кливеру последнюю партию оборудования. Обнаружили полумертвым, на третий день полета. Это была явная импровизация, последний отчаянный шаг: запереться в контейнер, адресованный Кливеру, с пометкой «Хрупко! Радиоактивно! Не кантовать!» — и обычным почтовым экспрессом проследовать в космопорт. Даже нормальному литианину пришлось бы тут несладко; что уж говорить об Эгтверчи, и без того хиловатом, да еще после стольких часов в бегах.

На том же корабле — не такое уж невероятное совпадение — была установлена опытная модель «петардовского» трансконтинуум-радио; в первый же сеанс связи капитан поделился новостью с графом, а тот по обычному радио поставил в известность ООН. Литианина тут же посадили под арест, но он пребывал в добром здравии и, похоже, не унывал. Поскольку повернуть назад корабль никак не мог, ООН де-факто обеспечила Эгтверчи прямой бесплатный проезд, причем с

ветерком — в несколько раз быстрее скорости света.

В сердце своем Руис-Санчес обнаружил даже что-то вроде жалости к этому прирожденному ссыльному — гонимому, подобно дикому зверю, и загнанному-таки в клетку, и возвращающемуся теперь на родину, где все ему чуждо, и даже язык — тарабарщина. Но когда ООН'овец принялся всю их троицу расспрашивать — тому требовалось хотя бы примерно прикинуть, что Эгтверчи планирует, — дальнейшего самокопания жалость не пережила. Детей жалеть можно и должно; а вот на взрослых — медленно, но верно убеждался Руис-Санчес, — все удары судьбы обрушиваются, как правило, вполне заслуженно.

Прибытие Эгтверчи будет для досель безупречного литианского общественного порядка сродни удару молнии в бочку с порохом. На Земле его хоть держали за потешного урода; дома ж его скоро сочтут своим, пусть и со странностями. Вдобавок, у землян есть многовековой опыт общения со всевозможными безумными мессиями; но на Литии доселе не приключалось ничего даже отдаленно схожего. Эгтверчи инфицирует сей сад до самых корней, пересотворит по образу и подобию своему — и тот гипотетический враг,

против которого готовит арсенал Кливер, обретет плоть и кровь!

Впрочем, нечто подобное однажды уже происходило — когда и Земля являла собой безупречный сад. Может — O felix culpa![44] — именно так происходит всегда и повсюду. И, древо познания добра и зла, подобно Иггдразилю из легенд той земли, откуда родом папа Адриан: простирает корни в основание Вселенной, а все планеты свисают с веток его, подобно плодам, и кто отведает плодов сих…

Нет, непозволительно. Лития представляет серьезнейшую опасность и как лже-эдем; но Лития, обращенная во всепланетный град Дит, — это уже угроза Небесам.

Главная обсерватория графа Овернского, выстроенная под его неусыпным присмотром на средства ООН, располагалась примерно в центре кратера Стадий, некогда изрядно выдававшегося над равниной, но давным-давно захлестнутого и оплавленного разливом вулканической лавы, который, застыв, сделался Морем Дождей. Остатки стенок кратера были достаточно высоки,

---

[44] Примечания: 44

O felix culpa, quae talem ac tantum meruit habere Redemptorem (латин.) — О счастливая вина, что заслуживает иметь такого и столь могучего Искупителя (из «Ликования» на Святую субботу).

чтобы служить укрытием для обсерваторского персонала на случай метеорных ливней, — но не настолько, чтобы выдаваться над линией горизонта (если смотреть из центра кратера) и заслонять обзор.

Граф выглядел точно так же, как в прошлый раз, — только сменил коричневый костюм на коричневый комбинезон — и явно был рад встрече. Временами, подозревал Руис-Санчес, Лю-сьену Дюбуа бывало одиноко; может, даже не временами, а постоянно — и не только в силу теперешней изоляции на Луне, но давней (и длящейся по сей день) отстраненности от собственного семейства, да и ото всех заурядных представителей рода человеческого вообще.

— У меня для вас сюрприз, — сообщил он. — Мы только что закончили монтировать новый телескоп — рефлектор шестисот футов в диаметре, целиком из натриевой фольги — на вершине горы Питон; это несколько сотен миль к северу. Вчера кабели дотянули досюда, и я всю ночь глаз не сомкнул, тестировал установку. Как видите, она уже несколько поаккуратней, чем в прошлый раз.

Граф явно скромничал. От памятной мешанины проводов и лампочек не осталось следа;

прибор, на который он указывал, являл собой всего лишь черный эмалированный ящичек размером не больше магнитофона и с таким же примерно числом кнопок.

— Это, конечно, проще, чем поймать сигнал от передатчика, не оборудованного трансконтинумной приставкой — вроде Дерева, — признал граф. — Но результаты не менее обнадеживающие. Взгляните. Драматическим жестом он щелкнул тумблером. И на большой экран на противоположной стенке погруженного в сумрак зала безмятежно выплыла окутанная облаками планета.

— Бог ты мой… — просипел Микелис, и у него перехватило дыхание. — Это же… Господин граф, это что, Лития? Готов поклясться…

— Пожалуйста, не надо, — произнес граф. — Здесь я доктор Петард. А это действительно Лития; солнце ее видно с Луны двенадцать с небольшим дней в месяц. До планеты пятьдесят световых лет, но мы видим ее как бы с четверти миллиона миль, плюс-минус десяток тысяч — примерно, как Землю с Луны. Просто удивительно, сколько света собирает шестисотфутовый натриевый параболоид, когда не мешает атмосфера. Правда, в атмосфере вообще не удалось бы сделать

рефлектор из фольги — собственно, даже при здешней силе тяжести мы работаем на пределе прочности.

— Потрясающе, — пробормотала Лью.

— И это, доктор Мейд, только начало. Мы преодолели не только пространство, но и время — в комплекте, как положено. Перед вами сегодняшняя Лития — собственно, Лития в сей момент — а не какой была пятьдесят лет назад.

— Поздравляю, — понизив голос, сказал Микелис. — Одна теоретическая база чего стоит, но собрать работающую установку в рекордный, как мне кажется, срок…

— Мне тоже так кажется, — ответил граф, извлек изо рта сигару и стал не без самодовольства ее разглядывать.

— А как корабль садится, мы увидим? — напряженно поинтересовался ООН'овец.

— Боюсь, нет, — если, конечно, я не перепутал даты. По вашему расписанию, корабль должен был прибыть вчера — а гонять вперед-назад по временному спектру выше моих возможностей. Суть всей теории в одновременности — и аппарат работает в реальном времени, ни больше, ни меньше.

Внезапно интонация его переменилась. Тол-

стяк, восхищающийся новой игрушкой, преобразился в философа-математика Анри Петарда, и преображение вышло куда эффективней, чем обеспечило б отречение в какой бы то ни было форме от унаследованного титула.

— Я пригласил вас провести ваше совещание здесь, — произнес он, — потому что, по-моему, вам следовало бы явиться свидетелями некоего события… если оно, конечно, произойдет — чего, искренне надеюсь, все же не случится. Сейчас поясню… Недавно меня попросили проверить выкладки, на которых доктор Кливер основывает эксперимент, запланированный на сегодня. Речь там, вкратце, о том, чтобы без потерь аккумулировать всю энергию, вырабатываемую генератором Нернста в течение приблизительно полутора минут — посредством особым образом модифицированного пинч-эффекта… В выкладках я обнаружил ошибку — не так чтобы очевидную, все-таки доктор Кливер грамотный ученый — но весьма серьезную. А поскольку литий-шесть на планете буквально повсюду, любая ошибка может привести ко глобальной катастрофе. Я послал доктору Кливеру срочное сообщение по «транскону», когда корабль был еще в пути, и там его записали на пленку; конечно, я воспользовал-

ся бы Деревом — но даже если б его не спилили, вряд ли доктор Кливер принял бы такое сообщение от литианина. Капитан обещал непременно вручить доктору Кливеру запись и только потом отгружать аппаратуру. Но я знаю доктора Кливера. Он упрям. Так ведь?

— Да, — ответил Микелис. — Истинная правда.

— Что ж, у нас все готово, — сказал доктор Петард. — Насколько это возможно. В случае чего, аппаратура настроена на запись. Остается только молиться, чтобы это не понадобилась.

От католицизма граф отрекся уже давно — а вот присказка, в силу привычки, проскальзывала частенько. Но молиться за такое Району было под силу не более, чем графу, — не говоря уж о том, чтобы предоставлять все случаю. Меч Святого Михаила вложен в руку Руис-Санчеса абсолютно недвусмысленно, и чтобы не увидеть этого, надо быть разве что полным идиотом.

Его святейшество прекрасно понимал, что так и будет, и спланировал все с хитроумием, достойным Дизраэли. При мысли, как воспользовался бы этой возможностью папа, менее искушенный в мирской политике, Руис-Санчеса пробирала дрожь, — но, конечно же, на то Господня воля, что все происходит именно при Адриане, а не

каком-либо ином понтифике. Запретив официально лишать сана, он тем самым оставил в распоряжении Руис-Санчеса тот единственный дар благодати, что как нельзя более подходил к случаю.

И, возможно, также не укрылось от его святейшества, что время, затраченное Руис-Санчесом на разрешение замысловатой, вычурно заумной моральной проблемы, заявленной в романе Джойса, было потеряно впустую; в то время как под самым носом крылось дело совести куда проще, одна из классических ситуаций — стоило только присмотреться как следует. Ситуация с больным ребенком, во исцеление которого возносятся молитвы.

Последнее время большинство детских болезней излечивались за день — другой, уколом спектросигмина или еще какого препарата — даже на грани коматозного состояния. Вопрос: неужели молитва оказалась бессильна, и выздоровление происходит исключительно благодаря успехам современной медицинской науки?

Ответ: нет, ибо молитва никогда не остается без ответа, и негоже человеку указывать Господу, как именно отвечать. Что, разве открытие спасительного антибиотика не есть чудо, достойное

быть Божьим даром?

И в этом же — решение головоломки, заданной великим ничто. Способностью творить враг рода человеческого не наделен — кроме как в том смысле, что вечно жаждет зла, но вечно совершает благо. Он не в состоянии приписать на свой счет успехи современной науки или сколько-нибудь убедительно намекнуть, что успехи современной науки означают безответность молитвы. В этом, как и во всех остальных случаях, он вынужден лгать.

А на Литии Кливер — пешка в руках великого ничто — обречен на провал; и даже само то, что предпринимает он по наущению врага рода человеческого, уже возвращает творение вражье (если можно так сказать) на грань небытия. Посох Тангейзера зацвел: эти слезы стекают с проклятого иудина дерева[45].

И Руис-Санчес уже поднимался, и готовы были сорваться с уст его разящие слова папы Григория VIII, однако в душе его еще находилось место колебаниям. Что если он все же неправ? Допустим (на секундочку, не более того), что Лития — это, все-таки, Эдем, а только что вернувшийся

---

[45] Примечания: 45

«Эти слезы стекают с проклятого иудина дерева» — из стихотворения Т.С.Элиота «Геронтион» (пер. А.Сергеева).

домой земной выкормыш — уготованный Эдему этому Змий-искуситель? Что если всегда и везде случается только так, и не иначе?

Глас великого ничто, до последнего изрыгающий ложь. Руис-Санчес воздел ладонь. Нетвердый голос его эхом отразился от стенок обсерваторского купола.

— *Я, Христов священнослужитель, повелеваю вам, духи дьявольские, что мутят воду во облацех сих…*

— Чего? Угомонитесь, Бога ради, — раздраженно сказал ООН'овец.

Все недоумевающе уставились на Района; Лью явно стало страшновато. Только во взгляде графа не было удивления и тревоги.

— *Покинуть их и развеяться в края дикие да невозделанные, дабы не чинить более вреда людям или зверям, или плодам, или травам, или чему бы то ни было, предназначенному человеку в употребление… А тебя, великое ничто, тебя, похотливый и неразумный, Scrofa Stercorate*[46], *тебя, дух прокопченный из Тартара — тебя низвергаю, O Porcarie Pedicose*[47], *в кухню адскую…*

---

[46] Примечания: 46

Scrofa Stercorate (итал.) — свинья навозная.

[47] Примечания: 47

O Porcarie Pedicose (итал.) — о свинья вшивая.

Властью откровения Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре, и показал, послав оное через ангела Своего, — изгоняю тебя, ангел порочности… Властью семи золотых светильников и властью Того, Кто, подобно Сыну Человеческому, высится посреди их; властью голоса Его, подобного шуму вод многих; властью слов Его: «И живый; и был мертв и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти,» — возвещаю тебе, ангел погибели вечной: изыди, изыди, изыди![48]

Отзвенев, стихло эхо. Снова прихлынула лунная тишина, подчеркнутая только дыханием людей в обсерватории да шумом гидравлики в подвале. И медленно, совершенно беззвучно планета на экране, в облачной пелене, побелела. Облака, размытые контуры океанов и континентов — все слилось в слепящий бело-голубой блеск, ударивший с экрана, словно луч прожектора. Казалось, тот просветил их обескровленные лица насквозь, до кости. Медленно-медленно все стало оплывать: исполненные чириканья леса, фарфоровый дом Штексы, земноводные рыбы с их надсадным лаем, пень Почтового дерева, ди-

---

[48] Примечания: 48

Текст обрядовой формулы основан на Откровении Иоанна Богослова.

кие аллозавры, единственная серебристая луна, Кровавое озеро с его огромным пульсирующим сердцем, город горшечников, летающие головоногие, литианский крокодил с его извилистым следом, высокие благородные рассудительные создания, тайна, их окутывающая, краса, коей исполнено все их существо. Вдруг планета стала раздуваться, как воздушный шар…

Граф попытался выключить экран, но опоздал. Прежде чем он дотянулся до черного ящичка, шумно пыхнули радиолампы, и вся система отрубилась. В то же мгновение погас нестерпимо яркий свет; экран погрузился в черноту, а вместе с ним и Вселенная.

Они сидели, ослепленные и ошеломленные.

— Ошибка в уравнении шестнадцать, — проговорил голос графа откуда-то из клубящейся тьмы.

«Нет, — подумал Руис-Санчес, — нет. Миг, когда исполняются желания». Он хотел с помощью Литии защитить свою веру — что и получил. Кливер хотел организовать на Литии производство водородных бомб — что и получил, в полной мере и сразу. Микелис увидел в Литии пророчество непогрешимой любви человеческой — и с того самого момента с дыбы своей и не слезал. А Агрон-

ски… Агронски желал, чтобы ничего не менялось, и пребывает теперь в неизменном ничто.

В темноте раздался долгий, прерывистый вздох. Руис не сразу узнал, кто это; кажется, Лью. Нет. Майк.

— Когда вернется зрение, — произнес голос графа, — предлагаю выйти наружу, глянуть на Новую.

С его стороны это был не более чем маневр, попытка отвлечь — проявить милосердие. Он прекрасно знал, что увидеть эту Новую невооруженным глазом можно будет только к следующему святому году, через пятьдесят лет; и он знал, что они тоже знают.

Тем не менее, когда к бывшему монаху Общества Иисуса вернулось зрение, отца Руиса Рамон-Санчеса оставили наедине с его Богом и с его скорбью.

Приложение
О планете лития[49]

Лития — вторая планета в системе Альфы Овна,

---

[49] Примечания: 49

См. Микелис, Д., Руис-Санчес, Р.: «Лития. Предварительный отчет», ЖМИ, 4:225, 2050; резюме.

звезды солнечного типа, находящейся на расстоянии около 50 световых лет от Земли[50].

Лития обращается вокруг Альфы Овна на среднем расстоянии 108,6 миллиона миль, а период обращения составляет примерно 380 земных дней. Орбита ярковыраженно эллиптическая, с эксцентриситетом 0,51, т. е. большая ось эллипса примерно на 5 % длиннее малой.

Ось планеты почти строго перпендикулярна плоскости орбиты, и местные сутки составляют примерно 20 земных часов. Таким образом, в литианском году — 456 литианских дней. Эллиптичность орбиты приводит к тому, что климат близок к умеренному, с длинной, сравнительно холодной зимой и коротким, сравнительно жарким летом.

Планета имеет один спутник диаметром 1256 миль, обращающийся вокруг Литии на расстоянии 326 000 миль и совершающий за местный год двенадцать оборотов.

Внешние планеты системы к настоящему времени не исследованы.

---

[50] Примечания: 50

Цифра 40 световых лет, часто приводившаяся в литературе ранее, происходила от учета так называемой «космологической постоянной». Эйнштейн в свое время колебался, включать ли данную величину в свою теорию, и, как выяснилось, небезосновательно (см. Хэртль, ЖМИ, 1:21,2047).

Диаметр Литии 8267 миль, а сила тяжести на поверхности — 0,82 земной. Столь низким значением сила тяжести обязана сравнительно малой средней плотности, которая, в свою очередь, обусловлена строением планеты. В формировании Литии участвовала гораздо меньшая, по сравнению с Землей, доля тяжелых элементов (с атомными числами более 20). Более того, элементы с нечетными атомными числами встречаются даже реже, чем на Земле; из них на Литии сколько-нибудь значительно представлены только водород, азот, натрий и хлор. Калий весьма редок, а тяжелые элементы с нечетными атомными числами (золото, серебро, медь) встречаются только в микроскопических количествах и никогда в чистом виде. Собственно, химически несвязанный металл мог появиться на планете разве что случайно — в результате падения железо-никелевых метеоритов.

Металлическое ядро Литии значительно меньше земного, а базальтовая кора, соответственно, толще. Континентальные плиты, как и на Земле, составлены, по преимуществу, из гранитных пород, покрытых осадочными отложениями.

Малая распространенность калия приводит к практически полному отсутствию тектониче-

ской активности. Естественная радиоактивность калия-40 является главным источником геотермальной энергии на Земле, а на Литии калия-40 — на порядок меньше. В результате температура литианских недр существенно ниже, вулканизм слабовыражен, а геологическая активность — еще слабее. Складывается впечатление, будто эпоха бурного развития давным-давно позади, и никакие катаклизмы более невозможны. При составлении геологической истории приходится опираться на одни предположения, так как радиоактивные элементы крайне редки, и датировка слоев сопряжена с большими трудностями.

Атмосфера по составу близка к земной[51]. Атмосферное давление составляет 815,3 мм ртутного столба на уровне моря, а в воздухе (при нулевой влажности) содержится:

Азота — 66.26 % (объемных),

Кислорода — 31.27 % (объемных)

Аргона (и пр.) — 2.16 % (объемных),

Углекислого газа — 0.31 % (объемных).

Сравнительно высокая концентрация углекислого газа (парциальное давление — примерно в 11 раз выше, чем в земной атмосфере) приводит

---

[51] Примечания: 51

См. Кларк, Дж. «Климат Литии». ЖМИ (готовится к печати).

к ярковыраженному парниковому эффекту, и климат в экваториальных и приполярных областях различается незначительно. Средняя летняя температура составляет около 30 °C на полюсе и около 38 °C на экваторе; средние зимние температуры примерно на 15 °C ниже. Влажность, как правило, высока, часто конденсируется туман; почти постоянно моросит теплый дождь.

Около 700 миллионов лет климат планеты фактически не менялся. Поскольку вулканическая активность незначительна, она не может существенным образом повышать содержания в воздухе углекислого газа, и то его количество, что поглощается в процессе фотосинтеза буйной местной растительностью, компенсируется быстрым окислением мертвого растительного вещества, чему способствуют высокие температура, влажность и содержание кислорода в воздухе. Собственно, климатическое равновесие на планете не нарушалось в течение по меньшей мере полумиллиарда лет.

То же можно сказать и о географии. Континентов на планете три; самый крупный из них — южный — простирается по широте примерно между 15° ю.ш. и 60° ю.ш., а по долготе — почти на две трети планетной окружности. Оба се-

верных континента имеют очертания, близкие к прямоугольным, и по площади отличаются незначительно. По широте оба простираются примерно между 10° ю.ш. и 70° с.ш., а по долготе — градусов на 80 каждый. Один из них расположен к северу от восточной оконечности южного континента, другой — к северу от западной оконечности. На диаметрально противоположной стороне планеты, между 20° с.ш. и 10° ю.ш., находится архипелаг из крупных островов, площади которых сопоставимы с площадью Англии или Ирландии. Таким образом, морей или океанов пять: экваториальное море, отделяющее южный континент от северных; центральное море, расположенное между северными континентами и соединяющее экваториальное море с северным полярным; и великое море, которое простирается от полюса до полюса и содержит только экваториальный архипелаг, занимающий по долготе около трети планетной окружности.

На южном континенте есть невысокая горная цепь (главная вершина — 2263 м над уровнем моря), которая тянется параллельно южной материковой оконечности и умеряет (и без того не слишком существенное) воздействие на климат южных ветров. На северо-западном континенте

горных цепей две; одна тянется параллельно восточной материковой оконечности, другая — параллельно западной, так что полярным ветрам ничто не препятствует, и климат не столь стабилен по сравнению с южным континентом. На северо-восточном континенте горная цепь одна, вдоль его южной оконечности, и весьма низкая. На островах архипелага рельеф местности холмистый, а климат — океанического типа. Пассаты напоминают земные, но отличаются меньшими скоростями, благодаря не столь значительной, во всепланетном масштабе, разнице температур. На экваториальном море отмечается фактически полное безветрие.

Не считая нескольких горных цепей, континентальный рельеф по преимуществу равнинный, особенно в прибрежных областях. Все реки в устьях чрезвычайно извилисты, а прилегающая местность сильно заболочена; весной реки разливаются на несколько миль.

Приливы не столь ярко выражены, как на Земле, но в экваториальном море отмечается сильное приливное течение. Поскольку рельеф прибрежной полосы, как правило, равнинный (кроме тех мест, где горные цепи выходят непосредственно к океану), берег отделяют от открытого моря ши-

рокие приливные отмели.

Океанская вода по составу напоминает земную, но существенно менее соленая[52]. Жизнь на Литии зародилась в море, и эволюция происходила примерно как на Земле. Различная микроскопическая морская живность чрезвычайно многочисленна (ближайший земной аналог — водоросли и морские губки); отмечено также изобилие ракообразных и моллюсков. Последние весьма высокоразвиты и разнообразны, особенно способные к передвижению. Рыбы — как по происхождению, так и по роли в биоценозе, да и по конкретным видам — напоминают земных.

Растительный мир Литии представляется земному наблюдателю куда более необычным, хотя отнюдь не является непостижимым. Растений, явно похожих на земные, там не встретить, но определенное сходство с земной флорой все же наблюдается. Самое примечательное, что литианский лес — исключительно смешанный. Удивительным образом там соседствуют и мирно уживаются деревья цветковые и нецветковые, древовидные папоротники, кустарники и травы. Поскольку на Литии не было ни одного ледни-

---

[52] Примечания: 52

См. Лей, У. «Экология Литии». ЖМИ (готовится к публикации).

кового периода, преобладают, как правило, — в отличие от Земли — именно смешанные леса.

Растительность в основном весьма пышная, и леса можно классифицировать как типичные тропические джунгли. Отмечены несколько разновидностей ядовитых растений, включая большинство клубневых, которые представляются съедобными. Корни их, напоминающие картофель, в больших количествах вырабатывают чрезвычайно токсичные алкалоиды, химическое строение которых еще не исследовано. Кроме того, несколько видов кустарников снабжены шипами, покрытыми гликозидами, которые оказывают сильное раздражающее действие на кожу большинства позвоночных.

На равнинах преобладают травы; на болотах — аналоги земных тростниковых. Пустынь мало; даже горы пологи и покрыты травами и кустарником. При наблюдении из космоса материковые массы представляются абсолютно зелеными. Голый камень встречается только в речных долинах, где течение источило породу до известняка и песчаника, и там, где на поверхность выходит каменный уголь, с частыми вкраплениями кремня, кварца и кварцита. В некоторых речных долинах встречаются месторождения глины со

значительным содержанием алюминия; также широко распространен рутил (двуокись титана). Железорудных месторождений нет, а гематит (красный железняк) практически неизвестен.

Материковую фауну составляют виды, сходные с земными. Чрезвычайно разнообразны местные членистоногие, включая восьминогих насекомоподобных самых различных размеров, вплоть до псевдострекоз с двумя парами крыльев размахом (максимальным зарегистрированным) до 86,5 см. Эта разновидность исключительно насекомоядная, но встречаются и другие, опасные для высших форм животного мира. Некоторые опасны своим укусом (яд, как правило, алкалоидный), а одно насекомое способно даже испускать ядовитый газ (источники утверждают в основном HCN) в количестве, достаточном, чтобы обездвижить мелкое животное. Насекомые эти по природе общественные (вроде муравьев), живут колониями, и местные насекомоядные стараются держаться от них подальше.

Широко распространены также земноводные, напоминающие мелких ящериц — трехпалых (тогда как земным позвоночным свойственна пятипалость). В прибрежном биоценозе доминируют именно земноводные; некоторые виды их

в зрелом возрасте достигают размеров крупного сенбернара. Что до материковой части, там доминирует класс, похожий на земных рептилий. А среди них доминирует один вид — крупное высокоразумное прямоходящее животное, балансирующее при ходьбе не очень гибким, тяжелым хвостом.

Две группы рептилий вернулись в море и составили успешную конкуренцию рыбам. Представители первой из этих групп в ходе эволюции приобрели совершенно обтекаемые формы и внешне представляют собой крупную, тридцатифутовую рыбу, чей хвостовой плавник впрочем горизонтален, и внутреннее строение его выдает происхождение от рептилий. Этим животным принадлежит абсолютный рекорд скорости в воде: если понадобится, они могут развивать скорость до 80 узлов (а ненасытный аппетит постоянно создает такую надобность). Представители второй группы больше похожи на крокодилов; ареал обитания их включает как открытое море, так и заиленные отмели — хотя ни там, ни там рекордами скорости они похвастать не могут.

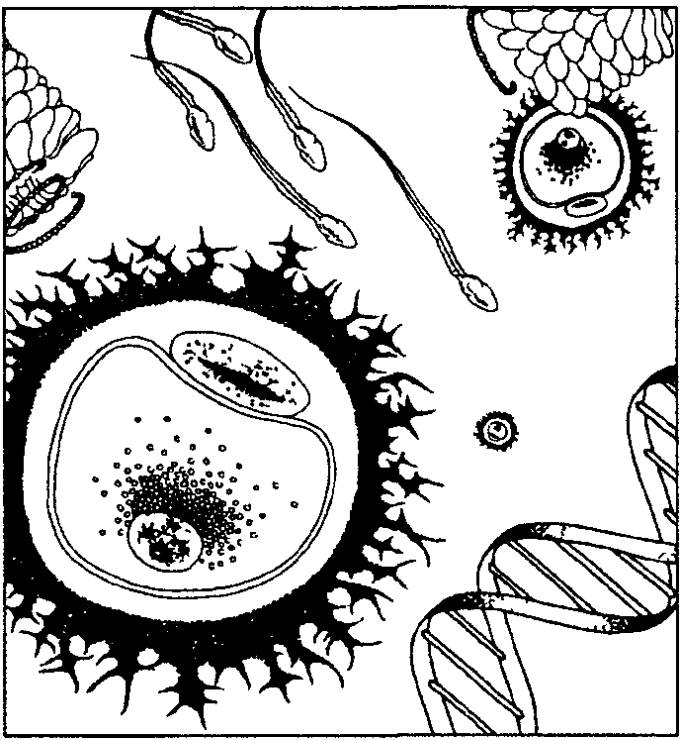
Отдельные виды рептилий освоили воздушную среду — как некогда на Земле птеранодон.

Наиболее крупные из них имеют размах крыльев до трех метров, но отличаются чрезвычайно хрупким скелетом. Гнездятся они в основном на прибрежных утесах южной оконечности северо-восточного континента; питаются, главным образом, рыбой и — если сумеют угнаться — головоногими летягами. Этих летающих рептилий отличает длинный зубастый клюв; зубы острые, частые, скошенные назад. Другая разновидность летающих рептилий представляет особый интерес, так как у них развилось нечто вроде перьев — разноцветная грива вдоль длинной шеи. Это украшение свойственно только взрослым особям; «молодняк» совершенно голый.

Около ста миллионов лет назад материковые рептилии оказались под угрозой вымирания благодаря усилиям самых мелких своих сородичей; те нашли простейший способ пропитания — поедать яйца крупных рептилий. В результате последние едва ли не поголовно исчезли с лица Литии; а те, что уцелели (например литианский аллозавр), встречаются крайне редко — примерно как на Земле слоны (если сравнить, например, с обилием подвидов слоновьих в плейстоцене). Менее крупные рептилии сохранились лучше, хотя и не в таких количествах, как когда-то.

Доминирующий вид является исключением. Их самки откладывали яйца в брюшную сумку, где и носили до тех пор, пока не начинали выводиться детеныши. Ростом это животное достигает двенадцати футов (считая по макушке); форма черепа такова, что зрение стереоскопическое. Большой палец на трехпалой кисти — отстоящий.

ЗАСЕЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ



Программа «Семя»

1

Вновь загудели двигатели корабля, но Свени даже не заметил перемены. Он все еще лежал, пристегнутый к койке, когда из настенного динамика раздался голос капитана Майклджона. Свени никогда еще не испытывал такого безмятежного спокойствия, а раньше, пожалуй, не смог бы даже и представить. Хотя пульс его и бился ровно, Свени казалось, что он уже умер. Понадобилось несколько минут, чтобы до сознания дошел голос капитана.

— Свени, ты меня слышишь? У тебя… все в порядке?

Маленькая пауза заставила Свени усмехнуться. С точки зрения Майклджона и большей части остального человечества, Свени вовсе не был в порядке. Практически, он был мертв.

Плотно изолированная кабина Свени, свидетельство его анормальности, имела отдельный воздушный шлюз для выхода из корабля. Она была размещена так, чтобы предотвратить прямые контакты Свени с остальными членами экипажа. Подтверждал это и тон Майклджона. Таким голосом обращаются не к другому человеку, а к какому-то существу, которое нужно держать в

надежно запертом помещении. В камере, стены которой защищают Вселенную от того, кто находится внутри, а не наоборот.

— Конечно, я в норме, — отозвался Свени, отстегивая ремень и садясь на койке.

Он проверил показание термометра. Как и всегда, тот регистрировал неизменные 90 градусов выше нуля. Это средняя температура на поверхности Ганимеда, третьего спутника Юпитера.

— Я немного задремал. Что случилось?

— Корабль выходит на орбиту. Сейчас мы примерно в тысяче миль от Ганимеда. Я подумал, вдруг ты захочешь посмотреть на него.

— Ну еще бы. Спасибо, Майки.

— Да, — сказал динамик на стене. — Потом нужно будет поговорить.

Свени ухватился за поручень и с завидной точностью подтянулся к крохотному и единственному иллюминатору каюты. Для человека, чей организм с самого рождения приспособлен лишь к одной шестой гравитации Земли, невесомость была вполне допустимой крайностью.

И сам Свени если и был человеческим существом, то его допустимой крайностью.

Он выглянул наружу, заранее зная, что предстоит увидеть. Планету Свени досконально изучил

не только по фотографиям, картам и телезаписям, но даже с помощью телескопа — на Луне, его родине, и еще на Марсе. Когда вы приближаетесь к Ганимеду, то первое, что поражает взгляд — огромное овальное пятно, Трезубец Нептуна. Так его назвали самые первые исследователи спутников Юпитера, потому что на старой карте Хови пятно помечено греческой буквой «пси». Имя оказалось удачным, выяснилось, что неправильный овал является морем, расширяющимся к востоку, где занимает пространство от 120-го до 165-го градуса долготы и от 10-го до 36-го градуса северной широты. Морем — но чего? Конечно же, воды, навечно превратившейся в лед каменной твердости. Минеральная пыль покрывала его слоем примерно в три дюйма толщиной.

К востоку от Трезубца до самого полюса тянется образование, называемое Впадиной. Это сотрясаемая обвалами долина, которая через полярную область простирается в другое полушарие, при этом спускаясь все ниже к югу. (Ниже — потому, что для пилотов и астрономов ВЕРХ там, где север). На других планетах нет ничего подобного Впадине, но с корабля, который подходит к Ганимеду по сто восьмидесятому меридиану, она напоминала Большой Сырт на Марсе.

Однако в действительности сходство лишь внешнее. Большой Сырт — самая приятная местность на Марсе, а Впадина — она и есть Впадина.

На восточной границе этого грандиозного шрама в коре планеты торчит гора высотой в три километра. Свени знал, что у нее пока нет названия. На карте Хови гора отмечена буквой «пи». Ее легко можно различить с Луны в хороший телескоп, когда через данную долготу проходит линия терминатора. Тогда вершина горы сверкает в темноте, как маленькая звезда. От ее подошвы к Впадине тянется плоскогорье и почти отвесно обрывается в сторону остальной части планеты. Это удивительно для мира, не имевшего других тектонических складок.

На этом плоскогорье и обитали адаптанты.

Свени довольно долго смотрел вниз на вершину, которая сверкала под солнечными лучами. Основание горы оставалось невидимым. Странно: почему он ничего не испытывает? Подошла бы любая эмоция: предчувствие встречи с себе подобными, тревога, нетерпение, даже страх. Как ни крути, а после двухмесячного затворничества в каюте-барокамере любая перемена обстановки должна бы показаться благом, даже встреча с другими адаптантами. Но он по-прежнему

ощущал безмятежное спокойствие. И лишь гора вызвала у него мимолетное любопытство. Его взгляд переместился к Юпитеру. Чудовищной величины шар дикой расцветки висел в каких-то шестистах тысячах миль от него. Это зрелище привлекло Свени своей живописностью, но не имело никакого смысла.

— Майки? — позвал он, почти заставляя себя снова взглянуть на впадину.

— Я тут, Свени. Как тебе нравится вид?

— Ничего особенного. Похоже на рельефную карту. Где вы меня высадите? Выбор места высадки оставлен на ваше усмотрение.

— Думаю, особого выбора у нас нет, — голос Майклджона прозвучал более уверенно. — Только на большое плато, больше некуда. Хови обозначил его буквой «эйч».

Свени с легким отвращением осмотрел темный овал. Там он окажется так же плохо укрытым, как и в центре моря Кризисов на Луне. Именно это он и сообщил капитану.

— Выбора у тебя нет, — спокойно ответил Майклджон.

Корректирующие двигатели дали несколько импульсов. К Свени на секунду возвратился вес, но исчез прежде, чем успел его куда-нибудь

швырнуть. Корабль завис на нужной орбите. Но останется ли он над той же точкой поверхности или будет перемещаться над Ганимедом, Свени не знал. И не стал спрашивать. Чем меньше он знает, тем лучше.

— Да, падать придется долго, — пробормотал он. — Хотя атмосфера здесь и не самая плотная в системе. Нужно, чтобы я оказался где-то у подошвы горы. Не хочу потом ползти две сотни миль через все плато.

— Но, с другой стороны, — возразил Майкл-джон, — если ты опустишься чересчур близко, твои тамошние приятели смогут запросто засечь парашют. Может быть, лучше тебя выпустить во Впадину? Там столько валунов, трещин и прочего хлама, что радар будет совершенно беспомощным. У них не появится ни единого шанса засечь такую мошку, как человек на парашюте.

— Нет уж, спасибо. Вспомни про оптическое наблюдение, фольгу парашюта даже адаптанты не спутают с обломком скалы. Нужно высаживаться на другой стороне склона горы. Там я окажусь одновременно и в радарной, и в оптической тени. Кроме того, как мне выбираться из Впадины? Не зря же они установили станцию слежения на краю обрыва.

— Это верно, — согласился Майклджон. — Так, катапульта уже нацелена. Я одеваюсь и встречаюсь с тобой снаружи, на корпусе.

— Ясно. Только скажи, что вы будете делать, пока меня не будет. Чтобы в случае чего я не свистел впустую, вызывая вас.

Раздался металлический стук, открылся отсек скафандров. Свени надел ремни парашютов. Чтобы нацепить респиратор и ларингофоны, понадобилось всего десять секунд. Для защиты от окружающей среды, в которой человек мгновенно бы погиб, не будь на нем скафандра высшей защиты, Свени большего и не требовалось.

— Я останусь на орбите на триста дней. Энергия будет отключена, кроме самых необходимых систем, — голос Майклджона казался теперь более далеким. — Предполагается, что к тому времени ты уже успеешь как следует изучить обстановку и познакомишься со своими друзьями. Я приму твое сообщение на условленной частоте. Тебе нужно послать лишь оговоренный кодом набор букв. Я введу сигнал в компьютер, тот выдаст инструкции, и я буду действовать в соответствии с ними. Если через триста дней вести так и не появятся, я на скорую руку помолюсь за душу бедняги Свени и отправлюсь восвояси. Большего,

Бог свидетель, я сделать не в состоянии.

— Достаточно и этого, — спокойно произнес Свени. — Пойдем.

Адаптант вышел наружу через личный шлюз. У корабля Майклджона, как и у всех межпланетных кораблей, не было внешней обшивки. Он состоял из соединявшихся паутиной растяжек блоков-узлов, включавших и жилую сферу. Одна из самых длинных Т-образных балок была сейчас направлена в сторону объекта «эйч» на карте Хови. Эта балка и должна была послужить катапультой.

Свени поднял голову, глядя на диск спутника. Старое, хорошо знакомое ощущение падения на миг вернулось. Он поскорее опустил взгляд и сосредоточил внимание на деталях корабля, ожидая, когда ощущение падения исчезнет. Очень скоро Свени отправится к Ганимеду.

Из-за выпуклости жилой сферы показалась фигура Майклджона, скользящего подошвами по металлу кабины. В мешковатом безликом скафандре именно он казался сейчас нечеловеком.

— Готов? — спросил капитан.

Свени кивнул и лег лицом вниз на направляющую балку, защелкнув крепления своей упряжи. Он чувствовал прикосновение перчаток

Майклджона к спине, тот закреплял ранцевую реактивную установку, но ничего не видел, кроме деревянных салазок, которые будут предохранять тело от огня выхлопа.

— Порядок, — сказал капитан. — Удачи.

— Спасибо. Давай отсчет, Майки.

— Пять секунд до старта. Четыре, три, две, одна, пошел!

Реактивный ранец завибрировал и довольно ощутимо стукнул Свени между лопатками. Мгновенное ускорение надавило на ремни парашютной упряжи, салазки помчались вдоль направляющей балки.

Потом, освобожденные, они отделились и по дуге ушли куда-то вниз, быстро исчезая среди звезд. Отделился и сам ранец, вырвавшись вперед и вниз, сверкая огнем. Мгновенно рассеявшаяся волна жара на миг вызвала головокружение. Потом ранец исчез. Перед ударом о Ганимед он разовьет такую скорость, что останется небольшая воронка.

А Свени падал вниз головой, приближаясь к поверхности Ганимеда.

2

Свени всегда хотел быть человеком. С тех самых времен, подернутых дымкой детских воспоминаний, когда понял, что подземный купол на Луне — его персональная Вселенная. Желание было смутным, каким-то безликим, но сильным и со временем перешло в горькую ледяную тоску по несбыточному. Оно проявлялось в его манере держаться, во внешнем виде и взгляде на мир — на свою уникальную повседневную жизнь, и даже во снах, которые по мере взросления Свени становились все более редкими, но и более яркими. Случалось, что сон на несколько дней погружал его в состояние оглушенности. И тогда Свени чувствовал себя словно после катастрофы, в которой чудом уцелел.

Отряд психологов, психиатров и аналитиков, который с ним работал, делал что мог. Но могли они немного. Недомогания Свени имели мало общего с тем, к чему привычна любая система психиатрии, создаваемая людьми и для людей. У членов научной команды не получалось даже договориться, что же считать основной целью своей терапии. Может, помочь Свени сжиться с фактом своей нечеловечности? Или наоборот —

раздувать искорку надежды, которую остальные немедицинские работники преподносили Свени как единственную цель его существования?

А факты были просты и неумолимы. Свени — адаптант, приспособленный — в его случае, — к свирепому морозу, слабой гравитации и жиденькой атмосфере Ганимеда. Кровь в его сосудах, клетки тканей — все это на девять десятых состоит из жидкого аммиака. Кости его — лед, дыхание — сложная водородно-метановая цепочка реакций, основанная не на железосодержащем катализирующем пигменте, а на разрыве и восстановлении мостика сульфидной связи. И если бы возникла такая необходимость, он смог бы продержаться долгие недели на диете лишь из одной каменной пыли.

Таким он был всегда. То, что превратило его в адаптанта, случилось в буквальном смысле еще до зачатия. Клетку, которая была оплодотворена и потом развилась в зародыш Свени, подвергли комплексу воздействий — селективной обработке ядами, игловой рентгенотерапии, специальному метаболическому активированию, а плюс к ним еще около пятидесяти операций с совершенно непроизносимыми названиями. Вкупе все это окрестили «пантропологией». В вольном перево-

де это означало «трансформация всего» — и было действительно тем, чем называлось.

Пантропологи изменили не только внешность и цикл жизнедеятельности Свени, но и его духовный мир, обучение и даже предков. Доктор Алфкон как-то раз гордо объяснил через интерком, что по мановению руки адаптированные люди не возникают. Даже клетка-зародыш имела позади себя сотню поколений клеток, ступенчато изменявшихся из поколения в поколение, пока не возникла зигота, достаточно далеко ушедшая от теплой белковой жизни ко льду, цианидам и всему прочему, из чего сделаны такие мальчики, как Свени. Доктора Алфкона сняли с должности, когда в конце недели команда психологов прослушала записи его разговоров со Свени: кто и что говорил, и как он на это отвечал. Но Свени никогда не слышал известного детского стишка «из чего сделаны мальчики», и поэтому не испытал травмы по причине эдипова комплекса.

Он, конечно, заметил, что доктор Алфкон не появился, когда подошла его пора, но в этом не было ничего особенного. Ученые приходили и уходили, перемещаясь внутри большой, тщательно охраняемой пещеры только в сопровождении вежливых, одетых в тщательно выглаженную

красивую форму полицейских Порта. Ученых редко хватало надолго, в псих-команде чувствовалось постоянное напряжение, иногда разряжавшееся в яростных словесных баталиях, в которых спорящие сильно надрывали голосовые связки. Свени так и не выяснил, в чем тут дело — связь со внешним миром обрывали сразу, как только поднимался крик. Но он заметил, что некоторые из голосов исчезали и уже больше никогда не принимали участие в спорах.

— А где доктор Эмори? Ведь сегодня его день.

— Он закончил свою вахту.

— Но я хотел с ним поговорить. Он обещал мне книгу. Разве он уже не вернется навестить меня?

— Не думаю, Свени, что вернется. Как это ни печально, но он уволен. Не волнуйся, у него все хорошо. А книгу тебе и я принесу.

После третьего случая исчезновения психолога Свени в первый раз позволили выйти на поверхность Луны — правда, с охраной из пяти человек в скафандрах. Но Свени было все равно. Новая свобода показалась ему огромной, а его собственный защитный костюм — ерундой по сравнению с неуклюжими вакуумными скафандрами полицейских.

Свени его почти не ощущал. Это был первый

предварительный глоток той свободы, которую предстояло получить — если верить многочисленным намекам — после того, как он выполнит свое главное задание. Он даже сможет увидеть Землю, где живут люди.

О своем назначении он знал все, что нужно знать, и оно стало его второй натурой. С дней одинокого холодного детства в него вдалбливали эти знания, и всякий раз в конце следовала не терпящая возражений фраза-приказ:

— Эти люди нам нужны, и нужны здесь. Мы должны вернуть этих людей.

Пять слов — но в них заключался смысл работы и самого существования Свени. В них же его единственная надежда. Адаптанты должны быть пойманы и возвращены на Луну, точнее — под купол Порта, единственное место, кроме Ганимеда, где они могли существовать. И если пленить их всех не удастся, то нужно вернуться хотя бы с доктором Якобом Рулманом. Только он знал главный секрет — как превратить адаптанта в нормального человека.

Свени понимал, что доктор Рулман и его товарищи — преступники, но насколько тяжело их преступление, никогда не задумывался и не пытался сам ответить на этот вопрос. Слишком

неполными и схематичными были те данные, по которым он мог судить. Но с самого начала было ясно, что колония на Ганимеде возникла без разрешения Земли. Колонисты воспользовались методами, которые не одобрялись Землей (не считая особых случаев вроде Свени), и Земля хотела покончить с непослушанием. Но не силой, потому что ученые хотели узнать то, что знал Рулман, а с помощью такого тонкого произведения науки, каковым являлся Свени.

«Мы должны вернуть этих людей!»

Намекалось — прямо этого никто не обещал — что тогда Свени, возможно, трансформируют в человека, и он получит свободу, несравнимую с прогулками по лунной поверхности в сопровождении пяти охранников.

После очередного такого намека обычно начинались ссоры среди научной команды. Любой нормальный человек давно заподозрил бы, что его водят за нос. Свени благодаря системе обучения очень рано стал недоверчивым и подозрительным, но эти обещания давали ему единственную надежду. Выбирать не приходилось. Хотя начало одного разговора заставило его заподозрить, что, кроме сомнений в возможности обратной трансформации адаптантов, существу-

ют и другие проблемы. Эмори тогда взорвался:

— Но, предположим, Рулман был прав и… — Щелк… и звук выключили.

Прав — в чем? И может ли нарушитель закона быть в чем-то правым? Свени этого не знал. Потом был один техник, который сказал: «Стоимость — вот в чем беда терраформирования». Что он имел в виду? Техника тут же выслать из камеры с каким-то неожиданным поручением. Таких случаев было много, но Свени как-то не удавалось сложить эту мозаику в целостную картину. Поэтому решил, что проблемы ученых не имеют прямого отношения к его шансам стать нормальным человеком.

Реальностью обладал лишь приказ. «Мы должны получить их обратно!» Эти слова и были первопричиной, из-за которой Свени сейчас падал вниз головой к поверхности Ганимеда.

3

Адаптанты обнаружили Свени, когда он одолел половину большого перевала — единственную дорогу к их колонии на обрыве плато «эйч». Он никого не узнал, их не было на фотографиях, которые он запомнил. Но его легенду адаптанты приняли охотно. И усталость ему имитировать

не пришлось. Гравитация на Ганимеде была для Свени нормальной, его тело было создано и приспособлено как раз к ней, но путь, а тем более подъем в гору оказались долгими и изнурительными.

Свени с удивлением обнаружил, что дорога ему по душе. Впервые он передвигался совершенно один, свободно и без надзора полицейских или объективов телекамер. В этом мире он чувствовал себя дома — в мире без стен. Воздух был густым и вкусным, откуда-то налетали ветра, и температура была заметно ниже той, что поддерживалась в куполе на Луне. Вместо серого потолка висело иссиня-черное небо, на котором поблескивали искорки звезд.

Не нужно было соблюдать осторожность. Слишком легко и приятно было воспринимать Ганимед как дом. Его об этом предупреждали, но он и подумать не мог, что опасность может оказаться не только реальной, но и такой… умиротворяющей, что ли.

Молодой адаптант прошел с ним остаток пути до колонии. Адаптанты — кроме Рулмана — оказались в такой же степени нелюбопытны, как и безымянны. Рулман был другим. Удивление и изрядное недоверие отразились на его лице,

когда в комнату ввели Свени. И эти эмоции были такими сильными, что немного испугали Свени.

— Невероятно! — воскликнул Рулман. — Это совершенно невозможно! — Й замолчал, разглядывая вновь прибывшего с макушки до пяток. Выражение изумленного недоверия стало слабее, но ненамного.

Свени в свою очередь осмотрелся. Рулман выглядел старше, чем на фотографиях, но это понятно. Возраст сказался на его внешности даже меньше, чем ожидал Свени. Ученый оказался худощавым, уже начинающим лысеть человеком с покатыми плечами. Брюшко, которое замечалось на фотографиях, исчезло. Очевидно, жизнь на Ганимеде как-то закалила человека. Глаза у Рулмана сидели глубоко, спрятавшись под тенью лохматых бровей, как у совы, и были такие же пронзительные и немигающие.

— Вам следует объяснить, кто вы такой, — изрек Рулман. — И как вы сюда попали. Вы не из наших. Это очевидно.

— Меня зовут Дональд Леверо Свени, — представился пришелец. — Возможно, я не принадлежу к вашему обществу, но моя мама говорила, что я один из вас. И сюда я добрался на ее корабле. Она сказала, что вы меня примете.

Рулман покачал головой.

— Это невозможно, потому что невероятно. Извините меня, мистер Свени, но вы для нас — бомба, снег, свалившийся на голову. Очевидно, вы сын Ширли Леверо. Но как же вы сюда добрались? Как вам удалось до сих пор выжить? Кто вас укрывал, кормил, воспитывал с тех пор, как мы покинули Луну? И, наконец, как вам удалось улизнуть от полиции Порта? Мы знаем, что Порт обнаружил нашу лунную лабораторию еще до того, как мы ее покинули. Я с трудом верю своим глазам — то есть с трудом верю в ваше существование.

Тем не менее выражение недоумения на лице Рулмана смягчалось с каждой минутой. Рулман «сел на крючок», решил Свени. И немудрено: Свени дышал воздухом Ганимеда, легко передвигался в его поле тяготения, и кожа была покрыта мельчайшей пылью спутника Юпитера. Неоспоримый факт среди других фактов.

— Да, ищейки Порта нашли большой купол, — продолжил Свени. — Но им так и не удалось отыскать малый, пилотский. Папа взорвал соединительный тоннель еще до их высадки. Сам он погиб под оползнем. Когда это случилось, я, конечно, был еще клеткой в пробирке.

— М-да-а… — задумчиво произнес Рулман. — Помню, мы засекли приборами корабля взрыв перед самым стартом. Но мы решили, что рейдеры Порта начали обстрел. Они ведь не разрушили большую лабораторию?

— Нет, — согласился Свени. Это Рулману было известно: переговоры между землянами и Луной должны были приниматься даже здесь. Пусть случайная и неполная, но все же информация у беглецов имелась. — Несколько линий внутренней связи уцелело, и мама часто слушала, что там происходит. И я тоже, когда достаточно подрос. Именно таким образом мы и узнали, что колония на Ганимеде еще существует, и ее до сих пор не разбомбили.

— Но где вы брали энергию?

— От собственной стронциевой батареи. Все было надежно экранировано, и полицейские не смогли засечь посторонние поля. Когда батарея начала садиться, мы тайно подключились к основной энергетической линии Порта. Вначале брали понемногу, но когда осмелели, забирали все больше и больше. — Он пожал плечами. — Но они все равно бы нас обнаружили — раньше или позже. Так в конце концов и случилось.

Рулман молчал, и Свени догадался, что его со-

беседник производит в уме несложный подсчет: сравнивает возраст Свени с 25-летним периодом полураспада стронция и с хронологией адаптантов Ганимеда. Цифры, конечно, отлично совпадали. Легенда, которой его снабдили, учитывала мельчайшие детали, вроде этой.

— И все-таки это поразительно, — сказал Рулман. — При всем моем уважении к вашим словам, мистер Свени, в это трудно поверить. Чтобы Ширли Леверо смогла пережить такие испытания — и совершенно одна, не считая ребенка, к которому она даже не могла прикоснуться рукой. С манипулятором обращаться труднее, чем с атомным реактором. Я помню ее — бледная, всегда немного унылая женщина. Роберт был связан с проектом, и она постоянно попадалась мне на глаза… — он нахмурился, вспоминая. — Она всегда повторяла: «Это дело Роберта». И иначе к проекту не относилась. Он ее не касался.

— Ее ДЕЛОМ был я, — спокойно произнес Свени. Полицейские Порта учили его изображать в голосе горечь и тоску, когда он говорил о матери, но так и не сумели добиться нужной интонации. Но он обнаружил, что если пробарабанить слоги почти подряд, проглатывая окончания, это произведет нужный эффект.

— Вы ее недооцениваете, доктор Рулман. Возможно, она сильно изменилась после гибели папы. Решимости у нее было на десятерых. И она за это в конце получила. Полиция Порта заплатила ей единственной монетой, которой могла платить.

— Мне очень жаль, извините, — мягко сказал Рулман. — Но вам, по крайней мере, удалось спастись. Я уверен, что большего она для вас не могла желать. А откуда взялся корабль, о котором вы упомянули?

— Он всегда у нас был. Как я понял, это папин корабль. Папа спрятал его в природной трубообразной каверне рядом с нашим куполом. Когда полиция ворвалась в мониторную, я выбрался через боковой люк на куполе, пока мама их… задерживала. Я ничего не мог сделать…

— Конечно, конечно, — согласился Рулман. — Вы бы и секунды не выжили в том воздухе. Вы поступили совершенно правильно. Продолжайте.

— В общем, я поднялся на корабль. У меня не было времени спасти кого-то, кроме себя. Они все время меня преследовали, но не стреляли. Кажется, один из их кораблей до сих пор обращается вокруг Ганимеда.

— Мы прочешем небо и все выясним. Но с кораблем все равно ничего не сможем поделать, разве что держать под наблюдением. Очевидно, вы выпрыгнули с парашютом?

— Да. Другой возможности не было. Они меня пытались перехватить во что бы то ни стало. Сейчас они, без сомнения, нашли мой корабль, да и координаты колонии им уже известны.

— О, они им известны с самого начала, с момента основания нашей колонии, — сказал Рулман. — Вы смелы, мистер Свени, и вам сопутствует удача. С вашим появлением вернулось то тревожное чувство, которого я не знал уже много лет, с момента нашего побега. Остается еще одна проблема.

— Какая? Если я могу вам помочь…

— Надо сделать один анализ, — сказал Рулман. — Ваш рассказ кажется весьма правдоподобным, во всяком случае, все факты сходятся. Вы существуете, но мы должны кое в чем убедиться.

— Конечно, — согласился Свени. — Начнем сразу.

Рулман взмахнул рукой и вывел его из кабинета через низкую каменную дверку. Они вышли в коридор, так похожий на переходы подземных поселений на Луне, что Свени даже не старался

запомнить дорогу. Естественная гравитация и свежий воздух успокаивали. Не беспокоил Свени и предстоящий анализ. Или эксперты управления Центра достаточно правильно «склеили» его, Свени, или… или у него уже не будет шанса стать настоящим человеком.

Кивком Рулман направил Свени в проем новой двери. Они оказались в прямоугольной комнате с низким потолком, десятком лабораторных столов и множеством разнообразных стеклянных предметов. Как и во всех помещениях на Луне, работали кондиционеры. Кто-то вышел из-за дистиллятора, в котором бурлила какая-то жидкость. Свени увидел, что это невысокая девушка с блестящими волосами, белыми ладонями и аккуратными маленькими ногами. На ней были белая рабочая куртка и сливового цвета юбка.

— Здравствуйте, доктор Рулман, — обратилась она к ученому. — Могу я чем-то помочь?

— Можешь, если оставишь ненадолго без присмотра дистиллятор, Майк. У нас новичок. Мне нужен тест на идентификацию. Справишься?

— Думаю, смогу. Надо только приготовить сыворотку. — Она подошла к другому столу, достала ампулы и принялась их встряхивать, рассматривая на просвет в лучах настольной лампы.

Свени наблюдал за ней. Он и раньше видел женщин-техников, но все они были так… далеки, и никто из них не держался с такой свободной грацией. У него немного закружилась голова, и он понадеялся, что его некоторое время ни о чем не будут спрашивать. Ладони вспотели, и так пульсировала кровь, что он испугался, как бы не заплакать.

Он неожиданно почувствовал себя мужчиной, и ему это совсем не понравилось.

Но его осторожность куда-то пропала. Он вспомнил, что девушка при его появлении совсем не удивилась, как и те адаптанты, что привели его в колонию. Почему? Доктор Рулман, наверняка, не был единственным, знавшим всех членов колонии в лицо, но он-то удивился при виде нового человека. К сегодняшнему дню поселенцы Ганимеда должны были изучить лица друг друга до мельчайшей морщинки, помнить наизусть жесты, манеры поведения, все достоинства и недостатки товарищей.

Девушка взяла Свени за руку, и на миг цепочка его мыслей прервалась. Что-то больно укололо его в кончик среднего пальца, и Майк стала отбирать капли крови Свени, перенося в лужицы голубоватой жидкости, расположенные на стеклянной

пластинке. Такие стекла Свени уже доводилось видеть — предметные стекла микроскопов.

Его мысли неохотно вернулись к главному вопросу. Почему местная молодежь не удивилась его появлению? Может, все дело в возрасте? Колонисты-основатели должны знать любого товарища в лицо, но колонисты второго поколения могут вовсе не удивиться, увидев незнакомое лицо.

Второе поколение?.. Значит, колонисты могли иметь детей! Об этом Свени и понятия не имел: на Луне о детях не упоминали. Конечно, лично для Свени это ничего не меняло. Ни в малейшей степени.

— Вы дрожите! — обеспокоено сказала девушка. — Я старалась уколоть не очень больно. Может, вы лучше присядете?

— Садитесь, садитесь! — тут же воскликнул Рулман. — Вам и так пришлось перенести большое напряжение. Ручаюсь, все пройдет через минуту.

Свени опустился на табурет и постарался поскорее освободить голову от посторонних мыслей. Девушка и Рулман тоже уселись возле стола, изучая в микроскоп пятнышки крови Свени.

— Группа крови нулевая, резус-фактор отрицательный, — сказала девушка. Рулман стал

записывать. — Ц — отрицательная, CDE/CDF, Лютерн-А — отрицательная, Колли-Седане — отрицательная, Льюис-А — минус, Б — плюс.

— Гмм, — протянул Рулман, слив все звуки в один. — Даффи-А — минус, Джейн-А и У — плюс, иммунопластичность по Бредмери — четыре, несерповидная. Очень чисто. Что скажешь, Майк?

— Хотите, чтобы я сравнила данные? — спросила девушка, задумчиво глядя на Свени.

Рулман кивнул, девушка подошла к Свени, и в другом его пальце появилась еще одна дырочка. Когда она отошла, Свени услышал новый щелчок пружинного ланцета. Он увидел, как из него выскользнула игла и коснулась пальца девушки. Наступила тишина.

— Совпадает, доктор Рулман.

Рулман повернулся к Свени и впервые с момента их встречи улыбнулся.

— Вы прошли тест, — сказал он с явным и неподдельным удовлетворением. — Добро пожаловать, мистер Свени. Теперь нам необходимо вернуться в мой кабинет, там мы сможем поговорить о вашем устройстве и работе. Работы у нас очень много. Спасибо, Майк.

— Всегда к вашим услугам, доктор Рулман. До

свидания, Свени, очевидно, мы с вами еще не раз встретимся.

Свени неуклюже кивнул в ответ и только в кабинете Рулмана окончательно пришел в себя.

— Для чего был этот анализ, доктор Рулман? Вы определяли параметры моей крови? И что вы можете сказать?

— Для меня он означал и означает вашу честность, — сказал Рулман. — Группа крови и другие факторы передаются по наследству. Они очень строго следуют законам Менделя. И параметры вашей крови показывают, что вы и в самом деле тот, за кого себя выдаете — потомок Боба Свени и Ширли Леверо.

— Понимаю. Но вы сравнивали мою кровь с кровью девушки. Для чего?

— Для уточнения некоторых частных факторов, возможных только внутри семьи, но невозможных в общей массе людей. Видите ли, мистер Свени, по нашим данным, Микаэла Леверо — ваша племянница.

4

По крайней мере, в десятый раз за последние два месяца Майк в изумлении уставилась на Свени. Она была удивлена и встревожена одно-

временно.

— И кто только, — спросила она, — вбил тебе это в голову?

Вопрос, как и всегда, таил в себе опасность, но Свени не медлил с ответом. Майк уже привыкла, что он медленно отвечает на вопросы, а иногда словно и вовсе их не слышит. Необходимость в осторожности была для Свени абсолютно очевидной, и он оттягивал момент, когда его уловки будут раскрыты. Пока что не появилось подозрений, что он сознательно избегает трудных или опасных для него тем.

Но рано или поздно они возникнут, и в этом Свени был уверен. Он не имел опыта обращения с женщинами, но успел уверовать, что Майк — исключительная представительница прекрасного пола. Быстрота ее восприятия иногда казалась ему телепатическим ясновидением. Он обдумывал ответ, облокотившись о поручень и глядя вниз во Впадину. С каждым днем время обдумывания приходилось сокращать, хотя вопросы не становились проще.

— Полиция Порта, — сказал он. — На такой вопрос у меня есть два ответа, Майк. Если я не мог узнать что-то от мамы, тогда источником информации для меня была полиция. Их разговоры

я подслушивал по уцелевшим линиям связи.

Майк тоже смотрела вниз, в туман Впадины. Стоял теплый летний день, и очень долгий — в три с половиной земных дня. Спутник сейчас находился на солнечной стороне Юпитера и вместе с ним все ближе подходил к Солнцу. Ветер, обдувавший камни долины, был нежен, оставляя в неподвижности гигантские побеги ползучих растений, заполнявших дно долины множеством жестких листьев, похожих на миллионы зеленоголубых лент Мебиуса.

Внизу все казалось погруженным в спокойствие, хотя спокойствия там как раз и не было. Гранитные корни ползунов, используя короткое время рассвета, настойчиво вгрызались в стены долины, рождая новые деревья и новые осколки. В теплую погоду лед-4 скачками превращался в лед-3, с грохотом меняя свой объем, и кристаллическая вода вызывала обвалы и оползни, раскалывая скальный массив на глыбы. Свени знал физику процесса — такое случалось и на Луне. Но там происходила перекристаллизация льда-1 в слоях гипса. Конечный же результат был одинаков — скальные оползни.

Отдаленный грохот, приглушенный расстоянием шум далеких подвижек грунта, — все это были

обычные летние звуки активности Впадины. И для уха Свени они казались такими же мирными, как и жужжание пчелы для уха землянина, хотя Свени, конечно, никогда не видел пчел, а только читал в книгах. Ганимед был восхитительным миром, хотя и не для человека-землянина, особенно не для землянина.

— Не понимаю, зачем полицейские то и дело врали друг другу, — сказала Майк. — Они же прекрасно знают, что никакого космического пиратства мы не ведем. Мы даже ни разу не взлетали с Ганимеда. Мы и не могли бы взлететь, даже если бы захотели. Зачем же им нужно было делать вид, что они этого не знают, особенно если не подозревали, что их подслушивают. Это бессмысленно.

— Не знаю, — ответил Свени. — Мне никогда и в голову не приходило, что они говорят неправду. Если бы я заподозрил их во лжи, то стал бы искать намеки или улики, пытаясь выяснить, почему же они лгут. Но у меня этого и в мыслях не было. А теперь уже поздно — остается только гадать.

— Но ты наверняка что-то слышал. То, чего не можешь вспомнить, хотя в памяти это сохранилось. Это слушал ты, а не я. Постарайся припомнить, Дон.

— Возможно, — сказал Свени, — они не знали, что говорят неправду. Нет закона, где бы говорилось, что полицейский обязан получать от начальства только правдивую информацию. Начально — на Земле, а я и полицейские находились на Луне. А говорили они вполне убедительно. Тема эта возникала в их разговорах то и дело, как бы невзначай. Словно они обо всем хорошо знали и были во всем уверены. Уверены в том, что Ганимед грабит пассажирские лайнеры везде вплоть до орбиты Марса. Для них это был факт. Вот как я об этом узнал.

— Звучит правдоподобно, — согласилась Майк. Тем не менее на Свени она не смотрела. Наклонила голову и всматривалась во Впадину, сцепив перед собой ладони. Ее маленькие груди касались поручней. Свени глубоко вздохнул. Запах ползучих стеблей и жестких листьев вдруг стал казаться странно тревожным.

— Скажи, Дон, — произнесла она, — когда ты впервые услышал разговор полицейских на эту тему?

Вопрос внезапно, словно щелчком кнута, вернул его к главной проблеме — выживанию, оставив в мозгу красный вздувшийся рубец. Майк была опасна, очень опасна, и он ни на миг

не должен этого забывать.

— Когда? — переспросил он. — Точно не помню. Все дни были на одно лицо. Где-то ближе к концу. Еще мальчиком я привык, что они говорят о нас, как о преступниках. И я не мог понять, почему. Потом решил: потому, что мы такие. Но для меня такой ответ не имел смысла. И я, и мама никогда не нападали на космические лайнеры, уж в этом я был уверен.

— Значит, уже в конце. Я так и думала. Они начали вести такие разговоры примерно тогда, когда энергия вашей батареи уже подходила к концу. Правильно?

Свени долго обдумывал вопрос — раза в два дольше, чем обычно. В присутствии Майк такая пауза была опасна. Он уже знал, куда ведут разговоры с Майк. Быстрый ответ таил в себе смертельную опасность. Нужно было создать видимость мучительных воспоминаний, выжимания информации из прошлого. Информации, как бы бессмысленной для Свени.

Некоторое время спустя он сказал:

— Да, это действительно примерно тогда и началось. Я стал сокращать длительность подслушивания. Энергии оно брало не много, но ее надо было сберегать. Она нам была жизненно необхо-

дима. Возможно, я пропустил нечто важное, что объясняло бы эту ложь. Это вполне возможно.

— Нет, — мрачно сказала Майк. — Думаю, ты услышал все, что мог услышать. Все, что ты должен был услышать. ДОЛЖЕН! И думаю, ты истолковал услышанное именно так, как этого хотели они, Дон.

— Может, так оно и было, — медленно произнес Свени, — но не забывай, что я тогда был мальчишкой. Я все воспринимал буквально. Но тогда получается, что они прекрасно знали о нашем существовании. Странно. Кажется, мы тогда еще не начали красть у них энергию. Мы все еще планировали установить на поверхности солнечную батарею.

— Нет, нет, они наверняка знали о вашем существовании еще за несколько лет до налета на купол, до того, как вы начали подключаться к их линии. Рулман недавно как раз об этом говорил. Есть очень простые способы засечь утечку или подключение к телефонной сети. Да и вашу стронциевую батарею тоже не удалось бы долго скрывать. Они выжидали до тех пор, пока не оказались уверены, что смогут вас захватить наверняка. А тем временем скармливали вам дешевую дезинформацию, когда вы их подслу-

шивали.

Так был положен конец легенде, придуманной для Свени полицейскими. Только максимум тупости, который она предполагала в адаптантах, позволил ей продержаться два месяца. Ведь никто не станет оберегать себя от опасности прослыть стопроцентным дебилом в глазах оппонента. Такой прием позволил Свени протянуть два месяца. Но не триста дней.

— Но зачем все-таки надо было лгать? — спросил Свени. — Они ведь спешили нас убить, как только появится возможность сделать это, не повредив купола и его оборудование. Какая им разница, что мы станем думать?

— Пытка, — мрачно сказала Майк, выпрямившись и сомкнув пальцы вокруг ограждения, словно птица, севшая на ветку. Она смотрела на далекую горную гряду на другой стороне Впадины. — Они хотели заставить вас думать, что все, к чему стремились адаптанты, о чем мечтали — рухнуло, а они сами деградировали до обыкновенных преступников. А раз немедленно захватить тебя и твою мать они не могли, то забавлялись, а сами готовились к нападению. Наверное, рассчитывали размягчить вашу волю, спровоцировать на какую-то ошибку, промах,

который облегчил бы им задачу. Им это просто нравилось. Приводило в хорошее настроение.

После недолгой паузы Свени сказал:

— Не знаю, Майк. Может, так и было, а может, и нет. Точно не скажу.

Она вдруг повернулась к нему и взяла за руку. Ее голубые глаза были прозрачны, как два кристалла.

— Откуда же тебе знать? — ее пальцы глубоко вдавились в руку Свени. — Кто мог тебе рассказать? Земля знает о нас только ложь и ничего кроме лжи. Ты эту ложь должен забыть — все! Словно ты родился только сейчас. Ты только сейчас РОДИЛСЯ, Свени. Только сейчас, поверь мне. Все, чем они напичкали тебя — ложь. Теперь ты начнешь узнавать правду с самого начала, как ребенок.

Она еще мгновение не отпускала его, словно хотела встряхнуть. Свени не знал, что сказать, какое выражение изобразить на лице. Но то, что он испытал на самом деле, было ему неизвестно. Он не осмеливался выдать свое чувство, отпустить на волю. Девушка яростно смотрела ему в глаза, и он не смел даже моргнуть.

Он и в самом деле родился недавно, родился мертвым.

Пальцы девушки внезапно разжались. Майк бессильно опустила руки. Теперь она снова смотрела в сторону Впадины, где возвышался горный хребет.

— Все зря, — сказала она глухо. — Извини. Хорошенький же у нас получился разговор племянницы с дядюшкой.

— Ничего, Майк, не расстраивайся. Мне было очень интересно.

— Не сомневаюсь... Пойдем, пройдемся немного, Дон. Меня уже тошнит от этого пейзажа Впадины. — Она широкими шагами направилась к нависающему каменному склону горы, под которым жила колония. Свени смотрел ей вслед, и его льдистая кровь бурно пульсировала. Как ужасно, когда теряешь способность думать. Он никогда не испытывал подобного головокружения, пока не встретил Майк Леверо. Временами оно становилось легче, но никогда не уходило полностью. Он был одновременно и рад, и опечален тем, что его генетическая связь с этой девушкой — ведь он был действительно адаптированный сын Ширли Леверо — в соответствии с земными обычаями, недопустимое кровосмешение. Но в действительности земные табу не имели силы здесь, на Ганимеде, колонисты такие запреты отбросили.

И Рулман объяснил почему.

— Можешь особенно об этом не волноваться, — сказал он еще в первый день в лицо пораженному Свени. — У нас нет никаких генетических причин опасаться внутреннего скрещивания. Даже наоборот. В таких маленьких группках, как наша, где нет притока свежих генов извне, генетическое смещение — основной эволюционный фактор. Если мы не предпримем мер, то с каждым поколением потеря незакрепленных генов будет увеличиваться. Этого мы, естественно, допустить не можем. Иначе в нашей группе исчезнут индивидуальности. Все станут одинаковыми. Никакое табу не оправдывает такого исхода.

Увлекшись, Рулман прочел Свени целую лекцию. Он объяснил, что, позволив скрещиваться родственникам, генетического смещения они не остановят. И в некотором отношении эффект получится обратный — смещение усилится. Колония предприняла меры, которые принесут плоды в восьмом поколении. К этому моменту Рулман уже употреблял такие слова, как аллель, изоморф, летальная рецессия и царапал на полупрозрачном листке слюды на столе генетические формулы. Потом, подняв голову, он увидел, что совершенно замучил своего слушателя. И это

показалось доктору весьма забавным.

Свени не обратил внимания на насмешку ученого. Он прекрасно осознавал свое невежество. К тому же планы колонии ему были безразличны. Целью его на Ганимеде как раз и была задача положить конец существованию колонии. Свени и раньше предполагал, что его поступками станет управлять безысходное одиночество. Но поразился, когда понял, что такое же одиночество тяготеет над всей колонией, за исключением разве что Рулмана.

Майк оглянулась и, нахмурившись, призвала его поторопиться. Свени поспешил за ней, но внутренне не расслабился, стараясь размышлять.

Многое из того, что он узнал в последнее время в колонии, если ему не лгали, — не мог же он все проверить — выдерживало проверку на истинность. Порой факты перечеркивали то, что он узнал от полицейских инструкторов Порта. Полицейские, например, говорили, что пиратство на пассажирских линиях преследовало две цели: пополнение запасов пищи, оборудования, инструментов, а самое главное — увеличение числа колонистов путем принудительной адаптации пленников.

По крайней мере, на данный момент никакого пиратства не существовало, в этом Свени уже убедился и верил Майк, что его и в прошлом не было. Тот, кто разбирается в баллистике пространственной навигации, поймет, что пиратство в космосе — вещь невозможная. Игра не стоит свеч, затраты никогда не окупились бы. Но имелся и еще один довод. Цель, которую полицейские приписывали колонистам, нелепа. Колонисты Ганимеда вполне могли увеличить свою численность естественным путем, не говоря уже о том, что совершенно невозможно трансформировать взрослого человека в адаптанта. Пантропологи должны работать с яйцеклеткой еще до ее оплодотворения, как со Свени. Но это же касалось и обратной операции, и осознание потрясло внутренний мир Свени. Невозможно превратить адаптанта в обычного человека земного типа. Обещание, которое манило Свени, оказалось зданием без фундамента. И если возможность обратной трансформации взрослого человека в землянина и существовала, то знал об этом лишь один Рулман. Свени же был сверхосторожен, он прямых вопросов не задавал. Ученый и без того сделал небезопасные выводы из тех фактов, которые подготовили полицейские Порта, снабдив

ими Свени. Он за два месяца научился уважать смелость и решительность Рулмана, но боялся его проницательности. И оставался еще открытым вопрос преступления, которое якобы совершили колонисты Ганимеда.

«Мы должны вернуть этих людей». Почему? Потому что мы должны знать то, что знают они. Но почему бы ни спросить у них прямо? Они не скажут. Почему не скажут? Потому что боятся. Они совершили преступление и должны понести наказание. Что же они сделали? Молчание.

Итак, состав преступления адаптантов до сих пор неясен. Они не совершали налетов на пассажирские лайнеры! Но даже если бы ганимедяне совершили невозможное и ограбили лайнер, взяв его на абордаж, то при чем тут первоначальное преступление, положившее начало самой пантропологии? Какое же ужасное преступление совершили родители адаптантов, если дети их оказались заброшенными на Ганимед навсегда? Дети не должны отвечать за то давнее преступление, это ясно. Дети даже никогда не были на Земле. Они были рождены на Луне и там же воспитаны в строгой тайне от всего мира. И то, что колонисты должны понести наказание за какой-то давний грех, и потому их необходимо вернуть

под власть Земли, тоже оказалось обманом, как и приписываемое им пиратство. Если преступление совершилось на Земле, его совершили земные люди, но ни в коей мере не адаптанты, ледяные потомки которых скитались сейчас по Ганимеду. Никто из гани-медян преступления совершить не мог.

Кроме Рулмана, конечно. И на Луне, и на Ганимеде было принято считать, что Рулман был когда-то нормальным человеком и жил на Земле. Это совершенно невозможно, но так почему-то считали. Рулман не отрицал, но и не давал прямого ответа. Возможно, преступление совершил он один, поскольку никого другого он втянуть не мог.

Но КАКОЕ преступление? Этого на Ганимеде никто не знал или же не хотел рассказать Свени. Никто из колонистов в эту легенду не верил. Большинство считало, что причина нелюбви землян — кардинальное отличие от них. Небольшая группа адаптанов считала, что само появление и развитие пантропологии и есть преступление. В пантропологии Рулман, конечно, повинен, если это можно назвать виной.

Почему пантропология или ее практическое применение должны рассматриваться как пре-

ступление — это для Свени оставалось загадкой. Но он многого не знал о законах, управляющих жизнью на Земле, и не стал тратить время, ломая над этим голову. Если Земля утверждала, что изобретение и использование пантропологии — преступление, тогда так оно и есть. И полицейские в Порту настойчиво внушали Свени, что он обязательно должен вернуть в их руки Рулмана, пусть даже все остальные пункты задания будут провалены. Но почему, этого власти Порта так ему и не сказали. И если пантропология — преступление, то полицейские тоже совершили его, создав Свени?

Свени прибавил шаг. Майк уже исчезла под нависшим над входом каменным козырьком. И теперь он не знал, в какое из десяти маленьких отверстий пещеры она вошла. Сам он знал лишь два из этих коридоров под горой. А сеть ходов была настоящим лабиринтом, и неспроста. Высверливая тоннели для своего дома, адаптанты никогда не забывали о возможности появления людей в скафандрах, которые могут прилететь на Ганимед. Человек, попавший в лабиринт колонистов, уже никогда не нашел бы дорогу обратно. И никогда не отыскал бы здесь адаптантов. Ходы запоминали, ибо никаких карт лабиринтов не

существовало, и колонисты строго соблюдали закон, запрещавший их составление.

Свени уже познакомился примерно с половиной коридоров, постаравшись запомнить. И если он не встретит кого-нибудь, то может рассчитывать на то, что раньше или позже попадет в знакомый сектор.

Первым встреченным объектом оказался сам доктор Рулман. Ученый вышел из тоннеля, который под острым углом пересекался с тем, где шел Свени. Доктор уходил прочь, так и не заметив юношу. После секундного колебания Свени последовал за ним, стараясь не производить шума. Шорох вентиляторов помогал ему.

У Рулмана была привычка куда-то исчезать на полдня, день или даже на неделю. Те, кто знал, куда и зачем исчезает доктор, держали язык за зубами. Теперь у Свени появился шанс узнать, где же скрывается доктор. Вполне возможно, что исчезновение Рулмана было связано с приближающимися метеорологическими кризисами, о чем все чаще приходилось слышать Свени. С другой стороны… Небольшое расследование вреда не принесет.

Рулман шагал быстро, опустив голову, словно маршрут был ему знаком до автоматизма и

перемещением в этом лабиринте надежно управляла привычка. Один раз Свени едва не потерял доктора и из осторожности немного сократил дистанцию. Достаточно запутанный лабиринт предлагал Свени множество убежищ, где он мог мгновенно затаиться, вздумай Рулман неожиданно обернуться. На ходу ученый что-то бормотал — совершенно непредсказуемый, но упорядоченный набор звуков, похожих на напев. Они не имели для Свени никакого смысла. Ученый не включал никаких охранных механизмов — это было совершенно ясно, так как Свени шел тем же путем, не встречая сопротивления. Наверное, доктор издавал звуки непроизвольно.

Свени был озадачен. Он впервые слышал, что Рулман что-то напевает.

Скала под ногами Свени медленно, но верно пошла вниз. Одновременно он обратил внимание, что воздух стал заметно теплее. Температура повышалась с каждой минутой. В воздухе ощущался негромкий пульс работающих машин.

Становилось жарко, но Рулман не замедлил шага. Пульсирующий шум — Свени уже смог определить, что это работа мощных насосов — тоже усилился. Теперь доктор и его преследователь шли по длинному прямому коридору, вдоль ко-

торого мелькали закрытые двери. Именно двери, а не входы в другие тоннели. Коридор был плохо освещен, но тем не менее Свени позволил Рулману уйти немного вперед. К облегчению Свени, у которого от шума даже немного закружилась голова, гул машин начал слабеть. Рулман же, кажется, вообще не обращал на него внимания.

В конце коридора доктор неожиданно нырнул в боковой проход, ведущий к каменной лестнице. Вниз ощутимо дул теплый ветер. Свени понимал, что теплый воздух должен бы подниматься вверх, но вентиляторов здесь не заметил. Так как сквозняк мог его выдать, донеся до Рулмана звук шагов, Свени удвоил осторожность.

Когда он ступил на последнюю ступеньку, Рулман исчез из виду. Вдоль внутреннего изгиба коридора стояли приземистые машины, от каждой уходили в стену мощные связки гофрированных труб. Именно эти машины и производили тот шум, что он слышал.

Здесь снова похолодало, стало слишком холодно, если учесть поток теплого воздуха, дувший вниз по лестнице. Что-то странное происходит здесь с законами термодинамики, подумал Свени. Он осторожно шел вперед. Пройдя несколько шагов, миновал первую машину, трубы которой

излучали ощутимый холод — и обнаружил воздушный шлюз. Именно шлюз, сомнений не было. Более того, кто-то недавно им воспользовался: наружная дверь была задраена, но сигнальная лампочка показывала, что внутри кто-то находится. Рядом в нише стены виднелись держатели скафандров, пустые и раскрытые.

Но все стало ясно, когда Свени прочитал надпись над дверью шлюза. Она гласила:

Лаборатория пантропологии № 1

ОПАСНО! НЕ ВХОДИТЬ!

В порыве паники Свени попятился от люка, словно человек, который отпрыгивает в сторону при виде надписи «50 киловольт». Ему это сразу напоминает об электрическом стуле. Теперь все стало ясно. С термодинамикой тоже все в порядке, просто Свени оказался внутри громадного холодильника. Насосы действительно были тепловыми насосами. И их гофрированные трубы не покрылись изморозью только потому, что в атмосфере Ганимеда не было водяных паров. Насосы переправляли тепло из воздуха через каменную стену в лабораторию.

Не удивительно, что лаборатория изолирована от остальной части лабиринта воздушным

шлюзом, и Рулману пришлось надеть скафандр, чтобы войти.

По ту сторону шлюза было жарко. Слишком жарко для адаптанта. Но для КАКОГО адаптанта?

Зачем Рулману здесь лаборатория пантропологии? То, что происходило в лаборатории, явно было чуждо условиям Ганимеда, равно как и эти условия чужды и враждебны земным.

А относится в Б, как Б к чему? С? Или А?

Неужели Рулман, несмотря на невозможность такого проекта, пытается переадаптировать людей колонии к земным условиям?

Определенно, по эту сторону камеры имеются индикаторы, с помощью которых можно получить информацию о параметрах среды внутри лаборатории. Они и нашлись в небольшом, прикрытом сверху козырьком углублении, которое Свени поначалу не заметил. Циферблаты показывали:

Температура по Фаренгейту: 59; давление в миллибарах: 614; точка росы: 47; давление кислорода, мм. рт. столба: 140.

Некоторые из показателей ничего не говорили Свени, он раньше не сталкивался с обозначением давления в миллибарах и не знал, как рассчитывать влажность воздуха по точке росы. Со шкалой

по Фаренгейту он был знаком, но настолько смутно, что уже забыл, как переводить градусы Фаренгейта в градусы Цельсия.

Но…

«Давление кислорода!»

Только для одной планеты, только для нее одной этот показатель что-то означал.

Свени повернулся и бросился прочь.

5

Свени уже не бежал, когда достиг кабинета Рулмана, хотя по-прежнему тяжело дышал. Чувствуя, что не сможет вернуться обратным путем, где накатывает волнами тепло, он направился в противоположную сторону — мимо гигантских теплообменников. Пришлось пробежать мили три, и по пути он совершил еще несколько открытий, потрясших его не меньше первого.

Свени даже усомнился в своем рассудке. Но решил выяснить все до конца. Теперь самым главным был ответ на вопрос: разрушатся или подтвердятся его надежды, с которыми он так долго жил?

Рулман уже вернулся в кабинет, и его почти непробиваемым кольцом окружали помощники. Свени протиснулся вперед, крепко сжав зубы.

— На этот раз придется задраить все люки, — говорил Рулман в микрофон. — Фронт давления слишком высок, и мы не можем полагаться на наружные шлюзы. Займись инструктажем, чтобы каждый знал, что ему предстоит делать, как только прозвучит сигнал тревоги. Опасайтесь попасть в ловушку между двумя закрывшимися шлюзами. В этом году непогода может начаться совершенно неожиданно, мы и глазом моргнуть не успеем.

В ответ послышалось неразборчивое бормотание, и динамик отключился.

— Халлам, как дела с уборкой урожая? Осталось меньше недели, ты это знаешь.

— Да, доктор Рулман, думаю, мы успеем.

— И, пожалуй, еще… А, привет, Дональд. Что с тобой? Вид у тебя неважный. Как видишь, я немного занят, поэтому постарайся покороче.

— Я постараюсь, — заверил Свени. — Если бы я смог поговорить с вами с глазу на глаз, то уложился бы в один вопрос. Всего несколько секунд.

Рыжие брови Рулмана удивленно поднялись, он внимательно посмотрел в лицо Свени и медленно поднялся.

— Тогда перейдем вот сюда, в эту дверь. Итак, молодой человек, выкладывайте. Надвигается

ураган, и времени остается очень и очень мало.

— Хорошо, — сказал Свени, глубоко вздохнув. — Итак, возможно ли трансформировать адаптанта в нормального человека? Нормального земного человека?

— Я понял, ты побывал на тех этажах, — сказал наконец ученый, постукивая пальцами по подбородку. — И по твоему вопросу я понял, что Ширли Леверо почему-то оставила тебя в полном неведении относительно некоторых вещей. Твое образование, гм, вспоминается затертая фраза — оставляет желать лучшего. Но об этом мы пока не будем.

Ответ на второй вопрос — в любом случае — НЕТ! Ты никогда не сможешь нормально жить ни в каком другом месте, кроме Ганимеда. И скажу тебе еще кое-что, о чем должна была сказать тебе мама: ты должен быть чертовски этому рад.

— Почему я должен быть этому рад? — почти равнодушно спросил Свени.

— Потому что, как и все обитатели этой колонии, имеешь тип крови «джей» плюс. Это факт, который не скрывали от тебя с самого первого дня, но ты на него почему-то не обратил внимания. Или не понял его особого значения. Такая кровь ничего опасного для тебя не несет, но толь-

ко здесь, на Ганимеде. Земные люди с кровью этого типа предрасположены к заболеванию раком. Рак для них так же опасен, как рана для гемофилика, который со своей несвертываемостью крови может умереть от пустяковой царапины.

Заметь, что если бы ты каким-то чудом превратился в обыкновенного земного человека, Дональд, это стало бы твоим смертным приговором. Поэтому я и говорю, что ты должен радоваться, что этого никогда не случится. Чертовски радоваться!

6

Метеорологический кризис на Ганимеде получил такое название только благодаря своим обитателям. Не будь на Ганимеде колонии, они проходили бы незамеченными. Кризис достигает своего максимума и расцвета примерно раз в одиннадцать лет и девять месяцев, когда Юпитер и его многочисленная семья из пятнадцати спутников ближе всего подходит к Солнцу.

Эксцентриситет орбиты Юпитера составляет всего 0,0484, что очень мало для эллипса со средним фокальным расстоянием в 483 300 000 миль. И тем не менее в перигелии Юпитер на целых десять миллиардов километров ближе

к Солнцу, чем в афелии. Погода на Юпитере, и без того дьявольская, в этот момент становится просто неописуемой. То же, хотя и в меньших масштабах, происходит и на Ганимеде.

Температура в этот момент не поднимается так высоко, чтобы начала таять шапка льда на Трезубце Нептуна, но достаточно, чтобы обитатели начинали ощущать пары льда-3 в атмосфере. На Земле никому и в голову не пришло бы назвать результат этого процесса влажностью, но погода на Ганимеде встает на дыбы даже от подобных микроскопических изменений. Атмосфера, которая обычно ВООБЩЕ не содержит водяных паров, реагирует стремительно. Она начинает разогреваться. Это раз. Цикл затихает через несколько колебаний, но результат от этого не менее зловещий.

Как понял Свени, колония довольно спокойно и без особых трудностей пережила один такой период, просто отступив под гору. Но по многим причинам повторить эту тактику невозможно. Теперь снаружи имелись полустационарные установки (погодные станции, обсерватория, радиомаяки, геодезические знаки). Их можно было демонтировать, лишь потратив массу времени и еще больше затратив потом на восстановление.

Более того, некоторые из этих устройств будут необходимы для наблюдения за продвижением кризиса и, следовательно, должны оставаться на местах.

— И не подумайте, что нас надежно прикроет гора, — сказал Рулман на общем собрании колонистов, сошедшихся в самую большую пещеру подземного лабиринта. — Я вам напоминаю, что кризис в этом году совпадает с максимумом активности солнечных пятен. Все знают, что они делают с погодой на самом Юпитере. И должны ждать схожего эффекта на Ганимеде. Неприятности будут в любом случае, несмотря на самую тщательную подготовку. Мы можем надеяться только на то, что неизбежные потери окажутся небольшими. И если кто-то надеется, что мы отделаемся малым испугом, пусть послушает меня еще минуту.

Последовала хорошо рассчитанная драматическая пауза. Аудитория затаила дыхание. Ветер, завывающий снаружи, слышался даже здесь. Этот вой напоминал, что в разгар бури все выходы будут тщательно перекрыты, и во всей колонии под горой придется дышать воздухом, прошедшим полный цикл очистки. Секунду спустя по залу пронесся общий вздох — невеселый вздох в

предчувствии нелегкого будущего.

Рулман улыбнулся.

— Я не хочу вас пугать, — заявил он. — Мы продержимся. Но я не потерплю никакой расхлябанности, особенно во время подготовки к кризису. Крайне важно на этот раз сохранить наружные станции. Они нам очень понадобятся еще до конца юпитерианского года — если все пойдет хорошо, конечно.

Улыбка неожиданно погасла.

— Думаю, нет нужды говорить, как нам важно завершить проект строго по графику, — тихо сказал Рулман. — Возможно, у колонистов не останется времени, когда полиция Порта возьмется за нас по-настоящему. Удивительно, что они до сих пор этого не сделали, учитывая, что мы скрываем беглеца, за которым полиция гналась почти до самой атмосферы. Мы не можем рассчитывать, что они дадут нам неограниченный запас времени.

Для тех, кто знаком с проектом, я хочу в общих чертах напомнить, что, возможно, все космическое будущее человечества может зависеть от нашего проекта. Мы не можем себе позволить поражения — со стороны Земли или местных природных сил. Если мы поддадимся, то потеряет

смысл наша долгая борьба за выживание. Я рассчитываю на каждого из вас.

Трудно было разобраться, о чем говорит Рулман, упоминая о «проекте». Ясно одно, это имеет какое-то отношение к пантропологической лаборатории внизу. И к первому кораблю колонии, который, как неожиданно вспомнил Свени, был упрятан в трубе стартовой шахты, почти такой же, как на Луне, из которой стартовал корабль Свени, унося к свободной и полной неожиданностей жизни. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: корабль готов к дальнему перелету маленькой группы людей или наоборот — к короткой экспедиции большой группы.

Свени ничего не знал о проекте, кроме того, что это долгосрочная программа колонистов по закреплению генов. Возможно, единственная связь двух «проектов» заключалась в их долгосрочности.

В любом случае Свени был достаточно осторожен и вопросов не задавал. Но внутри него началась буря, значительно обогнавшая бурю снаружи. И для Свени то, что происходило в нем, было значительно важнее погоды на Ганимеде или любой другой планете. Он не умел думать в масштабах общества, пусть и небольшого.

Воззвания Рулмана казались ему совершенно непонятными. Он был самым законченным типом эгоиста в Солнечной системе, но не по натуре, а по замыслу.

Возможно, Рулман это чувствовал. Так или иначе, но задание, которое от него получил Свени, было идеальной ссылкой для человека, более всего боявшегося одиночества. Рулман переложил груз невыносимо тяжелого решения на плечи того, кому и надлежало это решение принять. Или же изолировал шпиона властей Порта, поместив его в такое место, где тот мог причинить колонии меньше всего вреда, пока внимание колонии обращено на иные проблемы. Но, вероятнее всего, мотивы ученого были совершенно другими. Значение имел лишь поступок. Итак, Свени оказался в полной изоляции.

Рулман отправил его на южную полярную метеостанцию на весь долгий срок чрезвычайного положения.

Делать там было почти нечего. Только смотреть, как наметает у окон метановый «снег», и поддерживать станцию в приемлемом рабочем состоянии. Так как приборы передавали данные в автоматическом режиме, особой заботы они не требовали. Возможно, в разгар погодного кризиса

у Свени и появились бы дела поважнее. А может, и нет. Это еще предстояло выяснить.

А пока у него появилось достаточно времени, чтобы задавать вопросы, но обращаться было не к кому, кроме самого себя. Или ко все более усиливающемуся ветру.

Свени использовал передышку. Он вернулся пешком к отметке «эйч» на карте Хови, отыскал там свой закопанный передатчик. Потом вернулся на метеостанцию. На это ушло одиннадцать дней. Путешествие потребовало от него таких усилий, заставило пережить такие лишения, что узнай про них Джек Лондон, он смог бы из эпопеи Свени сделать прекрасную повесть. Для Свени же усилия ничего не значили: он не знал даже, воспользуется ли передатчиком, когда вернется на станцию. А что до саги его одиночного путешествия, то о сагах он и понятия не имел. Он даже не сознавал, что переход был необыкновенно тяжелым. Ему не с чем было сравнивать, ведь за свою жизнь он не прочел ни одной книги. Все вещи соизмерялись воздействием. И он продолжал себе задавать вопросы. Найдя ответы, он мог бы действовать в соответствии с ними. Если только удастся их отыскать.

Возвращаясь на станцию, он заметил пти-

цу-пинну. Почувствовав человека, она тут же зарылась в ближайший сугроб. Он больше ее не увидел. Но время от времени почему-то вспоминал. Вопрос же, мучивший его, формулировался очень просто: что предпринять?

То, что он по уши влюблен в Майк Леверо, совершенно ясно. Свени было сложно прийти к балансу эмоций, потому что он не знал названия своего чувства, и ему приходилось оперировать в уме чистыми переживаниями, а не более удобными символами. Каждый раз, когда Свени думал о Майк, он заново переживал потрясение. Но с этим нельзя ничего поделать.

Что же касается колонистов, он решил, что с любой точки зрения никакие они не преступники — если, конечно, не считаться с мнением Земли. Колонисты Ганимеда были народом храбрым, трудолюбивым, честным, в их среде Свени впервые в жизни нашел бескорыстную дружбу. И как все колонисты, Свени не мог не восхищаться Рулманом.

Именно эти три соображения не давали Свени включить передатчик.

Время, отпущенное на посылку сообщения Майклджону, уже почти истекло. Мертвый прибор на столе Свени должен послать одно из пяти

сочетаний пяти букв. И колонии на Ганимеде придет конец. Буквы означали:

ВАХХУ — «Имею объект, необходим корабль»; НАХХУ — «Имею объект, нужна помощь»; ХХАНУ — «Ищу объект, есть помощь»; ААХУХ — «Ищу объект, необходим корабль»;УУАВУ — «Имею объект, имею корабль».

Какова будет реакция компьютера на борту корабля, какие он предпримет действия в ответ на один из этих сигналов, неизвестно, но теперь это практически не имело значения. Любая реакция будет во вред колонии, ни один из пяти сигналов не подходил к сложившейся ситуации, несмотря на все интеллектуальные усилия, вложенные в подготовку операции.

Если Майкл джон не получит сигнала, он будет ждать до самого конца — то есть до истечения 300 дней. Возможно, это позволит «проекту» Рулмана осуществиться, чем бы этот проект ни был.

Земле потребуется как минимум два поколения, чтобы создать и воспитать нового агента вроде Свени, используя яйцеклетки давно (и к счастью) умершей Ширли Леверо. Очень маловероятно, что Земля на это пойдет. На Земле наверняка больше Свени знали о таинственном проекте главы ганимедской колонии. Трудно

знать меньше, чем Свени, так как он практически ничего не знал! И если Свени не сможет остановить проект, то следующим шагом Земли станет бомбардировка. Как только там поймут, что вернуть колонистов не удастся даже с помощью тщательно законспирированного агента вроде Свени, земляне просто уничтожат колонию.

Информация для размышления: цепная реакция. Свени знал, что на Ганимеде имеется солидное количество дейтерия — часть его связана в ледяных пластах Трезубца Нептуна в виде дейтерида лития. Ядерная бомба, взорвавшись в таких условиях, имеет большую возможность инициировать реакцию ядерного синтеза, который распылит спутник на атомы. Но если активные элементы распада врежутся в Юпитер, до которого всего 655 000 миль, гигант Солнечной системы вполне может взорваться. Вполне вероятна реакция углеродного или бета-цикла. Юпитер имеет малую плотность, но огромную массу. И ударная волна чудовищного взрыва испарит земные моря и океаны, с вероятностью три к пяти она способна вызвать ядерную реакцию на Солнце, которое превратится в новую звезду. Впрочем, на Земле к тому времени в живых не останется никого, и некому будет возблагодарить

Бога, если этого не произойдет. Поскольку Свени это было известно, то он не без оснований полагал, что и на Земле знают об опасности, а значит, Земля постарается использовать на Ганимеде только химическую взрывчатку. Но так ли это? Свени мало контактировал с землянами, и смутно представлял объем их знаний.

К тому же это не главное. Если Земля начнет бомбардировку, колония погибнет в любом случае. Исчезнет все, что обрел здесь Свени: пусть ограниченное, но чувство товарищества, немую неосознанную любовь, ощущение, что он вот-вот родится заново, станет совершенно другой личностью… Исчезнет и сам Свени, и весь его маленький мир. Если он пошлет сигнал Майклджону и компьютеру, его заберут отсюда живым. Но разлучат с Майк, Рулманом и колонией навсегда, навсегда. И он навсегда останется в старой мертвой оболочке. Он узнает безнадежно бесконечное одиночество. Или каким-то чудом Земля трансформирует его в обычного кислорододышащего землянина. Правда, с кровью типа «джей»-плюс!

А ветер все нарастал и нарастал. Ярость бури снаружи и внутри Свени увеличивалась синхронно. Такое совпадение являло классический

образец литературного приема, называемого персонификацией сил природы, но Свени понятия не имел о литературе, тем более — о ее приемах. Искусство имитации сил природы было для него пустым звуком.

Он даже не подозревал, что его одинокая битва в попытках спасти станцию, когда ветер снаружи миллионами клыков грызет подветренную часть фундамента, сравнима с этикой древних саг.

Сознание Свени было занято битвой с самим собой, и целые главы саги бессознательного героизма отбрасывались прочь. Свени всего лишь выполнял свое дело, и не более того.

Не было кодового сигнала, который мог бы рассказать капитану Майклджону правду о колонии и ее обитателях. Свени не мог пленить людей или человека, которые были нужны Земле, и не хотел этого делать или просить помощи для выполнения задания. Он больше не верил, что Земля «должна вернуть этих людей».

Любой сигнал поможет ему убраться с Ганимеда, если он хочет, чтобы его забрали.

Тем временем кризис достиг максимума и пошел на убыль. Свени удалось отстоять свою станцию. Он работал хорошо.

Свени еще раз проверил передатчик. Тот был

в полном порядке. Тогда он передвинул стрелку-указатель на один из медных контактов и нажал клавишу, посылая Майкладжону комбинацию ХХАНУ. Полчаса спустя встроенный в рацию осциллятор начал ритмично попискивать, подтверждая, что Майкладжон все еще кружится на орбите вокруг Ганимеда и передача Свени была принята.

Свени оставил передатчик на столе станции, вернулся в колонию и честно рассказал Рулману все: кем он был и что недавно сообщил.

7

Рулман пришел в ярость, но это была тихая, контролируемая буря, а потому в тысячу раз более страшная, чем любая открытая вспышка бешенства. Он просто сидел и смотрел на Свени через стол. С его лица исчезло все добродушие, а из взгляда — тепло. Несколько секунд спустя Свени понял, что Рулман его просто не видит — все внимание ученого занято собственными мыслями. Так же вовнутрь был обращен и его гнев.

— Я просто потрясен, — сказал он таким ровным голосом, что в нем, казалось, не было ни грамма эмоции. — И более того, я потрясен собственной слепотой. Я должен был предусмотреть нечто

подобное. Но ни сном, ни духом не подозревал, что они имеют нужное оборудование и знания и рискнут поставить все на карту такой долговременной программы. Короче, я был идиотом!

На миг в его голосе возникла какая-то эмоциональная окраска, но она была до того язвительной, что Свени невольно поежился. Но пока что в адрес Свени Рулман не произнес ни одного слова проклятия. Ученый бичевал самого себя.

Свени осторожно сказал:

— Откуда же вы могли знать? Я мог попасться на многих пустяках, но я изо всех сил старался, чтобы этого не случилось. Я мог бы скрываться еще долго, если бы захотел.

— Ты? — переспросил Рулман. Это единственное слово было страшнее удара. — Ты виноват во всем этом не больше, чем машина, Дональд, какой ты и являешься. Я слишком хорошо знаю пантропологию, чтобы думать иначе. Очень легко изолировать младенца-адаптанта, отрезать его от остального мира, предотвратив превращение в нормальное человеческое существо. Твое поведение было жестко запрограммировано.

— Разве? — с некоторой мрачностью спросил Свени. — Я ведь сам пришел и все рассказал. Разве не так?

— Ну и что? Разве это может теперь кому-нибудь помочь? Я уверен, что земляне включили в свои расчеты и такую вероятность. И вот ты стараешься играть за обе стороны против третьей. Третья сторона — это ты. Ты выдал себя, свой маскарад, но одновременно и колонию. Этим ничего не добьешься.

— Вы уверены?

— Вполне уверен, — сказал Рулман. — Они придумали для тебя приманку-награду. Судя по вопросам, которые ты задавал, они обещали трансформировать тебя в нормального человека, как только узнают от нас, как это сделать. Но все дело в том, что это принципиально невозможно, и ты это знаешь. Я очень сожалею, Дональд, поверь мне. И не моя вина, что они превратили тебя в существо вместо личности. Но и в колонии у тебя теперь нет будущего. Ты теперь всего лишь бомба, к тому же взорвавшаяся.

Отца Свени никогда не знал, а полиция Порта смогла воспитать у него минимум уважения к старшим. Он вдруг обнаружил, что Рулман вызывает у него ярость.

— Что за чушь вы несете, доктор Рулман? — сказал он, глядя на сидящего напротив человека. — Ничто еще не взорвалось. И я могу дать вам

массу полезных сведений, которые пригодятся. Конечно, если вы не решили сдаться… Рулман поднял на него глаза.

— А что ты можешь знать? — спросил он немного удивленно. — Ты сам сказал, что решение примет компьютер на борту корабля капитана, как там его — Майклджона. А с ним самим у тебя эффективной связи нет. Неподходящее время блефовать, Дональд.

— Зачем мне блефовать? Я больше, чем кто-либо знаю, как поступит с моим сообщением Земля, что она предпримет. Вся колония слишком долго была в изоляции. У меня же самый свежий опыт общения с землянами. Я бы вообще не пришел, если бы считал положение безнадежным. И если бы не послал такое сообщение, которое оставляет колонии некоторую надежду. И я не веду двойной игры, понимаете? Я целиком на вашей стороне! И хуже всего было бы вообще не посылать ничего. А пока что у нас есть передышка.

— И почему ты думаешь, — медленно спросил Рулман, — что я тебе поверю?

— Это вам решать, — резко ответил Свени. — Если я и испытываю сейчас колебания, то лишь потому, что жизнь в колонии не убедила, что мое будущее здесь. Колония сама виновата, что

слишком скрытна с собственными членами.

— Скрытна? — сказал Рулман, на этот раз с нескрываемым удивлением. — В каком смысле? Что нам скрывать?

— Я говорю о некоем «проекте». И о том первоначальном преступлении, из-за которого Земля стремится заполучить вас обратно. В особенности вас, доктор.

— Но… э-э, это знают все, Дональд. Это общеизвестный факт.

— Возможно, и так. Но вот какое дело — ведь мне он НЕИЗВЕСТЕН! И большинство колонистов, считая этот факт общеизвестным, упоминает о нем лишь косвенно. Словно это шутка, которую знают все. Но все — не знают. Вы понимаете? Я обнаружил, что половина второго поколения на Ганимеде имеет самое туманное представление о прошлом. И весь объем сведений, доступный такому новичку, как я, можно разместить в дырочке величиной с глаз птицы-пинны. А это опасно. Вот почему я мог бы предать колонию, если захотел, и вы не смогли бы меня остановить.

Рулман откинулся на спинку кресла и довольно долго молчал.

— Дети довольно часто не задают вопросов, даже когда не знают ответов, — пробормотал он

с ошеломленным видом. — Они любят притворяться, что знают ответ, даже если это не так. Поднимают себя в собственных глазах.

— Дети… и шпионы, — сказал Свени. — Некоторые вопросы не могут задавать ни первые, ни вторые, и почти по одинаковой причине. И чем меньше знают дети, тем больше шансов у шпиона остаться незамеченным среди взрослых.

— Я начинаю понимать, — сказал Рулман. — Мы считали, что защищены от нападения и шпионов, потому что шпиону с Земли не выжить здесь без специального оборудования, которое легко засечь. Тем временем мы сделали себя легко уязвимыми социально. Максимально уязвимыми.

— Именно так я и понимаю положение. И уверен, что, если бы мой отец остался жив, он бы позаботился, чтобы такого не случилось. Он был экспертом. Я верю в его способности, хотя и никогда своего отца не видел. Но теперь это чисто риторический вопрос: смог бы он нам помочь.

— Нет, — возразил Рулман. — Это очень даже важный вопрос. И ты это доказал, Дональд. Твой отец не смог предотвратить нашего социального ослабления, но, возможно, дал нам орудие, чтобы исправить положение.

— Вы имеете в виду меня?

— Да. Агент ты или не агент, но в тебе гены, которые были с нами с самого начала, и я знаю, как проявляется их эффект. И начинаю надеяться. Что мы должны предпринять теперь?

— Сначала, — попросил Свени, — расскажите, как возникла эта колония. И все остальное!

8

Это было не так просто.

ИСХОДНЫЙ ПУНКТ: Управление.

Задолго до начала межпланетных полетов большие города Америки потеряли возможность контролировать свои транспортные проблемы. Чисто политическое решение проблемы превратилось в химеру. Никакая городская администрация не была в силах истратить необходимое количество денег, чтобы рационально улучшить обстановку, поэтому в следующем туре чиновников устраняли разгневанные пешеходы или водители, которым тоже требовалась помощь.

Постепенно все проблемы транспорта легли на плечи полуобщественной организации, наделенной обширными полномочиями — Управлению Портов, Мостов и Авиалиний. Управление доказало свои возможности, возводя и поддерживая в

рабочем состоянии такие транспортные сооружения, как Голландский и Линкольнский тоннели, мост Джорджа Вашингтона, аэровокзалы Тетесборо, Ла-Гуардиа, Айдлин, Ньюарк. Не говоря уже о более мелких транспортных узлах и магистралях. Через десяток лет уже можно было проехать от Флориды до границы штата Мэн, целиком двигаясь по территории, которой владело Управление. Конечно, если вы могли уплатить соответствующую пошлину. И не боялись, что вас обстреляют из охотничьих ружей взбунтовавшиеся владельцы земель, которые продолжали сопротивляться засилью могущественного синдиката транспортных королей — Управления.

ВТОРОЙ ИСХОДНЫЙ ПУНКТ: пошлины. Управления транспортных магистралей были порождены штатами, и при этом они пользовались защитой закона, которого не было у других частных фирм, занятых торговлей. Здесь имелось такое положение: «Обе стороны не будут… уменьшать размеры пошлины или другим образом препятствовать Управлению самостоятельно устанавливать размеры этих пошлин, а также собирать их и прочие взносы». Федеральное правительство и Конгресс так и не привели в действие закон 1946 года, по которому размеры

пошлин должны уменьшаться после выплаты амортизации. Следовательно, пошлины оставались на прежнем уровне. Управление порта Нью-Йорк получало доход в двадцать миллионов долларов, и годовые сборы увеличивались ежегодно на 20 %.

Часть сборов шла на строительство новых транспортных сооружений. Большинство из них располагалось так, чтобы еще больше увеличивать количество пошлин, не принимая во внимание действительного решения проблем. Впереди опять же шло Управление порта Нью-Йорк. Оно без всякой надобности пробило третий ствол Линкольнского тоннеля, чем прибавило к ежегодному потоку машин на Манхэттене еще восемь миллионов, в то время как город и так задыхался от недостатка путепроводов, способных разгрузить его закупоренные улицы.

ТРЕТИЙ ИСХОДНЫЙ ПУНКТ: Полиция Порта. Управление с самого начала имело право нанимать работников для поддерживания порядка на собственной территории. И по мере того, как росло Управление, росли и его полицейские силы.

К тому времени, когда появился космический транспорт, Управление уже обладало правами и на него. Они не пожалели трудов, чтобы гаран-

тировать себе это право. Операции с воздушным транспортом научили тому, что только полный и абсолютный контроль имеет смысл. И вторая характерная деталь — Управление занималось лишь крупномасштабными финансовыми операциями. И его интересовали только те виды космического транспорта, которые были связаны с огромными затратами средств. Иначе они не получали бы прибылей от субподряда, от быстрой амортизации займов, от скидок на налоги для строительства новых предприятий. И от неограниченного возрастания новых пошлин, размер которых не уменьшался после того, как затраченные на строительство средства полностью окупались.

Цена посадки в первом космопорту составляла пять тысяч долларов. Хотя в воздушной навигации пошлины уже давно были объявлены вне закона, Порт Земля функционировал по собственным законам. И полицейские силы Порта по количеству превосходили армию государства, на территории которого Порт расположился. Очень скоро разница стерлась, и полиция Порта превратилась в Вооруженные силы США. Точнее, наоборот. Сделать это было нетрудно, ведь Управление Порта контролировало все остальные

министерства, включая и Порт Земля.

И когда через какое-то время после начала космических полетов люди начали задавать вопрос: «Как же мы будем колонизировать планеты?» — Управление Порта уже имело ответ.

ЕЩЕ ОДИН ПУНКТ: Терраформирование.

Терраформирование — преобразование других планет в некое подобие Земли, чтобы нормальные земляне могли жить на их поверхности. Порт Земля начинал с малого. Он уже был готов передвинуть Марс в точку, расположенную немного ближе к Солнцу, и совершить необходимые корректировки в отношении других планет. Потом переправить на Марс объем воды, равный Индийскому океану. То есть всего десять процентов того, что потом может понадобиться для терраформирования Венеры. Кроме того, на Марс было необходимо перевезти почву, примерно равную объему почвы штата Айова, чтобы посадить растения, которые постепенно изменят состав атмосферы. И так далее. Все это, указывало Управление, вполне осуществимо с точки зрения имеющихся ресурсов и будет стоить немногим меньше 33 миллиардов долларов. Управление Портов подсчитало, что вернет затраченное всего за какое-то столетие с помощью таких фокусов,

как пятидесятидолларовые марки «Рокет-пост», посадочные пошлины для Марса в размере десяти тысяч долларов, тысячедолларовые билеты в один конец и так далее. Конечно, цены не снизятся даже после того, как затраты будут возмещены. Скорее, наоборот. В целях поддержания всего проекта на ходу. Управление разумно ставило вопрос: какова альтернатива? Только купола? Управление Большого порта ненавидело купола. Во-первых, они были дешевы. И поток пассажиров под купол и обратно всегда будет незначителен. Это со всей горькой ясностью показал опыт Луны. И публика тоже ненавидела купола, и уже проявилось массовое нежелание жить в них. Что же касается правительств, кроме правительства США, к которому Управление сознательно сохраняло благосклонность, они тоже были настроены против куполов. И против той ограниченной колонизации, которую те обеспечивали. Им хотелось избавляться от перенаселенности не по чайной ложке в месяц, а по танкеру в день. Если Управление и знало, что иммиграция не уменьшает, а увеличивает народонаселение, то держало это в секрете. Правительства были предоставлены сами себе. Итак, куполам было сказано решительное «нет!»,

терраформированию — решительное «да!»

Потом появилась пантропология.

Эта третья возможность, новый вариант колонизации планет, оказалась сюрпризом для Управления и для Порта Земля. И винить в этом было некого, кроме самих себя. Идея генетически трансформировать колонистов вместо того, чтобы трансформировать планеты, была стара и родилась еще во времена Олафа Стэплтона. Позднее к ней обращались многие писатели. Уходила она корнями в мифологию, к Протею, и в глубины человеческой психики, где был порожден оборотень, вервольф, эльф, вечно странствующая переселяющаяся душа.

И вдруг все это оказалось возможным. И очень скоро превратилось в факт.

Управление пришло в негодование. Пантропология требовала высоких первоначальных затрат. Но постепенно метод должен становиться все дешевле и дешевле. Колонисты чувствовали себя как дома в мире, к которому были адаптированы, и воспроизводились естественным путем, без посторонней помощи. В самом крайнем случае пантропология обеспечивала колонизацию в два раза дешевле, чем с помощью самых простых и дешевых куполов. В сравнении с террафор-

мированием даже такой небольшой и удобной планеты, как Марс, она вообще ничего не стоила. С точки зрения Управления.

И не было возможности собрать пошлину даже с первоначальной стоимости проекта. Все было слишком недорогим, чтобы тратить на это время и усилия.

«Неужели ваш ребенок станет МОНСТРОМ?»

«Если группа влиятельных ученых добьется своего, ваш сын или внук будет влачить жалкое существование на ледяных просторах Плутона, где даже Солнце не более искорки в небе. И они никогда не смогут вернуться на Землю, пока живы! И едва ли смогут это сделать после смерти!»

«Да, существуют и развиваются планы превращения еще не родившихся невинных младенцев в жуткие инопланетные существа, которые погибнут в ужасных мучениях, если только осмелятся ступить на зеленую траву мира предков. Не дожидаясь результатов медленного, но неизбежного завоевания человеком Марса, эти выдающиеся мыслители, запершись в своих «башнях из слоновой кости», работают над созданием пародий на человека, отвратительных карикатур на людей. Эти уроды станут жить в самых адских условиях других планет.

Процесс, позволяющий производить подобных монстров с огромными затратами, называется пантропологией. Она уже существует, хотя и опасно несовершенна. Глава этих мудрецов-ревизионистов — доктор Джекоб Рулман…»

— Подождите, — остановил доктора Свени.

Он прижал кончики пальцев к вискам, потом отпустил и, дрожа, посмотрел на Рулмана. Ученый положил на стол вырезку из старого журнала, которую читал для Свени. Даже в тефлоновой оболочке бумага после тридцати лет пребывания на Ганимеде сильно пожелтела… Остатки волос на лысеющей голове Рухмана были такими же огненными, как у человека на фотографии.

— Какая гнусная ложь! Теперь я понимаю, как меня обрабатывали! И ложь оказалась действенной. Теперь, когда я понял… уже другое дело…

— Я знаю, — тихо сказал Рулман, — им было не трудно. Адаптант-ребенок всегда изолирован от мира, и ему можно внушить все, что угодно. У него нет другого выбора, кроме слепого подчинения и безоговорочной веры. Ему отчаянно не хватает непосредственного контакта с другими людьми, он никогда не узнает, что такое объятия матери. Это крайний случай «ребенка

из пробирки» — мать, давшая ему свои гены, может находиться по другую сторону стеклянного барьера и одновременно в другой эволюционной ветке. Даже пусть он и слышит голос матери, но только по проводам, если вообще слышит. Я знаю это, Дональд, можешь мне поверить. Я испытал это на себе. И мне было очень тяжело.

— Значит, Джекоб Рулман был…

— Да, моим генетическим отцом. Мать умерла рано. Так часто бывает — от тоски. От разлуки с ребенком. Как и твоя мать. Но отец рассказал мне всю правду, там, в пещерах Луны. И вскоре был убит.

Свени глубоко вздохнул.

— Теперь я начинаю все понимать. Продолжайте, пожалуйста.

— Ты уверен, что все понимаешь, Дональд?

— Продолжайте. Прошу вас.

— Ну хорошо, — задумчиво сказал Рулман. — Управление провело через правительство закон, запрещающий пантропологию. Но поначалу он был довольно беззубым. Конгресс еще не вполне понимал, что же он должен запретить. Да и опасался запрещать опыты с животными вообще. А Управление не было расположено к откровенности. И мой отец спешил, занимаясь

пантропологией, пока в законе имелись пробелы. Он отлично понимал, что такое положение продлится недолго. Как только Порт сочтет время подходящим, закон мгновенно прикроет все дыры. И еще отец был убежден, что колонизировать планеты с помощью куполов или терраформирования невозможно. Эти приемы могут сработать на некоторых наших планетах — Марсе, Венере. Но не за пределами системы.

— За пределами Солнечной системы? Но как же достигнуть звезд?

— С помощью межзвездного двигателя. Он существует уже пять десятилетий. Совершено несколько исследовательских экспедиций, и некоторые были весьма удачными, хотя в прессе о них не найдешь даже упоминания. Для Порта и его Управления от таких путешествий никакой выгоды. Поэтому патенты на двигатель куплены и положены под сукно, данные экспедиций засекречены, а в прессу не просочилось ни звука. Но генераторами овердрайва оснащены все корабли Управления. Даже наш корабль. Так же, как и твой — там, на орбите. Свени потрясенно молчал.

— Большинство планет нашей системы непригодны для постройки куполов или терраформиро-

вания. Например, Юпитер. И для многих других невозможна колонизация первого или второго типа. А на межзвездных трассах Управлению и вовсе нечего делать. Там никогда не будет грузопотока, способного принести прибыль Порту.

Но человечество рано или поздно шагнет к звездам. А единственный путь их освоения — пантропология. Каким-то образом отцу удалось «продать» эту идею влиятельным людям — политикам со связями и средствами. Удалось отыскать даже некоторых участников тайных межзвездных экспедиций, которые знали о планетах других солнц и о генераторе овердрайва не понаслышке. Все эти люди решили дать пантропологии шанс — совершить эксперимент, который в случае удачи всегда можно было бы продолжить.

Этот эксперимент — наша колония на Ганимеде.

Порт объявил нас преступниками. Но когда они отыскали наши лунные лаборатории, было уже поздно. Мы успели сбежать. После этого закон обнажил клыки, и пантропология была убита.

Вот почему, Дональд, само наше существование — уже преступление. Полиция Порта желает ДОКАЗАТЬ провал колонии. Для этого мы им и

понадобились. Они хотят выставить нас на всеобщее обозрение, как уродцев в балагане. И сказать народу Земли, что наша попытка на Ганимеде с треском провалилась, а им пришлось вытаскивать нас из собственного дерьма.

Ну и… У них же ничего нет, только эти фальшивые обвинения в нападении на пассажирские корабли. Нас будут судить. И казнят. Скорее всего, они публично разгерметизируют камеры, и мы погибнем от кислорода родной планеты наших предков. Да, это будет убедительный штрих в картине, отличный урок общественному мнению.

Свени судорожно сжался на стуле от совершенно непривычного чувства — ненависти и отвращения к самому себе. Теперь он понимал Рулмана — он, Свени, предал всех. Всех!

А ученый безжалостно продолжал:

— Теперь о нашем проекте. Он очень прост. Мы знаем, что людям не колонизировать звезд без пантропологии. Мы знаем, что Управление никогда не позволит ей развиваться. Значит, мы сами должны нести пантропологию к звездам. Пока Порт нас не остановит. Одна планета, две, три… И так до бесконечности.

Именно это мы пытаемся совершить. Точнее, СОБИРАЛИСЬ! У нас есть старый корабль, переобо-

рудованный для первого перелета. И поколение детей-адаптантов. Они не смогли бы жить на Земле, но не смогут жить и на Ганимеде. Зато смогут жить на одной из шести открытых внесистемных планет. Все шесть находятся на разных расстояниях от Солнца. Куда отправятся дети-адаптанты, будет решено только после старта. Тогда никто из оставшихся не сможет их выдать, и Земля не отыщет этот корабль. Это будет началом гигантской программы — «СЕМЯ». Мы засеем звезды людьми. Если только успеем стартовать.

Дверь в кабинет Рулмана тихо отворилась, и с озабоченным видом вошла Майк Леверо, держа в руках блокнот и карандаш.

— Извините, — сказала она. — Я думала… Что-то случилось? У вас такой мрачный вид…

— Да, кое-что случилось, — согласился Рулман. Он посмотрел на Свени, и тому вдруг захотелось улыбнуться, хотя он понимал, что этого делать не следует.

— Тут уже ничем не поможешь, — сказал Свени. — Доктор Рулман, полагаю, колонистам придется устраивать мятеж против вас.

9

Осветительная ракета вспыхнула примерно в трех милях от тягача. И хотя она повисла над западным краем, во Впадину просочилось достаточно света, чтобы бросить отблески на урчащий, раскачивающийся на ходу полугусеничный грузовик.

Но звук работы двигателя был слишком слаб для обнаружения, а мерцающий свет мало волновал Свени. Тягач упорно полз на север с постоянной скоростью двадцать миль в час. Сквозь густую растительность Впадины его очень трудно засечь с воздуха. Не легче, чем мышь, шуршащую под корнями деревьев в дремучем лесу. Да и вряд ли кому придет сейчас в голову наблюдать за Впадиной. В предгорьях и на самом плато шла битва, а это зрелище куда более привлекательное, чем грузовик. Свени с напряжением прислушивался к отголоскам далекого сражения.

Тягачом управляла Майк. Свени, скорчившись, сидел в грузовом отсеке рядом с огромным алюминиевым баллоном, глядя на экран радара. Параболическая корзина тягача была направлена в ту сторону, откуда они с Майк недавно уехали и где осталась последняя автоматическая релейная

станция. Ее большой радиотелескоп сканировал обстановку.

Свени не обращал внимания на низкочастотные сигналы, проносящиеся по экрану. Это были ракеты малого калибра — часть сражения, не сказывавшаяся на главном соотношении сил. Силы повстанцев, как и несколько дней назад, удерживали гору и ее тяжелые ракетные установки, но атака набирала силу.

В целом же ситуация напоминала пат в шахматной партии. Хотя повстанцам удалось при помощи фокуса с вентилятором выкурить приверженцев Рулмана из лабиринтов колонии под горой, они явно уступали на открытом пространстве. Теперь они теряли позиции в два раза быстрее, чем захватывали их раньше. Прикрывающий огонь с горы мало чем помогал. Огонь был массированным, но ужасно неточным. Частые вспышки ракет говорили о плохой видимости и никуда не годной корректировке огня. Приверженцы Рулмана, хотя их и вытеснили из колонии, удерживали в руках все аэрокары. И нагло летали над передовой с выключенными прожекторами.

Другой вопрос: что они станут делать, когда перейдут к непосредственной задаче — взятию горы? Только ядерный заряд способен нанести

заметный вред скальной породе. Но для любой из сторон прибегать к этому крайнему средству — самоубийство. Битва еще не дошла до такой степени ожесточения. Но что впереди, неизвестно.

И на кораблях с Земли, которые просматривались на экранах радаров, это хорошо понимали. Они располагались так, что становилось ясным: земляне догадываются, что повстанцами руководит Свени. Однако никаких попыток прийти к нему на помощь они не делали, оставаясь внутри орбиты Ганимеда на расстоянии в 900 000 миль от планеты. Корабли имели запас времени для бегства, если бы заметили на поверхности вспышку ядерного пламени. Они находились достаточно близко, чтобы вытащить Свени, если обнаружится, что победа клонится на его сторону.

Сквозь рев турбины пробился слабый голос Майк.

— Что случилось? — переспросил Свени, наклонив голову.

— …опять завал впереди. Наверное, луч не пробьется.

— Останови, — велел Свени. — Надо взять новый азимут.

Тягач послушно остановился, и Свени сверил данные с экрана монитора с цифрами, получен-

ными от Рулмана. 900 000 миль — это близко. Ударная волна от взрыва спутника покроет это расстояние примерно за пять секунд, неся с собой мгновенное разрушение. Но пяти секунд автоматам земных кораблей хватит, чтобы перейти в режим гиперпространственного полета. Он дважды хлопнул девушку по плечу.

— Пока нормально. Поехали дальше.

Ответа Свени не расслышал, но голова в защитном шлеме согласно качнулась, и тягач медленно пополз по головокружительному лабиринту валунов, что каждый год скатывались во Впадину в результате расслоения слоистых пород обрыва. Обернувшись, Майк улыбнулась. Траки гусениц слишком громко скрежетали по камням, и она не надеялась, что Свени расслышит хотя бы слово.

Схема событий зависела от массы «если» и могла в любой момент развалиться, подведи хотя бы одно из звеньев цепочки. Сигнал, посланный Майклджону, ничего не сказал пилоту, ведь он не знал кода. Но компьютер понял, что Свени еще не готов. И предположил, что Свени пытается взять ситуацию под полный контроль…

— А как мы узнаем, что компьютер поступил именно так? — спросил Рулман, когда они вдвоем составляли план.

— Если после окончания предельного срока корабль Майклджона останется на орбите, значит, мы не ошиблись в расчетах, у него небольшой корабль, к тому же без оружия и экипажа. Спуститься на поверхность Ганимеда и присоединиться к небольшой группе повстанцев он не сможет. Даже если такая идея придет ему в голову. Нет, Майклджон будет сидеть смирно…

Тягач перевалил через прямоугольный валун. Сползая по обратной стороне, он тяжело шмякнулся на грунт, покрытый камнями поменьше. Свени оторвался от экрана, чтобы проверить, как поживает алюминиевая канистра. Она была надежно закреплена, хотя несколько кирок и разных инструментов вырвало из зажимов, и они мотались по отсеку. Внутри канистры дремало чудо искусства фейерверков, чудо, изготовленное с учетом условий здешней химии. Свени пробрался в кабину и сел рядом с Майк.

Невозможно было рассчитать, сколько же времени у них в запасе. Сколько времени отпустила ему машина на борту корабля? Майклджон не проявлял своего присутствия, хотя радиотелескоп показывал, что корабль все еще на орбите. Колония жила и работала так, словно никакой передышки и не было. И когда предельный срок

миновал, Рулман и Свени не стали поздравлять друг друга. Могли ли они надеяться, что отсрочка означает именно то, о чем они мечтали? Они продолжали работу, вкладывая в нее все силы.

Активное движение машин, людей, вспышки бутафорских взрывов должны были обмануть Майклджона, создать впечатление гражданской войны внутри колонии. Восстание «началось» через одиннадцать дней после истечения последнего срока. По всем признакам сторонники Рулмана перенесли свою базу к северному полюсу Ганимеда. Свени и Майк установили в джунглях Впадины устройства, которые должны были создавать на радарах Майклджона массу помех, иллюзию активного перемещения сражающихся, передислокацию групп вокруг северного полюса.

Теперь Свени и Майк возвращались назад…

Компьютер на орбите выжидал. Майклджон, очевидно, поверил в реальность бунта и ввел в машину соответствующие данные. Поначалу перевес и инициатива были на стороне Свени. Затем наступил день, когда силам повстанцев не удалось продвинуться вперед. У компьютера не было причин усомниться, что происходит именно то, что он наблюдает.

— А почему компьютер должен усомниться? —

спросил Свени. — Не так уж сложно заставить его экстраполировать дальше первой производной. Это же игрушки.

— Ты очень уверен в себе, Дональд, — заметил Рулман. Свени поежился на сидении кресла, вспоминая его улыбку.

Никто из адаптантов — и Свени в их числе — не имел настоящего детства, и тем более «игрушек». К счастью, к полицейским Порта это не относилось. Они поверили в игрушки…

Тягач снова вышел на относительно ровный участок, и Свени поднялся, чтобы сверить показания радаров. Склон оползня, как и предвидела Майк, отрезал луч релейной станции. Свени включил поворотный механизм антенны. Близкий склон Впадины закрывал большую часть обзора, но видимость постепенно станет улучшаться.

По мере того как приближался северный полюс, дно Впадины неуклонно поднималось. Свени с удовлетворением убедился, что корабли Земли находятся на прежнем месте. То, что Майклджон, недовольный пассивной тактикой компьютера, запросит указаний у своего командования на Земле, они предвидели с самого начала. Совершенно очевидно, что восстание на Ганимеде,

которое можно было истолковать как решение части адаптантов «вернуться домой», идеально соответствовало целям Земли. И Земля не только велела Майклджону сидеть смирно, но и поспешила с подкреплениями для Свени.

И Рулман, и Свени предвидели такой ход событий и решили рискнуть. Они подготовились именно к такому повороту. Риск себя не оправдал — корабли Земли пришли, ну и что?

Свени решил выйти из тягача. Прежде чем отстегнуть ремень безопасности, он наклонился поцеловать Майк, отвлекая ее от управления грузовиком.

Взрыв швырнул его обратно на сидение.

Когда Свени пришел в себя, в голове противно звенело. Казалось, двигатель тягача заглох: кроме звона и отдаленных взрывов, Свени ничего не слышал.

— Дон? Ты цел? Что это было?

— Ага, — сказал он, садясь. — Все в порядке. Ударился головой о панель. Судя по звуку, крупнокалиберная ракета.

— Одна из наших? Или… — в слабом свете приборной панели девушка выглядела встревоженной.

— Не знаю, Майк. Судя по звуку, ракета упала в

овраг неподалеку от нас. Что с двигателем?

Она коснулась стартера, и двигатель мгновенно проснулся.

— Наверное, я его машинально выключила, — предположила Майк. — Что-то не то. Плохо работает гусеница с твоей стороны. — Она переключила передачу.

Свени отодвинул в сторону дверку кабины и выпрыгнул на каменистый грунт. Потом присвистнул.

— Что там?

— Взрыв случился ближе, чем я думал. Правая гусеница почти перерублена. Скорее всего, ударило осколком скалы. Брось мне фонарик.

Наклонившись, Майк передала ему фонарь, потом дуговой сварочный аппарат и защитные очки. Свени прошел к корме, надел очки и включил резак. Дуга вспыхнула голубым огнем. Секунду спустя гусеница, подобно разворачивающейся змее, сползла с четырех больших серых покрышек правого борта. Волоча хвост кабеля, Свени перешел на левую сторону и разрезал вторую гусеницу. Потом он вернулся к кабине.

— Ладно, давай вперед, но медленно. Пока доберемся до лагеря, острые камни изрежут покрышки на куски.

Лицо Майк побледнело, но она ничего не спросила. Тягач медленно пополз вперед. Мили через две раздался мощный хлопок. Свени и Майк подпрыгнули на сиденьях. Проверка показала, что лопнула правая покрышка. Еще через две с половиной мили полетела левая. К счастью, они находились на разных осях. По мере подъема грунт становился все менее опасным, но через пять миль прокололась левая задняя.

— Дон?

— Что, Майк?

— Думаешь, бомба была с земного корабля?

— Не знаю, Майк. Но очень сомневаюсь. Они слишком далеко, чтобы вести прицельный обстрел Ганимеда. Да и зачем им это нужно? Скорее всего, потеряла управление одна из наших торпед. — Он щелкнул пальцами. — Погоди! Если мы начали палить друг в друга из больших калибров, с кораблей это должны заметить. И мы можем проверить: ЗАМЕТИЛИ ЛИ?

Ба-бах!

Тягач накренился. Свени мог, не глядя, сказать, что лопнула правая ведущая. Оставшуюся милю придется тащиться на ободах — основной вес приходился именно на корму. Управляющие колеса пока держались, поскольку нагрузка на

них была минимальной. Скрипя зубами, Свени расстегнул пряжку ремня и пробрался к экрану радара на корме. По пути он на всякий случай проверил крепление металлической бочки.

Теперь луч на экране прочесывал гораздо больший сектор неба над Ганимедом. Невозможно было вычислить триангуляционное положение земных кораблей, но пульсирующие искорки на экране заметно поблекли. Свени понял, что эскадра отодвинулась еще на сотню тысяч миль.

Он усмехнулся и наклонился к уху Майк.

— Это была наша торпеда, — сказал он. — Рулман пустил в ход тяжелую артиллерию, вот и все. Кто-то из пилотов уронил ее над Впадиной. Эскадра заметила усиление огня и из предосторожности отступила. Ведь ситуация выглядит более напряженной. Того и гляди, повстанцев тяпнут ядерной боеголовкой. Полиция Управления не собирается подставлять борта взрывной волне, когда это случится. Они знают, что возможна детонация всей планеты. Сколько нам еще осталось ползти?

— Мы… — начала было Майк.

Ба-бах!

Майк схватилась за выключатель зажигания, и мотор заглох.

— …уже на месте, — заверила она. И вдруг засмеялась.

Свени сглотнул, стараясь избавиться от комка в горле, и вдруг обнаружил, что и сам усмехается.

— С тремя целыми покрышками! — сказал он. — Гип-гип-ура! Теперь беремся за работу.

В небе лопнул еще один осветительный снаряд. Свени обошел тягач с кормы, и Майк осторожно двинулась следом. По пути она с тоской осмотрела разорванные покрышки из силиконовой резины. Пятая, последняя шина была только проколота, и ее еще можно было починить.

— Отстегни крепление бочки и опусти стенку кормы, — велел Свени. — Осторожно. Теперь давай спустим ее вниз. Вот сюда.

Среди массивных узловатых корней и стволов растений таились маленькие электронные устройства. Они-то и создавали иллюзию энергетической активности, которая для приборов эскадры выглядела надежным доказательством крупного военного лагеря, находящегося якобы на этом месте. На экранах его, естественно, увидеть нельзя — видимый свет слаб, инфракрасное излучение еще слабее, ультрафиолет не пропускала атмосфера. Наблюдатели на корабле и не БУДУТ стремиться что-то увидеть из космоса. Но

детекторы сообщат о крупных затратах энергии, а торпеды, летящие в эту сторону, подтвердят вывод, что здесь находится лагерь, атакуемый повстанцами. Этого вполне достаточно.

Вдвоем они установили алюминиевый баллон в самом центре этого электронного иллюзиона.

— Я пока сниму пробитую покрышку, — сказал он. — До старта остается пятнадцать минут, да и покрышка может нам еще пригодиться. Знаешь, как эта штука подключается?

— Я ведь не идиотка. Занимайся покрышкой.

Пока Свени работал с колесом, Майк отыскала главный кабель, питавший электронные излучатели, и подключила к бочке. В специальный разъем она вогнала пружинное устройство, которое активирует установку, как только по обмоткам соленоида потечет ток.

Один провод от запала шел к соленоиду, второй — к выкрашенному в ярко-красный цвет пульту на боку алюминиевого баллона. Она проверила кнопку на другом конце кабеля. Все готово.

— Майк, как у тебя идут дела?

— Полная готовность. Пять минут до старта.

— Отлично, — сказал Свени, забирая у девушки катушку с проводом. — Теперь забирайся в кабину и отведи тягач подальше за горизонт.

— Зачем? Ведь никакой опасности нет. А если бы и была, то какой прок в том, что я спрячусь?

— Послушай, Майк, — сказал Свени. Он уже шагал, разматывая катушку с проводом. — Нужно убрать машину в безопасное место. Она нам еще пригодится, а когда рванет «бочка», тягач может случайно загореться. Кроме того, вдруг полиции Порта захочется повнимательнее осмотреть это место? Они же могут что-то заподозрить. МЕНЯ же без машины им ни за что не заметить. Вот почему грузовик нужно убрать подальше. Разве это не логично?

— Ну ладно. Только поосторожнее, чтобы тебя не убило.

— Не убьет. Я вернусь к тебе сразу, как только спектакль закончится.

Не очень убедительно нахмурившись, она забралась в кабину тягача, который вскоре медленно пополз по склону. Свени еще долго слышал хруст и скрежет голого металла ободов о камни, но в конце концов грузовик оказался не только за пределами видимости, но и слышимости.

Свени продолжал идти до тех пор, пока катушка с проводами не перестала разматываться. Фальшивый военный лагерь остался в миле от него. Он крепко сжал пульт в ладони. Сверился с

часами и присел на выступ скалы.

В небе голубыми солнцами взорвалась цепочка осветительных ракет. Где-то просвистел снаряд, потом мелко задрожал грунт. Свени надеялся, что торпедные операторы повстанцев не станут испытывать свою меткость.

Но теперь ждать осталось недолго. Через несколько часов корабль колонистов, что пока укрыт в тайнике внутри горы, понесет поколения новых детей-адаптантов к одной из шести неизвестных звезд.

Двадцать секунд.

Пятнадцать.

Десять!

Пять!

Свени нажал кнопку.

Сработал запал. Ослепительный клубок света, полностью погасить который не смогли даже защитные очки, поднялся в небо Ганимеда. Жар ударил Свени сильнее, чем выхлоп из дюз ракетного ранца по спине… Как же давно это было! Ударная волна долетела до него примерно через десять секунд после взрыва. Она швырнула Свени на скальный выступ так сильно, что он расквасил нос.

Не обращая внимания на кровь, он перевер-

нулся на спину и поднял голову. Свет уже почти угас. В небо устремился столб желтоватого дыма, пронизанный струями раскаленных газов.

Имитация ядерного взрыва оказалась впечатляющей. Только на высоте пяти миль столб стал распускаться грибовидным облаком, но к этому времени Свени был уверен, что в секторе Ганимеда на расстоянии десяти астрономических единиц не осталось ни одного земного корабля. Никто не задержался, чтобы полюбопытствовать, что же произошло. Все приборы в «лагере» перестали передавать сигналы в момент взрыва.

Возможно, позднее полицейские эксперты Порта поймут, что их надули, и «атомный» взрыв был всего лишь исполинским фейерверком, специальной смесью дымообразующих компонентов и слабой взрывчатки. Но к тому времени корабльковчег уже удалится на такое расстояние, что обнаружить его станет невозможно.

Собственно, даже сейчас корабль был уже далеко. Он стартовал в тот самый момент, когда Свени нажал на кнопку взрывного устройства.

Свени поднялся на ноги и, что-то напевая, хотя, как и Рулман, не имел музыкального слуха, продолжил свой путь на север. По другую сторону полюса начиналась сумеречная зона, которую

Солнце из-за либрации освещало лишь периодически, когда спутник был на солнечной стороне гиганта. Конечно, в часы таких сумерек температура заметно падала, но их длительность не превышала восьми часов.

И по всему Ганимеду колонисты направлялись к сумеречным зонам, уничтожив все улики поддельной войны, которая себя уже исчерпала. Они были основательно экипированы. А у Свени к тому же имелся исправный тягач, который прекрасно справится со своими задачами, как только они с Майк переставят шесть уцелевших покрышек из десяти. И багажный отсек загружен приборами, инструментами, семенами и лекарствами, запасами еды и топлива. И у него есть жена.

Конечно, Земля вскоре направит на Ганимед специальную экспедицию. Но она ничего не обнаружит. Внутри горы «пи» на карте Хови, где до того находилась колония, в момент старта корабля уничтожено все дотла. А колонисты — что ж, они рассредоточатся на слишком большой территории.

Мы крестьяне, подумал Свени. Да, теперь они всего лишь фермеры, не более.

Наконец впереди показался приземистый

силуэт грузовика, стоявшего у входа в долину. Сначала он не увидел Майк, но потом заметил ее спину на склоне. Он вскарабкался на холм и остановился рядом.

Долина узкой косой, примерно сто футов на сто, уходила вдаль, а потом превращалась в обширное веерообразное пространство. Над долиной слабо мерцала красивая дымка. Землянину пейзаж показался бы жутко тоскливым. Но сейчас его созерцали совсем другие глаза.

— Готов спорить на все, что угодно, — весело сказал Свени, — что такой земли не найти на всем Ганимеде. Если бы…

Майк обернулась и посмотрела на него. Свени замолк на полуслове. Но Майк, несомненно, прекрасно поняла, о чем идет речь. К сожалению, Рулмана уже не было на Ганимеде, и он не мог разделить их восторгов. Рулману наверняка не дожить до конца перелета, да и выжить на неизвестной планете он не сможет. Но тем не менее он отправился в межзвездное путешествие вместе с детьми. И с ним исчезли знания, которыми обладал только он один.

Свени понимал, что Рулман великий человек. Возможно, даже более великий, чем его отец.

— Веди машину вперед, — тихо попросил Све-

ни. — Я пойду сзади.

— Зачем? Здесь отличная почва. Машина легко пройдет даже на оставшихся колесах. Лишний вес ей не повредит.

— Да нет, меня вес не волнует. Просто хочется пройтись пешком. Ведь… Черт возьми, Майк, ведь мне еще только предстоит родиться. По-настоящему. Ты это понимаешь? А младенцы не появляются на свет на четырнадцатитонных вездеходах!

Книга законов

…и сказано в Книге, что после прихода Гигантов с далеких звезд на Теллуру поверхность ее была сочтена злой и непригодной для жизни. И поэтому Гиганты сделали так, чтобы люди всегда жили над поверхностью, в воздухе, в лучах солнца и звезд, дабы помнили, откуда некогда пришли их создатели Гигант ты. И еще некоторое время Гиганты жили среди людей, учили их говорить, писать, плести нити, делать много разных иных вещей, которые нужны людям и о которых сказано в писании. А после отправились они к далеким звездам, сказав: «Владейте этим миром как своим собственным, и хотя мы еще вернемся,

не бойтесь нашего прихода, потому что этот мир ваш — навсегда!»

1

Хоната, Прядильщика Мешков, извлекли из сетей первым из заключенных. Так и надлежало поступать с архиеретиком, самым главным преступником изо всей банды. Рассвет еще не наступил, но стражники, делая большие горизонтальные прыжки, повели его сквозь бесконечные, пахнущие мускусом сады орхидей. Стражники были такими же, как Прядильщик Мешков — маленькие, сгорбленные, с узловатыми мышцами, длинными безволосыми хвостами, которые закручивались в спираль по часовой стрелке. Ханат, привязанный к длинной тонкой лиане, торопливо прыгал за ними, стараясь попадать в такт прыжкам конвоиров. Иначе, соскользнув вниз, он повиснет на тонкой лиане и погибнет, так и не достигнув места Суда.

Конечно, в любом случае после рассвета он отправится к Поверхности — на неизведанную глубину в десятки футов. Но пусть он даже и архиеретик среди всех Усомнившихся, но все равно не спешил начать это путешествие — даже если бы в конце его ожидал милосердный, ломающий

позвоночник рывок лианы — прежде, чем Закон повелит: ОТПРАВИТЬ!

Переплетенные стебли лиан толщиной с человеческое тело распростерли над прыгунами свою сеть и резко ушли вниз, когда группа достигла края леса папоротниковидных деревьев, окружавших рощу хвощей. Стражники остановились, готовясь к спуску. Теперь все члены группы смотрели на восток, поверх погруженной в туманную мглу части впадины. Звезды все быстрее и быстрее бледнели на небе. Только яркое созвездие Попугая можно было еще отыскать без труда.

— Хороший будет день, — сказал охранник довольно миролюбиво. — Лучше отправляться вниз в хорошую погоду, чем в дождь, верно, Прядильщик?

Хонат вздрогнул, но ничего не ответил. Само собой, все знают, что внизу, в Аду, всегда идет дождь — влага конденсировалась на миллиардах вечнозеленых листьев и стекала обратно, в черные болота, пропитывая Ад.

Ад поверхности был таким же вечным, как и ветви деревьев.

Хонат огляделся. Огромное красное солнце уже поднялось на треть своего диска. Вот-вот должен был появиться голубой, яростно горячий спутник

красного гиганта. До самого горизонта черным океаном колыхался Лес. Колебания верхушек создавали иллюзию волн. Только с близкого расстояния глаз выделял мелкие детали, и мир становился таким, каким и был на самом деле — громадной многослойной сетью, поросшей папоротниками, мхами, грибами, впитывающими влагу орхидеями, с яркими растениями-паразитами, сосущими живительный сок из лиан, деревьев и даже друг из друга. Листья, плотно прилегая друг к другу, умудрялись накапливать озерца воды. Где-то хрипло затянули утреннюю песню древесные жабы и пищалки. Скоро они замолчат, когда посветлеет, и концертную программу продолжат крики ящериц снизу — этих душ проклятых, а может, дьяволов, за этими душами охотящихся. Кто знает?

Слабый порыв ветра пронесся над чашей-впадиной рощицы хвощей и заставил сеть лиан под ногами стражников слегка покачнуться. Хонат автоматически сохранил равновесие. Правда, одна лиана, к которой он протянул руку, злобно на него зашипела и поползла в темноту. Это была хлорофилловая змея, которая поднялась из древнего мрака своего охотничьего уровня, чтобы поприветствовать солнце и высушить

на легком ветерке занимающегося утра свои чешуйки. Древесная обезьяна, вырванная из спокойствия своего гнезда разгневанной змеей, перепрыгнула на другое дерево, изливая в пронзительных воплях свое недовольство и всячески понося обидчицу, не забывая при этом совершать спасительные прыжки. Змея, конечно, не обратила на обезьяну никакого внимания, поскольку речи людей не понимала, но группа на краю папоротников одобрительно захихикала, слушая скабрезности подражавшей людям обезьяны.

— Да, не очень-то они вежливы там, внизу, — сказал второй охотник. — Подходящее место для тебя и твоих еретиков, Прядильщик. Ну, пошли.

Пуповина, привязанная к шее Хоната, натянулась, и его охранники зигзагообразными прыжками направились вниз, в чашу Трона Правосудия. Пуповина то и дело грозила зацепиться за его руку, хвост или ногу, делая движения отвратительно неуклюжими. Наверху звездные крылья Попугая замерцали и начали растворяться в голубизне дневного света.

В центре чаши, на блюдце из плетеных лиан стояли плетеные, кожано-лиственные хижины, тесно прижавшиеся одна к другой, привязанные к сучьям, а иногда и свисающие с веток, слишком

высоких или тонких, чтобы на них смогли закрепиться лианы. Эти хижины-мешки были хорошо знакомы Хонату, потому что он сам делал такие хижины. Самые лучшие, похожие на вывернутые цветки и автоматически раскрывающиеся от утренней росы, но плотно и надежно смыкающиеся вокруг своего хозяина с наступлением вечера, были его собственным изобретением, плодом труда его умелых рук. Они пользовались большой популярностью, подражатели разнесли имитации по всему лесу.

Хонат оказался в теперешнем положении — на конце тюремной лианы-удавки, — во многом благодаря репутации, которую принесли ему эти хижины. Его слова имели больший вес, чем слова остальных. Слава сделала его архиеретиком, главным врагом, уводящим молодых с пути истинного, человеком, сеющим сомнения в верности Книги Законов.

И, судя по всему, его слова и авторитет открыли ему односторонний проезд в Адском лифте.

Пока группа прыгала между хижин, мешки стали открываться. Из них помаргивали сонные лица обитателей воздушной деревни, выглядывающих из-за крестообразных переплетений набухшей в росе оболочки. Кое-кто узнал Хоната,

в этом он был уверен, но не вышел наружу, чтобы последовать за группой стражников. Хотя в обычный день обитатели деревни уже давно бы высыпались, словно спелые плоды, из сердцевин мешков-хижин.

Вот-вот должен был начаться Суд, и они это знали. И даже те, кто провел ночь в лучших мешках Хоната, не решились бы теперь сказать ни слова в его защиту. Все знали, что Хонат НЕ ВЕРИТ в Гигантов!

Теперь Хонат видел и сам Трон Правосудия. Это было сооружение, сплетенное из тонких, высохших лиан, со спинкой и подголовником из живых орхидей. Очевидно, они были пересажены туда, когда создавался Трон, только никто не помнил, когда именно. Времена года в этом мире отсутствовали, и не было особой причины сомневаться, что орхидеи цвели там вечно. Трон был установлен с краю над Ареной Правосудия, и в свете наступавшего дня Хонат видел уже сидевшего там Вершителя Судеб племени. Его окаймленное белым мехом лицо серебристо-черным пятном выделялось на фоне огромных цветов.

В центре Арены располагался Лифт.

Хонат раньше присутствовал на одном из актов

правосудия и видел Лифт в действии, но до сих пор с трудом верил, что следующим пассажиром в Ад окажется сам. Лифт был всего лишь белой корзиной достаточной глубины. Вделанные по ее бокам острые шипы не позволяли выбраться. К ее краям были привязаны три плетеных каната, свисавшие с деревянного ворота, который вращали два стражника.

Процедура транспортировки осужденного была проста до минимума. Обреченного помещали в корзину, которую опускали вниз. По провисанию канатов определяли, что она достигла Поверхности. Жертва покидала корзину, а если не желала вылезать наружу, судей наверху это не волновало. Корзина оставалась внизу до тех пор, пока осужденный не умирал с голоду. Иногда же Ад поверхности расправлялся с ним каким-нибудь другим способом. Лишь после этого барабан вращали в обратную сторону, и корзину поднимали наверх.

Сроки приговора менялись в зависимости от тяжести преступления. Но это была чистейшая формальность. Хотя по истечении срока изгнания корзину аккуратно опускали на Поверхность, в нее, конечно, до сих пор никто и никогда не возвращался. В мире, где нет смен времен года

и луны, долгие промежутки времени трудно определить с достаточной точностью. Корзину могли опустить с ошибкой в тридцать-сорок дней в любую сторону от назначенного срока. Но если трудно отмерять время в мире вершин, то в Аду поверхности, скорее всего, это попросту невозможно.

Стражники привязали свободный конец лианы Хоната к ветке и расположились рядом с пленником. Один из них рассеянно передал Хонату шишку, и бедный заключенный попытался отвлечься от невеселых дум, извлекая из нее сочные съедобные семена. Но они сейчас почему-то казались совсем невкусными.

На Арену начали выводить других обвиняемых, и Вершитель довольно переводил взгляд черных глаз, наблюдая за процедурой со своего насеста. Доставили Матилд — Разведчицу Еды. Она вздрагивала, шерсть на ее левом боку потемнела и слиплась, словно она опрокинула на себя древесный резервуар бромеледа (в лесу водилось и такое растение). За ней ввели Аласкона Навигатора, мужчину средних лет, лишь ненамного моложе Хоната. Его привязали неподалеку, и он сразу уселся, с безразличным видом пережевывая стебель съедобного тростника.

Подготовка к процедуре шла тихо и спокойно. Было произнесено лишь несколько слов. Но когда стража привела Сета Иглодела, тишина кончилась. Он то кричал, то упрашивал, вопил от ярости и выл от страха. Все, кроме Аласкона, повернулись, разглядывая крикуна. Из коконов жилищ вынырнули головы любопытных.

Секунду спустя над краем Арены показались стражники Сета. Теперь они сами что-то кричали. Сета тесно окружала группа стражников, и его голос становился все громче. Всеми пятью конечностями он пытался остановиться, хватаясь за любую подходящую ветку или лиану. Едва его общими усилиями отрывали от одной, он тут же хватался за другую. Тем не менее группа неумолимо приближалась к Арене. Два фута вперед, один назад, три фута вперед…

Охранники Хоната снова занялись вкусными и питательными семенами шишек. Прядильщик заметил, что во время суматохи на Арену доставили Чарла Чтеца. Тот сидел напротив Аласкона, расслабив плечи и равнодушно глядя вниз на сеть лиан. От него веяло отчаянием. Один взгляд на Чарла заставил Хоната поежиться.

Со своего высокого трона заговорил Вершитель.

— Хонат-прядильщик, Аласкон-навигатор, Чарл-чтец, Сет-иглодел, Матилд-разведчица, вы вызваны сюда, чтобы ответить правосудию!

— Правосудия! — завопил Сет, пружиной вырвавшись из рук стражников, а затем опрокинутый рывком лианы. — Нет правосудия! Почему меня, который совершенно не имеет отношения…

Стражники схватили Сета и мускулистыми коричневыми ладонями зажали ему рот. Вершитель, явно злорадствуя, удовлетворенно наблюдал за действиями стражи.

— Вам предъявлено три обвинения, — продолжил Вершитель. — Первое — вы рассказывали детям заведомую ложь. Второе — вы бросили тень сомнения на божественность порядка среди людей. Третье — вы отрицали истинность Книги Законов. Каждый из вас может говорить по очереди в порядке старшинства. Хонат-прядильщик, ты можешь обратиться к суду первым.

Хонат, слегка дрожа, поднялся. Но вдруг почувствовал удивительно сильный порыв былой независимости.

— Ваши обвинения, — начал он, — основаны на одном: отрицании Книги Законов. Я не учил ничему, что противоречит нашей вере, и не бросал

сомнений ни на один из законов, изложенных в Книге. И поэтому я отвергаю ваше обвинение.

Вершитель недоверчиво посмотрел на него сверху вниз.

— Очень многие люди говорили, что ты не веришь в Гигантов, Хонат, — сказал он. — Новой ложью ты не добьешься от суда снисхождения и милосердия.

— Я отрицаю обвинение, — настаивал Хонат. — Я верю в Книгу Законов в целом, я верю в Гигантов. Я учил лишь, что Гиганты не были реальны в том смысле, в каком реальны мы. Я учил, что они — символы высшей реальности, и их не следует воспринимать как реальных лиц.

— А что же это за высшая реальность? — настороженно спросил Вершитель. — Опиши.

— Ты требуешь от меня того, чего не смогли сделать создатели Книги, — горячо сказал Хонат. — Если эту реальность они облекли в символы, а не описали прямо, то разве на это способен я — обыкновенный прядильщик мешков?

— Твои слова — пустое сотрясение воздуха, — сердито сказал Вершитель. — Но они откровенно направлены на подрыв авторитета и порядков, установленных Книгой. Скажи-ка, Хонат-пря-дильщик, если люди перестанут бояться Гигантов,

то станут ли они тогда подчиняться Законам?

— Да, потому что они люди, и выполнять законы в их интересах. Они не дети, которым нужен Гигант-пугало с кнутом в руке, присматривающий за поведением. Более того, Вершитель, вера в реальных Гигантов, которые вернутся и снова начнут нас наставлять, вредна. Получается, что сейчас наши знания — половинчаты. Эту половину мы узнали из Книги. Вторая половина должна свалиться на нас с неба, если мы будем жить достаточно долго и дождемся возвращения Гигантов. А тем временем, значит, мы живем дикой жизнью растений, не способные обучаться самостоятельно.

— Если часть книги неверна, то есть причины сомневаться в истинности любой другой части и самой Книги, — мрачно произнес Вершитель. — И тогда мы теряем даже то, что ты назвал половиной знаний. А на самом деле — все знания. Это понятно тем, кто смотрит на мир ясным взором.

Хонат вдруг потерял выдержку.

— Тогда отбросим все! — вскричал он. — Отбросим и начнем учиться сначала и пойдем дальше, уже опираясь на собственный опыт. Вершитель, ты старый человек, но среди нас есть такие, кто еще не забыл, что такое любопытство!

— Молчать! — прошипел Вершитель. — Мы слушали тебя достаточно. Теперь пусть говорит Аласкон-навигатор.

— Большая часть Книги явно неправильна, — просто начал Аласкон, поднявшись. — Как сравнительно важный справочник по различным ремеслам, она верно послужила нам. Но как учебник о строении Вселенной она явно бессмысленна. Таково мое мнение. Хонат сказал еще слишком мягко. Я не делаю секрета из того, что думаю, и говорю об этом открыто.

— И ты дорого за это заплатишь, — подвел итог Вершитель, тяжко вздохнув. — Чарл-чтец.

— Я ничего не хочу говорить, — поднялся и тут же сел Чарл-чтец.

— Ты отрицаешь обвинения?

— Мне нечего сказать, — повторил Чарл, потом голова его неожиданно вздернулась, и он с отчаянием взглянул на Вершителя. — Я умею читать, Вершитель. И ясно увидел в Книге слова, противоречащие друг другу. Я указывал на эти противоречия. Это неоспоримые факты, и они существуют на страницах Книги. Я никого не обманывал, не сказал и слова неправды, не призывал к отказу от Книги. Я только указывал на противоречия, вот и все.

— Сет-иглодел, можешь говорить.

Охранники с благодарностью освободили рот Сета: тот умудрился укусить каждого, кто зажимал его пасть. Сет немедленно принялся кричать.

— Я не имею ни малейшего отношения к этим проходимцам! Я — жертва слухов и завистливых соседей, которые завидуют моему искусству. Я продавал иглы этому Прядильщику, верно! Ну и что? Все обвинения против меня — ложь! Ложь!

Хонат яростно вскочил, потом опустился на место, подавив рвущиеся наружу слова. Какое это теперь имеет значение? Почему он должен свидетельствовать против юноши? Остальным это не поможет, и если Сет хочет ложью выбраться из грозящего Ада, так пусть получит шанс.

Вершитель посмотрел на Сета с тем же выражением гневного недоверия, с каким недавно смотрел на Хоната.

— А кто вырезал еретические слова на дереве возле дома Хоси-законодателя? — поинтересовался он. — Там поработали острые иглы, и есть свидетели, говорящие, что твои руки помогали этим иглам.

— Новая ложь!

— Иглы, найденные в твоем доме, подходят под

борозды этих надписей, Сет.

— Это не мои… мне их подбросили. Требую освободить меня!

— Тебя освободят, — холодно пообещал Вершитель, и не было сомнений в том, что он имел в виду. Сет забился в истерике. Жесткая рука охранника немедленно закрыла его рот.

— Матилд-разведчица, мы слушаем твое обращение к суду.

Молодая женщина медленно поднялась. Мех на ее боку уже почти высох, но она все еще дрожала.

— Вершитель, — начала она. — Я видела то, что показывал мне Чарл-чтец. Я сомневалась, но Хонат мне все объяснил. Я не вижу вреда в том, чему он учит. Его слова не сеют сомнения, а наоборот, снимают их. Я не вижу в том ничего дурного и не могу понять, в чем состоит преступление.

Хонат с изумлением и восхищением посмотрел на нее. Вершитель тяжело сказал:

— Мне очень жаль, но незнание законов Книги не освобождает тебя от ответственности. Но мы будем милосердны ко всем вам. Отрекитесь от своей ереси, подтвердите свою веру в Книгу, в то, что она истинна от первой и до последней страницы, и мы всего лишь изгоним вас из племени.

— Отрекаюсь! — завопил Сет. — Я эту ересь никогда не разделял. Это ложь! Я верю в Книгу! Только в Книгу, в каждое ее слово!

— А ты, Иглодел, — с отвращением сказал Вершитель, — лгал до сих пор, следовательно, лжешь и теперь. На тебя наша милость не простирается.

— Проклятая гнилая гусеница! Чтоб тебя… умг…

— Прядильщик, твой ответ?

— НЕТ! — с каменной твердостью ответил Хонат. — Я говорю правду. Правду нельзя заменить на ложь.

Вершитель посмотрел на остальных преступников.

— Подумайте как следует над своими ответами. Разделять ересь — значит, разделять и наказание. Оно не будет сокращено только потому, что это не вы ее придумали.

Последовала долгая пауза.

Хонат с трудом сглотнул. Храбрость и вера почему-то делали его беспомощным и испуганным. Он понял, что эти трое не проронят ни слова, и они сохранили бы молчание, даже не видя, как поступили с Сетом. Хонат сомневался, что смог бы на их месте поступить так же.

— Тогда мы объявляем приговор, — после

недолгого раздумья сказал Вершитель. — Вы все приговариваетесь к тысяче дней в Аду.

Из-за пределов арены, где незаметно для Хоната собралась большая толпа, донесся изумленный вопль. Он этому не удивился. Такого долгого срока в истории Племени еще не назначали.

Хотя особенного значения длина срока не имела. Даже сотни дней в Аду вполне достаточно.

Оттуда, с Поверхности, никто и никогда не возвращался.

— Подготовьте лифт, — распорядился Вершитель. — Они отправятся туда все вместе. И их ересь — с ними.

2

Корзина закачалась. Последнее, что увидел Хонат — круг лиц, собравшихся неподалеку от отверстия лифта. Они глядели вниз. Потом барабан совершил еще один оборот, корзина опустилась на несколько ярдов, и лица исчезли.

На дне корзины, свернувшись в плотный клубок и закрыв концом хвоста глаза и нос, рыдал Сет. Больше никто не проронил ни звука, все хранили молчание.

Вокруг сомкнулся полумрак. Царило необыкновенное безмолвие. Иногда хрипло и резко

вскрикивала случайная птицеящерица, и этот крик только подчеркивал тишину. Свет, просачивающийся в длинные коридоры между стволами, растворялся в зелено-голубой дымке, сквозь которую лианы тянули свои длинные изогнутые тела. Колонны древесных стволов окружали корзину со всех сторон, слишком отдаленные, чтобы помешать спуску. Время от времени корзина немного покачивалась, описывая восьмерки — громадный маятник с грузом из пяти живых существ.

Потом корзина еще раз нырнула, дернулась и накренилась. Пассажиров-пленников швырнуло на твердые прутья плетеных стенок. Матилд пронзительно вскрикнула. Сет почти тут же развернулся, пытаясь нащупать опору. Еще один рывок, и Лифт замер, завершив спуск. Корзина легла на бок.

Они прибыли в Ад.

Хонат начал осторожно выбираться, стараясь не зацепиться за длинные шипы, торчащие отовсюду. Секунду спустя за ним последовали Чарл-чтец и Аласкон. Он крепко держал за руку Матилд. Поверхность оказалась влажной, мшистой и холодной. Пальцы на ногах Хоната тут же непроизвольно поджались.

— Пошли, Сет, — негромко сказал Чарл. — Они

ведь все равно не поднимут ее, пока мы не вылезем. Ты ведь знаешь.

Аласкон всматривался в холодный туман поверхности.

— Да, — подтвердил он. — И нам нужен хороший мастер. Если у нас будут иглы, то появится шанс…

Сет лихорадочно переводил взгляд с одного на другого. Потом, вскрикнув, одним прыжком покинул корзину, пронесся над их головами, ударился о толстый ствол громадной пальмы, упруго оттолкнулся и устремился в туманный воздух наверху.

Изумленно раскрыв рот, Хонат смотрел вслед Сету. Ловко уцепившись за один из тросов корзины, Сет начал проворно карабкаться вверх. Он даже не удостоил путников прощального взгляда.

Немного спустя корзина закачалась и пошла вверх. Сотрясения троса, вызванные Сетом, очевидно, заставили вращавшую барабан команду предположить, что последний обреченный покинул корзину. Дерганье каната было обычным сигналом. Корзина, покачиваясь и танцуя, начала подниматься. Теперь скорость подъема складывалась со скоростью подтягивающегося Сета, и

его фигурка исчезла в прозрачной мгле наверху. Несколько секунд спустя скрылась и корзина.

— Он не доберется до вершины, — прошептала Матилд. — Слишком далеко, и он слишком торопится. Сет быстро выбьется из сил.

— Не думаю, — возразил Аласкон. — Он упорен и силен. Если кто и способен подняться, так это Сет.

— Но они его убьют, даже если он и доберется.

— Естественно, — пожал плечами Аласкон.

— И я не буду слишком о нем жалеть, — добавил Хонат.

— Тем более я. Но острые иглы могли бы нам пригодиться здесь, внизу… А теперь нам надо придумать план, чтобы… если только мы отсюда сможем отличить один лес от другого. Нам ведь не видна верхняя сторона листвы.

Хонат удивленно посмотрел на навигатора. Попытка Сета вернуться отвлекла его от того факта, что корзина тоже исчезла.

— Ты действительно надеешься выжить в Аду, Аласкон?

— Конечно, — спокойно ответил тот. — Этот Ад не более ад, чем рай наверху является Раем. Это всего лишь поверхность планеты, не более и не менее. И мы выживем, если не станем па-

никовать. Или ты собираешься сидеть на месте, ожидая нападения фурий, которые явятся за тобой, Хонат?

— Я об этом еще не думал, — признался Хонат. — Но если Сет сорвется с каната раньше, чем доберется до платформы, где его прирежут… Может, нам удастся его поймать? Он весит не больше тридцати пяти фунтов. Если бы мы соорудили что-нибудь похожее на сеть…

— Он просто переломает себе кости, да и нам тоже, — сказал Чарл. — Я за то, чтобы мы поскорее отсюда убрались.

— Зачем? Ты знаешь место получше?

— Нет. Но только ад это, или не ад, а здесь водятся демоны. Мы сами видели их сверху — змееголовые великаны. Они знают наверняка, что Лифт выгружается именно в этом месте и доставляет им даровое угощение. Это место могло стать для них привычным местом кормежки…

Не успел он докончить мысль, как над головами затрещали ветки. Сквозь голубой воздух прошуршал поток ледяных капель, пророкотал гром. Матилд захныкала.

— Это всего лишь гроза, — попробовал успокоить ее Хонат, но голос подвел его, слова превратились в серию негромких каркающих

звуков. Слыша шуршание ветра в ветвях, Хонат автоматически согнул ноги в коленях и начал искать руками опору, ожидая, что поверхность под ногами волнообразно закачается, реагируя на движение ствола. Но почва осталась неподвижной, не шевельнувшись и на долю дюйма. И страховки для рук поблизости не нашлось.

Он покачнулся, невольно пытаясь компенсировать гнетущую неподвижность грунта. Между стволами деревьев пронесся новый порыв ветра, требуя от рефлексов Хоната, чтобы он активно реагировал на движение Вершин. И снова влажная губчатая поверхность под его ногами осталась неподвижной. Исчезла важная составляющая привычного мира Вершин.

Чувствуя головокружение, Хонат опустился на почву. Влажная земля неприятно холодила незащищенные мехом ягодицы Хоната, но стоять не было сил, иначе скудный завтрак осужденного покинул бы его желудок. Одной рукой он обхватил твердый ребристый корень ствола веерной пальмы, но даже это привычное касание не помогло. Неприятное ощущение неподвижности не исчезло.

Другие явно чувствовали тот же дискомфорт, что и Хонат. Матилд бездумно раскачивалась,

сжав губы и прижав ладони к маленьким изящным ушкам.

Головокружение.

Они и понятия не имели о таком ощущении. Наверху страдали головокружением только те, кто перенес серьезную травму головы или какую-нибудь тяжелую болезнь. Но на отвратительно неподвижной поверхности Ада головокружение, возможно, никогда не покинет их.

Чарл сидел на корточках, судорожно сглатывая слюну.

— Я… я не выдержу! — простонал он. — Это волшебство. Аласкон… змееголовые демоны…

— Чепуха, — сказал Аласкон, хотя и сам оставался в вертикальном положении только благодаря тому, что привалился к стволу цикаделлы. — Просто нарушено наше чувство равновесия. Это… головокружение от неподвижности. Мы скоро привыкнем, и оно пройдет.

— Лучше бы нам… — начал Хонат, заставив себя отпустить корень пальмы, который он сжимал с силой обреченного, — кажется, Чарл правильно говорил насчет даровой пищи для местных хищников. Мне почудилось какое-то движение в папоротниках, Аласкон. И если дождь будет долгим, вода скоро поднимется. После сильных

ливней я замечал внизу серебристый блеск.

— Правильно, — тихо сказала Матилд. — Рощу папоротников всегда заливает. Вот почему Вершины здесь гораздо ниже…

Ветер, кажется, немного утих, хотя дождь продолжал идти. Аласкон осторожно, на пробу, отпустил свою опору и выпрямился.

— Тогда двинемся, — решил он. — Будем держаться под прикрытием, пока не выберемся на местность повыше…

Откуда-то сверху донесся слабый треск, который становился все громче. Чувствуя внезапный спазм ужаса, Хонат поднял голову.

Сначала из-за далекой завесы лиан и веток ничего не было видно. Потом с ошеломляющей внезапностью что-то маленькое и черное пробило навес папоротниковых вееров, пронизало сине-голубой воздух и врезалось в почву неподалеку от группы пораженных страхом путников. Это был человек, и последние десятки футов он летел в свободном падении, безвольно кувыркаясь. Все бросились в разные стороны. Тело ударилось о грунт с влажным чавкающим звуком. Что-то лопнуло, как туго набитый мешок. Несколько секунд все стояли неподвижно, потом Хонат осторожно приблизился.

Это упал Сет. Об этом Хонат догадался сразу, как только увидел, что падает человек. И убило его не падение. Тело Сета еще наверху пронзила дюжина игл. Часть из них, без всякого сомнения, он сам и изготовил. Иглы, отточенные до почти невидимой прозрачности древокожаными лентами, которые предварительно вымачивались в теплых бромеледовых ваннах.

Да, ждать милосердия с Вершин не имело смысла. Приговор был ясен — тысяча дней. И единственная альтернатива — вот такое падение, куча переломанных костей и грязного меха.

Их первый день на Поверхности только начинался.

3

Оставшаяся часть дня ушла на то, чтобы ценой поистине невыносимых усилий добраться до более возвышенного участка. Большую часть пути им пришлось почти ползти, потому что деревья, за исключением нескольких редко разбросанных гингко и цветущего кизила, начинали ветвиться только на значительной высоте метрах в шести над грунтом. Они с великими трудностями преодолели часть пути к Великому Хребту, и грунт стал тверже. Теперь они порой взбирались на

низкие ветки и совершали короткие прыжки. Но очень скоро людей с жуткими криками атаковали птицеящеры, десятками сражаясь за привилегию первыми сожрать эту пухлую, невероятно медлительную пищу. К счастью, птицеящеры были не очень крупными, и путники отделались лишь несколькими сильными укусами.

Даже самый стойкий и независимый человек не выдержал бы такой подлости: людей с младенчества приучали считать птицеящеров непосредственными предками. Когда случилось первое нападение, вся компания посыпалась на землю, как шишки с сосны, и осталась лежать неподвижно под прикрытием ближайшего куста, парализованная ужасом. Они долго выжидали, когда желтокрылые веерохвостые бестии угомонятся, устав кружить над убежищем своих жертв, и отправятся на воздушный простор. И даже когда хищники улетели, компания обреченных еще долго прижималась к песчаному грунту, опасаясь, что появятся демоны более крупные, привлеченные шумом рассерженных летунов.

Ни один из змееголовых великанов пока не показывался, хотя в джунглях, сомкнувшихся вокруг кучки дрожащих путников, уши Хоната и выделяли подозрительный топот, напоминав-

ший тяжелые шаги.

К счастью, когда местность стала немного повыше, в дремучих джунглях над их головами появились просветы. Обтекая подножия больших утесов розоватого камня, открывались заплаты чистого неба, лишь кое-где перечеркнутые живыми мостами лиан и лоз. А в пространстве дымных колонн голубовато-зеленого воздуха обитала вертикально-слоевая иерархия летающих созданий. В самом низу скользили жуки, пчелы и двукрылые насекомые. Потом шли стрекозы, которые охотились на них. У некоторых стрекоз размах крыльев был не меньше полуметра. Выше метались птицеящерицы, охотившиеся на стрекоз и все, что можно сожрать, не ожидая ответного удара. И, наконец, выше всех планировали гигантские рептилии, плывшие у кромок скалистых утесов в потоках теплого восходящего воздуха. Их длинные безобразные зубастые пасти хватали все, что попадалось в воздухе: птиц мира Вершин и даже летающих рыб на просторах далекого моря.

Компания задержалась, пробираясь сквозь особенно густую заросль осоки. Хотя дождь продолжал поливать так же сильно, как и несколько часов назад, всем им нестерпимо хотелось

пить. На пути не попалось ни одного бромеледа — очевидно, растения-резервуары в Аду не произрастали. Люди складывали ладони чашечками и возносили их к небу, но так набиралось на удивление мало воды. А на песке не встречалось достаточно больших луж, чтобы можно было напиться. Но, по крайней мере, здесь, под частично открытым небом, в воздухе шла отчаянная борьба за выживание, и птицеящеры боялись собираться стаями.

Голубое солнце уже закатилось, а сегмент красного угрожающе маячил на западном горизонте лишь потому, что свет его искривлялся в атмосфере Теллуры сильной гравитацией белого карлика. В этом мрачном свете капли дождя были похожи на кровь, а испещренные шрамами лики розовых скал практически исчезли. Хонат с сомнением рассматривал из-за прикрытия осок эти природные заграждения.

— Не понимаю, как мы смогли вскарабкаться на такую высоту, — тихо сказал он. — Этот известняк ломается, стоит только к нему прикоснуться. Иначе нам больше повезло бы в войне с племенем Утесов.

— Мы могли бы обойти скалы, — посоветовал Чарл. — Подножия Великого Хребта не очень

крутые. Если мы доберемся до них, то уж на сам Хребет наверняка заберемся.

— К вулканам? — запротестовала Матилд. — Но там никто не живет, только белое пламя. И там иногда видны потоки лавы и удушающий дым.

— Да, Хонат совершенно прав, на эти утесы нам никогда не вскарабкаться, — сказал Аласкон. — И на базальтовые поля нам тоже нет смысла лезть. Там нет ни еды, ни воды, ни убежищ. Разве только попробовать пробраться к подножию хребта.

— А почему мы не можем остаться здесь? — жалобно спросила Матилд.

— Нет, — сказал Хонат, даже нежнее, чем хотел. То, что предлагала Матилд, было в Аду самым опасным местом. Он знал это, хотя внутренний голос кричал «да!». — Нужно поскорее уходить из страны демонов, — твердо заявил он. — Может быть, если мы перейдем хребет, то встретим племя, которое не знает о нашем изгнании, о приговоре на тысячу дней в Аду. По ту сторону хребта обязательно должны быть племена, только племена Утесов не давали нам до сих пор войти с ними в контакт. Теперь это играет нам на руку.

— Верно, — согласился Аласкон, немного приободрившись. — И с вершины Хребта мы сможем спуститься ВНИЗ, к новому племени, вместо того,

чтобы карабкаться к Вершинам с поверхности Ада. Хонат, кажется, у нас появился шанс.

— Тогда нам лучше сейчас немного поспать, — сказал Чарл. — Место, похоже, достаточно безопасное. Если мы решили обходить утесы и подниматься на Хребет, то нам потребуются все наши силы.

Хонат хотел запротестовать, но внезапно почувствовал, что слишком устал, чтобы спорить, и ему все равно. И если среди ночи их вдруг обнаружит чудовище… по крайней мере, с этой мучительной борьбой будет покончено.

Постель была грязна и пропитана влагой, но лучшего выбора не было. Они свернулись клубками, стараясь устроиться поудобней. Хонат уже засыпал, когда услышал жалобный скулеж Матилд. Он подполз к ней и начал языком разглаживать ее мех. К его изумлению, каждый шелковистый волосок оказался конденсатором влаги. И задолго до того, как девушка успокоилась и, свернувшись калачиком, уснула, Хонат вполне утолил жажду. Он решил, что утром обязательно познакомит остальных с новым методом добычи воды.

Но когда поутру взошло голубое солнце, на утоление жажды времени не осталось. Чарл-чтец

исчез. Нечто аккуратно и совершенно бесшумно выдернуло его из компании спящих путников, и только валявшийся неподалеку тщательно обглоданный череп Чарла рассказал о разыгравшейся ночью трагедии.

Череп лежал на склоне, который вел к розовым утесам.

4

В тот же день трое оставшихся в живых путников обнаружили бурный голубой поток, изливающийся с подножия Хребта. Даже Аласкон не знал, как истолковать этот феномен. На вид это была вода, но текла она, словно лавовый поток. Нет, он явно не мог быть водой, вот если бы она не текла, а стояла неподвижно… Если напрячь фантазию, то нечто подобное можно было вообразить — такое количество воды, собранное из множества древесных резервуаров… Но такое количество *движущейся* воды? Наверное, здесь водятся питоны. Или вода эта ядовита. Никому из путешественников и в голову не пришло напиться. Они боялись даже подойти и прикоснуться к этому странному веществу, не говоря уже о том, чтобы перейти вброд. Ведь вода, наверное, была так же горяча, как лава. Они осторожно

следовали в глубину подножия Хребта, и рты их пересохли, а языки были шершавы, словно пустые стебли хвощей.

Не считая жажды, которая была их скрытым другом, поскольку заглушала чувство голода, подъем оказался не очень трудным. Сложность заключалась в другом. Они старались постоянно оставаться под прикрытием, разведывали путь на несколько десятков метров вперед, а затем выбирали наиболее безопасный путь вместо короткого и прямого. По молчаливому согласию никто из троих не упоминал о Чарле. Но глаза непрерывно обшаривали окружающую местность в поисках того страшного чудовища, которое так безжалостно расправилось с их товарищем.

Эта часть трагедии была, наверное, самой ужасной. За время, проведенное в Аду, они так и не встретили демона или любого животного крупнее человека. Огромный отпечаток лапы с тремя громадными когтями — единственное свидетельство, что какое-то жуткое чудовище стояло ночью, склонившись над четверкой спящих и выбирая себе жертву. Но это лишь доказательство, что они угодили в мир демонов — тех самых змееголовых великанов, которых видели с вер-

шин, из безопасного далека.

Отпечаток лапы… и череп.

К приходу ночи им удалось подняться не меньше, чем на сто пятьдесят футов. В сумерках было трудно определить расстояние, и переплетенные массы лиановых мостов родного мира вершин исчезли из виду, заслоненные многочисленными пиками и утесами из розового известняка. Стало ясно, что в этот день им уже не подняться выше. Хотя Матилд на удивление легко переносила путь наверх, и Хонат почти не ощущал усталости, Аласкон окончательно выбился из сил. Его мучил глубокий порез на бедре: Аласкон неосторожно напоролся на острую грань большого осколка, торчащего из утеса. Рана, покрытая повязкой из листьев, чтобы остановить кровь, капли которой могли приманить идущего по следу хищника, не желала затягиваться.

Хонат предложил сделать привал. Они достигли небольшого гребня, на обратной стороне которого обнаружили пещеру. Помогая Аласкону преодолеть последние метры пути, Хонат удивился, какими горячими стали руки навигатора. Он отвел спутника в пещеру, потом вышел наружу, на каменный выступ-полку, где стояла Матилд.

— Ему плохо, — тихо сказал он Матилд. — Ему

нужна вода и новые листья для повязки. И то, и другое мы должны каким-то образом добыть. Если мы преодолеем Хребет и выйдем в джунгли, без навигатора нам не обойтись. Он нам нужнее иглодела.

— Но что же нам предпринять? Я могла бы сделать повязку, если бы у меня были листья. Но здесь нет даже воды. Это пустыня. Нам через нее никогда не перебраться.

— Все равно нужно попробовать. Воду, кажется, я могу достать. На склоне, по которому мы поднимались, росла большая пиклоделия. Мы обошли ее как раз перед тем, когда Аласкон поранил бедро. Если я смогу вскрыть кору с помощью куска обсидиана…

Маленькая ладонь крепко сжала его локоть.

— Хонат, назад идти нельзя. А вдруг демон, который убил Чарла, следит за нами? Он выходит на охоту как раз ночью… и эта местность для нас совсем незнакомая, чужая…

— Я всегда найду дорогу. Пойду на шум этого потока жидкого стекла… или из чего он там сделан… А ты собери свежих листьев для Аласкона и попытайся устроить его поудобнее. Немного ослабь ему жгуты на повязке. Я скоро вернусь.

Он ласково разжал пальцы Матилд и освобо-

дил свою руку. Потом, больше не колеблясь ни секунды, перебрался через валуны на вершине маленькой гряды и направился в сторону шумного потока непонятного прозрачного вещества. Он передвигался на четвереньках.

Но очень скоро Хонат заблудился. Ночь была темная и абсолютно беспросветная, и вскоре он обнаружил, что шум потока доносится словно бы со всех сторон, не давая определить направления. Более того, память его тоже подвела. Каменная полка гряды, которая вела к пещере, вдруг резко повернула вправо, хотя он четко помнил, что она вела прямо, минуя первую боковую ветвь, а потом поворачивала влево. Неужели он пропустил в темноте поворот и вошел в боковую, правую ветвь? Хонат осторожно вытянул руку, нащупывая путь.

И в этот момент резкий порыв холодного ветра, пронесшийся среди скал гребня, заставил Хоната рефлекторно переместить вес тела, чтобы скомпенсировать ожидаемое перемещение опоры под ногами…

Он тут же осознал свою ошибку и попытался остановиться, но глубоко укоренившийся рефлекс невозможно подавить в одно мгновение. Испытывая ужасное головокружение, Хонат на-

прасно ловил руками пустой воздух, ища опору… и в следующий миг полетел вниз.

Почти сразу, испытывая привычное ощущение столкновения и дрожа от холода, охватившему его тело, он оказался по горло в ледяной… воде. Очень холодной, бурно текущей, но все равно ВОДЕ!

Он едва подавил истерический вопль. Ничего страшного. Он просто упал в поток воды и намок. Хонат почувствовал легкие прикосновения к бедрам и лодыжкам. Но бояться рыб глупо: небольшие их стайки иногда водились в резервуарах бромеледов. Наклонив голову к воде и вволю напившись, он выбрался на каменистый берег, стараясь не стряхивать с шерсти драгоценную влагу.

Возвращение было делом простым.

— Матилд, — хриплым голосом позвал он. — У нас теперь есть вода.

— Скорее сюда. Аласкону стало хуже. Я так боюсь, Хонат…

Роняя капли воды, Хонат на ощупь пробрался в пещеру.

— У нас нет никакой посуды… Аласкону придется лизать мой мех, если он захочет напиться.

— Не знаю, сможет ли он подняться…

Подняться Аласкон смог, хотя и с большим трудом. Даже то, что вода была холодная — совершенно новое ощущение для человека, привыкшего к теплой, как суп, воде древесных резервуаров — казалось, придавало ему сил. Он снова лег, сказав слабым, но вполне нормальным голосом:

— Значит, это все-таки вода.

— Да, — подтвердил Хонат, — и в ней даже водится рыба.

— Не трать силы, Аласкон, — с упреком сказала Матилд. — Тебе нужно отдыхать, а не разговаривать.

— Я отдыхаю. Хонат, если мы будем держаться русла потока… о чем это я? Ага. Так как мы теперь знаем, что это вода, то сможем пересечь Хребет, держась берега потока. Как ты обнаружил, что это вода?

— Потерял равновесие и свалился в нее. Аласкон тихо рассмеялся.

— В Аду не так уж плохо, верно? — сказал он. Потом вздохнул, и ветки, на которых он лежал, заскрипели.

— Матилд… Что с ним? Он умер?

— Нет… Просто он еще слабее, чем сам думает, вот и все… Хонат, если бы те, наверху, знали,

какой ты бесстрашный…

— Я тогда был перепуган до смерти, — мрачно ответил Хонат. — Я и до сих пор трясусь.

Но ее рука вновь коснулась его локтя, и когда он в непроницаемой темноте в ответ коснулся ее ладони, настроение Хоната странным образом переменилось. Аласкон тяжело и прерывисто дышал, а Хонат и Матилд сознавали, что в эту ночь им не уснуть. Они присели рядом на плоский камень, погруженные во временный покой. Когда вход в пещеру начал проступать на фоне светлеющего неба — приближался восход красного солнца — они посмотрели друг на друга, освещенные внутренним светом своей общей тайны.

Ад, подумал Хонат, и в самом деле не так уж ужасен, если разобраться.

С первыми лучами голубого солнца лежавший у входа в пещеру молодой саблезубый тигр поднялся, потянулся, показав набор отличных клыков, несколько мгновений неподвижно глядел на людей, потом повернулся и грациозными прыжками скрылся из виду.

Невозможно было сказать, как долго он сидел у входа в пещеру, прислушиваясь к дыханию людей. Им еще повезло, что они наткнулись на логово почти что котенка. Взрослое животное

расправилось бы с ними сразу, как только его фосфоресцирующие глаза рассмотрели бы ночных пришельцев. Тигренок же, пока не имевший своей семьи, был озадачен, обнаружив свое жилище занятым, но не решился затевать ссору с незнакомыми существами.

Появление и исчезновение громадной кошки не столько испугало, сколько изумило Хоната. Так неожиданно завершилось их ночное бдение.

Как только послышался первый стон Аласкона, Матилд вскочила и подошла к больному товарищу, что-то приговаривая.

Хонат, очнувшись от столбняка, последовал за ней.

На полпути к месту, где лежал Аласкон, он вдруг споткнулся и посмотрел себе под ноги. Это была кость животного, еще не полностью обглоданная. Очевидно, тигренок намеревался спасти от непрошеных гостей остатки своего обеда. Внутренняя поверхность кости поросла серой плесенью. Хонат, присев, оторвал кусок ее.

— Матилд, нужно приложить плесень к ране. Иногда это помогает от воспаления… Как у него дела?

— Кажется, лучше, — пробормотала Матилд. — Но жар еще держится. Не думаю, что мы сегодня

сможем выйти в путь.

Хонат не знал, радоваться этому или огорчаться. Он, конечно, спешил покинуть опасную пещеру, хотя здесь относительно удобно. Возможно, что и достаточно безопасно, потому что звериное логово все еще сохраняло запах тигра. Вероятно, местные обитатели, почуяв запах, будут держаться подальше от пещеры. Они ведь не знают, что громадная кошка пока еще не взрослое чудовище, а небольшой котенок, да и тигренка внутри уже нет. Конечно, очень скоро запах ослабеет, а потом и совсем выветрится.

Но, как бы то ни было, им жизненно необходимо двигаться дальше, и если удастся, пересечь Великий Хребет. И, в конце концов, снова занять свое место в мире, похожем на тот, откуда их изгнали, нужно добиться, чтобы их приняли в этот новый мир, чего бы это ни стоило. Даже если существование в Аду окажется относительно легким (хотя особых надежд на подобный исход никто не питал), единственный приемлемый для них путь — возвращение в мир Вершин. Но мир этот им придется именно ЗАВОЕВАТЬ. Возможно, их бунт был бессмысленным. Они вполне бы могли оставаться в хороших отношениях с соседями в племени, оставив свой образ мыслей при

себе. Но Хонат не стал молчать, так же, как и все остальные, каждый по-своему.

Извечное внутреннее противоречие между тем, что хочется, и тем, что НАДО. Оно было хорошо известно Хонату. Он понятия не имел о Канте и категорическом императиве, не знал, какая сторона его натуры в конечном итоге победит. Но злая шутка наследственности соединила чувство долга с ленивой натурой его носителя. И поэтому принимать даже малое решение болезненно.

Но пока что выбора они не имели. Аласкон был все еще слишком слаб, чтобы отправиться в путь. Вдобавок мощные потоки солнечных лучей, пробивающихся в пещеру, стали слабее. Потом солнце пропало совсем, а небо затянули тучи. Донесся первый раскат грома. Надвигалась гроза.

— Останемся здесь, — сказал он, — сейчас снова начнется дождь. И на этот раз он будет сильным. Тогда я выйду и наберу фруктов. Дождь меня прикроет, если поблизости бродит какой-нибудь хищник. И пока идет дождь, не нужно ходить за водой к реке.

Дождь продолжался весь день и даже время от времени усиливался, сплошной пеленой затягивая вход в пещеру. Шум потока превратился в рев.

К вечеру жар у Аласкона уменьшился, температура стала почти нормальной, и к нему постепенно возвращались силы. Рана, накрытая куском плесени, выглядела устрашающе, но болела меньше, и только если Аласкон шевелился. Матилд считала, что она начинает заживать. Аласкон компенсировал свою вынужденную неподвижность необычной разговорчивостью.

— Приходило ли вам в голову, — начал он, когда вокруг пещеры начали сгущаться сумерки, — что с Великого Хребта этот поток течь не может. Все его вершины — это лава или пепел. Мы видели, как растут новые вулканы, и я в этом уверен. Поэтому не понимаю, откуда там может взяться источник воды? И к тому же холодной. На это не хватит никаких дождей.

— Но вода не может возникнуть прямо из земли, — резонно заметил Хонат. — Дождь — вот ее единственный источник. Слышите, как шумит поток, словно вот-вот начнется наводнение?

— Возможно, это и дождевая вода, — весело сказал Аласкон. — Но только не с Хребта, это исключено. Скорее всего, она собирается на обрывах.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, — сказал Хонат. — Возможно, с этой стороны взобраться на

утес намного легче, но нужно помнить и о племени, которое там обитает.

— Возможно, возможно. Только ведь утесы и обрывы — обширная область. Может быть, живущие здесь племена не слышали о войне между нашим племенем и их соплеменниками. Нет, Хонат. Как я считаю, это наш единственный путь отсюда.

— Если так, — сказал Хонат мрачно, — то мы еще сильно пожалеем, что у нас нет с собой острых, твердых игл.

5

Предположения Аласкона вскоре подтвердились. На следующее утро, на рассвете, троица покинули пещеру. Аласкон двигался немного скованно, но достаточно легко. Путники возобновили подъем вдоль русла потока, вздувшегося после вчерашнего дождя. Примерно милю спустя поток резко повернул и направился к базальтовым утесам, падая последовательно по трем ступеням-полкам.

Потом поток снова повернул под прямым углом, и трое путешественников оказались у входа мрачной теснины. Стены не превышали высотой тридцати футов, но теснина была очень узкая и

темная. Здесь поток терял скорость, становился почти гладким. По обе стороны от него узкие полоски земли поросли невысоким кустарником. Путники остановились, с сомнением рассматривая ущелье. Пейзаж был чрезвычайно мрачен.

— Тут-то мы найдем, где укрыться, — понизив голос, сказал Хонат. — Но в таком месте можно столкнуться с кем угодно.

— Крупному животному здесь негде прятаться, — возразил Аласкон. — И потому серьезная опасность здесь не грозит. В любом случае наш единственный путь — вперед.

Как только они вошли в густую поросль кустарников, Хонат тут же потерял своих товарищей из виду. Но он хорошо слышал рядом их осторожные шаги. Ущелье, казалось, застыло в полной неподвижности. Даже вода, бесшумно и гладко катившая воды в каменном русле, казалась твердой. Не было и ветра, чему Хонат был несказанно рад, хотя уже и начал привыкать к головокружительной незыблемости.

Несколько секунд спустя Хонат услышал тихий свист. Он пополз на звук и едва не столкнулся с Аласконом, который приник к земле за густо раскинувшей ветки магнолией. Через секунду из темной зелени выглянуло встревоженное лицо

Матилд.

— Послушай, — прошептал Аласкон. — Что это, по-твоему, такое?

«Это» было выемкой в песчаном грунте, примерно четырех футов в диаметре, обрамленной низким валиком земли, очевидно, той самой, которую извлекли из ямы. Большую часть ямки занимали три серых эллипсовидных предмета, совершенно гладких.

— Яйца! — удивленно сказала Матилд.

— Совершенно верно. Но какие большие! Отложившее их животное наверняка огромных размеров. Похоже, мы вторглись в чьи-то владения.

Матилд тревожно вздохнула. Хонат лихорадочно старался что-то придумать, чтобы остановить поднимающуюся панику — и не только у себя, но и у девушки. Лежавший рядом камень с острыми гранями дал ему ответ. Он схватил его и ударил по яйцу.

Его оболочка больше напоминала кожу, а не скорлупу — она прорвалась и повисла неровными клочьями. Хонат нагнулся и попробовал содержимое на вкус.

Оно оказалось превосходным. Конечно, птичьи яйца были повкуснее, но Хонат был слишком го-

лоден, чтобы привередничать. После секундного замешательства Матилд и Аласкон атаковали два оставшихся овоида.

Это была первая сытная еда, которую они раздобыли в Аду. Когда они, наконец, покинули разоренное гнездо, Хонат чувствовал себя как никогда превосходно.

Двигаясь вдоль каньона, они вскоре опять услышали рев воды, хотя вид потока оставался таким же безмятежным, как и раньше. Здесь они впервые в ущелье столкнулись с признаками активной жизни. Над водой носилась стая гигантских стрекоз. Насекомые бросились прочь, едва завидев Хоната, но вскоре вернулись — их рудиментарные мозги быстро успокоились. Может, в этой долине люди бывали часто.

Рев водопада стал заметно громче. Когда трое путников обогнули выступ, заставивший реку сделать плавный поворот, показался источник шума. Это было сплошное полотно падающей воды, летевшей вниз с высоты двух базальтовых столбов, таких же высоких, как и само ущелье.

— Вот и конец пути, — сказал Аласкон. Ему пришлось кричать, иначе его не услышали бы из-за грохота водопада. — На эти стены нам никогда не подняться.

Потрясенный Хонат переводил взгляд из стороны в сторону. Совершенно очевидно, что Аласкон кругом прав. Ущелье явно образовалось в результате вулканических процессов, когда камни были раздроблены, а затем вымыты потоками воды. Стены утеса нависали с боков, такие гладкие, словно их полировала чья-то рука. Кое-где, цепляясь за малейшие неровности, по ним карабкались сети жилистых ползучих растений, но нигде не подбирались близко к вершине.

Хонат повернулся и еще раз посмотрел на гигантскую арку воды и пены. Есть ли хоть какой-нибудь способ предотвратить возвращение по собственным следам?

Внезапно сквозь рев водопада донесся яростный свист-шипение. Эхо подхватило жуткий вопль и разнесло по ущелью, многократно повторяя. Хонат подпрыгнул и опустился на землю, весь дрожа, а потом повернулся спиной к водопаду.

Поначалу он ничего не увидел. Потом вода забурлила.

Секунду спустя двуногая зелено-голубая рептилия показалась из-за поворота и одним громадным прыжком покрыла расстояние, разделявшее их. Она замерла, словно в удивлении, потом уста-

вилась прямо на людей. Глаза ее были холодны, тупы и злобны.

Воздух снова прорезал вопль. Балансируя на массивном хвосте, чудовище присело и опустило голову. Перед ними, пылая красными глазами, явился владелец разоренного гнезда. Путники наконец увидели Демона Ада.

6

Сознание Хоната в это мгновение озарилось серебристым отблеском, как на обратной стороне тополиного листа. Он действовал не размышляя, не понимая даже, что делает. И когда снова обрел способность думать, все трое стояли в полумраке, наблюдая за размытым силуэтом дракона, метавшегося за укрывшей путешественников стеной падающей воды.

Только благодаря чистой случайности, не запланированной заранее, они обнаружили, что между стеной воды и каменным выступом имеется пустое пространство, достаточно просторное. Именно удачная случайность заставила Хоната обогнуть озеро по краю, чтобы достигнуть водопада — именно поэтому они оказались в месте, где масса падающей воды не могла сбить их с ног и позволила скрыться за спасительным

серебряным экраном воды. И чистая случайность бросила демона в погоню посередине русла, где его задержала вода, сковывавшая движение мощных лап. Зверь попал под основной удар падающего потока.

Но ни о чем подобном Хонат не подозревал, пока этого не случилось. Когда гигантская рептилия яростно завопила во второй раз, он просто дернул Матилд за руку, а затем бросился бежать к водопаду, перепрыгивая от дерева к кусту, от куста к папоротнику. Так быстро он никогда в жизни не бегал. Он не останавливался, чтобы посмотреть, успевает ли за ним Матилд и бежит ли следом Аласкон. Хонат просто бежал. Возможно, он кричал, но так ли — теперь ему уже и не вспомнить.

Все трое стояли за водяной завесой, мокрые и дрожащие. Стояли до тех пор, пока мечущееся по берегу чудовище не исчезло. Наконец Хонат издал крик торжества. Он почувствовал руку на своем плече и медленно обернулся.

Говорить здесь было невозможно, но указывающий жест Алас-кона был понятен. Века водяной эрозии еще не вымыли до конца первоначальный мягкий известняк. Все еще имелось нечто вроде трубы, по которой можно было вскарабкаться наверх. Падая шестифутовой аркой, била вода.

Значит, поднявшись к базальтовым столбам, можно выбраться из-под водопада, не входя в поток.

А что потом?

Хонат вдруг усмехнулся. Он чувствовал слабость во всем теле, наступившую после пережитого потрясения, а отвратительная зубастая морда дракона еще долго будет сниться ему в кошмарных снах… В то же время он чувствовал совершенно иррациональную уверенность и прыгнул вперед, в отверстие каменной трубы.

Всего какой-то час спустя они стояли на каменной полке, выходящей из ущелья. Рядом с грохотом рушился вниз водопад, отделенный от них всего несколькими ярдами. Отсюда было видно, что само ущелье являлось дном более глубокого разреза в скальной массе, расселины в розово-сером камне, напоминающей след удара небесной молнии. За базальтовыми столбами поток последовательно проходил целую серию каменных полок, которые, казалось, уходили в небо. По эту сторону столбов полка превращалась в подобие усеченного плоскогорья. Вода на этом уровне бежала веками, прежде чем накатывалась на слои более мягкого камня, что и позволило выточить ущелье, в котором совсем недавно

они едва не нашли свою смерть. Местами на каменной платформе беспорядочно громоздились валуны с отшлифованными, скругленными водяной эрозией краями.

Хонат некоторое время осматривал здоровенные окатанные камни — некоторые выше его роста, потом перевел взгляд в теснину. Демон, уменьшенный расстоянием, продолжал бродить возле водопада. Да, возможно, тупое создание останется на посту до тех пор, пока не умрет с голоду — ведь оно убедилось, что добыча прячется под прикрытием слоя падающей воды. Но у Хоната появилась идея.

— Аласкон, не сбросить ли нам на демона один из камней? Навигатор осторожно перегнулся через край обрыва.

— Вполне возможно, — сказал он наконец. — Демон ходит взад-вперед по одной и той же короткой дуге. И все камни падают с одинаковой скоростью. Если мы угадаем, и камень упадет в ту точку, где будет находиться чудовище… Гм, думаю, может получиться. Выберем камень побольше, чтобы поразить его наверняка.

Но претензии Аласкона превзошли его возможности. Выбранный камень не удалось сдвинуть с места: Аласкон был все еще слишком слаб, чтобы

существенно помочь сдвинуть валун.

— Не беда, — энергично сказал он. — Даже небольшой камень к концу падения приобретет приличную скорость. А вы с Матилд выбирайте такой, который можно легко подкатить к краю.

После нескольких проб Хонат выбрал камень размерами раза в три больше его головы. Камень был очень тяжел, но вместе с Матилд они подкатили его к краю каменной полки.

— Погоди, — озабоченно сказал Аласкон. — Наклоните камень так, чтобы столкнуть его в любой миг. Будьте готовы… Так. Хорошо. Демон уже идет обратно. Как только пересечет… приготовились! Четыре, три, два, один, бросай!

Валун с шумом полетел вниз. Все трое присели у края обрыва. Валун все уменьшался, стал меньше фрукта, меньше ногтя на пальце, меньше песчинки. Карликовая фигурка демона достигла края дуги, по которой он слонялся в ожидании добычи, развернулась, чтобы отправиться назад…

И остановилась. На мгновение демон просто застыл в неподвижности. Потом бесконечно медленно стал заваливаться набок, в воду. Пару раз судорожно дернувшись и взбив пену волн, туловище чудовища скрылось под водой. Волны, порождаемые водопадом, скрыли круги от канув-

шего в бездну тела.

— Словно рыба в бромеледе, — гордо сказал Аласкон. Но голос его немного дрожал. Хонат прекрасно знал почему.

В конце концов, они только что победили демона.

— Мы смогли бы это сделать и еще раз, — прошептал Хонат.

— И не раз, — согласился Аласкон, все еще жадно вглядываясь в озерцо внизу. — Похоже, что ума у них маловато, у этих демонов. Раз здесь всегда есть высокие места вроде этой полки, мы всегда сможем заманить подобное чудовище и спокойно забросать его камнями. Эх, как я сразу до этого не додумался.

— А куда мы теперь? — спросила Матилд, глядя на каменную «лестницу» позади базальтовых столбов. — Туда?

— Да. И как можно скорее, — сказал Аласкон, поднявшись на ноги и всматриваясь в небо, прикрыв глаза рукой. — Уже довольно поздно. Вот-вот начнет темнеть.

— Нужно идти цепочкой, — сказал Хонат. — И все время крепко держаться за руки. Один неверный шаг на этих скользких мокрых камнях, и кому-то придется долго-долго падать.

Матилд поежилась, представив себе возможный печальный финал, и судорожно сжала руку Хоната. К его изумлению, в следующий миг она уже тянула его к базальтовым столбам.

Неправильной формы заплата фиолетового небосклона над их головами постепенно увеличивалась по мере того, как они карабкались вверх. Им приходилось часто делать передышки и отдыхать, прижавшись к излому камня и зачерпывая пригоршни ледяной воды из потока, падавшего вниз по ступеням природной каменной лестницы мимо тройки донельзя усталых путников. В сумерках было трудно сказать, насколько высоко они уже поднялись. Аласкон предположил, что выше Вершин их собственного мира. Воздух был необычайно свежим, острым, каким никогда не бывает над джунглями.

Последний участок, который им пришлось преодолеть, следуя вдоль потока, опять оказался каменной трубой, более крутой и с более гладкими стенами, чем первая. Но она была достаточно узкой, и они смогли подняться по ней, упираясь в стены спиной и ступнями. Воздух внутри трубы был наполнен туманом водяных брызг — неудобство для условий Ада совершенно незначительное, чтобы обращать на него внимание.

Последним усилием Хонат перевалился через край трубы и, совершенно обессилевший, упал на плоский каменный выступ. Но даже крайнее утомление не могло подавить радостное возбуждение, охватившее его. Они поднялись выше чердака джунглей! Они выбрались из самого Ада! Он посмотрел назад, все ли в порядке у Матилд, потом протянул руку, чтобы помочь Аласкону выбраться из трубы. Больная нога навигатора очень мешала ему двигаться. Хонат мощно потянул, и Аласкон тяжело перевалился через край, распростершись на густом мягком мху.

На небе высыпали первые звезды. Некоторое время путешественники просто сидели неподвижно, потом один за другим повернулись, чтобы обозреть новый мир, в котором оказались.

Видно было не так уж много. Купол неба над плоскогорьем был усеян звездами. В центре каменной плоскости возвышалась сверкающая спица, указывая одним концом в звездное небо, а вокруг этой спицы… плохо видимые в звездном свете, вокруг нее суетились, сновали из стороны в сторону, переносили какие-то непонятные предметы и были заняты непонятным трудом… Гиганты!!!

7

Значит, это конец! Конец их битвы, боя, в который они, несмотря на обстоятельства, вступили из желания поступить так, как считали правильным. Храбрость против суеверия, бой с самим Адом. И вот — бой закончен, и перед глазами его результат. Констатация очевидного факта:

ГИГАНТЫ СУЩЕСТВОВАЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ!

Не могло быть сомнений в их реальности. Гиганты хотя и были раза в два выше людей, ходили и стояли более прямо и не имели — на первый взгляд — хвостов, их родство с людьми даже на самый неискушенный взгляд выглядело очевидным. Даже их голоса, когда они перекликались друг с другом, занимаясь своей непонятной работой вокруг возвышавшейся блестящей спицы, это голоса людей, превратившихся в богов. Пусть даже они настолько же далеки от голосов обычных людей, насколько голоса людей разнятся с голосами обезьян. Но, без сомнения, голоса принадлежали существам одного с ними рода. Это были Гиганты, о которых твердила Книга Законов. Они не только оказались реальными существами, но и вернулись на Теллуру, как и обещали.

И они сурово поступят с неверными, с беглецами из Ада. Значит, все было напрасно — вся их борьба, предельное напряжение сил, стремление отстоять право думать самостоятельно. Боги существовали в реальности, на самом деле. От этой веры Хонат стремился избавиться всю свою сознательную жизнь — но теперь это была уже не просто вера. Это был факт, который он видел собственными глазами.

Гиганты вернулись взглянуть на дело своих рук. И первыми из людей, с которыми им предстояло встретиться, были трое отщепенцев, преступников, беглецов — самых худших из всех возможных представителей Вершин.

Мысль об этом, словно кипящая смола, пронеслась в мозгу Хоната за какую-то долю секунды. Тем не менее ум Аласкона работал еще быстрее. Аласкон был всегда самым последовательным и откровенным неверующим из всей троицы. И отрывшееся им зрелище оказалось для него тяжелым ударом и одновременно испытанием разума. С глубоким резким вздохом он повернулся и пошел прочь.

Матилд что-то простонала, но было поздно. Возглас ее был оборван, заглушён на половине. Круглый светящийся глаз на верхушке спицы

вдруг увеличился в яркости, ожил и уставился на путешественников, залив все вокруг ослепительным светом.

Хонат бросился вслед Навигатору. Не оглядываясь, Аласкон вдруг побежал. На миг Хонат увидел на фоне темного неба смутный, еще более темный силуэт Аласкона, и в следующий миг Навигатор исчез, словно его никогда и не было.

Аласкон выдержал все ужасы и испытания подъема из Ада с твердостью и даже оптимизмом. Но ему не удалось устоять перед лицом реальности того, что он всю жизнь считал выдумкой.

Чувствуя тупую боль в сердце и непонятную тоску, Хонат повернулся лицом к яркому свету, прикрывая ладонью глаза.

Потом послышались шаги нескольких пар ног.

Наступил момент Второго Суда.

После долгой паузы мощный голос из темноты сказал:

— Не бойтесь, мы не причиним вам вреда. Мы такие же люди, как и вы.

Язык имел архаичный оттенок языка Книги Законов, но в целом был абсолютно понятен. Другой голос сказал:

— Как вас зовут?

Язык Хоната, казалось, намертво прилип к гор-

тани. Пока он боролся с неожиданной немотой, рядом послышался ясный голос Матилд:

— Это Хонат, прядильщик мешков, а я Матилд — разведчица еды.

— Вы довольно далеко забрались от места, где мы поселили ваш народ, — сказал первый Гигант. — Разве вы уже не живете в сетях лиан над джунглями?

— Господин…

— Мое имя Джарл Элевен. А это — Герхард Адлер.

Теперь онемела Матилд. Хонат понимал причину — сама мысль о том, чтобы обращаться к Гигантам по имени, парализовала ее. Но поскольку они теперь вскоре окажутся снова изгнанными в Ад, можно было попробовать, ничего при этом не теряя.

— Джарл Элевен, — сказал он. — Люди все еще живут среди сетей и лиан, на Вершинах. А поверхность джунглей закрыта для нас. Это запрещенная земля. Туда посылают только преступников. Мы как раз и есть такие преступники.

— Вот как? — удивился Джарл. — И вы прошли весь путь от поверхности джунглей до этого плоскогорья? Герхард, это какое-то чудо. Вы не имели понятия, что ждет вас на поверхности. Это такое

место, где эволюция не сдвинулась дальше клыков и зубов. Динозавры из всех периодов мезозоя, примитивные млекопитающие уровня больших кошек. Вот почему первая команда Сеятелей поселила людей на верхушках.

— Хонат, в чем заключается твое преступление? — спросил Герхард.

Хонат был почти рад прямому вопросу и тому, что они так быстро подошли к сути. Джарл со всеми его словами, многие из которых Хонат едва понимал, очень его пугал.

— Нас было пятеро, — тихо сказал Хонат. — И мы говорили, что мы… что мы не верим в Гигантов.

Последовала пауза, но недолгая, потом, к удивлению и потрясению Хоната и Матилд, Гиганты расхохотались.

Матилд содрогнулась, прижимая уши к ладоням. Даже Хонат вздрогнул и сделал шаг назад. Смех тут же прекратился, и Гигант по имени Джарл вступил в круг света и присел перед людьми. Теперь на свету было хорошо видно, что его лицо и руки совершенно безволосые. Остальная часть тела была покрыта какой-то одеждой. На корточках он почти не превышал Хоната и не казался таким уж ужасным.

— Извините, что мы вас невольно испугали, — сказал он. — Мы совершенно напрасно смеялись. Но то, что вы сказали, оказалось совершенно неожиданным. Герхард, присаживайся к нам, а то ты напоминаешь статую Командора. Расскажи-ка мне, Хонат, как ты не верил в Гигантов.

Хонат едва мог поверить своим ушам. Гигант просил у него прощения. Может быть, это какая-то утонченная шутка? Но какова бы ни была причина, ему задали вопрос.

— Каждый из нас пятерых не верил по-своему, — начал он. — Я считал, что вы нереальны, что вы — абстрактные символы какой-то давней веры. Один из нас, самый мудрый, считал, что вас вообще никогда не было, ни в каком смысле. Но все мы сходились в одном — что вы не боги.

— Это правда, мы вовсе не боги, — сказал Джарл. — Мы люди. Мы из того же самого семени, что и ваш народ. Мы не правители, а ваши братья. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет, — с горечью сказал Хонат.

— Тогда я поясню. Люди живут во многих мирах. Они отличаются друг от друга, потому что отличаются их планеты. И на каждой планете должен жить подходящий для этих условий тип людей. Герхард и я — люди того мира, который

называется Земля. И мы можем жить во многих мирах, похожих на Землю. Мы — маленькие участники огромной программы, называемой «Семя». Она продолжается уже тысячи лет. Наша задача — искать для засева новые миры, а потом готовить к этим мирам людей для их заселения.

— Готовить людей! Только боги…

— Нет-нет, будь внимателен и терпелив, — сказал Джарл. — Мы не делаем новых людей. Мы просто их изменяем, чтобы они могли жить на данной планете. Это совсем не то, что создавать новых людей из ничего. Мы берем живую плазму, сперму и яйцеклетку и модифицируем их. Получаются зародыши модифицированного человека, и мы помогаем ему освоиться в новом для него мире. Так поступили и на Теллуре уже давно, еще до того, как родились мы с Герхардом. И теперь мы вернулись посмотреть, как поживает наш народ и помочь ему, если нужно.

Он перевел взгляд на Матилд, потом снова на Хоната.

— Вы понимаете, о чем я говорю? — снова спросил он.

— Пытаюсь, — ответил Хонат. — Но тогда вам нужно спуститься к Вершинам джунглей. МЫ — не такие, как все, а вам нужно наше племя.

— Утром мы так и сделаем. Ведь мы недавно приземлились. Но вы нас особенно интересуете, именно потому, что вы не такие, как остальные. Скажите, удавалось ли раньше приговоренным выживать на поверхности планеты?

— Нет, никогда. Это и понятно, там обитают такие чудовища…

Джарл бросил взгляд на второго Гиганта. Кажется, он улыбался.

— Когда вы посмотрите наш фильм, Хонат, то поймете, что ошибаетесь. Хонат, а как вам троим удалось добраться сюда?

Сначала с запинками, а потом с растущей уверенностью, по мере того, как память возвращала яркие картины пережитых приключений, Хонат рассказал об их пути. Когда он упомянул о гнезде демона и их пиршестве, Джарл многозначительно посмотрел на Герхарда, но не перебил Хоната.

— И, наконец, мы добрались до верхушки трубы и оказались на каменном плоскогорье, — сказал Хонат. — Аласкон был все еще с нами, но когда увидел сверкающий заостренный столб, светящийся глаз и вас, то бросился вниз с обрыва. Он тоже был преступником, как и мы, но он не должен погибать таким образом. Он был храбр и умен.

— Но недостаточно умен, чтоб подождать, пока выяснятся все обстоятельства, — загадочно произнес Джарл. — И все же, Адлер, это поразительно, иначе и не назовешь. Это самый удачный посев в этом витке Галактики, насколько я знаю. И какая удача оказаться на этом месте в тот момент, когда здесь обнаружилась вот эта замечательная парочка!

— Что это значит? — спросил Хонат.

— Все очень просто, Хонат. Когда команда Сеятелей поселила здесь ваш народ, то с самого начала предполагалось, что на вершинах джунглей вы вечно жить не станете. Они знали, что рано или поздно, но вам придется спуститься на грунт и научиться выживать на поверхности. Научиться побеждать эту планету. Иначе бы вы быстро зашли в тупик развития и вымерли.

— Все время жить на поверхности? — слабым голосом переспросила Матилд.

— Да, Матилд. Жизнь на Вершинах — только переходный период, пока вы накапливали необходимые знания и учились применять эти знания на практике. Но чтобы стать настоящими хозяевами Теллуры, вам придется завоевать поверхность.

То, что придумали ваши люди — изгонять пре-

ступников — было самым лучшим выходом в необходимом процессе завоевания поверхности. Требуется особо крепкая воля и незаурядная храбрость, чтобы сделать шаг вопреки обычаям. И оба этих качества необходимы для того, чтобы завоевать Теллуру. Одолеть ее. Именно самых крепких и закаленных бойцов ваш народ год за годом изгонял на поверхность.

Рано или поздно, но кто-то из изгнанников обнаружил бы, что жить на поверхности можно, и научил остальную часть вашего народа. И они постепенно покинули бы деревья. Ты и Хонат поступили именно так.

— Заметь, Джарл, — сказал Герхард, — что в их случае преступление имело идеологический характер. Это был критический пункт в политике наказания людей. Одного бунтарского духа недостаточно. Но прибавь сюда немного ума… Да что я говорю! Он — человек!

Голова у Хоната шла кругом.

— Но что все это означает? — воскликнул он. — Значит ли, что мы… больше не обречены жить в Аду?

— Нет, обречены, если ты и дальше намерен так называть поверхность, — сурово сказал Джарл. — Вы научились жить здесь, на поверх-

ности, и кое-что поняли. Кое-что очень важное: КАК ОСТАВАТЬСЯ в живых, ПОБЕЖДАЯ ВРАГОВ! Знаете ли вы, что голыми руками вы убили трех демонов! Ты, Матилд и Аласкон.

— Убили?..

— Конечно, — сказал Джарл. — Вы съели три яйца. Это единственный и классический способ уничтожения таких чудовищ, как динозавры. Взрослого ничем, кроме ракетного ружья, не прошибешь. А в яйце они беспомощны. И у взрослых не хватает ума охранять свои гнезда…

Хонат слышал его, словно издалека. Даже тепло тела Матилд, находившейся рядом с ним, не помогало сохранять чувство реальности.

— Тогда нам придется вернуться вниз, — тусклым голосом сказал он. — И навсегда.

— Да, — мягко сказал Джарл. — Но ты будешь не один, Хонат. Начиная с завтрашнего утра, с тобой будет весь твой народ.

ВЕСЬ народ!

— Так вы… собираетесь изгнать их из мира Вершин?

— Нет, мы не станем им запрещать жить среди Вершин и лиан, но с этого момента твоему племени придется завоевать поверхность. И вы с Матилд доказали, что это вполне возможно.

Давно пора, чтобы и остальные это усвоили.

— Джарл, ты совсем забыл об этих маленьких людях, — сказал Адлер. — Скажи им, что ждет их самих. Видишь, они напуганы.

— Конечно, конечно, само собой. Хонат и ты, Матилд — единственные представители вашего народа, которые умеют выживать на поверхности. И мы не собираемся учить этому ваше племя. Этим займетесь вы.

У Хоната отвисла челюсть.

— Займетесь вы, — твердо повторил Джарл. — Завтра мы вернем вас в ваше племя и скажем всем, что только вы знаете законы успешного выживания на Поверхности. И что всем остальным придется спуститься и жить там же. Больше мы ничего не скажем. Как, по-твоему, что они сделают?

— Не знаю, — ошеломленно сказал Хонат. — Может случиться что угодно. Они даже могут сделать нас Вершителями… Но ведь мы… Мы же для них преступники!

— Вы — открыватели нового, Хонат, вот вы кто. Мужчина и женщина, которые поведут человечество Теллуры вперед, заставят его спуститься с Чердака на первый этаж, в широкий и загадочный мир.

Джарл поднялся на ноги, купаясь в лучах яркого белого света. Хонат поднял голову и увидел, что еще около десятка Гигантов толпятся на самом краю яркого пятна света и вслушиваются в каждое их слово.

— Но должно пройти некоторое время, прежде чем мы начнем, — сказал Джарл. — Наверное, вы хотите осмотреть корабль?

С неизвестным ранее чувством, в каком-то оцепенении Хонат взял Матилд за руку. И они вместе зашагали от трубы в Ад, следуя по пятам за Гигантами.

ПОВЕРХНОСТНОЕ НАТЯЖЕНИЕ
Пролог

Доктор Шавье надолго замер над микроскопом, оставив ла Вентуре одно занятие — созерцать безжизненные виды планеты Гидрот. «Уж точнее было бы сказать, — подумал пилот, — не виды, а воды…» Еще из космоса они заметили, что новый мир — это, по существу, малюсенький треугольный материк посреди бесконечного океана, да и материк, как выяснилось, представляет собой почти сплошное болото.

Остов разбитого корабля лежал поперек един-

ственного скального выступа, какой нашелся на всей планете; вершина выступа вознеслась над уровнем моря на умопомрачительную высоту — двадцать один фут. С такой высоты ла Вентура мог окинуть взглядом плоскую чашу грязи, простирающуюся до самого горизонта на добрые сорок миль. Красноватый свет звезды Тау Кита, дробясь в тысячах озер, запруд, луж и лужиц, заставлял мокрую равнину искриться, словно ее сложили из драгоценных камней.

— Будь я религиозен, — заметил вдруг пилот, — я бы решил, что это божественное возмездие.

— Гм? — отозвался Шавье.

— Так и чудится, что нас покарали за… кажется, это называлось «гордыня»? За нашу спесь, амбицию, самонадеянность…

— Гордыня? — переспросил Шавье наконец, подняв голову. — Да ну? Что-то меня в данной момент отнюдь не распирает от гордости. А вас?

— Н-да, хвастаться своим искусством посадки я, пожалуй, не стану, — признал ла Вентура. — Но я, собственно, не то имел в виду. Зачем мы вообще полезли сюда? Разве не самонадеянно воображать, что можно расселить людей или существа, похожие на людей, по всей Галактике? Еще больше спеси надо, чтобы и впрямь взяться

за подобное предприятие: двигаться от планеты к планете и создавать людей, создавать, применительно к любому окружению, какое встретится…

— Может, это и спесь, — произнес Шавье. — Но ведь наш корабль — один из многих сотен в одном только секторе Галактики, так что сомнительно, чтобы именно за нами боги записали особые грехи. — Он улыбнулся. — А уж если записали, то могли хотя бы оставить нам ультрафон, чтобы Совет по освоению услышал о нашей судьбе. Кроме того, Пол, мы вовсе не создаем людей. Мы приспосабливаем их, притом исключительно к планетам земного типа. У нас хватает здравого смысла — смирения, если хотите, — понимать, что мы не в силах приспособить человека к планетам типа Юпитера или к жизни на поверхности звезд, например, на самой Тау Кита…

— И тем не менее мы здесь, — перебил ла Вентура мрачно. — И никуда отсюда не денемся. Фил сказал мне, что в термокамерах не уцелело ни одного эмбриона, значит, создать здесь жизнь по обычной схеме мы и то не можем. Нас закинуло в мертвый мир, а мы еще тщимся к нему приспособиться. Интересно, что намерены пантропологи сотворить с нашими непокорными телесами — приспособить к ним плавники?

— Нет, — спокойно ответил Шавье. — Вам, Пол, и мне, и всем остальным предстоит умереть. Пантропология не в состоянии воздействовать на взрослый организм, он определен вам таким, какой уж есть от рождения. Попытка переустроить его лишь искалечила бы вас. Пантропология имеет дело с генами, с механизмом передачи наследственности. Мы не можем придать вам плавники, как не можем предоставить вам запасной мозг. Вероятно, мы сумеем заселить этот мир людьми, только сами не доживем до того, чтобы убедиться в этом.

Пилот задумался, чувствуя, как под ложечкой медленно заворочалось что-то скользкое и холодное.

— И сколько вы нам еще отмерили? — осведомился он в итоге.

— Как знать? Быть может, месяц…

Переборка, что отделяла их от других отсеков корабля, разомкнулась, впустив сырой соленый воздух, густой от углекислого газа. Пятная пол грязью, вошел Филипп Штрасфогель, офицер связи. Как и ла Вентура, он остался сейчас не у дел, и это тяготило его. Природа не наградила Штрасфогеля склонностью к самоанализу, и теперь, когда его драгоценный ультрафон вышел из строя и не

отвечал более на прикосновения его чутких рук, он оказался во власти собственных мыслей, а они не отличались разнообразием. Только поручения Шавье не давали связисту растечься студнем и впасть в окончательное уныние.

Он расстегнул и снял с себя матерчатый пояс, в кармашках которого, как патроны, торчали пластмассовые бутылочки.

— Вот вам новые пробы, док, — сказал он. — Все то же самое, вода да слякоть. В ботинках у меня настоящий плывун. Выяснили что-нибудь?

— Многое, Фил. Спасибо. Остальные далеко?

Штрасфогель высунул голову наружу и крикнул. Над морями грязи зазвенели другие голоса. Через несколько минут в пантропологическом отсеке собрались все уцелевшие после крушения? Солтонстол, старший помощник Шавье, румяный и моложавый, заведомо согласный на любой эксперимент, пусть даже со смертельным исходом; Юнис Вагнер — за ее невыразительной внешностью скрывались знания и опыт единственного в экипаже эколога; Элефтериос Венесуэлос, немногословный представитель Совета по освоению, и Джоан Хит, гардемарин. Это звание было теперь таким же бессмысленным, как корабельные должности ла Вентуры и Штрас-

фогеля, но светлые волосы Джоан и ее стройная, обманчиво инфантильная фигурка в по мнению пилота сверкали ярче, чем Тау Кита, а после катастрофы, пожалуй, ярче самого земного Солнца.

Пять мужчин и две женщины — на всю планету, где и шагу не сделать иначе, чем по колено, если не по пояс в воде.

Они тихо вошли друг за другом и застыли, кто — прислонившись к стенке в углу, кто — присев на краю стола. Джоан Хит подошла к ла Вентуре и встала с ним рядом. Они не взглянули друг на друга, но ее плечо коснулось плеча мужчины, и все сразу сделалось не так уж и скверно, как только что казалось.

Молчание нарушил Венесуэлос:

— Каков же ваш приговор, доктор Шавье?

— Планета отнюдь не мертва, — ответил тот. — Жизнь есть и в морской, и в пресной воде. Что касается животного царства, эволюция здесь, видимо, остановилась на ракообразных. Самый развитый вид, обнаруженный в одном из ручейков, напоминает крошечных лангустов, но этот вид как будто не слишком распространен. Зато в озерцах и лужах полным-полно других многоклеточных низших отрядов, вплоть до коловраток, включая один панцирный вид наподобие земных

Floscularidae. Кроме того, здесь удивительное многообразие простейших — господствующий реснитчатый тип напоминает *Paramoecium* плюс различные корненожки, вполне естественные в такой обстановке жгутиковые. Встречаются даже фосфоресцирующие виды, чего я никак не ожидал увидеть в несоленой воде. Что касается растений, то здесь распространены как простые сине-зеленые водоросли, так и намного более сложные таллофиты — но, конечно, ни один из местных видов не способен жить вне воды.

— В море почти то же самое, — добавила Юнис — Я обнаружила там довольно крупных низших многоклеточных — медуз и так далее — и ракообразных величиной почти с омара. Вполне нормальное явление: виды, обитающие в соленой воде, достигают больших размеров, чем те, что водятся в пресной. Ну и еще обычные колонии планктона и микропланктона…

— Короче говоря, — подвел итог Шавье, — если не бояться трудностей, то выжить здесь можно…

— Позвольте, — вмешался ла Вентура. — Вы же сами только что заявили мне, что мы не выживем ни при каких обстоятельствах. И вы имели в виду именно нас семерых, а не генетических потомков человечества — ведь термокамер и банка зароды-

шевых клеток более не существует. Как прика…

— Да, разумеется, банка больше нет. Но, Пол, ведь мы *можем* использовать свои собственные клетки. Сейчас я перейду к этому вопросу. — Шавье обернулся к своему помощнику. — Мартин, как вы думаете, не избрать ли нам море? Когда-то, давным-давно, мы вышли из моря на сушу. Быть может, здесь, на планете Гидрот, мы со временем дерзнем вернуться?..

— Не выйдет, — тотчас откликнулся Солтонстол. — Идея мне нравится, но если посмотреть на проблему объективно, словно лично мы тут вовсе не замешаны, то на возрождение из пены я не поставил бы и гроша. В море борьба за существование будет слишком остра, конкуренция со стороны других видов — слишком упорна. Сеять жизнь в море — самое последнее, за что стоило бы здесь браться. Колонисты и оглянуться не успеют, как их попросту сожрут…

— Как же так? — не унимался ла Вентура. Предчувствие смерти вновь шевельнулось где-то внутри, и с ним стало труднее справиться.

— Юнис, среди морских кишечнополостных есть хищники, вроде португальских корабликов?

Эколог молча кивнула.

— Вот вам и ответ, Пол, — сказал Солтонстол. — Море отпадает. Придется довольствоваться пресной водой, где нет столь грозных врагов, зато много больше всевозможных убежищ.

— Мы что, не в силах справиться с медузами? — спросил ла Вентура, судорожно сглотнув.

— Не в силах, Пол, — ответил Шавье. — Во всяком случае, не с такими опасными. Пантропологи — еще не боги. Они берут зародышевые клетки — в данном случае наши собственные, коль скоро банк не пережил катастрофы, — и видоизменяют их генетически с тем расчетом, чтобы существа, которые из них разовьются, приспособились к окружению. Существа эти будут человекоподобными и разумными. Как правило, они сохраняют и некоторые черты личности донора: ведь изменения касаются в основном строения тела, а не мозга — мозг у дочернего индивидуума развивается почти по исходной программе.

Но мы не можем передать колонистам свою память. Человек, возрожденный в новой среде, поначалу беспомощнее ребенка. Он не знает своей истории, не ведает техники, у него нет ни опыта, ни даже языка. В нормальных условиях, например при освоении Теллуры, группа сеятелей, прежде чем покинуть планету, дает

своим питомцам хотя бы начальные знания, — но мы, увы, не доживем до поры, когда у наших питомцев возникнет потребность в знаниях. Мы должны создать их максимально защищенными, поместить в наиболее благоприятное окружение и надеяться, что, по крайней мере, некоторые из них выживут, учась на собственных ошибках.

Пилот задумался, но так и не нашел возражений против мысли, что смерть надвигается все ближе и неотвратимее с каждой пролетевшей секундой. Джоан Хит придвинулась к нему чуть теснее.

— Стало быть, одно из созданных нами существ сохранит определенное сходство со мной, но обо мне помнить не будет, так?

— Именно так. В данной ситуации мы, вероятно, сделаем колонистов гаплоидными, так что некоторые из них, а быть может, и многие, получат наследственность, восходящую лично к вам. Может статься, сохранятся даже остатки индивидуальности — пантропология дала нам кое-какие доводы в поддержку взглядов старика Юнга относительно наследственной памяти. Но как сознающие себя личности мы умрем, Пол. Этого не избежать. После нас останутся люди, которые станут вести себя, как мы, думать и чув-

ствовать, как мы, но и понятия не будут иметь ни о ла Вентуре, ни о докторе Шавье, ни о Джоан Хит, ни о Земле…

Больше пилот ничего не сказал. Во рту у него словно бы застыл какой-то отвратительный привкус.

— Что вы порекомендуете нам, Мартин, в качестве модели?

Солтонстол в задумчивости потер переносицу.

— Конечности, я думаю, перепончатые. Большие пальцы на руках и ногах — удлиненные, с когтями, чтобы успешнее обороняться от врагов на первых порах. Ушные раковины меньше, а барабанные перепонки толще, чем у нас, и ближе к отверстию наружного слухового прохода. Придется, видимо, изменить всю систему водно-солевого обмена: клубочковые почки смогут функционировать в пресной воде, однако жизнь в состоянии погружения будет означать, что осмотическое давление внутри окажется выше, чем снаружи, и почкам придется выполнять роль насоса. При таких обстоятельствах антидиуретическую функцию гипофиза надо практически свести к нулю.

— А что с дыханием?

— Предлагаю легкие в виде книжки, как у

пауков; можно снабдить их межреберными дыхальцами. Такие легкие способны перейти к атмосферному дыханию, если колонисты решат когда-нибудь выйти из воды. На этот случай, думаю, следует сохранить полость носа, отделив ее от гортани мембраной из клеток, которые снабжались бы кислородом преимущественно за счет прямого орошения, а не по сосудам. Достаточно будет нашим потомкам выйти из воды хотя бы на время — и мембрана начнет атрофироваться. Два — три поколения колонисты проживут как земноводные, а потом в один прекрасный день обнаружат, что могут дышать через гортань, как мы.

— Остроумно, — заметил Шавье.

— Вношу также предложение, доктор Шавье, наделить их способностью к спорообразованию. Как все водные животные, наши наследники смогут жить очень долго, а новые поколения должны появляться не реже чем через шесть недель, чтобы их не успевали истреблять пока они неопытны и неумелы. Возникает противоречие, и чтобы преодолеть его, нужны ежегодные и довольно продолжительные разрывы жизненного цикла. Иначе колонисты столкнутся с проблемой перенаселения задолго до того, как

накопят достаточно знаний, чтобы с ней справиться.

— И вообще лучше, чтобы они зимовали внутри добротной крепкой оболочки, — поддержала пантрополога Юнис Вагнер. — Спорообразование — решение вполне очевидное. Недаром этим свойством наделены многие другие микроскопические существа.

— Микроскопические? — переспросил Штрасфогель, не веря своим ушам.

— Конечно, — усмехнувшись, ответил Шавье. — Уж не прикажете ли уместить человека шести футов ростом в луже двух футов в поперечнике? Но тут встает вопрос. Наши потомки неизбежно вступят в упорную борьбу с коловратками, а иные представители этого племени не так уж и микроскопичны. Коль на то пошло, даже отдельные типы простейших видны невооруженным глазом, пусть смутно и только на темном фоне, но видны. Думаю, что колонист должен в среднем иметь рост не менее 250 микрон. Не лишайте их, Мартин, шансов выкарабкаться…

— Я полагал сделать их вдвое большими.

— Тогда они будут самыми крупными в окружающем животном мире, — указала Юнис Вагнер, — и никогда ничему не научатся. Кро-

ме того, если они по росту окажутся близки к коловраткам, у них появится стимул сражаться с панцирными видами за домики-панцири и приспособить эти домики под жилье.

— Ну что ж, приступим, — кивнул Шавье. — Пока мы колдуем над генами, остальные могут коллективно поразмыслить над посланием, которое мы оставим будущим людям. Можно прибегнуть к микрозаписи на нержавеющих металлических листочках такого размера, чтобы колонисты поднимали их без труда. Мы расскажем им в самых простых выражениях, что случилось, и намекнем, что вселенная отнюдь не исчерпывается одной — двумя лужами. Придет день, и они разгадают наш намек.

— Еще вопрос, — вмешалась Юнис. — Надо ли сообщить им, что они по сравнению с нами микроскопичны? Я бы этого делать не стала. Это навяжет им, по крайней мере в ранней истории, легенды о богах и демонах, мифы, без которых можно и обойтись…

— Нет, Юнис, мы ничего не скроем, — сказал Шавье, и по тону его голоса ла Вентура понял, что доктор взял на себя обязанности начальника экспедиции. — Созданные нами существа по крови останутся людьми и рано или поздно заво-

ют право вернуться в сообщество человеческих цивилизаций. Они не игрушечные созданьица, которых надо навеки оградить от правды в пресноводной колыбельке.

— К тому же, — заметил Солтонстол, — они просто не сумеют расшифровать наши записи на заре своей истории. Сначала они должны будут разработать собственную письменность, и мы при всем желании не в силах оставить им никакого розеттского камня, никакого ключа к расшифровке. К тому времени, когда прочитают правду, они окажутся подготовлены к ней.

— Одобряю ваше решение официально, — неожиданно вставил Венесуэлос. И дискуссия окончилась.

Да, по существу, и говорить было больше не о чем. Все они с готовностью отдали клетки, нужные пантропологам. Конфиденциально ла Вентура и Джоан Хит просили Шавье разрешить им внести свой вклад сообща, но ученый ответил, что микроскопические люди непременно должны быть гаплоидными, иначе нельзя построить миниатюрную клеточную структуру с ядрами столь же мелкими, как у земных риккетсий. И потому каждый донор должен отдать свои клетки индивидуально — зиготам на планете Гидрот

места нет. Так что судьба лишила их даже последнего зыбкого утешения: детей у них не будет и после смерти.

Они помогли, как сумели, составить текст послания, которое предстояло перенести на металлические листки. Мало-помалу они начали ощущать голод — морские ракообразные, единственные на планете существа, достаточно крупные для того, чтобы служить людям пищей, водились в слишком глубоких и холодных водах и у берега попадались редко.

Ла Вентура навел порядок в рубке — занятие совершенно бессмысленное, однако многолетняя привычка требовала к себе уважения. В то же время уборка, неясно почему, слегка смягчала остроту раздумий о неизбежном. Но когда с уборкой было покончено, ему осталось лишь сидеть на краю скального выступа, наблюдая за красноватым диском Тау Кита, спускающимся к горизонту, и швыряя камушки в ближайшее озерцо.

Подошла Джоан Хит, молча села рядом. Он взял ее за руку. Блеск красного солнца уже почти угас, и они вместе следили за тем, как оно исчезает из виду. И ла Вентура все-таки задал себе скорбный вопрос: которая же из безымянных луж станет

его Летой?

Он, конечно, так и не узнал ответа на свой вопрос. Никто из них не узнал.

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита, и вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его единственный крошечный материк укутан снегом, а усеявшие скудную сушу пруды и озера скованы ледовой броней. Но постепенно багровое солнце поднимается в небе планеты все выше и выше; снега сбегают потоками в океан, а лед на прудах и озерах отступает к берегам…

Этап первый

1

Первое, что проникло в сознание спящего Лавона, был тихий, прерывистый и скребущий звук. Затем по телу начало расползаться беспокойное ощущение, словно мир — и Лавон вместе с ним — закачался на качелях. Он пошевелился, не раскрывая глаз. За время сна обмен веществ замедлился настолько, что и качели не могли победить апатию и оцепенение. Но стоило ему шевельнуться, как звук и покачивание стали еще

настойчивее.

Прошли, казалось, многие дни, прежде чем туман, застилавший его мозг, рассеялся, но какая бы причина ни вызвала волнение, оно не прекращалось. Лавон со стоном приоткрыл веки и взмахнул перепончатой рукой. По фосфоресцирующему следу, который оставили пальцы при движении, он мог судить, что янтарного цвета сферическая оболочка его каморки пока не повреждена. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь, но снаружи лежала тьма и только тьма. Так и следовало ожидать: обыкновенная вода — не то что жидкость внутри споры, в воде не вызовешь свечения, как упорно ее ни тряси.

Что-то извне опять покачнуло спору с тем же, что и прежде, шелестящим скрежетом. «Наверное, какая-нибудь упрямая диатомея, — лениво подумал Лавон, — старается, глупая, пролезть сквозь препятствие вместо того, чтобы обойти его». Или ранний хищник, который жаждет отведать плоти, прячущейся внутри споры. Ну и пусть, — Лавон не испытывал никакого желания расставаться с укрытием в такую пору. Жидкость, в которой он спал долгие месяцы, поддерживала физические потребности тела, замедляя умственные процессы. Вскроешь спору — и придется

сразу же возобновить дыхание и поиски пищи, а судя по непроглядной тьме снаружи, там еще такая ранняя весна, что страшно и подумать выбираться наружу.

Он рефлекторно сжал и разжал пальцы и залюбовался зеленоватыми полукольцами, побежавшими к изогнутым стенкам споры и обратно. До чего же уютно здесь, в янтарном шарике, где можно выждать, пока глубины не озарятся теплом и светом! Сейчас на небе еще, наверное, держится лед, и нигде не найдешь еды. Не то чтобы ее когда-нибудь бывало вдоволь — с первыми же струйками теплой воды прожорливые коловратки проснутся тоже…

Коловратки! Вот оно что! Был разработан план, как выселить их из жилищ. Память вдруг вернулась в полном объеме. Словно пытаясь помочь ей, спора качнулась снова. Вероятно, кто-то из союзников старается до него добудиться; хищники никогда не спускаются на дно в такую рань. Он сам поручил побудку семейству Пара, — и вот, видно, время пришло: вокруг именно так темно и так холодно, как и намечалось по плану…

Поборов себя, Лавон распрямился и изо всех сил уперся ногами и спиной в стенки своей янтарной тюрьмы. С негромким, но отчетливым треском

по прозрачной оболочке побежала сетка узких трещин.

Затем спора распалась на множество хрупких осколков, и он содрогнулся, окунувшись в ледяную воду. Более теплая жидкость, наполнявшая его зимнюю келью, растворилась в воде легким переливчатым облачком. Облачко успело недолгим блеском высветить мглу, и он заметил невдалеке знакомый контур — прозрачный бесцветный цилиндр, напоминающий туфельку, с множеством пузырьков и спиральных канавок внутри, а в длину почти равный росту самого Лавона. Поверхность цилиндра была опущена изящными, мягко вибрирующими волосками, утолщенными у основания.

Свет померк. Цилиндр оставался безмолвным: он выжидал, чтобы Лавон прокашлялся, очистил легкие от остатков споровой жидкости и заполнил их игристой студеной водой.

— Пара? — спросил Лавон наконец. — Что, уже время?

— Уже, — задрожали в ответ невидимые реснички ровным, лишенным выражения тоном. Каждый отдельно взятый волосок вибрировал независимо, с переменной скоростью; возникающие звуковые волны расходились в воде,

накладываясь друг на друга и то усиливая звук, то гася его. Сложившиеся из колебаний слова к моменту, когда достигали человеческого уха, звучали довольно странно — и все-таки их можно было распознать. — Время, Лавон…

— Время, давно уже время, — добавил из темноты другой голос. — Если мы и в самом деле хотим выгнать флосков из их крепостей…

— Кто это? — произнес Лавон, оборачиваясь на голос.

— Я тоже Пара, Лавон. С минуты пробуждения нас стало уже шестнадцать. Если бы вы могли размножаться с такой же скоростью…

— Воюют не числом, а умением, — отрезал Лавон. — И всеедам придется вскоре убедиться в этом.

— Что мы должны делать, Лавон?

Человек подтянул колени к груди и опустился на холодное илистое дно — размышлять. Что-то шевельнулось под самой его рукой, и крошечная спирилла, крутясь в иле, заторопилась прочь, различимая только на ощупь. Лавон не тронул ее — он пока не ощущал голода, и думать сейчас следовало о другом: о всеедах, то бишь коловратках. Еще день, и они ринутся в верхние поднебесные слои, пожирая все на своем пути — даже людей,

если те не сумеют вовремя увернуться, а подчас и своих естественных врагов, сородичей семейства Пара. Удастся ли поднять всех этих сородичей на организованную борьбу с хищниками — вопрос, что называется, оставался открытым.

Воюют не числом, а умением; но даже это утверждение предстояло еще доказать. Сородичи Пара были разумными на свой манер, и они изучили окружающий мир так, как человеку и не снилось. Лавон не забыл, сколь тяжко дались ему знания обо всех разновидностях существ, населяющих этот мир, сколь мудрено оказалось вникнуть в смысл их запутанных имен. Наставник Шар нещадно мучил его зубрежкой, пока знания накрепко не засели в памяти.

Когда вы произносите слово «люди», то подразумеваете существа, которые в общем и целом похожи друг на друга. Бактерии распадаются на три вида — палочки, шарики и спиральки, — все они малы и съедобны, но различать их не составляет труда. А вот задача распознать сородичей Пара иной раз вырастает в серьезную проблему. Сам Пара и его потомки внешне резко отличаются от Стента с семейством, а семья Дидина ничем не напоминает ни тех, ни других. Буквально любое создание, если оно не зеленого цвета и у него

есть видимое ядро, может на поверку состоять в родстве с Пара, какую бы странную форму оно ни приобрело. Всееды тоже встречаются самые разные, иные из них красивы, как плодоносящие кроны растений, но и красивые смертельно опасны: вращающиеся венчики ресничек мгновенно перетрут ваше тело в порошок. Ну а тех, кто зелен и обитает в прозрачных резных скорлупках, Шар учил называть диатомеями. Диковинное это словечко наставник выудил откуда-то из потаенных глубин мозга, откуда черпал и все остальные слова. Только и сам он порой не в состоянии объяснить, почему они звучат так, а не иначе. Лавон стремительно поднялся.

— Нам нужен Шар, — сказал он. — Где его спора?

— На высоком кусте под самым небом. Вот идиот! Старик никогда не подумает о собственной безопасности. Спать под самым небом, где человека, едва очнувшегося, вялого после долгого зимнего забытья, может сцапать и сожрать любой всеед, случайно проплывший мимо! Лишь мыслители способны на подобную глупость.

— Нам надо спешить. Покажи мне, где он.

— Сейчас покажу, подожди, — ответил один из Пара. — Ты сам его все равно не разглядишь.

Где-то тут неподалеку рыскал Нок…

Темнота слегка шевельнулась — цилиндр унесся прочь.

— Зачем он нам нужен, этот Шар? — спросил другой Пара.

— Понимаешь, Пара, он очень умен. Он мудрец.

— Мысли у него пополам с водой. Научил нас языку человека, а о всеедах и думать забыл. Размышляет вечно об одном — откуда здесь взялись люди. Это действительно тайна — никто другой не похож на людей, даже всееды. Но разве разгадка поможет нам выжить?

Лавон повернулся к невидимому собеседнику.

— Пара, скажи мне, почему вы с нами? Почему вы приняли сторону людей? Зачем мы вам? Ведь всееды и так вас боятся…

Последовала пауза. Когда Пара заговорил снова, колебания, заменяющие ему голос, звучали еще невнятнее и глуше, чем прежде и были начисто лишены сколько-нибудь понятного чувства.

— Мы здесь живем, — отвечал Пара. — Мы часть этого мира. Мы повелеваем им. Мы заслужили это право задолго до прихода людей, после многих лет борьбы со всеедами. Но думаем мы почти так же, как всееды: не планируем, а делимся

тем, что знаем, и существуем. А люди планируют, люди руководят. Люди различаются друг от друга. Люди хотят переделать мир. И в то же время они ненавидят всеедов, как ненавидим их мы. Мы поможем людям.

— И передадите нам власть?

— И передадим, если человек докажет, что правит лучше. Так диктует разум. Но можно двигаться — Нок несет нам свет…

Лавон поднял глаза. И правда, высоко над головой мелькнула вспышка холодного света, а следом еще одна. Мгновение спустя к ним присоединилось сферическое существо, по телу которого то и дело пробегали сине-зеленые сполохи. Рядом носился вихрем Пара-второй.

— У Нока новости, — сообщил этот второй Пара. — Теперь нас, носящих имя Пара, стало двадцать четыре.

— Спроси его, отведет ли он нас к Шару, — нетерпеливо бросил Лавон.

Нок взмахнул своим единственным, коротким и толстым щупальцем. Кто-то из Пара пояснил:

— Он для того сюда и явился.

— Тогда в путь!

— Нет, — отрезал Лавон. — Ни секунды дольше. Вставай, Шар!

— Ну, сейчас, сейчас, — раздраженно ответил старик, почесываясь и зевая. — Всегда тебе, Лавон, не терпится. Где Фил? Помнится, он закладывал спору рядом с моей… — Тут он заметил ненарушенную янтарную капсулу, приклеенную к листу той же водоросли, но на ярус ниже. — Столкните его, он будет в большей безопасности на дне.

— Он не достигнет дна, — вмешался Пара. — Помешает терморазде л.

Шар прикинулся удивленным.

— Как, уже? Весна успела зайти так далеко? Тогда минутку, я только отыщу свои записи…

Он принялся разгребать осколки споры, усыпавшие поверхность листа. Лавон досадливо осмотрелся, нашел жесткую щепку, скол харовой водоросли, и швырнул ее тупым концом вперед, угодив точно в центр споры Фила. Шарик раскололся, и из него выпал рослый молодой человек, посиневший от внезапного купания в холодной воде.

— Ух! — выдохнул он. — Ты что, Лавон, не можешь аккуратнее? — Он осмотрелся. — Старик уже проснулся. Это хорошо. А то настоял, что будет зимовать здесь, пришлось и мне оставаться тоже…

— Ага, — воскликнул Шар, приподнимая тол-

стую металлическую пластину, в длину почти равную его предплечью. — Одна здесь. Куда же я дел вторую?

Фил отпихнул клубок бактерий.

— Да вот она. Лучше бы ты отдал их кому-то из Пара, чтобы не обременять себя такой ношей…

Внезапно, даже не приподняв головы, Лавон оттолкнулся от листа и кинулся вниз, обернувшись лишь тогда, когда уже плыл с максимальной скоростью, на какую только был способен. Шар и Фил, по-видимому, прыгнули одновременно с ним. Всего на ярус выше того листа, где Шар провел зиму, сидела, изготовясь к прыжку, панцирная конусообразная тварь, коловратка-дикран.

Невесть откуда в поле зрения возникли двое из племени Пара. В тот же миг склоненное, напружиненное тело дикрана согнулось в своей броне, распрямилось и бросилось вслед за ними. Раздался тихий всплеск, и Лавон ощутил, что со всех сторон опутан тончайшей сетью, бесчувственной и неумолимой, точно космы лишайника. Еще один всплеск, и Лавон расслышал сдавленные проклятья Фила. Сам он боролся что было сил, но гибкие прозрачные тенета сжимали грудь, не давая шевельнуться.

— Не двигайся, — послышалось за спиной, и

Лавон узнал пульсирующий «голос» Пара. Он ухитрился повернуть голову — и тотчас мысленно упрекнул себя: как же он сразу не догадался! Пара разрядили свои трихоцисты, лежащие у них на брюшке под пленкой, точно патроны; каждый патрон выстреливал жидкостью, которая при соприкосновении с водой застывала длинными тонкими прядями. Для Пара это был обычный метод самозащиты.

Немного ниже, следом за вторым Пара, дрейфовали Шар с Филом; они плыли в середине белого облака, не то пены, не то плесени. Всееду удалось избегнуть сетей, но он был, наверное, просто не в силах отказаться от нападения и крутился вокруг, резко гудя венчиком. Сквозь прозрачную броню Лавон различал его исполинские челюсти, тупо перетирающие любые частички, какие заносило в ненасытную пасть.

В вышине нерешительно кружился Нок, освещая всю сцену быстрыми, беспокойными голубоватыми вспышками. Против коловраток живой факел был, в сущности, беззащитен, и Лавон сначала не мог взять в толк, зачем понадобилось Ноку привлекать к себе внимание. Но ответ не заставил себя ждать: из темноты выросло существо, смахивающее на бочонок, с двумя

рядами ресничек и тараном спереди.

— Дидин! — позвал Лавон без особой надобности. — Сюда, сюда!

Пришелец грациозно подплыл ближе и замер, казалось, изучая происходящее; как это ему удавалось, понять никто не мог — глаз у Дидина не было. Всеед тоже заметил Дидина и попятился, гул венчика превратился в болезненное рычание. Лавону даже почудилось, что дикран вот-вот отступит, — но нет, судя по всему, для отступления тот был слишком глуп. Гибкое тело, припав к стеблю водоросли, вдруг снова устремилось в бой, на сей раз прямехонько на Дидина.

Лавон невнятно выкрикнул какое-то предостережение, но в этом не было нужды. Лениво движущийся бочонок чуть наклонился на бок и тут же бросился вперед — с ошеломляющей скоростью. Если Дидин сумеет нащупать своим ядовитым хватательным органом слабое место в броне всееда…

Нок поднялся еще выше, чтобы нечаянно не пострадать в драке, и свет настолько ослаб, что Лавон перестал видеть кого бы то ни было; но вода яростно бурлила и дикран жужжал по-прежнему.

Постепенно звуки смолкли. Лавон скорчился

во тьме, покачиваясь в сети Пара и напряженно вслушиваясь в тишину.

— Что стряслось? Нок, куда они подевались?

Нок осторожно спустился и помахал щупальцем, обращаясь к Пара.

— Он говорит, — пояснил тот, — что тоже потерял их из виду. Подожди-ка, я слышу Дидина. — Лавон ничего не различал; то, что «слышал» Пара, были какие-то полутелепатические импульсы, составлявшие исконный язык аборигенов. — Дидин сообщает нам, что дикран мертв.

— Это хорошо! — произнес Лавон. — Теперь выпусти меня из сети, Пара.

Пара резко дернулся, поворачиваясь на несколько градусов вокруг продольной оси и обрывая пряди у самого основания; движение требовало величайшей точности, чтобы вместе с нитями не оборвалась и защитная пленка. Но все обошлось. Спутанную массу нитей приподняло течением и понесло над бездной.

2

Отряд численностью более двухсот бойцов с Лавоном, Шаром и Пара во главе, быстро двигался в теплых, светлых водах поднебесья. Каждый сжимал в руке деревянную щепку или палицу

— осколок известковой водоросли, и каждый то и дело внимательно осматривался по сторонам. Сверху их прикрывала эскадра из двадцати Дидинов, и встречные всееды лишь таращили на людей красные глазные пятна, не решаясь атаковать. Еще выше, у самого небесного свода, располагался пышный слой всевозможной живности, которая бесконечно боролась за существование, питалась и плодилась; ниже этого слоя все было окрашено в сочный зеленый цвет. Водоросли в этом насыщенном жизнью слое родились без счета, да и всееды беспрепятственно паслись здесь.

Весна уже полностью вступила в свои права. Лавон не пытался себя обмануть: двести человек — вот, видимо, и все; остальные не пережили зиму. По крайней мере, обнаружить больше никого не удалось. То ли — этого теперь никогда не узнать — они проснулись слишком поздно, то ли укрепили свои споры на слишком приметных местах, и коловратки не заставили себя ждать. Не менее трети отряда составляли женщины. Значит, дней через сорок, если им ничто не помешает, армия удвоится.

Если им ничто не помешает… Лавон усмехнулся и оттолкнул с дороги клокочущую колонию

эвдорин. Эта мысль поневоле напомнила ему о вычислениях, которые Шар проделал в прошлом году: если бы Пара и его сородичи не встречали помех, мир превратился бы в течение одного сезона в сплошную массу тел. Никто, разумеется, не застрахован от гибели в этом мире; и тем не менее Лавон твердо решил, что люди впредь должны гибнуть гораздо реже, чем до сих пор считалось неизбежным и естественным.

Он взмахнул рукой вверх-вниз. Стремительные ряды пловцов нырнули в глубину за ним следом. Свет, льющийся с неба, быстро угасал, и вскоре Лавон стал ощущать прохладу. Он подал новый сигнал. Двести человек, словно танцоры, выполняющие изящный прыжок, разом перевернулись и продолжали погружение ногами вперед. Преодолевать терморазде́л в таком положении было легче и выгоднее всего; каждый понимал настоятельную необходимость покинуть верхние слои, где опасность нарастала так бурно, что с ней не справился бы никакой конвой.

Подошвы Лавона коснулись упругой поверхности; всплеск — и он с головой окунулся в ледяную воду. Вновь подпрыгнул — ледяная разделительная черта шла теперь поперек груди. Всплески слышались со всех сторон — армия преодолевала

терморазде́л, хотя, казалось бы, сталкиваться было просто не с чем: сверху вода, снизу тоже вода…

Теперь оставалось выждать, когда замедлится ток крови. На этой разделительной линии, где кончалась теплая вода поднебесья, и температура резко падала, жидкость внизу оказывалась много плотнее и без усилий поддерживала тело на плаву. Нижний, холодный слой простирался до самого дна — сюда коловратки, не отличающиеся особым умом, если и заглядывали, то редко.

Наконец вода, окружающая нижнюю половину тела, стала для Лавона не ледяной, а, напротив, приятно прохладной в сравнении с той, удушливо теплой, которой приходилось дышать. Он еще подождал, пока не убедился, что армия пересекла терморазде́л без потерь. Значит, долгие поиски переживших зиму в верхних слоях и вправду подошли к концу. Тогда он вновь перевернулся и устремился вглубь, в направлении дна, Фил и Пара — рядом, задыхающийся от натуги Шар — позади.

Внизу замаячил камень, и Лавон тщательно обследовал его в полумраке. И почти сразу же увидел то, на что втайне надеялся: прилипший к крутому скальному боку песчаный личиночий

домик. Тогда он подозвал лучших своих бойцов и указал им цель.

Люди осторожно обложили камень вытянутым полукольцом с тем расчетом, чтобы разрыв цепочки был направлен в ту же сторону, что и выходное отверстие. Какой-то Нок повис сверху, словно осветительная ракета, а один из Пара приблизился к отверстию с вызывающим жужжанием. Сопровождаемые гулом, те, кто были в тыльной части полукольца, опустились на камень и поползли вперед. Дом вблизи оказался втрое выше самых высоких воинов, скользкие черные песчаные зерна, сложившие его стены, были каждое в пол-обхвата.

Внутри что-то шевельнулось, и спустя секунду из отверстия высунулась безобразная голова личинки. Высунулась, неуверенно качнулась в сторону нахального существа, осмелившегося ее потревожить. Пара отпрянул — личинка, повинуясь слепому охотничьему инстинкту, потянулась за ним, в одно движение вывалившись из домика почти наполовину.

Лавон издал боевой клич. И тут же личинку окружили улюлюкающие орды двуногих демонов, которые безжалостно колотили ее и тыкали кулаками и палицами. Она внезапно исторгла

какой-то блеющий звук — столь же невероятный, как если бы рыба защебетала по-птичьи, — и принялась пятиться назад, но бойцы арьергарда уже проломили стену и ворвались в дом с тыла. Личинка рванулась вперед, словно ее подхлестнули кнутом. Она вывалилась совсем и стала опускаться на дно, тряся своей безмозглой головой и блея.

Лавон послал вдогонку пятерых потомков Дидина. Убить личинку они, конечно, не могли — та была слишком велика, чтобы погибнуть от яда, — но жалили ее достаточно больно и заставляли двигаться дальше. Не то она почти наверняка вернулась бы назад к камню и принялась строить новый дом.

Лавон спустился на опорную площадку и с удовлетворением обследовал добычу. В доме с избытком хватало места для всего человеческого племени: большой сводчатый зал, который легко обращался в неприступный бастион — достаточно заделать пролом в задней стенке. Чуть почистить внутри, выставить охранение, прорубить отдушины, чтобы бедная кислородом вода глубин стала проточной, — и живи в свое удовольствие…

Он произвел смотр войскам. Они стояли вокруг в благоговейном молчании, еще не веря в успех

своего выступления против самого крупного зверя во всем известном им мире. Вряд ли они теперь когда-нибудь оробеют перед всеедами, как бывало. Лавон вскочил на ноги.

— Ну, что уставились? — крикнул он. — Все это теперь ваше. За работу!

Старый Шар удобно устроился на голыше, специально выщербленном под сиденье и устланном мягкими водорослями спирогиры. Лавон встал неподалеку в дверях, наблюдая за маневрами своих легионов. Их ряды, умножившиеся за месяц относительно спокойной жизни в большом зале, насчитывали сегодня более трех сотен бойцов, и они проводили день за днем в строевых учениях, программу которых разработал он сам. Они стремглав пикировали в глубину, поворачивались на полном ходу, выполняли перестроения, ведя воображаемую борьбу с противником, которого, впрочем, представляли себе достаточно хорошо.

— Нок утверждает, что всееды теперь непрерывно ссорятся друг с другом, — сказал Шар. — Никак не могут взять в толк, что мы действительно объединились с семейством Пара и его родней и совместными усилиями завоевали новый дом. Взаимопомощь — явление, неизвестное доселе в

этом мире, Лавон. Ты, что называется, делаешь историю.

— Историю? — переспросил. Лавон, провожая марширующих солдат придирчивым взглядом. — Что такое история?

— А вот она…

Старик перегнулся через спинку своего «кресла» и коснулся металлических пластин, с которыми никогда не расставался. Лавон следил за ним без особого любопытства. Он видел эти пластины не раз и не два — блестящие, не тронутые ржавчиной, покрытые с обеих сторон письменами, которые никто, даже Шар, не в силах прочесть. Пара как-то раз назвал таинственные пластины «ни то ни се» — ни живая материя, ни древесина, ни камень.

— Ну и что? Я же не могу их прочесть. И ты не можешь.

— Я пытаюсь, Лавон. Я уверен, что пластины написаны на понятном нам языке. Посмотри хотя бы на первое слово. По-моему, его надо читать — «история». Число букв в точности совпадает. А ниже строкой два слова подряд, мне кажется, читаются «нашим потомкам».

— Но что все это значит?

— Это начало, Лавон. Только начало. Дай срок,

узнаем больше. Лавон пожал плечами.

— Может быть. Когда добьемся большей безопасности, чем сейчас. Сегодня мы не вправе размениваться на такие вещи. У нас на них просто нет времени. И никогда не было — с самого Первого пробуждения…

Старик нахмурился. Водя палочкой по песку, он пытался срисовывать буквы с пластины.

— Первое пробуждение. Почему оно было первым, а до него не было ничего? Я помню в подробностях все, что случилось со мной с той поры. Но что было со мной в детстве, Лавон? Словно ни у кого, кто пережил Первое пробуждение, вообще не было детства. Кто наши родители? Почему мы все очнулись взрослыми мужчинами и женщинами, но не ведали ничего об окружающем мире?

— И ответ, по-твоему, записан на этих пластинах?

— Надеюсь. Точнее, верю. Хотя ручаться не могу. Пластины лежали внутри споры рядом со мной при Первом пробуждении. Вот, собственно, и все, что мне известно о них, и еще одно — подобных пластин больше нет нигде в мире. Остальное — домыслы, и, по правде сказать, я пока продвинулся со своими домыслами не слишком далеко.

Но придет день… придет день…

— Я тоже надеюсь, что придет, — перебил Лавон. — Я вовсе не хочу передразнивать тебя, Шар, или проявлять излишнее нетерпение. И у меня есть сомнения, да и у многих других. Но на время придется их отложить. Ты не допускаешь, что мы при нашей жизни не сумеем найти на них ответа?

— Если не найдем мы, найдут наши дети.

— В том-то и соль, Шар: мы должны выжить сами и вырастить детей. И оставить им мир, в котором у них будет время на отвлеченные размышления. В противном случае…

Лавон запнулся — между часовыми у входа мелькнула стремительная тень, приблизилась и затормозила.

— Какие новости, Фил?

— Все то же, — отозвался Фил, выгибаясь всем телом, чтобы коснуться подошвами пола. — Крепости флосков поднимаются по всей отмели. Еще немного — и строительство будет завершено, и мы тогда не посмеем и близко подойти к ним. Вы по-прежнему уверены, что мы сумеем вышвырнуть флосков вон?

Лавон кивнул.

— Но зачем?

— Во-первых, чтобы произвести впечатление. До сих пор мы только защищались, хотя в последнее время и не без успеха. Но если мы собираемся внушить всеедам страх, то должны теперь сами напасть на них. Во-вторых, замки флосков с множеством галерей, входов и выходов будут нам служить много надежнее, чем нынешний дом. Кровь стынет от одной мысли: что если бы всееды додумались взять нас в осаду? И кроме того, Фил, нам нужен аванпост на вражеской территории, откуда можно постоянно нападать на них.

— Мы и сейчас на вражеской территории, — возразил Фил. — Стефаносты, как известно, обитатели дна.

— Стефаносты — не настоящие охотники. Любого из них ты встретишь там же, где видел в последний раз, сколько бы воды ни утекло. Нет, сначала надо победить прыгунов, таких, как дикраны и нотолки, плывунов, таких, как ротары, и фортификаторов — флосков.

— Тогда лучше бы начать, не откладывая, Лавон. Если крепости будут завершены…

— Ты прав, Фил. Поднимай свои войска. Шар, собирайся — мы покидаем этот дом.

— Чтобы завоевать крепость?

— Вот именно.

Шар подобрал свои пластины.

— А вот их как раз лучше оставить здесь — в сражении они будут только мешать…

— Ну уж нет, — заявил Шар решительно. — Ни за что не выпущу их из виду. Куда я, туда и они.

3

Смутные предчувствия, тем более тревожные, что ему никогда ранее не доводилось испытывать ничего похожего, поднимались в сознании, словно легкие облачка ила. Насколько Лавон мог судить, все шло по плану: армия отчалила от придонного зала и всплывала к терморазделу. По мере движения она разрасталась за счет союзников, которые вливались в ее ряды со всех сторон. Порядок был образцовый; каждый солдат был вооружен длинной заостренной щепой, и с каждого пояса свисал ручной топорик, иначе говоря, скол харовой водоросли с дыркой — Шар научил их, как ее высверлить. Многие из них сегодня наверняка погибнут еще до прихода ночи, но в подводном мире смерть была не в диковинку в любой день, а сегодня она, может статься, послужит посрамлению всеедов…

Однако из глубин уже тянуло холодком, что отнюдь не нравилось Лавону, и в воде ощущался

какой-то намек на течение, совершенно неуместное ниже термораздела. Слишком много дней ушло на формирование армии, пополнение ее за счет отставших одиночек и укрепление стен жилища. Затем появилось молодое поколение, его надо было учить, и это требовало новых и новых затрат времени — естественных, но необратимых. Если холодок и течение означают приближение осенних перемен…

Если да, то ничего не поделаешь. Перемены нельзя отсрочить, как нельзя отложить наступление дня или ночи. Лавон подал знак ближайшему из семьи Пара. Блестящая торпеда изменила курс и приблизилась. Он показал вверх.

— Впереди термораздел, Пара. Правильно ли мы идем?

— Да, Лавон. В этом месте дно поднимается к небу. Замки флосков на той стороне, и они нас не видят.

— Песчаная отмель, что берет начало на севере. Все точно. Вода теплеет. Ну что ж, плывем дальше…

Лавон почувствовал, что все движения вдруг ускорились, будто тело выстрелили из незримой пращи. Он оглянулся через плечо — посмотреть, как преодолевают температурный барьер

остальные, — и то, что он увидел, взволновало его сильнее иного весеннего пробуждения. До сих пор у него как-то не складывалось цельного представления о масштабе собственных сил, объемной картины их решительного, прекрасного в своей неукротимости строя. Даже союзники вписались в этот строй. Фаланга за фалангой всплывали вслед за Лавоном из глубин. Сначала осветитель — Нок, словно факел, зовущий за собой других. Затем нерядовой конус, составленный из Дидинов, в задачу которых входит устранять отдельных встречных всеедов, — иначе те, чего доброго, поднимут переполох. И, наконец, люди и потомки Пара, ядро армии — в тесных шеренгах, безупречных, точно геометрические теоремы в изложении Шара.

Отмель высилась впереди, огромная как гора. Лавон круто взмыл вверх, и потревоженные песчаные зерна потекли под ним широким ручьем в обратном направлении. За гребнем отмели, поднимаясь к самому небу, сквозь мерцающую зеленую полутьму проглядывали переплетенные стебли водорослевых джунглей. Это и была их цель — расстояние еще не позволяло различить прилепившиеся к стеблям крепости флосков, однако большая часть пути осталась теперь позади.

Свет в поднебесье казался слишком ярким; Лавон прищурился, но продолжал рассекать воду быстрыми сильными взмахами перепончатых рук и ног. Армия, не отставая, перевалила гребень все в том же четком строю.

Лавон описал рукой полукруг. Отряды бесшумно перестроились гигантским параболоидом, ось которого нацелилась в самое сердце джунглей. Стали видны и крепости — до создания армии Лавона они были, пожалуй, единственным примером сотрудничества, с каким когда-либо сталкивался этот мир. Крепости состояли из множества бурых трубок, суженных к основанию и примыкающих одна к другой под самыми причудливыми углами. Получалась постройка, изящная, как ветвящийся коралл. И в устье каждой трубки сидела коловратка, флоск, отличающаяся от других всеедов четырехлепестковым, как у клевера, венчиком, а также гибким отростком, который поднимается над серединой туловища и служит для скатывания шариков из слюны и аккуратного прилаживания их на место, едва они затвердеют.

Как обычно, при виде крепостных построек в душу Лавона стали закрадываться сомнения. Постройки были само совершенство; и этот ка-

менный цветок распускался здесь каждое лето задолго до Первого пробуждения, задолго до человека. Но что-то неладное происходило сегодня с водой поднебесья — она была слишком теплой, навевала сон. Флоски беспрестанно гудели, высунувшись из своих трубок. Все выглядело как всегда, как повелось от века. Их предприятие — бред, нашествие заведомо обречено на провал…

И тут их заметили.

Флоски мгновенно втянулись в устья трубок и исчезли. Ровное гудение, означавшее, что они без устали засасывают все проплывающее мимо, разом оборвалось; лишь пылинки танцевали над крепостью в лучах света.

Лавон против воли улыбнулся. Еще недавно флоски просто выждали бы, пока люди не подплывут достаточно близко, и засосали бы их, почти не встречая сопротивления и прерывая гул лишь затем, чтобы измельчить слишком крупную добычу. Теперь же они попрятались. Они испугались.

— На штурм! — крикнул он во весь голос. — Бейте их! Бейте, раз они затаились!

Армия позади Лавона развернулась в атаку, отдельные возгласы слились в единодушный оглушительный клич.

Миг — и все тактические замыслы спутались. Прямо перед Лавоном внезапно раскрылся клеверный венчик, и гулкий водоворот потянул его в черную утробу флоска. Он яростно замахнулся и ударил отточенным деревянным копьем. Острое лезвие глубоко вонзилось меж отороченных ресничками долей. Коловратка взвизгнула и вжалась поглубже в трубку, прикрывая рану. Лавон с мрачной решимостью рванулся за ней.

Крепостной ход оказался внутри темным, как могила; раненый флоск бешено мутил воду, и Лавона швыряло от одной неровной стенки к другой. Он стиснул зубы и снова ткнул копьем. Оно сразу же впилось во что-то упругое, и новый вскрик звоном отозвался в ушах. Лавон бил копьем до тех пор, пока крики не смолкли, и бил еще, пока не заглушил собственный страх.

Наконец, дрожа, он вернулся к устью трубки и, не раздумывая, оттолкнулся и выбросился на свободу, чтобы тут же наскочить на проплывающего мимо всееда. Это оказался дикран; при виде Лавона он злобно сжался, готовясь к прыжку. Даже всееды выучились кое-чему за последнее время: дикраны, хорошо воюющие в открытой воде, были для флосков наилучшими из естественных союзников.

Броня дикрана легко отразила первый удар. Лавон лихорадочно тыкал копьем, пытаясь нащупать уязвимое место, но юркий враг не дал ему времени толком прицелиться. Всеед сам бросился в атаку, гудящий венчик обернулся вокруг головы, прижал руки к бокам…

И вдруг дикран содрогнулся и обессилел. Лавон кое-как выбрался наружу, не то разрубив лепестки, не то разорвав их, и увидел отплывающего Дидина. Мертвая коловратка тихо погружалась на дно.

— Благодарю, — выдохнул Лавон. Спаситель устремился прочь, не удостоив его ответом: у Дидина реснички были не такие длинные, как у Пара, и имитировать человеческую речь он не мог. Да, по всей вероятности, и не хотел: это семейство не отличалось общительностью.

Не успел Лавон опомниться, как его вновь закрутило в бешеном омуте, и он вновь пустил в ход оружие. Следующие пять минут растянулись, как дурной сон, но в конце концов он понял, как лучше всего расправляться с неповоротливыми, жадными флосками. Вместо того чтобы напрягать все силы, замахиваясь против течения, можно было отдаться на волю потока, зажав копье меж ступней острием вниз. Результаты достигались

скорее, чем он смел надеяться. Копье, которое сам же флоск засасывал во всю силу своей ловушки, пронзало почти навылет прячущуюся в трубке червеобразную тварь, возжаждавшую человечьей плоти.

Наконец, выбравшись из очередной схватки, он обнаружил, что сражение переместилось куда-то в сторону. Он присел на край трубки и перевел дыхание, цепляясь за округлые, просвечивающие «кирпичики» стенок и наблюдая за полем боя. Разобраться в хаосе отдельных стычек было нелегко, но, насколько он мог судить, коловраткам приходилось туго. Они не умели противостоять организованному нападению — ведь по существу они вообще не обладали разумом.

Дидин с собратьями рыскали от края до края битвы, захватывая и уничтожая свободно плавающих всеедов целыми стаями. На глазах Лавона полдесятка коловраток попалось в сети племени Пара, и их, запутавшихся в нитях трихоцист, безжалостно волокли на дно, где они неизбежно задохнутся. Не менее удивительно было видеть, что Нок — один из немногих сопровождавших армию — решил отхлестать извивающегося ротара своим, в сущности, безобидным щупальцем;

всеед был настолько ошарашен, что и не подумал сопротивляться.

Какая-то фигура медленно и устало поднималась из глубин. Лавон узнал Шара, протянул руку и втащил запыхавшегося старика на край отвоеванной трубки. На лицо Шара было страшно взглянуть — такое на нем отражалось потрясение, такое горе.

— Погибло, Лавон. Все погибло. Все пропало.

— Что? Что погибло? В чем дело?

— Пластины. Ты был прав. Я зря тебя не послушал…

Шар судорожно всхлипнул.

— Пластины? Да успокойся ты! Что стряслось? Ты потерял одну из исторических пластин — или даже обе?

Мало-помалу наставник как будто восстанавливал контроль над своим дыханием.

— Одну, — ответил он с жалким видом. — Обронил в бою. Вторую я спрятал в опустевшей крепостной трубке. А первую обронил — ту самую, что едва начал расшифровывать. Она пошла на дно, а я не мог кинуться за ней вдогонку. Все, что я мог, — следить, как она, крутясь, падает во тьму. Цеди теперь ил хоть до скончания веков — все равно ее не найдешь…

Он спрятал лицо в ладонях. Балансируя на краю бурой трубки в зеленом отсвете вод, Шар выглядел одновременно трогательно и нелепо. Лавон не знал, что и сказать; даже он понимал, что потеря была большой, а может, и невосполнимой, что зияющий провал вместо воспоминаний о днях, предшествовавших Первому пробуждению, теперь, вероятно, никогда не будет заполнен. А уж какие чувства обуревали Шара — о том можно было только догадываться.

Снизу стремительно всплыла, направляясь к ним, еще одна фигура.

— Лавон! — раздался голос Фила. — Все идет как по маслу! Плывуны и прыгуны удирают — те, что остались в живых. Правда, в замке еще есть флоски, прячутся где-то во тьме. Вот если бы выманить их оттуда…

Лавон, возвращенный к действительности, прикинул шансы на выигрыш. Вся затея может еще провалиться, если флоски благополучно попрячутся в дальних норах. В конце концов, грандиозная бойня была сегодня отнюдь не главной задачей — люди задумали овладеть всей крепостью.

— Шар, скажи, эти трубки сообщаются между собой?

— Да, — ответил старик без тени интереса. — Это единая система.

Лавон так и подпрыгнул, повиснув в чистой воде.

— Будем действовать, Фил. Нападем на них с тыла!

Резко повернувшись, он нырнул в устье трубки, Фил за ним. Давила темнота, в воде стоял зловонный запах флосков, но после секундного замешательства Лавон на ощупь отыскал проход в соседнюю трубку. Не составляло труда догадаться, куда двигаться дальше: стенки шли наклонно, все постройки флосков неизменно сходились на конус и отличались одна от другой только диаметром.

Лавон решительно держал путь к главному стволу — вниз и внутрь. Однако, заметив, что вода у очередного прохода бурлит, и услышав приглушенные возгласы и назойливый гул, он остановился и ударил в отверстие копьем. Коловратка издала пронзительный испуганный крик и дернулась всем телом, поневоле потеряв сцепление с трубкой — ведь захватный орган у флосков находится в нижней части тела. Лавон усмехнулся и поплыл дальше. Люди у устья трубки довершат остальное.

Достигнув наконец главного ствола, Фил с Лавоном методически обследовали ветвь за ветвью, нападая на пораженных всеедов сзади, принуждая их отпускать захват — чтобы воины наверху легко справились с ними, когда собственная тяга венчиков вытянет флосков наверх. Конусная форма трубок не давала всеедам развернуться для ответной атаки, тем более не позволяла им последовать за нападающими по лабиринтам крепости: каждый флоск от рождения до смерти занимал одну и ту же камору и никогда не покидал ее.

Завоевание всей крепости заняло каких-то пятнадцать минут. День едва начал клониться к закату, когда Лавон и Фил всплыли над самыми высокими башнями, чтобы окинуть гордым взглядом первый в истории Город Человека.

...Он лежал во тьме, прижав лоб к коленям, недвижимый как мертвец. Вода была затхлой и холодной, темнота абсолютной. По сторонам смыкались стены бывшей крепости флосков, над головой один из Пара клал песчаные зерна в заново наведенную сводчатую крышу. Каждый из солдат армии нашел приют в других трубках, под новенькими их перекрытиями, — но где же шорох движений, где голоса? Кругом стояла

нерушимая тишина, точно на кладбище.

Мысли Лавона текли медленно и вяло. Он тогда оказался прав — наступала осень. У него едва хватило времени на то, чтобы поднять всех людей со дна в крепость до прихода осенних перемен. Осенью воды вселенной меняются местами — придонные поднимаются к небу, поднебесные уходят на дно — и перемешиваются. Терморазде разрушается до следующего года, пока весенние течения не образуют его снова.

И неизбежно резкая смена температуры воды и кислородное голодание повлияли на деятельность спорообразующих желез. Вокруг Лавона уже смыкается янтарная сфера, и он не в силах этому помешать. Это непроизвольный процесс, не зависящий от его воли, как биение сердца. Скоро, очень скоро стылую грязную воду вытеснит и заменит фосфоресцирующая жидкость, и тогда придет сон-Тишина и холод. Темнота и покой.

В дальнем углу Галактики горит пурпурная звездочка Тау Кита, и вокруг нее бесконечно вращается сырой мирок по имени Гидрот. Многие месяцы его озера и пруды кишат жизнью, но вот солнце уходит из зенита, выпадает снег, и лед наползает на материк со стороны океана. И жизнь опять погружается в дрему, сравнимую

только со смертью; битвы и вожделения, победы и поражения миллиардов микроскопических существ сменяются забвением, когда все это не имеет ровно никакого значения.

Воистину всем страстям приходит конец, когда на планете Гидрот правит зима; но зима — властитель не вечный.

Этап второй

1

Старый Шар отложил, наконец, толстую, изузбренную по краям металлическую пластину и выглянул из окна крепости, очевидно, ища успокоения в сияющей зелено-золотой полутьме летних вод. В мягких отсветах, упавших на лицо мыслителя сверху — там, под сводчатым потолком, безмятежно дремал Нок, — Лавон увидел, что перед ним, по существу, совсем еще молодой человек. Черты лица Шара поражали хрупкостью, не оставляя сомнений: с тех пор, как он впервые вышел из споры, минуло не слишком много лет.

В сущности, у Лавона и не было оснований думать, что Шар в самом деле окажется стариком.

Любого Шара по традиции величали «старый Шар». Смысл такого обращения, как смысл многого вокруг, затерялся, привычка уцелела. По крайней мере, она придавала вес и достоинство должности мыслителя — средоточия мудрости племени, — подобно тому, как должность каждого из Лавонов подразумевала средоточие власти.

Нынешний Шар принадлежал к поколению XVI и, следовательно, должен быть, по крайней мере, на два года моложе, чем сам Лавон. Если он и мог считаться старым, то исключительно в смысле разума.

— Отвечу тебе честно, Лавон, — произнес Шар, по-прежнему глядя куда-то вдаль сквозь высокое, неправильной формы окно. — Достигнув зрелости, ты пришел ко мне за секретами металлической пластины точно так же, как твои предшественники приходили к моим. Я могу сообщить тебе кое-что из этих секретов, но по большей части я и сам не ведаю, что они означают.

— После стольких-то поколений? — воскликнул изумленный Лавон. — Ведь еще Шар III сделал первый полный перевод, разве не так? Это случилось давным-давно…

Молодой человек обернулся и устремил взгляд

на гостя. Его глаза, большие и темные, словно впитали в себя глубины, которые только что мерили.

— Я могу прочесть то, что написано на пластине, однако в большинстве своем фразы кажутся лишенными смысла. Хуже всего, что записи неполны. Ты этого не знал? Но это так. Одна из пластин была утеряна на поле боя во время первой войны со всеедами, когда замки еще находились в их руках.

— Тогда зачем же я здесь? — спросил Лавон. — А на той пластине, что сохранилась, есть там хоть что-то, достойное внимания? Действительно ли она донесла до нас «мудрость создателей» или это просто-напросто миф?

— Нет, это правда, — медленно ответил Шар. — Пожалуй, правда…

Он осекся; собеседники разом повернулись и уставились на призрачное создание, внезапно возникшее за окном. Затем Шар многозначительно провозгласил:

— Входи, Пара.

Существо в форме туфельки, почти прозрачное, за исключением серебристых с чернью зернышек и искристых пузырьков, которые во множестве наполняли его нутро, проскользнуло в комнату и

остановилось, тихо шевеля ресничками. Секунду — другую оно висело безмолвно, обмениваясь телепатическими приветствиями с Ноком, плавающим под сводом, в принятой между ними церемонной манере. Никто из людей никогда не слышал этих бесед, но сомневаться в их реальности не приходилось: для дальней связи человек использовал сородичей Пара уже на протяжении многих поколений. Потом реснички всколыхнулись сильнее:

— Мы явились к вам, Шар и Лавон, в согласии с обычаем…

— Добро пожаловать, — отозвался Шар. — Если не возражаешь, Лавон, давай отложим вопрос о пластинах и выслушаем, что нам скажет Пара. Это тоже часть знаний, которые каждый из Лавонов должен усвоить при вступлении в должность, и по своему характеру эти знания важнее, чем записи на пластинах. Я могу сообщить тебе, и то намеком, кто мы. Пара начнет с рассказа о том, как мы появились здесь.

Лавон с готовностью кивнул и стал заинтересованно следить за Пара, который плавно опустился на поверхность стола. Движения этого существа были столь грациозны и уверенны, столь экономны и точны, что поневоле заставля-

ли Лавона усомниться в собственной едва-едва обретенной зрелости. В сравнении с Пара, как и с его разнообразными родственниками, Лавон ощущал себя не то чтобы убогим, но каким-то незавершенным.

— Нам известно, что по логике вещей человеку в этом мире места нет, — прожужжал поблескивающий цилиндр, замерший над столом. — В нашей общей памяти сохранилось представление о временах, когда здесь не было людей, не было никого хоть отдаленно на них похожего. Помним мы и день, когда люди вдруг явились к нам, и сразу в довольно большом числе. Их споры вдруг очутились на дне, и мы обнаружили это вскоре после весеннего пробуждения, а внутри спор разглядели людей, погруженных в дремоту.

Потом люди разбили оболочки спор и вылупились. Поначалу они казались беспомощными, и всееды пожирали их десятками — в те времена всееды пожирали все, что движется. Но вскоре этому пришел конец. Люди были разумны и предприимчивы. А главное — наделены качествами, чертами, каких не было ни у кого в этом мире, в том числе и у свирепых всеедов. Люди подняли нас на истребление всеедов, они овладели инициативой. Теперь, когда вы дали нам это слово,

мы помним и даже применяем его, но так и не поняли, что же это за штука…

— Вы сражались бок о бок с нами, — заметил Лавон.

— С радостью. Сами мы никогда не додумались бы начать такую войну, но все равно она была справедливой и закончилась справедливо. И тем не менее мы недоумевали. Мы видели, что люди плохо плавают, плохо ходят, плохо ползают, плохо лазают. Зато они способны изготовлять и использовать орудия — идея, которой мы так и не поняли, поскольку она совершенно чужда нашей жизни, а другой мы не знаем. Но нам сдается, что столь чудесная способность должна бы вести к гораздо более полному владычеству над миром, чем человек может осуществить здесь.

У Лавона голова пошла кругом.

— Слушай, Пара, я и в мыслях не держал, что вы такие завзятые философы.

— Пара — представитель древнего рода, — заявил Шар. Он опять отвернулся к окну, сцепив руки за спиной. — Однако они не философы, а беспощадные логики. Учти это, Лавон.

— Из наших рассуждений может быть только один вывод, — продолжал Пара. — Наши странные союзники, люди, не похожи ни на кого

другого в этой вселенной. Они плохо приспособлены к ней.

И все потому, что они не принадлежат к нашему миру, а лишь кое-как приноровились к нему. Из сказанного следует, что существуют иные вселенные помимо нашей, но где они расположены и какими свойствами обладают, невозможно даже вообразить. Мы ведь, как известно, лишены воображения…

Неужели цилиндр иронизирует? Лавон не знал, что и подумать. Он тихо переспросил:

— Иные вселенные? Как же это?

— Сами не представляем, — монотонно прожужжал Пара.

Лавон еще подождал, но, очевидно, гостю больше нечего было сказать.

Шар снова уселся на подоконнике, обхватив колени и наблюдая за смутными образами, наплывающими из бездны и уплывающими обратно.

— Все верно, — произнес он. — Записи на пластине не оставляют в том сомнений. Разреши, теперь я перескажу тебе их смысл. Нас изготовили, Лавон. Нас изготовили люди, не похожие на нас, хотя они и стали нашими предками. С ними приключилась какая-то беда, и они изготовили

нас и поместили в эту вселенную, чтобы, хотя им и суждено было умереть, раса людей все-таки уцелела…

Лавон так и подскочил с витого водорослевого коврика, на котором сидел.

— Не считай меня глупее, чем я есть, — сказал он резко.

— Я и не считаю. Ты наш Лавон, ты имеешь право знать истину. И поступай с ней, как тебе заблагорассудится. Наша неприспособленность к этому миру самоочевидна. Вот лишь несколько примеров.

Четыре моих предшественника пришли к выводу, что наша наука не стронется с места, пока не научится контролировать теплоту. Нам известно, что с повышением — или понижением — температуры меняется все, даже окружающая нас вода. Но как повысить температуру? Если делать это в открытой воде, тепло тут же уносит течением. Однажды мы попробовали добиться этого в замкнутом пространстве, но этим взорвали целое крыло замка, убив всех, кто находился поблизости. Взрыв был страшен, мы измерили возникшее давление и установили, что ни одно известное вещество не способно противостоять им. Теория допускает существование более

прочных веществ, но чтобы получить их, нужна высокая температура!

А как быть с химией? Мы живем в воде. Вода в большей или меньшей степени растворяет все остальное. Как ограничить химический опыт одним тиглем, одной пробиркой? Понятия не имею. Любой путь заводит в один и тот же тупик. Мы мыслящие существа, но мыслим мы решительно не так — не так, как того требует вселенная, куда мы попали. Наше мышление не дает здесь должных результатов…

Лавон попытался поправить сбитые течением волосы — тщетно.

— А, может, ты и стремишься не к тем результатам? Мы уже давно не испытываем затруднений с оружием, с продовольствием, да и в практических делах преуспеваем. Если мы не можем контролировать теплоту, то, право, большинство из нас от этого ничуть не страдает: нам довольно и того тепла, какое есть. А на что похожа та иная вселенная, где жили наши предки? Она лучше нашей или хуже?

— Откуда мне знать, — вымолвил Шар. — Она настолько отлична от нашей, что их трудно сравнивать. Металлическая пластина повествует о людях, которые путешествуют с места на место

в самодвижущемся сосуде. Единственная аналогия, какую я могу предложить, — это лодки из ракушек, те, что наши юнцы делают для катания с терминала. Однако сосуды предков были во много раз больше.

Я представляю себе огромную лодку, закрытую со всех сторон, такую огромную, что в ней помещается человек двадцать или даже тридцать. В течение многих поколений она движется в среде, где нет воды для дыхания, и потому люди вынуждены везти воду с собой и постоянно ее обновлять. Там нет времен года, и на небе не образуется лед, потому что в закрытой лодке не может быть неба, и там нет спорообразования.

Но однажды лодка потерпела крушение. Люди в лодке понимали, что должны погибнуть. И они изготовили нас и поместили сюда, словно детей. И поскольку они должны были погибнуть, то записали свою историю на пластинах, чтобы мы узнали, что с ними произошло. Вероятно, мы разобрались бы во всем этом лучше, если бы сохранилась та пластина, которую Шар Первый потерял во время войны, но ее нет…

— Твой рассказ звучит как притча, — заявил Лавон, пожав плечами. — Или как баллада. Совершенно ясно, почему ты сам не понимаешь

того, что рассказываешь. Неясно другое — зачем ты силишься понять?

— Из-за пластины, — ответил Шар. — Ты теперь сам держал ее в руках и видишь, что в нашем мире нет ничего подобного ей. Мы умеем ковать металлы — грубые, с примесями, подверженные быстрому износу. А пластина сохраняет свой блеск вот уже многие поколения. Она не меняется, наши молоты и резцы крошатся, едва коснувшись ее, и температурные перепады — те, какие мы в силах создать, — не причиняют ей вреда. Пластина изготовлена вне нашей вселенной — и уже один этот факт делает значимой каждую начертанную на ней букву. Кто-то приложил большие старания, чтобы пластины стали неразрушимыми и дошли до нас. Кто-то, кому слово «звезды» представлялось настолько важным, что он повторил его четырнадцать раз, а ведь это слово вроде бы ничего не значит. Совершенно уверен: если наши создатели в записи, сделанной на века, повторили одно и то же слово хотя бы дважды, для нас жизненно важно понять, что оно означает…

Лавон снова встал.

— Запредельные миры, исполинские лодки, слова, лишенные смысла, — может, они и су-

ществуют, но нам-то что за печаль? Прошлые поколения Шаров посвящали свою жизнь тому, чтобы вывести культурные сорта водорослей и научить нас ухаживать за ними, избавив народ от превратностей охоты за бактериями. Еще раньше Шары строили военные машины, разрабатывали военные планы, и это тоже окупалось. Лавоны в те дни и думать не думали о металлических пластинах со всеми их загадками — и Шарам своим заказывали. Ты, конечно, можешь продолжать возиться с этой штукой, если это занятие прельщает тебя больше, чем выращивание водорослей, но мое личное мнение таково, что ее надо выбросить…

— Ну что ж, — Шар в свою очередь пожал плечами, — раз ты не хочешь вести беседу, тогда закончим ее. Пойдем каждый своей…

Со стола послышался нарастающий гул. Пара приподнялся, его реснички колыхались волнообразно, как колышутся созревающие грибки на придонных полях. В течение всей беседы цилиндр хранил такое глубокое молчание, что Лавон начисто забыл о нем, и Шар, судя по его испугу, тоже.

— Это великое решение, — затрепетали ресничк и. — Мы издавна опасались таинственной

пластины, опасались, что люди разберутся в ее письменах и переселятся в иные миры, а нас покинут. Теперь мы больше ее не боимся.

— Вам и раньше нечего было бояться, — снисходительно бросил Лавон.

— Ни один Лавон до тебя не говорил нам так, — промолвил Пара. — Мы счастливы. Мы выбросим пластину, как повелел Лавон…

С этими словами искрящееся существо устремилось к выходу, унося с собой последнюю пластину. До того она покоилась на столе, теперь была бережно стиснута в гибких брюшных волосках. Внутри прозрачного тела вакуоли раздулись, увеличивая плавучесть и позволяя цилиндру нести значительный вес.

Шар с криком кинулся вплавь к окну.

— Пара, остановись!

Но тот уже исчез — исчез так стремительно, что и не слышал зова. Шар вернулся и застыл, опершись плечом о стену. Он молчал. Ему и не нужно было ничего говорить: лицо его выражало столько чувств, что Лавон не выдержал и отвел глаза.

Тени обоих людей вдруг снялись с мест и медленно тронулись по неровному полу. Шевеля щупальцем, из-под свода спускался Нок; испус-

каемый им свет то вспыхивал, то гас. Он в свою очередь проплыл сквозь окно вслед за двоюродным братом и, не спеша, растворился в пучине.

2

В течение многих дней Лавон старался не вспоминать об утрате. Работы всегда хватало — одно только поддержание крепостных построек стоило бесконечных хлопот. Тысячи последовательно ветвящихся ходов со временем неизбежно осыпались, обламывались там, где примыкали друг к другу, и ни один Шар не придумал еще раствора, который заменил бы слюну коловраток, некогда связывавшую замки воедино. К тому же реконструкция помещений и разметка окон в прежние времена проводились наспех, а подчас и с грубыми ошибками. В конце концов, стихийная архитектура всеедов ни в коей мере не была рассчитана на удовлетворение потребностей человека.

Затем начались заботы об урожае. Пропитание племени не зависело более от случайно пойманных бактерий; теперь к услугам людей были дрейфующие плантации грибков и водорослей и посевы мицелия на дне — пища вкусная и сытная, бережно взращенная Шарами пяти поколений.

Однако за посевами надо было следить, поддерживая чистоту штаммов и отгоняя непрошеных лакомок, глупых и жадных. Пара и его родичи по мере сил помогали организовать охрану, но без надзора со стороны людей обойтись не могли.

И тем не менее, несмотря на всю свою занятость, Лавон не в силах был забыть момент, когда по собственной его опрометчивости последняя надежда разобраться в происхождении и предназначении человека оказалась утраченной навсегда.

Конечно, можно бы попросить Пара вернуть пластину, объяснить, что произошла ошибка. Неумолимая логика цилиндров не мешала им уважать людей и даже свыкнуться с человеческой непоследовательностью; под нажимом они могли бы пересмотреть свое решение…

«Очень сожалеем, но мы отнесли пластину на ту сторону отмели и сбросили в омут. Мы прикажем обыскать дно, однако…»

Лавон не мог совладать со щемящим чувством уверенности, что ответ будет именно таким или очень похожим. Если цилиндры пришли к выводу, что вещь больше не нужна, они не станут приберегать ее со старушечьей скаредностью где-нибудь в чулане. Они ее действительно выбросят

— решительно и бесповоротно.

Да, наверное, это и к лучшему. Какую пользу принесла пластина человечеству? Эта мысль давала Шару повод для размышлений на протяжении многих лет. Все, что сделали Шары для людей здесь, в воде, в этой жизни, в этом мире, достигнуто путем прямого эксперимента. Пластины пока что не дали людям ни крупицы полезных знаний. По крайней мере, вторая пластина толковала исключительно о проблемах, о которых разумнее вообще не задумываться. Пара абсолютно правы.

Лавон слегка передвинулся по поверхности листа, с которого надзирал за экспериментальным сбором сочных сине-зеленых водорослей, плавающих спутанной массой под самым небом, и осторожно почесался спиной о жесткий ствол. Пара, пожалуй, почти никогда не ошибались. Их неспособность к творчеству и к оригинальному мышлению на поверку оказывалась не только дефектом, но и ценным даром. Она позволяла им всегда видеть и воспринимать все именно таким, каким оно было на самом деле, а не таким, каким хотелось бы его воспринять, — в этом смысле они были словно лишены желаний.

— Лавон! Ла-а-во-он!..

Призывный клич поднялся из сонных глубин. Придерживаясь рукой за край листа, Лавон перегнулся и глянул вниз. Снизу вверх на него смотрел один из сборщиков — в пальцах у человека было тесло, с помощью которого клейкие пряди водорослей отделяли одну от другой.

— Я здесь. В чем дело?

— Мы обособили созревший сектор. Можно приступать к буксировке?

— Приступайте, — ответил Лавон, лениво поведя рукой, и вновь откинулся к стволу. В тот же миг у него над головой вспыхнуло ослепительное красноватое сияние, вспыхнуло и потекло в глубину, будто сеть из чистого золота.

Значит, там, высоко над небом, вновь ожил великий свет; он горит весь день, то усиливаясь, то тускнея, повинуясь законам, которых ни один Шар еще не сумел вывести. Немногие люди, кого обласкал этот теплый свет, сумели совладать с искушением и не взглянуть в его сторону — особенно когда, как сейчас, небо морщится и смеется в каких-нибудь двух — трех гребках. Но, как всегда, подняв глаза к небу, Лавон не разглядел ничего, кроме своего искаженного отражения да еще контуров водоросли, на которой сидел. Перед ним была верхняя грань, одна из трех основных

поверхностей вселенной.

Первая поверхность — дно, где кончается вода. Вторая поверхность — термораздел, легко различимый летом; с него хорошо кататься, но можно и пронзить его насквозь, если знаешь как.

Третья поверхность — небо. Попасть на ту сторону неба столь же немыслимо, как проникнуть сквозь дно, да, в общем-то, и нет нужды пытаться. Там конец вселенной. Свет, ежедневно вспыхивающий над небом, то прибывая, то убывая, — видимо, прямое тому доказательство.

К концу лета вода постепенно стынет, дышать становится все труднее — и одновременно тускнеет свет, короче становятся промежутки от темна до темна. Оживают неспешные течения. Вода в поднебесье охлаждается и опускается вниз. Донная грязь шевелится и дымками поднимается вверх, подхватывая споры с грибковых полей. Термораздел приходит в волнение, словно рябит, — и вдруг растворяется. На небе оседает туман из частичек ила, вынесенных со дна, со склонов, из дальних уголков вселенной. День, другой — и весь мир превращается в суровую, негостеприимную пустыню, устланную желтеющими, умирающими водорослями. Еще день — мир он замирает до той поры, пока первые

неуверенные теплые ручейки не прорвут тишину зимы…

Вот что происходит, когда исчезает вторая поверхность. Что же случится, если растает небо?..

— Лаво-он!..

Будто специально дождавшись этого протяжного зова, из глубины всплыл блестящий пузырь. Лавон протянул руку и стукнул по нему когтем большого пальца, но пузырь отскочил в сторону. Газовые пузыри, поднимающиеся со дна в конце лета, были почти неуязвимы, а если даже особенно ловкий удар или острый предмет протыкал их поверхность, они просто дробились на более мелкие пузыри, оставляя в воде поразительный смрад.

Газ. Внутри пузырей нет воды. Человеку, проникшему в такой пузырь, стало бы нечем дышать.

Но, разумеется, проникнуть внутрь пузыря невозможно. Не позволит сила поверхностного натяжения. Сила таинственная, как металлическая пластина Шара. Неодолимая, как пелена неба.

Как пелена неба?! А что если над этой пеленой — мир, наполненный газом, а не водой? Быть может, вселенная — лишь пузырь с водой, плава-

ющий в океане газа?

Если так, то путешествие в иную вселенную попросту немыслимо, и прежде всего потому, что не удастся пронзить небо. А уж про дно и говорить нечего. Но ведь есть существа, которые закапываются в донный ил, притом очень глубоко, и ищут там что-то, недоступное человеку. В разгар лета тина кишмя кишит крошечными созданиями, для которых грязь — естественная среда обитания…

Однако если другие вселенные — не полный вздор и не выдумка Шара, искать их надо там, откуда исходит свет. В конце концов, кто сказал, что небо нельзя преодолеть? Раз удается иногда проткнуть пузыри, значит, поверхностная пленка все-таки проницаема. Пытался ли кто-нибудь одолеть небо?

Лавон был далек от мысли, что человеку по силам проломить небесный свод — с равным успехом можно пытаться прорыть себе нору сквозь дно, — но должны же обнаружиться какие-то окольные пути к цели. У него за спиной, например, высится куст, который, по всей видимости, продолжается и по ту сторону неба: верхние его листья словно переламываются, отражение срезает их точно ножом.

Всегда считалось, что растения, коснувшись неба, погибают. По большей части так оно и есть: удается, и нередко, различить полупогруженный в воду мертвый, изуродованный и пожухлый стебель. Однако встречаются и другие растения, будто перерубленные небом пополам, как вот это, которое приютило Лавона сейчас. А вдруг это только иллюзия, а в действительности ствол уходит в какой-то иной мир — в мир, где люди были некогда рождены, а кто-то, возможно, живет и поныне?..

Обе пластины утрачены. Остается единственный способ выяснить, так ли это.

Решившись, Лавон начал взбираться вверх, к волнистому зеркалу неба. Ворта, дальние тюльпаноподобные родственники Пара, испуганно отползали прочь с дороги.

— Лавон! Куда ты? Лавон!..

Он свесился со ствола и посмотрел вниз. Человек с теслом, совершенно кукольная фигурка, подавал ему знаки, оседлав пучок сине-зеленых водорослей далеко-далеко в фиолетовой бездне. У Лавона закружилась голова, он прижался к стволу: никогда еще он не взбирался так высоко. Бояться падения ему, конечно, не приходилось; вероятно, сказался какой-то наследственный

страх. Пересилив себя, он продолжил подъем.

Еще немного — и он, дотронувшись до неба рукой, остановился передохнуть. Любопытные бактерии собрались у основания его большого пальца — там обнаружился порез, из которого слегка сочилась кровь; он взмахнул рукой — они рассыпались, но тут же снова стали подкрадываться к расплывающемуся красному пятнышку…

Он перевел дух и полез еще выше. Небо навалилось ему на затылок, шею, плечи. Казалось, оно чуть-чуть подается, хотя и с трудом. Вода здесь была ослепительно прозрачной и совершенно бесцветной. Он поднялся еще на шаг, подставив под исполинский вес всю спину.

Бесполезно. С тем же успехом он мог бы пытаться пробить головой утес.

Пришлось снова остановиться. И тут-то, борясь с одышкой, он совершил удивительное открытие. Непосредственно вокруг водоросли стальная поверхность неба выгибалась, образуя своего рода колокол. Лавон нашел, что места там почти хватало на то, чтобы всунуть голову. Приникнув к стволу вплотную, он заглянул внутрь колокола, ощупывая его пальцами. Блеск воды был здесь совершенно невыносимым.

Раздался внезапный беззвучный взрыв. Что-то сжало запястье резкой мучительной хваткой, будто его перепиливали пополам. Не владея собой от изумления, Лавон рванулся вверх. Кольцо боли плавно спустилось по руке к предплечью и вдруг охватило шею и грудь. Еще рывок — в круговых тисках очутились колени. Еще…

Случилось нечто чудовищное. Он прижался к стволу и отчаянно пытался вдохнуть, но — дышать было нечем.

Вода лилась потоками изо рта и ноздрей, била струями из дыхальцев по бокам. Кожу жег огнем свирепый, безудержный зуд. Во внутренности впивались длинные ножи, и он словно издалека слышал, как хрипят легкие, отдавая последнюю воду безобразной пузыристой пеной. В глубине черепа, на дне носовой полости, словно пылал костер.

Лавон тонул — в безводье.

Последним судорожным усилием он оттолкнулся от колкого ствола и упал. Тело содрогнулось от удара; и тут вода, так не хотевшая отпускать его, когда он впервые попытался ее покинуть, с холодной жестокостью приняла беглеца в свои объятья.

То безвольно распрямляясь, то неуклюже ку-

выркаясь, Лавон опускался вниз, вниз, вниз, на дно.

3

Много-много дней Лавон провел, свернувшись в беспамятстве, будто впал в зимнюю спячку. Шок от холода, испытанный при возвращении в родную стихию, тело приняло за свидетельство прихода зимы, равно как и кислородный голод в секунды пребывания за пределами неба. И спорообразующие железы тут же включились в работу.

Не случись этого, Лавон наверняка бы умер. Опасность утонуть, разумеется, исчезла, как только воздух из легких вытеснила животворная вода. Но медицина подводного мира не знала, как лечить ожоги третьей степени и острое иссушение тканей. Целебная жидкость, образующаяся внутри прозрачного янтарного шарика споры, — вот единственное лекарство, которое даровала Лавону природа.

На третьи сутки спору, замершуюя среди вечной придонной зимы, обнаружила дальняя родня Пара, забравшаяся сюда в поисках пропитания. Температура на дне в любое время года держалась одинаковая — плюс четыре градуса, но слыханное

ли дело встретить здесь спору, когда поднебесье еще богато кислородом и напоено теплом!

Не прошло и часа, как на место происшествия спустилась сверху, из крепости, группа обеспокоенных людей. Откликнувшись на их просьбу, четверка Пара собралась вокруг янтарного шарика и дружно выстрелила трихоцистами. Как только нити сомкнулись, четверка разом пошла вверх. Спора чуть покачнулась в иле и стала тихо приподниматься, укутанная тонкой паутиной. Подоспевший Нок осветил всю сцену холодным пульсирующим светом к вящему изумлению сбитых с толку людей. Внутри споры теперь ясно виднелась фигура спящего Лавона — голова склонена, колени прижаты к груди; как только скорлупку сдвинули с места, фигура начала с нелепой торжественностью вращаться.

— Доставьте его к мыслителю, — прозвучал приказ.

Шар XVI, хоть и был молод, хорошо усвоил первое традиционное правило своего наследственного ремесла: если не знаешь, что делать, не делай ничего. Он сразу понял, что любое вмешательство лишь повредит Лавону, замкнувшемуся в янтарной оболочке, и поместил спору в одну из самых верхних комнат замка, где света бы-

ло достаточно и вода хорошо прогрета, что для оцепеневшего организма могло бы знаменовать приближение весны. Не считая этого, он просто сидел рядом и смотрел. И держал свои умозаключения при себе.

Тело Лавона, замкнутое в спору, быстро меняло кожу, сбрасывая ее крупными лоскутами и полосами. Вначале тело казалось сморщенным, но это вскоре прошло. Скрюченные ручки и ножки, впалый живот приобрели обычный здоровый вид.

Дни шли за днями. В конце концов, Шар при всем желании не мог обнаружить больше никаких перемен и по наитию переместил спору еще выше, выставив ее под прямой свет с неба.

И Лавон шевельнулся в своей янтарной тюрьме. Он повернул невидящие глаза к свету, попытался распрямиться и потянуться. Выражение лица у него при этом было такое, словно он еще не вполне освободился от какого-то жуткого кошмара. Тело Лавона сияло странной розовой новизной.

Шар тихо стукнул по поверхности споры. Лавон повернулся к источнику звука, глаза его приобрели осмысленное выражение. Он неуверенно улыбнулся, потом уперся руками и ногами в стенки своего убежища. С гулким треском шар

распался на осколки. Целительная жидкость растворилась в толще воды, унося с собой последние воспоминания об отчаянной борьбе со смертью.

Лавон поднялся среди осколков и смерил Шара долгим взглядом. Наконец он произнес:

— Шар, я был по ту сторону неба.

— Знаю, — ответил Шар негромко. Лавон еще помолчал. Шар продолжил: — Не скромничай, Лавон. Ты совершил эпохальный подвиг, который едва не стоил тебе жизни. Теперь расскажи мне остальное — все, что сможешь.

— Остальное?..

— Ты многое открыл мне, когда спал. Или ты по-прежнему настроен против отвлеченных знаний?

Лавон не нашел ответа. Он уже не мог провести границу между тем, что знал, и тем, что хотел знать Невыясненным остался, правда, только один вопрос, но такой, что его было страшно выговорить. Вождь сумел лишь взглянуть опять — и снова молча — на тонкое лицо мыслителя.

— Ты ответил мне, — сказал Шар еще мягче, чем прежде. — Пойдем со мной, друг, приглашаю тебя участвовать в наших ученых беседах. Будем думать, как добраться до звезд.

За большим столом в комнате Шара их собра-

лось пятеро: сам Шар, Лавон и три помощника, которых по обычаю присылали Шарам семьи Фан, Танол и Стравол. Обязанности этих помощников — мужчин, а подчас и женщин — при многих прошлых Шарах были не столько сложны, сколько обременительны: добиваться в жизни, на полях, тех же изменений в свойствах пищевых культур, какие Шар получал в малых масштабах в лабораторных пробирках и чашках. Если Шар интересовался не агротехникой, а металлургией или химией, они опять-таки выполняли всю грязную работу — были землекопами и каменотесами, литейщиками и мойщиками посуды.

Однако при Шаре XVI три помощника стали объектом всеобщей зависти: людям казалось, что они почти ничем не заняты. Ежедневно они проводили долгие часы, беседуя с Шаром в его покоях, колдуя над документами, царапая закорючки на грифельных досках, а то и разглядывая сосредоточенно самые обыкновенные вещи, не содержащие в себе ровным счетом ничего таинственного. Иногда, правда, они работали вместе с Шаром в лаборатории, но по большей части просто бездельничали.

По существу, Шар XVI открыл некоторые зачаточные правила научного исследования, и

эти правила, по собственным его словам, представлялись ему орудием исключительной силы. Поэтому главной его заботой стало точно сформулировать их и передать грядущим поколениям, и он избегал соблазна любых конкретных экспериментов — за единственным исключением путешествия к звездам.

Фан, Танол и Стравол неизбежно оказались первыми, перед кем Шар выдвинул задачу сконструировать корабль для движения в безводном пространстве. Плоды их раздумий лежали на столе: три модели, собранные из панцирных чешуек диатомей, водорослевых волокон, гибких кусочков клетчатки, осколков хары, древесных щепочек, — и все это на органических клеях, полученных из выделений десятка различных растений и животных.

Лавон взял в руки ближайшую модель — хрупкую сферическую конструкцию, внутри которой темно-коричневые бусинки из слюны коловраток, с великим трудом отколотые в заброшенной крепости, перекатывались вереницей, словно в своеобразном подшипнике.

— Это чья? — спросил Лавон, с любопытством поворачивая сферу то одной, то другой стороной.

— Моя, — ответил Танол. — Признаться, я и сам

понимаю, что она не удовлетворяет всем требованиям. Просто это единственная конструкция из пришедших мне на ум при нашем уровне знаний, осуществимая из имеющихся у нас материалов.

— Но как она действует?

— Подержи-ка ее минутку, Лавон. Вот этот пузырь, который виден в центре, с полыми волоконцами спирогиры, выведенными из корпуса наружу, называется резервуаром плавучести. Идея в том, чтобы поймать большой газовый пузырь, поднимающийся со дна, и поместить в такой резервуар. Возможно, сделать это удастся не сразу, а по частям. Так или иначе, корабль всплывет к небу благодаря подъемной силе резервуара. Далее, вот эти лопасти, расположенные в два ряда, придут в движение, когда экипаж — видишь бусины, что перекатываются друг за другом, — начнет переступать по педалям, установленным внутри корпуса. Так можно будет добраться до края неба. Этот прием я позаимствовал из наблюдений за нашим приятелем Дидином. Затем мы укоротим лопасти — они втягиваются в прорези, вот так, — и, по-прежнему нажимая на педали, выкатимся по склону в пространство. А когда мы достигнем другого мира и вновь попадем в воду, то постепенно выпустим газ из резервуара через

трубы, роль которых здесь, на модели, исполняют эти волоконца, и опустимся к месту посадки, не утратив контроля за скоростью.

— Очень изобретательно, — задумчиво сказал Шар. — Однако я предвижу определенные трудности. Во-первых, конструкция лишена устойчивости…

— К сожалению, да, — согласился Танол. — И чтобы привести ее в движение, требуется масса мускульных усилий. Но если к центру тяжести корабля подвесить на шарнире какой-то значительный груз, судно можно будет стабилизировать хотя бы частично. А потом, самые серьезные затраты энергии связаны с первоначальным подъемом корабля к небу, в данном же случае проблема, считайте, решена. Более того, как только газ заполнит резервуар, корабль придется привязать к причалу и держать на привязи вплоть до старта.

— Меня смущает другое, — сказал Лавон. — Будет ли газ выходить через эти трубочки, когда возникнет необходимость? Но получится ли так, что пузырь просто прилипнет к стенкам? Пленку, разделяющую воду и газ, деформировать очень нелегко — могу засвидетельствовать по опыту…

Танол нахмурился.

— Чего не знаю, того не знаю. Но не надо забывать, что на настоящем корабле трубки будут куда толще, чем соломинки на модели.

— Сечением шире человеческих плеч? — осведомился Фан.

— Ну нет, едва ли. Голова, быть может, пройдет, но не больше.

— Ничего не выйдет, — сухо бросил Фан. — Я уже пробовал. Газовый пузырь сквозь такую трубку не пропихнешь. Лавон сказал точно: он прилипнет к стенкам и не шелохнется, пока на него но надавят изнутри — и сильно. Если мы построим подобный корабль, нам придется бросить его, едва мы дотащимся до границ нового мира…

— Что категорически исключается, — перебил его Лавон. — Не говоря уж о непозволительном расточительстве, а вдруг придется спешно поворачивать обратно? Кому из нас известно, на что похож этот новый мир? Нужно, чтобы мы сохранили способность выбраться оттуда, если окажется, что там жить нельзя.

— Какая из моделей твоя, Фан? — спросил Шар.

— Вот эта. Я предлагаю, правда, идти к цели тяжким путем — ползти по дну, пока оно не встретится с небом, потом ползти, пока мы не найдем иную вселенную, потом — пока не отыщем в

ней то, что ищем. Никаких поблажек. Корабль приводится в движение мускульной силой, как и корабль Танола, но не обязательно силой мускулов человека. Я, признаться, подумывал, не использовать ли подвижные виды диатомей. Управлять кораблем можно, тормозя его движение то с одного борта, то с другого. Можно также прикрепить ремешки к противоположный концам задней оси и натягивать тот ремешок, какой потребуется…

Шар пристально осмотрел веретенообразную модель вблизи и опыта ради слегка подтолкнул ее вдоль стола.

— Мне нравится, — наконец произнес он. — Держится на курсе надежно. В сферическом корабле Танола мы зависели бы от любого шального течения, как дома, так и в новой вселенной — да и в пространстве между ними. Насколько я понимаю, там тоже могут быть течения — газовые, например. Ну а твое мнение, Лавон?

— Как построить такой корабль? — спросил тот. — Корпус имеет круглую форму. Для модели очень хорошо, но как добиться, чтобы кольца нужного нам диаметра тут же не развалились?

— Загляни внутрь через переднее окно, — ответил Фан. — Ты увидишь балки, установленные

под прямым углом к продольной оси и пересекающиеся в центре. Балки служат подпорами для стен…

— …и съедают уйму места, — возразил Стравол. Самый уравновешенный и вдумчивый из трех помощников, он с начала совещания не проронил ни слова. — Внутри корабля необходимо сохранить свободу передвижения. Как совладать с управлением, если придется то и дело протискиваться между балок?

— Предложи что-нибудь получше, — сказал Фан, пожимая плечами.

— Это несложно. Балки надо согнуть по дуге.

— По дуге? — воскликнул Танол. — При таких-то масштабах? Древесину надо год вымачивать, прежде чем она станет достаточно гибкой, но тогда она утратит прочность…

— Не утратит, — усмехнулся Стравол. — Я не успел подготовить модель корабля, просто нарисовал, и мой проект намного уступает проекту Танола. Однако, поскольку я тоже выбрал трубчатую конструкцию, я построил модель машины для выгибания балок. Она перед вами на столе. Надо зажать один конец балки в тисках, а к другому привязать крепкий канат, пропущенный через этот желоб. Затем канат наматывается на

лебедку, которую вращают пять — шесть человек, вот так. И свободный конец балки опускается вниз по дуге, пока желоб не сблизится с зарубкой, заранее сделанной на другом конце. Остается набросить на эту зарубку петлю, разжать тиски, и готово — для верности можно закрепить петлю костылем, чтобы дуга не вздумала вдруг распрямиться…

— А разве балка, согнувшись до определенного предела, Не переломится? — поинтересовался Лавон.

— Строевой лес, конечно, переломится. Чтобы хитрость удалась, нужна не выдержанная, а живая древесина. Иначе и вправду, как говорит Танол, балку пришлось бы предварительно размягчать, но от нее уже не было бы никакого проку. А из живого дерева, не утратившего гибкости, получатся отличные, крепкие, цельные ребра для корабля — или те операции с числами, которым ты учил нас, Шар, не имеют истинной ценности…

Шар улыбнулся.

— Оперируя с числами, так легко ошибиться…

— Я все проверил.

— Не сомневаюсь. И в любом случае — попытка не пытка. Есть еще какие-нибудь предложения?

— Кажется, — сказал Стравол, — нам пригодится также придуманная мной вентиляционная система. Во всех других отношениях корабль Фана сразу показался мне почти совершенным. Мой собственный по сравнению с ним безнадежно неуклюж.

— Я вынужден согласиться, — произнес опечаленный Танол. — Но все равно надеюсь когда-нибудь построить свой корабль легче воды, хотя бы для местных сообщений. Если новый мир окажется больше нашего, то добираться от места до места вплавь станет затруднительно…

— А ведь и правда! — воскликнул Лавон. — Мне это, признаться, и в голову не приходило. Что, если новый мир вдвое, втрое, вдесятеро больше нашего? Скажи, Шар, существуют ли какие-то причины, по которым это невозможно?

— Если и существуют, то мне они неизвестны. Металлическая пластина упоминает самые невероятные расстояния как само собой разумеющиеся. Ну что ж, давайте разрабатывать модель, объединяющую достоинства всех предложенных. Танол, ты среди нас лучший чертежник — прошу подготовить схему. А как с рабочей силой, Лавон?

— Думаю, справимся, — отозвался Лавон. — Как

я себе представляю, тех, кто занят на постройке корабля, придется освободить от других работ. За один — два дня и даже за одно лето такую задачу не решить, так что на сезонников рассчитывать нельзя. Да и бессмысленно: кто же станет посылать человека, едва освоившего какую-то техническую операцию, обратно на грибковые плантации лишь потому, что где-то еще обнаружилась пара свободных рук?

Устанавливаю следующий порядок: у нас будет постоянная бригада, в которую войдут по два — три сметливых мастера от каждого ремесленного цеха. Они будут исполнять работу, требующую высокой квалификации, в течение всего строительства, а впоследствии, вероятно, войдут в состав экипажа. Для тяжелого, неквалифицированного труда мы сможем временами привлекать отряды чернорабочих, не ущемляя наших повседневных запросов.

— Договорились, — сказал Шар, положив руки на край стола. — У кого есть еще предложения или вопросы?

— У меня, — спокойно заявил Стравол.

— Хорошо, слушаем.

— Куда мы намерены держать путь?

Воцарилась долгая тишина. Наконец Шар со-

брался с мыслями:

— Не могу дать тебе точного ответа, Стравол. Сказал бы, что мы направляемся к звездам, но ни ты, ни я понятия не имеем, что такое звезды, стало быть, такой ответ ничего не дает. Мы выходим в путь потому, что выяснили: фантастические утверждения исторической пластины, по меньшей мере, частично правильны. Мы знаем теперь, что небо можно преодолеть, что по ту сторону неба лежат края, где нет воды и нечем дышать, края, которые наши предки называли «пространство». Оба эти утверждения, казалось бы, противоречат здравому смыслу, но они полностью подтвердились.

Историческая пластина утверждает также, что помимо нашего существуют и другие миры, и, признаться, приняв предыдущие две гипотезы, в эту поверить гораздо легче. Ну а звезды… Звезды — там, в пространстве, и когда мы попадем туда, то, надо думать, увидим их и поймем значение загадочного слова. Во всяком случае, можно рассчитывать на какой-то ключ к разгадке — вспомните, сколько ценной информации дали нам считанные секунды, проведенные Лавоном по ту сторону неба!

Нет резона гадать на кофейной гуще. Мы при-

шли к выводу, что существуют иные миры, мы разрабатываем средства для путешествия в пространстве. Другие вопросы можно на время и отложить. Настанет день — мы найдем ответ на все вопросы без исключения, в этом я не сомневаюсь. Хотя, быть может, настанет он еще не так скоро… Стравол понимающе кивнул головой. — Иного ответа я и не ожидал. Честно говоря, все наше предприятие — совершенный бред. Но я все равно останусь с вами до конца.

Прошло два года, две долгие зимние спячки с того дня, как Лавон осмелился выбраться за пределы неба, а готов был один только остов. Он лежал на платформе, на гребне отмели, что полого поднималась к границе вселенной. Исполинский корпус из тщательно пригнанных досок прорезали на равных расстояниях отверстия, сквозь которые виднелись необработанные балки каркаса.

Поначалу дело двигалось почти без задержек: представить себе машину, которая могла бы перемещаться в безводном пространстве, не теряя воды, оказалось не слишком сложно; Фан и его коллеги справились со своей задачей хорошо. Все понимали, что на создание машины таких размеров потребуется довольно много времени,

пожалуй, несколько полных лет, — но ни Шар с помощниками, ни Лавон не предвидели серьезных препятствий.

В конце концов, незавершенность корабля была отчасти просто кажущейся. Примерно треть общей схемы состояла из живых организмов, а их, естественно, можно было «установить» на место лишь непосредственно перед стартом.

И все же раз за разом работы на корабле стали замирать на долгий срок. Случалось, целые секции приходилось вырезать и переделывать заново, и мало-помалу выяснилось, что традиционные, удобопонятные решения к проблеме путешествия в пространстве, как правило, неприложимы.

Мешало и отсутствие исторической пластины, которую Пара упорно отказывались возвратить. Буквально в день утраты, по свежим следам, Шар вознамерился восстановить текст по памяти; но не в пример своим более религиозным предшественникам он никогда не относился к нему как к священному писанию и не вызубривал слово в слово. Правда, он собирал варианты перевода тех отрывков, где говорилось об исследованиях и экспериментах, — эти варианты он вырезал на дереве и копил в личной библиотеке. Однако

отрывки сплошь и рядом противоречили один другому и к тому же ни строкой не относились к конструированию звездных кораблей.

На сей счет, как помнится, пластина вообще не сообщала ничего определенного.

Никто никогда не копировал и таинственные письмена пластины — по очень простой причине: в подводном мире никто не мог и представить себе, что существуют средства, способные уничтожить сверхпрочный оригинал, и что надо принимать меры к его увековечению. Шар сообразил — увы, слишком поздно, — что обыкновенной осторожности ради следовало делать копии, пусть недолговечные, на подручных материалах. Но многие, многие годы мирной жизни в зелени и золоте вод почти отучили людей от обыкновенной осторожности. А в результате несовершенство памяти Шара, не сохранившей дословного текста пластины, и постоянные его сомнения в точности перевода уцелевших отрывков стали важнейшей из помех на пути к успешному завершению проекта.

— Не научились грести, а вышли в плавание, — заметил запоздало Лавон, и Шар был вынужден с ним согласиться.

…Круглолицый молодой человек, ворвавшийся

в апартаменты Шара, назвался Филом XX, — следовательно, он был на два поколения моложе Шара и на четыре — Лавона. Но в уголках глаз у него прятались «гусиные лапки», и это делало его похожим на сварливого старика и капризного младенца одновременно.

— Мы призываем прикрыть этот нелепый проект, — резко бросил он. — Мы, как рабы, отдали ему свою юность, но теперь мы сами себе хозяева, и довольно. Слышите? Довольно!

— Никто вас не принуждал, — ответил Лавон сердито.

— Как никто? А общество? А наши собственные родители? — поддержал Фила явившийся следом за ним долговязый приятель. — Но отныне мы придерживаемся реальной действительности. Каждому в наши дни известно, что нет никакого другого мира, кроме того, в котором мы живем. Вы, старики, можете цепляться за свои суеверия, если хотите. Мы подражать вам не станем.

Лавон, озадаченный, бросил взгляд на Шара. Ученый улыбнулся:

— Отпусти их, Лавон. Малодушные нам ни к чему.

Круглолицый вспыхнул.

— Ваши оскорбления не заставят нас вновь

выйти на работу. С нас довольно. Сами стройте свой корабль!

— Ладно, — сказал Лавон. — И можете убираться. Хватит разглагольствовать. Вы приняли решение, а выслушивать ваши грубости нам не интересно. Прощайте.

Круглолицый, очевидно, был не прочь еще и еще покрасоваться собственной решимостью, однако это «прощайте» пресекло его намерения в корне. Твердокаменное лицо Лавона не сулило спора, и пришлось Филу вместе с приятелем бесславно убираться восвояси.

— Ну, что теперь? — спросил Лавон, как только они удалились. — Должен признаться, Шар, что я попытался бы уговорить их. В конце концов, нам очень нужны рабочие.

— А мы им нужны еще больше, — весело отозвался Шар. — Знаю я этих молодых задир. Ведь сами же удивятся, увидев, что за чахлая зелень вырастет у них на полях в первый же год, когда они попытаются обойтись без моих советов. А потом скажи мне — сколько добровольцев записалось кандидатами в состав экипажа?

— Несколько сотен. В том поколении, которое идет следом за этим Филом, желание отправиться с нами высказывает чуть не каждый. Обманыва-

ется наш оратор — по крайней мере, в отношении части молодежи. Проект завладел воображением самых юных.

— Ты обещал им что-нибудь?

— Конечно. Я говорил каждому, что если мы остановимся на его кандидатуре, то ему сообщат. Но не принимай этого всерьез. Кто же станет менять признанных специалистов на юнцов, в багаже у которых голый энтузиазм и ничего больше?

— Я не то имел в виду, Лавон. Мне померещилось или я на самом деле видел здесь Нока? А, вот он где, дрыхнет себе под потолком. Нок!

Существо лениво повело щупальцем.

— У меня поручение, Нок, — продолжал Шар. — Передай своим братьям, а те пусть сообщат всем людям, что желающие идти с кораблем в новые миры должны немедленно явиться на строительную площадку. Передай, что мы не обещаем взять всех до единого, но тех, кто не помогал нам в постройке корабля, мы вообще не будем принимать в расчет.

Нок опять пошевелил щупальцем и, казалось, тут же заснул.

4

Лавон на мгновение оторвался от шеренги переговорных мегафонов, заменявшей ему пульт управления, и взглянул на Пара.

— Последний раз спрашиваю, — сказал он. — Отдадите вы нам историческую пластину или нет?

— Нет, Лавон. Мы никогда ни в чем тебе не отказывали. Но сейчас вынуждены.

— Ведь ты идешь с нами, Пара. Если ты не вернешь нам знания и мы погибнем, то погибнешь и ты…

— Много ли значит один Пара? Мы все одинаковы. Данная клетка погибнет — зато всем ее собратьям будет известно, преуспели ли вы в своем предприятии. Мы верим, что вы преуспеете и без пластины, и, собственно, у нас нет иного способа установить ее истинную ценность…

— Следовательно, ты признаешь, что она у вас. А что, если твоя связь с сородичами прекратится, едва мы выйдем в пространство? Что, если эта связь невозможна вне воды?

Пара промолчал. Лавон секунду — другую ел его глазами, потом подчеркнуто отвернулся к переговорным трубкам.

— Все по местам! — скомандовал он и ощутил озноб. — Мы отправляемся. Стравол, герметизирован ли корабль?

— Насколько могу судить, да, Лавон.

Лавон нагнулся к другому мегафону. Сделал глубокий вдох. Ему почудилось, что вода уже утратила свежесть, — а ведь корабль еще не трогался с места.

— Движение в четверть мощности. Раз, два, три, старт!..

Корабль качнулся вперед, затем назад. Диатомеи опустились в заготовленные для них под корпусом ниши и коснулись своими студенистыми телами широкой бесконечной ленты из грубой личиночьей кожи. Скрипнули деревянные шестерни, умножая крохотные силенки диатомеи и передавая их на шестнадцать колесных осей.

Корабль дрогнул и медленно покатился по песку. Лавон напряженно всматривался в слюдяной иллюминатор. Мир проплывал мимо с мучительной неторопливостью. Корабль накренился и стал карабкаться вверх. Лавон спиной ощущал напряженное молчание Шара и двух сменных водителей, Фана и Стравола, — их взгляды жгли ему спину. Сейчас, когда они покидали привыч-

ный мир, все вокруг выглядело совсем по-иному. Как же они раньше не замечали такой красоты?

Похлопыванье бесконечных лент, скрип и стон шестеренок и осей стали громче — крутизна склона нарастала. Корабль продолжал подниматься, слегка рыская по курсу. А кругом ныряли и кружились отряды людей и их союзников, провожая экспедицию навстречу небу.

Небо постепенно снижалось и наваливалось на корабль.

— А ну, Танол, — распорядился Лавон, — пусть-ка твои диатомеи немного поднажмут. Впереди камень… — Корабль неуклюже качнуло вверх. — Так, теперь тише ход. Чуть порезвее с твоей стороны, Тиол. Да нет, это уже слишком. Вот так. Тише, говорю тебе, нас разворачивает… Танол, подтолкни чуть-чуть, чтобы выровнять. Хорошо. Средний ход на всех постах. Осталось уже недолго…

— Как ты ухитряешься думать такими обрывками? — удивился Пара позади Лавона.

— Думаю, как умею. Все люди думают так же. Наблюдатели, прибавьте тягу — подъем становится круче…

Шестерни взвыли. Корабль задрал нос. Небо заискрилось Лавону прямо в лицо. Вопреки соб-

ственной воле он ощутил испуг. Легкие будто вновь обожгло, и в глубине души он опять пережил долгий полет сквозь пустоту навстречу холодному прикосновению воды, пережил остро, словно впервые. Кожа зудела, пылала огнем. Сможет ли он опять подняться туда? В опаляющий вакуум, в царство великой боли, где нет места жизни?

Отмель начала выравниваться, двигаться стало легче. Небо приблизилось настолько, что тяжеловесная громада корабля поневоле всколыхнула его. По песку побежали тени от мелких волн. Под длинной слюдяной панелью, протянувшейся по верху судна, в безмолвном танце извивались толстые жгуты сине-зеленых водорослей, поглощая свет и превращая его в кислород. А в каютах и коридорах, отделенные от людей вделанными в пол решетками, жужжали Ворта, пропуская через себя и перемешивая корабельную воду.

И вот фигуры, которые вились вокруг корабля, одна за другой отстали, помахав на прощанье руками или ресничками, соскользнули с отмели, уменьшились и исчезли. От неба осталась тоненькая, но поразительно прочная пленка воды, еле-еле покрывающая верхнюю палубу. Судно замедлило ход, а когда Лавон приказал увеличить

мощность, начало зарываться в песок и гальку.

— Так ничего не выйдет, — проговорил Шар. — Думаю, лучше снизить передаточное число, Лавон, чтобы усилие поступало к осям замедленным.

— Попробуем, — согласился Лавон. — Все посты, стоп. Шар, прошу тебя лично проследить за заменой шестерен…

Безумный блеск пустоты пылал — рукой подать — прямо за большим командирским иллюминатором. Сводила с ума необходимость мешкать здесь, на самом пороге бесконечности; мешкать было просто опасно. Лавон физически ощущал, как в душе воскресают прежние страхи перед внешним миром. Сердце сжало тисками, и он понимал: еще две-три минуты бездействия — и он окажется неспособным справиться с собой.

Должен же, наверное, существовать какой-то иной способ смены шестерен, не требующий почти полной разборки коробки передач! Разве нельзя расположить несколько шестерен на одной оси, вводя их в действие не одновременно, а поочередно — путем продольного перемещения самой оси? Допустим, такое решение — тоже не верх изящества, зато операцией можно будет управлять из рубки, не останавливая намертво

всю машину и не подвергая пилотов тяжкому длительному испугу.

Из люка вынырнул Шар и подплыл к командиру.

— Все в порядке, — доложил он. — Хотя большие понижающие шестерни переносят нагрузку не лучшим образом.

— Расщепляются?

— Увы, да. Попробуй их сначала на малом ходу…

Лавон молча кивнул. И, не дав себе опомниться и взвесить последствия своих слов, скомандовал:

— Вперед! Половина мощности…

Корабль опять клюнул носом и начал двигаться, действительно очень медленно, но гораздо ровнее, чем раньше. Небо над головой истончилось до полной прозрачности. В рубку ворвался резкий свет.

За спиной у Лавона беспокойно зашевелились помощники. Носовые иллюминаторы залила ослепительная белизна.

Корабль еще замедлил ход, будто уперся в этот слепящий барьер. Лавон распорядился прибавить мощности. Корабль застонал, как в предсмертной агонии. Он теперь почти не шевелился.

— Полный вперед! — прохрипел Лавон. И опять,

с бесконечной медлительностью, судно пришло в движение. Нос приподнялся. Потом оно вдруг рванулось вперед, взвизгнув каждой своей балкой, каждой планкой.

— Лавон! Лавон!..

Лавон резко повернулся на крик. Голос шел из мегафона, связывающего трубку с наблюдателем у кормового иллюминатора.

— Лавон!

— В чем дело? Да прекрати орать, черт возьми!

— Я вижу небо! С другой стороны, с верхней! Оно похоже на огромный плоский металлический лист. Мы отдаляемся от него. Мы прорвали небо, Лавон, мы прорвали небо!..

Но тут новое потрясение заставило Лавона самого броситься к иллюминатору. С внешней поверхности слюды испарялась вода, испарялась с чудовищной быстротой, унося с собой странные в радужных блестках размывы.

Лавон увидел пространство.

Сперва оно показалось ему пустынной и безжалостно сухой копией дна. Тут были огромные валуны, исполинские утесы, упавшие, растрескавшиеся, расколотые, иззубренные скалы, — и они уходили ввысь и вдаль во всех направлениях, словно некий великан расшвырял их здесь

как попало.

А над ними высилось еще одно небо — темно-голубой купол, такой далекий, что расстояние до него представлялось невообразимым и неизмеримым. И на этом куполе висел шар красновато-белого огня, испепеляющий зрение.

Скальная пустыня, впрочем, лежала тоже не близко — между нею и кораблем простиралась гладкая, поблескивающая равнина. Под поверхностным глянцем равнина, казалось, была сложена из песка, самого обычного песка, такого же, как на отмели, по которой корабль взобрался сюда из знакомой вселенной. Но стеклянистая, многоцветная пленка поверх песка…

Закончить мысль ему помешали новые крики, грянувшие из мегафонов. Он сердито потряс головой и спросил:

— Ну, что еще?

— Говорит Тиол. Куда ты завел нас, Лавон? Ленты заклинило. Диатомеи не в силах стронуть нас с места. И они не притворяются, — мы так стучали, будто решили прикончить их, но они все равно не могут тянуть сильнее…

— Оставьте их в покое, — разозлился Лавон. — Они не умеют притворяться — у них на это не хватит соображения. Раз они не могут тянуть

сильнее, значит, не могут…

— Тогда выводи нас отсюда сам.

Подошел Шар и встал рядом с Лавоном.

— Мы сейчас на стыке пространства с водой, в области, где силы поверхностного натяжения очень велики, — тихо произнес он. — Если ты прикажешь поднять колеса, то, думаю, нам будет легче двигаться прямо на лентах-гусеницах…

— Попробуем, — у Лавона отлегло от сердца. — Эй, внизу, приподнять колеса!

— Признаться, я долго не мог понять, — сказал Шар, — одной фразы на пластине, где упоминается о «выдвижном посадочном шасси», но все-таки догадался, что натяжение на границе пространства способно удержать почти любой крупный предмет. Вот почему я настаивал, чтобы колеса нашего корабля были подъемными.

— Что ни говори, а древние, видимо, свое дело знали.

Через несколько минут — поскольку для движения на гусеницах потребовалась новая смена шестерен — судно уже карабкалось от береговой черты к нагромождению скал. Лавон тревожно всматривался в нависшую впереди зубчатую стену: есть ли там хоть какой-нибудь проход? Слева, немного в стороне, виднелось что-то вроде

ручейка, — возможно, там и лежит путь в иную вселенную. Не без колебаний Лавон отдал приказ повернуть налево.

— Может статься, эта штука на небе — «звезда»? — осведомился он у Шара. — Но предполагалось вроде бы, что «звезд» много. А тут только одна, хотя, на мой вкус, одной за глаза довольно…

— Чего не знаю, того не знаю, — отозвался мыслитель. — Однако, кажется, я начинаю постигать общую картину устройства вселенной. Совершенно ясно, что наш мир врезан наподобие чаши в дно этого, многократно большего. Над этим миром свое небо, и я не исключаю, что оно в свою очередь лишь чаша на дне следующего, еще большего мира, и так далее без конца. Не спорю, такую концепцию нелегко принять. Целесообразнее, видимо, предположить, что все миры — чаши в единой плоскости и что этот великий светильник — один для всех.

— Тогда какой же смысл ему гаснуть каждую ночь и тускнеть зимой? — спросил Лавон.

— А может, он ходит кругами, сперва над одним миром, потом над другими? Откуда мне сейчас знать?

— Если ты прав, нам только и надо, что ползти

до тех пор, пока не наткнемся на небесный купол другого мира, и поднырнуть под него. Не слишком ли просто, после стольких-то приготовлений?..

Шар хмыкнул; впрочем, это отнюдь не означало, что он веселится.

— Просто? А ты не обратил внимания на температуру?

Подсознательно Лавон давно уже замечал что-то неладное, а с подсказки Шара понял, что задыхается. Содержание кислорода в воде, к счастью, не снизилось, но вокруг стало тепло, словно на отмелях поздней осенью: с равным успехом можно бы попробовать дышать супом.

— Фан, пусть Ворта пошевеливаются живее, — распорядился Лавон. — Или циркуляция воды улучшится, или положение станет невыносимым…

Фан что-то ответил, но до Лавона ответ дошел лишь невнятным бормотаньем. Командир вновь сосредоточился на управлении кораблем.

Проход сквозь лабиринт скал, зачастую острых как бритва, немного приблизился, и все равно казалось, что до него еще мили и мили. Двигался корабль теперь равномерно, но медленно до боли; он не зарывался и не дергался, но и не спешил. А из-под днища доносился оглушительный

наждачный скрежет, словно жернова перемалывали глыбы размером с голову.

В конце концов Шар объявил:

— Придется останавливаться опять. На той высоте, куда мы поднялись, песок совершенно сухой, и гусеницы только переводят энергию.

— А ты уверен, что мы выдержим? — проговорил Лавон, ловя воду ртом, — Так мы, по крайней мере, движемся. А остановимся опускать колеса и менять шестерни, того и гляди, сваримся заживо…

— Вот если не остановимся, то сваримся наверняка, — хладнокровно ответил Шар. — Часть водорослей на судне уже погибла, да и остальные вот-вот завянут. Верный признак, что и нас ненадолго хватит. Не думаю, что мы вообще доберемся до тени, если не повысим передачу и не прибавим скорости…

— Поворачивать надо, вот что, — шумно сглотнув, заявил один из корабельных механиков. — А еще бы правильнее и вовсе сюда не соваться. Мы созданы для жизни в воде, а не для такого ада…

— Хорошо, мы остановимся, — решил Лавон, — но назад не повернем. Это мое последнее слово. — Он постарался придать своему тону мужественную окраску, но слова механика смутили

его сильнее, чем он смел признаться даже самому себе. — Шар, только прошу тебя, поторопись…

Ученый кивнул и поспешил в машинное отделение.

Минуты тянулись, как часы. Исполинский пурпурно-золотой диск пылал и пылал в небе. Впрочем, он успел спуститься к горизонту, и теперь лучи, проникающие в иллюминатор, узкими полосами падали Лавону прямо в лицо, высвечивая каждую плавающую в рубке пылинку. Вода внутри корабля почти обжигала щеки.

Как дерзнули они по доброй воле влезть в это пекло? А ведь местность прямо по курсу — точно под «звездой», вероятно, накалена еще сильнее. — Лавон! Погляди на Пара!

Лавон заставил себя повернуться к союзнику. Тот приник к палубе и лежал, едва подрагивая ресничками. В глубине его тела вакуоли заметно разбухли, превращаясь в крупные грушевидные пузыри, переполняя зернистую протоплазму и сдавливая темное ядро.

— Он что, умирает?

— Данная клетка гибнет, — вымолвил Пара безучастно, как всегда. — Но не смущайтесь, следуйте дальше. Многое еще предстоит узнать, и вы, возможно, выживете там, где мы выжить не

в состоянии. Следуйте дальше.

— Вы… вы теперь за нас? — прошептал Лавон.

— Мы всегда были за вас. Доводите свое безрассудное предприятие до конца. В последнем счете мы выиграем, и человек тоже.

Шепот замер. Лавон вновь окликнул Пара, но тот не подавал признаков жизни.

Снизу донеслось постукивание дерева о дерево, потом в переговорной трубке прозвучал искаженный голос Шара:

— Можно трогаться. Но учти, Лавон, диатомеи тоже смертны, и вскоре мы останемся без мотора. Как можно скорее в тень, и самым коротким путем!

Лавон, помрачнев, нагнулся к мегафонам:

— Но ведь там, прямо над скалами, горит «звезда»…

— Ну и что? Она, быть может, спустится еще ниже, и тени удлинятся. Это, пожалуй, единственная наша надежда.

Такая мысль Лавону в голову не приходила. Трубки, задребезжав, подхватили его команду. Корабль снова пришел в движение; он громыхал на своих тридцати двух колесах чуть быстрее, чем раньше, и все-таки медленно, по-прежнему слишком медленно.

Жара нарастала.

«Звезда» неуклонно опускалась, заметно даже на глаз. Внезапно Лавоном овладели новые страхи. А если она опустится настолько, что скроется совсем? Сейчас она невыносимо горяча, и в то же время это единственный источник тепла. Предположим, он погаснет — не воцарится ли тогда в пространстве жестокий холод? И что станет с кораблем — неужели вода, превратившись в лед, расширится и взорвет его?

Тени угрожающе удлинялись, тянулись через пустыню к кораблю. Никто в рубке не произносил ни слова, тишину нарушало лишь хриплое дыхание людей да скрип механизмов.

И вдруг Лавону почудилось, что изломанный горизонт сам бросился им навстречу. Каменная пасть впилась в нижнюю кромку огненного диска и молниеносно поглотила его. Свет померк.

Они укрылись у подножья утесов. Лавон приказал развернуть судно параллельно скальной гряде; оно подчинилось тяжело и неохотно. Краски на небе постепенно сгущались, голубизна превращалась в темную синеву.

Шар выплыл из люка и встал рядом с Лавоном, наблюдая, как густеет небо, а тени бегут по песку в сторону покинутого ими мира. Ученый молчал,

но Лавон и без слов догадывался, что Шара терзает та же леденящая мысль.

— Лавон!

Лавон так и подпрыгнул — в голосе мыслителя звучала сталь.

— Да?

— Надо продолжать движение. Нового мира, где бы он ни был, надо достичь не откладывая.

— Как же можно двигаться, когда в двух шагах ничего не видно? Почему бы не отдохнуть — если, конечно, позволит холод?

— Холод-то позволит, — отвечал Шар. — Холодов, опасных для нас, здесь сейчас быть не может. Иначе небо — то небо, которое мы привыкли называть так в нашем мире, — замерзало бы каждую ночь, даже летом. Меня беспокоит другое — вода. Растения вот-вот улягутся спать. В нашем мире это не играло бы роли; растворенного в воде кислорода там достаточно, чтобы пережить ночь. А в таком замкнутом пространстве да с таким большим экипажем мы без притока свежей воды тут же задохнемся.

Шар говорил бесстрастно, будто читал лекцию о неумолимых законах природы, которые лично его никак не касаются.

— Более того, — добавил он, неотрывно взирая

на суровый пейзаж, — диатомеи, как известно, тоже растения. Другими словами, надо идти вперед, пока не иссякнут кислород и энергия, — и молиться, чтобы их хватило до цели.

— Слушай, Шар, мы ведь брали на борт нескольких сородичей Пара. Да и сам он еще не совсем умер. Если бы умер, мы просто не смогли бы здесь находиться. Правда, на судне почти нет бактерий — тот же Пара и ему подобные походя их сожрали, а новым взяться неоткуда. Но все равно мы почувствовали бы разложение.

Наклонившись, Шар осторожно потрогал неподвижное тело.

— Ты прав, он еще жив. Ну и что из того?

— Борта живы тоже — я ощущаю циркуляцию воды. И это доказывает, что Пара пострадал вовсе не от жары, а от света. Вспомни, каково пришлось моей собственной коже, едва я на мгновение выкарабкался в пространство. Прямой звездный свет смертелен. Можешь дописать эту истину к тем, что вычитал на пластине…

— Я по-прежнему не понимаю, к чему ты клонишь.

— А вот к чему, В составе трюмной команды у нас есть три или четыре Нока. Они были защищены от света, так что, по всей вероятности, живы

и здоровы. Предлагаю переместить их поближе к диатомеям, тогда эти умницы вообразят, что еще день, и будут продолжать работать. Или можно собрать Ноков в верхней галерее, чтобы водоросли продолжали выделять кислород. Вопрос стоит, следовательно, так: что для нас важнее — кислород или энергия? Или мы поделим Ноков между двумя палубами поровну?

Шар усмехнулся.

— Превосходный образчик логического мышления. Дай срок, Лавон, и мы выдвинем тебя в Шары. Нет, поделить Ноков поровну, к сожалению, нельзя. Свет, который они дают, недостаточен для того, чтобы растения продолжали выделять кислород. Я это уже проверял когда-то — результат получился настолько мизерным, что и упоминать не стоит. Очевидно, для растений свет — источник энергии. Так что придется ограничиться подстегиванием диатомеи.

— Хорошо. Отдай необходимые распоряжения…

Лавон отвел судно от ощерившихся скал на более гладкий песок. Последние отблески прямого света растворились в небе, оставив за собой мягкое, рассеянное сияние.

— Что же теперь? — произнес Шар задумчи-

во. — По-моему, вон там, в ущелье, есть вода, хотя до нее, конечно, надо еще добраться. Спущусь-ка я снова вниз и примусь... — Его прервал сдавленный вскрик. — Что с тобой, Лавон?

Лавон безмолвно ткнул пальцем вверх. Сердце его готово было выскочить из груди.

На густо-синем куполе над ними высыпали крошечные, невыразимо яркие огоньки. Их были многие сотни, и, по мере того, как сгущалась тьма, появлялись все новые и новые. А далеко-далеко над краем утеса всходил тускло-красный шар, окантованный призрачным серебром. И вблизи зенита повисло второе такое же тело, много меньшее, но посеребренное от края до края...

Под двумя лунами планеты Гидрот, под вечными звездами двухдюймовый деревянный кораблик с микроскопическим грузом тяжело катился под уклон к узенькому, почти пересохшему ручейку.

5

На дне ущелья корабль провел весь остаток ночи. Сквозь большие квадратные двери, разгерметизированные и распахнутые настежь, по каютам и переходам растекалась прохладная, лучистая, животворная забортная вода — и с нею

непоседы-бактерии, свежая пища.

У дверей Лавон на всякий случай поставил часовых, но за всю ночь никакие враги не приблизились к ним — ни любопытства ради, ни в надежде поохотиться. Очевидно, и здесь, на пороге пространства, высокоорганизованные существа в темное время суток предпочитали покой.

Однако с первыми лучами утренней зари, пронизавшими воду, начались неприятности.

Откуда ни возьмись, явилось пучеглазое чудище. Зеленое, с двумя клешнями, каждая из которых без труда перекусила бы судно пополам, как волоконце спирогиры. Его черные сферические глаза сидели на коротких стебельках, а длинные щупальца были толще, чем стволы самых старых растений. Чудище пробежало мимо, свирепо брыкаясь, и вовсе не удостоило корабль вниманием.

— Это что, образец местной фауны? — боязливым шепотом осведомился Лавон. — Они здесь все такие огромные?

Никто не ответил ему по той простой причине, что никто не знал ответа.

Спустя какое-то время Лавон рискнул повести корабль против течения, небыстрого, но

упорного. И тут им встретились исполинские извивающиеся черви. Один из них ненароком нанес по корпусу тяжелый удар, а сам поплыл дальше как ни в чем не бывало.

— Они даже не замечают нас, — посетовал Шар. — Мы для них слишком малы, Лавон. Древние предупреждали нас, что пространство необъятно, но, даже увидев его воочию, этого не постигнешь. И все эти звезды — могут ли они означать то, что, по-моему, означают? Немыслимо, невероятно!..

— Дно поднимается, — перебил Лавон, пристально глядя вперед. — Склоны ущелья раздвигаются, вода становится солоноватой. Придется звездам подождать, Шар. Мы подходим к вратам нашего нового мира…

Шар недовольно умолк. Представления о структуре пространства беспокоили его, и, кажется, серьезно. Он почти перестал обращать внимание на великие события, свершающиеся у него на глазах, и мучительно увяз в каких-то потаенных раздумьях. Лавон почти физически ощутил, как ширится между ними былая пропасть.

Поток заметно мелел. Лавону не доводилось слышать о законах дельтообразования — его родную вселенную не покидал ни один ручеек, — и

непонятное явление вызывало у него тревогу. Но все тревоги отступили перед чувством радостного изумления, как только корабль перевалил мель.

Впереди, насколько хватал глаз, дно понижалось и понижалось, скрываясь в блистающей глубине. Над головами вновь нависло настоящее небо, а сразу под ним Лавон различил мирно дрейфующие плотики планктона. Почти сразу же он опознал и некоторые мелкие виды простейших — иные из них уже набрались дерзости подплыть к кораблю вплотную…

И тут из полумрака глубин показалась женщина. Лицо ее было искажено расстоянием и страхом, и поначалу она словно и не замечала корабля. Она стремительно рассекала воду, то и дело оборачиваясь, и думала, видимо, только об одном: как можно скорее перебросить тело через наносы в дельте и отдаться на волю дикого потока.

Лавон был озадачен. Нет, не тем, что здесь жили люди — на это он искренне надеялся, даже, по правде сказать, был внутренне уверен в том, что люди живут повсюду во вселенной, — а тем, что женщина столь целеустремленно ищет гибели.

— Что за черт!..

Потом до его слуха донеслось смутное жужжа-

ние, и он все понял.

— Шар! Фан! Стравол! — закричал он. — Берите луки и копья! Вышибайте окна!

С силой занеся ногу, он пнул в иллюминатор перед собой. Кто-то сунул ему в руку самострел.

— Что такое? — опомнился Шар. — В чем дело? Что случилось?

— Всееды!

Боевой клич пронесся по всему кораблю подобно раскату грома. В родном мире Лавона коловратки были практически истреблены, но каждый знал на память трудную историю долгой борьбы, которую вели с ними люди и их союзники.

Внезапно женщина увидела корабль и замерла, объятая отчаянием при виде нового чудовища. По инерции ее занесло и перевернуло, а она то не сводила глаз с корабля, то оборачивалась через плечо во тьму. Жужжание, доносившееся оттуда, становилось громче и громче.

— Не мешкай! — звал Лавон. — Сюда, сюда! Мы друзья! Мы поможем тебе!..

Три полупрозрачных раструба хищной плоти приподнялись над склоном, густая поросль ресничек на их венцах издавала жадный гул. Дикраны! Они забрались в свои гибкие кольчуги

и уверены в собственной неуязвимости… Лавон старательно взвел самострел, поднял его к плечу и выстрелил. Стрела, пропев, вонзилась в воду, но быстро потеряла силу, и случайное течение отнесло ее гораздо ближе к женщине, чем к всееду, в которого целился Лавон.

Незадачливый стрелок прикусил губу, опустил оружие, снова взвел его. Он явно недооценил расстояние, придется повременить. Еще одна стрела рассекла воду, по-видимому, из бортового иллюминатора; тогда Лавон отдал приказ прекратить пальбу.

— Пока, — добавил он, — не станут различимы их глазные пятна.

Появление коловраток вблизи заставило женщину решиться. Неподвижное деревянное чудовище, пусть невиданное, по крайней мере, ничем ей не угрожало, а что такое три дикрана, следующие по пятам и пекущиеся лишь о том, чтобы вырвать друг у друга самый крупный кусок добычи, она знала слишком хорошо. Мгновение — и женщина устремилась к иллюминатору. Три все-еда взревели от бешенства и алчности и бросились вдогонку.

Вероятно, она все же не сумела бы оторваться от них, если бы в последний момент притуп-

лённое зрение плывущего впереди дикрана не уловило контуров деревянного судна. Дикран затормозил, жужжа, два остальных кинулись в стороны, чтобы избежать столкновения. И Лавон, воспользовавшись замешательством, проткнул ближайшего всееда стрелой навылет. Уцелевшие тут же схватились не на жизнь, а на смерть за право пожрать своего сородича.

— Фан, возьми отряд и заколи обоих, покуда они поглощены дракой, — распорядился Лавон. — Похоже, этот мир нуждается в небольшом переустройстве…

Женщина проскользнула в иллюминатор и распласталась у дальней стены, трясясь от страха. Лавон попытался подойти к ней, но она молниеносно выхватила откуда-то осколок хары, заостренный как игла. Одежды на ней не было никакой, и оставалось неясным, где же она прятала оружие, — однако вид у нее был решительный, и действовать кинжалом она, без сомнения, умела. Лавон отступил и сел на табурет возле пульта, дав ей время свыкнуться с рубкой, Шаром, другими пилотами, бесчувственным Пара — и с собой.

Наконец она выговорила:

— Вы… боги… пришедшие из-за неба?..

— Мы пришли из-за неба, это верно, — ответил

Лавон. — Но мы не боги. Мы люди, такие же, как ты. Много ли вас здесь?

Женщина, хоть и дикарка, освоилась на удивление быстро. У Лавона возникло странное, немыслимое подозрение, что он уже когда-то встречался с ней — не то чтобы с ней именно, но с такой же высокой, обманчиво беспечной рыжеватой блондинкой; разумеется, то была женщина из другого мира, и все же…

Она засунула нож обратно в глубь своих светлых спутанных волос — ага, отметил Лавон не без смущения, вот трюк, про который не стоит забывать, — и покачала головой:

— Нас мало. Всееды повсюду. Скоро они прикончат последних из нас…

Ее фатализм был столь неколебимым, что казалось — подобная судьба ее вовсе не заботит.

— И вы не пробовали объединиться против них? Не искали союзников?

— Союзников? — Она пожала плечами. — Все вокруг беззащитны против всеедов. У нас нет оружия, убивающего на расстоянии, как ваше. И даже оно уже не спасет нас. Нас слишком мало, всеедов слишком много.

Лавон выразительно покачал головой.

— У вас есть оружие. Единственно ценное

оружие. И всегда было. Против этого оружия бессильны легионы всеедов. Мы покажем вам, как им пользоваться, и, может статься, у вас это получится еще лучше, чем у нас. Только попробуйте…

Женщина опять пожала плечами.

— Мы всегда мечтали о подобном оружии, но так и не нашли его. А вы не обманываете? Что это за оружие?

— Разум, конечно, — ответил Лавон. — Не один отдельно взятый ум, а коллективный разум. Много умов вместе. Умы во взаимодействии.

— Лавон говорит правду, — вдруг донесся голос с палубы.

Пара чуть-чуть шевельнулся. Женщина уставилась на него широко раскрытыми глазами. Тот факт, что Пара заговорил человеческим языком, произвел на нее впечатление куда большее, чем корабль со всем экипажем.

— Всеедов можно победить, — продолжал слабенький, слегка картавый голос — Наши сородичи в этом мире помогут вам, как мы помогли людям там, откуда прибыл наш корабль. Мы выступали против путешествия в пространство, мы отобрали у людей важные записи, но люди совершили это путешествие и без записей. Больше мы никогда не станем возражать людям. Мы уже

побеседовали со своими близкими в этом мире и сообщили им главное: что бы ни задумали люди, они добьются своего независимо от нашей воли.

Шар, твои металлические записи здесь. Они спрятаны в самом корабле. Мои братья покажут тебе — где.

Данный организм умирает. Он умирает во всеоружии знаний, как и подобает разумному существу. Этому тоже научили нас люди. Нет ничего… неподвластного знаниям. С их помощью… люди пересекли… пересекли пространство.

Голос угас. Поблескивающая туфелька внешне не изменилась, однако что-то внутри нее потухло безвозвратно. Лавон посмотрел на женщину, их взгляды встретились. Он ощутил непривычную, необъяснимую теплоту.

— Мы пересекли пространство, — тихо повторил он.

Шар произнес шепотом, слова пришли к Лавону будто издалека:

— Неужели правда?..

Лавон все глядел на женщину. Шару он не ответил. Вопрос мудреца, казалось, утратил всякий смысл.

Водораздел

1

Капитан Горбал, как человек военный, называл шепот недовольства среди команды РКК «Неоспоримый» нелояльностью. А недовольство достигло уровня, когда игнорировать его стало невозможно, задолго до того, как расстояние до цели полета стало меньше пятидесяти световых лет.

Раньше или позже, но проклятый морж пронюхает о настроении команды.

Капитан не знал: будет ли рад либо наоборот — сердит, когда это произойдет, и адаптант узнает о сложившейся ситуации. Хотя ситуация упростится. Но момент будет очень неприятным и щекотливым как для Хоккеа, так и для всей команды. Да и для самого Горбала. Может, лучше сидеть на клапане безопасности, пока альтаирцев не высадят на… как эта планета называется… опять забыл… Да, на Землю.

Но команда, похоже, не позволит капитану долго оттягивать решение.

Что касается Хоккеа, то в его мозгу явно не имелось центра, который позволил бы заметить

то, что заметил бы всякий. Эмоциональный оттенок недружелюбия причинял ему лишь мелкие неудобства, как и слишком разреженная атмосфера на борту ригелианского линкора. Облаченный для безопасности в мягкую тонкую оболочку, большую часть корабельного дня адаптант проводил в оранжерее, наблюдая, как впереди по курсу увеличивается звезда, называемая Сол.

И он разговаривал. Боги всех звезд! Какой это был болтливый пассажир! Капитан Горбал успел узнать об истории самого древнего этапа программы звездного посева больше, чем хотел знать. Но как ни увиливай, его ждали новые массивы информации. К тому же программа «Семя» не была единственной любимой темой Хоккеа. Делегат Колонизационного Совета получил образование вертикальной ориентации. Какой контраст с образованием самого Горбала, знания которого по горизонтали располагались по курсу космических полетов, но даже мимолетно не касались других предметов!

Похоже, Хоккеа решил заняться расширением познаний капитана Горбала, не спрашивая, желает ли капитан их расширить.

— Например, сельское хозяйство, — говорил адаптант в этот момент. — Планета, которую

мы собираемся засеять — отличный пример, показывающий необходимость дальновидной сельскохозяйственной политики. Раньше там имелись джунгли, и планета была плодородна. Люди начали заселять ее, будучи фермерами. Они широко использовали огонь, и огнем же и погубили себя.

— Каким образом? — рефлекторно спросил Горбал. Сохранять молчание не имело смысла. Хоккеа все равно не остановится. А быть невежливым с членом Колонизационного Совета — дело невыгодное.

— Из предыстории этой планеты: еще за пятнадцать тысяч лет от момента «ноль» участки для земледелия расчищались с помощью огня. Потом сажали какие-то однолетние растения типа кукурузы или зерна, снимали урожай и позволяли джунглям вернуться на прежнее место. Потом их снова выжигали, и цикл повторялся. Так хозяйствуя, они уничтожили большую часть дичи на Земле.

Но учли ли они свои ошибки? Нет. Даже после начала космических полетов такой тип земледелия остался обычным для районов джунглей. Хотя кое-где уже проглядывала голая скала.

Хоккеа печально вздохнул.

— Теперь там, конечно, больше нет джунглей, нет морей. Ничего нет! Ничего, кроме пустыни, голого камня, ледяной и разреженной атмосферы. Во всяком случае, такой бы увидели Землю люди, если бы снова на ней оказались. И виной, конечно, не только способ ведения хозяйства методом «выжженной земли».

Горбал украдкой бросил взгляд на ссутулившего спину лейтенанта Авердора, его адъютанта и навигатора. Авердор ухитрился за все время полета ни единым словом не обратиться ни к Хоккеа, ни к любому другому пантропологу. Он, конечно, и не должен взваливать на себя тяжесть дипломатии, которую тяжким крестом нес Горбал. Но все равно напряжение, которое требовалось для искусного уклонения от любых контактов с моржом, историком сельского хозяйства Земли, начало сказываться.

Рано или поздно Авердор непременно взорвется. И виноват в этом будет он сам, только пострадают, и это ясно, все находящиеся на борту, а это печально.

Включая Горбала, который потеряет первоклассного навигатора и помощника.

Но приказать Авердору разговаривать с Хоккеа Горбал тоже не мог: это вне пределов его власти.

Он мог только намекнуть Авердору, что для блага всего экипажа следует уделять внимание хотя бы некоторым механическим формулам вежливости. Единственная реакция адъютанта — самый каменный, упрямый взгляд. Раньше капитан не замечал такого у Авердора, с которым летал уже тридцать галактических лет.

И самое худшее, что Горбал как человек был на стороне Авердора.

— Через определенное количество лет, — захлебываясь от самодовольства, вещал Хоккеа, — условия на любой планете меняются, на ЛЮБОЙ планете. — Он помахал ластообразными руками, заключая в дугу все светлые точки далеких миров, сиявших за стенами оранжерей. Он опять садился на любимого конька — идею звездного сева. — И совершенно логично предположить, что вместе с планетами должен изменяться человек. Или, если он не в состоянии измениться сам, то должен переселиться в другую среду обитания. Допустим, были колонизированы планеты с условиями, похожими на земные. Но даже эти планеты не ВЕЧНО будут оставаться землеподобными. В биологическом смысле.

— Но почему мы должны ограничивать себя только землеподобными мирами? — спросил

Горбал. — Я лично мало что знаю о планете, к которой мы приближаемся, но по описанию место далеко от оптимального.

— Конечно, наверняка, — сказал Хоккеа, и как всегда Горбал не понял, с каким конкретно местом его фразы соглашается пантрополог. — С точки зрения выживания нет никакого смысла навечно приговаривать расу к одному месту. Разумнее продолжать эволюционировать вместе со Вселенной, чтобы сохранить независимость от таких неприятных и неудобных процессов, как дряхление и умирание миров, взрывы новых и сверхновых звезд… И взгляните на результаты! Человек теперь существует в таком разнообразии обличий, что в случае необходимости всегда есть возможность подобрать место, где могут укрыться несчастные, потерпевшие катастрофу. Это великолепное достижение, и что в сравнении с ним давний спор о целостности и первичности формы?

— Да, в самом деле, — сказал Горбал, но в глубине его сознания второе «я» твердило: «Он в конце концов почуял враждебное отношение! Чертов адаптант, ты борешься за равноправие с первоначальной формой человека. Напрасно, моржовый ты бюрократишка. Можешь спорить

до скончания веков или своей жизни, но когда ты рассуждаешь вслух, то усищи твои болтаются, и всегда будут болтаться! И совершенно очевидно, рассуждать ты никогда не перестанешь…»

— И будучи военным, вы первым оцените военные преимущества, капитан, — добавил честный Хоккеа. — Используя технологию пантрогенетики, человек захватил в сферу своего влияния массу планет, доселе ему недоступных. Это чрезвычайно увеличило наши шансы стать повелителями Галактики. Занять большую ее часть, причем не отбирая ни одну планету силой. Оккупация без насилия, без лишения законного хозяина его собственности — и к тому же безо всякого кровопролития. Но если какая-то раса вдруг обнаружит имперские амбиции и попытается отобрать у нас одну из планет, то окажется, что мы численно превосходим ее в громадное число раз.

— Это верно, — согласился Горбал, помимо своей воли заинтересовавшись рассуждениями адаптанта. — И нам повезло, что мы первыми придумали пантропологию. Как же это получилось? Мне кажется, что первой расой, придумавшей пантропологию, должен быть народ, такой способностью изначально обладавший… Вы по-

нимаете, о чем я?

— Не совсем, капитан. Если вы приведете мне пример…

— Однажды мы исследовали планету, где когда-то обитала раса, причем сразу на двух планетах — но не одновременно, — сказал Горбал. — Их жизненный цикл составляли две фазы. В первой они зимовали на внутренней планете. Потом их тела трансформировались, и они, в чем мать родила, пересекали космическое пространство. Без кораблей. И остальную часть года проводили на своей основной, внешней планете. В новой форме. Потом опять следовали трансформация в первую фазу, переселение и зимовка на более теплой планете. Это трудно описать. Но самое интересное в том, что эту способность они не вырабатывали, она была у них с самого начала. Они так эволюционировали. — Он снова посмотрел на Авердора. — Навигация в том секторе была хитрым делом, особенно когда они начинали собираться в рой.

Но Авердор на приманку не клюнул.

— Я понимаю — это хороший пример, — сказал Хоккеа, кивая с преувеличенной гротескной задумчивостью. — Но позвольте вам заметить, капитан, что если раса обладает какой-то спо-

собностью, она может и не задумываться над необходимостью эту способность совершенствовать. Да, я знаком с расами вроде той, что вы описали: полиморфные расы с сексуальными альтерациями поколений, метаморфозами наподобие жизненных циклов насекомых. Есть одна планета под названием Лития, примерно в сорока световых годах отсюда, где разумная раса подвергается полному повторению эволюционных форм ПОСЛЕ рождения особи, а не ДО, как у людей. Но почему эти расы должны считать трансформацию форм чем-то насущно необходимым и стремиться к ее совершенствованию? Ведь это всего лишь рядовой факт из их жизни, не более.

В оранжерее послышался тихий звон. Хоккеа тут же поднялся. Он двигался с точной грациозностью, несмотря на внушительную плотность тела, напоминающего тело моржа или морского котика.

— День истек, — жизнерадостно заключил он. — Благодарю за честь, капитан.

Переваливаясь, он направился прочь. Завтра, естественно, он снова будет на старом месте.

И на следующий день.

И через день тоже. Если только экипаж не вы-

валяет их всех в смоле и перьях.

Если бы только, расстроено размышлял капитан, эти чертовы адаптанты так не спешили злоупотреблять своими правами. Будучи делегатом Колонизационного Совета, Хоккеа был важной персоной. Ему нельзя было запретить посещение оранжереи, если не считать моментов аварии или чрезвычайного положения. Но неужели он не понимает, что нельзя ежедневно пользоваться привилегиями на корабле, где экипаж состоит из людей базовой формы? А они в большинстве своем не могут побывать в оранжерее без специального на то приказа капитана.

И остальные пантропологи не лучше руководителя. В качестве пассажиров со статусом людей они могли свободно передвигаться по кораблю. И так и поступали, держа себя наравне с командой. С точки зрения закона все было правильно, но разве они не имели понятия о такой вещи, как предрассудки? И о том, что среди рядовых космонавтов предрассудки по отношению к адаптантам балансируют на грани фанатизма?

Послышалось слабое гудение: энергокресло Авердора развернулось, и теперь навигатор сидел лицом к Горбалу. Как и большинство ригелианцев, он обладал продолговатым худым лицом,

словно у религиозного фанатика древности, с резкими угловатыми чертами. Звездный свет в оранжерее нисколько их не смягчал. Но теперь капитану в чертах Авердора виделось что-то отталкивающее.

— Итак? — спросил он.

— Думаю, что этот урод по горло вам надоел, — без преамбул начал Авердор. — Что-то надо делать, капитан, пока команда не распустилась до того, что придется сажать людей в карцер.

— Я не люблю всезнаек так же, как и вы, лейтенант, — мрачно сказал Горбал. — Особенно, когда они несут чепуху. А половина его рассуждений о космических полетах — сущая чепуха. В этом-то я уверен. Но он делегат Совета, и имеет право приходить сюда, когда захочет.

— Когда объявлена тревога, в оранжерею не пускают даже офицеров.

— Я не вижу причин объявлять состояние тревоги, — сухо заявил Горбал.

— Мы в опасном секторе Галактики. Во всяком случае, потенциально опасном. Сюда не заглядывали уже тысячи лет. У звезды, к которой мы направляемся, девять планет, а еще масса спутников всевозможных размеров. Допустим, на одном из них кто-то вдруг потеряет голову и,

неровен час, пальнет в нас ракетой.

Горбал нахмурился.

— Это натяжка. Тем более недавно этот сектор прочесывался. Иначе нас бы здесь не было.

— Поверхностная работа эти прочесывания. К тому же предосторожность никогда не помешает. И очень рискованно иметь адаптанта, существо второго сорта, в оранжерее, когда вдруг начнется атака.

— Все это чепуха.

— Черт побери, капитан, неужели вы разучились читать между строк? — хрипло произнес Авердор. — Я так же хорошо, как и вы, понимаю, что никакие опасности нам здесь не грозят. И если что-то случится, мы всегда справимся с неприятностями. Я просто пытаюсь подсказать вам предлог, как приструнить этих моржей.

— Я слушаю.

— Отлично. «Неоспоримый» — образцовый корабль ригелианского флота. Наша команда — почти легенда, наш послужной список кристально чист. Мы не можем портить парням биографию из-за глупых предрассудков, пусть даже их собственных. А до этого дойдет, если моржи вынудят парней забыть дисциплину. К тому же экипаж имеет право выполнять работу,

не оглядываясь на усатые рыла моржей, которые не перестают заглядывать им через плечо.

— Возможно, придется все это объяснить Хоккеа.

— Не придется, — сказал Авердор. — Вместо этого вы можете просто объявить, что корабль до посадки переходит на чрезвычайное положение. Это означает, что пантропологи как пассажиры будут обязаны оставаться в своих каютах. Все очень просто.

Да, все было довольно просто и весьма соблазнительно.

— Все-таки мне это не нравится, — сказал Горбал. — К тому же, пусть Хоккеа не всезнайка, но он и не полный идиот. Он довольно быстро раскусит мотивы.

Авердор пожал плечами.

— Команда в наших руках, — вздохнул он. — Но я не понимаю, что он сможет предпринять, если и поймет, что его провели. Все будет соответствовать инструкциям и занесено в бортовой журнал. И Совету он сможет изложить только свои подозрения. А они их, скорее всего, не примут во внимание. Все знают, что типы второго класса склонны подозревать всех в расовом преследовании. У меня есть теория: их и в самом

деле преследуют, потому что они на это напрашиваются.

— Не понимаю.

— Человек, под командой которого я служил до того, как попал на «Неоспоримый», — вспомнил Авердор, — был один из тех людей, что не доверяют даже себе. Они от каждого ждут ножа в спину. И всегда находятся люди, которые считают чуть ли не делом чести ткнуть их ножом. Потому что они сами на это напрашиваются. Капитаном он долго не продержался.

— Теперь понимаю, — решил Горбал. — Что ж, я все обдумаю.

2

Во время следующего корабельного дня, когда Хоккеа вернулся в оранжерею, Горбал все еще не принял определенного решения. Факт, что все его чувства были на стороне Авердора и команды, не облегчал положения, лишь вызывал подозрения к «легкому» выходу, предложенному адъютантом. План был достаточно соблазнительным, и капитан не смог сразу же отыскать в нем изъяна. Возможно, ошибка ускользала именно из-за простоты.

Адаптант устроился поудобнее и принялся

сквозь прозрачный металл стены рассматривать окружающее корабль пространство.

— О, — сказал он, наконец, — наша цель заметно увеличилась в размерах. Не правда ли, капитан? Подумать только, через несколько дней мы окажемся в историческом смысле дома!

Опять загадки!

— Что вы подразумеваете под словом «дома»? — спросил Горбал.

— Простите, я думал, вы знаете. Земля — родная планета человечества, его, так сказать, колыбель. Отсюда началась волна звездного посева. Здесь эволюционировала базовая форма, к которой принадлежите вы, капитан.

Горбал молча обдумывал эту неожиданную новость. Допустим, что информация верна. Скорее всего, так оно и есть: Хоккеа должен знать подобные вещи о планете, к которой направлялся. Ситуации это не меняло. Но Хоккеа выдал эти сведения именно сейчас явно не без причины. Но ничего, скоро и причина объявится. Лаконичными альтаирцев еще никто не называл.

Тем не менее капитан решил, что нужно включить экран и рассмотреть планету с увеличением. До этого момента он не испытывал к ней никакого интереса.

— Да, именно здесь все и началось, — сказал Хоккеа. — Конечно, они не сразу поняли, что вместо изменения окружающей среды можно производить адаптированных детей. Но, в конечном счете, поняли, что перенос собственной среды обитания вместе с собой — в виде скафандров или куполов — не поможет эффективно колонизировать планеты. Нельзя всю жизнь провести в скафандре или под куполом.

Кроме того, неприятности с формами тела земляне испытывали с самого начала. По непонятным причинам некоторые очень щепетильно относились к малейшим отличиям в цвете кожи, форме черт лица, даже образе мышления. Режим сменялся режимом, и каждый пытался навязать стандартному гражданину свои собственные эталоны и поработить тех, кто не вмещается в прокрустово ложе рамок.

Внезапно Горбал почувствовал себя не в своей тарелке. Он уже не осуждал Авердора, который попросту игнорировал присутствие адаптантов.

— Только после того, как они ценой ошибок и страданий пришли к толерантности в отношениях между расами, им удалось перейти к пантропологии, — сказал Хоккеа. — Это было логично. Конечно, некоторая последовательность

форм поддерживалась и поддерживается до сегодняшнего дня. Нельзя полностью изменить форму тела, не изменяя при этом и процесс мышления. Если придать человеку форму таракана, то он в конце концов, как предсказывал древний писатель, и думать начнет, как таракан. А не как человеческое существо. Мы приняли это условие во внимание. И на планетах, где требуется кардинальная трансформация, например на газовых гигантах, сеяние даже не испытывалось. Совет считает, что эти планеты — потенциальная собственность других рас — негуманоидных, прототипам которых не придется подвергаться значительной трансформации, чтобы выжить в новых условиях.

Капитан Горбал начал смутно понимать, к чему клонит Хоккеа. И то, что он понял, ему не понравилось. Человек-морж своими безумно раздражающими намеками защищал свое право быть равным с людьми формы-прототипа не только по закону, но и фактически. Но оспаривал он это право во Вселенной фактов, весомость которых знал и мог судить только сам. Короче, он наливал свинцом игральные кости, и последние резервы терпимости капитана Горбала обращались в пар.

— Было, конечно, и немалое сопротивление, — продолжал Хоккеа. — Те, кто лишь недавно научились думать, что цветные люди: негры, индейцы — такие же люди, как и все остальные, стали презрительно относиться к адаптантам, как к существам второго сорта. Первым сортом считался тип, первоначально живший на Земле. Но на Земле еще в древности возникла идея, что истинно человеческое обитает в сознании, а не в формах тела. Понимаете, капитан, все это можно предотвратить, если изменение формы, даже частичное, не считать уменьшением или ухудшением самой сущности человека, как такового. И сейчас приходит день, величайший день в истории всех водоразделов человечества, когда самые разные отношения друг к другу должны соединиться в единый резервуар братства. Мы с вами счастливчики — мы вышли на сцену в тот миг, когда он ярко светит.

— Очень интересно, — холодно сказал Горбал. — Но все это произошло очень давно, а в наше время этот сектор Галактики оказался малоисследованным и пустынным. При этих обстоятельствах, с которыми вы можете познакомиться в документальной форме в журнале, я вынужден, начиная с завтрашнего дня, ввести

на корабле чрезвычайное положение. Оно будет продолжаться до момента нашей посадки. Боюсь, что теперь вы, пассажиры, будете вынуждены строго соблюдать распорядок чрезвычайного положения и не покидать своих кают.

Повернувшись, Хоккеа поднялся, и его теплые улыбчивые глаза потеряли всю веселость.

— Я прекрасно понимаю, что все это означает, — сказал он. — И в какой-то мере понимаю необходимость. Хотя я надеялся увидеть из космоса планету наших предков. Но я не ожидаю, что ВЫ полностью поймете МЕНЯ, капитан. Моральный водораздел, о котором я говорил, еще не принадлежит прошлому. Он существует и сейчас. Он возник в то время, когда Земля перестала быть пригодной для обитания типа-первоосновы, для так называемого первочеловеческого типа. И поток ручейков, стремящихся к общему морю, будет становиться все сильнее с каждым днем, когда по всей Галактике разнесется весть, что сама Земля заново заселена адаптантами. И с этой новостью прокатится ударная волна — волна осознания, что «прототип» уже давно превратился в горстку, меньшинство среди массы других, более многочисленных, более значительных типов людей, несмотря на все высокомерие первотипа.

«Неужели этот Хоккеа настолько глуп, что угрожает… Этот невооруженный комичный моржечеловек угрожает капитану «Неоспоримого»? Или…»

— Прежде, чем я уйду, хочу задать вам один вопрос, капитан. Там, внизу, ваша прародина, и вскоре туда отправимся мы, моя бригада. Осмелитесь ли вы последовать за нами, покинуть корабль?

— Но зачем мне это? — спросил Горбал.

— Как же? Чтобы доказать превосходство формы-прототипа, капитан, — тихо сказал Хоккеа. — Вы ведь не можете согласиться с тем, что кучка людей-моржей превосходит вас на поверхности вашей собственной планеты? Вашей прародины?!

Он вежливо поклонился и направился к двери. На пороге повернулся и внимательно посмотрел на Горбала и лейтенанта Авердора, который смотрел на него с выражением ненависти.

— Или же… вы согласны? — спросил Хоккеа. — Интересно будет посмотреть, как вы приспособитесь, когда осознаете себя в роли меньшинства, какое найдете утешение. Боюсь, что у вас пока маловато практики.

Он вышел. Оба — Горбал и Авердор — рывком

повернулись к экрану. Горбал включил электронный усилитель изображения. Он подрегулировал четкость и яркость красок.

Когда сменный офицер пришел в каюту, капитан и лейтенант все еще смотрели на экран — на просторы пустынь, покрывавших Землю. Слов они не находили.

КОЗЫРНОЙ ВАЛЕТ

Посвящаю Генри Катнеру

...и с благодарностью предлагаю вниманию Гарри Уорнера Младшего, предоставившего мне ценный исследовательский материал

«...Время, когда опыт приобретается с истинной свежестью восприятия,... состоит из ряда следующих друг за другом смутных воспоминаний, достигающих наибольшей яркости в наступающем и развертывающемся настоящем... Неотъемлемой частью этого наступающего и развертывающегося настоящего является ожидание будущего, безотносительно к тому, что оно несет... Если кто-то сумеет придумать способ для изображения течения времени, в котором воплотится та выдающаяся идея, что в нашем мышлении зарождающееся настоящее содержит начало полного разрыва с прошлым, он, возможно, изменит будущее направление мышления».

П.У.Бриджмен, «Сущность физической теории».

Глава 1
Шепот из-под земли

Дэнни Кейден был совершенно уверен, что у него все в полном порядке. Начиная с внешности. Дэнни был золотистым блондином, под два метра ростом, с открытым улыбчивым лицом.

Он работал в газете, посвященной проблемам пищевой промышленности, и возглавлял отдел, описывающий разнообразные способы упаковки продуктов. Денег на жизнь хватало, а в свободное от работы время Дэнни писал стихи и поэмы. Нашелся даже один поклонник его таланта — прямо здесь же, в редакции. Дэнни отдавал себе отчет, что его поэзия не верх совершенства, однако она служила хорошим утешением в плохие дни. Плохие дни наступали, если Дэнни позволял себя ядовитый выпад по поводу какого-нибудь не слишком аппетитного яства. Тогда главу отдела упаковки вызывал на ковер главный редактор Генри Молл.

Вечером Дэнни выпивал пару бутылок пива, прежде чем вернуться в свой закуток на 13 авеню и, мечтая о субботе и воскресенье, засыпал до

следующего утра.

«Со мной все в порядке!» — думал Дэнни. Он лежал на кровати, освещенной желтым светом лампы, лежал без сна в три часа ночи, размышляя о своих видениях.

Снова и снова он повторял одно слово. Он был абсолютно уверен, что никогда не слышал и не читал его прежде. Но это было единственное слово, за которое можно было зацепиться. Ведь на самом деле, то что он недавно слышал, с большой натяжкой можно было назвать голосами: не существовало никого, кому эти голоса могли принадлежать. Нет, не голоса, скорее, просто звуки.

Звуки, которые он слышал дважды: один раз у себя в голове, другой раз извне. Он как раз вышел из «Чайлдса» после ланча и направился в редакцию. Он шел не торопясь, думая о всякой чепухе: нужно не забыть забрать костюм из чистки, неплохо бы вздремнуть часок после ланча. Он вспомнил, что как раз гадал, подтвердит или нет служащий из ассоциации производителей апельсинов тот идиотский репортаж, который пришел от корреспондента «Фуд хрониклер» из Флориды, и пропустит ли Молл его заголовок к статье о кампании за качество хлеба. Как только он повернул за угол, кто-то вскрикнул. Пронзи-

тельный визг тормозов. Металлический скрежет. Удар был внезапным и резким, как будто грузовик на полном ходу врезался в здание. Затем наступила тишина.

А потом послышались крики, монотонный гул, и… снова крики со всех сторон, вопли, которые невыносимо резали слух. Люди вокруг побежали. Дэнни резко остановился и прислонился спиной к холодной стене здания. Месяц назад — или около того — он огибал тот же самый угол и слышал те же самые звуки. Тогда он побежал. Но не обнаружил ничего такого, что заставляет людей бросить все и бежать сломя голову — ни автокатастрофы, ни массы пострадавших — ничего и никого.

Поэтому на этот раз он боялся завернуть за угол. Тот случай, когда ему все это померещилось, почти забылся, но сегодня Дэнни опять вспомнил о нем. Это было не дежа вю — мгновенное «узнавание» места или события, в действительности никогда им не виденных. Дэнни мог точно назвать место и время, когда он впервые услышал звуки автокатастрофы.

Вот почему он боялся: он не был уверен, что и на этот раз то, что он слышит, реально. Трудно было поверить, что его твердый и в общем-то трезвый разум так подвел его в первый раз, а

сразу две таких иллюзии могли бы сбить с толку даже самого флегматичного человека.

Люди по-прежнему бежали мимо Дэнни. Он не мог вспомнить, *видел* ли он кого-нибудь в прошлый раз или только слышал топот бегущих ног. Однако что-то действительно случилось. Чувствуя, как съеденные на ланч жареные устрицы запрыгали у него в животе, он повернул за угол.

Все верно, автокатастрофа. Такси столкнулось с рейсовым автобусом, и бензобак одного из автомобилей — трудно сказать какого — взорвался. На перекрестке полыхал погребальный костер. Обугленные тела корчились, горящие люди кричали и стонали. Постепенно собиралась толпа. Люди тихо переговаривались в замешательстве, но старались держаться подальше от горящих автомобилей.

Дэнни, чувствуя тошноту, обогнул это место и, спотыкаясь, побрел в редакцию. Он проехал на лифте свой этаж и до конца дня у него все валилось из рук.

Молл дважды накричал на него, поскольку не терпел бездельников. К тому же Дэнни продул партию в шахматы, предложенную новеньким из машинописного бюро. Он ушел с работы на десять минут раньше, а после так нагрузился

пивом, что снова пришел в веселое расположение духа.

Но сейчас в три часа ночи Дэнни был трезв и, лежа при свете зажженной лампы, задумчиво шевелил пальцами ног. Для него это столкновение случилось дважды. Что-то заставило его услышать автокатастрофу еще до того, как она произошла.

Сейчас он пришел к мысли, что его мозг сыграл с ним какую-то шутку, — если это была шутка, а не что-нибудь похуже. Он подумал о своем необычном даре, которому не находил объяснения и до сего времени мало придавал значения. Это была своего рода способность предвидения: то, что он всегда называл «поисковый трюк».

Он обладал им давно, сколько себя помнил, и не было случая, чтобы этот дар его подвел. Последний случай, когда пришлось убедиться, что он его не утратил, произошел в середине зимы. Билл Эмерс, пьяный в стельку, позвонил ему из Банфа, требуя сказать, куда он засунул банку с мазью для лыж.

Не задумываясь, Дэнни произнес: «Ты положил ее за обшивку, в правом углу, но она оттуда вывалилась и упала в угольное ведро». И мазь действительно там оказалась. Положив труб-

ку, Дэнни представил, как Эмерс, найдя банку, гоготал вместе с друзьями. Но самому ему уже надоели эти поисковые трюки, надоело все время убеждаться, что он обладает этим даром, развлекая заскучавших гостей на каких-нибудь случайных вечеринках. Он никогда не бывал в Банфе, а тем более в доме привратника, где иногда останавливался Билл Эмерс; более того, он ничего не знал о лыжах, и вообще не любил снег и холод. Он ответил не задумываясь, как всегда, когда к нему обращались с просьбой найти потерянную вещь.

И он не ошибся ни разу.

Так было и на этот раз. Он не верил в сверхъестественное; он даже не склонен был верить в существование Бога, не то что призраков. Но сейчас наконец надо признать, что с ним творится что-то неладное: он слышит какие-то пророческие голоса и способен определить местонахождение предметов на расстоянии…

Что же это? Он обладает чувствительностью — некоей особой способностью предсказывать наступление событий, таких, как автомобильная авария или потеря каких-нибудь предметов, вроде мази для лыж? Ежедневные газеты часто печатают заметки о людях, отличающихся сверхъ-

естественными способностями: о светящихся в темноте женщинах, девушках-лунатичках, которые во сне вылезали из окон и разгуливали по карнизам, мальчиках, притягивающих струи воды, языки огня, а то и потоки таинственных камней. Как газетный работник низкого ранга Дэнни и сам писал подобные репортажи.

Дэнни приподнялся на локте и потянулся за сигаретой. Возможно, это глупо, но он не может позволить, чтобы такое с ним происходило. Слишком это действует на нервы. И может быть, существует возможность взять под контроль и использовать по собственному желанию эту особую способность отгадывать, причем не только *где* находятся потерянные вещи, но и *когда* они туда попали.

Не требовалось слишком большого воображения, чтобы представить способы использования способности предсказания. Сейчас пришло время выяснить, чем он обладает и почему.

И выяснить как можно скорее, если он хочет сохранить здравый рассудок. Дэнни опять задал себе вопрос: все ли в порядке у него с головой; ведь странные звуки могут быть первыми симптомами болезни, и в действительности могут относиться не к внешним событиям, а

свидетельствовать о нарушениях памяти или галлюцинациях…

Что он на самом деле представил: банку с мазью для лыж, которая завалилась в угольное ведро, или радостный хохот Билла Эмерса, когда он ее обнаружил в указанном месте? Это казалось невероятным. Нет, он не должен считать себя ненормальным. Нужно найти кого-нибудь из тех людей с необычными способностями и поговорить с ними — прочитать, что написано о них в газетах или еще где-нибудь.

Можно начать с библиотеки. Вариант не хуже других.

Приняв это решение и успокоившись, Дэнни загасил сигарету и начал развязывать галстук. И вновь услышал голоса.

Они были беззвучными; они находились у него в голове. И в то же самое время, они пришли снизу — некое подземное шептание, исходящее как будто из самой глубины земли, на которой раскинулся город.

— Решение принято.

— Да. Я эстанирую напряжение.

— Я тоже. Порог перейден.

Беззвучные голоса, шепчущие непонятно о чем. Дэнни почувствовал, что покрылся потом.

Невнятные слова содержали в себе угрозу, и угроза была адресована ему. Каким-то непостижимым образом он это понял.

— Так много путей — может быть, нам не вмешиваться?

— Нет, брат. Все идут к одной и той же цели.

— Пусть соискатель побережется…

— Да, пусть побережется. Давай подождем.

— Путь долгий, мы должны ждать…

Шептуны по прежнему шелестели, но о вещах непонятных и далеких, хотя они все еще находились рядом с ним. Слова еще произносились, но они предназначались не для него.

Дэнни совершенно точно знал, что больше ничего не услышит, даже если шептуны будут сидеть у его изголовья. Их губы двигались, но он ничего не понимал, как будто смотрел старый немой фильм.

А были ли у шептунов губы — или лица?

Он задал этот вопрос неизвестно кому. Голоса, несомненно, принадлежали людям. Они говорили на английском, кроме одного странного слова «эстанировать», уяснив суть которого, можно было бы понять природу их разговора. Дэнни еще не дошел до того, чтобы верить в привидения, — пока еще.

Он вдруг понял, что устал до смерти, как будто это прослушивание беззвучного разговора было испытанием на выносливость. Его сердце билось медленно и прерывисто.

Он откинулся на спину, весь дрожа. Одно было ясно — он столкнулся с чем-то таким, что было сверх понимания обычных людей вроде Дэнни Кейдена. Что-то абсолютно не поддающееся пониманию.

Пусть соискатель побережется…

Глава 2
Увольнение

Несмотря на страшную усталость — последствие переполненной событиями прошедшей ночи, утром Дэнни чувствовал себя намного лучше. Одно дело лежать в темной комнате, во власти видений, и совсем другое — находиться на высоте тридцать четвертого этажа, на свежем воздухе, под ярким солнышком, в одном из самых фешенебельных небоскребов города.

Стук пишущей машинки Эла Рэндалла за его спиной заглушал таинственные звуки, шепот голосов. Каждый удар литеры по валику загонял ночных призраков все дальше в туманное

небытие.

«Нужно пораньше ложиться спать, — подумал Дэнни. — Я уже не школяр. Если из-за обыкновенного уличного происшествия я готов лезть в петлю. Надо принимать меры. Черт возьми, в армии я видал вещи и похуже, но оставался в здравом рассудке. Так что я не позволю, чтобы все это так на меня влияло».

Джоан Кейс, заместитель главного редактора, заглянула ему через плечо и кинула на стол пачку газетных вырезок и релизов рекламных агентств.

— Похоже, нам не везет, — сказала она обреченно. — Один хлам и больше ничего. Здесь отклики на твою последнюю статью.

— Вот это? Плохие новости нельзя выкладывать сразу, лучше понемножку. Мое сердце пошаливает в последнее время.

Джоан сняла изящные очки и критически взглянула на Дэнни.

— Ты похож на выжатый лимон, — сказала она. — У тебя новая подружка? Или пищевой бизнес выжимает из тебя все соки?

— Шон назвал бы это комплексом Тантала, — весело сказал Эл, откинувшись в кресле и приняв чрезвычайно серьезный вид. Эл был из семьи

гастролирующих актеров, и точно скопировал Шона Хеннесси, помощника редактора по новостям. — Мы целый день пишем о еде, а в офисе нечего даже пожевать, кроме ластиков на карандашах.

— Я плохо спал ночью, — сказал Дэнни. Ему не хотелось говорить об этом, словно от того, что он скажет, случившееся с ним станет более реальным. — Этот вчерашний случай очень меня расстроил, и мне снились странные сны.

— Сны? — переспросил Шон, навострив уши. Как подметил Эл, Шон был немного сдвинут на Фрейде и ставил диагноз всем, кого встречал. Однажды он объявил, что Пэт Рикки, главный босс, является орально акцентуированной личностью. — А что за сны?

— Ему снилось, что он Дрю Пирсон[53], — злобно рявкнул кто-то в дверях. Ощутив комок в горле, Дэнни обернулся.

В дверях стоял Рикки — редактор всех восьми рекламных газет, выпускаемых компанией «Дельта Паблишинг», и, кроме того, один из владельцев фирмы. С тех пор как Дэнни начал

[53] Примечания: 53

Пирсон, Дрю (1897–1969) — авторитетный журналист, статьи которого, разоблачающие коррумпированных политиков, печатались во многих газетах (здесь и далее прим. переводчика).

работать в «Фуд Кроникле», это был второй раз, когда Рикки появился в редакции. Он потрясал экземпляром «Кроникле», свернутым в тугую трубку. Номер газеты Дэнни не разглядел.

— Где Молл? — спросил Рикки.

— Он в бухгалтерии, разговаривает с мистером Маккьярелли, — ответила Джоан. — Что-то случилось, мистер Рикки?

— Что-то случилось! Рекламодатели меня засыпали телеграммами. Они так и кипят и готовы разорвать контракты. Вот так!

Рикки схватил телефонную трубку на столе у Джоан и что-то прорычал в нее. Джоан вопрошающе взглянула на Дэнни. Он недоуменно пожал плечами.

Как только Рикки положил трубку, в офисе появился Молл, главный редактор газеты. Он был бледен и слегка заикался от волнения. Молл никак не мог избавиться от страха, что его уволят, хотя работал в компании уже восемнадцать лет и зарабатывал десять тысяч в год плюс премиальные.

— Давайте-ка разберемся, — мрачно заявил Рикки. — Эта статья подписана вашим именем, Кейден. В ней сказано: ожидается, что «Международная пшеница» будет оштрафована за то,

что фиксирует цены. Они хотят разорвать с нами контракт. Я не удивлюсь, если они подадут на нас в суд за клевету. Молл, как вы пустили это в номер?

Молл позеленел еще больше.

— Этот номер вышел на прошлой неделе? — спросил он. — Б-большую часть времени, когда в-верстался номер, я провел на съезде производителей консервов. Меня замещала Джоан.

— Да, — с готовностью откликнулась та, — я видела статью и утвердила. Почему бы и нет? У Дэнни не было причин все это выдумывать.

— Не знаю, — сказал Молл. — Он как и б-большинство из вас. Считает, что жизнь прожил зря, если хотя бы раз в жизни не лягнул большой бизнес. Хотелось бы мне, чтобы у меня в редакции был хотя бы один ч-человек, который бы не возводил пищевую промышленность до уровня ООН.

В этот момент Джоан стала еще больше похожа на учительницу.

— Не будь смешным, Генри, — сказала она. — Тебя послушать, так эта фиксация цен — личное изобретение Дэнни. Обвинительный акт принимают за неделю до того, как выносится основное решение.

— Что меня убивает, — произнес Рикки, — так

это то, что не было никакой нужды упоминать об этом в статье об упаковке. Ведь если это правда, то такой материал заслуживает пяти колонок и огромного заголовка на первой полосе. А вместо этого вы помещаете его в обычную статью, как будто это само собой разумеющееся событие. Только послушайте: «Возможным результатом всеобщей установки нового оборудования будет увеличение сохранности англо-египетской пшеницы, которая, как ожидается, будет в дефиците после того, как «Международной пшенице» предъявят обвинение в монопольном сговоре о фиксации цен. По последним данным, решение будет вынесено второго сентября». Короче, в эту пятницу!

— Это глупо, — сказал Молл.

— Конечно, глупо. Мой единственный шанс сохранить рекламу «Пшеницы» — это уверить агентство, что каждый, кто увидит эту злосчастную заметку, сразу же решит, что это полный бред. Черт возьми, мне даже звонили из Комиссии по ценным бумагам, чтобы выяснить, кто у нас отвечает за эту чушь!

— Почему бы не вытащить исходную информацию из папок на всеобщее обозрение? — поинтересовался практичный Эл. — Если говорят,

что «Пшенице» должно быть предъявлено обвинение, значит, Дэнни имеет полное право писать об этом. Пищевая промышленность — огромная отрасль, и я постоянно натыкаюсь на такие вещи, от которых у меня волосы дыбом встают, а потом оказывается, что это все обычное дело и ничего особенного. Например, никогда не забуду, как столкнулся с решением Дэнвилля.

— Даже если это правда, все равно юридически это клевета, — пробормотал Рикки; и было видно, что ему очень хочется, чтобы именно так и случилось.

Дэнни попытался вспомнить, как же он искал материал для статьи. «Папки», как их назвал Эл, — на самом деле это были ящики, куда скидывались старые пресс-релизы, вырезки и статьи провинциальных корреспондентов, после того как номер уже вышел в свет. Весь этот хлам складывался в конверты, на них указывалась дата вопроса, о котором шла речь. Содержимое ящика сроком больше полугода увязывалось в тюки и сдавалось в макулатуру.

Насколько Дэнни мог помнить, оригинал статьи — пресс-релиз из Института упаковочного оборудования с фотографиями, одну из которых он использовал, — не был отправлен в ящик. Он

положил его в нижнюю секцию лотка вместе с черновиком статьи, чтобы подождать, пока не появится дополнительный материал. В абзаце, добавленном в «Кроникер» под влиянием вдохновения в последнюю минуту, говорилось об предъявлении обвинения раньше, чем следовало.

Порывшись в ящике, он почувствовал болезненную уверенность в том, что релиз не оправдает его надежд. Он написал ту часть статьи, которая так расстроила Рикки, не на основании реального материала, а исходя из абсолютной уверенности в том, что Рикки назвал как «само собой разумеющееся событие».

А что если эта «уверенность» была не чем иным, как неконтролируемой, необъяснимой иллюзией, не основанной ни на каких реальных источниках? Если Молл ничего не знал об обвинении, тогда уж точно оно не было само собой разумеющимся событием, даже среди экспертов.

— Нашел, вот он, — сказал Дэнни нервно. Он боялся взглянуть на релиз, поэтому не глядя протянул его Шону, оказавшемуся поблизости. Тот немедленно начал читать с бесцеремонным любопытством, но Рикки выхватил листок у него из рук.

Рикки медленно просматривал печатные страницы, строчка за строчкой, слово за словом. Его глаза медленно блуждали туда-сюда, а с губ срывались обрывки фраз. Дэнни теперь понял, что Шон имел в виду, когда называл босса оральной личностью. Рикки так пожирал глазами это незначительное сообщение, как будто был каннибалом, а пресс-релиз — миссионером. Наконец он испустил сытый вздох.

— Ни слова, — объявил он. — Ни одного словечка. Вы ничего не хотите мне сказать, Кейден?

Дэнни сглотнул.

— Неделя еще не кончилась, — выдавил он. — Их прихватят в пятницу. По девяти пунктам, и фиксирование цен — только один из них; все подпадают под акт Робинсона — Пэтмена о «дискриминационной торговле продовольственными товарами».

— Дэнни, как ты узнал? — тихо спросила Джоан.

Все пятеро воззрились на него: Эл, Джоан и Шон с надеждой, Молл бесстрастно, Рикки с возмущением.

Усталый мозг Дэнни лихорадочно искал ответ, но тот все никак не приходил. Он знал только то, что знал. «Международная пшеница» получит

обвинительное заключение завтра, в пятницу. Совершенно точно и определенно.

Но он понятия не имел, как узнал об этом.

Тишина струилась, словно песок в песочных часах. Наконец Рикки сказал:

— Ладно, Кейден. Захватите чек, когда будете уходить.

Глава 3
Здравствуйте, доктор Фрейд

Дэнни упаковывал свои вещи в полном молчании — вынужденном, так как Рикки оставался в коридоре. Джоан и Эл бесцельно вертели в пальцах карандаши, не смотрели друг на друга и отводили глаза от Дэнни. Шон вытащил длинную желтую страницу копировальной бумаги из своей машинки, засунул машинку в стол и враждебно уставился на Молла.

Какое-то время Молл стойко выдерживал ирландское негодование Шона, затем сел за свой стол, опустил перегородку, отделяя себя от остального офиса, и остервенело начал печатать. Его машинка была «беззвучной», но казалось, что тарахтит она оглушительно громко.

Дэнни взял большой пакет с полки и засунул

в него свои бумаги и орфографический словарь. В глубине выдвижного ящика стола он обнаружил типографскую линейку и початую коробку с мягкими синими карандашами — все это явно принадлежало издательству — и также бросил в пакет.

Рикки молча ждал, пока Дэнни не опустил крышку стола, и начал снимать свое пальто с гвоздя, прибитого к двери, ведущей в коридор. Только тогда он удалился.

Молл продолжал печатать. Шон встал.

— Тебя проводить, Дэнни? — спросил он. Молл резко остановился.

— Ты получил статью из кофейного бюро, Хеннесси? — спросил он, не глядя на Шона.

— Да, — сказал Шон, — получил. У меня есть место, куда ее вставить, если хочешь знать. Зернышко к зернышку, так сказать.

Дэнни тронул Шона за локоть.

— Не надо, — сказал он. — Чего там, все уже кончено. Не стоит спорить, Шон. Ты же видишь, не имеет смысла.

— А я и не спорю. Я устал раболепствовать, особенно за *мою* зарплату. Молл мне вдруг как-то осточертел. Он слишком робкий, чтобы постоять за своих сотрудников. Что ты пишешь, скрытный

Молл? Передовицу?

— Я… — начал Молл.

— Полон тривиальных клише — маешься, а сказать-то нечего, да? — выпалил Шон. Его юное лицо, безбородое и смуглое, как у испанца, светилось от удовольствия. — А что сейчас кропаешь? Речь о свободном предпринимательстве? И ничего про еду. Потому что ничего не знаешь про еду. Ты ешь штукатурку, но зато красиво упакованную.

— Ты уволен, — сказал Молл, уставясь на свою машинку. — Выметайтесь. Оба.

Шон довольно хихикнул. Он широко улыбнулся, глядя на Дэнни.

— Как он быстро! — заметил он. — Нужно пнуть его несколько раз, и только тогда он удивится. Но он, конечно, *не знает*, что ему неприятно, пока Рикки ему не скажет. Пойдем, Дэнни, выпьем.

Трудно было не восхититься этой бравадой.

Расположившись на диванных подушках в кабинке бара, Шон подозвал официанта.

— Три года я хотел это сделать, — вдруг заявил он. — Два пива, юноша. Я даже рад, что ты дал мне повод, иначе я никогда бы не решился.

— Да, это трудно, — согласился Дэнни. — Что ты собираешься делать, Шон? Какие у тебя планы?

— Я полон планов. О чем еще мечтать в течение рабочего дня? Трудность в том, что выбрать. Может, днем я буду преподавать в школе, а ночь проводить с парой блондиночек. Могу даже получить степень прежде, чем начнется война. Но не такой я дурак. Ты знаешь, Дэнни, мне действительно понравилась эта заварушка. Впервые в жизни я почувствовал себя человеком. Что тебя тревожит, Дэнни?

Вопрос прозвучал так неожиданно, в потоке болтовни Шона, что Дэнни только позже понял, что ответил без малейших раздумий. Может, Шон действительно психоаналитик, подумал Дэнни.

Пиво помогло и Дэнни исповедовался бывшему коллеге. Хотя он все же понимал, что не следует упоминать голоса. В частности, потому, что он знал: голоса существовали на самом деле. Знал это с такой же уверенностью, как и то, что «Международной пшенице» завтра, в пятницу, будет предъявлено обвинение.

«Думаю, что со мной и раньше происходило нечто подобное, но я просто не придавал этому значения, — рассуждал он. — Я должен сам разобраться, никто, кроме меня самого, не сможет это сделать».

— Ты зажат, — сказал Шон. — Разве одно то,

что ты не хочешь рассказать мне, уже не достаточное свидетельство расстройства? Давай, выкладывай.

— Ну, когда я был ребенком, меня обычно называли «отгадчиком». И кажется, такое прозвище мне дали вполне справедливо. Несколько раз я покупал лотерейные билеты и всегда выигрывал. Не всегда, правда, первый приз — да я к этому и не стремился — но я каждый раз приходил домой с какой-нибудь безделушкой.

Однажды в театре, когда мне было девять лет, во время одного фокуса на отгадывание я выиграл кофейный сервиз. Парень на сцене выдал какую-то шутку о бойскаутах и походах с палатками, потому что на мне были шорты и рубашка цвета хаки. Так вот, знаешь, я бы теперь не надел шорты даже под страхом смерти.

А однажды я выиграл поросенка. Отличного поросенка на лотерее в День Благодарения. Мне хотелось держать его в доме, как собаку. В театре он жил в маленьком загончике. Он был чистенький такой, размером с маленькую дворняжку, даже еще меньше. Но родители не позволили. Его зажарили, и мы съели его в День Благодарения. Моим родителям он не понравился. Они говорили, что он слишком мал, чтобы иметь вкус. Это

довело меня до безумия — ну, то, что они поймали его и убили. Это объясняет все последующее.

Шон засмеялся и вытер пивную пену с узких, тщательно подбритых усиков.

— Но ведь ты его тоже ел. И тебя, наверное, не тошнило. Ты настоящая анальная личность — собственник, обладатель. Бог мой, но ведь ты абсолютно нормален.

— Разве нормально то, что я рассказал тебе? — спросил Дэнни немного раздраженно.

— Ну, такое бывает. Прежде всего давай-ка поговорим о твоей теории «сверхъестественных способностей». Я, наверное, не удивлю тебя, если скажу, что не верю в эту чушь. Это остроумно, но твоя теория несостоятельна. Какие же требуются способности, сверхъестественные или еще какие-нибудь, чтобы не глядя вытаскивать бумажку с верным числом из шляпы — ив тоже время знать, какие числа вытащили другие! Тебе не кажется, что тот, кто может так контролировать случайность, мог бы разрушить биржу даже не задумываясь?

— Хм, — промычал Дэнни. — Да. Я не подумал об этом.

— Меня другое интересует, — сказал Шон. — В твоем рассказе о поисковых трюках есть вопи-

ющая брешь. Что произошло, например, с тем парнем Биллом Эмерсом?

Дэнни нахмурился.

— Почему тебя это интересует? Я никогда его больше не видел. Он погиб в Банфе той зимой. Прыгал на лыжах с трамплина и разбился. Сломал позвоночник в двух местах. Думаю, он был пьян. Билл постоянно бывал пьян.

— Ага! — Шон уцепился за его ответ. — Но у тебя не было дурного предчувствия? Каких-нибудь предостерегающих голосов или других ощущений, которые ты мог бы определить, как предчувствие его смерти?

— Не-е-т. Такое не происходит со мной часто. По крайней мере, до последнего времени.

— Конечно, нет. Тебе даже не приходило в голову, что Билл Эмерс умер именно в тот день, когда ты нашел для него мазь для лыж.

— Это только предположение.

— Да черт с ним. Твой мозг не стал бы заклиниваться на этом, если бы не знал, что так оно и было. Я предлагаю тебе проверить дату. Или нет, не то; с точки зрения терапии для тебя было бы бесполезно получить консультацию психоаналитика Но твои бессознательные подозрения сами по себе являются сознанием вины. Ты случайно

сделал логическое предположение о лыжной мази. И в результате…

Когда ты услышал о смерти Билла, ты почувствовал себя виноватым. Естественно, ты нашел его лыжную мазь — он поехал на лыжах — он умер. Поскольку твое сознание говорило тебе, что ты не виноват, а твое бессознательное говорило тебе, что ты виновен, у тебя появились симптомы компенсации. Твой мозг старался разрешить дилемму. И после того как это противоречие привело к беспокойству, ты решил преодолеть его с помощью теории сверхъестественных способностей. Реальное объяснение было слишком далеко захоронено и причиняло слишком большую тревогу, чтобы ты смог докопаться до него сам.

Шон отодвинул свой пустой стакан к краю стола и дважды постучал, подзывая официанта.

— Дэнни, ты знал — подсознательно, — что если бы ты не нашел мазь для Билла Эмерса, он, возможно, не стал бы прыгать на лыжах в пьяном виде. По крайней мере, не в этот день. С тех пор ты обвиняешь себя. Но ты не должен себя винить. Ведь ты не подносил ему виски, ты не отвечаешь за его пьянство, и ты не мог постоянно останавливать его, чтобы он не губил себя. Как только исчезнет сознание вины, я думаю, все

твои тревоги тоже исчезнут.

Официант унес пустые стаканы, наполнил их и вернулся. В то время как Дэнни обдумывал сказанное, Шон смотрел на него осторожно и выжидающе, как кот, который только что поймал большую мышь — жертва все еще трепыхается, но тем самым увеличивает удовольствие от убийства.

Наконец Дэнни сказал:

— Это здорово, Шон. Пожалуй, я с этим соглашусь. В этом больше смысла, чем в моей теории. Но вот что меня беспокоит. Какое мне дело до Билла Эмерса? Я почти его не знал. Он просто позвонил мне ради хохмы — он слышал о моих поисковых трюках.

— Обида, — сказал Шон. — Никто не любит, когда над ним подшучивают. Когда ты услышал, что он погиб, твое чувство обиды подсказало тебе, что ты виноват в его смерти.

— Это смешно, ты выражаешься как недоброй памяти Генри Молл.

— Что из того? Поверь мне, Дэнни, бессознательное не рационально. Оно не имеет чувства юмора — и оно *никогда* не забывает. Оно может создать у тебя чувство вины за такое, что тебе и в голову бы не пришло.

— Ладно, — согласился Дэнни. — Но это еще не объясняет, почему я никогда не ошибался, когда меня просили что-нибудь найти. В колледже ко мне постоянно приходили и просили найти потерянные вещи — от завалившейся куда-нибудь линейки до бумажника. Я советовал, где посмотреть, и всегда оказывался прав.

Шон нисколько не смутился.

— Совпадение, — заявил он, чуть ли не опуская нос в пиво. — Люди почему-то считают, что действие случайности ограниченно. Но математически возможно, чтобы совпадения происходили в бесконечной череде случайностей.

— Но они все же не происходят.

— Происходят, — сказал Шон. Он ткнул длинным тонким пальцем в Дэнни. — Они происходят все время. Почему бы им не происходить? В бесконечности времени всякое может произойти, несмотря на явную абсурдность. Вода может замерзнуть на огне, свет может идти к своему источнику, вещи могут падать вверх, а не вниз — такое происходит неоднократно и, черт его знает, вопреки случаю или нет. Закон случайности является только местным указом. У нас есть целая школа ученых дурачков, которые ведут учет повторяющимся случайностям — с картами и

костями, «предсказаниями» и всякой всячиной.

— Ты имеешь в виду парапсихологов в университете? Я не собираюсь становиться для них подопытной морской свинкой.

— Да, я о них. Когда они описали достаточно совпадений — например, при игре в кости — они заявили, что человек, бросающий кости, оказывает на них какое-то оккультное влияние! Метит крап под тайным покрывалом! Это только профессиональная версия твоей теории «свехспособностей».

Дэнни, ты всего лишь жертва сверхсовпадений. Ты оказался в неблагоприятной психологической ситуации из-за чувства вины за пьяного лыжника. И в то же время ты впутался в то, что математики назвали бы цепью случайностей, цепью неправдоподобностей, которые *все же реальны* и которые объясняют все твои затруднения.

Это звучало приемлемо, хотя трудно было представить, где младший редактор мог почерпнуть всю эту информацию. Дэнни сказал:

— Вероятно, ты прав. Что ты мне посоветуешь?

— Я не психоаналитик, — сказал Шон. — Если у тебя водятся деньжата, найди хорошего врача. Но все же постарайся понять, что ты всего лишь

испытываешь чувство вины из-за смерти Билла. И что объективно ты не ответственен за это. Если ты не придешь к согласию с самим собой по этому поводу — ну, тогда рано или поздно цепь случайностей прервется на тебе, и ты должен будешь согласиться к каким-нибудь другим доводом, чтобы объяснить бегство от правды. Твой следующий довод будет еще более ненормальным, чем нынешний.

— У меня возникла мысль, что я могу в это проверить, — заметил Дэнни. Он встал. Странно, Шон заказал всего по два стакана пива, но он совсем опьянел.

А как выглядел Билл Эмерс? Я даже не могу вспомнить.

— До свиданья, — сказал он. — Спасибо, Шон. И, осторожно ступая, направился к выходу.

Глава 4
Туман в хрустальном шаре

Занавески, висевшие в проеме двери бара, золотились от солнечного света, но он опасался проходить мимо них. Похоже, его равновесие, как душевное, так и физическое, было не слишком устойчивым. Но мир снаружи ничуть не изме-

нился. Машины шуршали шинами по асфальту, пешеходы сновали мимо, занятые своими делами. Высоко в небе, среди небоскребов летел гидроплан, ведя наблюдение за заливом для администрации порта. Все было совершенно нормально.

Только насколько ты сам нормален?

Шон сказал: «Бог мой, но ты нормален». Но он имел в виду: «Бог мой, ты невротик». По понятиям Шона, ни одна ситуация не была нормальной.

Но у Дэнни имеется, по крайней мере, одно мерило его неожиданно поставленной под сомнение нормальности. Он поступал в компанию «Дельта Паблишинг» в качестве стажера согласно солдатскому биллю о правах. Он прошел тест в Администрации по делам ветеранов, и тот показался ему даже излишне исчерпывающим, так как туда были включены все психологические тесты: Сэнфорда-Бине, многофазовый личностный опросник штата Миннесота, все три калифорнийских теста, тесты Олпорта-Вернона, Векслера-Белвью, Пинтнера, Бернрейтера, Отиса, Роршаха, Сонди. Большинство из них, казалось, были слишком далеки от требований, которые редакция странички по упаковке в газете, посвященной пищевой промышленности,

могла бы предъявить к своему сотруднику, так что его удивило, почему от него не потребовали ко всему прочему еще пройти проверку на благонадежность.

Результаты теста его не слишком осчастливили. «Вы нормальны, — сказал ему врач. — Есть небольшая тенденция к ипохондрии, но в пределах нормы. Я бы не стал о ней говорить, если бы ваши профильные данные не были такими средними. Не смотрите так смущенно, мистер Кейден. Вы должны себя поздравить. Люди с таким высоким коэффициентом умственных способностей обычно имеют психологический профиль рваный, как будто раскромсанный ржавой пилой. Я знаю, что модно быть невротиком, но вы никогда не добьетесь этого, мистер Кейден. Вы ненормально нормальны, простите меня за каламбур».

Это было два года назад. Сейчас, если верить Шону, он был хоть и не явным невротиком, но в опасной близости к расстройству психики.

Просто все это не могло произойти так быстро. Более того, Дэнни был не таким уж профаном в учении Фрейда: как-никак он закончил колледж. И без подробных объяснений Шона ему был известен основной принцип Фрейда: *неврозы*

— следствие ненормальной сексуальной жизни.

Дэнни не нужно было прибегать к Кинзи[54], чтобы быть уверенным, что с этим у него все в порядке.

Он грустно улыбнулся. Все хорошо, Кейден, давай-ка становись пророком. Преодолей свои потрясения; ты должен уверить себя, что обладаешь пророческим даром. Ты не должен больше на это закрывать глаза.

Пожав плечами, Дэнни пересек улицу. Он, конечно, не собирался идти к небоскребу, где располагалась «Дельта Паблишинг», и оказался там случайно. Банк располагался на первом этаже. Компания имела там свое платежное отделение, что освобождало его от беспокойных блужданий и не требовало выяснения личности. Но поскольку это был всего лишь сберегательный счет, он планировал не трогать его до тех пор, пока не окажется в отчаянном положении.

Ну вот, этот час наступил. Он прошел к столу со стеклянной столешницей и вытащил из бумажника чековую книжку.

Дэнни удивился, когда обнаружил, что у него

---

[54] Примечания: 54

Кинзи, Алфред — автор исследований сексуального поведения американцев. Приобрел известность книгами «Сексуальное поведение самца человека» и «Сексуальное поведение самки человека».

почти две тысячи долларов. Он ожидал, что не будет и половины этой суммы. Впрочем, этого вполне достаточно для холостяка. Но пока он заполнял отрывной чек, в голове у него крутились мысли. Сбережения тем удобны, что дают возможность продержаться какое-то время, пока ищешь работу…

Нет, на самом деле сбережения усохли примерно на 36 процентов из-за высокого уровня инфляции. Глупо тратить деньги на поиски редакторской работы, когда есть возможность вложить их в более выгодное предприятие.

У Дэнни было интуитивное чувство, что нет более выгодного предприятия, чем предвидение — если все это окупится сполна.

Он забрал деньги у чопорного кассира и тотчас покинул здание, как надеялся, навсегда.

Дэнни проехал на метро в финансовый район города, отыскал знакомое здание и поднялся на лифте в брокерскую контору, где проходил практику, когда учился на экономическом факультете колледжа. Младший сотрудник фирмы, выученный припоминать даже самое неприметное лицо и имя, принял его благожелательно.

— Я хотел бы провести несколько маленьких сделок, — сказал Дэнни спокойно. — Для изуче-

ния, как вы понимаете. У меня есть небольшая сумма, и я хотел бы с толком вложить деньги в рынок. Это будет для меня вроде лабораторного эксперимента.

— Возможно, даже выгодного, — заметил брокер. — В настоящее время у нас недостаток капитала, поэтому мы проявляем специальный интерес к мелким инвесторам. Так много поглощается оборонным комплексом. Позвольте узнать, вы, насколько я помню, интересовались пищевой промышленностью. Я могу предложить вам акции дочерней фирмы одной крупной холодильной компании — достаточно устойчивой. Похоже, они все время идут вверх.

— Нет, меня это не интересует. При долговременной инвестиции мне пришлось бы оставаться верным долговременным обязательствам или сберегательно-заемному плану. Это заставит меня вложить деньги надолго, но не научит ничему такому, что я бы уже не знал. А мне нужна спекуляция.

Брокер понимающе улыбнулся.

— Спекуляция? — спросил он. — Вам некуда девать деньги? На этой неделе рынок шатается, как пьяный сумасшедший. Вы не могли выбрать худшего времени, мистер Кейден. Я бы просто

предложил вам бросить ваши деньги в унитаз. Это проще, меньше мучительных раздумий.

— Деньги в данном случае меня не интересуют, — сказал Дэнни. — Я хочу понять, что происходит и как это происходит.

— Хорошо. Что вы желаете?

— Что вы скажете насчет «Пшеницы»? Не поздно сыграть на понижение?

Брокер откинулся на стуле с покровительственной улыбкой.

— Сыграть на понижение! Бог мой, дружище, вы так без штанов останетесь. Цены на пшеницу прут вверх из-за ожидания войны. Или вы в будущем хотите войти в пай? Тогда вы пришли не туда. Мы здесь не регулируем товары, а занимаемся только акциями.

— Нет, я имею в виду акции «Международной пшеницы». Меня не интересует фьючерсные сделки. Дайте мне опцион[55] на десять акций по курсу шестнадцать к одному. Вы найдете много покупателей. Закройте[56] с первым покупателем и продайте, когда она упадет до шестнадцати

---

[55] Примечания: 55

Опцион — сделка с премией (обусловленное уплатой премии право купить или продать ценные бумаги по установленному курсу).

[56] Примечания: 56

Закрыть — иметь определенный курс на момент закрытия биржи.

пунктов.

— Упадет? Полагаю, вы знаете, что 16 пунктов — это 1600 долларов, вряд ли курс поднимется до шестнадцати. До восьми бы поднялся, и то хорошо. Ах, ладно, не напоминайте мне, что у вас чисто научные цели. Я обычно не бываю таким объективным. Вы всегда так осторожны?

Дэнни знал, что брокер про себя считает его идиотом, но сохранял невозмутимый вид. В конце концов, тот, возможно, прав. «Это случится завтра, в крайнем случае, в пятницу».

— Все в порядке, — сказал брокер. — Я должен опросить вас для безопасности. Хоть я и не вижу ничего такого, из-за чего Комиссия[57] стала бы возражать. Конечно, если получится, это будет сделкой века, но я вас уверяю, что не получится. Но в любом случае, я буду играть, как вы пожелаете.

— Сколько это стоит?

— Ну, десять процентов — это 1600 долларов, то есть стоимость одной акции, если бы вы действительно ее купили. Но лучше для вас —

---

[57] Примечания: 57

Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям. Создана в 1934 г. для защиты инвесторов от мошенничества. Правила комиссии требовали полного раскрытия всей информации о ценных бумагах до заключения сделки.

беспроцентные 2 тысячи, потому что вам нужен запас, если мы выпутаем вас из всей этой заварушки.

— У вас не будет в этом необходимости, — сказал Дэнни. Он протянул через стол чек на 1600 долларов. Брокер, не глядя на чек, положил его на середину стола, пожал плечами и написал расписку на эту сумму.

— Вы знаете, что произойдет, если ваш метод сработает? Дэнни кивнул.

— Только прошу вас, никому ничего не говорите, — сказал брокер. — Если вы окажетесь правы, то очень скоро обнаружите, что существуют вещи похуже, чем остаться без штанов. Спекуляция стала редкостью, после того как появились правительственные постановления. В наши дни неожиданная удача создает проблемы. — Он посмотрел в свой блокнот. — Итак, если это все на данный момент…

— Это, — заметил Дэнни, — только начало.

* * *

Кому принадлежала эта идея? Шон первый упомянул про скачки и про биржу.

Пока у него не пропал кураж и оставались деньги, Дэнни прикидывал, где бы отыскать бук-

мекерский притон. Теоретически они были вне закона, их не должно было много оставаться с тех пор, как начались проверки Кифовера[58]. Но на самом деле полиция редко беспокоила такие заведения, и найти их было не так уж трудно. Если не знаешь, где искать, всегда можно спросить у таксиста.

Дэнни с удобством расположился со стаканом пива и ежедневным расписанием скачек в углу кабинки. Вокруг него — в не совсем свежих рубашках — толпились постоянные посетители. В течение пяти минут к нему подошли несколько «жучков» — все со сведениями прямо из торбы и за очень умеренную плату.

Дэнни отмахнулся от них. Это дело, как и спекуляцию с «Пшеницей», нужно проводить на ощупь, без малейшего влияния со стороны. Он не примет никакой информации, никакой сделки, если его пресловутое чутье будет молчать.

Дэнни поставил на лошадь и принялся ждать.

Прошло два часа. Нервы у него были на пределе, а рубашка взмокла. Поначалу он высовывался из своей кабинки каждый раз, когда звонил телефон. Теперь же он только слегка вздрагивал и

---

[58] Примечания: 58

Кифовер, Кэри Эстес — государственный деятель и сенатор. Выступал в Сенате против организованной преступности.

стискивал зубы. Ожидание могло бы доставлять меньше волнения, если бы в баре было радио, настроенное на станцию Нью-Джерси, которая следила за скачками. Но подлизы Кифовера заставили эту станцию вернуться к безобидным коммерческим обзорам и рекламе макарон.

Сразу же после того, как тихо звякнул телефонный звонок, официант в грязном фартуке принес еще один стакан пива и поставил перед Дэнни.

— Может быть, уже хватит на сегодня, браток? — спросил он добродушно. — Почему бы вам не бросить все и не отправиться домой? Джо не будет требовать с вас долг.

Дэнни слабо улыбнулся.

— Я опять выбросил в печку, да? Ну, давайте-ка еще раз поставим. Сделаем так — хм, десять к одному на победу Сильного Сердца в следующем заезде.

— Ваше дело. Я скажу Джо.

Официант вышел. Дэнни отпил пива, которое оказалось теплым, и проверил деньги в кармане пиджака. Когда он ушел из брокерской конторы, у него оставалось еще порядочно, около 300 долларов. Сейчас у него было три купюры и пригоршня мелочи. Предвидение определенно подвело его в этом эксперименте. Или оно всего лишь прогули-

вается где-нибудь у другого ипподрома.

Дэнни вдруг подумал, будет ли из этого толк. Он вдруг почувствовал, что у него страшно разболелась голова.

Зазвонил телефон. В голове у Дэнни тоже зазвенело.

— Сильное Сердце пришел первым, — сказал официант, возникнув как по волшебству с полным стаканом пива, такого холодного, что стакан покрывали капли воды.

— Три к одному. Может, вам улыбнулась удача.

— Скажи Джо, чтобы поставил все на Двойной Рывок.

— Почему бы вам не забрать выигрыш? — спросил официант. — Джо Оне имеет ничего против. Он честный, когда у него хороший день, а это случается довольно часто.

— На Двойной Рывок, — повторил Дэнни. Голова у него заболела еще сильнее.

— Ладно, ладно. — Официант, шаркая, отправился в бар. Дэнни сдул пену с пива. Боль, как раскаленная нить, пилила его череп. Перед глазами крутились ослепительные круги.

— Двойной Рывок выиграл, — объявил официант. Дэнни не слышал телефонного звонка. Он

моргнул, глаза его увлажнились.

— Я буду держать рот на замке, мистер. Что дальше?

Дэнни взглянул на расписание скачек. Трудно было даже смотреть на печатные буквы, тем более понять, что они обозначали. Он постарался сосредоточиться.

Вдруг головная боль неожиданно прекратилась. Боль исчезла, оставив после себя головокружение.

— Ух, — произнес он с облегчением.

— Что?

— Извините, это все моя головная боль. Я ставлю на Пэлли.

Официант открыл было рот, но, вспомнив свое обещание, молча повернулся и ушел. Дэнни посмотрел на пиво, затем отодвинул стакан в сторону. Последствия головной боли вызвали небольшую тошноту. Он вспомнил смертельную усталость, которая навалилась на него прошлой ночью, после того как он слышал — *эстанироеал*? — странное шептание.

Очевидно, усиление боли связано с развитием сверхъестественных способностей.

Зазвонил телефон, и Дэнни почувствовал, как весь напрягся. Если окажется большой выигрыш,

сказал он себе, я пойду домой отдыхать. Казалось, с прошлой ночи прошло два года.

Официант вошел в кабинку и молча встал у стола, скрестив руки на животе над фартуком.

— Ну?

— Хорошо началось, но не выгорело, — сказал официант. — Джо велел вам передать, чтобы вы расплатились. С вас десять баксов за пиво.

— Десять баксов!

— Точно так, как я сказал, мистер.

Если подумать, в этом не было ничего удивительного. Как-никак место ведь нелегальное. Стоимость пива, возможно, покрывает дополнительные расходы — плату за то, чтобы полиция смотрела сквозь пальцы. В наше время все стоит денег, даже головная боль. Он выложил на стол последнюю десятку и, спотыкаясь, побрел к выходу.

Глава 5
Медиум

При столь неблагоприятном стечении обстоятельств Дэнни оставалось только одно — убивать время. Он впервые оказался настолько свободен, что не знал, что с этой свободой делать. У него не

было другого выбора — только ждать пятницы. В этот день ему предстоит узнать, обстоят ли дела с «Международной пшеницей» так же, как со скачками.

Солнечные лучи струились почти горизонтально между тесно стоящими массивными зданиями делового района. Клерки спешили по домам. В водовороте фетровых шляп, заполнивших улицы, сверкали белые воротнички. Рабочий день закончился. Дэнни поразился множеству портфелей, вроде его собственного, в которых не было ничего, кроме завернутых в бумагу бутербродов для ланча.

Ближе к реке и товарным пристаням лес небоскребов поредел, и появились бары, закусочные и крошечные магазинчики сползавшиеся к шоссе и станциям подземки. Дэнни брел, точнее плыл по течению в густом тумане смятения.

Он хмуро разглядывал два узких сдвоенных окна на улице, заполненной закопченными магазинчиками, торгующими сонниками, книгами по астрологии и брошюрами по френологии. Маленький магазин располагался под объявлением, написанным большими красными с золотом буквами: «Аренда и продажа». Но в ожидании нового арендатора помещение, очевидно, сдавалось

цыганской семье.

Однако Дэнни оказался не прав. На окнах отсутствовали безвкусные марлевые занавески, которыми цыгане обычно увешивали такого рода заведения. На двери он обнаружил табличку:

Мадам Заза.

Оккультист и медиум.

И только тогда Дэнни с удивлением понял, что собирается войти и поговорить с медиумом.

Ну а почему бы и нет? Она, скорее всего, шарлатанка, но, может быть, у нее больше здравого смысла, чем у него. Вполне возможно, что ее способности более действенны, чем его собственные.

Дэнни перешагнул порог. В передней не было ничего, кроме двух стульев и стола. На окнах висели пыльные цветастые занавески из лощеного ситца, чуть колышущиеся от струи вентилятора. Стол американского колониального стиля пытались, вероятно, переделать под китайский модерн с помощью перочинного ножа. В воздухе витал запах вареных овощей. Задняя дверь, занавешенная изъеденным молью ковром, вела, скорее всего, в складское помещение. Оттуда, как только Дэнни прикрыл за собой входную

дверь, вышла, откинув ковер, смуглая, невысокая девушка. В чертах ее лица сквозило что-то цыганское или южнославянское. Одета она была в темный, хорошо сшитый костюм, строгий стиль которого совершенно не вязался с окружающей обстановкой.

Девушка, казалось, светилась сквозь одежду. Она, возможно, не отличалась особой красотой, ей, очевидно, уже минуло 25 лет, и она была полнее, чем красотки на обложках журналов. Для Дэнни все это не имело значения. Его первой любовью была полячка, и с тех пор этот тип всегда казался ему притягательным. На мгновение молодой человек совершенно забыл о своем безумии и обо всем, что казалось ему таким важным. Он просто стоял и смотрел.

Девушка тоже смотрела на него. Ее глаза сердито сверкали, на лице застыло выражение плохо скрываемого презрения, которое, по мнению Дэнни, совсем ей не шло. Возможно, кому-то она показалась бы невоспитанной. Все это Дэнни отметил про себя, не придавая особого значения. Светский лоск Джоан Кейс и некоторых других лицемерок, которых он встречал в издательствах и рекламных агентствах, вызывал у него смутное неодобрение.

— Что вы желаете?

Голос звучал сухо, почти грубо, но был естественно глубоким, хотя и глухим, как будто ей приходилось пересиливать себя, разговаривая с посетителем. Дэнни спросил:

— Вы… хм. Вы мадам Заза?

— Нет, — ответила она и смерила Дэнни взглядом с головы до ног. Затем пожала плечами и повернулась к двери.

— Пойду позову ее.

Она вышла. Дэнни постарался привести свои мысли в порядок. Его лоб покрылся испариной, и капельки пота потекли со щек за уши, но он знал, что сверхъестественные способности здесь ни при чем.

Ковер снова приподнялся и в комнату вошла женщина лет сорока пяти, приземистая, неряшливая, одетая в юбку и блузку, не сочетавшиеся по цвету. У нее было морщинистое лицо и заметные темные усики над верхней губой. По виду цыганка, но вполне цивилизованная.

— Мадам Заза?

— Да, — ответила она. — Пожалуйста, входите.

За ковром, в центре большой комнаты с ярко-красными пыльными портьерами стоял карточный стол, на котором лежал стеклян-

ный шар. Девушка стояла у противоположной стены и не глядела на Дэнни. Над столом висел какой-то предмет, похожий на рыбину из жести, подвешенный на двух хорошо заметных черных нитях.

— Вы хотите узнать будущее? — спросила женщина гортанным голосом. — Садитесь.

— Не совсем. Мне, скорее, требуется помощь профессионала. У меня возникли кое-какие затруднения.

— Я помогаю всем ищущим, — произнесла женщина размеренно. — Позвольте Высшим Силам принять ваши заботы. Садитесь, пожалуйста. Какие у вас затруднения?

— Понимаете, за последнее время со мной произошло несколько случаев, по которым я могу судить, что у меня… Я бы назвал это психическим расстройством.

Девушка громко вздохнула. Гадалка бросила на нее выразительный взгляд. Девушка пожала плечами и вышла в дверь, которую Дэнни принял за створки стенного шкафа.

— Пожалуйста, садитесь, — повторила гадалка. — Спасибо. Вот что я вам скажу: ваши затруднения вовсе не психическое расстройство, как вы считаете. Все ищут мудрости, но не все

ее находят.

— Да, да, я знаю, — нетерпеливо вставил Дэнни.

— Тот, кто ищет Истинной Мудрости, находит ее. Тот, кто желает Нирваны, вовлекаетя в Круг. Для того, кто вовлечен в Круг, необходим Гуру.

— Мне кажется, я не совсем вас понимаю, — сказал Дэнни.

— Слушайте и разумейте, — торжественно произнесла мадам Заза и сделала несколько пассов, выглядевших так, будто она пыталась развернуть гребную шлюпку. Стеклянный шар быстро наполнился дымом.

— Имеющие дар говорить с потусторонним, — продолжала она, — знают, что человек имеет девять душ, так очень давно говорили египетские маги. Из этих душ наименее важной является тень. Самая важная — Ка, которая живет вне тела по другую сторону времени. Когда звезды благоприятны, можно вызвать Ка…

Раздался пронзительно-громкий звук трубы.

— Послушайте, — сказал Дэнни с некоторым отчаянием. — Могу я кое-что у вас спросить? Меня не интересуют разговоры о каких-то там Ка. Я и сам немного могу предсказывать будущее, а иногда со мной происходит вообще что-то

непонятное. Мне бы хотелось узнать, как контролировать свои способности. Это очень сложно?

Женщина вскинула на него глаза.

— Обладать Зрением — великий дар, — сказала она. — Он дает смирение. Но требуется большая практика, чтобы стать знатоком.

— *Что* надо сделать? Что за практика? Умственные упражнения? Каким образом вы…

— Никаких умственных упражнений, молодой человек. Материалистический Запад слишком носится со своим холодным интеллектом. (Дэнни был уверен, что она имела в виду «заносится»; но это была единственная ошибка, которую он заметил. Произнося свои напыщенные фразы, мадам Заза строила их очень тщательно.) Сущность души или, более того, сверхдуши — это Ка. Ее можно послать из тела в потусторонний мир, чтобы научить там тому, чему она может научиться. Если духи пожелают, она вернется с великим богатством.

— Послать? В трансе?

— Это один из способов. Есть другие. За один вечер этому не научишься. Требуются месяцы, возможно, годы.

— Хорошо, — сказал Дэнни. — Предположим, я уверен, что стоит рискнуть. Какие существуют

основные принципы?

На грубом лице женщины появилось странное выражение. Дэнни показалось, что оно помолодело.

— Любовь, — произнесла оккультистка.

В тот же самый момент внутри хрустального шара появилось это слово, расплывчатое и колеблющееся, написанное неким подобием староанглийского или ведического шрифта. Его появление сопровождалось слабым скрежетом, похожим на звук несмазанной швейной машины.

— О, — воскликнул Дэнни. — Ну, это неплохое начало. Когда-то я прошел короткий курс, длился он всего пару месяцев. Так в чем заключается этот метод?

— Вы должны приходить сюда дважды в неделю. Мы начнем с поиска совета у Тех, Кто Ушел Прежде. Со временем, если нам повезет, мы научимся обращению с эктоплазмой. Если все пойдет хорошо, мы в конце концов достигнем полного контакта.

— Мне кажется, сам я могу добиться более быстрого успеха, — заметил Дэнни. — Спасибо, что выслушали меня, но я ищу свои собственные методы. Чертовски хочу найти.

Глаза женщины вдруг стали холодными.

— Очень хорошо, — громко сказала она. — Это будет стоить пять долларов.

Дэнни оторвал взгляд от поверхности затуманенного шара, и осмотрел комнату. Девушка все еще отсутствовала.

Он достал бумажник и очень удивился, обнаружив, что у него еще осталась пятидолларовая купюра. После краткого раздумья, он положил ее обратно и вытащил взамен две долларовые купюры.

— Это за оказанную услугу, — произнес он более иронично, чем ему хотелось.

Мадам Заза посмотрела на него с ненавистью. Губы у нее дрогнули. Затем ее лицо застыло. Она взяла протянутые деньги. Очевидно, Дэнни не был похож на ее обычных посетителей. Она резко повернулась и исчезла за алыми портьерами.

Девушка оказалась в пустой передней. Когда он вошел туда, она сидела на краю стола, свесив стройную ногу, которая выглядывала из-под пуританской юбки, подобно ереси, которой заканчивалась эпоха.

Она взглянула на него, приподняв бровь.

— Получили чего хотели? — спросила она резко, как будто сердилась на себя за то, что говорит

с ним.

Дэнни неуверенно улыбнулся.

— Во всяком случае я получил то, что заслуживал, — сказал он. Она пожала плечами.

— Судя по всему, вы умеете скрывать свои чувства. Вы не похожи на сосунка. Не могу понять, зачем вам эта пустая болтовня?

Дэнни удивленно засмеялся. Лицо у девушки стало еще сердитее.

— Странный разговор для ученицы медиума.

— Я не ученица. Просто работаю здесь. Задуваю сигаретный дым в стеклянный шар, произвожу трубный глас и прочую ерунду, когда моя тетя произносит свои мантры. — Говоря это, она смотрела прямо ему в лицо, но по ее взгляду ничего нельзя было понять. Дэнни даже не мог бы вспомнить, где его бумажник и одет ли он, когда она вот так смотрела сквозь него.

— Вы мне не ответили, — сказала она. — Что вас сюда привело? Или вы из полиции?

— Нет, что вы. То, что я рассказал вашей тете, — истинная правда. Я обнаружил у себя пару не совсем обычных способностей. Они уже дважды поставили меня в затруднительное положение, и третий раз, возможно, не за горами. Мне ничего другого не оставалось, как попытаться раздобыть

информацию где только возможно.

— От медиума вы ее вряд ли получите, — заметила девушка. — Вы, наверно, видите плохие сны.

— Нет. — Дэнни почувствовал легкое раздражение. Неужели и она собирается направить его к психоаналитику?

— Откуда вы знаете?

— Ну, хотя бы по тому, что это происходит со мной днем.

— Плохие сны иногда длятся неделями. Они могут сниться вам в течение всей вашей жизни. Спросите любого постоянного посетителя Бельвью.

— Знаю. Но у меня есть объективные свидетельства. Я ожидаю подтверждения одной из своих способностей в пятницу.

— Дорога в ад вымощена благими намерениями, — заметила девушка. — У вас в голове куча вздора, вот что. Иначе бы вы сюда не пришли. Вы могли бы найти все о медиумах в публичной библиотеке. Все знают о книге Гудини[59].

В ее сердитом голосе слышалось что-то неуловимое. Но что? Дэнни не мог понять. Он заметил

---

[59] Примечания: 59
Гудини Гарри (1874–1926) — американский маг и эсхатологист.

осторожно:

— Я не считаю, что у меня вздор в голове. Не знаю, что Гудини написал о медиумах, но в любом случае со мной не пройдут всякие трюки, как бы ваша тетя ни старалась.

В лице девушки снова что-то неуловимо изменилось, и снова Дэнни не смог понять что. Он закончил:

— Я, может, и правда сумасшедший. Основания для такого предположения имеются. Но не дурак.

— Тогда почему бы вам не бросить все это? — спросила она, спрыгивая со стола.

С кошачьей грацией, подумал Дэнни. У него вдруг испортилось настроение. Неожиданно ослепительная игла боли пронзила его череп. Он вдруг живо представил миллиарды крутящихся крошечных частиц, и перед его глазами с огромной скоростью завертелись радужные круги.

На мгновение Дэнни ослеп. Он неуверенно сделал шаг назад. Боль нарастала. Кружение ускорилось.

Девушка неясно вырисовывалась темным силуэтом на крутящемся фоне, затем прямая линия позади нее, которая могла быть только крышкой стола, разрезала ее бедра. Она прошла сквозь ее

тело, как будто девушка расплавилась…

Стол наклонился, поднялся в воздух и с силой ударился о потолок. На его плечи и голову посыпалась штукатурка.

Теперь он снова мог видеть, но боль не утихала. Стол, все еще прижатый к потолку, пополз в сторону, как гигантский паук. Через секунду один из стульев закачался на одной ножке и опрокинулся.

Девушка вскрикнула и прижалась спиной к стене. Дэнни стоял, затаив дыхание; кружение миллиардов частиц раздирало его мозг страшной болью.

Мадам Заза откинула ковер.

— Что за чертовщина? Эй вы, что здесь происходит?

Полыхнуло яркое пламя, и все прошло. Стол опустился на место, стул поднялся с пола. Стол, приземляясь, ударился углом, и одна ножка у него подломилась. Дэнни, освобожденный от боли, стоял покачиваясь.

— Убирайтесь отсюда, — со злостью выпалила мадам Заза. — Убирайтесь, а то позову полицию. Я порядочная женщина, у меня есть лицензия. Я не хочу, чтобы у меня в доме происходило черт знает что. Уходите.

Очевидно, эта женщина не нашла ничего необычного, по крайней мере, необъяснимого в том, что стол ползал по потолку.

— Только небольшая демонстрация, — пробормотал Дэнни, с трудом выговаривая слова. Осторожно передвигая ноги, он направился к выходу.

Девушка, широко раскрыв глаза и прижав ладонь ко рту, наблюдала за ним, пока он шел к двери. У другой это означало бы страх. Что выражало лицо этой девушки, Дэнни не мог определить, и его это тревожило.

Он улыбнулся ей с улицы, заметив, как она наблюдает за ним через грязное стекло, затем подозвал такси и уже из машины смотрел на нее, пока магазин не скрылся за углом. Дэнни откинулся на сиденье. У него ничего не оставалось, кроме чувства потери и сознания того, что у него обнаружилась новая сверхъестественная способность.

Если есть еще более необычные таланты, то хорошо бы ничего о них не знать.

* * *

Телефон надрывался от звона, когда Дэнни вошел в свою квартиру. Чертыхнувшись, он пересек

комнату и схватил трубку.

— Алло, — резко произнес он.

— Алло, Дэнни, где тебя черти носят? У тебя все в порядке?

— Кто это… А, это ты, Шон. Да, у меня все нормально. Днем я был в нижнем городе.

— А что там делал?

— Искал биржу.

— Ты искал биржу? — Голос Шона звучал недоверчиво. Казалось, он пытался определить признаки полуправды в его словах. Дэнни почувствовал возмущение. Почему, в конце концов, он должен давать ему отчет в своих действиях?

— Ты напугал меня до смерти, — продолжал Шон. — Я думал, может, ты бросился под электричку метро или еще что-нибудь с собой сделал. Я собирался уже звонить в полицию и больницы. Если женюсь когда-нибудь, клянусь не заводить детей, чтобы не трястись от страха, что какой-нибудь грузовик наедет на моего ребенка. Дэнни, ты бы посидел дома и отдохнул немного. Тебе это просто необходимо.

Дэнни не знал, засмеяться ему или съязвить.

— Почему ты считаешь, что мне это необходимо? — спросил он осторожно.

— Ну это же очевидно. Ты слишком долго ра-

ботал. А отгулял всего одну неделю пять месяцев назад. Почему бы тебе не отдохнуть еще одну? В конце концов, ты ее заработал, хотя «Дельта» и не заплатит тебе за нее.

— Слушай, Шон, — сказал Дэнни. — Ты не должен взваливать на себя все мои проблемы. Я очень ценю твое участие, но меня это уже немного достало. Я не ребенок, чтобы за мной следили, как я перехожу с одного тротуара на другой.

— А, парфянская стрела. Но знаешь, что я думаю, Дэнни? Раз уж ты посвятил меня в свои проблемы, мне кажется, я могу рассчитывать на откровенность.

— Думаю, да… Ну так вот, я провернул одно дельце. Не хотел упустить его. Но я уверен, что с психикой у меня все в порядке я со здоровьем тоже.

— Ну ладно, — произнес Шон с сомнением. — Дай мне знать, если тебе понадобится моя помощь.

— Конечно. Можешь помочь мне прямо сейчас. Ты помнишь имя писателя, который собирал всю информацию о сверхъестественных способностях? Газеты обычно публиковали его материалы дважды в неделю во время мертвого сезона.

Шон фыркнул.

— Мертвый сезон! Я знаю человека, которого ты имеешь в виду. Его фамилия Форт. Чарльз Форт. У нас в городе существует культ фортианцев. Ты хочешь с ним поговорить?

— Я должен, — сказал Дэнни. — У меня в голове сейчас происходят вещи почище летающих тарелок. Да, и еще — ты случайно не знаешь: у нас есть отделение Общества психических исследований?

— Уверен, что есть. Их телефон должен быть в телефонной книге. Ты что, составляешь коллекцию? Тогда можешь пойти в университет и сыграть там в кости с парапсихологами.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Дэнни. — Отлично, Шон. Еще будут какие-нибудь советы?

— Ты ведь слышал, что я тебе говорил, — сказал Шон. Дэнни показалось, что он уловил в его голосе нотки обиды, но он бы не поручился за это.

— Поискать психоаналитика, да?

— Вот-вот.

Наступило неловкое молчание.

Дэнни сказал:

— Ну ладно, Шон. Я подумаю об этом. Не беспокойся обо мне и спасибо за все. Встретимся позже.

— Пока, — сказал Шон.

Дэнни положил трубку и, нахмурившись, сел в кресло. Шон совсем его запутал: доброжелательный, всегда в хорошем настроении, великодушный до смешного, принимающий близко к сердцу чужие обиды и несправедливости, которые не касались его лично, — и все же какой-то неустойчивый, ненадежный, неуловимый, как ртуть. Его жизнерадостный голос по телефону, необъяснимо заинтересованный и все же спокойный и ровный, как стрекот цикад поздним летом, был для Дэнни более загадочен, чем его собственные схватки с иррациональным. Дэнни ни с чем не мог его связать и меньше всего с теми легковесными соображениями, которые Шон высказывал.

Но, кажется, Шон немного обиделся на его упрямое нежелание объяснить свое состояние простым психозом. Он предложил помощь и проявил что-то вроде понимания. И, очевидно, хотел быть в курсе дальнейших действий Дэнни, Шон потерял работу, встав на его сторону, что давало ему право, как он объяснил, знать о его дальнейших планах.

Дэнни решил позвонить Шону и предложить ему участвовать в биржевой сделке. Но затем

передумал. Шон не выказал к этому никакого интереса. Вряд ли он способен поверить в возможность провернуть такую сделку. К тому же у него очень мало денег. В то время, когда Шон впервые пришел в «Дельту», он снимал комнату без горячей воды на Орчард-стрит (в двух кварталах, как он объяснил, от главной нью-йоркской конторы по контролю за изданием порнолитературы) вместе с напыщенным негритянским пацифистом, который проводил большую часть времени в бесполезных поездках по Индии и другим отдаленным местам на деньги какой-то христианской секты. Чернокожий миссионер оставлял квартиру в полное распоряжение Шона в придачу с запасом чая, которым заливал кукурузные хлопья, так как терпеть не мог молока.

Дэнни достал бумажник и проверил свою наличность. От пятерки, после того как он расплатился с таксистом, остались две однодолларовые бумажки плюс мелочь, которую он выгреб из карманов. Чудо, что вообще хоть что-то осталось к концу этого длинного дня.

Совсем стемнело. Дэнни опустил жалюзи и включил настольную лампу. Сев за стол, он написал письмо, описав в деталях события, которые еще не произошли, и указав, когда они должны

случиться. Письмо он адресовал самому себе.

Дэнни прекрасно знал, что письмо может оказаться бесполезным. И хотя ни в чем не был уверен, считал, что не нуждается в свидетельских показаниях в свою защиту. Но вдруг случится так, что ему понадобится помощь, и тогда почтовый штемпель на письме может стать алиби.

А может, и нет. Тем не менее он тщательно запечатал письмо, наклеил марку и положил на стоявший у двери стул, чтобы не забыть взять завтра, когда будет выходить.

Делать было решительно нечего, но беспокойство мешало ему спать. Со скачками, например, произошло что-то неладное. Конечно, предсказать исход заездов намного проще, чем учесть комплекс таких сложных факторов, как биржа. Все же он выиграл на скачках дважды. Это могло быть простой случайностью, но опять же…

Случай с мебелью в доме медиума он не пытался объяснить. Даже воспоминание об этом вызывало головную боль.

Дэнни принял аспирин, но не надеялся, что тот поможет. Он уже нервно икал и у него дрожали руки.

Трясущимися пальцами он поставил будильник на тот час, когда обычно вставал на работу.

Ноги сильно болели. Он устал, очень устал. У него еще хватило сил спросить себя, выиграет он пари или нет, но понять вопрос, который прозвучал в спертом воздухе, он был не в состоянии. Дэнни опустился на кровать со стоном, забыв снять второй носок. И долго, лежа в испарине, воображал, что спит.

Затем… в темноте… в жарком, душном воздухе забормотали беззвучные голоса:

— Напряжение возрастает. Теперь уже это реальность.

— Опасность. Я эстанирую настоящую опасность.

— Да, но мы готовы. Давай подождем.

— Да, подождем.

Дэнни, считая, что он еще спит, пошевелился. Пот стекал с него на мятые простыни. Те же голоса продолжали говорить глубоко из-под земли:

— Ходок ближе, брат, намного ближе.

— Тогда ему нужно остерегаться.

— Но опасность…

— *…Caveat inventor*[60]*. Это правило.*

— Пусть соискатель остерегается…

Голоса продолжали обсуждать вещи, которых

---

[60] Примечания: 60

Caveat inventor (латин.) — пусть изобретатель оберегает от опасности.

он не понимал.

Ледяной пот выступил на лбу Дэнни. Где-то в черной ночи гнездилась пульсирующая боль и кружились мириады крошечных частиц. Он чувствовал легкость и головокружение, чувствовал, что медленно переворачивается.

Дрожь, боль, кружение усилились. Какой-то человек шел далеко внизу. Его ноги смешно двигались под плечами. Дэнни поплыл.

Спустя некоторое время, он почувствовал смутную тревогу, будто видит все это во сне. Он заставил себя двигаться.

Осторожно он поплыл по течению. Перед его глазами крутилась улица, медленно исчезая из виду; теперь он видел звезды и отвесные стены здания, которые, уменьшаясь, заканчивались где-то в созвездии Возничего; ему было чертовски жарко в небытии и неизвестности, в этой влажной теплой духоте.

Ужаснувшись, он пришел в себя. Немного покачиваясь на спине, он вплыл в комнату пятками вперед. Залив под ним померк. Окно поглотило его окончательно.

Дэнни снова лежал на спине на своей кровати, обливаясь потом. Сон исчез.

Если это был сон.

Глава 6
Обучение неофита

Дэнни встал, как только доктор Тодд вышел из своего кабинета. Парапсихолог был низенького роста, лысый и в высшей степени обаятельный человечек, бодрый и совершенно не похожий на тех профессоров, которых Дэнни доводилось встречать раньше. И уж совершенно он не походил на человека с манией, как предсказывал Шон.

— Видите ли, мистер Кейден, — сказал парапсихолог, — я не знаю, что заставило вас думать, что вы наделены парапсихологическим даром. Мы обработали результаты, и я могу с уверенностью сказать, что ваш пси-коэффициент — так мы называем индекс парапсихологических возможностей индивида — сводится к нулю. — Он сел и с важным видом протер стекла очков.

Дэнни нахмурился.

— Что, совсем нет показателей?

— Никаких признаков. Конечно, нельзя сказать ничего определенного, для этого нужно наблюдать вас в течение нескольких месяцев

— лучше нескольких лет — а это, скорее всего, невозможно, так как вы не студент университета. Обычно мы проводим длительные исследования на наших студентах. Но пробные тесты как по картам, так и по игре в кости дали обычные средние результаты.

— А-а. — Дэнни усмехнулся. — Тогда я еще не полный идиот, если у меня средние результаты.

— Не обольщайтесь, — заметил Тодд. — В данном случае показатель ниже среднего так же редок, как и выше. У нас полно данных, когда люди с высоким пси-коэффициентом показывали низкие результаты, если они были расстроены, раздражены, тревожились о результатах и все в таком роде. Стоило им успокоиться и снова пройти тест, и их показатели взлетали вверх со скоростью света.

— А, понимаю. Мое эмоциональное состояние повлияло на мои результаты.

— Что ж, я бы очень хотел, чтобы вы проявили свои способности в нашей области, — весело сказал парапсихолог. — Но не торопитесь, мой мальчик. Вам просто не повезло. Не забывайте, что наши экспериментальные методы позволяют раскрыть только самые рудиментарные пси-способности. Возможно, вы сейчас находитесь

в положении шеф-повара, которого попросили слепить из грязи пирожок. Вы, может быть, и можете это сделать, но такое задание…

— Вызовет у меня разочарование, — продолжил Дэнни. — Вот в этом вы правы. А есть еще что-нибудь?

— Конечно. Это только начало. У нас есть и другие результаты. Взять, например, вашу энцефалограмму. Вы знаете, как она делается?

— Приблизительно представляю, доктор Тодд. Известно, что мозг во время своей работы испускает слабые электрические импульсы, энцефаллограф ловит эти сигналы и записывает их в виде кривой.

— Очень хорошо, — с удовольствием и легким удивлением сказал Тодд. — Ну так вот, ваша альфа-волна — ее посылает мозг, находясь в покое, довольно своеобразна. Кроме привычного ритма есть еще постоянно возникающие вторичные модуляции, с которыми я раньше не сталкивался.

— Вы знаете, что это значит?

— В свете того, что вы мне о себе рассказали, я могу только делать предположения, — осторожно заметил Тодд. — Альфа-волна показывает, что мозг находится *в покое*. Что-то вроде генеральной проверки и ремонта. Сознательную

мыслительную деятельность отражает гамма-волна, которая нас не интересует, поскольку попросту не существует субъекта, чьи пси-способности находились бы полностью под его контролем настолько, что их можно выявить как гамма-волновую активность. Предположительно можно сделать вывод, что по крайней мере какой-то отдел головного мозга, который никто не использует, даже когда думает, у вас постоянно работает. Это не деятельность коры мозга — царства сознания. Это какая-то скрытая, ежеминутная, ежесекундная активность, которую вы не осознаете, так же как вы не осознаете смерть и обновление клеток. Может быть, нам удастся подтвердить эту догадку, если мы просветим ваш мозг рентгеном. По крайней мере, я надеюсь на это. У нас есть несколько жестких методов, чтобы распознать подкорковую СЧВ-активность, но мы редко их используем.

— Что такое СЧВ?

— Сверхчувствительное восприятие. Доктор Райн дал этим пси-способностям такое обобщенное наименование, после того как оказалось, что оно не похоже на действие примерно двух десятков чувств, которыми обладает человек.

— Два десятка… вот это да! Доктор Тодд, я всегда

думал, что у нас только пять чувств. Но если их два десятка, то я верю на слово всему, что вы сказали, без всяких объяснений. Но я бы предпочел заняться своими собственными отклонениями. Они меня сильно смущают. — Он сокрушенно почесал голову. — Одну вещь я точно знаю из личного опыта: СЧВ — это чертовски больно.

— Конечно. Вы ведь открываете новые синапсы, новые пути от клетки к клетке. Многие из них до этого никогда не использовались и, как мы знаем, находятся в зачаточном состоянии. Мы пытались выяснить, является ли СЧВ способностью, которой человек обладал когда-то, но постепенно утратил, или это новое качество, которое он только начал в себе развивать. В любом случае, с каждым разом при очередном использовании этих каналов вам будет все легче, вы привыкнете или выработаете навык их использования. Но индивидуальные синапсы только строительный материал для двух фундаментальных функций мозга. СЧВ — наиболее известна, но ПК — психокинез — тоже очень важна. СЧВ помогает вам распознавать вещи — объекты, события, мысли. ПК дает возможность совершать с ними действия. Так, например, наши наиболее одаренные испытуемые могут повлиять на падение игральной

кости. Все побочные эффекты, такие, как предвидение и телепатия, просто разные проявления этих двух базовых функций, так же как цвета — это различные проявления света.

— А свет, радиоволны и электромагнитный спектр — это единое целое?

— Браво, — воскликнул Тодд, снова удивившись. — Должен заметить, было бы очень здорово, если бы один год физики в колледже оставлял такой же след в головах у наших студентов.

Он умолк, когда в комнату тихо вошел ассистент, неся небольшую стопку черных снимков.

— Ах да, — сказал Тодд. — Давайте посмотрим.

Дэнни взглянул через плечо парапсихолога.

— Я никогда раньше не видел таких рентгеновских снимков.

Тодд хмыкнул.

— А это не рентген, — пояснил он. — У этих лучей до сих пор нет своего названия. На самом деле это продукт развития ядерной химии, побочный эффект от разработки атомной бомбы. Мы установили, что элемент экацезий воздействует на подкорковые комплексы Гольджи, так же, как йод воздействует на щитовидную железу. Поэтому мы ввели вам дозу искусственного радиоактивного экацезия — помните, ту инъ-

екцию, — а потом облучили ваш мозг и стали ждать, что будет. Второй шприц содержал радиоактивное серебро.

Тодд один за другим вставил слайды в проектор. Дэнни с тревогой наблюдал за ним.

— Вот тут есть концентрация, — пробормотал Тодд. — Больше, чем я когда-либо видел, это точно. Трудно сказать, как все это развивается. Но мы это выясним. Приходите завтра, Дэнни. Мне нужно порыться в справочниках. Вы столкнули меня с такой проблемой, с которой, я думаю, даже внуки мои вряд ли справились бы. И завтра мы предпримем новую попытку.

Дэнни не смог сдержать разочарования.

— Вы думаете, у меня есть надежда? — спросил он.

— Надежда? — взорвался парапсихолог. — Да это огромный скачок! Дружище, вы дали мне шанс наконец-то нормально исследовать эту чертовщину, как мы называем все эти пси-способности, а вы спрашиваете меня, есть ли у вас надежда! Выметайтесь отсюда, пока я вас не прикончил и не заспиртовал!

Дэнни поспешно удалился, чувствуя некоторое облегчение. В его мозгу словно отпечатались квадратики, звездочки, крестики, нолики с те-

стовых карточек доктора Тодда. Результаты были потрясающими, но обескураживающе неубедительными. Для Дэнни, который хотел узнать о себе все прямо сейчас, неизбежная морока, связанная с научными разработками, казалась смертельно долгой и скучной.

Ну ладно, этого следовало ожидать.

Трудно представить нормальную контору, даже такую нетрадиционную, как лабораторию парапсихолога, в которой согласились разобраться с непонятными чужаками, вломившимися в голову Дэнни. Ему еще повезло, что доктору Тодду удалось продвинуться так далеко. Уверенность ученого была достаточно заразительной, чтобы Дэнни почувствовал надежду.

Фортианцы оказались менее полезны, но не менее дружелюбны. Местный филиал общества имел только почтовый адрес. Дэнни в конце концов добрался до них с помощью справочника «Кто есть кто». Возглавлял филиал Картье Тейлор, известный писатель, человек, который написал столько ярких, а подчас и проницательных триллеров, что даже Дэнни о нем слышал. На самом деле группа фортианцев, похоже, состояла из писателей различных мастей, большинство из которых больше восхищались великолепным

литературным слогом Мастера, чем его беспорядочными метафизическими теориями.

Тейлор, мужчина зрелого возраста и приятной наружности, жаждал нагрузить Дэнни полуторами сотнями статей, написанных доморощенными талантами всех сортов. У него были целые закрома таких творений, собранных неутомимыми фортианцами по всему свету и имеющих заглавия вроде «Огнеметатели», «Пол-тергейсты», «Дождь из лягушек» и «Вспыхивающее масло». Но теории, которые содержались в этих писаниях, были, мягко говоря, идиотскими. По правде говоря, мистер Тейлор, похоже, сам склонялся к идиотским теориям, но потерпел неудачу, пытаясь приохотить к ним Дэнни.

Тейлор оценивал ученых в целом как своего рода шаманов, а научные методы — как новую форму идолопоклонничества. Эта его особенность подтолкнула его к астрологии, легендам о полой Земле и Лемурии, пирамидологии, френологии, Веданте, черной магии, теософии, розенкрейцерству, кристаллическим атомам, сельскому хозяйству на Луне, Атлантиде и другим подобным глупостям — чем глупее, тем лучше. Однако под конец все эти поверья (если только Тейлор действительно в них верил; Дэнни не

мог с уверенностью сказать, привлекали ли они именитого писателя или ему просто нравилось протестовать против всего более или менее общепринятого) померкли перед своего рода теорией всеобщего зла: Рузвельт пустил мир на самотек, мировая пресса замалчивает паранормальные явления, астрономы сговорились выпрашивать субсидии на бесполезные приборы, физики тайно планируют нажиться, продавая циклотроны университетам, католическая церковь готова запретить свободу мысли на всей территории Соединенных Штатов, доктора рекламируют бесполезные или опасные лекарства, потому что они дороги, — и все это под благовидным предлогом, все это похоже на самую настоящую охоту на ведьм, совершенно безумную. Дэнни совсем не удивился, когда Тейлор начал плавно сворачивать к дианетике.

И все-таки сами по себе произведения Форта были захватывающим чтением, как позже убедился Дэнни, посетив публичную библиотеку. Неудивительно, что писатели благоговели перед этим человеком.

Но, как и у Тейлора, объяснения всевозможных необычных явления в трудах Форта вызывали скорее досаду, чем уважение.

Ученый, вооруженный чувством юмора, огромным терпением и гибким умом, может быть, и извлек бы пользу из «Сверхъестественных талантов» Форта, единственной книги из четырех, которая прямо касалась проблемы Дэнни. Но бывший редактор, у которого не было соответствующей научной подготовки, а только отчаянное желание узнать все здесь и сейчас, не смог найти ничего, кроме уверенности, что еще куча народу находилась в таком же положении, что и он.

Его внимание привлекли и другие книги, хотя он не выработал системы, что искать или как искать. Довольно легко ему удалось найти книги доктора Райна, а упомянутая племянницей медиума книга Гудини, как оказалось, называлась «Волшебник среди духов» — не очень-то многообещающее название, подумал Дэнни. Дальше дело пошло медленнее. «Наше сверхсознательное» Литтлтона удалось найти с большим трудом, а «Науку и психические феномены» Тиррелла он пропустил бы, если бы не вспомнил, что видел эту карточку в картотеке, когда искал книгу Гудини.

Потом он пустился в поиски без разбора, мучительно осознавая, что, возможно, пропускает фундаментальные работы. На «Опыты со време-

нем» Данна[61] он наткнулся благодаря случайному совпадению: он видел популярную пьесу Пристли «Ночь в пустыне», где упоминалась концепция Данна, и его имя всплыло в памяти Дэнни, когда он копался в библиотечной картотеке.

Последняя книга, которую он нашел, была «Терциум органум» Успенского[62]. Он набрел на нее кружным и совершенно ненаучным способом. В кратком обзоре на обложке «Четырех квартетов» Элиота упоминалась книга Успенского «Новая модель универсума», и любопытство заставило Дэнни купить ее, хотя он до сих пор не удосужился ее прочесть. О «Tertium Organum» он никогда не слышал, но одного того факта, что она значилась в карточках, было вполне достаточно. Прежде чем покинуть библиотеку, Дэнни также прихватил «Приключения в Тайном» де Кампа, но, быстро пролистав книгу, понял, что она полностью разоблачающая — разумная и

---

[61] Примечания: 61

Данн, Джон Уильям (1875–1949) — английский мыслитель. Близок к теософии и другим неклассическим направлениям мысли. В книге «Опыт со временем» (1920) и «Серийный мир» (1927) развил концепцию множественности миров.

[62] Примечания: 62

Основные сочинения Успенского Петра Демьяновича (1877–1947), русского философа, мистика, — «Четвертое измерение» (1910), «Терциум органум. Ключ к загадкам мира» (1911), «Новая модель универсума» (1931).

рассудочная, в отличие от произведениий Форта, направленная на то, чтобы разгромить всех, кто не придерживается ортодоксальной точки зрения. Такая книга вряд ли могла помочь человеку, пытающемуся постичь недоказуемое.

Оставалось только Общество парапсихических исследований.

Дэнни даже не пытался представить, кого он может там встретить: может быть, группу медиумов, борющихся за то, чтобы сделать свою деятельность более респектабельной, или квазирелигиозную организацию, проповедующую жизнь после смерти, — в любом случае, он ожидал столкнуться с чем-то сомнительным и бесполезным.

И он был совершенное не готов к знакомству с сэром Льюисом Картером.

Дэнни сразу узнал всемирно известного астронома и популяризатора науки. Плохо подобранные по цвету брюки и куртка, а также трубка сэра Льюиса были знамениты почти так же, как известные торговые марки. Ученый стоял в фойе ОПИ и повернулся, как только Дэнни открыл тяжелую входную дверь.

Дэнни был настолько поражен, что потерял дар речи. Только через некоторое время он смог

произнести:

— Если я не ошибаюсь, вы возглавляете это учреждение, сэр?

Сэр Льюис склонил седую голову.

— Более или менее, юноша. Что вас сюда привело? Проходите же в офис, не стоит делить наши откровения с подставкой для зонтов.

Уже в офисе Дэнни вкратце рассказал о том, что с ним произошло, упуская некоторые уж очень невероятные детали, то есть примерно то же, что и Шону. Сэр Льюис молчал, пока Дэнни не закончил говорить. Потом он спросил:

— Вы разговаривали еще с кем-нибудь по этому поводу?

— Да почти со всеми, — признался Дэнни. — Даже с фортианцами и СВЧ-типами из университета.

Сэр Льюис отогнал призраков доктора Райна взмахом трубки.

— Вы не узнаете ничего путного от этого сброда, уверяю вас. Они даже не понимают, что вы можете оперировать такими тонкими вещами, как психические проявления, так же легко, как они отдают приказы собакам. У этих феноменов свои законы, и они упрямо не хотят показываться нам.

Дэнни почувствовал себя не в своей тарелке. Какую цель преследовал сэр Льюис, выдвигая этот старый довод? Дэнни решил не спрашивать. Трудно не благоговеть перед живой легендой. Вместо этого он сказал:

— Звучит убедительно. Я бы хотел знать, как можно контролировать это… ну, эти силы. Тот способ, которым они проявляются, уж очень неудобен. Я уже потерял работу и подозреваю, что скоро меня ждут еще большие неприятности.

«Похоже, — добавил он мысленно, — я точно выиграю в этом году золотую медаль за умалчивание истины».

— Я искренне вам сочувствую, — степенно произнес сэр Льюис. — Полагаю, вам стоит остаться у нас на обследование, пока мы не определим природу сил, с которыми вы столкнулись. Мы можем комфортабельно разместить вас, и тогда у нас будет возможность изучать эти проявления сразу, как только они появятся. У нас есть средства, поэтому вам не надо будет беспокоиться о работе. К тому же вы будете, так сказать, вне улицы, а значит, в безопасности.

— Это очень великодушно, — сказал Дэнни, — но, к сожалению, мне нужно столько сделать, чтобы напасть на след, что я не могу сейчас те-

рять время. Я не преувеличу, если скажу, что мои мысли в полном беспорядке. Может быть, немного попозже?

— Конечно, как вам удобно, — ответил сэр Льюис. — Давайте я запишу ваш адрес. Постараюсь прислать вам литературу, может быть, что-то будет для вас полезно.

— Спасибо, — сказал Дэнни.

— Вам спасибо, мистер Кейден. Пожалуйста, звоните мне. Возможно, я смогу вам чем-то помочь. Думаю, вы скоро обнаружите, что ситуация, в которой вы оказались, еще больше усложнится.

— Вероятно, так и будет, — спокойно ответил Дэнни.

Глава 7
Звонки и ответы на них

В метро, по пути к дому, Дэнни пролистал свежую газету. Он сразу же открыл страницу, посвященную финансам, но не обнаружил там статьи о «Международной пшенице» — она переместилась на первую полосу. «Пшеница» получила обвинительный акт, и рынок уже упал на три пункта. Эксперты начали беспокоиться.

Вот оно, доказательство!

Дэнни обрадовался, что отправил письмо.

Сегодня уже слишком поздно, чтобы снимать со счета свою прибыль от спекуляции, но в понедельник деньги можно будет получить. Их хватит надолго. Однако почему бы этому дару предвидения не поработать на скачках? Разве нельзя контролировать это чертово видение будущего?

Он одержал победу, но ее никто не видел.

Когда Дэнни подъехал к своему дому, в вестибюле стояла небольшая группа жильцов. От них, как только Дэнни прошел в дверь, отделился полный, хорошо одетый мужчина, в котором Дэнни не сразу узнал своего квартирного хозяина. Женщины подались назад и зашептались.

— Мистер Кейден, могу я поговорить с вами наедине?

— Конечно, — сказал Дэнни. Они прошли во внутреннюю дверь, оставив женщин перешептываться в вестибюле.

— Боюсь, я вынужден просить вас освободить вашу квартиру, — объявил хозяин, когда они оказались на лестнице. — Я считаю себя человеком широких взглядов, мистер Кейден, но большинство из моих квартиросъемщиков принадлежит к среднему классу и придерживается довольно

строгих правил поведение. Они считают недопустимым присутствие молодых женщин в квартире холостяка.

Сначала Дэнни даже не задела эта помпезная фраза. Он не придал ей большого значения.

— Молодых женщин? — переспросил он.

— Может быть, мне следовало выразиться в единственном числе, но я предвосхищаю события. Мне позвонила миссис Тафури из квартиры восемь А, и сообщила, что ваша квартира стала источником беспокойства, — нараспев продолжал хозяин. — Насколько я понял ситуацию после удаления несовпадений из рассказов разных жильцов, миссис Тафури видела, как молодая леди подъехала на такси и затем вошла в дом. Миссис Эмерсон из шесть Д слышала, как к вам звонили в дверь, после чего — через несколько минут — молодая леди поднялась по ступенькам и вошла к вам в квартиру, воспользовавшись ключом. — Он глубоко вдохнул, прежде чем начать следующее предложение. — Позже управляющий, человек проверенной и, я бы сказал, непререкаемой честности, которому позвонили по телефону, чтобы он починил текущий кран — несуществующий кран, должен добавить, — доложил мне, что ключ отсутствует. Именно тот

ключ с доски на вахте, на котором был номер вашей квартиры. И в довершение всего, миссис Шенбрун, которая живет в квартире под вами, слышала, как кто-то ходит над ней, а поскольку она почти глуха и интересуется спиртными напитками, то когда она позвонила в контору с заявлением, что к ней явился призрак, мы этому не поверили, но сделали определенные умозаключения. В то же время управляющий сделал запрос о ключе и был проинформирован миссис Флорес из два Б, что…

Дэнни услышал достаточно. Он рванулся вверх по ступенькам, оставив хозяина выпутываться из паутины сложноподчиненных предложений. Необъяснимо, но его рука дрогнула, и бородка ключа стукнула по замку.

Ну да, конечно, девушка была там. Она смотрела на него с настороженностью, не двинувшись с места ни на дюйм при его появлении. Дэнни хлопнул дверью, закрыл ее на ключ и на щеколду. Через секунду дородный напыщенный осел заколотил в тонкую дверную панель.

— Двадцать четыре часа! — воскликнул хозяин. — Предупреждение о выселении! Приличный дом! Мы не потерпим! Закон и порядок! Вы слышите?

— Ага, — сказал Дэнни. — Я съеду. Проваливайте. Вы моих пауков разбудите.

Из-за закрытой двери раздался придушенный возглас.

Дэнни взглянул на девушку. Она сидела в его любимом кресле, куря одну из длинных сигарет, которые он обожал. Стеклянный мундштук лежал на телефонном столике позади нее. Она взирала на Дэнни с холодным удивлением.

— Что вы здесь делаете? — прорычал он.

— Вас жду, — ответила она. — А если вы спросите, откуда я знаю ваш адрес, так я подслушала, как вы давали его водителю такси, когда уезжали от моей тетушки.

— Не похоже, чтобы у вас хватило присутствия духа, чтобы подслушать даже сигнал воздушной тревоги.

— Если мне что-то нужно услышать, я услышу, а если мне что-то понадобится, я это получу. В первом случае, вас адрес. Во втором случае, ваши секреты. Кстати, меня зовут Марла.

— Дэнни Кейден, — машинально представился он. — Какого черта! Спасибо, пусть мои секреты останутся при мне. Что вам на самом деле от меня нужно? Вы ворвались в мою квартиру, и теперь у меня из-за вас неприятности.

— С вашими талантами, — ответила она обманчиво сладким голосом, — я уверена, что вы можете найти неприятности на пустом месте. А я хочу не упустить возможность увидеть, как вы это делаете.

— Черт бы вас побрал. Вы быстро сейчас уберетесь из моей квартиры, или я вас отсюда вышвырну.

— Вы этого не сделаете, — сказала Марла. — Я закричу. И вы попадете за решетку. А это не очень-то здорово.

Он изумленно уставился на нее.

— Это что — шантаж? У меня нет денег, а сейчас я не дам и двух центов за обвинение в изнасиловании. У вас ничего не получится. Вы и так уже нанесли максимальный урон моей репутации среди соседей.

— Не нужны мне ваши деньги. У вас есть кое-что намного более ценное для меня. И ваши личные тайны мне ни к чему, мне нужны профессиональные. И не сердитесь на Марлу, Дэнни. Она славная девушка. Вы знаете так же, как и я, что профессиональный маг имеет в виду под «тайной». А вы профессионал, и один из лучших. Судя по силе ваших эффектов, я бы сказала, что вы учились у Ферстона, хотя вы и слишком молоды,

чтобы быть его учеником.

— Вы заблуждаетесь. Я видел Ферстона всего один раз, мне тогда было семь лет. Он засунул мне в рот колоду карт и порезал мне губы. Я был одним из тридцати детей на сцене. *Так что вам нужно?*

— Я хочу знать, как вы проделали тот трюк: подняли стол и стул. Вы сделали это без каких-либо явных приготовлений и в месте, которое до этого никогда не видели. Никакие известные мне трюки не выдерживают сравнения с тем, что вы сделали. Что еще вы умеете делать?

— Если я высуну язык, — сказал Дэнни язвительно, — то могу ворковать, как голубок. — Он приготовился продемонстрировать этот фокус, когда понял, что для этого надо не только высунуть язык, но и скрутить его трубочкой, словно табачный лист в сигаре. И хотя он весело проделывал это перед многими девушками, ему вдруг расхотелось высовывать язык перед Марлой. — А что касается того, что я немножко покружил вашу мебель, я сам мозги свернул набекрень, пытаясь понять, как мне это удалось. Для меня это такой же большой секрет, как и для вас. Когда я выясню, как это делается, я буду тренироваться на вас: расстегивать вам молнию на брюках, а

также завязывать шнурки морским узлом. Теперь вы уйдете?

— Ни в коем случае. Я не уйду, пока не узнаю вашего секрета. Вы большой лжец, Дэнни, но я видела Даннингера и не верю в духов.

Дэнни опустился в кресло-качалку и тут же резко встал. Вид нейлоновых чулок, который открылся ему с этого места, не способствовал сосредоточенным размышлениям. Он прошел к раковине, чтобы вымыть руки.

— А как же ваша тетушка? — спросил он в отчаянии.

— Эта старая карга? — презрительно расхохоталась Марла, так, что кресло заскрипело. — Она топчется на месте — использует старые знания и не хочет учиться ничему новому. Марла другая. Она из тех умненьких сосунков, которых не проведешь занудными фокусами Гудини. Я поняла, как только увидела ваш трюк, что это совершенно новый метод, и я от вас не отстану.

Скрип раздался снова, и она добавила:

— Даже если мне придется выйти замуж.

— Понимаю, — отозвался Дэнни. — Интересно, как вы додумались до этого. Я не хочу портить вам вечер, Марла, но вы должны уяснить себе, что мне нечего продавать, даже за такую цену.

Внезапно у него закололо в груди, и ему пришлось остановиться на минуту.

— Или же вы, возможно, заключите сделку сами с собой, если это вас утешит.

— *Нет, не утешит*, — откликнулась девушка, раздельно произнося слова. — Я пришла сюда не спать с вами. Если бы мне только это было нужно, я бы сразу сказала. Если я позже решу, что мне этого хочется, я буду с вами спать, и если вы после этого предложите мне свой секрет, или Тадж Махал, или двадцать пять центов, я раздавлю вас, как гнилой мандарин. Я говорила о том, что хочу выйти за вас замуж, прежде чем вы перевели разговор на другую тему.

— Ну конечно же, вы не спите со своими мужьями. Вы просто едите их.

— Вы такой же мерзкий, как и все американцы. Если мне понадобиться подписать брачный контракт с вами, я подпишу. Вам тоже придется его подписать. Боже упаси, если вы не сделаете этого, — и к тому же если вы не уберете вашу постель. Держу пари, вы неделями белья не меняете.

Дэнни уже приготовился возразить, что менял белье не далее как пять дней назад, когда кто-то резко постучал в дверь.

— Убирайтесь, — рявкнул Дэнни. — Я уже ска-

зал, что съеду. Пошел вон!

Снаружи воцарилось удивленное молчание. Затем стук раздался снова. Очевидно, это был не квартирный хозяин. Дэнни осторожно повернул замок, отодвинул щеколду и выглянул в дверной проем.

Стоящий за дверью человек был одет в серый деловой костюм и серую фетровую шляпу. Выглядел он, как отставной бухгалтер-ревизор.

— Мистер Кейден?

— Это я.

— ФБР, — сказал пришедший, открывая бумажник. Удостоверение подтверждало аббревиатуру. Дэнни молча посторонился, пропуская его вперед.

— Спасибо. Мне нужно с вами поговорить. Похоже, у вас неприятности, мистер Кейден.

— Когда об этом напишут в газетах, я сохраню вырезку. Что на этот раз? Только не говорите, что мой квартирный хозяин решил воспользоваться актом Манна!

Лицо Марлы мгновенно застыло. Она бесстрастно наблюдала, как за окном сгущаются сумерки.

— Нет, мистер Кейден, ваша личная жизнь нас не интересует. Я здесь по поручению Комиссии по ценным бумагам, а также по заданию ФБР.

Полагаю, что вы были слишком молоды, чтобы застать крах двадцать девятого года, но нас беспокоит, как бы он опять не разразился. Игроки, которые хотят, чтобы снова произошел обвал, и граждане, которые проводят подобные операции, даже не подозревая о том, чем это грозит, быстро привлекают наше внимание.

— И чему я обязан, что попал в эту категорию? — осторожно спросил Дэнни.

— Ваши действия сегодня показались нам, мягко говоря, подозрительными, — заявил фэбээровец, усаживаясь в кресло-качалку и кладя ногу на ногу. Он даже шляпу не снял, но она выглядела на нем так естественно, будто была его неотъемлемой частью. Агент бросил одобрительный взгляд на колени Марлы, прежде чем продолжить, с таким видом, будто обладал всем, что ни есть в мире:

— Ваши экс-работодатели рассказали, что вы раскрыли секретное обвинение министра юстиции против «Международной пшеницы» не только до даты обнародования этого решения, но и даже до того, как был составлен циркуляр. Сегодня мы обнаруживаем, что вы оказались единственным инвестором на бирже, прищемившим «Пшеницу», когда после обвинения начался

обвал акций; вы и еще несколько непрофессионалов, которые следуют любой примете, включая астрологию, — но вы единственный наносите страшный урон. Такая проделка делает честь даже бывалому спекулянту — не то что одиночке, который впервые сыграл на бирже — а у нас не было записей о том, что вы принимали участие в подобных сделках. Даже ваш брокер признал, что никогда о вас раньше не слышал, только разве когда вы учились в колледже. — Он приподнялся в кресле, чтобы расширить обзор. Марла тоже слегка приподнялась. Дэнни не мог точно сказать, что заставило их так сделать, но он был готов поклясться, что внимание фэбээровца было сосредоточено явно не на его обязанностях — и что движение девушки не дало ему возможности увидеть ни на квадратный миллиметр больше того, что Марла сочла нужным дать ему увидеть.

Дэнни был необъяснимо польщен.

— Вот уж не знал таких подробностей, — сказал он. — Если я совершил преступление, пожалуйста, предъявите обвинение. А то у меня есть другие дела.

Фэбээровец вежливо засмеялся, по-прежнему не удостаивая Дэнни взглядом.

— Умные игроки редко совершают преступ-

ления, — сказал он. — Иногда нам приходится обвинять их в нарушении акта Шермана. Когда нам не удается это сделать, мы вызываем их в суд в качестве свидетелей.

— Свидетелей чего?

— Ну, нарушения акта Шермана или акта Робинсона — Пэтмена, если уж очень нужно выйти за рамки дозволенного. Вы меня не слушаете?

— Так же, как вы на меня смотрите.

— Ах, извините, мистер Кейден. Ваша юная леди красива, вам должно быть лестно.

Дэнни упер руки в бока. Ехидная болтовня этого ненормального агента начала обретать смысл, и ему потребовалось максимально точно выяснить, что происходит. Конечно, тот факт, что министерство юстиции планировало держать в секрете обвинение до официального предъявления, был решающим. Если бы Дэнни преждевременно не вынес этот факт на страницы «Кроникла», обвинение не вызвало бы нежелательного эффекта на рынке.

И то, что упавшие в цене акции «Пшеницы» нашли только одного инвестора — его самого, — уже отбросило компанию на грань банкротства, к тому же это откликнется по всей Уолл-стрит и в правительстве и ввергнет всех в панику. Подоб-

ная тактика использовалась во время скандалов Захарова и Инсулла.

Но Дэнни, в отличие от Сэмюэля Инсулла, не был старым и раскаивающимся изгнанником и не мог ожидать сочувственных статей в желтых газетах, или, как Тейлор любил их именовать, «гадюшниках». Если окажется, что в «Пшенице» действительно планировали манипулировать рынком вопреки обвинительному заключению, о котором компания должна была знать, то Дэнни станет козлом отпущения, что будет большим сюрпризом как для «Пшеницы», так и для самого Дэнни. Его заживо загрызут биржевые волки.

Дар предвидения, похоже, заготовил ему еще одну ловушку.

— Так вы меня арестовываете? — спросил он удрученно.

— Ну да, временно. Вы привлечены судом в качестве свидетеля по делу о фиксации цен, о нарушениях правил, установленных Комиссией по ценным бумагам, и к тому же о возможных нарушениях актов Шермана и Робинсона — Пэтмена. Юридически вы ни в чем не обвиняетесь. Мы просто хотим узнать о вас побольше и постараемся проверить то, что мы узнаем. Так что вы не арестованы. Просто задержаны до выяснения

обстоятельств.

— Как бродяга по обвинению в бродяжничестве.

— Ну да, примерно так. Однако вам потребуется адвокат. Лучше наймите хотя бы одного. Мы в вас заинтересованы больше, чем в каком-нибудь бродяге. — Фэбээровец слегка подвинул качалку. Похоже, этот маневр не принес ему больших успехов.

— Что это для меня значит, в смысле, что мне можно и что нельзя делать?

— Это означает, что суд хочет быть уверенным, что сможет найти вас по этому адресу. И это все. Ожидается, что вы наймете адвоката и будете жить здесь, пока вас не вызовут. А вас вызовут в течение нескольких дней, я так полагаю, поэтому не выходите никуда, не предупредив, куда идете. Но я бы на вашем месте вообще никуда не ходил, мистер Кейден. Если вы выйдете на улицу, то рискуете попасть за решетку. Ах да, кстати: мы уже приняли меры к тому, чтобы заморозить ваши счета.

— Я не могу получить деньги?

— Нет. Мы не вполне уверены, что они действительно ваши. Они могут принадлежать нескольким не очень крупным инвесторам, кото-

рые в праве рассчитывать, что с их сбережениями будут обращаться честно.

Неожиданно, не глядя на фэбээровца и не меняя позы, Марла сказала:

— Вот ведь воровская шайка!

Фэбээровец с сожалением бросил взгляд на ее бедра и встал.

— Прошу прощения, мисс, — произнес он голосом, в котором послышались человеческие нотки. — Это моя работа.

Марла не ответила. Дэнни молчал. Фэбээровец наконец удостоил его взглядом, не то чтобы недружелюбным, просто не очень заинтересованным. Глаза у него были пустыми и невыразительными.

— Не мне судить, виновны вы или нет, мистер Кейден, — заметил он. — Вы выглядите порядочным человеком. Если это действительно так, вам лучше не дергаться. Если вы нарушите обязательство, суд сочтет это доказательством вашей вины. Не выходите из дома, и все будет в порядке. Если вы все сделаете как надо, то и окажетесь на высоте. ФБР предоставит вам услуги адвоката, если вы не можете это себе позволить. — Он внезапно повернулся и улыбнулся Марле, но она все еще смотрела в темное окно. — Если честно, я

не могу себе представить, чтобы человек вашего возраста мог оказаться злым гением, как считает КЦБ, — у вас просто недостаточно опыта. Стойте на своем, что бы ни случилось, и вы очистите свое доброе имя.

— Спасибо, — вяло отозвался Дэнни. В последнее время он слишком часто говорил «спасибо» по поводу и без повода.

— Не стоит. — Агент оглянулся на Марлу, пожал плечами и вышел. Хлопнула дверь.

Марла шевельнулась. Она встала и прошла к окну, в которое смотрела в течение всего разговора с агентом. Дэнни решил не анализировать эту перемену. Он благодарно опустился в большое кресло и опустил голову на руки.

Ему пришло в голову, что, похоже, он большую часть жизни провел, съежившись в этом кресле и размышляя, что делать дальше. Но теперь изгибы подлокотников, спинки и сиденья олицетворяли тупик. Он не может уйти и не может остаться.

Может быть, ему удастся убедить хозяина, что причины, по которым он хочет, чтобы Дэнни съехал, менее весомы перед предписаниями ФБР. Но, хотя вероятность успеха этого предприятия была довольно велика, Дэнни отклонил эту мысль. Этот путь вызвал бы еще больше толков среди

соседей.

«Вы слышали? Этот мистер Кейден из пять Д водил в квартиру женщину, а теперь за ним пришли из ФБР. Говорят, он не имеет права покинуть здание. Заперся в комнате, вот что я слышала. Я всегда думала, что с ним что-то неладно. Он слишком много читает, а это вредно, быстро можно свихнуться. И с детьми он странно себя ведет. Говорят, он держит пауков. Ни за что бы не въехала в его квартиру. Он коммунист, вот мое мнение. Если нет, то при чем тут ФБР? Если мужчина постоянно ходит, уткнув нос в книжку, это непременно на нем скажется. Из книжек берутся всякие идеи. И даже такой с виду приличный молодой человек не избежал их влияния».

Дэнни поразился, как этот не слишком дружелюбный приговор перерос в яркую, живо возникшую в его воображении картину. Его бессознательное хваталось за соломинку.

Нет, его бессознательное было здесь ни причем. Разговор продолжался, даже после того как он постарался выбросить его из головы.

«Дэвид, закрой дверь хорошенько. Он иногда приходит домой рано и…»

Дэнни догадался, кто говорит: дешевая бабенка, живущая в другом конце коридора. Он в отчая-

нии схватился за голову. Еще только телепатии ему не хватало!

Но он тут же понял, что уже слишком поздно. В доме знали о ФБР, слухи распространялись со скоростью света. Если бы на Марсе были домохозяйки, и там бы судачили о нем. И подобные сплетни вполне могли вызвать интерес журналистов — само упоминание о ФБР могло привлечь к нему целую толпу писак.

Такого оскорбления ему не вынести: он больше не может так оставаться. И завтра он пойдет к Тодду. Но ему же нельзя выходить. Суд запретил. И КЦБ заморозила его счета…

Дэнни чувствовал себя как крыса в ловушке. Он был в отчаянии от постоянных неудач, на грани ужасного нервного срыва. Голоса исчезли, но голова болела ужасно. Напряжение от попыток справиться со сверхъестественными и непредсказуемыми эффектами истощили его жизнестойкость, и конца этому не предвиделось.

Пси-способности росли в нем, росли, как любой другой талант, увеличивающийся от практики. Дэнни вспомнил, что говорил его учитель музыки двадцать лет назад, когда он с отвращением учился играть на виолончели. «Практика дает совершенство, — говорил он. — Но может также

прикончить».

Марла повернулась и посмотрела на него; взгляд ее стал более мягким.

— У тебя неприятности, да? — спросила она. — Похоже, Марла поставила не на ту лошадь.

— Дверь не закрыта, — сказал Дэнни. — Забирай свою ставку и отправляйся домой.

Она тряхнула головой.

— Теперь ты от меня не избавишься, Дэнни. Я остаюсь. Расскажи, что с тобой случилось.

— Ох, ради Бога…

— Нет, только для того, чтобы тебе полегчало. Я не обещаю верить каждому твоему слову, но тебе просто необходимо высказаться.

Дэнни покорно рассказал и про «поисковые трюки», и про выигрыши в лотерее, и про Эмерса, стараясь быть кратким, частично из-за усталости, частично из-за презрения к тому, о чем рассказывал. Он хотел побыстрее закончить, поскольку вся эта предыстория смыкалась с тем, что с ним произошло за последнее время.

— Когда я учился в старших классах, — сказал он вдруг, — моя родня просто помешалась на игре в бридж с пятью мастями. Тогда эта игра на какое-то время захватила всю страну, хотя ни в какое сравнение не шла с канастой. Кроме

обычных червей, крестей, треф и бубен, там была еще одна масть — орлы.

— Короны, — перебила его девушка. — Я знаю эту колоду. Однажды я купила одну. Думала, что пятая масть пригодится для карточных фокусов, если бы мне вздумалось ими заняться, но я так ее ни разу и не использовала. Эта масть называется «короны».

— Может быть. Если она называлась «короны», держу пари, что ты купила колоду до бума. Возможно — игра была придумана в Европе, и, когда началось сумасшедшее увлечение ею, какой-то патриот решил, что игра будет продаваться лучше, если назвать пятую масть «орлами». Как бы ее ни называли, долго она не протянула. Я и сам считал, что она лучше подошла бы для покера, но не для строгого покера, а для всяких его сложных разновидностей, в которые превращается покер, когда в игре участвуют женщины. *(Кроме этой*, подумал он. С первого взгляда он понял, что в этой девушке сосредоточены и покер со старшей и младшей рукой, и джек-пот с возрастанием, и «плюнь в океан»[63]).

— И ты «орел»?

---

[63] Примечания: 63
Разновидности покера.

— Точно, я «орел», — подтвердил Дэнни. — Мало чести, сумасшедшая карта в капризной масти. Валет «орлов» собственной персоной; все для всех и ничего для себя.

— Я все же предпочитаю называть эту масть «коронами», — сказала Марла. — Я рада, что ты мне это рассказал. У меня даже появилась моральная причина здесь остаться — теперь, когда ты действительно в трудном положении. Конечно, если я тебе нужна. Мне нравится игра с неравными шансами. Если в ней выигрываешь, выигрыш получается сумасшедший.

— Ага, — подтвердил Дэнни. — К черту этот разговор о лошадях. Я бы лучше…

Он захлопнул рот — слышно было, как щелкнули зубы, — и стоял неподвижно, ошеломленный.

— Подожди-ка, — наконец произнес он. — Подожди-ка минутку. Я сказал: «я ставил на деньги». Но я ведь ставил на лошадей.

— А какая разница?

— Огромная. В одной книге Райна говорится, что благодаря сверхчувствительному восприятию точность возрастает с увеличением числа вещей, которыми манипулируешь.

— Здорово. Только я не понимаю.

— И не должна. Так ты остаешься? Ладно, ты

можешь пригодиться. Сколько у тебя денег?

Она тревожно застыла и сказала насмешливо:

— Постой, малыш. Ты имеешь дело с Марлой. Она кое-что соображает, если помнишь. Здесь нет лошадей — здесь квартира.

Он почти ее не слышал.

— Множество одинаковых объектов — вот в чем дело. Не лошади — они все со своим особым характером, все уникальные комбинации. А вот долларовые купюры почти одинаковы. Нас не волнуют действительные результаты скачек; предсказать их — трудная математическая проблема. И держу пари, что с помощью парапсихологии с ней не справиться. Но мы можем проследить за потоком денег — только за одними долларовыми купюрами — в любой букмекерской конторе.

— Ты несешь чепуху.

— Я? — Он иронично усмехнулся. — Ты ведь хотела изучить, как я работаю, да? Ну так вот, у тебя есть такая возможность. — Он достал одну из оставшихся у него купюр и отдал ей. — Положи это в свой кошелек. Добавь что-нибудь из своих денег. Для этого фокуса нам не потребуется расписание заездов или клички лошадей. Вот смотри…

Он встал и подошел к окну, устремив невидя-

щий взгляд через стекло и вспоминая вращение миллионов мельчайших искр на поверхности своего мозга. Секундой позже память соединилась с реальностью, и его голова загудела от боли.

Дэнни не обращал на нее внимания. Он потянулся за карандашом, натолкнулся рукой на раковину, и его пальцы коснулись куска мыла, углом которого он нацарапал цифры на оконном стекле.

— Чертовщина какая-то.

— Заткнись и смотри сюда. Сделай свои ставки вот в таком порядке на любую лошадь. Поняла? Когда ты сделаешь возврат восемнадцать к одному на четвертой ставке — а ты сделаешь — повтори шестую ставку дважды. Затем повтори первую ставку, затем подожди двузначного возврата на девятой ставке, так, и…

Девушка нашла карандаш, помусолила грифель стала списывать ряд написанных на стекле цифр на ткань своего платка.

— Я не слабоумная. Уж за числами могу проследить. Если будешь болтать под руку, я сделаю ошибку.

— Ладно.

Она бросила карандаш на телефонный столик.

— Вот. Не знаю, почему я это делаю. Но только не из-за любви.

Она положила купюру Дэнни в кошелек и исчезла за дверью. У Дэнни мелькнула мысль, увидит ли он ее еще когда-нибудь, но почти сразу же со спокойной уверенностью ответил себе, что для этой девушки любой подарок окажется слишком мал, чтобы ее удовлетворить, и ничего с этим не поделаешь.

Затем он сразу о ней забыл. Прегрешение, которое изумило бы его, если бы он его осознал. Вдруг его неистово потянуло к библиотечным книгам, которые он принес домой, и он принялся листать страницы со скоростью, при которой невозможно было рассмотреть их содержимое, или вдруг останавливался, чтобы прочитать параграф, или четыре страницы подряд, или одну страницу без всякой последовательности и плана. Крошечные искры еще струилось по извилинам его мозга, и он действовал по их указанию, словно ведомый невидимым поводырем.

Под стрекалом этого жестокого сверхчувствительного библиотекаря он сразу же отбросил книгу Тиррелла, хотя рациональная часть его мозга этому противилась. Работа содержала массу важной информации, но из нее мало что

годилось для разрешения стоящей перед ним проблемы. Он не представлял, каким образом, но он это знал точно. Новую книгу Райна он уже читал и, кроме того, рассчитывал, что Тодд тоже ее знает прекрасно. Литтлтон дал ему историю вопроса, которую он прочитал с фантастической скоростью, — не осознавая, что на самом деле он просто листал страницы, тратя на прочтение каждой не более двух секунд, пока не закончил раздел, — и несколько больше на то, чтобы без особого успеха применить к тому, что искал. Книга Гудини, как Дэнни и подозревал, оказалась для него совершенно бесполезной.

«Опыт со временем» в конце концов направил его по следу. Он вскочил с дрожью тревоги, когда наткнулся на решающую главу, вспомнив, как близко он подошел, пропустив книгу Данна, затем должен был сесть снова, чтобы справиться с головокружением. Потом пробежал две работы Успенского, очень обширные и наполненные невероятно наивным оккультизмом. Обе — особенно более поздняя, которая находилась в его собственной маленькой библиотечке вот уже год и которую он так и не прочитал, — дали неожиданный результат.

Он снял телефонную трубку и назвал телефо-

нистке домашний телефон доктора Тодда. Спустя некоторое время тот ответил сонным голосом. Дэнни быстро начал говорить, переводя дыхание только тогда, когда ему нужно было сделать паузу между предложениями. Он говорил около двух минут, пока его не прервал Тодд, голос которого потрескивал, как бекон, поджариваемый на сковородке.

— Постойте, Дэнни, я что-то не понял. Вы что, прочитали эти книги за последний час?

— Не все, только часть из них. Другие читал в библиотеке. К тому же я не читал все подряд, только просматривал. Но я уверен, что все понял.

— Я тоже все понял. Мне эти книги очень хорошо знакомы. Ненужной информации в них предостаточно. Если вы сумели усвоить малую толику полезной информации за один или пять часов… У вас болит голова?

— А что? Да, сейчас очень сильно болит. Тодд хмыкнул.

— Я так и думал. Другая подкорковая область вступила в игру. Так вот, вы эти книги совсем не читали — вы запечатлели их содержимое в своей памяти с помощью СЧВ, сами того не подозревая. Ладно, Дэнни, я сейчас этим займусь. У вас есть карандаш?

Дэнни пошарил по карманам, затем увидел, что у лежавшего рядом с телефоном карандаша сломан грифель. Тогда он перенес телефонный аппарат к темнеющему окну, стер рукавом нацарапанные на нем цифры и взял кусок мыла.

— Говорите.

Тодд быстро продиктовал ему список оборудования. Дэнни нацарапал его на оконном стекле.

— Все это можно получить у Отто Майнера, кроме осциллографа. Чтобы достать его, позвоните по номеру БА 7–8333 и говорите с тем, кто возьмет трубку. Ваш лошадиный трюк окупится, Дэнни, так что у нас будут деньги. Если все же денег не окажется, позвоните мне снова и… нет, к тому времени я уже буду у вас. В таком случае я получу материал из университета. Но если мы сможем купить новое оборудование, это нам поможет.

— Принцип Гейзенберга?

— Вот именно. В физике хорошее оборудование — залог результата. В парафизике экспериментатору также без него не обойтись. Но не будем отвлекаться. Мы должны получить ответы на все вопросы еще до наступления утра.

— Хорошо, — сказал Дэнни. Он положил трубку и обшарил стол в поисках другого карандаша. Вместо него он обнаружил шариковую ручку с

остатками пасты. Кое-как он все же умудрился ею писать. Он уже заканчивал копировать список с оконного стекла, когда в дверь три раза постучали тяжелыми, требовательными ударами.

Стиснув зубы, он открыл дверь и был ослеплен буйством ярких красок, за которыми не мог вначале никого разглядеть. Только когда он вгляделся пристальнее, масса перед ним приобрела некую форму.

Субъект, стоявший в дверях, был ростом шесть футов и семь дюймов. Дэнни никогда еще не приходилось видеть человека с такой странной, напоминающей овал фигурой: обширные, как у слона, бедра, которые равномерно суживались к маленьким ступням, пузатый живот, грудь обычного объема, плечи узкие, хотя предплечья выглядели толстыми — то ли от мускулов, то ли от жира, то ли от того и другого вместе. Незнакомец был облачен в фиолетовую блузу, перепоясанную красным кушаком. Его голова, повязанная пестрым головным платком, покачивалась из стороны в сторону. Неправильные черты смуглого лица невольно вызывали улыбку.

Незнакомец уставился на Дэнни, а затем вдруг взревел:

— Где моя сестра?

Господи, подумал Дэнни, ну и семейка.

— Ее здесь нет, — сказал он. — Не кричите, соседей разбудите.

Огромный верзила ввалился в комнату, оттолкнув хозяина с дороги с неуклюжей легкостью слона, не обращающего внимания на ветки деревьев.

— Она здесь, — прорычал он. Дэнни захлопнул дверь. — Я узнал это от мадам Зазы. Она сначала чихнула, потом сказала — значит, это правда. В нашей семье нет вранья вот уж тыщу лет. Где она?

— Говорю вам, ее здесь нет. Она действительно была, но ушла.

— Ты обидел, я пришел защищать, — прорычал гигант немного тише. — Она пришла сюда, она, может, вернется. Я подожду.

Что у них за манера вваливаться в чужой дом! Дэнни покачал головой. Трудно было воспринимать всерьез этого персонажа из комической оперы, но этот человек обладал немалой физической силой и, несмотря на свою невероятно забавную наружность, представлял определенную угрозу, мог наделать неприятностей. Как его выпроводить?

— Не думаю, чтобы она вернулась, — сказал он

осторожно. — Я ее не звал сюда. Она сама захотела прийти.

— Я подожду, — сказал гигант настойчиво, как будто не слышал Дэнни. От него сильно разило чесноком и дешевым вином.

— Ладно, — сказал Дэнни. — Если хотите ждать, ждите. Хотите выпить, чтобы скоротать время?

— Что?

— Я спросил, хотите выпить? Похоже, вы довольно долго без выпивки, а Марла, может, еще не скоро придет.

— Я выпью. Принеси.

— Не могу принести. И в доме никого нет. — Дэнни надеялся, что привратник спит. — Я вот что вам скажу. Сходите сами за выпивкой. На углу есть хороший бар.

— Ты иди и принеси. А я подожду.

— Не могу. Мне нужно поговорить по телефону. Вот. — Он пошарил по карманам, наконец вспомнил, что в маленьком кармашке оставалась одна купюра. Он не стал ее разворачивать. Конечно, сумма слишком мала, и через некоторое время верзила это обнаружит. Но на какое-то время от него можно будет избавиться. — Возьмите и купите в баре пару бутылок хорошего вина. Оттуда вы можете наблюдать за квартирой, если

боитесь, что я сбегу. И заметить, когда вернется Марла, если она вообще вернется. Ну так как?

Гигант помялся, поморгал и взял деньги.

— А ты оставайся, — пробурчал он угрожающе.

— Конечно, куда я денусь. Давайте, двигайте, выпить хочется.

Гигант вышел. Дэнни прикрыл дверь, ожидая пока не стихнут шаги, и защелкнул замок. Это, конечно, не выход. Гигант может поднять адский шум, колотя в дверь, но Дэнни был уверен, что он не обнаружит, что денег не хватит не только на две, но даже на одну бутылку, пока не дойдет до бара и, скорее всего, там их и пропьет. Учитывая, что он, кажется, уже здорово нагрузился, ему нужно не так уж много, чтобы застрять в баре. Впрочем, у брата Марлы такая комплекция, что потребуется немало алкоголя, чтобы его насытить.

Дверь затрещала, как будто кто-то бросился на нее всем телом. Дэнни вздохнул и щелкнул замком.

— Ближайшее бедствие, — сказал он весело, — наступит через десять минут на четвертом ипподроме.

Глава 8
Эксперимент

Перед ним стояла Марла. Ее записная книжка вздулась и карманы жакета выпирали. Лицо у нее было очень оживленным.

— Я выиграла, — сказала она. — Мальчик, я выиграла. И не дожидаясь открытия ипподрома. Только поставила деньги и следовала твоим цифрам, и сейчас я богатая женщина. Теперь могу купить все иллюзионы, включая индийский канатный трюк.

— Как хочешь. Между прочим, я только что встретил твоего родственника.

— Что? Мою тетю? Она пришла сюда?

— Нет, твоего брата. Он следил за тобой. Похоже, его это здорово разозлило.

— А, бог с ним. Он не мой брат. Он сын Зазы. Это вымогательство. Они каждый раз стараются выяснить, где живет человек, с которым я встречаюсь. Именно из-за этого я ушла от Зазы. Он получил от тебя деньги?

— Каким образом? По счастью у меня оставался один бакс. Я отдал его ему на выпивку.

Она усмехнулась:

— Остроумно. Этим он сейчас и занимается. Ну, если он вернется, придется доказывать, что у меня не будет внебрачного ребенка.

— Не придется. Я дам тебе другую работу. Отнеси деньги в контору Отто Мейнера.

— А что там такое?

— Эта фирма занимается поставками научного оборудования. Их контора находится на углу Эдгертона и Пятой улицы за рекой. Сейчас она, конечно, закрыта, но на двери есть звонок для посетителей. Скажи, что тебя прислал доктор Тодд из университета. Его секретарь это подтвердит. Когда тебя впустят, заплати по счету и вернись сюда в их грузовике.

Марла, воинственно откинув голову, уставилась на него.

— Ты собираешься послать меня через реку ночью? — воскликнула она. — Ты что, не знаешь, что в это время работает только паром?

— Знаю, конечно. Я тебя сюда не звал. Если хочешь чему-нибудь от меня научиться, ты должна это заслужить. Да, и оставь мне половину денег. Тебе так много не потребуется.

— Скряга! Ладно, вот, бери. Если я простужусь и умру, это будет на твоей совести.

Она вышла. Дэнни снял телефонную трубку и набрал номер, который ему дал Тодд. Ответил вежливый голос, усталый, но приятный, явно принадлежащий человеку с врожденной культурой.

— Я от доктора Тодда.

— Да, я так и понял, — ответил незнакомец. — Только один Тодд знает, что я здесь засиживаюсь допоздна. Чем могу вам помочь?

— Мне нужен энцеллограф модели ЭУ, шестиканальный, по экстренному заказу.

— Вы как раз попали туда, куда следует. Кому мне выставить счет: Тодду, университету или вам?

— Мне. Вы можете отправить его наложенным платежом? — спросил Дэнни. Затем назвал адрес. — Сколько он стоит?

— С ценой определенная трудность. Дело в том, что мы ее подняли в конце месяца, но я выставлю вам старую цену, поскольку прибор предназначен для хорошего доктора. Это будет стоить две тысячи семьсот долларов.

Дэнни чуть не выронил трубку. Он подсчитал деньги, которые ему оставила Марла. Наконец сказал:

— А что если я заплачу половину сейчас, а

остальное позже.

— Прекрасно. Я пошлю вам осциллограф через полчаса и насколько я знаю Тодда, он сразу же приступит к делу. Что-нибудь еще?

— Нет, это все, — сказал Дэнни. — Спасибо.

— Пожалуйста, звоните, когда что-нибудь понадобится. Я рад выполнить любой заказ. Спокойной ночи.

Дэнни, немного ошеломленный, повесил трубку. Это было его первая за многие годы встреча с редким видом людей, для которых вежливость была совершенно естественной. Если одно имя Тодда обладало такой силой, значит, он даже более известен, чем можно было предположить.

Дэнни ничего не оставалось делать, как только сидеть и ждать. Все закусочные были закрыты, но после пяти телефонных звонков он нашел одну и заказал там полдюжины сандвичей. Затем снова уселся в кресло и бездумно уставился на шариковую ручку.

Ровно через полчаса прибыл энцеллограф. Он представлял собой длинный высокий ящик на колесах, с двумя табло и самописцем сверху. Ящик был стальным, в зеленом хрустящем чехле. Дэнни тщательно исследовал его и прочитал приложенную к нему инструкцию, но его знаний

электроники явно не хватало, чтобы с ней справиться. Тодд, остальное оборудование и сандвичи появились одновременно. Оборудование прибыло на трехтонном грузовике. Марла сидела сзади, свесив свои сногсшибательные ноги через задний откидной борт. Тодд наблюдал за ней через забрызганное окно, пока Дэнни расплачивался с посыльным из закусочной.

— Вот еще два бакса, — сказал Дэнни мальчику. — Один из них тебе. Другой для здоровенного типа с головной повязкой и красным поясом, который пьянствует в баре на той стороне улицы. Когда отдашь ему бакс, вернешься сюда, расскажешь, как он выглядит, и я отдам тебе твой.

— Сделаю, сэр, — заверил мальчик.

— Это ваша девушка, Дэнни. Хорошенькая. — Тодд выглядел явно заинтересованным.

— Я не встречал ее до сегодняшнего дня, — улыбнулся Дэнни, деловито жуя сэндвич. — Но могу с уверенностью сказать, что девушка ко мне привязалась. Она считает меня шарлатаном и хочет выяснить, как я это делаю, чтобы самой научиться.

Тодд улыбнулся.

— Ну, может, ей повезет, и она выяснит — при условии, что поймет. Я вижу, Генри прислал

вам ЭУ.

— Вы имеете в виду эту вещь? Да. А кто он?

— Он президент «Рахм». Блестящий терапевт и один из самых трудолюбивых людей, каких я встречал.

— Он действительно много работает, если был там так поздно, — заметил Дэнни. — Думаю, ученые не часто бывают одновременно президентами компании.

— Да, но Генри не обычный ученый, вернее, не такой, как другие. А вот прибыла следующая часть. — Шофер терпеливо ждал, пока Тодд читал отметки на деревянном ящике. — Это резонатор. Лучше положить его на кровать. Я буду монтировать его последовательно в цепь, и ему не хватит места на столе.

Марла зашла в комнату с пакетом поменьше, тяжело дыша. Она со злостью посмотрела на Дэнни.

— Что мне с этим делать?

— Положи на стол, — предложил Дэнни. — Марла, это доктор Тодд из университета. Отдохни и съешь сандвич. Мы будем на ногах всю ночь.

— Я уже это поняла, — усмехнулась девушка. Она наблюдала с большим интересом, как Дэнни и Тодд распаковывают ее сверток. Маленький

трансформатор был включен в стенную розетку, и от него Тодд протянул целую гирлянду непонятных электрических проводов.

Последний предмет, который выгрузили из грузовика, оказался самым громоздким. Это было операционное кресло, какие обычно используются для операций на мозге. Оно очень смахивало на зубоврачебное до того, как Тодд водрузил на него электродную коробку от энцеллографа. Сам энцеллограф он подкатил к дальней стене и установил справа от кресла, соединив кабелем с электродной коробкой.

— Эта штуку нужно заземлить, — бормотал Тодд. — по крайней мере, мы не должны экранировать пациента. То есть вас, Дэнни.

Монтаж обычного детектора лжи занял больше времени, и не каждый техник понял бы, что Тодд намеревается с ним делать.

— Вот так, для начала, — наконец сказал Тодд. — Потом можно будет внести изменения, если понадобится.

— Хорошо, доктор Тодд, подождите минуту, — попросил Дэнни. Мальчик из закусочной снова появился в дверях. — Ты нашел того парня?

— Нет, сэр. — ответил посыльный. — Хозяин бара сказал, что он разодрался с одним парнем и

его выгнали. Он сказал, что тот здорово напился.

— Ох, черт, не нравится мне это, — пробормотал Дэнни. — Ладно, дружок, оставь себе доллар, который я дал тебе для него. Спасибо.

— Хорошо, спасибо вам, мистер.

— Он вернется, — сказала Марла мрачно.

— Я ничего с этим не могу поделать, Марла. Что теперь, доктор Тодд?

— Ну, для начала давайте снимем запись вашего телекинетического трюка, — сказал Тодд. — Расскажите только, какое вы испытывали ощущение.

Дэнни объяснил, насколько сумел, ощущение кружения и головной боли, которая его сопровождала. Когда он рассказал, как поднялся стол в прихожей медиума, глаза Тодда заблестели.

— Это эффект Блэкетта, — сказал он. — Вы сократили гравитационное поле каждого атома в столе. Отвесная центробежная сила от вращения Земли подняла стол, а силы Кориолиса заставили его передвигаться по потолку. Прекрасная демонстрация того, что до настоящего времени являлось только предположением.

— Атомы? Тогда, значит, те крутящиеся искры…

— Это, разумеется, электроны. Думаю, нам нуж-

но попробовать с помощью этого оборудования дать вам сознательный контроль над психокинезом. Необходимо сделать вот что — внедрить полное сознательное понимание этого физического процесса в вашу кору головного мозга, и тогда мы сможем обнаружить связь между тем, что происходит у вас в голове, и психокинезом. Что вы знаете о силе Кориолиса?

— Она вроде центробежной, но заставляет объект при вращении сползать в сторону, а не вылетать.

— Именно. Сила, которая удерживала воду в крутящемся ведре мистера Ньютона. А теперь… — Он вынул из кармана пиджака обрывок бумаги, быстро нацарапал что-то на нем и сунул под нос Дэнни.

Там была написана формула: G = (2CP/BU)2. Дэнни некоторое время изучал ее.

— Я не чувствую разницы, — признался он.

— Вы знаете, что такое магнитный момент?

Дэнни постарался вспомнить физику, которую изучал в колледже.

— Дайте подумать… Это… ух, произведение силы магнитного заряда и расстояния между полями?

— Правильно. Ваш мозг как стальной капкан,

Дэнни. А вы расточали свои силы в журналистике. А теперь посмотрим снова на уравнение. Магнитный момент — это P. U — это угловая кинетическая энергия, G — это гравитационная постоянная, и C — это инвариантная скорость света. Я хочу показать вам этой формулой, что магнитное поле является продуктом вращения вокруг оси и что притяжение — функция этого вращения. Теперь, если вы вспомните, что каждый электрон — это крошечный электромагнит и значение B как неопределенная поправка равно примерно 0,25…

Дэнни напрягся, стараясь сопоставить все факторы. Его мозг не привык к таким подсчетам, даже простая алгебра была для него темным лесом. Тодд, прищурив глаза, наблюдал за ним.

Хлоп.

Вдруг, как будто прямо перед собой, он увидел ответ. Цифры, конечно, а не вещество. Это было подсчитанное взаимоотношение. Он заморгал от изумления.

Тодд улыбнулся, глядя на него почти хищно.

— Сдвиньте что-нибудь, — предложил он.

Кусок мыла, лежавший на подоконнике, неожиданно соскользнул с него и, пролетев через комнату по пологой траектории, врезался в стену

и упал в резонатор. Остатки от него стекали по обоям.

Тодд обошел кровать кругом и вытащил остатки мыла из аппарата.

— Полегче, — хихикнул он. — Постепенно вы научитесь контролировать свои способности. А пока прилагайте немного меньше силы. У вас сейчас такое усилие, что вы можете тащить упирающуюся свинью.

— Мне все же непонятно, — удивился Дэнни, — откуда появилась жидкость. И каким образом вырабатывается энергия, чтобы перемещать мыло?

— Вы сами вырабатываете энергию, Дэнни, — пояснил Тодд. — И значительную. Психокинез — это одна из высших форм деятельности человеческого мозга, которая очень изнурительна, если применяются длительные усилия. Те электроны, на которые вы воздействуете в первую очередь, — ваши собственные, в клетках вашего мозга. Вы проектируете результирующее поле на объект, который вы хотите сдвинуть, поскольку очевидно, что вы не телепортируете внутри вашего черепа. В результате — поднятие и движение объекта.

— Тогда вы тоже можете это сделать, доктор

Тодд.

— Я старался последние пару десятков лет, — сказал Тодд с тихим смешком. — Мне не удается вызвать первоначальное ощущение — движение электронов у меня в голове. Ничего не происходит, вот что. Боюсь, у меня нет такого таланта.

Дэнни неожиданно почувствовал себя виноватым. Как получилось, что он так быстро овладел способностью управлять этой силой после краткого обучения, а этот человек, который в десять раз его умнее, положил многие годы на их изучение и вынужден отступить ни с чем?

— Не расстраивайтесь, — сказал Тодд, как будто он был телепатом. — Я способен изучать, а не совершать и прекрасно это понимаю. Давайте продолжим. Мы ведь только начали.

Дэнни вдруг повернул голову и посмотрел на Марлу. Она стояла, прислонившись спиной к двери, и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Во рту у нее застрял непрожеванный кусок сэндвича.

— Что случилось, Марла? Разве не это ты хотела видеть? Что тебя напугало?

Она с трудом двинула кистью руки; очевидно, это движение придало ей смелости, чтобы пошевелить всей рукой.

— Конечно, ты это сделал, — наконец сказала она. — Мне только сейчас пришло в голову, что ты действительно не обманывал. Я имею в виду, когда ты сказал, что не мошенничаешь в этом деле. Если это так, то все это ни черта не стоит. Это не нормально.

— Абсолютно нормально, — насмешливо возразил Тодд. — Люди, которые никогда не пытались заглянуть немного дальше своего носа, чувствуют тоже самое в отношении световых лет, Марла, но это не значит, что звезды не нормальны. Просто многие люди не в состоянии этого понять. А теперь, Дэнни, садитесь в кресло и давайте займемся сверхчувствительным восприятием. Я предупреждаю, что эта задача потруднее. У нас есть основания считать, что СЧВ отчасти не физическое явление. — Он вытащил шприц из пузырька с резиновой крышкой и ввел иглу в предплечье Дэнни. — Согните локоть. Пока мы работаем, у нас пойдет отслеживающий процесс.

— Что вы теперь собираетесь делать? — осторожно спросила Марла.

— Зарегистрировать мысли Дэнни, — пояснил Тодд, смазывая Дэнни виски и кружок на его лбу ваткой, смоченной в ацетоне. Дэнни сел в хирургическое кресло, и Тодд начал прикреплять серые

липкие кружки к тем местам на голове Дэнни, которые он протер. — Ваш приятель навел меня на мысль, что энергия пси-механизма в целом может быть энергией бесконечно перекрывающихся функций Фурье, в которых нервные импульсы играют роль динамических переменных.

— Эй, полегче. Скажите мне все это человеческим языком.

Дэнни улыбнулся:

— Мне это так же не понятно, как и тебе, Марла. Я всего лишь предположил, что неиспользуемая часть человеческого мозга может работать не так, как серое вещество. Так называемое «течение времени», которое движется только вперед, — это миф, который мы сами взрастили. Люди не всегда таким образом осознавали себя во времени. Греки, например, считали, что они движутся *спиной* к будущему и что новые события появляются в настоящем сзади, точно так же, как мы видим появляющийся и удаляющийся от нас пейзаж, когда едем в поезде спиной по ходу движения. Некоторые племена американских индейцев вообще не воспринимают время как прошлое, настоящее и будущее, а только как своего рода беспрестанно изменяющееся настоящее, что нам трудно понять — настолько для нас это чуждо. Ты

понимаешь, о чем я говорю?

— Думаю, да. Но какое это имеет отношение к ясновидению?

— Как раз имеет. Насколько я понимаю, ни один из этих способов осознания времени не рассматривает его в целом. Ведь на самом деле, все события — прошлые, настоящие и будущие — существуют вместе. Они не возникают в каком-то вымышленном настоящем и затем мгновенно исчезают снова, когда настоящее вдруг становится прошлым. Нам только кажется, что так происходит, потому что сознание наблюдателя движется среди этих событий и наталкивается на них только один раз.

Я вот что предложил доктору Тодду. Пси-механизм мозга может непосредственно воспринимать все это и воздействовать на события напрямую, в то время как серое вещество, кора головного мозга, не воспринимает их, поскольку разделяет время на прошлое, настоящее и будущее. Только то, что сформулировал доктор Тодд, — математический метод постановки той же самой идеи, который для меня так же не понятен, как и для тебя, — и я не вижу, как его можно понять. Вот для чего здесь доктор.

Девушка обдумала то, что сказал Дэнни.

— Мне кажется, я поняла, — сказала она наконец, — Вы говорите, что все события связаны и должны происходить так, как они происходят. Но это же предопределение.

— Это корковый метод понимания проблемы, — сказал Тодд, вставляя электроды в серые кружки и ловко заглаживая их сверху языком. — Если вы настаиваете на том, чтобы мыслить в таких категориях, тогда действительно это можно назвать предопределением. Но события происходят не в строгой последовательности.

Данн, например, рассматривает бесконечную серию частично совпадающих уровней событий, в каждом из которых закрепляется своего рода победное решение. Там будет много пространства для действия по собственному усмотрению, как вы понимаете, если мы примем такое явно метафизическое представление.

— Ух! — сказала Марла уныло. — Мне это не понять, ведь я не профессионал, доктор Тодд. Ладно, я это все представляю так: масса кинопленок, которые все накладываются в длину друг на друга. Все они содержать один и тот же фильм, но кадры немного сдвинуты, и главный герой может перемещаться из кадра в кадр, как ему заблагорассудится. По крайней мере, так я поняла

то, что вы сказали.

— Отличный способ передачи этой мысли, — сказал доктор Тодд удивленно. Он присоединил электроды к коробке, пересек комнату и начал настраивать энцеллограф. — Я что-то не очень уверен в ваших скобках Пуассона Дэнни. Думаю, нам следует допустить также, что ваши импульс-группы сочетаются с принципом вероятности Гейзенберга. Тогда аналогия Марлы была бы применима и там.

— Все, что вам нравится. Вы главный, вам и решать, — сказал Дэнни, усаживаясь в кресло, которое оказалось не слишком удобным. — Марла, Доктор Тодд собирается проверить эту идею и выяснить, подходит она или нет для активной СВЧ-функции. Затем, если все пойдет так как надо, он локализует пси-центр у меня в мозгу и поставит его под мой контроль. Вот для чего нужен этот аппарат.

— Готово, Дэнни.

Энцеллограф загудел, почти неслышно. На медленно ползущей термочувствительной бумаге шесть самописцев вырисовывали ломанные линии. Тодд с сомнением наблюдал за их движением.

— Что вы делаете, сочиняете лимерики? —

спросил он. — Расслабьтесь, Дэнни, иначе у меня ничего не выйдет.

— Неужели эта машина может сказать вам, о чем он думает? — недоверчиво спросила Марла.

— Нет, разумеется, нет. Помолчите сейчас, девушка. Дэнни, расслабьтесь. Станьте слабоумным идиотом. Вначале мне нужны основные структуры вашего мозга, а не что-то такое, для чего нужно приглашать шифровщика.

Дэнни закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Но он был в сознании, поэтому не мог, конечно, полностью избавиться от мыслей. Он постарался опустошить свой мозг от всего, кроме мимолетных образов, увядающих желаний и неопределенных эмоций, которые не поддавались контролю.

— Уже лучше, — сказал Тодд. — Продержитесь так минуту. Все тихо… Хорошо. Теперь, когда я вам скажу, вы расслабитесь полностью и поднимете опять кусок мыла — нет, нет, Дэнни, не визуально. Я не хочу портить запись субоптической активностью. Поднимайте мыло, как только я скажу «начали».

— Как я могу его поднять, не видя?

— Вы не должны его видеть. Ваш пси-механизм находится с ним в непосредственном контакте.

Теперь снова расслабьтесь… Хорошо… *Поехали!*

Тодд удовлетворенно хрюкнул, и глаза Дэнни непроизвольно открылись. Мыло, висевшее как раз над столом, стало опускаться.

Тодд трясущимися руками держал рентгеновскую пластинку над его лбом.

— Терпение, терпение, Дэнни. Нам предстоит еще много сделать. Я хочу заснять лоб, потом несколько пластин с висков, с затылка и с макушки черепа. Закройте глаза.

Дэнни закрыл глаза. Тодд повторил всю процедуру; затем еще, и снова, и еще раз. Дэнни почувствовал, что его потянуло в сон.

— Хорошо. Очень хорошо. Отдохните, Дэнни. — Дэнни открыл глаза. Тодд положил пластины в раковину и покрыл их пледом.

— У вас нет жидкости в ванночке, — сонно пробормотала Марла.

— Мне не нужно жидкости. Достаточно губки, пропитанной аммонием. Это хсерограммы — сухие фотопластинки. — Ученый начал привязывать кисти рук Дэнни к ручкам кресла и подкатил преобразованный детектор лжи.

— А сейчас, Марла, давайте в течение примерно часа помолчим. Каждое слово, которое вы скажете, зарегистрируется вместе с Дэнни. Это

исказит показания моего кимографа. А нам такие данные не нужны. Теперь решающая стадия. Ну, мои дети, потихоньку. Тсс.

Дэнни закрыл глаза. Тишина стала абсолютной.

Ему снилось, что он был…

Нет. Это непоправимо. Нет. Уже слишком поздно. Он сделал это из любопытства, и теперь слишком поздно. Слишком поздно. Нет, нет, нет, нет…

Он застонал и постарался сесть прямо, но его кисти были привязаны. Слабый свет струился через окно; рассвет.

— Все хорошо, Дэнни. — Голос Тодда шуршал, как шелуха. — Мы почти закончили.

Дэнни осматривал комнату из-под полуопущенных век. Марла заснула в кресле. Ученый изучал самую последнюю в бесконечной серии фотопластин; его движения были обдуманно однообразными. Когда Тодд поместил новую пластину перед лампой, Дэнни увидел на ней силуэт, похожий на вспышку сигнальной ракеты. Это кажется вполне удовлетворило Тодда. Воздух вокруг него был насыщен возбуждением.

— Дэнни, просыпайтесь.

— Хм. — Свет в комнате исчез. Видимо, это все

же не рассвет. Свет был иллюзией, возникшей из его кошмара, когда он летал. *(Нет, нет…* это прошло, действительно прошло.) — Который час?

— Около пяти. Вы проснулись?

— Вроде бы. Получилось что-нибудь?

— Да. Прежде всего, идея Фурье оказалась верной. Для меня это выглядит так, как если бы весь СЧВ-центр находился сейчас в действии; но в вашей коре до сих пор нет никаких следов импульсов. Я бы хотел выяснить, сколько из одновременных событий вы можете обнаружить, скажем, за пять минут начиная с этого момента. Все что угодно. Мои перемещения по комнате или все, что может происходить сейчас на улице.

— Лад… но, — Дэнни боролся со своим полуоцепением, с ускользающими следами своего кошмара. Тодд следил за полоской бумаги, выползающей из энцеллографа.

— Не получилось, — сказал он хрипло. — Расслабьтесь снова, Дэнни. Снова засните, если можете. Я хочу, чтобы ваша кора почти выключилась. Тихо…

Дэнни обмяк в кресле. Слабые токи опасности прошли через него; его мозг парил над бездной, которую, как ему казалось, он узнал. Затем в знакомой обстановке комнаты возникли смутные

тени. Он протестующе пошевелился.

— Что такое, Дэнни?

— Хм, что-то происходит, хотя и нет движения.

— Возможно, это всего лишь один кинокадр, если использовать аналогию Марлы. Посмотрите, не сможете ли вы использовать ориентиры.

Дэнни бессознательно пытался это сделать; он не был уверен, что понимает, о чем его спрашивали. Но вне зависимости от его воли смутные фигуры, которые он ощущал в комнате, начали двигаться. В то же самое время он увидел отрезок улицы снаружи, включая подъезд, ведущий в квартиры под ним. Это было странное и головокружительное ощущение, для передачи которого не существовало слов.

Он почувствовал явную опасность, менее ужасную, чем кошмар, который он видел раньше, но намного более реальную.

— Я эстанирую… — прошептал он.

— Вы — что? Я вас не расслышал.

— Я не понимаю, что это, доктор Тодд. Но мне это не нравится. В комнате больше людей, чем должно быть. Кроме Марлы, вас и меня здесь находится еще один человек, который, кажется, упал и… а также автомобиль на нижнем этаже и в нем два человека. Происходит какая-то ссора.

И еще… странные запахи — это все, что я могу рассказать.

Тодд наблюдал за детектором, как ястреб. Маленькие перья самописцев быстро двигались, оставляя графические записи, которые только он один мог прочесть.

— Продолжайте.

— Я потерял это, — сказал Дэнни. — Нет, подождите — у двоих из этих парней оружие. Сейчас там свалка. И… нет, снова продолжается. — Он открыл глаза и выпрямился в кресле, полностью придя в себя. — Что вы об этом думаете?

Тодд принялся развязывать ему руки.

— Понятия не имею, — пробормотал он хмуро. — Может быть, случайная локализация времени?

— Марла была здесь, вы тоже. По крайней мере, я так думаю. Но я не мог вас ясно разглядеть. Личности невозможно было определить. Боже мой, что за сон я видел!

— Я изменил на вас полярности около часа назад. Возможно, в этом причина. Вам было плохо? Меня это немного тревожит.

— Если вы все это устроили, — проворчал Дэнни, — то вас следует придушить прямо на месте. Но сейчас уже все прошло.

Внизу резко затормозил автомобиль. Быстрым движением руки Тодд выдернул шнур от лампы из розетки, погрузив комнату в темноту. До рассвета было далеко, и за окнами царила тьма. Дэнни сорвал электроды с головы и поднялся с кресла.

— Уже, — прошептал он. — Смотрите, у первого парня пистолет-автомат. Что-то мне подсказывает, что я своими манипуляциями подпалил длинный бикфордов шнур. Хотелось бы мне иметь какое-нибудь оружие под рукой.

Тодд потряс Марлу за плечо:

— Вставай, девочка. Быстро. Дэнни, где у вас стенной шкаф? Спрячьте ее там.

— У нас неприятности, Марла, — сказал Дэнни. — Пройди вон туда и не высовывайся, что бы ты ни услышала.

Зазвонил дверной звонок. Резкий звук заставил их всех вздрогнуть. Дэнни закрыл дверь за Марлой.

— Пусть попробуют зайти сами. Сделаем вид, что меня нет дома, — сказал Дэнни мрачно. — Можно как-нибудь обезопасить оборудование?

— Слишком поздно и нет резона, — кратко заключил Тодд. — Черт, еще пять минут, и мы могли бы все записать. А теперь, пусть они спо-

ткнутся об аппарат и запутаются в проводах.

Послышалось шарканье ног. В неясном свете от уличного фонаря, отражающегося на потолке, Дэнни видел, как ученый схватил маленький трансформатор. Удар им из-за угла мог расколоть самый крепкий череп. Дэнни усмехнулся, поднял стул и занял позицию сбоку от двери.

— Кейден? — раздался резкий голос. Дэнни не ответил. — Мы знаем, что ты там. У нас к тебе дело. Открывай или мы изрешетим дверь.

Дэнни колебался. Он понятия не имел, что это за люди и что им от него понадобилось. Но он понимал, что открыть придется. Пули пистолета-автомата пробьют дверцы стенного шкафа, который находился как раз на линии огня.

— Ладно, — сказал он. — Подождите.

Он опустил стул, затем отпер и распахнул дверь.

Яркий луч света проник в комнату, выхватив из темноты Тодда, державшего на весу трансформатор.

— Привет, дедуля. Опусти-ка эту штуковину и включи свет.

Тодд нехотя воткнул вилку в розетку. В комнату вошли сразу три человека, двое из них оттолкнули Дэнни и встали так, чтобы контролировать

всю комнату. В одном из них Дэнни узнал официанта, которого видел в букмекерском притоне.

— Вот этого я знаю, — сказал официант, указывая пальцем на Дэнни. — Он был вчера у Джо, босс. Нет, позавчера. Это он мог нас уделать.

— Где девчонка? — спросил человек с фонариком.

— Какая девчонка?

— Твоя посыльная. Мы выследили ее до этого дома, после того как она весь тотализатор перевернула вверх дном.

— Ушла домой, — сказал Дэнни. — Она ведь только посыльная.

— Эдди, ты говорил, что твой человек следил за этим домом, пока не появились ребята.

— Здесь есть задняя дверь, босс, — пояснил официант. — У меня не было двух парней, чтобы поставить их на два выхода.

Человек с фонариком обдумывал сказанное, его глаза скользили по расставленному по комнате оборудованию.

Он с удивлением наклонился над фотопластинками на столе.

В тот же момент Тодд, который держал трансформатор в течение всего времени, швырнул его и сам бросился на пол. Пистолет-автомат выпал

из рук громилы, повалившегося, как спиленное дерево. Дэнни изо всех сил ударил человека с фонариком и подскочил к другому бандиту.

В этот момент раздался оглушительный звон стекла и взрыв электронных ламп — это первый громила повалился на энцелограф, который выкатился из-под него и врезался в раковину. Человек, которого перехватил Дэнни, явно не желавший стрелять, яростно бил его рукояткой пистолета. На Дэнни набросились и сбили с ног.

Позади него послышался топот тяжелых ботинок, и затем несколько пар рук схватили его и отбросили прочь. В комнату ввалились, по крайней мере, еще трое — люди, которые, очевидно, стояли за дверью. Дэнни запоздало применил вновь обретенные психокинетические способности и послал упавший пистолет-пулемет прямо в ближайшего бандита. От удивления тот разинул рот, не веря своим глазам. Тодд, вырываясь из объятий громилы, который почти в два раза превосходил его габаритами, сильно ударил его ногой в голень. Тот вскрикнул, но не выпустил Тодда, ругаясь на чем свет стоит. Двое бандитов навалились на Дэнни.

Он пустил в дело стакан и тяжелый словарь, но тут же почувствовал, как дуло пистолета упер-

лось ему под лопатку.

— Прекрати гонять вещи, — прорычал голос у него за спиной. — Мне наплевать, как ты это делаешь, но если ты не уймешься, я тебя пристрелю.

Значение сказанного было достаточно ясно. Дэнни послушался, и предметы, которые он посылал по комнате, упали на пол.

— Что делать с этим старикашкой, босс?

— Свяжи и затолкай в стенной шкаф. Этот старикан — слишком шустрый, от него только беспокойство. Возьми один из этих проводов.

Громила замотал Тодда проводом, пока тот не стал похож на мумию электронной эпохи. Когда он открыл дверь в стенной шкаф, ему на голову обрушился зонтик Дэнни.

— Вот те на! Тут еще кто-то! Хватай ее, Туи. Так, значит, ты не ушла домой, сестренка? Вяжи ее, Туи.

В прихожей кто-то произнес:

— Что за черт… — И там раздался смачный удар. Еще один вооруженный бандит, шатаясь, спиной ввалился в комнату. За ним вкатилась гора, изрыгающая лаву.

— Ты посмел дотронуться до моей сестры! Да я вас всех…

С совершенно идиотской точностью машины

Туи присел за спиной у Марлы, на ходу разворачиваясь и выхватывая пистолет из кармана пиджака. Раздался выстрел. Дэнни ясно слышал оба удара пули — один в грудь гиганта, другой в стену лестничной клетки за его спиной. Пьяный цыган повалился навзничь; на его лице все еще оставалось выражение ярости, хотя он был уже мертв.

— Господи, что это — банда или собрание ООН! Ладно, давайте сматываться. Кто-нибудь из жильцов уже вызвал копов. Полейте воды на этих двух, чтобы они оклемались.

Тодда и Марлу, связанных и с кляпами в зубах, поставили в разные углы стенного шкафа и заперли там. Дэнни старался спроецировать на них своего рода уверенность, но телепатические способности упорно отказывались ему подчиняться. Поскольку ни Тодд, ни Марла не обладали телепатией, а уверенность была мифической, он понял, что рассчитывать ему не на что.

Его подняли и чем-то ткнули под ребра.

— Пошел.

Глава 9

На пределе сил

В течение первых двадцати минут Дэнни старался внимательно следить, по какому маршруту едет машина. Светало. Несколько отрывочных фраз, которыми обменялись захватившие его люди, только подтвердили его первое впечатление о них.

Это были гангстеры, подручные мелких аферистов, входивших в крупный игорный синдикат. Не стоило прислушиваться к разговору этой мелкой сошки. Гораздо важнее было выяснить, к кому его везли. Автомобиль въехал на верхний пролет моста Кингвей и помчался по автостраде. Дэнни понял, что водитель даже не пытается запутать следы. Отсюда он мог с легкостью прочертить маршрут до своей квартиры. Они ехали очень быстро прямиком из города, по тому самому маршруту, который торговая палата рекомендует туристам.

Урок более чем нагляден.

Они знали, что Дэнни не вернется назад.

Съехав с моста, автомобиль мчался минут пять, затем свернул на покрытую гравием дорогу, по которой ехал довольно долго и наконец затормозил у длинного приземистого здания, похожего

на пользующуюся дурной славой придорожную закусочную или заброшенный загородный дом. Дэнни ввели через черный ход, поэтому он не видел подъезда.

— Он здесь, шеф, — сказал человек с фонариком. Дэнни грубо втолкнули в небольшую комнату, пол которой был устлан толстым ковром, а большая часть занята массивным столом со стеклянной столешницей. Сидевший за столом человек, одетый в дорогой, но неброский костюм, был маленького роста, щуплый, с землистым лицом недокормленного ирландца. Дэнни никогда его прежде не встречал.

— Закрой дверь, Туи. Итак, ты Дэнни Кейден. Твоя мать слишком часто бегала в кино.

— Обычное сокращение имени у нью-орлеанцев, о котором знает любой, у кого есть хотя бы две извилины, — сказал Дэнни спокойно. — А как вас зовут?

— Я здесь задаю вопросы, — заявил человек, сидевший за столом. — Мерф, ты уверен, что это тот самый парень?

— Да, мы нашли у него в квартире девчонку. Она пряталась в стенном шкафу. Там же оказался этот парень, а еще старикашка, и потом приперся огромный цыган, который пытался на

нас напасть.

— Твои ребята ничего не напутали?

— Эдди сказал, что видел его у Джо позавчера, — уверенно ответил Мерф. — Это тот самый парень, все в порядке.

— Ладно. Все выметайтесь, кроме Туи.

— Послушайте, — сказал Дэнни. — Я законопослушный гражданин, по крайней мере был до того, как ваши ребята меня схватили. Не знаю, чем я вам насолил. У Джо я только потерял деньги.

— Чем насолил, говоришь? Сейчас разберемся. Вчера вечером ты провернул один ловкий трюк. Не разыгрывай из себя дурака, Кейден. Ты не дурак. Ты очень хорошо знаешь все наши уловки и сумел здорово нам изгадить дело. Черт, я прекрасно знаю, как предполагается провести каждый забег на наших ипподромах, но даже зная это, я не могу сбить шансы так, как ты это сделал.

Я имею в виду, что ты обошелся синдикату примерно в двадцать пять кусков. — Он оперся ладонями о стол и наклонился вперед. — И мне также известно, сколько ты получил, — четыре тысячи пятьсот долларов, вот так. В пять раз меньше того, что выиграл. Это означает новую конкуренцию. *На кого ты работаешь?*

— На себя, — ответил Дэнни.

— Не парь мне мозги. Никто не будет брать пятую часть выигрыша, вместо всей суммы. И ни один человек не может сбить шансы, не важно, *что* он знает. По крайней мере он должен иметь кучу жучков и маркеров, а не девчонку, старика и боксера. Кто тебе заплатил, чтобы ты изгадил нам дело. Кто твой босс?

Дэнни пожал плечами.

— У меня нет никакого босса. И мне нет дела до того, верите, вы мне или нет.

Взгляд у щуплого человека стал жестче.

— Если хочешь, чтобы я это проглотил, докажи. Если ты делал все сам, у тебя должна быть система.

— Можете называть это так.

Рэкетир ласково улыбнулся.

— Объясни, — потребовал он.

Они посмотрели друг другу в глаза, Дэнни улыбнулся в ответ.

— Ладно, — сказал он. — Это не трудно — когда знаешь как. При рассмотрении поведения неопределенного множества одинаковых объектов — таких как электроны или долларовые купюры, — старые законы Гамильтона о периодическом движении не применимы. То есть

переменные величины не следуют перестановочному закону умножения. Что касается скачек, то, если не принимать во внимание лошадей и сконцентрироваться на деньгах, можно описать их движение по кассе как проблему в формальной механике, а не как тригонометрическую последовательность, к которой подошел бы метод актуарий. — Дэнни был рад, что Тодд не слышит его. Он просто его цитировал, но был совершенно уверен, что искажает где-то в процессе изложения. — Невозможно проследить за каждым долларом по отдельности, но можно сказать, что его позиция в порядке ставок, может быть описана в любой точке как таблица интегральных приращений между выражениями стоимости…

— Туи, — сказал человек за столом. Тут же последовал оглушительный удар в левый висок. Дэнни пошатнулся и упал на одно колено; у него в голове болезненно зазвенело.

— Теперь мы, может, поймем друг друга, — сказал щуплый человек. — Знаю я все эти уклончивые разговоры. Один парень мне тоже пытался что-то вкручивать про актуарную систему. А теперь расскажи мне, на кого ты работаешь, пока я вежливый.

Дэнни потряс головой. Резкий болезненный

звон продолжался. Голос человечка за столом казался раздвоенным, как будто второй звук возникал сразу за первым.

И пока он произносил слова, Дэнни слышал второй голос:

— Это кто-то новенький. Ушлый парень. Может быть, из банды Джо — нет, тот не посмеет. Неужели этот парень сам босс? Что-то не верится. Нужно его отделать как следует, прежде чем…

Дэнни поднял глаза и посмотрел на человека за столом сквозь туман боли. Странный монолог продолжался, хотя рот у него уже был закрыт. Дэнни узнал эту боль, и она вселила в него надежду. Вполне возможно, что удар по голове вернул его способности. Пси-центр находился в состоянии возбуждения от укола радио-экацезия, который ему сделал Тодд во время эксперимента, и удар явно закончил работу ученого, которому не хватило на это времени. Дэнни очень осторожно попытался достичь мозга Туи.

Впрочем, вряд ли у Туи имелся мозг. Скорее это был запутанный, слабо уравновешенный комплекс, способный к быстрому реагированию по нескольким ограниченным каналам при самом слабом беспокойстве, возникающем в таламу-

се[64]; но его корковые мысли, когда они у него возникали, походили на заключенную в кружок речь персонажей комиксов.

Поток сознания человека, сидящего за столом, был на порядок сложнее, но имел свою собственную нестабильность. Каждый его импульс был пронизан страхом потерять власть.

— Отвечай. Я не хочу пропускать свой завтрак. У меня дела. Кто твой босс?

— Джо, — сказал Дэнни хрипло, стараясь встать на ноги. — Я никому не хотел причинять вреда. Честно.

Щуплый человек поднял трубку.

— Мерф? Запри Неба Эдди в подвале, пока я не поговорю с ним. И пошли машину за Джо. — Он положил трубку и посмотрел на Дэнни. — Кто давал тебе цифры?

Дэнни лихорадочно соображал.

— Я получал их по почте, — сказал он. — Получив, я шел к Джо, чтобы убедиться, что нет ошибки. Я не видел его. Только делал ставки, как любой другой, а он извещал меня.

---

[64] Примечания: 64

Таламус — зрительные бугры — скопление ядер серого вещества в головном мозге, расположенные между средним мозгом и корой больших полушарий; центр, в котором собираются импульсы от всех органов чувств (кроме органов обоняния) и где осуществляется их первичный анализ.

— Как?

— С помощью выигрышей или проигрышей. Если подтверждалось, что письмо в порядке, я продолжал и…

— Ладно. Туи, забирай его.

Рука громилы легла Дэнни на плечо. На столе зазвонил телефон. Дэнни почувствовал выброс адреналина тревоги через узкие каналы мозга Туи и ощутил также мгновенную готовность к опасности человека, сидевшего за столом.

У Туи была реакция обычного тупого человека на любую новость: новости для такого мозга всегда были плохими, потому что влекли за собой новые и поэтому всегда неожиданные перемены. Для человека за столом любые перемены легко могли обернуться удачей. Не сказать, что нормальный склад ума, но, по крайней мере, человеческий.

— Да?

Голос человека на другом конце линии, передававшийся через фильтрующие рефлексы промежуточного мозга, дошел до Дэнни немного позже: *«Босс, на дороге большая машина. Не копы, но похоже на налет. Может, легавые»*.

— Если бы это были копы, Импи предупредил бы нас. Бросай заслонку и готовься их встретить.

— Но, босс, там снаружи пять парней и охрана…

— Брось заслонку, я сказал. Для них взять охранный пост ничего не стоит. Но мы их проучим. — Он бросил трубку. — Ладно, Туи, спрячь его — чего ты ждешь? Легавые здесь.

— Господи, — произнес Туи. Он с силой Развернул Дэнни и протолкнул его через дверной проем. И тут же по всему приземистому зданию раздался металлический грохот. «Заслонка», как понял Дэнни, была бронированной.

Туи тычками гнал Дэнни по пустынному и плохо освещенному коридору. Дэнни чувствовал крутящиеся электронные волны, проходящие через лабиринты передних долей коры его мозга. Ощущение больше не вызывало боли, оно просто сбивало с толку, немного напоминая конвульсивную неприятную дрожь. Он мог смутно чувствовать форму объектов, с которыми находился в контакте, и подозревал, что с практикой крутящиеся волны постепенно совершенно исчезнут, оставив ему вполне определенное объектное чувство, не замутненное обычными ощущениями.

Во-вторых, блуждающее психокинетическое поле обнаружило концы галстука Туи, закинуло

их ему на плечи и сдавило его шею с такой силой, что голова громилы закинулась назад и сам он свалился на пол.

Если пинкертоны действительно уже близко, Дэнни не хотел, чтобы они его обнаружили. Даже не будучи замешанным в скандале, он предпочел бы не попадать в руки детективам, поскольку те кооперировались с полицией; если они его захватят, ему придется доказывать, что он не член банды, и его имя так или иначе попадет в официальный отчет. А его это не устраивало. С другой стороны, если ему удастся выбраться отсюда в течение нескольких часов, есть шанс — крошечный, но реальный, — что он сможет вернуться в свою квартиру…

Нет, это тоже не годилось. Он вспомнил, что в его квартире произошло убийство. В любом случае у него не было намерения оставаться в этом доме. Через первый этаж выбраться наружу нельзя. Чем ближе Дэнни продвигался к выходу, тем больше опасался, что может натолкнуться на устроенные гангстерами вооруженные засады. Он понимал, что не сможет пройти через стальные заслоны на выходах, так же как и пинкертонам не проникнуть через них внутрь. Читать мысли и передвигать маленькие предме-

ты Дэнни уже умел, но проникать через стены еще не научился.

Он обнаружил лестничную клетку и поднялся по лестнице наверх. Боль вернулась — на этот раз его мучили не крутящиеся волны психокинеза и не звенящая головная боль СЧВ, а вызывающая тошноту дислокация, при которой он плохо видел. Дэнни не понимал, что с ним происходит; ему с трудом удавалось ставить ноги на ступени. На втором этаже — фактически, чердаке, обставленном мебелью, — у пулеметных гнезд, устроенных в слуховых окнах, уже затаились напряженные фигуры. В самом конце виднелась какая-то комната; через ее открытую дверь Дэнни заметил часть электронного аппарата фантастических размеров, присутствие которого настолько не вязалось с игорным притоном, что он не поверил своим глазам. Затем дверь плавно закрылась, двигаясь с двух сторон, как у автоматического лифта.

Отсюда тоже не было выхода.

— Эй ты, иди сюда и займись делом.

Нет выхода, нет выхода, нет выхода. Его голова гудела, как колокол. Вдруг у него мелькнула сумасшедшая мысль, не повредил ли Тодд его мозг своим радиоактивным лекарством.

— Эй, что за черт. Этот парень не..

Темная фигура качнулась на него. Чердак закачался и затрещал, уменьшаясь и сморщиваясь, как лимон, раздавленный в кулаке. Затем все затянуло серей пеленой и стало очень холодно.

Глава 10
ПАСТОРАЛЬ

Дэнни долго лежал там, где очнулся. Стебли куманики протыкали его одежду, царапали лицо и кожу головы. Он с трудом переводил дыхание. Не только голова, но и все тело ужасно болело. У него под боком текло что-то мокрое. Сжав ладонь, он ощутил, как холодная грязь выдавилась между пальцами. Он чувствовал острый запах увядшей листвы, под его закрытыми веками плавали яркие круги.

Недалеко слышалась ружейная пальба.

Наконец Дэнни пришел в себя настолько, что захотел знать, где находится. Он открыл глаза. Сумрачное утреннее небо просвечивало сквозь голые ветви. Он сел; в голове стучало при каждом движении. Затем лег, опершись на локоть, и лежал, пока холодная влага не стала невыносима. Тогда он встал. Голые деревья закружились

вокруг него, и он едва удержался на ногах.

Не понимая зачем, Дэнни стал пробираться на звуки выстрелов. В его голове множество голосов бормотали нечто такое, чему не было объяснения.

Он вспомнил о Марле — но это только сделало хор бормочущих голосов громче и непонятнее. Дэнни знал, что может полностью прекратить это бормотание, если захочет, но эта мысль напугала его, и он сразу же ее забыл.

Деревья тоже шептались. Небольшая роща была мертва, мертва в это время года, но она двигалась и разговаривала. Первобытные мысли двигались внутри мертвых стволов и под опавшей мертвой листвой; сотни импульсов, мгновенных и единичных, тут же исчезающих, как мелькающие обрывки мыслей. Весь мир был заполнен шепотами и тенями.

Дэнни побежал. Ветки хлестали его, стволы деревьев теснились перед ним, не пропуская вперед, и он с трудом, тяжело дыша, продирался между ними; кора обдирала ему лицо и руки. Но он все равно бежал.

Вид города вдалеке помог ему что-то припомнить. Он остановился на опушке леса, глядя вниз со склона холма на обширные пригороды. Реки

не было видно, только белела туманная дымка на горизонте, над которой плыли в утреннем свете бесцветные призрачные силуэты небоскребов. Он стоял в немом удивлении, покачиваясь, как пьяный. Позади него, где-то слева затихали звуки перестрелки.

«Я выбрался. Оттуда не было выхода, но я выбрался. Я далеко от города».

И затем:

«Это похоже на мой сон о полете. Я выбрался, но не знаю как. Я выбрался как-то сразу, мгновенно».

Дэнни начал спускаться вниз по склону по направлению к ближайшей автостраде, которая должна была привести его через предместья назад в город. Он не задавался вопросом, сумеет ли пробраться через этот вылизанный, обсаженный садами оплот республиканизма, разделяющий его и Марлу; исцарапанный, мокрый человек в рваной одежде, с лицом, покрытом пятнами от электродов на висках и на лбу вкупе с чернеющими сгустками грязи, явно ослабевший, возможно, пьяный.

Пси-способности и болезненно обостренное восприятие замерли. Дэнни смутно помнил только предупреждение Тодда о быстром изнурении,

и ничто, встреченное им в книгах и слышанное от Тодда, не объясняло, почему и как его выкинуло сюда, подобно камню из рогатки, почему из состояния органического напряжения он внезапно погрузился в пучину полного транса. Слово «телепортация» пришло ему в голову, но это было только слово. Оно ничего не значило для него, кроме того, что его голова и все его тело страшно болели.

И Тодд ничем не мог ему помочь. Он сам был беспомощен сейчас, связанный своим собственным проводом и закрытый в стенном шкафу. А может, его арестовали как свидетеля убийства. Тогда с подпорченной репутацией, он станет помехой для университета, и не имеет значения, что его исследования много лет привлекали внимание студентов, деньги и уважение к университету. А если он все еще в стенном шкафу, то может просто задохнуться. В любом случае все его исследования и бескорыстие пропадут даром.

Пси-способности исчезли, испарились в густом тумане. Кошмар тем не менее оставался. И негде спрятаться и переждать опасность. Разве только…

Постой-ка. Оставался особняк из песчаника. Сэр Левис Картер. Если и есть кто-то в мире, для

кого правда, какая бы она ни была, не казалась ни опасной, ни невероятной, так это сэр Левис Картер. Он посвятил свою жизнь той экспериментальной области, слыша о которой, большинство ученых в лучшем случае пожимали плечами, и переносил их смех и их сожаление со спокойствием и даже некоторым апломбом.

У него была прочная репутация — не только за заслуги в области астрономии, но и за исследования в области сравнительной математики, названной инвариантной, которые вызывали не меньшее восхищение, хотя ни сэр Левис, ни кто-либо другой не нашли способа ее экспериментального тестирования. Никто не умалял значение сэра Левиса только потому, что сэр Левис верил в духов, хотя его исследования в области паранормальной психики вызывали всеобщее сожаление. Он с одинаковой решительностью, даже хладнокровием и юмором переносил как насмешки прессы, так и нападки профессионалов.

Для Дэнни оставалось одно убежище — в Обществе парапсихических исследований. Сэр Левис мог бы спрятать его — достаточно надолго, чтобы Дэнни мог отдохнуть. А после…

А после будущее казалось туманным. В нем яв-

но притаилась катастрофа. Но она была скрытой.

Дэнни решительно зашагал через поле к автостраде.

Глава 11
Эксперты

Очнувшись, Дэнни почувствовал себя совсем отдохнувшим, хотя тело все еще казалось одеревеневшим. Солнечные послеполуденные лучи падали на него из маленького узкого окошка, защищенного решеткой, такие обычно ставят в загородных домах на окнах первого этажа, хотя вроде не похоже, чтобы это был первый этаж.

Блестящая стальная решетка, служившая дверью в этой комнате, определенно не ставилась в загородных домах, как и в любых других зданиях, кроме тюрем. Дэнни сел на койке и, протирая глаза, уставился на переплетение стальных прутьев. Но чем яснее он видел решетку, тем меньше понимал ее назначение.

Неужели, когда он вышел на автостраду, его забрала полиция или ФБР?

Но он хорошо помнил, что поднялся по ступеням к двери Общества парапсихических исследований. Он вспомнил также свое удивление, когда

дверь открылась, пока он еще нащупывал звонок, и ясно увидел сэра Левиса и услышал его низкий дружеский голос, произносивший: «Входите, мой мальчик. Мы только что о вас говорили».

Через некоторое время после этого он потерял сознание — возможно, почти сразу же. Сейчас он не мог вспомнить. Сэр Левис и два других человека, одетые, как монахи, в темно-красные рясы, кажется, о чем-то говорили между собой, а потом… потом…

Он не мог вспомнить. Похоже, он все еще в особняке из песчаника. Неужели решетки предназначены для того, чтобы человек, помещенный в эту комнату, никуда не сбежал?

Его сон о полете — только ли сон, или он действительно перемещался вне своей квартиры, как какой-нибудь нелепый воздушный шар? Возможно, решетки необходимы для его же собственной защиты на время сна. Не слишком удовлетворительное объяснение, но это единственное, что пришло ему на ум.

Дэнни снова услышал непонятное, разноголосое бормотание внутри своего черепа. Оно и нравилось ему, и беспокоило. Это бормотанье означало, что его развившееся телепатическое чувство не исчезло окончательно и что он,

возможно, прошел ту стадию, когда телепатия включалась и выключась из его мыслительной сети без всякого участия с его стороны. Он стал телепатом окончательно.

Но он все еще не мог выбрать какой-нибудь один поток сознания из всей этой мешанины пульсирующих «голосов». Он хотел бы добраться до Тодда или Марлы, но его попытки приводили лишь к тому, что бормотанье становилось громче и только сбивало его с толку. Между ними существовали несколько миллионов разумов, и все они были неотличимы один от другого, кроме тех, что находились поблизости.

В телепатии нет никакой разницы между «посылкой» и «принятием», хотя парапсихологи используют эти термины для удобства. Телепатия на самом деле — всего лишь один фактор СЧВ; это восприятие, а не действие. Телепат воспринимает мысль, как он воспринимал бы любое другое событие в пространстве и времени. Мозгу, который содержит мысль, нет необходимости «посылать» ее, и, если это мозг не телепата, он никогда не воспримет то, что не проходит через обычные каналы чувств.

Тем не менее должен существовать некий принцип, который позволял бы телепату сфо-

кусировать внимание на желаемой мысли; с помощью которого мозг мог прочитать выбранное из всех других мыслей. В работах Райна имелось доказательство — и Дэнни помнил, что встречал его — о том, что расстояние не играет роли для мысли, сосредоточенной на обнаружении. Но как это действует, он не знал.

В коридоре послышались шаги. Дэнни посмотрел на решетку. За ней стоял сэр Левис, рядом с ним еще двое в рясах.

— Добрый день, мой мальчик, — приветствовал его сэр Левис. — Полагаю, вы отдохнули.

— Отдохнул, но ничего не понимаю, сэр, — сказал Дэнни. — Я, кажется, за решеткой. Не могли бы вы объяснить, что это значит?

— Решетки? Для того чтобы сохранить статус кво в ожидании решения. — Сэр Левис улыбнулся, как будто дал исчерпывающий ответ. Решетки тем временем с громким лязгом разошлись в стороны. — Наш Совет как раз сейчас заседает. Надеюсь, в течение часа мы придем к единому мнению.

— По поводу чего?

— Какое решение нам необходимо принять относительно вас. Боюсь, вы станете помехой для Братства, но мы сделаем все, что в наших

силах. Конечно, вы сами способны постоять за себя, но если вы почувствуете затруднения во время заседания, имейте в виду — я на вашей стороне. Таким образом, по крайней мере один член Совета за вас.

— Извините, сэр Левис, но я не имею ни малейшего понятия, о чем вы мне говорите. Более того, я чувствую, что пришел не туда. Скажите, пожалуйста, могу я уйти домой?

— Нет. — Сэр Левис произнес это вежливо, но твердо. — Дайте-ка я посмотрю, есть ли здесь стакан для воды. Да, есть. Наполните его, пожалуйста, и проглотите вот это.

«Этим» оказалось серое продолговатое яйцо, размером и формой напоминающее яйцо малиновки. Дэнни не верил своим глазам.

— Чтобы это проглотить, нужно быть лошадью. Что это?

— Необходимое условие, — сказал сэр Левис ласково. — Проглотите его, пожалуйста.

— Это невозможно.

И не только невозможно проглотить. Что-то в этом яйце, которое, как показалось Дэнни, было сделано из металла, вызывало у него опасения. Он не только не хотел его глотать, но даже прикасаться к нему.

— Вы уверены?

— Уберите его прочь. Мне это надоело. Я хочу убраться отсюда.

Сэр Левис слегка качнул головой. Люди в темно-красных рясах с взрывной грацией пантер мгновенно оказались возле Дэнни и прижали его руки к бокам.

— Вы что…

Сэр Левис ловко засунул огромное яйцо ему в рот, затем вылил туда же стакан воды и зажал ему нос. Дэнни подавился и хотел выплюнуть яйцо, но астроном, не растерявшись, затолкал его обратно и зажал ему рот ладонью.

Дэнни яростно уставился на него, с трудом дыша сквозь яйцо.

— Нехорошо, мистер Кейден, — назидательным тоном произнес астроном. — Я могу, конечно, зажать вам и рот, и нос одновременно, пока вы не проглотите. Сделайте это сами, чтобы мне не пришлось заставлять вас силой.

Дэнни попытался ударить его ногой, но сэр Левис неуловимым движением избежал удара, который, казалось, прошел от него в долях дюйма.

— Я такой же телепат, как и вы, — сказал сэр Левис, — так что ваши шансы сделать какое-

нибудь движение, которое я не смогу заметить, ничтожны. *Глотайте!*

Дэнни глотнул. Сэр Левис отпустил его, но двое «монахов» по-прежнему держали его за руки. И хорошо, что держали. Он испытал такую боль от прохождения крупного предмета, что ему потребовалась поддержка. Он чувствовал, как яйцо проходит вниз по пищеводу; ощущение было такое, будто он проглотил баскетбольный мяч.

Спустя мгновение он почувствовал что-то еще и понял, почему так боялся этого металлического яйца. Бормотание у него в голове исчезло. Вместо него возникло ужасное нарушение не только телепатических впечатлений, но даже его собственных мыслей. Он обнаружил, что не способен связно мыслить без головокружения, из-за которого ничего не видел, как будто комната погрузилась в темноту. Головокружение немного напоминало то состояние, что бывает при сильном опьянении, но даже такое сравнение было далеко от реальности.

Сэр Левис внимательно посмотрел на него, затем кивнул.

— Это резонатор — объяснил он. — Прибор, который индуктирует вихревые токи из каждого сенсорного импульса; что очень сбивает с толку,

как вы понимаете.

— Зачем? — простонал Дэнни.

— Братство не желает неожиданностей, мистер Кейден. Нам ни к чему лишние заморочки, если вы кого-нибудь загипнотизируете, воспламените что-нибудь или телепортируетесь из этого здания, — по правде сказать, мы не знаем, насколько обширны ваши таланты. Но мы можем положиться на маленький аппарат, пока не придем к какому-нибудь решению.

— Какое Братство? О чем вы говорите? — Попытка сформулировать вопросы опять вызвала головокружение.

— Братство, — продолжал сэр Левис, — это Братство в Пси, и я имею честь быть его Гегемоном. Вы нас весьма озадачили, когда оказались у наших дверей. В это самое время наш Совет проводил торжественную сессию, на которой решал, войдете вы в Братство или вас следует уничтожить. Ваше появление настроило членов Совета против вас; большинство склонилось к мнению, что наша дискуссия привела вас прямиком к нам несмотря на то, что стены зала заседаний Совета непроницаемы для мыслей. Братья считают подобную чувствительность весьма странной и опасной.

— Непроницаемой для мыслей? — отозвался Дэнни, словно эхо. — Такого не бывает, сэр Левис.

— Вы знакомы кое с кем из нашего Совета. — Астроном резко повернулся. — Пойдемте со мной, прошу вас.

У Дэнни не оставалось выбора. Два здоровяка с двух сторон грубо потащили его по коридору к лифту. Искусственный гул у него в голове, похожий на неумолчный грохот бубнов, продолжался.

Члены Совета, одетые в такие же рясы с капюшонами, как и люди, которые сопровождали Дэнни, сидели неподвижно у ромбовидного стола. Как только сэр Левис присоединился к ним, они все сразу повернулись и посмотрели на Дэнни. Надвинутые на лбы капюшоны почти полностью скрывали их лица.

— Это кандидат?

— Нет, черт возьми, — взорвался Дэнни. — Если вы хотите меня принять, спросите, черт вас побрал, вежливо, хочу я этого или нет.

К тому времени, когда затемнение, возникшее во время его речи, рассеялось, все девять человек в капюшонах смотрели на сэра Левиса.

— Брат Гегемон, мы полагаем, что кандидат

доставлен сюда под контролем резонатора, — сказал кто-то из них.

— Так и есть, уверяю вас, — подтвердил сэр Левис. — Прошу Совет вспомнить, что мистер Кейден — кандидат, обладающий необычайными способностями, — что-то вроде эрудита в нашей области, и, вполне возможно, превосходит всех нас вместе взятых. В противном случае не было бы необходимости в этом собрании.

Среди делегатов возникло некоторое движение. Этим людям в их дикарских балахонах заявление сэра Левиса явно не понравилось.

— Вы уверены, что нет сомнения в его парапсихической деятельности?

— Ни малейшего, брат Гистор. Вы это можете чувствовать сами. Кроме того, мистер Кейден весьма находчив и обладает природным умом. Так что настройтесь соответственно.

Среди присутствующих снова возникло движение.

— Вы учли, брат Гегемон, что отсутствующего Притана заменяет Епипритан? У нас не хватает членов правления.

— Возможно, — сказал сэр Левис. — Я хотел только предупредить вас всех, что это человек, кандидатуру которого вы обсуждаете, очень

опасен. И нам дорого обойдется непродуманное решение. Поскольку в мои функции входит сохранять порядок, я хотел бы заметить, что буду лично принимать меры против любого Брата, который не отнесется к этому кандидату так, словно он начинен взрывчаткой.

Ответа не последовало. Сэр Левис передал Братству бразды правления. Но до сих пор не обнаружилось ни малейшего намека на то, что им нужно от него или что они из себя представляют, когда не действуют, как герои исторической пьесы.

— Давайте приступим, — предложил человек, который назвал себя Епипританом.

— И в самом деле, — поддержал его сэр Левис. — Мистер Кейден.

— Да.

— Постарайтесь держать свой разум открытым, — сказал сэр Левис. — Ваше отношение к нам враждебно, и у вас имеются для этого основания. Но я уверяю вас, что мы вынуждены принять такие, весьма радикальные предосторожности — игра, в конце концов, стоит свеч. Каждый человек, которого вы видите перед собой, эксперт во владении какой-то одной парапсихологической силой. Некоторые из них, как и я сам, телепаты,

есть гипнотизеры, телепортеры, ясновидящие, огнеметатели, телекинетики и так далее.

Очень редко бывает, чтобы человек родился с одним или двумя такими способностями. Средний человек никогда не задумывается о том, какие силы заключены в его мозгу или, если он осознает это, то становится посмешищем или объектом дурацкого суеверия. Это побуждает исследовать психическую среду, хотя большинство людей предпочитают непредвзятому мышлению астрологию.

Вы здесь, потому что вы задумались о способностях, которыми обладаете, и применили какие-то из них на деле. Ваши способности реальны, и в первый же день, когда вы пришли в Общество парапсихических исследований, чтобы проконсультироваться, вы автоматически получили право на членство в Братстве.

— Ладно, — сказал Дэнни. — Я получил это право. Может быть, я постараюсь не обращать внимания на ваши методы вербовки новых членов и на заявление «держите свой разум открытым», хотя как я могу это сделать, если у меня в животе яйцо — ох, черт.

Когда темнота рассеялась, они все еще ждали. Если кто-нибудь что-то и сказал в промежутке, то

он этого не слышал.

— Хорошо, мне от этого какая польза?

— Большая, чем вы можете вообразить, — сказал сэр Левис серьезно. — Очень немногие избранные люди, умеющие управлять психической средой, являются надеждой человеческой расы. Невзирая ни на какие демократические предубеждения, эти люди более важны для человечества, чем полководцы, государственные деятели и короли. Вот в чем суть этой проблемы, мистер Кейден.

Но вам необходимо знать сейчас, что в психической среде, где существует разум, обычные пространственно-временные законы не применимы. Человек, знающий и имеющий возможность использовать эту информацию, может, например, стать богатым и получить власть, если пожелает. Стремление к богатству и власти не являются сутью великого замысла, но оно вполне осуществимо, если именно к этому вы стремитесь.

Резонатор нарушал последовательность мыслей, но Дэнни не нуждался в слишком сложном анализе, чтобы обнаружить безумную идею в «великом замысле» сэра Левиса.

— Люди, обладающие реальной властью, — сказал он, стараясь сохранить свой блуждающий

ум ясным, — не скрываются за одинаковыми балахонами и надуманным мистицизмом. Люди, имеющие реальную власть, используют ее. Они не доказывают, они заставляют.

— О какого рода власти вы говорите? — спросил сэр Левис. — У нас действительно нет политической власти. Это нам запрещено уставом нашего Ордена. Одной из особенностей настоящего психичеловека является то, что он знает, как мало его способности могут дать ему в большинстве человеческих дел. Много веков назад Восток открыл, что психические силы не являются частью пространственно — временной среды и деградируют, если применяются для получения политической власти.

— Вы хотите сказать, что весь этот материал был первоначально завещан вам неким древним сообществом тибетских лам?

— Нет, — ответил сэр Левис, внезапно краснея. — Но я уверяю вас, что и тогда это было широко известно.

— Звучит знакомо. Насколько я понимаю, древнюю мудрость Тибета можно притянуть за уши для доказательства того, что девяносто процентов населения болеют сифилисом. Когда мы начнем говорить по существу?

— Для начала объясните, почему вы считаете, что я говорю не по существу?

Дэнни засмеялся.

— Прежде всего потому, что не существует никакой «психической среды». Во-вторых, так называемые «психические способности» являются только побочным эффектом двух основополагающих психических особенностей, которые реально существуют в физическом мире. Они двигают вещи в пространстве и времени и в свою очередь подвержены передвижению в физической среде. Вот почему они так же полезны в достижении власти, как и любые другие способности, и *вы таким образом их и используете*. Сила и обман — наиболее существенные характеристики политической власти. Вы используете и то, и другое.

Он пропустил существенную часть ответа сэра Левиса в пульсирующей темноте, которая окутала его на тот момент, пока он произносил свою длинную речь. Он воспользовался преимуществом временного раздвоения, чтобы спокойно обдумать услышанное, в то время как обсуждение продолжалось.

Эти люди с их разговорами о «психической среде», очевидно, не имели понятия о бесконечном ряде частично совпадающих пространственно-

временных последовательностей, в которых, если теория Дэнни и Тодда, основоположником которой был Данн и другие, окажется верной, заключена суть всех явлений, обозначенных греческой буквой *пси*. Кто из них обманывается? Или Братство похоже на советскую науку с ее ритуальными догмами и лабораторной практикой все рассовывать по отдельным ящикам стола?

Казалось, это наиболее подходящий ответ. Приверженность догме делает Братство в Пси наиболее отталкивающим. Эти ящики стола обрамлены стенами, и догма, отрицая практику, имеет отвратительную тенденцию устранять тех, кто практикой доказывает ее несостоятельность.

— …без предупреждения. — Дэнни услышал сэра Левиса, когда темнота постепенно рассеялась. — К сожалению, мы не можем принять такую точку зрения. И не можем позволить человеку, знающему о существовании Братства, оставаться вне его. Откровенно говоря, Дэнни, я ожидал, что вы присоединитесь к нам; иначе вы не узнали бы о существовании Братства — по крайней мере до тех пор, пока ваши способности не позволили бы вам самому его обнаружить.

Итак, я прошу иметь в виду, мистер Кейден, что ваше согласие необходимо для вашей собствен-

ной безопасности. Естественно, мы не примем никакого решения, основывающегося только на нем. Одного вашего согласия не достаточно. Вот почему я так сопротивлялся тому, чтобы доставить наше решение вам домой.

Дэнни старался удержать свои ускользающие отрывочные мысли на предмете обсуждения.

— Я не жульничаю, — сказал он. — Я не поддерживаю вашу теорию избранности пси-людей. Пси-способности имеются в скрытом состоянии в мозге каждого человека. Если вы все специалисты, на что вы претендуете, — и если вы действительно стремитесь к овладению пси-силами ради блага человеческой расы — тогда вы должны распространять ваше знание, а не скрывать.

— Не каждый может воспринять такое знание, — заметил сэр Левис. — Не у каждого есть для этого врожденные способности на хромосомном уровне.

— Чушь! Вы держите ваши силы втайне только потому, что они дают вам превосходство над людьми, которые о них не знают. Никакой другой причины быть не может. Вы придерживаетесь теории сохранения расы сверхлюдей, чтобы както оправдаться перед собой, потому что каждый

из вас обладает только одной ограниченной пси-способностью, среди вас нет ни одного, кто обладал бы ими всеми. А я владею всем спектром, и у меня есть доказательства. Никому еще не удавалось летать над Землей, а я летал. Сейчас мои пси-способности развились настолько, что это заставило вас наделать в штаны. И я постоянно иду вперед. Вы называете себя экспертами, но вы не можете даже отличить пси-способности от парапсихологических функций. Черт, вы все еще думаете, что гипноз — это пси-сила! Да любой низкопробный фокусник умнее вас.

Дэнни очень сожалел, что не может видеть реакцию закутанных в балахоны людей, но крутящаяся тьма поглотила его и не отпускала. В одном у него не оставалось сомнений: он только что выкопал себе могилу, и только чудо может его спасти.

Каким образом? Не все ли равно. Недавно ему уже пришлось наблюдать несколько чудес. А удовольствие нанести пару ударов было наградой после многих дней и ночей, проведенных в страшном напряжении. Он понимал теперь, почему маленькие дети, однажды проявившие непослушание, становятся совсем неуправляемыми в ожидании неизбежного наказания.

Когда его взор постепенно стал проясняться, Братья по-прежнему пребывали в неподвижности и молчании.

Наконец сэр Левис спросил:

— Есть еще какие-нибудь вопросы?

Никто ничего не ответил.

— Я предлагаю голосование, — произнес человек, назвавший себя Епипританом.

Один за другим облаченные в рясы люди поднялись и покинули помещение. Остались только сэр Левис, Дэнни и еще один человек.

— Я проголосую за то, чтобы оставить этого кандидата, — сказал неизвестный. — У него редкий и ценный образ мышления. По моему мнению, настало время перестать увлекаться одеяниями и приступить наконец к всеобъемлющему захвату власти — в таком случае мистер Кейден мог бы оказать нам неоценимые услуги. Он знает такие вещи, о которых мы, очевидно, не имеем представления. Этот человек нам необходим.

Сэр Левис скрестил руки на груди.

— Подождем результатов голосования.

— На них можно не обращать внимания.

— Это невозможно.

Неизвестный сказал:

— В таком случае Братство устарело. И это не

только мое мнение. Я ухожу, сэр Левис.

Но вместо того, чтобы уйти, недовольный выскочил из-за стола с неистовым криком, срывая с себя рясу. Над ним поднялся столб густого дыма. Он вскрикнул снова — и затем стал тенью внутри высокого языка белого пламени.

Пламя не источало жар, поэтому вокруг ничего не загорелось. Оно полыхало в течение примерно четырех секунд и затем исчезло. Ссохшееся и угольно черное существо, похожее на мумию, повалилось на ковер.

Чувствуя тошноту, Дэнни произнес:

— Вы воздействовали на него огнем.

— Да, — подтвердил сэр Левис. — Мы обычно используем только психическое оружие — это еще одно из наших правил, которое, возможно, покажется вам глупым.

— Вовсе нет. Вы телепортируете тело на кровать в его доме, и как только полиция обнаружит его, фортианцам будет представлена совсем другая версия. Никаких следов, никакого объяснения — значит, расследование невозможно. Ловкое правило.

Когда он снова мог видеть, тело исчезло. Сэр Левис пристально смотрел на него.

— Прошу прощения, Дэнни. Вы мне нравитесь,

и я сделаю все, что в моих силах.

— Да ладно! Когда меня подвергнут термической обработке?

Сэр Левис пожал плечами.

— Как только моя способность отсрочить приговор будет сломлена нетерпимостью остальных. Они боятся вас, и я боюсь. Особенно наш Притан вас боится; он даже отказался присутствовать на собрании; хотя многие годы не пропускал ни одного. И к тому же, Дэнни, вы ведь не хотите идти на сотрудничество с нами.

Последовало длительное молчание. Наконец сэр Левис спросил:

— Вы знаете человека, который сгорел?

— Нет, — ответил Дэнни. — И, похоже, это не тот человек, которого я хотел бы знать. У вас здесь прекрасное гнездышко для протухших яиц. — Он старался вырваться из черного головокружения. — А как же ваше обещание? Вы ведь утверждали, что дружески ко мне расположены или, по крайней мере, встанете на мою защиту.

— Я? Я подчиняюсь правилам Ордена и давно отказался от своих личных предпочтений. Я постараюсь, как и обещал, отсрочить вашу экзекуцию, насколько это в моих силах. Возможно, что-нибудь произойдет, и решение изменят. Но

когда наступит назначенное время, для вас все будет кончено. Сохранение Братства значит для меня больше, чем ваша жизнь, просто потому, Дэнни, что Орден значит для меня больше, чем моя собственная жизнь.

Дэнни сказал:

— Мы, идущие на смерть, приветствуем вас — интеллектуалов.

Глава 12
Удар молнии

Комната оказалась вполне комфортабельной — по крайней мере для камеры. По-видимому, она была угловой — в ней имелись два окна, настолько маленьких, что через них не смог бы пролезть человек, даже если бы они были без решеток.

Решетчатая дверь раздвигалась с помощью электрического устройства, как в современных тюрьмах. Она открывалась и закрывалась выключателем, который находился где-то в другом помещении, так что вариант, при котором можно было бы стащить ключи у потерявшего бдительность охранника, отпадал сам собой. Более того, как только нарушался электрический контакт между замком и дверным косяком, дверь начи-

нала трезвонить, как сумасшедшая. Этот звон отключался специальным выключателем, как Дэнни заметил, когда дверь открыли для сэра Левиса.

И все же камера, чистая и сухая, казалась вполне сносной. Одно окно выходило на север. Отсюда хорошо просматривалась территория, прилегающая к рынку. Огромные грузовики в клубах пыли, освещая себе дорогу мощными фарами, в течение всей ночи доставляли сюда свежие фрукты и овощи; днем маленькие грузовики и продуктовые фургоны развезут продукцию по большим магазинам и бакалейным лавкам. Возможно, слишком шумно, но небезынтересно для бывшего редактора торговой газеты.

Второе крошечное окошко находилось в чем-то вроде выемки или вертикального желоба в стене здания. На противоположной стороне выемки виднелось другое окно, забитое досками. На одной из досок остались полустертые белые буквы, которые Дэнни, всячески комбинируя и прикидывая, что они могут означать, кое-как сумел прочитать. У него вышло: «Выход из шахты».

Койка в камере оказалась на удивление удобной. На раковине с одним краном холодной воды стоял печально знакомый пластиковый стакан и

лежал кусок желтого туалетного мыла. Кирпичные потолок и стены были не оштукатурены, пол цементный. И это все.

Дэнни тщательно осмотрел камеру, но ничего не обнаружил, что могло бы его вдохновить. Он готов был побиться об заклад, что ни один из завсегдатаев Алкатраса[65] не смог бы найти способ сбежать отсюда — тем более, что он здесь, кажется, единственный узник. После осмотра Дэнни поднял койку, прикрепил ее задвижкой к стене и принялся шагать по камере. Но ходьба не поможет ему; он не овца, чтобы безропотно ждать, когда его забьют, а топтание по камере бесцельно, как кружение быка по загону.

Пришедшая на ум аналогия заставила его резко остановиться. Он опустил койку и сел. Ходьба не способствовала мышлению; а он должен думать, каким бы ни было его физическое состояние и как бы ни изводило его головокружение. Если возможно только частичное мышление, значит, он должен думать фрагментами. Но думать он должен в любом случае, хотя бы для того, что-

[65] Примечания: 65

Алькатрас — бывшая тюрьма, ныне музей на скалистом острове того же названия в бухте Сан-Франциско. В 1933–63 гг. на острове действовала федеральная тюрьма для особо опасных преступников. Имела репутацию тюрьмы, из которой невозможно бежать.

бы найти способ освободиться от резонатора. Вспомнив о нормальном ритме пищеварительного процесса, он понял, что не распрощается с дьявольским яйцом в течение ближайших тринадцати часов. В этот момент, оно, возможно, еще у него в желудке. Ему просто необходимо выработать некую систему, чтобы как-то ладить с ним, некий план, который необходимо осуществить, чтобы не быть таким беспомощным, как в тот момент, когда его заставили проглотить этот прибор. В течение собрания Совета он сумел сократить периоды темноты и удлинить цепочки мыслей. Подсознательные проблески ассоциаций и памяти с самого начала были не затронуты резонатором. Казалось, прибор был создан только для того, чтобы препятствовать пси-деятельности и мышлению сравнительно более высокого уровня. Дэнни не имел возможности прекратить воздействие этого устройства на свои пси-способности, но уже мог достаточно легко о нем рассуждать.

Как только эта идея с большим трудом сформулировалась у него в голове, он почувствовал, что дрожит от волнения.

Резонатор — это мощный инструмент, стоит найти к нему доступ. Если допустить, что прин-

цип работы этой маленького прибора такой же, как у резонатора Тодда, его можно использовать для перемещения нервных импульсов между тремя или четырьмя «кадрами» (или скобками Пуассона) сериального мира — между кадром, который он нормально занимает в пространстве и времени, кадром в его непосредственном прошлом и кадром в его непосредственном будущем. Только этот процесс мог быть причиной ментальных вихревых токов, которые резонатор, как говорил сэр Левис, создает в мозгу жертвы.

Короче говоря, это был усилитель — усилитель для пси-способностей. Сейчас он разбрасывал и спутывал эти способности, постоянным перемещением из одного кадра в другой. Вообще же это в высшей степени упрощенное одноцелевое устройство, которое вполне можно использовать.

И оно находилось в руках Дэнни, точнее в его в животе.

Пленник подошел к раковине, взял кусок желтого мыла и принялся, откусывая от него маленькие кусочки, методично жевать и глотать.

Несмотря на краткий сон, Дэнни был крайне изнурен и к тому же очень долго ничего не ел. Щелочь и стеарины, содержавшиеся в мыле,

подействовали на него почти сразу же.

Чтобы облегчить мучительную процедуру — яйцо, которое он хотел извлечь, было очень большим — Дэнни открыл водопроводный кран и запил мыло. Через полчаса, испытывая головокружение и тошноту, он держал металлическое яйцо в своей ладони. Затем промыл его и осмотрел.

Две половинки корпуса, тщательно пригнанные друг к другу, соединялись пайкой. Очевидно, резонатор сконструировали таким образом, чтобы можно было открыть для ремонта, но никто из Братьев его так ни разу и не открывал. Дэнни усмехнулся. Братья предполагали, что прибор годится только для одной цели и закрыт, как они полагали, навсегда, хотя конструктор, который его создал и скрепил половинки легкой пайкой, предполагал большее.

Карманный нож у Дэнни отобрали, но оставили кое-что намного более полезное — маленькую электрическую отвертку, часть снаряжения Тодда. Ее янтарная ручка, снабженная зажимом, как у самописок, была прикреплена к карману его старой армейской рубашки. Отворот кармана застегивался над ней, и карман казался пустым.

Это уже второй промах Братства. Первый и наи-

более важный — мыло, оставленное на раковине. Без отвертки он мог и обойтись, воспользовавшись вместо нее ногтем большого пальца, хотя, конечно, отверткой открыть яйцо будет намного проще, но без мыла резонатор по-прежнему оставался бы у него внутри.

Он протер припой, который оказался достаточно мягким и только слегка прилегал к металлу, подцепил отверткой одну половину и снял ее. Маленький механизм внутри оказался конструкторским чудом. Он содержал только одну электронную лампу величиной с зерно кукурузы, а большинство его цепей были впечатаны во внутреннюю поверхность ламинированной платы из люцита. Цепь Тодда, объединенная с трансформатором, который не помещался на столе, внутри этого крошечного корпуса крепилась двумя винтиками, размером с те, что применяются для сборки ручных часов. Возможно, конечная стадия сборки проводилась под бинокулярным микроскопом.

Дэнни подточил лезвие отвертки на каменном подоконнике, пока оно не стало достаточно тонким, чтобы вставить его в крошечную шелочку на шляпке винта. Затем осторожно повернул первый винтик.

Мир закружился вокруг него, как теплое облако. Неконтролируемое дрожание его корковых импульсов прекратилось.

Спустя мгновение он заметил, что телепатическое бормотание также исчезло. Не годится; ему нужна каждая пси-сила, которую можно применить. Он повернул винтик еще немного.

Крутящаяся путаница вернулась. Он быстро повернул винтик в прежнее положение.

Резонатор, очевидно, «распространял» нервные импульсы в том и другом временном направлении, возможно, значительно дальше, чем мог бы направлять их мозг без ускоряющего устройства; или ограничивал их единственным кадром, оставляя в состоянии, соответствующем нормальному состоянию мозга без пси-сил. Последняя ситуация означала не только отсутствие волевого контроля, но и невозможность использования пси-способностей. Они зависели от полного, открытого контакта с дублирующими кадрами сериального мира.

Если ему удастся как-нибудь выбраться отсюда, прежде чем Братство пришлет к нему одного из своих экспертов-огнеметателей или сбросит куда-нибудь в люк, он должен вычислить, как вернуть увеличение психических возможностей

без потери контроля над корой головного мозга. Он решил, что недостаточно просто поставить резонатор на нейтральную работу и выбросить его, полагаясь только на свои естественные психические способности. Если он сумеет разобраться в нем, в худшем случае прибор будет неоценимо полезен для Тодда, в лучшем — послужит ему самому.

В устройстве имелись два винтика. Математически, каждый из них должен представлять переменную в базовом пси-уравнении, которое Тодд пытался вычислить. ПК-уравнение было выведено из уже хорошо известной формулы Блэкетта — Дирака; СЧВ-уравнение также получено из чего-то достаточно общепринятого и знакомого Тодду, хотя и неизвестного для Дэнни. Затем Тодд искал исходное уравнение, из которого те два были либо функциями, либо производными. Он решал функцию как проблему в матричном подсчете, включив «группы вероятности» Гейзенберга, и почти получил ответ, когда вломились бандиты.

Сейчас Дэнни, который никогда не обладал математическими способностями и очень мало знал в этой области, должен вывести это уравнение. У него нет ничего, чтобы продолжить,

кроме предположения, что исходное уравнение было также чем-то достаточно знакомым и хорошо известным; плюс тот факт, что в процессе своих неистовых исследований он натыкался по крайней мере на несколько таких уравнений — в частности, на расчеты Коржибского в приложениях к «Науке и разуму».

Он шарил в невероятно захламленной комнате, набитой фактами, которые он почерпнул из чтения — или, вернее, из своей СЧВ-памяти, — искаженными, фантастическими, лживыми, сваленными в беспорядке в его голове, стараясь локализовать первоначальную формулировку «неопределенности» Гейзенберга. Там оказалось несколько страниц текста и сносок, посвященных этой формуле. Вот она:

pq — qp = h/2ii1 (l)

Однако (1) не являлась частью формулы. Эта цифра, скорее всего, означала уравнение № 1 в описании Коржибского. Дэнни мысленно просматривал страницу, q — введенная во всеобщее употребление координата; насколько Дэнни мог следить за ходом рассуждений Коржибского, она не играла роли для решения его проблемы, p — это скорость движения, а h — это постоянная

Планка, величина, введенная в это уравнение из термодинамики, науки, о которой он вообще ничего не знал. Безнадежно, как он и предполагал с самого начала. Если Тодду потребовалась целая ночь, только чтобы подступиться к решению…

Но Тодд — ученый, он не стал бы перепрыгивать к заключению, не получив все данные, даже обладая таким ключом, как резонатор. Дэнни вынужден прыгать и прыгать быстро. По крайней мере, что такое скорость движения, он понимал; применительно к пси-силам она, возможно, будет равна скорости распространения нервных импульсов, которая составляла, насколько Дэнни мог припомнить, примерно двадцать метров в секунду. При изменении этой скорости увеличится или уменьшится действие механизма, который вырабатывает импульсы, то есть мозга, — другими словами, изменится предел чувствительности мозга. Это объясняет действие первого винтика — он уже проверил на себе, как тот работает.

В этом уравнении, казалось, нет ничего, что объясняло бы работу второго винтика. Постоянная Планка — просто константа, и все; кроме того, что имеет невероятно маленькую величину — 6,547 1027 эргосекунд; согласно тексту, который он мысленно видел, такая величина могла

существовать только в области электрона. Это величина кванта…

Которая будет меняться в бесконечно перекрывающихся рядах.

Это было очевидно. В таком случае h неизбежно будет меняться по величине от кадра к кадру. Фактически, это разность, которая отделяет кадры друг от друга.

Хронометрический принцип!

Очевидно, кто-то в Братстве оказался выше чепухи «психического пространства». Дрожащими пальцами Дэнни вставил отвертку в полоску на шляпке второго винта и повернул его на одну долю уровня, затем еще немного.

Первое, что он услышал мысленно, было одно единственное слово, произнесенное совершенно чистым и узнаваемым голосом, — «Молодец!»

Голос принадлежал Шону Хеннесси.

* * *

Второе, что услышал Дэнни, — это продолжительный глухой рокот, похожий на урчанье грузовика. Осторожно настроив резонатор, он подошел к окну.

По ночному небу низко плыли клубящиеся облака. Яркая вспышка вдруг стерла их; затем

они снова появились. На их фоне ослепительно сверкали неоновые огни города. Приближалась гроза. Дэнни считал секунды от вспышки до раската грома. Одна, две, три, четыре, пять… Через тринадцать секунд он услышал гром. Значит, гроза за восемь миль отсюда.

Дэнни сразу же изменил свои планы. Теперь этот резонатор, вместо того чтобы сидеть у него внутри, как раковая опухоль, поможет ему выбраться из камеры. Он телепортируется отсюда, так же как он неожиданно для себя телепортировался из здания игорного синдиката. Однако у него возникло подозрение, что просто исчезнуть из камеры будет не разумно, — за эти дни ему пришлось убедиться, что такие подозрения не напрасны. Просто удрать — не решение проблемы. Слишком много неизвестного окружало его, слишком много нитей ему необходимо распутать. Он должен узнать, где сейчас Марла и Тодд и, возможно, помочь им выпутаться из ужасного клубка затруднений. Ему нужно избежать сетей ФБР. И, кроме всего прочего, он должен исчезнуть из круга видимости Братства и остаться вне их досягаемости, причем без использования пси-возможностей, чтобы они не могли засечь его или даже заподозрить, что он еще жив. Чтобы

ускользнуть от ОПИ, ему нужно придумать убедительный сценарий своей гибели.

Как только Дэнни отошел от окна, гром прогремел снова. ОПИ для него все еще в какой-то степени неизвестная величина, но одно не подлежит сомнению — оно средоточие опасности, причем высоко чувствительной опасности, которая будет преследовать его, как гепард свою добычу. Вспомнив свой первый визит в дом из песчаника, Дэнни уныло усмехнулся. Он всунул голову прямо в открытую пасть льва правда, льва тогда только зевающего.

Дэнни сейчас чувствовал членов Братства — как они двигаются по зданию, занятые своими непонятными делами. Один из них был ясновидцем, ментально приставленным к камере Дэнни, — эксперт, который обязан предупредить Братьев, как только камера опустеет. Затем весь прилегающий район будет прочесан с помощью пси-сил, доступных Братству. Потом огнеметатель, которого пошлют на Дэнни с помощью телепатии или психокинетической чувствительности, вызовет вокруг беглеца, где бы он ни находился, столб пламени…

Он никак не может покинуть свою тюрьму. В любом случае они нападут на его след. Неожи-

данно возникший за окном ослепительный свет молнии высветил решетчатый рисунок на полу камеры. От неожиданности Дэнни подпрыгнул. Молния, казалось, сверкнула совсем рядом. Через три секунды раздался оглушительный удар грома.

Гроза бушевала почти над его головой.

Если сюда ударит молния, например…

Ну а почему бы и нет? Взаимодействие между землей и небом, благодаря которому возникает молния, известно уже две сотни лет. Это простая проблема статического электричества. Даже учебники для начальной школы описывают увеличение заряда между облаком и землей, подготовительное движение вверх, удар грома, который отбрасывает два заряда, устанавливая временный баланс. Если человек может использовать психокинетику, чтобы раскидывать сложные скопления единичных зарядов, так же как он перемещал части мебельной обстановки, почему бы ему не привести в движение свободные позитроны в достаточно большом количестве, чтобы стянуть прожорливые массы электронов в удар молнии?

Предваряющая, неупорядоченная волна частиц, распространившись мгновенно через его

передние лобные доли, подтвердила, что это возможно.

Но действовать нужно быстро; гроза проходила над головой и удалялась с каждой секундой; а твердое намерение Братства разделаться с ним, с такой же быстротой к нему приближалось.

Снова открыв резонатор, Дэнни встал в юго-западном углу камеры и повернул оба винта до предела… В сущности он поставил резонатор на предельное усиление, а механизм настройки на «местный». Затем он сфокусировал в противоположный угол каждый эрг своей удивительно усилившейся пси-энергии. Он специально освободил свой мозг от мыслей о Марле, Тодде, ОПИ, о себе самом и сконцентрировался до предела, чтобы переместить каждый свободный электрон в противоположный угол камеры.

Возникло огромное противодействие. Пространственная решетка атомных ядер в камне была не такой правильной, как в металле, так что свободные заряды стремились к ближайшему источнику вяжущей энергии, чтобы стать блуждающими; естественно, Дэнни постарался создать субстанцию, которая стала бы почти совершенным проводником электричества. Поверхностный заряд ему удалось достаточно

легко разогнать, но глубинный заряд упрямо сопротивлялся. Однако, перемещая одновременно свободные позитроны вглубь, он медленно нарушал равновесие…

В коридоре послышались шаги, и в затылочной части своего мозга он почувствовал давление, как будто туда положили страшно тяжелый камень. Он не знал, что это, и не собирался выяснять. У него оставалось всего лишь несколько секунд — достаточно ли высок заряд? Имелась и другая опасность — если он слишком высок, его убьет током. Камень оказался плохим проводником, и ему нужно любым способом смоделировать эффект дождевого облака. Он зажал резонатор в кулаке и все ускорял и ускорял свободные электроны.

Кто-то остановился за решеткой, всматриваясь внутрь камеры.

Сейчас!

Последним, окончательным умственным усилием он открыл канал для пучка позитронов, заставив их брызнуть в небо. Невидимый лес молний запрыгал за окном. Сопровождавший их раскат грома был таким оглушительным, что ни шел ни в какое сравнение с канонадой, которую он слышал на войне. Удар грома оглушил Дэнни,

как будто сорвавшаяся дверь ударила его по голове. Весь мир обратился в пламя и опрокинулся во мрак в оглушительном взрыве.

Вместе с ним опрокинулся и Дэнни, каждый мускул которого был скручен спазматическим столбняком, — ослепший, оглохший, ошеломленный, потрясенный, беспомощный.

Глава 13
Козырной король

Громадный пузырь — пространство и время — увеличился до бесконечности; звезды померкли и погасли; уровень энтропии упал, и движение прекратилось. Вселенная окончательно умерла неизбежной тепловой смертью. Пятьдесят миллиардов лет.

Затем она стала рушиться внутрь самой себя. Рассеянные молекулы холодного газа постепенно приближались друг к другу. Вдруг пространство и время забурлило ободранными атомами, а затем исконным потоком нейтронов — илемом[66]. Потом вся огромная масса сосредоточилась в единственной математической точке, изначаль-

[66] Примечания: 66
Илем — гипотетическое вещество химических элементов.

ном атоме. Пятьдесят миллиардов лет.

Создание началось.

В ослепительно белом крутящемся единообразии, которое невозможно передать словами, родилась Земля; но ей было уже три миллиарда лет, когда окоченелость в скрученном болью теле Дэн-ни начала ослабевать. Сквозь его руки и ноги пробежали болезненные «иголки», как будто мускулы «просыпались», и кровь снова потекла по жилам.

Грохот и вспышки пляшущих молний постепенно вторглись в его сознание. Он шевельнулся. Движение вызвало тихий стон у того, кого он начал отождествлять с самим собой. Что-то резко вонзилось ему в спину.

В кончиках пальцев стало покалывать. Он попытался открыть глаза и с удивлением обнаружил, что может видеть, хотя то, что открылось его взгляду, невозможно было понять: мрак, время от времени пронзаемый вспышками, серая поверхность и темные линии на заднем плане.

Он попробовал сесть. Спазм боли пронзил его бедра и спину. Однако он заставил себя повернуться на бок и оперся на локоть.

Он лежал на крутом склоне холма из кирпича, штукатурки и прочего строительного мусора.

Над ним, на расстоянии двадцати футов, из развороченной стены выступал унитаз, висевший на своих трубах, как грязная лилия, изливающая на руины запах своего санитарного нектара. Потоки воды, льющиеся с грохочущего неба, заливали все еще поднимающиеся клубы кирпичной пыли.

У подножия холма на боку лежал прицеп. Мотор грузовика, к которому он был прицеплен, еще работал. Разрушенная стена дома угрожающе нависла над ним.

Дэнни вдруг понял, что его правая рука дрожит от напряжения и усталости, как будто он держал ее на весу несколько часов подряд. Он с удивлением разжал ладонь.

На ней лежал резонатор.

Дэнни усмехнулся. Теперь он знал, что такое мертвая хватка. Он осторожно положил крошечный бесценный прибор в карман рубашки и застегнул клапан.

Затем с трудом встал на ноги и осторожно направился вниз по осыпающемуся склону холма к перевернутому прицепу, держась за край упавшей крыши и то и дело подскальзываясь на искореженном металле. Грузовик не был завален камнями, но опасно накренился. Споткнувшись, Дэнни упал, но поднялся почти сразу же и, шата-

ясь, заковылял к грузовику.

Вскарабкавшись на наклоненный щиток, он попытался открыть дверцу. Она поддалась. Внутри кабины, под рулем лежало тело водителя, уже окостеневшее, с явными признаками поражения электротоком. Запах горелой плоти, отвратительно похожий на запах жареного глазированного окорока, смешивался с одуряющим духом свежего сельдерея, исходящим от упавшего прицепа.

Взявшись за широкие обожженные плечи мертвого водителя, Дэнни, стараясь не обращать внимания на то, к чему прикасался, подтащил его к дверце и вытолкнул из кабины. Затем захлопнул дверцу и уселся за руль на наклоненное сиденье. Мотор продолжал работать с тигриным рычаньем.

На продуктовом рынке что-то горело. Люди кричали. Время шло. Быстро осмотрев приборный щиток, Дэнни отыскал и включил компрессор, присоединяющий прицеп к грузовику. Кабина с шипеньем отделилась от прицепа.

— Каскелли? Каскелли! Вылезай, к черту, из кабины! На рынке пожар, давай на помощь…

Дэнни нажал на газ. Колеса провернулись по асфальту, и грузовик тронулся с места. Дэнни слышал у себя за спиной грохот обрушившейся

каменной кладки, когда груда кирпичей окончательно погребла под собой прицеп. Очередной удар грома заглушил грохот обвала.

Что же теперь?

Ему удалось присутствовать при рождении мира и вернуться в современность, хотя он, конечно, не захотел бы пройти через это еще раз. Он вырвался из ОПИ. У него есть грузовик, которым он не умеет управлять. В данный момент о нем ничего не знает полиция. Так же как и ФБР; они не могут быть везде одновременно.

Но ему некуда бежать и негде скрыться.

Его квартира явно под наблюдением; может быть, там устроена засада. Возможно, за ним следят и со старой работы — «Дельта Паблишинг». У ОПИ имеется какая-то цель, правда, в искаженной и порочной форме; Братство считает его своим врагом. Ни фортианцы, ни парапсихологический центр не продвинуты в области свехъестественного настолько, чтобы к ним можно было попроситься на поруки.

Сэр Левис не знает, где он, и, может быть, даже думает, что он умер. Так же как и ФБР. Поскольку в кабине нет телефона, даже Шон не сможет докучать ему своей заботой.

Впереди замигал сигнал светофора, и Дэнни

повернул своего дышащего парами бензина мастодонта на боковую улицу. Не следует привлекать внимание копов неосторожным вождением. Если подчиняться дорожным знакам и держаться подальше от неприятностей, он будет всего лишь еще одним водите лемм грузовика. Между тем…

Между тем, нужно добраться до Шона. Нет сомнения, что Шон как-то замешан в этом деле.

Дэнни рылся в памяти, вспоминая это единственное слово, перебирая особенности его «звучания». Голос звучал как будто издалека, совсем не так, как при подслушивании мыслей Туи или босса рэкетиров; как будто он пришел по специальному кабелю особой связи — он чуть не подумал «официальной». Но в телепатии нет кабелей, значит, Шон придал слову особую окраску нарочно — специальным кодом…

Если ему удастся установить, откуда оно исходит, он сможет прочитать код. Звучание имело одну особенность. Слово не воспринималось, как обыкновенная мысль; оно звучало…

Из-под земли.

Именно голос Шона был одним из тех двух голосов, которые Дэнни слышал в первую ночь. Тот, кто произнес: *«Пусть соискатель побережется»*.

Психиатрические советы, путанные доводы

— все это было обманом — обманом? Неужели каждый в этой игре подсматривал карты из-за его локтя? Настало время это выяснить.

Но по крайней мере Шона совершенно не беспокоило, проявляет ли ФБР интерес к Дэнни. Вполне возможно, что эта идея возбуждала его. Ницше когда-то сказал: «Живи с риском». Это о Шоне Хеннесси.

Шон жил довольно далеко отсюда, в начале 125 улицы, около университета. Дэнни повернул своего бегемота по направлению к Вестсайду, где можно было отыскать скоростную магистраль, ведущую в северную часть города.

На полпути туда он вдруг почувствовал зверский голод. Насколько ему помнилось, последний раз он закусывал сандвичами с ливерной колбасой, если не считать резонатор и мыло.

Дэнни свернул со скоростной магистрали и нашел закусочную. Там он заказал яичницу с беконом, предварительно убедившись, что в кармане осталась кое-какая наличность, и стащил бульварную газету у спавшего по соседству пьяницы. Заголовок на третьей странице гласил:

«Задержана свидетельница по делу о фиксированных ценах.

Таинственная девушка в руках ФБР.

Исчезновение ученого связано с убийством цыгана».

История была невероятно искажена — но несколько фактов вызывали тревогу. Тодд исчез до прибытия привлеченных стрельбой копов. Марла, без всякого сомнения, рассказала полиции о похищении такое, что они совершенно не поверили ее рассказу; газета считала, что она специально внедрена в это дело «Международной Пшеницей». Дэнни не мог никак понять только одного: как игрокам, которые, очевидно, спаслись в битве с пинкертонами, удалось вернуться и забрать Тодда до появления копов? Но на этот вопрос ответа он не нашел.

Старик не сможет выдержать грубого обращения. Оставалось только надеяться, что он расскажет правду. Два человека, рассказывающие одно и тоже, запутают главу игорного синдиката настолько, что он на время воздержится от жестокости.

Марла тоже оказалась не в лучшем положении. Она в тюрьме, где люди из ОПИ быстро ее найдут, как только разберутся в ситуации настолько, что свяжут ее напрямую с Дэнни. До сего времени они ничего о ней не слышали, но газеты, вполне возможно, возбудят их интерес. Если сэр Левис

не убит молнией, он, конечно, проверит всевозможные углы; он слишком проницателен, чтобы поверить в «смерть» Дэнни.

Вдруг Дэнни вздрогнул, почувствовав, что должен действовать безотлагательно. Он залпом выпил кофе и бросил долларовую бумажку на стол. Нужно как можно быстрее добраться до Шона и придумать какой-нибудь способ спасти Марлу и Тодда пока не поздно.

Он снова направил грузовик на скоростную магистраль.

Через некоторое время шоссе повернуло к реке и беглец попал в тихий, темный, пустынный парк. Здесь дорога разветвлялась и так петляла, так что Дэнни почти сразу же потерял ориентацию. Почти половина фонарей была разбита, и Дэнни не мог видеть большую часть дорожных знаков и указателей. Грузовик, скорее всего, выехал из парка по той же дороге, по которой туда въехал. Дэнни повернул на какую-то улицу с односторонним движением и проехал почти десять кварталов, прежде чем смог найти другой въезд в парк.

Со второго захода он наконец выбрался из северной части парка. Повернув вправо, он обнаружил, что номера домов уже перевалили за

сотню. К удивлению Дэнни, улица, которую он искал, пересекала восточную магистраль, именно ту, по которой он ехал.

И вот наконец дом Шона. Со вздохом облегчения Дэнни направил грузовик к той обочине, где была разрешена часовая стоянка, и заглушил мотор. После часа с лишним, который он провел в кабине, внезапная тишина показалась ему какой-то тревожной.

Шон встретил его в халате кофейного цвета и красных домашних туфлях, таких пушистых, что, казалось, он позаимствовал лапы у львицы возмутительного яркого окраса. Если безработица и угнетала его, то он все же держался молодцом и улыбался, как обычно, словно его все забавляло.

— А, Дэнни, привет! — радушно воскликнул он. — Так это ты устроил такой грохот на улице? Наверное, ты приехал сюда на танке.

— Отчасти ты прав, — подтвердил Дэнни. — Слушай, Шон, я попал в передрягу. Можно мне у тебя побыть? Сразу предупреждаю, что ФБР у меня на хвосте, и у тебя будут неприятности, если меня здесь найдут.

— Не говори так быстро, старик, ты уже совсем выдохся, — сказал Шон. — Да, конечно, заходи. Я всегда рад предоставить кров беглецу, в надежде,

что и меня кто-нибудь приютит при случае.

Дэнни прошел в комнату и упал в глубокое низкое кресло. Квартира оказалась на удивление роскошной, даже для этого района, где арендная плата, скорее всего, составляла как минимум две сотни в месяц. Шон перехватил удивленный взгляд Дэнни.

— Да, немного дороговато для бывшего редактора торговой газеты, — сказал он. — Но сейчас я не работаю, и мне не нужно выглядеть, как редактору.

— Значит, у тебя все это время водились деньжата и ты запросто можешь не работать?

— Да, что-то вроде этого. Как видишь от меня не требовалось особой смелости, чтобы бросить работу. Я чувствовал себя немного преступником, когда заставил тебя поверить, что это не так. — Шон мягко улыбнулся и уселся на оттоманку, скрестив ноги в своих невероятно ярких домашних туфлях. — Приходится посвящать все свое время моей настоящей работе.

— И что это за работа?

— Как ты считаешь, имею я право вначале выслушать от тебя парочку конфиденциальных сообщений?

Дэнни почувствовал, что краснеет. Конечно,

совершенно справедливое требование; и сейчас, когда он сдался, так сказать, на милость Шона, он не имел права отказываться.

— Я думаю, ты знаешь, что я не рассказал тебе мою историю полностью, — начал он угрюмо. — Так вот слушай.

Он говорил почти два часа. В течение его монолога Шон не изменил своей позы на диване; только изредка моргал. Казалось, он окаменел — одна рука на колене, нога вытянута, другая рука подпирает подбородок — эта поза напомнила Дэнни рисунок Сатаны Доре, и дьявольская красота Шона дополняла впечатление. Ему пришло на ум, что такая полная и неестественная неподвижность возможна благодаря занятиям йогой, при которой умственная активность пропорциональна уровню неподвижности тела.

— Я понял, — наконец сказал Шон. — Беспристрастный и правдивый рассказ и впридачу мешок оговорок, скрытых в ментальном подвале. Спасибо, Дэнни.

— Не стоит благодарности, Шон. Ты теперь понимаешь, почему я не хотел выставлять все это напоказ, когда мы в первый раз говорили. Конечно, многое из того, что со мной произошло, могло бы и не случиться, если бы я тебе все рассказал.

— Да, — подтвердил Шон. — Многому вообще не следовало случаться.

Он встал, засунув руки глубоко в карманы халата.

— Ты понимаешь, Дэнни, я не мог довериться тебе, пока ты не доверился мне. И не мог тебе помочь, пока ты по собственной воле не рассказал, что с тобой произошло. А тесты, которые я вынужден был провести, неизбежно потребовали бы времени. Могу я взглянуть на резонатор?

Дэнни молча вынул прибор. Шон со знанием дела раскрыл половинки и стал изучать внутренний механизм.

— Все то же самое. Поле какое-то странное, хотя — может, из-за того, что ты изменил настройку. Как ты его регулировал?

Дэнни показал отвертку. Шон покачал головой.

— Не годится. Здесь требуется немагнитная отвертка, лучше всего не металлическая. Пойдем в мастерскую, нужно присоединить резонатор к ЭЛТ[67]. Мне не нравится, что поле искажено. Искажение сразу нас обнаружит. Это все равно, что включить сирену.

---

[67] Примечания: 67

ЭЛТ — электролучевая трубка.

Под «мастерской» очевидно подразумевалась запасная спальня для гостей. Но Шон приспособил ее под лабораторию, самую большую, какую Дэнни приходилось видеть при его не слишком богатом опыте. Предназначение большинства приборов было ему неизвестно. Однако он сразу узнал электоролучевой осцилограф, к которому Шон присоединил резонатор, поскольку у Тодда в университетской лаборатории был такой же. Спустя некоторое время на поверхности его экрана, похожего на телевизионный, появились ярко-зеленые кривые.

Шон присвистнул.

— Смотри-ка, поле почти исчезло, — сказал он. — И только частично из-за твоей отвертки. Все это из-за молнии, которая, скорее всего, косвенно на него повлияла. Если бы резонатор работал так, как сейчас, ты бы никогда не выбрался оттуда.

Он наклонился над прибором. Кривые на экране постепенно изменились. Наконец Шон выпрямился.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал он. — Теперь должен работать. Я дам тебе мою отвертку от швейной машинки — она не магнитная. — Он посмотрел на Дэнни, ухмыляясь. — Не смотри на меня с таким недоверием. Я холостяк, ты ведь

знаешь. Так что я и повар, и швец, и жнец.

Он закрыл резонатор и вернул его Дэнни.

— Обращайся с ним осторожно; это очень чувствительный приборчик. Я могу им гордиться.

— Так это *ты* его сконструировал?

— Да, конечно. Бараньи головы из ОПИ совсем одурели от мистицизма. Они не способны создать прибор, принцип действия которого основан на сериальном резонансе. — Шон направился назад в гостиную. — Представляешь, как я беспокоился, используют ли они его побочное назначение или догадаются заглянуть внутрь. Мы с Тейлором эстанировали…

— Тейлор? Фортианец? Неужели он…

— Да. Мы эстанировали, что резонатор, вероятно, будет испытан на тебе, и вполне возможно, что ты воспользуешься им, чтобы выбраться из ОПИ. Без него у тебя не было бы шансов — но в предвидении всегда существует элемент непредсказуемости, и мы до конца не были уверены, что тебе это удастся. Но теперь-то ясно, что нам не нужно было беспокоиться; они даже не догадались, что резонатор можно регулировать. Они совершенно не способны к научному мышлению — каждый раз, когда я думаю о той куче лабораторного хлама, который они собрали за рекой,

мне становится смешно.

— Ты сказал *мы*. Кто вы? Я рассказал о себе. Теперь твоя очередь.

— С удовольствием, — кивнул Шон. — Настоящие пси-люди — не те церемонные преступники из ОПИ — добровольно организованы по всему миру. Наша основная цель — исследование сериального мира. Очень много есть такого, что мы не понимаем. Уж ты мне поверь. Во-вторых, мы следим за людьми, вроде членов ОПИ, которые развивают какой-то небольшой сектор или что-то еще из парапсихологического спектра и используют в преступных целях.

ОПИ, например, играет на бирже. Именно благодаря их мошенничеству «Пшеница» оказалась в нынешнем положении — что удивительно, сама компания не виновата, — именно их манипуляции дали твоему мозгу первый большой толчок для развития пси-способностей, хотя они и не подозревали об этом. ОПИ также полностью контролирует игорный синдикат, с которым у тебя произошел конфликт, а также еще кое-какой рэкет. Они владеют также большей частью «Объединенного военного снабжения», Цюрихской компании военного имущества. Настрой большинства дипломатических встреч припи-

сывают их влиянию. Они выработали сложный ритуал для своей защиты, потому что опасаются соперничества в этой области.

— Они знают о вашей группе?

— Да, и боятся ее; но они следуют политике невмешательства в наши дела, частично из страха, частично потому, что мы, по большому счету, не представляем для них никакой угрозы. Мы вмешиваемся только тогда, когда необходимо спасти жизни тех, кого они знают так же хорошо, как и мы. Их эксперты могут определить развитие пси-способностей у любого человека, и, по возможности, они разыскивают его и вербуют или, в редких случаях, когда у новичка возникают угрызения совести, убивают.

Много раз нам удавалось предотвратить эти убийства, но у нас есть твердое правило не вмешиваться до тех пор, пока человек сам не отыщет свой путь, чтобы использовать пси-силу по своему собственному усмотрению. Если ему все же необходима помощь — обычно он в ней не нуждается — мы помогаем ему. Но не прежде.

— Это суровое правило, Шон. Есть беспомощные жертвы, которым необходима помощь.

Шон кивнул.

— Совершенно верно. Одна из причин, почему

они не получают ее от нас, — в том, что у нас нет людей, чтобы следить за ОПИ день и ночь, и когда мы все-таки вмешиваемся, нам необходима помощь жертвы. Если человек не способен ее оказать, у нас связаны руки; так что какие бы у нас ни были намерения, мы вынуждены совсем отказаться от помощи таким людям. Вдобавок, веришь ты или нет, спасшиеся от ОПИ составляют почти единственный источник пополнения нашей собственной группы; только в этих людях мы полностью можем быть уверены. Иначе мы должны проводить нашу регулярную тестовую процедуру, а это занимает так много времени, иногда годы, что мы не добились бы ничего, если бы полагались только на нее.

Ты помнишь, например, мой аргумент о «бесконечности времени», где я старался тебе внушить, что странности, которые происходили с тобой, это всего лишь совпадения. Аргумент смешной, но он звучит приемлемо. Человек, который не обладает проницательностью, никогда не станет хорошим пси-человеком. Настоящий пси-человек обладает интеллектом, очень высоким интеллектом, дающим способность мыслить самостоятельно, не зависеть от чужого мнения, поскольку пси-человек должен жить со знанием,

которое намного превосходит знание обычных людей, по крайней мере, в наше время. Это знание не должно причинять ему беспокойства, и в то же время он не может позволить себе поддаться греху гордыни. Вспомни, я настаивал, что нарушения вероятности происходят все время — совпадения происходят постоянно, в бесконечной череде случайностей. Ежедневный опыт говорит, что это не так. Но я заявил об этом очень уверенно, чтобы посмотреть, примешь ли ты мои слова на веру. Ты со мной согласился, но на самом деле, как потом оказалось, — нет.

— Вот почему ты посоветовал мне искать психоаналитика, да? — спросил Дэнни. — Ты действительно серьезно говорил об этом.

— Да, серьезно, Дэнни. Не все галлюцинации, видения и тому подобное свидетельствуют о наличии пси-способностей. Иногда у людей, которые имеют серьезные психологические трудности, развивается идея, что они стали парапсихологами, телепатами или чем-то в этом роде. Вот, позволь мне показать письменное свидетельство. Ты знаешь Марка Лайенса?

Имя казалось очень знакомым.

— Он, случайно, не детективный писатель? — наконец спросил Дэнни.

— Да, но он пишет также научную фантастику. Несколько лет назад он написал небольшой роман, в котором изобразил СЧВ, — очень приблизительно, между прочим, так как он не пси-человек, и я не заметил у него никаких соответствующих признаков. Но это был неплохой роман, и Лайенс продал его в один журнал, публикующий научную фантастику. Через десять дней после его опубликования он получил письмо от одного читателя, которое и показал мне. Замечу, что ему даже в голову не приходило, что я пси-человек или что существуют подобные вещи; он хотел просто меня позабавить. На самом деле, на мой взгляд история трагическая; но вот образчик того, что я имею в виду.

Шон достал голубоватый листок, вырванный из блокнота, и протянул Дэнни. На нем было написано следующее:

«Мистеру М.Лайону.

Нью-Йорк Сити, штат Нью-Йорк.

Дорогой сэр, пишу вам касательно вашего романа «Идущие поперек».

Ваша статья в журнале «Рассказы об искаженных умственных способностях», опубликованная в декабре, очень заинте-

ресовала меня, потому что в ней описаны явления, очень напоминающие то, что происходит со мной.

В течение 15 лет я был духовным наставником, вырастил в одиночку троих сыновей. Я постоянно страдаю жестоким мигренями и проч., и проч. Все сопутствующие явления, описанные в вашем трактате, более или менее мне знакомы — однако поверьте, что на самом деле я горжусь моими психическими способностями… я проходил психиатрические обследования… хотя чуть не сошел с ума и проч… нашлось только 2 или 3 знающих человека, которые действительно меня понимают.

Я не могу прекратить и контролировать то, что со мной происходит, как не могу перестать ходить, — то есть, находясь в настоящем, я в то же время живу в ином мире и вижу события по-другому.

(Здесь была приписка на полях: «Иду по улице и в то же время как бы нахожусь над ней».)

Вхожу в партийную организацию штата, которая существует более 15 лет, — но

в настоящее время вынужденно на отдыхе.

Мистер (указаны имя и адрес) может аттестовать мою чрезвычайную чувствительность, которая проявляется помимо моей воли.

Мне приятно, что наука начинает понимать, что существуют такие вещи, потому что меня никогда не понимали правильно, и это происходило не по моей вине.

10 апреля мне исполнится 54 года, а мне дают на десять лет меньше — хотя я ничего не предпринимаю специально… Этот дар был со мной всегда, с тех пор как я родился; я знаю ответ на любой вопрос во всей его полноте еще прежде, чем его закончат произносить, я должен временами сдерживаться в своих высказываниях, объективно считая, что «этого не может быть», но неизменно…

Напишите мне, пожалуйста, в каких книгах можно найти факты — я старался отыскать, но не нашел… Тем не менее, если вы просветите меня, чтобы я мог в дальнейшем понять самого себя с точки зрения науки, буду вам очень призна-

телен.

У меня есть друзья в «Уонамейкере»[68] Филадельфии, которые могут рассказать вам о моей деятельности. Мистер (здесь приведено другое имя) звонит мне, чтобы оказать поддержку.

Спасибо, что вы написали эту статью, и надеюсь, что появятся другие на эту тему. С уважением *(подпись).*

P.S. Мысленно я произношу одно, а выходит «что-то чуждое» — я имею в виду, не то, что мне хочется сказать — Что это — Кто знает?»

Дэнни вернул письмо.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Существуют и другие тесты, — продолжал Шон. — Мы стараемся узнать, например, как человек реагирует на алкоголь, поскольку использование пси-сил требует чрезвычайной четкой работы мозга, которая первая страдает от алкоголя. Этот тест легко провести — если человек быстро пьянеет от одной рюмки или пары

[68] Примечания: 68

Крупный семиэтажный универмаг в центральной части г. Филадельфии, штат Пенсильвания. Одно из популярных мест встречи филадельфийцев.

стаканов пива, он должен быть очень осторожен. И так далее.

Я был уверен, что ты прошел через все эти тесты, но всегда есть шанс, что в последнюю минуту человек застынет на какой-то стадии своего развития и станет односторонним парапсихологическим калекой, как люди из ОПИ. Мы с Тейлором связались очень рано — он главный в нашей группе и эксперт в выявлении любой скрытой паранойи, которая может быть у потенциального рекрута, — и совместно приняли решение, что один из нашей группы — человек, которого ты не знаешь, — добьется избрания в Совет Братства и предпримет все возможное, чтобы в тебя внедрили резонатор.

— Шон, они сожгли его, — сказал Дэнни.

— Я знаю, — произнес Шон спокойно. — Я слышал, что произошло. С самого начала мы предвидели такое развитие событий. Но считали, что дело стоит свеч, если ты сможешь использовать резонатор в полную силу его возможностей. Тейлор согласился со мной, что, возможно, понадобится помощь нашей группы, чтобы оказать тебе содействие, — но не прежде. Я доказывал, что мы приблизились к опасному порогу и что если ты обнаружишь, что резонатор регулиру-

ется и сумеешь этим воспользоваться, это будет достаточной проверкой. Теперь мы видим, что я оказался прав. Когда это решение было достигнуто, нас с Тейлором разделяли многие мили. И Тейлор, и я рано осознали, что ты можешь нас слышать, где бы мы о тебе ни говорили, поэтому мы старались выражаться туманно. Но — кроме гибели Сая Неверса — все прошло совершенно так, как мы предполагали.

— Значит, это вы с Тейлором были теми «подземными» голосами, которые я слышал. Я в конце концов определил тебя, но никогда бы не подумал, что второй — Тейлор…

Боже мой, Шон, я в первый раз за несколько недель чувствую себя снова нормальным. Я хотел прикончить тебя за все передряги, что мне пришлось из-за тебя пережить, но сейчас готов тебя расцеловать.

Шон крякнул.

— А теперь серьезно, — продолжал Дэнни. — По поводу доктора Тодда. Он работал как проклятый много лет над всей этой проблемой, и, более того, он многого добился. Ему здорово пришлось потрудиться, ведь сам он не обладает пси-способностями. Если бы не он, меня бы здесь не было. Так что он заслуживает некоторого внимания с

вашей стороны, хотя он и не пси-человек.

— Он его и заслужил, — подтвердил Шон. — Каждое человеческое существо — это уникальная проблема, Дэнни. Мы все пришли к пси-силам своим особым путем. Путь Тодда не такой, как твой или мой, и нельзя сказать, какой лучше. Удивительно, что именно ты задал этот странный вопрос, Дэнни. Неужели из всех людей только ты смог эстанировать последствия работы Тодда?

— Не хочу даже пытаться, — сказал Дэнни. — Я не использовал ни один из своих пси-способностей, с тех пор как бежал из ОПИ. Боялся, что они засекут меня.

— Конечно, засекут. Где моя голова? Мое презрение к ним иногда заставляет меня забыть, что у них вполне реальные и опасные способности. Более того, сейчас они достигли такого этапа в своей деятельности, что мы просто обязаны вмешаться, причем необходимо это сделать быстро и чисто. Хватит болтать, нужно действовать. Поехали.

— Куда?

— В их убежище за рекой, в тот дом, куда тебя доставили люди из синдиката. Мы должны ликвидировать твою последовательность. И нужно успеть вовремя и разыскать доктора Тодда, если нам повезет. Но это трудная задача. Ты ведь при-

ехал на грузовике?

— Да. Но мне кажется, бензин на исходе.

— Я поведу, — сказал Шон, скидывая халат. — Не пробовал еще ни разу, но знаю, что можно завести поршневой двигатель без топлива, приводя в действие гравитационный момент противоположных цилиндров. Как считает Тейлор, Келер завел таким образом свой «таинственный двигатель», хотя я уверен, что Келер и не подозревал о себе такое.

— А не может ОПИ установить за тобой слежку, Шон?

— Вполне возможно. Хотя не думаю, что они могут заподозрить, что я дал тебе убежище. Но даже если заподозрят, они опасаются меня и не будут препятствовать моему приезду. И рассчитываю на то, что Братья не знают, что я собираюсь покончить с ними. Вот почему я не рассказываю тебе все дело до конца.

Он погасил свет и открыл дверь.

— Нам нужно спешить. Новая последовательность уже началась, но мы должны закончить как следует твою, иначе новая пойдет не так, как надо.

— Это плохо?

— Очень плохо, — сказал Шон. — Новая по-

следовательность начинает ряд, в котором ОПИ получит полный контроль. Используя аналогию с игрой в бридж, Дэнни, ты козырь в наших руках. Если мы сейчас не сыграем тобой, у нас никогда не будет другой возможности.

Глава 14
Козырной туз

Грузовик мчался сквозь тьму ночи, Дэнни вел его, а Шон сидел рядом с ним в кабине, казалось, совершенно праздно. Поскольку бензин, прежде сгоравший в цилиндрах, давно закончился, мотор работал бесшумно, но ровно и мощно, так как коэффициент полезного действия был ничуть не меньше, чем при полном баке.

Фары проезжающих мимо машин освещали сосредоточенное лицо Шона. Он все еще улыбался, но не добродушно, а насмешливо. Казалось, он получал настоящее удовольствие, решая несложную задачу по поддержанию мотора в рабочем состоянии.

Дэнни, сам очень обеспокоенный пси-силами, которые обратились против него, впервые видел что-то вроде наслаждения от их применения.

— А ты не можешь рассказать мне, что будет

дальше?

— Могу, но немного, — сказал Шон. — Долгое время мы работали над двумя проблемами, имеющими очень большую важность. Одна из них, в сущности, является, возможно, самой старой и самой трудной проблемой, с которой сталкивался человек. Решить ее удастся еще нескоро. Она не относится к нынешней ситуации, но ты услышишь о ней позже. Либо я, либо Тейлор дадим тебе описание того, что нам удалось сделать.

— А другая проблема?

— Это как раз то, что мы сможем использовать сегодня ночью, — сказал Шон. — Мы искали некий психический эквивалент атомному расщеплению. Нам давно было известно, что поведение электронов напоминает своего рода мышление. Я имею в виду не то, что электроны чувствуют, а то, что их поведение аналогично поведению чувствующих созданий. Все, что Дирак, Гейзенберг и их коллеги сделали по исследованию электронов, обнаруживает нечто такое, к чему более применим термин, который мы называем мышлением.

Наш эксперимент с пси-принципами показывает, что волновой атом Бора имеет, в сущности, свою собственную психологию. И в течение трех

столетий, через первоначальные исследования поведения толпы, мы пришли к выводу, что эта электронная психология отражается в человеческом поведении.

Дэнни вел грузовик по сложным извилистым объездным путям к мосту Кингвей и внимательно смотрел на дорогу.

— В какого рода человеческом поведении?

— Прежде всего в действиях толпы — и во-вторых, в шизоидном поведении. Мы пришли к выводу, что большинство форм шизофрении представляет собой расщепление личности на пси и не пси-группы, иногда до дюжины таких групп в одном и том же мозге. Пси-ассоциативные группы перестают участвовать в корковой деятельности и концентрируются исключительно в пси-центре; корковые группы развивают произвольную активность без пси-контроля. Теоретически такое расщепление личности может продолжаться до полного распада, и, как ни трудно это вообразить, такие последствия возможны у человека с полностью активными пси-центрами, у пси-человека. В любом случае, мы искали способ, с помощью которого возможно вызывать такого рода расщепление, и в ближайшее время надеялись его найти. Между прочим, этот метод

может стать ужасным оружием.

— Господи, Шон, кое-кто предвидел ваши тайные исследования. В последней книге Франца Верфела описана военная кампания, в которой использовалась ментальная бомбардировка.

— Почему бы нет? Нельзя быть серьезным писателем, не понимая подобных вещей. Мы, конечно, не против таких описаний. В них часто содержится ход мыслей, который помогает нам продвигаться вперед. — Он вдруг повернул голову. — Смотри, Дэнни, скоростное шоссе уже в полумиле отсюда. Лучше потушить фары и пройти остаток пути пешком. Не потеряй резонатор, чтобы с тобой ни случилось. И еще один совет, который я дам тебе на будущее. *Предоставь Тодду больше свободы действий.* Понимаешь?

— Более или менее. Я буду это помнить.

— Хорошо. А сейчас я глушу мотор. Ты готов?

— Конечно.

Мотор зашипел и заглох. Шон открыл дверцу грузовика и спрыгнул на землю. Дэнни последовал его примеру. Стояла тишина, только цикады нарушали молчание. На небе роились тысячи звезд.

— Неужели они вернулись сюда после сражения с детективами? — шепотом спросил Дэнни.

— Можешь не говорить шепотом. Каким-то образом они знают, что *я* иду к ним. А что касается детективов, то им внушили, будто они выиграли сражение, и они убрались. У них есть восемь или десять балбесов, которые подтвердят это с твердым убеждением в своей победе, но только они не подозревают, что оно не их собственное.

— Ты это сделал…

— Нет, не я. ОПИ все известно, Дэнни. Они следили за каждым твоим шагом все эти дни, с тех пор как вычислили тебя. Когда ты телепортировался с чердака, они почти впали в истерику. И сразу взялись за дело. Они постарались опередить копов по крайней мере на час и послали мелкую сошку, чтобы схватить Тодда и доставить его в этот дом. Детективам запудрили мозги, что у них все в порядке, и отправили их по домам. Я не знаю, что произошло с боссом игроков. Думаю, он удрал; а поскольку он для них все еще ценный кадр, несмотря на то что допустил серьезный промах, недооценив тебя, его просто вывели из игры, потому что ОПИ решило напрямую взяться за это дело.

Дэнни присвистнул.

— Они могут задать жару, если постараются, — сказал он.

— И зададут. Они уверены, что ты жив, и устроили ловушку с Тоддом, как только поняли, что ты жив. Они считают, что ты думаешь, будто игроки схватили Тодда и устроили старику взбучку, и ожидают, что ты постараешься его вытащить.

— Я так бы и сделал.

Шон сошел с дороги и перебрался через кювет. Затем, помахав Дэнни рукой, чтобы он следовал за ним, полез через изгородь в поле, поросшее луговой тимофеевкой.

— Сейчас я заглушил тебя и надеюсь, что они подумают, что я один. Думаю, они постараются меня запугать. Если так, у нас будет достаточно времени.

Дэнни почувствовал слабый поток тепла в кармане рубашки и нащупал резонатор.

— Резонатор разогревается, — доложил он.

— Останови.

Через мгновение Шон спросил:

— Как теперь?

— Я думаю, он остывает. Да, так и есть.

— Лучше поставь его на нейтральную работу. Очевидно, они выставили поле сопротивления. Нужно беречь резонатор. Он тебе еще понадобится.

Дэнни открыл половинку яйца и при свете

звезд отыскал регулирующие винтики. Он поставил их в нейтральное положение отверткой, которую дал ему Шон, сразу почувствовав, как сомкнулись вокруг него многочисленные горизонты сериального мира.

— Хорошо, — сказал Шон. — Теперь у тебя будет двойная защита. Кроме того, резонатор позволит избежать риска, что тебя и меня схватят одновременно.

— Не нравится мне это, — заметил Дэнни.

— Я тебя понимаю. Потерпи, это ненадолго.

Вдруг Дэнни увидел дом, длинный, низкий, без единого огонька в окнах. За ним грязным пятном темнел лес. Он обнаружил дом так неожиданно, как будто тот выпал перед ним из Млечного пути.

— Я пойду прямо туда, — шепнул Шон. — Устрою большой шум и попробую заставить их сказать, где Тодд. В обращении с сэром Левисом это очень действенно — как можно больше пустых угроз. Ты дашь мне начать, затем незаметно подкрадешься к окну, тому, что справа от вытяжной трубы, — ты его увидишь, как только подойдешь ближе. Не беспокойся, тебя не засекут. У них есть ясновидящий, который следит за всем прилегающим к дому районом, — но с

нейтральным резонатором никакое СЧВ тебя не обнаружит.

Его зубы сверкнули в сияющей ночи.

— Забавно — я вижу тебя. Обычно я только эстанирую людей, которым могу верить почти так же, как самому себе. Ты что-то новое в этом мире, Дэнни, — ты парапсихологически невидим.

Он повернулся и посмотрел на дом.

— Удачи тебе, Дэнни, — сказал он. — Чтобы ни случилось, не теряй присутствия духа. Ты козырной валет и, вполне возможно, скоро получишь повышение. Если это произойдет, вспомни, что ты можешь обратиться к Тейлору за помощью.

Не дожидаясь ответа Дэнни, который ничего и не мог ответить, так как эта странная речь не только ничего ему не объяснила, но и не рассеяла его недобрые предчувствия, Шон быстро зашагал к дому. Дэнни почти сразу же потерял его из виду.

Он стоял неподвижно в сладко пахнувшей траве. Он сожалел, что не может активировать свои пси-способности, хотя до сих пор они причиняли ему больше вреда, чем пользы. Чувство прямого контакта с основными тканями сериального мира, многочисленные расслоения пространства и времени убеждали его в новом порядке

реальности. Но невидимость еще не означала, что у него есть преимущество. Дэнни теперь лучше понимал, насколько сильно рисковал Шон, предоставив резонатор в распоряжение ОПИ.

И все же Шон предвидел, что люди из ОПИ не способны воспользоваться этим маленьким устройством по прямому его назначению. Дэнни очень надеялся, что сможет за доли секунды эстанировать возможный конец этой последовательности событий, как это сделал бы Шон. Абсурдно, после такой долгой борьбы за полное овладение пси-силами, оказаться в такой ситуации, когда ему не удастся их использовать.

В громадной тени дома открылся прямоугольник желтого света, высветив стройную фигуру Шона и коренастую — другого человека. Коренастый человек в проеме двери жестикулировал. Затем он исчез внутри дома, и Шон вместе с ним. Свет снова погас.

Дэнни подкрался к месту, которое ему указал Шон. Подойдя ближе, он обнаружил, почему не мог рассмотреть окно с поля: оно было закрыто металлическими жалюзи.

Однако несколько щелок между планками жалюзи позволяли ему видеть, что делается внутри. Комната, которую Дэнни увидел, оказалась той

самой, куда его доставил Туи и где он разговаривал с боссом игроков.

Однако теперь на месте босса сидел какой-то низенький человек с бахромой рыжих волос, обрамляющих обширную плешь. Что-то в нем показалось Дэнни на удивление знакомым, хотя человек сидел к нему спиной. Кто же это? Явно не сэр Левис Картер, у которого была живописная белая шевелюра. Возможно, это кто-то из тех членов Совета, которых Дэнни видел в капюшонах.

Еще один игрок, который прятал в рукаве карты.

Дверь в комнату открылась, и вошел Шон. Коренастый сопровождал его, но видно было, что он с радостью избавился бы от этой обязанности. Человек за столом поднял голову.

Шон, улыбаясь, что-то произнес. Человек за столом кивнул. Дэнни прижался лбом к металлическим планкам жалюзи, прислушиваясь к отдаленному бормотанию.

— Какой приятный сюрприз, — говорил Шон. — Братство, должно быть, в отчаянии.

— Братство знает, что делать, — ответил человек. — Говори, Хеннесси. У меня нет времени.

— Для меня найдется, — сказал Шон. — Ты держишь доктора Тодда в этом доме. Мы хотим его

освободить.

— У нас нет никаких сведений о докторе Т-тодде. Ты знаешь не хуже меня, что мы ничего не предпринимаем против п-п-парапсихологов. Мы очень давно пришли к выводу, что любые подобные действия быстро их убеждают, что они на п-п-правильном пути.

Заикание очень знакомое. Дэнни осмотрел комнату в поисках мятой шляпы, той самой, что была предметом постоянных шуток в редакции «Дельты». Она оказалась там, конечно, и висела на вешалке в углу за дверью.

— Все события уникальны, — сказал Шон. — Тодд здесь. Неужели, ты думаешь, что можешь это скрыть от *меня*!

Другой человек промолчал.

— Нет, — ответил он наконец. — Предположим, Т-Тодд здесь? Ты рассчитываешь его найти?

— Нет, — неожиданно ответил Шон. — Вряд ли мне удастся его здесь найти. Насколько я слышал, вы прятали его под кроватью, пока были уверены, что Кейден вне игры. Я ожидал, что буду иметь дело с сэром Левисом, который спрятал бы Тодда в каком-нибудь понятном месте. Но теперь не сомневаюсь, что ты поместил старика в какой-нибудь последовательности, в которой мне и за

миллион лет его не разыскать. Я не собираюсь растрачивать по мелочам свою молодость, таскаясь по местам Крестовых походов или халифату Муккада Бея в поисках Тодда.

— Я и не рассчитывал на это, — сказал иронично человек за столом. — Тебе не найти его ни в Трапезунде, ни в японском чайном домике..... А еще п-предположения есть?

— Я не буду даже пытаться, — сказал Шон. — Выпусти его.

— Да чтоб ты сд-дох.

На мгновение Дэнни показалось, что с Шоном именно это и случилось. Он согнулся пополам и наклонился набок, глаза у него закрылись, лицо исказилось от боли. Затем Дэнни потерял его из поля зрения. Плешивый человек победно встал. Но он еще только выпрямлялся, когда стол, за которым он сидел, поднялся вслед за ним и повис в воздухе.

Под столом Дэнни увидел Шона. Он лежал на ковре, опираясь на обе руки. Голову он держал с трудом, как будто она вдруг отяжелела. Жилы на его шее натянулись, как провода. Но его глаза сверкали, и взгляд был направлен на соперника.

Стол поднялся выше, сделал неожиданный резкий рывок по направлению к плешивой голове

и наклонился, свалив чернильницу на колени рыжеволосого. Тот зашипел ругательства.

Шон усмехался, но был весь в испарине.

— Зачем, Молл, — сказал он. — если бы твои богопослушные издатели слышали, как ты…

Стол закачался и двинулся, медленно, угрожающе, по направлению к Шону. Рыжеволосый повернулся, выбираясь из под него. Действительно, это был Молл. Чернила оставили большие черные пятна на его брюках. Он тоже был в испарине; но держался с уверенностью победителя.

Дэнни поспешно открыл резонатор, чтобы установить электронное поле. Из-за отсутствия всех СЧВ-чувств он не мог определить, насколько сильным оно должно быть, чтобы передвигать стол. Если он переборщит, Молл узнает, что кто-то помог Шону. Ему ничего не оставалось, как только всецело положится на интуицию. Как только психокинетическое поле будет готово к дей-ствовию, он повернет винтик на столько, чтобы только осуществить кинетический бросок.

Кажется, ничего не произошло. Два человека по-прежнему оставались лицом друг к другу, борясь за контроль над массивным столом. Дэнни не верилось, что тот может быть таким тяжелым; он не чувствовал его массу, поскольку защита

вокруг него блокировала его СЧВ-способности, так же как способности ясновидящего, который мог его обнаружить. Однако того психокинетического поля, которое он спроектировал, вполне хватило бы, чтобы двигать любой предмет обстановки с приличной скоростью.

Напрашивался только один ответ: Молл обладал удивительной психокинетической силой — такой, что она превосходила силу Дэнни и Шона вместе взятых.

Или все же не превосходила? Постепенно качающийся стол двинулся к Моллу. В это время лампа упала с него на ковер и откатилась к стене. Под немигающим взглядом голой лампочки под потолком, Шон и Молл недвижно застыли, будто изваянные из гранита.

Стол постепенно приближался к Моллу, оттесняя его к окну. Еще немного, и его спина разобьет стекло.

Дэнни яростно пытался открыть жалюзи. Но они не поддавались.

— Я не люблю применять силу, Молл, — с трудом выдавил Шон. — Но ты совершил серьезную ошибку, пытаясь меня убить. Почти такую же серьезную, как помещение Тодда в сигма-последовательность. Он в сигма-последовательности,

Молл, только потому, что даже тебе не под силу вернуть его в прошлое, в какую-нибудь историческую последовательность. Ты спрятал его в каком-то предполагаемом будущем и будешь сожалеть об этом — если останешься жив.

— Докажи, — выдавил Молл.

— Запросто. Ты посмешище, а не пси-человек, Молл. Когда ты поместил Тодда в сигма-последовательность, ты сам себя прикончил. Разве ты не знаешь, что он почти овладел пси-силами? Вытащить его из его собственной последовательности, значит, дать ему ключ, который ему необходим. *Разве ты не знаешь, что ты почти мертв?*

— *Картер!* — простонал Молл. — Обри! Эллиот! Шаум! *Картер!*

Стол медленно двинулся вперед. Пальцы Дэнни скользили по холодному металлу, и жалюзи немного поддались.

Молл лихорадочно оглядывал комнату. Увидев свалившуюся лампу, он торжествующе вскрикнул, не обращая внимания на стол, который наседал на него, как геометрический мастодонт. Он смотрел на лампу…

Лампочка настольной лампы взорвалась. Узкий клин электрического зеленого выстрела пронзил неожиданно наступившую темноту.

Шон вскрикнул.

Стол с тяжелым грохотом упал на пол. Что-то прошло мимо Дэнни с шорохом, что-то такое, что он уже никогда не узнает. Затем оно исчезло, и Дэнни почувствовал, что слезы текут у него по лицу. Шон… Шон…

Жалюзи заскрипели под его напором и открылись; в то же самое время дверь распахнулась, и сэр Левис грузной тенью ворвался в комнату. Зеленый луч колыхнулся и исчез. Почти ослепший, Дэнни перекинул ногу через подоконник и выбил стекло.

— Что за черт, Молл! Вы справились с ним?

— Думаю, д-да. Н-но он все еще жив. Он направил ПК-поле на этот стол, и я слышал, как ч-что-то прошло через окно.

Дэнни сжал зубы и вернул резонатор в нейтральное положение.

— Я не ощущаю никакого ПК-поля.

— Сейчас оно исчезло. Это могло быть остаточное явление. Но остерегайтесь. Он сильный — Бог мой, какой он сильный!

— Эти высокоумные идиоты слишком много берут на себя, — сказал сэр Левис. — Пусть он хоть в девять раз сильнее вас, и все же дурак набитый, если решил справится со всеми нами в одиноч-

ку. — Он шарил в темноте, пока не наткнулся на Шона. — Вот он. Ни одной мысли у него в голове. Он мертв, Молл.

— Я не хотел его убивать. Может быть, он т-только потерял сознание. Я заблокировал ему нервы. П-позовите одного из своих мастеров телепортации, пусть его отсюда заберут и переместят в импеданс-поле, и проследите, чтобы он п-получил медицинскую помощь. Если он умер, нам придется иметь дело с Тейлором, да и все остальные на нас набросятся.

— И Кейден тоже.

— Кейден умер. Не беспокойтесь, вы о нем больше не услышите.

— Я в этом не уверен, — пробормотал сэр Левис. — В конце концов, он мог и не пойти к Хеннесси.

— Если бы он остался жив, он пошел бы к Хеннеси, — холодно произнес Молл. — Последовательность не допустила бы н-ничего подобного. Я уверен, что его не было с Хеннеси. В следующий раз, когда у вас возникнут нэприятности, справляйтесь с ними сами.

— Я все же сомневаюсь, — проворчал сэр Левис — Но вы здесь Притан. Если вы утверждаете, что Кейден умер, я вынужден согласиться.

Они вышли. Дэнни ждал, затаив дыхание, забыв вытереть слезы. На протяжении всего разговора его нога была просунута через разбитое стекло в комнату, но ни сэр Левис, ни Молл так и не посмотрели на окно.

Через некоторое время в дверь просунул голову высокий худой человек. Тело Шона поднялось с пола. Человек исчез, и тело Шона поплыло за ним вслед.

Комната опустела.

Дэнни осторожно вытащил ногу и открыл раму. Зазвенели осколки стекла, и он замер. Но ничего не произошло.

Он перелез через подоконник и очутился в комнате. Молл и Картер считали, что Шон все еще жив частично из-за слабого ПК-поля Дэнни, которое было направлено на стол, а также из-за звона разбитого стекла. Они не удосужились проверить, действительно это Шон разбил окно или телекинезировал чем-то изнутри комнаты, или разбитое стекло означало что-то еще.

Но Дэнни был уверен, что ток из разбитой лампочки убил Шона. Дэнни чувствовал, что это произошло. Смерть наступила мгновенно. Возможно, Шон так же почувствовал смерть Сая Неверса, хотя тот умирал намного медленней…

Стоя в полной темноте, Дэнни вдруг понял, что Шон ожидал такого развития событий, по крайней мере, он предчувствовал такой конец, ведь его высказывание о будущем «повышении» Дэнни могло означать только одно — он предвидел свою смерть. И с того момента, как Шон обнаружил, что будет противостоять Моллу, а не сэру Левису, — зная, как сам Дэнни узнал только сейчас, какой почти фантастической силой обладал Молл, — он знал, что проиграет даже с запоздалой помощью Дэнни.

В таком случае ему было известно, что Молл — одна из ключевых фигур в ОПИ. Он пошел в капкан ОПИ, зная, что может погибнуть прежде человека, которого презирал — и наблюдал — почти 3 года в редакции «Фуд Кроникл».

Если Шон умер, он умер в ожидании, что Дэнни справится с Моллом и ОПИ. Он назначил Дэнни козырным королем.

Самое главное, он дал Дэнни инструмент, с помощью которого можно разрешить проблему, если Дэнни воспользуется им как надо. До настоящего времени он использовал резонатор только для ограничения пси-сил. Но тот годится и для беспредельного их увеличения. Однако сейчас лучше старый способ. В этом доме быть парапси-

хологически невидимым — самое лучшее из всех возможных преимуществ.

Он выглянул в коридор. Там было пусто, хотя из-за закрытой двери на противоположной стороне доносилось глухое бормотание.

Дэнни зашагал вдоль стены, разыскивая лестницу, ведущую на чердак. У поворота в конце коридора он натолкнулся на нее, сразу узнав.

За исключением того, что в лестнице оказалось намного больше ступеней.

Ступени были искривлены, как будто шли по поверхности шара. Казалось, они расходяться друг от друга в разных направлениях. Призрачная лестница шла в небытие с каждым последующим витком. Дальше, наверху не было ничего, кроме легкой дымки, сквозь которую неясно проглядывали бесчисленные тени и изгибающиеся плоскости.

Там было что-то странное. Не похоже, что человек вообще может подняться по этим ступеням до самого верха.

Тодд находился там наверху. Но где — «там наверху», оставалось только гадать. Однако в этом доме находилась какая-то лаборатория, которую следовало взять в расчет: у Братства имелось достаточно знаний о пси-силах, чтобы с

их помощью создать какой-нибудь технический фокус. Дэнни прикидывал, хватит ли ему его собственных способностей — ведь он еще новичок и у него нет базовых технических знаний Тодда, а значит, нет ни инструментов, ни ключей для разгадки этой тайны.

Но подождите-ка. Ведь он может, по крайней мере, попытаться позаимствовать умственные способности Тодда. Парапсихолог нашел базовое ПК-уравнение, которое идентично формуле, хорошо известной по обычной физике: формуле, называющейся уравнением Блэкетта, неизвестной Дэнни, но знакомой всем ученым и эзотеристам. И к концу исследования, которое было прервано бандитами, Тодд нашел базовую формулу, которая распространялась как на ПК, так и на СЧВ…

И уравнение Блэкетта содержало небольшую поправку.

Дэнни лихорадочно начал рыться в невероятно захламленной комнате своей памяти, ища относящийся к делу материал, который был явно где-то там, зарегистрированный под заголовком «Гейзерберг — принцип неопределенности». Через секунду тот оказался в его распоряжении вместе с целой страницей из «Науки и разума»

Коржибского, на которую он натолкнулся во время своей библиотечной эпопеи.

Основная формула выглядела так:

pq — qp = h/2 pi (1),

где визуализированный текст гласил: «h — представляет константу Планка, q — обобщенную координату, p — кинетическую энергию, 1 — обозначает единичную матрицу, а p и i имеют обычное значение».

Здорово. Но хотя это выглядит совершенно непостижимо и явно ничего не дает для понимания многоступенчатой лестницы, которую он перед собой видел, у него нет ничего другого. Тодд как-то похвалил его за быстрое схватывание элементарной физики — сейчас пришло время этим воспользоваться.

Он заставил себя напрячься; его мысли заскользили с удивительно высокой скоростью — свойство, которым он в первый раз воспользовался еще до того, как позвал Тодда к себе домой. Левую часть уравнения можно было не принимать в расчет, поскольку только правая часть давала значение — выражение не было обратимым. Знак i обозначал квадратный корень от минус 1 — это определенная численная вели-

чина и, следовательно, явно не переменная; то же самое относилось к p. Слева не было ничего, кроме h, которая была константой. И это все, что содержала страница, которую он вспомнил.

Хотя нет!

Постоянная Планка, как он учил в колледже много лет назад, это инвариантный элемент в кванте, одиночный, бесконечно малый пучок энергии, на котором, кажется, основывается движение вселенной. В нашем мире это бесконечно малая величина, всего лишь 0,00000000000000000000000000655 эргосекунд, но если эту основную постоянную изменить, то весь энергетический уровень космоса изменится вместе с ним.

И тогда получалось, что второй винтик в резонаторе вот для чего: он «настраивает» различные значения h. И, по большому счету, это объясняет, что Братство сделало с лестницей. Оно использовало вариации h как рычаг для отделения последовательностей сериального мира, в совокупности составляющих главную линию. Поскольку люди из ОПИ не были заинтересованы в большинстве промежуточных последовательностей, они выбрали только те, в которых их дело, их часть сюжета в бесконечном фильме

времени, как назвала бы это Марла, были бы наиболее предпочтительными; и в такой наиболее подходящей последовательности наилучшее место, чтобы спрятать Тодда. Квантовая брешь между такими узкими полосками должна быть очень большой, настолько, чтобы ее не так легко определить даже самыми чувствительными приборами.

Один из голосов за закрытой дверью стал громче, в нем явно слышалось заикание. Дэнни не мог разобрать слов, но по заиканию определил Молла. Другой голос вдруг взревел, и послышался стук опрокинувшегося стула. Очевидно, дискуссия, которая велась очень горячо, близилась к завершению…

Отчаяние, вызвавшее вдруг что-то вроде шока, заставило его мысли двигаться еще быстрее, чем прежде, притом, что его эмоции застыли, исчезли, испарились. Мысли проносились у него в голове, как цифры на телеграфной ленте, не только стремительные, но и голые, обнаженные. Для него было совершенно ясно, что интуитивный математический скачок, который он только что совершил, — настоящий интеллектуальный подвиг для человека без подготовки. Понимание этого привело его в восторг. Но сейчас он не спо-

собен был испытывать эмоции. Он просто принял это к сведению.

Он так же холодно, без всяких эмоций, понял, что осмелится подняться по этой ведущей в никуда лестнице, вооруженный только математической концепцией. Дэнни полностью отдавал себе отчет, что понимание математической концепции не дает автоматически способности ее применения в деле. Она, например, очень хорошо объясняла, что каждая ступенька вверх ведет на новый уровень сериального мира, где значение постоянной Планка было выше, чем на непосредственно предшествующей ступени. Но он не обладал знаниями ученого, чтобы оценить последствия этого изменения или предсказать их в соответствующих практических терминах; не оценив последствий, он не мог достаточно хорошо знать, откуда и куда идти, а также каким образом можно проникнуть в последовательность.

Короче говоря, если следовать только своей интуиции, то, поднимаясь по этим ступенькам, можно просто потеряться.

А если следовать ложной или недостаточно продуманной аналогии, можно потеряться еще быстрее. Было бы ошибкой, например, продол-

жать считать, что уровни сериального мира — это независимо существующие параллельные миры. Дэнни знал, что у этой давно существующей философской головоломки нет подтверждения в физической реальности. И все же концепция «параллельных миров» имела так много точек соприкосновения с настоящей ситуацией, что трудно было не впасть в заблуждение.

Не оставалось ничего другого, кроме того, чтобы ухватиться за аналогию Марлы о кинопленке. К тому же Тодд назвал эту аналогию «очень хорошим методом» понимания сериального мира. По крайней мере, можно рассчитывать, что эта аналогия не будет грубой ошибкой по отношению к имеющимся фактам. Оставалась единственная опасность — что она не полная.

Дополнить ее — если аналогия вообще может быть дополнена относительно реальности — значит получить точку опоры. Вообразим течение времени разделенным на неопределенное число равных отрезков — кадров кинопленки. Только в одном таком кадре действующие лица и весь остальной антураж будут двухмерными и как бы ненастоящими. Теперь наложим вторую пленку прямо на первую, прокручивая в том же направлении. Действующие лица и прочее во

второй ленте *почти* идентичны тем, что на первой пленке, но все-таки немного не похожи. Они тоже двухмерные и почти нереальные. Теперь добавляем третью кинопленку, которая слегка отличается от второй и более значительно от первой. Повторим процесс с четвертой лентой, пятой, шестой и седьмой.

Теперь включим свет и посмотрим *через* пачку лент на один кадр, единственный настоящий во времени, так как он существует в каждом уровне сериального мира. Вы увидите не единственное изображение, нет, вы увидите наложение. Слегка различающиеся, почти нереальные и плоские объекты и персонажи сложились в трехмерные образы, находящиеся в трехмерном пространстве, обрамленном краями кипы кинолент. Составные образы впитали особенности всех индивидуальных образов.

Эта, судя по виду, сплоченная композиция представляет собой «реальный» мир, побочный эффект всех уровней сериального мира — то, что Шон назвал «главной линией» в отличие от отдельных «последовательностей».

Но «последовательность» наводит на мысль о времени и движении. Существует продвижение вперед и изменение от кадра к кадру в кипе

кинопленок. Здесь заключена настоящая тайна, основное ядро сериального мира — разница во времени.

Положите руку на верх кипы кинопленок и нажмите как можно сильнее. Затем сдвиньте вперед на полдюйма.

Верхняя пленка скользнет на полдюйма. Следующая под ней немного меньше; пленка под ней — еще меньше. Самая нижняя пленка может не сдвинуться совсем. Но когда вы снова просветите кипу пленок, вы увидите, что расхождение между кадрами в верхней и нижней кинопленках будут очень значительными. Мгновение, которое является «сейчас» на нижней пленке, сдвинулось вперед во времени на намного более значительное расстояние, чем на верхней.

(К величайшей досаде Дэнни в этой точке рассуждения другая индуктивная вспышка прервала строящуюся аналогию. Два года назад он случайно наткнулся на совершенно непонятную статью английского физика Д.Б.С.Холдейна о теории неэнштейновской относительности, по которой возрастание энергетического уровня всей вселенной тем больше, чем старше возраст вселенной. Дэнни вообразил скольжение кипы кинопленок раньше, чем неясную концепцию

Холдейна, — он не вспомнил, что Холдейн в действительности объяснял другую человеческую идею, и поэтому не захотел вернуться к ней как к наиболее естественному и неизменному из всех естественных законов.)

Тогда что же сделало Братство? Оно разделило кинопленки. В этой мерцающей лестнице не было ни «главной линии», ни совокупности пленок, сложенных в одну общую реальность. Вместо этого каждая из пленок имела свое собственное индивидуальное существование со всеми мельчайшими отличиями между ними, освобожденными, чтобы независимо отстаивать свои права, как если бы каждая пленка была «главной линией».

По мере того как Дэнни шел шаг за шагом к пониманию проблемы, он как будто попадал в другой мир. Не нереальный мир, но и не реальный тоже; просто почти выдуманный мир, который мог стать фактом, только благодаря смешению его родственных полуправд.

И — он должен идти вперед во времени. Каждый новый полумир будет поворачиваться чуть вперед в будущее по сравнению с предшествующим. Как далеко это «чуть» может быть — секунды или столетия, он не представлял, но,

скорее всего, это будут длинные, а не короткие скачки. В нормальном пространстве-времени одна секунда эквивалентна расстоянию 186 000 миль. Так что есть все основания считать, что изменения на «чуть» в таком основополагающем факторе, как энергетический уровень космоса, будут не менее эффектным.

Так вот как это сделано. Но теперь, когда он знает, что сделано, подъем по этим ступеням кажется ему несравнимо более опасным, чем прежде. Все последовательности, в которых ОПИ имеет преимущество, представляют очевидную опасность. Более того, чем выше подъем от последовательности к последовательности, тем больше отделение от главной линии вероятности; чем ближе Дэнни приблизится к чердаку, тем больше вероятности, что он окажется на первой неверной ступени и попадет в какой-нибудь мир, из которого ему уже никогда не выбраться…

И все же резонатор должен ему помочь. Если поставить первый винтик в нейтральное положение, держа свой мозг в пределах одного «кадра», вероятность сбиться с пути от последовательности к последовательности будет сведена к минимуму; и эта настройка также будет отсеивать близко прилегающие последовательности

— промежуточные между теми, где могли спрятать Тодда. Тщательная фокусировка второго винта рассеет его мозг достаточно далеко вдоль оси Планка, чтобы показывать, по какой последовательности ему надлежит двигаться от уровня к уровню…

Дверь позади него открылась. Голоса вырвались из комнаты и стали громче, но смысл приглушенных фраз был все еще непонятен.

Дэнни зажмурился. У него не было выбора. Он достал из кармана рубашки резонатор и повернул второй винтик. Лестница изогнулась.

— Ради Бога, Картер, Картер! Идите сюда. Смотрите, это Кейден, *и он собирается захватить сигма-последовательность*…

Глава 15
Шесть дней в будущем

РАЗ!

Лестница исчезла.

Исчезли также дом и темный коридор.

Дэнни стоял на лугу. Но даже луг был другим. От травы не осталось и следа. Колючая стерня покрывала бугристую землю. Стоял страшный холод. Вокруг царило запустение, только торча-

ли поблизости несколько огромных уродливых стеблей.

Вокруг Дэнни валялись большие обтесанные камни, показывая, где предположительно мог быть дом, — или где он был до того, как что-то с ним случилось.

За руинами дома виднелся лес из мертвых деревьев. Их кора отстала от сухих стволов. Многие деревья упали, их стволы и сучья сгнили, хотя в лесу, как и раньше, все еще рос кустарник.

Серые облака закрывали небо. К северу, там, где должен быть город, клубился только туман. Черная птица, похожая на ворону, но намного крупнее, кружила и кружила на сыром холодном ветру. Она увидела Дэнни и крикнула. Ее крик отозвался эхом по всей округе.

Ке-а… Ке-а…

Других звуков не было; ни шуршания листвы, ни гуда насекомых, ничего, кроме крика птицы и стука ветвей на ветру.

Сбитый с толку Дэнни повернулся к дому. Маленькая лестница сохранилась, а также почти вся дымовая труба. Остатки камней валялись вокруг на сухой стерне, как будто дом взорвали изнутри много лет назад и с тех пор сюда никто сюда не приходил.

Ке-а… Ке-а…

Дэнни попробовал просканировать пространство с помощью телепатии. И ничего не обнаружил. Ни единого живого существа. Только мертвый, проклятый ландшафт вокруг.

Дэнни проследил за птицей…

Его пошатнуло от ужаса. Он понял, что птица спускается все ниже и ниже, что она наблюдает за его слабостью; ее клюв нацеливается прямо ему в глаз. Но он чувствовал себя совершенно беспомощным и не мог избавить свое сознание от этого контакта.

Птица оказалась разумной; почти такой же разумной, как собака. Она была голодна. В течение многих дней она искала пищу, и в течение многих месяцев она не встречала человека…

Он закашлял и выпрямился. Насторожившаяся, но не напуганная птица сделала круг в воздухе, выжидая.

Ке-а… Ке-а…

Запах смерти окутывал не только дом, но и мир — смерти от войны или мора? Этого не знали ни человек, ни птица. Но птице до этого не было дела. Ей нужны только глаза Дэнни. Наконец она нашла создание настолько слабое, настолько неразумное, что оно поднимает голову на ее крик

и смотрит в небо…

Дэнни, сглотнув, опустил голову и посмотрел вниз. Стерня щетинилась у его ног, но ведь он не выходил из коридора. Разъединенные ступени находились перед ним, хотя он уже поднялся на одну из них… и оказался в этой последовательности.

Ну конечно. Это была всего лишь одна из бесконечного числа накладывающихся друг на друга последовательностей, составляющих в совокупности реальный мир. Она была не полностью реальна, она была просто раздробленной реальностью. Новые последовательности начинаются каждое мгновение. Одна из них, как говорил Шон, даст ОПИ полный контроль над будущим, если Братству удастся укорениться — если ему удастся подойти ближе к главной линии.

Это произойдет именно в той последовательности, где будет спрятан Тодд, так как ОПИ надеется, что соратникам Шона придется сделать эту последовательность реальностью для того, чтобы вызволить Тодда. И конечно, последовательность, где ОПИ имеет полный контроль, была бы самым безопасным местом для пленника. Дэнни поднялся в только на первую из подконтрольных ОПИ последовательностей. Вот почему ему каза-

лось, что по ступеням, которые он видел перед собой, нельзя подняться. Первая ступень здесь отсутствовала, потому что он уже ее миновал; она не принадлежит ни к этой последовательности, ни к той, которую он только что покинул.

Ке-а… Ке-а…

Дэнни угрюмо огляделся. Итак, перед ним *наиболее* возможный результат манипуляций ОПИ! Опустошенный мир, только хрипло кричащая птица, последняя… мир, где нет ни одного человека, один только Тодд, которого можно скрыть мгновенно. Не утешительно.

Ке-а…

Дэнни посмотрел вверх, где внезапно обрывалась разрушенная лестница. Там не было ничего, кроме серого неба; но это был сигнал, указующий перст, который предупреждал, что не следует взбираться слишком высоко…

Ке-а, Ке-а! Странное черное существо, опасное, оснащенное крыльями, вытянутое, как торпеда, с острым носом, бросилось ему в лицо, его маленький мозг взвизгнул победным коварством. Дэнни закрыл глаза рукой и стремительно шагнул на вторую ступеньку.

ДВА!

И ему сразу же пришла в голову мысль, что он

шагнул в воздух. Все оставалось серым и кружилось вокруг него. Он пытался ухватиться руками за что-нибудь и не мог; он падал и…

Сильная рука схватила его за предплечье, другая сильно прижала его ладонь к чему-то трубчатому, металлическому и холодному.

— Полегче, приятель, ветер тут скверный. Держись за поручень, а то сдует.

Голос звучал дружелюбно. К счастью, Дэнни сумел справиться с головокружением. Но даже после этого он не смог разглядеть ничего, что позволило бы ему почувствовать, что он на земле. Он начал осмотр с поручня, который оказался просто блестящей трубой, которая огибала пространство, способное вместить троих человек. Перила были прикреплены к тонкой металлической платформе. Она качалась вперед и назад на верхушке единственной металлической мачты, тонкой, как тростинка, поднимавшейся на высоту почти две сотни футов над поверхностью земли. Как только он увидел, где была земля, он снова испытал головокружение и чуть не выронил резонатор, ища, за что бы ухватиться на качающейся платформе.

— Держись. Ты должен держаться за поручень.

Человек осторожно выпустил его. Дэнни повер-

нул голову и посмотрел на него.

Это был Шон. Или… нет, это был только частично Шон, более грубая версия козырного короля, не помнящая разветвлений того мира, в котором Шон жил во плоти и крови. Но сходство слишком заметное, чтобы на него не обращать внимания.

Внизу раскинулся на много миль какой-то лагерь. По нему сновали крошечные люди. Половина леса была вырублена, вероятно, для того, чтобы сделать грубые бараки. На севере можно было видеть город, хотя его очертания изменились. Там высились несколько небоскребов, отсутствующих в мире Дэнни. На юге раскинулось пустынное поле. На нем поблескивали серебром десять одинаковых снарядов, похожие на блестящих металлических рыбин. Снаряды висели в сетях ферм; одиннадцатая стояла на своих хвостовых плавниках; ее обслуживал высотный кран.

Платформа качалась, как тюльпан на ветру. Человек, похожий на Шона, перекинул винтовку с одного плеча на другое.

— Теперь все в порядке? — спросил он. Дэнни кивнул.

— Я не видел, как ты поднимался, и не ожидал тебя встретить. Этим телепортерам наплевать,

как чувствует себя человек, которого закидывают на двухфутовую высоту. Хорошо, что я тебя удержал.

— Спасибо, — сказал Дэнни. — У меня кружится голова.

— Еще бы. Сначала всегда кружится, потом пройдет. Я побуду с тобой, пока ты не придешь в себя.

Дэнни озадаченно посмотрел на солдата.

— Я твоя смена, да? — спросил он.

— Ну да, но я не тороплюсь. Знаю, как это бывает, когда первый раз ставят на стражу. Я и сам совсем недавно был новичком. Ты обо мне не беспокойся. Когда нужно будет, я подам сигнал, чтобы меня переправили на землю. Где твоя винтовка?

— Не знаю, — сказал Дэнни. — Наверное, я ее уронил.

— Ты не мог ее уронить. Ее, должно быть, забыли послать вместе с тобой. С каждым днем они становятся безалабернее. Я Шон Хеннесси. А тебя как зовут?

— Дэнни Кейден.

— Хм. Мне кажется… нет. Точно — нет. — Солдат наклонился над перилами, глядя вниз на поле. — Посмотри-ка на них. Вон на те адские

игрушки… Кэррик говорил, что сегодня ночью взорвут пять из них, но я думаю, это враки. Ты что-нибудь слышал?

— Ничего, — ответил Дэнни, не погрешив против истины.

— Я тоже. Господи, какой же здесь дубак.

— Я уже привык. Почему ты не…

Что-то пронеслось в сером небе у них над головой со звуком, похожим на вой полицейской сирены, усиленной в тысячу раз. Разглядеть ничего не удалось: было слишком далеко. Дэнни заключил по звуку, что объект исчез задолго до того, как они его услышали.

— Эта не для нас, — заметил разговорчивый солдат, похожий на Шона. — Знаешь Дэнни, иногда мне хочется быть в телевойсках. Я слышал, что они, по крайней мере, никогда не стоят на страже.

— Вряд ли я попал бы туда, — сказал Дэнни.

— Вполне возможно, что и нет. Каждый раз, когда я думаю, каким способом эксперты снова выкрутились, мне становится смешно. Вначале считали, что атомные бомбы сделают пехоту ненужной. Затем они изобрели этакую телепортирующую штуку и бах! Отряды командос снова появились и начали стрельбу по всему миру…

Неожиданно все стало на свои места. ОПИ было посредником в мировом бизнесе по военному снаряжению в последовательности, граничившей с главной линией. В последовательности, где ОПИ не могло больше скрывать тайну телепортации, этот секрет неизбежно будет применен в военном деле. Короче говоря, его обратят в актив «Объединенного военного имущества», чтобы торговать, как канистрами с бензином. И при таких обстоятельствах ОПИ еще больше, чем раньше, было заинтересован в том, чтобы мир постоянно находился в состоянии войны или почти войны.

Значит, эта последовательность намного ближе к той, где спрятан Тодд. Но все же достаточно далеко, так как совершенно очевидно, что в той, самой предпочтительной для ОПИ последовательности, никто не должен знать о пси-силах.

Решено. Он должен идти дальше. С опаской — память о хищной черной птице все еще была свежа в памяти — Дэнни посмотрел вверх.

Как подняться в пустой воздух? Его и так занесло слишком высоко.

— Ого, смотри! — крикнул человек, похожий на Шона. — Воздушная тревога. Там внизу что-то происходит. Надеюсь, я ошибся. Смотри.

Толпа крошечных людей внизу вывалилась из бараков и бросилась к лесу. На поле еще более крошечные человечки бежали прочь от сверкающих торпед. Все это выглядело так, будто всему лагерю приказали продемонстрировать организованную панику — массовка перед гибелью гипсовой Помпеи. В отдалении взвыла сирена.

— Чертова бомба, — сказал солдат совершенно спокойно. — Не знаю, что хорошего в том, что ее запускают? СЧВ-наблюдение никуда не годится. Пока, Дэнни.

Дэнни стремительно закинул ногу на перила.

— Эй! — крикнул человек, похожий на Шона. — Дурак, ты же все равно умрешь…

Дэнни рванулся вверх и шагнул в пустой воздух.

ТРИ!

Путешественника по сигма-последовательностям окутал гудящий мрак. Он почувствовал, что попал на твердую поверхность, и, сделав два или три шага, выпрямился.

Лагерь исчез. Исчез не только из поля зрения Дэнни, но и из своей собственной последовательности, уничтоженный в радиусе пятидесяти миль со всем, что там было. И тот факт, что это только часть реальности, не избавил Дэнни от

ненависти к ОПИ. Ведь те люди были вполне реальны для самих себя и не желали умирать при взрыве водородной бомбы, так же как и любой человек на главной линии.

ОПИ всюду несло смерть и разрушения. Дэнни уже убедился в этом и будет иметь это в виду, когда снова встретится с ОПИ.

Он огляделся. Высоко над его головой возвышался свод потолка, поддерживаемый гладкими стройными подпорками из темного металла. Потолок возвышался над чем-то огромным, черным и сильно пульсирующим — загадочной массой, которая лежала на земле в нескольких сотнях футов от Дэнни. Само здание походило на большой ангар для цепеллина, но черная масса — это не цепеллин; нечто другое, а что — Дэнни мог понять.

На покатых стенах ангара, на одинаковом расстоянии друг от друга, располагались высокие узкие окна. Сквозь них Дэнни видел в солнечном свете силуэты небоскребов отдаленного города, знакомые, но все же не те, что прежде. Здесь они были более стройными и утонченными. Пол, который на самом деле оказался земляным, был испещрен длинными пересекающимися бороздами, похожими на следы от гусеничного

трактора.

Которые, как тут же Дэнни убедился, оказались как раз тем, что сразу пришло ему на ум. В ангаре не было людей. Пульсирующую черную машину обслуживали другие машины, похожие на тягачи без кабин, предохранительных решеток, бамперов и фар, но снабженных проворными, сложносоставными металлическими рычагами, которые убирались, когда не использовались, складываясь, как лапы богомола, над радиатором трактора. Машины двигались бесшумно, целеустремленно и осмысленно — они явно не походили на роботов, которых показывали в голливудских фильмах.

Один из них посмотрел на путешественника и двинулся к нему. Дэнни наблюдал за его приближением, гадая, стоит или нет его опасаться.

Машина, похоже, была озадачена той же самой проблемой. Она остановилась, ее передние колеса повернулись по направлению к Дэнни, но шасси все еще не выровнялись, как будто машина решала, ехать ей назад или вперед.

Затем гусеницы начали медленно проворачиваться. Робот отъехал немного в сторону, а затем снова устремился вперед. Остановившись перед Дэнни, машина произнесла:

— Вы здесь в опасности. — Его голос звучал как обычный человеческий голос и даже с некоторым выражением. — Людям опасно заходить на завод. Здесь большая радиация.

— Извините, — сказал Дэнни. — Я не знал.

— Вы должны вернуться, если вы человек, — произнес робот все так же ровно. — Однако вы не похожи на человека. Ваш мозг это что-то новое для меня. Неужели создатели мозга решили обойтись без пси-механизмов? В матричном механизме записано другое решение.

— Нет, я человек, — сказал Дэнни. — Я защищен полем, вот и все. Вы здесь, очевидно, имеете доступ к пси-информации.

— Конечно. Уже много лет. Я сам разговаривал с величайшим парапсихологом через десять дней после моего создания. Это было здорово. Не каждый робот может похвастать, что говорил с Тоддом.

Дэнни подпрыгнул. Тодд здесь? Подождите — что-то в этом совершенно ненормально. Эта последовательность совсем не похожа на такую, где орудует ОПИ. Во-первых, она казалась мирной и процветающей, и пси-силы здесь, похоже, являются всеобщим достоянием.

— Да, я говорил с ним, — заявила машина го-

лосом, в котором звучали нотки гордости. — В прямом смысле. Я связался напрямую с его урной в матричном механизме, и он сам меня инструктировал. Естественно, это было не его собственное решение, но я чувствовал гордость, что нахожусь с ним в прямом контакте. Большая редкость, чтобы какой-либо сущности позволили установить контакт с урной.

— Понимаю, — произнес Дэнни. Он испугался того, что понял. Всегда происходит перекрывание одних последовательностей другими. Эта последовательность содержала в себе Тодда, как предыдущая содержала Шона — или что-то вроде Шона. И возможно, что-то вроде Дэнни Кейдена.

— Могу я поговорить с Тоддом?

— Нет, — ответила машина. В ее голосе прозвучали нотки оскорбления. — Ни одно человеческое существо, кроме Братьев, не может говорить ни с Тоддом, ни с другими парапсихологами. Только машины могут входить в контакт с урнами, и только по особому разрешению.

Доброжелательный деспотизм — вот что ОПИ установило бы, если бы решило убедить большинство населения в своих добрых намерениях. С точки зрения ОПИ такая последовательность все же недостаточно оптимальна, так как влечет

за собой компромисс с другими человеческими идеями, которые оправдывают доброжелательный деспотизм. Например, в эту машину заложена программа толерантного отношения к благополучию человеческих существ. Только погребение парапсихологов и других опасных людей, их включение в компьютер в качестве беспомощных и, возможно, бессознательных компонентов главной информационной системы обнаруживает цели ОПИ.

Но ОПИ предпочло бы не идти на компромиссы. Более того, ОПИ предпочло бы абсолютную секретность в отношении всего, что касается пси-знания.

Дэнни почувствовал острую боль сожаления. Даже под властью ОПИ эта последовательность имела свои достоинства. Он немного сожалел, что если ему удастся достигнуть верха этой дьявольской лестницы, ни один из этих роботов не появится в реальном будущем.

И все же — может появиться, поскольку ни одна из последовательностей не вполне реальна, эта же находится в сравнительной близости к главной линии. У робота есть шанс сохраниться в возможном будущем, даже если ОПИ все разрушит.

— Ну, мне пора, — сказал Дэнни. — Спасибо за любезность. Я собираюсь подняться еще на одну ступеньку. Вы не против, если я встану на вашу гусеницу?

— Вы поднимаетесь в сигма-последовательность? — спросила машина. — Тогда это объясняет ваше присутствие здесь. Я не могу примириться с этим. Мне очень жаль. Кое-кто из нас подозревал, что мы из вероятности не очень высокого порядка, но все же оставалась доля сомнения.

— Возможность вашего появления вполне реальна, — заверил робота Дэнни. — Я из главной линии, и вы достаточно близко к ней. Насколько я понимаю, вы сохранитесь в реальном будущем. То есть вы будете существовать, если я не застряну где-нибудь вдоль этой линии. В противном случае, у вас нет шансов.

— Знаю, — мрачно произнесла машина. — У меня есть приказ уничтожить любого, кто появится у сигма-последовательности. Я не делаю этого только потому, что мне кажется, вы правы — мы действительно сохранимся. И я ничего не буду предпринимать, пока вы не исчезнете. Но предупреждаю, вам не следует входить в следующий квантовый уровень. Там уже не Земля.

— *Не Земля?!*

— Да, не Земля, — сказала машина. — Она испарилась. Преждевременная детонация водородной бомбы, которую Братья испытали — или пытались испытать, — стараясь подавить восстание подпольных пси-людей, которые хотели захватить всемирную подземную тюрьму, сооруженную Братством. Там нет даже солнечной системы, так как всплеск радиации от взрыва Земли вызвал превращение Солнца в «новую звезду». Там нет ничего, кроме рассеянного газового облака, вроде туманности Рака.

— Боже мой! — воскликнул Дэнни. Он снова почувствовал слабость. — Что же мне делать? Я должен вернуться вниз, но сейчас я понял, что не знаю, как это сделать. Можете вы мне помочь?

— Нет, — ответил робот. — Я и так грубо нарушил инструкции, предписывающие уничтожить вас. Но нет необходимости физически делать шаг вверх, что бы идти от последовательности к последовательности. Если вы это сделаете, то попадете в последовательность, где нет ничего. Вы не можете телепортироваться через пролом?

— Я не могу рисковать, — нахмурившись сказал Дэнни. — Меня засекут.

Робот стоял молча и недвижно в гудящем зале. Когда он не говорил, Дэнни с трудом верилось в

его разумность. Наконец тот произнес:

— Мне запрещено использовать пси-функции помимо операций с матричным механизмом. Однако вы — формулировка вне матричного ряда, который здесь преобладает, и не можете стать разрушающим фактором. Я выведу вас отсюда. Я эстанирую, что меня за это утилизируют. Но ради нашего участия в будущем, каким бы ничтожным оно ни было…

У Дэнни не было времени проанализировать предложение робота, чтобы решить, желает он, чтобы его вывели или нет. И хотя робот не двинул ни одним из своих рычагов, ангар исчез.

ЧЕТЫРЕ!

ПЯТЬ!

В четырех дюймах от кончика его носа висела блестящая сеть. Ничего другого Дэнни не видел. Он постарался пошевелиться, но сеть плавно потекла, немного поддалась, но продолжала удерживать его на месте. Он взглянул вниз. Светящаяся паутина покрывала все его тело, ставшее похожим на огненный кокон. Она давала ему возможность только дышать — и все.

Резкий голос произнес:

— Откуда ты взялся!

Дэнни боролся с сетью, но безуспешно. Владе-

лец голоса ждал довольно долго, чтобы убедиться в этом.

Затем постепенно сияющие нити, опутывающие его тело, стали темнеть. Но Дэнни по-прежнему чувствовал себя беспомощным. Очевидно, тот, кто наблюдал за ним, остался этим вполне доволен. Сеть совсем потускнела. Наконец она сползла и, казалось, испарилась без следа.

Высокий человек с крючковатым носом и буйной копной иссиня-черных волос сидел за столом напротив Дэнни, на противоположном конце маленькой комнаты с низким потолком. В руке он держал предмет, похожий на пистолет, увенчанный маленьким квадратным зеркальцем, разделенным пополам курсором.

В маленьком зеркальце Дэнни видел свой собственный нос. Пересечение курсора в отражении падало прямо между его глаз.

Однако высокий человек выглядел крайне недовольным. Победное выражение его лица сменилось удивлением. Он воскликнул:

— Ты — ты не Беренц! Где он? Говори или я сожгу тебя!

— Да пошел ты! Я никогда о нем не слышал, — раздраженно проворчал Дэнни. Он огляделся. Маленькая комната могла быть и лабораторией,

и рубкой связиста; трудно сказать, поскольку ни один из приборов даже отдаленно ничего ему не напоминал. Окажись здесь Тодд, и он вряд ли смог определить, для чего они предназначены. — Я всего лишь случайный прохожий. Отведи эту штуковину в сторону, ладно?

Высокий человек в нерешительности опустил оружие — не намного, но достаточно, чтобы Дэнни смог увидеть в маленьком зеркале вместо переносицы пряжку от своего пояса.

— Это какой-то фокус? — спросил тот хрипло. — Ни у кого, кроме Беренца, нет разрешения на перемещение. У нас имеется мыслеизолирующая защита от кинететронов на четырех планетах и Предсказание в придачу. И вместо Беренца мы получаем тебя! Если ты делаешь Переход нелегально…

— Если бы я хотел сделать Переход, он бы точно был нелегальным, — сказал Дэнни. — Но к счастью я понимаю ни черта из того, о чем ты мне толкуешь. Кто этот Беренц?

— Он библиотекарь образов для Геронтов, или был до того, как Братство добралось до него. Сейчас он обвиняется в воровстве альтернативных личностей и контрабанде.

— Скверно звучит, — заметил Дэнни.

— Очень скверно, — подтвердил высокий. — Со всеми альтернатами в своем распоряжении Братья могут фильтровать нас, как им заблагорассудится, а мы даже не узнаем об этом. Кто ты такой, могу я спросить?

Дэнни почесал в затылке. Любой ответ мог быть таким же непонятным для этого человека, как и данный разговор для него самого. С другой стороны, в последовательности, над которой господствуют не только Братья, но и этот человек, разоблачающий их секреты, вполне может оказаться тюрьма Тодда, так что союзник не помешает.

Он сказал осторожно:

— Я из другого комплекса последовательностей.

— Да? Что же ты сразу не сказал? Вы, романтики, всегда ищете основную реальность. Если бы путешествие во времени было возможно, вас было бы не удержать. Когда ты наконец усвоишь, что ни одна последовательность не стабильна? — Он встал и начал ходить. — Но ты расстроил мои подсчеты, и теперь нам не добраться до Беренца. Тиранозавр, которого он освободил, поставит барьер через все созвездие.

Дэнни невольно заинтересовался:

— Тиранозавры? Но они вымерли миллионы лет назад. Вы вроде бы сказали, что путешествие во времени невозможно.

— Да, невозможно. Но есть последовательность каких-то энергетических уровней, ниже уровня той, где динозавры никогда не вымирали. Эта последовательность — очень неправдоподобная, что, впрочем, не помешало Беренцу совершить на нее налет.

— Но считается, что они были тупыми. У них мозг размером в грецкий орех.

— Были, — сказал высокий невесело. — Но это было миллионы лет назад, когда скорость времени не позволяла физико-химическим процессам убыстряться настолько, чтобы поддерживать интеллект. Но человек с мозгами Кейдена…

— Извини, кого?

— А, я и забыл. В твоей последовательности, конечно, нет такой личности. Он топологический парапсихолог. Это очень трудная дисциплина. Но если бы его поместили в каменноугольный век, и он мыслил бы не лучше динозавра. Энергетический уровень пленума в то время не способствовал развитию мышления. Но, к слову сказать, динозавры в той последовательности, где они сохранились, имеют очень высокий ин-

теллект несмотря на то, что кровеносная система не снабжала их мозг в достаточном количестве кровью, насыщенной кислородом. И тиранозавр Беренца доказал это полностью. О, Беренц знал, что делает и что надо сделать. Он был главным человеком у нас, пока Братья не испортили его.

— Извини, — прервал его Дэнни. — Я понимаю, что здорово вам напортил, но я запутал ваш трал нечаянно. Значит, эта сеть, в которую вы меня поймали, может захватить человека, который телепортировался, на пути к месту его назначения?

— Да, — подтвердил высокий. — Если детектор находится точно между первоначальным и конечным назначением. Нам требуются месяцы расчетов, и, думаю, у тебя почти нет шансов попасть туда, куда ты собирался. Но я тебя не виню. Ты не виноват.

Он вздохнул. Дэнни пришел к выводу, что этот человек ему нравится.

— Ты, случайно, не слышал о человеке по имени Тодд.

— Тодд? Хм, Тодд. Обыкновенное имя, но все же…

— Он парапсихолог. Если Кейден здесь, возможно, между ними есть какая-то связь.

— Да, вроде бы вспоминаю что-то об этих двоих. Дай-ка подумать. Это…

Резкое дуновение воздуха возникло слева от Дэнни. Вздрогнув, он обернулся.

Еще один человек стоял в кабине с низким потолком. Он был абсолютной копией высокого черноволосого человека. Они отличались только выражением лица. У второго оно, по крайней мере, не было таким удрученным. В руке он держал точно такое же оружие. Метнув на Дэнни быстрый взгляд, он бросил своему двойнику:

— Привет, Зед.

Первый осмотрел его с головы до ног с таким холодным презрением, что Дэнни был рад, что оно направлено не на него.

— Итак, ты украл и мою альтернату, Беренц? Можешь себя поздравить. Теперь мы никогда не сможем тебя судить.

— Знаю, — сказал двойник Зеда. Он по-волчьи усмехнулся. — Закон двойного риска. Плохо, что я не могу пристрелить тебя, Зед. Тогда дело пошло бы намного лучше. Конечно, я могу принести еще много вреда. Может, мы сможем прийти к соглашению.

— Нет, а сейчас тем более, — отрезал Зед. — Тебе лучше убраться отсюда.

— И попасть в твою ловушку? Не выйдет, Зед. Между прочим, Братья примут меня, так что они получат это богатство, которое может уничтожить вас в течение получаса. Тебе следует подумать дважды, прежде чем отказаться от соглашения.

Беренц взглянул на Дэнни. Его взгляд ничего особенного не выражал. Но он сказал:

— У тебя странные друзья, Зед. Мне не нужны свидетели.

Он нацелил свое оружие на Дэнни и нажал на курок.

Защитное поле резонатора каким-то образом помешало Дэнни оказаться на линии огня или произвела какое-то другое неуловимо быстрое действие. Однако за долю секунды он не мог полностью избежать огненного клинка, который выбросил его назад, в предыдущую последовательность, ту самую, где не было Земли.

Поскольку эта последовательность имела более низкий энергетический уровень, чем та, где остались Беренц и Зед, он позже почувствовал вполне определенно, что этим же выстрелом Беренца тут же отбросило назад, в сверкающий хаос, однако тогда у него не было времени для такой связной мысли.

Заряд уже ударил его — и выбросил в следующую последовательность.

ШЕСТЬ!

Там не было ничего.

Не было даже темноты, хотя не было и света тоже. Совсем ничего, даже времени. Все вокруг было не более реально и осмысленно, чем воспоминания в часы глубокого ночного сна.

Кругом пустота, и ни на каком языке нельзя об этом рассказать. Даже человек, который, как Зед, находился между звездами, не смог бы описать такую пустоту, ведь пространство и время — это континиум электромагнитных полей, искривленный вместе с материей, ограниченный в своей строгой метрической структуре, наполненный позитронами до возможности взрыва, расширяющийся, как воздушный шар под давлением своей собственной полноты.

Здесь же только пустое пространство.

Очень долго ничего не происходило в душе Дэнни; только абсолютное опустошение, крайняя степень сверходиночества: он был изъят из царства нормальных человеческих эмоций. Если у него и оставалась какая-то связная мысль, так это мысль о том, что Беренц его убил; или — хотя могли пройти дни, годы, века, после того как это с

ним случилось — заряд из оружия Беренца выкинул его из сигма-последовательности в какую-то другую, где весь мир — ничто иное как далекая невозможность.

Он беспомощно повернулся в пустоте. Постепенно к нему пришло безнадежное удивление: как он узнал, что повернулся? Ведь нет ничего, никаких признаков, никаких ориентиров, по которым он может судить о своем движении.

Но он повернулся. И даже почувствовал приступ головокружения.

Головокружение. Значит, даже здесь не все его чувства были полностью бесполезны. Полукруглые каналы его внутреннего уха регистрировали сдвиги в инерции газа, который их заполнял. Его чувство равновесия все еще действовало.

Осторожное движение руки подсказало ему, что кинестезия, ощущение мускульного положения, также все еще действует, а значит, очевидно, есть и другие «внутренние» ощущения.

Он был жив. По крайней мере с этого можно начать. Более того, одно из внутренних ощущений говорило ему что-то чрезвычайно важное об окружающей его пустоте. Он чувствовал головокружение. Его вестибулярный аппарат подсказывал ему, что он повернулся. Он не полу-

чил бы такого ощущения, если бы газ у него во внутреннем ухе не испытывал действия центробежных сил или сил Кориолиса.

В метрическом поле пространства и времени эти силы были абсолютны — ничто не могло свести их на нет или замаскировать. Следовательно, Дэнни находился в пространстве и времени…

И кажущаяся пустота — это просто иллюзия.

Беззвучная, недвижная, бессмысленная темнота была ему навязана. Без сомнения, кто-то внушил ее Дэнни. А значит, он достиг своего места назначения. Пустота выкрикивала имя Братства любому, кто мог понять, что она означает, — даже несмотря на то, что слышать это можно только внутренним ухом. Конечная цель ОПИ — добиться, чтобы последовательность правдами и неправдами казалась пустой даже в ткани пространства и времени. Без этой ткани, этой основы-матрицы, пси-способности бесполезны.

ОПИ, знавшее, как управлять таким состоянием, могло разрешать привилегированным людям доступ в другие, более годные для жизни последовательности, или могло отменить доступ по своей воле. Кроме того, оно контролировало пси-силы.

Возможно, эта последовательность была конечным продуктом; не той, которая преобладала бы в будущей последовательности ОПИ, если бы Дэнни потерпел неудачу, но той, которую ОПИ установит в конце длинной линии последовательностей.

И в ней Дэнни и Тодд, похоже, пойманы в ловушку.

Тем не менее оставалась крошечная надежда. Резонатор все еще работал, все еще крепко привязывал Дэнни к одному единственному «кадру» в этой последовательности точно так, как он делал это в других. Дэнни был уверен, что люди из ОПИ не рискнут пустить все на самотек. Они должны будут вмешаться.

Возможно, он ждал столетия, чтобы удостовериться в своей правоте. Ему ничего другого не оставалось, только ждать.

Но вдруг безмолвной пустоте возникло мерцание света. Постепенно оно превратилось в светящееся человеческое лицо.

Лицо Молла.

Глава 16

Тодд

Огромные губы раскрылись, и беззвучный голос произнес:

— Ваша смерть что-то запаздывает, Дэнни.

— Я еще жив, — резко ответил Дэнни. Светящееся лицо осклабилось.

— Но вы умрете. Мои предсказания дважды показывали, что вы мертвы. Первый раз, когда вы появились вместе с Хеннесси, второй — когда вошли в сигма-последовательность. Согласно третьему предсказанию вы не сможете уйти из этого пространства. Вы мертвец, Дэнни.

— Ваши предсказания — дерьмо. Я дам вам четверть доллара и маленький приборчик, который случайно оказался у меня с собой, если вы снова сумеете произнести эту речь, только *вслух*.

Лицо приблизилось, узкие глаза сверкали раскаленным добела жаром.

— Смейтесь, если очень хочется. Немощь речи еще не означает немощь мозга. Вашему другу Хеннесси пришлось испытать это на собственной шкуре. Вы посмеялись над двумя моими предсказаниями; я собираюсь подтвердить те два выдающимся успехом третьего. Или вы предпочитаете, чтобы я оставил вас здесь?

— Попробуйте.

Молл не ответил. Его лицо — это все, что Дэнни мог видеть из конуса своего зрения. Что-то смертоносное копилось в глазах Молла.

Но Дэнни помнил. Этот человек нес с собой, даже сюда, опустошение и ужас мира, где не было людей, только одинокая отвратительная птица, ищущая свою последнюю жертву. Солдат на высокой башне крикнул ему вслед: «Дурак, ты же все равно умрешь…», его голос прервался и вместо него возник голос робота, похожего на богомола, бормочущий: «Формулировка вне матричного ряда… фактор разрушения… выход… меня утилизируют за это…». Утрата интуиции в обращении с сырой энергией, вырвавшийся из-под контроля бета-распад, та самая водородная бомба, которая уничтожила солдата и превратила Землю в газовое облако. Черноволосый человек напомнил Дэнни, что ни одна последовательность не стабильна.

Все одно к одному. Все сконцентрировано резонатором в один кадр. В сумме получился самый большой психический потенциал, когда-либо накопленный человеческим существом. Сейчас ему не хватало только цели.

Дэнни ненавидел все, что создало ОПИ, и огром-

ное лицо Молла, проглядывающее сквозь тьму, стало для него этой целью. Он собрал молнию и метнул.

Пустынная последовательность содрогнулась. Сияющее лицо затряслось в агонии. Оно почти мгновенно уменьшилось до крошечной светящейся точки.

— Дэнни! Дэнни! Держи его там! Я сейчас закончу и помогу тебе!

Голос Тодда…

Но световая точка не исчезала. Дэнни чувствовал присутствие Молла, собиравшегося с силами для невообразимо страшного ответного удара. Раньше Молл мог уничтожить Шона и Дэнни вместе взятых. Он вернется.

Темнота закрутилась. Вокруг далекой не-звезды и вокруг Дэнни разворачивал кольца невидимый и странный ураган, казалось, как будто вся метрическая структура пространства исказилась и бьется в конвульсиях. Лицо Молла выросло опять в невидимой круговерти. Теперь он не призывал на помощь сэра Левиса, Шаума и других. Он не нуждался в их помощи, чтобы справиться с Дэнни. Его глаза горели разрушением; он был единственным источником света во вселенной, и он излучал смерть.

И вдруг его не стало.

Звук, похожий на скрежет при резке металла, раздался откуда-то из-за светящейся головы. Ломаный пучок света, как молния, застывшая во время удара, пронзила тьму. На ее фоне голова Молла — и не только голова, но и его плечи и грудь — были уже не светлыми, а темными, и не казались такими гигантскими.

Разрыв быстро увеличивался в ширину, теперь уже высвечивая всю фигуру Молла. Затем раздвинувшиеся створки мрачной завесы разошлись окончательно, сквозь нее пролился свет, и возникла реальность.

Они находились на чердаке. Молл стоял на расстоянии не более пятнадцати футов и через плечо смотрел на Дэнни с выражением ужаса и удивления. За ним, напротив автоматической двери той комнаты, которую Дэнни уже видел однажды, на верху огромной удивительной машины сидел Тодд. Это устройство чем-то напоминало и прожектор, и осадное орудие, и Тодд, воседая на металлическом сиденье, упирался ногами во что-то, смахивающее на педали велосипеда. Весь аппарат выглядел так, будто его собрал в неистовой спешке фанатично старательный инженер.

— Дэнни! Держи его!

Резонатор в руке Дэнни разогрелся. Он открыл его и повернуть регуляторы на самое большое увеличение. Остатки темноты растаяли, и чердак приобрел устойчивые очертания. Последовательности, которые он посетил, заняли свое место в мозгу путешественника.

— Держи его!

Шестикратный импульс, подкрепленный всей мощью резонатора Шона, ударил в напрягшееся тело Молла. Он побелел, его рыжие волосы как будто стали ярче, и покачнулся, стараясь удержаться на ногах.

Но и этого удара оказалось недостаточно. Шаг за шагом Молл двинулся к Дэнни.

Тодд вскрикнул:

— Ах!

Устройство резко дернулось и накренилось, чтобы достать Молла. Из его жерла или линзы — чем бы это ни было — вырвался фонтан пляшущих огней, вихрь языков пламени. На мгновение этот невероятный фонтан пронзил Молла насквозь. Затем очертания его фигуры потеряли четкость, как будто Молл раздвоился. Через секунду там уже стояли четыре повторяющиеся фигуры, какие-то расплывчатые и неплотные, затем восемь; затем шестнадцать; затем трид-

цать две…

Тени-подобия рассыпались прочь от тела Молла сотнями, тысячами, исчезая в естественных тенях чердака.

Очень скоро от Молла ничего не осталось.

Тодд выключил машину. Дэнни трясущимися пальцами поставил резонатор в нейтральное положение и положил его в карман рубашки.

— Прекрасно, Дэнни, — сказал Тодд. — Я не могу представить, как вы очутились здесь и что вы сделали, чтобы его удержать, и думаю, что никогда не узнаю. Но вам это удалось.

— Но что вы сами-то сделали, скажите, ради Бога? Где Молл?

— Рассыпался, — спокойно произнес Молл. Он слез с машины неуклюже, но с достоинством. — У него есть по одному целому числу в каждой последовательности, но нет концентрации на главной линии или еще где-нибудь. Он теперь только распространение характеристик — матрица в вероятности. И никогда не сможет снова собраться.

Дэнни оглядел чердак. Он был пуст, только машина Тодда.

— Мы должны найти Шона, — сказал он наконец. — Но где же они вас держали, доктор Тодд?

Когда я услышал ваш голос, я бы поклялся, что вы были со мной в пустом пространстве.

— Я и был, — подтвердил Тодд. — но не там, где находились вы. Думаю, вы оказались в конце последовательности, а я в начале, где было установлено сокращающее поле, которое создавало темноту. Они невероятные тупицы, Дэнни. Вообразили, что я не смогу напрямую управлять сериальным миром — у меня ведь, кажется, нет к этому таланта. Они забыли, что я могу смонтировать машину, чтобы постоять за себя, когда они установили свою ловушку в лестнице.

Они спрятали меня в своей лаборатории, в начале той последовательности, которую выбрали, потому что каждый фактор в ней казался им наиболее подходящим для их целей. Это было самое худшее, что они сотворили. Я никогда не был пси-человеком, но вы бы подивились методу, с помощью которого мне удалось сокрушить пси-силы, когда в моем распоряжении оказалось подходящее оборудование!

— Меня уже ничто не удивляет, — заметил Дэнни. — И ничто не удивит. Вы подоспели как раз во время, доктор Тодд. Вам удалось решить проблему психического расщепления, над которой работала группа Шона, очевидно, очень долго.

— Да? — Парапсихолог выглядел приятно удивленным и озадаченным одновременно. — Я собирался назвать это эффектом Тодда. Ну, возможно, лучше все это забыть. У меня не ни малейшего желания даже теоретически рассматривать возможность усовершенствования машины такого типа для обращения ее низкой мощности на толпу. Это вызвало бы у людей умственное расстройство и служило бы средством беспрецедентной жестокости.

— Шон тоже пришел к такому выводу.

Тодд с сожалением посмотрел на машину.

— Может быть, было бы лучше оставить ее в руках пси-людей — или даже разрушить, чтобы повторно изобрести в более разумном мире. Молл расплавил большую часть ее внутреннего устройства. Хм. Так вы согласны забыть ее, Дэнни?

— Подождите, — сказал Дэнни. — Я хочу получить решение от Шона, если он еще жив. Нам нужно его найти. Мы должны установить ту последовательность, которую Шон хотел видеть на главной линии.

— Мы как раз в ней, — сказал Тодд. — Вот она.

Мгновение Дэнни стоял ошеломленный.

— Вы уверены? — спросил он. — Вы уверены, что мы сейчас на главной линии?

— Да, — подтвердил Тодд. — Уничтожение Молла приведет к тому, что у последовательности ОПИ будет очень низкий порядок вероятности. Он был у них главным человеком. Я, признаться, совсем не надеялся на ваше участие и не рассчитывал, что вам удастся его задержать. Все мои усилия использовать психическое расщепление — очень рискованное предприятие, за которое я взялся в надежде обеспечить себя оружием защиты. Я и не мечтал, что Молл попадет в радиус действия машины.

Но энергия, которую я истратил для его расщепления плюс энергия, которую я истратил на постройку машины, — реальная энергия, каждый эрг которой — стук по могильному камню ОПИ — установил на главной линии очень крепко ту реальную последовательность, за которую боролся ваш друг.

Ученый с чувством похлопал по уже бесполезной машине.

— Эта штука создавалась как телеграфный ключ памяти, чтобы вытянуть то, чему я научился, — своего рода улучшенная версия нашего гибрида парикмахерского кресла с осциллографом. Они не ожидали, что вы зайдете так далеко, иначе, я уверен, они никогда не оставили бы меня

с ней наедине, даже на мгновение.

— Не знаю, — произнес Дэнни задумчиво. — Люди из ОПИ видели в вещах только то, для чего они предназначались первоначально, и совсем не учитывали, во что они могут быть превращены. У них такой метод мышления, и, мне кажется, я знаю почему. Если вы окажетесь вне той последовательности, где ваши желания *уже* свершившийся факт, вы сможете предвидеть действительные результаты даже без пси-сил. Не удивительно, что «предсказания» Молла не осуществились. Это были не реальные предсказания — только спроектированные желания.

Он повернулся. Лестница, ведущая на первый этаж, выглядела как самая обыкновенная; ничего не осталось от пролета, заполненного расходящимися ступенями, кроме запаха горелой изоляции и горячего озона. Дэнни засмеялся:

— Для чего бы ни создали это поле, оно сгорело дотла. — Затем добавил: — Пойдемте вниз, доктор Тодд. Нам еще предстоит свести счеты с сэром Левисом.

Они спустились по лестнице. Дэнни с опаской ставил ногу на каждую ступеньку, хотя знал, что сейчас это просто ступени и ничего больше. Однако к тому времени, когда они достигли первого

этажа, он ступал вполне уверенно. Внизу никого не было. Комнаты оказались пусты. Дэнни крадучись проходил через них. Судя по беспорядку, члены ОПИ покидали их в спешке, но найти то, что он искал, ему не удалось. В самой большой комнате на ворсе ковра четко выделялись несколько светлых прямоугольников. Дэнни поскреб один их них носком ботинка.

— Мне позарез нужны документы ОПИ, — сказал он мрачно. — Шон говорил, что люди из ОПИ играли на бирже и скандал с «Пшеницей» — их рук дело. Я собирался доказать это ФБР, а документы исчезли.

Тодд сочувственно кивнул.

— Не падайте духом, Дэнни. Может быть, мы все же сможем их найти. Я бы посмотрел в подвале.

Дэнни не двинулся с места. Он был уверен, что документов в этом здании нет, однако ему было приятно сочувствие Тодда.

— *Дэнни.*

Дэнни вздрогнул. Он сразу узнал скрытый, «подземный» тон голоса, который мысленно услышал, и понял, что какой-то пси-человек открыл для него свое закодированное мышление; но, к его глубокому разочарованию, это оказался не Шон.

— Это вы, мистер Тейлор?

— Да, Картье Тейлор. Приходите как-нибудь ко мне, когда у вас будет время, выпьем по бутылочке пива. А сейчас используйте СЧВ для решения вашей проблемы. Вспомните, что материя это электроника и что электроны мыслят, (я не слишком забочусь о своей терминологии). Попытайтесь. Электроны должны вспомнить, что именно вам необходимо узнать.

— Спасибо, я попробую. Где Шон? Он жив?

— Шон там же, где и вы. Я не могу определить место более точно, но он жив, иначе я не смог бы его почувствовать. Найдите его как можно быстрее; он в плохом состоянии. И мои поздравления, Дэнни. Вам и Тодду.

Голос исчез. Дэнни постарался вступить во взаимодействие с электронами ковра и соседней стены. Сначала ничего не получилось. Обычно он имел дело с электронами с помощью ПК, но психокинез, очевидно, здесь бесполезен. Да и вообще идея использования СЧВ на электронном уровне с трудом укладывалась у него в голове. Затем, вначале смутно, та же самая структура памяти начала приходить к нему из какой-то другой комнаты, откуда-то издалека. Другой и очень знакомый «набор» электронов регистрировал наличие выдвижных ящиков картотеки и держал

в фокусе для любого человека с пси-чувствами, с помощью которых тот мог определить их местоположение. Без сомнения, Тейлор, если бы он присутствовал здесь, смог бы получить ответ мгновенно, но для Дэнни это было мучительно трудно, как вспомнить слово, которое вертится на языке. Он узнал новое местоположение, но не мог получить его изображение через большое расстояние между…

— Дэнни, я должен отвлечь вас на минуту.

— Что?

— Идите и взгляните сюда.

Тодд стоял в дверях, ведущих на лестничную площадку. С горьким предчувствием Дэнни последовал за ним вниз по ступеням.

— Это тот человек, которого вы звали Шоном?

Дэнни не ответил. Он не мог говорить; он не мог даже кивнуть.

Шон лежал на рваном тюфяке у дальней стены комнаты с цементными стенами, возле масляной горелки. Лицо у него было спокойным. Обычная его ироничная улыбка исчезла. На смену ей пришло выражение успокоенности и удовлетворения.

Дэнни с трудом сглотнул. Тодд коснулся его руки.

— Я сочувствую вам, Дэнни. Вы ведь любили его?

— Он… был великим человеком, доктор Тодд. Или он стал бы великим, если бы они его не убили. — Уголки его губ горько опустились. — Странно, что они не взяли тело с собой. Я собираюсь возбудить дело против сэра Левиса за соучастие в убийстве.

— Каким образом? Одного того, что вы были свидетелем, недостаточно. Если судить по виду раны, его убили каким-то оружием, о котором вы ничего не сможете рассказать суду.

— Это легко можно доказать, — сказал Дэнни жестко. — Они бы унесли его, если бы смогли. Они еще пожалеют, что оставили его здесь.

Тодд наклонился над телом, что бы поднять его, и потянул на себя сначала осторожно, затем со всей силы. Хотя руки у него были жилистые и крепкие, однако он не смог сдвинуть Шона с места.

Тодд выпрямился, тяжело дыша.

— Ваш довод оказался правильным, — сказал он, растирая плечи. — Они не унесли его, потому что его нельзя поднять. С его телом что-то сделали, прежде чем он умер. Можно подумать, в нем сейчас около десяти тонн инерционной силы. —

Он покачал головой. — Хотел бы я знать, как он получил добавочную инерцию без увеличения веса тела.

Дэнни сам пытался это понять. Тело нельзя было сдвинуть даже на долю дюйма; даже согнуть ресницы Шона было так же трудно, как зубцы расчески.

Тейлор сказал, что Шон не умер, но в «плохом состоянии» — насколько Тейлор мог судить оттуда, где он находился. И все же Шон очевидно был мертв.

Вдруг Дэнни все понял. Очень внимательно он исследовал мозг Щона.

Ключ к проблеме был зарыт очень глубоко, почти совсем скрыт из-за далеко зашедшего распада мозговых клеток у Шона. Но все же он нашел его, это тугой сгусток ПК-энергии, который был настроен только на Дэнни и ни на кого другого. В тот момент, когда Дэнни достиг этого сгустка, он рассеялся; и Дэнни опять почувствовал, хотя намного слабее, прошедшую мимо волну идентичности — личности, ставшей не-личностью, ставшей частью общего волнового потока вселенной. Он почувствовал смерть Шона.

— Доктор Тодд…

Тодд сжал руку Дэнни и ждал.

— Спасибо. Попробуйте еще раз, ладно? Я, пожалуй, не буду.

— Конечно. — Тодд приподнял руку Шона. — Да, получилось. Что вы сделали? Он затормозил себя здесь для вас?

— Да.

— Как?

— Не знаю. Возможно, мы выясним это позже. Вы уже разрешили одну его проблему — эффект психического расщепления. Он предполагал, что вам это удастся. Может быть, он ждет, что вы решите и другую проблему. С сегодняшнего дня мы все будем работать над ней. Теперь мы знаем, над чем надо работать, что надо изучать.

— Что же? — спросил Тодд тихо.

— Смерть, — сказал Дэнни.

Помолчав, Тодд задумчиво произнес:

— Да. Смерть надо изучать. Нам многое предстоит изучить.

Дэнни мысленно посмотрел назад, на прямоугольные чистые пятна на ковре в большой комнате. Его мозг снова достиг электронных «очертаний» выдвижных ящиков с документами. Может быть, они находятся в доме из песчаника? Логичное заключение, но по прошествии несколько секунд он уже знал, что оно неверно.

Почему новое месторасположение так ему знакомо?

И тогда он понял.

Документы ОПИ находились в его собственной квартире. Люди из ОПИ ничего не могли предпринять, потому что Шон выкрал их и телепортировал в квартиру Дэнни сразу, как только проник в их убежище. Шон понимал, что происходит, и действовал соответственно. Не удивительно, что люди из ОПИ бросили все и бежали, когда Молл был рассеян, а Дэнни и Тодд освободились из их ловушки.

— Доктор Тодд, думаю, нам нужно поехать на грузовике. Надеюсь, я смогу справиться с мотором. Помогите мне поднять Шона наверх.

— Ну уж нет, — сказал Тодд. — Я хорошо сохранился, но не так уж молод. Вы же пси-человек с отлично работающим ПК-центром. Так что, думаю, прекрасно справитесь и сами.

— Извините. Я забыл. Все это для меня еще в новинку. Что ж, пойдемте.

Глава 17

Марла

Прием, оказанный им в квартире Дэнни, можно было бы назвать почти королевским. Агенты ФБР, заполнявшие все помещение, сосредоточенно разбирали кипы документов. Секретарь, находившийся при них, усердно составлял список.

Знакомый фэбээровец, посещавший Дэнни прежде, сидел в его большом кресле. Увидев вошедших, он улыбнулся.

— Великолепный фокус. — Агент указал на ящики с документами. — Как вам это удалось?

— Я только помогал, — заметил Дэнни. — Полагаю, теперь я не под арестом?

— Практически, практически, — пробормотал агент, отмахиваясь от вопроса Дэнни. — Вы нарушили ваше обязательство, и вам придется это объявить. В подобных случаях засчитываются результаты. Материала здесь предостаточно, чтобы надолго удовлетворить большое жюри[69], и Дядя Сэм тоже обнаружит для себя здесь много интересного. Полагаю, американские активы «Объединенного военного снабжения» будут

---

[69] Примечания: 69

Большое жюри — расширенная коллегия присяжных (от 12 до 23 чел.), решающая вопрос о предании обвиняемого суду и предъявлении ему официального обвинения.

срочно заморожены.

— Что, еще одна паника на бирже?

— Будет, — мрачно пошутил агент. — Большая паника. Но это только часть нашего дела. Каким образом ликвидация какого-то ОПИ могла подействовать на рынок военного снаряжения? Очевидно, не могла. Но подействовала. О, это очень интересно. Дядя Сэм сейчас терзается, подсудное ли это дело. Потребуется самый прогрессивный судья за всю историю страны, чтобы это решить.

Дэнни расширил глаза.

— Вы имеете в виду, что собираетесь обнародовать материалы, объясняющие дело с точки зрения СЧВ?

— Конечно. Очевидно, вам не приходило в голову, мистер Кейден, что военная безопасность страны не стоит и цента, если мы срочно не начнем что-нибудь подобное Манхэттенскому проекту[70] для исследования этих новых психических сил. К несчастью, сейчас уже не имеет смысла держать все это в секрете из соображений безопасности. Мы впадаем в противоположную

---

[70] Примечания: 70

Кодовое название правительственной научно-промышленной программы создания атомной бомбы, принятой администрацией Ф.Д.Рузвельта.

крайность, публикуя все это открыто. Частично из тех соображений, что материал уж больно фантастический и мы не сможем получить ассигнований на секретный проект, и частично из-за существования организованной международной группы.

— Ничего себе! — воскликнул Дэнни. — А я думал, что мне придется всячески выкручиваться, чтобы случайно не проговориться вашим людям. Что убедило вас так быстро?

— Я был здесь, — сказал агент удрученно, — когда эти ящики появились прямо из воздуха. Мне ничего не остается, как поверить тому, что я видел собственными глазами, особенно когда сломанный палец на ноге напоминает мне об этом. Надеюсь, вы не сердитесь на мня, а если сердитесь, полагаю, ваши намерения не будут подкреплены практикой.

— Я не посылал эти ящики, — сказал Дэнни. — Человек, который это сделал, был моим другом. Его убил один из членов ОПИ. Я доставил тело, оно сейчас внизу, в грузовике, который я угнал. Могу я выдвинуть обвинение против сэра Левиса Картера как соучастника убийства?

Агент застонал:

— Будь проклят тот день, когда я взялся за это

дело. Мистер Кейден, я не знаю… Полагаю, что можете, после того как вы уладите свои собственные проблемы. Не рассказывайте мне, как вы угнали этот грузовик. Я не хочу об этом слышать. Вы знаете, где можно найти сэра Левиса, чтобы арестовать?

— Нет, — сказал Дэнни. — Даже если вы схватите его, вам не удастся продержать его в тюрьме и десяти секунд.

— Если судить по записям Общества, он не телепортер, — заметил агент. — Он всего лишь телепат.

— Вы забыли про его друзей. Среди них есть и телепортеры. — Дэнни вспомнил про резонатор, достал его из кармана и передал агенту. — Пока он мне не нужен. Доктор Тодд научит вас, как сделать такие же устройства, после чего я попросил бы его вернуть. Этот прибор удержит в тюрьме любого телепортера.

— Вы хвастаете, однако так оно и есть. — заметил доктор Тодд, вернувшийся в этот момент после обхода квартиры. — Дэнни, вам не кажется, что ваши незваные гости, ожидая нашего появления, на радостях могли доставить сюда и вашу леди. Впрочем, мне кажется, людям этой профессии не свойственны человеческие эмоции.

— Она здесь, — сказал Дэнни. — Она спряталась в стенном шкафу и ждет, когда я наконец спрошу о ней. Сейчас она в ярости, потому что прошло уже десять минут, а я даже не упомянул ее имени…

Дверцы шкафа раскрылись, и Марла с горящим взором гордо вышла оттуда, уперев руки в бока.

— Послушай, ты, со своими чертовыми проделками! — зашипела она. — Как может женщина иметь секреты от такого человека?

— Женщине с нечистой совестью лучше не иметь дела с телепатом, — сказал Дэнни. — Даже в погоне за знанием. Он в любом случае будет знать больше. Вот сейчас, например, мне бы хотелось, чтобы ты взяла себя в руки. У тебя на уме ужасные вещи.

— Дэнни Кейден, да чтоб тебя… да разрази тебя…

Марла, казалось, никак не могла подыскать смертельную кару для Дэнни. Так ничего не придумав, она выскочила из комнаты. Дэнни последовал за ней в прихожую и закрыл за собой дверь. Она остановилась в нерешительности возле лестницы, и Дэнни, догнав, схватил ее за локоть.

— Извини, Марла. Мне правда жаль. Я лишь

дразнил тебя.

— Докажи.

— Как? Может, мне вернуться в квартиру и заставить летать мебель?

— Нет, черт с ней, с этой мебелью. Сделай что-то простое, понятное для девушки, вместо того, чтобы доводить ее до истерики.

Дэнни свернул язык в трубочку и закурлыкал, как голубь. Затем ему пришла в голову еще одна идея. Он вынул из кармана ее жакета свой стеклянный мундштук и издал пронзительный звук, похожий на пароходный свисток.

Глаза Марлы засверкали еще больше.

— Ну, в таком случае, — сказал Дэнни, — я думаю, поможет только вот это. — Он обнял ее и сильно прижал к себе.

Марла вывернулась из его рук с неожиданной силой. Он отпустил ее со вздохом сожаления.

— Эй, умник, что ты собираешься делать? — спросила она насмешливо. — Поцеловать меня в лобик, как брат?

Она неожиданно обвила руками его шею и тесно прижалась к нему бедрами. Ее губы были удивительно горячими и нежными.

Немного погодя она с силой развела его руки и отступила к стене.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Но ты должен понять, Дэнни, что я серьезно отношусь ко всяким этим парапсихологическим штучкам. Это нужно прекратить. У меня, как у всякой женщины, много отвратительных мыслей, и я хочу, чтобы они принадлежали только мне и больше никому.

— Я не собираюсь читать чужие мысли, Марла. Только в крайнем случае. Я вовсе не собирался тебя подслушивать там, в стенном шкафу. Просто чертовски беспокоился, где ты и почему тебя нет поблизости. А то, что я сказал, когда ты вышла из шкафа, — шутка и не больше.

— Это отвратительно, как ты не понимаешь? Я никогда *не буду знать*. Меня это пугает. Если мне нужно, чтобы меня услышали, я говорю вслух. Жизнь с тобой лишит меня выбора — молчать или говорить. Не имеет значения, что у тебя добрые намерения. Я знаю, что сама не смогла бы не подглядывать, если бы у меня была такая возможность. И уверена, что никто на Земле не смог бы устоять против такого соблазна.

— Зачем сопротивляться? — спросил Дэнни. — Марла, нет ничего ненормального в пси-способностях. В какой-то степени они есть у каждого человека, и у тебя тоже. Мне кажется, ты могла бы

научиться ими пользоваться. Я помогу тебе или Тодд. Тогда мы будем равны. Заключим соглашение соблюдать секретность. Каким бы ни было наше любопытство к другому, мы удовлетворим его, только получив разрешение. В конце концов, женатые люди не подсматривают друг за другом в замочную скважину ванной комнаты.

— Нет, — отрезала Марла. — Я вообще ничего такого не желаю. Если ты действительно хочешь на мне жениться, Дэнни, тебе нужно от этого отказаться. Мне не хочется быть дрянью, но я ничего не могу с собой поделать.

— Как отказаться от своих способностей? — спросил Дэнни. — Это все равно, что отказаться видеть. Я даже не уверен, что это вообще возможно. Операция на мозге, вероятно, была бы выходом, но она может сделать меня идиотом, ведь могут быть нарушены корковые связи. Хирургу нужно найти то место в моем мозге, где находится главная формула, а потом изъять ее. Но он может еще что-нибудь там задеть. В тоже время если он пропустит ее, я так и останусь пси-человеком.

Марла ничего не ответила. Дэнни продолжал:

— Вот видишь, как получается. Но мы можем заключить соглашение. Я постараюсь быть осто-

рожным и не буду поднимать в воздух мебель или что-нибудь телепортировать. И вообще обещаю держаться подальше от всякой чепухи — не использовать вокруг тебя ни психокинез, ни СЧВ. Это будет законом. И вполне возможно, что у меня никогда не возникнет возможности когда-нибудь снова проникнуть в сигма-последовательность…

Марла выпрямилась и повернулась к нему спиной.

Дэнни застыл на мгновение, и серый туман опустошенности накрыл его с головой. Он почти потерял надежду, когда что-то пришло к нему, что-то берассудное, вызвавшее у него нервную дрожь.

Ничто для него не будет стоить так дорого: ни то, что ему предстоит, ни то, что он перенес, ни страх, который он когда-либо чувствовал, — но это единственное, что ему оставалось сделать.

Осторожно, с наивысшей точностью и бесжалостностью по отношению к себе он мысленно построил воображаемый мозг, электронная структура которого дублировала его склад ума, его память, каждое его общее понятие, каждый импульс, даже каждый его рефлекс и каждое глубоко спрятанное побуждение, скрытое от его собственного сознательного взгляда. Он не пропу-

стил ничего: сессии в ванной с книгой; воровство из кошелька у гостя, пришедшего к матери; издевательство над привязанной собакой, которую он пугал выстрелом из игрушечного пистолета; каждую ежеминутную меняющуюся мысль о Марле, когда-либо приходившую к нему в голову; каждую ложь; каждый позор; каждое поражение. Абсолютно все.

Полностью создав эту иллюзию, он направил ее в мозг Марлы.

В тот момент, когда иллюзия ее коснулась, она отпрянула.

— Я убью тебя, — произнесла Марла бесцветным голосом. — Я убью тебя, если ты снова коснешься моего мозга. О Господи, я схожу с ума. О! Я убью тебя. Я убью тебя.

Она закрыла лицо руками.

Так что ни к чему хорошему это не привело. Старый девиз гласит, что близость порождает презрение. Попытка Дэнни создать из близости любовь потерпела крах. Он знал, что ждать ему больше нечего. Когда он воссоздал иллюзорный образ самого себя, его чувство отвращения к себе возросло до такой степени, что он почти готов был удивиться, почему ему вообще позволено жить. Так почему он ожидал, что Марла найдет

его образ более привлекательным? Он просто совершил еще одну глупость.

Марла, казалось, вот-вот заплачет. Он постоял в нерешительности, а затем вернулся в комнату. Фэбээровец весело взглянул на него.

— Не кусок мыла, да? — спросил он. — Не падайте духом, мистер Кейден. Эта малышка себе на уме, насколько я помню.

— Заткнитесь.

Агент заткнулся. Он опустился в кресло и принялся за бумаги, но более рассеянно, чем следовало. До боли было очевидно, что ему хочется выйти в прихожую и тоже попытать счастья.

Затем Дэнни услышал из-за двери тихий голос:

— Дэнни. Дэнни.

— Я здесь, — отозвался он.

— Дэнни, *посмотри на меня*.

Агент взглянул искоса и улыбнулся. Дэнни не обращал на него внимания. Его СЧВ-центр мгновенно нашел Марлу и обнаружил у нее удивительный дар.

Дар доверия.

Ее собственное изображение было неясным и неполным из-за отсутствия тренировки, но она оказалась необыкновенно искренней. Кое-что очень трудно было принять. Она ожесточенно

боролась с предубеждениями и условностями, которые Дэнни впитал с молоком матери.

Но это все, что Марла могла сделать. Она вернула ему тот же дар, который он предложил ей, со всей силой, на которую была способна. Не удивительно, что она сопротивлялась и плакала, когда Дэнни насильно обрушил на нее свое доверие. Но она его вернула.

— Марла! — громко крикнул он.

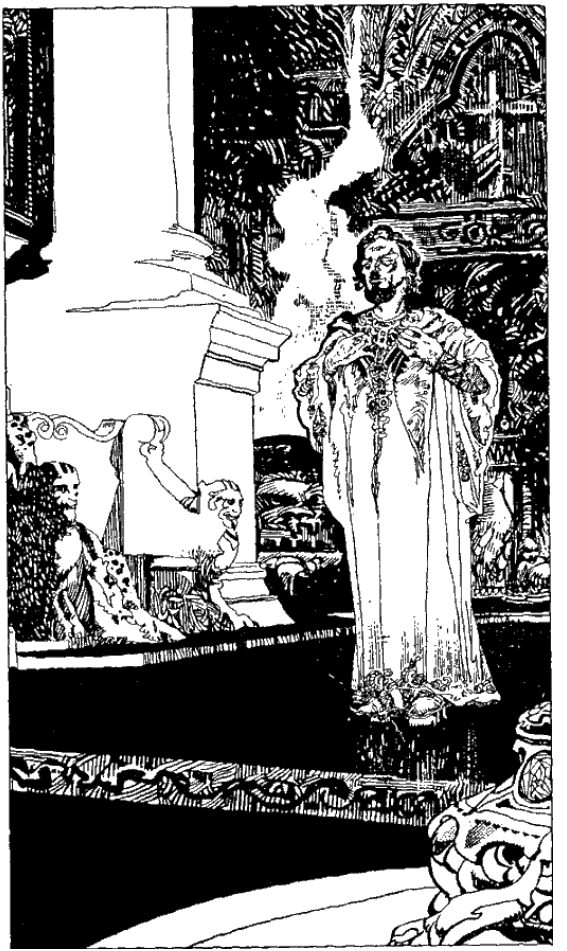
— *Дэнни, подожди минутку. Выйди и поцелуй меня снова Но только…*

Ее мысли стали неясными; она с трудом контролировала поток понятий, поток, который ей раньше и в голову не пришло бы использовать как способ общения. Однако она все же нашла слова:

— Но только, пожалуйста, открой дверь, когда будешь выходить!

ЧЕРНАЯ ПАСХА

Се Преисподняя, и я не миновал ее.
Кристофер Марлоу.



Предисловие автора

Существует множество романов, поэм и пьес о магии и ведовстве. Но все произведения такого рода, которые я прочитал, — а я прочел, кажется, большую их часть, — делятся на романтические и юмористические (не исключая и того, что написал Томас Манн). Я не видел ни одного романа, где бы речь шла о настоящем волшебстве (если такое существует), хотя все колдовские книги дают о нем подробные сведения. Каковы бы ни были достоинства настоящего сочинения, оно не романтизирует магию и не рассматривает ее как игру.

Практической основой книги послужили трактаты и подлинные руководства практиковавших магов христианской традиции с XIII по XVIII столетия, от «Ars magna»[71] Рамунда Луллия и различных «Ключей» — псевдо-Соломона, псевдо-Агриппы, псевдо-Гонория и так далее — до собственно колдовских книг. Все источники, упоминаемые в тексте, реально существуют; здесь нет выдуманных сочинений вроде каких-нибудь

---

[71] Примечания: 71
«Великое искусство».

«Necronomicons», все цитаты и символы также подлинные. (Хотя, конечно, следует добавить, что реальная библиография этих произведений остается под вопросом, поскольку, как заметил К.А.Е.Уэйт, постоянным пороком магии являются ложные авторство, место и время публикации.)

Большинству читателей такого предупреждения будет достаточно.

Но для тех, кто склонен к экспериментированию, следует сказать также, что хотя цитаты, диаграммы и ритуалы в романе подлинны, они ни в коем случае не полны. Данная книга не является обзором или энциклопедией. Она не vademecum[72], но currus infamam[73].

Джеймс Блиш.
Александрия, 1968

Приготовление

---

[72] Примечания: 72
«Иди со мной» (латин.), краткий путеводитель.

[73] Примечания: 73
«Магическое путешествие» (латин.).

Нет оснований полагать, будто Аристотелю было известно число Избранных.

Альберт Великий

В комнате смердело демонами.

И не в обычной комнате, — что было бы довольно странно, но не беспрецедентно. Демоны не принадлежали к числу желанных посетителей в Монте Альбано, где в основном занимались магией, именуемой Трансцендентальной, то есть такой, которая имела целью мистическое единение с Богом и двумя его проявлениями, каковые суть Писания и Мир. Но иногда здесь практиковали и Ритуальную магию, искусство скорее прикладное, нежели чистое, служившее для решения некоторых сиюминутных задач; и в таких случаях белые монахи обращались к демиургу и даже, хотя и редко, вызывали кое-кого из павших.

Однако уже давно ничего подобного не происходило, в этом отец Ф.К.Доменико Бруно Гарелли нисколько не сомневался. Нет, зловоние представляло собой нечто глобальное, распространенное по всему миру… миру светскому. Божьему миру.

И оно, несомненно, было необычайно сильным, необычайно зловещим, потому что отец Доменико обнаружил его без помощи молитвы, ритуала или какого-либо инструмента. И хотя отец Доменико — на вид обычный итальянский монах лет сорока, с бесстрастным крестьянским лицом и мозолями на ногах — на самом деле был адептом высшего класса, класса карцистов, он все же не являлся видящим. На Горе вообще не осталось истинных видящих, поскольку их не удовлетворяло даже относительное уединение монастыря; они могли быть лишь отшельниками (именно поэтому их вообще так мало в наши дни).

Заскрипел кожаный переплет — отец Доменико закрыл огромную Книгу Часов и свернул палимпсест[74], на котором он проводил расчеты. Сомнений больше не оставалось: за последние двенадцать месяцев ни один из белых магов не вызывал никаких адских сил, вплоть до самого младшего сенешаля. Так и следовало ожидать. Мог ли отец Доменико не узнать о столь значительном событии? Теперь он лишь получил подтверждение из источника, не зависимого от человеческой воли. Этот адский запах исходил из

---

[74] Примечания: 74
Пергамент, с которого соскоблен предыдущий текст.

нижнего мира.

Сильно встревоженный, отец Доменико положил локти на закрытую книгу и, подперев голову руками, задумался. Что же теперь делать?

Рассказать отцу Умберто? Нет, пока достоверной информации слишком мало; не стоит беспокоить отца настоятеля своими беспочвенными подозрениями и догадками.

Но как узнать больше? Отец Доменико повернул голову вправо и уныло посмотрел на свой магический кристалл, которым он ни разу не смог воспользоваться — вероятно, ему мешало знание того, что инструмент, описанный Роджером Бэконом[75] в его «Ничтожестве магии», представлял собой всего лишь предшественника телескопа, хотя другие обитатели Монте Альбано, не обремененные таким историческим скептицизмом, практиковали кристалломантию с немалым успехом. Слева, рядом с книгой, стоял небольшой медный телескоп — точнее, занимал жалкое положение фаллоса красивой золотой статуэтки Пана с золотым шаром в основании. Но этот прибор был лишь старым трофеем, полученным после победы над мелким пьемонтским

---

[75] Примечания: 75
Английский монах, философ и естествоиспытатель XIII века.

чернокнижником, и не имел астрономической ценности; если бы отец Доменико пожелал узнать точное расположение малых спутников Юпитера (сведения о галимевых, конечно, содержались в астрологических таблицах Военно-морской обсерватории США) или что-нибудь еще, необходимое для составления совершенного гороскопа, он мог бы воспользоваться двенадцатидюймовым телескопом, установленным на крыше монастыря, и с помощью внутреннего телевидения получить изображения (если бы они понадобились ему наряду с цифрами), не выходя из своей комнаты. К сожалению, в данный момент отец Доменико не имел возможности получить гороскоп из-за мутной пелены всепроникающего зла, поднимавшегося подобно дыму.

Цветные ромбы света из высокого узкого окна у него за спиной падали теперь прямо на экран компьютера, словно подражая его светящимся изображениям. На эту машину, находившуюся в ведении отца Доменико, остальные братья взирали с трепетом, весьма близким к суеверному. Сам он знал, что компьютер — всего лишь тупой механизм, умеющий быстро считать. И, во всяком случае, данных для ввода в машину явно не доставало.

Может, обратиться к Силам и испросить помощи? Нет, пока не стоит. Дело может оказаться малозначительным, по крайней мере, для тех сфер, которые они приводят в движение и в которых движутся сами. Отец Доменико, конечно, мало верил в такую возможность, но он уже однажды получил выговор за то, что побеспокоил без нужды тех двигателей и правителей. Разумный белый маг обычно не позволяет себе ничего подобного, как бы он ни презирал разборчивых в своей ненависти демонов.

В этой сложной ситуации, пожалуй, оставалось только одно: написать отцу Умберто, который, по крайней мере, выслушает с жадным интересом. Он был видящим и, несомненно, ощущал появление чего-то отвратительного — и, скорее всего, знал даже больше. У него можно получить необходимые сведения.

И отец Доменико понял, что едва ли не с самого начала пытался избежать такого решения — по вполне понятной причине: ведь из всех путей этот самый долгий. Но, похоже, он неизбежен.

Смирившись, отец Доменико достал свою авторучку «Биро» и листок бумаги. Хотя сведений он мог сообщить немного, все равно следовало соблюсти определенные церемонии: приветствие

во Христе, расспросы о здоровье, молитвы и так далее, а также, конечно, новости. Видящие были всегда одиноки и, подобно старухам, любили слухи о грехах, болезнях и смертях. Приходилось им потакать; поучать их — не говоря уже об исправлении, — не мог никто.

Он еще занимался этим, когда дверь открылась и на пороге появился его ученик; тот, которого отец Доменико в веселую минуту прозвал Джоаннесом в честь известного пропавшего ученика Бэкона. Подняв голову, отец Доменико рассеянно пробормотал:

— Я еще не готов.

— Прошу прощения?

— Извини… я думал о другом. У меня будет к тебе поручение: отнести это письмо через некоторое время. Кстати, что ты хотел?

— Я — ничего, — ответил Джоаннес. — Но отец настоятель просил передать, что хотел бы видеть вас в своем кабинете сразу после вечерней молитвы. Будет встреча с посетителем.

— О, очень хорошо. А что за посетитель?

— Не знаю, отче, какой-то незнакомец. Он сейчас поднимается на Гору. Я слышал, это богатый американец; впрочем, они почти все богаты, не правда ли?

— Похоже, ты кое-что знаешь, — сухо заметил отец Доменико, думая между тем о другом. Зловещий запах внезапно усилился; удивительно, как юноша не замечал его. Отец Доменико отложил письмо. К вечеру будет больше новостей, а может быть, и важных сведений.

— Передай настоятелю, что я буду непременно.

— Сначала я должен зайти к отцу Амнаро, — сказал Джоаннес. — Его тоже приглашают на встречу с посетителем.

Отец Доменико кивнул. Дойдя до двери, ученик обернулся и с таинственным видом добавил:

— Его имя Бэйнс.

Дверь закрылась. Вот и факт — и очевидно, Джоаннес считает его весьма значительным. Но для отца Доменико он не значил ничего.

Ничего, ровным счетом ничего.

Первый заказ

[В] овеянном легендами чудесном мире волшебства… все парадоксы как будто находят разрешение, логические противоречия мирно уживаются, следствие больше причины и тень больше предмета. Там видимое смешивается с невидимым, незримое открывается взору, перемещение из одной точки в другую происходит непосредственно, без какой-либо траектории, материя проходит сквозь материю… Там удлиняется жизнь, возвращается молодость, сохраняется физическое бессмертие. Там земля становится золотом, а золото — землей. Там слова и желания обладают творческой силой, мысли оказываются предметами, желание овеществляет свой объект. Кроме того, там живут мертвые, и можно без труда общаться с существами, обладающими неземным разумом, которые становятся советчиками или мучителями, наставниками или губителями человека.

А.Е.Уэйт, «Книга ритуальной магии».

1

— Нет, — возразил волшебник. — Я не могу помочь вам соблазнить женщину. Если вы хотите, чтобы ее изнасиловали, это я могу устроить, правда, приложив больше усилий — быть может, даже больше, чем понадобилось бы вам, если бы вы действовали самостоятельно. Но я не могу снабдить вас приворотными зельями и формулами. Моя специальность — насильственные преступления. Главным образом убийства.

Бэйнс покосился на своего особого помощника Джека Гинзберга, который, как обычно, имел безупречный вид и ничего не выражающее лицо. Приятно, когда есть кому доверять.

— Вы довольно откровенны, — заметил Бэйнс.

— Я стараюсь оставить как можно больше тайн, — ответил Терон Уэр. (Бэйнс знал, что это его настоящее имя.) — С точки зрения клиента, черная магия — своего рода техника. Чем больше он знает о ней, тем легче мне прийти к соглашению с ним.

— И никаких фирменных секретов? Тайных знаний и тому подобного?

— Так, кое-что — в основном, результаты собственных наблюдений; и очень немногие из

них имеют реальное значение для вас. Магическая наука остается тайной только потому, что большинство людей не знают, какие книги надо прочесть и где их искать. Достаточно найти эти книги, — и может быть, еще того, кто ведет — и вы сможете за год узнать почти все основное, что известно мне. Конечно, чтобы работать с материалом, нужно обладать талантом, ведь магия — это тоже искусство. Но нет плохих магов, как не бывает плохих математиков; вы либо маг, либо не маг. Имея книги и талант, вы можете стать волшебником лет через двадцать, если, конечно, не погибнете в своего рода лабораторной катастрофе. Несколько лет потребуется для развития приобретенных навыков. Я не могу сказать, что это легко, но, во всяком случае, эпоха секретности ушла в прошлое. На самом деле древние коды были достаточно бесхитростны; читать их гораздо проще, чем, скажем, музыкальные ноты. Будь они даже сложные, с ними быстро справились бы компьютеры.

Большинство этих общих мест Бэйнс уже знал, как, несомненно, было известно Уэру. Бэйнс предположил, что маг просто хочет дать клиенту время, чтобы изучить его. Предположение Бэйнса перешло в уверенность, когда за большим пись-

менным столом Уэра тихо открылась дверь и в кабинет вошла белокурая девушка в короткой юбке с письмом на серебряном подносе.

— Спасибо, Грета, — кивнул Уэр, взяв поднос. — Прошу прощения, нас не прервали бы, если б это не было срочно. — И он стал вскрывать хрустящий конверт.

Бэйнс посмотрел вслед девушке, когда она выходила, — кажется, она смутно напоминала ему кого-то, но больше он не обнаружил в ней ничего необычного — и принялся изучать Уэра. Как обычно, он начал с окружения.

Кабинет волшебника, освещенный лучами заходящего солнца, вполне мог сойти за кабинет любого доктора или адвоката. Правда, само помещение и мебель отличались довольно солидными размерами, но это еще очень мало говорило об Уэре, поскольку дом представлял собой арендованный палаццо на скале. В Позитано нашлись бы и более грандиозные постройки, если бы Уэра интересовали более высокие потолки и низкая звукопроницаемость. Хотя книги, в основном, казались старыми, кабинет выглядел не древнее библиотеки Мертон Колледжа и явно уступал ей по количеству старинных инструментов. О магии здесь напоминал разве только запах смеси

благовоний, который не выветривался, несмотря на открытые окна и свежий тирренский воздух. Запах был очень слабым, почти незаметным. К тому же сам по себе он едва ли что-нибудь значил. Примерно так же пахло в маленьких итальянских церквах — и еще в приемных шефов египетской полиции.

Сам Уэр имел замечательную внешность — впрочем, не более чем любой другой для внимательного наблюдателя. Это был низкорослый худощавый человек в костюме из натурального ирландского твида и рубашке с отложными манжетами и металлическими пуговицами. Его узкий галстук из серого шелка украшала очень маленькая опаловая фигурка шахматной ладьи. Несмотря на худобу и выраженную бледность Уэра, Бэйнс догадывался, что волшебник обладает большой физической силой.

Покрытое шрамами лицо Уэра не позволяло составить представления о его возрасте. Лишь кустистые сероватые брови напоминали теперь о его некогда рыжих волосах — на голове они совсем побелели. К тому же, подобно монахам, он имел тонзуру, и на его голой белой коже просвечивали голубые вены. Неискушенный наблюдатель дал бы ему лет шестьдесят пять.

Но Бэйнс точно знал его возраст: сорок восемь. Несомненно, черная магия отнимала много жизненных сил. Бэйнс часто встречал людей типа Уэра среди ученых, работавших в «Консолидэйтед варфэр сервис»; после тридцати они все выглядели лет на сорок пять, пока у них не седели волосы или не случался сердечный приступ.

Послышался тихий щелчок. Джек Гинзберг, незаметно просунув руку в свою сумку, перематывал магнитофонную кассету. Бэйнс подумал, что Уэр все видит, но предпочитает не замечать. Наконец волшебник снова заговорил:

— Конечно, дело идет быстрее, когда мои клиенты столь же искренни со мной.

— Мне кажется, вам уже все известно обо мне, — ответил Бэйнс, скрывая свое восхищение: способность возобновлять прерванный разговор так, как будто он и не прерывался вовсе, редка у мужчин.

Женщины делают это легко, но, как правило, ненамеренно.

— О, Дан и Брэдетрит, — усмехнулся Уэр. — Газетные архивы и, конечно, слухи, — разумеется, все это у меня есть. Но мне бы еще хотелось задать вам несколько вопросов.

— Почему бы не прочесть прямо у меня в моз-

гу?

— Потому что это не оправдает затраченных усилий. Я не хочу оскорбить ваш превосходный мозг, мистер Бэйнс, но вы должны понять одну вещь: магия — это тяжелый труд. Я занимаюсь ею не из-за лени, я отнюдь не ленивый человек. И все же разумнее пользоваться более простыми путями, когда такие пути есть.

— Мне не совсем понятно.

— Тогда вот один пример. Вся магия — я повторяю: вся магия без каких-либо исключений основана на общении с демонами. Под демонами я понимаю падших ангелов. Никто другой тут не поможет. Например, я знаю одного такого демона, у которого земная форма имеет длинный язык. Вам, может быть, это покажется забавным.

— Не очень.

— Оставим пока это. Во всяком случае, он так же великий князь и президент, и его появление обойдется мне в три дня работы и две недели последующего истощения. Стоит ли мне вызывать его, чтобы он лизал за меня почтовые марки?

— Я понял, — сказал Бэйнс — Ладно, задавайте ваши вопросы.

— Спасибо. Кто направил вас ко мне?

— Медиум в Бель Эр — Лос-Анджелес. Она до-

вольно ловко пыталась вытянуть из меня деньги, и я решил, что у нее есть настоящий талант и она знает кое-кого посерьезней. Я пригрозил убить ее, и ей пришлось все выложить.

Уэр сделал какую-то пометку.

— Понимаю. И она послала вас к розенкрейцерам?

— Пыталась. Но я уже знал эту увертку. Она послала меня в Монте Альбано.

— Это меня немного удивляет. Я не думал, что вам нужны кладоискатели.

— Нужны и не нужны. Я объясню немного позже, если вы не возражаете. Прежде всего, мне нужен человек вашей специальности: тот, кто убивает, — и конечно, ни один монах тут не поможет. Я даже не обсуждал с ними этого. По правде говоря, мне хотелось проверить вашу репутацию, о которой у меня есть кое-какие сведения. Я тоже умею пользоваться газетными архивами. Когда я упомянул ваше имя монахам, их ужас убедил меня в том, что с вами, по крайней мере, стоит поговорить.

— Весьма благоразумно. И все же на самом деле вы не верите в магию — только в СЧВ и прочую подобную чепуху.

— Я нерелигиозный человек, — осторожно

сказал Бэйнс.

— Понятно. Значит, вам нужна демонстрация. Вы принесли зеркало, о котором я говорил по телефону вашему помощнику?

Джек молча извлек из внутреннего кармана пиджака бумажный пакет и, достав из него ручное дамское зеркальце, запечатанное в пергамине, протянул Бэйнсу.

— Хорошо. Теперь посмотритесь в него.

Из глаз Бейнса покатились две большие капли темной крови. Он выпустил зеркало и взглянул на Уэра:

— Гипноз. Я надеялся на что-нибудь получше.

— Вытрите их, — спокойно сказал Уэр.

Бэйнс вынул свой безупречно чистый носовой платок с монограммой. На белой ткани красные пятна медленно превратились в масляно-желтое золото.

— Вы можете показать это завтра какому-нибудь металлургу, — предложил Уэр. — Едва ли мне удалось загипнотизировать и его. А теперь мы, может быть, перейдем к делу.

— Вы, кажется, сказали…

— Что даже для самого простого трюка нужен демон. Да, именно так. Сейчас он у вас за спиной, мистер Бэйнс, и будет оставаться там ровно двое

суток. Запомните: двое суток. Конечно, такая безделица мне дорого обойдется, но я всегда делаю нечто подобное для скептически настроенных клиентов, и это будет включено в мой счет. Итак, прошу вас, мистер Бэйнс, что вы хотите?

Бэйнс передал платок Джеку, который аккуратно сложил его и завернул в вощеную бумагу.

— Я хочу, чтобы один человек умер, — ответил Бэйнс, — без следов насилия.

— Разумеется, но кто?

— Сейчас я его назову. Но сначала скажите, подвержены ли вы сантиментам?

— Почти нет. Правда, я не убиваю своих друзей ни для каких клиентов. А иногда не хочу убивать кое-кого из посторонних. Но в таких случаях я просто повышаю цену.

— Тогда давайте лучше рассмотрим возможности, — предложил Бэйнс — Допустим, моя бывшая жена доставляет мне массу неприятностей. Что вы скажете?

— У нее есть дети — от вас или кого-нибудь другого?

— Нет, ни одного.

— Тогда нет проблем. За такую работу я обычно беру ровно пятнадцать тысяч долларов.

Бэйнс застыл в изумлении.

— Только и всего? — пробормотал он наконец.

— Да. Мне кажется, я почти столь же богат, как вы, мистер Бэйнс. В конце концов, я сумею отыскать клад не хуже, чем белые монахи, — пожалуй, даже гораздо лучше. Я использую также «алиментные» дела для поддержания своей репутации в глазах публики, хотя в финансовом смысле терплю от них убытки.

— Какие же гонорары вас интересуют?

— Я начинаю немного оживляться, когда речь идет о пяти миллионах.

«Если он и шарлатан, то очень крупный», — подумал Бэйнс.

— Давайте вернемся к случаю с алиментами или, лучше, допустим, что меня не волнуют алименты, — на самом деле так и есть. Но, может быть, я хочу, чтобы она не только умерла, но умерла нехорошей смертью, с мучениями.

— За это я не повышаю цену.

— Почему?

— Мистер Бэйнс, я хочу вам напомнить, что не являюсь наемным убийцей. Сам я никого не убиваю — только вызываю и направляю определенные силы. Очень возможно — и даже наверняка — каждый из моих пациентов умирает в таком ужасе и в таких муках, которые не

в силах вообразить ни вы, ни даже я. Но вы высказали особое пожелание, чтобы ваша жертва не имела следов насилия. Я сам предпочитаю такие убийства. Но как тут найти бесспорные доказательства предсмертных мучений, если вы захотите убедиться, что платили не зря?

— Но бывает и наоборот, мистер Бэйнс. Часто клиенты просят, чтобы их бывшие супруги умирали безболезненной, даже приятной смертью — очевидно, тут все еще присутствуют какие-то чувства. Я мог бы увеличить плату в таких случаях, если бы у трупов не оставалось следов болезней или насилия. Но мои агенты — демоны, и их невозможно принудить к милосердию. Поэтому я не принимаю подобных условий со стороны клиентов. Вы платите за смерть и получаете смерть. Обстоятельства зависят от агента, и я не предлагаю своим клиентам того, чего не могу им обеспечить.

— Хорошо, мне ясен ваш ответ, — сказал Бэйнс. — Забудьте про Долорес — на самом деле, это лишь мелкая непонятность, и не единственная. Давайте теперь поговорим о другом конце спектра. Допустим, я бы попросил вас… заняться… крупным политическим деятелем, скажем, губернатором Калифорнии или, если он ваш друг,

какой-нибудь другой столь же значительной фигурой.

Уэр кивнул:

— Он вполне подойдет. Но как вы помните, меня интересовало наличие у пациента детей. Если бы у вас было «алиментное дело», я сразу спросил бы о родственниках. Мой гонорар возрастает от количества и типа людей, которых затронет данная смерть. Отчасти это то, что вы называете сантиментами, отчасти своего рода самозащита. В случае с нынешним губернатором я возьму с вас по одному доллару за каждый голос, полученный им на последних выборах. Плюс издержки, разумеется.

Бэйнс восхищенно присвистнул:

— Впервые встречаю человека, который разработал систему оплаты сантиментов. Я понимаю, почему вас не интересуют «алиментные дела». Когда-нибудь, мистер Уэр…

— Доктор Уэр. Пожалуйста, называйте меня так. Я доктор теологии.

— Извините. Я просто хотел сказать, что когда-нибудь спрошу у вас, зачем вам столько денег. Такие астеники, как вы, редко находят хорошее применение деньгам. Тем не менее я вас понимаю. Все должно быть оплачено авансом?

— Авансом оплачиваются издержки. Гонорар после выполнения заказа. Надеюсь, вы понимаете, мистер Бейнс…

— Доктор Бейнс. Я доктор права.

— Примите и вы мои извинения. Теперь, когда мы обменялись любезностями, я хочу, чтобы вы поняли: меня еще никто никогда не обманул.

Бейнс подумал о том существе, которое будто бы должно сидеть у него за плечами до послезавтрашнего дня. Судя по тесту с золотыми слезами на носовом платке, он мог надеяться, что ему не придется обманывать Уэра. Собственно, Бэйнс и не собирался его обманывать.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь. — Контракт нам, пожалуй, не нужен. Я согласен на ваши условия.

— Но для чего вам нужна смерть губернатора Калифорнии?

— О, мы будем рассматривать ее как первый шаг. Джек обсудит с вами остальные детали. А мне сегодня нужно вернуться в Рим.

— Вы сказали «первый шаг»?

Бэйнс коротко кивнул, Уэр так же поднялся:

— Очень хорошо. Я больше не стану задавать вопросы. Но, по правде говоря, я должен предупредить вас, мистер Бэйнс: если вы захотите

сделать еще один подобный заказ, я спрошу о ваших намерениях.

— Кстати, — заметил Бэйнс, скрывая свое недовольство, — мы должны будем обменяться признаниями. Скажите, доктор Уэр, этот, э-э, демон, который сидит у меня на спине, уйдет сам в положенное время, или мне нужно встретиться с вами еще раз, чтобы избавиться от него?

— Он не сидит на вашей спине, — ответил Уэр. — И он уйдет сам. Вопреки Марло, несчастье не любит компании.

— Ладно, посмотрим, — усмехнулся Бэйнс.

2

Некоторое время Джек Гинзберг испытывал странное ощущение человека, который не понимает происходящего и потому считает, что от него могут избавиться. Как будто некое чудовище заглотило его по ошибке и собралось отрыгнуть обратно.

Ожидая, когда его отрыгнут, Джек занялся своими мелкими делами: погладил щеки, проверяя, хорошо ли они выбриты, восстановил складки на брюках, посмотрел счета за последнюю неделю, думая между тем — как обычно в минуты досуга — о новой девушке и о том, как она выглядела бы

в тех или иных позах. Впрочем, возможно, она не представляла собой ничего особенного. Часто за незначительными достоинствами скрывались большие недостатки.

Однако, когда шеф ушел, а Уэр вернулся к своему столу, Джек уже вполне был готов заняться делом. Он всегда гордился своим абсолютным самоконтролем.

— Итак, ваши вопросы? — осведомился Уэр, откинувшись на спинку кресла.

— Их немного, доктор Уэр. Вы упомянули об издержках. О каких издержках идет речь?

— В основном, разъезды, — ответил Уэр, — Мне надо увидеть пациента лично. В данном случае это потребует поездки в Калифорнию, которая представляет для меня большое неудобство и потому вносится в счет. Сюда входит оплата полета, гостиничных номеров, питание и другие мелкие расходы. Я их перечислю после выполнения заказа. Затем возникает вопрос: как увидеть губернатора? У меня есть коллеги в Калифорнии, но магия и политика пересекаются сравнительно редко, и мне понадобятся средства, чтобы подкупить некоторых должностных лиц. В целом же, я думаю, аванс в десять тысяч не будет слишком мал.

…И все ради какого-то колдовства. Даже противно. Но шеф верил в него, по крайней мере, пока. Поэтому Джек чувствовал себя в весьма щекотливом положении.

— Это звучит убедительно, — согласился он. Но даже не подумал достать чековую книжку. Он не собирался одаривать незнакомого человека, не получив от него никаких гарантий. — Честно сказать, сэр, нас немного удивляет необходимость таких издержек. Мы, конечно, понимаем, что вам легче сесть в самолет, чем оседлать демона…

— Я не уверен, что вы это понимаете, — перебил Уэр. — Во всяком случае, лучше задайте свой вопрос без обиняков.

— Хм… Доктор Уэр, почему вы живете за пределами Соединенных Штатов? Насколько нам известно, вы еще сохранили гражданство. В конце концов, у нас в Штатах еще существует свобода религий. Почему шеф должен оплачивать вашу поездку на родину как работу?

— Потому что я не заурядный гангстер, — ответил Уэр. — И еще потому, что я не хочу платить налоги и даже сообщать кому-либо о своих доходах. В противном случае есть две возможности (объясню специально для внимательного прибора, который лежит в вашей сумке, поскольку у

вас, как видно, не все в порядке со слухом): если бы я жил в Соединенных Штатах и объявил себя волшебником, меня обвинили бы в мошенничестве, а если бы я успешно защитился, то есть доказал бы, что я действительно тот, за кого себя выдаю, меня прикончили бы в газовой камере. Если бы я не смог оправдаться, то стал бы всего лишь еще одним шарлатаном. В Европе я могу назваться волшебником, и меня оставят в покое, если я сумею удовлетворить своих клиентов — coreat emptor[76]. В противном случае мне все время придется убивать незначительных политиков и бухгалтеров, такая мелкая работа рано или поздно приведет к снижению доходов. Теперь можете выключить эту штуку.

Ага, значит все-таки что-то не так. Этот шутник наживался на суевериях. Джек Гинзберг неплохо разбирался в подобных вещах.

— Понимаю, — спокойно сказал он. — Но ведь здесь, в Италии, у вас должны быть почти такие же неприятности с церковью, как дома с правительством?

— Нет, нынешний понтификат достаточно либерален. Современная церковь осуждает то,

---

[76] Примечания: 76
«Покупатель, будь бдителен» (латин.).

что она называет суеверием среди своих приверженцев. За десять лет я ни разу не встречал прелата, который верил бы в буквальное существование демонов, хотя некоторые монахи знают побольше.

— Разумеется, — кивнул Джек, торжественно захлопывая свою ловушку, — таким образом, сэр, похоже, вы завысили цену и были недостаточно искренни с нами. Если вы действительно способны контролировать тех князей и президентов, вы могли бы столь же легко доставить шефу женщину, как найти клад или совершить убийство.

— Да, мог бы, — ответил волшебник с легким раздражением. — Я вижу, вы кое-что читали. Но я уже объяснял доктору Бэйнсу и еще раз объясняю вам, что моя специальность — только насильственные преступления. А теперь, мистер Гинзберг, я полагаю, вы собирались выписать мне чек.

— Да, собирался…

Но он все еще медлил. Наконец Уэр учтиво поинтересовался:

— Нет ли у вас еще каких-нибудь сомнений, которые я мог бы разрешить для вас, мистер Гинзберг. Я как никак доктор теологии. Или, может быть, вы хотите сделать мне личный заказ?

— Нет, — пробормотал Джек. — Нет, ничего.

— Зачем же стесняться. Ведь вам явно понравилась моя ламия. И она, в самом деле, лишена недостатков, которые вас так раздражают в обычных женщинах.

— Черт побери! Я не знал, что вы читаете мысли! И тут вы солгали.

— Я не читаю мысли и никогда не лгу, — возразил Уэр. — Но я достиг совершенства в чтении лиц. Это избавляет меня от многих неприятностей и позволяет реже обращаться к магии. Так вы хотите эту тварь или нет? Если угодно, я пришлю ее вам тайно.

— Нет.

— Не хотите тайно. Что ж, мне жаль вас тогда. Тогда скажите сами, мой безбожный и бесстрастный друг, чего вам хочется? Ваше дело давно уже сделано. Забудьте о нем. Так что же это?

На миг затаив дыхание, Джек уже почти готов был признаться, но Бог, в которого он уже не верил, не оставил его. Джек выписал чек и положил его перед волшебником. Вошла девушка (нет, не девушка) и унесла чек.

— До свидания, — сказал Терон Уэр.

Джек опять упустил случай.

3

Отец Доменико еще раз с надеждой перечитал письмо. Отец Учелло пользовался августинским стилем, полным резких слов и явных неологизмов, вплетенных в средневековый синтаксис — отец Доменико предпочел бы стиль Роджера Бэкона, но этот выдающийся антимаг, не принадлежавший к числу Отцов Церкви, соблазнил немногих последователей — и, возможно, отец Доменико не совсем правильно понял его. Но нет; несмотря на довольно замысловатую латынь, смысл на сей раз не вызывал сомнений.

Отец Доменико вздохнул. Практика Ритуальной магии, по крайней мере ее белой разновидности, которой занимались в монастыре, по-видимому, становилась все более бесполезной. Проблема отчасти была в том, что основное традиционное применение (для получения благ) белой магии состояло в отыскании скрытых сокровищ; после многовековой неустанной деятельности сотен чародеев, как белых, так и черных, а также вовлечения в эту деятельность современной техники — миноискателей и тому подобного — осталось очень мало ненайденных кладов. Последние оказывались либо на дне морей, либо в местах

типа Форта Нокс или швейцарского банка, и для их извлечения требовались такие колоссальные усилия, которые сводили на нет возможность получения прибыли как клиентом, так и монастырем.

В целом у черных магов дела шли гораздо лучше, по крайней мере в этой жизни. Но никогда не следует заявлять, поспешно напомнил себе отец Доменико, что они осуждены на вечные муки. Почему-то адские духи, такие, как Люцифуге Рофокале, охотно наделяли огромной силой смертных, чьи души и так уже почти принадлежали преисподней; очень странно, особенно если учесть характер среднего чародея, к тому же соглашение может быть легко расторгнуто в последний момент; странно также, что Бог позволял демоническим силам через посредство чародея обрушиваться на невинных. Но это всего лишь один из аспектов проблемы зла, которую церковь уже давно разрешила. Ответ (или двойственный ответ) дает концепция свободной воли и первородного греха.

Следует также вспомнить, что даже практика белой, или Трансцендентальной, магии официально считается смертельным грехом, ибо современная церковь отвергает всякие сношения

с духами — в том числе и не падшими, поскольку такая практика признает ангелов демиургами и прочими каббалистическими божествами — какие бы намерения при этом ни преследовались. Однажды было признано, что лишь тот, кто достиг высших ступеней благочестия, чистоты и мастерства, способен вызывать и контролировать демонов, не говоря уже об ангелах; но после многочисленных упущений и злоупотреблений церковь из соображений практичности и гуманности объявила волшебству анафему, оставив за собой лишь негативный аспект магии — экзорцизм — и то лишь в пределах строжайших канонов.

Монастырь Монте Альбано имел особое разрешение, очевидно, отчасти благодаря тому, что монахи некогда весьма успешно пополняли казну Святого Петра; частистично оттого, что знание, получаемое с помощью Трансцендентальных ритуалов, могло иногда поддерживать авторитет церкви; кроме того, в некоторых, правда, редких случаях, белая магия, как известно, продлевала телесную жизнь. Но теперь все эти блага обнаруживали явные признаки оскудения, а следовательно, привилегия могла быть отменена в любой момент, что положило бы конец

последнему святилищу белой магии в мире. И увеличило бы клиентуру черных магов. Хотя они не имели своих храмов, если не считать «Парижских братьев», романтиков школы Элифаса Леви, которые своим безумием вызывали скорее жалость, чем осуждение, однако число отдельных колдунов ошеломляюще росло, хотя уже и одного было бы слишком много. Это вернуло отца Доменико к главной проблеме. Он снова вздохнул, поднялся и, зашлепав босыми ногами по полу, — братья Монте Альбано не носили обуви отправился с письмом в руке к настоятелю. Отец Умберто оказался на месте (обычно все в монастыре находились на своем месте; Гору могли покинуть лишь миряне, и только на мулах), и отец Доменико сразу перешел к делу.

— Я получил еще одно многословное послание от нашего знатока нечистой силы, — сказал он. — И я невольно начинаю думать, что дело действительно довольно серьезно.

— Вы имеете в виду дело Терона Уэра, насколько я понимаю?

— Да, конечно. Американский торговец оружием, который посещал наш монастырь, как мы и предполагали, отправился отсюда прямо к Уэру, и отец Учелло предупреждает, что в Бизи-тоно

появились признаки приготовлений, по-видимому, к серьезной акции.

— Я хотел бы, чтобы вы избегали этих выражений. Они усложняют понимание речи. Как я заметил, словесные трюки, как правило, означают лишь, что говорящий сам не вполне уверен в своих словах и пытается завуалировать факты. Ну ладно. Что же касается поклонника дьявола Уэра, мы ни в коей мере не способны помешать ему, какую бы акцию он ни готовил.

— Прошу прощения, таков стиль отца Учелло. Во всяком случае, он настаивает, чтобы мы вмешались. Он даже решил прибегнуть к гаданию, отсюда вы можете видеть, сколь велика его тревога, и некий покровитель, которого он не называл, поведал ему, что встреча Уэра и Бэйнса предвещает нечто поистине чудовищное. И будто бы весь ад ожидает встречи этих двоих, с тех пор как они родились.

— А уверен ли он, что его покровитель на самом деле не демон, который вполне мог солгать или, по крайней мере, прихвастнуть? Как вы сами только что косвенно признали, отец Учелло отошел от практики.

Отец Доменико развел руками:

— Конечно, мне нечего ответить на это. Если по-

желаете, отче, я попытаюсь вызвать упомянутую персону, кем бы она ни была. Но, как вы знаете, велика вероятность того, что явится кто-то совсем другой, к тому же в таких случаях очень трудно задать правильный вопрос. Великие Властители, очевидно, лишены чувства времени в нашем понимании, а демоны, даже если их заставить подчиняться, часто совсем не разбираются в том, что происходит за пределами их сфер влияния.

— Именно так, — согласился настоятель, который сам не практиковал уже много лет. Некогда он обладал большим талантом. Но приход талантливых экспериментаторов к административной деятельности — проклятие всех исследовательских учреждений. — Я думаю, вам не стоит рисковать своей жизнью и, конечно, своей душой, вызывая духа, которого не можете назвать. А отец Учелло должен знать, что мы не можем сделать с Уэром ничего. Или он может что-то предложить?

— Он хочет, — неуверенно проговорил отец Доменико, — чтобы мы послали к Уэру наблюдателя, который будет находиться рядом с ним, в Позитано, до тех пор, пока мы не узнаем, какое дело там затевается. Во всяком случае, мы можем это сделать, а отец Учелло, конечно, не может.

Вопрос только в том, хотим ли мы.

— Гмм, гмм, — пробормотал настоятель. — Очевидно, нет. Это может нас разорить — о, не в финансовом смысле, конечно, хотя и тут есть определенные трудности. Но мы не можем себе позволить послать ученика не из самых лучших, и потом, одному Господу известно, сколько месяцев в той инфернальной атмосфере…

Настоятель оставил фразу неоконченной; но он часто так делал, и для отца Доменико не составило труда угадать ее окончание. Очевидно, монастырь не мог себе позволить, чтобы один из его лучших практиков был выведен из строя — «осквернен», как сказал бы настоятель, длительным общением с Тероном Уэром. Тем не менее отец Доменико был почти уверен, что настоятель все-таки пошлет кого-то в Позитано; в противном случае он просто отверг бы предложение отца Учелло, не выдвигая очевидных возражений. Несмотря на обычное ироническое отношение к старому отшельнику, они оба знали, как важно в некоторых случаях прислушиваться к его мнению и что теперь был именно такой случай.

— Тем не менее дело следует изучить, — заключил настоятель, перебирая четки. — Я, пожалуй,

пошлю Уэру обычное формальное извещение. Нам необязательно следить за каждым его шагом, но…

— Безусловно, — кивнул отец Доменико. Он положил письмо в свою сумку и встал: — Прошу вас сообщить мне, когда придет ответ от Уэра. Я рад, что вы признаете серьезность этого дела.

После обмена формальностями он вышел из кабинета, опустив голову. Отец Доменико уже знал, кого настоятель пошлет в Позитано. Никакая ложная скромность не могла помешать этому знанию: отец Доменико был испуган. Он прошел прямо в помещение, где обычно занимался магией. Это была специальная комната в башне, которой не мог пользоваться никто другой — ибо магия весьма чувствительна к личности мага — и в которой еще сохранился с прошлого раза слабый аромат, немного напоминавший запах лавандового масла. «Mansit odor, posses scire duisse deam»[77], — подумал отец Доменико уже не в первый раз, но теперь он не собирался вызывать каких-либо духов. Вместо этого он подошел к украшенному гравировкой ларцу, где лежала книга — второе, но не сильно искаженное изда-

[77] Примечания: 77

«Сохранился запах. О, если б также знать и о присутствии Бога» (латин.).

ние «Энхиридиона»[78], представлявшего собой составленное Львом III своеобразное собрание молитв и других средств, «защищающих от всех напастей, коим может подвергнуться тот или иной человек на суше, на воде, от тайных и явных врагов, от диких и бешеных животных, от ядов, от огня и от небесных стихий». Для большей эффективности отцу Доменико посоветовали носить эту книгу с собой, но он считал, что слишком редко подвергается настоящей опасности, чтобы рисковать столь ценной вещью; и во всяком случае он каждый день прочитывал хотя бы одну страницу, главным образом, из раздела «In Principio», представлявшего собой некую версию первой главы Евангелия от Иоанна.

Теперь, взяв книгу, он открыл ее на «Семи сокровенных молитвах», единственном разделе, может быть, действительно исходившем от папы из Шарлеманя??? (что отнюдь не снижало достоинств остальной части книги). Отец Доменико опустился на колени лицом к востоку и, не глядя на страницу, начал молитву, которую полагалось читать в четверг и о которой говорилось, быть может и не случайно, что она «разгоняет демонов».

---

[78] Примечания: 78
«Руководство».

4

Бэйнса ожидало в Риме много дел, особенно из-за отсутствия его помощника Джека Гинзберга, и Бэйнс не старался специально отыскать среди массы других бумаг записку Джека о мнении металлурга по поводу золотых слез. По крайней мере, временно Бэйнс рассматривал эту записку как личное письмо и, следуя строгому правилу, никогда не занимался личной корреспонденцией в рабочие часы, даже если работал не у себя в офисе, а, например, как сейчас, в номере отеля.

Тем не менее записка попалась ему на глаза на второй день, когда он принялся за работу, и поскольку Бэйнс не мог себе позволить, чтобы его отвлекало неудовлетворенное любопытство, которому можно было легко положить конец, он прочел ее. Слезы действительно оказались золотом, которое все вместе весило двадцать четыре карата и, таким образом, стоило на данный момент одиннадцать центов. Однако для Бэйнса они представляли собой грандиозный капитал (или, иначе говоря, потенциальное капиталовложение в нечто грандиозное).

Он с удовлетворением отложил записку в сторону и скоро забыл о ней — или почти забыл.

Вложение капитала в чудовищные вещи составляло основу его бизнеса. «К сожалению, в последнее время цена на них упала», — подумал он с холодной злостью. Отсюда и возник его интерес к колдовству, который другие директора «Консолидейтед Варфэр Сервис» сочли бы чистым безумием. Но, в конце концов, если бизнес перестает удовлетворять, вполне естественно искать удовлетворения в чем-то другом. Безумцем, с точки зрения Бэйнса, был тот, кто пытался найти замену такими удовольствиями, как женщины, благотворительность, коллекционирование предметов искусства, гольф, которые совершенно не приносили удовлетворения. Бэйнс страстно любил свою работу, которая сеяла смерть и разрушения; гольф не мог заменить такую страсть — так же как охладить пыл художника или развратника.

Новый факт, с которым приходилось считаться, состоял в том, что ядерное оружие нанесло тяжелый удар по оружейному бизнесу. Конечно, еще процветала продажа мелкого оружия некоторым недавно возникшим малым государствам — «мелким» условно считалось вооружение, не превышавшее размеров подводной лодки. Но на первое место вышли термоядерный син-

тез и баллистические ракеты, грозя продлить двадцатилетний цикл мировых войн, чересчур разрушительных и самоубийственных. В таких условиях «дипломатия» Бэйнса состояла главным образом в раздувании локальных конфликтов и гражданских войн. Даже это оказалось весьма щекотливым делом; в невероятно запутанной политической обстановке игра в национализм могла привести к неожиданным результатам, потому что трудно предсказать заранее, не будет ли некая развивающаяся африканская страна представлять чрезвычайный интерес для одной или нескольких держав (когда-нибудь, конечно, они все станут ядерными державами, и тогда военная политика определенно упростится и формализуется).

Сама деликатность этих проблем приносила Бэйнсу своего рода удовлетворение. Он неплохо в них разбирался. К тому же в «Консолидейтед Варфэр Сервис» было много людей, имевших большой опыт в подобных делах, и он всегда мог обратиться к ним за помощью. Один из главных специалистов КВС находился теперь с ним в Риме — доктор Адольф Гресс, известный изобретатель особого универсального средства передвижения, «чессиконтера». Но теперь он представлял инте-

рес как изобретатель нового секретного оружия — подземной торпеды, которая могла быстро передвигаться под землей и неожиданно появляться под любым сооружением, расположенным в радиусе до двухсот миль от ее пускового туннеля, если позволяла геология. Бэйнс предположил, что она может быть весьма привлекательной, по крайней мере, для одной из воюющих сторон йеменского конфликта, и не ошибся. Теперь он прилагал большие усилия, чтобы не связываться со всеми четырьмя. Задача оказалась весьма трудной еще и потому, что, хотя две йеменские клики стоили немного, Насер был таким же проницательным, как Бэйнс, а Файзаль, бесспорно, еще гораздо проницательнее.

Тем не менее, Бэйнс не обладал особым даром предвидения и хорошо знал это. Узнав о надвигающихся переменах в оружейном бизнесе, — после опубликования в 1950 году американским правительственным издательством тома, озаглавленного «Последствия применения ядерного оружия» — он постарался как можно скорее установить контакт с частной фирмой под названием «Мамаронек Ризерч Институт». Она представляла собой исследовательскую организацию, основанную выходцем из корпорации «Рэнд», и

специализировалась на предсказании политических и военных конфликтов и их возможных последствий (некоторые из этих специалистов оказывались столь экстравагантными, что требовали привлечения к сотрудничеству независимых писателей-фантастов). Из архивов КВС и прочих источников Бэйнс поставлял для компьютеров «Мамаронека» материалы, считавшиеся иногда важными государственными тайнами различных стран; в свою очередь, «Мамаронек» снабжал Бэйнса красиво отпечатанными ксерокопиями докладов типа «Возможные ближайшие и отдаленные последствия блокады Израилем островов Фарос».

Бэйнс отбрасывал наиболее абсурдные варианты, но с крайней осторожностью, представлявшей собой полную противоположность консерватизму, потому что некоторые из самых странных прогнозов при ближайшем рассмотрении могли оказаться вовсе не абсурдными. Те из них, которые сочетали в себе внешнюю абсурдность со скрытой правдоподобностью, он отбирал, чтобы претворить их в реальные ситуации. Поэтому его интерес к Тэрону Уэру был вполне логичен и закономерен, ибо то, что практиковал Бэйнс, также буквально являлось оккультным искусством, в

которое обычные люди уже не верили.

Послышался двойной звонок: вернулся Гинзберг. Бэйнс дал ответный сигнал, и дверь открылась.

— Роган мертв, — объявил Джек без предисловий.

— Быстро. Я думал, Уэру потребуется еще неделя, после того как он вернулся из Штатов.

— Неделя уже прошла, — напомнил Джек.

— Гмм? Да, действительно. Пока заставишь этих арабов раскошелиться, забудешь и про время. Ну-ну, подробности?

— Пока только то, что передает «Рейтер». Началось с пневмонии, которая перешла в cardia pulmonale — сердечную болезнь, вызванную долгим кашлем. Оказывается, у него несколько лет назад обнаружили шум в сердце с недостаточностью митрального клапана. Об этом знала только семья, и врачи уверяли, что ничего опасного не произойдет, если он не вздумает заниматься чем-нибудь вроде бега на длинные дистанции. Теперь предполагается, что последняя предвыборная кампания вызвала обострение, а остальное сделала пневмония.

— Очень чисто, — заметил Бэйнс.

Он на минуту задумался. У него не было ни-

каких враждебных чувств к губернатору Калифорнии. Он никогда не встречался с этим человеком, не имел с ним никаких деловых конфликтов, на самом деле даже восхищался его правоцентристской политикой, достаточно яркой, но безобидной, какую и следовало ожидать от бывшего счетовода рекламного агентства в Сан-Франциско, специализировавшегося на пропаганде холодных завтраков из кукурузных хлопьев и тому подобного. Конечно, Бэйнс помнил, что, судя по архивным документам, Роган приходился ему сводным братом.

И все же он был доволен: Уэр сделал свое дело — Бэйнс не сомневался в надежности Уэра, — и сделал чрезвычайно аккуратно. После еще одного испытания — просто чтобы исключить возможность случайного совпадения — можно будет взяться за кое-что более крупное, — по-видимому, самое крупное из всех дел, которыми они оба когда-либо занимались. Интересно, каким образом это происходило? Может быть, демон явился к жертве в виде пневмококка? Но тогда как быть с проблемой репродукции? Впрочем, как известно, остатки подлинного Креста находили по всей средневековой Европе в таких количествах, что их хватило бы на целый дровяной склад. Со-

временные клерикалы называли это чудесным умножением, в которое Бэйнс, конечно же, не верил; но если магия реальна, может, и чудесное умножение тоже реально?

Однако это были всего лишь технические детали, обычно он старался в них не вдаваться. Пусть ими занимаются те, кому он платит. Хотя не мешает иметь в своем штате человека, который в них разбирается. Часто оказывается опасно полагаться лишь на посторонних специалистов.

— Выпиши чек Уэру, — сказал он Джеку, — с моего личного счета. Назови это гонораром за консультацию — лучше всего, медицинскую. Когда пошлешь ему чек, назначь дату новой встречи — сразу, как только я вернусь из Рияда. Остальное обсудим примерно через полчаса. Пришли мне Гесса, а сам подожди за дверью.

Джек кивнул и вышел. Через минуту молча вошел Гесс, высокий крепкий худощавый человек у него были кустистые брови, волосы с проседью и суженный подбородок, из-за чего лицо казалось почти треугольным.

— Ты не интересуешься колдовством, Адольф? В смысле лично.

— Колдовством? Кое-что мне известно. Несмотря на всю его чепуху, оно сыграло важную роль

в истории науки, особенно той, что связана с алхимией и астрологией.

— Меня не интересует эти вещи. Я говорю о черной магии.

— Тогда нет. Я мало знаю о ней, — сказал Гесс.

— Значит, придется узнать. Недели через две мы посетим настоящего колдуна, и я хочу, чтобы ты изучил его методы.

— Ты смеешься надо мной? — удивился Гесс. — Нет, это не в твоем стиле. Значит, мы будем заниматься разоблачением шарлатанов? Я не уверен, что лучше всех подхожу для этого, Бэйнс. Профессиональный фокусник — вроде Гудини — разоблачит мошенника скорее, чем я.

— Нет, речь совсем не о том. Я собираюсь попросить этого человека сделать кое-какую работу из его области для меня, и мне нужен наблюдатель, который будет смотреть, что он делает — не для того чтобы его разоблачить, а чтобы составить представление обо всех процедурах, на случай если наши с ним отношения потом испортятся.

— Но… ладно, дело твое, Бэйнс. Но, похоже, это пустая трата времени.

— Только не для меня, — возразил Бэйнс. — Пока я буду вести переговоры с саудовскими арабами, почитай литературу. Я хочу, чтобы к

концу года ты знал не меньше настоящего специалиста. Тот человек сказал мне, что на это способен даже я, значит, ты и подавно.

— Такая задача не потребует от меня чрезмерного напряжения ума, — сухо сказал Гесс. — Но она может оказаться серьезным испытанием для моего терпения. Впрочем, ты босс.

— Правильно. Приступай.

Выходя, Гесс холодно кивнул Джеку. Они относились друг к другу без особой симпатии; отчасти потому, что, как иногда думал Бэйнс, в некоторых отношениях были очень не похожи. Когда за ученым закрылась дверь, Джек сунул руку в карман и достал пакет из вощеной бумаги, в котором прежде — очевидно, еще и теперь — лежал платок с двумя трансмутированными[79] слезинками.

— Не надо, — сказал Бэйнс. — Я уже прочел твою записку. Выброс его. Я не хочу, чтобы кто-нибудь этим заинтересовался.

— Я выброшу, — ответил Джек. — Только сначала вспомни: Уэр сказал, что демон покинет тебя через два дня.

— Ну и что?

---

[79] Примечания: 79
Трансмутация — превращение элементов.

— Взгляни сюда.

Джек извлек из кармана платок и аккуратно расстелил его на письменном столе Бэйнса.

На куске ирландского льна на месте двух слезинок остались два темных пятна — очевидно, свинец.

5

Из-за досадного просчета Бэйнс и его люди прибыли в Эр-Рияд как раз в начале рамазана, когда арабы весь день постились и потому не были расположены заниматься делами. Затем, через двадцать девять дней, наступил трехдневный праздник, во время которого с ними также не имело смысла разговаривать. Однако, когда переговоры наконец начались, они заняли не более двух недель, как и предполагал Бэйнс. Поскольку мусульмане живут по лунному календарю, рамазан — сдвигающийся праздник, и в этом году он оказался близким по времени к Рождеству. Бэйнс полагал, что Терон Уэр, возможно, откажется встречаться с ним в столь неблагоприятный для служителей сатаны день, но у Уэра не было возражений, и он лишь заметил (в своем письме): «25-е декабря празднуют уже много веков». Гесс, усердно занимавшийся чтением, истолковал

слова Уэра как намек на недостоверность даты рождения Христа.

— Хотя в нашем мире слов я не вижу тут большой разницы, — заявил он. — Если слово «суеверие» сохранило еще свое древнее значение, оно означает замену предмета его символом, или, иными словами, факты приобретают то значение, которое мы подразумеваем, говоря о них.

— Назови это эффектом наблюдателя, — предложил Бэйнс почти серьезно. Он не собирался дискутировать ни с кем на подобные темы. Уэр не отказался встретиться с ним — вот что имело значение.

Но если для Уэра эта дата, очевидно, не представляла никаких неудобств, иначе обстояло дело с отцом Домеником, который сначала наотрез отказался отмечать ее в дьявольском логове. На несчастного монаха оказывали давление с обеих сторон, настоятель и отец Учелло, и их аргументы не теряли силу оттого, что были вполне предсказуемы; и наконец — после целой недели схоластических диспутов — они его одолели (по правде говоря, он с самого начала не сомневался в таком исходе). Собрав все свое смирение — храбрость, похоже, оставила его, — отец Доменико покинул стены монастыря, надел сандалии

(как ему было дозволено) и сел на мула. В новой кожаной сумке, скрытой под рясой, лежал «Энхиридион» Льва III; в другой сумке, покоившейся на шее мула, находились чудотворные инструменты, заново освященные, окропленные святой водой, обкуренные благовониями и завернутые в шелковую ткань. Отъезд происходил в тайне и не сопровождался никакими формальностями. Лишь настоятель знал его причину, и он с трудом удержался, чтобы не объявить для отвода глаз, будто отец Доменико изгоняется из монастыря.

В результате обеих задержек отец Доменико и команда Бэйнса прибыли в палаццо Уэра в один и тот же день — когда в Позитано разразилась единственная за последние семь дет снежная буря. Из учтивости — ибо правила этикета в таких делах имели огромное значение, в противном случае ни монах, ни колдун не осмелились бы встретиться лицом к лицу — отец Доменико был принят первым и со всеми церемониями, хотя аудиенция продолжалась недолго. Но Бэйнс (а также каждый член его команды в соответствии со своим положением) получил лучшие апартаменты. Кроме того, поскольку у Уэра не было прислуги, что могла пересечь линию, которую отец Доменико начертил у порога своей комнаты,

обслуживались только Бэйнс и его команда.

Как водится в городах южной Италии в такой день, к воротам палаццо пришли три «короля» и принесли подарки для детей, рассчитывая получить подарки для Младенца. Но там не оказалось детей, и ряженые ушли, разочарованные и озадаченные (ведь богатый американец, который, как говорили, пишет книгу о фресках Помпеи, поначалу казался довольно щедрым), но и, как ни странно, с облегчением: в эту ненастную ночь окна палаццо горели холодным зловещим светом. Потом ворота закрылись. Главные действующие лица заняли свои места; и действо началось.

Три сна

Для того чтобы стать чертом, требуется больше отваги и ума, чем полагают люди, которые получают знания из вторых рук. И лишь тот, кто убил черта в себе — после долгого упорного труда, ибо другого способа нет, — знает, что такое черт и каким чертом он мог бы быть сам, а также какую силу дают черту те, кто считает чертей иллюзией.

Книга изречений Цян Сумдуна.

6

Беседа отца Доменико продолжалась недолго и имела официальный характер. Несмотря на дурные предчувствия, монах испытывал немалое любопытство — и был разочарован, обнаружив, что колдун на вид почти ничем не отличается от обычного интеллектуала. Разве только тонзурой. Подобно Бэйнсу, отец Доменико сразу обратил на нее внимание. Но в отличие от Бэйнса, он взирал на нее с содроганием, потому что знал, для чего она нужна Уэру: волшебник вовсе не собирался передразнивать своих набожных оппонентов, просто демоны, если их на секунду оставить без внимания, могли схватить человека за волосы.

— В соответствии с соглашением, — говорил Уэр на превосходной латыни, — я, разумеется, не могу не принять вас, отче. И в других обстоятельствах я бы с удовольствием побеседовал с вами об искусстве, хотя мы и принадлежим к разным школам. Но сейчас неподходящее время. Как вы видели, у меня очень важный гость, и он хочет сделать чрезвычайный заказ.

— Я не помешаю никоим образом, — ответил отец Доменико. — И если даже мне захочется это сделать — а, очевидно, так и будет, — я знаю очень хорошо, что любое вмешательство с моей стороны лишит меня защиты.

— Я был уверен, что вы это понимаете, тем не менее рад слышать. Однако само ваше присутствие создает определенные затруднения — не только потому, что я должен объяснить его моему клиенту, но и потому, это оно неблагоприятно изменяет всю атмосферу и тем самым усложняет мою задачу. И вопреки законам гостеприимства, я могу тишь надеяться на скорейшее завершение вашей миссии.

— Я не могу выразить сожаления по поводу упомянутого вами затруднения, поскольку мое единственное желание — воспрепятствовать вашим действиям. Я могу обещать лишь строгое

соблюдение условий примирения. Что же касается срока моего пребывания, то он полностью зависит от характера заказа вашего клиента и от продолжительности вашей работы. Я уполномочен проследить за ней до конца.

— Какая досада. Хорошо еще, что я не был осчастливлен таким вниманием Монте Альбано прежде. Несомненно, замыслы мистера Бэйнса более грандиозны, чем он сам представляет. И, похоже, вам известно о них нечто такое, чего я сам не знаю.

— Это будет страшная катастрофа, уверяю вас.

— Гм. С вашей точки зрения, но не обязательно с моей. Я полагаю, вы не собираетесь предложить мне еще какую-нибудь информацию — чтобы, скажем, переубедить меня?

— Конечно, нет, — ответил отец Доменико с возмущением. — Если вас до сих пор не остановило вечное проклятие, с моей стороны было бы глупостью пытаться переубедить вас.

— Хорошо. Но ведь вам, кажется, вменяется в обязанность исцелять людские души, и если со времени последнего Собора Церковь не совершила очередного кульбита, вы впадаете в смертный грех, предполагая, что какой-то человек — пусть даже я — уже окончательно проклят.

Аргумент казался довольно сильным, но отец Доменико был тоже изощрен в казуистике:

— Я монах, а не священник, и любые сведения, которые я вам могу сообщить, скорее всего, будут потакать злу, а не противодействовать ему. При таких обстоятельствах мне трудно сделать выбор.

— Тогда позвольте мне перейти к более деловому разговору. Я еще не знаю намерений Бэйнса, но я очень хорошо знаю, что сам не являюсь силой — только посредником. И мне не к чему откусывать больше, чем я могу проглотить.

— Сейчас вы просто лукавите! — с жаром воскликнул отец Доменико. — Хорошо зная, что ни я, ни кто-либо другой не способен расширить пределы ваших возможностей, вам придется оценить их, выполняя поручение мистера Бэйнса, каким бы оно ни оказалось. Во всяком случае, я не скажу вам ничего.

— Очень хорошо, — сказал Уэр, вставая. — Я буду немного щедрее вас, отче, и поделюсь кое-какой информацией. Советую вам строго придерживаться буквы Соглашения. Одно лишнее движение — и вы попались; и едва ли что-нибудь в этом мире доставит мне большее удовольствие. Надеюсь, я выразился достаточно ясно.

Отец Доменико не нашел достойного ответа; впрочем, отвечать и не требовалось.

7

Как и предполагал Уэр, Бэйнс забеспокоился, узнав о присутствии отца Доменико, и пожелал сразу прояснить этот вопрос. Однако, когда Уэр рассказал ему о миссии монаха и о Соглашении, в рамках которого она проводилась, Бэйнс немного успокоился.

— Да, всего лишь мелкая неприятность, — согласился он, — если нам действительно не смогут помешать. В некотором смысле наш доктор Гесс выполняет сходную миссию: он также всего лишь наблюдатель, и ваше мировоззрение ему столь же чуждо, как и этому, более святому, чем мы, человеку.

— Он ненамного святее нас, — усмехнулся Уэр. — Мне тоже известно кое-что, о чем он не знает. Его ждет в будущем большой сюрприз. Однако на некоторое время нам придется мириться с его присутствием, на какое именно, зависит от вас. Итак, что же вы хотите на этот раз, доктор Бэйнс?

— Две вещи. И одна зависит от другой. Во-первых, смерти Альберта Штокхаузена.

— Специалиста по антиматерии? Какая жалость. Он мне нравится, и, кроме того, кое-что в его работе представляет непосредственный интерес для меня.

— Вы отказываетесь?

— Нет, во всяком случае, пока. Но теперь я задам вам вопрос, который обещал задать в подобном случае. Какова ваша цель?

— У меня долгосрочные планы, доктор Уэр. В настоящий момент моя заинтересованность в смерти Штокхаузена носит чисто деловой характер. Он подбирается к тому направлению, которое полностью контролируется нашей компанией. Мы не хотим утратить монополию на это знание.

— И вы хотите удержать в секрете то, что основано на естественных законах? После провала Мак-Карти, казалось бы, любой разумный американец должен был понять это. Доктор Штокхаузен не занимается техническими деталями — ничем из того, что могла бы запатентовать ваша фирма.

— Да, законы природы нельзя запатентовать, — согласился Бейнс — И мы уже знаем, что такое открытие нельзя вечно хранить в тайне. Но чтобы воспользоваться им наилучшим образом, нам нужно еще лет пять. Никто, кроме Штокхаузена,

не подошел к нему вплотную и, скорее всего, не подойдет в ближайшее время. Мы сами наткнулись на него случайно; у нас нет ученых такого уровня, как Штокхаузен.

— Понимаю. Пожалуй… ваш проект имеет и привлекательную сторону. Я думаю, вполне можно будет убедить отца Доменико, что именно это и есть ваша единственная цель. Конечно, я много раз занимался подобной работой, не вызывая усиленный интерес в Монте Альбано, но, если показать монаху наши грандиозные приготовления и сложные действия он, возможно, поверит и уберется восвояси.

— Это было бы неплохо, — согласился Бэйнс. — Весь вопрос в том, сможете ли вы ввести его в заблуждение.

— Попробовать стоит, работа действительно будет сложной — и дорогой.

— Почему? — спросил Джек Гинзберг, он так резко выпрямился в своем резном флорентийском кресле, что даже скрипнула шелковая обивка. — Не говорите нам, будто его смерть затронет тысячи людей. Насколько мне известно, никто не подал бы за него ни одного голоса.

— Перестань, Джек.

— Нет, подождите, это разумный вопрос, — воз-

разил Уэр. — У доктора Штокхаузена большая семья, которую я должен принять во внимание. Кроме того, как я уже говорил, его компания иногда была мне приятна — не настолько, чтобы отказаться от вашего заказа, но достаточно, чтобы повысить цену.

— Однако это не главное затруднение. Дело в том, что доктор Штокхаузен, как и многие современные физики-теоретики, человек набожный, — к тому же его грехи немногочисленны и малозначительны, они едва ли способны привлечь внимание преисподней. Я проверю эти сведения еще раз, но, во всяком случае, так было ровно шесть месяцев назад, и я бы удивился, если бы с тех пор что-нибудь изменилось. Он не принадлежит ни к какой формальной конгрегации, тем не менее трудно будет послать к нему демонов — и он еще, может быть, защищен от прямого нападения.

— Надежно?

— Все зависит от того, какие силы в этом участвуют. Может быть, вам подойдет целое сражение, которое уничтожит половину Дюссельдорфа? Бомбовый удар, пожалуй, обойдется дешевле.

— Нет, нет. Не должно быть никаких лабораторных катастроф: это может привлечь излишний

интерес к его работам. Все дело вот в чем: если Штокхаузен знает то, что знаем мы, он мог бы произвести грандиозный взрыв с помощью, скажем, эквивалента доски и пары кусков мела. Нет ли другого способа?

— Люди есть люди, всегда есть другой способ. В данном случае придется его соблазнить. Я знаю, по крайней мере, одно эффективное средство. Но он может избежать падения. И даже если не избежит — что наиболее вероятно, — дело займет несколько месяцев. Впрочем, это будет не так уж плохо, потому что поможет ввести в заблуждение отца Доменико.

— И сколько это будет стоить? — спросил Джек Гинзберг.

— Ну, скажем, около восьми миллионов. На сей раз только чистый гонорар, поскольку особых дополнительных расходов, вероятно, не будет. А если и будут, я возьму их на себя.

— Очень любезно, — ехидно заметил Джек. Уэр не обратил внимания на его сарказм.

Бэйнс сделал вид, будто обдумывает поставленные условия, но он был вполне доволен. Убийство доктора Штокхаузена являлось лишь повторным испытанием и не имело такого важного значения, как смерть губернатора Рогана, но зато

затрагивало совсем другую социальную сферу. «Консолидейтед Варфэр Сервис» получала вполне реальную выгоду, и Бэйнсу не пришлось придумывать какой-то мотив, который мог вызвать у Уэра дополнительные — и преждевременные — вопросы; и, наконец, возражения, выдвинутые Уэром, хотя отчасти и неожиданные, полностью соответствовали тому, что волшебник говорил прежде, его стилю, его характеру, несмотря на всю очевидную сложность этого человека.

Вот и хорошо, Бэйнс любил таких интеллектуалов и хотел бы иметь их побольше в своей организации. Они все отличались своего рода фанатизмом и в самый решающий момент предоставляли удобный случай управлять ими. Уэр пока еще не обнаружил свое слабое место, но обнаружит, обязательно обнаружит.

— Согласен, — сказал Бэйнс после не более чем двух секунд притворного колебания. — Однако я хочу наполнить вам, доктор Уэр, что одним из моих условий является пребывание здесь доктора Гесса. Я хочу, чтобы вы позволили ему наблюдать за вашими действиями.

— О, с удовольствием, — ответил Уэр с улыбкой, которая немного встревожила Бэйнса; она казалась фальшивой, даже приторной, хотя Уэр

достаточно владел собой, чтобы при желании скрыть эту фальшь.

— Я уверен, ему понравится. Вы все можете наблюдать, если хотите. Я, пожалуй, приглашу даже отца Доменико.

8

На следующее утро доктор Гесс прибыл точно в назначенное время, чтобы осмотреть рабочую комнату и оборудование. Приветствовав его деловым кивком («Чепуха, какая чепуха!» — пронеслось в голове у Гесса) Уэр подвел его к тяжелым парчовым шторам своего кабинета, за которыми оказалась массивная окованная медью дверь, очевидно, из кипарисового дерева. Огромный дверной молоток был украшен изображением лица, напоминавшего трагическую маску, только глаза имели кошачьи зрачки.

Гесс считал, что подготовился ко всему и ничто не способно его удивить, и все же он поразился, когда после прикосновений Уэра лицо на дверной ручке изменило выражение, несильно, но достаточно заметно. Очевидно, предвидя изумление Гесса, Уэр, не оборачиваясь, пояснил:

— Тут, пожалуй, нечего воровать, но если какой-нибудь предмет будет похищен, мне придется

потратить много сил, чтобы заменить его новым, хотя вор не получит никакой выгоды. К тому же существует проблема осквернения — одно невежественное прикосновение может свести на нет труд многих месяцев. В этом отношении моя рабочая комната подобна микробиологической лаборатории. А Страж ее охраняет.

— Да, для вас нет магазина запасных частей, — согласился Гесс, приходя в себя.

— Нет, и не может быть даже теоретически. Чародей должен делать все сам — теперь это не так просто, как в средние века, когда изготовление своих инструментов было привычным делом для большинства образованных людей. Пойдемте.

Дверь открылась, словно кто-то тянул ее изнутри, медленно и бесшумно. Сначала Гесс лишь увидел красноватый полумрак, но Уэр нажал на выключатель, послышался шелест, напоминающий журчание воды, и комнату залил солнечный свет.

Гесс понял, почему Уэр выбрал именно это здание, а не какое-нибудь другое. Комната представляла собой грандиозный обеденный зал в сьенском стиле, в лучшие времена здесь, очевидно, пировало десятка три аристократов. Другого такого огромного зала не нашлось бы в Позитано,

хотя сам дом не отличался большими размерами. Сквозь окна, расположенные под потолком вдоль всех четырех стен, лился солнечный свет. С карнизов свешивались монотонные занавеси из красного вельвета. Они-то и шелестели, раздвигаясь, когда Уэр нажал на выключатель.

В дальнем конце комнаты находилась другая дверь, широкая и также закрытая шторами; Гесс предположил, что она вела в кладовую или на кухню. Слева от нее стояла средних размеров современная электрическая печь, и рядом — наковальня с молотом, который выглядел, пожалуй, слишком тяжелым для Уэра. С другой стороны от печи стояло несколько маркированных лоханей, очевидно, служивших для закалки металла.

Справа от двери располагался черный химический стол, оснащенный водопроводными кранами и раковинами, а также трубами для светильного газа, вакуума и сжатого воздуха; Уэр, очевидно, устанавливал для них собственные насосы. Над столом на задней стене крепились полки с реактивами; справа на колышках в боковой стене сушилась стеклянная посуда и висели резиновые трубки.

У этой же стены ближе ко входу стояла кафедра, на которой лежала огромная книга в красном

кожаном переплете с застежками. Обложку украшал какой-то тисненый золотой рисунок, но Гесс не мог его разобрать издали. По обе стороны от кафедры находились два подсвечника с толстыми свечами, уже явно долго использовавшимися, хотя на всех стенах висели электрические лампы с абажурами и еще одна, настольная, лампа стояла на письменном столе рядом с кафедрой. Тут лежала и другая книга, меньшего формата, но почти такая же толстая. Гесс узнал ее сразу: «Руководство по химии и физике», сорок седьмое издание, вещь столь же обычная в лабораториях, как пробирка. Здесь были и гусиные перья с роговыми чернильницами.

— Теперь вы можете видеть, что я подразумевал под изготовлением инструментов, — сказал Уэр. — Конечно, я разбиваю много посуды — как любой обычный химик. Но если мне, к примеру, нужен новый меч, — он показал на электрическую печь, — я должен выковать его сам. Я не могу купить его в лавке антиквариата. И это немалая работа. Как сказал один современный писатель, единственным приемлемым символом острого меча является острый меч.

— М-м, — произнес Гесс, продолжая оглядываться по сторонам. У левой стены напротив

кафедры стоял длинный массивный стол. На нем были аккуратно разложены разные предметы размером от шести дюймов до трех примерно футов, плотно завернутые в красный шелк с какими-то надписями — Гесс не разобрал их. На стене возле стола висел шкафчик для мечей. Обстановку довершали несколько стульев; похоже, Уэр редко работал сидя. На паркетном полу в средней части комнаты еще оставались полустертые следы цветного мела — Уэр недовольно покосился на них.

— Завернутые инструменты уже приготовлены к работе, и я лучше не стану их разворачивать, — сказал волшебник, подходя к шкафчику с мечами. — Но у меня, конечно, есть запасные, и их я вам покажу.

Он открыл дверцу шкафчика, и Гесс увидел набор клинков, расположенных по размеру, — всего тринадцать. Некоторые из них были, несомненно, мечами; другие скорее напоминали сапожный инструмент.

— Порядок их изготовления тоже имеет значение, — продолжал Уэр, — потому что, как вы видите, большинство из них снабжено надписями, и важно, какой инструмент их делает. Таким образом, я начал с инструмента без надписи, вот

этого, он называется боллин, или серп, и применяется чаще всего. Ритуалы бывают разные, но тот, который я использую, нужно начинать с девственной сталью. Она накаляется трижды и погружается в смесь сорочьей крови и сока травы, именуемой «фуароль»[80].

— «Primorium verum» советует использовать кровь крота и сок очного цвета, — заметил Гесс.

— О, вы кое-что читали. Я пробовал, но лезвие получается не очень хорошим.

— Я думаю, вы получили бы лучшее качество режущей кромки, если бы определили действующие компоненты и использовали их. Вспомните: дамасскую сталь закаливали, погружая ее в тело раба. Это действовало, но современные закаливающие составы гораздо эффективнее, и в вашем случае не потребовалось бы постоянно ловить множество животных.

— Аналогия не совсем удачная, — возразил Уэр. — Она имела бы смысл, если бы целью была только закалка и если бы вся операция совершалась лишь ради соблюдения правила Парацель-са: «Altenus поп sit qui suus esse petest» — делай сам то, что не можешь доверить другим.

---

[80] Примечания: 80
Однолетняя перелеска.

И той и другой цели я могу достичь и другим способом. Но в магии важную роль играют кровавые жертвоприношения — то, что можно назвать закалкой не только стали, но и самого мага.

— Понимаю. И видимо, это имеет символическое значение.

— В колдовстве все имеет символическое значение. Таким же образом, как вы, вероятно, читали, ковка и закалка должна совершаться в среду, в первом или восьмом часу дня, или в третьем или десятом часу ночи, при полной Луне. Здесь опять преследуется чисто практическая цель — ибо, уверяю вас, космические процессы оказывают воздействие на то, что происходит на Земле, — но также и психологические: подчинение каждого шага строгой дисциплине. Колдовские книги и другие руководства столь запутаны и противоречивы, что совершенно невозможно определить, какие действия существенны, а какие нет, и на исследование таких вопросов едва ли хватит жизни.

— Ладно, — сказал Гесс, — продолжайте.

— Затем изготовляется и насаживается роговая рукоять, опять особым образом и в определенный час, затем она обрабатывается также в определенный день и час. Кстати, вы упомянули другие

закаливающие составы. Очевидно, при их использовании день и час также должны быть другими, и опять возникает вопрос: что существенно, а что нет? Далее надо произнести три заклинания, совершить три поклона и прочитать предохраняющий заговор. Затем инструмент окропляют, заворачивают и окуривают — не в современном смысле, я имею в виду, что его окуривают благовониями. Тогда он готов к употреблению. После применения его нужно очистить и заново освятить; в этом и состоит различие между завернутыми инструментами, которые лежат на столе, и теми, что висят здесь, в шкафу. Я не буду вдаваться в подробности подготовки остальных инструментов. После них я делаю перо, потом чернильницы и чернила — для очевидных целей, и для тех же самых целей резец. Остальные в том порядке, как они висят здесь (а не в том, в котором изготавливаются), это — нож с белой ручкой, он, подобно боллину, является почти универсальным инструментом… нож с черной ручкой, служит почти исключительно для прочерчивания круга… стилет, в основном, для изготовления деревянных ножей, используемых при дублении… волшебный, или поражающий жезл, — название говорит само за себя… ланцет

- тоже все понятно… посох, сдерживающий инструмент, вроде пастушеского кнута… и, наконец, четыре меча, один для мастера, а остальные для его ассистентов, если они имеются.

Спросив у Уэра разрешения, Гесс наклонился, чтобы рассмотреть надписи на инструментах. Кое-что можно было без труда прочесть: например, слово «Михаил» на эфесе меча, предназначенного для мастера, а на его клинке — «Элохим Гибор» (от острия к рукоятке). Однако знаки, начертанные на рукоятке белого ножа, оказались менее понятными.

Гесс указал на нее и на другую, столь же загадочную надпись на ручке стилета, повторявшуюся и на ручке ланцета.

— Что означает эта надпись?

— Что означает? Она едва ли что-нибудь означает. Тут начертаны искаженные еврейские буквы, первоначально входившие в состав различных имен Бога. Я мог бы вам их назвать, но на самом деле эти буквы больше не имеют смысла — они просто должны быть здесь.

— Суеверие, — пробормотал Гесс, вспоминая свой разговор с Бэйнсом, когда они пытались истолковать замечание Уэра по поводу Рождества.

— Совершенно верно, в чистом виде. Это явле-

ние столь же фундаментальное в искусстве, как эволюция в биологии. Теперь, если вы подойдете сюда, я покажу другие вещи, способные вас заинтересовать.

Он направился через всю комнату по диагонали к химическому столу, но задержался, чтобы стереть подошвой своей туфли остатки меловых линий на полу.

— Я могу предложить новый перевод того афоризма Парацельса, — сказал он, — «Хороших слуг больше не бывает». Во всяком случае, умеющих пользоваться шваброй… Вероятно, большинство этих реактивов всем знакомо, но некоторые из них специфичны для искусства. Вот, например, очищенная вода, которая, как вы видите, нужна мне в больших количествах. Она обязательно должна быть из реки. Негашеная известь для дубления.

Некоторые специалисты, де Камп, к примеру, скажут вам, что «девственный пергамент» просто означает пергамент, на котором еще никогда не писали, но это не так. Все колдовские книги настаивают на использовании кожи животного мужского пола, которое никогда не спаривалось.

В «Clavicula Solomonis»[81] также говорится о пергаменте из кожи новорожденных животных или из человеческой плаценты. Для дубления я должен растолочь соль после того, как над ней совершат обычные обряды. Свечи, которыми я пользуюсь, изготавливаются из первого воска, взятого в новом улье. Если мне нужны фигуры, я должен слепить их из глины, вырытой голыми руками, и размять ее также без помощи и инструментов. И так далее.

Я упоминал окропление, или опрыскивание, и окуривание. Опрыскивание должно совершаться с помощью кропила — пучка трав. Набор трав зависит от вида ритуала, и, как видите, у меня тут неплохой выбор: мята, майоран, розмарин, вербена, барвинок, шалфей, валериана, ясень, базилик, иссоп. Для окуривания чаще всего используют алоэ, сандал, сушеную кожуру мускатного ореха, стиракс, бензоин. Иногда бывает необходимо готовить зловоние, (например для окуривания плаценты), у меня есть соответствующая коллекция.

Уэр резко развернулся, едва не наступив Гессу на ногу, и зашагал к выходу. Гессу ничего не оста-

---

[81] Примечания: 81
«Малый ключ Соломона».

валось, как только последовать за ним.

— Все требует специальных приготовлений, — продолжал Уэр на ходу, — даже дрова, если я хочу сделать чернила для заключения соглашений. Но перечислять все это не имеет смысла; я уверен, вы поняли принцип.

Гесс почти бежал сзади, но он еще отставал от мага на несколько шагов, когда оконные занавеси снова закрылись и в комнате опять воцарился сумрак. Уэр остановился, поджидая Гесса, и как только тот прошел в дверь, сразу же затворил ее и направился к своему креслу. Гесс в недоумении обошел большой письменный стол и сел в одно из флорентийских кресел, предназначенных для гостей и клиентов.

— Весьма познавательно, — вежливо сказал он. — Благодарю вас.

— Да, пожалуйста, — Уэр положил локти на стол и, полуприкрыв глаза, приложил концы пальцев к губам. На его обритой макушке и бровях появились капельки пота, и он казался бледнее обычного. Вскоре Гесс заметил, что маг, кажется, старается восстановить контроль над своим дыханием. Гесс с любопытством наблюдал за ним, пытаясь понять, что происходит. Однако уже через несколько секунд Уэр поднял глаза

и, слегка улыбнувшись, сам предложил объяснения.

— Извините меня. Во время обучения мы приучаемся к секретности. Я совершенно уверен, что она уже не нужна, с тех пор как исчезла инквизиция, но старые предрассудки преодолеть труднее всего. Надеюсь, вы не обиделись?

— Нисколько, — уверил его Гесс. — Но если вам нужно отдохнуть…

— Нет, я вполне смогу отдохнуть и побыть в одиночестве в ближайшие три дня, пока буду готовиться к выполнению заказа доктора Бэйнса. Так что если у вас еще есть вопросы, теперь самое время их задать.

— Видите ли… У меня пока нет технических вопросов. Но мне бы хотелось узнать ответ на вопрос, который вам задал Бэйнс во время вашей первой встречи — я думаю, нет смысла делать вид, будто я не слышал запись. Меня так же, как и его, интересуют ваши мотивы. Из всего увиденного и услышанного здесь я могу заключить, что вы затратили колоссальные усилия на овладение вашим искусством и что вы верите в него. Сейчас не имеет значения, верю ли я в него; вопрос в том, насколько я верю вам. Ваша лаборатория — отнюдь не мистификация, она, очевидно, не

служит только для вымогательства. Судя по всему, вы здесь работаете над чем-то, по вашему мнению, весьма важным. Признаюсь, я приехал сюда, чтобы посмеяться — и даже попробовать разоблачить вас, — и я еще не могу поверить, что вы таким образом получите какой-то ощутимый результат. Но я не сомневаюсь в вашей вере.

— Благодарю вас. Продолжайте, — кивнул Уэр.

— У меня остался только один вопрос. Вам не нужны деньги, непохоже, чтобы вы коллекционировали произведения искусств или любили женщин, вы не собираетесь стать Президентом Мира — и тем не менее вы посвятили все свои силы тому, что связано с подобными вещами. Ради чего?

— Я мог бы обойти ваш вопрос, — ответил Уэр. — Например, я мог бы заметить, что при определенных обстоятельствах я способен продлить свою жизнь лет до семисот и, таким образом, пока не беспокоиться о возможных неприятностях после смерти. Я также мог бы напомнить вам — вы, несомненно, об этом читал, — что каждый маг надеется в конце концов обмануть ад, как некоторые уже и сделали, преспокойно заняв места в календаре в качестве настоящих святых.

— Но на самом деле, доктор Гесс, моя глав-

ная цель иная, и она, я думаю, стоит риска. Вам нетрудно будет понять ее, потому что ради этой же цели вы продали свою душу, или, если хотите несколько менее затасканное слово, вашу целостность доктору Бэйнсу — ради знания.

— Хмм. Но существуют более легкие пути.

— Едва ли вы сами в это верите. Вы полагаете, что могут быть более надежные пути, такие, как научный метод, но не считайте их более простыми. Я сам глубоко чту научный метод, но, к сожалению, он не дает мне то знание, которого я ищу. И хотя это тоже знание об устройстве Вселенной и ее законах, но ни одна точная наука не может мне его дать, потому что науки не признают тот факт, что некоторые силы природы являются личностями. И без общения с такими личностями я никогда не смогу узнать интересующие меня вещи.

— Этот вид исследования столь же дорог, как финансируемые правительствами опыты на ускорителях элементарных частиц, и едва ли мне удалось бы заставить какое-нибудь правительство финансировать его. Но люди вроде доктора Бэйнса могли бы мне помочь — так же, как они помогают вам.

— В конце концов, я могу заплатить драгоцен-

ностью, которую не купить ни за какие деньги. В отличие от Макбета, я знаю, что нельзя «пропустить жизнь мимо». Но даже если дойдет до этого, доктор Гесс, — а, возможно, так и будет — я возьму свое знание с собой, и такой цены мне будет достаточно. Иными словами, как вы и подозревали, я фанатик.

Неожиданно для самого себя Гесс пробормотал:

— Да. Да, конечно… я тоже.

9

Отец Доменико лежал без сна в кровати и смотрел на розовый потолок. Сегодня была та ночь, ради которой он сюда прибыл: Уэр провел три дня поста, очищения и молитвы — очевидно, представлявших собой богохульную пародию на известные образы Церкви, если не по содержанию, то, по крайней мере, по намерению, — и объявил, что готов действовать. По-видимому, он решил позволить Бэйнсу и двум его отвратительным подручным наблюдать за колдовством. Собирался ли он пригласить на церемонию и отца Доменико? Напрасный труд, конечно, но и большое облегчение для Уэра. На его месте отец Доменико, пожалуй, поступил бы именно так.

Но даже здесь, вдали от места действия, воспользовавшись всеми известными ему способами защиты, отец Доменико ощущал гнетущее молчание, напоминавшее затишье перед бурей. Такое чувство всегда предшествовало общению с одной из Небесных Сил, но никогда оно не казалось столь зловещим и не сопровождалось предчувствием беды. Только достаточно ли заметной была разница — ощутил бы он ее, если бы не знал о готовящемся злодеянии? Нет, такие проблемы лучше оставить епископу Беркли и логикам-позитивистам. Отец Доменико знал, что готовится страшное сверхъестественное убийство, и не мог ничего поделать, только дрожал в своей постели.

Где-то в другом конце палаццо послышался тихий серебряный звон часов. Десять часов вечера. Четвертый час Сатурна в день Сатурна, час наиболее благоприятный — как писал даже безобидный, жалкий Петер де Абано — для проявления ненависти, вражды и раздора. А отцу Доменико Соглашение запрещало даже молиться о предотвращении злодеяния.

Часы — старинный прибор с двумя стрелками, стоявший за дверью, — пробили один раз и умолкли; и Уэр раздвинул парчовые шторы.

До сих пор Бэйнс чувствовал себя глупо в белом льняном одеянии, которое ему пришлось надеть по настоянию Уэра, но он оживился, увидев Джека Гинзберга и доктора Гесса в таких же балахонах. Что касается Уэра, в своей белой одежде Левита с красной шелковой вышивкой на груди, белой обуви и бумажной короне с единственной буквой Е, он казался забавным или ужасным, в зависимости от того, как рассматривать происходящее. Его пояс шириной в три дюйма был сделан из какой-то мохнатой шкуры и окраской напоминал льва. За поясом торчал завернутый в красное предмет, похожий на скипетр — Бейнс предположил, что это жезл силы, о котором он узнал от Гесса.

— А теперь вы должны облачиться, — почти прошептал Уэр. — Доктор Бэйнс, на письменном столе найдете три одеяния. Возьмите сначала одно, потом другое и затем третье. Передайте два доктору Гессу и мистеру Гинзбергу. Оставшееся наденьте сами.

Бэйнс взялся за кучу платья, в его руках оказался стихарь.

— Возьмитесь за полы ваших одежд и поднимите их над головой. При слове «аминь» опустите их. Итак: Антон, Аматер, Эмитес, Теодониэл, Понкор,

Пагор, Анитор, силою этих святых ангелических имен я облачаюсь, о Царь Царей, в Одежду Силы, дабы я мог совершать, вплоть до пределов их власти, все дела, которые я хочу совершить с помощью Тебя, Идеоданиах, Памор, Плайор, Царь Царей, чьи царство и власть пребудут во веки веков. Аминь.

Одежды с шелестом опустились, и Уэр открыл дверь.

Комната едва освещалась желтоватым светом свечей и, на первый взгляд, ничем не напоминала ту, которую Гесс описывал Бэйнсу. Однако, когда глаза привыкли к темноте, Бэйнс постепенно увидел знакомые очертания предметов. Углы комнаты скрывались в темноте, и обстановка незначительно изменилась: только кафедра и подсвечники — теперь их стало четыре вместо двух — были отодвинуты от стен.

Но колеблющиеся тени и слабый тошнотворный запах совсем не соответствовали тому представлению о комнате, которое составил Бэйнс по рассказу Гесса. Центральное место занимал не какой-то предмет обстановки, а рисунок, начерченный на полу чем-то вроде извести для побелки: две большие концентрические окружности, а между ними бесчисленное множество

слов, написанных, насколько Бэйнс мог судить, еврейскими, греческими, этрусскими или даже вовсе не человеческими буквами. Кое-что было написано и по-латыни — очевидно, какие-то имена, незнакомые Бэйнсу; а за пределами внешней черты были выписаны астрологические знаки в зодиакальном порядке, только Сатурн оказался на севере.

В самом центре рисунка находился квадрат со стороной в два фута; у каждого угла располагались стилизованные кресты, мало похожие на христианские; снаружи от крестов — четыре шестиконечные звезды, касающиеся внутреннего круга. В центре каждой из звезд на востоке, западе и юге стояла греческая буква «тау», вероятно, также и на севере, но центр гексаграммы как раз напротив знака Сатурна скрывала некая темная пушистая масса.

Вне кругов в соответствии с основными направлениями компаса располагались четыре пентаграммы с надписями на лучах: TE TRA JRMM MA TON, а в центрах пентаграмм стояли свечи. В трех футах от круга к северу был нарисован другой круг в треугольнике, весь исписанный внутри и снаружи. Бэйнс разглядел лишь буквы N1 CH EL в углах треугольника.

— Займите места, — прошептал Уэр, указывая на круг.

Он прошел к длинному столу, о котором говорил Гесс, и скрылся во мраке. Как было условлено, Бэйнс вступил в круг и встал в центре западной звезды, затем Гесс занял восточную и, наконец, Гинзберг нехотя побрел к южной. Пушистая масса на северной звезде беспокойно пошевелилась и вздохнула, заставив подскочить Джека Гинзберга. Бэйнс присмотрелся: возможно, это был всего лишь кот, что вполне соответствует традициям, но при такой освещенности он выглядел скорее как барсук. Во всяком случае, какое-то безобразно жирное существо.

Уэр появился снова с мечом в руке. Он вступил в круг, очертил его концом меча и прошел к центральному квадрату, где положил меч у носков своих туфель; затем достал из-за пояса жезл и снял с него красную шелковую ткань, повесив ее себе на плечо.

— С этого момента, — сказал он обычным голосом, — никто не должен двигаться.

Откуда-то из одежд он извлек небольшой тигель и поставил на жаровню возле своих ног перед лежащим мечом. Из тигеля поднялся маленький огонек голубого пламени. У эр бросил в

него благовония и произнес:

— Голокауст, Голокауст, Голокауст[82].

Пламя слегка поднялось.

— Мы вызываем Мархозиаса, великого магистра Нисходящей Иерархии, — продолжал Уэр обычным голосом. — До своего падения он принадлежал к ангельскому чину Властей и через двенадцать столетий собирается возвратиться к Семи Престолам. Его добродетель в том, что он дает истинные ответы. Не двигайтесь!

Резким движением Уэр поднес конец жезла к пламени, и тотчас же послышалось протяжное скорбное завывание. Перекрикивая звериные вопли, Уэр крикнул:

— Я заклинаю тебя, великий Мархозиас, посланец Императора Люцифера и его возлюбленного сына Люцефуге Рофокале властью договора, который я заключил с тобой, и именами Адонай, Элгоим, Тагла, Матон, Альмузин, Ариос, Питона, Маготс, Сильфе, Табонс, Саламандре, Гномус, Терре, Целиус, Годенс, Аква, а также целого сонма высших существ, которые должны побудить тебя явиться помимо твоей воли, venite, venite[83]

---

[82] Примечания: 82
«Жертва всесожжения».

[83] Примечания: 83
«Приди» (латин.).

субмиритиллор Мархозиас.

Шум усилился, и из тигля начал выходить зеленый дым. В комнате запахло так, словно кто-то зажег оленьи рога или рыбьи пузыри. Но другого ответа не последовало. Уэр с бледным перекошенным лицом хрипло прокричал сквозь шум:

— Я заклинаю тебя, Мархозиас, силой договора и именами, явись немедленно! — Он снова опустил конец жезла в огонь. Комната огласилась чуткими воплями, но видение все еще не являлось.

— Теперь я заклинаю тебя, Люцифуге Рофокале, и повелеваю тебе как посланцу Царя и Императора Царей: приведи ко мне Мархозиаса, заставь его покинуть свое убежище, где бы оно ни находилось. И предостерегаю тебя…

Жезл снова погрузился в пламя. В тот же миг палаццо покачнулось, словно под ним содрогнулась земля.

— Остановись, — прохрипел Уэр.

Кто-то другой сказал:

— Перестань, я здесь. Чего ты хочешь от меня? Зачем нарушаешь мой покой? Оставь моего Отца и придержи свой жезл.

Никогда еще Бэйнс не слышал подобного голоса — казалось, слова исходили из тлеющего пепла.

— Если бы ты явился по первому моему зову, я не стал бы терзать тебя и не позвал бы твоего Отца, — сказал Уэр. — Помни: если ты не выполнишь моего приказа, я снова опущу жезл в огонь.

— Думай и смотри!

Палаццо снова содрогнулось. Потом из середины северо-западного треугольника медленно поднялось облако желтого дыма, заставив всех, даже Уэра, закашлять. Когда оно начало рассеиваться, за ним поднялась какая-то фигура. Бэйнс не мог поверить своим глазам, увидев нечто вроде волчицы, огромной и серой, с горящими зеленоватым светом глазами. От нее веяло холодом.

Облако продолжало рассеиваться. Волчица смотрела на Уэра и его гостей, медленно расправляя свои огромные, как у грифа, крылья. Ее змеиный хвост извивался, поблескивая чешуей.

Большой абиссинский кот, занимавший гексаграмму в северном секторе, сел и обернулся к чудовищу. Демоническая волчица оскалилась и изрыгнула пламя. Кот равнодушно смотрел на нее.

— Остановись во имя Печати, — потребовал Уэр. — Остановись и смени личину, иначе я

ввергну тебя обратно туда, откуда ты пришел. Я приказываю тебе.

Волчица исчезла. На ее месте остался лишь скромного вида толстый человечек в весьма приличном галстуке — больше на нем ничего не было.

— Извините, босс, — проговорил он заискивающим голосом. — Я уж стараюсь, как могу, вы же знаете, в чем дело.

— Не пытайся улестить меня, глупое видение, — резко ответил Уэр. — Я требую, чтобы ты сменил личину. Не трать понапрасну время твоего Отца и мое! Смени личину!

Человечек высунул язык, который показался медно-зеленым. И уже в треугольнике стоял мужчина с черной бородой, облаченный в темно-зеленую мантию с горностаевой оторочкой; корона на голове сверкала так, что у Бэйнса заболели глаза. По комнате стал медленно распространяться запах сандала.

— Это лучше, — кивнул Уэр. — Теперь я повелеваю тебе твоими именами, которые я упоминал, и теми муками, которые тебе хорошо известны: обрати свой взор на смертного, чей образ я держу в своей руке, и когда я отпущу тебя, немедленно отправляйся к нему, так чтобы он не узнал

о твоем присутствии, явись, словно из его собственной души, видением и познанием великой запредельной пустоты, скрывающейся за теми знаками, которые он зовет материей и энергией, как ты сам увидишь в его мыслях. И ты должен оставаться с ним и беспрестанно усиливать его отчаяние, покуда он не исполнится презрения к своей душе за ее жалкие стремления — и тогда истреби жизнь в его теле.

— Я не в силах сделать того, что ты требуешь, — ответила коронованная фигура глубоким и неожиданно глухим голосом.

— Отказ не принесет тебе пользы, — предостерег Уэр. — Ибо если ты тотчас же не отправишься и не исполнишь моего приказания, тогда я не отпущу тебя, но буду держать здесь до донца моей жизни и подвергать тебя ежедневным мукам, как позволил мне твой Отец.

— Твоя жизнь, даже если она продлится семьсот лет, для меня всего лишь день, — возразил демон. Когда он говорил, из его ноздрей сыпались искры — И муки, которыми ты грозишь, ничто по сравнению с тем, что я вытерпел с тех пор, как проклюнулось яйцо мироздания и наступил первый Вечер.

Вместо ответа Уэр вновь опустил жезл силы в

пламя, которое, к удивлению Бэйнса, нисколько не опалило жезл. Но коронованная фигура скорчилась и отчаянно завопила. Уэр поднял жезл, правда, лишь на ширину ладони.

— Я пойду, куда ты прикажешь, — угрюмо согласился демон. Ненависть исходила из него подобно лаве.

— Если все не будет исполнено в точности, я снова вызову тебя, — заявил Уэр, — но если ты это исполнишь, то сохранится бессмертная сущность соблазненного тобой человека, который пока безупречен перед лицом Небес и потому представляет большую ценность.

— Но этого недостаточно, — возразил демон. — Ибо, как гласит договор, ты должен дать мне кое-что из твоих запасов.

— Ты поздно вспоминаешь о договоре, — заметил Уэр, — Но знай, маркиз, я поступлю с тобой честно. Вот.

Он достал из-за пазухи какой-то небольшой бесцветный предмет, который засиял от света свечи. Сначала Бэйнс принял его за бриллиант, но потом увидел, что это хрустальная вазочка, самая маленькая из всех, какие доводилось когда-либо видеть ему, закрытая крышкой и наполненная какой-то жидкостью. Уэр бросил ее кипевшему

от злобы существу, которое — опять к удивлению Бэйнса, поскольку он уже успел забыть, что человек в короне сначала явился в виде зверя, — ловко поймало ее ртом и проглотило.

— Ты только дразнишь меня, — проворчало видение. — Когда ты попадешь ко мне в Ад, волшебник, я выпью тебя досуха, хотя ты и скуп на слезы.

— Твои угрозы мне не страшны. Я не предназначен тебе, даже если ты увидишь меня когда-нибудь в Аду, — возразил Уэр. — Довольно, неблагодарное чудовище. Прекрати пустую болтовню и делай свое дело. Я отпускаю тебя.

Коронованная фигура зарычала и внезапно обратилась опять в ту же волчицу, которой явилась сначала. Она изрыгнула пламя, которое, однако, не могло пересечь границу треугольника и вместо этого собралось в виде огромного шара вокруг самого демона. Тем не менее Бэйнс почувствовал жар. Уэр поднял жезл.

Пол внутри вписанного в треугольник круга исчез. Видение сложило свои медные крылья и камнем рухнуло в дыру, которая тут же с оглушительным грохотом сомкнулась.

Потом наступила тишина. Когда у Бэйнса перестало звенеть в ушах, он уловил отдаленный

монотонный звук, как будто кто-то поставил на улице перед палаццо машину с невыключенным мотором. Но Бэйнс тут же понял, что это было: огромный кот мурлыкал; он наблюдал за всем происходившим лишь с серьезным интересом. Так же, как, по-видимому, и Гесса, Гинзберга трясло, и он с трудом остался на своем месте. Хотя Бэйнс никогда прежде не видел испуганного Джека, он едва ли мог упрекнуть своего помощника, потому что сам ощущал тошноту и головокружение, словно одно лишь созерцание Мархозиаса требовало не меньше усилий, чем многодневный подъем на гималайскую вершину.

— Все кончено, — объявил Уэр шепотом. Он выглядел сильно постаревшим. Взяв меч, он перечеркнул им диаграмму. — Теперь мы должны ждать. Я буду две недели жить в уединении. Потом мы побеседуем еще. Круг открыт. Можете выходить.

Отец Доменико услышал грохот, далекий и приглушенный, и понял, что колдовство свершилось — и по-прежнему не мог даже помолиться о душе несчастной жертвы (или «пациента», в чисто аристотелевой терминологии Уэра). Он сел, свесив ноги с постели и с трудом дыша застоявшимся, пахнувшим мускусом воздухом, потом

встал, подошел к сумке и открыл ее.

Почему Бог так связал ему руки, почему он вообще допустил такой компромисс, как Соглашение? Оно предполагало, по крайней мере, ограничение Его власти, не допустимое, согласно догмату о Всемогуществе, которое грешно даже ставить под сомнение, или, еще хуже, некую двусмысленность в Его отношениях с Адом, не совместимую с известным ответом на Проблему Зла.

О последней возможности даже думать было невыносимо. Очевидно, из-за здешней атмосферы отец Доменико чувствовал, что его духовное и эмоциональное состояние не позволяет ему рассуждать на такие темы.

Однако он мог, по крайней мере, обдумать более частный, но весьма важный вопрос: свершилось ли сегодня то злодеяние, за которым его послали наблюдать? Имелись все основания предполагать, что именно оно и свершилось — а если так, то отец Доменико мог вернуться в монастырь и залечить свою душевную рану.

С другой стороны, возможно — и как ни ужасно было это предположение, оно все же оставляло некоторую надежду, — что отца Доменико направили в логово дьявола, чтобы дождаться чего-то еще худшего. Это объясняло одно странное обсто-

ятельство: последнее злодеяние все же казалось вполне типичным для Уэра. И что еще важнее, таким образом объяснялось, по крайней мере отчасти, само существование Соглашения, как писал Толстой: «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Впрочем, последний вопрос отец Доменико мог не только анализировать, но и попытаться решить с помощью Божьего руководства — даже здесь, даже теперь, хотя и не вызывая никакие Сущности. Последнее ограничение монаха не смущало: какой же маг не искусен в своем деле?

Роговая чернильница, гусиное перо, правило, три круга различных размеров, вырезанные из девственного картона — его не так просто получить, — а также завернутый в шелк штихель появились из сумки; отец Доменико разложил их на ночном столике, который вполне мог сойти за аналой. На картонных кругах он аккуратно нанес пастой различные шкалы: камеры А — шестнадцать атрибутов Бога от bonifas[84] до patientia[85]; камеры Т — тридцать атрибутов

[84] Примечания: 84
«Доброта» (латин.).

[85] Примечания: 85
«Терпение» (латин.).

вещей от temporis[86] до negatio[87]; и камеры E — девять вопросов от «есть ли» до «как велико». Он проколол центры всех трех кругов штихелем, скрепил их с помощью запонки и, наконец, окропил собранный инструмент Лулла святой водой из сумки. Затем он произнес:

— Я заклинаю тебя, о форма сего инструмента, властью Всемогущего Бога-Отца, силой Неба и звезд, а также стихий, камней и трав, и кроме того силой снежных бурь, грома и ветра, и, быть может, также силой книги «Ars magna», в которой ты изображен, чтобы ты обрел способность дать совершенный ответ на наш вопрос, без лжи, обмана и неправды, велением Господа, Творца Ангелов и Повелителя Времен. Дамахий, Люмех, Гадал, Панчиа, Велоаз, Меород, Мамидох, Балдах, Аперетон, Митратон; блаженные ангелы, будьте хранителями сего инструмента! Domine, Deus meus, in te sperunt… Conflitebor tibi, Domine, in toto corde meo… Quemadmodum desiderat cervus ad

---

[86] Примечания: 86
Здесь: быстротечность (латин.).

[87] Примечания: 87
«Отрицание» (латин.).

fontes aquarum… Amen.[88]

Сказав это, отец Доменико взял инструмент и стал поворачивать круги относительно друг друга. Практиковать великое искусство Лулла было совсем не просто: большинство комбинаций секторов казались тривиальными, и требовалось немало интуиции и опыта, чтобы осознать их значение, а также нужна была вера, чтобы увидеть их чудесное происхождение. Тем не менее, в отличие от других форм гадания, здесь не использовалась настоящая магия.

Отец Доменико вертел их нужное число раз и затем, держа за край самого большого, встряхнул прибор в направлении четырех сторон света.

После этой простой процедуры выпало сочетание:

Терпение / Становление / Реальность.

Именно такого ответа он боялся и одновременно ожидал с надеждой. И сдерживая волнение, отец Доменико понял, что иного ответа не могло быть в канун Рождества.

Он убрал инструмент в сумку и лег обратно

---

[88] Примечания: 88

Господи Боже мой, в Тебя же верую… Предаюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим. Подобно тому, как олень стремится к источникам вод… Аминь (латин.).

в постель. В таком изнуренном и тревожном состоянии он не надеялся на сон… Однако едва песочные часы успели дважды перевернуться, как он оставил проявленный мир и в сновидении, подобно Папе-чародею Герберту, покинул Святую Палату[89], мчась по воздуху верхом на демоне.

10

Время, которое потребовалось Уэру для восстановления сил, оказалось не столь долгим, как он предсказывал. К двенадцатой ночи волшебник, по-видимому, чувствовал себя уже вполне сносно. Бэйнса уже начала раздражать бездеятельность, хотя признаки этого мог заметить только Джек Гинзберг.

Он напомнил шефу, что самоубийство доктора Штокхаузена в любом случае не могло произойти раньше, чем через два месяца, и предложил пока съездить в Рим и поработать.

Бэйнс отказался. Что бы ни было у него на уме, похоже, это имело в лучшем случае лишь косвенное отношение к интересам «Консолидейтед Варфэр Сервис»… Во всяком случае, его деловая активность ограничивалась небольшим количе-

---

[89] Примечания: 89
Инквизиция; здесь — ее подобие.

ством телефонных звонков.

И этот не то священник, не то монах, отец Доменико, явно не собирался уезжать. Очевидно, рождественское шоу не обмануло его. Ладно, пусть Уэр сам разбирается с ним. Во всяком случае, Джек старался не показываться на глаза святому отцу: его присутствие казалось Джеку чем-то вроде визита сумасшедшего родственника в решающий момент сватовства.

Впрочем, действительно ли он сумасшедший? Ведь если магия реальна — в чем Джеку пришлось убедиться воочию, — тогда и все мистические материи, в которые верил отец Доменико, от Моисея и каббалы до Нового завета, по логике, также должны быть реальными. После того как это пришло в голову Джеку, он не только содрогался при виде отца Доменико, но и не мог спать без кошмарных снов, в которых монах пристально смотрел на него.

Уэр не появлялся до назначенного им четырнадцатого дня, а затем изъявил желание побеседовать лишь с Джеком Гинзбергом.

Джек не на шутку встревожился. Встреча с Уэром привлекала его не намного больше, чем общение с вежливым и молчаливым босоногим монахом. Кроме того, никто не знал, как мог

отнестись к беседе колдуна с Джеком Бэйнс, который в другое время не придал бы ей особого значения, но теперь пребывал в весьма странном состоянии духа.

После долгих раздумий Джек передал предложение шефу, мало надеясь на свои собственные способности в столь щекотливом деле.

— Иди, — только и ответил Бэйнс. Он продолжал производить на Джека впечатление человека, зацикленного на одной идее. Это также очень тревожило Джека, но, похоже, тут ничего уже нельзя было сделать. Стиснув зубы и одновременно придав лицу выражение учтивого внимания, Джек отправился в кабинет к Уэру.

Комнату заливал яркий, жизнерадостный солнечный свет. Обстановка больше соответствовала тому, что Джек привык считать реальностью. Пытаясь перехватить инициативу у Уэра, он еще не успев сесть, осведомился:

— Есть какие-нибудь новости?

— Нет, никаких, — ответил Уэр. — Садитесь, пожалуйста. Как я предупреждал в самом начале, доктор Штокхаузен — трудный пациент. Возможно, он вообще не поддастся искушению, и тогда потребуются более серьезные усилия. Но пока я полагаю, что он поддастся, и, следовательно, мне

нужно будет подготовиться к следующему заказу доктора Бэйнса. Вот почему я хотел увидеть вас первым.

— Я не знаю, каким будет следующий заказ доктора Бэйнса, — возразил Джек. — И даже если бы знал, не стал бы сообщать вам.

— У вас, к сожалению, слишком прямолинейный ум, мистер Гинзберг. Я не собираюсь выуживать из вас какие-либо сведения. Мне уже известно, и этого на данный момент достаточно, что следующий заказ доктора Бэйнса будет неким грандиозным — быть может, даже уникальным — экспериментом в истории Искусства. О том же говорит и продолжающееся пребывание здесь отца Доменико. Но поскольку я берусь за такой проект, мне понадобятся ассистенты — а у меня не осталось учеников. Они все очень рано становятся честолюбивыми и либо совершают глупые технические ошибки, либо выходят из повиновения, и их приходится прогонять. Светские люди, даже весьма сочувствующие, также не подходят из-за своего рвения и невежества, но, если они достаточно умны, иногда бывает безопаснее воспользоваться их помощью. Иногда. Вот поэтому я позволил наблюдать за тем, что происходило в сочельник с вами и доктором Гессом (а не только

за доктором Гессом, как просил доктор Бэйнс), и по той же причине уже теперь разговариваю с вами.

— Понятно, — кивнул Джек. — Значит, я должен чувствовать себя польщенным.

Уэр откинулся на спинку кресла и развел руками:

— Ничего подобного. Я вижу, что придется говорить напрямик. Меня вполне удовлетворили способности доктора Гесса, и я могу не беседовать с ним специально, достаточно будет дать ему инструкции. Но с вами мне повезло меньше. Меня удивляет ваша слабость.

— Я не маг, — сказал Джек, сохраняя выдержку. — И если между нами существует какая-то враждебность, следовало бы признать, что не я один тому причиной. Вы позволили себе оскорбления в мой адрес при первой же встрече только потому, что я подверг сомнению оправданность ваших претензий — как того требовала моя работа. Меня не так просто оскорбить, доктор Уэр, но мне легче общаться с теми людьми, которые соблюдают некоторую вежливость.

— Stercor[90], — произнес Уэр. Это ничего не

---

[90] Примечания: 90
Латинское ругательство (от stereus — кал).

говорило Джеку. — Вы думаете, что я говорю о способности к общению и прочей ерунде. Ничего подобного. Немного ненависти никогда не повредит Искусству, и преднамеренные оскорбления полезны в общении с демонами — лишь немногих бывает полезно улещать; и если человека можно взять лестью, он скорее собака, чем человек. Постарайтесь понять меня, мистер Гинзберг, я не говорю ни о вашей пустяковой враждебности, ни о вашем досадно нерасторопном уме; меня беспокоит ваша заячья храбрость. Во время последнего обряда был момент, когда я видел, что вы готовы покинуть свое место. Вы не почувствовали этого, но мне пришлось вас парализовать, чем я спас вам жизнь. Если бы вы сделали один шаг, то поставили бы под угрозу всех нас, и в таком случае мне пришлось бы бросить вас Мархозиасу, как старую кость. Это не спасло бы обряд, но помешало бы демону сожрать остальных, кроме Ахтоя.

— Кого!?

— Моего питомца Кота.

— О, почему же и не кота?

— Ахтой взят на время. Он принадлежит одному демону, моему покровителю. Не пытайтесь сменить тему, мистер Гинзберг. Если я собираюсь

доверить вам важное дело, мне необходимо убедиться, что, когда надо будет стоять на месте, вы будете стоять на месте, независимо от каких-либо зрелищ или звуков, и когда я попрошу вас принять некоторое участие в ритуале, вы исполните все точно и аккуратно. Можете ли вы убедить меня в этом?

— Хорошо, — ответил Джек серьезно. — Я сделаю все, что смогу.

— Но зачем? Ради чего вы готовы пойти на такую жертву? Я не понимаю, что значит ваше «все», пока мне неясны ваши мотивы, кроме сохранения работы — или желания произвести на меня хорошее впечатление. Объясните мне, пожалуйста! Что-то здесь все-таки привлекает вас. Я заметил это с самого начала, но моя догадка оказалась ложной или, по крайней мере, не затрагивала главного. Итак, что же для вас главное? Сейчас настало время, когда вы должны признаться. Иначе я отстраню вас.

Колеблясь между привычной осторожностью и непривычной надеждой, Джек оставил флорентийское кресло и медленно подошел к окну, машинально поправляя галстук. С этой высоты виднелись расположенные у подножия скалы дома Позитано, сдаваемые в аренду, которые

примыкали к узкой полосе пляжа, как во многих итальянских пригородах, кишевших свергнутыми королями и «пляжными мальчиками», надеявшимися подцепить какую-нибудь богатую американскую наследницу. Не считая мелких волн и немногих птиц вдалеке, картина оставалась неподвижной, но Джеку почему-то казалось, будто весь берег медленно и неумолимо сползает в море.

— Да, я люблю женщин, — проговорил он тихо. — И у меня есть определенный вкус, который очень непросто удовлетворить, даже за все деньги, которые я зарабатываю. Между прочим, мне постоянно приходится работать с засекреченными материалами — секреты государств и фирм. Это означает, что я не должен давать повод шантажировать меня.

— Поэтому вы отклонили мое предложение во время нашей первой беседы, — заметил Уэр. — Разумно, но в данном случае напрасно. Как вы уже поняли, меня не привлекают ни шпионаж, ни вымогательство — за них я получал бы лишь жалкие гроши.

— Да, но я не хочу всегда быть рядом с вами, — сказал Джек, повернувшись к столу. — И с моей стороны было бы глупостью приобрести новые

вкусы, удовлетворение которых зависело бы только от вас.

— Сводничество — так это называется. Будем называть вещи своими именами. Тем не менее у вас есть еще что-то на уме. Иначе вы бы не стали так откровенничать.

— Да… есть. Я подумал об этом, когда вы согласились показать Гессу вашу лабораторию. — Приступ зависти, не менее острой оттого, что все уже прошло, заставил его умолкнуть. Сделав глубокий вдох, Джек проговорил: — Я хочу научиться Искусству.

— Ого. Это уже нечто противоположное.

— Вы сами сказали, что это возможно, — отчаянно заторопился Джек, сознавая, что терять уже нечего. — Я знаю, вы не хотите брать учеников, но я не собираюсь наносить вам удар в спину или отбивать клиентов. Искусство мне нужно только для моих особых целей. Я не могу заплатить вам целое состояние, но у меня есть деньги. Я мог бы читать в свободное время и примерно через год приехать за практическими инструкциями. Бэйнс дает мне годичный отпуск: он хочет, чтобы кто-нибудь из его людей знал Искусство, по крайней мере теорию, только он пока выбрал Гесса. Но Гесс слишком занят своей наукой, чтобы всерьез

интересоваться магией.

— Вы терпеть не можете доктора Гесса, не так ли?

— У нас не было открытых столкновений. Во всяком случае, то, что я говорю, правда. Я мог бы быть гораздо лучшим экспертом для Бэйнса, чем Гесс.

— У вас есть чувство юмора, мистер Гинзберг?

— Конечно. Оно у всех есть.

— Ошибаетесь, — возразил Уэр. — Все только утверждают, будто оно у них есть. Я задал вам этот вопрос только потому, что первая вещь, которую нужно принести в дар Искусству, — это дар смеха, и некоторые люди более тяжело переживают его утрату, чем все остальные. У вас оно, похоже, незначительно, и вам придется перенести лишь легкую операцию, вроде удаления аппендикса.

— Непохоже, чтобы вы потеряли свое чувство юмора.

— Вы, как большинство людей, путаете юмор с остроумием. Эти две вещи различаются, как способность к творчеству и ученость. Но как я уже сказал, в вашем случае тут, очевидно, не будет большого затруднения. Однако могут возникнуть другие проблемы. Например, какой традиции вас обучать? Допустим, я мог бы сделать вас каббали-

стическим магом, что дало бы вам значительные знания белой магии. Что же касается черной, то я могу передать вам большую часть знаний, содержащихся в «Clanteula» и «Lemegefon», исключая весь христианский нарост. Как вы думаете, удовлетворит ли вас это?

— Возможно, если будет отвечать моим основным потребностям, — ответил Джек. — Мне неважно, с чего начинать. Сейчас я еврей только по крови, но не по культуре — и до Сочельника я был атеистом. Теперь я не знаю, кто я. Знаю только, что надо верить тому, что видишь.

— Только не в Искусстве, — возразил Уэр. — Будем пока считать, что вы tabula rasa[91]. Хорошо, мистер Гинзберг, я понял вас. Но прежде чем я приму решение, думаю, вам нужно еще раз пересмотреть ваши новые желания, которые можно удовлетворить лишь с помощью магии, моей или вашей. Вы, очевидно, думаете, как приятно было бы получать эти удовольствия свободно и не опасаясь последствий, но часто бывает — вспомните эпиграмму Оскара Уайльда, — что исполнившееся желание оказывается не наслаждением, а тяжким крестом.

---

[91] Примечания: 91
«Чистая доска» (латин.).

— Я воспользуюсь возможностью.

— Не торопитесь. Вы еще не представляете себе риска. Например, может случиться так, что вас перестанут удовлетворять обычные женщины и вы станете зависеть от суккубов. Не знаю, насколько вам известна суть таких отношений. Вообще в Небесном Мятеже участвовали ангелы всех уровней Иерархии. И среди павших лишь те, кто принадлежал к низшим чинам, занимаются подобной деятельностью. В сравнении с ними Мархозиас — образец благородства. А те твари даже утратили свои имена, и в их злобе нет ничего великого, они — просто средоточие мелкой подлости и зловредности; таких духов призывают сиулманские коровницы, чтобы у соперниц раскололся ноготь на пальце или у неверного возлюбленного вскочил прыщ на носу.

— Этим они мало отличаются от обычных женщин, — заметил Джек, пожимая плечами. — Пока они слушаются, какое это имеет значение? Став магом, я, очевидно, мог бы контролировать их поведение.

— Да. И все же, стоит ли доверяться слепому желанию, когда вам доступен эксперимент? Во всяком случае, мистер Гинзберг, я не могу доверять вашему решению, пока оно основано

на чистой фантазии. Если вы не подвергнете ее экспериментальной проверке, я буду вынужден отказать вам.

— Подождите минутку. А почему вы на этом так настаиваете? Какую цель вы преследуете?

— Как я уже говорил, возможно, вы понадобитесь мне в качестве ассистента при выполнении основного заказа мистера Бэйнса. Я хочу убедиться в вашей надежности, а для этого мне нужны гарантии.

Все, что говорил Уэр, как будто медленно закрывало перед Джеком какие-то двери. Но с другой стороны — открывало возможности…

— Что я должен делать? — спросил он.

11

Палаццо погрузилось в сон. Вдалеке те же мелодичные и равнодушные часы пробили одиннадцать, как сказал Уэр, самый благоприятный час для сладостных экспериментов. Джек нервозно ждал, когда бой часов прекратится или начнется что-то другое.

Он закончил все приготовления, хотя и сомневался в необходимости некоторых из них. Ведь если эта… женщина, которая придет к нему, должна полностью подчиняться его желаниям,

зачем ему производить на нее впечатление?

Тем не менее он совершил особый ритуал: принял ванну (в течение часа), дважды побрился, подстриг ногти на руках и ногах, зачесал волосы назад тридцатью движениями расчески и умастил их западногерманским тоником, который, как указывалось на этикетке, содержал аллантоин, надел свою лучшую шелковую пижаму, смокинг (хотя не курил и не пил), широкий галстук и туфли из венецианской кожи, побрызгался одеколоном и посыпал постель тонким слоем талька. «Может быть, — подумал он, — все эти старания составляют часть удовольствия».

Бой часов прекратился. Почти тут же послышался тихий стук в дверь, потом второй и третий; промежутки были в несколько секунд. Сердце Джека запрыгало, как у мальчишки. Подтянув кушак куртки, он произнес, как его научили:

— Входи… входи… входи.

Затем он открыл дверь. Как и предупреждал Уэр, в темном коридоре никого не оказалось, но когда Джек закрыл дверь и обернулся, то обнаружил, что находится в комнате уже не один.

— Добрый вечер, — сказала она нежным голосом с легким акцентом, или просто чуть-чуть картавя. — Ты пригласил меня, и я пришла. Я

тебе нравлюсь?

Это была не та девушка, которая принесла письмо Уэру много недель назад, хотя она напоминала Джеку о ком-то, кого он некогда знал, но забыл и теперь не мог вспомнить. Во всяком случае, внешность гостьи произвела на него сильное впечатление. Она была невысокого роста, на полголовы ниже Джека, стройная, на вид лет восемнадцати — и очень красивая, с голубыми глазами и невинным выражением лица, которое казалось особенно пикантным благодаря благородным чертам и нежной, подобной тончайшему пергаменту коже.

Она была полностью одета; в туфлях на высоком каблуке, полупрозрачных чулках-паутинках и изящном черном платье с короткими рукавами, сшитом, по-видимому, из искусственного шелка, которое облегало грудь, талию и бедра, словно наэлектролизованное, и затем переходило в юбку, имевшую форму перевернутого тюльпана. Тонкие серебряные браслеты украшали ее левое запястье и едва слышно звякнули, когда она подняла руку, чтобы поправить свою, подобную цветку хризантемы, прическу; в ушах висели маленькие серебряные сережки; на груди лежала крупная брошь из оникса в серебряной оправе,

окруженного мелкими рубинами — единственное цветное украшение костюма; даже косметика в итальянском «белом стиле» настолько преувеличила ее бледность, что выглядела на ней почти театрально — почти, но не совсем.

— Да, — сказал Джек, наконец вспомнив о дыхании.

— О, ты очень быстро решаешь. Может, ты ошибаешься. — Внезапно она совершила пируэт, прошелестев раскрывшимся черным тюльпаном и кружевной пеной под его венчиком, и резко остановилась возле кровати.

— Невероятно, — пробормотал Джек, стараясь быть галантным. В девушке на вид не было ничего сверхъестественного. — Я думаю, ты просто превосходна. Кстати, как мне тебя звать?

— О, я не являюсь, когда меня зовут. Тебе придется приложить некоторые усилия. А если тебе надо какое-то имя, пусть будет Рита.

Она подняла свои юбки, показав белые бедра над чулками, и села на край кровати.

— Ты очень далеко, — сказала она, надув губы. — Может, ты думаешь, что я хороша только издали? Это было бы нечестно.

— О, нет, конечно.

— А откуда тебе знать? — Она положила ногу

на ногу. — Ты должен подойти и посмотреть.

Часы пробили четыре, когда она поднялась, обнаженная и влажная, но как будто еще на высоких каблуках, и принялась собирать свою разбросанную на полу одежду. Джек наблюдал за этой небольшой пантомимой с легким головокружением, отчасти от изнеможения, отчасти от сознания триумфа. У него не оставалось сил даже на то, чтобы пошевелить пальцем ноги, но он уже столько раз удивлял самого себя, что еще не утратил надежды: ведь ничего подобного прежде не случалось, ничего!

— Тебе надо уходить? — лениво спросил он.

— Да, у меня есть еще другие дела.

— Другие дела? Но ты приятно провела время?

— Приятно? — Девушка повернулась к нему, пристегивая чулок к поясу. — Я твоя служанка и твоя ламия, но ты не должен дразнить меня.

— Не понимаю, — удивился Джек, пытаясь поднять голову от измятой влажной подушки.

— Тогда молчи. — Она продолжала одеваться.

— Но… Ты, кажется…

Она снова повернулась к нему:

— Я доставила тебе удовольствие. Можешь себя поздравить. И довольно. Тебе известно, кто я. Я не могу получать удовольствие. Это запрещено.

Будь благодарен, и я приду к тебе еще. Но если ты будешь дразнить меня, я пришлю тебе старую каргу с ослиным хвостом.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Ты не обидел меня. Ты получил удовольствие со мной, и этого достаточно. Теперь нужно испытать твою мужскую силу на смертной плоти. И я сделаю это сегодня на другом конце земли. Я покажу твое семя, прежде чем оно умрет в моей огненной утробе, — если оно вообще было живо.

— Что ты имеешь в виду? — почти прошептал он.

— Не бойся, я вернусь завтра. Но в следующую ночь я должна сменить обличье. — Платье облекло невероятно гибкое тело. — Теперь я становлюсь инкубом, и меня ждет женщина, похищенная у мужа. Если я успею прибыть к ней вовремя, ты станешь отцом ребенка, рожденного женщиной, которую ты даже никогда не видел. Не удивительно ли это? И ребенок будет страшен, обещаю тебе!

Она улыбнулась Джеку. С ужасом и отвращением он увидел, что у нее под веками больше нет глаз - лишь холодное мерцание тени. Теперь она была полностью одета, как в самом начале, и с серьезным видом сделала реверанс.

— Жди меня… если, конечно, ты желаешь, чтобы я завтра пришла…

Он не хотел отвечать, но слова сами вышли из его уст:

— Да, хочу… о Боже…

Положив руки на свое зарытое одеждой лоно, она усмехнулась и внезапно обратилась в ничто, подобно лопнувшему мыльному пузырю; и рассвет нового дня всей тяжестью обрушился на Джека, словно целая гряда гор Святого Иоанна Богослова.

12

Доктор Штокхаузен скончался в день Святого Валентина. В течение трех суток хирурги со всего мира пытались спасти его после того, как он отравился йодной настойкой, но они не смогли ничего сделать. Операция и содержание в больнице были бесплатными; однако он умер, не сделав завещания, и его небольшое состояние — гонорары за книги и остатки полученной десять лет назад Нобелевской премии — оказалось замороженным на неопределенный срок. В оставленных им записках никакая комиссия, ни научная, ни юридическая, не могла отделить математику от немыслимого бреда. Были собраны

средства для оказания помощи его внукам и разведенной дочери, но последняя книга, которую он не успел закончить, оказалась в духе его записок, и издатели не смогли найти коллегу, способного завершить этот труд. Сообщалось также, что мозг Штокхаузена собирались передать музею Немецкой Академии в Мюнхене, но также лишь после решения вопроса о завещании, однако через три дня после похорон Уэр узнал, что мозг и рукопись исчезли.

— Мархозиас мог взять их, — предположил Уэр. — Я не приказывал ему это, потому что не хотел причинять родственникам Альберта дополнительные страдания, помимо тех, которые неизбежно связаны с выполнением заказа. С другой стороны, я и не запрещал ему делать подобные вещи. Во всяком случае, заказ выполнен.

— Очень хорошо, — улыбнулся Бэйнс. Он был в приподнятом настроении. Из трех других человек, находившихся в кабинете Уэра, поскольку волшебник сказал, что нет возможности помешать присутствию отца Доменико, ни один не высказывал особой радости, но, в конце концов, лишь реакция Бэйнса имела значение, лишь его эмоциям Уэр уделял серьезное внимание.

— И гораздо быстрее, чем вы предполагали.

Я вполне удовлетворен, — продолжал доктор Бэйнс, — и теперь готов обсудить с вами мой главный заказ, если, конечно, расположение планет и тому подобное не препятствует такому разговору.

— Планеты не оказывают особого действия на простое обсуждение, — сказал Уэр. — Они влияют лишь на специальные приготовления и, конечно, на сам эксперимент. А я достаточно отдохнул и готов слушать. По правде говоря, меня уже мучает любопытство. Пожалуйста, говорите.

— Я хотел бы выпустить из Ада всех основных демонов, чтобы они находились в Мире в течение одной ночи, а на рассвете или в другое приемлемое время, вернулись бы обратно. Не нужно давать им специальных поручений. Я хочу посмотреть, что они сделают, если им предоставить полную свободу действий.

— Безумие! — воскликнул отец Доменико, крестясь. — Этот человек явно одержимый!

— На сей раз я готов согласиться с вами, отче, — признался Уэр. — Но с одной оговоркой по поводу одержимости. Насколько мы теперь знаем, она заложена в самом характере. Скажите, доктор Бэйнс, чего вы ожидаете достичь столь грандиозным экспериментом?

— Экспериментом! — воскликнул отец Доменико, его лицо стало белым, как у покойника.

— Если вы способны лишь исполнять роль эха, отче, мы бы предпочли, чтобы вы сохраняли молчание, по крайней мере, до тех пор, пока не выяснится, о чем мы говорим.

— Я буду говорить все, что считаю необходимым, — сердито ответил отец Доменико. — То, что вы называете экспериментом, может оказаться началом Армагеддона!

— В таком случае вам надо радоваться, а не бояться, поскольку вы убеждены в победе вашей стороны, — заметил Уэр. — Но на самом деле такого риска нет. Конечно, результаты могут быть вполне апокалиптическими, но для Армагеддона требуется предварительное пришествие Антихриста, а я уверяю вас, что не являюсь им… и не вижу, кто бы еще в мире мог претендовать на такую роль. Итак, доктор Бэйнс, какой же цели вы желаете достичь благодаря этому?

— Благодаря этому — никакой, — мечтательно проговорил Бэйнс, словно захваченный дивным видением. — Только само это — ради одного эстетического интереса. Произведение искусства, если хотите. Гигантская картина, для которой мир служит холстом…

— А людская кровь красками, — добавил отец Доменико.

Уэр поднял руку ладонью к монаху.

— Я считал, — сказал он Бэйнсу, — что вы уже занимались подобным искусством и фактически продавали свои полотна.

— Продажа позволяла мне продолжать мои занятия, — ответил Бэйнс, но ему уже перестала нравиться такая метафора, хотя он сам ее предложил. — Взгляните на это с другой точки зрения, доктор Уэр. Грубо говоря, есть только два основных типа людей, которые занимаются продажей оружия: к первому относятся те, кто не имеет совести и рассматривает бизнес как средство получения большой прибыли, чтобы использовать ее для чего-то другого, подобно Джеку, а также те, которые имеют совесть, но не могут устоять перед деньгами или знанием, подобно доктору Гессу.

Оба сотрудника Бэйнса беспокойно пошевелились, но решили не оспаривать свои портреты.

— Второй тип составляют люди вроде меня — те, кто действительно получает удовольствие от управляемого разрушения и хаоса. Нас едва ли можно назвать садистами — разве только в том смысле, что каждый настоящий художник садист, поскольку проявляет большой интерес к

страданиям — не только к своим собственным, но и к чужим, — ради конечного результата.

— Да, знакомый тип, — криво усмехнулся Уэр. — Кажется, праведный Роберт Фрост сказал, что картина Уистиера стоит большого количества пожилых дам.

— И инженеры бывают такие же, — продолжал Бэйнс с воодушевлением; он не думал почти ни о чем другом с тех пор, как принял участие в колдовстве. — Эту категорию я знаю гораздо лучше, чем художников, и, уверяю вас, большинство из них не сделают ничего нового, пока не получат некий толчок от разрушения старого. Обычный грабитель с пистолетом гораздо менее опасен, чем инженер с куском динамита. Однако в моем случае, как и в случае с инженером, ключевым словом является «контроль» — ив оружейном бизнесе оно выходит из употребления благодаря ядерному оружию.

Он продолжал, вкратце передав те мысли, которые пришли к нему, когда он ожидал смерти губернатора Рогана:

— Теперь вы можете видеть, что меня тут интересует. Предлагаемая акция является не бесконтрольным массовым уничтожением, а серией отдельных мелких по своим последствиям

действий, каждое из которых будет интересно само по себе своей оригинальностью и неожиданностью. И они не примут тотальный характер благодаря ограниченности времени — всего двенадцать часов или даже меньше.

Отец Доменико наклонился вперед, обращаясь к Уэру:

— Теперь даже вам должно быть понятно, что ни одно человеческое существо, сколь бы грешным и самоуверенным оно ни было, не способно породить столь чудовищный замысел без прямого вмешательства Преисподней!

— Напротив, — возразил Уэр. — Доктор Бэйнс совершенно прав, большинство увлеченных своим делом светских людей помышляют о том же, только в несколько меньших масштабах. Для вашего успокоения, отче, поскольку я некоторым образом причастен к делам Преисподней, я проведу тщательную проверку. Но уверяю вас, что доктор Бэйнс отнюдь не одержим. Тем не менее здесь еще остаются кое-какие загадки. Доктор Бэйнс, мне кажется, вы выбрали для своего холста слишком большую кисть и могли бы получить желаемый эффект даже без моей помощи. Почему бы вам, к примеру, не удовлетвориться предстоящей русско-китайской войной?

Бэйнс с трудом сглотнул:

— Значит, она действительно произойдет?

— Весьма вероятно. Может быть, она, конечно, и не произойдет, но я бы не стал ставить на это. Скорее всего, большой ядерной войны не будет — три водородных бомбы, одна китайская, две советских плюс около двадцати плутониевых, а потом примерно год обычных боевых действий. Очевидно, ни одна из других стран не станет вмешиваться. Вам это известно, доктор Бэйнс, и, я думаю, вы останетесь довольны. В конце концов, к чему-то подобному и направлены усилия вашей фирмы.

— Вы сегодня играете роль утешителя, — пробормотал отец Доменико.

— Честно говоря, мне это чертовски приятно слышать, — признался Бэйнс. — Не часто бывает, чтобы большие планы осуществлялись сами собой почти так, как предполагаешь. Но этого недостаточно для меня, доктор Уэр. Прежде всего, такая война начнется не только благодаря мне: многие люди прилагают усилия к ее осуществлению. Но то, что хочу я, произойдет лишь по моей инициативе.

— Не очень сильное возражение, — заметил Уэр. — Многие художники Возрождения не отка-

зывались от помощников, даже подмастерьев.

— Дух времени изменился, если угодно абстрактный ответ. Настоящий же ответ состоит в том, что я отказываюсь от помощников. Более того, доктор Уэр, я хочу сам выбрать средство. Война больше не удовлетворяет меня. Она слишком грязна и слишком подвержена случайностям. И оправдывает слишком многое.

Уэр поднял вопросительно брови.

— Я имею в виду, что во время войны, особенно в Азии, люди ожидают худшего и дерутся с отчаянным безрассудством, привыкая к самым ужасным вещам. В мирное время, напротив, даже незначительное несчастье оказывается полной неожиданностью. Люди жалуются: «Почему такое случилось со мной?» — как будто никогда не слышали об Иове.

— Переписывание истории Иова — любимое занятие гуманистов, — согласился Уэр. — И к тому же сводится их излюбленная политическая платформа. Таким образом, доктор Бэйнс, вы хотите поразить людей самым чувствительным образом и в такой момент, когда они меньше всего этого ожидают, и правые, и виноватые. Правильно ли я вас понял?

Бэйнс с некоторой досадой почувствовал, что

сказал слишком много, но уже ничего не мог поделать; во всяком случае, Уэр и сам был не святой.

— Да, правильно, — коротко ответил он.

— Благодарю вас. Теперь дело прояснилось. Еще один вопрос. Как вы предполагаете платить за все это?

Отец Доменико вскочил, задыхаясь от ужаса, словно астматик в предсмертной агонии:

— Вы — вы хотите сделать это?!

— Успокойтесь. Я так не говорил. Доктор Бэйнс, прошу вас.

— Я знаю, что за это нельзя заплатить деньгами, — ответил Бэйнс. — Но у меня есть и другие средства. Данный эксперимент — если он удастся, — принесет мне такое удовлетворение, какого я не получал за все годы от «Консолидейтед Варфэр Сервис» и не ожидал получить в будущем. Я могу передать вам большую часть моих акций КВС. Не все, но… э-э… почти контрольный пакет. С таким капиталом вы сможете сделать многое.

— Этого едва ли достаточно, учитывая большой риск, — медленно проговорил Уэр. — С другой стороны, у меня нет особого желания разорять вас…

— Доктор Уэр, — металлическим тоном произ-

нес отец Доменико. — Должен ли я заметить, что вы все же решились осуществить этот безумный замысел?

— Я так не говорил, — мягко заметил Уэр. — Если я решусь, мне, несомненно, понадобится ваша помощь…

— Никогда. Никогда!

— И всех остальных. Не деньги привлекает меня больше всего. Но без денег я никогда не смогу осуществить подобный эксперимент, и я уверен, что такой возможности больше не представится. Если мне удастся избежать неприятных последствий, я узнаю очень многое.

— Мне кажется, это будет хороший эксперимент, — сказал Гесс. Бэйнс с удивлением взглянул на него, но Гесс, казалось, говорил совершенно серьезно. — Мне он также очень интересен.

— Вы не узнаете ничего, — заявил отец Доменико, — кроме кратчайшего пути в Ад, и, может быть, даже попадете туда во плоти!

— Отрицательное Успение? — ухмыльнулся Уэр. — Однако тут вы искушаете мою гордость, отче. В Западной истории есть только два прецедента: Иоган Фауст и Дон Хуан Тенбрио. И ни один из них не был должным образом подготовлен и защищен. Теперь я непременно возьмусь

за столь великий труд, если доктор Бэйнс будет удовлетворен тем, что получит.

— Разумеется, я буду удовлетворен, — голос Бэйнса дрожал от радости.

— Не торопитесь. Вы просили меня выпустить всех главных демонов из Ада. Но я даже не стану пытаться сделать это. Я могу вызвать лишь тех, с которыми у меня заключен договор, а также их подчиненных. Вопреки тому, что вы могли знать из романтических романов и пьес, трех высших духов вообще нельзя вызвать и с ними невозможно заключить договор; это Сатана, Вельзевул и Сатанаха. У каждого из них есть по два министра, и маг может заключить договор с одним из шести. Я управляю Люцифуге Рафокале, а он мной. Благодаря ему, я заключил договоры с восьмьюдесятью девятью другими духами, и не все они могут быть нам полезны в данном случае. Например, Вас-Саго, который мягок по натуре и силен только в кристалломантии, или Феникс, поэт и учитель. Соблюдая все предосторожности, мы могли бы ввести в игру около полусотни остальных, не больше. Честно говоря, я думаю, этого окажется более чем достаточно.

— Я охотно соглашусь с вами, — поспешно сказал Бэйнс. — Вы специалист. Значит, вы бе-

ретесь?

— Да.

Отец Доменико, который все еще продолжал стоять, метнулся к двери, но У эр протянул руку через стол, словно намереваясь схватить монаха за шиворот:

— Стойте! — крикнул волшебник. — Ваша миссия не закончена, отец Доменико, как вы и сами прекрасно знаете. Вам нужно наблюдать за действом. И что еще более важно, как вы сами сказали, его будет очень трудно удержать под контролем. Поэтому я требую, чтобы вы давали ответы, касающиеся приготовлений, присутствовали при колдовстве и в случае необходимости помогли мне и ассистентам прекратить его. Вы не можете отказаться: все это оговорено в условиях вашей миссии и косвенно содержится в Соглашении. Я не принуждаю вас, но хочу напомнить о вашем долге перед вашим Господом.

— Это… все… правда… — прошептал отец Доменико. Его лицо стало серым, как бесцветная промокашка, он схватился за спинку кресла и снова сел.

— Вот и превосходно. Я проинструктирую всех присутствующих, но начну с вас, несмотря на ваше горестное состояние…

— Я хочу спросить, — перебил отец Доменико. — После того как вы проинструктируете нас, примерно в течение месяца вы не будете с нами общаться. Я прошу разрешить мне в это время посетить моих коллег и, возможно, созвать совет всех белых магов.

— Чтобы помешать мне? — процедил сквозь зубы Уэр. — Вы не можете просить ничего подобного. Соглашение запрещает всякое вмешательство.

— Я слишком хорошо знаю это. Нет, не для того чтобы помешать. Но мы должны приготовиться на случай несчастья. Будет слишком поздно созывать их, когда вы поймете, что утратили контроль.

— Гмм… Возможно, это разумная предосторожность, во всяком случае, я не могу препятствовать. Отлично. Только не забудьте вернуться в нужное время. Кстати о времени: какой день вы бы предпочли? Может быть, Сочельник? Вероятно, нам понадобится много времени на приготовления.

— Это слишком хорошее время для любого вида контроля, — мрачно заметил отец Доменико. — Я не советую совмещать реальную Вальпургиеву Ночь с формальной. Разумней выбрать неблагоприятную ночь. Чем менее благоприятную,

тем лучше.

— Отличная мысль, — согласился Уэр. — Хорошо. Тогда сообщайте вашим друзьям. Эксперимент состоится в Пасху.

Застонав, отец Доменико поспешно покинул комнату. Если бы Бэйнса в течение всей жизни не учили, что такое невозможно у служителей Бога, он принял бы стон отца Доменико за выражение ненависти.

13

Терону Уэру снилось, будто он совершает путешествие на Антарктический континент в эпоху его юрского расцвета, пятьдесят миллионов лет назад; но сновидение стало смешиваться с личными фантазиями Уэра — главным образом, связанными с одним его малозначительным врагом, которого он без труда уничтожил лет десять назад, и волшебник не испытал сожаления, когда сон прервался на рассвете.

Он проснулся в поту, хотя сон был не особенно тяжелым. Причину не пришлось искать далеко: Ахтой, куча жира и меха, спал на подушке, почти спихнув с нее голову Уэра. Уэр сел, вытер свою лысую макушку простыней и с досадой посмотрел на кота. Даже для абиссинца самой крупной

породы, его питомец казался слишком грузным. Очевидно, человеческое мясо — не слишком здоровая диета, Уэр не был уверен в ее необходимости: о ней говорилось только у Элифаса Леви, который придавал значение таким деталям. Конечно, Феникс, которому принадлежал Ахтой, не ставил такого условия. С другой стороны, в подобных делах лучше перестраховаться; кроме того, с финансовой точки зрения эта диета не представляла серьезной, основным ее недостатком было то, что она портила фигуру кота.

Уэр встал и, не одеваясь, прошел в другой конец комнаты, к кафедре, на которой лежала его Великая Книга — не книга договоров, которая, конечно, находилась в рабочей комнате, а его книга нового знания. Она была раскрыта на разделе, озаглавленном «Квазары», однако, не считая короткого параграфа, суммирующего достоверную научную информацию о данном предмете, — в самом деле, очень короткого параграфа, — страницы оставались чистыми.

Ладно, это, как и все остальное, может подождать до завершения проекта Бэйнса. Поистине колоссальное количество новых сведений может появиться в Великой Книге, когда все эти деньги КВС будут в банке.

Благодаря уединению Уэра команда Бэйнса снова оказалась не у дел, и, похоже, всех их, не исключая даже самого Бэйнса, в той или иной степени потрясла грандиозность готовившегося действа. У него и доктора Гесса, вероятно, еще сохранились кое-какие сомнения в его возможности; по крайней мере, они были неспособны вообразить, на что это будет похоже, хотя хорошо помнили явление Мархозиаса. Но никакие сомнения не могли защитить Джека Гинзберга — особенно теперь, когда он каждое утро просыпался, ощущая у себя во рту вкус самого Ада. Конечно, Гинзберг сохранял верность идее, но период ожидания оказался для него слишком тяжелым. За Гинзбергом следовало присматривать. Впрочем, Уэр уже знал об этом заранее — ничего уже нельзя предотвратить, ибо так предписано.

Кот зевнул, потянулся, грациозно встал и застыл у края кровати, неподвижно глядя на сервант, словно созерцая склон Фудзиямы.

Наконец он спрыгнул на пол с глухим звуком и тут снова выгнул дугой спину, с явным наслаждением вытянул по очереди задние лапы и медленно пошел к Уэру, раскачивая своим пушистым брюхом из стороны в столону.

— Эйн, — сказал он женским голосом с при-

дыханием.

— Подожди, — пробормотал Уэр, — я покормлю тебя, когда сам буду есть.

Потом он вспомнил, что с этого дня у него начинается девятидневный пост, после которого он заставит поститься Бэйнса и его людей.

— Отче небесный, восседающий над херувимами и серафимами, взирающий на землю и море, к тебе я простираю мои руки и ищу лишь твоей помощи. Того, в ком заключается исполнение всех дел, кто дает трудящимся плоды их трудов, кто возвеличивает гордых, кто истребляет жизнь, кто заключает в себе исполнение всех дел, кто дает плоды молящим, сохрани и защити меня в моем предприятии. Ты, кто живет и царствует во веки веков. Аминь! Перестань, Ахтой.

Уэр с трудом верил в то, что Ахтой действительно голоден. Может быть, коту требовалось постное мясо, вместо этого жирного детского, хотя новорожденных было гораздо проще достать.

Позвонив Гретхен, Уэр прошел в ванную и стал набирать воду. Он добавил в ванну немного святой воды, оставшейся после приготовления пергамента. Ахтой, который, подобно большинству абиссинских котов, любил движущуюся воду, прыгнул на край ванны и принялся ловить

лапой пузырьки. Оттолкнув кота, Уэр погрузился в теплую воду и прочел тринадцатый псалом «Dominus illuminatio mea»[92] о смерти и воскресении. Выложенные кафелем стены усиливали звучание голоса. Закончив псалом, он добавил:

— Господи, который сотворил людей из ничего по своему образу и подобию, в том числе и меня, недостойного грешника, молю тебя, снизойди и благослови и освяти сию воду, дабы все мои заблуждения могли уйти от меня к Тебе, всемогущий и непостижимый, который вывел свой народ из страны Египетской и дал им пройти, не замочив ног, по дну Чермного моря, сотворив помазание мне, Отец всех грехов. Аминь.

Он опустился в воду с головой, но ненадолго, потому что святая вода, которую он вылил в ванну, еще сохранила остатки негашеной извести, использовавшейся для дубления ягнячьей кожи, и у волшебника защипало глаза. Он вынырнул, отдуваясь, как кит, и поспешно повторил: «Dixi insipiem in corde suo[93], — будь добр, не лезь сюда, Ахтой, — Ты, кто создал меня по образу и подобие своему, сотвори благословенье и освящение сей

---

[92] Примечания: 92
«Господь — свет мой» (латин.)

[93] Примечания: 93
«Рече безумец в сердце своем» (латин.) (Пс. 10)

воды, дабы она стала благом для моей души и моего тела и помогла мне осуществить мой замысел. Аминь».

— Эйн?

Кто-то постучал в дверь. Уэр, все еще с зажмуренными глазами, на ощупь нашел ручку. У порога он встретился с Гретхен, которая ритуальными движениями отерла ему руки и лицо окропленной белой тканью и отступила в сторону, давая ему пройти в спальню. Теперь, открыв глаза, Уэр увидел, что на ней нет одежды, но это не произвело на него никакого впечатления: он хорошо знал, что она собой представляет, к тому же соблюдал обет безбрачия с тех пор, как впервые воспылал любовью к магии. Нагота ламии являлась лишь одним из элементов ритуала. Отстранив ее рукой, волшебник сделал три шага к кровати, где уже лежала его одежда, и произнес на все стороны явленного и неявленного мира:

— Астрохио, Асат, Бедримубал, Фелут, Анаботос, Серабилим, Серген, Гемен, Домос, тот, кто восседает над небесами, кто видит глубины, сделай, молю Тебя, так, чтобы задуманное мною могло бы использоваться твоею силой! Аминь.

Гретхен вошла, виляя своим гусиным задом, и Уэр приступил к ритуалу облачения.

— Эйн? — печально сказал Ахтой, но Уэр не слышал его. Triduum[94] благочестиво начался с воды и должен закончиться кровью, для чего требуется убиение агнца, собаки, курицы и кошки.

Последнее колдовство

По отношению к нечистой силе род человеческий может допускать две противоположные ошибки. В одном случае люди не верят в существование демонов, в другом — верят и питают к ним чрезмерный интерес. Сами демоны одинаково рады обоим заблуждениям и с удовольствием принимают и материалистов, и колдунов…

[94] Примечания: 94
«Трехдневник» (латин.)

На самом деле перед нами стоит суровая дилемма. Когда люди не верят в наше существование, мы лишаемся приятных последствий терроризма и не создаем чародеев. С другой стороны, когда люди в нас верят, мы не можем делать их материалистами и скептиками. По крайней мере, пока… Если когда-нибудь нам удастся создать совершенный тип — волшебника-материалиста, человека, который не использует, но глубоко почитает то, что он неопределенно называет «Силами», при этом отрицая существование Духов, — тогда конец войны приблизится.

К.С.Льюис «Письма Баламута».

14

Несмотря на снегопад, путешествие на север к Монте Альбано показалось отцу Доменико сравнительно легким; большую часть пути он прошел быстрым шагом. Как ни странно, его беспокоило то, что обилие снега может вызвать весной разрушительные разливы, хотя это было не единственным несчастьем, которое готовила предстоящая весна.

После путешествия все остальное складывалось не столь удачно. Лишь около половины белых магов мира, которых пригласили на совет, смогли или пожелали явиться. Один из величайших, престарелый архивариус отец Бонфильоли, проделав путь от Кембриджа до Монте Альбано, просто не смог совершить восхождение на Гору. Теперь он находился в больнице у подножия Горы с инфарктом, и состояние его ухудшалось.

К счастью, отец Учелло смог прийти. Кроме него: отец Монтейт, почтенный повелитель большого сонма способных к созиданию (хотя и часто бесплодному) духов подлунной сферы; отец Бушер, общавшийся с неким разумом, жившим в недавнем прошлом, который не был ни смертным, ни Силой (их общение имело все признаки черной магии, и все же не являлось ею); отец Ванче, чье сознание населяли видения магии, которая не могла быть постигнута — и тем более не могла практиковаться, — по крайней мере, в течение ближайшего миллиона лет; отец Ансон, обладавший техническим складом ума и специализировавшийся на развенчании мрачных мыслей политиков; отец Сечани, устрашающий каббалист, который изъяснялся притчами и о котором говорили, что со времен Левиафана

никто ни разу не понял его советов; отец Розенблюм, суровый, похожий на медведя человек, который немногословно предсказывал несчастья и никогда не ошибался; отец Ателинг, знаток колдовских книг с бельмом на глазу, который усматривал знамения в частях речи и читал всем нотации своим гнусавым голосом, пока настоятель не услал его в библиотеку до начала заседания Совета; а также менее значительные персоны и их ученики.

Эти маги и братья Ордена собрались в часовне монастыря, чтобы обсудить возможные действия. Согласие отсутствовало с самого начала. Отец Бушер твердо держался того мнения, что Уэру не будет позволено совершить подобное заклинание в Пасху, и, следовательно, требовались лишь минимальные предосторожности. Отец Доменико заметил, что предыдущее злодеяние Уэра — хотя, разумеется, меньшее по масштабам — произошло в канун Рождества Христова.

Затем возникла проблема, стоит ли пытаться призывать Небесных Князей и их рати. По мнению отца Ателинга, одно только уведомление этих Князей может спровоцировать действия, направленные против Уэра, и поскольку предсказания таких действий не существует, тем самым

будет нарушено Соглашение. В конце концов отцы Ансон и Ванче перебили его, заявив, что Князья и так должны все знать о столь серьезном деле.

Ненадежность их допущения обнаружилась в ту же ночь, когда светлые ангелы были один за другим вызваны на Совет. Светлыми, устрашающими и загадочными они являлись всегда, но на сей раз их состояние духа оказалось совершенно непонятным для всех магов, присутствовавших в часовне. Аратрон, главнейший из ангелов, очевидно, совершенно не ведал о готовившемся высвобождении демонов и удалился с зевком, когда услышал о нем. Фалег, наиболее воинственный из духов, похоже, знал о планах Уэра, но не пожелал дать подробного ответа и также исчез. Офеил, наиболее деятельный и подвижный, казался поглощенным какими-то другими мыслями, как будто замысел Уэра не представлял для него никакого интереса; его ответы становились все более лаконичными, и наконец он начал проявлять признаки того, что отец Доменико, не колеблясь, назвал бы раздражением. И последним (хотя маги собрались переговорить со всеми семью Олимпийцами) вызвали духа воды Фула; он явился без головы, что помешало беседе и

вызвало у присутствующих тревожный ропот.

— Это плохой знак, — сказал отец Ателинг, и впервые в его жизни все с ним согласились. Согласились также и на том, что все кроме отца Доменико должны остаться на Горе до рокового дня, чтобы принять те или иные меры, в зависимости от ситуации, хотя эффективность каких-либо возможных мер вызывала большие сомнения. Что бы ни творилось на Небесах, они, очевидно, уделяли мало внимания обращениям из Монте Альбано.

Отец Доменико отправился в обратный путь гораздо раньше, чем предполагал, и все его мысли были заняты тайной безголового видения. Свинцовые небеса не давали никакого ответа.

15

В предпоследнее утро Терону Уэру предстояло окончательно решить, каких демонов стоит вызывать, и для этого следовало посетить свою лабораторию, где хранилась книга договоров. Все остальные приготовления уже были сделаны. Накануне вечером Уэр совершил кровавое жертвоприношение и произвел существенные перестановки в рабочей комнате, освободив место на полу для Великого Круга, который потре-

бовался Уэру впервые за последние двадцать лет, Малого Круга и Ворот. Кое-какие приготовления касались даже отца Доменико; он вернулся рано и, к удовлетворению Уэра, явно в подавленном состоянии — на случай, если бы требовалось просить Божественного вмешательства, но Уэр считал, что такое едва ли случится. И хотя ему никогда еще не приходилось совершать подобные губительные эксперименты, он ощущал эту работу кончиками пальцев, как музыкант хорошо отрепетированную сонату.

Однако он был очень удивлен и встревожен, обнаружив в своей лаборатории доктора Гесса — не только из-за возможности осквернения, но еще и потому, что Гесс каким-то образом сумел усмирить Хранителя двери. Этот человек оказался более опасным, чем предполагал Уэр.

— Вы хотите нас всех погубить? — предположил маг.

Гесс нехотя отвернулся от Круга, который он рассматривал, и простодушно взглянул на Уэра. В последнее время лицо его стало очень бледным, глаза ввалились; и не только из-за поста, который оказался тяжелым испытанием для его худого тела — подобному испытанию подвергался каждый неофит — но, очевидно, и из-за плохого сна.

— О нет, разумеется, примите мои извинения, доктор Уэр. Я просто не мог совладать со своим чрезмерным любопытством.

— Надеюсь, вы ни к чему не прикасались?

— Конечно, нет. Я очень серьезно отнесся к вашему предостережению, уверяю вас.

— Ну что ж… тогда, пожалуй, ничего страшного не случилось. Я могу понять ваш интерес и отчасти одобряю его. Сегодня днем я дам вам инструкции, и у вас будет вполне достаточно времени для осмотра. Я хочу, чтобы вы ознакомились со всеми деталями. Но сейчас мне необходимо выполнить кое-какую дополнительную работу, так что, если вы не возражаете…

— Конечно, — кивнул Гэсс и направился к двери. Когда он уже хотел взяться за дверную ручку, Уэр спросил:

— Кстати, доктор Гесс, каким образом вы обманули Стража?

Гесс не стал делать вид, будто озадачен вопросом:

— С помощью белого голубя и карманного зеркала, которое я позаимствовал у Джека.

— Гмм. Знаете, мне такое не приходило в голову. Чаще всего использование древних языческих методов оказывается пустой тратой времени.

Давайте поговорим на эту тему позже. Вы могли бы научить меня кое-чему.

Гесс слегка поклонился и вышел. Тотчас же забыв про него, Уэр посмотрел на Большой Круг, затем, обойдя его по часовой стрелке, подошел к кафедре и раскрыл книгу договоров. Прикосновение к жестким пергаментным листам вселяло в него уверенность. На каждом листе был знак определенного демона; ниже шел написанный особыми чернилами, приготовленными из желчи, копры и гуммиарабика, текст соглашения Уэра с данным существом. Внизу стояли подпись Уэра его кровью и знак демона, начертанный его собственной рукой. Самую первую страницу, так же, как и обложку, занимали знаки и печать Люцифуге Рафокале.

Затем следовали еще восемьдесят девять листов. Судя по уверениям демонов, которым Уэр имел основания доверять, никакой другой маг не имел в своем распоряжении такого количества духов. Правда, через сорок лет все имена должны измениться, и Уэру придется возобновить каждый из договоров, и так будет продолжаться все пять столетий его жизни, которые он выторговал у Хагита в свои юные годы, еще будучи белым магом. Обладая такой книгой, Уэр вполне мог

считать себя потенциально самым богатым из когда-либо живших смертных, хотя для любого другого человека она не представляла никакой ценности разве только как курьез. Среди этих духов, не считая Люцифуге Рофокале, было семнадцать адских архангелов и семьдесят два демона нисходящей Иерархии, некогда заключенных в медном сосуде царя Соломона, и каждый из них стоял во главе несметной рати младших духов и проклятых душ, число которых возрастало каждую минуту. (Ибо теперь почти все были прокляты; сделав это открытие, У эр понял, что скоро — вероятно, уже к концу 2000-го года от Рождества Христова — произойдет новый мятеж. Недаром среди мирян распространялись эсхатологические настроения. Все устремлялись в преисподнюю даже без помощи Антихриста. Дело дошло до того, что самому Христу приходилось тайком проникать в храм для совершения мессы, как на картине Иеронима Босха; число людей, которые не могли произнести имя Бога, а то и свои собственные имена, без предательского заклинания, переросло из потока в потоп; и, как ни странно, почти никто из них не рассчитывал на малейшую возможность счастья в этом мире. Они не ведали, что находятся на стороне победи-

телей, или даже не подозревали о существовании двух сторон. Конечно, в такой мутной воде Уэру было очень удобно ловить рыбку).

Но, как он и предупреждал Бэйнса, не все духи, перечисленные в книге, подходили для эксперимента. Некоторые из них, вроде Мархозиаса, надеялись через некоторое время вернуться в Небесные Хоры. Тут они, конечно, заблуждались — Уэр в этом не сомневался. Единственная награда, которая им достанется, будет исходить от Императора Преисподней — награда, которую получают ненадежные друзья. В то же время их можно убедить и заставить совершить незначительное зло; оно едва ли стоило усилий, затрачиваемых на общение с ними. Один из демонов, о котором Уэр тоже напоминал Бэйнсу, Вассаго, даже назывался в «Малом Ключе» и еще где-то «добрым по натуре», — правдоподобным характеристикам не следовало доверять — и, действительно, иногда служил белым магам. Другие члены иерархии, такие, как Феникс, контролировали сферы, не имевшие отношения к заказу Бэйнса.

Уэр взял перо и принялся составлять список. В конце концов, он написал сорок восемь имен. Немного, по сравнению с общим числом падших,

но Уэр решил, что и этого будет вполне достаточно. Он закрыл и застегнул книгу, задержался на некоторое время, чтобы дать нагоняй Хранителю двери, и вышел навстречу пасхальному утру.

Кажется, ни один день в жизни Бэйнса не тянулся так долго, как эта Пасха, несмотря на разнообразие, внесенное инструкциями Уэра; но, наконец, настала ночь, и волшебник объявил, что готов начать.

Великий Круг на паркете в лаборатории Уэра в общих чертах напоминал круг, использовавшийся им в канун Рождества, но отличался значительно большими размерами и множеством отдельных деталей. Линия самого круга состояла из полосок кожи принесенного в жертву козленка, еще сохранивших шерсть и прикрепленных к полу в кардинальных точках четырьмя гвоздями, которые, как пояснил Уэр, были извлечены из гроба младенца. В северо-восточном секторе перед словом «Беркаял» на полосках крови лежал труп летучей мыши, утонувшей в крови; в северо-западном, перед словом Амасарак — череп отцеубийцы; в юго-восточном, перед словом Асародель — козлиные рога; и в юго-западном, перед словом Арибекл, сидел кот Уэра, о рационе которого знали уже все присут-

ствовавшие. (Бэйнс предположил, что главной целью инструкций Уэра было сообщить своим помощникам подобные жуткие подробности.)

Внутри круга куском красного железняка, был нарисован треугольник. Под его основанием располагалась фигура, состоявшая из перекрещивавшихся слогов «chi» и «rho», примыкавшая к линии с двумя крестами на концах. Возле боковых сторон треугольника стояли большие свечи из девственного воска, каждая в центре венка из вербы. Три круга для действующих — Уэра, Бэйнса и Гесса (Джеку Гинзбергу и отцу Доменико следовало стоять снаружи, на отдельных гексаграммах) — находились внутри треугольника и соединялись крестом; к северному кругу были пририсованы рога. Центр круга занимала новая жаровня с недавно освященным каменным углем, слева от рогатого круга, предназначенного, конечно, для Уэра, стояла кафедра с книгой договоров.

В дальнем конце комнаты перед завешенной дверью, ведущей на кухню, находился другой круг, такой же величины, как и первый, с алтарем в центре. Алтарь еще вечером оставался пустым, но теперь на нем лежало обнаженное тело девушки, которую Уэр называл Гретхен. Ее

кожа была белой, как бумага, и Бэйнс решил, что девушка мертва. На пупке у нее лежал не то кусок смятой ткани, не то мацы, завернутый в фиолетовый полупрозрачный шелк. На теле ее были нарисованы красной и желтой, по-видимому, масляной краской различные знаки; некоторые из них могли быть астрологическими, другие больше походили на идеограммы и орнаментальные завитки. Поскольку их значение и даже происхождение оставались неизвестными, они лишь подчеркивали наготу. Дверь в комнату закрылась. Теперь все были на своих местах. Уэр зажег сначала свечи, затем огонь в жаровне. Задачей Бэйнса и Гесса было поддерживать его, время от времени добавляя один бренди, а другой камфору, и при этом не споткнуться о меч и не покинуть своего круга. Как и в прошлый раз, строжайше запрещалось разговаривать, особенно если кто-либо из духов обратится с вопросом или станет угрожать.

Уэр раскрыл книгу. На сей раз не было никаких предварительных жестов и знаков, он просто начал монотонно читать:

— Я заклинаю тебя и повелеваю тебе, Люцифуге Рафокале, всеми именами, которые властвуют над тобой, Сатан, Рантан, Паллантр, Луциас,

Корикакоем, Супрцигреур, per sedem Boldarey et pergnufiam et diligentiam fuam habuisti ab eo hane nakati manamilam[95], так я повелеваю тебе, usor, lipapidatore, tentutore geminatore, soignatore, deveratore, consitore et seductore[96], где ты? Тот, кто внушает ненависть и умножает раздоры, я заклинаю тебя тем, кто создал тебя ради этого, исполнить мое желание! Я призываю тебя, Колризиана, Оффина, Альта, Нестера, Фуард, Менует, Люцифуге Рофокале, восстань, восстань, восстань!

Ничто не нарушило тишину, но внезапно в другом круге появилась смутная дымящаяся фигура восьми-девяти футов ростом. Бэйнс с трудом различал ее очертания — отчасти из-за того, что сквозь нее просвечивал алтарь. Он увидел человекоподобное существо с обритой головой, несущей три длинных загнутых рога, с глазами, как у лемура, разинутой пастью и выступающим подбородком. На нем было нечто вроде кожаной куртки медного цвета с изорванными манже-

[95] Примечания: 95

«Троном Балдарея, вниманиеми усердием твоим, благодаря которым ты овладел палатиманамилой» (латин.).

[96] Примечания: 96

«Захватчик, расточитель, искуситель, сеятель, пожиратель, подстрекатель и умировторитель» (латин.).

тами и бахромчатыми полами. Из-под куртки торчали две кривые ноги с копытами и толстый волосатый хвост, который все время дергался из стороны в сторону.

— Ну что же, — проговорило существо удивительно приятным голосом, однако довольно невнятно, — уже много лун не виделся я со своим сыном. — Неожиданно оно захихикало, словно радуясь остроумной шутке.

— Я заклинаю тебя, говори яснее, — потребовал У эр. — И то, что я хочу, тебе хорошо известно.

— Известно может быть лишь то, что произнесено. — Для Бэйнса голос не стал более внятным, но Уэр удовлетворенно кивнул.

— Тогда я желаю, подобно вавилонянину, высвободившему демонов из-под печати царя Израиля, да пребудет с ним благословение, выпустить из пасти Ада в бренный мир всех тех духов царства Лжи, чьи имена я далее произнесу и чьи знаки укажу в моей книге, с тем условием, что они не причинят зла мне и тем, кто со мной, а также что они вернутся туда, откуда явились, на рассвете, согласно установленному правилу.

— Лишь с таким условием? — спросил демон. — И никаких приказаний? Никаких пожеланий? Не часто ты довольствуешься столь немногим.

— Никаких, — твердо ответил Уэр. — Они могут делать все, что захотят, в течение всей этой ночи и должны лишь не причинять вреда никому из стоящих здесь, в моих кругах, и повиноваться мне, когда я призову их жестом и договором.

Дух оглянулся через свое прозрачное плечо:

— Я вижу, у тебя неплохое кадило, — заметил он. — Ты сможешь окурить им многих великих властителей, и моим слугам и сатрапам вознаграждением послужат их дела. Такое интересное поручение ново для меня. Хорошо. Какой ты даешь залог, чтобы соблюсти форму?

Уэр сунул руку за пазуху. Бэйнс ожидал увидеть еще один сосуд слез, но вместо этого Уэр вытащил за хвост живую мышь и бросил ее перед собой так же, как и сосуд, хотя и немного поближе. Мышь юркнула прямо к демону, трижды обежала его, не пересекая границы круга и, запищав, скрылась в направлении задней двери. Бэйнс взглянул на Ахтоя, но кот даже не облизнулся.

— Ты искусен и предусмотрителен, сын мой. Можешь звать их, когда я удалюсь, и мои министры явятся к тебе. Пусть не останется ничего не совершенного, и многое будет совершено, прежде чем пропоет третий петух.

— Это хорошо. Получив твое обещание, я отпус-

каю тебя, Омгрома, Эпин, Сэйкок, Сатана, Дегони, Эпаригон, Галлиганон, Зогоген, Ферстигон, Люцифуге Рофокале, изыди, изыди!

— Увидимся на рассвете, — первый министр Люцифера затрепетал, словно пламя, и… исчез.

Гесс тут же добавил в жаровню камфоры. Внезапно очнувшись, как от оцепенения, Бэйнс побрызгал на жаровню бренди — над углями взметнулось пламя. Уэр, не оборачиваясь, взял в левую руку кусок красного железняка, а правой положил наконечник жезла на раскаленные угли. Языки голубого пламени почти моментально поднялись чуть не до самой рукоятки жезла, словно он тоже был смочен бренди.

Держа пылающий жезл перед собой, как лозоискатель волшебный прут, Уэр покинул пределы своего круга и торжественно направился к алтарю. Пока он шел, со всех сторон слышался грохот, как будто над лысой макушкой волшебника собиралась буря, но, не обращая на это внимания, Уэр приблизился к locus spiritus[97] и вступил в него.

Воцарилась тишина. Уэр отчетливо произнес:

— Я Терон Уэр, мастер среди мастеров, карцист среди карцистов, ныне осмеливаюсь открыть

---

[97] Примечания: 97
«Место духа» (латин.).

книгу и вскрыть печати, которые воспрещалось вскрывать до того, как будут сломаны Семь Печатей перед Семью Престолами. Я видел Сатану, как молнию, низвергшуюся с Небес. Я попирал своей пятой драконов Преисподней. Я повелевал ангелами и демонами, и осмеливаюсь и приказываю, чтобы все было исполнено, как я хочу, и чтобы от начала до конца, от альфы и до омеги, никто не причинил вреда нам, пребывающим здесь, в этом храме Искусства Искусств. Аглан, Тетраграм, Вайхеон, Стимуламатон, Эзфарес, Ретграграмматон, Олиарм, Ирион, Эситион, эксистион, эриона онера оразим мозм сотер Эмануел Саваогр Адонай, fe adoro, et fe increo[98]. Аминь.

Он сделал еще шаг вперед и коснулся пылающим концом жезла шелкового свертка на животе лежавшей на алтаре девушки. Сразу начала подниматься тонкая струйка серо-голубого дыма, как от благовония.

Уэр отступил к Великому Кругу. Когда он пересек его границу, жезл потух, но тишину нарушило тихое шипение, словно кто-то зажег петарду. И действительно, вскоре начался настоящий фейерверк. Бэйнс завороженно смотрел, как из

---

[98] Примечания: 98
«Молю тебя и взываю к тебе» (латин.).

свертка вырвался целый фонтан разноцветных искр. Дыма стало больше, и в комнате появился туман. Теперь, похоже, горело само тело, кожа слезла подобно кожуре апельсина. Бэйнс услышал, как за его спиной Джек Гинзберг пытался сдержать рвоту, но сам не мог понять почему. Тело — чем бы оно ни было прежде — теперь представляло собой нечто вроде куклы из папье-маше, наполненной чем-то вроде бенгальского огня. В комнате уже стоял довольно сильный запах пороха, вытеснивший аромат сандала и камфоры. Бэйнсу это, пожалуй, нравилось: не из-за того, что он многие годы имел дело с черным порохом и привык к нему, просто обилие менее «деловых» запахов начало немного раздражать торговца оружием.

Постепенно вся комната утонула в клубах дыма. Виднелись лишь несколько неподвижных, как статуи, фигур, каждая из которых освещалась лишь с одной стороны одним из двух источников света. Гесс коротко кашлянул; потом тишину нарушал лишь шум погребального костра. Искры продолжали взлетать кверху, и порой они как будто на миг составляли неведомые письмена.

Наконец, со стороны одной из статуй послышался приглушенный голос Уэра:

— Баал, великий царь и повелитель на Востоке, из чина Ангелов, повинуйся мне!

Некая форма возникла вдалеке. Бэйнс был почти уверен, что она находилась за алтарем, за занавешенными дверями, даже вообще за пределами палаццо, и все-таки он мог ее видеть. Она стала приближаться и расти; наконец, он увидел нечто вроде человека в изящном плаще и белоснежном льняном белье, однако с двумя дополнительными головами — жабьей слева и кошачьей справа. Существо беззвучно росло, пока не оказалось уже явно в комнате, затем столь же молчаливо проплыло мимо людей и удалилось.

— Агарес, принц на Востоке, из чина Сил, повинуйся мне!

Снова далекое прозрачное и бесшумное видение. Оно приближалось очень медленно, принимая вид благопристойного старичка с ястребом на руке. Медлительность духа объяснялась тем, что он ехал верхом на идущем иноходью крокодиле. Глаза демона были закрыты, губы постоянно шевелились. Он также проскакал мимо и удалился.

— Гамигин, маркиз и президент в Картагре, повинуйся мне!

На сей раз появилось нечто вроде небольшой

лошади или осла, скромное, и оно тянуло за собой десять обнаженных людей, закованных в цепи.

— Валефор, могущественный принц, повинуйся мне!

Явился лев с черной гривой и тремя головами. Две дополнительные — человеческие: одна в охотничьей шапке, другая с вороватой улыбкой мошенника. Он пронесся стремительно, однако даже не вызвав ни малейшего движения воздуха.

— Барбатос, великий граф и министр Сатанахии, повинуйся мне!

В этот раз появилась не одна фигура, а целых четыре — в виде четырех королей в коронах. За ними следовали три отряда солдат с опущенными головами в стальных шлемах, скрывавших их лица. Когда все воинство скрылось, осталась загадкой, кто из них демон и появлялся ли он вообще.

— Паймон, великий царь из чина Властей, повинуйся мне!

Внезапно послышались громкие трубные звуки, и комната наполнилась пляшущими существами с пузырями, изогнутыми подобно трубам, которые, вероятно, играли роль музыкальных инструментов. Однако производимая ими му-

зыка больше всего напоминала хрюканье стада свиней, которых гонят на бойню. Среди толпы визжавших и пляшущих существ выделялась фигура человека на одногорбом верблюде, также вопившего нечто нечленораздельное громким хриплым голосом. Животное, на котором он ехал, хмуро жевало жвачку, закрыв глаза, словно от боли.

— Ситри! — прокричал Уэр. Некоторое время была только тьма и тишина, нарушаемая лишь слабым шипением, в котором теперь как будто слышались детские голоса.

— Jesus secreta lebenter detegit femonarum, las ridens ludificansque ut se luxarise nudent[99], великий князь, повинуйся мне!

Это изящное и легкое существо оказалось не менее чудовищным, чем остальные: оно имело сияющее человеческое тело, снабженное крыльями, а также удивительно маленькую голову леопарда. И все же оно было красивым; глядя на него, Бэйнс испытывал весьма противоречивые чувства. Когда оно скрылось, Уэр, по-видимому, поднес к губам какое-то кольцо.

— Леражи, могущественный маркиз Элигор,

---

[99] Примечания: 99

«Властью особой над женщинами обладает; смеясь и играя, их побуждает разоблачаться» (латин.).

Зенар, великие принцы, повинуйтесь мне!

Призванные вместе, они и появились сразу все трое: первый — лучник в зеленой одежде с колчаном и натянутым луком; с наконечника стрелы капал яд; второй — всадник со скипетром и копьем с флагом; третий — воин в полном вооружении и одетый в красное. По сравнению с их предшественником они совсем не казались ужасными, и ничто в их внешности не говорило о сфере их деятельности, однако Бэйнс смотрел на них с не менее тревожным чувством.

— Айнорос, могущественный граф и князь, повинуйся мне!

У Бейнса появилось ощущение тошноты еще прежде, чем существо появилось, от одних издаваемых им звуков; и то же почувствовали все остальные, включая Уэра. Однако внешность Айно-роса сказалась не столько тошнотворной, сколько гротескной; при других обстоятельствах она могла быть забавной. Он имел тело ангела со львиной головой, перепончатые гусиные лапки и короткий олений хвост.

— Смени личину, смени личину! — закричал Уэр, опуская свой жезл в пламя жаровни. Гость быстро принял облик ангела с головы до пят, однако ощущение чего-то безобразного и непри-

стойного сохранилось.

— Хаборим, сильный принц, повинуйся мне!

Еще одно человекоподобное существо из трехглавой породы — хотя внешнее сходство, скорее всего, носило чисто случайный характер — одна голова человечья с двумя звездами на лбу, другая змеиная и третья кошачья. Проходя мимо, демон потряс горящей головней в правой руке.

— Набериус, доблестный маркиз, повинуйся мне!

Сначала Бэйнсу показалось, что зов остался без ответа. Потом он заметил какое-то движение на полу. Около большого круга носился взад-вперед черный петух с пустыми кровоточащими глазницами. Уэр погрозил ему жезлом, и петух, хрипло кукарекнув, исчез.

— Глазиалаболас, могущественный президент, повинуйся мне!

Этот дух выглядел просто как человек с крыльями. Но когда он улыбнулся, стало видно, что у него собачьи зубы и в углах рта появилась пена. Он миновал комнату беззвучно.

В наступившей тишине Бэйнс услышал, как Уэр переворачивает страницу книги договоров, и вспомнил, что надо добавить бренди в жаровню. Тело на алтаре, по-видимому, давно сгорело;

Бэйнс не мог сообразить, сколько времени прошло с тех пор, как он видел последнюю искру. Однако густая серая дымка не рассеялась.

— Буне, сильный принц, повинуйся мне!

Это существо оказалось самым удивительным. Оно приближалось на галеоне, который, достигнув комнаты, стал погружаться прямо в пол. На палубе лежал свернувшийся дракон, также имевший три головы — собаки, грифа и человека. Вокруг сновали темные фигуры, смутно напоминавшие человеческие. Корабль продолжал опускаться, пока не скрылся из вида.

Бэйнс почувствовал, что дрожит, не столько от страха, который уже почти прошел, сколько от эмоционального переутомления и, возможно, оттого, что долго простоял, не сходя с места. Он непроизвольно вздохнул.

— Тихо, — вполголоса проговорил Уэр. — Сейчас ни в коем случае никому нельзя терять бдительности. Мы еще управились только с половиной, и среди остальных духов многие сильнее тех, кто уже был. Я предупреждал вас, что Искусство требует физической силы и бесстрашия.

Он перевернул еще одну страницу:

— Астарот, великий хранитель сокровищ, великий и могущественный принц, повинуйся мне!

Даже Бэйнс слышал об этом демоне, хотя и не помнил где, и ожидал его материализации с живым любопытством. Однако явившаяся фигура не представляла собой ничего особенно значительного. Человекообразное существо, красивое и безобразное одновременно, сидело верхом на драконе, держа в правой руке гадюку. Бэйнс вспомнил, что духи изначально не имеют материального тела и необязательно должны иметь всегда одинаковое обличье. Согласно описанию, известному Бэйнсу, Астарот представлял собой лысую чернокожую женщину верхом на осле. Проезжая мимо, тварь улыбнулась Бэйнсу, и ее зловонное дыхание едва не свалило его с ног.

— Асмодей, сильный и могущественный царь, владеющий силой Амаймона, ангел случая, повинуйся мне! — Уэр поклонился, широким жестом сняв шляпу. При этом он, как заметил Бэйнс, соблюдал особую осторожность, чтобы не выронить магнетит.

Царь Асмодей также восседал на драконе и также имел три головы: бычью, человеческую и баранью; все три изрыгали пламя. Перепончатыми лапами демон сжимал копье и флаг. У него были, кроме того, перепончатые ноги и змеиный хвост. Зрелище весьма устрашающее, и все

же Бэйнс начал замечать определенную узость фантазии этих инфернальных актеров. Однако ему тут же пришло в голову, что монотонность могла быть намеренной. Возможно, духи хотели, чтобы он утомился и утратил бдительность. «Эта тварь запросто прикончит меня, стоит мне только на секунду закрыть глаза», — напомнил он самому себе.

— Фурфур, великий граф, повинуйся мне!

Этот ангел явился в виде большого оленя и пересек комнату одним прыжком. Его хвост пылал, словно комета.

— Хальпас, великий принц, повинуйся мне!

Появился всего лишь лесной голубь, который тоже быстро исчез. Теперь Уэр называл имена так быстро, что едва успевал переворачивать страницы. Очевидно, он чувствовал усталость своих помощников, а может быть, утомился и сам. Демоны мелькали один за другим, словно в каком-то кошмарном параде: Райм, граф из чина Тронов, человек с вороньей головой; Сенар, русалка, увенчанная герцогской короной; Сагурак, львиноголовый воин на бледном коне; Бифронс, великий граф, в образе гигантской блохи; Заган, бык с крыльями грифона; Андрас, восседающий на черном волке, ангел с головой

ворона и с широким мечом; Андреальфус, павлин в сопровождении незримого птичьего хора; Амдусциас, единорог в окружении многочисленных музыкантов; Данталиан, великий принц, в облике человека, но имевший множество лиц, как мужских, так и женских, и державший в правой руке книгу; и, наконец, тот великий царь, который был создан первым после Люцифера и первым пал в битве с Михаилом, прежде принадлежавший чину Сил — сам Белиал, прекрасный и зловещий. Он явился на огненной колеснице — в таком виде его почитали вавилоняне.

— Великие духи, — сказал Уэр, — вы без задержки отвечали мне и явились передо мной по моей просьбе. Поэтому я теперь разрешаю вам удалиться, не причиняя вреда никому из присутствующих здесь. Уходите, говорю я, но будьте готовы вернуться, когда я должным образом призову вас вашими именами и печатями. До той поры вы свободны. Аминь.

Он плотно прикрыл жаровню крышкой, на которой была выгравирована Третья Печать Соломона. Мрак в комнате начал рассеиваться.

— Все в порядке, — сказал Уэр довольно прозаическим тоном.

Как ни странно, он выглядел менее утомлен-

ным, чем после заклинания Мархозиаса.

— Дело закончено или, скорее, начато. Мистер Гинзберг, вы можете благополучно покинуть круг и включить свет.

Когда Гинзберг сделал это, Уэр задул свечи. При свете электричества казалось, будто наступил унылый рассвет, хотя на самом деле прошло лишь немного времени после полуночи. На алтаре не осталось ничего, кроме небольшой кучки серого пепла.

— Мы действительно должны оставаться здесь? — спросил Бэйнс, чувствуя себя разбитым. — Мне кажется, нам было бы гораздо удобнее в вашем кабинете — и легче было бы узнать, что происходит.

— Да, мы должны остаться здесь, — ответил Уэр. — Вот почему я просил вас, мистер Бэйнс, принести ваш транзисторный приемник, чтобы следить за событиями в мире и временем. Потому что в течение ближайших восьми часов эта комната будет единственным безопасным местом на всей земле.

16

Беспорядок, царивший в лаборатории, вызвал у Бэйнса странную ассоциацию с комнатой в

студенческом общежитии после завершающей ночи «Недели Ада». Гесс спал на длинном столе, на котором прежде лежали освященные инструменты Уэра. Джек Гинзберг лежал на полу возле главной двери и спал тревожным сном, бормоча и обливаясь потом. Терон Уэр, еще раз напомнив всем, что ни к чему здесь нельзя прикасаться, подмел алтарь и улегся спать на нем, не снимая одежды. Спал он, похоже, довольно крепко.

Бодрствовали лишь Бэйнс и отец Доменико. Монах, обойдя всю комнату, нашел за занавесом одно достаточно низкое окно и теперь смотрел на погруженный во тьму мир, повернувшись спиной ко всем и заложив руки за спину.

Бэйнс сидел на полу возле электрической печи, прислонившись к стене и прижав к уху радиоприемник. Ему было очень неудобно, но он опытным путем установил, что в этом месте самый лучший прием, — правда, он не заходил ни в один из кругов.

Но даже здесь качество звука оставляло желать лучшего. Он то усиливался, то совсем затихал даже на таких мощных станциях, как «Радио Люксембург», и часто прерывался помехами, за которыми — через промежутки от нескольких секунд до многих минут — следовали мощные

раскаты грома. К тому же большую часть времени эфир занимали музыка да реклама.

И пока что новости, которые удавалось услышать, вызывали у него лишь разочарование. Произошла крупная железнодорожная катастрофа в Колорадо, грузовое судно попало в сильный шторм и затонуло в Северном море; в Гватемале прорвало небольшую плотину и грязная вода затопила городок; в Коринфе отмечено землетрясение — обычные вещи, такое случается практически каждый день.

Кроме того, китайцы произвели еще одно испытание термоядерного оружия; еще один инцидент на израильско-иорданской границе; чернокожие из какого-то племени совершили налет на правительственную больницу в Родезии; бедняки предприняли еще один поход на Вашингтон; Советский Союз сообщил, что уже невозможно вернуть на землю трех собак и обезьяну, запущенных на орбиту неделю назад; США завоевали еще один кровавый дюйм вьетнамской земли, и премьер Ки вступил на него; и так далее в том же духе.

Подобные заурядные события служат лишь очередным доказательством того, что и так известно каждому разумному человеку: нигде на Земле

нет безопасного места, ни в этой комнате, ни за ее пределами — и, вероятно, никогда не было. Стоило ли тратить столько времени, сил и денег и высвобождать целый сонм демонов, если результат равнялся прочтению одной утренней газеты? Конечно, могли произойти кое-какие интересные злодеяния, носившие приятный характер, но многие газеты и другие издания зарабатывают на них целые состояния и в обычные дни; во всяком случае, эта идиотская машина позволяла услышать лишь жалкие обрывки таких сообщений.

Возможно, следовало подождать несколько дней или даже недель, пока не будут собраны все материалы — и тогда, несомненно, события нынешней ночи предстанут во всей их грандиозности. Оставалось надеяться лишь на это. В конце концов, по первым наброскам трудно увидеть завершенное произведение искусства. Тем не менее Бэйнса очень огорчало, что он лишен того радостного волнения, с которым художник ощущает постепенное рождение картины на холсте. Не может ли что-нибудь сделать тут Уэр? Скорее всего, нет, иначе он бы уже сделал это: несомненно, он понимал цель заказа, так же, как и его суть. Кроме того, будить его, пожалуй, опасно: ему понадобится еще много сил для за-

вершающей стадии эксперимента, когда демоны начнут возвращаться.

С горечью, но и со смирением Бэйнс сознавал, что не ему досталась здесь роль художника. Он был только меценатом, который мог наблюдать, как готовятся краски и делаются эскизы, а также владеть готовой картиной — но не работать кистью.

Но что это? «Би-би-би» передавало:

> «Третья пожарная команда направлена для борьбы с пожаром в галерею Тэйта. Эксперты считают, что уже нет надежды спасти большую коллекцию картин Блэйка, которая включает большинство его иллюстраций к «Аду» и «Чистилищу» Данте. По-видимому, также погибли почти все наиболее известные картины Тернера, в том числе и акварели, изображавшие пожар в здании Парламента. Столь интенсивный и стремительный характер возгорания наводит на мысль о возможном поджоге».

Бэйнс резко выпрямился, чувствуя растущую надежду, хотя все его суставы болезненно протестовали. Похоже, что это было символическое

преступление, преступление со значением. Он с волнением вспомнил Хаборима, демона с горящим факелом. Если бы таких преступлений оказалось побольше…

Прием все более ухудшался, мучительные попытки уловить смысл утомляли Бэйнса. «Радио Люксембург», похоже, вышло из эфира или было забито атмосферными помехами. Бэйнсу удалось поймать «Радио Милана» как раз в тот момент, когда передавали, что теперь будут транслировать все одиннадцать симфоний Густава Малера — совершенно невероятная затея для любой станции, тем более для итальянской. Может быть, демоны решили таким образом пошутить? Так или иначе, в течение, по крайней мере, ближайших суток «Радио Милана» не будет передавать новостей.

Бэйнс продолжал настраивать транзистор. Странным образом появилось необычайное количество передач на языках, которые он не понимал и даже не мог узнать, хотя сносно изъяснялся на семнадцати и бегло говорил на некоторых — в зависимости от потребностей бизнеса. Но теперь словно кто-то установил антенну на Вавилонской башне.

На короткое время прорвалась английская

речь. Но это лишь «Голос Америки» обличал агрессивные замыслы китайцев, взорвавших еще одну водородную бомбу. Бэйнс хорошо знал, что такое происходило достаточно часто. Затем снова началось разноязыкое бормотанье, изредка прерываемое резкими звуками, которые в равной степени могли сойти и за пакистанский джаз, и за китайскую оперу.

Еще один обрывок передачи на английском языке:

> «…с помощью цианида! Да, друзья, одна доза излечивает все недуги! Масса приятно хрустящих кристаллов…» Его сменил большой хор мальчиков, исполнявший хорал «Аллилуйя» с довольно странными словами: «Бизон, бизон! Раттус, раттус! Кардиналис, кардиналис!».

Потом опять сплошная тарабарщина — на сей раз без помех и временами напоминавшая что-то знакомое.

В комнате стояло отвратительное зловоние из смеси запахов бренди, камфоры, угля, вербены, пороха, мяса, духов, пота, сандала, сгоревших свечей, мускуса и паленых волос. У Бэйнса разболелась голова, он чувствовал себя словно в

утробе стервятника. Ему хотелось сделать пару глотков из спрятанной под стихарем бутылки бренди, но он не знал, сколько еще потребуется этого напитка, когда Уэр продолжит колдовство.

Между тем отец Доменико, стоявший в другом конце комнаты, наконец разжал руки. Отвернувшись от маленького окошка, он сделал несколько шагов по направлению к Бэйнсу. Но даже столь незначительное движение, по-видимому, потревожило Джека Гинзберга, который стал метаться и бормотать, потом застыл в довольно неудобной позе и захрапел. Отец Доменико искоса взглянул на него и, остановившись не доходя до Великого Круга, поманил к себе Бэйнса.

— Вы меня? — спросил Бэйнс.

Отец Доменико нетерпеливо кивнул. Бэйнс отложил в сторону перегревшийся приемник — с меньшей неохотой, чем мог себе представить лишь час назад — и тяжело поднялся сначала на колени, а затем на ноги.

Когда он заковылял к монаху, какой-то пушистый предмет пронесся перед ним и едва не сбил с ног — это был кот Уэра. Ахтой мчался к алтарю и, совершив прыжок, показавшийся невероятным для столь тучного животного, устроился на кресте своего спящего хозяина. Потом он посмотрел

своими зелеными глазами на Бэйнса и заснул — или так только казалось.

Отец Доменико повторил свой жест и отвернулся к окну. Бэйнс побрел к нему, мечтая избавиться от своих ботинок, так как ноги его как будто уже превратились в неподвижную, роговеющую массу.

— В чем дело? — шепотом спросил он.

— Взгляните туда, мистер Бэйнс.

С недоумением и раздражением Бэйнс посмотрел туда, куда показывал ему незваный Вергилий. Сначала он не мог ничего различить, так как оконные стекла запотели и были занесены снегом снаружи. Потом он обнаружил, что ночь не так уж темна, и смог разглядеть даже мечущиеся по небу облака. Окно, как и в кабинете Уэра, выходило на склоны утеса и берег моря, которое скрывалось где-то за снежной вьюгой — так же, как и город. Однако он все же казался немного освещенным. Все небо было исчерчено непрерывными тускло светившимися полосами, напоминавшими оставленные самолетами инверсионные следы — только полосы не рассеивались и флуоресцировали.

— Ну и что? — спросил Бэйнс.

— Вы ничего не видите?

— Я вижу следы метеоров или что-то подобное. В общем, какое-то необычное атмосферное свечение, может быть, отсвет пожара.

— И это все?

— Все, — огрызнулся Бэйнс. — Вы хотите меня запугать и заставить разбудить доктора Уэра, чтобы он отозвал их всех обратно? Ничего не выйдет. Мы будем ждать до самого конца.

— Ладно, — сказал отец Доменико, вновь занимая свою наблюдательную позицию. Бэйнс возвратился в свой угол и, взяв приемник, услышал:

> «...Как установлено, то, что считалось китайским экспериментом, на самом деле оказалось взрывом боеголовки ракеты, нацеленной на Тайвань. Западные столицы, чрезвычайно встревоженные гибелью от напалма вдовы Президента Соединенных Штатов в переполненной нью-йоркской дискотеке, срочно приводят свои вооруженные силы в состояние полной боеготовности, и, вероятно, вскоре в целях безопасности будет отключено электричество. Пока этого не произошло, мы будем постоянно держать вас в курсе

основных событий. Даем наши позывные. О-уу. Иг. А, попался, свиненыш… дурачить меня… О-уу…»

Бэйнс яростно искал волну, но завывания становились все отвратительнее. Справа от него спавший на столе Гесс перевернулся на спину и вдруг резко сел, опустив длинные ноги в носках на пол.

— Господи, — пробормотал он хриплым голосом. — Я слышал это, или мне приснилось?

— Можешь не сомневаться, — усмехнулся Бэйнс. Он тоже был встревожен. — Слезай и садись здесь. Дело обостряется и принимает неожиданный оборот.

— Может быть, тогда лучше все остановить?

— Нет. Садись, черт побери. Я не думаю, что мы можем это остановить, а если бы и могли, я не хочу доставлять удовольствие нашему приятелю.

— Ты предпочитаешь Третью мировую войну? — спросил Гесс, послушно садясь.

— Я не думаю, что идет к тому. Во всяком случае, мы заключили контракт, и Уэр либо контролирует ситуацию, либо будет контролировать ее. Давай подождем и посмотрим.

— Хорошо, — согласился Гесс. Он принялся

растирать пальцы. Бэйнс еще раз попытался включить приемник, но ничего не услышал, кроме смеси «Мессии» Малера и «Славьте Всевышнего».

Джек Гинзберг завывал в своем полусне. Через некоторое время Гесс равнодушно проговорил:

— Бэйнс?

— Что?

— Как ты думаешь, что это означает?

— Ну, может быть, действительно Третью мировую войну, а может быть, и нет. Откуда мне знать?

— Я не о том хотел спросить… не о самих событиях, а об их значении. Ты должен иметь представление. Ведь ради этого ты заключал контракт.

— О, гмм. Отец Доменико говорил, что дело может обернуться Армагеддоном. Уэр так не думал, но он, похоже, мог ошибаться. Во всяком случае, я понятия не имею. Я уже давно не мыслю такими терминами.

— Я тоже, — сказал Гесс, сплетая и расплетая пальцы и рассматривая их. — Я еще пытаюсь объяснить себе все в старых терминах, которые помогают понять Вселенную. Это непросто. Но ты помнишь, я говорил тебе, что интересуюсь

историей науки? Я старался понять, почему на протяжении такого долгого периода не существовало никакой науки и почему она после возрождения снова приходила в упадок. Теперь, кажется, я знаю ответ. Похоже, человеческий разум проходит своего рода цикл, обусловленный страхом. Он способен воспринять лишь ограниченное количество знаний, а потом впадает в панику и начинает изобретать доводы, чтобы все бросить и вернуться в темный век… каждый раз под каким-то изобретенным мистическим предлогом.

— В твоих словах мало смысла, — заявил Бэйнс. Он все еще пытался слушать радио.

— Не ожидал, что ты согласишься. Но так случается примерно каждую тысячу лет. Сначала люди довольны своими богами, хотя и боятся их. Потом мир становится все более светским, а боги все менее уместными. Храмы запустевают, люди начинают чувствовать себя виноватыми, но не очень. И вдруг, достигнув наивысшей секуляризации, на какую способны, они швыряют свои деревянные башмаки в машины, поклоняются Сатане или Великой Материи, они возвращаются к эллинистической культуре или принимают

христианство. In hoc signo vinces[100] — я выбрал только случайные примеры, но это происходит, Бэйнс, это происходит регулярно каждую тысячу лет. Последний раз такая паника началась накануне 1000-го года от Р. Х., когда все ожидали Второе Пришествие Христа и понимали, что не готовы встретиться с Ним. Вот в чем главная причина трагедии средневековья. А теперь приближается следующее тысячелетие, и люди напуганы нашей секуляризацией, нашим ядерным и биологическим оружием, нашей медициной; и они снова начинают поклоняться абсурду. Именно этим ты и занялся, а я тебе помогал. Некоторые люди сейчас поклоняются летающим тарелкам, потому что не смеют встретить Христа. Ты обратился к черной магии. В чем же разница?

— Я скажу тебе, в чем, — ответил Бэйнс. — Никто за все время на самом деле не видел ни одной тарелки, и причина того, что в них верят, совершенно ничтожна и, вполне возможно, объясняется твоей теорией — даже без Юнга и последователей. Но ведь мы с тобой видели демона, Адольф.

— Ты так думаешь? Я не отрицаю. Вполне воз-

---

[100] Примечания: 100
«Под этим знаменем побеждаешь» (латин.).

можно. Но Бэйнс, уверен ли ты на сто процентов? Откуда ты знаешь то, что считаешь известным? Мы стоим на пороге Третьей мировой войны, которую сами подготовили. Не может ли все это оказаться галлюцинацией, которую мы сами вызвали, чтобы избавиться от чувства вины? Что, если на самом деле ничего этого нет и мы такие же жертвы эсхатологической паники, как те, что принадлежат к формальным религиозным организациям? Такое объяснение кажется мне более вероятным, чем какие-то средневековые суеверия. О демонах: я не отрицаю увиденного, Бэйнс, я хочу только спросить тебя, чего оно стоит?

— Я скажу тебе то, что знаю, — спокойно ответил Бэйнс. — Хотя и не могу сказать, откуда — это меня не волнует. Во-первых, кое-что произошло, и вполне реально. Во-вторых, и ты, и я, и Уэр — все, кто хотел, чтобы это произошло, получили то, что хотели. В-третьих, мы не рассчитали последствий нашего эксперимента, но, какими бы они ни были, они принадлежат нам. Мы заключили сделку ради них. Демоны, тарелки, радиоактивные осадки — какая разница? Все это лишь неизвестные величины в уравнении, параметры, которые мы можем выбрать сами по своему вкусу. Почему электроны радуют тебя больше, чем демоны?

Ладно, тем лучше для тебя. Но меня интересует другое, Адольф, меня интересует результат. Мне наплевать на средства. Я задумал это дело, я осуществил его, и я плачу за него — и неважно, как оно будет названо или описано, я создал его, и оно мое. Понятно? Оно мое. Все остальное, что с ним связано, лишь пустяковые технические детали, с которыми я поручаю разбираться людям вроде тебя и Уэра — меня они не интересуют.

— Похоже, что мы все рехнулись, — мрачно проговорил Гесс.

В этот момент маленькое окно внезапно осветилось ярким белым светом, фигура отца Доменико стала темным силуэтом.

— Возможно, ты и прав, — сказал Бэйнс — Теперь пришел черед Рима.

Отец Доменико в слезах отвернулся от снова потемневшего окна и медленно направился к алтарю. Переборов отвращение, он взял Терона Уэра за плечо и потряс его. Кот зашипел и отпрыгнул в сторону.

— Проснитесь, Терон Уэр, — потребовал отец Доменико официальным тоном. — Заклинаю вас, проснитесь. Ваш эксперимент уже окончательно вышел из-под контроля, и значит, условия Соглашения удовлетворены. Уэр! Уэр! Да проснитесь

же, наконец!

17

Бэйнс взглянул на часы: было три часа ночи.

Уэр очнулся, вскочил и, не говоря ни слова, бросился к окну. В этот момент то, что было когда-то Римом, обрушилось на дом. На таком расстоянии ударная волна уже ослабла, и толчок оказался не сильным, но окно, в которое смотрел отец Доменико, разбилось, осыпав комнату миллионами стеклянных осколков. Стекла посыпались также из завешенных шторами окон под потолком. Комната наполнилась звоном — словно в ней зазвучал небесный оркестр.

Насколько мог видеть Бэйнс, никто из присутствующих не пострадал. Впрочем, даже серьезная рана едва ли имела значение теперь, когда ветры уже несли Смерть.

Уэр внешне остался невозмутимым. Он только кивнул, повернулся к Великому Кругу и наклонился, чтобы поднять свою бумажную шляпу с неровными полями. Нет, конечно, он был взволнован — у него побелели губы. Он подозвал всех к себе.

Бэйнс направился к Джеку Гинзбергу, чтобы, если потребуется, растолкать его. Но Джек уже

стоял, дрожа и ошеломленно озираясь. Казалось, он совершенно не понимал, где находится. Бэйнсу пришлось втолкнуть своего особого помощника в его круг.

— И стой здесь, — добавил Бэйнс таким голосом, который, казалось, мог поцарапать алмаз. Но Джек словно ничего и не слышал.

Бэйнс поспешно вступил в свой круг, проверив, на месте ли бутылка с бренди. Все уже были на своих местах, даже кот, который занял свой пост сразу же после того, как спрыгнул со спины Уэра.

Колдун развел огонь в жаровне и начал заклинание. Он еще не успел произнести и двух фраз, когда Бэйнс впервые с замиранием сердца понял, что это последняя попытка — и что они еще могут быть спасены.

Уэр пытался спасти ситуацию, действуя в своей обычной мрачной манере и единственным путем, которым могла воспользоваться его фатально гордая душа. Он говорил:

— Я призываю и заклинаю тебя, Люцифуге Рафокале, и, пользуясь поддержкой Силы и Высшей Власти, я без колебаний повелеваю тебе именами: Баралеменсис, Балдахиенсис, Паумахие, Аполореседес, а также именами могущественных князей: Генио, Лиахиде, министров Адского

престола, главных князей престола Апологии в девятой сфере: я заклинаю тебя и приказываю тебе, Люцифуге Рофокале, именем Того, чьи желания исполняются без промедления, священными и славными именами: Адонай, Эл, Элохим, Элохе, Зебаот, Элион, Эщерце, Иах, Тетраграмматон, чтобы ты и твои приближенные тотчас явились передо мной, несмотря на предыдущее приказание, в какой бы части мира вы ни находились, и без промедления! Я заклинаю тебя именем Того, кому повинуются все твари, тем Именем, Тетраграмматон, Иегова, которым одолеваются все стихии, сотрясается воздух, чернеет море, порождается огонь, движется земля и все властители небесные, земные и адские, содрогаются и становятся кроткими, приди! Адонай, царь царей повелевает тебе!

Ответа не последовало, если не считать раската грома.

— Теперь я призываю и заклинаю тебя, Люцифуге Рофокале, явиться перед этим кругом именем Он… именем И, которые слышал и произносил Адам… именем Иот, которое Иаков знал от ангела в ночь своей борьбы и был освобожден от рук своего брата… Именем Агла, которое услышал Лот и был спасен вместе со своей семьей…

именем Анехексетон, которое произнес Аарон и обрел мудрость… Именем Шенес Аматна, которое назвал Иошуа, и Солнце остановило свой ход… Именем Эммануел, которым три ребенка были спасены от пылающей печи… Именем Альфа-Омега, которое изрек Даниил и сокрушил Бела и дракона… Именем Зебаот, которое назвал Моисей, и все воды земли Египетской обратились в кровь… Именем Хагиос, Печатью Адоная, прочими именами: Иетрос, Атенорос, Параклетус… страшным Судным Днем… стеклянным морем перед лицом Всевышнего Властителя… Четырьмя животными перед престолом… всеми этими могущественными и священными словами, приди, и приди без промедления. Приди, приди! Аденай, царь царей повелевает тебе!

Наконец послышался… — и это был смех. Смех Того, что неспособно радоваться и смеется лишь потому, что в силу своей природы должно устрашать. Смех усилился, и Оно появилось.

Оно не стояло в Малом Круге и не вышло из Ворот, но вместо этого сидело на алтаре и беспечно болтало ногами с раздвоенными копытами. У него была козлиная голова с огромными рогами, корона, пылавшая, как факел, обычные человеческие глаза, звезда Давида на лбу, а также

козлиные ноги. Туловище походило на человеческое, только очень волосатое и с черными крыльями, напоминавшими вороньи, которые росли из лопаток. Оно имело женские груди и огромный, стоявший торчком фаллос, который оно то и дело ласкало своими сложенными в молитвенном жесте ладонями. На мохнатых руках сквозь шерсть просвечивала татуировка: на одной — solve[101], на другой — cocyula[102]. У эр медленно опустился на одно колено.

— Adoramus te[103], Пут Сатанахиа, — сказал он, положив жезл на пол перед собой, — и еще раз… ave[104], ave.

— Ave, но почему ты приветствуешь меня? — проговорило чудовище низким голосом, одновременно загадочным и манерным, как у актеров-гомосексуалистов. — Ведь ты меня не звал.

— Нет, Бафомет, хозяин и гость. Я даже не пытался. Во всех книгах говорится, что тебя нельзя

---

[101] Примечания: 101
«Разрушь» (латин.)

[102] Примечания: 102
«Укрепи» (латин.)

[103] Примечания: 103
«Поклоняемся тебе» (латин.)

[104] Примечания: 104
«Здравствуй» (латин.)

позвать и ты не являешься никогда.

— Ты звал Бога, он не явился. Меня невозможно обмануть.

Уэр опустил голову:

— Я совершил ошибку.

— Вот как? Однако всему предшествует начало. В конце концов, ты, вероятно, мог бы увидеть Бога. Но пока что вместо этого ты увидел меня. И всему есть также и конец. Я должен принести тебе благодарность. Хоть ты и червь, но благодаря тебе начался Армагеддон. Да будет сказано так во всех писаниях. Войди же подобно остальным, в Вечное Пламя.

— Нет! — закричал Уэр. — О Господи, нет! Еще не пришло время! Ты нарушаешь Закон! Ты же Антихрист…

— Мы обойдемся без Антихриста. В нем нет необходимости. Люди и так уже предались мне.

— Но… хозяин и гость… Закон…

— Мы обойдемся и без Закона. Разве ты не слышал? Те скрижали уже разбиты.

Уэр и отец Доменико затаили дыхание, но если Уэр собрался продолжать дискуссию, его опередили. Стоявший справа от Бэйнса доктор Гесс неожиданно выкрикнул:

— Я не вижу тебя, Козел!

— Замолчите, — крикнул Уэр, почти отвернувшись от видения.

— Я не вижу тебя, — упорно повторил Гесс. — Ты просто глупая зоологическая смесь. Тебя не существует, Козел. Убирайся! Кыш!

Уэр повернулся в своем круге карциста и, подняв двумя руками магический меч, замахнулся им на Гесса, однако в последний момент, очевидно, побоялся покинуть свой круг.

— Как любезно с твоей стороны, — усмехнулся дух, — что ты обратился ко мне вопреки правилам. Мы, конечно, оба понимаем, что правила существуют для того, чтобы их нарушать. Но твоя форма обращения не совсем удовлетворяет меня. Давай продолжим беседу, и я научу тебя хорошим манерам.

Гесс не ответил. Вместо этого он завыл по-волчьи и, опустив голову, бросился к алтарю. Козел Саббата разинул огромную пасть и проглотил Гесса, словно муху.

— Благодарю за жертву. Может, еще кого-нибудь? Тогда мне пора.

— Остановись, безумный и непокорный! — раздался справа от Бэйнса голос отца Доменико. В руках у монаха был какой-то лоскут. — Узри свое заблуждение, если ты решил не покоряться!

Узри же Звезду Соломона, которая явилась перед тобой!

— Забавный монашек, я никогда не был в той бутылке!

— Умолкни и не двигайся, падшая звезда! Узри в моем лице экзорциста именем Октинимоес, коего среди неправды укрепил Господь Бог и сделал бесстрашным. Именем Господа Батала, поразившего Абрана и Абетра, обрушившегося на Берора!

Козел Саббата смотрел сверху вниз на отца Доменико почти ласково. Побагровев, отец Доменико извлек из-под своего одеяния распятие и направил его на алтарь, как меч.

— Изыди в Преисподнюю, нечистый! Во имя Господа нашего, Иисуса Христа!

Распятие из слоновой кости внезапно разорвалось, осыпав одежду отца Доменико пылью. Он с ужасом смотрел на свои пустые руки.

— Слишком поздно, маг. Даже самые усердные старания твоих белых собратьев ни к чему не привели. И у Небесных владык тоже ничего не вышло. Поэтому мы свободно распространились по миру и никогда не вернемся обратно.

Огромная голова повернулась к Терону Уэру:

— Ты же — мой возлюбленный сын, и я тобой

доволен. Я ухожу, чтобы присоединиться к моим братьям и завершить нашу работу. Но я вернусь за тобой. Я вернусь за всеми вами. Война уже завершена.

— Это невозможно! — воскликнул отец Доменико, несмотря на то, что его душила пыль от рассыпавшегося распятия. — Сказано, что в этой войне вы непременно будете побеждены и закованы в цепи!

— Конечно. Но о чем это говорит? В любой войне каждая из противоборствующих сторон утверждает, что победит именно она. И первой может оказаться лишь одна из них. Решающее значение имеет последняя битва, а не пропаганда. Вы совершили ошибку — и, ох, как вы поплатитесь!

— Одну минуту… пожалуйста, — пробормотал отец Доменико. — Будьте любезны… Я вижу, что мы ошиблись… Не могли бы вы сказать, в чем мы ошиблись?

Козел усмехнулся, произнес два слова и исчез.

Начинался рассвет, багровый, тревожный, безрадостный и бесконечный. Город, который был виден из окна Уэра, в потоках холодной лавы медленно сползал к морю, но море исчезло. Отец Доменико еще несколько часов назад уверял, что оно отступило и больше уже не вернется, разве

только как цунами после Коринфского землетрясения. Опустошение распространялось повсюду вне ритуальных кругов. Внутри них последние маги ждали, когда новые Властители придут за ними.

Очевидно, ждать осталось недолго. В их умах и сердцах эхом отзывались те три последние слова. Мир без конца. Конец без мира.

Бог умер.

День после Светопреставления

Узнав такое, можно ли простить?

Т.С.Элиот «Дерево гнева».

Горе, горе, горе живущим на земле от остальных трубных голосов трех Ангелов, которые будут трубить!

Откровение, 8:3.

1

Падение Бога поставило Уэра в весьма незавидное положение, хотя и едва ли одного его. Но он сам послужил тому причиной — если столь глобальное событие вообще может иметь какую-нибудь причину, кроме первой. И как черный

маг он слишком хорошо знал победителя, чтобы ожидать от него благодарности.

С другой стороны, также не имело никакого смысла утверждать, что он напустил на мир сорок восемь демонов высокого ранга только по заказу клиента. Ад был несгораемой Александрийской библиотекой таких уловок — и, кроме того, если бы даже У эр имел идеальное оправдание, все равно нигде уже не осталось правосудия. Судья умер.

— Когда же он, черт возьми, вернется? — раздраженно спросил Бэйнс, клиент. — Скорее бы уж покончить с этим. Ожидание хуже всего.

Отец Доменико отвернулся от окна, которое было разбито ударной волной после взрыва термоядерной бомбы в Риме. До сих пор монах смотрел на оплавившиеся дома и лавки бывшего Позитано, который теперь оказался на дне отступившего моря. Если море вернется, это будет рекордное по силе цунами, возможно, даже достигнет стоящего на утесе палаццо Уэра.

— Вы не понимаете, что говорите, мистер Бэйнс, — сказал белый маг. — Теперь ничто не может быть закончено. Мы на пороге вечности.

— Вы знаете, что я имею в виду, — проворчал Бэйнс.

— Разумеется, но на вашем месте я был бы благодарен за передышку… Однако странно, что он не возвращается. Может быть, ему все-таки что-то помешало — или кто-то.

— Он сказал, что Бог умер.

— Да. Но ведь он — отец лжи. Как вы полагаете, доктор Уэр?

Уэр не ответил. Особа, о которой они говорили, являлась, конечно, не самим Сатаной, но его помощником, который откликнулся на зов Уэра — князем по имени Пту Сатанахиа, или Бафомет, Козел Саббата. Что касается вопроса, то Уэр просто не знал, как на него ответить. Было унылое утро дня после Армагеддона, а Козел обещал явиться за всеми четырьмя людьми, оставшимися в лаборатории черного мага, ровно на рассвете — словно подчиняясь условию, которое поставил Уэр выпускаемым им демонам; однако Бафомет не возвращался.

Бэйнс окинул взглядом разоренную лабораторию:

— Я не понял, что он сделал с Гессом?

— Проглотил, — ответил Уэр. — Вы же видели. Не надо было выходить из круга.

— Но он действительно съел его? Или это было… э-э… символически? Неужели Гесс теперь

действительно в Аду?

Уэр не имел ни малейшего желания вмешиваться в дискуссию, которую сразу понял как последнюю жалкую попытку Бэйнса найти рациональный выход из роковой ситуации; однако отец Доменико сказал:

— Существо, называвшее себя Баламутом, сообщило Льюису, что демоны пожирают души. Но едва ли это конец. Вероятно, вскоре нам представится возможность узнать о подобных вещах гораздо больше, чем мы бы хотели.

Он рассеянно стряхнул с себя остатки пыли от распятия. Уэр взглянул на монаха с ироническим изумлением: его Бог умер, его Христос рассеялся, как миф, его душа, очевидно, также проклята, как души Уэра и Бэйнса, — и тем не менее он все еще интересуется полусхоластической болтовней. Впрочем, Уэр всегда считал, что белая магия привлекала людей только с невысоким интеллектом, не говоря уже о вдохновении.

Но куда же делся Козел?

— Интересно, куда делся мистер Гинзберг? — спросил отец Доменико, словно пародируя мысленный вопрос черного мага. Уэр снова пожал плечами. В последнее время он совсем забыл про секретаря Бэйнса. Правда, Гинзберг

изъявлял желание стать учеником, но он хотел обучиться Ars magica в основном для того, чтобы иметь достаточное количество любовниц, и даже при нормальных обстоятельствах его опыт с помощницей Уэра Гретхен, которая на самом деле была суккубом, очевидно, умерил энтузиазм Гинзберга. Во всяком случае, какой прок от такого ученика теперь?

Похоже, Бэйнс, как и Уэр, не ожидал такого вопроса.

— Джек? — переспросил он. — Я послал его укладывать наши вещи.

— Укладывать вещи? — удивился Уэр. — Вы полагаете, что сможете уйти отсюда?

— Я полагаю, что это весьма маловероятно, — спокойно ответил Бэйнс, — но если возможность представится, я не хочу оказаться неподготовленным.

— И куда же вы полагаете направиться, чтобы скрыться от Козла?

Ответа, конечно, не требовалось. Уэр вдруг почувствовал под ногами дрожание паркетного пола. Когда оно усилилось, к нему присоединился слабый, но довольно угрожающий шум в воздухе.

Отец Доменико поспешно бросился к окну,

Бэйнс сделал то же. Уэр неохотно последовал за ними.

У горизонта была видна стена вспененной воды, приближавшейся со сверхъестественной медлительностью. Это возвращалась вода Тирренского моря, ушедшая вчера после коринфского землетрясения, которое, вероятно, произошло также не без участия демонов; впрочем, последнее обстоятельство едва ли имело теперь какое-то значение. В любом случае, нарушенное равновесие неумолимо восстанавливалось.

Козел по непонятной причине задерживался… зато цунами не заставило себя ждать.

То, что некогда было комнатой Джека Гинзберга в палаццо, теперь выглядело скорее как кабинет доктора Калигари. Все оконные рамы, все углы, все стены занимали ненормальное положение; куда бы ни встал Джек, всюду он ощущал себя так, словно попал в какой-то четырехмерный куб — впрочем, грани этого гиперкуба покрылись трещинами, не поддающимися никакому геометрическому описанию. Оконные стекла отсутствовали, с потолка капало; пол покрылся осыпавшейся штукатуркой, битым стеклом и прочим мусором; в туалете беспрерывно шла вода, словно собираясь затопить весь мир. Кро-

вать с сатиновыми простынями была засыпана известкой, и когда он достал из шкафа свои прекрасные костюмы, тщательно выбранные из «Плэйбоя», с них посыпалась пыль, как из грибов-дождевиков.

Одежду пришлось разложить на кровати, хотя она казалась лишь не намного чище, чем остальные доступные плоские поверхности. Он обтер чемодан носовым платком, который затем выбросил в окно, и принялся укладывать вещи, стараясь как можно лучше их встряхивать.

Впрочем, однообразная работа помогла немного успокоиться. Нелегко размышлять об этом безысходном положении, искать другие точки зрения. Неизвестно даже, кого винить. В конце концов, о страстном влечении Бэйнса к разрушительной деятельности Джек знал уже давно и сам помогал шефу, не считая его безумцем. Такое влечение вообще довольно широко распространено: дайте инженеру кусок динамита, и он во имя прогресса сравняет горы с землей или покроет полстраны бетоном, исключительно ради своего удовольствия. Бэйнс принадлежал к числу таких маньяков, только имел еще много денег, и, в отличие от остальных, он всегда честно признавал, что любит шум и разрушение. И вообще руковод-

ство крупных фирм, по крайней мере, в Штатах, состоит сплошь из людей, которые любят свой бизнес и не интересуются больше ничем, кроме кроссвордов или рисунков из цифр.

А Уэр? Что он сделал? Погубил себя своим же искусством, — очевидно, таков единственный способ превратить жизнь в произведение искусства. В отличие от этого идиота Гесса, он знал, как защититься от некоторых неприятных последствий своего фанатизма, хотя, в конце концов, также оказался лишь слепым самоубийцей. Уэр пока жив, а Гесс умер — если его душа не продолжает жить в Аду, — но различие между ними непринципиально. Они принадлежат к одному типу. Уэр не напрашивался на заказ к Бэйнсу; он только надеялся использовать этот заказ, чтобы умножить свои знания; так же, как Гесс использовал Бэйнса; так Бэйнс использовал Гесса и Уэра, чтобы удовлетворить свои деловые и эстетические потребности; как Уэр и Бэйнс использовали организаторские способности Джека и его увлечение сексом; и сам Джек уже устал использовать их всех.

Они стали вещами друг для друга, иначе и быть не могло в мире, где царят вещи. (Исключение, пожалуй, составляет отец Доменико, чье желание

уберечь всех от совершения чего-либо, главным образом, путем выкручивания рук — типичная ограниченная позиция мистиков, которая представляет собой вопиющий анахронизм в современном мире и заведомо неэффективна). И на самом деле едва ли кто-нибудь из них, даже отец Доменико, совершил ошибку. Просто их предали. Все их планы косвенным образом зависели от существования Бога — даже Джеку, который прибыл в Позитано как атеист, пришлось-таки в Него уверовать — ив последний решающий момент оказалось, что Его больше нет. И если кто-то и совершил ошибку, то это, конечно, Гесс.

Джек закрыл чемодан. Послышался какой-то шорох, потом другой, более слабый звук — нечто среднее между тихим покашливанием и кошачьим чиханием. Джек застыл, боясь пошевелиться: он очень хорошо знал, что означает этот звук. Но игнорировать его не имело смысла, и Джек наконец обернулся.

Как прежде, на пороге стояла девушка, и, как прежде, она выглядела иначе, чем при всех предыдущих встречах. На Джека всегда сильное впечатление производило то, что во всех своих обличьях она сохраняла некоторые общие черты, и все же каждый раз напоминала ему кого-то

другого, очень знакомого — он ни разу не смог догадаться, кого именно. Она всегда одновременно играла роли любовницы, рабыни и незнакомки. Уэр иронично называл ее «Гретхен», «Гретой» или «Ритой», и ее можно было вызвать словом «Казотта», но на самом деле она не имела ни имени, ни даже пола, и по очереди служила то суккубом для Джека, то инкубом для какой-то ведьмы на другом конце света. Казалось, такое положение вещей могло бы возмутить Джека, который отличался большой щепетильностью в подобных делах. На самом деле, оно возмущало его… незначительно.

— Ты не радуешься мне, как прежде, — сказала она.

Джек не ответил. На сей раз ему опять явилась стройная блондинка, выше его ростом, с длинными распущенными волосами. На ней были черное шелковое сари с золотой оторочкой, которое оставляло одну грудь обнаженной, и золотые сандалии, но никаких драгоценностей. Среди всего этого мусора она выглядела удивительно свежей и чистой, словно только что вышла из ванны, прекрасная, чарующая, ужасная и неотразимая.

— Я думал, ты можешь приходить только ночью, — пробормотал он наконец.

— О, те старые правила больше не имеют значения, — ответила она и, словно чтобы доказать свои слова, переступила порог даже без приглашения, тем более троекратного. — И ты уходишь. Мы должны еще раз совершить таинство, прежде чем ты уйдешь, и ты должен в последний раз одарить меня своим семенем. Оно не очень-то сильное, и моя клиентка пока что разочарована. Иди же, коснись меня, войди в меня. Я знаю, ты этого хочешь.

— В такой обстановке? Ты, наверно, сошла с ума.

— Я не могу сойти с ума: у меня нет ничего кроме разума, кем бы я тебе ни казалась. Но я не могу быть ужасно любезной, как ты видел и увидишь опять.

Она взялась за чемодан, который остался незапертым, сняла его с кровати и положила на пол. Похоже, это ей не стоило ни малейших усилий, хотя чемодан казался тяжеловатым даже Джеку. Потом она подняла руку — и вместе с ней открытую заостренную грудь, одним движением распахнула и сбросила сари и легла, обнаженная, на засыпанную известкой кровать, словно живое воплощение сладострастия.

Джек просунул палец под воротник своей ру-

башки, хотя тот оказался расстегнутым. Не хотеть ее было невозможно, и в то же время Джеку отчаянно хотелось бежать; к тому же Бэйнс ждал его, и у Джека всегда хватало здравого смысла не развлекаться в рабочее время.

— Я думал, ты вместе со своими приятелями поднимаешь Ад, — сказал он сухо.

Девушка внезапно нахмурилась, как в тот момент после их первой ночи, когда она решила, будто он дразнит ее. Ее ногти, словно независимые существа, медленно впивались в ее плоский живот.

— Ты думаешь, что спал с падшим серафимом? — проговорила она. — Я не принадлежу к Чинам, которые ведут войну; я делаю только то, что омерзительно даже проклятым. — Потом, столь же неожиданно, она весело рассмеялась: — И к тому же я поднимаю не Ад, а Дьявола, потому что Ад я нахожу в себе. Знаешь ту историю Боккаччо?

Джек знал ее. Он знал все истории подобного рода: и его Дьявол, несомненно, поднялся. Пока он еще стоял в нерешительности, послышался отдаленный грохот, почти неуловимый, но почему-то казавшийся необычайно мощным. Девушка повернула голову к окну, также прислу-

шиваясь; потом она снова раздвинула колени и раскинула руки.

— По-моему, тебе лучше поторопиться, — сказала она.

С отчаянным стоном он повалился на колени и уткнулся лицом в ее лоно. Ее гладкие стройные бедра закрыли его уши, но, как он ни прижимался к прохладному податливому телу, шум возвращавшегося моря возрастал.

Так и вверху.

> Haeresis est maxima opera maleficarum non credere[105].
>
> ***Генрих Институр и Якоб Шпренген. «Молот ведьм».***

Неприятель, кем бы он ни был, очевидно, давно уже готовился поразить командный центр «Стратегической Воздушной Команды» под Денвером. В первые двадцать минут войны враг обрушил сюда целую серию ракет с разделяющимися водородными боеголовками. Город, конечно, просто испарился, и обширное плато, на котором он стоял, теперь представляло собой лишь изборожденный глубокими лощинами остекленевший

---

[105] Примечания: 105

«Наибольшая ересь — не верить в колдовство ведьм» (латин.).

радиоактивный гранит. Но Центр был хорошо укреплен и располагался более чем в миле от поверхности. Все, кто в нем находился, испытали шок и временно оглохли; некоторые получили переломы и более мелкие травмы, одного контузило; но, в целом, руководители Центра могли бы доложить, что «потери минимальны», если бы было, кому докладывать.

По вопросу об идентификации противника возникли некоторые разногласия. Генерал Д.Уиллис Мак-Найт, знавший о «Желтой опасности» с детства, когда читал «Американ Уикли» в Чикаго, оказывал предпочтение китайцам. Из двух его главных специалистов один, уроженец Праги, доктор Джеймс Шатвье, крестный отец селеновой бомбы, почти с тех же пор видел у себя под кроватью русских.

— О чем тут спорить? — говорил Джоан Белг. Как бывший питомец Кооперации РЭНД, он полагал, что все возможно, но не хотел тратить время на бессмысленные спекуляции. — Мы всегда можем запросить компьютер: у нас, очевидно, уже достаточно данных. Но не думаю, что это имеет большое значение с тех пор, как мы разделали и русских, и китайцев.

— Нам уже давно известно, что первыми на-

чали китайцы, — заявил генерал Мак-Найт, вытирая пыль с очков носовым платком. Это был невысокого роста худощавый выпускник Военно-Воздушной Академии, — из того класса, который уже не пользовался шпаргалками на экзаменах, — почти лысый в свои сорок восемь лет; без очков он удивительно напоминал рака. — Они сбросили тридцать мегатонн на Формозу, якобы в качестве эксперимента.

— Смотря что считать началом, — возразил Белг. — Такое уже было: ранг двадцать один, уровень четыре — локальная ядерная война. Только китайцев с китайцами.

— Но мы были связаны с ними договором, не так ли? — заметил Шатвье. — Президент Энью сказал в ООН: «Я — формозец».

— Это не имеет никакого значения, — сказал Белг с раздражением. Он считал, и не собирался скрывать свое мнение, что Шатвье хотя и выдающийся физик, но во всех остальных делах — совершенный олух. Во всяком случае, Белг встречал лучшие головы в кондитерской своего отца. — Эскалация конфликта приняла почти экзистенциальный характер примерно в течение последних восемнадцати часов. Вопрос В том, насколько далеко он зашел. Вполне возможно,

что мы имеем лишь уровень шесть, центральную войну — может быть, даже не более чем Ранг тридцать четыре, вынужденная обезоруживающая атака.

— Вы считаете уничтожение Денвера вынужденным? — спросил генерал.

— Возможно. Они могли бы разделаться с Денвером одной боеголовкой, но вместо этого выпустили по нему целую обойму. Значит, они целили в нас, а не в город. Наш ответный удар не мог быть превентивным, поэтому он был рангом ниже, что, как я надеюсь, они заметили.

— Они снесли Вашингтон, — вставил Шатвье, сложив толстые ладони. Когда-то он был худым, но после того, как стал консультантом правительственного уровня, потом разработчиком концепции массированного ответного удара и, наконец, популярной личностью, к его распухшему от мозгов лбу добавилось основательное брюшко, так что теперь он выглядел как карикатура на германского филолога прошлого столетия. Белг сам имел склонность к полноте, однако, боязнь мочекаменной болезни удерживала его на умеренной диете.

— Удар по Вашингтону, скорее всего, не был направлен против гражданского населения, —

сказал Белг. — Правительство противника, естественно, становится целью номер один. Однако, генерал, все произошло так быстро, что едва ли кто из правительства имел шансы достичь убежищ. Теперь вы вполне можете стать президентом того, что еще осталось от Соединенных Штатов, и значит, вы можете вести новую политику.

— Верно, — согласился Мак-Найт. — Верно, верно.

— В таком случае, как только восстановится связь с внешним миром, мы должны выяснить некоторые факты. В частности, достигла ли эскалация максимального уровня: если да, то планета будет необитаемой. В живых останутся лишь те, кто, как мы, находится в укрепленных убежищах, и единственная политика, которая нам понадобится, будет заниматься расчетом количества консервированных бобов.

— По-моему, это слишком пессимистично, — возразил Шатвье, наконец поднявшись с кресла, в которое его усадили после неудачного падения. Оно было не очень удобным, но компьютерный зал, где они все находились в момент нанесения удара, не предназначался для комфортного отдыха. Шатвье заложил большие пальцы за лацканы

своего лишенного знаков отличий пиджака и нахмурился.

— Земля — большая планета, и если мы не сможем заселить ее, наши потомки сделают это.

— Через пять тысяч лет?

— Вы предполагаете, что использовались углеродные бомбы. Такое грязное оружие уже устарело. Вот почему я так настаивал на селеновой цепи распада; все изотопы селена обладают высокой токсичностью, но у них очень короткое время полураспада. Селеновая бомба — самое гуманное оружие.

Шатвье физически не мог ходить, но он начал кое-как переступать с места на место, в очередной раз излагая одну из своих популярных журнальных статей. Белг принялся забавляться своими пальцами с нарочитым безразличием.

— Мне иногда приходит в голову, — продолжал Шатвье, — что открытие ядерного оружия предопределено свыше. Заметьте: естественный отбор перестал играть существенную роль для человечества, с тех пор как оно установило контроль над окружающим миром и начало заботиться о жизни своих слабых представителей, что дало возможность сохраняться дефектным генам. Поскольку естественный отбор прекра-

тился, осталась единственная форма давления на вид — мутации. Искусственная радиоактивность, в том числе, конечно, и радиоактивные осадки могут явиться ниспосланным свыше путем восстановления эволюции человека… скажем, в направлении некоего высшего существа, которое мы даже не способны себе представить, или даже к некоему унитарному разуму, который будет единым с Богом, как предсказывает Тейяр де Шарден… — В этот момент генерал заметил, чем занимается Белг.

— Факты — вот, что нам нужно, — сказал он. — Тут я согласен с вами, Белг. Но большая часть наших коммуникаций вышла из строя, и, возможно, компьютер тоже получил повреждения. — Он кивнул в сторону инженеров, которые суетились вокруг РАКДОМАКа. — Я, конечно, распорядился, чтобы им занялись.

— Вижу, но нам еще нужно выяснить наиболее важные вопросы. Продолжаются ли еще боевые действия? Если они закончились или, по крайней мере, приостановились, достаточно ли разумен противник, чтобы не возобновить их? И далее, каковы масштабы внешних разрушений? Для этого нам понадобятся визуальные данные — вероятно, некоторые спутники еще на орбите, но

нам не помешали бы и съемки с более близкого расстояния, если сохранилось какое-нибудь местное телевидение.

— И если вы теперь Президент, генерал, готовы ли вы вести переговоры с сохранившимся противником в Советском Союзе и Народной Республике?

— В компьютере должны быть запрограммированы возможные варианты действий в зависимости от той или иной ситуации, — ответил Мак-Найт. — Если машина будет пригодна только для игр, зачем тогда она нам? Или вы опять вводили меня в заблуждение?

— Разумеется, я не вводил вас в заблуждение. Меня не привлекают такие игры, где ставкой служит моя жизнь. Конечно, у нас есть альтернативные проекты, я сам разрабатывал большинство из них, хотя и не занимался программированием. Но никакая программа не способна учесть все факторы. Это дело руководителя. Программирование на машине возможных вариантов известных сражений, — к примеру, Ватерлоо без геморроя Наполеона или без героизма британских сквайров, — показало, что «предсказанные результаты» могут существенно расходиться с историческими. Компьютеры рациональны,

люди нет. Вспомните Энью. Вот почему я задал вам свой вопрос, на который, кстати, вы еще не ответили.

Мак-Найт подобрался и снова надел очки:

— Я готов вести переговоры, — сказал он. — Со всеми. Даже с чинками.

2

Рима больше не существовало, как и Милана. А также Лондона, Парижа, Берлина, Бонна, Тель-Авива, Каира, Эр-Рияда, Стокгольма и многих менее известных городов. Кроме того, согласно данным, полученным со спутников, удлиненные сигарообразные облака радиоактивности вследствие вращения Земли перемещались главным образом в восточном направлении, поражая и союзников и противников. Подобные же облака, сея смерть, двигались из Европейской части СССР на Сибирь и Китай; из Китая — на Японию, Корею и Тайвань. После гибели Токио радиоактивные осадки выпали лишь над частью Тихого океана (очевидно, заразив его обитателей). Гавайи каким-то образом уцелели. Избежала прямого радиоактивного заражения и часть западного побережья Соединенных Штатов.

Это было просто удачей, потому что Лос-Ан-

джелес, Сан-Франциско, Портленд, Сиэтл, Спокан — все пострадали так же, как и Денвер, Сент-Луис, Миннеаполис, Чикаго, Нью-Орлеан, Кливленд, Детройт и Даллас. При таких обстоятельствах едва ли не серьезное значение имело то, что Питтсбург, Филадельфия, Нью-Йорк, Сиракузы, Бостон, Торонто, Балтимор, Вашингтон получили прямые попадания, поскольку даже без этих бомб восточная треть континентальных Соединенных Штатов осталась бы совершенно необитаемой в течение по крайней мере пятнадцати лет. В настоящий момент, во всяком случае, там бушевало огромное пламя, и в тех местах, где прежде были города, выявлялись лишь области повышений радиации. Северо-запад находился примерно в таком же состоянии, хотя на Западном побережье вообще упало гораздо меньше ракет. Конечно, небо над всем миром заволокло черным дымом, потому что леса Европы и северной Азии тоже пылали. За этой пеленой смерть продолжала свою неумолимую работу.

Такие данные удалось получить, конечно, лишь благодаря компьютерному анализу. Хотя на спутниках имелись телекамеры, они даже в ясный день не позволяли установить, осталась ли на Земле хотя бы разумная жизнь. Над Африкой,

Южной Америкой, Австралией и американским юго-западом небо было чище, но эти регионы не представляли стратегического интереса — как и прежде.

Наземные телекамеры сохранились в основном лишь в тех районах, где, по-видимому, ничего не происходило, хотя улицы городов опустели и немногие попавшие в объектив люди выглядели напуганными. Картины, полученные вблизи мест, подвергшихся бомбардировке, оказались фрагментарными, искаженными различными помехами и малопонятными — бессвязная последовательность образов, как в ранних сюрреалистических фильмах, где невозможно определить, что здесь пытался изобразить режиссер, некую историю или лишь психическое состояние.

Одинокий телеграфный столб, совершенно обгоревший; целый ряд таких столбов, вырванных из земли, но все еще соединенных проводами. Пустыня битого кирпича; посреди стоит железобетонная труба, почти невредимая, только поверхность немного попорчена жаром и песком, который нес ураганный ветер. Здания, все покосившиеся в одну сторону — очевидно, также от ветра. Остатки завода: несколько бывших зданий без крыш, без стен — одни кривые каркасы. Сго-

ревшие автомобили ровными рядами на стоянке, газохранилище, разбитое и сгоревшее несколько часов назад.

Стена железобетонного здания, без окон, потрескавшаяся и немного покосившаяся под действием ударной волны. Когда-то здание было выкрашено в серый или другой темный цвет, но теперь краска облупилась; только в одном месте, где у стены стоял человек, она сохранилась — тень, которую уже никто не отбрасывает.

Тому испарившемуся человеку повезло. Здесь же стоял другой, оказавшийся в более прохладной зоне: очевидно, он посмотрел на вспышку, и его глаза превратились в темные впадины: он стоял, согнув ноги и немного отставив руки от туловища, напоминая пингвина; вместо кожи его обнаженное тело покрывала обуглившаяся корка, из трещин сочились кровь и гной.

Грязная оборванная толпа, мчавшаяся по дороге, заваленной камнями, завывая от ужаса, — хотя камера передавала только изображение: впереди всех — безволосая женщина с охваченной пламенем детской коляской. Человек, которому как будто срезало кожу на спине падавшими стеклами, терпеливо работал деревянной лопатой для снега возле огромной кучи битого кирпича. Судя

по всему, здесь стоял большой дом…

Были и другие.

Шатвье произнес длинную фразу по-чешски. Тем не менее ее содержание казалось достаточно ясным. Белг пожал плечами и отвернулся от экрана.

— Довольно жутко, — сказал он. — Однако в целом разрушений меньше, чем можно было ожидать. Очевидно, мы имеем Ранг тридцать четыре — не выше. С другой стороны, похоже, основные военные объекты сохранились. Возможно, тут и есть какой-нибудь стратегический смысл, но я, признаться, его не вижу. Генерал?

— Абсурд, — отозвался Мак-Найт. — Явный абсурд. Никто не разгромлен полностью. И тем не менее боевые действия как будто закончились.

— У меня сложилось такое же впечатление, — согласился Белг. — Кажется, какого-то фактора не достает. Мы можем поставить задачу компьютеру найти аномалию. К счастью, она должна быть крупной, но, поскольку я не могу сказать машине, какого рода аномалию она должна искать, поиск займет много времени.

— Сколько? — спросил Мак-Найт, проводя пальцем за воротом рубашки. — Если чинки начнут опять…

— Примерно через час посла того, как я сформулирую вопрос и Чиф Хэй его запрограммирует; это займет, э-э, скажем, два часа минимум. Но я не думаю, что нам стоит беспокоиться о китайцах: согласно нашим данным, та первая тайваньская бомба — наибольшая из всех, которые они взрывали, и, похоже, более крупной у них нет. Что касается остальных, то, как вы сейчас сами сказали, все каким-то образом остановилось. Нам очень важно знать, почему.

— Ладно, тогда приступайте.

Вместо двух часов программирование растянулось на четыре. Потом компьютер работал в течение девяноста минут, не выдавая никакого ответа. Чиф Хэй предусмотрительно запретил машине давать ответ «Данные недостаточны», поскольку новые данные приходили со все возрастающей скоростью, по мере того как восстанавливались внешние коммуникации; в результате компьютер резюмировал проблему каждые три-четыре секунды.

Мак-Найт использовал это время для того, чтобы отдать распоряжения о проведении ремонтных работ и оценке имеющихся ресурсов, а затем приступил к поискам — также через компьютер, но с использованием лишь двух про-

центов его мощности — кого-нибудь из высших руководителей, умудрившихся остаться в живых. Белг подозревал, что Мак-Найт действительно хотел их найти. Он мог быть генералом, но для него было бы затруднительно занять пост президента, даже при столь резко сократившемся населении и упростившихся экономических и внешнеполитических проблемах. Приказать младшим офицерам, чтобы они приказали сержантам, чтобы те приказали рядовым заменить разбитые флуоресцентные лампы, — это он мог и сам. Но если бы понадобилось привести в полную боевую готовность и запустить ракеты или ввести в стране военное положение — тут он предпочел бы действовать по приказу свыше.

Сам же Белг скорее надеялся, что Мак-Найту не удастся найти персону более высокого ранга. Под руководством Мак-Найта Соединенные Штаты едва ли достигли бы впечатляющих результатов, но, с другой стороны, по-видимому, исключалась и возможность тирании. Кроме того, Мак-Найт очень зависел от своих гражданских советников, что сулило неплохие возможности. Оставалось только как-то избавиться от Шатвье.

Наконец зазвенел звонок компьютера, который стал печатать итоги. Белг начал читать с напря-

женным вниманием, а после первой страницы — с крайним изумлением. Когда вся бумажная лента вышла из принтера, он оторвал ее и бросил на стол, сказав Чифу Хэю:

— Задай вопрос еще раз.

Хэй вернулся к клавиатуре. Ему хватило десяти минут, чтобы переписать программу. Через две с половиной секунды после того, как он кончил, машина зазвенела, и длинные тонкие металлические пластинки забарабанили по бумаге. Процесс распечатывания всегда напоминал Белгу игру на пианино наоборот, где ноты превращаются в удары по клавишам. Только здесь получались, конечно, не удары по клавишам, а строчки печатного текста. Почти сразу стало ясно, что результат совершенно идентичен предыдущему. Между тем за спиной у Белга уже стоял Шатвье:

— Ну-ка, посмотрим, — сказал чех.

— Пока нечего смотреть.

— Почему же нечего? Идет распечатка, не так ли? И еще одна копия у вас на столе. Необходимо немедленно поставить в известность генерала.

Он взял длинную гармошку бумаги и начал читать. Белг никак не мог этому воспрепятствовать:

— Машина печатает абсурд, и я не хотел бы

отвлекать генерала такой чепухой. Вероятно, после бомбардировки что-то испортилось.

Хэй отвернулся от пульта.

— Я ввел тестовую программу сразу после налета, доктор Белг. Компьютер работал нормально.

— Да. Но теперь не работает. Введи еще раз тестовую программу, найди неисправность и сообщи нам, сколько времени потребуется на ремонт. Если окажется, что нельзя доверять компьютеру, мы вообще останемся не у дел.

Хэй взялся за работу. Шатвье закончил чтение:

— Почему это абсурд? — спросил он.

— Совершенно невозможно — вот все, что я могу сказать. Прошло слишком мало времени. Если бы у вас было инженерное образование, вы бы поняли это сами. К тому же тут нет никакого смысла, ни военного, ни политического.

— Предоставим сделать вывод генералу.

Взяв ленту в охапку, Шатвье с торжествующим видом понес ее в кабинет к генералу, словно мальчишка, старающийся наябедничать директору школы о проступке своих товарищей. Белг пришел в ярость не только из-за бессмысленной траты времени; Шатвье вполне мог сказать Мак-Найту, что Белг не хотел докладывать о результатах анализа; но пока машина не ис-

правлена, Белгу оставалось лишь следовать за Шатвье, чтобы объяснить свое поведение. Какого черта он научил чеха читать распечатки? Впрочем, их тесно связывала общая работа, и иного пути не было. Мак-Найт поначалу с большой подозрительностью относился к обоим. Шатвье прибыл из страны с коммунистическим режимом, и он долго объяснял, что его предок был французом, и его фамилия — лишь транслитерация французского. А Белга служба безопасности перепутала с неким Иоганом Готфридом Юльгом, забытым литератором XIX века, который перевел Арджи Борджи Хан «Садхи Кур», а также «Сказки» и другие произведения русского фольклора, так что Белгу тоже пришлось испытать унижение и признать, что его имя на самом деле еврейский вариант немецкого слова, означающего «бурдюк». Под надзором Мак-Найта оба все еще подозрительнх гражданских специалиста должны были либо сотрудничать, ибо занять не слишком высоко оплачиваемые университетские осты Белг догадывался, что Шатвье такое положение вещей нравится не больше, чем ему самому, но его меньше всего интересовало, что нравится или не нравится Шатвье, черт бы его побрал.

Полученный ответ не представлял собой шедевра анализа. Машина просто распознала аномалии в одном из последних сообщений. Ее интерпретация заставила Белга сделать вывод о неисправности; в отличие от Шатвье, он имел большой опыт работы с компьютерами в РЭНДе и знал, что если им не дать как следует прогреться или неправильно очистить от предыдущей программы, они могут выдавать совершенно параноидные фантазии.

В переводе с фортрана ответ гласил следующее: Соединенные Штаты подверглись не только ракетному удару, но и вторжению противника. Такое заключение было сделано на основании того, что спутник обнаружил в Мертвой Долине неизвестный объект (который еще вчера там отсутствовал), не являющийся естественным, и по своим размерам, форме и мощности напоминающий огромную крепость.

— Что уже не лезет ни в какие ворота, — добавил Белг после того, как дискуссия в кабинете Мак-Найта о возможности политической подоплеки загадочного феномена закончилась безрезультатно. — В случае воздушного десанта им пришлось бы доставать все материалы здесь. Если бы они приплыли морем, потребовалась

бы перевозка грузов в глубь материка. В обоих случаях их действия не могли остаться незамеченными. И со стратегической точки зрения это чистое безумие: постройки типа крепости утратили свое значение с изобретением артиллерии, а самолеты сделали их бессмысленными. Расположение такого объекта в Мертвой Долине означает, что он господствует над весьма незначительной территорией и должен испытывать большие проблемы со снабжением — с самого начала он оказывается в естественной ловушке. И, наконец, каким образом он вырос за ночь? Я хочу спросить вас, генерал, могли бы мы построить нечто подобное за такое короткое время, даже в мирных условиях и в самом благоприятном месте? Я думаю, не могли бы. А если не могли бы мы, значит, не мог бы никто.

Мак-Найт снял трубку и быстро переговорил с кем-то. Поскольку телефон имел глушитель, Белг не слышал, что говорит генерал, но догадался, куда он звонит.

— Чиф Хэй говорит, что машина в полном порядке и результат анализа идентичен предыдущим, — сообщил Мак-Найт. — Теперь, очевидно, дело за рекогносцировкой (он произнес слово правильно, а на фоне его калифорнийского ак-

цента прозвучало это довольно искусственно). Есть ли такой объект в Мертвой Долине или нет? Поскольку спутник смог обнаружить его, он должен иметь гигантские размеры. Не менее двадцати трех миль — даже город Сан-Антонио останется незамеченным, если не знаешь, на что смотришь.

Белг знал, что тут Мак-Найт говорит как специалист. До того как его назначили командующим стратегическим центром в Денвере, почти вся его служба была связана с различными аспектами воздушной разведки: даже подростком он участвовал в поисково-спасательных операциях Гражданского Воздушного Патруля, которые в то время особенно часто проводились во время пожаров и селей в районе Лос-Анжелеса.

— Я не сомневаюсь, что спутник обнаружил нечто, — сказал Белг. — Но он «видит», вероятно, лишь область высокой радиации, возможно, также готового излучения, а не оптический объект, тем более конструкцию. Мне кажется, речь идет об одной из разделяющихся боеголовок, которая сбилась с курса или была нацелена неточно с самого начала.

— Вполне вероятно, — согласился Мак-Найт. — Но к чему гадать? Очевидно, первым делом надо

послать туда пикирующий бомбардировщик и получить фотографии и пентаграммы с малого расстояния. Примитивность сооружения, на что вы обратили внимание, похоже, указывает на китайцев, а у них нет радаров для малой высоты. С другой стороны, если самолет будет обстрелян, мы также получим кое-какие данные о противнике.

Белг вздохнул про себя. Пытаться сбить Мак-Найта с его навязчивой идеи — напрасный труд. Но, может быть, в данном случае она не принесет вреда; во всяком случае, предложение весьма разумное.

— Хорошо, — сказал он. — Один самолет — небольшая ставка. У нас еще останется, что проигрывать.

3

Самолет никто не атаковал, однако не все прошло гладко. Ни фотограф, ни механик, занятые своими приборами, почти не увидели цели, и пилот по той же причине видел не многим больше.

— Адская качка, — сообщил он на опросе после полета, происходившем за тысячу миль от Мертвой Долины, под Денвером. — А в районе объекта сильный восходящий поток, как было в

Нью-Йорке, только похуже.

Но штурман, выполнив свою работу, от нечего делать посмотрел в иллюминатор и впал в шоковое состояние. Это был смуглый молодой парень из Чикаго, который выглядел так, будто его взяли в армию прямо из мафиозной семьи, но теперь он не мог сказать ничего кроме одной фразы, которая никак не шла дальше первого слога: «Дис… Дис…» Позднее он оправился от шока и смог рассказать об увиденном. Но пока что от него было мало толку.

Однако фотографии оказались достаточно четкими, кроме инфракрасных, которые не дали практически никакой информации. Сооружение имело форму правильного кольца, окруженного рвом, который — что казалось немыслимым в Мертвой Долине — был наполнен, хотя и черной, но, по-видимому, настоящей водой. От воды шел пар, тут же рассеиваясь в совершенно сухом воздухе. Сама конструкция представляла собой широкую стену, окружавшую участок земли добрых пятнадцати миль диаметром. Стена регулярно прерывалась башнями и другими постройками, — некоторые из них напоминали мечети. Все это ярко сияло, словно состояло из раскаленного докрасна железа, и спектрограф

показал, что именно так оно и есть.

За стеной, как в лунном кратере, шли ряды террас. Первую, расположенную на уровне земли, усеивали небольшие прямоугольные предметы, которые, судя по данным спектографа, также состояли из раскаленного железа. Следующую террасу окаймляло нечто вроде еще одного рва, кроваво-красного и широкого, как река. За ней — что казалось еще более странным — начиналось кольцо густого леса такой же ширины, как река, переходившего далее в кольцо песков.

В лунном кратере здесь начинались бы предгорья центрального пика. Но на снимках вместо этого в центре сооружения зияла колоссальная черная дыра. Река прорезала с одной стороны лес и песчаную пустыню и огромным водопадом низвергалась прямо в дыру; здесь тьма смешивалась с туманом, и видимость сводилась к нулю.

— Что вы там говорили о постройке крепости за одну ночь, Белг? — мрачно усмехнулся генерал. — Никакая человеческая сила не способна сделать это!

— Никакая человеческая сила тут не действовала, — глухо проговорил Шатвье. Он обернулся к адъютанту, который принес фотографии, совсем молодому полковнику с коротко остриженными

светло-русыми волосами, белым лицом и дрожавшими руками:

— Есть какие-нибудь крупные планы?

— Да, доктор. На самолете установлена автоматическая камера, которая снимала непрерывно. Вот один из лучших снимков.

Снимок, действительно, был превосходный. Нечто вроде высоких ворот замка в лучшем средневековом стиле. На стенах толпятся сотни темных фигур, три из которых, стоящие над самими воротами, смотрят вверх на самолет и видны с поразительной ясностью. Это гигантские обнаженные женщины с растрепанными, толстыми, как веревки, волосами и вытаращенными в безумной ярости глазами.

— Я так я думал, — кивнул Шатвье.

— Вы знаете их? — удивленно спросил Белг.

— Нет, но я знаю их имена: Алекто, Мегера и Тисифона.

— Хорошо, что среди нас есть, по крайней мере, один человек с европейским образованием. Я полагаю, наш расстроенный друг, штурман, — католик. Или был им. Во всяком случае, он совершенно прав: это Дис, крепость, окружающая Нижний Ад. А отсюда, очевидно, следует, что остальная часть Земли теперь является Верхним

Адом, не только в переносном, но и в буквальном смысле.

— Очень интересно, — язвительно заметил Белг. — Неплохо будет, если хотя бы один из нас не потеряет головы. Меньше всего нам теперь нужно впадать в предрассудки.

— Если увеличить фотографию, я думаю, будет видно, что на головах у этих женщин на самом деле не волосы, а живые змеи. Не так ли, полковник?

— Э-э… доктор… похоже на то.

— Конечно. Это Фурии, которые стерегут врата Диса. Они — хранительницы Медузы Горгоны, которой, слава Богу, нет на снимке. Ров — не что иное, как Стикс: на первой внутренней террасе находятся горящие гробницы Ересиархов, а на следующей мы имеем реку Флегетон, Лес Самоубийц и Проклятый Песок — на него должен постоянно падать огненный дождь, но, я думаю, он не виден при солнечном свете. Мы также не можем видеть того, что расположено внизу, но вероятно, и там все точно соответствует описанию Данте. Толпа на башне над подъемным мостом состоит из демонов, не так ли, полковник?

— Сэр, мы не можем сказать, кем они являются. Мы предполагали, что они пришельцы с Марса

или еще откуда-нибудь. Но у них у всех различная внешность.

Белг почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Я отказываюсь верить в эту галиматью, — заявил он. — Шатвье просто интерпретировал факты, основываясь на своем бессмысленном «образовании». Даже марсиане кажутся меньшим абсурдом.

— Что известно об этом Данте? — осведомился Мак-Найт.

— Итальянский поэт тринадцатого века…

— Начала четырнадцатого, — поправил Шатвье. — И не просто поэт. У него было видение Ада и Небес, благодаря чему он создал величайшую из когда-либо написанных поэм — «Божественную Комедию». Все, что мы видели на этих снимках, точно соответствует ее восьмой и девятой песням.

— Белг, постарайтесь найти экземпляр этой книги и заложите в компьютер, — распорядился Мак-Найт. — Сначала мы должны установить, действительно ли соответствие так точно. А потом уже можно будет думать о его значении.

— Компьютер, наверно, уже содержит ее в своей памяти, — сказал Белг. — Вся библиотека Кон-

гресса и наша записаны на микрофильмах, — для самих книг у нас здесь не хватило места. Достаточно будет сказать Чифу Хэю, чтобы он включил в решаемую проблему новую информацию. Но я по-прежнему считаю это абсурдом.

— Нам нужно мнение компьютера, — заявил генерал. — Ваше, как оказалось, не так уж надежно.

— И еще одно, — добавил Шатвье, быть может, с несколько меньшим самодовольством, чем ожидал Белг. — Пусть Чиф Хэй включит в проблему все, что имеется в библиотеке о демонологии. Возможно, это нам понадобится.

Пожав плечами, Белг покинул кабинет: в компании сумасшедших… нормальным не останешься.

Всего несколько секунд потребовалось компьютеру, чтобы дать ответ:

> «Древние тексты и произведения художественной литературы, привлеченные к решению проблемы, противоречат друг другу. Однако новые фактические данные точно соответствует некоторым из них, и приблизительно — большинству. Предположение о том, что сооружение в

Мертвой Долине создано русскими, китайцами или какими-нибудь другими людьми, имеет наименьший уровень вероятности и может быть исключено из рассмотрения. Межпланетная гипотеза немного более вероятна. Вторжению с Венеры соответствуют некоторые фактические данные, такие, как огромная жара и наличие аномальных форм жизни, однако данная гипотеза не совместима с большинством архитектурных и других исторических деталей, а также с указанным уровнем технологии. Вероятность того, что сооружение в Мертвой Долине есть город Дис и что его внутренняя область является Нижним Адом, равна 0,9 при уровне значимости в 5 процентов, и, таким образом, эта гипотеза должна быть принята. Отсюда первое следствие: вероятность того, что только что закончившаяся война представляла собой Армагеддон, равна 0,9 при том же уровне значимости. Второе следствие — вероятность того, что силы Бога потерпели поражение в этой войне и что поверхность земли слилась с Верхним Адом,

равна 0,999 при том же уровне значимости.»

— Ну что ж, это значительно проясняет ситуацию, — сказал Мак-Найт.

— Но, черт возьми! — такого просто не может быть! — воскликнул Белг в отчаянии. — Ладно, допустим, компьютер работает нормально, но ведь у него нет разума. Теперь он выдает только естественные следствия введенных в него средневековых суеверий.

Мак-Найт уставил свои рачьи глаза на Белга:

— Вы видели снимки. Они получены не из компьютера, не так ли? И не из старинных книг. Я думаю, нам лучше не лезть на рожон и решить, что делать дальше. Мы еще должны думать о Соединенных Штатах. Доктор Шатвье, у вас есть предложения? Это был плохой знак. Мак-Найт использовал почтительное обращение к одному из них только для того, чтобы показать свое нерасположение к другому, — хотя Белг и так уже не сомневался в своей опале.

— Я все еще в большом сомнении, — скромно начал Шатвье. — Прежде всего, если произошел Армагеддон, нас всех должны были призвать на суд; и в пророчестве явно ничего не говорится о

победивших демонах, разбивающих лагерь на поверхности Земли. Если компьютер во всем прав, тогда либо Бог умер, как сказал Ницше, либо, как иногда острят, Он жив, но не хочет вмешиваться. В любом случае, я думаю, нам лучше не привлекать к себе внимание. Мы ничего не можем сделать со сверхъестественными силами; и если Он еще жив, битва, возможно, еще не кончилась. Здесь, я надеюсь, мы в относительной безопасности, и нам не стоит лезть в самое пекло.

— Вот тут вы заблуждаетесь, — энергично возразил Белг. — Представим на минуту, что эта фантазия отражает истинное положение вещей, — иными словами, что демоны оказались реальными и находятся в Мертвой Долине.

— Я не знаю, что можно считать «реальным» в данном контексте, — заметил Шатвье. — Их, конечно, можно видеть, но они, определенно, не принадлежат к тому же порядку реальности…

— Этот вопрос мы не можем сейчас обсуждать, — перебил Белг. Он очень хорошо знал, что вопрос, который поднял Шатвье, достаточно серьезен, Белг и сам был радикальным позитивистом. Но такие разговоры могли лишь сбить с толку Мак-Найта, а дело требовало сохранения определенности независимо от того, имело

ли оно само какую-либо определенность или нет. — Видите ли, если демоны реальны, тогда они занимают пространство — время в реальной Вселенной. А это означает, что они существуют в некой энергетической системе Вселенной. Пусть они гуляют по раскаленному докрасна железу и живут с удобством в Мертвой Долине; это не более сверхъестественно, чем обитание бактерий в кипящих водах вулканических источников. Тут речь идет всего лишь о приспособлении. Но тогда мы можем узнать, что представляет собой энергетическая система демонов. Мы можем проанализировать ее работу, а после этого — атаковать их.

— Может быть, — кивнул Мак-Найт.

— Прошу прощения, — сказал Шатвье. — Но я думаю, мы должны действовать чрезвычайно осторожно. Тот, кто не воспитан в этой традиции, не представляет себе всех возможных опасностей. Я сам уже плохо помню…

— К черту ваше воспитание, — огрызнулся Белг. Но он и сам мог кое-что припомнить: безграничное гетто вдоль Ностранд Авеню; бородатые хасиды в меховых шапках и длинных одеяниях, гуляющие парами под облетающими вязами Гранд Сентрал Паркуэй; страх перед бандами под-

ростков в темных тоннелях; бесконечные казуистические споры о мифах Талмуда и Мидрашима в душной шуле; женщины с двойными блюдами, спешившие подкормить своих нерадивых школяров; запах кошера[106], почти зловоние, по сравнению со всеми остальными американскими запахами; мать, грезившая тем, что Ханксли по милости Божьей также суждено стать святым человеком; и когда вместо этого он открыл для себя радости и печали земного мира, убежав от меховых шапок, запаха фаршированной рыбы и изнуренных любящих женщин, — страх перед гневом завистливого Бога. Но все это было много лет назад, и больше уже не вернется: он не допустит.

— О чем вы говорите? — осведомился Мак-Найт. — Будем ли мы что-нибудь делать или нет и, если будем, что именно? Переходите к делу.

— С моей точки зрения, — сказал Шатвье, — если вся демонология действительно имеет место или, иными словами, истинна, тогда истинны и христианские мифы, хотя не все точно соответствует предсказанию. А отсюда следует, что существует такая вещь, как бессмертная душа,

---

[106] Примечания: 106
Пища, приготовленная по еврейским религиозным обычаям.

или, может быть, следует сказать, что мы имеем бессмертную душу и должны принять ее к сведению, прежде чем совершать поспешные действия.

Похоже, забрезжил какой-то свет. Белг почувствовал большое облегчение. Христианские мифы не имели к нему отношения, по крайней мере, прямого. И если они рассматривались лишь как правила некой игры, он ничего не имел против.

— Но в таком случае, — возразил он, — я не думаю, что у нас есть возможность остаться посередине. Правила игры требуют, чтобы мы встали на ту или иную сторону.

— Вот это правильно, черт побери, — оживился Мак-Найт. — И, в конце концов, наше дело правое. Не мы начали войну, а чинки.

— Именно так, — подтвердил Белг. — Нас вынудили к самообороне. И я полагаю, сейчас не время думать о том, что с нами произойдет в загробной жизни, о которой мы не имеем сведений, — пока мы еще живем здесь, рано считать, будто все кончено. Может быть, эта война и метафизическая. Но мы по-прежнему живем в некой физической Вселенной. Рациональная Вселенная расширилась, но не исчезла. Так давайте узнаем

о ней больше.

— Хорошо, — сказал Мак-Найт. — Но как? Я спрашиваю и не могу добиться от вас ничего, кроме философских рассуждений. Какие действия вы предлагаете?

— У нас еще остались ракеты?

— Вероятно, около дюжины пяти- и десятимегатонных и, конечно, старушка Момби.

— Белг, вы сошли с ума, неужели вы хотите предложить?..

— Подождите минутку, дайте мне подумать…

«Старушка Момби» представляла собой комплексный носитель с пятью стомегатонными боеголовками, каждая из которых могла сделать непригодной для жизни даже Луну. Такое оружие в настоящей ситуации конечно, не требовалось. Лучше придержать ее в резерве.

— Я думаю, мы должны провести одну небольшую акцию в Мертвой Долине. Вреда от этого будет, скорее всего, немного, а то и вовсе никакого, но мы получим кое-какую информацию. Когда облако поднимется, можно будет определить радиологические, химические и прочие характеристики объекта, а остальное уже дело компьютера. Эти демоны вторглись в реальный мир, и если мы можем их видеть и фотографиро-

вать, значит, теперь они обладают некоторыми из его свойств. Посмотрим, как они поведут себя, когда их припечет посильнее, чем раскаленным железом. Даже если они только немного вспотеют, мы сможем проанализировать и это!

— А что если они определят, откуда запущена ракета? — спросил Шатвье, но по выражению его лица Белг понял, что у чеха уже не осталось других аргументов.

— Тогда, наверное, нам конец. Но взгляните на их крепость. Едва ли они имели дело с настоящими боевыми действиями за последние шесть веков. Конечно, они обладают различными сверхъестественными силами, но им еще много предстоит узнать о естественных! Может быть, они еще до сих пор не встречали достойного противника, — и если Армагеддон еще не закончился, небольшое выступление на стороне нашего Создателя нам не помешает. Если Он еще с нами и всерьез заинтересован в победе, бездействие с нашей стороны принесет нам неприятности в дальнейшем, разумеется, если Он, в конце концов, победит. А если Его больше нет с нами, тогда мы должны, как говорится, помочь себе сами.

— Приступайте, — сказал генерал.

Белг кивнул и вышел из кабинета, отправившись на поиски Чифа Хэя. Он чувствовал, что в основном сумел восстановить свой престиж.

4

Позитано смыло гигантской волной, однако остатки палаццо Уэра все еще стояли на вершине утеса, словно древнеримские развалины.

В бывшей трапезной обвалился потолок, и розовая штукатурка разбила посуду У эра и засыпала диаграммы, оставшиеся после последнего обряда. Сверху еще продолжали сыпаться черепки и прочий мусор, поднимая облака едкой пыли навстречу теплому апрельскому радиоактивному дождю.

Уэр сидел на остатках алтаря среди разрушенных стен. Он испытывал очень сложные чувства, которые не мог бы объяснить даже самому себе. После стольких лет обучения суровой, не допускающей эмоций ритуальной магии казалось странным, что он способен вообще иметь какие-то чувства, кроме жажды знания. Теперь ему приходилось вновь познавать забытые ощущения, потому что его книга знаний, ради которой он продал душу, оказалась погребенной под тоннами грязи.

В некотором смысле он теперь стал свободным. После того как шок от удара цунами прошел и падали лишь отдельные куски штукатурки, Уэр, выбравшись из груды мусора, сразу направился к двери и вышел на лестницу, которая вела вниз в спальню. Но уже ниже третьей ступени всю лестницу заполняла вязкая грязь, морщившаяся и оседавшая по мере того, как из нее выходила вода. Книга Уэра осталась где-то внизу, и ей предстояло через много веков превратиться в окаменелость. «Ну и что, — думал он, — жизнь еще не кончилась. Разве нельзя начать все сначала?» Теперь вновь, все, что оказалось ложным, стерто, все мертвые знаки могут быть отвергнуты или возрождены. Немногим людям дано пройти через такое очищающее испытание, как полный крах всех замыслов.

Но потом он понял, что это тоже иллюзия. Он не освободился от прошлого, которое неумолимо диктовало свою волю. В любой момент мог явиться Козел Саббата. Уэр закрыл дверь на лестницу и, задумчиво дуя в белые усы, вернулся в лабораторию.

Отец Доменико уже устал — нельзя сказать определенно, что он потерял терпение — и от ожидания, и от бесплодных дискуссий о том, ко-

гда они придут и придут ли вообще, и он решил попытаться дойти до Монте Альбано и посмотреть, что осталось от школы белых магов. Бэйнс по-прежнему сидел в лаборатории, пытаясь узнать какие-нибудь новости с помощью маленького транзисторного приемника, который он так жадно слушал вчера, когда начали приходить сообщения о первых драматических последствиях Черной Пасхи, устроенной по его заказу Уэром. Однако теперь Бэйнс мог слышать лишь атмосферные помехи и изредка отдаленные голоса, говорившие на неведомых языках.

Здесь же находился и Гинзберг, как обычно, аккуратно одетый и потому выглядевший наименее пострадавшим из всех троих. Когда вошел Уэр, Бэйнс сунул приемник своему секретарю и направился к магу, проклиная попадавший под ноги мусор.

— Нашли что-нибудь?

— Кажется, я не лишился памяти, — ответил Уэр. — Несомненно, я еще способен заниматься магией, если достану из-под этого мусора свои инструменты. Другое дело, могу ли я работать. Условия резко изменились, и я даже не представляю себе, в какой степени.

— Ну, вы могли бы, по крайней мере, вызвать

какого-нибудь демона и попытаться получить от него информацию. Похоже, больше спрашивать не у кого.

— Я вижу, мне придется говорить прямо. В настоящий момент я совершенно лишен возможности совершать магические действия, доктор Бэйнс. Очевидно, вы опять упускаете суть проблемы. Условия, на которых я вызывал демонов, утратили силу — я больше не могу ничего сделать для них; они теперь, очевидно, сами владеют большей частью мира. Если я попытаюсь вызвать их в такой ситуации, вероятно, ни один из них не ответит — и это, возможно, даже будет к лучшему, потому что я уже не в силах их контролировать. Они состоят почти из одной ненависти ко всем не-Павшим и всем, кто еще может быть спасен; но больше всего они ненавидят бесполезные орудия.

— Мне кажется, даже теперь мы все не так уже бесполезны, — сказал Бэйнс. — Вы говорите, что демоны овладели большей частью мира, но также очевидно, что они пока не овладеют им всем. Иначе Козел вернулся бы, как обещал, и мы были бы в Аду.

— Ад состоит из многих кругов. Вероятно, мы уже находимся на пороге первого — в Преддверии

Бесполезности.

— Мы были бы гораздо глубже, если бы демоны контролировали ситуацию или если бы суд над нами уже закончился.

— Тут вы, несомненно, правы, — согласился Уэр, немного удивленный. — Но, в конце концов, им некуда торопиться. В прошлом мы могли бы спастись, покаявшись в последнюю минуту. Но теперь Бога нет и обращаться не к кому. Они заберут нас, когда захотят.

— Здесь я склонен согласиться с отцом Доменико. Мы не знаем этого наверняка: нам просто сказал Козел. Я признаю, что другие факты как будто говорят о том же; но все-таки он мог и наврать.

Уэр задумался. Дело тут, конечно, не во внешних обстоятельствах; они, несомненно, ужасны: ни один человек не способен справиться с ними, — и все-таки не выходят за пределы человеческого воображения. Это более или менее предсказуемые последствия Третьей мировой войны, которую Бэйнс сам активно подготавливал, до того как стал проявлять интерес к черной магии. С теологической точки зрения тут также нет ничего необычного: новая, но не существенно измененная версия Проблемы Зла, древнего

вопроса о том, почему добрый и милосердный Господь допускает столько страданий невинных. Значения параметров немного изменились, но фундаментальное уравнение осталось прежним.

Тем не менее торговец оружием совершенно прав — так же, как и отец Доменико, — в том, что у них пока нет достоверной информации по самому важному вопросу.

— Мне бы не хотелось питать на этот счет какие-то иллюзии, — медленно проговорил Уэр. — Но с другой стороны, как известно, разочарование в Боге — тяжелейший грех. Что вы имеете в виду конкретно?

— Конкретного — пока ничего. Но допустим на минуту, что демоны еще не получили полную свободу действий — я, конечно, понятия не имею, чем она может быть ограничена — и что, следовательно, битва еще не завершена. В таком случае они могли бы воспользоваться чьей-нибудь помощью. Суда по тому, как много им уже удалось, в конце концов, они, скорее всего, победят, — и по своему опыту я знаю, что лучше всего оказаться на стороне победителей.

— Легкомысленно считать, будто триумф зла может принести кому-то выгоду. Зло просто бессмысленно, если ему не противостоит добро.

Вы намереваетесь совершить последний шаг от Бога — это даже хуже, чем манихейство, это уже чистый сатанизм. Я общался с демонами, но никогда не поклонялся им и не хочу теперь начинать. Кроме того…

Внезапно из радиоприемника послышался резкий пронзительный звук, затем последовала немецкая речь. Уэр слышал голос достаточно хорошо, чтобы уловить сильный швейцарский акцент, но недостаточно хорошо, чтобы понять смысл. Он и Бэйнс сделали шаг к Гинзбергу, который слушал с напряженным вниманием и сделал им знак не двигаться.

Речь была прервана еще одним пронзительным звуком, после чего возобновились щелчки, треск и шум, словно от водопада.

— Это было «Радио Цюрих», — сказал Гинзберг. — В Штатах произошел взрыв водородной бомбы, в Мертвой Долине. То ли возобновилась война, то ли какая-то боеголовка взорвалась с запозданием.

— Хмм, — пробормотал Бэйнс. — Лучше уж второе, чем первое… хотя, если подумать, тут могут быть некоторые основания для оптимизма. Но пусть выскажется доктор Уэр, вы не закончили?

— Я хотел добавить лишь одно: в данной ситу-

ации практически невозможно оказать помощь демонам. Они подняли оружие против всех, живущих на Земле, и мы не в состоянии помочь им перенести их войну на Небеса, если от Неба вообще что-нибудь осталось. Кое-кто из школы отца Доменико, вероятно, сумел бы проникнуть в аристотелевы сферы, — в чем я сомневаюсь, — но у меня это точно не получится.

— Последний взрыв наводит на мысль, что кто-то еще сражается, — заметил Бэйнс. — Если, конечно, это не какой-нибудь случайный взрыв. Мне кажется, что там действует Стратегическая Воздушная команда, вероятно, они обнаружили настоящего врага. У них есть под Денвером лучший в мире центр машинной обработки данных, и, кроме того, у Мак-Найта первоклассные помощники, в том числе и сам Джеймс Шатвье, и человек из РЭНДа, которого я пытался переманить к себе.

— Я пока не понимаю, причем здесь мы.

— Мы с Мак-Найтом хорошо знаем друг друга. Ом помог мне получить кое-какие заказы в министерстве обороны, и я собирался сделать его президентом «Консолидейтед Варфэр Сервис», о чем ему хорошо известно. Он прекрасно разбирается в своей области воздушной разведки, но

иногда бывает чересчур прямолинеен. Если он бомбит демонов, я, вероятно, мог бы убедить его прекратить это.

— Возможно, — проговорил Уэр. — Но как вы доберетесь туда?

— «Радио Цюрих» еще действует. Значит, скорее всего, действует и их аэропорт. Джек может вести самолет, если понадобится, но, вероятно, в этом не будет необходимости: у нас есть большой офис в Цюрихе — фактически наша главная штаб-квартира, и я имею доступ к двум счетам в швейцарском банке, моему собственному и компании.

Мне лучше воспользоваться этими деньгами, пока какой-нибудь ловкач не сообразит занять хранилище с двадцатью тысячами ящиков консервированных бобов для своей семьи.

«Пожалуй, его план не лишен достоинств», — подумал маг. По крайней мере, можно будет избавиться, хотя бы временно, от Бэйнса, общество которого уже начало утомлять Уэра, а также от Джека Гинзберга, вызывавшего у Уэра отвращение. Тогда, конечно, рядом с ним не окажется ни одной живой души, если Козел все-таки явится сюда: однако это волновало Уэра меньше всего; за многие годы он прекрасно усвоил, что в момент

решающей схватки каждый человек остается в одиночестве, особенно маг.

Может, в глубине души он уже думал, что в конце концов сделает последний шаг к сатанизму, но, по крайней мере пока успешно подавлял подобные мысли. Сам он еще ничего не решил, только согласился с тем, чтобы Бэйнс и Гинзберг отправились к человеку, которого он не знал, и посоветовали ему не совершать действий, не имевших уже никакого значения…

После их ухода он, очевидно, сможет все как следует обдумать. У него оставалась еще крохотная надежда, несомненно, тщетная; но теперь он хотел уделить ей больше внимания. Если действовать правильно, можно еще смешаться со множеством тех ангелов, которые не участвовали в мятеже, но и не остались верными Богу и о которых сказано, что «пропасть Ада их не принимает, иначе возгордилась бы вина»[107].

5

Отец Доменико ощутил пробуждение надежды, когда, к своему удивлению, обнаружил, что

---

[107] Примечания: 107

Данте Алигьери «Божественная комедия», «Ад», песнь III (пер. Лозинского).

Монте Альбано нисколько не пострадало. Как прежде, высились стены, возведенные в XI веке И затем перестроенные после землетрясения аббатом Джорджио, который впоследствии стал Папой Иоганном Двенадцатым; и как прежде, попасть в монастырь можно было лишь на муле, на поиски которого отец Доменико затратил больше времени, чем на весь путь от Позитано. Однако в конце концов ему это удалось, и он вновь оказался в прохладных стенах библиотеки со своими собратьями, белыми монахами.

Здесь находились почти все те маги, которые встретились зимой, чтобы попытаться воспрепятствовать осуществлению намерений Терона Уэра и его клиента: отец Ампаро, отец Умберто (настоятель) и все остальные монахи ордена, а также отец Учелло, отец Бушер, отец Ванче, отец Ансон, отец Селани и отец Ателинг. По-видимому, гости продолжали оставаться в монастыре после зимнего собрания. Отец Розенблюм скончался; его место занял бывший ученик отца Доменико Джоаннес, который, несмотря на свои семнадцать лет, выглядел теперь уже совершенно взрослым. Конечно, они очень нуждались в помощи, и отец Доменико без ложной скромности мог сказать, что Джоаннес хорошо обучен.

После торжественной и радостной церемонии встречи выяснилось, что дискуссия — как можно было ожидать, — продолжалась уже несколько часов и представляла собой лишь другую версию дискуссии, проходившей в Позитано: каким образом Монте Альбано уцелело в мировой катастрофе и что это означает? Но к такому варианту дискуссии отец Доменико присоединился с гораздо большей охотой.

И, очевидно, он мог придать ей некое новое направление; поскольку их Видящий, монах-отшельник отец Учелло, в значительной степени утратил свой дар из-за близости такого большого количества умов; белые монахи имели лишь самое общее представление о том, что происходило в палаццо Уэра, а дополнительные мирские новости не отличались достоверностью. Отец Доменико вкратце рассказал о последнем заклинании; однако его коллеги уже в достаточной степени представляли себе всю серьезность ситуации, и рассказ сопровождался лишь незначительным количеством возгласов ужаса.

— Всего, — заключил он, — в результате этой церемонии было выпущено из Преисподней сорок восемь демонов, и У эр приказал им вернуться на рассвете. Когда стало очевидно, что

дело совершенно вышло из-под контроля, я на основании Соглашения потребовал от Уэра вызвать их раньше назначенного срока; он согласился и попытался вызвать Люцифуге Рофокале; но на зов явился сам Пут Сатанахиа. Когда я попытался изгнать это отвратительное чудовище, распятие взорвалось в моей руке, и тогда монстр объявил нам, что Бог умер и силы Ада одержали окончательную победу. Козел обещал вернуться на рассвете за всеми нами — за всеми, кроме второго помощника Бэйнса, доктора Гесса, которого Бафомет проглотил, когда тот поддался панике и покинул круг. Однако Козел не вернулся, и я покинул палаццо и поспешил в Монте Альбано.

— Помните ли вы имена и титулы всех сорока восьми? — спросил отец Ателинг, голос которого дрожал от дурных предчувствий больше обычного.

— Думаю, что да, то есть мог бы вспомнить; ведь я видел их всех своими глазами, а такое зрелище нелегко изглаживается из памяти. Во всяком случае, если бы я пропустил некоторых, — что маловероятно, — их можно было бы выявить под гипнозом. Но позвольте спросить, отец Ателинг, какое это имеет значение?

— Просто всегда полезно знать природу и коли-

чество сил врага.

— Но не после того, как он уже опустошил страну, — возразил отец Ансон. — Если битва и война уже проиграны, нам придется бороться со всеми — не только с семьюдесятью двумя князьями, но и с остальными падшими ангелами. Это будет ближе к семи с половиной миллионам, чем к сорока восьми.

— Семь миллионов, четыреста пятнадцать тысяч, девятьсот двадцать шесть, — уточнил отец Ателинг.

— Как ни прячутся безумцы, подобные крабьим клешням опасные люди, стоящие на мостах, — неожиданно произнес нараспев отец Селани. Как всегда, смысл его изречений мог открыться лишь после длительных мифологических и фольклорных изысканий. Бесполезно было также просить его дать разъяснения; такие фразы просто приходили к нему, и он понимал их не больше, чем слушатели. «Если Бог и в самом деле умер, — мелькнуло в голове отца Доменико, — кто же внушает их теперь?» Но он отбросил эту мысль как совершенно бесполезную.

— Огромные силы зла сосредоточились сейчас на другом конце света, — сообщил отец Учелло. — Я чувствую сильное угнетение — не

такое, как обычно исходило от Нью-Йорка или Москвы, — но как будто собрались сразу много демонов. Извините, братья, я не в силах сказать более определенно.

— Мы знаем, что вы делаете все, что в ваших силах, — мягко сказал настоятель.

— Я тоже чувствую их, — заявил отец Монтейн, который, хотя и не был видящим, однако имел некоторый опыт общения с мятежными духами. — Но даже если нам не придется бороться со столь огромным количеством, как я всей душой надеюсь, мне кажется, что и сорок восемь — слишком большое для нас число. Расторжение Соглашения не оставляет нам даже выбора.

Отец Доменико заметил, что Джоаннес пытается привлечь внимание настоятеля, однако слишком робко, чтобы произвести какое-нибудь впечатление. Отец Умберто еще не привык воспринимать Джоаннеса всерьез. Поймав взгляд юноши, отец Доменико слегка кивнул.

— Я никогда не понимал смысла Соглашения, — сказал ободренный бывший ученик. — Я не понимал, почему Господь пошел на такой компромисс. Даже в случае с Иовом Он не вступал в сделку с Сатаной, но лишь позволил ему бесконтрольно действовать некоторое время. И

я ни разу не встречал в Писаниях упоминания о Соглашении. Каковы же его условия?

Отец Доменико нашел вопрос Джоаннеса достаточно серьезным, хотя и не совсем уместным, однако воцарившаяся неловкая тишина свидетельствовала, что остальные не разделяли такого мнения. Наконец молчание нарушил отец Монтейн, чье поразительное терпение стало притчей во языцех.

— Я, конечно, недостаточно сведущ в Канонических Писаниях, не говоря уже о духовных соглашениях, — начал он явно с чрезмерной скромностью, — но, насколько мне известно, Соглашение — не более чем особый случай принципа свободы воли. Ответственность человека за совершенные поступки возможна благодаря тому, что, даже имея дело с нечистой силой, он, во-первых, не может быть подвергнут искушению, которому не в силах противостоять, и, во-вторых, он не может попасть на Небеса, не подвергнувшись предельно сильному искушению. В случае Трансцендентальной или ритуальной магии Соглашение является разграничительной линией. Где найти его точные условия, я не знаю; сомневаюсь, что они вообще когда-либо записывались. Вспомним, как долго пытались понять радугу —

то же Соглашение. Когда появилось объяснение, оно ничего не объяснило, только показало, что каждый человек видит свою собственную радугу, а явление, появляющееся на небе, — всего лишь оптическая иллюзия, но отнюдь не теоморфизм. Природа Соглашения такова, что его условия меняются в каждом индивидуальном случае, и если вы не способны определить, где она пробегает, — разграничительная линия, — тогда горе вам, но ничего тут не поделаешь.

«Господи, — подумал отец Доменико, — всю жизнь я был поклонником Роджера Бэкона, и ни разу мне не приходило в голову, почему он в своей «Перспективе» сосредоточил внимание на радуге. Будет ли у меня еще время прочитать об этом? Хорошо, что мы никогда не пытались сделать Монтейна настоятелем: мы потеряли бы его, как отца Умберто…»

— Кроме того, возможно, оно еще существует, — добавил отец Бушер. — Как уже указал отец Доменико самому Терону Уэру, мы слышали о якобы имевшей место смерти Господа лишь из уст самого ненадежного свидетеля. К тому же это утверждение содержит множество несообразностей. Когда произошла предполагаемая смерть Бога?

Если еще во времена Ницше, почему Его ангелы и вестники света явно ничего об этом не ведали? Неразумно предполагать, будто они сохраняли видимость существования Небес, когда битва была уже проиграна; это противоречило бы самому устройству Небес. Абсолютная и бессрочная монархия должна тут же рухнуть после смерти монарха, и тем не менее мы не наблюдали никаких признаков ее крушения вплоть до кануна последнего Рождества.

— Но ведь тогда мы увидели такие знаки… — заметил отец Ванче.

— Верно, но тут возникает другой вопрос: что стало с Антихристом? Объяснение Барфомета, будто Антихрист оказался ненужным победителям, не выдерживает критики. Он должен был появиться до битвы, и, если бы Бог умер лишь недавно, Он позаботился бы о совершении пророчества, ибо тогда еще существовал.

— От Матфея, глава одиннадцатая, стих четырнадцатый, — изрек Отец Селани, на сей раз достаточно вразумительно. Слова, которые он им напомнил, относились к Иоанну Крестителю: «И если хотите принять, он есть, имя которому должно прийти».

— Да, — сказал отец Доменико, — я допускаю,

что Антихрист мог явиться незаметно. Мы представляли себе, что люди будут собираться под его знамена открыто, но искушение могло оказаться более изощренным и, вероятно, более опасным, если бы он проник к нам, скажем, под видом некоего популярного философа, подобно тому позитивисту в Соединенных Штатах. Однако такое предположение, кажется, оставляет еще меньше места для свободы воли, чем Соглашение.

Наступила тишина. Потом слово взял настоятель:

— Таким образом, отсюда следует, что Господь, конечно, жив, а эксперимент Терона Уэра и Третья мировая война не имеют отношения к Армагеддону. Вместо этого нам, быть может, явлено некое Земное Чистилище, благодаря которому мы обретем Благодать или даже Рай Земной. Смеем ли мы так думать?

— Мы не смеем думать иначе, — заявил отец Ванче. — Вопрос только в том, как нам действовать. Хотя в Новом Завете нет прямых указаний на настоящую ситуацию, все же кажется, что учение Церкви к ней вполне применимо.

— Оставим наше традиционное монастырское уединение, — призвал отец Доменико. — Это теперь единственный путь; сойдем с нашей горы в

мир, от которого мы удалились, когда Шарлемань был лишь мелким князьком, и будем трудиться и свидетельствовать. И если даже мы окажемся без помощи Христа, все равно будем делать это во имя Его. Теперь у нас нет ничего кроме надежды.

— По правде говоря, — задумчиво проговорил отец Бушер, — перемена не так уж велика. По-моему, ничего другого мы никогда и не имели.

В Средний Ад

И если вначале у тебя было мало, то впоследствии будет весьма много… При готовься не искать.

Книга Иова, 878

6

Оставшись наконец в одиночестве, Терон Уэр подумал, что, в конце концов, неплохо было бы немного поколдовать. Возможная трудность состояла в том, что любая магия без исключения требовала контроля над демонами, как он сам объяснил Бэйнсу во время первого визита. И все же возможность поэкспериментировать привлекала Уэра, потому что он хотел получить

информацию, в частности о том, способен ли он еще к такому контролю…

Кроме того, его очень интересовало, остались ли еще какие-нибудь демоны в Аду. Если да, то отсюда можно будет заключить — хотя и не с полной уверенностью, — что лишь сорок восемь из них сейчас терроризируют мир. Тогда не удастся воспользоваться Зеркалом Соломона, ибо дух Зеркала — ангел Анаэл. Скорее всего, он не отзовется, поскольку Уэр не принадлежал к числу белых магов и воздерживался от общения с какими-либо ангелами с тех пор, как обратился к практике черного Искусства; к тому же три белых голубка будут совершенно неуместны среди такого развала.

Кого же тогда? Среди демонов-князей, которых он решил не вызывать при выполнении заказа Бэйнса, были такие, которых он отверг из-за их низкой способности к разрушению — теперь они могли бы пригодиться, если окажется, что контроль над остальными утрачен; даже в Аду существовали различные степени зла, так же как и различные степени наказания. Один из тех демонов — Феникс, поэт и учитель, с которым Уэр не раз имел дело в прошлом и которому принадлежал питомец Уэра Ахтой. Но когда начался шум,

кот, конечно, исчез, и его исчезновение разозлило демона. Хотя в книгах некоторые демоны иногда характеризуются как «мягкие», «добродушные по натуре», — это весьма относительные термины, не имеющие привычного для людей значения; все демоны одержимы ненавистью, и не стоит их раздражать даже в мелочах.

К тому же Уэр понимал, что в таких условиях серьезная магия едва ли вообще возможна: большинство из его инструментов оказались погребены, а остальные столь осквернены, что он не мог бы их очистить в ближайшее время. Несомненно, следовало заглянуть в книгу. Уэр подошел к кафедре, на которой она лежала, смахнул с нее пыль и черепки рукавом, отстегнул застежки и начал беспокойно перелистывать страницы. Здесь, на листах, подписанных его собственной кровью, заключалась половина его жизни, другая половина осталась внизу, под тоннами окаменевшей грязи.

Он почти сразу же нашел нужное имя: Вассаго, могущественный князь, принадлежавший к чину Сил. В «Лемегетоне» Рабби Соломон писал, что Вассаго «открывает дела прошлые, настоящие и будущие, а также отыскивает скрытое или утерянное». Именно то, что нужно. К его имени

также часто взывали во время ритуалов кристалломантии, которая не требовала длительных приготовлений мага, начертания предохранительных диаграмм и специальных приборов, кроме хрустального шара; и даже последний он мог заменить лужицей освященной воды, пятьдесят литров которой, к счастью, еще сохранились в неповрежденном металлическом баке, встроенном в стену за рабочим столом Уэра.

Кроме того, лишь Вассаго соответствовали в книге Уэра два столь различавшихся знака, что, не увидав их обоих рядом, трудно было предположить их принадлежность к одному существу. Однако топологически они обнаруживали тесное родство. Уэр долго и пристально рассматривал печати; когда-то он знал их значения, но теперь, кажется, забыл.

А, наконец, он вспомнил. Левая фигура представляла собой обычный инфернальный знак Вассаго, а с помощью правой его как будто могли вызывать белые маги. Уэр никогда ею не пользовался, не возникало необходимости, поскольку инфернальная печать действовала превосходно и он всегда сомневался в эффективности второго знака, так как белая магия по своему определению исключала возможность общения

с демонами. Однако теперь стоило попробовать. В случае успеха появился бы дополнительный фактор безопасности.

Но во что налить воду? Все загрязнено. Наконец он решил просто устроить небольшую лужу прямо на рабочем столе. Не одно десятилетие прошло с тех пор, как он занимался опейрологией[108], которую презирал как спасительное средство слабых колдунов; но, насколько он помнил, для нее требовался лишь глиняный сосуд, и даже подходила обычная лесная лужа в достаточно темном месте. Ну что же, за работу.

Оперевшись локтями о стол и соединив кисти рук за ушами, Уэр неподвижно смотрел вниз на маленькую лужицу; его лохматая голова — тонзура его уже заросла — закрывала воду от света хмурого неба. Он смотрел уже так долго после первого заклинания, что чувствовал себя на грани самогипноза. Но вот, кажется, в миниатюрной черной бездне возникло некое движение, словно пузырек или солнечный зайчик, порожденный несуществующим солнцем. Да, появилась маленькая искра, и она начала расти.

— Эка, два, три, чатур, панча, шас, санта, ашта,

---

[108] Примечания: 108
Толкование сновидений.

нава, даша, экадаша[109], — произнес Уэр. — Per vita nostra ipse num surtat nobis dicatus[110], Baccaro!

Искра продолжала расти, пока не достигла размеров десятилировой монеты, затем стала приобретать определенные черты. Несмотря на столь незначительные размеры, видение казалось не маленьким, а, скорее, очень далеким, как будто Уэр увидел отражение Луны.

Оно было столь же прекрасным, сколь и жутким. Сияющее лицо напоминало человеческий череп, но удлиненный, почти треугольный и лишенный скул. Огромные глаза располагались в том месте, где у человека обычно начинались волосы. Лицо также имело нос с необычайно длинной переносицей и маленький розовый рот, как у ребенка; цветом и гладкостью оно напоминало нэцкэ из слоновой кости. Тела Уэр не видел, но и не ожидал увидеть. Он знал, что перед ним лишь видение, а не полное воплощение.

Розовые уста зашевелились, и чистый тонкий голос, напоминающий мальчишеское сопрано, тихо зазвучал где-то под черепной коробкой

---

[109] Примечания: 109
Санскритский счет от 1 до 11.

[110] Примечания: 110
«По зову нашему тотчас явись пред нами» (латин.).

Уэра:

— Кто призывает Вассаго, отрывая его от созерцания проклятых? Берегись!

— Ты знаешь меня, демон Преисподней, — подумал Уэр. — Ибо между нами заключен договор и в мою книгу внесено твое инфернальное имя. Этим именем, а также этой печатью я заклинаю тебя: ты должен ответить на мои вопросы, и ответы твои должны быть истинны.

— Говори и получишь ответ.

— Пребываешь ли ты еще в Аду, или вы уже распространились по Земле?

— Некоторые бродят туда и обратно, мы же обитаем здесь. Но мы на Земле, хотя и не повсюду.

— Каким образом?

— Хотя мы не в силах оставить нижний Ад, но пребываем с вами, ибо Преисподняя поднялась и город Дис ныне стоит на Земле.

Уэр не пытался скрыть потрясения, демон все равно мог читать его мысли.

— Где же он расположен?

— Там, где стоял от века, в Долине Смерти.

Уэр сразу заподозрил, что за аллегорической фразой скрыт буквальный смысл. Однако расспрашивать о географических подробностях не имело смысла: демоны уделяют мало внимания

политической географии Земли, если не участвуют в раздувании территориальных конфликтов, что, очевидно, не входило в функции Вассаго. Но стоит ли все-таки понимать его слова буквально? Пожалуй, они вполне в духе демонов. Ничто не мешает нечистой силе использовать писание в своих целях.

— Находится ли та долина в ведении Римлюна?

— Нет.

— Тогда какие персоны ведают тем краем, где она лежит? Открой мне их имена, великий князь, я повелеваю тебе.

— Они из свиты Астарота и зовут их Саргатанас и Небирос.

— Но кто из них находится в том месте, где теперь стоит Дис?

— Там правит Небирос.

Речь шла о демонах, ведавших послеколумбовой Америкой. Согласно «Trimorium verum», обитель Небироса лежала на Западе. Несомненно: Мертвая Долина. И как сказано в «Гран Гримуар», Небирос — фельдмаршал Ада, «который ходит повсюду, взирая на бесчисленные муки». Появление крепости Дис в области влияния столь великого полководца скорее всего свидетельствовало о

том, что война еще не закончена. Уэр, однако, не стал спрашивать этого князька, действительно ли умер Бог, ибо при одном упоминании Святого Имени демон мог оскорбиться и исчезнуть. Впрочем, Уэр получил уже большую часть необходимой информации:

— Ты можешь быть свободен.

Сияющее лицо потухло и исчезло, словно лопнувший мыльный пузырь. Перед глазами Уэра осталась лишь пленка грязи, покрытая трещинами всюду, кроме центральной части, где только что светилось лицо демона: вода испарилась полностью. Выпрямив онемевшую спину, Уэр стал обдумывать полученные сведения.

Нисходящая Иерархия представляла собой своеобразную военную организацию. Конечно, сведения о ней в различных источниках несколько расходились. И неудивительно, ибо отношения, существующие в мире демонов, почти, а может быть, и вовсе невозможно описать при помощи земных аналогий. Теперь Уэр находился в области Худгина, наместника Преисподней в Италии, и до Черной Пасхи никогда не испытывал потребности вызывать Астарота или кого-либо из его подчиненных. В «Trimorium verum» Астарот был назван Великим Принцем Ада; Вейрус писал

о нем как о Великом Хранителе Сокровищ; в то же время «Гран Гриму-ар» не упоминал о нем вовсе, приписывая его функции Небиросу. Однако казалось несомненным: если область Астарота в некотором смысле и находилась в Америке, его влияние могло распространяться и на весь мир. В сравнении с ним Хетгин представлял собой значительно менее значимую фигуру.

Поскольку война еще не закончилась, Уэр, очевидно, мог бы найти способ быть полезным — тут Бэйнс также оказался прав… Но каким образом?

Вероятно, следует отправиться в Дис и там все узнать. Идея не слишком соблазнительная, но другого выхода, похоже, нет. Там теперь сосредоточились силы демонов, которые вели войну, и если Бейтсу действительно удастся добраться до стратегического центра в Денвере, Уэр вполне мог бы устроить нечто вроде мирного договора.

Какой смысл сидеть здесь, в разрушенной Италии, когда все высшие духи на другом конце света?

Но как туда попасть? Уэр, в отличие от Бэйнса, не имел в своем распоряжении самолета, хотя по богатству он не уступал фабриканту оружия — правда, большую часть своих денег получил именно от него. Но едва ли теперь какая-нибудь

авиакомпания станет продавать билеты. Морской путь займет слишком много времени.

А нельзя ли перенестись туда с помощью Астарота? Конечно, Уэр знал, что опасность очень велика: последним магом, летавшим верхом на демоне, был Герберт в X веке; он прибег к такому способу лишь затем, чтобы спасти свою жизнь от некой организации — предшественницы Великой Инквизиции. Все кончилось удачно, и впоследствии он даже умудрился стать Папой Сильвестром Вторым.

Уэр считал Герберта великим человеком, хотя и сомневался в том, что магические способности средневекового колдуна превосходили его собственные; во всяком случае, теперь ему не хотелось проверять справедливость своего мнения. И стоило ли прибегать к столь радикальным мерам, когда той же цели и, вероятно, с большим успехом, могла послужить трансвекция? Уэр никогда не летал на шабаш, но теорию знал во всех подробностях. К тому же в его металлических ларцах с колдовскими зельями содержались все необходимые компоненты волшебной мази, и для ее приготовления не требовалось ни специального времени, ни особого ритуала. Правда, он опасался возможных затруднений с аэронавига-

цией, но если многим тысячам невежественных женщин с первой же попытки удавалось летать на расщепленной палке, ручной прялке, метле и даже лопате, значит, будет летать и Терон Уэр.

Однако сначала он достал из одного ларца синтетический рубин, имевший форму и размеры открытого спичечного коробка, а из другого — резец. На рубине он начертал печать и знаки, соответствовавшие дню Марса, то есть вторнику, и часу Марса, то есть 6, 13, 20 и 3.

Этот предмет он будет теперь носить в правом кармане рубашки как амулет. Хотя Уэр предпочитал не пользоваться услугами Астарота, он знал, что, путешествуя в тех краях, неплохо иметь при себе знаки их хозяина. Будучи в некотором смысле пуристом, Уэр оставался недоволен своим искусственным рубином. Конечно, серьезных причин для беспокойства тут не было. Астарот считался солнечным духом, и древние, в том числе Альберт Великий, верили, что рубин зарождается в Земле под действием Солнца, — но поскольку на самом деле это не так, сохранение рубина в ритуале являлось лишь очередным примером одного из основных принципов магии — суеверия, то есть вытеснения вещи ее знаком. Поэтому искусственное происхождение

рубина не снижало его эффективности. К тому же природа упорно отказывалась производить натуральные рубины таких размеров и формы.

Похоже, заниматься магией стало легче, чем десять веков назад, когда Герберт летал на своем демоне-орле.

7

Однако, как вскоре обнаружил Уэр, трансвекция также таила в себе немало опасностей. Атлантику он пересек без малейшего инцидента менее чем за три часа, — впрочем, он догадывался, что полет лишь частично проходил в реальном времени, — и как будто мог рассчитывать достичь цели еще до рассвета. Свеча, прикрепленная воском к торчавшему впереди пучку прутьев и тростника (ибо вопреки популярным изображениям Вальпургиевой ночи, лишь безумцы отваживаются летать на помеле с прутьями назад), горела так ровно, словно и не двигалась, и освещала путь впереди. Если бы Уэра заметили с проплывавших внизу кораблей, его бы скорее всего, приняли за необычайно яркий метеор. Приблизившись к восточному побережью Соединенных Штатов, он подумал, что его, вероятно, могли бы засечь радары: если всего

два дня назад кто-то запустил ракету, значит, вполне могли сохраниться скрытые радиолокационные станции. В прежние времена полет Уэра, пожалуй, вызвал бы очередную дискуссию о летающих тарелках. Но был ли он виден вообще? Уэр не знал. Во всяком случае, морское побережье скрывалось за плотной завесой дыма.

Оказавшись над землей, он снизил скорость и немного опустился, чтобы сориентироваться. Но прошло, как ему показалось, всего несколько минут, и он вдруг почувствовал, что стремительно теряет высоту. Причиной тому явился звон одинокого колокола, созывавшего оставшихся прихожан к полуночной мессе. Падая, Уэр вспомнил о существовавшем в некоторых районах Германии XVII века обычае звонить в церковные колокола всю ночь для защиты от ведьм, пролетавших над селением по пути к Брокену[111]; но это воспоминание немного запоздало: помело совершенно утратило свою силу.

Он упал в покрытой густым лесом гористой местности, весьма напоминавшей Гарц — на самом деле, она, очевидно, находилась где-то в западной Пенсильвании. Во второй половине

---

[111] Примечания: 111
Одна из вершин Гарца, гор в Германии.

апреля в Позитано уже стояла довольно теплая погода, но здесь ночь оказалась необычайно холодной, особенно для худощавого человека, тело которого покрыто лишь тонким слоем мази. Уэр сразу же сильно продрог, поскольку звон колокола свел на нет как трансвективные, так и защитные свойства волшебной мази. Он поспешно отвязал от помела узелок с одеждой; однако ее оказалось недостаточно, ведь он брал ее, имея в виду Мертвую Долину. К тому же появились и другие неприятные ощущения: сонливость, головокружение, учащение пульса, чередующееся с остановками сердца. Среди прочих компонентов волшебная мазь содержала мандрагору и беладонну, и теперь, когда магическое действие кончилось, неизбежно стали проявляться их побочные эффекты. Следовало смыть мазь в первом же водоеме, каким бы холодным он ни оказался.

И не только из-за ее одурманивающего действия. Она, кроме того, содержала некоторые специфические компоненты, обладавшие весьма характерным запахом, усиливавшимся благодаря теплу тела. И в стране эймов вполне могли встретиться люди, даже не обязательно старые, которые поймут, что означает этот запах. Во всяком случае, не отмывшись, обращаться к ко-

му-либо за помощью было опасно.

Прежде чем одеться, он тщательно обтерся полотенцем, в которое заворачивал одежду, и сжег его вместе со свечой и прутьями от помела. Затем, проверив, на месте ли рубиновый талисман, Уэр пустился в путь, используя палку от помела в качестве посоха.

Ночной мрак и лесистая неровная местность могли вызвать затруднения даже у опытного путешественника. Уэр обычно вел малоподвижную жизнь и к тому же приближался к своему пятидесятилетию. С другой стороны, он имел достаточно крепкое сложение и привык к аскетизму, не пил и не курил. Кроме того, давнее увлечение астрономией и постоянная астрологическая практика, связанная с его искусством, позволяла ему двигаться в северном направлении даже при небольшом количестве звезд, видневшихся среди облаков.

Перед самым рассветом он наткнулся на ручей с каменистым дном и услышал шум близкого водопада. Пройдя вверх по течению, Уэр обнаружил небольшую плотину из бревен. Он быстро разделся и вымылся под ней, повторяя шепотом все три молитвы, которые, согласно «Trimorium Verum», полагалось произносить во время очи-

стительного обряда перед трехдневным постом; вода была не теплой и не освященной, но, несомненно, чистой, и потому тоже годилась.

Омовение в ледяной воде оказалось даже не столь тяжелым испытанием, как последующее обсыхание на воздухе, но он стоически перенес и то, и другое, сознавая, как важно избавиться от всех остатков мази, а также и то, что надевать одежду также может быть опасно. Пока он стоял, стуча зубами, из-за деревьев на востоке стали появляться первые слабые проблески света.

Тем временем с противоположной стороны, ниже по течению ручья, начали выступать из темноты большие серые прямоугольники, и вскоре Уэр увидел окруженные лесом здания крупной фермы. И, словно возвещая конец ночи колдовства, вдали пропел петух.

Однако, когда стало еще светлее, Уэр понял, что здесь его не ждет помощь. Под коньком крыши ближайшего большого амбара он заметил диаграмму в виде стилизованного цветка с глазом в центре.

Как потрудился выяснить Джек Гинзберг задолго до встречи с магом, Уэр родился и вырос в Штатах и до сих пор сохранил гражданство. И, как явствовало из его имени, он происходил из

семьи методистов, но тем не менее ведьмин знак узнал сразу. И тут же у него возникла идея.

Он не был ведьмаком и всего десять секунд назад не имел намерения налагать заклятье на эту процветающую с виду ферму. Но ему не хотелось упускать возможность получить новые сведения.

Достав из кармана рубашки свой рубин и повернув его печатью и знаками наружу, Уэр тихим голосом произнес:

— Томатос, Бенессер, Флеантер.

При благоприятных обстоятельствах после таких слов из «Графа Гибали» мага окружали тридцать три различных существа, но поскольку обстоятельства не были благоприятными, Уэр не удивился, когда ничего не произошло. Прежде всего, конечно, из-за несовершенного очищения; к тому же он использовал совсем не тот талисман — инфернальные духи, связанные с этим ритуалом, являлись не демонами, а саламандрами, или огненными элементами. Там не менее Уэр добавил:

— Литан, Изер, Оснас.

Поднялся ветер и со всех сторон послышался шум, который казался шелестом листьев, но мог быть и звуком многих голосов, повторявших:

«Нантер, Нантер, Нантер, Нантер…», — и затем, указывая на амбар: — Уузур, Итар.

В результате должно было последовать строго локализованное, но весьма разрушительное землетрясение, однако ничего подобного не произошло, хотя Уэр не сомневался в том, что огненные духи ему ответили. Очевидно, заклинание не действовало из-за ведьминого глаза — еще одно подтверждение тому, что силы зла каким-то образом ограничены. Хорошая новость, но в то же время Уэр испытывал и разочарование: если бы ему удалось землетрясение, он мог бы с помощью слов «Сутрам, Убарсинес» заставить духов перенести его в любое место. На всякий случай он произнес эти слова, но безрезультатно.

Ни в «Графе де Габали», ни в более позднем «Черном Петухе» не упоминалось о возможности отмены в таком ритуале, тем не менее, Уэр, чтобы окончательно убедиться, добавил: «Рабиам». В случае удачи он снова оказался бы дома и мог бы, по крайней мере, начать все сначала с новой порцией мази и новым помелом; но ничего не вышло. Оставалось только одно: пойти на ферму и попытаться уговорить фермера, чтобы тот дал ему еды и отвез на ближайшую железнодорожную станцию. К сожалению, Уэр не мог сказать

этому человеку, будто только что спас его от демонических сил, поскольку эймы не верили в существование такой вещи, как белая магия, и, в конце концов, они тут не ошибались, какие бы иллюзии на сей счет ни питали отец Доменико и его друзья.

Уэр сразу определил, в каком из домов жил фермер. Постройка выглядела такой же добротной и чистой, как и все остальные, но Уэра удивила странная тишина: в такое время на фермах все уже встают и принимаются за домашние дела. Он подошел ближе, опасаясь собак, но тишину по-прежнему ничего не нарушало.

Осторожность оказалась излишней. То, что он увидел внутри, более всего напоминало последнюю сцену «Белого дьявола» Уэбстера. С холодным любопытством Уэр осмотрел место недавнего побоища. Довольно большая семья: родители, один старик, четыре дочери, три сына и, конечно, собака. И предыдущей ночью они внезапно принялись истреблять друг друга; в ход пошло все: зубы, ногти, кочерга, кнут, цепи от велосипеда, кухонный нож, топор и приклад гладкоствольного мушкета, вероятно, сохранившегося со времен бурской войны. Несомненный случай массовой одержимости: вероятно, все

началось с женщин, как обычно бывает в таких случаях. Пожалуй, они предпочли бы локализованное землетрясение. Но от такой напасти их не мог защитить никакой ведьмин глаз.

И, вероятно, вообще ничто, поскольку, как оказалось, в своей простой традиционной религиозности они выбрали не ту сторону. Подобно большинству людей, они родились жертвами. Если бы они чуть-чуть вникли в Проблему Зла, им стало бы ясно, что их Бог никогда не вел с ними честную игру, как, собственно, Он сам же и объявил во всеуслышание в истории с Иовом; и их примитивная невежественная демонология никогда не признавала существование двух сторон в Великой Игре и тем более не давала даже отдаленного представления об игроках.

Размышляя о том, что делать дальше, и стараясь не наступать на тела, Уэр осмотрел кухню, затем прошел в сарай, где находился погреб. Там лежало всего два яйца — очевидно, вчерашний день оказался неурожайным. Но он нашел несколько кусков бекона, вчерашний каравай хлеба, около фунта масла и глиняный кувшин молока. Более чем достаточно. Он развел огонь в печи, приготовил себе яичницу с беконом и попытался съесть как можно больше, поскольку

не представлял, когда ему удастся поесть в следующий раз. Но он уже решил, что положение не столь безнадежно, чтобы прибегать к помощи Астарота. Вместо этого он будет идти на запад, пока не появится возможность похитить машину (на ферме, как и следовало ожидать, ни одной машины не оказалось: эймы по-прежнему ограничивались лошадьми).

Когда Уэр, сунув в карманы брюк по сэндвичу, вышел навстречу яркому солнцу, из хлева послышалось протяжное мычание. «Извините, друзья, — подумал он, — сегодня некому вас подоить».

8

Бэйнс знал структуру Стратегической Воздушной Команды и дорогу к ней гораздо лучше, чем мог бы позволить департамент Обороны даже гражданским лицам, имевшим особый доступ, хотя кое-кто из департамента нисколько бы не удивился этому. Самолет, на котором прилетели Бэйнс и Джек Гинзберг, не делал попытки сесть в аэропортах Денвера или Военно-Воздушной Академии США в Колорадо-Спрингс — оба, как догадывался Бэйнс, больше не существовали. И он велел пилоту приземлиться в Лимоне, неболь-

шом городке, который являлся самой восточной вершиной почти равностороннего треугольника, образованного этими тремя точками. Здесь скрывался выход подземной скоростной линии, идущей в самое сердце СВК и ставшей теперь единственным средством связи с внешним миром.

Бэйнс и его секретарь побывали здесь лишь однажды, и с тех пор охрана полностью сменилась. И, несмотря на предъявленные удостоверения, подписанные генералом Мак-Найтом, их подвергли длительному допросу и тщательному обыску на предмет скрытого оружия или взрывчатки; затем у них взяли отпечатки пальцев, сфотографировали рисунки сосудов сетчатки и только после беседы по видеотелефону с самим Мак-Найтом их наконец пропустили в приемную.

Зато сама поездка заняла совсем мало времени. Транспортная линия представляла собой совершенно прямую трубу, располагавшуюся под поверхностью Земли и почти полностью лишенную воздуха: ее вакуум примерно соответствовал атмосфере Луны. Из приемной Бэйнса и Гинзберга провели в металлическую капсулу, лишенную даже иллюминаторов. Здесь охранники пристегнули их к сиденьям для безопасности,

так как первоначальное ускорение капсулы с помощью кольцевых электромагнитов составляло более, чем пять миль в час за секунду. И хотя почти такое же ускорение можно было испытать в трамвае сороковых годов, это все-таки довольно значительная встряска, если ничего не видно снаружи и не за что держаться. Потом капсула просто свободно падала до средней точки своего пути, где достигала скорости около двадцати восьми футов в секунду, после чего начинала замедляться — поскольку двигалась уже вверх — под действием сил тяжести, трения и давления почти несущественного количества газов в трубе. Благодаря точному расчету, капсула замедлялась у станции СВК, и небольшого толчка устройства мощностью в пятнадцать лошадиных сил оказывалось вполне достаточно, чтобы совместить ее люки с люками станции.

— Когда катаешься на такой штуке, трудно поверить в существование демонов, — заметил Джек Гинзберг. Покинув кипевший нечистой силой дом в Позитано, обнаружив в Цюрихе, что деньги еще не утратили свою силу, и приняв в самолете обильный ужин, он заметно воспрянул духом.

— Кажется, Уэр говорил, что обладание мирски-

ми знаниями — и даже желание их — такое же зло, как черная магия, — отозвался Бэйнс — Ну вот мы и приехали.

Однако в катакомбах СВК, снабженных даже терморегуляторами, Бэйнс и сам чувствовал себя увереннее. Тут не было ухмыляющегося Козла, и Бэйнс с радостью встретился со своим старым другом Мак-Найтом, увиделся с Белгом и имел честь пожать руку Джеймсу Шатвье. Здесь, внизу, по крайней мере, казалось, что все контролируется. Мак-Найт и его советники не только знали реальную ситуацию, но уже почти освоились с ней. Лишь Белг сначала выразил некоторый скепсис и, похоже, немало удивился, услышав от самого Бейнса независимое подтверждение выводов компьютера. Новые сведения тут же ввели в машину, и, как выяснилось, они вполне соответствовали первоначальной гипотезе, и Белг, кажется, наконец, с ней согласился. Хотя все это ему явно не нравилось. Но кому могло понравиться такое?

Затем они удобно устроились в кабинете Мак-Найта с тремя стаканами «Джека Дэниелса» (Джек Гинзберг не пил, так же, как и Шатвье), и никто не прерывал их беседу, кроме сотрудницы Чифа Хэя. И хотя она оказалась хорошенькой

блондинкой и, как все женщины из вспомогательного персонала, носила мини-юбку, Гинзберг как будто и не заметил ее. Возможно, он еще находился в шоке после своего недавнего общения с суккубом. Бейнсу показалось, что девушка весьма напоминала Грету Уэра и потому вполне могла бы заинтересовать Джека; впрочем, военно-промышленнику почти все женщины казались одинаковыми.

— Насколько я понимаю, эта бомба вам ничего не дала, — сказал он.

— О, я далеко не уверен, — возразил Мак-Найт. — Конечно, их город не был разрушен и даже заметно поврежден, но взрыв явно застал их врасплох. Целый час после него они целым роем летали над целью. Как будто в пещере с летучими мышами сверкнула фотовспышка. И у нас, конечно, есть снимки.

— А есть подтверждения тому, что вы, э-э, уничтожили кого-нибудь из них?

— Мы видели, как они возвращались в свой город, — несмотря на очень неудачную форму тела, они летают прекрасно, — но нам не удалось подсчитать, сколько их поднялось. Падавших мы не заметили, но некоторые из них могли просто испариться.

— Маловероятно. Тела их, конечно, могли испариться, но демоны принимают их на время. Это все равно, что подбить управляемый по радио самолет: машина разбивается, а центр управления полетом остается невредимым где-то в другом месте и может послать против вас новый самолет, когда захочет.

— Извините, доктор Бэйнс, но ваша аналогия не совсем точна, — заметил Белг. — Как мы знаем, бомба заставила их не только метаться. Скоростная киносъемка грибовидного облака показала, что многие у них пытались изменить свою форму. Одна тварь, за которой нам удалось проследить, совершила тридцать две трансформации за минуту. Все эти превращения кажутся совершенно невероятными И не вписываются ни в какую физическую теорию, однако они показывают, во-первых, что твари попали в неблагоприятные для них условия, и, во-вторых, что для них желательна — а может быть, и необходима — та или иная физическая форма. Это уже кое-что. Я думаю, если бы мы продержали их всех подольше в области с еще большей температурой, они уже не смогли бы выкрутиться. В конце концов, они лишились бы последней формы.

— Последней формы, может быть, — кивнул

Бэйнс — Но дух все равно останется. Не знаю, почему они так цепляются за физическую форму, возможно, из каких-то тактических соображений, например, чтобы было удобнее вести войну. Но вы не можете такими средствами уничтожить дух, как не можете уничтожить мысль, зажигая кусок бумаги, на которой она записана.

Бэйнсу стало не по себе, когда он понял, что воспользовался аргументом, услышанным им еще в детстве во время проповеди против атеизма. Даже тогда он счел ее слишком наивной. Однако теперь он повидал демонов, и гораздо ближе, чем кто-нибудь из присутствовавших.

— Вопрос, по-видимому, остается открытым, — задумчиво проговорил Шатвье. — Я отнюдь не скептик, уверяю вас, доктор Бэйнс, но, насколько мне известно, ни один дух еще не подвергался столь жестокому испытанию. В эпицентре термоядерного взрыва даже ядра водорода с трудом сохраняют свою целостность.

— Атомные ядра остаются материей и к ним применимы законы сохранения. Демоны же не являются ни материей, ни энергией: они нечто иное.

— Мы не знаем, являются ли они энергией или нет, — возразил Шатвье. — Они также могут быть

полями, подобно электромагнитным и гравитационным. Как вы помните, мы пока не имеем общей теории поля; даже Эйнштейн отрекся от своего варианта в последние годы жизни, и квантовая механика, несмотря на ее успехи, довольно неуклюже обходит эту проблему. Почему бы, э-э, духам не быть некими фундаментальными полями[112]? И одной из характеристик таких полей можно, пожалуй, считать стопроцентную отрицательную энтропию.

— Не может быть объектов с одной лишь отрицательной энтропией, — возмутился Белг. — В такой системе происходило бы постоянное увеличение порядка, а значит, она двигалась бы из будущего в прошлое, и мы никогда бы о ней не узнали. Вы должны учесть постоянную Планка. Стабильное состояние может быть только в этом случае…

Он быстро набросал формулу в блокноте, оторвал листок и положил его на стол. На листке значилось следующее:

---

[112] Примечания: 112

В современной квантовой физике есть понятие «поля духов». Они называются так потому, что содержатся лишь в исходных уравнениях и исчезают в конечных уравнениях для измеримых величин.

Н/х/ — Ну/х/ — С +

Вошла девушка с новыми результатами компьютерного анализа, и на сей раз, очевидно, Джек Гинзберг проявил интерес к ее ногам. Бэйнс обычно не имел ничего против этого и даже находил полезным, что его наиболее ценный сотрудник имеет небольшую, но ярко выраженную слабость, — но теперь он даже почти обрадовался: содержание беседы начало от него ускользать.

— Что это означает? — спросил он.

— Вечную жизнь, разумеется, — слегка покровительственным тоном ответил Шатвье. — Жизнь есть отрицательная энтропия. Стабильная отрицательная энтропия есть вечная жизнь.

— Пока нам недоступна гравитационная часть спектра, — сказал Белг с мрачным удовлетворением, — но электромагнитная целиком в наших руках и, владея этим ключом, мы сможем проникнуть в тайную замкнутую систему, как железнодорожная шпала проходит в автомобильную покрышку.

— Если вы сможете убить демона, — медленно проговорил Бэйнс, — тогда…

— Да, именно, — любезно кивнул Белг. — Ангелы, демоны, обычные бессмертные души, — как

бы их ни называли, мы доберемся до них. Может быть, не сразу, но в скором времени.

— Возможно, это будет высшим человеческим достижением, — с мечтательным, почти блаженным видом проговорил Шатвье. — Теологи называют осуждение на вечные муки второй смертью. Вскоре, вероятно, мы будем в состоянии дать человеку третью смерть… блаженство полного небытия… освобождение от Колеса!

Скучающий взор Мак-Найта блуждал по потолку. Очевидно, генерал слышал подобные речи не в первый раз, и они его больше не впечатляли. Бэйнса эта тема очень заинтересовала, однако он сознавал, что пора спускаться на землю, и сказал:

— Слова немногого стоят. У вас есть какой-нибудь конкретный план?

— Есть, можете не сомневаться, — ответил Мак-Найт, внезапно оживляясь. — Я попросил Чифа Хэя произвести учет всех оставшихся в живых сил, и, поверьте, их оказалось немало. Я сам удивился. Мы атакуем их крепость и для этого извлечем на свет Божий такие вещи, какие не видали еще ни американцы, ни кто-нибудь другой, в том числе и эта шайка демонов. Я не знаю, почему они сидят там, — может, потому,

что уже считают себя победителями. Но тут они глубоко заблуждаются. Никто не может победить Соединенные Штаты, сколько бы их враги ни старались.

Довольно странно было слышать такое заявление от человека, который прежде постоянно твердил, что Соединенные Штаты «потеряли» Китай, «сдали» Корею, «покинули» Вьетнам и вообще заполнены доморощенными коммунистами. Но Бэйнс слишком хорошо знал людей типа Мак-Найта, чтобы высказывать свое недоумение вслух. Их аргументы не основываются на рассудке и не могут быть опровергнуты разумом. Вместо этого он сказал:

— Генерал, честно говоря, я бы не советовал. Мне известны те виды оружия, о которых вы говорите, и они, конечно, весьма эффективны. Некоторые из них разработаны и произведены нашей компанией, так что не в моих интересах принижать их достоинства. Но я глубоко сомневаюсь, что какие-нибудь из них будут полезны в настоящих обстоятельствах.

— Разумеется, это еще предстоит выяснить, — ответил Мак-Найт.

— Стоит ли? Мы можем оказаться в гораздо худшем положении, чем теперь. Именно на это

я и хотел обратить ваше внимание, когда направился сюда. Демоны уже примерно на девяносто процентов овладели миром. Но, как видите, они больше ничего против нас не предпринимают.

И тому есть причина: они ведут войну с другим Противником, и, возможно, нам лучше было бы встать на их сторону.

Мак-Найт откинулся на спинку кресла с видом политика, которому на пресс-конференции задали неожиданный и очень неприятный вопрос.

— Правильно ли я вас понял, доктор Бэйнс? Вы полагаете, что вторжение в Соединенные Штаты является благом? И что нам не следует противопоставлять оккупантам всю нашу мощь, а вместо этого мы должны оказывать им всяческую помощь?

— Я не предлагаю оказывать им помощь, — сказал Бэйнс с досадой. — Просто считаю, что нам лучше пока подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события, только и всего.

— Меньше всего я мог бы вас заподозрить в симпатиях к коммунистам, тем более китайцам, — сухо сказал генерал. — И потому ваши слова будут оставлены без последствий. Атака же начнется, как запланировано.

Бэйнс благоразумно промолчал. Благодаря

общению с Тероном Уэром он теперь знал, что как ангелы, падшие и не падшие, так и бессмертные человеческие души являются частицами неделимой природы их Создателя. Если эти люди способны разрушить такую Частицу, они могут подобным образом разрушить и Целое. А за успешным штурмом Диса неизбежно последует успешная война против Неба, и если Бог еще не умер, он скоро умрет.

Во всяком случае, это была бы самая интересная гражданская война из всех, которые доводилось снабжать оружием Бэйнсу.

9

Вооруженные Силы Соединенных Штатов. Управление Стратегической Воздушной Команды.

Денвер, Колорадо.

Дата: 1 мая.

Меморандум: № 1.

Назначение: всем боевым подразделениям.

Тема: генеральный оперативный приказ.

1. Настоящий меморандум отменяет

все предыдущие директивы, касающиеся данных обстоятельств.

2. Соединенные Штаты подверглись вторжению, и все боевые соединения должны быть готовы к изгнанию неприятеля с территории нашего государства.

3. Противник использует некоторые новые тактические средства, о которых должны знать все подразделения. Поэтому все офицеры должны прочесть полный текст меморандума всем своим подчиненным, после чего поместить его на видном месте. Необходимо провести проверку знакомства личного состава подразделений с содержанием меморандума.

4. Вражеские войска оснащены индивидуальными боевыми средствами, которые в соответствии с древней восточной традицией имеют весьма причудливый вид и предназначены для психологического воздействия. Ожидается, что американский солдат просто посмеется над столь примитивной выдумкой. Однако весь личный состав должен иметь в виду, что эти так называемые «демони-

ческие костюмы» являются чрезвычайно опасным оружием. Для борьбы с ними необходим высокий уровень стрелкового искусства.

5. Неизвестное количество солдат противника, вероятно, до 100 процентов, способны к свободному полету, как в «прыгающих костюмах», находящихся на вооружении США. Потому наземные силы должны быть готовы к возможному нападению с воздуха индивидуальных вооруженных единиц противника, так же как к обычному воздушному полету.

6. Предполагается, что противник будет применять различные взрывчатые и химические средства, способные вызвать необычные эффекты. Всему личному составу необходимо знать, что эти эффекты могут быть как реальными, так и иллюзорными.

7. После прочтения настоящего меморандума все офицеры должны зачитать своим личным составам те параграфы воинского устава, где говорится о наказании за трусость в бою.

Приказ Главнокомандующего

Д.Уиллис Мак-Найт.
Генерал армии ВС США.

После разрушения Рима, а с ним и Ватикана, — увы, и этой величайшей библиотеки и сокровищницы всего христианского мира! — Папский престол переместился в Венецию, которая пока не пострадала, и теперь располагался в Сала дель Коллегио великолепного Палаццо Дукале, единственном помещении, избежавшем большого пожара 1577 года; под его потолком, расписанным Веронезе, дожи обычно принимали послов других городов-государств. Дворец служил уже только для туристов с тех пор, как Наполеон принудил к отречению Людовико Манина — ровно через одиннадцать столетий после избрания первого дожа.

Теперь тут, конечно, не было туристов. Город, душный от жары и зловоний, от нечистот в каналах, безжизненно лежал под адриатическим солнцем — забытый музей. Никто не появлялся на узких улочках и тесных ristoranti, кроме местных жителей, лишенных средств к существованию и собиравшихся небольшими унылыми группами, изредка переругиваясь на своем особенном

диалекте. У многих уже проявлялись признаки лучевой болезни: у них клочьями выпадали волосы и повсюду на тротуарах лежала их блевотина, игнорируемая всеми, кроме мух.

Царившее в городе запустение — по крайней мере, по сравнению с обычной в это время года толчеей — оказалось отчасти благоприятным для отца Доменико. Вместо того чтобы ютиться в третьесортном отеле с беспрерывно подъезжающими и отъезжающими шумными группами немцев и американцев, он без малейших затруднений нашел себе апартаменты во дворце самого Патриарха. Такая роскошь не очень подходила монаху, но он явился для встречи с Папой как посланец древнего и по-прежнему почитаемого ордена; и патриарх, исповедовав отца Доменико и узнав о характере его миссии, счел уместным поселить его пока в своей резиденции.

Но никто не мог сказать, как долго ему придется ждать. Папа погиб вместе с Римом; и теперь остатки Коллегии Кардиналов — тех, кто сумел добраться до Венеции, — заперлись в Сала дель Кольсинью де Диечи, пытаясь избрать нового. Ходили слухи, будто в кабинете Великого Инквизитора, находившемся за соседней дверью, поселился некий особый гость, однако Патриарх,

по-видимому, знал об этом не больше, чем простой обыватель. Между тем он дал отцу Доменико особое разрешение проводить мессы и исповедовать прихожан в небольших церквушках по берегам Большого Канала, а также проповедовать там и даже на улицах. Формально отец Доменико, будучи монахом, а не священником, не имел на это права, однако Патриарх, как и многие теперь, испытывал недостаток в людях.

По пути на север из Монте Альбано отец Доменико гораздо чаще встречался со страданиями и откровенной демонической злобой, чем на улицах этого безобразно прекрасного города; однако здесь также было трудно и даже, может быть, опасно совершать богослужение, а тем более проповедовать надежду. Венецианцы проявляли по отношению к Церкви лишь формальную лояльность, по крайней мере, после заключения их второго договора с мусульманами в середине XV столетия. Высшей добродетелью у них считалась честность в деловых отношениях, и, поскольку в то же время для уха венецианца не было слаще музыки, чем возмущенный крик ближнего, который обнаружил, что его надули, они толком не знали, о чем надо говорить на исповеди. Многие из них — пожалуй, даже большинство — по-види-

мому, рассматривали происходившее крушение человеческой цивилизации как заговор с целью переманить их туристов в какой-нибудь другой город, — может быть, Стамбул, который они все еще называли Константинополем.

Очевидно, они уже ни на что не надеялись. И, конечно, не только они. Во время своего путешествия отец Доменико всюду видел ужас и страдания, обезумевшие люди понимали только одно: все, чему учила Церковь в течение почти двух тысяч лет, оказалось обманом. Мог ли он сказать им, зная реальную ситуацию, что их бедствия не столь велики, как он предполагал? Мог ли он поведать им о тех еле заметных, но чудесным образом умножающихся признаках отступления демонической силы, если сам с трудом верил в них, тщетно пытаясь отделить надежду от иллюзии?

И все же надежда не умерла. Одним ненастным днем, когда отец Доменико пытался проповедовать угрюмой компании молодых головорезов перед небольшой церквушкой Санта Мариа де Мираколи, его аудитория внезапно пришла в возбуждение после нескольких отдаленных свистков. Такие свистки, как хорошо знал отец Доменико, до недавнего времени служили

условным сигналом юных волков Венеции, означавшим появление английской учительницы или группы шведских девушек. Такой добычи теперь не было, тем не менее за несколько секунд сквер опустел.

Изумленный и, конечно, встревоженный отец Доменико последовал за ними и вскоре обнаружил, что улицы, как в былое время, заполнены народом, на сей раз устремившимся к площади Св. Марка. Кто-то пустил слух, будто над палаццо Дукале появилась струйка белого дыма. Это казалось маловероятным, поскольку во дворце во избежание очередного пожара давно уже разобрали все камины и негде было сжечь избирательные бюллетени: тем не менее, слух об избрании нового Папы, подобно пламени, охватил весь город. К тому времени, когда отец Доменико достиг большой площади перед базиликой (поскольку, в конце концов, и он отправился посмотреть нового Папу), там едва оставалось место даже для голубя.

Великое событие, если оно действительно случилось, могло быть возвещено лишь в венецианском стиле: с вершины колоссальной лестницы Антонио Раццо, поскольку галерея с арками на первом этаже не имела балкона,

где мог бы появиться Папа. Отец Доменико стал протискиваться во внутренний двор поближе к лестнице, говоря сначала: «prego, prego»[113], потом: «scusate»[114], — не достигнув особого эффекта, — и, наконец, принялся энергично работать локтями и коленями.

Над тревожно гудевшей толпой внезапно загудели трубы — и в ту же минуту отца Доменико прижали к парапету фонтана, давно лишившегося монет, бросаемых туристами. К счастью, место оказалось совсем неплохим: отсюда отец Доменико вполне мог обозревать лестницу и площадку между двумя огромными статуями, Марса и Нептуна. Большие двери уже раскрылись, и кардиналы в своих красных лентах выстроились по обе стороны портика, между ними и немного впереди стояли два пажа, и один из них держал красную подушку, на которой покоилось нечто высокое и сверкающее.

К звуку фанфар добавился мощный набат: Ла Троттьера, колокол, некогда призвавший членов Великого Совета седлать коней и скакать по деревянным мостам ко дворцу; величавое

---

[113] Примечания: 113
«Позвольте, позвольте!» (латин.).

[114] Примечания: 114
«Извините, извините!» (латин.).

созвучье труб и колокола заставило умолкнуть толпу. Однако отличия от римского обычая бросались в глаза, и некоторые из них казались очень странными. Что там лежало на подушке? Явно не тиара, может быть, золотая Корона дожей?

Музыка с колокольным звоном прекратилась. В наступившей тишине, нарушаемой лишь курлыканьем голубей, один из кардиналов объявил на латыни:

— У нас есть Папа, Sumnus Antistitum Antistes[115]! И по его воле он назван Ювенембер LXIX!

Паж выступил вперед и прокричал на местном наречии:

— Вот ваш Папа; и мы уверены, что он вам понравится.

Из темноты дверного проема на ярко освещенную площадку между статуями вышел, склонив голову для принятия золотой короны, особый гость Великого Инквизитора — благообразного вида старичок с белым, как молоко, лицом, державший на руке ястреба. Отец Доменико сразу узнал его, потому что это был вызванный Тероном Уэром из Преисподней в день Черной Пасхи демон Агарес.

---

[115] Примечания: 115
Высочайший Первосвященник из Первосвященников (итал.).

Толпа взревела, и вновь зазвучали трубы и колокол Ла Проттьера, к которому теперь присоединились все колокола города, а также многочисленные барабаны и пушечные залпы. Задыхаясь от ужаса, отец Доменико бросился прочь.

Празднества продолжались всю неделю и включали критские танцы с быками и ночные фейерверки. Тем временем отец Доменико молился. Смысл происшедшего не вызывал у него сомнений. Явился Антихрист, хотя и с опозданием, а, следовательно, Бог еще не умер. Отец Доменико не мог больше ничего сделать в Италии; ему следовало теперь отправиться в Дис, в саму пасть Преисподней и, бросив вызов Сатане, потребовать у него признания существования Господа. Если потребуется — как ни страшила такая мысль отца Доменико — ему придется подвергнуться искушению и быть избранным, уже не земной коллегией, наместником Христа, чьей задачей будет сокрушение сего Ада Земного.

Но как туда добраться? Вокруг лишь вода и никаких надежных транспортных средств. Может быть, воспользоваться белой магией? Однако отец Доменико не мог вспомнить ни одного подходящего ритуала, во всяком случае, для этого

нужно было возвращаться в Монте Альбано; к тому же он догадывался, что никакая магия тут не поможет.

В столь затруднительной ситуации он стал припоминать кое-какие старинные легенды о святых. Некоторые из них будто бы в духовном порыве поднимались в воздух и переносились на большие расстояния. Конечно, он не был святым, но, если ему, действительно, предстояло исполнить столь великую миссию, пожалуй, он мог рассчитывать на подобную помощь свыше. Отец Доменико постарался отбросить мысли как о самых возвышенных чудесах, так и о судьбе Симона Волхва[116] — пройти по такому лезвию бритвы оказалось почти невозможным даже для опытного монаха.

Тем не менее, расправив плечи, отец Доменико решительно шагнул к воде.

10

Даже после явной неудачи авиации во Вьетнаме генерал Мак-Найт продолжал верить в ее превосходство над другими видами вооружений. Однако он не был столь наивен, чтобы отказаться

---

[116] Примечания: 116
Деяния 8:9.

от наземных сил, прекрасно зная элементарное правило, гласившее, что позиции противника необходимо не только опустошать, но и занять, иначе окончательная победа невозможна. Накануне того дня — или, скорее, ночи, — когда планировалось начать операцию, три бронированных дивизиона пересекли Панамиптскую горную цепь, и два других рассредоточились среди гор Прэйнвайн, Фьюнерал и Бэлк, которые, кроме того, покрылись ракетными установками. Разумеется, Мак-Найт предпочел бы командовать гораздо более многочисленными силами, но большего страна уже не могла дать.

Согласно плану, операция состояла из трех частей. Помня о том, что первая пробная бомба заставила тысячи солдат противника буквально взлететь на воздух, причем на весьма подозрительное в тактическом отношении время, он решил начать с серийной бомбардировки Диса, используя при этом максимальное количество ядерного оружия, которое не создавало бы угрозу радиационного поражения его собственным людям. Конечно, такой удар не мог принести вреда городу или демонам — в чем генерал по-прежнему сильно сомневался, — но основной задачей на этой фазе являлась дезорганизация противника

и подавление способности к трансформации.

Во второй фазе предполагалось воспользоваться очевидным, с точки зрения Мак-Найта, просчетом демонов: с удивительным пренебрежением к законам стратегии они построили свою крепость в самой низкой точке долины, расположенной на сто восемьдесят футов ниже уровня моря. Сразу же после ядерной бомбардировки в ход пойдет обычное оружие: артиллерия, ракеты, авиация. В том числе и фосфорные бомбы, которые, возможно, так же окажутся безвредными для демонов, но зато создадут мощную дымовую завесу и, вероятно, лишат противника видимости. Наступающие же войска смогут ориентироваться с помощью радара и, кроме того, постоянно будут видеть основную цель с помощью инфракрасных телескопов и прицелов, поскольку даже в нормальных условиях она состояла из раскаленного докрасна железа. Под прикрытием этой бомбардировки, согласно плану Мак-Найта, в бой затем вступали бронированные машины, оснащенные лазерными установками. По теории генерала, которая не поддерживалась его гражданскими советниками и не подтверждалась данными компьютера, термоядерный взрыв не мог уничтожить железные стены, потому что его тепловая

энергия была слишком рассеянной. Но четыре, пять или дюжина лазерных лучей, сконцентрированных в одной точке, пронзят крепость демонов, как рапира кусок сыра. Этот основной удар следовало нанести по воротам. Конечно, демоны защищали их лучше, чем остальные участки стены, но основное количество защитников будут еще беспорядочно метаться в дыму, и вообще, когда стараешься пробить стену, здравый смысл подсказывает, что надо начинать оттуда, где она уже имеет отверстие.

Если брешь в укреплении противника действительно удастся пробить, ее можно будет расширить с помощью подземных торпед Гесса, которые будут запущены в самом начале первой фазы. Они еще никогда не использовались в настоящих боевых действиях и считались особо секретным оружием, хотя из-за обилия шпионов и предателей, которыми, по мнению Мак-Найта, Америка буквально кишела, он сомневался в сохранности таких секретов (если даже Бэйнс…). Другой секрет представлял собой одновременно продукт химии и ядерной физики, именуемый TDX, нестабильная субстанция, состоящая из «гравитационно-поляризованных» атомов. Мак-Найт очень смутно представлял себе, что стоит

за этим жаргонным выражением, но знал, как эта штука действует: TDX обладает способностью взрываться в одной плоскости в отличие от любого христианского взрыва.

После сокрушения ворот наступит третья фаза: общее и по возможности упорядоченное отступление.

Командование операцией будет осуществляться из командно-наблюдательного пункта. Пункт СВК будет находиться под Денвером — безопасно и удобно. Весь комплекс, оснащенный множеством телеэкранов, весьма походил на уже не существующий Центр Космических Исследований в Хьюстоне, который действительно создавался по образу и подобию СВК, так как, с точки зрения управления, космические полеты и современные боевые действия мало отличались друг от друга. На задней стене этого подземного зала располагался большой общий экран, а за ним нечто вроде кабины диспетчера, где Мак-Найт и его гости могли обозревать всю картину в целом, а также ее отдельно детали, подаваемые на каждый из малых экранов.

Мак-Найт не заходил в кабину, пока не завершилась ядерная бомбардировка, зная, что вызываемая ею сильная ионизация не позволяет

принимать передачи некабельного телевидения. (Радиоактивные осадки обладали таким же эффектом, но почти все они миновали Денвер. Восточное побережье и так лишилось всех видов жизни, а рыбы и европейцы должны были позаботиться о себе сами.) Когда он наконец приступил к наблюдению, уже началась обычная бомбардировка. Вместе с ним в кабинете находились Бойне, Белг, Чиф Хэй, Шатвье; Джек Гинзберг не проявил особого интереса к боевым действиям, и Бэйнс, не нуждаясь пока в помощнике, позволил ему спуститься вниз, где Джек, скорее всего, стал ухаживать за миловидной сотрудницей Чифа Хэя.

Когда они заняли свои места, картина на главном экране начала проясняться, хотя оставались еще значительные помехи. По данным метеослужбы, на всем юго-западе была ясная лунная ночь, однако радиоактивное облако, беспрерывно пронизываемое молниями, теперь накрыло южную треть Калифорнии и два других штата восточнее. Боевые соединения, занимавшие позиции на противоположных склонах гор, не могли перемещаться из-за мощных восходящих потоков воздуха; температура там сразу достигла шестидесяти градусов и продолжала поднимать-

ся. Связь с частями, расположенными на склонах, обращенных к долине, полностью прекратилась. Первые ракеты и снаряды, выпущенные в сторону Диса, взрывались в воздухе, едва поднявшись над вершинами гор. Никакая термопара не могла бы определить температуру в градусах в районе самой цели. Судя по спектрограммам, полученным с воздуха, температура сначала достигла двух с половиной миллионов электрон-вольт — число столь же недоступное человеческому воображению, как расстояние между звездами в милях.

Однако долина охлаждалась с удивительной быстротой, и, когда восстановилась видимость, стало понятно почему. Более двухсот квадратных миль земли превратились в огромное гладкое блюдо, которое еще оставалось раскаленным добела, но действовало подобно рефлектору, отражая тепло в атмосферу — на экране был виден столб раскаленного воздуха; в его центре, как в фокусе зеркала телескопа, виднелось круглое черное пятно.

Мак-Найт подался вперед, вцепившись в поручни кресла мертвой хваткой, и потребовал крупный план. Неужели дело сделано? Значит, Белг не ошибался, когда говорил о возможном

пределе числа трансформаций, которые способны перетерпеть эти демоны. Ведь в Мертвой Долине взорвалось такое количество ядерных боеприпасов, которого хватило бы для уничтожения нескольких стран…

Но когда земля потемнела, крепость продолжала стоять, пока не стала снова раскаленным красным кольцом. Внутри ничего не было видно кроме массы взрывов — началась наконец обычная бомбардировка, причем с большой точностью; но стены — стены, стены, стены стояли, как ни в чем не бывало!

— Отмените атаку, генерал, — мрачно проговорил Белг. — Неважно, что показывает спектроскоп, если бы эти стены действительно состояли из железа… — он запнулся и с трудом сглотнул — Наверно, они только символически железные, в каком-нибудь алхимическом смысле. Иначе все их атомы не только разлетелись бы во все стороны, но и потеряли бы все свои электроны. Вы только загубите людей.

— Бомбардировка продолжается, — твердо заявил Мак-Найт. — И мы еще не получили сведений о состоянии живой силы и организации противника. Пока что мы не видели там ничего живого, и лазерные дивизионы еще не вступали

в действие, не говоря уже о торпедах Гесса.

— Ни черта они не дадут, — жестко сказал Бэйнс. — Я знаю, на что способны торпеды Гесса. Не забывайте: они созданы моим ученым, которого, между прочим, захватил Пут Сатанахиа в нынешнюю Пасху, и, значит, демоны уже знают об этом оружии, если не знали прежде. Бессмысленно ожидать что-нибудь от торпед после всего, что было сброшено на город: они будут как щелчок динозавру.

— В американской традиции, — ответил Мак-Найт, — идти тяжелым путем, когда другого пути нет. Четвертая фаза — последняя мера, и хороший полководец должен оставаться гибким до последнего момента. Как сказал Клаузевиц, большинство сражений проиграно генералами, у которых не хватило смелости придерживаться собственного плана.

Бэйнс, проштудировавший всю основную военную и политическую литературу на пяти языках и кое-что на нескольких других, — поскольку того требовал его бизнес, — хорошо знал, что Клаузевиц никогда не говорил такую чушь и что Мак-Найт просто прикрывал выдуманной цитатой надежду, которая действительно была последним резервом. Но даже если бы Бэйнсу с

помощью макиавеллиевой хитрости и удалось в чем-то убедить генерала, было бы все равно уже поздно — судя по тому, что происходило на экране. Пока они разговаривали, бронированные дивизионы устремились в долину, их электродизельные моторы тарахтели и фыркали, под их гусеницами трескалась остекленевшая земля, и за ними оставались глубокие, тускло сияющие следы. Глядя на маленький экран, Бэйис сначала даже подумал, что, возможно, ошибается; он хорошо знал этих чудовищ — они играли немалую роль в его бизнесе и пользовались большим спросом на протяжении десятилетий. Неужели им что-то могло противостоять?

Однако некоторые из них уже застревали; по мере того как они продвигались вглубь долины, где над их приземистыми башнями со свистом пролетали мелкие ракеты, раскаленное стекло под их гусеницами оказывалось все более вязким и действовало как клей. Бронированные монстры теряли управление и крутились на месте; затем ведущий бронетранспортер с лазерной установкой застыл на месте и, подобно «Титанику», начал погружаться в расплавленное стекло. Ужасные крики заживо поджаривавшихся членов экипажа были слышны в наблюдательной

кабине, пока Мак-Найт не отключил звук.

Остальные монстры двигались дальше (они не получили другого приказа), и три или четыре машины с лазерными установками приблизились к воротам крепости. Вслед за бронемашинами со склонов гор хлынула пехота. У нее также не было приказа отступать. Даже в своих асбестовых костюмах и шлемах солдаты теряли сознание и падали друг на друга, роняя свое тщательно смазанное оружие в песок. Баки их огнеметов трескались, и вязкий газолин вытекал на горячие камни. Сам воздух долины вытягивал всю влагу из легких людей через малейшие щели в их костюмах.

Бэйнс не принадлежал к числу тех, кого легко испугать, но и он никогда не видел настоящую битву, кроме фрагментов хроники вьетнамской войны, которые показывались по американскому телевидению. Однако это продвижение отлично обученных и экипированных людей навстречу неминуемой смерти — людей, которые не только не имели понятия, за что они умирают, но и были специально введены в заблуждение, — казалось столь же бессмысленным в военном отношении, как осада Севастополя или битва на Марне. Несмотря на несомненную грандиозность зре-

лица, оно не представляло интеллектуального интереса.

Четыре уцелевшие машины с лазерными установками остановились перед воротами, по две с каждой стороны, давая возможность тяжелой гаубице стрелять между ними. Четыре ярко-красных луча, толщиной с карандаш, пересеклись в одной точке едва видимого створа ворот. Если бы цель состояла из настоящего железа, через несколько секунд она превратилась бы в сноп искр; однако в действительности, как мог видеть Бэйнс, там даже не повысилась температура. Лучи погасли и тут же снова включились.

На стенах появилось множество неясных темных фигур. Они активно передвигались, но их действия, похоже, не были направлены против машин; у Бэйнса появилось ощущение, постепенно переходящее в уверенность, что демоны пляшут.

Лазерное лучи снова мигнули. Мак-Найт пробормотал:

— Если они не успеют…

Еще прежде, чем он закончил фразу, перед воротами произошел гигантский взрыв — первая торпеда Гесса. Один из бронетранспортеров просто исчез, второй, стоявший рядом с ним,

медленно поднялся в воздух и столь же медленно опустился, рассыпаясь на мелкие части. Еще один на самом краю воронки медленно опрокинулся в нее. Четвертый на некоторое время застыл, словно контуженый, затем медленно поехал назад.

Вторая торпеда взорвалась под самыми воротами и так же следующая. Ворота остались невредимыми, но после четвертого такого же взрыва под ними показался свет; воронка увеличивалась.

— Остановить бронемашины! — закричал Мак-Найт, включив внутренний телефон и возбужденно стукнув кулаком по ручке кресла. — Пехоте ускорить темп! Мы пройдем снизу!

Еще одна торпеда Гесса попала в ту же щель. Бейнс смотрел с восхищением и даже с гордостью: действительно, эти штуки отлично действуют, жаль, Гесс не мог досмотреть… впрочем, может быть, он все видит изнутри. Щель стала достаточно широкой — под ней теперь проехала бы небольшая машина; очередная торпеда расширила ее еще больше.

— Воздушный десант! Начать высадку через десять минут!

Но почему изобретение Гесса подействовало, а ядерное оружие нет? Может быть, Дис просто

опустился, когда земля под ним испарилась, и демоны не способны защитить то, что имеет чисто земную природу? Еще взрыв. Сколько же у них всего торпед? «Консолидэйтед Варфэр Сервис» поставил всего десять образцов, и они не могли успеть произвести больше. По-видимому, Мак-Найт решил применить все десять.

Так и оказалось в действительности, только девятая разорвалась, не достигнув цели — прямо посреди колонны наступавших войск. Гесс всегда откровенно признавал, что его машины не вполне надежны и дефект заключается скорее в самом принципе, чем в технологии. Однако щель под воротами Диса теперь стала такой же большой, как вход в туннель Линкольна в Нью-Джерси. И пехота стремительно приближалась к ней.

И в этот момент огромные ворота начали медленно открываться внутрь. Мак-Найт открыл рот в изумлении. Бэйнс также почувствовал, как у него отвисает челюсть. Неужели они решили сдаться, прежде чем начнется штурм? Или ворота все время готовы были открыться после первого вежливого стука, и для этого не стоило прилагать такие колоссальные усилия и гробить столько людей?

Когда первые отряды пехотинцев начали спускаться в воронку, за воротами, теперь уже полностью раскрывшимися, на фоне бушевавшего внутри пламени появились три огромные фигуры обнаженных женщин со змеями вместо волос, тех самых, которых Мак-Найт и его люди видели на первых аэрофотоснимках. Они несли нечто вроде головы огромной статуи существа, напоминавшего их самих. Солдаты в асбестовых костюмах, уже перебравшиеся по дальнему склону воронки, не могли идти скорее, чем шли, но они застывали подобно жителям Помпеи и падали и, падая, они разбивались. Через минуту воронка заполнилась обломками скульптур.

Наверху самолет с первой командой десантников внезапно покрылся сотнями мелких черных точек. Через несколько секунд продолжал двигаться лишь один фюзеляж; легионы Вельзевула, Повелителя Мух, отняли у людей крылья. Ниже уже выпрыгнувшие парашютисты лишались сначала своего боевого снаряжения, потом одежды, волос и ногтей — обрабатывавшие их существа со звериными головами в большинстве своем даже не имели крыльев. Тела, лишенные всех покровов, падали прямо в пасть Преисподней.

Все же надо признать, что осада Диса в целом

шла в соответствии с планом, кроме четвертой фазы, которая началась без приказа и проходила без должного порядка. Однако, как ни странно, демоны не стали развивать свой успех; ни один из них даже не покинул крепость, и даже летая по воздуху, они не пресекали ее границ.

Но побоище и без того было ужасно. Вооружение в обозримом будущем армии Соединенных Штатов представлялось маловероятным. И в самом конце битвы на главном экране наблюдательного пункта на фоне пылающего и победоносного города появилось огромное лицо. Бэйнс знал его очень хорошо и ожидал увидеть вновь после Черной Пасхи в Позитано.

Это была увеличенная короной козлиная голова демона по имени Пут Сатанахиа.

Лицо Мак-Найта — впервые, насколько помнил Бэйнс, — исказилось от ужаса; и несколько генералов, сидевших перед экранами в командном пункте, лишились чувств. Потом Мак-Найт вскочил и закричал:

— Чинк! Я же говорил! Эй, восстановите видимость! Восстановите видимость! Уберите его с экрана! — неожиданно он повернулся к Бэйнсу: — А ты — предатель! Твое оружие подвело нас! Ты продал нас всех! Ты с самого начала был за

них! Понимаешь, в чьи руки попадет страна из-за тебя! Понимаешь?! Понимаешь?!

Его вопли вызывали у Бэйнса лишь раздражение, однако он нашел в себе силы вопросительно поднять бровь. Мак-Найт дрожащим пальцем показал на экран:

— Я предам тебя военному суду! Неужели никто кроме меня не видит? Это же коварный доктор Фу Манчу[117]!

Козел Саббата не обратил никакого внимания на генерала, вместо этого он посмотрел прямо в глаза Бэйнсу, несомненно, видя его, и произнес:

— А вот и ты, возлюбленный сын мой. Иди же ко мне. Наш Отец внизу ожидает тебя.

Бэйнс не имел никакого желания следовать этому зову, однако обнаружил, что поднимается из кресла.

Брызгая слюной и протягивая руки, словно пытаясь вцепиться в горло далекому демону, Мак-Найт бросился из кабины и, пробив ее стеклянную стену, вместе с осколками рухнул на пол.

---

[117] Примечания: 117

Герой фантастических детективов английского автора Сакса Ромера, мозг преступного мира.

Сокрушение Небес

Подобно картине, где черная краска занимает должное место, Вселенная прекрасна, несмотря на присутствие грешников, хотя, взятые сами по себе, их пороки отвратительны.

Св. Августии «О Граде Господнем, XI, 23».

Так этот Фауст, опасная ловушка для столь многих, не помышляя и не ведая того, начал освобождать меня из тенет, в которые я попал.

Исповедь. V. 13.

11

Оказавшись во власти Пута Сатанахии, Бэйнс не имел возможности экспериментировать, тем не менее он обнаружил, что еще обладает какой-то свободой. Например, Великий Князь ничего не сказал о необходимости присутствия Джека Гинзберга, однако, когда Бэйнс, отчасти из зависти, отчасти просто нуждаясь в человече-

ском обществе, решил попытаться взять Джека с собой, он не встретил со стороны демона никаких препятствий. И сам Гинзберг, похоже, не расстроился, когда его подняли с постели, в которой он лежал с белокурой красоткой; вероятно, суккуб в Позитано, как и следовало ожидать, лишил его способности получать удовольствие с обычной женщиной. Впрочем, и без этой потусторонней связи Джек, подобно Дон Жуану, испытывал разочарование после каждой новой победы.

Однако такое объяснение по сути ничего не объясняло; Бэйнс часто думал о том же и раньше, поскольку, как уже отмечалось, он предпочитал, чтобы его сотрудники имели некоторые слабости, на которых при случае можно сыграть. Психолог фирмы говорил, что бывает, по крайней мэре, три типа Дон Жуанов: описанный Фрейдом — пытающигся скрыть от самого себя зачатки гомосексуальности; описанный Ленау — романтик, ищущий Идеальную Женщину, к которым приходит Дьявол в виде отвращения к самому себе; и описанный Да Понте — человек, не способный сознавать неотвратимость грядущего и потому не знающий ни любви, ни раскаяния даже на пороге Преисподней. Но, пожалуй, для Бэйнса не имело особого значения, к какому типу принадлежал

Джек: они все вели себя одинаково.

Джек выразил решительный протест, когда узнал, что путешествие в Дис придется совершить пешком, но в данном случае выбора не было. Бэйнс тоже не понимал, почему нужно обязательно идти пешком. Может быть, Козел Саббата хотел подчеркнуть тот факт, что осада Диса — последняя судорога земной технологии? Или он хотел, чтобы Бэйнс, вольно или невольно, совершил некое паломничество? Впрочем, в обоих случаях результат получался один и тот же, и значение имел только он.

Что касаются Джека, то он как будто все еще побаивался своего босса или питал какую-то надежду. Возможно, она и действительно существовала, только Бэйнс не поставил бы на нее и гроша.

Терон Уэр увидел большое грибовидное облако, когда еще находился во Флэчстафе, куда добрался частично автостопом, частично на грузовом поезде. Поднимавшееся облако, мощные вспышки света за горами на западе и повторяющиеся толчки словно от землетрясения, не оставили у него ни малейших сомнений относительно происходящего, и поскольку облако из-за устойчивого западного ветра неумолимо двигалось к нему, это

означало для него, как, очевидно, и для многих тысяч других людей, довольно скорую смерть, если каким-то чудом ему не удастся найти свободное убежище или такое, обитатели которого не пристрелят его тотчас, как только увидят.

И зачем вообще идти? Судя по начавшейся бомбежке, миссия Бэйнса в Денвере провалилась, и теперь идет открытая война между людьми и демонами. И ожидать, будто Терон Уэр способен тут что-то изменить, было бы крайне наивно. Скорее всего, к тому времени, когда закончится бомбардировка, независимо от того, как она подействует на демонов — если вообще подействует, — все более чем сто квадратных миль Национального заповедника Мертвая Долина будут смертельно опасны для незащищенного человека.

Однако Терон Уэр не мог считать себя незащищенным. Он преодолел огромное расстояние традиционным методом, и, следовательно, черная магия еще действовала; кроме того, он прошел почти такое же расстояние благодаря целому ряду благоприятных обстоятельств, которые он никак не мог приписать чистой случайности; и, наконец, лежавший у него в кармане рубиновый талисман продолжал излучать тепло, как ни один нормальный камень, натуральный или

синтетический. Конечно, старинная пословица «Нечистый заботится о своих», подобно всем прочим пословицам, верна лишь отчасти. Тем не менее на протяжении всего путешествия У эра не покидало ощущение, будто он выполняет некую миссию, значение которой на самом деле никогда не знал. Очевидно, оно должно было выясниться в конце; пока же У эр действовал сообразно воле Нечистого и не мог погибнуть, пока она не исполнена.

С удовольствием он остался бы во Флэчстафе и осмотрел знаменитую обсерваторию, где Персивал Пауэлл составил карты иллюзорных каналов Марса, где Томбаф открыл Плутон, — интересно, какое положение заняли эти планеты теперь, когда их боги столкнулись лбами? Такие занятия в данных обстоятельствах, конечно, не представлялись возможными. Уэру предстояло еще пересечь Большой Каньон и Лэйк Мид; затем он намеревался обогнуть с севера Спринг Маунтенс и выйти к зимнему курортному местечку Мертвой Долины Бэдуотеру, где надеялся выяснить точное местонахождение Нижнего Ада.

Пройден большой путь, но нужно пройти еще немало, и теперь, очевидно, не удастся воспользоваться попутной машиной: едва ли кто-нибудь

захочет ехать в ту сторону. Ну что же, значит, как он и предполагал на той несчастной ферме в Пенсильвании, придется похитить машину; и, скорее всего, это будет совсем не трудно.

Отец Доменико также совершил большое путешествие, и, как он имел все основания полагать, также не без вмешательства некой сверхъестественной силы. Теперь он стоял в сумерках почти на самой вершине Пика Телескоп высотой в одиннадцать тысяч футов и смотрел на восток в сторону долины самой смерти, где зловеще пылал город Дис. Долину прорезало русло реки Амаргоса, но сама река исчезла еще до того, как здесь побывали цивилизованные люди; теперь годовое количество осадков здесь не превышало двух дюймов.

И отец Доменико также сознавал, что находится под защитой сверхъестественной силы. По своей максимальной температуре — +54° Цельсия — долина занимала второе место в мире. Но хотя теперь воздух был гораздо жарче, отец Доменико ощущал лишь приятное тепло, словно только вышел из бани. Спускаясь с горы, он с ужасом обнаружил, что остекленевшие склоны усеяны сотнями застывших в странных позах серых существ, которые издали лишь смутно напоминали

людей. Подойдя ближе, он увидел, что это павшие воины. Отец Доменико попытался им помочь, но безуспешно. Тела под асбестовыми костюмами уже превратились в съежившиеся мумии. Что же тут произошло? Мистическое состояние, в котором он сюда перенесся, все еще не позволяло ему вникнуть в дела земные.

Но, в любом случае, следовало поспешить. Когда отец Доменико спустился в долину, он увидел три фигуры, приближавшиеся к нему вдоль бывшего речного русла, ставшего дорогой. Насколько он мог видеть, они, подобно ему, не имели никаких земных средств защиты, однако не напоминали и демонов. Недоумевая, он побрел им навстречу; когда они встретились, он узнал их и удивился своей недогадливости. Эта встреча, как теперь ему стало совершенно ясно, была предопределена.

— Как вы сюда попали? — сразу спросил Бэйнс. Трудно было определить, кому он задает вопрос, и, поскольку отец Доменико раздумывал, стоит ли рассказывать о левитации, и если да, то как, Терон Уэр сказал:

— Такие тривиальные вопросы не имеют значения в данных обстоятельствах, доктор Бэйнс. Мы здесь — вот что главное, и, насколько я понимаю,

все находимся под некой магической защитой. Отсюда возникает вопрос: чего от нас ожидают те, кто оказывает нам покровительство? Святой отец, могу я спросить о ваших намерениях?

— Ничто не мешает вам спрашивать, — ответил отец Доменико. — Но вы не тот человек, которому я бы дал ответ.

— Ну а я скажу вам, каковы мои намерения, — заявил Бэйнс. — Мои намерения — забраться в самое глубокое убежище Денвера и переждать там, пока все это развеется, если такое вообще возможно. Одно из важнейших правил военного бизнеса — держаться подальше от поля боя. Но мои намерения не имеют ничего общего с тем, что происходит на самом деле. Козел Саббата приказал мне прийти сюда — и вот я здесь.

— Вот как? — заинтересовался Уэр. — Он, наконец, пришел за вами?

— Нет, это я должен идти к нему. Он появился на телеэкране в Денвере и приказал мне. О Джеке даже речи не было, я сам взял его с собой, и демон не возражал.

— Вот уж спасибо, — беззлобно проворчал Джек. — Чего я не переношу, так это пешеходных прогулок, особенно вертикальных.

— А из вас двоих кто-нибудь видел его? — спро-

сил Бэйнс.

Отец Доменико упорно продолжал хранить молчание, но Уэр сказал:

— Пута Сатанахию? Я не видел. И сомневаюсь, что увижу теперь. Судя по всему, я нахожусь под защитой другого духа, хотя и подчиненного Козлу, — такая неразбериха характерна для демонов, но в данном случае, мне кажется, не обошлось без прямого вмешательства Сатаны.

— Козел приказал мне прийти сюда именем «Нашего Великого Отца внизу», — заметил Бэйнс — Если он интересуется мной, то вами тем более. Но каковы были ваши намерения?

— Сначала я думал, что могу попытаться сыграть роль посредника или, по крайней мере, ходатая в мирных переговорах — так же, как вы в Денвере. Но теперь уже поздно, и я так же, как и вы, понятия не имею, почему здесь нахожусь. Могу сказать только одно: какой бы ни была причина, надеяться тут не на что.

— Пока мы живы, живет и надежда, — неожиданно заявил отец Доменико.

Черный маг показал на ужасный город, к которому они помимо своей воли все это время шли.

— Мы видим Дис, значит, мы уже миновали обитель бесполезных. Все грехи Леонарда, грехи

невоздержанности, остались позади, следовательно, позади и врата, на которых начертано: «Забудь надежду всяк, сюда входящий».

— Мы живы, — возразил отец Доменико, — и я решительно отрекаюсь от тех грехов.

— Вы не можете этого сделать, — голос Уэра начал постепенно повышаться. — Послушайте, святой отец, ситуация, в которую мы попали, весьма загадочна, и будущее наше неопределенно. Неужели мы не можем обменяться той небольшой информацией, которую имеем? Одно то, что мы находимся здесь все вместе, очевидно, символично и неизбежно, и вы как карцист белой магии должны знать это лучше всех. Если рассмотреть круги Верхнего Ада по порядку: Гиизберг — почти типичный пример одержимого похотью; я продал душу ради неограниченного знания, что, в конечном счете, всего лишь разновидность алчности; достаточно взглянуть на сие поле брани — и вы убедитесь, что доктор Бэйнс главным образом орудие гнева.

— Вы пропустили Четвертый Круг, — заметил отец Доменико, — с очевидной дидактической целью, но напрасно вы думаете, что я извлек мораль из ваших самонадеянных слов.

— Будто бы? Разве не было главной задачей

белой магии отыскание сокровищ? А монашеская жизнь, избегающая соблазнов, дел и обязанностей мира ради блага собственной души, разве не великолепный образец скупости? Столь вопиющий грех не может умалить даже канонизация. Мне вполне достоверно известно, что все первые святые отправились прямо в ад и даже из простых монахов такой участи избежали лишь немногие вроде Матье Парижского и Роджера Вензоверского, которые также занимались полезной мирской деятельностью.

— И что бы там ни думали ваши полоумные друзья в Монте Альбано, на самом деле нет никакого высшего разрешения белой магии, потому что нет такой вещи, как белая магия. Она вся черная, черная, черная, как пиковый туз, и вы погубили свою бессмертную душу, занимаясь магией, даже не ради собственного блага, а по поручению других: что же это, как не расточительство, наряду со скупостью? Вспомните, наконец, еще одно, святой отец: почему в последнюю минуту Черной Пасхи у вас в руках взорвалось распятие? Не потому ли, что вы попытались воспользоваться им в личных целях? Разве оно не символизирует подчинение Высшей Воле? Вы же пытались использовать его — символ смирения перед лицом смерти — ради

спасения своей собственной ничтожной жизни. Да, отец Доменико, я думаю, настало время нам всем быть откровенными друг с другом, потому что вы такой же, как и мы!

— Что верно, то верно, — пробормотал Бэйнс, слабо усмехаясь.

Пройдя несколько шагов в полном молчании, отец Доменико проговорил:

— Боюсь, вы правы. Я шел сюда в надежде заставить демонов признать существование Бога и полагал, что пользуюсь поддержкой Господа. Если вы не самый хитроумный казуист, каких я когда-либо знал даже по книгам, тогда у меня нет права на подобные мысли, а значит, подлинная причина моего здесь присутствия не менее таинственна, чем в вашем случае. И я не могу сказать, что теперь понимаю больше.

— Таким образом, мы все прибываем в неведении, — подвел итог Уэр. — И что касается вашего первоначального намерения, святой отец, то оно предлагает такую цель, которая, надо сказать, совершенно противоречит интересам демонов. Но я полагаю, нам не придется долго ждать разгадки, джентльмены. Похоже, мы уже пришли.

Все четверо подняли головы. Колоссальный барбикан Диса высился над ними.

— Несомненно одно, — прошептал отец Доменико. — К этому путешествию мы готовились все нашу жизнь.

12

Их не поддерживала никакая Беатриче, и не вел никакой Виргилий; но, когда они приблизились к стенам крепости, поднялась решетка, и ворота медленно и бесшумно раскрылись. Путников не дразнили демоны, и фурии не пытались запугать, и ангел не пересек Стикса, чтобы расчистить для них путь — они прошли свободно и беспрепятственно.

За воротами они обнаружили, что город совершенно переменился. Нижний Ад, царство вековечных мук, в котором все человеческое оружие не смогло повредить даже малой ветки Леса Самоубийц, исчез без следа. В некотором смысле, его, вероятно, тут и не было вовсе, и он пребывал там же, где и всегда, в Вечности, продолжая принимать души умерших. Но для четырех пришельцев он просто пропал.

На его месте стоял чистый, аккуратный город, напоминавший иллюстрацию из какого-то утопического романа; точнее, он представлял собой нечто среднее между городом будущего из старого

фильма «Будущее» и полностью автоматизированной фабрикой — и, подобно фабрике, он гудел и рокотал. Демоны чудовищного звероподобного вида также исчезли. Теперь город, по-видимому, населяли в основном человеческие существа, хотя их внешность едва ли можно было назвать нормальной. Несмотря на свою несомненную красоту, эти мужчины и женщины производили своим видом тягостное впечатление, потому что не имели никаких различий, кроме половых, — словно все принадлежали к одному клану, выведенному по образцу статуй на фронтонах общественных зданий или иллюстраций Гюстава Доре к «Божественной Комедии». Оба пола носили одинаковые плащи из какого-то серого материала, который больше всего напоминал папье-маше. Каждый человек имел на груди вышитый блестящими нитками номер.

Вторую, относительно малочисленную группу составляли существа в униформе, отдаленно напоминавшей военную. Они главным образом стояли на перекрестках и еще больше напоминали изваяния; их общее лицо имело вполне благообразный, но суровый вид, как у идеального отца. У большинства здешних обитателей выражение лица вообще отсутствовало; впрочем,

сама невыразительность их лиц, вероятно, могла бы считаться выражением скуки, ни один из них, очевидно, не имел никакого занятия. Вся деятельность города, которая как будто заключалась исключительно в создании непрерывного мощного шума, происходила за слепыми фасадами домов и, по-видимому, не требовала участия живой рабочей силы. Никто не разговаривал. По дороге путники наблюдали множество откровенно эротических сцен, большей частью массовых, и Джек сначала смотрел на них с живым интересом; но вскоре стало ясно, что и они однообразны и безрадостны. Ни дети, ни животные не встречались.

Несомненно, после такой трансформации уже нельзя было руководствоваться описаниями Данте, так же, как и теми аэрофотоснимками, которые видел Бэйнс. Четыре человека интуитивно продолжали двигаться к источнику шума. Однако через некоторое время они обнаружили, что к ним молча присоединились четверо демонов-надсмотрщиков, которые теперь не то провожали, не то вели их под конвоем. Мрачно-двусмысленный эскорт усиливал впечатление, будто путники попали на экскурсию в фантастический «завтрашний мир», описанный в XIX веке;

она должна была включать просмотр завода, где производились воздушные шары, детских яслей, гигантского телеграфного центра, дворца народного творчества — однако ограничилась лишь посещением исправительного заведения для антиобщественных элементов.

Все это как будто представляло собой картину будущего мира под властью демонов, которые пытались придать ей максимально привлекательный вид, причем, судя по всему, они воплотили в своей цитадели лишь принципы постиндустриального общества, к которым так долго стремились сами люди. Святой Августин, Гете и Мильтон замечали, что Дьявол, постоянно ища зла, всегда творил благо; но здесь наблюдалось прямо противоположное: плод благих намерений демонов. Многие из самых прибыльных идей компания Бэйнса получила — через посредство «Мамаронек Ризеч Инетитьют» — от наделенных живым воображением авторов научной фантастики, и потому именно Бэйнс первый высказал эту мысль.

— Я всегда догадывался, что жизнь в таком мире — сущий ад, — прокричал он. — Теперь точно знаю.

Никто не ответил ему, — скорее всего, никто

просто не слышал. Но лишь настоящему Аду нет конца. Через некоторое — хотя и трудно сказать какое — время путники прошли между дорическими колоннами и под золотым архитравом высокого чертога, именуемого Пандемониум, и перед ними раскрылись бронзовые двери. Внутри слышался лишь приглушенный гул: в огромном зале, способном вместить тысячную аудиторию, находились только четверо людей, четверо демонов-солдат и одна как будто удаленная, но в то же время нестерпимо яркая звезда: не тот второстепенный член Триумвира, Пут Сатанахиа, Козел Саббата, который в утро Черной Пасхи проглотил Гесса и обещал вернуться за остальными, но Первый Падший Ангел, Ложь, не знающая границ, воплощение первозданного Мятежа, Вечный Враг, Само Великое Ничто, Сатан Мекратриг.

Здесь, конечно, уже не светило солнце Мертвой Долины, и искусственное освещение сверхсовременного города тоже отсутствовало. Однако совершенной тьмы не было. Высоко на стенах горели несколько факелов, которые равномерно освещали сводчатый потолок, напоминавший искусственное небо планетария и создававший впечатление того момента между сумерками и

полной темнотой, когда лишь Люцифер достаточно ярок, чтобы быть видимым. К этому свету они и направились, и, по мере того как они шли, он рос.

Но не от существа исходил свет, оно лишь освещалось им. Павший херувим едва ли сильно отличался от того огромного, жестоко обезображенного ангела, которого видел Данте и вообразил Мильтон: три лица, желтое, красное и черное; нетопырьи крылья, косматая шкура и чудовищный рост — около пятисот ярдов от головы до копыт. Крыльев, как и глаз, было шесть, однако они не бились беспрерывно, вызывая три ветра, которые замораживали Коцит; и из шести глаз также не лились слезы. Вместо того на каждом из лиц, являвших собой Невежество Сима, Ненависть Иафета и Бессилие Хама, застыло выражение полного и предельного отчаяния.

Паломники видели это, однако все их внимание сосредоточилось на свете: ужасная, увенчанная короной голова Червя была окружена нимбом.

13

Демоны-стражники не последовали за ними, и огромная фигура не двигалась и хранила молчание, но в этой оглушительной тишине

паломники сами почувствовали потребность говорить. Они переглянулись почти робко, словно школьники, которых представляли какому-нибудь королю или президенту; каждому хотелось привлечь внимание к себе, но никому не хотелось первому пробить лед. Однако, хотя ни один из них не произнес ни слова, между ними каким-то образом возникло соглашение, что первым должен говорить отец Доменико.

Глядя вверх, но не прямо в ужасное лицо, белый монах начал:

— Отец Лжи, я полагал, что моя миссия — прийти сюда и заставить тебя сказать правду. Я явился благодаря чуду или вере и по пути видел много знаков того, что власть Ада на Земле не абсолютна. И также тот Козел, твой князь, не пришел за мной и моими… коллегами, несмотря на его угрозы и обещания. И еще я видел избрание твоего демона Папой, что означает явление Антихриста, в котором, как сказал Пут Сатанахиа, победившим демонам нет нужды. Отсюда я заключил, что Бог вовсе не умер и кто-то должен явиться в твой город и возвестить вечную славу Всевышнего.

Я стою перед тобой без оружия — мое распятие распалось у меня в руках в утро Черной Пасхи, — но все равно, я заклинаю тебя и требую, чтобы ты

вернулся в свои пределы.

Ответа не последовало. Наступила долгая пауза. Потом заговорил Терон Уэр:

— Учитель, я думаю, ты хорошо меня знаешь: я — последний черный маг в мире и самый сильный из тех, кто когда-либо занимался этим высоким искусством. Я также видел знаки, подобные тем, о которых говорил отец Доменико, но я сделал из них другие выводы. Мне кажется, что последнее столкновение с Михаилом и его воинством не могло завершиться, — несмотря на то огромное преимущество, которого ты уже добился. А если так, тогда, быть может, ты совершил ошибку, начав войну против людей, или они ошиблись, начав войну против тебя, когда главное дело остается под вопросом. Пока ты еще позволяешь нам заниматься магией, мы, вероятно, могли бы оказать тебе некоторую помощь. И я пришел сюда, чтобы узнать, какой может быть эта помощь, и сделать все, что в моих силах.

Никакого ответа.

Следующим был Бэйнс:

— Я пришел, потому что мне приказали. Но, раз уж я здесь, выскажу и свою точку зрения на это дело: она мало отличается от предыдущего мнения. Я пытался убедить генералов не нападать

на город, но у меня ничего не вышло. Теперь они поняли свою ошибку, я уверен, они заметили, что вы не стали уничтожать все их силы, хотя имели возможность, — и, может быть, теперь мне удастся больше. По крайне мере, я могу попробовать, если вам это понадобится.

Едва ли нам удастся помочь вам в войне против Небес, если мы не смогли ничего сделать с этой вашей крепостью. Кроме того, я предпочитаю сохранять нейтралитет. Но, договорившись с нашими генералами, вы избавились бы от лишних хлопот, пока у вас есть дела посерьезней. А если вам этого мало, прощу не винить меня. Я пришел сюда не по своей воле.

Вновь наступила жуткая тишина, наконец даже Джек Гинзберг вынужден был заговорить:

— Если вы ждете меня, мне нечего предложить, — сказал он. — Я, конечно, благодарю за оказанные в прошлом любезности, но я не понимаю, что происходит, и не хотел бы впутываться в это дело. Я только выполнял свои обязанности; что же касается моих личных дел, я бы предпочел, чтобы мне позволили заниматься ими самому.

Теперь, наконец, огромные крылья пошевелились: и все три лица заговорили. Голоса не было слышно, и слова сами появлялись в ушах

слушателей.

О, маловерные, — промолвил Червь,
Вы, чье ничтожное тщеславье
Лелеяло надежду даже в сих глубинах
Лишить Нас золотого Трона — хоть для Нас он
Лишь бремя тяжкое. Алхимией своею
Ты мнил, монах, возвысить славу
Небесного Владыки; но к тому ли
Сквозь вековечный стон и пламя шли вы,
С тех пор, как пали ангелы? Скажите
О том хоть прозой, хоть стихами.
Нас не обманете; тем лишь скорее
Увидим Мы, как мечетесь на грани
Меж Преисподнею и Небесами.
Подобно мореходу, что крушенье терпит
Средь волн кипучих всех своих надежд,
Но не предаст души своей, так не уступим
И Мы в сей страшной битве. Но тому ли

Постичь значенье и причину

Всего, что мы здесь совершили!

О ночь безмолвная, утешь Меня! И сохрани

То Полубожество Мое еще немного,

Покуда не угаснет на рассвете Божества!

Поистине, о маловеры, говорю вам:

Господь наш умер или мертв для нас.

Но, скрытый в глубине непостижимой,

Его остался принцип; и, как звездочет,

Безмерностью небесной зачарован,

Вперяет взор в звезду двойную, так и мы теперь.

О Первопричина! Утратила ее отныне

Вся тварь. Лишь Бог суть независим, Зло же

Само не может жить, и злодеянья

Нуждаются в Священном Свете, ибо смысл их

В нем заключен; Добро всегда свободно,

Тогда как Зло помимо своей воли

Обречено превозносить Добро — так

путь нелегкий,

Страданий полон, путника вернет к вершине.

И потому вы, грешники, великой

Гармонии участниками стали,

Как ни низки все ваши устремленья.

Ты, черный маг, и ты, торговец смертью,

Замыслили, предшественников превзойдя,

Помимо Иуды, коего Я Сам терзаю,

Весь мир низвергнуть в Бездну Ночи,

Желая оживить картины,

Что созданы эстетом извращенным Джойсом[118].

И грянула Вселенская война, в которой

Победу одержали силы Преисподней.

Возликовали Мы, но ненадолго,

Освобожденные от Мук, прореченных навеки,

Все наши сонмы духов мерзких,

---

[118] Примечания: 118
См. картину небольшого светопреставления в 15 главе «Улисса».

Что прежде были Ангелами Света.

Но пали и доселе пребывали

Средь ужасов во мраке Преисподней,

Теперь увидели, что мир людей гораздо хуже,

Чем даже в сказочные дни правленья ведьм.

Весьма все новостью такой смутились,

Однако после скорого совета взялись они творить

И проповедовать повсюду Зло, вовсю стараясь

И следуя в том правилам давно известным.

Но вскоре то пустое место,

Где полагается быть Вечному Добру, настало время

Заполнить чем-то; хоть и мертв Всевышний,

Его престол остался. И поскольку

Внизу, как наверху: последний станет первым.

И Тот, кто у ессеев назван

Стоящим за пределами всего,

Возглавить ныне должен, — несмотря на отвращенье,

Добра все силы во Вселенной беспредельной.

Но с вашим злодеянием в сравненьи

Что не покажется добром? А то,

Чего хотим и не хотим Мы,

Теперь значенья не имеет.

В Аду кромешном обрекли нас

Пребыть вовеки, но на Землю

Однажды получив возможность

Ступить, Мы претерпели измененье.

Но как Отцу Греха еще порочней стать?

И вот Мы — Божество, но сделались ли Богом?

Возможно. Известно нам не все, и Иегова

Отнюдь не мертв, но лишь сокрылся или

Сам сократил, как говорит Зогар, свою

же Бесконечность,

И, энекуриец, ожидает Великого исхода с безразличьем

Великим; но Мы знаем, во Вселенной,

Им созданной, извечно все стремится

К Нему, и возвещая ныне

Его Самоубийство, мы должны добавить,

Что цель сего ясна Нам совершенно,

Ибо Престол Свой завещал Он

Кому же, как не Человеку,

Который упустил однажды

Свою возможность. И теперь,

Как пожелали Мы вначале, стал Богом Сатана,

И гневом в своей агонии Он превзойдет Иегову,

Обрушившегося на Израиль!

Но царство наше не навеки,

Хоть и покажется вам вечным;

Не в силах пить Я эту чашу, возьми ее, о Человек!

Тебе и лишь тебе она предназначалась

Самим Творцом Вселенной изначально,
Ужасен сей Армагеддон, но род ваш
Еще страшней ждет испытанье,
Ибо из праха предстоит вам
Восстать. Но двери я захлопнул.
И в день неблизкий, но грядущий
Явлюсь опять, и в ваши длани
Я ключ пылающий вложу.
Пока ж — о, участь злая Мекратрига!
—
Последнее тягчайшее проклятье
Нести Мне предстоит. И понимаю,
Что не хотел я этой Власти.
И вот: всего достигнув, все Я потерял.

(Большой зал Пандемониума исчезает, и вместе с ним крепость Дис; четыре человека стоят посреди улицы на окраине небольшого городка Бэдуотера. В пустыне раннее утро и еще прохладно. Все следы недавней битвы также исчезли.

Четверо переглядываются с растущим недоумением, словно видят друг друга впервые. Потом каждый из них начинает говорить, но не может закончить фразы.)

Отец Доменико: Я думаю…

Бэйнс: Я уверен…

Уэр: Я надеюсь…

(Они оглядываются и обнаруживают исчезновение поля боя. После всего, что произошло, это даже не удивляет их.)

Гинзберг: Я… люблю…

Занавес
Послесловие автора

Это произведение составляет второй том трилогии под общим названием «После знания». Первый том представляет собой исторический роман «Доктор Мирабилис»; последний — научно-фантастический роман «Дело совести». Эти книги независимы друг от друга, хотя имеют общую тему; все они посвящены художественному осмыслению различных аспектов древней философской проблемы, сформулированной Бэйнсом.

Как и прежде, все цитированные магические книги действительно существуют (хотя большей частью в виде рукописей), и магические обряды и диаграммы взяты из них (хотя ни в одном случае описание не является полным).

Напротив, все герои и события — чистый вы-

мысел, так же, как и описание «Стратегической Воздушной Команды».

Джеймс Блиш, Харнсден (Хенли).
Оксон, Англия, 1970

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА

Ни железная решетка…

1

«Улетающий-2», достаточно большой для того, чтобы вместить сотню пассажиров, казался Гордону Арпи в два раза больше с одной только командой на борту — огромный и молчаливый, на расстоянии тысячи миль от Земли.

— Когда они прибудут? — по меньшей мере в четвертый раз спросил доктор (теперь капитан) Арпи. Первый офицер, Фридрих Острейчер, взглянул на хронометр и со скукой отвернулся.

— Первая партия будет на борту через пять минут, — резко ответил он. — По-видимому, они все уже достигли СЛА-1. Остается только перевезти их.

Арпи начал грызть ногти. Несмотря на то что он всегда был нервным (равно как высоким и худым), это занятие не входило в его привычки.

— Я все равно считаю безумием брать пассажиров в полет, подобный этому, — сказал он.

Острейчер ничего не ответил. Перевозка пассажиров была ему не в новинку. Он уже десять лет служил капитаном пассажирского корабля, летающего на Марс, и выглядел соответствующе: тридцатилетний мускулистый и коренастый парень с коротко стриженными волосами, в кото-

рых уже появилась седина, несмотря на то что он был на пять лет младше Арпи. Он был вторым в команде «Улетающего-2», так как не знал принципа действия нового двигателя. С другой стороны, Арпи назначили капитаном только потому, что изобрел двигатель и единственный разбирался в нем. Но как бы то ни было, Острейчеру это не слишком нравилось.

В любом случае, первый офицер будет являться капитаном большую часть времени. Арпи признавал, что не умеет управлять космическим кораблем. Более того, мысль о пассажирах приводила его в ужас. Он надеялся как можно меньше связываться с ними.

Но, проклятие, было сумасшествием брать сто человек, половину из которых составляли женщины и дети, в первый полет нового межзвездного корабля, основываясь только на вере доктора Гордона Арпи, что его детище сработает. Конечно, истинной причиной являлось не только это. Все сотрудники проекта «Улетающий», главой которого был Арпи, и правительство тоже верили, что оно сработает. Двенадцать лет назад была отправлена первая экспедиция к созвездию Центавра, судя по всему еще находившаяся в полете. Несмотря на исключительно захваты-

вающий полет Гаррарда, они предпочли пойти трудным путем, на ионном двигателе корабля Хартэля, что фактически являлось приговором и могло повредить здоровью команды. Открытие Арпи было совершенно неожиданным прорывом, дающим возможность отправить новую партию опытных специалистов, чтобы помочь Первой Экспедиции основать колонию, прибыв лишь месяц спустя после ее высадки. А если отправляешь помощь, почему бы не отправить также и семьи — семьи Первой Экспедиции, оставшиеся на Земле?

Именно это объясняло наличие двух команд. В одну входили люди из проекта «Улетающий», построившие различные части корабля, или смоделировавшие их, или просто хорошо в них разбирающиеся. Другая состояла из людей, которые некоторое время (иногда в течение двух полных путешествий) служили в Космическом Сервисе под началом Острейчера.

Энергия, питавшая силовое поле, вырабатывалась генератором Нернста: плотным облаком кипящего водорода, удерживавшегося в камере сгорания сильным магнитным полем, которое трансформировало тепло в электрический ток, перпендикулярный магнитным силовым лини-

ям. Такой же генератор питал ионные ракеты обычного межпланетного полета, и поэтому мог обслуживаться обычными командами. С другой стороны, Арпи попытался превзойти уравнение Лоренца-Фицджеральда путем придания всему кораблю отрицательной массы, а это понятие было совершенно чуждым даже самым опытным космонавтам. Только физик, знавший дыры Дирака достаточно хорошо для того, чтобы назвать их «Пэм», имел представление об изобретении.

Но оно сработает. Арпи был уверен в этом. Тело с отрицательной массой могло очень сильно приблизиться к скорости света до того, как его настигало сжатие Фицджеральда; кроме того, не было большого синусоидального отклонения в субъективное время, которое влияло на пассажиров в корабле Хартэля, противника Фицджеральда. Если поле успешно поддерживалось, несмотря на сжатие, не было никаких серьезных причин, которые бы помешали превысить скорость света; в подобных условиях корабль вообще не был материальным объектом.

Полярность масс ведет себя иначе, чем электромагнитная полярность. В гравитационном поле, где сохраняется масса, одинаковое притягивается, а разнородное отталкивается. Сам заряд

поля должен с большой скоростью оттолкнуть заряженный объект от Земли.

Модели не разочаровали. Они исчезали мгновенно, с шумом, похожим на удар грома. И когда на каждый атом корабля оказывалось одинаковое влияние, ускорение не чувствовалось, что соответствовало первичному требованию к идеальному двигателю. Выглядело неплохо…

Но не для экспериментального полета с сотней пассажиров на борту!

— Вот и они, — сказал Гарольд Стаффер, второй офицер. Жилистый и светловолосый, он был даже младше Острейчера и имел маленький подбородок и красивые черты, что в сочетании обычно именуется «слабым лицом». Стаффер был, как уже знал Арпи, примерно таким же слабым, как дизельный локомотив — физиогномика подкачала. Офицер показывал на смотровой монитор.

Арпи вздрогнул и посмотрел в указанном направлении. Сначала он не увидел ничего, кроме Спутникового Летательного Аппарата-1, казавшегося на таком расстоянии размером с пятидесятицентовую монету. Затем крошечный язычок огня около СЛА-1 обнаружил первый из паромов, приближающийся к ним.

— Нам лучше спуститься в тамбур газоубежи-

ща, — заметил Острейчер.

— Хорошо, — рассеянно отозвался Арпи. — Идите. Мне еще нужно кое-что проверить.

— Лучше поручите это кому-нибудь другому, — посоветовал Острейчер. — Капитан по традиции должен встретить пассажиров, высаживающихся на борт. Они этого ожидают. Эти люди наверняка испуганы, учитывая то, что они на себя взяли. Я бы не нарушал заведенный порядок, если бы был на вашем месте, сэр.

— Я могу провести проверку, — с готовностью произнес Стаффер. — Если у меня будут сложности с двигателем, сэр, я всегда смогу позвать начальника смены. И тогда он решит, приглашать вас или нет.

Уступив, Арпи последовал за Острейчером вниз, к тамбуру.

Прибывший паром завершил стыковку, его вздернутый нос быстро отделился и ушел вверх. Первым вышедшим пассажиром оказался двухлетний ребенок, укутанный так, что никто не смог бы сказать, мальчик это или девочка. Он сразу упал, затем поднялся и, как ни в чем не бывало, потопал вперед, крича «Пока-пока-увидимся, пока-пока-увидимся, пока-пока…» Затем он остановился как вкопанный, рассматривая огромную

металлическую пещеру круглыми глазами.

— Джуди? — раздался голос из парома. — Джуди! Джуди, подожди маму!

Мгновение спустя показалась обладательница голоса, красивая невысокая девушка, на вид лет восемнадцати. Между тем ребенок заметил члена команды, улыбавшегося шире всех, и атаковал его, тараторя «Папа-Папа-Папа-Папа-Папа-Папа», как пулемет. Женщина, покраснев от смущения, последовала за ним. Мужчина не смутился. Было очевидно, что младенцы на трех планетах и пяти спутниках уже звали его папой, и он, возможно, не смог бы сказать, насколько это соответствовало истине. Он поднял маленькую девочку и нежно ущипнул ее.

— Привет-привет, Джуди, — сказал он. — Я вижу тебя. Где Джуди? Я вижу ее.

Джуди радостно вскрикнула и закрыла лицо ручонками, подглядывая сквозь пальцы.

— Что-то здесь не так, — шепнул Арпи Острейчеру. — Как может человек, двенадцать лет путешествующий к созвездию Центавра, иметь двухлетнюю дочь?

— На вашем месте, сэр, я бы не задавал такого вопроса, — ответил Острейчер, практически не шевеля губами. — Пассажиры бывают разными.

Лучше к этому привыкнуть.

Его слова были полностью проиллюстрированы. Следующей паром покинула пожилая женщина, очевидно, мать одного из членов Первой Экспедиции к Центавру; по обыкновенным стандартам, она не могла вынести космическое путешествие и, конечно, не помогла бы никому по прибытии. За ней следовала эффектная брюнетка в облегающем коротком трико, с фигурой танцовщицы. Ей могло быть от 20 до 40; она не носила кольца, и жесткое выражение ее миловидного лица вызывало предположение, что она не замужем. Между тем Арпи она показалась знакомой, он подтолкнул Острейчера и кивнул в сторону девушки.

— Селия Госпарди, — тихонько произнес Острейчер. — 3-V комическая актриса. Я уверен, вы ее видели, сэр.

Он действительно видел ее раньше, но никогда бы не узнал, потому что она не улыбалась. Ее присутствие здесь не поддавалось никаким разумным объяснениям.

— На экране или нет, в этом есть какое-то несоответствие, — негромко сказал Арпи. — Очевидно, была ошибка при интервьюировании. Возможно, мы вернем кого-нибудь из этой груп-

пы обратно.

Острейчер пожал плечами.

— Это ваш корабль, сэр, — сказал он. — Однако я не советую этого делать.

Арпи вряд ли слышал его. Если некоторые из этих пассажиров на самом деле были такими неподходящими, какими выглядели… и не будет времени послать кого-то другого… Наугад он начал с мамы маленькой девочки.

— Извините, мэм…

Девушка удивленно повернулась, а затем вспыхнула от удовольствия.

— Да, капитан!

— Э… мне кажется, что, возможно… э… произошла ошибка. Места на «Улетающем-2» предназначены строго для технического персонала и для… э… законных родственников Первой Экспедиции. Так как вашей Джуди, кажется, не больше двух, а прошло двенадцать лет с тех пор, как…

Глаза девушки стали ледяными, и она избавила его от необходимости закончить речь, чего, как Арпи только что осознал, он никогда не смог бы сделать.

— Джуди, — ровно произнесла она, — внучка капитана Виллогби Первой Экспедиции. Я его дочь. Сожалею, что моего мужа нет в живых,

иначе он бы все растолковал вам, капитан. Есть еще какие-нибудь вопросы?

Арпи поспешно ретировался, чтобы подсчитать потери. В разгар отступления его остановил тринадцатилетний мальчик в необыкновенно толстых очках, с копной грязно-желтых волос, торчащих в разные стороны.

— Сэр, — сказал мальчик. — Как я понял, это новый тип корабля. По-моему, он похож на грузовой корабль SC-47. Не так ли?

— Да, — ответил Арпи. — Да, именно. У него такой же корпус. Я имею в виду, что двигатели и фитинги новые.

— Эх-хэх, — произнес мальчик. Развернувшись, он побрел дальше.

Шум становился громче по мере того, как заполнялось приемное отделение. Арпи было неприятно сознавать, что Острейчер наблюдает за ним с плохо скрываемым презрением, но уйти он не мог: какой-то маленький плотный человечек в сером костюме взял его за локоть.

— Капитан Арпи, я Форрест из Президентской Комиссии и должен высадиться перед отправлением, — низким голосом пробормотал человечек так быстро, что одно слово едва можно было отличить от другого. — Мы проверили вас, и,

кажется, вы находитесь в хорошей форме. Просто хочу напомнить вам, что ваш двигатель более важен, чем все остальное, что находится на борту. Если это возможно, доставьте пассажиров туда, куда они хотят, любыми средствами, но если нет, *правительство хочет получить этот двигатель обратно*. Другими словами, если это необходимо, избавьтесь от пассажиров без сожалений. Ясно?

— Хорошо.

Это внушалось ему практически с момента его назначения, но, после того как пассажиры действительно прибыли на борт, вдруг показалось не таким уж хорошим планом. Неожиданно на Арпи нахлынул ужас, он отодвинул в сторону правительственного чиновника и, проклиная традицию, отправился на мостик так быстро, как только мог, предоставив Острейчеру общаться с оставшимися новоприбывшими. В конце концов, Острейчер умеет это делать.

Но самое тяжелое испытание было еще впереди. Корабль не мог улететь до окончания двенадцатичасового периода, во время которого пассажиры привыкнут к своим каютам и получат ответы на множество вопросов, благодаря чему не будут забредать в служебные отсеки корабля. И еще оставался традиционный капитанский

обед — необходимая церемония, в течение которой пассажиры привыкают есть в невесомости, избавляются от первой неловкости в обращении с космическим оборудованием и знакомятся друг с другом. В отличие от капитанского обеда на море, этот космический символизировал начало путешествия.

— Стаффер, как прошла проверка?

— Пожалуйста, сэр, *мистер* Стаффер, — вежливо ответил офицер. — Все в порядке, сэр. Я попросил начальника смены занести это в журнал, что он и сделал.

— Очень хорошо. Спасибо… э… мистер Стаффер. Продолжайте.

— Слушаюсь, сэр.

Похоже, ожидался долгий вечер. Быть может, Острейчер пропустит капитанский обед? Арпи почему-то сомневался в этом.

Конечно, он не захотел. Он уже давно приготовился к нему. Так как на переделанном грузовом судне не было салона, обед провели в одном из небольших трюмов, содержимое которого временно разместили в коридорах. Все внутреннее пространство трюма занимали столы в форме седел, к которым гости пристегивались ремнями; обслуживание проводилось прямо в воздухе.

За столиком Арпи собрались тринадцатилетний мальчик, которого он встретил раньше, корабельная няня, два техника из специалистов среди пассажиров-колонистов, служащий при генераторе Нернста и Селия Госпарди, сидевшая рядом с ним. Ее не пригласили за семейный столик, так как с ней не было детей; кроме того, она являлась знаменитостью.

Арпи ужаснулся, узнав, что она была не единственной знаменитостью на борту. За соседним столиком сидел Дэрион Хаммер-смит, человек, которого прозвали Завоевателем Титана. Невозможно было не узнать широкоплечего, яркого исследователя и его звучный голос; он привлекал внимание всех присутствующих, особенно женщин. Лысина делала его похожим на прусского офицера старой школы. Вообще он производил впечатление человека жестокого и мужественного и вызывал ассоциации с пантерой, вышедшей на охоту.

В течение некоторого времени Арпи не знал, каким разговором занять гостей. Он очень надеялся, что идиотская пустота в голове продлится не очень долго; а быть может, пассажиры посчитают его флегматиком и… Но тишина за капитанским столиком становилась заметной,

особенно на фоне шума, который производили дети. И Хаммерсмит, сидевший по соседству, начал рассказывать космические байки.

И какие байки! Арпи очень мало знал о Титане, но почему-то был уверен, что там не было ни снежных тигров, разгрызающих фундаменты зданий, ни каких-либо трехглазых аборигенов, наслаждающихся замерзшим человеческим мясом, нагревая его до тех пор, пока соки не превращались из Льда-4 в Лед-3. Если они там и были, то это не соответствовало книге Хаммерсмита об экспедиции на Титан, в которой они не упоминались. Но болтовня исследователя делала молчание Арпи еще более заметным; он *должен был* что-то сказать.

— Мисс Госпарди, ваше присутствие для нас — большая честь. Я полагаю, ваш любимый муж полетел в Первой Экспедиции?

— Еще хуже, — ответила она, вгрызаясь ослепительно белыми зубами в жареную ножку. — Мой пятый муж.

— О! Ладно, сначала вам не повезло — так обычно и бывает, не так ли? Вы решились на такое долгое путешествие, чтобы снова быть с ним. Я рад, что теперь вы чувствуете такую уверенность в силе ваших чувств.

— Я уверена, — спокойно произнесла она. — Да, это долгая поездка. Но он сильно ошибся, когда думал, что она будет слишком долгой для *меня*.

Тринадцатилетний мальчишка смотрел на нее с совиным выражением. Похоже, для него это была душная ночь.

— Конечно, Титан значительно изменился с тех пор, как я там был, — весело гудел Хаммерсмит. — Говорят, с новым куполом там почти уютно, если не считать ветра. Этот ветер — я все еще мечтаю о нем, как тогда, так и сейчас.

— Я восхищаюсь вашим мужеством, — сказал Арпи 3-V звезде, начиная слегка льстить. Казалось, у него неплохо получалось — возможно, он обладал скрытыми талантами, которыми доселе пренебрегал.

— Это не мужество, — ответила женщина, освобождая кусок хлеба из зажима. — Это безрассудство. Ненавижу космические полеты. Я-то знаю, мне приходилось достаточно часто летать на Лунные шоу. Но я собираюсь вернуть этого вшивого труса обратно, даже если это будет последним, что я сделаю.

Она отломила добрую треть куска одним точным движением.

— Я бы не думала об этом, если бы не проиграла

своего шестого мужа Пегги Вальтон. Подумать только, увлечься этим охотником за юбками; должно быть, я была не в себе. А Джонни и не подумал развестись со мной перед тем, как сбежал в эту охотничью экспедицию на Центавр. Это было ошибкой. Я собираюсь *за шиворот* притащить *его* обратно.

Она согнула остаток хлеба и осторожно разломила его надвое. Мальчишка вздрогнул и отвернулся.

— Нет, я не могу сказать, что сильно скучаю по Титану, — произнес Хаммерсмит задумчивым голосом, который тем не менее разнесся по всему трюму. — Мне нравятся планеты, на которых небо почти всегда чистое. Мое хобби — микроастрономия. Собственно говоря, строго как любитель я имею определенную репутацию в этой сфере. Я понимаю, что звезды в созвездии Центавра должны быть необычайно яркими, но там, конечно, нет ничего интересного для действительно серьезной работы.

— Сказать по правде, — продолжала Селия, хотя, по мнению Арпи, она уже наговорила правды более чем достаточно. — Я до смерти боюсь этого вашего раздутого гроба. Но какого черта, я в любом случае мертва. На Земле всем известно, что

я не могу оставаться замужем два года, неважно сколько писем от поклонников я получаю. И сколько предложений, честных или корыстных. Нет ничего хорошего в том, что три миллиона мужчин говорят, что любят меня. Я знаю, что они имеют в виду. Каждый раз, когда я выбираю одного из них, он исчезает.

Согнутый кусок хлеба беззвучно исчез.

— Вы на самом деле собираетесь стать колонистом? — спросил кто-то Хаммерсмита.

— Если соберусь, то надолго, — ответил исследователь. — Я беру туда свою невесту… — При этих словах две двадцатилетние женщины заметно изменились в лице. — …чтобы создать семью, и надеюсь поспешить с проверкой крейсера. Я предполагаю, что у нашего корабля могут быть некоторые навигационные сложности, и оседлаю своего любимого конька — сейчас же займусь их устранением.

У Арпи глаза на лоб вылезли. Он был почти уверен, что не существовало такой дисциплины, как микроастрономия, и абсолютно уверен, что любое выравнивание крейсера (Хаммерсмит даже не знал этого термина), необходимое кораблю, будет выполнено только Гордоном Арпи, или же через его труп.

— *Этот* человек… — неумолимо продолжала Селия Госпарди. — Я выдержу, даже если мне придется гоняться за ним по всей Галактике. Я покажу ему, как убегать от *меня*, предварительно не оформив развод.

Ее вилка выхватила порцию салата и окунула ее в комок русской приправы, которую специальный автомат по ее желанию выстрелил в воздух.

— Куда он думал попасть — в Иностранный Легион? — спросила она, не обращаясь ни к кому в особенности. — *Он?* Да он не мог найти выход из супермаркета без карты!

Арпи глотал воздух как рыба, вытащенная на берег. Девушка, окутанная облаком мускусной парфюмерии, с которой тщетно боролись корабельные вентиляторы, приветливо ему улыбалась. Никогда он не чувствовал себя менее похожим на капитана огромного корабля. В следующую секунду он смутился и почти покраснел.

— Сэр… — это был Острейчер, склонившийся над его ухом. Арпи с благодарностью вырвался из сетей очарования.

— Да, мистер Острейчер?

— Мы готовы начать задраивать люки; СЛА-1 попросил нас освободить зону заранее из-за

предполагаемого интенсивного движения. Если вы можете оставить своих собеседников, нам следует быть на мостике.

— Прекрасно. Леди и джентльмены, прошу извинить, но у меня есть дела. Надеюсь, вы продолжите обед без меня и хорошо проведете время.

— Что-то случилось? — спросила Селия Госпарди, глядя ему прямо в глаза. Сердце его взволнованно забилось.

— Все в порядке, — спокойно сказал Острейчер за его спиной. — У офицера всегда много работы. Готовы, капитан?

Арпи оттолкнулся от кресла, едва не сбив стюарда, проплывавшего поблизости. Затем офицер взял его под локоть как раз вовремя, чтобы помочь не врезаться головой в переборку.

— У нас есть два часа на то, чтобы пассажиры поели и легли спать, — сообщил Острейчер в кабине управления. — Затем мы начнем создавать поле. Вы уверены, что не нужны никакие приготовления к перегрузкам?

Теперь Арпи пришел в себя; когда дело касалось технических вопросов, он был в своей стихии.

— Нет, совсем не нужны. Пока поле создается, оно не ощущается. Оно должно достигнуть

определённого порога, прежде чем возымеет действие. Когда поле пересекает эту точку на прямой, оно вступает в силу целиком, одновременно. Никто не должен ничего почувствовать.

— Хорошо. Тогда можно поваляться на койке пару часов. Я предлагаю, сэр, чтобы мистер Стаффер нес первую вахту; я возьму вторую; это позволит вам быть на палубе, когда двигатель заведется, если, конечно, это может быть отложено на столько времени. Мы уже находимся на слабой обратной кривой с СЛА-1.

— Это можно отложить на столько, на сколько нам надо. Поле не пересечет порога, пока мы не замкнем этот ключ.

— Понятно, — произнес Острейчер. — Очень хорошо, сэр. Тогда давайте нести обычные вахты и отправимся в путь в установленное время, когда будем в апогее спутниковой станции. Лучше всего будет следить за нормальным режимом работы, до тех пор пока путешествие неизбежно не станет ненормальным.

Без сомнения, это было мудрое решение. Арпи не оставалось ничего, кроме как согласиться, хотя он сильно сомневался, что сможет сейчас заснуть. Мостик опустел, остались только Стаффер и человек из команды Нернста, и корабль

затих. Утром, когда пассажиры еще спали, Арпи замкнул ключ.

«Улетающий-2» беззвучно исчез.

2

Мама Мама Мама Мама Мама Мама.

Мне снится, что я вижу его Джонни я люблю тебя он спускается вниз по лестнице в яму и я не могу последовать и он уже ушел и время для следующего акта.

Космический корабль Я лечу на нем и Бобби видит меня и всех людей.

Какая-то авария но тогда почему не сработала сигнализация Надо позвонить Стафферу.

Папа? Папа? Пока-пока-увидимся? Папа.

Где бутылка Я знал мне не следовало втягиваться в эту игру.

Ветер постоянно ветер.

Падаю падаю почему я не могу остановиться умру ли я если остановлюсь.

Два точка восемь три четыре Два точка восемь три четыре Я продолжаю думать два точка восемь три четыре это то что показывает счетчик два точка восемь три четыре.

Кто-то остановил этот ветер Я говорю вам он разговаривает Я говорю вам я слышу его Слова в

ветре Джонни не ходи Я еду на слоне и он пытается спуститься вниз по лестнице за тобой и она сейчас сломается.

Нет сигналов тревоги Все хорошо Но не могу думать Не могу мама лестница космический корабль думать для пока-пока-увидимся два ветреный папа бутылка секунды прямой Что с бутылкой проблемой игрой, так или иначе Где эти два точка восемь три четыре для физика какое у него пока-пока-имя папа Джонни Арпи

Умру ли я если остановлюсь

Я люблю тебя

Ветер

Два точка

Мама

СТОП.

СТОП. СТОП. Арпи. Арпи. Где вы? Остальные, прекратите думать. СТОП. Мы читаем мысли друг друга. Все, постарайтесь перестать, пока мы не спятили. Капитан Арпи, вы меня слышите? Придите на мостик. Арпи, вы меня слышите?

Я слышу вас. Я иду. Боже мой.

Вы там у счетчика напряжения поля.

Два точка восемь три четыре.

Да, вы. Сконцентрируйтесь, постарайтесь не обращать внимание ни на что другое.

Да, сэр. 2834. 2834. 2834.

Люди с детьми, постарайтесь успокоить их, уложите их спать снова. Мистер Хаммерсмит!

Ветер… Да?

Проснитесь. Нам нужна ваша помощь. Это Острейчер. Приготовьтесь к дублирующим действиям.

Но… Хорошо, мистер Острейчер. Иду.

Как только ситуация оказалась под контролем первого офицера, яростный шторм эмоций и снов постепенно утих. Остался лишь приглушенный фон: море страха и бегающие по его поверхности белые барашки истерии. Арпи нашел в себе силы думать собственными мыслями. Без сомнений, все, кто был на борту «Улетающего-2», неожиданно стали телепатами.

Но в чём могла быть причина? Поле? Нет. Не было никаких теоретических предпосылок, более того, поле действовало уже около часа с одинаковой интенсивностью и не производило такого ада.

— Вот мои наблюдения, — сказал Острейчер, когда Арпи вошел на мостик. — Обратите внимание: сейчас мы можем видеть, что происходит вне корабля, и внешние сенсорные приборы работают снова. Этого не было несколько минут назад;

мы ослепли, как только порог был пересечен.

— И что дальше? — спросил Арпи. Оказалось, что говорить вслух помогало отвлечься от потока чужих мыслей. — Это должно быть характерно для пространства, в котором мы находимся, где бы оно ни было. Есть ли у нас ключи к разгадке?

— Снаружи солнце, — ответил Стаффер. — И у него есть планеты. Через минуту у вас будет его изображение. Но одно я могу сказать уже сейчас: это не Альфа Центавра. Слишком тусклая.

Почему-то Арпи и не ожидал этого. Альфа Центавра была расположена в обыкновенном космосе, а с ними явно случилось что-то необыкновенное. Он улавливал изображения, по мере того как они появлялись в мозгу Стаффера: диаметр звезды — около тысячи миль (могло ли это быть верным? Да, это соответствовало истине. Невероятно). Число планет — шесть. Диаметр самой далекой от центра планеты — около тысячи миль; расстояние от звезды — около 50 млн. миль.

— Что это за спиралевидная система? — запротестовал Стаффер. — Шесть планет внутри шести астрономических объединений, и наиболее удаленная такая же большая, как ее солнце? Это динамически невозможно.

Конечно, это было невозможно, и все-таки до противного знакомо. Постепенно правда начала доходить до Арпи существовала только одна система, в которой диаметр и солнца, и планеты составляли соответственно 1/50000 расстояния до наиболее удаленной орбиты. Он временно отбросил эту мысль, отчасти чтобы увидеть, можно ли было скрыть что-то от остальных при данных обстоятельствах.

— Проверьте орбитальные расстояния, мистер Стаффер. Должно быть только две цифры.

— Две, сэр? Для шести планет?

— Да. Вы обнаружите два тела, занимающие одинаковое расстояние, и другие четыре на расстоянии 50 млн. миль.

— Великий Боже, — произнес Острейчер. — Только не говорите мне, что мы оказались внутри атома, сэр!

— Похоже на то. Скажите, мистер Острейчер, вы узнали это из моих мыслей или из слов?

— Я догадался об этом, — озадаченно ответил Острейчер.

— Хорошо; теперь мы знаем еще кое-что: этим способом можно подавить мысль. Я держал мысль «атом углерода» чуть ниже уровня моего активного сознания в течение нескольких

минут.

Острейчер нахмурившись, подумал: «Полезные сведения, это увеличивает возможность контролирования паники и...» Медленно, словно тонущий корабль, остаток мысли скрылся. Первый офицер тренировался.

— Вы правы насчет планет, сэр, — сообщил Стаффер. — Думаю, это означает, что они все одного размера, и также нет эклиптики.

— Конечно. Это электроны. «Солнцем» является ядро.

— Но как это случилось? — спросил Острейчер.

— Могу только догадываться. Поле придает нам отрицательную массу. Мы не сталкивались с отрицательной массой нигде в природе, кроме как в микромире. Очевидно, это единственная область, где она может существовать. Следовательно, как только мы достигли отрицательной массы, нас выбросило в микромир.

— Великолепно, — проворчал Острейчер. — Мы сможем выбраться, сэр?

— Не знаю. Положительная масса допустима в микромире, поэтому даже если мы выключим поле, существует вероятность застрять в атоме. Нам придется все тщательно взвесить. Но сейчас меня больше интересует телепатия, ей должно

быть разумное объяснение.

Арпи размышлял. До настоящего момента он вообще не верил в телепатию; ее существование в макромире настолько противоречило всем известным физическим законам, что было легче считать ее мошенничеством. Но законы макромира не действовали здесь; корабль попал в сферу квантовой механики — хотя телепатия не подчинялась и этой науке. Возможно ли, что «парапсихологическое» поле являлось частью сложной структуры микровселенной, как электромагнитные поля были сложной структурой макромира? Если так, любые телепатические явления, проявляющиеся в макромире, были всего лишь отголоском, мимолетным и изменчивым, и нельзя было надеяться контролировать их…

Арпи заметил, что Острейчер с огромным интересом следит за его рассуждениями.

— Я не привык к мысли, что электроны обладают сложной структурой, — сказал офицер.

— Ну, все атомные частицы имеют спин, и, чтобы измерить его, вы должны отметить какую-либо точку *на* частице, меняющей свое положение в пространстве — хотя бы по аналогии. Я бы сказал, что аналогия установлена; все, что нам нужно сделать, — это выбрать место

посадки.

— Вы подразумеваете, что мы можем приземлиться на одну из этих штук, сэр? — спросил Стаффер.

— Я думаю, да, — ответил Арпи. — если, конечно, есть что-то, с помощью чего можно до нее добраться. Предоставляю слово мистеру Острейчеру.

— Почему нет? — ответил Острейчер и, к удивлению Арпи, добавил: — Если есть возможность исследовать неизведанное, то надо ее использовать.

Неожиданно океан страха, о котором Арпи почти успел забыть, начал угрожающе увеличиваться; огромные волны чистой паники мчались по нему.

— Уф, — произнес Острейчер. — Мы плохо прикрывались — забыли, что они слышат каждое слово наше слово. Им явно не понравилась то, о чем мы говорили.

Он не ошибся. Сложно было уловить отдельные мысли, но основной мотив был вполне понятен. Эти люди путешествовали к Центавру и хотели попасть именно туда. Вероятность того, что они оказались в ловушке на атомном уровне, и так была достаточно пугающей, а уж брать на себя

дальнейший риск приземления на электрон…

Внезапно Арпи почувствовал грубую силу Хаммерсмита, яростно борющуюся с общим потоком. Мыслей исследователя Арпи не слышал с самого начала; очевидно, тот быстро научился маскировке. Казалось, на мгновение его воинственный контрудар произвел успокаивающий эффект…

Одинокая нить чистого ужаса выделилась из массы. Это была Селия Госпарди; она только что проснулась, и вся ее напускная храбрость полностью улетучилась. Следуя ее беззвучным крикам, волны паники начали расти…

— Нам надо как-то успокоить женщину, — напряженно произнес Острейчер. Арпи с интересом отметил, что он прятал мысль, которую говорил, достаточно сложным образом, стараясь замаскировать ее при восприятии. — Она взбудоражит весь корабль. Вы разговаривали с ней прошлой ночью, сэр, может, попробуете?

— Хорошо, — неохотно ответил Арпи, делая шаг по направлению к двери. — Я думаю, она все еще в своей…

Хлоп!

Селия Госпарди была в своей комнате.

Там же находился и капитан Арпи.

При виде его она коротко вскрикнула.

— Не пугайтесь, — быстро произнес он, хотя был встревожен почти так же, как она. — Мистер Острейчер и все остальные, внимание: будьте осторожны! Имея в мозгу какую-либо определенную цель, не делайте резких движений. Скорее всего, вы немедленно окажетесь в том месте, о котором думали. Это характеристика пространства, в котором мы находимся.

— Я слышу вас, сэр. Значит, телепортация — это прыжок между энергетическими уровнями? Да, это может сыграть злую шутку.

— Очень… мило с вашей стороны… попытаться… успокоить меня, — робко сказала девушка. Арпи отметил, что она даже не смогла замаскировать проклятия. Ему придется взвешивать каждое слово, потому что она сделает его известным всему кораблю. В каком-то смысле это было очень плохо. Будучи привлекательной на экране, Селия в момент испуга была откровенно красивой.

— Пожалуйста, не теряйте самообладания, мисс Госпарди, — попросил он. — Не похоже, чтобы в данный момент существовала какая-либо опасность. Корабль исправен, его механизмы работают как должно. Запасы энергии не ограничены, продовольствия хватит на целый год — мы

сможем улететь. Сейчас нечего бояться.

— Я ничего не могу поделать, — беспомощно ответила женщина. — Я не могу даже правильно думать. Мои собственные мысли теряются среди чужих.

— Мы все столкнулись с подобным затруднением. Если вы сосредоточитесь, то поймёте, что можете отфильтровывать около девяноста процентов посторонних мыслей. И вам нужно попытаться это сделать, потому что если вы не поборете испуг, то вызовете панику у всех остальных, особенно у детей. Они беззащитны против эмоций взрослых даже без телепатии.

— Я… я попытаюсь.

— Это вам поможет, — добавил он со слабой улыбкой. — В конце концов, если вы думаете о своём пятом муже так же, как говорите, вам будет приятна небольшая остановка в пути.

Ему не следовало этого говорить. Сразу же в глубине её сознания с беззвучной болью прозвучал голос: *«Но я же люблю его!»*

Слёзы бежали по её щекам. Арпи, чувствуя себя беспомощным, ретировался.

Он шёл осторожно, не торопясь повторить свой пространственный прыжок. На сходном трапе его почти сразу же догнал младший офицер.

— Извините, сэр. У меня сообщение от корабельного хирурга. Доктор Хоули сказал, что это срочно, и будет лучше, если я лично сообщу вам об этом.

— Ох. Хорошо, в чем дело?

— Доктор Хоули предлагает проверить давление кислорода. У него есть пассажир, которому потребовалось срочное хирургическое вмешательство, а это означает, что мы, возможно, подходим к девяти тысячам.

Арпи постарался осмыслить услышанное. Информация мало о чем ему говорила, но привела в замешательство. Он знал, что по традиции, сложившейся ещё во времена полётов в атмосфере, давление кислорода на космических кораблях выражали в земных футах по высоте; но 9000 футов, которые, без сомнения, вызвали бы некоторый дискомфорт, не могли представлять опасно низкую концентрацию. И он не видел никакой связи между медленно сокращающимся уровнем кислорода и срочным хирургическим вмешательством. Кроме всего прочего, его слишком волновала Селия Госпарди.

Разговор с ней закончился не так, как он рассчитывал. Хотя, возможно, было лучше оставить её грустящей, нежели паникующей. Хотя, конечно,

если она передаст свою печаль всему кораблю, где находится множество людей, у которых есть такие же причины для скорби, это вряд ли пойдёт на пользу.

— Беда парализует, — сказал Острейчер, когда Арпи вернулся на мостик. — Даже в самом худшем случае она не вызовет бунта. Взбодритесь, сэр. Уверен, я не смог бы сделать ничего лучшего.

— Спасибо, мистер Острейчер, — покраснев, ответил Арпи. Очевидно, он забыл замаскировать свои мысли; выражение «мысли вслух» приобретало особый смысл в данной ситуации. Для прикрытия он предложил обескураживающее сообщение Хоули.

— Что? — Острейчер шагнул к пульту и быстро взглянул на измеритель Бордона. — Он прав. Сейчас мы достигли уровня девять тысяч. Когда уровень будет больше десяти тысяч, нам придётся заставить всех надеть маски. А я думал, что просто испытываю лёгкое головокружение. Мистер Стаффер, прикажите увеличить давление, и пусть газовая команда продублирует.

— Хорошо, — отчеканил второй офицер.

— Мистер Острейчер, что всё это значит?

— У нас большая утечка, сэр, или, скорее всего,

несколько больших утечек. Нам необходимо узнать, куда уходит весь этот воздух. Возможно, мы уже убили пациента Хоули.

Арпи тяжело вздохнул. Удивительно, но Острейчер ухмыльнулся.

— Всегда существуют протечки, — бросил он непринуждённым тоном. — Без этого не обходится в космосе. В полёте на Марс, невзлюбив капитана, мы обычно желали ему интересного путешествия. Это путешествие интересное.

— А вы, оказывается, психолог, мистер Острейчер, — сказал Арпи, но тот умудрился ухмыльнуться снова. — Хорошо, но что будем делать сейчас? Я чувствую некоторую тяжесть.

— Мы сделали попытку подвести ракету к ближайшему электрону, сэр, и, кажется, нам это удалось. Не вижу причины, по которой нам следует приостановить полет. Очевидно, третий закон движения здесь не выполняется.

— Это ошибка, — нахмурился Стаффер. — Газовая команда должна двигаться, но на это нужно время. Капитан, что мы наблюдаем? Гамма-лучи? Не похоже, чтобы космос здесь был темным.

— Гамма-лучи имеют слишком большую длину волны, — ответил Арпи. — Возможно, это волны Бройля. Освещенное небо, вероятно, иллюстри-

рует Парадокс Облера: так выглядело бы *наше* пространство, если бы звёзды размещались равномерно. Это заставляет меня думать, что мы находимся внутри довольно большого небесного тела. И СЛА-1 было ближайшим.

— О-хо-хо, — вздохнул Стаффер. — А что же будет с нами, когда космическое излучение проникнет сюда и разрушит наш атом?

Арпи улыбнулся:

— Мы уже получили на это ответ. Обнаружили ли вы движение в электроне, к которому мы приближаемся?

— Небольшое — всего лишь обычное планетарное движение. Около четырнадцати миль в секунду — предполагаемое для орбиты.

— Если бы продолжительность нашей жизни измерялась по чрезвычайно ускоренной временной шкале, этого нельзя было бы предположить. По нашей внутренней временной шкале мы не пробыли тут и миллиардной доли секунды. Мы можем провести остаток нашей жизни здесь, так и не увидев свободного нейтрона или планеты.

— Это утешает, — сказал Стаффер с некоторым сомнением.

Они молчали, наблюдая, как маленький мир постепенно увеличивается в иллюминаторах.

Детали поверхности просматривались плохо, альбедо было высоким. По мере их приближения причина обоих эффектов стала очевидной, так как с каждым мгновением очертания тела становились всё более неопределёнными. Казалось, что оно окутано подобием густого тумана.

— Достаточно, — властно произнес Острейчер. — В любом случае, мы не можем совершить посадку на «Улетающем»; мы вынуждены будем отправить двоих исследователей на корабле-разведчике. Есть какие-либо предложения?

— Я пойду, — немедленно отозвался Арпи. — Я не упущу подобной возможности ни за что на свете.

— Не могу обвинять вас, — сказал Острейчер. — Но не похоже, чтобы то тело имело какую-либо твёрдую оболочку. Что если вы просто утонете в нем, погрузившись в самый центр?

— Это невозможно, — ответил Арпи. — У меня имеется небольшой фрагмент отрицательной массы, и я сохраню его, увеличив поле корабля при помощи антенны. Электрон лёгкий, но его масса положительная; другими словами, он легко оттолкнёт меня, и я не провалюсь далеко.

— Ну хорошо, кто пойдет с вами? — спросил Острейчер, очень осторожно маскируя каждое

слово. — Одного опытного наблюдателя в принципе достаточно, но вам понадобится человек, который будет поддерживать связь. Я удивлен, что мы еще ничего не слышали от Хаммерсмита. Вы заметили, как крепко он закрылся, как только возникла эта тема?

— Именно так, — обескураженно согласился Арпи. — Я не слышал от него ни звука в течение последнего часа. Ладно, это его личное дело; может, ему вполне хватило Титана.

— Как насчет мисс Госпарди? — предложил Стаффер, — Кажется, ее успокаивает ваше присутствие, капитан; прогулка даст ей новую пищу для размышлений и одновременно уберет из корабля центр зарождающейся паники. За время вашей поездки, надеюсь, люди успокоятся.

— Идет, — сказал Арпи. — Мистер Стаффер, дайте команду на запуск исследовательской капсулы.

3

Все-таки маленький мирок имел твердую поверхность, хотя она так постепенно переходила в сияющую дымку атмосферы, что её очень сложно было разглядеть. Казалось, Арпи и девушка шли, по пояс погруженные в какую-то клубящуюся,

опаловую субстанцию, которая содержала коллоидную металлическую пыль. Слабые удары об их скафандры не ощущались как таковые; вместо этого казалось, что они шли в гравитационном поле, составляющем около одной десятой части земного.

— Здесь ужасно тихо, — сказала Селия.

Радио в скафандре, как заметил Арпи, не работало. К счастью, свойства пространства вокруг них, в которые входило передавать мысли, оставались неизменными.

— Я вовсе не уверен, что звук будет передаваться в этом веществе, — ответил он. — В любом случае, это не газ, в нашем понимании. Это просто проявление неопределенности. Электрон никогда точно не знает, где он находится; он просто носится в пределах своих границ, не находясь в точности нигде.

— Да, это жутко. Сколько мы должны оставаться здесь?

— Недолго. Я просто хочу получить некоторое представление о том, на что это похоже.

Он наклонился. Поверхность просматривалась до мельчайших подробностей, хотя он снова не смог увидеть в них какого-либо смысла. Там и тут он видел крошечные, изогнутые ручейки какой-

то субстанции с бриллиантовым сиянием, очень похожей на ртуть, и — да, была лужа неправильной формы, показывающая точный мениск. Когда он погрузил в неё палец, лужа глубоко вдавилась, но не разбилась, и его перчатка осталась сухой. Упругость ее поверхности должна была быть огромной; он гадал, состояла ли она целиком из одинаковых частиц. Шар казался полностью покрытым сетью из этих сияющих нитей.

Теперь, когда его глаза привыкли, он увидел, что «воздух» также был полон этих светящихся жилок, что определённо делало его похожим на мрамор.

Жилки не мешали их продвижению; ни одной почему-то не оказывалось рядом, хотя всегда было много впереди. По мере того как Арпи и Селия шли вперед, вокруг них без видимой причины возникали маленькие эмоциональные потоки, слишком мимолетные, чтобы распознать их.

— Что это за серебристая штука? — со страхом спросила девушка.

— Не имею ни малейшего представления, Селия. Какие частицы могут быть меньше электрона? Даже для разработки одного только научного предположения потребовался бы век исследований. Это все странное и новое, не по-

хожее на другие явления, с которыми когда-либо сталкивался человек. Сомневаюсь, чтобы можно было точно описать это.

Земля, казалось, тоже была разных цветов. При слабом освещении трудно было сказать, каких именно; то и дело возникали оттенки серого с зеленоватыми и голубоватыми переливами.

Эмоциональные волны немного усилились, и Арпи неожиданно распознал доминирующую.

Это была боль.

Охваченный смутным предчувствием, он резко повернулся и посмотрел назад. На разноцветных дорожках резко выделялся двойной ряд широких черных следов, таких четких, словно они были нарисованы.

— Мне это не нравится, — произнес он. — Наш корабль имеет в этой системе почти планетарную массу, и мы чересчур большие для этой планеты. Откуда мы знаем, что представляют собой все эти мелкие детали? Но, чем бы они ни являлись, мы одинаково уничтожаем их везде, куда бы ни ступили. Леса, города, клетки какого-то организма, что-то загадочное... Нам придется немедленно вернуться.

— Поверьте, я тоже этого хочу, — сказала девушка.

Самые старые следы, которые они оставили, когда выходили из исследовательского корабля, начинали покрываться по краям чем-то серебристым, как будто инеем или плесенью. Или это была та же субстанция, из которой состояли ручейки? Предположений было бесконечное множество, но все они оставались без ответа. Арпи неприятно было думать о длинном овальном пятне, которое, должно быть, оставила после себя исследовательская капсула. Он мог только надеяться, что последствия разрушения исчезнут сами собой; было в этом месте что-то особенно… организованное.

Он быстро поднял корабль и не мешкая вывел его из опаловой атмосферы, стремясь как можно скорее поймать разнообразное бормотание умов на борту «Улетающего-2».

Только когда он заметил, что смотрит на небо в поисках корабля, он осознал, что ничего не видит.

— Селия, вы хорошо слышите мои мысли, не так ли?

— Ясно, как колокол. Так я чувствую себя намного лучше, капитан.

— Тогда что же с кораблем? Я не слышу ни души.

Она нахмурилась.

— Да, и я тоже. Где…

Арпи указал вперед.

— Он там, прямо там, где мы оставили его. Их всех было достаточно хорошо слышно на этом расстоянии, когда мы опускались на электрон. Так почему не слышно сейчас?

Он разогнал корабль, забыв всякую осторожность. Прибытие в воздушную камеру «Улетающего-2» получилось довольно беспорядочным, и Арпи потерял несколько минут, устанавливая маленький челнок в правильное положение, после чего они буквально вывалились из него.

На борту «Улетающего-2» никого не было. Никого, кроме них.

Мысленное молчание не оставило у Арпи и Селии никаких сомнений, но на всякий случай они тщательно обыскали огромный корабль. Он был пуст.

— Капитан! — закричала Селия. Паника вновь обуяла ее. — Что случилось? Куда они могли деться? Нет никакого места…

— Понимаю, что нет. Я не знаю. Успокойтесь на минутку, Селия, и дайте мне подумать. — Арпи сел на подпорку и на минуту невидяще уставился на корпус. Трудно было вдыхать разреженный

воздух; он пожалел, что они сняли скафандры. Наконец он поднялся и вместе с девушкой, отчаянно вцепившейся в его локоть, вернулся обратно на мостик.

Все было в порядке. Это выглядело так, словно целый корабль опустел в одно мгновение. Трубка Острейчера уютно лежала в своем зажиме рядом с чартерной панелью; хотя в ней не было никаких следов смеси, которую подчиненные Острейчера окрестили «Старый Порох», чашечка все еще была горячей.

— Это случилось не более получаса назад, — прошептал Арпи. — Будто они все одновременно совершили прыжок, подобный тому, который перенес меня в вашу комнату. Но куда?

Неожиданно его осенило. Был только один ответ. Конечно, они никуда не уходили.

— Как это? — закричала Селия. — Я понимаю, что вы думаете, но это бессмысленно!

— В *этой* вселенной есть определенный смысл — угрюмо ответил он. — Селия, нам придется действовать быстро, пока Острейчер не сделал шага, который может оказаться безвозвратным. К счастью, всё работает, как будто команда всё ещё здесь и занимается своим делом, так что, я полагаю, мы справимся и вдвоем. Вам нужно

будет быстро и четко выполнять инструкции, не останавливаясь ни на мгновение и не задавая лишних вопросов.

— Что вы собираетесь делать?

— Выключить поле. Нет, не возражайте — вы ведь не имеете ни малейшего представления о том, что это значит. Располагайтесь у этого пульта и следите за моими мыслями. В то самое мгновение, когда я подумаю, что вам нужно делать дальше, делайте это. Понятно?

— Нет, но…

— Вы поняли все, что нужно. Вперед!

Он начал быстро уменьшать напряжение в потоке Нернста, поступающего в генераторы поля, мысленно диктуя Селии ее действия для поддержания расплавленной сферы точно напротив уменьшающегося расхода. В течение минуты ему удалось уменьшить поле до порогового уровня; вспомогательные двигатели работали ровно, что не слишком его удивляло, таким образом выполняя свои основные функции.

— Хорошо, теперь я собираюсь полностью его выключить. На вашем пульте будет большой люфт. Видите главный счетчик, прямо перед вами, вверху пульта? К нему подключена чёрная ручка с надписью «Обратная ЭДС». Когда

я поверну этот переключатель, счетчик будет выдавать показания выше красной черты. В ту же минуту вы повернёте ручку *в точности* на то же самое показание. Но если вы перестараетесь, поток Нернста исчезнет, и мы останемся вообще без питания. Если повернёте ее недостаточно, взорвется генератор. Вам нужно сделать всё предельно точно. Понятно?

— Думаю, да.

— Хорошо, — сказал Арпи. Он надеялся, что всё будет в порядке. Обычно отключение производилось полностью автоматически, но при этом энергия в выключаемом поле расходовалась равномерно; они не отважились на такой шаг. Арпи оставалось только молиться, чтобы Селия сделала все как можно быстрей.

— Начали. Пять секунд, четыре, три, две, одна, *выключай*.

Селия повернула диск.

Мгновение ничего не происходило. Затем — Ад.

— Командир Нернст-команды, докладывайте! Что вы делаете? Приказы не были…

— Капитан! Мисс Госпарди! Откуда вы появились?

Это был Острейчер. Он стоял справа от Арпи.

— Звёзды! Звёзды! — одновременно кричал Стаффер. — Эй, смотрите! Звёзды! Мы *вернулись*!

Люди в недрах «Улетающего-2» кричали от радости. Но в мозгу Арпи царила блаженная тишина: не было больше мыслей сотен людей. Его мозг принадлежал только ему.

— Молодец, Селия, — похвалил он девушку. — Мы успели вовремя.

— Как вам это удалось? — спросил Острейчер. — Мы не могли вас вычислить. Мы следили за тем, как продвигалось ваше исследование, когда внезапно пропала целая планета, а вместе с ней и вся система. Мы оказались в другом атоме и думали, что потеряли вас.

Арпи слабо улыбнулся:

— Знали ли вы, что корабль остался позади, когда вы прыгнули?

— Но… это невозможно! Он всё время был здесь.

— Да, и здесь тоже. Он использовал свою способность в одно и то же время быть в разных местах. Будучи телом с отрицательной массой, он обладал некоторыми свойствами чёрной дыры; в частности, он мог отражаться где-то во вселенной электроном. Вы оказались в одной из оболочек второго атома?

— Да, — ответил Стаффер, — и не могли из неё выбраться.

— Вот почему я выключил поле, — объяснил Арпи. — Я не знал, что вы будете делать в сложившейся ситуации. Но я был вполне уверен, что при отключении поля корабль приобретет свою обычную массу. Конечно, масса такой величины не может существовать в микромире, поэтому корабль должен был вернуться обратно. А в макромире тело не может находиться одновременно в двух местах. Так что мы, джентльмены, воссоединились.

— Очень хорошо, — сказал Стаффер; однако в его голосе не было ничего похожего на восхищение. — Но где же мы?

— Э? Извините, мистер Стаффер, разве вы не знаете?

— Нет, сэр, — сказал Стаффер. — Но могу сказать точно: далеко от дома, как и от созвездия Центавра. Кажется, мы потерялись.

Он бросил взгляд на измеритель Бордона и тихо добавил:

— И мы продолжаем терять воздух.

4

Общая тревога не обеспокоила никого, кроме экипажа, который только и знал, как редко она звучала. Что же касается газовой команды, то те пассажиры, которые были в курсе ее значения, милосердно держали рот на замке (возможно, Хаммерсмит угрозами заставил их молчать), а остальные, успокоенные панорамой звёзд, только удивлялись, наблюдая взрослых мрачных людей, шествующих по коридорам, выдувая в воздух мыльные пузыри. Через некоторое время газовая команда исчезла: они работали между корпусами.

Арпи был сбит с толку и обеспокоен.

— Посмотрите сюда, — неожиданно сказал он. — Эта критическая ситуация Хоули… Я забыл о ней, но, похоже, она имеет кое-какое отношение к нашей проблеме с воздухом. Давайте…

— Он идет, сэр, — сказал Острейчер. — Я вызвал его, как только… А вот и он.

Хоули был пухлым человеком с гладким лицом, вечно поджатыми губами и вечным выражением упрека на лице. В своем белом халате, на корабле он выглядел несколько странно. Но стоит добавить, что за успехи в космической медицине

Хоули четырежды получал медаль Хабера.

— Это была селезеночная грыжа, — первым делом сказал он. — То, что мы теряли кислород, равносильно предательству по отношению к жизни моего пациента. Я оперировал, когда звонил капитан, иначе бы высказался более ясно.

— Ага, — сказал Острейчер. — Тогда ваш пациент — негр.

— Негритянка. Восемнадцатилетняя девушка, и, между прочим, одна из красивейших женщин, которых я видел за много-много лет.

— Какое отношение к этому имеет ее цвет кожи? — спросил Арпи, чувствуя что-то наглое в очевидном мгновенном понимании ситуации Острейчера.

— Все, — ответил Хоули. — Как и у многих людей африканского происхождения, у нее есть sicklemia — наследственное состояние, в котором некоторые красные кровяные клетки принимают характерную форму серпа. В Африке это способствовало выживанию, потому что такие люди не столь подвержены малярии, как люди с нормальными эритроцитами. Но sicklemia уменьшает их способность усваивать воздух, бедный кислородом, — это было открыто еще в сороковых годах двадцатого века, в эпоху аэропланов, летающих

низко и потому не испытывающих высокого давления. С этим невозможно бороться только путем поддержания достаточного высокого количества кислорода в окружающем воздухе, но…

— Как она? — спросил Арпи.

— Умирает, — резко ответил Хоули. — Что еще? Я поместил ее в кислородную палатку, но мы не можем бесконечно держать её там. Мне необходимо, чтобы в послеоперационной комнате было нормальное давление. А если мы не можем этого сделать — *быстро* верните ее на Землю.

Он с чувством попрощался и ушёл. Арпи беспомощно посмотрел на Стаффера, который снимал спектр с быстротой, значительно превышавшей возможности самого капитана. Первая попытка ориентации — сферический снимок видимого неба, в надежде определить хотя бы одно созвездие. Однако эта попытка ни к чему не привела. Ни компьютер, ни один из офицеров были не в состоянии определить ни одной сколько-нибудь значимой связи.

— Пойдет ли нам на пользу, если мы найдём Солнце? — сказал Острейчер. — И не окажемся ли мы в той же ситуации, если совершим ещё один прыжок?

— Здесь С-Дорадус, — провозгласил Стаффер. —

В любом случае, это начало. Но, чёрт побери, она не в том положении, которое я смог бы узнать.

— Мы надеемся найти источник утечки, — напомнил Арпи офицеру. — Но, если у нас не получится, думаю, что я смогу просчитать быстрый прыжок — туда и обратно. Хотя, надеюсь, нам не надо будет его совершать. Придётся использовать выброс очень тяжёлого атома — достаточно тяжёлого, чтобы быть нестабильным…

— Ищете Солнце? — раздался грохочущий неприятный голос из пристройки. Конечно, это был Хаммерсмит. По пятам за ним шёл доктор Хоули, выглядевший ещё более недоброжелательно, чем обычно.

— Послушайте, мистер Хаммерсмит, — сказал Арпи. — Это непредвиденная ситуация. Вам совершенно нечего делать на мостике.

— Непохоже, чтобы вы очень далеко продвинулись, — заключил Хаммерсмит, пренебрежительно поглядев на Стаффера. — От этого зависит моя жизнь, так же как и жизнь всех остальных. Вовремя я помог вам.

— Мы справимся, — покраснев, сказал Острейчер. — Ваш вклад в дело не больше, чем у любого другого пассажира.

— Это не совсем так, — печально констатиро-

вал доктор Хоули. — Чрезвычайная ситуация наполовину связана с Хаммерсмитом.

— Ерунда, — резко сказал Арпи. — И если чья-то назойливость помешает нам, это в первую очередь повлияет на вашего пациента.

— Но девушка — невеста Хаммерсмита, — сказал доктор Хоули, разводя руками.

Через мгновение Арпи, ошеломлённый этим известием, понял, что рассердился, но не на Хаммерсмита, а на себя самого. Ничто не указывало на такой союз, и даже возможность такового не могла прийти в голову. Очевидно, его подсознание до сих пор сохраняло предрассудки, которые он вырвал с корнем тридцать пять лет назад.

— Почему вы скрывали это? — медленно спросил он.

— Для безопасности Хелен, — с горечью ответил Хаммерсмит. — На Центавре мы можем получить возможность создать нормальную семью. На нее бы глазели и шептались по всему кораблю, если бы мы были вместе. Она предпочла не разглашать нашу связь.

Вошел младший лейтенант в скафандре без шлема, неуклюже отдал честь и оставил руку в поднятом положении, давая ей отдых. В своём космическом одеянии он был похож на

маленькую куклу, которую ребенок умудрился запихнуть в более большую.

— Докладывает газовая команда, сэр, — сказал он. — Мы не смогли найти каких-либо утечек, сэр.

— Вы не в своем уме, — резко произнес Острейчер. — Давление продолжает падать. Где-то есть дыра, в которую можно просунуть голову.

— Нет, сэр, — устало ответил младший лейтенант. — Таких дыр нет. Целый корабль протекает. Воздух выходит прямо через металл. Уровень потерь кислорода везде одинаковый, где бы мы его ни проверяли.

— Осмос! — воскликнул Арпи.

— Что вы имеете в виду, сэр? — поднял бровь Острейчер.

— Я не уверен, мистер Острейчер. Но я все время удивлялся — догадываюсь, все остальные тоже, — как все это дело повлияет на структуру корабля. Очевидно, оно ослабило молекулярные связи всего, что есть на борту — и теперь у нас есть хороший структурный титан, ведущий себя как полупроницаемая мембрана! Более того, могу поспорить, что это характерно для кислорода, а двадцатипроцентное падение давления мы и наблюдаем.

— Как насчет влияния на людей? — спросил Острейчер.

— Это должен знать доктор Хоули, — ответил Арпи. — Но я сильно сомневаюсь, что это влияет на живую материю. Она находится в состоянии, противоположном энтропии. Но когда мы вернемся, я хочу, чтобы корабль был измерен. Могу поспорить, что его длина и обхват увеличились на несколько метров по сравнению с первоначальными размерами.

— *Если* мы вернемся, — заметил Острейчер, глядя исподлобья.

— Это может уничтожить корабль? — мрачно спросил Стаффер.

— Это может сделать межзвездный перелет довольно дорогим, — признал Арпи. — Похоже, нам придется выбросить корабль на свалку после одной поездки туда и обратно.

— Ну, мы с успехом утилизовали «Улетающий-1» после поездки в *один* конец, — задумчиво сказал Острейчер. — Так что наш случай — своего рода прогресс.

— Послушайте, вся эта болтовня никуда нас не приведет, — произнес Хаммерсмит. — Вы хотите, чтобы я посадил корабль, или нет? Если нет, я бы лучше побыл с Хелен, чем стоял здесь, следя за

вашей беседой.

— Что вы намереваетесь делать? — спросил Арпи, считая невозможным смягчить тон.

— Учить вас вашей работе, — ответил Хаммерсмит. — Полагаю, вы установили нашу удалённость от С-Дорадуса для пускового устройства. Если бы у меня были эти данные, я бы использовал звезду как маяк, чтобы привести в соответствие мои следующие измерения. Затем мне понадобился бы усилитель изображения, с подсоединенным микровольтметром прямых показаний — такой примитивный прибор у вас должен быть.

Стаффер молча указал на него.

— Хорошо.

Хаммерсмит сел и начал изучать звезды с помощью усилителя. Счетчик молча показывал излучение каждой в виде крошечных импульсов электричества. Хаммерсмит напряженно наблюдал за ними. Наконец он снял с запястья хронометр и начал засекать время движений стрелки с помощью секундомера.

— Глаз Быка, — неожиданно сказал он.

— Солнце? — недоверчиво спросил Арпи.

— Нет. Это DQ Геркулес — микропеременная давно открытая звезда. Она изменяется на четы-

ре сотых величины каждые шестьдесят четыре секунды. Теперь у нас есть две звезды для вычислений; возможно, компьютер сможет с их помощью дать нам координаты Солнца. В любом случае, давайте попробуем.

Стаффер попробовал. Компьютер сегодня решил притвориться бестолочью. Тем не менее он сузил район поиска до маленького сектора неба, содержащего примерно шестьдесят звезд.

— Солнце испускает что-нибудь похожее? — спросил Острейчер. — Я знаю, это была переменная звезда в радиочастотах, но как насчет видимого света?

— Если бы мы могли установить достаточно большую RF-антенну, мы бы тут же нашли Солнце, — сказал Хаммерсмит, размышляя. — Но со светом дело обстоит сложнее… Ммм. Если *это* Солнце, мы должны быть даже дальше от него, чем я думал. Доктор Хоули, не возьмёте ли вы мои часы и не проверите ли пульс?

— Ваш пульс? — испуганно переспросил доктор Хоули. — Вы себя плохо чувствуете? Воздух…

— Я чувствую себя хорошо, я дышал и более разреженным воздухом, чем этот, и выжил, — раздраженно ответил Хаммерсмит. — Проверьте мой пульс, затем всех остальных и скажите мне

среднее значение. Я бы использовал весь корабль, если бы у меня было время, но у меня его нет. Если никто из вас, экспертов, не понимает, что я делаю, я не собираюсь тратить время на объяснения. К черту, речь идет о жизнях!

Его губы сжались, Арпи только молча кивнул Хоули — он опасался говорить. Доктор пожал плечами и начал измерять пульс, начав с самого исследователя. Через некоторое время у него были средние результаты, которые он протянул Хаммерсмиту на полоске бумаги, вырванной из книги отчетов.

— Хорошо, — сказал тот. — Мистер Стаффер, пожалуйста, занесите эти данные в реестр. Сделайте поправку на допустимую погрешность в два процента и разделите число на сотню и шесть увеличений и уменьшений каждую; затем скажите мне, каково процентное отношение. Сможете сделать?

— Достаточно просто. — Стаффер задал программу. Компьютер выдал ответ ещё до того, как второй офицер прекратил печатать. Стаффер передал бумажную ленточку Хаммерсмиту.

Арпи наблюдал за происходящим с некоторым восхищением. Он не понимал, что делает Хаммерсмит, но после всего увиденного начинал

верить в существование микроастрономии.

В то время как Хаммерсмит сканировал звёзды, одну за другой, стояла мёртвая тишина. Наконец он, просияв, сказал:

— Вот вы где! Эту девятую по величине работу я завершил. Там Солнце. Между прочим, мы немного ближе к Альфа Центавра, чем к дому — хотя одному Богу известно, как далеко мы от обоих.

— Откуда у вас такая уверенность? — спросил Арпи.

— Я не совсем уверен. Но настолько, насколько могу на таком расстоянии. Выберите, куда вы хотите отправиться, совершите прыжок, а после я всё объясню. Мы не можем себе позволить тратить время на лекции.

— Нет, — сказал Арпи. — Я не сделаю этого. Я не собираюсь отбрасывать наш, может быть, единственный шанс: не похоже, чтобы корабль мог выдержать больше одного прыжка, основанного на подсчетах, разумного объяснения которым я не знаю.

— А какова альтернатива? — насмешливо спросил Хаммерсмит. — Сидеть здесь и умереть от гипоксии? Просто из-за проклятого упрямства?

— Я капитан этого корабля! — вспыхнув, ответил Арпи. — И мы не сдвинемся с места до тех

пор, пока я не получу удовлетворительного объяснения ваших требований. Понятно? Таков мой приказ, и на этом закончим.

Несколько мгновений два человека, застыв, как истуканы, свирепо смотрели друг на друга.

Хаммерсмит закрыл глаза. Казалось, он слишком устал, чтобы переживать.

— Вы теряете время, — сказал он. — Очевидно, быстрее было бы проверить спектр.

— Простите, капитан, — возбуждённо сказал Стаффер. — Я только что сделал это. И, думаю, что та звезда — Солнце. Она удалена от нас на восемьсот световых лет…

— *Восемьсот световых лет!*

— Да, сэр, по меньшей мере. Половина линий спектра отсутствует, но те, которые достаточно определены, совпадают со спектральными линиями Солнца. Я не уверен в отношении той звезды, которую Хаммерсмит считает Альфа Центавра, но, по крайней мере, это её спектроскопический двойник, расположенный примерно на пятьдесят световых лет ближе.

— Мой Бог, — пробормотал Арпи. — Восемьсот.

Хаммерсмит снова открыл глаза.

— Разве это существенно? — хрипло спросил он. — Ради всего святого, давайте начнём. Пока

мы здесь пререкаемся, она умирает!

— Прыжка не будет без разумного обоснования, — твёрдо сказал Арпи. Острейчер искоса посмотрел на него. В это мгновение Арпи почувствовал, что его положение пошатнулось, но не был намерен сдаваться.

— Очень хорошо, — мягко произнес Хаммерсмит. — Дело обстоит так. Солнце — переменная звезда. За небольшим исключением, величина импульсов не превышает общего среднего излучения — солнечной постоянной — более, чем на два процента. Период обращения составляет 273 месяца. Внутри него есть, по меньшей мере, шестьдесят три второстепенных круга. Один состоит из 212 дней. Другой длится только чуть более шести с половиной — я забыл точное число, но период составляет 1/1250 основного цикла, если вы хотите выразить это на Бесси.

— Я догадывался об этом, — сказал Арпи. — Но что это нам дает? У нас нет специальных таблиц…

— Эти циклы обладают интересными свойствами, — пояснил Хаммерсмит. — Например, шестидневный цикл сильно влияет на земную погоду. А 212-дневный цикл один к одному отражается *в ритме человеческого пульса*.

— Ого, — сказал Острейчер. — Теперь я понимаю. Это… капитан, это значит, что мы *никогда* не потеряемся! Никогда, пока Солнце различимо — можем мы идентифицировать его или нет. Единственный маяк, который нам нужен, у нас в крови!

— Да, — ответил Хаммерсмит. — Так обстоят дела. Лучше брать средний результат всех пульсов, которые можно измерить, так как один человек может быть слишком взволнован, чтобы получилось точное число. Я и сам очень волнуюсь. Интересно, запатентован ли этот способ? Нет, думаю, это закон природы; кроме того, слишком легко нарушаемый, почти как патент на бритье… Но он справедлив, мистер Острейчер. Вы можете уйти куда угодно, но Солнце останется в вашей крови. Фактически, вы всегда находитесь дома.

Он поднял голову и посмотрел на Арпи воспаленными глазами и тихо, почти шепотом произнес:

— Пожалуйста, ну теперь-то мы можем отправиться? И, капитан, если эта задержка убила Хелен, вы мне за это ответите, даже если мне придется гоняться за вами до самой маленькой, самой отдаленной звезды, которую когда-либо создал Бог.

Арпи сглотнул.

— Мистер Стаффер, — сказал он. — Приготовьтесь к прыжку.

— Куда, сэр? — спросил второй офицер. — Обратно домой или к цели?

И тут возникло затруднение. После следующего прыжка «Улетающий-2» больше не сможет находиться в космосе. Если они применят его, добираясь до Центавра, они окажутся будто на необитаемом острове; они используют свою поездку туда и обратно за один раз. Кроме того… *«Ваш корабль важнее, чем все остальное на борту. Доставьте пассажиров туда, куда они хотят, если это возможно, всеми средствами, но если нет, правительство хочет корабль назад… Понятно?»*

— Мы заключили контракт с пассажирами лететь к Центавру, — сказал Арпи, усаживаясь перед компьютером. — Туда мы и полетим.

— Очень хорошо, сэр, — ответил Острейчер. Это были лучшие из слов, которые Арпи когда-либо слышал в своей жизни.

Прелестная негритянка, не утратившая своих чар даже во время пребывания у порога смерти, была первой, кто сошел с корабля на большой перевозочный паром. Хаммерсмит с искаженным

болью лицом шел с ней рядом.

Затем началась напряжённая работа по эвакуации всех остальных. Все: и пассажиры, и личный состав — теперь были в масках. После прыжка сквозь сильное космическое излучение, которое, как отметил Арпи, состояло из голых ядер, в любом случае летящих к Центавру, «Улетающий-2» терял воздух, словно был сделан из чего-то типа хирургической марли. С кораблем было покончено.

Острейчер повернулся к Арпи и протянул руку.

— Великое достижение, сэр, — сказал первый офицер. — Я рад, что был с вами.

— Спасибо, мистер Острейчер. Вы не будете скучать по маршруту на Марс?

— Здесь тоже понадобятся межпланетные капитаны, сэр, — он сделал паузу. — Я лучше пойду помогу мистеру Стафферу с эвакуацией.

— Хорошо. Еще раз спасибо, мистер Острейчер.

Затем он остался один. Он должен был последним покинуть корабль: после такого длительного проживания совместно с Острейчером и всем персоналом он пришел к выводу, что традиции не вырастают из ничего. Однако через некоторое время дверь в переборке тяжело распахнулась, и вошел доктор Хоули.

— Капитан, вы устали. Лучше бросьте это.

— Нет, — хрипло ответил Арпи, не прекращая смотреть сквозь экран на пылающее отправление парома к коричневато-зеленой планете, которая, кроме странных очертаний континентов, так была похожа на Землю.

— Хоули, что вы думаете? У нее еще есть шанс?

— Не знаю. Всё пойдёт своим ходом. Может быть. О ней позаботится Вилсон — он был корабельным хирургом на «Улетающем-1». Он уже не молод, но в своё время считался очень хорошим хирургом. В данном случае главное — практика. Но… девушка долгое время была без сознания. Она может быть немного…

Он замолчал.

— Продолжайте, — сказал Арпи. — Скажите мне прямо. Я знаю, что был не прав.

— Ей долгое время не хватало кислорода, — ответил Хоули, не глядя на Арпи. — Может случиться, что она будет немного… другой в смысле умственного состояния, когда поправится. А может и нет; такие вещи нельзя предсказать. Но одно точно: она никогда не осмелится снова отправиться в космос. Даже обратно на Землю. Еще одно, пусть и легкое падение кислородного давления убьет ее. Я даже не советую ей летать

на аэропланах, и Вилсон согласен с этим.

Арпи сглотнул.

— Хаммерсмит это знает?

— Да, — ответил Хоули. — Знает. Но он останется с ней. Он любит ее.

Больше не было видно парома, уносящего исследователя и его невесту, дочь капитана Виллогби с ее Джуди и многих других. С болью в сердце Арпи наблюдал Центавр 3, поворачивающийся под ними. Эта планета была воротами к звездам — для всех, живущих на ней, кроме Дэриона и Хелен Хаммерсмит. Дверь, закрывшаяся за ними, когда они вошли на паром, была для них дверью тюрьмы. Но вдруг Арпи осознал, что — пусть тюрьма! — но в ней будет жить и творить великий человек, один из тех, кого можно назвать учителем Человечества. И сам он, Арпи, обладающий свободой, никогда не сможет достичь таких вершин. Зато он умел путешествовать к звездам. Он все-таки доставил Селию Госпарди и других туда, куда они хотели, и теперь был маленьким героем для своей команды. И наконец, его — доктора Гордона Арпи, иногда лабораторного затворника, иногда эрзац-капитана космического корабля, иногда небольшого героя — поцеловала на прощанье 3-V звезда. Но

всё было позади. С этой минуты ему оставалось лишь бездельничать да представлять, как другие совершенствуют его двигатель: четырехлетняя пауза в сообщении между Центавром и домом исключает его из экспериментальной работы. Как если бы он был изгнанником — или Дэрионом Хаммерсмитом. Когда в следующий раз Арпи увидит земного физика, у него не будет ни малейшего шанса понять, о чем тот говорит.

Это тоже была тюрьма; тюрьма, в которой капитан Гордон Арпи сам разместился, а затем выбросил ключ.

— Прошу прощения, капитан?

— Ой. Извините, доктор Хоули. Я забыл, что вы все еще здесь. — Арпи в последний раз взглянул вниз на зелено-коричневую планету и глубоко вздохнул: — Я сказал: «Да будет так».

Произведение искусства

Он почти сразу вспомнил, как умирал. Он помнил это как бы издалека, как некое воспоминание, а не реальный случай; как если бы он не присутствовал при собственной смерти.

Однако это, несомненно, было воспоминание о том, что он видел собственными глазами, а не

с точки зрения некоего стороннего, отделенного от тела наблюдателя, которым, вероятно, должна была быть его душа.

В тот момент он яснее всего осознавал хрипы, когда воздух толчками перемещался в его грудной клетке. Быстро расплываясь, лицо доктора склонилось над ним, приблизилось, принимая угрожающие размеры, а потом вышло из поля зрения — доктор нагнулся, чтобы прослушать его легкие.

Быстро стало темнеть, и затем, только затем, он понял, что это, очевидно, его последние минуты. Он попытался из чувства долга произнести имя Паулины, но его память не содержала никаких следов этого звукосочетания — только треск дыхания и тонкая пленка черноты, сгущающаяся в воздухе и скрывающая все в течение мгновения.

Только мгновение — а затем воспоминание закончилось. Комната снова была ярко освещена, и он с удивлением обнаружил над собой потолок мягкого зеленого цвета. Голова доктора показалась снова и смотрела на него сверху вниз.

Это был другой доктор, гораздо моложе, с аскетическим лицом и лихорадочно поблескивающими глазами. Тут не оставалось никакого сомнения. Одной из последних внятных мыслей,

которые у него возникали, была благодарность лечившему его врачу. Этот врач не принадлежал к числу тех людей, кто тайно ненавидел его за прежние связи с нацистами. Вместо этого посещения доктора отличались забавным настроением, какое и должно быть у швейцарского эксперта, вызванного к смертному ложу выдающегося человека: смесь озабоченности перспективами выздоровления столь исключительного пациента и удовлетворенности от мысли, что в случае смерти в столь пожилом возрасте никто не обвинит доктора. В 85 лет пневмония — вещь весьма серьезная, вне зависимости от того, применяется пенициллин или нет.

— Все в порядке, — произнес новый доктор, освобождая голову своего пациента от многочисленных коротких паутинок из серебристого металла, которые были прикреплены к своего рода сетчатому колпаку. — Отдохните немного и попытайтесь успокоиться. Вы знаете, как вас зовут?

Он осторожно попробовал вздохнуть. Кажется, теперь с его легкими все в порядке. Более того, он положительно чувствовал себя здоровым.

— Конечно, знаю, — проговорил он с легким раздражением. — А вы знаете, как вас зовут?

Доктор криво улыбнулся:

— Это вполне в вашем характере. Мое имя — Бэркун Крис, я Скульптор сознания. А ваше?

— Рихард Штраус.

— Очень хорошо, — сказал доктор Крис и отвернулся.

Но Штраус уже был отвлечен новой странностью. «Штраус» — не только фамилия, но и имя нарицательное. В немецком языке у него много значений — страус, букет… Фон Вольцоген в свое время хорошо постарался, обыграв все возможные каламбуры на эту тему в либретто «Feuersnot». И именно «Штраус» волей случая стало первым немецким словом, которое он произнес после странного момента своей смерти. Язык, на котором говорили они оба, не был ни французским, ни итальянским. Больше всего он напоминал английский, но не тот английский, который Рихард знал. Тем не менее он без каких-либо проблем мог говорить и даже думать на этом языке.

«Хорошо, — подумал он, — я наконец-то смогу дирижировать «Любовью Данаи». Не каждому композитору доведется дирижировать посмертной премьерой собственной оперы».

Однако было во всем этом нечто необычное.

И самым необычным было убеждение, которое никак не покидало его — что он действительно был мертв в течение короткого отрезка времени. Конечно, медицина делает большие успехи, но…

— Объясните мне, что произошло, — сказал он, приподнимаясь на локте. Кровать тоже была другой и куда менее удобной, чем та, на которой он умирал. Что касается комнаты, она походила скорее на ангар для силовой установки, чем на больничную палату. Может быть, это какое-то современное устройство для оживления трупов в подвалах компании Сименс-Шуккерт?

— Один момент, — произнес доктор Крис. Он откатил какой-то прибор в сторону — на прежнее место, как подумал нетерпеливо ожидавший Штраус, — и вернулся к койке. — Вот и все. Есть многие вещи, которые вы должны счесть само собой разумеющимся и не пытаться их понять, мистер Штраус. Не все в сегодняшнем мире объяснимо с вашей точки зрения. Пожалуйста, имейте это в виду.

— Очень хорошо. Я слушаю вас.

— Сейчас, — начал доктор, — 2161 год по вашей системе летоисчисления. Другими словами, прошло двести двенадцать лет после вашей смерти. Естественно, вы понимаете, что к этому моменту

от вашего тела не осталось ничего, кроме костей. Тело, которым вы сейчас располагаете, предоставлено добровольцем. Прежде чем вы посмотрите в зеркало, запомните, что выглядите вы не так, как раньше. Но все эти изменения сделаны исключительно для вашей пользы. Это дает вам отличное здоровье, не вызывающее неприятных ощущений у окружающих, и физиологический возраст около пятидесяти лет.

Чудо? Нет, в этом новом веке — конечно, нет. Это просто научный прогресс. К чему он привел? Вечное ницшеанское повторение и бессмертие сверхчеловека, гармонично объединенные!

— И где я нахожусь? — осведомился композитор.

— В Порте Йорк, штат Манхэттен, Соединенные Штаты. Вы найдете, что наша страна в некоторых отношениях изменилась куда меньше, чем, как мне представляется, вы подумали. Некоторые изменения, конечно, покажутся вам весьма радикальными. Я не рискну предсказать, какие из них покажутся вам таковыми. Определенная гибкость с вашей стороны только приветствуется.

— Я понимаю, — Штраус сел на кровати. — Еще один вопрос, пожалуйста: в этом столетии композитор все еще может найти средства к

существованию?

Доктор Крис улыбнулся.

— На самом деле мы ожидаем, что именно этим вы и будете заниматься. Это — одна из целей, ради которых мы возродили вас.

— Как я понимаю, — несколько сухо проговорил Штраус, — на мою музыку все еще есть спрос. Раньше критики…

— Я имел в виду не совсем то, — прервал его собеседник. — Насколько мне известно, некоторые ваши произведения все еще исполняются, но, откровенно говоря, я очень мало что могу сказать относительно вашей нынешней популярности. Мои интересы…

Открылась дверь, и вошел еще один человек. Он был старше и представительнее Криса. От него так и веяло духом академизма. Однако одет он был в такой же странный хирургический костюм и рассматривал пациента сияющими глазами художника.

— Все прошло успешно, Крис? — произнес он. — Мои поздравления.

— Пока еще неизвестно, — отозвался доктор. — Для того чтобы убедиться окончательно, нужно кое-что проверить. Мистер Штраус, если вы достаточно хорошо себя чувствуете, мы с доктором

Сиэдсом желали бы задать вам несколько вопросов. Мы хотим убедиться, что ваша память сохранена.

— Конечно. Пожалуйста.

— Согласно нашим записям, — начал Крис, — когда-то вы знали человека с инициалами Р.К.Л.; это было, когда вы дирижировали в Вене «Staatsoper». — Он протянул звук «а» по крайней мере вдвое дольше, чем это сделал бы немец. Немецкий язык, похоже, уже относился к «мертвым» языкам, и доктор Крис постарался воспроизвести «классический» акцент. — Как его звали и кем он был?

— Его звали Курт Лист. Его первое имя — Рихард, но он его не использовал. Он был помощником режиссера.

Доктора переглянулись.

— Почему вы решили написать новую увертюру к «Женщине без тени» и подарили рукопись Вене?

— Таким образом я освобождался от необходимости платить налог за уборку мусора на вилле Марии Терезии, которую они мне предоставили.

— На заднем дворе вашего дома в Гармиш-Патренкирхен находился надгробный камень. Что было на нем написано?

Штраус нахмурился. Это был вопрос, на который он был бы счастлив не иметь возможности ответить. Если хочешь сыграть ребяческую шутку над самим собой, лучше не увековечивать ее на булыжнике и не устанавливать его туда, где он будет попадаться на глаза каждый раз, когда вы выходите, чтобы повозиться со своим «Мерседесом».

— Там написано, — ответил он утомленно, — «Светлой памяти Гунтрама, миннезингера, жестоко убитого симфоническим оркестром его собственного отца».

— Когда состоялась премьера «Гунтрама»?

— В… позвольте… в 1894 году, кажется.

— Где?

— В Веймаре.

— Кто исполнял главную женскую партию?

— Паулина де Ахна.

— Что случилось с ней впоследствии?

— Я на ней женился. Она… — с нетерпением начал Штраус.

— Нет, — оборвал доктор Крис. — Сожалею, но у нас недостаточно возможностей, чтобы оживлять более или менее обычных людей.

Композитор вздохнул. Он не мог с уверенностью сказать, расстроило это его или нет. Конечно, он

достаточно любил Паулину, и эта новость должна была его огорчить. С другой стороны… как было бы приятно начать новую жизнь, не делая над собой усилий, например не снимать туфли каждый раз, входя в дом, чтобы не царапать полированный паркет. И, возможно, столь же приятно не слышать в два часа пополудни вечный призыв Паулины: «Рихард-jetzt komponierti».

— Следующий вопрос, — сказал он.

По причинам, которых Штраус не понял, но согласился считать само собой разумеющимся, доктор Крис и доктор Сиэдс оставили его, как только убедились, что память композитора вполне сохранна, а состояние стабильно. Его имущество, как ему дали понять, давно разошлось — неутешительный конец для состояния, которое было одним из самых крупных в Европе. Но его обеспечат достаточными средствами, чтобы купить жилье и продолжать вести активную жизнь. Также он получил некоторые рекомендации, которые впоследствии оказались весьма ценными.

Ему потребовалось больше времени, чем он ожидал, чтобы приспособиться к тем изменениям, которые произошли в музыке. Музыка, как он вскоре начал подозревать, была вымирающим

искусством, и вскоре должна приобрести статус не намного более высокий, чем имело составление букетов в его век. К сожалению, тенденция к стилевой раздробленности, уже начинавшая проявляться при его жизни, к 2161 году почти достигла своей заключительной стадии.

Американским популярным мелодиям он уделил внимания не больше, чем позаботился бы уделить в своей прошлой жизни. Было очевидно, что они по-прежнему создаются конвейерным методом: все композиторы без стеснения использовали устройство типа логарифмической линейки под названием «Хит-Машина» и претендовали на сочинение музыки, которая относилась к разряду серьезной.

Консерваторы этих дней хранили верность двенадцатитоновой системе, которую Штраус еще в прежней жизни считал сухой и механистической, но сейчас она была просто мертвенной. Их боги — Берг, Шенберг и фон Веберн — воспринимались посещающей концерты публикой как большие мастера, возможно, не слишком понятные, но достойные почтения, как любой из

трех «Б»[119].

Существовало еще одно крыло консерваторов, которые также считали двенадцатитоновую систему оптимальной. Эти люди сформировали стиль, названный «стохастической музыкой». Каждая нота соотносилась с какой-то цифрой, а музыкальные произведения создавались при помощи таблицы случайных чисел. Их библией, их базовым текстом, являлся трактат под названием «Действующая эстетика». Этот трактат, в свою очередь, был написан на основании дисциплины, именуемой «теория информации», ни одно слово которой, кажется, не имело никакого отношения к технике и методам композиции, которые были известны Штраусу. Идеалом, к которому стремились композиторы этого направления, была «универсальная» музыка — то есть полностью лишенная какого бы то ни было намека на индивидуальность композитора и воплощавшая универсальные Законы Случайности. Возможно, Законы Случайности имели свой собственный стиль; но Штраусу он напоминал манеру игры ребенка-идиота, которого научили барабанить

[119] Примечания: 119

Три «Б» — Бах, Бетховен, Берлиоз. Обыгрывается тот момент, что в фамилиях всех трех «новых классиков», авторов двенадцатитоновой системы, присутствует буква «б».

по клавишам фортепиано, чтобы он не создавал более серьезных проблем.

Однако подавляющее число произведений попадало в категорию, которая носила вводившее в заблуждение название «научная музыка». Этот термин отражал всего лишь характер названий этих произведений. В них фигурировали космические полеты, путешествия во времени и другие подобные вещи романтического и маловероятного свойства. Трудно было вообразить что-то менее научное, чем эта музыка, которая состояла из смешения клише и разнообразных естественных звуков. В этом коктейле Штраус с ужасом узнавал современные ему образы, но искаженные и выхолощенные.

Наиболее популярной формой «научной музыки» были девятиминутные композиции, называющиеся «концертами», хотя их форма не имела ни малейшего сходства с формой классического концерта. Это была своего рода свободная рапсодия, отдаленно напоминающая рапсодии Рахманинова — очень отдаленно. Типичный образчик, именуемый «Песня космического пространства», сочинение некоего Х.Валериона Краффта, начинался громким боем тамтамов. Затем весь оркестр исполнял гамму в унисон

в сопровождении — на почтительном расстоянии — параллельного движения арфы и одного кларнета, играющих в размере 6/4. Когда гамма поднялась до высшей точки, ударили тарелки (forte possibile)[120], и весь оркестр разразился мажорным воплем — своего рода мелодией. Исключение составляли французские рожки, которые не спеша играли нисходящую гамму — очевидно, это должно было означать контрапункт. Вторую фразу темы подхватывала сольная труба с намеком на тремоло. Оркестр полностью сникал, готовясь произвести новый звуковой шквал, и тут — это мог предсказать и четырехлетний ребенок — фортепиано вступало со второй темой.

Позади оркестра стояла группа из тридцати женщин, готовая огласить зал хоровым вокализом, который, по всей видимости, изображал мрачные глубины космического пространства. Но в этот момент Штраус, наученный опытом, уже привык вставать и уходить.

К тому же он мог встретить в фойе Синди Нонисса, агента, с которым его познакомил доктор Крис. Этот человек устраивал работы возрож-

---

[120] Примечания: 120
Насколько возможно громко (итал.).

денного композитора, написанные ранее. Синди знал о привычке своего клиента покидать зал до окончания концерта и терпеливо ждал у бюста Карло Менотти. Правда, эти выходы посреди концерта нравились агенту все меньше и меньше. В последнее время он приветствовал Штрауса то бледнея, то заливаясь краской, подобно шесту, который служит вывеской парикмахера и переливается красно-белым.

— Вы не должны так поступать, — вспылил он после инцидента на концерте Краффта. — Вы просто не имеете права выходить, когда исполняют новую композицию этого автора. Он президент Межпланетного Общества Современной Музыки. Как я смогу убедить их принять вас, если вы продолжаете относиться к ним так неуважительно?

— А в чем, собственно, дело? — произнес Штраус. — Они же не знают меня в лицо!

— Вы не правы. Они знают вас очень хорошо и наблюдают за каждым вашим перемещением. Вы первый крупный композитор, которого возродили Скульпторы сознания, и МОСМ было бы радо вернуть вас обратно, заявив, что произошла ошибка.

— Почему?

— Ох, — вздохнул Синди. — На то есть масса

причин. Скульпторы — снобы, члены МОСМ — тоже. Каждый из них стремится доказать другому, что только его искусство самое главное. И потом существует такая вещь, как конкуренция. Им было бы легче устроить вам провал, чем позволить выйти на рынок. Если честно, я думаю, что для вас лучше было бы возвратиться в прошлое. Я мог бы придумать какую-нибудь уважительную причину…

— Нет, — кратко ответил Штраус. — У меня есть работа, которую я хочу выполнить.

— Но в этом-то и дело, Рихард. Как мы сможем поставить оперу, написанную композитором, который не вступил в МОСМ? Это не то же самое, что написать какие-то сольные вещи или нечто, что не будет стоить труда…

— У меня есть работа, которую я хочу выполнить, — повторил Штраус и удалился.

И он работал. Этот труд поглощал его целиком, как ни один другой проект в течение последних тридцати лет его жизни. Он едва касался пером нотной бумаги: и перья, и бумагу было удивительно трудно достать. Штраус вдруг осознал, что его долгая музыкальная карьера не принесла ему стопроцентной уверенности, ему сложно было определить критерии, по которым он мог бы оце-

нивать правильность своего творческого поиска. Старые хитрости оживали и тысячами роились в его мозгу. Необычный звук вдруг возникал на пике мелодии вместо ожидаемого. Застывшие напряженные интервалы. Нагромождение струнных, трепещущих на высоких обертонах в неустойчивой точке кульминации. Музыкальные фразы, вспыхивающие, подобно молнии, то в одной группе оркестра, то в другой. Мерцание меди, смешок кларнетов, смешение красок, подчеркивающие драматическую напряженность.

Но ничто из этого не удовлетворяло его теперь. Да, он мог довольствоваться этими приемами в течение большей части своей жизни, он заставил их воплотиться в череде изумительных произведений. Но теперь наступило время изобрести что-то новое. Некоторые прежние хитрости теперь даже отталкивали его. Как он мог упорно думать на протяжении десятков лет, что скрипки, кричащие в унисон где-то в стратосфере, — настолько интересное звучание, чтобы несколько раз подряд использовать этот прием в одной композиции, не говоря уже обо всех его сочинениях?!

И никто, с удовлетворением отмечал он, никогда не приближался к началу нового периода

своей жизни и творчества, будучи вооруженным лучше, чем он. У него был не только собственный опыт, который жил в его памяти и к которому он мог беспрепятственно обратиться. Помимо этого, он был вооружен непревзойденной техникой оркестровки; даже враждебные критики не могли ему в этом отказать. Теперь, когда он, в некотором смысле, взялся за первую свою оперу — первую после пятнадцати предшествующих! — у него имелись все возможности создать шедевр.

И он был исполнен этого намерения. Существовало, конечно, множество незначительных помех. Одна из них заключалась в поиске старомодной нотной бумаги, а также перьев и чернил. Лишь немногие из современных композиторов, как он выяснил, записывали свою музыку в прежнем смысле этого слова.

Подавляющее большинство использовало магнитофонные записи. Они соединяли вместе кусочки тонов и звуков, вырезанных с разных лент, накладывали одну запись на другую и вносили изменения в полученный результат при помощи сложной системы кнопок и ручек, комбинируя их разными способами.

С другой стороны, почти все композиторы 3-V группы сами писали звуковую дорожку, быстро

строча зубчатые волнистые строки. После того как дорожка проходила через считывающее устройство, аппарат воспроизводил звуки, подобные звучанию оркестра, даже с сохранением обертонов и всего прочего. Последние могикане, которые все еще фиксировали свои сочинения на бумаге, делали это с помощью музыкальной пишущей машинки. Устройство, которое предложили Штраусу, представляло собой ее усовершенствованный вариант. У машинки были мануалы и педали, как у органа. Она примерно вдвое превосходила размерами обычную и позволяла получать весьма качественную партитуру.

Но композитора вполне устраивал собственный почерк, тонкий и очень разборчивый, и он не пожелал отказываться от удовольствия писать партитуру вручную, хотя он смог найти в продаже лишь одно перо, да и то быстро затупилось. Это был мостик, соединяющий его с собственным прошлым. Вступление в МОСМ также оказалось связанным с некоторыми неприятными моментами, хотя Синди изрядно потрудился над политической платформой Штрауса. Представитель Общества, который экзаменовал композитора на право влиться в их ряды, выслушивал его ответы с таким же интересом, с каким, вероятно,

ветеринар изучает своего четырехтысячного заболевшего теленка.

— Есть опубликованные сочинения?

— Да, девять симфонических поэм, около трехсот песен…

— Нет, не тогда, когда вы были живы, — произнес экзаменатор с некоторой тревогой. — Я имею в виду, с тех пор как Скульпторы вас вернули.

— С тех пор как Скульпторы… а, я понял. Да, струнный квартет, два цикла песен…

— Хорошо. Альфия, запишите: «песни». Играете на каком-нибудь инструменте?

— На фортепиано.

— Хм… — заметил представитель МОСМ, изучая свои ногти. — О, хорошо. Вы играете музыку с листа? Или вы используете скрайбер или звуковые клипсы? Или Машину?

— Я играю с листа.

— Хорошо.

Экзаменатор усадил Рихарда перед пюпитром, по освещенной поверхности которого перематывалась бесконечная лента подсвечиваемой снизу бумаги. На свитке была изображена увеличенная до гигантских масштабов звуковая дорожка.

— Просвистите мне эту мелодию и назовите инструменты, которые ее могут исполнять.

— Я не читаю Musikstichein, — ледяным тоном произнес Штраус, — и их записи тоже. Я использую стандартную нотацию, на нотной бумаге.

— Альфия, запишите: «читает только ноты», — потребовал представитель и положил лист партитуры, отпечатанной на серой бумаге, на пюпитр поверх стекла. — Насвистите мне это.

«Это» оказалось популярной мелодией под названием «Лидер, Гуляка и источник кредитов Длинный нос», которая была написана в 2159 году при помощи Хит-машины и исполнялась одним политиканом под псевдогитару во время предвыборной гонки. (В некотором отношении, как отметил Штраус, Соединенные Штаты действительно не очень изменились.) Песенка приобрела такую бешеную известность, что ее мог промурлыкать кто угодно, просто услышав название. Для этого было совершенно необязательно знать ноты. Штраус просвистел мотив и для очистки совести добавил:

— Начинается с си-бемоль.

Экзаменатор подошел к выкрашенному в зеленый цвет пианино и нажал засаленную черную клавишу. Инструмент был ужасающе расстроен: звук, извлеченный из него, оказался куда ближе

к стандартным 440 герц[121], нежели к си-бемолю. Не обратив на это внимания, представитель Общества сказал:

— Действительно. Альфия, запишите: также знает бемоли. Хорошо, сынок. Теперь вы — член МОСМ. Очень приятно, вы теперь один из нас. Немногие сегодня могут читать эту нотацию старого стиля. Большинство полагают, что слишком хороши для этого.

— Благодарю вас.

— По моему ощущению, если она устраивала старых мастеров, то вполне может устраивать и нас. У нас с тех пор не появлялось музыкантов, подобных им, как мне кажется. За исключением доктора Краффта, конечно. Это были великие люди, эти старинные композиторы — люди вроде Шилкрита, Стейнера, Темкина и Перла… и Уилдера и Яннсена. Настоящий goffin.

— Doch gewiss, — вежливо ответил Штраус.

Но работа быстро продвигалась. Теперь благодаря мелким сочинениям у него имелся небольшой собственный доход. Люди, казалось, почувствовали особый интерес к композитору, который

---

[121] Примечания: 121

Нота ля, по которой настраиваются инструменты. Так звучит камертон. Ноте ля соответствует белая клавиша, ноте си-бемоль, которую назвал Штраус, — соседняя черная. (Прим. пер.).

вышел из лабораторий Скульпторов сознания. К тому же Штраус был вполне уверен, что материал и сам по себе достаточно хорош, чтобы бойко продаваться.

А задуманная опера росла и росла под его пером, свежая и новая, как его вторая жизнь, основанная на знании и опыте, как его долгая богатая память.

Первой проблемой было найти либретто. Он попытался обнаружить что-либо подходящее среди сценариев, обычно использовавшихся для 3-V, хотя с самого начала сомневался в результате. Его сомнения подтвердились. Невозможно было увидеть что-то хорошее в этих туманных формах, изобилующих непонятными технологическими инструкциями. В конечном итоге, третий раз на протяжении своей карьеры, он обратился к пьесам, написанным на чужом для него языке. А подобрав произведение, впервые решился писать оперу на языке оригинала.

Он выбрал пьесу Кристофера Фрая «Обнаруженная Венера». По мере того как Штраус воплощал свой замысел, он все больше убеждался, что это идеальное во всех отношениях оперное либретто. Фактически это была комедия с запутанным клубком забавных перипетий. Но стихи отли-

чались глубиной, а образы сами просились в музыку. Плюс затаенное течение пронзительной осенней трагедии, листопада и осыпающихся яблонь — совсем в духе полной противоречий драматической смеси, которую фон Гофманшталь обеспечил ему в «Кавалере роз», «Ариадне на Наксосе» и «Арабелле».

Увы, Гофманшталя уже нет в живых. Но сейчас Рихард имел дело с другим давно умершим драматургом, столь же одаренным. Перед композитором открывались неограниченные возможности. Например, второй акт заканчивается пожаром — какой это подарок для композитора, которому оркестровка и контрапункт так же важны, как и воздух и вода! Или взять момент, где Перпетуа выстрелом выбивает яблоко из руки Герцога. Возникшая на мгновение единственная мимолетная цитата могла бы напомнить зрителю бессмертного «Вильгельма Телля» Россини, но это прозвучало бы как легкая ироническая сноска! И длинный финальный спич Герцога, начинающийся словами:

Сожалею ли я о себе? При имени Морталити

Я сожалею о себе. Ветви и сучья,

Бурые холмы, долины, теряющиеся в тумане,

Рябь на озере…

Это была речь для великого трагического комика в духе Фальстафа. Это был гармоничный союз смеха и слез, перемежающийся сонными комментариями Ридбека, чьим звучным храпом (тромбоны, никак не менее пяти, con sordini[122]?) опера плавно завершалась. Что могло быть лучше? И тем не менее он пришел к пьесе только после серии самых невероятных провалов. Сначала он планировал написать откровенно грубоватый фарс, в духе «Молчаливой женщины». Помня, что в прежние дни Цвейг написал для него либретто, переделав драму Бена Джонсона, Штраус начал разыскивать английские пьесы периода сразу после Джонсона.

Вскоре он столкнулся с непреодолимыми трудностями, обратившись к ужасному образчику героических куплетов под названием «Сохраненная Венеция» некоего Томаса Отуэя. Пьеса Фрая следовала в сборнике непосредственно после

[122] Примечания: 122

С сурдиной (ит.). Специальное устройство, вставляющееся в раструб инструмента, что придает его тембру дребезжащий оттенок. (Прим. пер.).

данного сочинения. Сначала он заглянул в нее исключительно из любопытства: зачем драматургу двадцатого века использовать название в духе восемнадцатого, да еще явный каламбур[123]? После того как он прочитал пару страниц пьесы Фрая, незначительная проблема каламбура абсолютно перестала его беспокоить. Удача снова вернулась к нему. У него была опера. Синди творил чудеса, готовя постановку. Дату премьеры назначили прежде, чем партитура была завершена. Это напомнило Штраусу радость тех тяжелых дней, когда Fuerstner схватил с его рабочего стола только что оконченную партитуру «Электры», еще пахнущую чернилами, и бросился к граверу, чтобы опубликовать ее в срок. Сейчас ситуация была не менее сложной. Некоторые части партитуры были еще не переписаны набело, другие существовали только в клавире, кое-что было отпечатано старым способом, а так не годилось для современной постановки. В такие моменты у Синди, кажется, прибавлялось седых волос.

Но «Обнаруженная Венера» под пером Штрауса

---

[123] Примечания: 123

В восемнадцатом веке были популярны античные (и псевдоантичные) сюжеты. Учитывая, что автор пьесы — почти наш современник, название вполне подходит для научно-фантастического сюжета (имеется в виду планета Венера).

близилась к завершению и, как обычно, обещала быть законченной в срок. Запись музыки в черновике была адски изнурительной работой. И все-таки возможность создать нечто совершенно новое приносила композитору такое ощущение полноты жизни, какое не дало странное пробуждение в лаборатории Бэркуна Криса со всеми туманными воспоминаниями о собственной смерти. Штраус с удовлетворением обнаружил, что еще вполне сохранил свою прежнюю способность почти без усилий оркестровать клавир. И ему не мешало ничто: ни Синди, вполголоса ворчащий у него в комнате, ни устрашающее буханье невидимых ракет, которые, взмывая над городом, преодолевали звуковой барьер.

Когда опера была завершена, у него в запасе оставалось еще два дня до начала репетиций. Однако с этим процессом Рихарду не хотелось иметь ничего общего. Технология постановок в этом веке столь тесно переплелась с электронным искусством, что сводила весь его опыт в этой области — его, *Kapellmeister*[124], мастера, превосходящего их всех! — до уровня несчастного примитива.

---

[124] Примечания: 124

Капельмейстер (нем.) — дирижер, в данном случае — оперного театра.

Он не возражал. Написанная им музыка должна была говорить сама за себя. Между тем он нашел для себя благодарное занятие на этот репетиционный месяц, в течение которого, казалось, все забыли о его существовании. Штраус возвратился в библиотеку. Там он лениво и беспорядочно читал старые стихи, блуждая в поисках текстов, которые могли бы подойти для песен. Он знал, это лучше, чем беспокоиться из-за современных поэтов, ведь те ничего не говорили ему. Однако его современники-американцы (то есть американцы начала XX века) могли, как он полагал, дать ему ключ к пониманию Америки 2161 года, а если к тому же какое-нибудь их стихотворение ляжет на музыку, то ничего лучшего и быть не могло.

Эти поиски дарили ему возможность расслабиться, и он позволил себе отдаться этому удовольствию. Наконец он наткнулся на запись, которая ему особенно понравилась: стихи, которые читал надтреснутый старый голос с гнусавым акцентом Айдахо — это была гнусавость 1910 года, забытой молодости Штрауса. Имя поэта было Паунд. Его голос повествовал:

…души великих людей
Иногда проходят сквозь нас,

И мы растворяемся в них, и мы

Не сохраняем отпечатков их душ.

Значит, я Данте пространства, и я

Франсуа Вильон, король баллад и вор;

И я столь свят, что не могу писать,

Чтобы «Кощунство» не было написано против моего имени;

Это — не для мгновения. Пламя пришло.

Словно в самом центре каждого из нас сияет сфера,

Подсвеченная снизу, расплавленное золото, которая есть «Я»,

И в нем формы отражают сами себя:

Христос, или Джон, или улыбка Флорентины;

И словно ясное пространство — не есть форма,

Налагаемая вслед за тем,

Так, что мы отказываемся от всего, что временно,

И они, Мастера Душ, продолжают жить.

Рихард улыбнулся. Этот урок повторялся снова и снова, начиная с Платона. Это стихотворение было описанием его собственного случая — иллюстрации своего рода метапсихической теории. Он сам пережил это и сейчас двигался по описанному пути. Стихотворение заслуживало того, чтобы написать маленький гимн в честь своего возрождения и гениального озарения поэта.

Череда торжественных, словно исполняемых на затаенном дыхании аккордов, сопровождающих речитатив, звучали в его ушах. Трепетная, сосредоточенная тишина в начале… и затем трагический пассаж, в котором великие имена Данте и Вильона зазвенят, как колокола времени… Он сделал несколько заметок в своей записной книжке и только после этого возвратил катушку на полку.

«Это доброе предзнаменование», — подумал он.

И наступил вечер премьеры. Зрители, наполнившие зал, 3-V камеры, движущиеся в воздухе на невидимых опорах, и Синди, вычисляющий свою долю от гонорара клиента (это напоминало сложную пьесу, которую его пальцы исполняли на калькуляторе, и основным правилом, похоже, было то, что один плюс один равнялось десяти).

Зал был до отказа забит людьми всех социальных слоев, словно предстояло цирковое представление, а не опера.

Как ни странно, в зале присутствовало пятьдесят Скульпторов сознания, аристократично отчужденных, одетых в униформу, напоминающую их хирургические костюмы, только черного цвета. Они заняли несколько соседних рядов недалеко от авансцены, которую вскоре должны были заполнить гигантские 3-V фигуры (реальные певцы выступали на небольшой сцене на цокольном этаже), чьи пропорции казались чудовищно искаженными. Однако Штраус решил, что это будет принято в расчет, и отогнал от себя неприятную мысль.

Когда Скульпторы появились, по залу прокатилась волна шепота и вместе с ней, словно подводное течение, странное возбуждение, смысл которого для Рихарда остался непонятен. Он не стал пытаться вникнуть в подобную реакцию; его охватило напряжение, как всегда в день премьеры, несмотря на весь многолетний опыт.

Идущий непонятно откуда мягкий свет в зале погас, и Штраус поднялся на подиум. Перед ним лежала открытая партитура, но он сомневался, что она ему понадобится. В непосредственной

близости, распиханные среди музыкантов, торчали неизбежные 3-V камеры, готовые транслировать его изображение певцам на сцене.

Зал стих. Момент настал. Его палочка взлетела, затем решительно опустилась, и звуки увертюры хлынули из оркестровой ямы.

Какое-то время он погружался во всегда мудреное дело соединения огромного оркестра в единое целое и чутко зондировал музыкальную паутину, трепещущую под его рукой. Как только его контроль укрепился, задача стала немного проще, и он смог уделить больше внимания звучанию оркестра.

Решительно, происходило что-то странное. Конечно, в его жизни случались неожиданные сюрпризы, например, когда сочетание тембров оказывалось совершенно другим, нежели он ожидал; это случалось с каждым композитором, даже самым опытным. Бывали моменты, когда певец, исполняя фразу, которая оказывалась более трудной, чем ожидалось, издавал звуки, словно наступили на хвост кошке (хотя сегодня никто ни разу не сфальшивил; это была самая лучшая оперная труппа из всех, с кем ему доводилось работать).

Но это были незначительные детали. Все пере-

крывало ощущение, что что-то идет не так. Он потерял не только возбуждение, которое всегда испытывал в день премьеры — в конце концов, оно не могло оставаться на одном уровне весь вечер, — но и весь интерес к происходящему на сцене и в оркестровой яме. Штраус начал уставать; дирижерская палочка в его руке становилась все тяжелее. В то время как второе действие должно было быть наполнено страстным излиянием чувств и пронизано солнечным светом, он чувствовал себя таким утомленным, что не хотел ничего, кроме как возвратиться за свой стол и продолжать работать над тем гимном.

Второе действие закончилось — оставалось только одно, последнее. Он едва слышал аплодисменты. Двадцатиминутного отдыха в его уборной хватало в обрез, чтобы восстановить необходимые силы.

И вдруг, в середине последнего действия, он все понял.

В этой музыке не было ничего нового. Прежний Штраус слышался в каждом такте, в каждой ноте — но более слабый, более выхолощенный, чем когда-либо. По сравнению с сочинениями композиторов вроде Краффта его опера, звучащая в этом зале, действительно могла показаться шедевром.

Но его самого не обманешь. Его решимость, его стремление отказаться от старых клише и старой манеры, его желание сказать нечто новое — все это ничего не значило против силы привычки. Быть перенесенным в жизнь означало перенести в эту новую жизнь все неизгладимые черты своего прежнего стиля, неизменные, как рефлексы. Ему было достаточно взять в руки перо, и они пересилили все его сознательные намерения. Творческие рефлексы имели такую же власть, как и те, что заставляют отдернуть палец от пламени.

Его глаза видели ясно, его тело чувствовало себя молодым. Но он был стариком, глубоким стариком. Еще тридцать пять таких лет? Никогда. Он уже сказал все это столетием раньше. Почти полстолетия потребовалось, чтобы сказать то же самое снова, но слабее и немощнее, осознавая, что даже это обесцененное столетие должно рано или поздно распознать в нем только тень прошлого блеска. Нет, никогда, никогда. Он тупо осознал, что опера заканчивается. Аудитория в восторге аплодировала. Этот звук был ему хорошо знаком. Они так же отвратительно орали на премьере «Дня мира», одобряя музыканта, которым он был. Сейчас звук казался ему еще более бессмыслен-

ным: возгласы невежества, не более того.

Штраус медленно повернулся. С изумлением и удивительным чувством облегчения он увидел, что рукоплескания, оказывается, предназначались не ему, а доктору Бэркуну Крису.

Крис стоял среди Скульпторов сознания и раскланивался. Коллеги один за другим пожимали ему руку. Смысл происходящего стал более понятен, когда доктор вышел в проход и направился к подиуму. Поднявшись, он пожал безвольную руку композитора, и крики в зале стали совершенно исступленными.

Бэркун поднял руку. Овации смолкли, наступила чуткая тишина.

— Благодарю вас, — отчетливо произнес он. — Дамы и господа, прежде чем мы простимся с мистером Штраусом, я позволю себе еще раз сказать ему, какой честью для нас было услышать этот свежий образец его мастерства. Я уверен, никакие аплодисменты не могут быть достаточной благодарностью за это.

Овации бушевали пять минут и продолжались бы еще столько же, если бы доктор Крис не остановил их.

— Мистер Штраус, — сказал он, — в тот момент, когда я скажу вам определенную фразу,

вы поймете, что ваше имя — Джером Бош[125]. Вы родились в нашем столетии, и жизнью ваша связана с ним целиком и полностью. Наложения памяти, которые заставили вас принять маску великого композитора, его *персону*[126], исчезнут. Я сообщаю это вам, чтобы вы поняли, почему эти люди аплодируют не только вам, но и мне.

Волна одобрительных аплодисментов.

— Искусство Скульптора сознания — создание искусственных личностей для эстетического наслаждения — никогда уже не сможет достичь таких высот. Вам следует понять, что как Джером Бош вы не имели совершенно никаких музыкальных способностей. Мы приложили много усилий, чтобы найти человека, который был бы совершенно не в состоянии воспроизвести даже самую простую мелодию. Однако мы смогли повторить на таком неперспективном материале не только личность, но и гений великого композитора. Этот гений полностью принадлежит вам — *персоне*, которая мыслит себя как Рихард Штраус. Здесь нет ни малейшей заслуги человека, ставшего доб-

---

[125] Примечания: 125

Ирония в том, что это имя — англоязычный вариант имени «Иеронимус Босх» (выдающийся художник XV века) — прим. перев.

[126] Примечания: 126

Так называлась маска древнегреческого актера — прим. перев.

ровольцем для скульптуры. Это ваше торжество, и эти аплодисменты — в вашу честь.

Теперь овация стала совершенно неудержимой. Штраус с кривой улыбкой наблюдал, как раскланивается доктор Крис. Подобное ваяние разума отличалось трезвой жестокостью, так свойственной этому веку, но импульс к ней, конечно, существовал всегда. Это был тот же импульс, который заставлял Рембрандта и Леонардо превращать трупы в произведения искусства.

Что же, это искусство заслужило соответствующую плату в духе lex talionis: око за око, зуб за зуб — и неудачу за неудачу.

Ни в коем случае он не станет сообщать доктору Крису, что «Штраус», которого тот создал, лишен гения. Этот «Штраус» был пустой оболочкой, сохранявшей видимость содержания. Эта нераскрытая шутка должна навсегда остаться со Скульптором, который оказался неспособен услышать пустоту в музыке, теперь сохраненной на 3-V лентах.

В этот момент волна протеста охватила его и заставила кровь закипеть. «Я буду собой, — подумал он, — я буду Рихардом Штраусом, пока не умру, и никогда не стану Джеромом Бошем, который не в состоянии воспроизвести даже самую

простую мелодию!» Его рука, все еще держащая дирижерскую палочку, резко взлетела, словно для того, чтобы нанести или отразить удар — он не мог сказать.

Он позволил ей снова опуститься и наконец поклонился — не зрителям, а доктору Крису. Он ни о чем не жалел, когда тот повернулся к нему, чтобы произнести слова, которые должны были снова погрузить его в забвение. За исключением одного. Теперь он никогда не сможет воплотить то стихотворение в музыке.

Расплата

Человек в белой куртке остановился у двери с надписью «Преобразовательный Проект — Полковник Х.Х.Маджетт, Офицер-Командующий» и подождал, пока сканер осмотрит его. Он проходил через эту дверь тысячу раз, но сканер так тщательно выполнял свою работу, словно никогда прежде его не видел.

Так было всегда, потому что фактически всегда была вероятность, что прибор *действительно* никогда его не видел, что бы там ни думали способные ошибаться человеческие существа, которым он отдавал рапорт. Сканер тщательно

изучил его маленькое жилистое тело, начиная со стриженной ежиком головы и заканчивая непроницаемыми для любых реактивов ботинками, совместил его силуэт с образцом, проверяя посетителя на вкус и запах так, будто тот был залежавшимся апельсином.

— Имя? — спросил он наконец.

— Карсон, Сэмюэль, 32–454-0698.

— Занятие?

— Медицинский руководитель, Ре-Эд 1.

Пока Карсон ждал, далекое тяжелое сотрясение докатилось до него сквозь гранитную толщу над головой. В тот же миг буквы на двери — как и все прочее, что он видел — задрожали, и острая боль пронзила голову. Это была сверхзвуковая составляющая взрыва — безвредная, если не считать того, что она всегда причиняла ему боль и пугала.

Цвет огонька на дверном сканере, бывший до этого желтым, опять поменялся на красный, и машина начала всю работу заново, так как звуковая бомба перезагрузила ее. Карсон терпеливо вынес повторную проверку, еще раз назвал свое имя, серийный номер и миссию и на сей раз дождался зеленого. Он вошел, на ходу разворачивая кусок дешевой папиросной бумаги, который нес

с собой.

Маджетт, оторвав взгляд от стола, наконец спросил:

— Что на сей раз?

Врач бросил перед ним кусок бумаги и сказал:

— Резюме: реакция прессы на речь Хэмлина прошлой ночью. Общее настроение против нас. До тех пор пока мы не заставим Хэмлина изменить решение, протест против Преобразования солдат прежде гражданского населения будет работать на наше поражение в войне. Стремление снова жить на поверхности зрело много лет; теперь появилась цель, на которой можно сосредоточиться. Крепкий, грузный, такой же низкорослый, как Карсон и с такими же серыми, коротко подстриженными волосами, Маджетт грыз карандаш, читая резюме. Год назад Карсон обязательно сказал бы ему, что никому в Ре-Эд не доставило бы удовольствия грызть случайные предметы даже изредка, не говоря уже о том, чтобы это вошло в привычку; сейчас же он просто ждал. Теперь не было ни мужчины, ни женщины, ни ребенка из уцелевших тридцати пяти миллионов «здравомыслящих» людей Америки, кто не был бы подвержен подобному тику после двадцати пяти лет подземной жизни.

— Он знает, что это невозможно, разве нет? — резко бросил Маджетт.

— Конечно, нет, — с нетерпением ответил Карсон. — Он знает истинную суть проекта не лучше, чем другие люди. Он думает, что Преобразование, которое мы проводим, является чем-то вроде техники выживания… Так же думают и газеты, ты же прекрасно видишь, что они пишут на первых страницах.

— Хм. Если бы мы сперва взяли газеты под контроль…

Карсон ничего не ответил. Маджетт прекрасно знал, что все аспекты гражданской жизни находятся под контролем военных и что человеческому сознанию необходима хотя бы видимость свободомыслия — видимость, которая не может сохраняться без хоть какой-то опоры на действительность.

— Допустим, мы это сделаем, — продолжил наконец Маджетт. — Положение Хэмлина в Государственном департаменте лишает нас возможности заставить его замолчать. Но у нас должна быть возможность объяснить ему, что ни одно незащищенное человеческое существо не сможет жить на поверхности, независимо от того, сколько знаков отличия оно имеет за уме-

ние мастерить из дерева или за оказание первой помощи. Вероятно, мы даже смогли бы взять Хэмлина в небольшую поездку наверх; держу пари, он никогда такого не видел.

— А что если он там умрет? — холодно спросил Карсон. — Мы и так теряем три пятых каждой партии, а Хэмлин неопытен…

— Возможно, это было бы лучше всего, не так ли?

— *Нет*, — ответил Карсон. — Это выглядело бы как специально запланированная акция. На следующее утро газеты заставили бы бурлить все население.

Маджетт тяжело вздохнул, оставив еще один двойной ряд вмятин на карандаше.

— Должен же быть какой-то выход, — сказал он.

— Он есть.

— Ну?

— Привести его сюда и просто показать, *что* мы делаем. Преобразовать *его*, если необходимо. Если мы сообщим газетам, что он прошел курс… Ну, кто знает, они просто могут возмутиться тем, что он злоупотребил своими привилегиями государственного служащего.

— Мы нарушим наш основной принцип, — за-

думчиво произнес Маджетт. — *Верните Землю людям, которые сражаются за нее.* Но все же план имеет некоторые достоинства…

— Хэмлин уже в вестибюле, — заметил Карсон. — Привести его?

В течение второй недели войны — недели, названной Смертью городов, — радиоактивность никогда особенно не превышала опасного уровня. Последние остатки благоразумия, сохранившиеся у высшего командования обеих сторон, не позволяли применять оружие со встроенным самоликвидатором, сбрасывать кобальтовые бомбы и постоянно отравлять территории. Генералы все еще помнили, что нейтральная территория, неважно насколько опустошенная, все же является нейтральной.

Но все это не относилось к биологической войне. Ее можно было контролировать: болезни, с которыми не умели справляться, никогда не использовались против врага. Конечно, могли быть некоторые промахи, но расплата…

Промахи случались. Но в основном биологическая война себя оправдывала. Сильнейшие лихорадки захлестывали Землю, словно волны, одна за другой. В уцелевших после бомбежки городах тишину нарушали только громыхание

грузовиков, везущих груды вздувшихся трупов к братским могилам, и единичные выстрелы; но вскоре прекратились и они, а грузовики стояли рядами, ржавея.

Но человеческие существа не были единственными жертвами. Выпущенные болезни поражали животных и растения. Пшеничная ржавчина, рисовая плесень, кукурузные болезни, свиная холера, птичьи воспаления выбрасывались в воздух из секретных лабораторий или распылялись на большой высоте в реактивном потоке с помощью эскадрильи ракет. Желатиновые капсулы, начиненные жаберной гнилью, дождем падали на обширные рыбные угодья Ньюфаундленда, Орегона, Японии, Швеции и Португалии. Сотни видов животных были отобраны в качестве вторичных носителей человеческих болезней, их заразили и выпустили для переноса инфекции своим собратьям.

Выяснилось, что небольшие количества антибиотиков тетрациклиновой серии, долгое время использовавшиеся в качестве пищевых добавок для быстрого наращивания массы скота, также могли служить для выращивания самых больших москитов из всех когда-либо виденных, способных преодолевать большие расстояния

против ветра и переносить необычайно интересный новый вид малярии и желтой лихорадки…

К тому времени, когда война окончилась, все оставшиеся в живых находились на милю под землей.

Навсегда.

— Я все еще не в состоянии понять, почему, — произнес Хэмлин, — если, как вы настаиваете, вам известны методы Преобразования солдат для жизни на поверхности, вы не можете сделать то же для гражданского населения. Или наоборот.

Заместитель министра, высокий худощавый человек с лысиной на макушке и выпуклым лбом, разговаривал со странным неопределенным акцентом опытного дипломата, хотя дипломатическая служба прекратила свое существование с полвека тому назад.

— Мы как раз хотим попытаться растолковать вам это, — ответил Карсон. — Но мы думали, что сначала постараемся объяснить еще раз, почему, на наш взгляд, это было бы неправильно, не говоря уже о физической невозможности.

Конечно, все стремятся как можно быстрее попасть наверх. Даже люди, смирившиеся с этими бесконечными пещерами и коридорами, мечтают о лучшей участи для своих детей — проблеске

солнечного света, небольшом дожде, листопаде. Это сейчас более важно для всех нас, чем война, в которую мы больше не верим. Она даже не имеет военного смысла, так как у нас теперь недостаточно сил, чтобы занять вражескую территорию, а у врагов нет сил, чтобы занять нашу. Мы понимаем все это. Но нам также известно, что враг полон решимости довести войну до конца. В своих пропагандистских передачах они заявляют, что хотят нас уничтожить, и ваше министерство докладывает, что, похоже, именно так и есть. Таким образом, было бы просто самоубийством прекратить воевать с ними. Вы все еще согласны со мной?

— Да, но я не вижу…

— Подождите еще минуту Если нам придется сражаться дальше, мы должны иметь в виду, что та из сторон, которая первой выведет людей на поверхность — чтобы иметь возможность *атаковать* важные цели, а не просто держать их в изоляции среди морей чумы, — будет победившей стороной. Они тоже это осознают. У нас есть веские причины считать, что у них есть преобразовательный проект, который продвинут так же далеко, как наш.

— Взгляните на это следующим образом, —

неожиданно вступил в разговор полковник Маджетт. — Сейчас мы в безвыходном положении. Диверсант случайно определяет местоположение одного из подземных городов и пускает туда чуму. Иногда это наш город, иногда их. Но это происходит постоянно — просто одно из занятий, которым мы, волей-неволей, предаемся, пока можем. Если мы первыми доставим войска на поверхность, то будем в состоянии в срочном порядке провести разведку их важных объектов и выдвинуть ультиматум о безоговорочной капитуляции. Они примут его. Другие действия будут равносильны медленному самоубийству, которое происходит и сейчас.

Хэмлин скрестил руки.

— Вы, джентльмены, читаете мне лекцию о политике, будто я никогда не слышал этого слова. Я прекрасно знаком с вашими аргументами в пользу первоочередной отправки наверх солдат. Вы считаете, что знаете мои доводы в пользу того, чтобы начать с гражданского населения, но вы ошибаетесь, потому что некоторые из них не обсуждались за пределами министерства. Я собираюсь привести некоторые; думаю, они заслуживают особого внимания.

Карсон пожал плечами:

— Я бы очень хотел, чтобы вы меня убедили, господин секретарь. Действуйте.

— Доктор Карсон, вам лучше других должно быть известно, насколько наше подземное общество близко к психологическому распаду. Например, число подростковых банд, бродящих по этим коридорам, увеличилось на 400 % с тех пор, как начали распространяться сплетни о Преобразовательном проекте. Или еще: количество отдельных немотивированных преступлений, совершенных лишь для того, чтобы отвлечь совершившего от мучительной монотонности жизни, которую мы все ведем, в настоящее время превысило общее количество всех других вместе взятых.

А что касается подлинного безумия, то из еще не госпитализированных тридцати пяти миллионов людей есть четыре миллиона потенциальных преступников, каждый из которых мог бы прямо сейчас совершить преступление на почве ранней параноидальной шизофрении — и тогда наша промышленность пострадала бы от потери рабочей силы больше, чем от врага. Каждый из этих четырех миллионов человек представляет серьезную опасность для общества, но как мы можем обойтись без них? И что мы можем сде-

лать с нераспознанными, не наблюдавшимися в клинике случаями, которых, возможно, в два раза больше? Сколько мы еще сможем проработать в таких условиях?

Карсон потер бровь.

— Я и не подозревал, что все зашло настолько далеко.

— Очень далеко, — ледяным тоном произнес Хэмлин, — и положение все ухудшается. Ваш проект способствует этому. Полковник Маджетт упомянул о проникновении чумы в изолированные города. Рассказать вам, как пал Луисвилл?

— Предполагаю, опять шпион, — сказал Маджетт.

— Нет, полковник, не шпион. Банда мятежников. Я хорошо знаком с вашим лозунгом «Земля тем, кто сражается за нее». Известен ли вам народный лозунг?

Они ждали. Хэмлин улыбнулся и сказал:

— «Давайте умрем на поверхности.» Они захватили местное военное отделение, убили городскую администрацию и открыли шахту на поверхность. Около тысячи людей заполнили ее фактически доверху. Через двадцать четыре часа город был мертв. Зачинщиков предупреждали, что это может случиться, но предупреждение их

не испугало, как не защитило и благоразумных горожан, не принимавших участия в событиях.

Хэмлин неожиданно подался вперед.

— Люди не станут дожидаться своей очереди быть преобразованными. Они устанут, до безумия устанут жить на дне норы. Они просто уйдут, джентльмены, оставив мир врагу… или, что более вероятно, крысам. Сейчас только у них есть иммунитет ко всем болезням.

Последовала долгая пауза. Наконец Карсон мягко спросил:

— Почему же *у нас* нет иммунитета ко всем болезням?

— А? Ну… новые поколения. Они никогда не болели.

— Среди нас еще остались люди, пережившие войну: люди, переболевшие одной или несколькими (некоторые до пяти) новыми болезнями, захлестнувшими мир, и все же выздоровевшие. У них до сих пор сохраняется иммунитет. Это факт: мы их проверяли. Взяв пробы, мы выяснили, что ни одна из сторон не выпускала новые заболевания более десяти лет. Против всех известных у нас имеются иммунизационные средства: сыворотки, антибиотики и тому подобное. Думаю, вам, как и всем, делают прививки каждые шесть

месяцев, возможность заболевания невелика, а если и возникают инфекции, то они должны протекать легко, — говоря это, Карсон угрюмо смотрел на младшего секретаря. — Теперь ответьте мне на один вопрос: почему, несмотря на все меры защиты, *каждый человек* в открытом городе умирает?

— Не знаю, — ответил Хэмлин, внимательно смотревший на них. — Судя по вашим показаниям, некоторые из них будут выздоравливать.

— Должны, — сказал Карсон. — Но этого не происходит. Почему? Потому что сама природа заболеваний изменилась с тех пор, как мы ушли под землю. Сейчас повсюду в мире существуют виды бактерий, способные обходить все иммунные механизмы человеческого тела. Проще говоря, если такие микробы проникнут в ваш организм, он не сможет распознать их как захватчиков. Он не будет вырабатывать антитела. В результате микробы смогут размножаться без всякого труда, и вы умрете. Как и мы все.

— Понимаю, — произнес Хэмлин. Казалось, самообладание необычайно быстро вернулось к нему. — Я не ученый, джентльмены, но то, о чем вы говорите, делает наше положение определенно безнадежным. И все же, очевидно, у вас

есть ответ.

Карсон кивнул:

— Есть. Но вам важно понять ситуацию, иначе ответ не будет ничего значить для вас. Итак, для вас сейчас очевидно, что никакое Преобразование мозга человека, будь это солдат *или* мирный житель, не поможет ему выжить на поверхности?

— Вполне очевидно, — с явной доброжелательностью ответил Хэмлин.

Карсон слегка оживился, а секретарь продолжил:

— Но если вы не преобразовываете его мозг, что тогда? Может, рефлексы?

— Нет, — сказал Карсон. — Лимфатические узлы и селезенку.

На тонких губах Хэмлина появилась насмешливая улыбка:

— Вам следовало бы выбрать лучший источник информации, — заметил он. — Если то, что вы говорите, правда (а я допускаю, что так и есть), тогда термин «преобразовать» не просто неправильный — он полностью вводит в заблуждение. Если бы вы с самого начала выбрали менее вызывающее и более точное название, я бы не причинил вам и половины теперешних неприятностей.

— Я согласен, что нам дали плохой совет, — ответил Карсон. — Но не совсем по этим причинам. Да, название вводит в заблуждение: это одновременно и характеристика, и функция названий сверхсекретных проектов. В данном случае название «Преобразование», как оказалось, неудачное: оно подвергло людей, выбравших его, роковому соблазну. Хотя, вообще говоря, оно точное.

— Игра слов, — произнес Хэмлин.

— Вовсе нет, — вмешался Маджетт. — Мы собирались поделиться с вами теоретическим обоснованием нашего проекта, господин секретарь, но теперь вам придется просто принять его. Фактически, способность организма отличать собственные клетки от чужеродной ткани — скажем, пересаженной кожи или бактерий, вторгшихся в кровь, — не является наследственной. Это приобретенное свойство. Немного поразмыслив, вы увидите, что так и должно быть. Клетки организма тоже умирают, и от них приходится избавляться. Что бы произошло, если бы удаление этих клеток вызывало реакцию антител, как происходит при разрушении чужеродных клеток? Мы бы умерли от анафилактического шока, еще будучи младенцами.

По этой причине организму приходится учить-

ся выборочно удалять клетки. Человеческое тело полностью усваивает урок лишь по прошествии месяца после рождения. В течение этого времени новорожденный младенец защищен антителами, которые он получает с молозивом, «первым молоком», из груди в течение трех или четырех дней с момента рождения. Он не может вырабатывать собственные; это, так сказать, не позволено до тех пор, пока он не научится очищать организм, не пуская в ход защитные механизмы. Любые мертвые клетки с отметкой «свои» должны быть уничтожены каким-либо другим путем.

— Это кажется достаточно понятным, — сказал Хэмлин. — Но к чему вы об этом говорите?

— Сейчас мы в таком положении, что различие между собственным и чужеродным больше не работает. Эти бактерии стали «своими» с помощью мутации. Другими словами, некоторые из их белковых молекул, возможно молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты, имеют конфигурацию или «опознавательные единицы», идентичные нашим клеткам, и организм не может их различить.

— Но как это связано с Преобразованием?

— Очень просто, — ответил Карсон. — То, чем мы здесь занимаемся, это наложение на

клетки тела — на все из них — нового набора опознавательных единиц под руководством лимфатических узлов и селезенки, которые являются органами, производящими антитела. Новые единицы достаточно сложны, и возможность копирования бактерий в процессе эволюции даже при усиленном отборе слишком мала, чтобы принимать её во внимание. Вот что такое Преобразование. Если хотите, мы покажем вам, как оно происходит.

Хэмлин затушил пятую сигарету в пепельнице Маджетта и задумчиво сложил вместе кончики пальцев. Карсон попытался угадать, сколько понятий о распознавательных метках впитал младший секретарь. Надо было признать, что он удивительно быстро схватывал абстрактные понятия, но конкретную теорию об иммунитете — как и все остальное в иммунологии — было практически невозможно объяснить неспециалисту, не важно, насколько умному.

— Этот процесс, — нерешительно произнес Хэмлин, — он занимает много времени?

— Около шести часов на каждого, и одновременно мы можем работать лишь с одним человеком. Понятно, что к концу века мы рассчитываем на вывод в поле не более семи отрядов. Если мы

хотим быстро завершить войну, это должны быть профессионалы.

— Значит — никаких мирных жителей, — подытожил секретарь. — Понятно. Окончательно вы меня не убедили, но, в любом случае, давайте посмотрим, как это делается.

Оказавшись внутри, младший секретарь старался изо всех сил, чтобы всё как следует рассмотреть. Комната, вырезанная в скале, была приблизительно две сотни футов высотой. Большую ее часть занимал корпус Преобразовательного монитора, механизма высотой с пятнадцатиэтажный дом и площадью примерно с городской квартал. Часовые охраняли его со всех сторон, и поверхность машины кишела техниками.

— Невероятно, — пробормотал Хэмлин. — Такой огромный объект и может обрабатывать только одного человека за раз?

— Вы правы, — откликнулся Маджетт. — К счастью, ему не приходится воздействовать непосредственно на каждую клетку. Он работает через кровь, преобразуя клетки посредством небольших изменений в химии сыворотки.

— Изменений какого рода?

— Ну, — начал Карсон, старательно подбирая

каждое слово, — это более или менее кладбищенский секрет, господин секретарь. Мы можем открыть вам следующее: машина использует огромную массу кристаллинов, сложных сахаров, они ведут себя как протеины, от которых зависит группа крови. Они внедряются в сыворотку в небольших количествах, под контролем ежесекундных анализов крови. Расчеты, с помощью которых определяются количество и конкретная природа каждого введенного химического препарата, очень сложны. Поэтому устройство имеет такие размеры. В общем, оно работает как искусственная почка.

— Я видел искусственные почки в больницах, — нахмурившись, произнес Хэмлин. — Они довольно компактные.

— Потому что их функция — удалять продукты обмена из крови пациента и восстанавливать жидкостный и электролитический баланс. Это лишь самые несущественные функции почек у высших млекопитающих. Основная же задача этого органа — химический контроль иммунитета. Если бы Вернет и Феннер знали это в 1949, когда формулировалась теория об иммунитете, мы уже давно бы имели Преобразование.

— Машина обязана своими размерами по боль-

шей части вычислительной секции, — подчеркнул Маджетт. — В организме эти вычисления проводит мозговой ствол, как орган, поддерживающий гомеостаз. Но мы не можем иметь мозговой ствол снаружи; он не находится под сознательным контролем. Как только тело будет преобразовано, оно переподготовит недоступный нам гипоталамус.

Неожиданно две вращающиеся двери у основания машины распахнулись, и оттуда появился передвижной операционный стол, направляемый двумя сопровождающими. На нем лежал человек, до подбородка накрытый белой простыней. Лицо пациента было неподвижным и почти таким же белым.

Хэмлин с явным замешательством смотрел на стол, выезжающий из огромной полости. Он спросил:

— Этот процесс — он болезненный?

— Нет, не совсем, — ответил Карсон. Его ужасно интересовало, чем был вызван вопрос, но он не осмеливался показывать это. — Но любая неосторожность с иммунными механизмами может привести к появлению симптомов: лихорадка, общее недомогание и т. д. Мы стараемся защитить наших людей, сперва проводя легкую шоковую

анестезию.

— Шок? — повторил Хэмлин. — Вы имеете в виду электрошок? Я не понимаю, как…

— Зовите это стрессовой анестезией. Мы даем человеку стероидный препарат, действие которого похоже на анестезию, которую организм вырабатывает в моменты сильнейшего стресса — скажем, на поле битвы или сразу после серьезного ранения. Она действует быстро и не имеет побочных эффектов. Между прочим, в этом нет секрета; применяемое лекарство — это 21-гидроксипрегнан-3,20-дионсукцинат натрия, использовавшийся еще в 1955.

— О, — только и вымолвил младший секретарь. Звучное название химического соединения произвело, как и надеялся Карсон, ритуально успокаивающий эффект.

— Джентльмены, — с колебанием произнес Хэмлин. — Джентльмены, у меня к вам довольно… довольно необычная просьба. И, я боюсь, достаточно эгоистичная. — Короткий нервный смешок. — Эгоистичная во всех смыслах, извините меня за каламбур. Вы можете не колеблясь отказать мне, но…

Казалось, он не способен продолжать. Карсон мысленно скрестил пальцы и вступил в разго-

вор:

— Вы хотели бы сами пройти процесс?

— Ну да. Да, именно так. Это кажется нецелесообразным? Мне следует знать, что я поддерживаю, не так ли? Знать это самому, из личного опыта, а не только из теории? Конечно, я понимаю, что нарушаю ваши принципы, но уверен, что вы не обратите это в какое бы то ни было политическое преимущество. И, возможно, не будет большим прегрешением, если вы преобразуете лишь одного простого человека наряду с семью тысячами ваших солдат.

Получилось, с Божьей помощью! Лицо Карсона, смотрящего на Маджетта, оставалось непроницаемым. Нельзя соглашаться слишком быстро.

Но Хэмлина было уже не остановить:

— Ваши сомнения мне понятны. Возможно, вы считаете, что я пытаюсь получить какое-нибудь преимущество или даже попасть на поверхность раньше моих последователей. Для вашего успокоения я с радостью пойду в ряды вашей наступательной армии. Не пройдет и пяти лет, как я смогу научиться некоторым техническим навыкам, полезным экспедиции. Все требующиеся документы будут подписаны незамедлительно.

— Едва ли это необходимо, — заметил Ма-

джетт. — После вашего Преобразования мы сможем просто сообщить об этом и сказать, что вы согласны присоединиться к наступательной кампании, когда придет время.

— А, — произнес Хэмлин, — вот в чем проблема. Нет, это поставит меня в трудное положение. И если нет другого пути…

— Извините, мы ненадолго, — сказал Карсон. Хэмлин кивнул, и доктор отвел Маджетта в сторону, чтобы их не могли услышать.

— Не переиграйте, — пробормотал он. — Вы перегибаете палку с этим разговором об огласке, полковник. Секретарь предлагает нам взятку, но он достаточно умен, чтобы понять, что цена, которую вы предлагаете, равна всей его политической карьере — он не станет платить так много.

— Что тогда? — хрипло прошептал Маджетт.

— Найти кого-нибудь, кто подготовит нечто вроде неофициального контракта, который Хэмлин предлагает подписать. Наложить на него гриф секретности, так что его вообще нельзя будет показать прессе. Наш секретарь достаточно хорошо знает, что такая секретность может быть нарушена, если наша политика когда-либо опередит президентскую проверку — и это удержит его от проведения такой проверки. Не

стоит требовать слишком многого. Когда он будет преобразован, ему придется пять лет жить со знанием того, что он *может* жить наверху в любое время, когда захочется — и у него нет ограничений, которые есть у наших людей. Держу пари, он свалит до того, как пройдут пять лет — и скатертью дорожка.

Они вернулись к Хэмлину, который рассеяно напевал, наблюдая за машиной.

— Я убедил полковника, — сказал Карсон, — что, когда придет время, ваши услуги в армии могут быть весьма ценными, господин секретарь. Если вы подпишете бумаги, то для вашей безопасности мы поместим их под гриф секретности, и тогда, думаю, мы сможем внести вас в сегодняшнюю программу процедур.

— Благодарю вас, доктор Карсон, — ответил Хэмлин. — Благодарю от всей души.

Через пять минут после инъекции Хэмлин, безучастный ко всему, исчез за вращающимися дверьми. Однако часовое обсуждение возможных последствий, проведенное в уединении офиса Маджетта, не принесло результатов.

— Это наш единственный шанс, — произнес Карсон. — Мы надеялись добиться этого от его визита, должным образом подстроенного под

обстоятельства. Все сводится к одному: Хэмлин пошел на риск, и он это знает.

— Но, — спросил Маджетт. — думаете, он был прав? Что насчет всех этих разговоров о массовом безумии?

— Я уверен, это правда, — голос Карсона дрожал, несмотря на все попытки доктора контролировать его. — В течение следующих пяти лет здесь будет тяжелее, чем когда-либо, полковник. Наше единственное утешение в том, что у неприятеля должна быть точно такая же проблема, и если мы сможем выбить их на поверхность…

— Тсс! — сказал Маджетт.

Карсон замолчал. Он удивился, почему сканер продержал человека за дверью так мало времени, а потом без всякого предупреждения пропустил его. Неужели проклятое создание нельзя научить стучаться?!

Вошедший был служащим гематологического отдела.

— Здесь предварительное краткое изложение по вашему «пациенту Х», доктор Карсон, — сказал он.

Отсалютовав Маджетту, служащий вышел. Карсон приступил к чтению. Через мгновение он покрылся холодным потом.

— Полковник, взгляните на это. Я ошибся. Ужасно ошибся. Я не видел образца, подобного образцу группы крови Хэмлина с тех пор, как был студентом-медиком, да и тогда это был всего лишь наглядный пример, а не живой пациент. Взгляните на этот образец с генетической точки зрения — миграционные факторы.

Он передал протокол через стол. Маджетт не был ученым, но он был необыкновенно способным администратором, из тех, что считают своей прерогативой знать частности, на которых в конечном счете основывается любой проект. Он едва ли прочел больше половины копии, когда его брови взлетели вверх.

— Карсон, мы не можем отправить этого человека в машину! Он…

— Он уже там, полковник, и вы это знаете. Если мы прервем процесс раньше срока, мы убьем его.

— Так давайте убьем его, — отрезал Маджетт. — Скажем, что он умер во время процесса. Страна будет нам только благодарна.

— Это вызовет адское количество неприятностей. Кроме того, у нас нет свидетельских показаний.

Маджетт взволнованно помахал протоколом.

— Это не доказательство ни для кого, кроме гематолога.

— Но, Карсон, этот человек — диверсант! — выкрикнул Маджетт. — Ни у кого, кроме азиата, не может быть такого состава крови! И он также не может быть продуктом плавильного котла — он классическая смесь, вполне возможно грузин. И каждое действие, произведенное им с тех пор, как мы впервые о нем услышали, было нацелено конкретно на нас — а еще более конкретно на то, чтобы обманом заставить нас поместить его в машину!

— Согласен, — угрюмо проговорил Карсон. — Надеюсь только на то, что у врага не очень много столь же блестящих агентов.

— Одного достаточно, — ответил Маджетт. — Он, несомненно, будет загружен катализирующими ядами до последнего эритроцита крови. Как только машина примется за его лимфу, мы пропали: перепрограммирование компьютера займет годы, если это вообще будет возможным. Процесс *просто необходимо* остановить!

— Остановить? — изумился Карсон. — Но он уже остановлен. Меня беспокоит другое. Машина прекратила работу 50 минут назад.

— Не могу поверить! Как она могла? У нее же

нет необходимой информации!

— Конечно, есть. — Карсон подался вперед, забрал у полковника карандаш и сделал аккуратную пометку возле одной из записей протокола. Маджетт уставился на помеченный пункт.

— Тромбоциты Rh VI? — пробормотал он. — Но какое отношение это имеет к… Ах да, понимаю. Этого типа тромбоцитов сейчас вообще не существует среди нашего населения, не так ли? По крайней мере, я никогда не видел его раньше.

— Нет, — по-волчьи ухмыляясь, ответил Карсон. — Он никогда не был распространен на Западе, а погром 1981 уничтожил его. Об этом знает только машина. Как только она сделает ему стандартную прививку анти-IV, его тромбоциты начнут разлагаться, и он будет признан негодным из-за начинающейся тромбоцитонии. — Он засмеялся. — Для своей собственной защиты! Но…

— Но он получает в машине закись азота, и в любом случае будет находиться под наркозом в течение шести часов — также для собственной защиты, — перебил Маджетт, глядя на Карсона с идиотской усмешкой. — Выйдя оттуда, он будет считать, что его преобразовали, и пошлет врагам сообщение, что отравил нашу машину, так что они будут уверены в том, что смогут выбить нас

наверх. И он пойдет кратчайшим путем — *по поверхности*.

— Да, — согласился Карсон. — Конечно, он пойдет по поверхности и обязательно умрет. Но что это даст нам? Мы не сможем скрыть, что он лечился здесь, если вообще будет проведено какое-либо расследование. А его смерть даст основания думать, что мы занимаемся мошенничеством. Общественность не давала нам покоя все это время! Тем не менее мы не заплатили музыканту — мы убили его. И «тромбоциты Rh VI» не будут достаточным объяснением ни для прессы, ни для последователей Хэмлина.

— Это меня не волнует, — проворчал Маджетт. — Кто об этом узнает? Он уйдет из нашей лаборатории крепким и здоровым. Он не умрет до тех пор, пока не выберется на поверхность. После этого мы сможем сочинить неплохой некролог для прессы. Героический государственный чиновник, известный политик, которому не терпелось вывести своих последователей на поверхность, умер от излишней поспешности. Преобразовательный проект с сожалением напоминает каждому, что никакая технология не опробована полностью…

Маджетт выдержал долгую паузу, во время

которой успел прикурить — весьма необычное действие для человека, никогда не курившего.

— Собственно говоря, Карсон, — произнес он, — это естественно.

Карсон согласился с ним. Казалось, это должно было сработать. А «Хэмлин» получит такое сложное свидетельство о смерти, какое заслужил — не официально, конечно, но в умах тех, кто знает правду. Причиной его смерти, когда она наступит, будет объявлена тромбоцитония, из-за которой его забраковала Преобразовательная машина — а тромбоцитония является болезнью младенцев. *Если вы не станете как дети…*

Анемия новорожденного была подходящей причиной для признания его негодным к наземной жизни.

Доктор тяжело вздохнул, даже не заметив, что сдерживал дыхание.

— Это правда, — мягко произнес он. — Пора расплатиться с музыкантом.

— Когда? — спросил Маджетт.

— Когда? — удивленно повторил Карсон. — Ну, *до того* как он *станет как дети*.

Сигнал

1

Джозеф Фабер слегка опустил газету. Увидев на садовой скамейке девушку, смотревшую на него, он улыбнулся вымученно смущённой улыбкой женатого человека, считающего ворон, и снова уткнулся в газету.

Он был абсолютно уверен, что выглядит как постоянно занятый, безобидный гражданин средних лет, наслаждающийся воскресным отдыхом от бухгалтерии и семейных обязанностей. Он был также вполне уверен, что, несмотря на официальные инструкции, даже если он и не выглядит таковым, это не будет иметь большого значения. Эти задания «юноша встречается с девушкой» всегда были успешными и никогда ещё не требовали его вмешательства.

Между прочим, газета, которую он использовал для прикрытия, интересовала его значительно больше, чем выполняемая работа. Десять лет назад, когда Служба завербовала его, он только начинал подозревать очевидное; теперь же, после десятилетнего пребывания агентом, он всё

ещё поражался тому, как гладко проходят действительно важные события. *Опасные* события — а не свидания.

Взять, к примеру, дело Туманности Чёрной Лошади. Несколько дней назад все газеты и комментаторы начинали свои репортажи с сообщений о возмущениях в этом районе, и тренированный глаз Джо сразу же выхватил основное. Назревало что-то крупное.

Наконец всё тайное стало явным: из Туманности Чёрной Лошади внезапно появились сотни кораблей, армада, вобравшая в себя более чем столетние усилия целого звёздного скопления. Это была атака, проводимая жестоким и наиболее изуверским образом…

И, конечно, Служба не зевала. Она послала в три раза больше кораблей в тщательно просчитанную точку Вселенной, чтобы уничтожить всю армию, когда та изверглась из Туманности. Это была настоящая бойня, атака противника провалилась ещё до того, как обычный гражданин мог бы начать высчитывать, куда она была направлена — и снова добро восторжествовало над злом.

Естественно.

Вдруг его внимание привлек звук шуршащих по гравию шагов. Он посмотрел на часы. Они по-

казывали 14:58:03. Это было время, когда «юноша должен был встретиться с девушкой».

Ему были даны строжайшие указания ни в коем случае не препятствовать этой встрече и действовать по инструкции, регламентирующей подобные ситуации. И, как обычно, ему ничего не оставалось больше делать, кроме как наблюдать. Встреча неизменно завершалась в нужное время и в заданной точке без какого-либо вмешательства со стороны Джо. Так было всегда.

Естественно.

Вздохнув, он сложил газету, улыбаясь парочке — конечно, это был тот самый человек — и, словно нехотя, двинулся прочь. Интересно знать, что бы случилось, если бы он отклеил фальшивые усы, бросил газету на траву и ускакал прочь с радостными воплями. Он подозревал, что ход истории не изменился бы даже на мгновение, но у него и в мыслях не было экспериментировать.

В парке было хорошо. Двойное солнце согревало дорожку и зелень, но совсем не тем губительным жаром, который придёт позже, летом. В общем, Рэндолф был самой комфортабельной планетой из тех, на которых он побывал за много лет, возможно, немного отсталой, но в то же время спокойной.

От Земли Рэндолф находился на расстоянии чуть более ста световых лет. Интересно все-таки, каким образом в штабе Службы, находящемся на Земле, узнали, что свидание состоится именно здесь и точно в 14:58:03.

Или, например, как штаб Службы смог с микрометрической точностью напасть из засады на большой межзвёздный флот, очевидно, не располагая другими сведениями, кроме пространных комментариев в газетах и по телевидению за последнюю неделю.

Пресса на Рэндолфе, так же как и везде, была свободной. Она печатала любые новости, которые удавалось получить. Чрезвычайное скопление кораблей Службы в районе Чёрной Лошади, так же как и где-либо ещё, было бы незамедлительно замечено и обнародовано. Служба не запрещала подобные сообщения ни по причинам безопасности, ни по любым другим. Но средства массовой информации ничего такого не говорили, а только: а) армада ошеломляющих размеров без предупреждения вырвалась из Туманности Чёрной Лошади, и б) Служба была к этому готова.

Сейчас стало уже банальным, что Служба была всегда ко всему готова. Вот уже в течение двух столетий у неё не случалось провала или даже

оплошности. И речи не могло быть о фиаско, этом волнующе звучащем слове, относительно возможности того, что свидание могло не произойти. Джо остановил кеб. Уже внутри он освободился от усов, лысины, морщин на лбу — всего того, что придавало ему беззаботно дружелюбный вид. Водитель наблюдал за всем этим процессом в зеркало заднего вида. Джо поднял глаза и встретился с ним взглядом.

— Простите меня, мистер, вас не беспокоит, что я вас увидел без усов? Должно быть, вы человек Службы.

— Верно. Доставите меня в Службу HQ?

— Конечно.

Водитель запустил двигатель, и кеб мягко поднялся на заданную высоту.

— Первый раз я так близко общаюсь с человеком Службы. Я едва поверил своим глазам, увидев, как вы снимаете лицо. Вы выглядели совершенно не так, как сейчас.

— Иногда приходится, — озабоченно ответил Джо.

— Бьюсь об заклад. Не удивительно, что вы знаете все обо всем до того, как оно случается. У каждого из вас, должно быть, тысяча лиц, ваша собственная мать не узнала бы вас, а? Вас не

волнует, что я теперь в курсе того, как вы, замаскировавшись, суете нос в чужие дела?

Джо ухмыльнулся. Усмешка вызвала слабое тянущее ощущение на его щеке прямо рядом с носом. Он оторвал торчащий кусок ткани и критически его осмотрел.

— Конечно, нет. Маскировка — это элементарная часть работы Службы. Любой может догадаться об этом. Собственно говоря, мы не часто ее применяем — только на очень простых заданиях.

— О, — водитель был слегка разочарован. Он помолчал минуту, а затем заключил: — Иногда я думаю, что Служба, должно быть, путешествует во времени. Предметы, которые они перетаскивают… Ну вот мы и на месте. Удачи, мистер.

— Спасибо.

Джо пошел прямо в офис Красны. Красна, уроженец Рэндолфа, обученный на Земле, хотя и подчинялся земному штабу, был себе на уме. Его лицо носило выражение спокойной и жесткой уверенности — выражение, характерное для представителей Службы, даже для тех, у кого не было лиц, чтобы носить его.

— Юноша встретил девушку, — кратко сказал Джо. — В нужное время и в нужной точке.

— Хорошая работа, Джо. Сигарету? — Красна толкнул пачку через стол.

— Нет, не сейчас. Хотел бы поговорить с тобой, если у тебя есть время.

Красна нажал на кнопку, и похожий на поганку стул выдвинулся из пола позади Джо.

— Что у тебя на уме?

— Ну, — осторожно начал Фабер, — я удивляюсь, почему ты только что выразил мне одобрение за несделанную работу.

— Ты сделал работу.

— Нет, — решительно ответил Джо. — Юноша встретился бы с девушкой независимо от того, был бы я здесь, на Рэндолфе, или же вернулся назад на Землю. Дела истинной любви идут с завидным постоянством. Это относится ко всем случаям свиданий, прошедшим как у меня на глазах, так и у любого другого агента, с которым я сравнивал записи.

— Ну хорошо, — улыбаясь, сказал Красна. — Они проходят именно так, как нам нравится и именно так, как мы ожидаем. Но, Джо, нам хочется иметь кого-то рядом, кого-то с репутацией изобретательного человека, просто на случай, если возникнет что-либо из ряда вон выходящее. Как ты мог заметить, такого практически не бы-

вает. Но — если бы было?

Джо фыркнул.

— Если то, что вы делаете, — всего лишь попытка создать предпосылки для будущего, любое вмешательство агента Службы отбросит нас дальше *от* цели. Мне известно многое о такой возможности.

— И что заставляет вас думать, что мы пытаемся строить будущее?

— Это очевидно даже для хопперов на вашей собственной планете; тот, который привез меня сюда, например, предполагает, будто Служба путешествует во времени. И правительствам, и населению в целом известно, что Служба ликвидирует серьёзные беспорядки на протяжении столетий и никогда ещё не было ни единой неудачи. — Джо пожал плечами. — И агенту не нужно сопровождать большого количества свиданий, чтобы понять: Служба таким образом охраняет будущих детей этих встреч. Следовательно, Служба *знает*, какими будут эти дети, и у неё есть причины хотеть, чтобы их будущее существование было гарантировано. Что ещё можно заключить из всего этого?

Красна достал сигарету и не спеша закурил; очевидно, он хотел обдумать свой ответ.

— Ничего, — наконец ответил он. — Конечно, у нас есть определённое предвидение. Мы не смогли бы создать себе имя только на шпионаже. Но, несомненно, есть и другие способы: например, генетика и операционное исчисление, теория игр, передатчик Дирака — целый арсенал, и, конечно, во всём этом велика роль предвидения.

— Понимаю, — ответил Джо, усевшись поудобнее. Передумав насчёт сигареты, он тоже закурил. — Но всё это не стыкуется с безошибочностью — и в этом качественное отличие, Крас. Возьмём, например, дело армады Чёрной Лошади. Предположим, что в тот миг, когда армада появилась, Земля услышала об этом от Дирака и начала снаряжать свою флотилию. Но ведь нужно *определенное время* для того, чтобы сосредоточить в одном месте корабли и людей, даже если система оповещения мгновенна.

— Флотилия Службы уже *была наготове*. Она так долго и без суеты создавалась, что никто этого даже не заметил до самого дня битвы. Лишь окружающие планеты начали что-то отслеживать и беспокоиться. Но они не слишком тревожились. Служба всегда побеждает — это подтверждено статистическими данными на протяжении столетий. *Столетий!* Боже, ты не представляешь,

сколько времени заняла бы у нас подготовка операции без Дирака! Дирак дает нам преимущество от десяти до двадцати пяти лет в действительно сложных случаях на окраинах галактики, но не более того.

Внезапно Джо почувствовал, что докурил сигарету до конца и обжег губы, и сердито отшвырнул её прочь.

— Это разные вещи, — сказал он, — знать в общих чертах, как собирается действовать враг или какие дети будут у заданной пары в соответствии с законами Менделя. Это значит, что у вас есть способ очень подробно предсказать будущее. Это противоречит тому, чему меня учили, но я вынужден верить тому, что вижу.

Красна рассмеялся. Казалось, он искренне доволен.

— Это очень грамотное представление. Думаю, ты помнишь, что был впервые привлечён в Службу, когда начал удивляться, почему известия всегда хорошие. Всё меньше и меньше людей удивляются этому сейчас; это стало частью их повседневной жизни. — Он встал и провёл рукой по волосам. — Теперь ты перешёл на следующую ступень. Поздравляю с повышением, Джо.

— В самом деле? — недоверчиво воскликнул

Джо. — Я пришёл сюда с мыслью, что могу быть уволен.

— Нет. Подойди поближе, и я покажу тебе кое-что интересное.

Красна снял крышку со стола, открыв небольшой экран. Джо послушно встал и обошел вокруг стола туда, где он мог видеть чистую поверхность.

— У меня есть типовая обучающая запись, посланная мне неделю назад в предвидении, что ты будешь готов к ее просмотру. Гляди.

Красна прикоснулся к пульту. В центре экрана появилась небольшая световая точка и снова исчезла. В то же время послышался короткий звуковой *сигнал*. Затем на экране появилось изображение.

— Как ты и подозревал, Служба вездесуща, — сказал Красна. — Вот то, что началось несколько столетий назад.

2

Дана Лье, отец которой был голландцем, а мать родилась на Целебесе, опустилась на стул, который указал ей капитан Робин Вейнбаум, и в ожидании скрестила ноги. Иссиня-черные волосы девушки сияли в свете ламп. Вейнба-

ум насмешливо смотрел на нее. Отец, давший девушке ее целиком европейское имя, был пикантно вознагражден, ибо в красоте его дочери не было ничего европейского. На взгляд стороннего наблюдателя Дана казалась особенно хрупкой девой Бали, несмотря на западное имя, одежду и уверенность в себе. Сочетание, уже миллионами признанное пикантным — теми миллионами, которые наблюдали ее телевизионную колонку — и Вейнбаум, на первый взгляд, также нашел ее очаровательной.

— Как одна из ваших самых последних жертв, — начал он, — я не уверен, что вы оказали мне честь, мисс Лье. Некоторые из моих ран до сих пор кровоточат. Но я сильно озадачен целью вашего посещения. Вы не боитесь, что я нанесу ответный удар?

— У меня не было намерения атаковать лично вас, и не думаю, что я это сделала, — серьезно ответила девушка. — И так достаточно ясно, что наша разведка по уши влезла в дело Эрскина. Сказать об этом было моей работой. Очевидно, вы должны были пострадать, так как вы глава Бюро, но в этом не было злого умысла.

— Слабое утешение, — сухо произнес Вейнбаум. — Но тем не менее спасибо.

Евразийская девушка пожала плечами.

— Это в любом случае не то, за чем я сюда пришла. Скажите, капитан Вейнбаум, вы когда-нибудь слышали о компании, называющей себя Межзвездная Информация?

Вейнбаум покачал головой.

— Звучит, как сыскное Бюро. В наше время это не очень лёгкое дело.

— Это именно то, что я подумала, впервые увидев шапку их письма. Но само письмо было не таким, какое написала бы частная фирма. Разрешите мне прочитать отрывок из этого послания.

Пошарив своими тонкими пальцами в кармане, она вытащила листок бумаги. Вейнбаум автоматически отметил, что это была простая перепечатка: она принесла с собой только копию, оставив оригинал дома. Тогда копия должна быть неполной — возможно, умышленно.

— Звучит примерно так: «Дорогая мисс Лье, как телекомментатору с широкой аудиторией и серьёзными возможностями вам необходимо иметь доступ к лучшим источникам информации. Мы бы хотели предложить вам наши бесплатные услуги в надежде доказать, что мы лучше, чем любой из источников информации на Земле. Поэтому ниже мы предлагаем несколько

предсказаний относительно событий, которые произойдут на Геркулесе и в так называемом районе Трёх привидений. Если эти предсказания исполнятся не меньше, чем на 100 %, мы просим вас принять нас на службу в качестве ваших корреспондентов в этих районах, на условиях, которые будут согласованы позже. Если же предсказания окажутся неправильными в *любом* аспекте, вам не нужно далее принимать нас во внимание».

— Н-да, — протянул Вейнбаум. — Это самоуверенные ребята, и это странное сочетание. Три привидения составляют только маленькую звездную систему, зато район Геркулеса может включать целое звёздное скопление и даже целую галактику, что составляет значительную часть неба. Этим вступлением они пытаются сообщить вам, что имеют тысячи собственных местных корреспондентов, может быть столько же, сколько и у правительства. Если так, то уверен, что они хвастаются.

— Но это действительно может быть так. Но перед тем, как принять решение, послушайте одно из двух предсказаний. — Письмо зашуршало у Даны в руке. — В 03:16:10 в день года 2090 межзвездный лайнер Хесс типа *Бриндиси* будет

атакован в окрестностях системы Трёх привидений четырьмя…

Вейнбаум сидел прямо, как стрела, на своем вращающемся стуле. Его голос задрожал от плохо скрываемой тревоги:

— Дайте мне посмотреть это письмо!

— Сейчас, — ответила девушка, спокойно поправляя юбку. — Очевидно, предчувствие меня не подвело. Я продолжаю: четырьмя хорошо вооруженными кораблями с опознавательными огнями флота Хаммерсмита-2. Корабль в это время будет находиться в точке с координатами 88-А-тета-88-алеф-Д, и, по существу, он будет…

— Мисс Лье, — проговорил Вейнбаум, — извините, что снова прерываю вас, но то, что вы уже сказали, позволит заключить вас под стражу, как бы громко ни протестовали ваши спонсоры. Я не знаю об этом Межзвёздном Бюро, а так же о том, действительно ли вы получили письмо, подобное тому, которое сейчас цитируете. Но могу сказать вам, что вы выказали знание информации, которая известна только вашему покорному слуге и ещё четырём людям. Слишком поздно напоминать вам, что всё сказанное может быть использовано против вас; всё, что я могу сказать сейчас, это то, что вам самое время замолчать!

— Так я и думала, — ответила она, нисколько не обеспокоившись. — *Известно*, что затем упомянутый лайнер пересечет эту точку и закодированное время совпадает с временем Вселенной. И на самом деле *Бриндиси* будет иметь на борту сверхсекретные средства связи?

— Вы умышленно пытаетесь заставить меня заключить вас под стражу? — вспылил Вейнбаум, заскрежетав зубами. — Или это всего лишь трюк, задуманный, чтобы показать мне, что в моем собственном отделе полно утечек информации?

— Можно повернуть и так, — признала Дана. — Однако нет, Робин, я была как могла искренна с вами. Я предлагаю вам честную сделку и не подвела бы вас. Если эта неизвестная организация обладает такой информацией, она, вероятно, легко получила её оттуда, откуда намекает: с поля сражения.

— Невозможно.

— Почему?

— Потому что информация о вопросе ещё даже не достигла моих *собственных* агентов на поле сражения, следовательно, она не смогла бы достигнуть Хаммерсмита-2, не говоря уж о системе Трёх привидений! Вы знаете, что письма следует доставлять на кораблях. Если мне нужно послать

приказы на ультракоротких волнах моему агенту в Трёх привидениях, то ему пришлось бы ждать триста двадцать четыре года до их получения. На корабле он сможет получить их чуть более чем за два месяца. Данные приказы находятся в пути к нему пять дней. Даже если кто-то прочитал их на борту лайнера, они не могут быть отправлены в Три Привидения быстрее, чем путешествуют сейчас.

Дана кивнула темноволосой головой.

— Хорошо. Тогда остается только утечка информации в вашем штабе?

— Да, конечно, — ухмыляясь, ответил Вейнбаум. — Лучше ответьте, кем подписано это письмо?

— Подписано: Дж. Шелби Стивенс.

Вейнбаум включил селекторную связь:

— Маргарет, поищите в бизнес-справочнике фирму, называющуюся Межзвёздная Информация, и выясните, кто её владелец.

— Разве вы не интересуетесь остальной частью предсказания? — спросила Дана Лье.

— Вы уверены в этом? Там говорится о том, как называется средство связи?

— Да.

— Что же это?

— Коммуникатор Дирака.

Вейнбаум тяжело вздохнул и снова включил селектор:

— Маргарет, позовите доктора Вальда. Скажите ему, чтобы он все бросил и поторопился. Что-нибудь удалось выяснить?

— Да, сэр, — ответил селектор. — Этой фирмой владеет один человек, Дж. Шелби Стивенс из Рико-Сити. Она была зарегистрирована в этом году.

— Арестуйте его по подозрению в шпионаже.

Дверь широко открылась и вошёл доктор Вальд. Его рост составлял шесть с половиной футов, у него были очень светлые волосы, и выглядел он неуклюжим и добрым, хотя и не слишком умным.

— Познакомьтесь, эта молодая леди — наша типографская немезида, Дана Лье. Дана, доктор Вальд — изобретатель коммуникатора Дирака, о котором у вас имеется чертовски много информации.

— Он *уже* отправлен? — спросил Вальд, изучая девушку с молчаливой медлительностью.

— Да, и более того — *намного* более. Дана, вы, по сути, неплохая девушка, и, по некоторым причинам, я доверяю вам, хотя в моей профессии доверять кому-либо глупо. Я задержу вас до Дня

Года, независимо от того, будет телепередача или нет. Вместо этого я хочу сейчас попросить вас разобраться в этом деле и собираюсь объяснить почему.

— Давайте.

— Я уже упоминал о том, как медленно осуществляется связь между звёздами. Нам приходится доставлять корреспонденцию на кораблях так же, как мы делали до изобретения телеграфа. Сверхвысокие энергии позволяют нам превышать скорость света, но не сильно и только на границах на действительно большие расстояния. Вам это понятно?

— Конечно, — ответила Дана. Она казалась немного раздражённой, и Вейнбаум решил побыстрее ей всё рассказать. После всего сказанного следовало признать, что она информирована лучше, чем средний обыватель.

— Что нам было уже давно необходимо, — сказал он, — так это некий способ мгновенной передачи сообщения из одного места в другое. Любое запаздывание по времени, независимо от того, каким бы малым оно не казалось сначала, имеет тенденцию к увеличению при увеличении расстояний. Рано или поздно мы должны получить этот мгновенный способ, или у нас

не будет возможности посылать сообщения из одной системы в другую достаточно быстро для того, чтобы поддерживать наш контроль над близлежащими районами космоса.

— Подождите, — вставила Дана. — Я всегда думала, что ультракороткие волны быстрее света.

— Теоретически это так, физически — нет. Вам это понятно?

Она покачала своей темноволосой головой.

— В двух словах, — сказал Вейнбаум. — Ультракороткие волны — это излучение, а всё излучение в открытом космосе ограничено скоростью света. Путь, который мы используем с ультракороткими волнами, — это старое применение теории управления волнами, в которой настоящая передача энергии происходит при скорости света, но воображаемая скорость фазы выше. Но этот выигрыш в скорости передачи невелик — с помощью ультракоротких волн мы доставляем сообщение на Альфа Центавра за год вместо почти четырёх. На более длинные расстояния этого недостаточно.

— А разве нельзя ещё более ускорить процесс, — спросила девушка, нахмурившись.

— Нет. Представим себе пучок ультракоротких волн между нами и Центавром в виде гусеницы.

Сама гусеница двигается достаточно медленно, точно со скоростью света. Но импульсы, проходящие по её телу, идут быстрее, чем она сама — это так, если вы когда-нибудь наблюдали за гусеницей. Но числу импульсов есть физический предел, и мы его уже достигли. Возможности фазовой скорости полностью использованы. Вот почему нам необходимо нечто более быстрое. Долгое время релятивистские теории лишали нас надежды получить что-нибудь быстрее, даже скорость управляемой волны с большим периодом не опровергает эту теорию; она просто нашла ограниченную математическую воображаемую петлю в них. Но когда Тор начал разбираться в вопросе скорости распространения импульса Дирака, он нашел ответ. Коммуникатор, который он разработал, похоже, способен действовать на больших расстояниях, на *любом* расстоянии, мгновенно — и он может разрешить вопрос о приложении теории относительности к данному предмету.

Лицо девушки выразило крайнее изумление.

— Не уверена, что меня обманули все технические точки зрения, — сказала она. — Но если бы у меня было какое-то представление о политической подоплёке всего этого…

— …Вы бы держались подальше от моего офиса, — угрюмо закончил Вейнбаум. — Хорошо, что вы этого не сделали. *Бриндиси* выносит модель коммуникатора Дирака к периферии для окончательной проверки. Предполагается, что корабль свяжется со мной оттуда в заданное земное время, которое мы рассчитали очень тщательно, чтобы учесть остаточные преобразования Лоренца и Ми льне, сопутствующие полету, и многие другие временные феномены, которые вам совсем ничего не скажут. Если сигнал поступит в заданное время, тогда кроме суматохи, которую это создаст среди физиков-теоретиков, когда мы раскроем секрет, у нас будет постоянный коммуникатор, и мы сможем объединить весь обитаемый космос в одну временную зону. И мы будем иметь огромное преимущество перед любым нарушителем, которому приходится прибегать к ультракоротким волнам местного масштаба и к письмам, перевозимым кораблями в длительных рейсах.

— Нет, — сердито подытожил доктор Вальд, — если это уже стало известным.

— Остается выяснить, что именно известно, — сказал Вейнбаум. — Принцип работы устройства довольно специфический, Тор, и одно название не скажет многого даже искусному ученому. Я

думаю, что таинственный осведомитель Даны не вдавался в технические детали… Или вдавался?

— Нет, — ответила девушка.

— Говорите правду, Дана. Я знаю, что вы замалчиваете часть письма.

Она слегка вздрогнула.

— Хорошо — да, замалчиваю. Но там нет ничего технического. Это другая часть предсказания, раскрывающая число и класс кораблей, которые вы пошлете на защиту *Бриндиси*. Между прочим, там говорится, что их будет достаточно. И я никому ничего не сказала, чтобы увидеть, не противоречит ли это остальному. Если нет, я думаю, я бы стала корреспондентом.

— Если нет, — твердо произнес Вейнбаум, — вы бы стали преступником. Посмотрим, что сможет сделать читающий мысли Дж. Как-его-там Стивенс в подземелье форта Яфанк.

3

Вейнбаум зашёл в камеру Стивенса, закрыл за собой двери, передал ключи охраннику и уселся на ближайшую табуретку. Заключенный улыбнулся слабой благожелательной улыбкой пожилого человека, отложив свою книгу в сторону. Вейнбаум знал, что с тех пор, как его люди

поработали над ней, книга представляла собой всего лишь томик приятных, безобидных стихов поэта новой династии Нимса.

— Оказались ли наши предсказания точными, капитан? — спросил Стивенс высоким музыкальным голосом, похожим на детское сопрано.

Вейнбаум кивнул. — Вы до сих пор не хотите рассказать нам, как вы это сделали?

— Но я уже рассказал, — запротестовал глава компании. — Наша разведывательная сеть радиотрансляционных установок — лучшая во Вселенной, капитан. Как показали события, она даже превосходит вашу замечательную организацию.

— Могу признать: её результаты превосходны, — мрачно произнес Вейнбаум. — Если бы Дана Лье проигнорировала ваше письмо, мы бы потеряли *Бриндиси* и преобразователь Дирака. Между прочим, предсказывало ли ваше подлинное письмо точное число кораблей, которое мы бы послали?

Стивенс любезно кивнул; при этом его аккуратно подстриженная белая борода слегка выпятилась вперёд.

— Этого я и боялся. — Вейнбаум подался вперёд. — Стивенс, у вас есть преобразователь

Дирака?

— Конечно, капитан. Как иначе смогли бы мои корреспонденты передавать мне информацию с эффективностью, которую вы наблюдали?

— Тогда почему же наши приёмники не уловили передачи ваших агентов? Доктор Вальд говорит, что передачи Дирака улавливаются всеми без исключения устройствами, настроенными на них. На данной стадии мы передаем настолько мало, что почти с абсолютной точностью уловили бы любое сообщение, не исходившее от наших приборов.

— Не сочтите меня невежливым, но я отказываюсь отвечать на этот вопрос, — слегка дрожащим голосом произнес Стивенс. — Я старик, капитан, и это разведывательное агентство — основной источник моего дохода. Если бы я рассказал вам, как мы действуем, мы бы лишились всех преимуществ перед вашей службой, кроме ограниченной свободы от секретности, которой мы обладаем. Квалифицированные юристы заверили меня, что я имею право действовать в частном Бюро расследований, лицензированном должным образом, в любой области, которую я захочу выбрать; И у меня есть право хранить мои методы в тайне, как так называемую «интеллектуальную

собственность» моей фирмы. Если вы хотите использовать нашу службу — очень хорошо. За соответствующую плату мы будем полностью снабжать вас гарантированной информацией. Но наши методы — это наша собственность.

Робин Вейнбаум криво усмехнулся.

— Мистер Стивенс, я далеко не наивный человек, и моя служба так же не наивна. Вам, как и мне, хорошо известно, что правительство не может разрешить вам действовать не по найму, снабжая сверхсекретной информацией любого, кто заплатит за нее, даже если вы получили эту информацию не путем шпионажа — что, между прочим, я не исключаю. Если вы сможете в точности воспроизвести это представление с *Бриндиси* по своему желанию, нам придётся использовать только ваши службы. Короче говоря, вы становитесь гражданским служащим моего Бюро.

— Полностью, — по-отечески улыбнулся в ответ Стивенс. — Мы, конечно, предвидели это. Однако мы рассматриваем другие соглашения, в частности с Эрскиным. Если нам придётся работать исключительно для Земли, возможно, наши тарифы будут включать и компенсацию за отказ от других выгодных предложений.

— Почему же? Патриотично настроенные

общественные служащие работают на свои правительства себе в убыток, если не могут иначе.

— Мне это прекрасно известно. Я вполне готов отказаться от других предложений. Но мне требуется плата.

— Сколько? — спросил Вейнбаум, до боли сжав кулаки.

Казалось, Стивенс задумался, медленно покачивая старчески седой головой.

— Нужно посоветоваться с моими компаньонами. Однако на первый случай будет достаточно суммы, равной той, которая расходуется на ваше Бюро, с последующими переговорами.

Вейнбаум резко вскочил, широко открыв глаза:

— Старый пират! Ты не хуже моего знаешь, что я не могу тратить весь бюджет на одну единственную гражданскую службу! Тебе разве не приходило в голову, что большинство гражданских компаний, работающих на нас, действуют по дополнительным контрактам, и что нашим гражданским служащим оплачивают только один кредит в год, по их собственному выбору? Ты требуешь почти две тысячи кредитов от своего собственного правительства и в то же время настаиваешь на легальной защите, которую оно

и так предоставляет тебе, чтобы позволить тем фанатикам на Эрскине увеличить цену!

— Цена умеренная, — заявил Стивенс. — Оплата соответствует работе.

— В этом ты не прав. Изобретатель устройства работает на нас. Мы можем найти способ применения устройства, которым ты торгуешь, менее чем за половину суммы, которую ты просишь. Можешь быть полностью уверен в этом.

— Опасное заблуждение, капитан.

— Возможно. Скоро увидим! — Вейнбаум свирепо посмотрел на невозмутимого старика. — Я уполномочен заявить вам, что вы свободны, мистер Стивенс. Мы не смогли доказать, что вы получили информацию каким-либо незаконным способом. Вы классифицировали факты, которые были в вашем распоряжении. И ваша привилегия как гражданина — делать догадки, независимо от образования. Но рано или поздно мы с вами справимся. Если бы вы были благоразумны, вы могли бы оказаться с нами в хороших отношениях, ваш доход был бы гарантирован политически, и вы стали бы полноценной уважаемой личностью. Теперь же, однако, вы — объект цензуры и даже представить себе не можете, насколько это может быть унизительно. Я позабочусь о том, чтобы

вы это узнали. Больше не будет сенсаций для Даны Лье или для кого-либо ещё. Я хочу видеть подробную копию любого документа, который вы предоставляете любому клиенту вне Бюро. Каждое слово, нужное мне, будет использовано, и вам заплатят за него один цент — именно столько ФБР платит любому анонимному осведомителю. Всё, что покажется мне бесполезным, будет уничтожено без сожаления. Со временем у нас появится модификация Дирака, которую используете вы, и когда это случится, вы вконец разоритесь.

Вейнбаум перевёл дух, поражённый собственной яростью.

Высокий голос Стивенса прозвучал в глухой камере без окон:

— Капитан, я нисколько не сомневаюсь, что вы можете проделать всё это со мной, хотя и не полностью. Но это ни к чему не приведет. Я бесплатно дам вам прогноз. Он гарантирован, как и все наши предсказания. Вот он: *вы никогда не найдёте такой модификации*. Возможно, я сам дам ее вам, но вы никогда не найдёте ее самостоятельно и не отнимете у меня. В скором времени вы не сможете прочитать ни слова из копии. Хоть вы и орудие правительства, я могу позволить себе подождать, пока вы выйдите из игры.

— Все это пустые угрозы, — ответил Вейнбаум.

— Это факты. То, что сказали вы, и есть пустые угрозы — болтовня, ни на чём больше не основанная, кроме как на надежде. Я, однако, *знаю*, о чем говорю… Но давайте завершим дискуссию. Она бесцельна; вам необходимо увидеть, как я докажу свою точку зрения. Спасибо за предоставленную свободу. Мы продолжим наш разговор при других обстоятельствах — дайте подумать — да, 9 июня 2091 года. Тот год, думаю, будет полностью наш.

Стивенс снова взял свою книгу, с безвредным и добрым выражением кивая Вейнбауму; руки его старчески дрожали. Вейнбаум беспомощно двинулся к двери и повернул ключ. Сквозь закрывающуюся решетку до него донесся голос заключенного:

— Да, счастливого Нового года, капитан.

Вейнбаум мчался обратно в свой офис, злой как тысяча чертей, имея довольно мрачное представление о своем возможном будущем. Если окажется, что второй прогноз Стивенса будет таким же феноменально точным, как и первый, капитан Робин Вейнбаум вскоре будет торговать поношенной форменной одеждой.

Он бросил свирепый взгляд на свою секретаршу Маргарет Соме; она не отвела глаза, так как

слишком давно его знала, чтобы испугаться.

— Есть что-нибудь? — спросил капитан.

— Доктор Вальд ждет вас в вашем офисе. Получено несколько полевых сообщений и пара Дираков лично вам. Удалось что-нибудь со старым чудаком?

— Это, — важно ответил он, — большой секрет.

— Уф. Это значит, что кроме Дж. Шелби Стивенса никто так и не знает ответа.

Внезапно Вейнбаум потерял присутствие духа и бросил:

— Вы совершенно правы. Именно так и есть. Но рано или поздно мы принудим его раскрыться. Нам придётся это сделать.

— Вы это сделаете, — сказала Маргарет. — Есть ещё что-нибудь для меня?

— Нет. Сообщите канцелярским работникам, что сегодня короткий день, затем послушайте музыку, или пообедайте, или что-нибудь на выбор. Мне и доктору Вальду нужно отправить несколько частных телеграмм, и, хотя я горько ошибаюсь, есть личная бутылочка водки для опорожнения.

— Правильно, — заметила секретарша. — Выпейте её за меня, шеф. Я знаю, что после водки хорошо пить пиво, и послала за ним.

— Если вы вернётесь после того, как я напьюсь

в стельку, — добавил Вейнбаум, чувствуя себя уже немного лучше, — я поцелую вас за вашу заботу. Думаю, это надолго задержит вас у стерео.

Когда он выходил из офиса, она сдержанно сказала вслед:

— Конечно, так и будет.

Однако, как только дверь закрылась, его настроение стало почти таким же мрачным, как и до этого. Несмотря на свою относительную молодость — ему было только пятьдесят пять, — он находился в службе уже долгое время, и ему не нужно было рассказывать о возможных последствиях, которые могли иметь место, если преобразователь Дирака попадет в частные руки. Если бы когда-нибудь в Галактике существовала Федерация Человека, во власти Дж. Шелби Стивенса было разрушить её еще до ее появления. И, казалось, с этим ничего нельзя было бы поделать.

— Привет, Тор, — мрачно сказал он. — Передай бутылку.

— Привет, Робин. Чувствую, дела плохи. Рассказывай.

Вейнбаум кратко посвятил его в курс дела.

— И самое плохое во всём этом то, — закончил он, — что сам Стивенс предсказывает, будто мы

не найдем модификацию Дирака, которую он использует, и, следовательно, нам придётся купить её за назначенную им цену. Почему-то я верю ему, но не могу понять, как это возможно. Если бы мне пришлось рассказать Конгрессу, что я собираюсь полностью потратить свои ассигнования на единственную гражданскую службу, меня бы выгнали не позднее трёх следующих сессий.

— Возможно, это не настоящая цена, — предположил учёный. — Если он хочет поторговаться, то, естественно, начнёт с требований, далеко превосходящих его реальные запросы.

— Несомненно, несомненно… но, кладя руку на сердце, Тор, если бы у меня была возможность избежать этого, я бы отказался дать даже единственный кредит старому негодяю. — Вейнбаум вздохнул. — Ладно. Давай посмотрим, что пришло нам из поля.

Тор Вальд молча отодвинулся от стола Вейнбаума, в то время как офицер развернул сообщение и включил экран Дирака. Записи, о которых упоминала Маргарет, были аккуратно сложены рядом с ультрафоном, устройством, которое ещё несколько дней назад Вейнбаум считал безнадёжно устаревшим. Он заправил первую в Дирак и повернул главный рычаг в положение «пуск».

Экран тут же стал белым, и громкоговорители издали почти сразу же прекратившийся рёв — сигнал, который, как уже знал Вейнбаум, имел продолжительный диапазон от 30 до 18 000 колебаний в секунду. Затем свет и шум исчезли, словно их и не было; вместо этого появилось знакомое лицо и раздался голос подчиненного Вейнбаума из Рико-Сити.

— В методе работы преобразователей в офисах Стивенса нет ничего необычного, — без всякого вступления доложил служащий. — И нет никаких местных сотрудников Межзвёздной Информации, кроме одной очень глупой стенографистки. Всё, чего мы смогли от неё добиться, это фраза, что Стивенс «такой приятный старичок». Нет причин думать, что она дурачится: она абсолютно глупа, из породы тех, что думают, будто Бетельгейз — это то, чем индейцы красят свою кожу. Мы искали что-то вроде списка или зашифрованной таблицы, которые помогли бы протянуть ниточку к полевым служащим Стивенса, но всё безрезультатно. Сейчас мы устанавливаем на стыке улиц круглосуточные часы Динвиди. Какие будут указания?

Вейнбаум надиктовал на чистую полоску бумаги следующее: «Маргарет, когда в следующий

раз вы будете посылать сюда какие-либо записи Дирака, первым делом уберите из них этот проклятый сигнал. Скажите ребятам в Рико-Сити, что Стивенса освободили и что я в целях безопасности приступаю к прослушиванию его переговоров по ультрафону и по местным линиям — уверен, мы сможем убедить суд, что прослушивание необходимо. Также (и будьте абсолютно уверены, что зашифровали это) велите им начать прослушивание немедленно, независимо от того, разрешит это суд или нет. Вероятно, я напечатаю для них более полную проповедь. Мы не можем играть в куличики со Стивенсом: его возможности слишком велики. И, Маргарет, отправьте сообщение с курьером и отдайте общий приказ больше не использовать Дирак, за исключением тех случаев, когда расстояние и время превышают среднюю величину. Стивенс уже признался, что он может получать сообщения Дирака».

Он отложил микрофон и мрачно уставился на деревянное эриданское покрытие своего стола. Вальд вопросительно кашлянул и подал водку.

— Извини, Робин, — сказал он, — но мне следовало подумать о том, что это сработает двояко.

— Так же, как и мне. Но следует признать, что мы никогда не получали ничего кроме слухов

как от Стивенса, так и от его агентов. Я не могу придумать способ, которым можно чего-либо добиться, но, очевидно, он существует.

— Хорошо, давай ещё раз обдумаем проблему и посмотрим, что мы имеем, — сказал Вальд. — Я, конечно, не хочу говорить так перед лицом молодой леди (я имею в виду мисс Лье, а не Маргарет), но правда то, что Дирак, по сути, старое устройство. И на самом деле я сомневаюсь, существует ли способ передачи по нему сообщения, который нельзя обнаружить — изучение теории при этом условии может дать нам нечто новое.

— При каком условии? — спросил Вейнбаум. Тор Вальд намного опережал его в этом вопросе.

— Дело в том, что передача Дирака *не обязательно* доходит до всех коммуникаторов, способных принять её. Если это так, то причины, по которым это происходит, должны вытекать из теории.

— Понимаю. Продолжим рассуждение. Я просматривал досье Стивенса, пока вы разговаривали, и могу сказать, что это тёмный лес. Там нет никакой секретной информации о пресловутом главе компании, кроме открытия офиса в Рико-Сити. Голову даю на отсечение, он использовал псевдоним, когда я первый раз разговаривал с

ним. Я спросил, что значит «Дж.» в его имени, на что он ответил: пусть это будет Джером. Но кто скрывается за этим псевдонимом…

— Возможно ли, что он использует собственные инициалы?

— Нет, — ответил Вейнбаум. — Обычно только глупцы так делают. Более умные либо меняют местами слоги, либо вообще исключают любую связь с собственным именем. Это люди с серьезными эмоциональными проблемами, люди, которые предпочитают оставаться неизвестными, но дают ключи. И ключи эти в действительности — крик о помощи, желание открыться. Конечно, мы работаем в этом направлении: нельзя ничем пренебрегать, но я уверен, что Дж. Шелби Стивенс — не такой человек. — Вейнбаум резко встал. — Ладно, Тор, что на первом месте в твоей технической программе?

— Так… Я предполагаю, что нам следует начать с проверки используемых частот. Возьмем прием Дирака: он работает очень хорошо, так же, как и всегда. Это движение позитрона через кристаллическую решётку, сопровождающееся колебаниями де Брогля, которые, по сути, являются преобразованными колебаниями электрона в любой точке Вселенной. Таким образом, если

мы управляем частотой и движением позитрона, мы управляем положением электрона — заставляем его появляться в цепях преобразователя в нужном месте. После всего этого остаётся лишь усилить вспышки и прочитать сигнал.

Вейнбаум, нахмурившись, покачал светловолосой головой.

— Если Стивенс выведывает сообщения, которые мы не принимаем, мое первое предположение заключается в следующем: он разработал хорошо настроенную цепь, которая более чувствительна, чем наша, и так или иначе протаскивает свои сообщения под нашими. Насколько я могу судить сейчас: единственный способ, которым это можно сделать, — что-то действительно фантастическое в методе точного контроля частоты его позитронной пушки. Если это так, то логично будет вернуться к началу наших испытаний и повторить наши дифракции, чтобы посмотреть, сможем ли мы повысить точность измерений частот позитрона.

Ученый делал это заключение с таким мрачным видом, что завеса безысходности окончательно накрыла Вейнбаума, пытающегося приободрить собеседника.

— Непохоже, чтобы ты ожидал обнаружить

что-то новое.

— Нет. Видишь ли, Робин, в физике кое-что изменилось по сравнению с двадцатым веком. В те времена предполагалось, что физика безгранична — классическое заявление было сформулировано Вейлем, который сказал: «Основное свойство материи — это её неисчерпаемость». Теперь нам известно, что это не так, за исключением дистанционных ассоциативных видов пути. Физика в наше время — ограниченная и самодостаточная наука; она по-прежнему охватывает огромные области, но её больше нельзя считать бесконечной. В физике элементарных частиц это более очевидно, чем в любом другом разделе науки. Половина проблем, возникавших у физиков прошлого столетия, была связана с геометрией Евклида — вот почему они так часто использовали усложнённую релятивистскую теорию, — а эту геометрию линий можно бесконечно подразделять. Когда Кантор доказал, что, говоря математическим языком, бесконечность действительно существует, казалось, это окончательно решит и вопрос о возможности существования бесконечной физической Вселенной.

Взгляд Вальда стал рассеянным, и он сделал паузу, чтобы быстро проглотить такую порцию

лакричной водки, которая заставила бы волосы Вейнбаума встать дыбом.

— Помнится, человек, который много лет назад преподавал нам теорию цепей в Принстоне, говорил, что существует множество бесконечных пространств. То был безумный старик!

Вейнбаум поспешно схватил бутылку.

— Продолжай, Тор.

— О, — прищурился Вальд. — Да, теперь мы знаем, что геометрия, которую можно применять к элементарным частицам, таким как позитрон, ни в коем случае не Евклидова. Это геометрия не линий, а точек, геометрия Пифагора. Если вы измерили один из параметров, вы можете делать это до необходимого предела, и не важно, какое количество вы измеряете. С этой точки зрения, Вселенная становится прерывистой и дальнейшее усовершенствование ее невозможно.

Я бы тоже сказал, что наши измерения частот позитрона уже исчерпали свой предел. Во Вселенной нет элемента с большей плотностью, чем плутоний. Тем не менее у нас получаются одинаковые значения частоты при дифракции через кристаллы плутония и через кристаллы осмия — ни малейшего различия. Если Дж. Шелби Стивенс оперирует на языке долей этих величин,

то он совершает действие, которое органисты называют «мгновенной игрой». Таковое действие вы можете представлять в теории, но на самом деле его невозможно осуществить. Ик.

— Ик? — переспросил Вейнбаум.

— Извини. Это просто икота.

— Хорошо, возможно, Стивенс каким-то образом перестроил орган?

— Если он перестроил метрическую систему Вселенной, чтобы зарегистрировать частную фирму, копирующую следы, — твёрдо сказал Вальд, — то я не вижу причины, по которой мы не можем противостоять ему… ик… объявив всю Вселенную несуществующей и пустой.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Вейнбаум. — Я не намеревался заводить твои аналогии так далеко — просто спросил. Но, в любом случае, давай продолжим работу. Мы не можем позволить Стивенсу выйти сухим из воды. Если всё, касающееся частоты, окажется таким безнадёжным, каким представляется, попробуем что-нибудь ещё.

Вальд сычом уставился на бутылку с водкой.

— Прелестная задача, — сказал он. — Я когда-нибудь пел тебе песню, которая в Швеции называется «Нат-ог-Даг»?

— Ик, — высоким фальцетом, к собственному

удивлению, ответил Вейнбаум. — Прости. Нет. Давай послушаем.

Компьютер занимал целый этаж здания Безопасности; его, по-видимому, одинаковые группы лежали бок о бок на полу вдоль выдвинутой вперёд патологической структуры, «заполняющей пространство» петли Пеано. К выходному концу был подсоединён пульт управления с большим телевизионным экраном в центре, около которого расположился доктор Вальд. Вейнбаум молчал, нетерпеливо заглядывая через его плечо.

Экран показывал некий образец, который, кроме того что был нарисован зелёным цветом на тёмно-сером фоне, по структуре сильно напоминал хорошо отполированное красное дерево. Фотографии похожих образцов были прикреплены к столу справа от ученого, а некоторые просто валялись на полу.

— Вот оно, — выдохнул Вальд. — И я не удержусь от фразы «об этом я и говорил». Робин, ты вынудил меня подтвердить около половины основных постулатов физики элементарных частиц, поэтому я и потратил так много времени несмотря на то, что это был первый проект, который мы начали.

Он выключил экран.

— Определённо, у Дж. Шелби больше нет лазеек.

— Если бы ты сказал «это окончательно», вот была бы шутка, — угрюмо сказал Вейнбаум. — Посмотри… разве здесь не может скрываться ошибка? Если не по твоей вине, Тор, то по вине компьютера? В конце концов, он настроен на работу с элементами заряда современной физики; не следует ли нам разъединить цепи, которые содержат это смещение, до того, как устройство будет выполнять данные нами инструкции, связанные с элементами заряда?

— «Разъединить», говорит он, — усмехнулся Вальд, непроизвольно потирая бровь. — Мой друг, смещение существует в любом устройстве, потому что оно функционирует везде, на одних и тех же элементах заряда. Это не повод для вычитания группы; нам пришлось добавить ещё одну с собственным смещением, чтобы скорректировать исправления, которые компьютер в противном случае внес бы в наши инструкции. Техники решили, что я спятил. Теперь, по прошествии пяти месяцев, я доказал, что был прав.

Вейнбаум криво улыбнулся над собственной недогадливостью.

— А что насчёт остальных планов?

— Между прочим, некоторое время назад всё это было осуществлено. Мы вместе со служащими проверили каждую отдельную запись Дирака, которую получили после освобождения Дж. Шелби из Яфанка, на любой признак взаимомодуляции, побочных сигналов или ещё чего-нибудь в этом роде. Ничего, Робин, абсолютно ничего. Это наш конечный результат по всем статьям.

— Который оставляет нас на исходных позициях, — заключил Вейнбаум — Все планы наблюдения привели к той же мёртвой точке. Я сильно подозреваю, что Стивенс не рискнул звонить своим служащим из домашнего офиса, хотя, казалось, был абсолютно уверен, что нам никогда не удастся перехватить эти звонки, как не удавалось до сих пор. Даже наша местная станция перехвата сообщений не зафиксировала ничего, кроме звонков секретаря Стивенса, назначающего деловые встречи с различными клиентами, существующими и потенциальными. Любую информацию, которую он сейчас продает, он передает лично, а не из офиса; наши жучки, расставленные там, ничего не уловили.

— Это должно очень сильно ограничить сферу его деятельности, — возразил Вальд.

Вейнбаум кивнул:

— Без сомнения, но он не проявляет никаких признаков беспокойства по этому поводу. Например, в последнее время он не мог послать какие-либо сведения на Эрскин, потому что наша последняя неразбериха с этой командой обернулась очень хорошо для нас, даже несмотря на то, что пришлось использовать Дирак для посылки приказов нашему эскадрону. Если он и подслушивал нас, то даже не пытался ничего передать. По его словам, он занимается вымогательством, — Вейнбаум сделал паузу. — Подожди минуту, сюда идет Маргарет. И, судя по её шагам, я бы сказал, что она задумала нечто особенно неприятное.

— Клянусь, это так, — мстительно сказала Маргарет Соме. — Провалиться мне на этом месте, если я не угадала. В конце концов команда Аи Ди вычислила Дж. Шелби Стивенса при помощи одного только голосового компаратора.

— Как он работает? — поинтересовался Вальд.

— Мерцающий микрофон, — нетерпеливо ответил Вейнбаум. — Разделяет интонации на отдельные, как правило ударные, слоги и совмещает их. Обычная поисковая техника Аи Ди, как раз на случай такого рода, но это занимает так много времени, что мы обычно получаем информацию другими средствами. Ну, не стойте

как истукан, Маргарет. Кто он?

— Он, — усмехнулась Маргарет, — ваша любимая звезда телеэкрана мисс Дана Лье.

— Они спятили! — сказал Вальд, уставившись на нее.

Вейнбаум постепенно оправился от первого шока.

— Нет, Тор, — наконец сказал он. — Нет, это вполне вероятно. Если женщина собирается маскироваться, есть два типажа, которые она может использовать: юноша и старик. А Дана настоящая актриса, это для нас не новость.

— Но… но зачем она это сделала, Робин?

— Вот это мы сейчас и будем выяснять. Так значит, мы бы не получили модификацию Дирака своими силами, а? Ладно, есть другие способы получить ответы, кроме физики элементарных частиц. Маргарет, у вас есть ордер на арест этой девушки?

— Нет, — ответила секретарша. — Я хотела, чтобы вы сами разобрались с этим. Вы даете мне полномочия, и я посылаю ордер — не раньше.

— Язвительное дитя. Тогда отправьте его, и хвала моим усилиям. Пошли, Тор, расколем этот орешек.

Когда они выходили из компьютерного зала,

Вейнбаум внезапно остановился, словно громом пораженный, и начал что-то бормотать.

— Что случилось, Робин? — спросил Вальд.

— Ничего. Меня все еще волнуют эти предсказания. Какое сегодня число?

— Ммм… Девятое июня. А что?

— Проклятие, «Стивенс» предсказал, что именно в этот день мы встретимся снова! Что-то подсказывает мне, что все будет не так просто, как кажется.

Если Дана Лье и имела какое-то представление о том, во что она втянулась (учитывая тот факт, что именно она являлась «Дж. Шелби Стивенсом»), было совсем не похоже, что это ее пугало. Она с присущей ей безмятежностью сидела напротив Вейнбаума, курила свою вечную сигарету и ждала, скрестив ноги так, что ее колено указывало прямо на офицерский нос.

— Дана, — начал Вейнбаум, — на сей раз мы собираемся узнать все и не будем церемониться. Просто (на случай, если вы не знаете этого) есть конкретные законы, связанные с передачей ложной информации офицеру охраны, по которым мы можем посадить вас в тюрьму как минимум на пятнадцать лет. Во-первых, это Устав о запрещении использования средств сообщения с

целью обмана, во-вторых, различные местные законы, запрещающие трансвестизм, псевдонимы и так далее. Мы, очевидно, могли бы накопить достаточно добавочных сроков, чтобы держать вас в Яфанке до тех пор, пока у вас *действительно* не вырастет борода. Так что я советую вам открыться.

— У меня самой есть такое намерение, и я без колебаний это сделаю, — ответила Дана. — Я знаю, практически слово в слово, как будет продолжаться этот разговор, какую информацию я собираюсь вам выдать и когда именно. Даже в курсе, сколько вы собираетесь за нее заплатить. Я знала все это много месяцев назад. Поэтому у вас не будет оснований меня задерживать.

— То, что вы говорите, мисс Лье, — покорно произнес Тор Вальд, — означает, что будущее предопределено и вы можете прочитать его до мельчайших деталей.

— Именно так, доктор. Обе эти вещи являются правдой.

На минуту воцарилось молчание.

— Хорошо, — угрюмо согласился Вейнбаум. — Говорите.

— Прекрасно, капитан Вейнбаум, заплатите мне, — спокойно ответила Дана.

Вейнбаум хрюкнул.

— Но я вполне серьезна, — сказала она. — Вы все еще не располагаете сведениями, что именно мне известно о коммуникаторе Дирака. Меня не заставишь этого рассказать, угрожая тюрьмой и тому подобным. Видите ли, я знаю наверняка, что вы не собираетесь отправлять меня в Яфанк, или давать мне наркотики, или еще что-нибудь в этом роде. Наоборот, я знаю, что вы заплатите мне, поэтому будет глупо говорить что-либо, пока вы этого не сделаете. В конце концов, вы покупаете настоящий секрет. Как только я открою его вам, вы и вся Служба сможете читать будущее, как это делаю я, и тогда подобная информация потеряет для меня всякую ценность.

Вейнбаум на минуту погрузился в молчание. Наконец он сказал:

— Дана, у вас сердце из чистейших денег, так же как и колено с невидимым прицелом. Я *не* собираюсь сообщать вам мою цель, невзирая на то, что может или не может сказать о ней будущее. Я не собираюсь выдавать ее вам, потому что способ, которым мое правительство — и ваше — управляет вещами, делает такую цену невозможной. И действительно ли это ваша цена?

— Это моя истинная цена… но есть и другая.

Предложение — это мой следующий выбор. Цена, которую бы я назначила, делится на две части: а) чтобы меня взяли в вашу Службу на пост ответственного офицера; и б) выйти замуж за капитана Робина Вейнбаума.

Вейнбаум выплыл из своего кресла. У него было такое ощущение, будто окрашенное медью пламя на целый фут вырывается из его ушей.

— Все из… — начал он, но не смог продолжать: у него пропал голос.

Позади него, где стоял Вальд, раздалось что-то похожее на грубый хохот скандинавского типа, прерванный обмороком. Дана сама, похоже, слегка улыбалась.

— Видите ли, — сказала она, — я не направляю свое лучшее и самое меткое колено на каждого мужчину, которого встречаю.

Вейнбаум медленно и аккуратно опустился обратно в кресло.

— Спокойно, не беги к ближайшему выходу, — произнес он. — Первым делом женщины и похожие на детей офицеры охраны. Мисс Лье, вы пытаетесь внушить мне мысль, что вы прошли сквозь это тщательно разработанное мошенничество — борода и все остальное — из пылающей страсти к моей унылой и низкооплачиваемой

персоне?

— Не совсем, — ответила Дана Лье. — Я также хочу работать в Бюро. Однако, капитан, разрешите мне поставить вас перед жизненным фактом, с которым, как мне кажется, вы вообще не сталкивались. Вы признаете, что я могу в деталях читать будущее, а следовательно, оно предопределено?

— Если Тор способен примириться с этим, думаю, я тоже могу — условно.

— В этом нет ничего условного, — твердо сказала Дана. — Вернемся в недалекое прошлое. Итак, когда я только столкнулась с этим… э… этим явлением, то одной из первых вещей, которую я выяснила, было то, что мне предстоит пройти сквозь маскарад с «Дж. Шелби Стивенсом», пробиться в персонал Бюро и выйти замуж за тебя, Робин. В то время я одновременно и удивилась, и взбунтовалась. Я не хотела служить в Бюро, мне нравилась моя независимая жизнь телекомментатора. Я не хотела выходить за тебя замуж, хотя была бы не прочь немного пожить с тобой — скажем, месяц или около того. И самое главное, маскарад поразил меня своей нелепостью.

Но факты — упрямая вещь. И я собиралась осуществить всё предсказанное. Не было альтернативы: ни причудливых «стволов времени»,

ни отправных точек, которые можно изменить, чтобы тем самым модифицировать будущее. Мое будущее, так же как и ваше, доктор Вальд, также как и будущее любого другого, было предопределено. Мои желания не имели никакого значения. Причинно-следственной связи, как я решила для себя, просто не существует. Одно следует за другим просто потому, что события в космическом времени так же устойчивы, как материя и энергия.

Это была самая горькая из всех пилюль. Пройдет много лет, прежде чем я проглочу её до конца, да и вы тоже. Доктор Вальд придёт в себя немного раньше. Во всяком случае, я была мысленно убеждена, что все должно идти именно так, и мне пришлось отстаивать собственное душевное здоровье. Я сознавала, что не смогу ничего изменить, но мне пришлось снабдить себя мотивами, чтобы, по крайней мере, защититься. Или, иначе говоря, просто очевидными рационалистическими объяснениями. Кажется, мы вольны это делать: благоразумный наблюдатель просто следует за гонкой сквозь время и не в силах влиять на события, но он способен комментировать, объяснять, изобретать основания своих поступков. Это хорошо, потому что никто не может дей-

ствовать из побуждений, не имеющих никакого личного значения.

Итак, я запаслась очевидными мотивами. Постановив выйти за вас замуж и зная, что этого не избежать, я постаралась убедить себя, что люблю вас. Теперь это так. С тех пор как я решила поступить на службу в Бюро, я продумала все преимущества этой работы перед работой телекомментатора и обнаружила, что получился внушительный список. Вот мои мотивы.

Но с самого начала они, конечно, отсутствовали. На самом деле за любыми нашими действиями нет никаких мотивов. Все действия установлены. То, что мы называем поводом, — просто беспомощная реакция рассудительного наблюдателя, который достаточно умён, чтобы почувствовать приближение какого-либо события. Такой индивид сознает, что не может предотвратить это событие, и вместо этого ищет аргументы в пользу его желательности.

— Ух ты! — громко сказал Вальд.

— «Ух ты, или Полная галиматья» — вот как можно это назвать! — согласился Вейнбаум. — Перед нами актриса, Тор, так что не ударим в грязь лицом. Дана, напоследок я приберег *действительно* трудный вопрос. Этот вопрос — *как*?

Как ты вышла на эту модификацию преобразователя Дирака? Помни, в отличие от квалификации «Дж. Шелби Стивенса», нам известна твоя квалификация. Ты не учёный. Да, среди твоих дальних родственников были высокоинтеллектуальные люди, но это не означает…

— Я дам вам несколько ответов на этот вопрос, — кивнула Дана Лье. — Выберите тот, который вам больше понравится. Они все правдивы, хотя то и дело противоречат друг другу.

Начнем с того, что вы, конечно же, правы относительно моих родственников. Если вы заново проверите моё досье, то обнаружите, что эти так называемые «дальние» — единственные, кто выжил в нашем роду, кроме меня. Когда они умерли, все их поместья перешли ко мне, хотя я им седьмая вода на киселе. Среди их имущества я и обнаружила набросок мгновенного коммуникатора, основанного на опрокидывании волн де Брогля. Материалы были сырыми и, в основном, выше моего понимания, потому что я, как вы говорите, не учёный. Но они меня заинтересовали: я смутно догадывалась, сколько это может стоить — и не только в денежном выражении.

Мой интерес подогрели два случайных стечения обстоятельств — совпадения, которые не

могли быть вызваны просто причинно-следственными связями, но могли иметь место в мире неизменных событий. Во-первых, большую часть моей взрослой жизни я так или иначе была связана с индустрией коммуникаций, в основном с телевидением. Более того, я ежедневно пила кофе с инженерами-связистами. Сначала я усвоила терминологию, затем некоторые методики и, наконец, получила немного настоящих знаний. Кое-что из того, чему я научилась, нельзя было приобрести никак иначе. Некоторые вещи, обычно доступные только высокообразованным людям, таким, как доктор Вальд, я узнала случайно — в перерывах между поцелуями или во время других развлечений, присущих богемной среде телевизионщиков.

К своему удивлению, Вейнбаум почувствовал, что слова «в перерывах между поцелуями» участили его дыхание. Непроизвольно он быстро спросил:

— Каково же второе совпадение?

— Утечка сведений из вашего Бюро.

— Дана, мне нужны доказательства.

— Делайте, как вам нравится.

— Я не могу делать, как мне нравится, — раздражённо сказал Вейнбаум. — Я работаю на

правительство. Поступали ли эти сведения лично вам?

— Сначала нет. Именно поэтому я продолжала настаивать, что, возможно, существует такая утечка, и намекала на это публично, в своей программе. Я надеялась, что вы сможете изолировать её внутри Бюро прежде, чем мой довольно незначительный контакт с ней будет потерян. Когда я спровоцировала вас на собственную защиту, то рискнула самостоятельно вступить в непосредственный контакт с осведомителем. Первая же часть секретной информации, которую я получила, была конечной точкой, необходимой мне, чтобы собрать коммуникатор Дирака. Когда прибор был смонтирован, оказалось, что он способен на большее, нежели просто осуществлял связь — он предсказывает будущее. И я могу сказать вам почему.

Вейнбаум задумчиво ответил:

— По-моему, это не так уж трудно понять. Отвлекаясь от философии, это даже придаёт некий смысл делу «Дж. Шелби Стивенса». Старик приобретает известность как человек, знающий о преобразователе Дирака больше, чем Служба, и он охотно идет на переговоры с каждым, у кого есть деньги. А источник утечки информации

продолжает работать на вас — больше, чем на враждебные правительства.

— Именно так всё и было, — сказала Дана. — Но не это было причиной или целью маскарада Стивенса. Я уже подробно объяснила вам, почему это случилось.

— Хорошо, но лучше бы вы разоблачили упомянутый источник до того, как человеку удастся скрыться.

— Не раньше, чем это будет оплачено. В любом случае, предотвратить бегство уже невозможно. Теперь, Робин, я продолжу и дам тебе другой ответ на вопрос, почему мне удалось найти этот частный секрет Дирака, а тебе — нет. Те объяснения, которые я давала до сих пор, были причинно-следственными, более удобными для вас. Но я хочу внушить вам, что все очевидные причинно-следственные связи случайны. Не существует понятия «причина», как не существует и понятия «следствие». Я знаю тайну, потому что я должна была узнать ее. Это событие было установлено, и те обстоятельства, которые, как кажется, могут объяснить, почему я нашла её, нельзя объяснить причинно-следственными связями. Короче говоря, вы, со всем вашим превосходным оборудованием и мозгами, не нашли

её по одной единственной причине: потому что вы не нашли её. История будущего говорит, что не нашли.

— У меня остаётся только один выбор — заплатить, так? — печально произнес Вейнбаум.

— Боюсь, что так — и мне нравится это не больше, чем тебе.

— Тор, что ты думаешь по этому поводу?

— Всё это не впечатляет, — рассудительно ответил Вальд. — Однако логика в этом есть. Детерминистская Вселенная, которую рисует мисс Лье, была характерной чертой старых релятивистских теорий и, предположительно, имеет даже более длинную историю. По большому счету я бы сказал, что, насколько мы поверим этому рассказу, настолько будем опираться на её так называемый метод прочтения будущего. Если он действительно нагляден, тогда и остальное становится вполне вероятным — философия и тому подобное. Если нет, остаётся изумительное актёрское мастерство плюс немного метафизики, которая, согласуясь с личностью, не оригинальна для мисс Лье.

— Вы говорите так, будто я вас подготовила, доктор Вальд, — заметила Дана. — Мне бы хотелось обратить ваше внимание ещё на одно

обстоятельство. Я могу читать будущее, поэтому у «Дж. Шелби Стивенса» никогда не возникала необходимость в частной шпионской сети и ему никогда не требовалось отправлять сообщения Дирака с риском, что вы их перехватите. Все, что ему нужно было делать, это давать предсказания по данным прибора, неизменно надежным.

— Понимаю, — сухо сказал Вейнбаум. — Хорошо, Дана, давай поставим вопрос следующим образом: *я тебе не верю*. Возможно, что-то из рассказанного тобой и соответствует истине, но по большому счету — ты лжешь. Хотя если ты действительно говоришь правду, то определённо заслуживаешь места в персонале Бюро — было бы чертовски опасно отпускать тебя. Ну а женитьба — более или менее второстепенное дело для всех, кроме нас с тобой. Это тебя ни к чему не обязывает; я хочу быть купленным не более тебя. Итак, если ты скажешь мне, где находится источник информации, будем считать эту часть вопроса закрытой. Я ставлю это условие не в качестве платы, а потому что не хочу быть помолвленным с девушкой, которую могут расстрелять как шпиона в течение месяца.

— Я понимаю, — ответила Дана. — Робин, твой источник — Маргарет Соме. Она — служащий

Эрскина и никакая не пустышка. Это высокообразованный человек, хорошо знающий своё дело.

— Проклятие! — вскричал поражённый Вейнбаум. — Тогда птичка уже улетела: она первая сказала мне, что тебя опознали. Очевидно, Соме поступила на эту работу с целью придерживать спешную почту и быть в курсе последних новостей, чтобы всегда иметь возможность вовремя сбежать.

— Правильно. Но вы поймаете её послезавтра. А ты теперь на крючке, Робин.

Вальд сдержанно кашлянул.

— Я принимаю свою судьбу с радостью, — сказал Вейнбаум, глядя на свои колени. — Теперь расскажи, как тебе удалось совершить этот головокружительный трюк. Если это согласуется с твоей предыдущей информацией, думаю, тебя примут в Бюро и все санкции в отношении тебя будут аннулированы. В противном случае, возможно, мне придется целовать новобрачную через тюремную решетку.

Дана рассмеялась.

— Секрет очень прост. Он в сигнале.

Челюсть Вейнбаума отпала.

— Сигнал? Шум Дирака?

— Верно. Вы не поняли этого, потому что по-

считали сигнал просто помехой и приказали мисс Соме вырезать его со всех лент перед тем, как послать их вам. А мисс Соме, подозревавшая об истинной значимости шума Дирака, была более чем счастлива так поступить, предоставляя чтение сигнала исключительно «Дж. Шелби Стивенсу» — который, как она считала, собирался стать клиентом Эрскина.

— Объясните, — напряженно произнес Тор Вальд.

— В точности как вы и полагали, каждое послание Дирака улавливается любым приемником, способным обнаружить его. *Любым* — включая первый из когда-либо созданных (то есть ваш, доктор Вальд), включая сотни тысяч, которые будут существовать в Галактике в двадцать четвертом веке, бесчисленные миллионы, созданные в тридцатом веке, и так далее. Сигнал Дирака — это одновременный прием *каждого из посланий Дирака, которые когда-либо были или будут посланы*. Между прочим, общее количество этих посланий ограниченно и сравнительно невелико. Даже если вы разобьете каждое послание на отдельные «биты», их будет намного меньше действительно больших определенных чисел, например количества электронов во Вселенной.

— Конечно, — воскликнул доктор Вальд. — Конечно! Но, мисс Лье… как вы настроились на индивидуальные послания? Мы пробовали дробные позитронные частоты и зашли в тупик.

— Я даже не знала, что дробные позитронные частоты существуют, — призналась Дана. — Нет, это просто — так просто, что удачливый дилетант вроде меня может добиться успеха. Вы улавливаете отдельные послания из сигнала с помощью отставания времени. Все послания приходят в одно и то же мгновение, в мельчайшую из существующих временную долю, иногда называемую «хрононом».

— Да, — заметил Вальд. — Это время, требующееся электрону, чтобы перейти с одного квантового уровня на другой. Это особенность измерения времени по Пифагору.

— Спасибо. Очевидно, никакой обычный физический приемник не может реагировать на столь краткое послание, по крайней мере, именно так я сперва подумала. Но так как в самом аппарате есть реле, переключатели, различные формы обратной связи и тому подобное, то сигнал приходит к выводящему концу в виде сложной пульсации, которая «расплескалась» вдоль временной оси на целую секунду или более. Вы можете усилить

этот эффект, записывая «расплесканный» сигнал на высокоскоростную ленту таким же образом, каким записывали бы любое событие, которое хотели бы изучить в замедленном движении. Затем вы настраиваете различные параметры в вашем приемнике, чтобы увеличить одну остановку и уменьшить остальные, а с помощью подавляющей шум техники убираете фон.

Тор Вальд нахмурился.

— После всего проделанного у вас бы все равно оставались сильные искажения. Вам бы пришлось подбирать сообщения…

— Как я и делала; небольшая лекция Робина об ультракоротких волнах навела меня на эту мысль. Я поставила перед собой цель выяснить, каким образом канал ультракоротких волн переносит так много сообщений одновременно, и обнаружила, что вы отбираете поступающую пульсацию каждую тысячную секунды и передаете на один короткий высокий сигнал только тогда, когда волна определенным образом отклоняется от среднего значения. Я не особо верила, что это сработает с сигналом Дирака, но, как оказалось, сработало так же успешно: 90 процентов оказались такими же понятными, как первоначальная передача, прошедшая через

подавляющее устройство. Конечно, я узнала из сигнала уже достаточно, чтобы привести свой план в исполнение, но теперь любое голосовое сообщение в нем было доступным и кристально ясным. Если же вы подберете три коротких сигнала каждую тысячную секунды, вы даже можете уловить музыку (слегка искаженную, но достаточно четкую, чтобы понять, какие инструменты играют), а это самая точная проверка средств связи.

— Возникает один вопрос, не совсем относящийся к теме, — сказал Вейнбаум, для которого технический разговор становился слишком сложным. — Дана, вы говорите, что знали направление, которое примет эта беседа, но она не записывается, и я не вижу причины, по которой какое-либо ее резюме было бы впоследствии передано Дираком.

— Это правда, Робин. Однако, когда я уйду отсюда, я сама отправлю такое резюме, с помощью собственного Дирака. И это не подлежит сомнению, потому что я *уже* получила послание из сигнала.

— Другими словами, вы собираетесь позвонить самой себе — в прошлое.

— Именно, — ответила Дана. — Это не настоль-

ко полезная техника, как вы могли подумать вначале, потому что опасно делать подобные передачи, пока события все еще развиваются. Вы можете «сообщить детали назад» только после того, как данная ситуация подошла к завершению. Зная, однако, что, используя Дирак, вы имеете дело со временем, вы можете добиться некоторых очень странных вещей от этого прибора.

Сделав паузу, она улыбнулась.

— Я слышала, — живо продолжила она, — голос президента нашей Галактики из 3480 года, провозглашающего объединение Млечного Пути и Магелланова облака. Я слышала командира межзвездного крейсера, путешествующего с 8873 по 8704 вокруг планеты Ханшера, которая вращается вокруг звезды на краю NGC 4725. Он взывал о помощи через одиннадцать миллионов световых лет, но о какой помощи он просил или будет просить, остается за пределом моего понимания. И ещё многое другое. Когда вы будете проверять мои слова, вы тоже услышите всё это и тоже изумитесь свойствам времени.

Вейнбаум и Вальд уже казались изумлёнными.

Её голос слегка помрачнел:

— Большинство голосов в сигнале Дирака взывают о помощи, а вы услышите их за десятилетия

или столетия до того, как их обладатели попадут в беду. Вы будете чувствовать себя обязанным ответить на каждый призыв и постараться помочь. И, слушая следующие сообщения, вы будете говорить: «Добрались ли мы — доберёмся ли мы туда вовремя? Поняли ли мы вовремя?»

И вы не будете ни в чем уверены. Вы узнаете будущее, но большую его часть просто не поймете. Чем дальше в будущее вы начнете углубляться, тем более непонятными станут сообщения. Вам придется признать, что время будет следовать собственным путём до тех пор, пока не накопится достаточно информации, которая позволит осмыслить эти отдаленные сообщения.

Эффект «длинной трубы», как я понимаю. Мы не сможем знать все: наше существование полностью выхвачено из потока времени и целиком открыто для обозрения лишь с одной стороны. Вместо этого Дирак, в сущности, просто перемещает бусины сознания из настоящего в будущее на определённое расстояние. Пятьсот или пять тысяч лет — все это можно будет увидеть. Отсюда вступает в действие закон уменьшающихся возвращений (или, другими словами, шумовой фактор начинает неравномерно распределять информацию), и наблюдатель продолжает пу-

тешествовать во времени с первоначальной скоростью, но слегка опережает самого себя.

— Похоже, ты много размышляла об этом, — медленно произнес Вальд. — Страшно представить, что могло бы случиться, если бы менее честный человек наткнулся на сигнал.

— Этого не было в планах.

Стало тихо, и Вейнбаум почувствовал что-то, похожее на слабое разочарование. Как будто обещано было больше, чем получили; как вкус свежего хлеба по сравнению с его запахом, как открытие, что шведская народная песня «Нат-ог-Даг», исполненная Тором Вальдом, — не что иное, как «Ночь и День» Кола Потера, только на другом языке. Робин узнал это чувство: это было необычное ощущение охотника, закончившего охоту, или прирожденного детектива, наконец составившего версию совершенного преступления. Но, посмотрев на улыбающуюся Дану Лье ещё мгновение, он был почти доволен.

— Есть ещё одно обстоятельство, — сказал он. — Не хочется быть скептиком, но мне нужно посмотреть все это в работе. Тор, когда мы сможем создать образец и подавляющее устройство, описанные Даной, и испытать их?

— Через пятнадцать минут, — ответил доктор

Вальд. — Почти все необходимое уже имеется в нашем большом приемнике ультракоротких волн, и не составит особого труда добавить к нему высокоскоростное записывающее устройство. Я сделаю это прямо сейчас.

Он вышел. Вейнбаум и Дана с минуту не отрываясь смотрели друг на друга. Затем с чувством мрачной решимости офицер Службы безопасности встал и обнял свою невесту, предвкушая сопротивление.

Этот первый поцелуй задумывался чисто для проформы. Но к тому времени, как Вальд вернулся в офис, последняя была существенно вытеснена чувством. Ученый остановился, положив свою ношу на стол.

— Все к этому и шло, — заметил он. — Ладно, мне пришлось обшарить всю библиотеку, чтобы найти запись Дирака, на которой еще остался сигнал. Минуту, сейчас я соединю все необходимое…

Вейнбаум использовал эту минуту, чтобы прийти в себя, хотя до конца это так и не удалось ему. Затем две ленточки записи начали жужжать, словно рой пчёл, и звук сигнала Дирака заполнил комнату. Вальд остановил прибор, снова включил его и очень медленно запустил грязную

запись в противоположном направлении.

Из микрофона послышался отдалённый гул голосов. В тот момент, когда Вейнбаум напряжённо склонился вперёд, один голос четко и громко сказал, перекрывая другие:

— Приветствую Земное Бюро. Лейтенант Ти. Эл. Матьюз со станции NGC 6341 на Геркулесе. Дата передачи — 13.22.2091. Мы проходим последнюю точку на орбитальной кривой, заданной вами, и сама кривая указывает на маленькую систему, на расстоянии около двадцати пяти световых лет от здешней базы; у нее даже нет названия на наших картах. Разведчики обнаружили населенную планету, укрепленную по меньшей мере вдвое лучше, чем мы ожидали, поэтому нам нужен другой крейсер. У нас на сигнале есть ваше разрешение, но мы ждем, как было приказано, чтобы получить его в настоящем. NGS 6341, Матьюз. Конец связи.

На мгновение ошарашенный — ничто не могло подготовить его к такому ошеломляющему факту — Вейнбаум, очнувшись, схватил карандаш и с бешеной скоростью начал писать. Как только голос затих, он отшвырнул карандаш и восхищенно посмотрел на доктора Вальда.

— Семь месяцев тому вперед! — сказал он, зная,

что улыбается как идиот. — Тор, ты знаешь, какая проблема у нас была с этой иголкой в Геркулесовом стоге сена! Матьюзу только предстоит придумать этот трюк с орбитальной кривой, по крайней мере, он еще не приходил ко мне с этим, и пока нет даже намека на то, что решение этой проблемы займет всего шесть месяцев. Компьютеры рассчитали, что на это уйдет еще три года.

— Это новая информация, — серьезно согласился доктор Вальд.

— Ради бога, не останавливайся на этом! Давай послушаем еще!

На этот раз Вальд совершил ритуал намного быстрее. Из громкоговорителя раздалось:

— Насентампен. Эддетомпик. Беробсилом. Эймкаксетчок. Санбетогмов. Датдектамсет. Доматросмит. Конец связи.

— Ну и словечки! — присвистнул Вальд. — Что все это значит?

— Это то, о чем я говорила, — ответила Дана Лье. — По меньшей мере, половина получаемой информации столь же непонятна. Я предполагаю, именно таким будет английский язык через тысячи лет.

— Нет, это не так, — возразил Вейнбаум. Он закончил писать, но был все еще поглощен услы-

шанным, несмотря на сравнительную краткость передачи. — Во всяком случае, не данный образец. Это шифр, леди и джентльмены, так как можете быть уверены, что ни один язык не состоит исключительно из четырехсложных слов. Более того, это версия нашего кода. Я не могу расшифровать его очень быстро (прочтение данного сообщения отнимет много времени даже у специалиста), но я разобрал дату и уловил некоторый смысл. Это 12 марта 3022, и там происходит что-то вроде массовой эвакуации. Послание, похоже, является обычным приказом.

— Но зачем нам понадобится код? — поинтересовался Вальд. — Это внушает опасения, что кто-то подслушает нас — кто-то, у кого тоже есть Дирак. Это может все запутать.

— Конечно, может, — ответил Вейнбаум. — Но, представляется мне, мы это выясним. Запустим ее еще раз, Тор.

— Попробовать на этот раз получить изображение?

Вейнбаум кивнул. Минуту спустя прямо перед ним возникло чье-то зеленое лицо, напоминавшее оживший дорожный знак в шлеме. Хотя у существа не было рта, громкоговоритель Дирака достаточно ясно произносил:

— Приветствую, шеф. Говорит Таммос, NGS 2287, дата передачи по моему календарю Гор 60, 302, по вашему календарю 2 июля 2973. Это паршивая маленькая планета. Все воняет кислородом, прямо как на Земле. Важно, что аборигены принимают нас. Ваш гений благополучно родился. Подробный рапорт придет позже. NGC 2287, Тамос. Конец связи.

— Хотелось бы мне получше знать мой Новый Общий Каталог, — сказал Вейнбаум. — Не тот ли это М 41 в Канис Мэджор, который с красной звездой в центре? Мы там будем использовать не гуманоидов? В любом случае, что это было за существо? Ладно, не важно, запускайте её снова.

Доктор Вальд опять запустил устройство. Почувствовав лёгкое головокружение, Вейнбаум прекратил записывать. Все будет позже, всё, что только можно. Сейчас ему хотелось только смотреть и слушать, всё больше и больше картин и голосов из будущего. Они были лучше, чем водка, даже с последующим глотком пива.

4

Обучающая запись закончилась, и Красна нажал на кнопку. Экран Дирака погас и беззвучно убрался обратно в стол.

— Нет, они не увидели дороги к нам, — сказал он. — Например, они не поняли, что когда какая-то часть правительства узнает слишком много информации, то какой бы малой эта фракция ни была изначально — она обязательно захватывает власть. Таким образом Бюро преобразовалось в Службу и выкинуло прочь всех остальных.

С другой стороны, не похоже, чтобы те люди боялись, что правительство, знающее почти все, будет управлять путем твёрдой диктатуры. Этого не могло случиться и не случилось, потому что чем больше вы знаете, чем шире становится поле ваших возможных действий, тем более динамичное общество вам необходимо. Жёстко регламентированное общество просто не смогло бы распространиться на другие звёздные системы.

— Я бы подумал, что могло, — медленно произнес Джо Фабер. — В конце концов, если вам заранее известно, что собирается делать каждый…

— Но мы не знаем, Джо. Это просто популярная фантастика — или, если тебе так больше нравится, что-то, отвлекающее внимание. К тому же не всё в космосе проходит через Дирак. Мы можем подслушать только те события, которые

передаются в виде сообщений. Разве ты заказываешь обед по Дираку? Конечно, нет. До сих пор ты ни разу в жизни не транслировал ни слова по Дираку.

И дело не только в этом. Любая диктатура основывается на предположении, что правительство может каким-то образом контролировать мысли людей. Теперь мы знаем, что сознание наблюдателя — единственная свободная вещь во Вселенной. Не глупо стараться контролировать его, в то время как физика доказывает, что это невозможно? Вот почему Служба и не думает о Полиции Мыслей. Мы заинтересованы только в действиях. Мы — Полиция Событий!

— Но почему? — спросил Джо. — Если вся история предопределена, почему мы так беспокоимся, например, о назначениях свиданий? Встречи ведь произойдут в любом случае.

— Конечно, — немедленно согласился Красна. — Но смотри, Джо. Наши интересы, как интересы правительства, зависят от будущего. Мы действуем таким образом, *как будто* будущее так же реально, как прошлое, и до сих пор не разочаровывались: Служба оправдывает себя на 100 процентов. Но что бы случилось, если бы мы *перестали* наблюдать за событиями? Мы не

знаем и не осмеливаемся попробовать. Несмотря на очевидность того, что будущее предопределено, нам приходится брать на себя роль опекуна неизбежности. Мы верим в постулат: ничто не может пойти неправильно… Но нам приходится действовать исходя из философского предположения, что история помогает только тем, кто помогает сам себе.

Именно поэтому мы охраняем огромное количество ухаживаний непосредственно до контракта и даже после него. Нам приходится убеждаться, что *каждый отдельный человек, упомянутый в любой из передач Дирака, родится*. Наша обязанность как Полиции Событий — сделать события будущего возможными, потому что они — решающие для нашего общества, даже самые незначительные из них. Это огромная задача, поверь мне, и с каждым днем она становится все больше и больше. Очевидно, так будет всегда.

— Всегда? — переспросил Джо. — А как насчет общественности? Ведь она узнает об этом рано или поздно? Очевидность нарастает с ужасающей скоростью.

— И да и нет, — ответил Красна. — Множество людей догадываются обо всем уже сейчас, так

же как и ты. Но число новичков, необходимых Службе, растет быстрее. Оно всегда опережает число любителей, ищущих ключи к правде.

Фабер глубоко вздохнул и заметил:

— Ты воспринимаешь все вышесказанное так, словно это такое же обычное дело, как сварить яйцо, Крас. Тебя никогда не удивляли некоторые вещи, которые ты получаешь из сигнала? Например, передача, которую Дана Лье получила от Кейнса Венатичи, с корабля, путешествовавшего назад во времени? Как такое возможно? Какая могла быть цель? Это…

— Позволь, позволь, — перебил Красна. — Я не знаю и не переживаю из-за этого. И тебе не стоит. Событие происходит в слишком далеком будущем, чтобы нам о нем беспокоиться. Мы не можем оценить его смысла, поэтому бесполезно пытаться его понять. Если бы англичанин из 1600 года узнал об Американской революции, он бы посчитал ее трагедией; англичанин в 1950 году смотрел бы на это совершенно по-другому. Мы в таком же положении. Мы точно так же не в силах адекватно истолковать сообщения, которые получаем из действительно далекого будущего.

— Думаю, я понимаю, — произнес Фабер. — Полагаю, что со временем, после того, как поработаю

с Дираком, я привыкну к этому. Позволено ли мне это по рангу?

— Да. Но, Джо, первым делом я хочу сообщить тебе правило этикета Службы, которое никогда не должно нарушаться. Тебе не разрешат находиться рядом с микрофоном Дирака до тех пор, пока это правило навсегда не врежется в твою память.

— Я весь во внимании, Крас, поверь мне.

— Хорошо. Слушай: *в передаче Дирака никогда не должна упоминаться дата смерти работника Службы.*

Джо моргнул, почувствовав холодок. Причина, на которой основывалось правило, казалась жесткой, но очевидной была ее предельная доброта. Он сказал:

— Я не забуду этого. Мне самому хочется этой защиты. Премного благодарен, Крас. Каково мое новое поручение?

— Для начала, — ответил Красна, ухмыляясь, — самая простая работа, которую я когда-либо давал тебе здесь, на Рэндольфе. Отправляйся и найди мне своего водителя кеба — того самого, который упоминал путешествия во времени. Он опасно близок к правде; в определённой степени ближе, чем был ты.

Найди его, и приведи ко мне. Служба готова принять новичка!

ВОСПАЛЕНИЕ СОВЕСТИ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ПОЛЮСОВ

На планете Поэзии
Не ходи к полюсам —
Полюса бесполезны,
Не взрасти там лесам…
Василий Бетаки.
Да, мы в Бога не верим.
Но истово веруем в Совесть.
В ту, что раньше Христа родилась
и не с нами умрет.
Наум Коржавин.

I

Лет этак двадцать пять назад в силу причуд советского книгоиздания большинству литературной братии (по крайней мере, питерской) поневоле приходилось быть в большей мере сказителями, нежели писателями, пробавляясь не честными публикациями, а так называемыми встречами с читательской аудиторией. Аудитории эти бывали самыми разными — от университета до цеха и от школы со спортивным

уклоном до районного вытрезвителя. Приходили же мы туда не только по одному, но порою и по двое, по трое. Причем в составе подобных писательских десантов, как правило, оказывались не одни коллеги по литературному цеху, но смесь, с бору по сосенке — фантаст с поэтом, детективщик с драматургом… Тогда-то и пришлось мне несколько раз столкнуться с неким старшим (и намного старшим) коллегой, которого, не имея ни малейшего желания поминать имен всуе, назову Философом, ибо сей во многих иных отношениях весьма достойный писатель любил начинать выступление таким примерно пассажем:

— Я, товарищи, не только писатель. Я, товарищи, еще философ. И должен вам сказать, превзошел Маркса с Энгельсом…

Зал (вне зависимости от числа слушателей) тревожно замирал. Да и я, признаться, до сих пор диву даюсь, как он не боялся. Впрочем, многострадальный и многоопытный сиделец сталинских лагерей, он, возможно, свое уже отбоялся. И верил — не без оснований! — что больше его уже не тронут. И потому серьезно продолжал:

— Они нас, товарищи, чему учили? Диалектике: у всякой монеты — две стороны, у всякой палки — два конца… А я намного дальше пошел. Я до-

казал, что концов у всякой палки три. И третий конец, товарищи, — это середка.

Зал взрывался облегченным смехом. Философ же, обеспечив себе благосклонное внимание, от своих академических трудов переходил ко чтению какого-нибудь добротно реалистического рассказа.

И вряд ли кому-нибудь приходило в голову, что за эпатажем этим в действительности скрывается мысль более чем глубокая. И, замечу, имеющая самое непосредственное отношение к предмету нашего сегодняшнего разговора — романам известного американского фантаста Джеймса Блиша. К вышеупомянутой мысли мы, однако, вернемся позже. А пока, как положено канонами жанра, несколько слов о самом Клише.

II

В отличие от иных патриархов американской научной фантастики — Роберта Хайнлайна, Клиффорда Саймака или, скажем, Айзека Азимова — судьба не даровала Джеймсу Бенджамену Блишу долгой жизни. Ему было отведено всего пятьдесят четыре года, но сделать за этот срок он успел, прямо скажем, немало.

Родился Блиш в 1921 году в городе Ист-Оранже

(штат Нью-Джерси). Он окончил биологический факультет университета Ратжерса, а поскольку пришлось это событие точнехонько на время вступления США во Вторую мировую, был, как и подавляющее большинство сверстников, призван в армию. Правда, ни на один из театров военных действий не попал, а провел все эти годы лаборантом в госпитале. В 1945 году он поступил в аспирантуру нью-йоркского Колумбийского университета, однако так ее и не закончил, окончательно решив посвятить себя литературной деятельности, а если точнее — научной фантастике.

Собственно, решение это зрело с юношеских — если не подростковых — лет. Еще в конце тридцатых Блиш примкнул к ставшей впоследствии знаменитой группе любителей фантастики, которая образовалась вокруг издаваемого Майклом Розенблюмом журнала «Футуриан» («Будущее») и потому называла себя «Футурианс», что на русский язык лучше всего перевести при помощи введенного в литературный обиход Велемиром Хлебниковым словца «Будетляне». Здесь Блиш свел близкое знакомство с такими будущими звездами американской НФ, как Айзек Азимов, Дэвид Кайл, Сирил Корнблат, Джудит Меррил,

Деймон Найт (в 1977 году он выпустил книгу, посвященную истории этого кружка), Фредерик Пол, Дональд Уоллхейм и Ларри Шоу. И уже в 1940 году состоялся дебют девятнадцатилетнего Блиша — был опубликован его рассказ «Аварийная дозаправка». Надо сказать, врожденные наклонности вкупе с опытом «Будетлян» привели к тому, что Блиш стал не только активным фантастом, но и весьма энергичным литературным деятелем: он был одним из организаторов известных писательских семинаров в Кларионе, а также Ассоциации американских писателей-фантастов, на посту вице-президента коей находился в 1966–1968 годах. И даже в последние годы жизни, уже неизлечимо больной, Блиш, переехав а Англию, приложил руки к созданию там Фонда НФ — профессиональной гильдии британских фантастов.

Но все-таки главное для всякого писателя — книги.

Как и у большинства сверстников и современников, романы у Блиша вырастали из новеллистических циклов: этого требовал тогдашний литературный рынок, поскольку первоначальным плацдармом в тридцатые — пятидесятые годы были почти исключительно журналы. Там печатались рассказы, из которых впоследствии

происходила «сборка» произведений крупной формы — «make up». И первые же появившиеся таким образом романы, образовавшие тетралогию «Города в полете», принесла автору несомненный успех. Первый — «Землянин, возвращайся домой!» — увидел свет в 1955 году; второй — «Звезды будут принадлежать им» — в 1956-м; третий и четвертый — «2018-й год!» и «Триумф времени» — в 1958-м. Впрочем, к этому циклу примыкали еще и романы «Звон кимвалов» и «Жизнь за звезды» (оба 1968 года), так что говорить о тетралогии вопреки устоявшемуся мнению критики не совсем справедливо.

Пятидесятые стали для Блиша временем восхождения. Помимо упомянутых выше увидели свет многие его рассказы, написанные в жанре традиционной «твердой» НФ и объединенные в сборники «Рассада для звезд» (1957 — благодаря этой книге Блиш был удостоен в тот год Специальной премии «Хьюго» как самый многообещающий молодой автор), а также «Звездный источник» (1959). К этому же периоду относится и ставшая классической повесть «Поверхностное натяжение» (1952) — переведенная на русский язык в 1977 году, в комментариях она не нуждается.

В шестидесятые годы Блиш посвятил немало времени написанию детской и подростковой НФ: одна за другой выходили его книги «Звездные странники» (1961), «Путешествие к сердцу звезд» (1965), «Пропавший самолет» и «Добро пожаловать на Марс!» (обе 1968). Пополняют этот список и несколько новеллизаций популярного телесериала «Стар трек» («Звездный путь»).

Под псевдонимом Уильям Этелинг-мл. Блиш много и плодотворно потрудился на ниве критики, завоевав заслуженную репутацию человека знающего и взыскательного. Лучшие его статьи были объединены в сборники «То, что под рукой» (1964) и «Вновь о том, что под рукой» (1970); уже посмертно вышел и третий — «История с намеком на Бога» (1987).

Конечно, обо всем этом можно (и, наверное, нужно) было бы рассказать подробнее, однако сегодняшняя наша задача — не творческий портрет писателя, детальный и, по возможности, даже объемный, а разговор о романах, включенных в данный сборник. Тем более что именно они единогласно считаются «звездным часом» Джеймса Блиша.

III

Полностью этот (так называемый «метафизический») цикл выглядит так: первым увидел свет роман «Дело совести» (1958, на следующий год он был удостоен премии «Хьюго»), затем — «Доктор Мирабилис» (1964), потом — «Черная пасха» (1968) и «День после Судного» (1970). Снова, как видите, тетралогия…

Само по себе обращение к «метафизической», «с намеком на Бога» тематике — никоим образом не редкость. По крайней мере, для человека, жившего за пределами СССР. Это нам, обитателям страны, с территории которой вождь всех времен и народов поклялся изгнать Бога (причем в намерении своем изрядно преуспел), художественная литература вообще, а уж фантастика с ее рационализмом — в первую очередь, представлялась делом сугубо, так сказать, секулярным. Пожалуй, за всю историю советской НФ мне приходит на память не больше двух-трех повестей и рассказов, затрагивающих проблемы души, веры и религии иначе, нежели в тоне ироническом, если не саркастическом. Наследники воинствующего атеизма XIX столетия (так и не ставшего в западном мире всеобщим), а в XX веке благополучно

изжитого, мы в подавляющем большинстве были просто неспособны взирать на окружающее иначе… Иное дело в странах, где с Богом спорили, отрицали Его, как Бертран Рассел, но никогда не объявляли ему и церкви (за исключением кровавой поры Французской революции) тотальной войны.

Кстати, именно по этой причине диковинности таким успехом пользовался любителей фантастики роман Уолтера М.Миллера-мл. «Гимн Лейбовичу», уже в конце шестидесятых ходивший по рукам в машинописных самиздатовских переводах, а в годы перестройки незамедлительно выпущенный немалыми тиражами. Спору нет, роман хорош и вполне по заслугам получил в 1960 году премию «Хьюго». Однако для нас-то были важны не столько литературные достоинства, малоощутимые в силу более чем сомнительных достоинств любительского перевода, сколько непривычный, неожиданный, а потому неистребимо привлекательный взгляд на мир.

Да что говорить! А разве феноменальный успех эпопеи Дж. Р.Р.Толкина произрастает не из католической парадигмы, заложенной не в ткань даже, но в самые потаенные недра повествования? Во «Властелине колец» при всем желании

не обнаружить и намека на дидактику или проповедь, однако религиозное мироощущение образует как бы ядро вымышленного мира Средиземья. Именно оно суть непомерная масса, порождающая силу тяготения на поверхности; гравитация же — материя тонкая, не пощупаешь, но попробуй-ка избежать ее влияния…

А сказочные «Хроники Нарнии» и научно-фантастическая «Космическая трилогия» современника и доброго приятеля Толкина, Клайва Льюиса? Да, их читают куда меньше, нежели Толкина (хотя, справедливости ради, — читают-таки!), но это уже иной вопрос, вопрос литературного дарования…

Словом, для всего европео-христианского мира обращение к метафизической проблематике всегда было и остается нормой — даже не религиозной по сути своей, а общекультурной.

То же и Блиш. С ним, правда, не все так просто.

«Дело совести» откровенно распадается на две части — «литианскую» и «земную» линии (следы все той же «сборки»). Причем земная линия, пожалуй, менее интересна, невзирая на оригинальные социологические построения. Одна «выросшая из гонки убежищ катакомбная экономика» чего стоит!

Но мы уже пережили времена, отнесенные Блишем в будущее, отчего написанное воспринимается не как фантастика-прогностика, а скорее как альтернативная история (что ж, тоже, замечу, более чем достойный жанр).

Но бунтаря Эгтверчи, увы, вскоре едва ли не полностью затмил куда более сложный образ героя романа Роберта Э.Хайнлайна «Пришлец в стране чужой» (1961, премия «Хьюго 1962 года).

Что ж остается?

На славу продуманный мир Литии, прекрасно рассказанная, увлекательная история и — религиозная проблематика.

С этой последней прекрасно разобрался в своей «Фантастике и футурологии» один из величайших фантастов XX века Станислав Лем, поляк и, следовательно, человек, католичеству не чуждый, начинавший литературную деятельность, кстати, сотрудничая в католической газете.

По замыслу Блиша литиане — атеисты, однако поступают всегда правильно, то есть нравственно; лишенные типично земных конфликтов, они справедливы, не воюют, не творят ни индивидуального, ни тем более коллективного зла; в то же время они не могут представить никакого трансцендентного обоснования своих мораль-

ных норм, каковые приняли бездоказательно (и в самом деле, чрезвычайно трудно эмпирически доказать постулаты любого этического кодекса, потому-то любой из них и зиждется на аксиомах). Отцу-иезуиту Руис-Санчесу отсутствие метафизической санкции этики кажется чудовищным.

Как отмечает Лем, вторая линия атаки ученого отца представляется еще менее убедительной. Адресат здесь — эволюция. Впадая в ересь манихейства, Руис-Санчес был вынужден смущенно признать, что сатана обладает творческой силой. В частности, он столько напортил в деле Сотворения с расчетом, что казалось, будто онтогенез (говоря словами Геккеля, а не Блиша) является палингенезом филогенеза (то есть личным развитием каждый организм *повторяет* поочередные этапы эволюции всего эволюционного ряда, опередившего его во времени). Ибо речь идет об *обмане*, долженствующим убедить нас, будто естественный ход эволюции был якобы естественным. На Земле сатана проделал это лишь едва-едва, тогда как на Литии — предельно наглядно.

Все это столь наивно, что восхищения, с которым был встречен роман поклонниками НФ, понять попросту невозможно. «И вообще, — пи-

шет Лем, — спасение веры с помощью ереси не кажется мне лучшим из возможных способов. Но — бог с ним, с этим аспектом произведения; даже в манихейском смысле изложение поразительно примитивно».

Образ мыслей блишевского Руис-Санчеса до неприличия средневеков, причем даже софистика его не слишком искусна. Но и окажись он прямо-таки непревзойденным софистом — что с того? «Подобные интеллектуальные упражнения крайне далеки от неравнодушия к вопросам веры и обусловленного им мировоззрения, которое ультимативно выражают краткие слова: «Ничто из происходящего *здесь* не может изменить нашего отношения к Тому, кто пребывает *там*». Убеждение это даже при отсутствии логических аргументов никогда не лишится «доказательности», каковой является сам аутентичный акт веры, неразрывно связанный с любовью Высшего Существа, которой совершенно излишни любые осязаемые, эмпирические доказательства, а логические доводы могут — не исключено — понадобиться теологии разума, но вера не на них зиждется и с их падением не рушится сама».

Фактически доказательства Руис-Санчеса означают: во-первых, Добро не может соприсут-

ствовать со Злом чисто факультативно, поэтому, если разумные существа творят лишь Добро, это неизбежно должно вызывать к ним недоверие; во-вторых, палеонтологические данные на Земле были фальсифицированы (тут уж не до Литии!), а сотворил это сатана, дабы убедить людей, что они являются не Божьими творениями, а порождением эволюции; в-третьих, чтобы еще глубже утвердить людей, будто эволюция жизни позволяет обрести разум, а развитие общества неизбежно приводит его к безбожию, сатана организовал литианский быт как наглядное пособие, дабы вконец искоренить веру у прибывших туда людей; в-четвертых, если первые три положения истинны, как и тезис о том, что Добро не может проявлять себя без трансцендентной поддержки, то, поскольку литианскую этику «не поддерживает» Господь Бог, — ведь они же атеисты! — то логически неизбежно, что Атлантом их моральности непременно должен быть сатана.

Увы, лишь единственный раз в истории споров об эволюции был приведен аргумент о якобы поддельном характере окаменелостей и останков, обнаруживаемых палеонтологией (Шатобриан и Госсе), однако реально мыслящие теологи были разумнее блишевского иезуита, восприняв этот

аргумент весьма прохладно. Ведь его принятие имеет вдвойне фатальные последствия: прежде всего, обращает мир в манихейское поле соперничества Бога с сатаной, а это чудовищная ересь, каковую принять нельзя. Ведь в таком случае никогда не поймешь, с делом чьих рук столкнулся — Бога или дьявола; последовательно придерживающаяся подобных воззрений вера неизбежно превратится в «разновидность невроза навязчивой идеи — необходимо постоянно держать себя в святости, ладаном окуриваться, святой водой кропиться и вообще на всякий случай из церкви не выходить, ибо все сущее (и сама церковь в том числе!) может оказаться результатом сатанинской деятельности…»

Именно поэтому, утверждает Лем, и с ним невозможно не согласиться, концепция дьявольских «артефактов и бутафории» представляет собой попросту ребячество: единственным орудием сатаны оказывается Блиш, поскольку именно автор искусственно «поддерживает существование атеистически идеальной литианской цивилизации». При этом не следует забывать, что Блиш не собирался создавать какую-то новую метафизику — ни еретическую, ни всего лишь по-иному интерпретирующую универсум мате-

риальных фактов. Это следует хотя бы из того, что папа Адриан VIII в романе не отлучает еретика Руис-Санчеса от церкви, а лишь разъясняет, что сатана реально ничего не создает, он может только заставлять нас галлюцинировать. «К сожалению, — завершает свой анализ Лем, — Блиш совершенно запутался в том, что сам же и создал… Если экзорцизмы отца-иезуита подействовали — выходит, Лития, вопреки утверждению папы Адриана VIII, была вовсе не галлюцинацией? А если дело исключительно в ошибке, допущенной в своих расчетах Кливером, — к чему все богословские спекуляции? Блиш и сам толком не знает, что хочет сказать, кроме, естественно, удивительной истории, местами довольно интересной (только не там, где грохочут пушки теологической аргументации)».

IV

Так что же остается, как говорится, «в сухом остатке» после столь сокрушительного анализа?

Как ни странно, превосходный роман. Ибо, обращаясь к вопросам морали и веры, к тематике метафизической и богословской, Блиш, на мой взгляд, лишь использовал все это как материал. Подобно тому, как использовал в качестве косвен-

ного прототипа для своего Руис-Санчеса великого французского палеонтолога, философа и теолога Пьера Тейяр де Шардена (1881–1955), иезуита с 1899 года, за свои идеи также побывавшего на грани отлучения от церкви, однако отделавшегося лишением кафедры в парижском Католическом университете и запретом на любые публикации (его блистательный «Феномен человека», на мой взгляд, должен если и не быть настольной книгой, то уж во всяком случае непременно стоять на полке у любого интеллигентного человека).

Из этого материала Блиш выстроил сделанный на совесть роман — потому-то книга и была восторженно встречена любителями фантастики, на что не без горестного удивления сетовал в своем анализе Лем. То же обстоятельство, что оные поклонники жанра сочли главным материал, а не здание, из него возведенное, — это уже дело их, читателей, совести. Так же, как нашей с вами — разобраться в этом хитросплетении.

А теперь позвольте выполнить обещание и вернуться к тезису нашего питерского Философа о «третьем конце палки». (В этом своем тезисе, замечу, Философ проявил себя истинным продолжателем отечественной литературной традиции. Помнится, в одной из повестей Лескова расска-

зывалось, как в лесу было обнаружено мертвое тело, а возле него — один конец палки; второй полиция, сколько ни искала, так и не нашла… Тоже, между прочим, открытие — «палочный монополь».)

Удивительный Лему успех блишевского романа в немалой степени обусловлен тем, что написан-то он отнюдь не в католической парадигме (это, если помните, относится к Толкину, не ко Блишу), а в традиционной для нашего мышления биполярной логике, вошедшей в наши плоть и кровь с античных времен. Теза — антитеза… Добро и Зло. Ад и Рай. Бог и Дьявол. Любовь и ненависть. Свой и чужой. Множить подобные противопоставления можно до бесконечности. Складывается впечатление, будто в качестве некоей всеобъемлющей метафоры перед сознанием (или подсознанием) нашим непрестанно маячит магнит с его взаимопритягивающимися полюсами… Оценка этих полюсов — дело особое. Тут мы все очень любим и максималистские крайности, и резвые парадоксы. Помните:

Я часть той вечной силы,

Которая, стремясь ко злу, свершает благо…

писал один поэт.

Стремясь ко злу, творим мы вечно зло,
А если нет — нам просто повезло…

дополнял другой.

Впрочем, оценки — они оценки и есть, не о них сейчас речь. А о том, что мир вовсе не исчерпывается излюбленной нами двоичностью. Он как минимум троичен, а в максимуме — многополярен (прошу не поминать в этой связи нынешние геополитические дебаты). И очень часто третьим полюсом оказывается как раз пресловутая «середка» нашего Философа. Причем это вовсе не обязательно «золотая середина». Недаром же в Священном Писании, в Откровении Иоанна Богослова, сказано: «…о, если бы ты был холоден, или горяч! Но тепл ты еси, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст Моих». Важно не то, Добро или Зло являет собою третий полюс — важно, что он есть и придает устойчивость всему построению.

Тысячелетиями в нас вбивалась логика tertium non datur — третьего не дано, что чрезвычайно удобно для воспаленной совести, алчущей однозначных решений. Но мы-то с вами знаем, что болезнь сия порождает инквизиторов да революционеров… Нет — дано! Всегда дано.

Между знанием и незнанием лежит полузнание, опаснейшее из состояний ума. Между верой и неверием (которые, согласно китайской пословице, равновеликие силы) лежит суеверие — опаснейшее из состояний души.

Между Злом и Добром лежит равнодушие — «...но бойся равнодушных, ибо только с их молчаливого согласия совершается всякое зло на Земле»... И в то же время где-то посередине между ледяными шапками Северного и Южного полюсов всегда лежат благодатные тропики — наблюдение не только физико-географическое, но и расширительно метафорическое.

Однако Блиша все это интересовало менее всего. Биполярная модель гораздо более соответствовала его творческому замыслу. Вспомните лемовское утверждение, будто единственным орудием сатаны оказывается в итоге сам Блиш. Интуитивно Лем и в этом оказался очень близок к правде, хотя и ошибся, суди роман с позиций логики и богословия, а не исходя из авторских установок и задач. Блиш не орудие Дьявола. Он — демон-искуситель, извечно оставляющий «след раздвоенного (не растроенного, заметьте!) копыта». Именно таким следом и является финал «Дела совести»: понимай как хочешь. То ли

состоялось изгнание бесов и рассеялось наваждение, то ли грубо материалистически провалился эксперимент физика-двоечника… Понимай; и понимание твое — на твоей совести.

Только — добавлю за Блиша, который с того света ничего уже не скажет — не ищи в романе большего, чем роман. Это ведь только у нас, в России, издавна принято считать, что «поэт больше чем поэт». А в остальном мире поэт — он поэт и есть. И этого больше чем достаточно.

Признаться, я полностью с этим согласен.

А вы?

Андрей Балабуха

